This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

PSlav 460.5 (1902 3-4)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Digitized by Google

Инвентарь № 2713
Шкафъ 6
Полка 1
Место книги на полк 16

Digitized by Google

Digitized by Google

Годъ XI-й. № 3-й.

Принесено 1953 г.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

930

МАРТЪ

1902 г.

ОДИННАДЦАТЬ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

Digitized by Google

5
PSlav 460.5 (1902 3-4)
✓

62 x 2

Дозволено цензурою 25-го февраля 1902 года. С.-Петербургъ

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

		стр.
1.	ПО ЯПОНІИ. (Изъ путевыхъ очерковъ). **Тана**	1
2.	СТИХОТВОРЕНІЕ. ДВА СТРАННИКА. **Сергѣя Маковскаго.**	33
3.	НА ПОВОРОТѢ. Повѣсть. (Окончаніе). **В. Вересаева**	35
4.	ВОСПОМИНАНІЯ ДЕРПТСКАГО СТУДЕНТА. (Изъ недавняго прошлаго). **Е. Дегена**	71
5.	АРТУРЪ ШОПЕНГАУЭРЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ, ФИЛОСОФЪ И УЧИТЕЛЬ. **Фридриха Паульсена.** Переводъ съ нѣмецкаго **Т. Богдановичъ.** (Окончаніе)	106
6.	ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ. (Съ польскаго). Повѣсть. **Г. Даниловскаго.** Пер. **А. И. Я—ъ**	135
7.	СТИХОТВОРЕНІЯ: ПРОБУЖДЕНІЕ. ГРЕБЕЦЪ. **О. Чюминой.**	158
8.	ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. **Родбертусъ.** (Продолженіе). **М. Туганъ-Барановскаго**	160
9.	БУКЕРЪ ВАШИНГТОНЪ. (Автобіографія негра—общественнаго дѣятеля). (Окончаніе). **Л. Гуревичъ**	181
10.	КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ТЕОРІИ ДАРВИНА. **С. Чулока**	205
11.	НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг. (Продолженіе). **Н. Котляревскаго**	229
12.	ТОЛЬКО ЧАСЪ. Разсказъ **А. Крандіевской**	262
13.	СТИХОТВОРЕНІЕ. АЛМАЗЫ. **Скитальца**	278
14.	И. В. МУШКЕТОВЪ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ. **К. Богдановича.**	279

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15.	КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Жизненность гоголевскихъ твореній.—Типы Гоголя въ современной обстановкѣ.—Что измѣнилось по существу со временъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».—Новое идущее на смѣну.—«Служащій», разсказъ г. Елпатьевскаго.—Ростъ личности и человѣческаго достоинства.—Представители этого новаго типа.—Ихъ «узенькая истина» и большія задачи.—Что они теперь и ихъ будущее. **А. Б.**	1
16.	РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Убійство стариковъ въ Россіи.—Нищенскій промыселъ въ Костромской губерніи.—	

Digitized by Google

стр

16. Котлочисты.— Какъ собираются пожертвованія.—Землетрясеніе въ Шемахѣ.—За мѣсяцъ.—Некрологъ. 13
17. Изъ русскихъ журналовъ. («Русская Мысль»—январь. «Вѣстникъ Воспитанія»—декабрь. «Русское Богатство»—январь). 29
18. За границей. Германская общественная жизнь.—Американская фабрика-клубъ.—Конференціи, клубы и митинги въ Англіи.—Исторія одного американскаго репортера.—Изъ области женскаго движенія 36
19. Изъ иностранныхъ журналовъ. Исправленіе преступниковъ и реформа уголовныхъ законовъ.—Женскій трудъ во Франціи.—Неточность свидѣтельскихъ показаній, и опытъ Липпа.—Британская академія.. 47
20. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. Новыя данныя о третьей форменной составной части крови. Проф. А. С. Догеля 52
21. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Стереоскопъ въ астрономіи. К. Покровскаго—О взаимодѣйствіи твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ.—Новая теорія происхожденія конечностей.—Значеніе извести и магнезіи для растеній.—Къ вопросу о рефлекторныхъ движеніяхъ. В. Аг. 58
22. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія.—Философія.—Публицистика.—Справочныя изданія.—Новыя книги. 69
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 100

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной. 65
25. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна. (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками. 65

Digitized by Google

ПО ЯПОНІИ.

(Изъ путевыхъ очерковъ).

I. Хакодате.

Плоская японская шампунка, проворно пробираясь среди безчисленныхъ баржъ и лодокъ, загромождавшихъ гавань, везла насъ къ берегу. Гребецъ стоялъ на кормѣ и проворно вилялъ изъ стороны въ сторону страннымъ кормовымъ весломъ, горбатымъ посрединѣ и ложкообразно выдолбленнымъ у лопатки. Вмѣсто всякой одежды онъ былъ только перепоясанъ узкимъ синимъ полотенцемъ, и его коричневое тѣло, мокрое отъ пота, блестѣло на солнцѣ, какъ вылитое изъ гладкой бронзы. Широкая дуга залива была переполнена шкунами и пароходами. Паровые катера сновали взадъ и впередъ, огромныя баржи, высоко нагруженныя тюками и бочками, тяжело отходили отъ мелководной пристани, сотни шампунокъ и шаландъ шныряли между судами. Пароходовъ было больше сорока. Они принадлежали десятку различныхъ компаній (почти всегда съ небольшой субсидіей отъ правительства) и занимались перевозкой пассажировъ и грузовъ между многочисленными городами и селами, разсѣянными по побережью. Вся Японія живетъ на морскомъ берегу, и сообщеніе производится почти исключительно водою. Поэтому неудивительно, что дѣла хватало всѣмъ. Съ сѣвернаго острова Хокайдо шелъ уголь, металлы, лѣсъ; съ Сахалина и Курильскихъ острововъ — соленая рыба, одинъ изъ главныхъ элементовъ японскаго народнаго питанья; съ юга—мануфактура, желѣзныя издѣлія, рисъ. Я, однако, не предполагалъ, чтобы въ этомъ отдаленномъ углу сѣверной Японіи было такое оживленное торговое движеніе. Русскій Владивостокъ, лежащій прямо черезъ море въ какихъ-нибудь трехстахъ миляхъ къ западу, никоимъ образомъ не могъ сравниться съ этимъ бойкимъ японскимъ городомъ, который даже не составляетъ столицы острова Хокайдо. Кстати сказать, въ школьныхъ географіяхъ островъ Хокайдо почему-то называется старинымъ именемъ Іесо.

Черезъ нѣсколько минутъ мы стояли на берегу, окруженные джин-

Digitized by Google

рикшами, наперерывъ предлагавшими свои услуги. Невзрачный таможенный чиновникъ, маленькій, какъ всѣ японцы, съ форменными пуговицами на платьѣ европейскаго покроя, но съ раскосыми монгольскими глазами, тотчасъ же отогналъ ихъ въ сторону и велѣлъ внести наши вещи въ таможню. Я невольно вспомнилъ, какъ въ прошломъ году во Владивостокѣ, когда мы съѣзжали на берегъ съ иностраннаго парохода, береговой солдатъ разгонялъ китайскихъ лодочниковъ просто длиннымъ кнутомъ, а они даже не обижались и только скалили зубы, когда которому-нибудь попадало половчѣе. Японецъ, по крайней мѣрѣ, не употреблялъ жестовъ для вразумленія.

Начался осмотръ. Я попробовалъ объяснить, что мы ѣдемъ съ сѣвера и направляемся черезъ Хакодате прямо во Владивостокъ, но изъ этого ничего не вышло.

— Хорошо, хорошо!—отвѣчалъ чиновникъ на всѣ мои уговоры.— Развяжите вещи! Я хочу заглянуть въ самое нутро.

Онъ говорилъ по-англійски неувѣренно съ большими запинками и паузами, очевидно, припоминая вокабулы, которымъ его обучали въ спеціальной школѣ. Знаніе англійскаго языка обязательно для японскихъ чиновниковъ; тѣмъ не менѣе, найти человѣка, говорящаго сносно по-англійски, довольно трудно, особенно на западномъ берегу, мало посѣщаемомъ иностранцами. Я попробовалъ обратиться къ помощи другого таможеннаго чиновника, бывшаго моимъ спутникомъ на пароходѣ и говорившаго немного по-русски, но онъ рѣшительно отказался вступиться.

— Нельзя!—внушительно объяснилъ онъ мнѣ.—Европейскій законъ, японскій законъ—все равно!

Такимъ образомъ, пожитки наши были перерыты кверху дномъ самымъ основательнымъ образомъ. Японскіе чиновники вытаскивали бѣлье съ самаго дна чемодановъ, со скромнымъ и сосредоточеннымъ видомъ. Повидимому, они дѣйствительно были не чужды желанія показать иностраннымъ гостямъ, что японскіе таможенные порядки могутъ быть также грубы, какъ и европейскіе. Я вспомнилъ свои разговоры съ господиномъ Кураокой во время шестидневнаго плаванія изъ Петропавловска въ Хакодате. Какъ разъ въ это время на Сандвичевыхъ островахъ произошелъ непріятный инцидентъ съ японскими дамами при таможенномъ осмотрѣ, благодаря необычайной грубости американскихъ чиновниковъ, и японское правительство даже сдѣлало по этому поводу запросъ въ Вашингтонѣ. Господинъ Кураока съ чрезвычайной горечью разсказывалъ мнѣ объ этомъ инцидентѣ и, не умѣя выразить своихъ чувствъ достаточно сильно на русскомъ языкѣ, показалъ мнѣ статью, написанную однимъ интеллигентнымъ японцемъ въ англійской газетѣ, издающейся въ Кобе.

«Насъ считаютъ въ Европѣ кроткимъ племенемъ!—гласила статья.— Не знаю, почему?.. Фигура японскаго самураи (дворянина) никогда не

Digitized by Google

отличалась кротостью. Мы, однако, вполнѣ готовы доказать Европѣ и всему цивилизованному міру безъ всякихъ шутокъ, что мы хотимъ занять мѣсто въ комитетѣ великихъ державъ!..»

Избавившись, наконецъ, отъ таможни, мы отдали свои вещи джинрикшѣ и отправились въ гостинницу по широкой и весьма опрятной улицѣ, прорѣзанной рельсами конки. Городъ выглядѣлъ совсѣмъ прилично. Улицы были проложены совершенно прямо и достаточно широки для движенія пѣшеходовъ и джинрикшей. По угламъ стояли фонари. Цѣлая сѣть телеграфныхъ и телефонныхъ проволокъ могла выдержать сравненіе съ самыми большими губернскими городами Россіи. Мостовыхъ и тротуаровъ не было, но полотно дороги было твердо загрунтовано щебнемъ и посыпано бѣлымъ пескомъ, что, при отсутствіи коннаго движенія, было совершенно достаточно. Улицы были чисто подметены и по случаю жаркаго дня лавочники и лавочницы поливали ихъ водою. Передъ домами были ящики для мусора, откуда особые мусорщики каждое утро выбирали и уносили всякій хламъ. Дома большей частью двухъэтажные, легкой японской постройки, крытые тесомъ или черепицей, были испещрены самими разнообразными вывѣсками съ яркими рисунками рекламъ совсѣмъ американскаго типа. Между замысловатыми очертаніями японскихъ письменъ, похожими на сплетенія живыхъ изгородей, часто виднѣлись и англійскія надписи. Лавки были нисколько не хуже европейскихъ, съ большими окнами и заманчивыми выставками на витринахъ. Вездѣ виднѣлись газовые и электрическіе рожки. На болѣе оживленныхъ мѣстахъ стояли полицейскія будки. Однимъ словомъ, японскій провинціальный городъ Хакодате «въ комитетѣ русскихъ уѣздныхъ городовъ», навѣрное, занялъ бы предсѣдательское мѣсто.

Однако, по этимъ чистымъ и прямымъ улицамъ двигалась и спѣшила толпа совсѣмъ иного, не европейскаго типа. Мужчины въ длинныхъ халатахъ, но безъ штановъ, съ голой грудью и полуобнаженными руками, торопливо шаркали по дорогѣ соломенными сандаліями, подвязанными грубой соломенной же веревкой. Многіе были наги, только съ повязкой у пояса, другіе щеголяли въ короткой рубахѣ безъ штановъ, или, наоборотъ, въ штанахъ, но безъ рубахи. Особенно запомнился мнѣ костюмъ одного старика, состоявшій изъ огромной шляпы, соломеннаго зонтика, зеленыхъ очковъ, похожихъ на лягушечьи глаза, и соломенныхъ сандалій. Женщины въ такихъ же халатахъ, но болѣе яркихъ цвѣтовъ съ широкими поясами, свернутыми сзади въ видѣ неуклюжаго турнюра, стучали по мостовой высокими деревянными башмаками, похожими на низенькія скамейки. На болѣе мягкихъ мѣстахъ дороги отъ этихъ скамеекъ оставались поперечныя бороздки, напоминавшія слѣды лошадиныхъ подковъ. Кстати сказать, я попробовалъ надѣть эту замѣчательную обувь, которую все японское населеніе носитъ въ грязную погоду, и почувствовалъ себя, какъ на ходуляхъ, но

Digitized by Google

японскія дѣвицы шлепаютъ по грязи этими скамейками, какъ ни въ чемъ не бывало, и ихъ бѣлоснѣжные чулочки остаются свободными отъ малѣйшаго пятнышка. Завязки обуви проходятъ между пальцами. Чулки шьются съ отдѣльнымъ большимъ пальцемъ и очень напоминаютъ раздвоенныя бѣлыя копыта. Отъ постояннаго хожденія на этихъ скамейкахъ тѣло японскихъ женщинъ, привыкшее наклоняться впередъ, пріобрѣло особый изгибъ, не лишенный, впрочемъ, граціозности, особенно у молодыхъ дѣвушекъ.

По улицѣ то и дѣло проѣзжали велосипедисты, но и они большей частью были въ соломенныхъ сандаліяхъ и тонкихъ халатахъ, подвернутыхъ у пояса. Вездѣ сверкало голое темнокоричневое тѣло, грубые монгольскіе волосы, косые глаза и широкоскулыя безбородыя лица; дѣвушки были густо набѣлены и надъ каждой головой поднималась хитросплетенная, но довольно безобразная прическа, въ которой широкія пряди волосъ, густо смазанныя пахучимъ масломъ, завязывались, какъ черныя ленты, большими перекрещивающимися бантами. У многихъ женщинъ постарше брови были обриты и зубы окрашены въ черный цвѣтъ въ знакъ отреченія отъ желанія нравиться кому бы то ни было, кромѣ собственнаго супруга. Еще чаще велосипедистовъ пробѣгали джинрикши, проворно сѣменя ногами и волоча за собой колясочки съ большими колесами и клеенчатымъ верхомъ. Ноги ихъ отличались непомѣрнымъ развитіемъ икръ, но лица были покрыты каплями пота и глядѣли измученно. Очевидно профессія лошади достается человѣку не легко, особенно при скудной платѣ десяти, пятнадцати коп. за конецъ. Я потомъ много разспрашивалъ о положеніи джинрикшей; нѣкоторые изъ нихъ, подобно нашимъ извощикамъ, «ѣздятъ» отъ хозяина, которому отдаютъ половину заработка, но такихъ мало. Многіе берутъ колясочку на прокатъ у особаго предпринимателя, которому платятъ четверть йена въ день. (Йенъ почти равенъ нашему рублю и тоже раздѣляется на сто сеновъ, соотвѣтствующихъ нашимъ копейкамъ). Большая часть джинрикшей, однако, беретъ коляски на выплату и, въ концѣ концовъ, пріобрѣтаетъ ихъ въ собственность. Профессія джинрикши не считается японцами особенно пагубной для здоровья, хотя подъ старость у человѣческихъ лошадей развивается одышка и различныя грудныя болѣзни. Есть семьи, въ которыхъ это занятіе переходитъ наслѣдственно отъ поколѣнія къ поколѣнію, но большей частью ряды джинрикшей пополняются неудачниками изъ разныхъ другихъ профессій, которые, оставшись на мели, чувствуютъ себя достаточно крѣпкими, чтобъ приняться за лошадиное ремесло. Мнѣ показывали одного джинрикшу, который нѣкогда былъ студентомъ одной изъ высшихъ школъ, а потомъ замотался, бросилъ ученье, остался безъ гроша денегъ и подъ конецъ попалъ въ извозчики. Это напоминаетъ нашихъ босяковъ, которые тоже занимаются самымъ грубымъ трудомъ.

Digitized by Google

Гостинница, т.-е., собственно, ресторанъ съ номерами, была устроена на европейскій ладъ и содержалась японцемъ, прожившимъ нѣсколько лѣтъ въ С.-Франциско и говорившимъ немного по-англійски. Въ настоящее время такихъ японцевъ простого класса, побывавшихъ за границей, довольно много во всѣхъ самыхъ захолустныхъ углахъ. Скопивъ въ Америкѣ или Владивостокѣ нѣсколько денегъ, благодаря крайней бережливости, они возвращаются на родину и являются проводниками заграничной культуры, устраивая предпріятія, подобныя европейскимъ. Все это мелкіе люди, ремесленники, рыболовы, земледѣльческіе рабочіе, матросы, повара и лакеи, лакеи безъ числа. Люди средняго сословія рѣже попадаютъ за границу, ибо денегъ въ Японіи мало, а заграничная поѣздка стоитъ дорого; даже иностраннымъ языкамъ среднеинтеллигентный японецъ выучивается обыкновенно дома въ различныхъ государственныхъ или миссіонерскихъ школахъ, въ университетѣ въ Токіо, въ высшей школѣ языковъ и т. п. Но дѣти богатыхъ японцевъ, напротивъ, во множествѣ ѣдутъ учиться за границу и къ нимъ нужно присоединить еще тѣхъ, которыхъ правительство или различныя учрежденія и общества посылаютъ на свой счетъ учиться въ Германію, Парижъ или С.-Франциско.

Возвращаясь къ гостинницѣ, можно было бы удивляться ея существованію въ городѣ, гдѣ не бываетъ европейцевъ, но дѣло въ томъ что культурные японцы, наскучивъ своей травяной кухней, съ удовольствіемъ разрѣшаютъ себѣ побаловаться европейскимъ мяснымъ обѣдомъ разъ или два въ недѣлю.

Намъ предстояло прожить въ Хакодате недѣлю въ ожиданіи отхода почтоваго парохода во Владивостокъ, и мнѣ вздумалось добиться разрѣшенія снять нѣсколько фотографій. Русскаго консула не было въ городѣ, ибо онъ проводитъ въ Токіо почти все свое время. Я обратился за совѣтомъ къ его секретарю Кассаварѣ. Это былъ довольно молодой, но тучный японецъ, вразумительно говорившій по-русски, хотя никогда не бывавшій въ Россіи. Русскому языку онъ научился въ Нагасаки, въ школѣ русской миссіи. Жилъ онъ, разумѣется, по японски, т.-е. въ домѣ его не было никакой мебели, и обитатели, снявъ сапоги, ползали по гладкимъ циновкамъ, какъ лягушки. Я не имѣлъ желанія возиться съ противными американскими шнурованными башмаками, а потому мы съ господиномъ Кассаварой только посидѣли на порогѣ его гостепріимнаго жилища. Подумавъ немного, онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ секретарю городского начальника и даже написалъ его адресъ на бумажкѣ для предъявленія джинрикшамъ. Въ то время мы стѣснялись еще ѣздить на людяхъ и просто пошли пѣшкомъ по указанному направленію, а отойдя нѣсколько кварталовъ, предъявили записку первому попавшемуся японцу поинтеллигентнѣе. Немедленно собралась небольшая толпа, которая съ торжествомъ проводила насъ до двери указаннаго дома.

Digitized by Google

Я потомъ много разъ съ одинаковымъ успѣхомъ примѣнялъ это средство. Каждый разъ собиралось пять-шесть импровизированныхъ проводниковъ, которые, успѣшно расшифровавъ загадочные знаки адреса, вѣжливо доставляли меня въ указанное мѣсто и съ пріятной улыбкой уходили прочь.

Секретарь городского начальника говорилъ по-англійски очень порядочно. Онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться съ прошеніемъ къ военному губернатору и самъ вызвался написать прошеніе по-японски. Я прекрасно зналъ по опыту прежнихъ лѣтъ, что изъ прошеній вообще не выходитъ ничего хорошаго, но секретарь былъ такъ любезенъ и такъ усердно рисовалъ тушью на тонкой японской бумагѣ свои хитросплетенныя каракули, что я не могъ устоять и согласился подписать подъ прошеніемъ свое имя.

Съ этой самой минуты начались непріятныя хлопоты, не покидавшія меня вплоть до самаго отъѣзда изъ Хакодате. Оказалось, что военный начальникъ принималъ прошенія гдѣ-то за городомъ ровно въ двѣнадцать часовъ пополудни. Пришлось послать туда посыльнаго, который къ вечеру принесъ отвѣтъ, что начальникъ проситъ меня опредѣлить точно, какія именно мѣста улицъ я думаю снимать.

На другой день я послалъ объясненіе, что хочу снять не улицы, а только нѣсколько японскихъ типовъ и группъ. Начальникъ опять прислалъ запросъ, на какой именно улицѣ я думаю находить свои типы.

На третій день начальникъ прислалъ предложеніе дать мнѣ въ спутники жандарма, который будетъ вести списокъ моимъ снимкамъ. На четвертый день я письменно отказался отъ жандарма, и такъ далѣе безъ конца. Вся эта переписка велась на японскомъ языкѣ большими квадратными письменами самаго лучшаго оффиціальнаго стиля, а въ качествѣ секретаря мнѣ служилъ хозяинъ гостинницы съ его удивительнымъ англійскимъ жаргономъ.

Подъ конецъ мнѣ стало казаться, что грозныя надписи военнаго департамента, развѣшанныя по всѣмъ публичнымъ мѣстамъ Хакодате и запрещающія фотографированіе окрестностей подъ страхомъ строгаго наказанія, относятся спеціально и исключительно къ моей особѣ. Надо замѣтить, что въ Хакодате десятокъ мѣстныхъ фотографій, и за пять центовъ вы можете купить снимокъ любой части города, не исключая и маленькой крѣпости, помѣщающейся на верху горы.

Вообще, въ Японіи военныя власти въ послѣднее время стали весьма нервно относиться къ фотографамъ-иностранцамъ, особенно къ русскимъ, и по этому поводу уже было нѣсколько непріятныхъ инцидентовъ. Въ Нагасаки за недозволенное фотографированіе заочно приговорили къ шестимѣсячному аресту капитана одного большого русскаго парохода. Другой пароходъ, офицеры котораго занимались отъ нечего

Digitized by Google

дѣлать сниманіемъ видовъ въ бухтѣ Хакодате, довольно не двусмысленно попросили удалиться.

— Испугались японки!—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ виновниковъ этого послѣдняго изгнанія.—Раньше приди къ нимъ, что хочешь дѣлай, они только кланяются, да руками себя по колѣнкамъ хлопаютъ, а теперь вотъ имъ *кажется* стало... Высмотрятъ у нихъ, потомъ придутъ и заберутъ все.

Насъ тоже японскіе полицейскіе не оставляли въ покоѣ. Даже на сельскомъ праздникѣ въ пятнадцати миляхъ отъ Хакодате солдаты, наблюдавшіе за порядкомъ, тотчасъ же стали допрашивать нашего возницу, не веземъ ли мы съ собой фотографическаго аппарата. Аппаратъ, дѣйствительно, лежалъ подъ сидѣньемъ и если бы извозчикъ насъ выдалъ, не избѣжать бы намъ ночлега въ японскомъ участкѣ.

Въ часы, свободные отъ хлопотъ по начальству, мы занимались осмотромъ города. Нѣмецкій лейтенантъ, пріѣхавшій на томъ же пароходѣ, попробовалъ взять гида. Явился приземистый японецъ въ европейскомъ костюмѣ и на отвратительномъ англо-японскомъ нарѣчіи отрекомендовался американскимъ джентльменомъ, семь лѣтъ служившимъ въ военномъ флотѣ. При болѣе подробныхъ разспросахъ оказалось, что онъ служилъ лакеемъ на американскомъ военномъ пароходѣ, но въ Хакодате и такая служба за границей сходитъ за отличіе. Онъ сообщилъ намъ далѣе, что въ настоящее время состоитъ главнымъ чичероне американской эскадры въ сѣверной Японіи, но въ виду отсутствія ея имѣетъ много досуга и съ большимъ удовольствіемъ возьмется показать иностраннымъ джентльменамъ достопримѣчательности Хакодате и даже наотрѣзъ отказался говорить о вознагражденіи.

Я, съ своей стороны, послѣ нѣсколькихъ опытовъ съ японскими гидами въ прошломъ году въ Іокогамѣ и Токіо, получилъ къ нимъ такое основательное отвращеніе, что отказался воспользоваться услугами даже этого любезнаго джентльмена. Японскіе гиды вообще набираются изъ отставныхъ лакеевъ, свѣдѣнія которыхъ въ иностранныхъ языкахъ не простираются дальше ресторанныхъ вопросовъ и отвѣтовъ. Разспросить такого гида о чемъ-нибудь внѣ обѣденной сферы совершенно невозможно. Въ лучшемъ случаѣ онъ приведетъ васъ въ храмъ или дворецъ и объявитъ: «это храмъ!.. Здѣсь дворецъ!..» и только. Чаще всего онъ водитъ васъ по магазинамъ японскихъ товаровъ и рѣдкостей, которые ему платятъ процентъ съ каждой покупки, а къ вечеру, если не остережешься, то навѣрное попадешь съ нимъ въ мѣсто, пригодное развѣ для молодыхъ моряковъ, долго не бывавшихъ на сушѣ.

Вмѣсто гида, я старался знакомиться съ болѣе интеллигентными японцами, умѣющими говорить по-англійски, часто также ѣздилъ и ходилъ по городу самъ, вооруженный адресами, записанными на бумажкахъ. Не обходилось, конечно, безъ недоразумѣній; вынешь бумажку

Digitized by Google

и окажется не та... Однажды я настолько перепутал свои адреса, что Хакодате сдѣлался для насъ вродѣ лабиринта и въ концѣ концовъ джинрикши въ полномъ отчаяніи привезли насъ къ Кассаварѣ, который и помогъ разобрать запутанный клубокъ.

Пробовалъ я знакомиться и съ иностранцами, но иностранцевъ въ Хакодате почти нѣтъ. Русскихъ всего двое и то одинъ изъ нихъ шотландецъ, а другой американецъ. Это значитъ, что оба они ведутъ дѣла русскихъ фирмъ изъ Владивостока и Камчатки, немного говорятъ по-русски и потому считаются русскими. Я посѣтилъ и шотландца, и американца. Первый живетъ по-англійски, и дамы въ его домѣ не говорятъ ни по-японски, ни по-русски, второй совсѣмъ объяпонѣлъ, носитъ халатъ и чулки, имѣетъ двухъ женъ и кучу японскихъ дѣтей. Къ сожалѣнію, съ полгода тому назадъ его разбилъ параличъ и съ нимъ можно было говорить только о медицинѣ. Единственное живое чувство, уцѣлѣвшее въ немъ, была ненависть къ Англіи и когда рѣчь случайно коснулась бурской войны, онъ на минуту оживился и сталъ сыпать безцеремонными проклятіями по адресу «старой морской воровки и ея чертовыхъ дѣтей», особенно выдѣляя тѣхъ изъ нихъ, которыя попали въ сѣверную Японію.

Хакодате городъ сравнительно новый. Островъ Хокайдо заселяется японцами только въ послѣдніе тридцать или сорокъ лѣтъ, и еще недавно служилъ мѣстомъ ссылки преступниковъ. Жителей на немъ немногимъ менѣе милліона изъ 46 милліоновъ всего японскаго населенія. Мои японскіе знакомцы единогласно утверждали, что въ такомъ новомъ городѣ нечего смотрѣть и что они могутъ только посовѣтовать мнѣ поѣхать на югъ въ настоящую Японію. Но такъ какъ японская повседневная жизнь интересовала меня гораздо болѣе всѣхъ храмовъ и дворцовъ, то я и въ Хакодате нашелъ такъ же много интереснаго, какъ въ Іокогамѣ и Токіо.

Несмотря на угрозы о жандармѣ, жизнь наша протекала не безъ удовольствія. Погода стояла прекрасная. Было не слишкомъ жарко, что для насъ, пріѣхавшихъ съ сѣвера, было важнѣе всего. Днемъ мы просто ходили по улицамъ, заходили въ лавки, пробовали японскую кухню въ дешевомъ ресторанѣ. Я съ удивленіемъ приглядывался къ внѣшней сторонѣ жизни и все не могъ избавиться отъ недоумѣвающаго чувства.

Жизнь какъ будто совсѣмъ цивилизованная и такъ упорядочена, что хоть и нѣмцамъ впору.

На домахъ номера, на джинрикшахъ тоже, чиновники и солдаты въ европейскомъ платьѣ, конки наполнены народомъ, фабрики съ высокими кирпичными трубами, желѣзныя дороги, телефоны, даже книжныя лавки и типографіи. Прямо противъ окна моей комнаты каждую ночь стучали станки одной изъ ежедневныхъ газетъ, ибо въ Хакодате четыре такихъ газеты, имѣющихъ по двѣ и по три тысячи подписчи-

Digitized by Google

ковъ каждая. А большія газеты въ Токіо имѣютъ даже сотни тысячъ подписчиковъ. И все-таки я никакъ не могъ отдѣлаться отъ чувства инстинктивнаго недовѣрія. Глядя на этихъ маленькихъ проворныхъ людей съ коротенькими движеніями и мелкимъ, но острымъ взглядомъ, мнѣ все казалось, что они играютъ въ европейцевъ, въ большихъ. Одни представляютъ таможенныхъ, другіе газетчиковъ, третьи солдатъ. Жилища съ бумажными стѣнами, игрушечные обѣды, крошечныя сандаліи узкоплечихъ и плоскогрудыхъ женщинъ еще усиливали впечатлѣніе.

Въ другое время мнѣ чудилось, что гдѣ-нибудь въ глубинѣ фабричной машины или пароходнаго котла спрятанъ если не чортикъ, то какой-нибудь маленькій иностранчикъ, который въ сущности руководитъ всѣми такими мудреными дѣлами, а японскіе начальники и свѣдущіе люди существуютъ только для вида. Но, въ концѣ концовъ, мнѣ пришлось таки помириться съ мыслью, что иностранца нѣтъ и что японцы, дѣйствительно, произошли всю нашу, т.-е. не нашу конечно, а европейскую науку, и думаютъ не объ игрѣ, а о барышахъ. Я видѣлъ школьниковъ, которые работали надъ выкладками по алгебрѣ и геометріи. Правда, строки учебниковъ бѣжали сверху внизъ, наполненныя непонятной тарабарщиной, но чертежи были тѣ же, и формулы развивались правильно. На пароходѣ офицеры брали наблюденіе надъ солнцемъ съ тѣми же привычными пріемами, что и на всемъ свѣтѣ. По вечерамъ никого нельзя было увидѣть безъ газеты. Даже джинрикши въ свободное отъ лошадиной работы время читали какіе-то дрянные листки, какъ-то напомнившіе мнѣ петербургскую уличную прессу. Слуги нашей гостинницы такъ прилежно читали газеты, что, въ концѣ концовъ, за отсутствіемъ иностранныхъ газетъ, я сталъ выспрашивать отъ нихъ политическія новости.

Вдобавокъ все было замѣчательно чисто, самые мудреные продукты фабричной промышленности были сдѣланы какъ нельзя болѣе аккуратно и на многихъ надъ медалями различныхъ европейскихъ выставокъ была врѣзана горделивая надпись: made in Japan — сдѣлано въ Японіи. Даже рисовые кули на набережныхъ, плотно зашитые и обвязанные крѣпкими травяными или бамбуковыми веревками, выглядѣли особенно опрятно.

Тѣмъ не менѣе, изъ-подъ этой европейской оболочки постоянно выглядывали иныя черты, не то восточныя, не то, Богъ знаетъ, какія. Нагой поденщикъ, послѣ утомительнаго трудового дня на солнцепекѣ, въ видѣ обѣда доставалъ изъ своей шляпы горсть рису, завернутую въ грязный платокъ. На лимонадной фабрикѣ, устроенной по новѣйшей американской системѣ, паръ былъ замѣненъ четырьмя здоровыми парнями, которые съ утра до вечера топтали колесо, создавая движущую силу. Слѣпые массажисты ходили по улицамъ въ ночной темнотѣ, подавая о себѣ вѣсть невыразимо унылыми звуками призывной мѣдной

Digitized by Google

дудки. Странствующіе монахи въ косматыхъ соломенныхъ мантіяхъ и чудовищныхъ грибообразныхъ шляпахъ, съ колокольчикомъ въ лѣвой рукѣ и небольшой мѣдной урною въ правой, просили милостыню у порога лавокъ. Рядомъ съ ситцевой фабрикой нагая старуха тутъ же на улицѣ пряла узкое полотно на допотопномъ станкѣ; у сосѣдняго порога другая чернила себѣ зубы свѣжеразведенной краской сепіи. Сотни кустарей работали въ полуоткрытыхъ помѣщеніяхъ, выдѣлывая съ восточнымъ терпѣніемъ несравненныя рѣзныя, полированныя и лакированныя издѣлія, а на заднемъ планѣ ихъ незатѣйливыхъ полубумажныхъ жилищъ виднѣлся миніатюрный садикъ въ три аршина шириной, поднятый искусственной горкой, чтобъ выгадать побольше мѣста, съ неизмѣннымъ ручейкомъ воды и крошечнымъ прудкомъ для золотыхъ рыбокъ.

Еще удивительнѣе была японская пища. Патріотизмъ большей части человѣчества имѣетъ, какъ извѣстно, по преимуществу съѣстной характеръ. Даже во всѣхъ спорахъ русскихъ южанъ съ сѣверянами, при которыхъ мнѣ только приходилось присутствовать, съѣстные продукты играли главную роль. Сѣверяне хвастали земляникой и грибами, лососиной и невскимъ сигомъ, южане вспоминали арбузы и малороссійское сало, цитировали помедоры и маслины, крымское вино и кавказскую баранину. Но никто никогда не хвасталъ:—у насъ земство безъ недоимокъ!.. или:—у насъ полиція бойкая!..

Съ этой съѣстной точки зрѣнія японскій патріотизмъ можетъ похвалиться весьма немногимъ. Скота въ Японіи мало; мяса никто не ѣстъ; молока даже въ большомъ городѣ достать довольно трудно. Пища богатыхъ и бѣдныхъ состоитъ изъ риса, бобовъ и различныхъ болѣе или менѣе нехристіанскихъ овощей. Первое мѣсто принадлежитъ корню лотоса, сладость котораго такъ вдохновенно воспѣлъ еще Гомеръ. Я лично нашелъ его приторнымъ и чрезвычайно противнымъ. Маринованная рѣдька, особенная японская капуста, морскія водоросли и, между прочимъ, морская капуста, съ огромными листьями, по вкусу похожими на полусгнившій лубокъ, какіе-то вареные желтые цвѣты, морскіе ежи, моченые въ уксусѣ, морскіе анемоны, морскія кубышки, всевозможные морскіе продукты. Ко всему этому немного соленой или просто сырой рыбы и еще меньше сладкой яичницы. Вмѣсто хлѣба вареный рисъ, иногда смѣшанный съ уксусомъ и спеціями, вмѣсто соуса густая черная соя, полученная отъ броженія перегнившихъ бобовъ, и все это подается въ десяткахъ миніатюрныхъ чашечекъ съ палочками вмѣсто вилокъ и кускомъ бумаги вмѣсто салфетки. Улучшеніе обѣда направлено на измѣненіе формы, а не сущности. Являются лакированные подносы и эмалированныя палочки для ѣды, свѣжіе и искусственные цвѣты, овощи нарѣзаны тоньше и причудливѣе, рисъ подаетъ особо назначенная дѣвица съ монументальной прической, но для европейскаго желудка во всемъ этомъ мало утѣшенія. И вдобавокъ какія миніатюр-

Digitized by Google

ныя порціи.. Послѣ трехъ или четырехъ сеансовъ, видя, какъ окружающіе люди относятся серьезно къ этой игрѣ въ обѣдъ, понемногу начинаешь привыкать и находить въ немъ своеобразный вкусъ. Однако, предубѣжденіе остается. Я знаю много примѣровъ европейцевъ, которые женились на японкахъ, приняли японское гражданство и ведутъ японскій образъ жизни, но все это люди желчные и худощавые, равнодушные къ своему обѣду и пищеваренію. Тѣ же изъ нихъ, которые пожирнѣе, ходятъ въ европейскій ресторанъ.

Мнѣ пришлось раза два обѣдать въ семействахъ моихъ японскихъ знакомцевъ. До обѣда мы вели умные разговоры, говорили другъ другу вѣжливости, разсматривали старинныя гравюры и современныя цвѣтныя фотографіи, восхищались древними мечами и чудесными рѣзными коробочками, перебирали свитки старинныхъ книгъ и фантастически вышитыхъ матерій и все время я какъ-то чувствовалъ, что преферансъ за хозяевами. Они были грамотнѣе меня и объясняли мнѣ значеніе японскихъ буквъ. Каждый изъ нихъ умѣлъ рисовать (японецъ, кажется, рождается съ этимъ умѣніемъ). Даже комплименты они сочиняли гораздо лучше меня. Подъ конецъ я совсѣмъ палъ духомъ и даже похвалилъ странную какофонію въ минорномъ тонѣ, которую японцы называютъ музыкой. Но когда подали обѣдъ, я опять расцвѣлъ и воспрянулъ. Эти подносики съ лотусовымъ корнемъ и кусочками желе изъ раковинъ показались мнѣ такъ жалки, что я немедленно почувствовалъ себя членомъ здоровой кавказской расы, питающейся густымъ хлѣбомъ и солиднымъ мясомъ съ широкихъ блюдъ, разставленныхъ на большихъ крѣпкихъ столахъ.

Тѣмъ не менѣе японская жизнь въ такихъ захолустныхъ углахъ не лишена своеобразной привлекательности. Что-то античное, родственное древней Элладѣ чувствуется въ этой эстетической странѣ, засыпанной цвѣтами и залитой теплымъ солнцемъ. Все обладаетъ художественностью, начиная съ ландшафта и кончая дешевой бездѣлушкой для украшенія, хотя стиль и вкусъ другой, не арійскій. Яркія ткани красиво разрисованы цвѣтами, золотыя и шелковыя вышивки подобраны съ необычайной тонкостью оттѣнковъ. Кладбища, храмы и частные дома утопаютъ въ зелени. Улицы расцвѣчены радужными фарфоровыми фонарями, звенящими, какъ эоловы арфы, при каждомъ дуновеніи вѣтра, и молодыя дѣвушки, покачивающіяся на своихъ высокихъ сандаліяхъ, похожи на рѣдкіе цвѣты на тонкихъ высокихъ стебляхъ, и на каждомъ общественномъ праздникѣ дѣвичьи костюмы яркостью и подборомъ красокъ затмѣваютъ цвѣточныя клумбы садовъ.

Художественность глубоко проникла въ народные вкусы и самый бѣдный крестьянинъ откажется отъ лишней горсти риса за обѣдомъ, чтобы пріобрѣсти пару яркихъ гравюръ, лакированную коробку, цвѣтной поясъ для жены или рѣзной гребень для дочери.

Слабѣе всего музыка, хотя любимые струнные инструменты, *семисенъ*

Digitized by Google

и *кото*, отличаются изяществомъ формы и украшаются драгоцѣнною рѣзьбой по дереву и кости. Крестьяне употребляютъ камышевыя и бамбуковыя дудки.

Мнѣ запомнился во время одной изъ загородныхъ поѣздокъ молодой крестьянскій подростокъ. Его красивое юношеское тѣло было небрежно перепоясано полотенцемъ, онъ сидѣлъ на изгороди поля, заросшаго лотосомъ, и негромко игралъ на маленькой тростниковой свирѣли, а большіе бѣлые и розовые цвѣты въ тактъ покачивали своими лѣнивыми головами. Онъ мелькнулъ предо мной, какъ идиллія Ѳеокрита, внезапно претворенная въ дѣйствительность въ этой замѣчательной странѣ, гдѣ крайній востокъ Азіи соприкасается съ крайнимъ западомъ Америки и кирпичные фасады заводовъ возникаютъ рядомъ со статуями Будды среди древнихъ рощъ, посвященныхъ тишинѣ, дремотѣ и красотѣ.

Большіе города южной Японіи, съ своей стороны, напоминаютъ Александрію или Антіохію. Въ прошломъ году мнѣ случилось нѣсколько часовъ скитаться въ веселомъ кварталѣ Токіо, который самъ по себѣ составляетъ особый городъ съ тридцатитысячнымъ населеніемъ. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ всѣ улицы и переулки представляли рядъ большихъ клѣтокъ съ позолоченной рѣшеткой. За рѣшеткой на паркетной изукрашенной платформѣ сидѣли живые цвѣтники на соблазнъ прохожимъ. Всѣ щеки были набѣлены тончайшей рисовой пудрой, черные волосы блестѣли, губы, по японской модѣ, были сложены въ видѣ поцѣлуя. Вездѣ мелькали яркіе шелка костюмовъ, хитросплетенныя прически, длинныя рѣзныя ручки семисеновъ. Мѣстами у самой рѣшетки сверкали плутоватые черные глаза и задорныя губки безпечно пересмѣивались съ мужчинами, толпившимися на улицѣ. Часто попадались наивныя дѣвичьи лица съ простодушной улыбкой и тихимъ весельемъ во взглядѣ, какъ будто кругомъ былъ мирный деревенскій ландшафтъ, а не веселый кварталъ шумнаго столичнаго города.

Это тоже былъ уголъ античной эпохи, одинаково чуждый нашимъ тяжелымъ цивилизованнымъ порокамъ и колючимъ сѣвернымъ рефлексамъ совѣсти. Специфическій хмѣльной и блудливый угаръ, окутывающій по ночамъ грѣшныя стогны европейскихъ столицъ, здѣсь не существовалъ. Небо было слишкомъ ясно, яркія краски сплетались изящно, лица смотрѣли беззаботно, смѣхъ звенѣлъ слишкомъ заразительно.

Когда солнце склонялось къ вечеру, мы отправлялись купаться на теплые ключи верстахъ въ восьми отъ города. Ѣхать приходилось по конкѣ, которая идетъ очень скоро и стоитъ необыкновенно дешево, отъ одной до трехъ копеекъ за билетъ, смотря по разстоянію. Надъ ключами построены пять или шесть легкихъ гостинницъ, имѣющихъ каждая особую купальню. Японцы вообще чистоплотны и моются почти каждый день. Въ городахъ на каждомъ шагу бани, но чистоплотность эта имѣетъ особые законы и даже въ самыхъ лучшихъ баняхъ горячая вода въ ваннѣ перемѣняется только дважды въ день.

Digitized by Google

На теплыхъ ключахъ, при изобиліи бѣгущей воды, ванны были устроены такъ, что нижняя вода застаивалась, а перемѣнялись только верхніе слои.

Мнѣ, впрочемъ, больше нравились морскія купанья. Нагіе ребятишки, во множествѣ копошившіеся на пескѣ, собирались отовсюду и напряженно слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ. Теплая волна пріятно обмывала тѣло. Вода была такъ прозрачна, что можно было ясно различить каждый камешекъ на днѣ. Въ глубинѣ гавани тихонько плыли сотни рыбачьихъ лодокъ, занятыхъ промысломъ. Иныя изъ нихъ уходили въ открытое море, распустивъ по вѣтру четвероугольные паруса, сшитые изъ циновокъ. Группы рыбаковъ копошились у берега, вытаскивая невода, долгіе и чрезвычайно частые, откуда не можетъ выйти даже самая мелкая рыбешка. Женщины бѣжали къ берегу съ коромысломъ и парой корзинъ на плечѣ, готовыя унести добычу наверхъ. Было тихо, ясно; спокойная вода блестѣла, какъ зеркало, какъ будто въ эту залитую солнцемъ гавань никогда не заходятъ ни бури, ни дурныя извѣстія.

Часовъ съ семи или съ восьми мы отправлялись въ театръ, или просто въ балаганъ. Театровъ въ Хакодате четыре, хотя, по японскимъ понятіямъ, всѣ они довольно плохи. Порицаніе относится преимущественно къ бѣдности декорацій и машинъ, но игра актеровъ показалась мнѣ не хуже, чѣмъ въ большихъ театрахъ въ Іокагамѣ или Нагасаки. Японскій театръ, конечно, во многомъ отличается отъ европейскаго, но въ своемъ родѣ, пожалуй, не хуже. Декораціи вообще наивны, и малѣйшее измѣненіе положеній требуетъ опущеннаго занавѣса и перерыва. Напр., въ одной сценѣ героиня, преслѣдуемая разбойниками, бросается со скалы въ море. Декорація: скалы въ видѣ картонныхъ скамеекъ, море предствлено внизу фестонами зеленой бумаги съ зубчатыми «пѣнистыми» краями. Занавѣсъ падаетъ и черезъ пять минутъ поднимается. Фестоны пѣнистой бумаги занимаютъ всю сцену. Героиня падаетъ и даже не падаетъ, а какъ-то неуклюже бухается сверху, сверкнувъ сандаліями въ воздухѣ и немедленно принимается барахтаться среди зеленыхъ бумажныхъ волнъ. Выплываетъ лодка. Двое гребцовъ бросаются въ море и вытаскиваютъ героиню. Всѣ они въ развѣвающихся платьяхъ и всѣ вышли сухими изъ воды, даже ни одна складка шелковаго пояса не смялась. Только лодка настоящая рыбачья, очевидно, взятая прямо съ берега.

Зато вся сцена вращается при помощи особаго приспособленія, и смѣна декорацій происходитъ гораздо быстрѣе, чѣмъ у насъ. Представленіе продолжается необыкновенно долго, но состоитъ изъ короткихъ, быстро смѣняющихся явленій, публика забирается въ театръ съ утра, съ маленькими дѣтьми, обѣдомъ и даже подушками и располагается, какъ дома. Всѣ сидятъ, конечно, на циновкахъ, и видъ партера, разгороженнаго на клѣтки и наполненнаго японками, сидящими на корточкахъ, весьма

Digitized by Google

своеобразенъ. Однажды мы попали въ театръ часа въ три пополудни, просидѣли тамъ до восьми, видѣли конецъ драмы и начало комедіи, всего по меньшей мѣрѣ явленій двадцать. Потомъ не могли болѣе выдержать и ушли. Когда въ двѣнадцать часовъ ночи мы опять проходили мимо театра, онъ все еще свѣтился, джинрикши стояли у воротъ, и люди входили и выходили.

Иногда одно и то же представленіе длится два и три дня, но тогда приходится на каждый слѣдующій день брать новый билетъ.

Я былъ много разъ въ японскомъ театрѣ и въ моей памяти осталось нѣсколько привлекательныхъ картинъ. Помню, напр., молодую влюбленную чету, которая, спасаясь отъ преслѣдованія враговъ, проходитъ въ зимнюю вьюгу темнымъ лѣсомъ. На нихъ обычная японская, болѣе чѣмъ легкая одежда. Снѣгъ валитъ сверху густыми хлопьями, что изображается паденіемъ мелкихъ клочковъ тонкой бумаги. Влюбленные идутъ медленно, прижимаясь другъ къ другу и укрываясь отъ вьюги желтой рогожей, плотной и оттопыренной, какъ лубъ. Это обычная защита отъ непогоды, употребляемая всѣмъ японскимъ простонародьемъ. Рогожа узка на двоихъ, порывъ вѣтра налетаетъ сбоку, и путники инстинктивно прижимаются другъ къ другу еще тѣснѣе. Взгляды ихъ встрѣчаются и слегка улыбаются одинъ другому. Герой только что спасся изъ заточенія, а въ слѣдующемъ явленіи, не болѣе, какъ черезъ пять минутъ, его должны ранить и взять въ плѣнъ. Но въ настоящую минуту они вмѣстѣ и имъ хорошо.

Другая картина. Сельскій праздникъ. Луна, изображаемая круглымъ фонаремъ изъ масленой бумаги, тихо свѣтитъ. Сцена изображаетъ деревенскую улицу. Легкая линія домовъ утопаетъ въ цвѣтахъ. Среди дороги молодыя дѣвушки водятъ хороводъ, взявшись за руки и переступая другъ за другомъ. Нѣсколько молодыхъ парней смотрятъ. Хороводъ смыкается, размыкается. Дѣвушки въ тактъ плещутъ руками и постукиваютъ сандаліями. Парни тоже хотятъ присоединиться, но дѣвушки ихъ не принимаютъ. Тогда парни заводятъ собственный хороводъ, который скоро начинаетъ переплетаться съ дѣвичьимъ, выдѣлывая различныя сложныя фигуры. Луна восходитъ все выше. За сценой раздается рожокъ. Показываются скороходы. По сценѣ проносятъ въ полуоткрытомъ паланкинѣ стараго бонзу съ длинной остроконечной бородой. Хороводъ разошелся во всю и не хочетъ остановиться. Бонза выходитъ изъ паланкина, любуется, потомъ понемногу начинаетъ подплясывать, потомъ присоединяется къ хороводу и попадаетъ на средину. Въ избыткѣ восторга онъ снимаетъ верхній халатъ и подворачиваетъ нижнія полы, показывая присутствующимъ тощія голыя ноги, и начинаетъ выплясывать нѣчто похожее на присядку. Дѣвушки смѣются. Монахъ хочетъ поймать одну, дѣвушки съ визгомъ разбѣгаются, а парни хватаютъ монаха, сажаютъ его въ паланкинъ, одинъ изъ нихъ отнимаетъ у трубача рожокъ и трубитъ изо всей силы.

Digitized by Google

Парни подхватываютъ паланкинъ и относятъ его съ дороги на топкое рисовое болото, а сами уходятъ назадъ. Хороводъ опять начинается. Носильщики и скороходы присоединяются къ нему. Монахъ пробуетъ вылѣзть изъ паланкина, но проваливается въ грязь, пытается выкарабкаться, не можетъ и остается стоять неподвижно съ вытаращенными глазами. Занавѣсъ.

Вмѣсто театра мы нерѣдко попадали въ балаганъ. Здѣсь боролись и фехтовали атлеты, а акробаты показывали различныя штуки. Какъ и европейскіе артисты этого рода, всѣ они были одѣты въ плотно облегающее платье въ родѣ трико, но, въ видѣ отличія, не имѣли обуви, и всѣ четыре конечности работали у нихъ съ одинаковымъ усердіемъ. Особенно одинъ мальчикъ съ щуплымъ и вертлявымъ тѣломъ, карабкавшійся вверхъ по неустойчивой колоннѣ пустыхъ боченковъ, совсѣмъ напоминалъ обезьяну.

Но интереснѣе всего была толпа, наполнявшая кварталъ, гдѣ сосредоточены балаганы и другія увеселительныя заведенія. Все это были фабричные рабочіе и кустари, окончившіе свой двѣнадцатичасовой рабочій день. Они фланировали съ такимъ безпечнымъ видомъ, какъ будто имъ вовсе не нужно было вставать, чѣмъ свѣтъ. Но японцы вообще спятъ очень мало. На улицахъ было тѣсно, особенно на перекресткахъ. На каждомъ шагу попадались продавцы сладостей, дешевыхъ плодовъ, печеной кукурузы. Странствующій шарлатанъ восхвалялъ чудесное дѣйствіе своихъ лѣкарствъ, точь-въ-точь, какъ я это видѣлъ въ прошломъ году въ С.-Франциско. Немного подальше нищій художникъ, поставивъ на землю два фонаря, рисовалъ передъ толпою любопытныхъ картину, высыпая по очереди изъ горсти тонкую струю песку различныхъ цвѣтовъ, то краснаго, то чернаго, то зеленаго. Еще дальше плясали вмѣстѣ мальчикъ, ученая крыса и ученая обезьяна. Другой мальчикъ продавалъ фонари изъ цвѣтной бумаги, третій дешевыя игрушки. Тутъ же книгоноши торговали книжками и лубочными картинками. Вездѣ ѣли, шутили, смѣялись. Пьяныхъ, однако, не было, полицейскихъ тоже.

Недѣля, которую мы прожили въ Хакодате, была въ родѣ нашей Ооминой, посвящена поминовенію родителей. Каждый вечеръ вереницы женщинъ, искусно причесанныхъ и разряженныхъ, отправлялись изъ города въ ту сторону бухты, гдѣ находятся кладбища. Богатыя ѣхали на джинрикшахъ, по-двое, иногда по трое въ одной колясочкѣ, благо японскія женщины вообще малы и легки, бѣдныя шли пѣшкомъ, но всѣ несли съ собой узелки съ пищей, назначенной для поминокъ. Я нѣсколько разъ проходилъ за ними къ могиламъ, которыя обыкновенно обнесены оградой и увѣнчаны небольшимъ каменнымъ столбикомъ. Кладбища, обыкновенно безлюдныя, теперь пестрѣли народомъ. Почти у каждой могилы стояла на камняхъ или лежала ничкомъ молчаливая женская фигура; мужчинъ вообще было мало, кромѣ монаховъ.

Digitized by Google

На каменныхъ ступенькахъ памятниковъ была обильно разложена самая разнообразная японская ѣда, рисъ, лотусъ, бобы, пирожки изъ рисовой муки и т. п. Пониже были прилѣплены зажженныя восковыя свѣчи. Толстые монахи въ рясахъ и даже въ золотныхъ ризахъ пѣли, какъ будто служа панихиду. Поближе ко мнѣ басилъ густой октавой высокій, грузный старикъ. Женщина протянула ему свертокъ мѣдной монеты въ сѣрой бумажкѣ. Онъ на ходу ощупалъ деньги и, не переставая возглашать, сунулъ деньги въ карманъ. Вмѣстѣ съ молящимися по кладбищу разбредались нищіе, тоже женщины по преимуществу. Онѣ собирали съ могилъ рисъ и овощи и складывали въ холщевой мѣшокъ у пояса. Иныя въ своей жадности не дожидались даже ухода молившихся и сразу принимались сгребать рисъ, дѣйствуя длиннымъ скребкомъ на кривой деревянной ручкѣ.

Въ концѣ поминальной недѣли пріѣхалъ въ Хакодате генералъ-губернаторъ острова Хокайдо изъ японскихъ принцевъ крови. Я нѣсколько разъ встрѣчалъ его на улицѣ. Это былъ очень маленькій, совсѣмъ крошечный японскій принцикъ, съ лицемъ желтымъ и сморщеннымъ, какъ лимонъ, и небрежными манерами. Онъ выступалъ впереди своей свиты съ необыкновенно гордымъ и скучающимъ видомъ и кисло поглядывалъ на толпу. Адъютанты его были все военные и о, верхъ красоты!—лицо одного изъ нихъ было украшено густыми черными бакенбардами, которые были разчесаны по волоску и блестѣли отъ помады. Одинъ изъ моихъ японскихъ знакомцевъ былъ положительно влюбленъ въ эти бакенбарды и съ восторгомъ утверждалъ, что на всемъ островѣ Хокайдо нѣтъ другихъ, столь же густыхъ.

Городъ въ честь пріѣзда принца устроилъ увеселеніе, надо сказать правду, въ высшей степени нелѣпое. На главной площади передъ дворцомъ устроили небольшой навѣсъ, гдѣ нѣсколько борцовъ и клоуновъ усердствовали, смѣша публику, и, наконецъ, успѣли-таки вызвать улыбку на высокія уста путника. Я стоялъ среди нотаблей города, которые по этому случаю одѣлись въ европейское платье, но и они смѣялись и ликовали, какъ дѣти. Потомъ адъютантъ принца раздавалъ на память толпѣ пестрыя бумажныя салфетки. Послѣ того какой-то старикъ въ платьѣ жокея около получаса проѣзживалъ передъ принцемъ довольно плохую рыжую лошадь. Толпа усердно глазѣла, но принцъ, наскучивъ зрѣлищемъ, всталъ съ мѣста и, усѣвшись въ колясочку, уѣхалъ въ карьеръ на пристань. Вмѣсто четверки лошадей его везли четверо крѣпкихъ джинрикшей; адъютанты ѣхали каждый на парѣ. Въ знакъ праздника джинрикши были одѣты во все бѣлое, и очень плохая музыка играла жиденькій тушъ. На другой день принцъ уѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Саппоро, столицу острова Хокайдо, а мы на японскомъ почтовомъ пароходѣ отправились на западный берегъ Нипона по пути къ Владивостоку.

Digitized by Google

II. Нійгата.

Японскій почтовый пароходъ совершаетъ ежемѣсячные рейсы между Корсаковскимъ портомъ на Сахалинѣ и Владивостокомъ, заходя по пути въ нѣсколько японскихъ городовъ на западномъ берегу. Поѣздка предполагалась не спѣшная, ибо въ каждомъ изъ этихъ городовъ пароходъ останавливается на сутки, а въ Нійгата даже на трое сутокъ. Мнѣ, впрочемъ, было не безынтересно посмотрѣть на эту малоизвѣстную, не казовую часть Японіи и я не сѣтовалъ на медленность японскаго парохода. Пассажировъ было много во всѣхъ трехъ классахъ, благо японская пароходная плата вообще невысока, даже вмѣстѣ съ табльдотомъ. Изъ европейцевъ, кромѣ насъ, было двое англичанъ, миссіонеръ съ миссіонершей, которые раньше работали отдѣльно, а теперь соединили свои усилія вмѣстѣ, вступивъ въ законный бракъ. Оба они были очень похожи другъ на друга, плотные, неуклюжіе и очень бѣлобрысые. Миссіонеръ былъ въ короткихъ штанахъ и чулкахъ, супруга его носила такія короткія юбки, что ея большіе желтые башмаки постоянно выставлялись наружу, и съ нѣкотораго отдаленія казалось, что она тоже носитъ штаны и чулки. Бѣлая кожа англичанки была покрыта отъ загара огромными веснушками, похожими на змѣиныя пятна. Особенно ея круглыя руки высовывались изъ короткихъ рукавовъ, какъ пара большихъ сытыхъ змѣй, отдыхающихъ на солнцѣ. Мы немедленно познакомились. Имя миссіонерской четы было Джеррисъ. Они ѣхали изъ небольшого городка внутренней части острова Хокайдо, гдѣ находилась ихъ нива, и направляли стопы въ Токіо на съѣздъ протестантскаго духовенства. Оба они были японскіе старожилы. Супругъ прожилъ въ Японіи шестнадцать лѣтъ, а супруга двѣнадцать.

Оба умѣли порядочно говорить и писать по-японски, какъ сокращенной азбукой кана, такъ и сложными китайскими письменами. Супруги производили впечатлѣніе порядочныхъ и безобидныхъ людей, но настроеніе у нихъ было постоянно приподнятое, даже нѣсколько восторженное.

— Господь благословилъ нашу ниву! — повторяли они. — Вертоградъ растетъ!.. Души уловляются изъ-подъ власти злого и обращаются къ истинѣ...

— Сколько же у васъ обращенныхъ?—полюбопытствовалъ я.

— Двадцать тысячъ!—отвѣтилъ мистеръ Джеррисъ.—Однихъ протестантскихъ вѣроисповѣданій...

— Неужели на островѣ Хокайдо двадцать тысячъ протестантовъ?—искренно изумился я.

— Не въ одномъ только Хокайдо,—поправилъ мистеръ Джеррисъ,—но также въ Токіо, Йокогамѣ и другихъ городахъ...

Я понялъ, что сдѣлалъ неловкость...

Digitized by Google

— Вамъ, быть можетъ, кажется, что это мало?—прямо спросилъ мистеръ Джеррисъ.

Я промолчалъ.

— Заблужденіе!—доказывалъ мистеръ Джеррисъ.—Господь благословилъ нашу ниву, вертоградъ растетъ!.. И давно ли мы работаемъ!.. Лѣтъ пятнадцать, двадцать... *Общество двадцатаго вѣка* пожнетъ обильную жатву.

— Какое общество?—спросилъ я, не понимая.

— Мы основали въ Токіо!—объяснилъ мистеръ Джеррисъ.—Англійскіе миссіонеры!.. Христіанское общество спеціальныхъ усилій двадцатаго вѣка...

— Какія же могутъ быть еще спеціальныя усилія? — полюбопытствовалъ я.

— Всѣ усилія хороши—на службу истинѣ! — отвѣтилъ Джеррисъ нѣсколько загадочно.

— Мы вотъ процессіи устраиваемъ!— прибавилъ онъ, помолчавъ.— Со знаменами... Барабаны впереди, молодые люди поютъ гимны... Толпа валомъ валитъ до самой церкви. Въ церкви проповѣдь. Кое-кто уйдетъ, а болѣе слушаютъ, японцы большіе охотники до проповѣдей. А потомъ проповѣдникъ и объявитъ: «это начало спасенія, а если хотите, чтобъ мы васъ совсѣмъ спасли, дайте свое имя и адресъ!..» Пять тысячъ человѣкъ въ Токіо дали свой адресъ въ двѣ недѣли!.. Видимая Божья благодать!..—прибавилъ онъ, закатывая глаза.

А какъ же правительство?—полюбопытствовалъ я.—Не вмѣшивается?

— Правительство намъ вѣритъ!—увѣренно сказалъ мистеръ Джеррисъ.—Есть, напримѣръ, въ Японіи законъ. Старухи семидесяти лѣтъ, бѣдныя то-есть, получаютъ пенсію, три рубля въ мѣсяцъ... Въ городѣ, гдѣ мы живемъ, намъ поручили раздавать эти деньги. Мнѣ губернаторъ самъ говорилъ: «ваша вѣра меня не касается, но я надѣюсь, вы не украдете!..»

— А жрецы?—спросилъ я.

— Что жрецы!—пренебрежительно сказалъ мистеръ Джеррисъ.— Вы что думаете, японцы въ буддизмъ вѣрятъ?.. Японская вѣра въ другомъ мѣстѣ. Государство у нихъ вѣра, микадо у нихъ богъ, будущность Японіи евангеліе. Это я вамъ скажу такой патріотизмъ, какого и въ Европѣ нигдѣ нѣтъ...

Я невольно усомнился.

— Я вамъ примѣръ приведу,—сказалъ мистеръ Джеррисъ.—Слышали ли вы о пасторѣ Наоми Тамура, какъ его японскій соборъ ординаціи лишилъ?

— Какой соборъ?—спросилъ я.—Буддійскій?..

— Нѣтъ, христіанскій,—возразилъ Джеррисъ,—но только особый японскій.

Digitized by Google

— Развѣ есть особое японское христіанство? — съ удивленіемъ спросилъ я.

— Какъ же!—сказалъ Джеррисъ.—Они давно отдѣлились, миссіонеры сами по себѣ, а они сами по себѣ, зовутъ себя «національная церковь», да и миссіонеры у нихъ есть свои, особые.

— А кто такой Наоми Тамура?—спросилъ я.

— Пасторъ пресвитеріанскій! —объяснилъ Джеррисъ.—Очень образованный человѣкъ, честный, а главное прямой: что думаетъ, то и скажетъ.

— Его и наши не любятъ многіе—наивно закончилъ онъ.

— И ваши тоже?—переспросилъ я.

— Онъ ужъ слишкомъ прямо!—извиняющимъ тономъ сказалъ Джеррисъ.—Вѣдь и въ писаніи сказано: нѣтъ правды въ людяхъ!.. Что хорошаго?..

— Какъ же это прямо?—приставалъ я.

— А вотъ какъ!—тянулъ Джеррисъ.—Послали его въ Америку доучиться. Годъ онъ тамъ пробылъ. Пріѣхалъ назадъ, написалъ книжку объ Америкѣ. Другіе миссіонеры послѣ того ему руку подавать перестали, американскіе то-есть.

— Что же онъ написалъ—полюбопытствовалъ я—ложь или правду?

— Кому нужна его правда? — вмѣшалась вдругъ мистриссъ Джеррисъ.—Отъ злого сердца онъ... Вотъ я захочу, съѣзжу въ Россію, да напишу книгу, пожалуй и вы тоже сердиться станете...

— Это что! — примирительно сказалъ мужъ.—А вотъ онъ въ Америкѣ книжку написалъ по-англійски: *Японская невѣста*, описываетъ семейную и брачную жизнь въ Японіи, — за нее вѣдь его и выкинули, цѣлая травля началась.

— Что же онъ такое написалъ?—заинтересовался я—необыкновенное что-нибудь?..

— Напротивъ, самое обыкновенное!—возразилъ Джеррисъ.—Какъ бываетъ у нихъ, такъ и описалъ... Плохая семья у японцевъ, дешевая. Никто никого не любитъ, все разсчеты какіе-то мелочные. Даже невѣстъ они продаютъ дешево... Ну онъ все это и написалъ.

— Какъ же его выкинули?

— Да затѣялъ онъ книжку на японскій языкъ переводить, съ того и переполохъ поднялся. Общество молодыхъ людей въ Токіо, при соборѣ, состоитъ пресвитеріанскомъ, такъ даже клятву приняло не ѣсть и не спать, пока Наоми не будетъ наказанъ.

По писанію,—прибавилъ онъ, улыбаясь,—какъ евреи противъ Павла.

— Вечеромъ парламентъ собрался и синодъ собрался. Парламентъ рѣшилъ: государственная измѣна, запретить книгу! Синодъ рѣшилъ лишить Наоми священства. Знаете ли, въ пресвитеріанской церкви трудно священства лишить, только два пункта есть—ересь или безнравственная жизнь.

— Живетъ Наоми аскетомъ, что наживетъ, бѣднымъ отдаетъ, док-

Digitized by Google

трина у него, какъ его выучили, такъ онъ и держитъ, насквозь ортодоксальная.—Такъ вѣдь не думали нисколько, лишили, да еще и приговоръ написали особенный: «лишается священства Наоми Тамура за то, что написалъ дурную правду о своемъ отечествѣ. Нарушеніе домашнихъ тайнъ—худшая ересь».

Меня невольно заинтересовала фигура этого замѣчательнаго японскаго попа, успѣвшаго вооружить противъ себя и свѣтскія и духовныя власти, японскихъ христіанъ и американскихъ миссіонеровъ при помощи «дурной правды».

— Гдѣ же онъ теперь?—спросилъ я.—Уѣхалъ?

— Паства не пустила!—возразилъ Джеррисъ.—Очень ужъ онъ популярный человѣкъ въ Токіо. Даже изъ церкви они выдѣлились и живутъ сами по себѣ, а онъ все у нихъ пасторомъ. Обращенныхъ у него много, придется скоро вторую общину устраивать.

— А какъ живутъ японскіе христіане?—спросилъ я.

— Какъ же имъ жить?—переспросилъ мистеръ Джеррисъ.—Какъ всѣ японцы, такъ и живутъ. Вотъ воскресный день соблюдаютъ. А впрочемъ и нехристіане иные соблюдаютъ воскресный день,— возразилъ онъ самъ себѣ.

— Какъ такъ?—спросилъ я.

— Правительственныя учрежденія соблюдаютъ воскресный день. Чиновники, рабочіе... Иные привыкать стали... отдыхъ у нихъ, въ родѣ праздника...

— Въ чемъ же отличіе христіанъ?—спросилъ я довольно наивно.

— Они въ Христа вѣруютъ,—сказалъ мистеръ Джеррисъ съ легкимъ упрекомъ,—въ церковь ходятъ, проповѣдь слушаютъ, все какъ слѣдуетъ. Вонъ у японскихъ пресвитеріанъ свои миссіонеры есть — мужчины и женщины.

— А женщины откуда?—полюбопытствовалъ я.

— Женщинъ почти половина,— объяснилъ мистеръ Джеррисъ.— Это очень легко. У насъ тоже, у англійскихъ миссіонеровъ, цѣлое общество есть, библейское общество японскихъ женщинъ. Тоже все проповѣдницы Божьяго слова.

— Откуда же вы ихъ берете?— полюбопытствовалъ я.

— Это очень просто!—объяснилъ мистеръ Джеррисъ.—Знаете, японское простонародье все-таки очень бѣдно, много дѣтей трудно прокормить, ну они не прочь отдать, если кто возьметъ, конечно, дѣвочку, а не мальчика. Тѣмъ болѣе намъ, у насъ все-таки дѣти прокармливаются лучше, чѣмъ дома.

— Это, должно быть дорого стоитъ!—замѣтилъ я.

— Нѣтъ!—возразилъ Джеррисъ.—Въ Японіи жизнь дешевая, особенно если по-японски жить... Зато вѣдь изъ нихъ проповѣдницы выходятъ, онѣ къ намъ всѣхъ нашихъ женщинъ привлекли.

— А развѣ японское простонародіе такъ бѣдно живетъ?— спросилъ я

Digitized by Google

— Знаете, не то что бы бѣдно,—сказалъ Джеррисъ,—а какъ бы вамъ сказать? — воздержно, что ли. Живутъ въ шалашахъ, одежды почти нѣтъ. Двѣ горсти риса—вотъ и ѣда. Пять центовъ у нихъ деньги. Если на деньги перевести, весь расходъ на семью йенъ или два въ мѣсяцъ.

— А нищихъ мало!—прибавилъ Джеррисъ.—Милостыню рѣдко кто проситъ, развѣ изъ крайности.

— Все въ Японіи узкое!—прибавилъ Джеррисъ.—Денегъ мало, потребностей тоже... Попросту люди живутъ, не то что въ Англіи или Америкѣ.

— А европейцы какъ?—спросилъ я.

— Европейцы тоже такъ. Конечно, въ столицахъ или большихъ городахъ можно жить совсѣмъ по-европейски, а въ глуши никакъ не выйдетъ...

— Вотъ мы, напримѣръ, живемъ въ маленькомъ городишкѣ въ горахъ внутри Хокайдо. Тамъ, кромѣ насъ, никого нѣтъ. Какъ же тамъ жить по англійски?.. Тамъ коня и скота нѣтъ, мяса трудно достать, масло развѣ въ жестянкахъ. Поневолѣ, что японцы ѣдятъ, то и мы.

— А дома! — вставила мистриссъ Джеррисъ. — У нихъ вѣдь и на югѣ, и на сѣверѣ архитектура одна. Они не разбираютъ. Бумага, да дрань—вотъ ихъ матеріалъ. А вѣдь на Хокайдо снѣгъ на десять футовъ выпадаетъ, четыре мѣсяца держится. Дома совсѣмъ съ крышей заваливаетъ, ходы приходится рыть, какъ кротамъ... Вотъ нашъ домъ еще лучше построенъ, печи вездѣ желѣзныя, топливо дешевое, а все-таки зимою, по ночамъ, не то что вода, керосинъ въ лампахъ мерзнетъ. Конечно, служанка печь растопитъ, опять тепло станетъ, тогда и встанешь...

На другой день рано утромъ мы пришли въ Нійгата, гдѣ намъ предстояло простоять три дня. На этотъ разъ мы захватили съ собою русскаго переводчика съ парохода, по имени Тагіара, очень любезнаго и услужливаго молодого человѣка, хотя, собственно, по-русски онъ говоритъ довольно плохо. Впрочемъ, писалъ онъ правильно, особенно при помощи словаря. И въ разговорѣ тоже, если остановится и подумаетъ нѣсколько минутъ, то, въ концѣ концовъ, вспомнитъ нужныя слова и построитъ правильную фразу. Онъ научился русскому языку въ школѣ иностранныхъ языковъ въ Токіо, гдѣ, между прочимъ, преподаваніе русскаго языка ведется по-русски, и профессоромъ состоитъ отставной капитанъ русской службы Смысловскій, который по-японски совсѣмъ не говоритъ. Тагіара, между прочимъ, показывалъ мнѣ рукописный списокъ «Ревизора», который ученики расписали по ролямъ, выучили наизусть и разыграли съ большимъ успѣхомъ года два тому назадъ.

Нійгата довольно большой, благоустроенный городъ, прорѣзанный по всѣмъ направленіямъ прямыми каналами, облицованными камнемъ. Впрочемъ, ѣздить по этимъ каналамъ можно только во время прилива, ибо въ отливъ они совершенно мелѣютъ и только по самой срединѣ остается узкая струйка жидкой грязи вмѣсто воды. Здѣсь было гораздо

Digitized by Google

жарче, чѣмъ въ Хакодате, и нужно было много мужества, чтобы ходить по улицамъ подъ палящими лучами солнца. Даже японцы послѣ полудня изнемогали и старались прятаться въ своихъ садикахъ у прохладныхъ фонтановъ.

Прямо съ пристани мы отправились на выставку, которая была устроена на обширной площади въ самомъ центрѣ города. Въ Японіи вообще очень часто устраиваются провинціальныя выставки то въ томъ, то въ другомъ городѣ. Въ Нійгата это уже была вторая выставка за послѣдніе десять лѣтъ. Она помѣщалась въ большомъ трехъэтажномъ зданіи, къ которому со всѣхъ сторонъ были пристроены легкіе деревянные флигеля, въ родѣ бараковъ. Билеты на посѣщеніе продавались у входовъ по двѣ копѣйки, съ учащихся брали половину. Несмотря на рабочій день, всѣ отдѣлы были наполнены публикой, и въ каждой передней углы были уставлены множествомъ соломенной и деревянной обуви, какъ въ лавкѣ, ибо посѣтители расхаживали по выставкѣ босикомъ.

Кромѣ учащихся, это по большей части были все мелкіе люди, ремесленники, рабочіе, которые внимательно осматривали выставленные издѣлія и рисунки, постоянно справляясь съ печатнымъ каталогомъ. Я видѣлъ даже группу носильщиковъ въ обычныхъ рубахахъ изъ синей нанки съ бѣлымъ девизомъ союза, къ которому они принадлежали, напечатаннымъ во всю спину, и безъ всякаго признака штановъ. Они держались всѣ вмѣстѣ и со смущенной улыбкой переходили изъ отдѣленія въ отдѣленіе, осторожно подвигаясь въ узкихъ проходахъ, чтобы не задѣть одного изъ зеркальныхъ шкафовъ своими руками, привыкшими къ размашистымъ движеніямъ. Однако, и они, видимо, интересовались выставкой и, добравшись до отдѣленія, гдѣ были сгруппированы средства передвиженія современной Японіи, проявили большой восторгъ и стали такъ громко критиковать выставленные тамъ же старинные паланкины и носилки, что остальная публика собралась вокругъ и слушала со смѣхомъ, но все-таки очень внимательно.

Обширнѣе всего былъ земледѣльческій отдѣлъ выставки, гдѣ долгіе ряды витринъ были наполнены образцами зерновыхъ хлѣбовъ, бобовъ, коконовъ шелкопряда и т. п. Далѣе слѣдовалъ отдѣлъ тканей хлопчатобумажныхъ и шелковыхъ, отъ самыхъ простыхъ до чрезвычайно дорогихъ, украшенныхъ нѣжнымъ японскимъ рисункомъ съ неуловимыми переливами красокъ, дешевыя сукна, веревки и канаты изъ пеньки и морской травы. Все это было сдѣлано въ провинціи Нарано, средоточіемъ которой служитъ г. Нійгата. Не менѣе богато былъ представленъ отдѣлъ рыболовства, съ безчисленными образцами сѣтей и моделями огромныхъ морскихъ лодокъ, судовъ и даже пароходовъ, употребляемыхъ для этой столь развитой въ Японіи промышленности. Общества рыбоводства выставили модели питомниковъ и сушильныхъ заводовъ, связки сушеной рыбы, морской капусты, образцы селедоч-

Digitized by Google

наго компоста. Однако, настоящимъ гвоздемъ выставки былъ художественный отдѣлъ, выставившій цѣлыя груды лакированныхъ, рѣзныхъ и литейныхъ произведеній, съ тончайшею рѣзьбой, съ рельефными инкрустаціями изъ слоновой кости по черному дереву, съ артистическими матовыми рисунками по вороненной стали.

Маленькіе смѣшные хороводы японскихъ обезьянъ, вырѣзанные съ поразительнымъ искусствомъ и правдивостью, чередовались съ массивными фигурами ланей, волковъ, орловъ, вылитыхъ изъ темной бронзы, каждая изъ которыхъ была бы достойна помѣщенія въ любой художественный салонъ Европы, а здѣсь являлась только образчикомъ промышленнаго искусства. Рядомъ зала старинной живописи выставила несмѣтное богатство старинныхъ японскихъ картинъ на полотнѣ и на шелкѣ, которыя мѣнялись каждые пять дней, ибо для всѣхъ экспонатовъ не хватало мѣста.

Слѣдующая зала была занята произведеніями современной живописи, среди которыхъ цѣннѣе всего былй опять картины изъ жизни животныхъ. Особенно хороша была группа мартышекъ, сидящихъ въ вѣтвяхъ густого дерева. Разнообразная экспрессія обезьяньихъ лицъ была исполнена съ тонкостью и выразительностью, какая совершенно неуловима для воспріятія культурнаго художника городской Европы. Зато другая зала, почти исключительно наполненная портретами молодыхъ женщинъ, въ свою очередь, свидѣтельствовала о подражаніи европейскому искусству, ибо японская національная живопись слишкомъ наивна и склонна къ подчеркиванію для точнаго воспроизведенія портретовъ. Новѣйшія работы этого рода, выставленныя здѣсь и нарисованныя уже по европейскимъ правиламъ, были довольно однообразны и очень тусклы. Лица имѣли одинаковыя выраженія, руки съ одинаковымъ жестомъ были сложены на груди или на колѣняхъ. Очевидно, Японія можетъ остаться красивою, только оставаясь вѣрною сама себѣ. Къ художественному отдѣлу принадлежали также вышивки цвѣтными шелками и золотомъ, часто съ художественными рисунками, которые требовали многихъ мѣсяцевъ и даже лѣтъ кропотливой женской работы. Нѣкоторыя изъ вышивокъ, несмотря на общую дешевизну японскихъ произведеній, были оцѣнены въ нѣсколько сотъ рублей. Не нужно забывать, что всѣ эти вещи были произведены въ одной провинціи, величиной съ небольшую русскую губернію. Издѣлія изъ желѣза, ножи, топоры, различные инструменты, тоже были обильно представлены. Отдѣльная зала была занята даже частями локомотивовъ и различныхъ машинъ, ибо въ провинціи Нарано имѣются два машиностроительныхъ завода. Локомотивы, впрочемъ, были сдѣланы въ Токіо, но въ мастерскихъ Нійгата ихъ разбирали и собирали, а потому не вытерпѣли и все-таки помѣстили ихъ тоже на выставкѣ.

Мистеръ Джеррисъ далъ мнѣ письмо къ одному изъ своихъ товарищей по духовному оружію, но его не оказалось въ городѣ. Мы, впро-

Digitized by Google

чемъ, не очень горевали и отъ миссіонера направились вмѣстѣ съ г. Тагіара къ директору мѣстной гимназіи, имя котораго мнѣ сказали на пароходѣ. По дорогѣ мы встрѣтили еще англійскаго миссіонера, но уже совсѣмъ другого типа. Это былъ худенькій человѣкъ, съ плохо выбритымъ лицомъ, въ поношенномъ нанковомъ сюртукѣ и грибообразной японской шляпѣ, обшитой холстомъ, чтобы придать ей болѣе европейскій видъ. Онъ сиротливо стоялъ на площади и раздавалъ прохожимъ маленькія духовныя брошюрки. Они брали съ равнодушнымъ видомъ, какъ листокъ рекламы отъ надоѣдливаго разнощика, потомъ комкали въ рукѣ и проходили мимо. Онъ очень обрадовался, когда мы подошли и заговорили съ нимъ по англійски.

— По крайней мѣрѣ, европейскую рѣчь услышалъ, — повторялъ онъ,—а то по-японски не понимаю ни слова, а живу съ японцами.

Онъ сообщилъ намъ, что принадлежитъ къ пресвитеріанской конгрегаціи и былъ первоначально посланъ на Филиппинскіе острова, но заболѣлъ желтой лихорадкой. Тогда для поправленія здоровья старшины послали его въ Японію.

— Нужно, однако, стараться зарабатывать себѣ духовный хлѣбъ,— прибавилъ онъ со вздохомъ.

— А вы не изъ арміи ли спасенія?—высказалъ я вслухъ мелькнувшую въ моей головѣ догадку...

Точно такія же фигуры, похожія на лакеевъ безъ мѣста, я видѣлъ въ С.-Франциско въ рядахъ этой почтенной арміи, когда они въ воскресные вечера проходили по городу съ распущенными знаменами, подъ грохотъ барабановъ и звонъ бубновъ, обвѣшанныхъ бубенчиками.

— Нѣ-ѣтъ!—замялся миссіонеръ.

Армія спасенія не пользуется большимъ уваженіемъ среди англосаксонскаго духовенства.

— Но если бы даже и такъ,—прибавилъ онъ вдругъ обидчивымъ тономъ,—то въ этомъ нѣтъ ничего дурного.

— Я ничего не говорю!—попробовалъ я возразить.

— Армія спасенія проповѣдываетъ Божью вѣсть разнымъ народамъ, японцамъ, неграмъ, канакамъ, не хуже *вашихъ* пресвитеріанскихъ пасторовъ!—продолжалъ миссіонеръ.

Въ пылу разговора онъ уже присвоилъ мнѣ пресвитеріанское духовенство.

— Да я же не спорю!—повторилъ я, нѣсколько изумленный этимъ неожиданнымъ подаркомъ.

— А въ городахъ она отводитъ отъ кабака тысячи душъ въ сто разъ успѣшнѣе *вашихъ* епископальныхъ миссіонеровъ,—продолжалъ онъ, повышая діапазонъ и развивая ту же фикцію о моей отвѣтственности за все англійское духовенство.

Digitized by Google

Я опять попытался оправдаться, но онъ не обратилъ вниманія на мои слова.

— Мнѣ пора! — холодно кивнулъ онъ головой. — Прощайте, джентльмены.

Директоръ гимназіи, пожилой и довольно грузный, съ тяжелымъ лицомъ, какое японцы часто пріобрѣтаютъ подъ старость, былъ очень любезенъ, но по-англійски говорилъ плохо. Узнавъ, что мы хотимъ осмотрѣть учебныя заведенія Ніигата, онъ тотчасъ же познакомилъ меня съ учителемъ англійскаго языка, г. Тамура Тойогиса, который обязательно сопровождалъ насъ повсюду во все остальное время. Г. Тойогиса по-англійски говорилъ довольно свободно, хотя опять-таки за границей никогда не былъ и образованіе получилъ въ университетѣ въ Токіо.

Прежде всего онъ повелъ насъ на урокъ англійскаго языка, въ качествѣ предмета, наиболѣе близкаго его сердцу. Преподаваніе англійскаго языка ведется довольно тщательно въ мужскихъ и женскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, и въ этой гимназіи было даже три отдѣльныхъ учителя для разныхъ классовъ.

Классъ, въ который мы зашли, состоялъ изъ большой прекрасно освѣщенной и очень чистой комнаты. Болѣе сорока учениковъ въ ситцевыхъ халатикахъ или бѣлыхъ коленкоровыхъ рубахахъ, съ босыми ногами и безъ бѣлья, сидѣли за небольшими, но довольно удобными партами и прилежно писали подъ диктовку. Учитель, маленькій и очень черный, ходилъ взадъ и впередъ по эстрадѣ передъ каѳедрой и диктовалъ наизусть. Онъ произносилъ по-англійски довольно раздѣльно, только по японскому обыкновенно всѣ *l* выговаривалъ, какъ r, что иногда давало поводъ къ недоразумѣніямъ. Ученики писали въ обыкновенныхъ тетрадкахъ, но съ неловкимъ видомъ, который болѣе или менѣе свойственъ всѣмъ японцамъ при употребленіи перьевъ и чернилъ вмѣсто кисточки и туши. Однако, взявъ тетрадку у перваго попавшагося ученика, я убѣдился, что въ его работѣ почти нѣтъ грамматическихъ ошибокъ, хотя то былъ только четвертый классъ, соотвѣтствующій нашему второму. Стѣны классной комнаты были увѣшаны географическими картами гораздо лучшей работы, чѣмъ соотвѣтственныя произведенія Ильина, и изображеніями различныхъ животныхъ съ англійскими надписями. Въ перемежку съ ними висѣли ученическіе рисунки самаго разнообразнаго содержанія, и многіе изъ нихъ обнаруживали тщательное исполненіе, ибо вообще рисованіе является въ Японіи однимъ изъ самыхъ важныхъ школьныхъ предметовъ.

Слѣдующій классъ занимался чистописаніемъ. Учитель выводилъ мѣломъ на доскѣ причудливыя буквы, а ученики тщательно воспроизводили ихъ тушью на лощенной бумагѣ, тонкой, какъ папиросная. Европейскій школьникъ не имѣетъ понятія о той массѣ терпѣнія и труда, которую его монгольскій собратъ долженъ затрачивать на усвоеніе

Digitized by Google

письма. Даже средневѣковой готическій шрифтъ и нашъ старинный уставъ не могутъ идти въ сравненіе. Зато интеллигентные японцы совершенно серьезно утверждаютъ, что полуинстинктивный даръ рисунка и чувство кривыхъ линій, свойственные японскому, а отчасти и китайскому народу, образовались, именно, вслѣдствіе многовѣковаго обученія письму.

Въ слѣдующемъ классѣ маленькій ученикъ, едва достававшій рукою до доски, отвѣчалъ урокъ алгебры, бойко вычерчивая латинскія формулы и знаки, за развитіемъ которыхъ мы могли слѣдить также удобно, какъ и учитель. Но это былъ лучшій ученикъ класса, и я подозрѣваю, что онъ былъ вызванъ къ доскѣ ради нашего посѣщенія.

Вообще же по словамъ моего спутника математика не процвѣтаетъ въ японскихъ среднихъ школахъ, кромѣ спеціальныхъ. Тѣмъ болѣе видное мѣсто принадлежитъ рисованію, которое преподается какъ съ японской, такъ и съ европейской точки зрѣнія, съ изученіемъ перспективы, скелета и съ рисунками съ живой модели. Каждый годъ устраивается конкурсъ ученическихъ работъ, и нѣкоторые изъ премированныхъ рисунковъ такъ хороши, что я соблазнился и хотѣлъ пріобрѣсти ихъ для себя, но, разумѣется, оказалось, что ученическія работы не продаются. Двѣ или три картинки отличались даже простотой и реальнымъ направленіемъ, противорѣчившимъ общему причудливо-тонкому характеру японской живописи. Группа рыбаковъ на берегу у костра. Лица истощенныя и загрубѣвшія отъ вѣчнаго пребыванія подъ солнцемъ и вѣтромъ, грязные лохмотья одежды, некрасиво повисшей вокругъ коряваго темнокоричневаго тѣла съ мускулами, выступающими, какъ узлы веревокъ... Пожилой джинрикша везетъ старую японку по сельской дорогѣ... Двое гимназистовъ, зажавъ руками уши, сидятъ, склонившись надъ книжкой и долбятъ урокъ.

— Это новая мода! — неодобрительно сказалъ Тойогиса, останавливаясь передъ этими рисунками. Онъ былъ поклонникомъ старинной живописи и показывалъ мнѣ потомъ собраніе старинныхъ гравюръ, которое могло бы свести съ ума любого европейскаго коллекціонера.

— А какой предметъ важнѣе всего въ вашей школѣ? — спросилъ я своего спутника.

— А что вы думаете?—живо возразилъ онъ.—Конечно, классики, въ двойной системѣ!..

Я чуть не отскочилъ въ сторону. Мнѣ почудилось, что между нами встаетъ тощая тѣнь латиниста изъ чеховъ, съ пучкомъ экстемпоралій въ рукахъ.

Однако, почтенный учитель англійскаго языка говорилъ совсѣмъ о другомъ. Его двойная система состояла изъ японскихъ и китайскихъ нравственно-философскихъ писателей, изученіе которыхъ считается замѣняющимъ религіозное воспитаніе и цѣнится весьма высоко.

Китайскіе классики имѣютъ особаго учителя, хотя, какъ извѣстно,

Digitized by Google

для чтенія китайскихъ идеограммъ не требуется знаніе языка и для японскаго школьника, по мѣрѣ того, какъ онъ усваиваетъ себѣ систему этого письма, открывается одинаковая возможность читать японскія и китайскія книги.

Японскіе классики изучаются по подлинникамъ и хрестоматіямъ. Я попросилъ г. Тойогису перевести мнѣ, по его выбору, отрывокъ изъ хрестоматіи.

Онъ подумалъ немного и выбралъ статью о патріотизмѣ, предупредивъ, что это ни что иное, какъ журнальная статья, написанная десять лѣтъ тому назадъ однимъ изъ тогдашнихъ японскихъ министровъ и, вслѣдствіе своего необычайнаго краснорѣчія, уже зачисленная въ составъ японскихъ классиковъ и даже попавшая въ хрестоматію.

«Японія, несомнѣнно, первая страна въ мірѣ,—начиналось это замѣчательное произведеніе.—Мягкость ея климата, обиліе плодовъ природы, красота населенія, мужество, умъ и семейныя добродѣтели дѣлаютъ ее рѣдкостнымъ цвѣткомъ міра, брошеннымъ на соленый берегъ самого большого изъ земныхъ морей. (Злобная пословица тихоокеанскихъ англичанъ, напротивъ, утверждаетъ, что «въ Японіи плоды безъ вкуса, цвѣты безъ запаха и женщины безъ добродѣтели!»).

«И если другія страны соперничаютъ съ нею въ силѣ, то пальма граціи и красоты принадлежитъ, несомнѣнно, намъ. Спрашивается, что же мы должны сдѣлать для того, чтобы утвердить первенство Японіи если не на всемъ земномъ шарѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ предѣлахъ Азіи, занятыхъ сплеменными намъ монгольскими народами?..»

Далѣе въ видѣ средствъ, рекомендуется прилежное изученіе точныхъ и прикладныхъ наукъ и постоянное стремленіе къ совершенствованію, чтобы Японія умѣла производить все то, что производятъ чужія страны такъ же хорошо и даже лучше ихъ, и затѣмъ любовь къ японскому государству и въ частности къ микадо.

«Почему мы любимъ японское государство? — спрашиваетъ авторъ.— Мы любимъ его, потому что оно священно. Начало его простирается въ глубь вѣковъ, какъ будто оно вышло изъ нѣдръ океана вмѣстѣ съ самой японской землей. Мы любимъ его, потому что оно разумно. Оно ввело порядокъ и правосудіе, уничтожило произволъ и тиранію сильнаго надъ слабымъ...

«Мы любимъ его, потому что оно свободно. Оно мудро представляетъ намъ вѣрить, какъ вѣрится, говорить, какъ думается, собираться вмѣстѣ и управлять собственными дѣлами, поскольку мы умѣемъ и хотимъ. И только когда мы просимъ о помощи, оно является и помогаетъ...

«Поэтому японское государство есть лучшее изъ государствъ. Оно наша мать и отецъ, но мы любимъ его сильнѣе, чѣмъ собственныхъ кровныхъ!..»

Такова государственная религія, которой обучается юношество въ японскихъ школахъ.

Digitized by Google

Кромѣ англійскаго языка, алгебры и японско-китайскихъ классиковъ, въ гимназіи преподается также какъ и у насъ, геометрія и тригонометрія, исторія общая и японская, географія и даже философія, преимущественно по китайскимъ источникамъ. Много времени и вниманія удѣляется также гимнастикѣ и гимнастическимъ играмъ въ превосходно устроенномъ залѣ, гдѣ имѣются всѣ новинки учебной гимнастики. Между прочимъ при гимназіи издается ежегодникъ, гдѣ помѣщаются статьи учителей и лучшихъ учениковъ на любыя темы по ихъ свободному выбору.

Въ гимназіи Нійгата 550 учениковъ; ученье продолжается пять лѣтъ, но общее число классовъ четырнадцать, такъ какъ много параллельныхъ вѣтвей. Ученики поступаютъ сюда четырнадцатилѣтними юношами послѣ восьмилѣтняго пребыванія въ элементарной школѣ, гдѣ дѣвочки и мальчики учатся вмѣстѣ. Для дѣтей школьнаго возраста обязательно, по крайней мѣрѣ, четырехлѣтнее посѣщеніе элементарной школы, почему общее число грамотныхъ достигаетъ 80%. При гимназіи устроенъ пансіонъ для иногородныхъ, въ которомъ живутъ 160 учениковъ. Мы осмотрѣли ихъ дортуары, столовую и залы для приготовленія уроковъ. Все было устроено очень чисто, но съ крайней простотой, соотвѣтствующей общему тону японской жизни. Зато и плата только восемь йенъ въ мѣсяцъ за полное содержаніе съ одеждой и учебными пособіями включительно. Плата за право ученія одиннадцать йенъ въ годъ.

Юноши, обучающіеся въ гимназіи, принадлежатъ исключительно къ среднему классу. Это дѣти чиновниковъ, торговцевъ, банкировъ, военныхъ офицеровъ. Крестьяне или рабочіе, даже изъ самыхъ способныхъ, попадаютъ въ среднюю школу очень рѣдко, тѣмъ болѣе, что освобожденіе отъ платы за ученіе весьма затруднительно, а стипендій или даровыхъ мѣстъ въ пансіонѣ нѣтъ.

— Зачѣмъ рабочимъ такая школа?—сентенціозно объяснилъ мнѣ г. Тойогиса.—У нихъ есть прекрасныя элементарныя школы... а эта для насъ!..

Кромѣ гимназіи, въ Нійгата есть еще военное, морское и коммерческое училища и учительская семинарія, и каждое изъ этихъ четырехъ средне-учебныхъ заведеній имѣетъ болѣе двухсотъ учениковъ. Женская гимназія имѣетъ 280 ученицъ. Мы выразили желаніе осмотрѣть ее, тѣмъ болѣе, что она находится довольно близко отъ мужской и можно было разсчитывать застать еще послѣдніе уроки. Дѣйствительно, въ старшемъ классѣ шелъ урокъ химіи. Большой столъ былъ весь уставленъ склянками и химическими препаратами. Учитель, очень старый, обросшій сѣдыми волосами и, сверхъ обыкновенія, довольно грязный японецъ въ обтрепанномъ европейскомъ платьѣ, объяснялъ ученицамъ различіе свойствъ воздуха, кислорода и углекислоты при помощи наглядныхъ опытовъ. Онъ напомнилъ мнѣ стараго учителя физики,

Digitized by Google

который бывало окружалъ наши фамиліи въ журналѣ цѣлымъ частоколомъ единицъ.

Ученицы въ нарядныхъ кимонахъ съ широкимъ шелковымъ поясомъ внимательно слушали, протягивая впередъ любопытныя головки, украшенныя обычной прической въ видѣ развернутыхъ крыльевъ бабочки, проткнутыхъ металлической булавкой съ фарфоровой или серебряной головкой.

Въ слѣдующемъ классѣ, должно быть, вслѣдствіе закона противоположностей, происходилъ урокъ женскаго этикета. Учительница, пожилая и довольно безобразная японка, маленькая и сгорбившаяся, въ скромной сѣрой одеждѣ съ бумажнымъ вѣеромъ у пояса, производила непонятныя манипуляціи надъ цѣлой серіей мелкихъ вещицъ, необходимыхъ для японской вѣжливости, тутъ были тертый зеленый чай въ лакированной коробочкѣ, темныя зерна какого-то пахучаго вещества, жидкій бальзамъ въ бронзовой чашѣ, штофная салфетка, вышитая золотыми разводами.

Женская гимназія была обставлена лучше, чѣмъ мужская. Парты были сдѣланы въ видѣ мягкихъ креселъ и на лѣстницѣ стояли пальмы и бронзовыя скульптуры. Полы были тщательно налощены. Въ рекреаціонной залѣ у одной стѣны стояло фортепіано, у другой органъ. У каждаго инструмента группа дѣвочекъ съ увлеченіемъ занималась музыкой, т.-е. двѣ пары играли въ четыре руки, а остальныя стройно и искусно пѣли. Характеръ музыки былъ европейскій, ибо японская совсѣмъ не годится для фортепіано; впрочемъ, Тойогиса утверждалъ, что это все-таки сочиненіе японскихъ композиторовъ. При гимназіи имѣется прекрасно содержимый садъ. На большой центральной площадкѣ группа дѣвочекъ играла въ лаун-теннисъ. Въ своихъ яркихъ платьяхъ, съ широко развѣвающимися рукавами, онѣ походили на большихъ бабочекъ, граціозно перелетающихъ съ мѣста на мѣсто, и тонкая сѣтка, натянутая поперекъ площадки, какъ будто была назначена удерживать ихъ полетъ.

Кромѣ химіи и этикета, въ женской гимназіи преподаются тѣ же общеобразовательные предметы, что и въ мужской; но рядомъ съ ними очень большое мѣсто отведено женскимъ работамъ, кройкѣ и шитью, вышиванію по полотну и шелку. Рисованіе преподается не менѣе тщательно и въ художественномъ исполненіи японскія женщины не уступаютъ мужчинамъ. Не мѣшаетъ отмѣтить еще, что гимнастическій залъ прекрасно устроенъ, и дѣвочки регулярно занимаются упражненіями въ особыхъ гимнастическихъ костюмахъ.

При гимназіи есть пансіонъ на семьдесятъ ученицъ съ тою же платой—восемь йенъ въ мѣсяцъ. Директоръ и два секретаря гимназіи мужчины; изъ общаго числа учителей семеро мужчинъ и шесть женщинъ. Мужскіе учителя, разумѣется, преподаютъ «серьезные» предметы, а женщины—вышиваніе, шитье, рисованіе, этикетъ.

Digitized by Google

Гимназія существуетъ сравнительно недавно и имѣетъ четыре класса при семи отдѣленіяхъ; но послѣдній четвертый классъ еще не открытъ.

Къ двумъ часамъ пополудни стало такъ жарко, что даже мой японскій спутникъ почувствовалъ изнеможеніе и, вмѣсто того, чтобы ѣхать съ нами, какъ было условлено, въ буддійскій храмъ, предложилъ зайти къ нему домой и переждать самые тяжелые часы дня. Онъ жилъ въ двухъ шагахъ, въ небольшомъ, но благоустроенномъ домикѣ, наемъ котораго стоилъ ему вмѣстѣ съ садомъ семь рублей въ мѣсяцъ. Онъ, впрочемъ, жаловался на дороговизну и сѣтовалъ на то, что квартирная плата растетъ въ Нійгата съ невѣроятной быстротой. Конечно, все его жалованье составляло шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, изъ которыхъ онъ еще умудрялся откладывать ежемѣсячно двадцать рублей. Тѣмъ не менѣе, домашняя обстановка не обнаруживала скудости. Комнаты были уставлены дорогими лакированными вещами, а въ ящикахъ скрывались цѣлыя сокровища гравюръ, вышивокъ, рукописныхъ книгъ. Положимъ, имѣя такъ мало расходовъ на пищу и одежду, можно украсить свое жилище даже при самыхъ ничтожныхъ доходахъ. Обѣдъ, которымъ онъ насъ угостилъ, былъ совершенно воздушенъ, почти призраченъ, какъ будто мы обѣдали во снѣ.

— Въ японскомъ обѣдѣ цѣнится стиль,—говорилъ намъ въ утѣшеніе любезный хозяинъ,—и стиль этотъ совсѣмъ иной, чѣмъ въ Европѣ.

Послѣ обѣда хозяйка попросила своего супруга объяснить мнѣ что она православной вѣры и въ подтвержденіе принесла карточку православнаго епископа Японіи Николая.

— У меня еще русское имя есть,—объяснила она,—но я его забыла. Вы прочтите и скажите мнѣ. А по-японски меня зовутъ Аното-Санъ (госпожа Аното).—На карточкѣ было написано: «возлюбленной Евфросиніи отъ епископа Николая». Супруга г. Тойогиса происходила изъ Токіо, гдѣ сосредоточена большая часть дѣятельности православныхъ миссій, но въ Нійгата не было ни православной общины, ни церкви, и новокрещенная Евфросинія, къ сожалѣнію, ничѣмъ не могла проявить своего религіознаго усердія.

— А вы тоже христіанинъ?—спросилъ я г. Тойогису.

— Мнѣ это не нужно!—спокойно отвѣчалъ онъ.—А у нея есть собственный умъ...—и онъ указалъ глазами на жену, которая, сидя на корточкахъ въ самой японской позѣ мыла для дессерта груши изъ собственнаго сада.

Въ головѣ моей мелькнула мысль, насколько, въ сущности, чужды и непонятно мнѣ состояніе души этой молчаливой темнолицей женщины, которая, сохранивъ всѣ свои японскія привычки, почувствовала потребность покинуть домашнихъ боговъ, унаслѣдованныхъ отъ матери и бабки, для чужеземной религіи, послѣдній очагъ которой остоитъ на

Digitized by Google

всю ширину японской страны отъ этого уединеннаго западнаго города.

— А какъ вы думаете?—спросилъ я Тойогису.—Можетъ ли христіанство разсчитывать на успѣхъ въ Японіи?..

— Конечно, нѣтъ! — оквѣтилъ онъ, не колеблясь. — Зачѣмъ намъ брать чужую вѣру?..

— Взяли же вы чужую науку!—возразилъ я.

— То наука!—сказалъ Тойогиса. — А вѣра у насъ и своя есть!.. Кромѣ того, я читалъ вамъ сегодня объ этомъ... Хорошая нравственность—вотъ настоящая японская вѣра!..

Меня интересовало состояніе японской переводной литературы сравнительно съ русской.

— У насъ переведено все нужное! — сказалъ мнѣ г. Тойогиса.— Научныя книги, философія, исторія, Спенсеръ, Миль, Кантъ... Даже новинки по этой части не остаются безъ вниманія и по возможности переводятся тотчасъ же. Вотъ недавно стали переводить Рёскина.

— А изящная литература какъ?—спросилъ я.

— Изящная литература—пустяки!—спокойно сказалъ Тойогиса.— На что намъ ваши романы?.. Да у насъ и свои есть...

— А Шекспиръ переведенъ?

— Нѣтъ! — сухо отвѣтилъ Тойогиса. — Только нѣсколько отрывковъ. Намъ это не нужно. Литература есть работа, а не самоуслажденіе...

Это напоминало состояніе русской литературы при Петрѣ, когда рядомъ съ навигацкой наукой переводился Пуффендорфъ, а для изящной литературы не было времени.

Впрочемъ, я не думаю, чтобы сообщенія г. Тойогисы были совершенно точны. По крайней мѣрѣ, въ Токіо существуетъ издательская фирма, которая находитъ выгоднымъ перепечатывать англійскіе романы и сочиненія по литературной критикѣ. Въ Японіи, стало быть, находится достаточно читателей, чтобы раскупать эти книги въ подлинникѣ.

Г. Тойогиса, разумѣется, былъ пламеннымъ патріотомъ своего отечества.

— Наша главная бѣда,—жаловался онъ,—тѣсно, мѣста мало!.. Народу много, а извлекать доходы не изъ чего. Поэтому мы до сихъ поръ—бѣдная страна... Однако, мало по-малу мы все-таки богатѣемъ!—утверждалъ онъ.—Промышленныя предпріятія растутъ и земледѣліе тоже улучшается, несмотря на послѣдній кризисъ. По статистическимъ даннымъ народная пища улучшается. По даннымъ о состояніи новобранцевъ, ростъ и вѣсъ молодого поколѣнія постоянно увеличивается... Только бы намъ найти хорошую территорію для колоній, — мы бы быстро достигли процвѣтанія!—прибавилъ онъ напряженно глядя мнѣ въ глаза, какъ

Digitized by Google

будто отъ меня зависѣло тотчасъ же отвести Японіи кусокъ азіатскаго материка для колонизаціи.

Г. Тойогиса, конечно, думалъ о Кореѣ, которую Японія крѣпко облюбовала и низачто не хочетъ выпустить изъ рукъ.

Г. Тойогиса, разумѣется, очень интересовался Россіей и русскими владѣніями на противоположномъ берегу Японскаго моря.

— Въ прошломъ году я посѣтилъ Владивостокъ — разсказывалъ онъ мнѣ.—Интересный городъ, только ужъ черезчуръ много китайцевъ. Я тоже, какъ вотъ и вы, хотѣлъ осмотрѣть учебныя заведенія—продолжалъ онъ,—но нашелъ только двѣ, одну гимназію и одну низшую школу.

— Развѣ во Владивостокѣ больше нѣтъ? — прибавилъ онъ съ лукавой усмѣшкой.—Или я худо искалъ?..

Я дипломатично отвѣтилъ, что, въ сущности, Владивостокъ не русскій, а азіатскій городъ.

— Ну, такъ я поѣду въ Россію!—съ дѣтской живостью возразилъ Тойогиса.—Пусть только достроятъ Сибирскую дорогу!.. Дайте мнѣ вашъ адресъ, я приду къ вамъ въ Петербургѣ.

Не безъ сожалѣнія разстались мы съ гостепріимнымъ японскимъ учителемъ.

— Непремѣнно поѣду въ Россію!—повторялъ онъ.—Я скопилъ нѣсколько сотъ рублей, но не прочь истратить ихъ, чтобы узнать что-нибудь новое... Мнѣ тридцать три года, но мы, японцы, думаемъ, что учиться новому хорошо во всякомъ возрастѣ. Не такъ ли?..

Мы рѣшительно стали собираться на пароходъ.

— Напишите мнѣ одинъ разъ изъ Петербурга,—попросилъ Тойогиса,—чтобы я былъ увѣренъ, что вы сохранили о Японіи пріятное воспоминаніе.

Это была внезапная вспышка импульсивности, которая иногда придаетъ совсѣмъ дѣтскій характеръ поведенію этихъ способныхъ учениковъ европейской культуры, которые такъ быстро стали самостоятельными, что не мѣшаетъ имъ прекрасно обдѣлывать свои общественныя и личныя дѣла.

Мы еще разъ повторили, что сохранимъ о Японіи вообще и о Нійгата въ частности самое пріятное воспоминаніе, и окончательно распрощались съ г. Тойогисой.

Танъ

Digitized by Google

ДВА СТРАННИКА.

Кто онъ? Повѣдай мнѣ, о странникъ! Много разъ
У этихъ водъ, на берегу далекомъ,
Молился онъ въ раздуміи глубокомъ
И ночь благословлялъ, не замѣчая насъ.
Слова его мольбы—необычайны;
Нездѣшняя печаль въ напѣвѣ ихъ звучитъ.
Его усталый взоръ ласкаетъ и грозитъ,
Исполненный любви, грѣха и тайны.
Кто онъ? Какіе сны онъ видитъ въ вышинѣ?
Въ какую даль стремится и откуда?
Я спрашивалъ людей... Одни кричали мнѣ:
„Избранникъ онъ, дитя небесъ и чуда,
Его устами Богъ пророчитъ о любви.
Иди къ нему. Молись его видѣньямъ.
Тебя утѣшитъ онъ отраднымъ пѣньемъ,
Мечтой заворожитъ страданія твои.“
„Онъ мученикъ,—другіе отвѣчали,—
Гонимый завистью и злобою людской.
Иди къ нему. Пойми его печали.
Утѣшь его тоску отзывною тоской...“
И я хотѣлъ идти къ нему смиренно,
Чтобъ сердце передъ нимъ довѣрчиво раскрыть,
И я хотѣлъ всю скорбь души его испить,
Какъ жгучій ядъ изъ чаши драгоцѣнной.
Но чьи-то голоса мнѣ прошептали: „Нѣтъ!
Не вѣрь ему. Волшебникъ онъ лукавый
И лжецъ“...
О странникъ, судъ людей былъ правый.
Я узнаю его. Тотъ избранный—поэтъ.
Иди къ нему. Онъ тотъ, кто жизнь даруетъ
Неяснымъ образамъ, витающимъ надъ нимъ,
Кого съ тоской любви безшумный серафимъ
Въ уста, какъ другъ таинственный, цѣлуетъ.
Иди къ нему. Онъ мученикъ невольныхъ грезъ,
Предчувствій и надеждъ невыразимыхъ,
Онъ мученикъ тревогъ непримиримыхъ
И безотвѣтныхъ думъ, и безпричинныхъ слезъ.
Иди къ нему. Молись его видѣньямъ.
И если ты, какъ онъ, усталый и больной
Томишься на землѣ тоскою неземной—

Digitized by Google

То можетъ быть, насытивъ грудь мученьемъ,
Въ мученіи ты найдешь отраду и покой...
Но если ты томимъ великой жаждой
Борьбы и подвиговъ, волненій и страстей,
Но если мракъ и трепетъ жизни каждой
Сливаются съ душой отзывчивой твоей,
И если можешь ты, безъ сожалѣнья,
Безъ ужаса, сказать: для жизни жизнь дана,
И улыбаться ей, и пить ее до дна,
До глубины послѣдняго мгновенья—
Тогда живи безъ грезъ; отдайся весь борьбѣ
За счастье и за жизнь. Твоей земной судьбѣ
Не нуженъ рай, поэта рай чудесный.
Поэта манитъ призракъ безтѣлесный,
Обрывы мертвые влекутъ его къ себѣ...
О странникъ, знай: когда онъ воспѣваетъ
Рѣчами страстными любви могучій бредъ,
Когда земную скорбь отъ мелочныхъ суетъ
Онъ къ жалости священной призываетъ—
Быть можетъ, дальше онъ отъ жизни и людей,
Чѣмъ Богомъ и людьми отверженный злодѣй.
Ни жалости, ни гнѣва онъ не знаетъ.
И кто бы ни былъ онъ, безумецъ иль герой,
Отъ первыхъ чистыхъ думъ и до могилы
Поэтъ—безсильный рабъ великой силы,
Владѣющей его испуганной душой.

О странникъ! Въ небесахъ непостижимыхъ
Есть звѣзды дальнія, чужія для земли.
Глубокія моря волнуются вдали,
У береговъ, земнымъ очамъ незримыхъ.
Поэтъ—дрожащій лучъ тѣхъ призрачныхъ міровъ,
Упавшій къ намъ слезой любви и горя.
Поэтъ—волна таинственнаго моря,
Забытая Творцомъ у нашихъ береговъ.
И оттого, въ тиши своихъ страданій
Внимая голосамъ неслышнымъ никому,
Онъ вызываетъ міръ воспоминаній
Изъ смутной глубины, невѣдомой ему.
И оттого, блуждая думой плѣнной
Въ холодномъ царствѣ снова, онъ вѣчно одинокъ,
И оттого въ часъ скорби вдохновенной
Онъ плачетъ какъ дитя и грезитъ какъ пророкъ...

Сергѣй Маковскій.

Digitized by Google

НА ПОВОРОТѢ.

ПОВѢСТЬ.

(*Окончаніе* *).

XI.

На слѣдующій день съ утра пошелъ дождь. Низкія черныя тучи бѣжали по небу, дулъ сильный вѣтеръ. Садъ вылъ и шумѣлъ, въ воздухѣ кружились мокрые, желтые листья, въ аллеяхъ стояли лужи. Глянуло непривѣтливою осенью. На ступенькахъ крыльца чернѣла грязь отъ очищаемыхъ ногъ, всѣ были въ теплой одеждѣ.

Насталъ вечеръ. Отъужинали. Непогода усиливалась. Въ саду стоялъ глухой, могучій гулъ, въ печныхъ трубахъ свистѣло, на крышѣ сарая полуоторванный желѣзный листъ звякалъ и трепался подъ вѣтромъ. Конкордія Сергѣевна, въ поношенной блузѣ и съ косынкою на рѣдкихъ волосахъ, укладывала въ спальнѣ бѣлье въ разставленные на полу чемоданы и корзины: на-дняхъ Катя уѣзжала въ гимназію. Горничная Дашка, зѣвая и почесывая лохматую голову, подавала Конкордіи Сергѣевнѣ изъ бѣльевой корзины выглаженныя женскія рубашки, юбки и простыни.

Варвара Васильевна, Токаревъ, Сергѣй и Катя сидѣли въ столовой. На большомъ обѣденномъ столѣ горѣла лампа, скатерть съ неприбранной послѣ ужина посудой была усѣяна хлѣбными корками и крошками. Сергѣй, съ какимъ-то особеннымъ блескомъ въ глазахъ, сидѣлъ на окнѣ, засунувъ руки между колѣнъ, и хмуро смотрѣлъ въ уголъ.

— Ахъ, ты, гадость какая!—съ отвращеніемъ произнесъ онъ и, вставъ, зашагалъ по комнатѣ.—Какъ паскудно на душѣ! Ну, и компанія же была у насъ вчера!.. У-у, эти взрослые люди!..

Онъ остановился передъ столомъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 2, февраль. 1902 г.

Digitized by Google

— Взрослые, „почтенные“... Всю жизнь корпятъ, „трудятся“, и даже не спросятъ себя, кому и на что нуженъ ихъ трудъ. Важно только одно,—чтобъ „заработать“ побольше, чтобъ можно было съ своею семьею *жить*... А для чего жить?.. А вечеромъ съѣдутся и съ тѣмъ же важнымъ, почтеннымъ видомъ цѣлыми часами бросаютъ на столъ раскрашенныя картонки. И вѣдь всѣ ужасно уважаютъ себя,—какое сознаніе собственнаго достоинства, какая важность, какая увѣренность въ своемъ правѣ на жизнь! Въ головѣ—пара дрянненькихъ идеекъ, высохшихъ, какъ залежавшійся лимонъ, и это—„установившіеся взгляды“; зачѣмъ думать, и искать? Вѣдь это положительно собраніе какихъ-то животныхъ,—тупыхъ, самодовольныхъ, ни надъ чѣмъ не задумывающихся. И среди этихъ животныхъ—„люди“: докторъ, покорно преклоняющійся передъ всякою подлостью, хотя и понимаетъ, что это подлость, Будиновскій съ его великолѣпнымъ либерализмомъ... Я его себѣ иначе теперь не могу представить: жена сидитъ, читаетъ ему умную книжку, а онъ слушаетъ и... рисуетъ лошадиныя головки. Вѣдь въ этихъ лошадиныхъ головкахъ онъ весь цѣликомъ, со всею силою своихъ идеаловъ и умственныхъ запросовъ... Брррр!..

Сергѣй передернулъ плечами и медленно зашагалъ по столовой. Токаревъ стоялъ у печки и крутилъ свою бородку, испытывая къ Сергѣю глухое, все возраставшее раздраженіе.

— Меня, Сергѣй Васильевичъ, удивляетъ одно,—заговорилъ онъ.—Вы преисполненъ ужаснымъ презрѣніемъ къ бывшимъ у насъ вчера взрослымъ людямъ. Они не удовлетворяютъ вашему представленію о человѣкѣ,—страстно ищущемъ, смѣломъ, не дрожащемъ за себя и свое благополучіе. Вы въ этомъ совершенно правы, но только... Развѣ у насъ вчера были какіе-нибудь особенные „взрослые люди“, а не самые обыкновенные? Въ общемъ, взрослые люди всѣ таковы, и надъ этимъ стоитъ задуматься. Возьмите хоть такую вещь: среди своихъ сверстниковъ вы, навѣрное, уважаете множество лицъ, среди же „взрослыхъ“ людей лишь трехъ-четырехъ, и то вы ихъ уважаете условно. Вѣдь правда?

— Совершенно вѣрно.

— Ну, вотъ. У меня тоже было много сверстниковъ, заслуживавшихъ глубокаго уваженія, а теперь... теперь они уваженія не заслуживаютъ. Какая этому причина? Та, что двадцать лѣтъ есть не тридцать и не сорокъ, больше ничего. Вамъ двадцать два года. Эко чудо, что у васъ кровь кипитъ, что вамъ хочется подвиговъ, „грозы“, самоотверженной дѣятельности, что вы жадно ищете знаній! Въ вашъ возрастъ все это вполнѣ естественно. Но это вовсе не даетъ вамъ права такъ презирать другихъ людей и такъ уважать себя. Вотъ останьтесь такимъ до сорока лѣтъ,—тогда уважайте себя!

Digitized by Google

— Мнѣ кажется, изъ вашихъ словъ вытекаетъ не этотъ выводъ,—сдержанно возразилъ Сергѣй.—Когда я *перестану* быть „такимъ", то я и долженъ перестать уважать себя.

— Нѣтъ, не то! Я говорю, что нужно имѣть *право* предъявлять извѣстныя требованія, хотя бы и самыя законныя, а вы такого права не имѣете. Если десятилѣтній мальчикъ станетъ проповѣдывать взрослому человѣку идеи „Крейцеровой Сонаты", то мнѣ будетъ только смѣшно, хотя я могу вполнѣ сочувствовать его проповѣди. Какъ можетъ онъ упрекать людей, если *физіологически* не способенъ понять, что такое страсть? Я буду слушать его и думать: погоди, братъ, доживи до двадцати лѣтъ, и тогда мы тебя послушаемъ. То же самое и относительно васъ: я думаю, что вамъ съ вашимъ презрѣніемъ слѣдовало бы подождать лѣтъ пятнадцать-двадцать.

Сергѣй, сгорбившись, сидѣлъ на окнѣ и, раскачивая ногами, съ любопытствомъ смотрѣлъ на Токарева.

— Жизнь человѣка, его душа — это страшная и таинственная вещь! — взволнованно продолжалъ Токаревъ. — За маленькимъ узкимъ сознаніемъ человѣка стоятъ смутныя, громадныя и непреоборимыя силы; эти-то постоянно мѣняющіяся силы и формируютъ сознаніе, а человѣкъ воображаетъ, что онъ своимъ сознаніемъ формируетъ и способенъ формировать эти силы... Въ чемъ другомъ, но въ этомъ, мнѣ кажется, невозможно сомнѣваться, и съ фактомъ этимъ приходится мириться. И я лично, напротивъ, глубоко преклоняюсь передъ тѣми людьми, которыхъ вы такъ презираете: у нихъ чувство долга, по крайней мѣрѣ, хоть до извѣстной степени регулируетъ и направляетъ эти темныя силы, и тутъ нельзя говорить: „либо все, либо ничего", а нужно быть глубоко благодарнымъ просто за „что-нибудь".

— Какъ легко и уютно жить съ такою моралью,—я вамъ положительно завидую!—проговорилъ Сергѣй, качая головою и продолжая смотрѣть на Токарева взглядомъ, отъ котораго ему было неловко.—И другихъ можно „глубоко уважать" за ломаный грошъ, да и... самому весь свой основной капиталъ можно ограничить такимъ же грошомъ.

— Ну, Сергѣй Васильевичъ, на личности, я думаю, можно бы и не переходить!—рѣшительно и быстро произнесъ Токаревъ.

— То-есть, позвольте! Вы же сами все время доказываете, что мнѣ всего двадцать лѣтъ; въ правѣ же и я сказать, что вамъ... перевалило за тридцать!—съ усмѣшкою возразилъ Сергѣй.

— Да, мнѣ перевалило за тридцать. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Къ *себѣ* я могу и даже обязанъ предъявлять самыя высокія требованія, всю жизнь свою я могу оковать долгомъ, но это не освобождаетъ меня отъ обязанности относиться къ дру-

Digitized by Google

гимъ терпимо и снисходительно; я понимаю, что жить порядочнымъ человѣкомъ не такъ легко, какъ птицѣ пѣть пѣсни, и что тотъ, кто съ собою борется, кто старается не потерять изъ глазъ идеала, заслуживаетъ уваженія, а не презрѣнія. Я даже больше скажу:наша прямолинейная требовательность, наша ненависть къ компромиссамъ тяжелымъ проклятіемъ лежитъ на всей исторіи нашей интеллигенціи. Это—спеціально-русская черта, совершенно непонятная европейцу. Лежитъ куча кирпичей. Европеецъ беретъ изъ нея столько, сколько въ силахъ поднять, и спокойно несетъ къ мѣсту постройки. Русскій слѣдитъ за нимъ съ презрительной усмѣшкой: „смотрите какой филистеръ,—несетъ всего дюжину кирпичей!“ Подходитъ русскій богатырь и взваливаетъ себѣ на плечи всю кучу;онъ еле идетъ, ноги его подгибаются, и онъ, наконецъ, падаетъ,—надорвавшійся, на смерть раздавленный нечеловѣческою тяжестью. Вотъ это герой!.. Подходитъ другой, пробуетъ поднять ношу, и опять-таки, конечно, всю цѣликомъ. Но у него не хватаетъ силъ. Что дѣлать? Онъ въ отчаяніи стоитъ надъ тяжелою грудою: онъ—не работникъ, онъ—лишній человѣкъ,—и пускаетъ себѣ въ лобъ пулю. Вѣдь такое отношеніе къ дѣлу мы видимъ у насъ во всемъ. У каждаго надъ головою виситъ альтернатива: „либо герой, либо подлецъ“, середины между этимъ для насъ нѣтъ.

— Ну, теперь мнѣ все совершенно ясно!—протянулъ Сергѣй.—О, да! Удобнѣе всего, конечно, помѣститься въ центрѣ вашей альтернативы,—дескать, ни герой, ни подлецъ, заполучить тепленькое мѣстечко въ надежномъ учрежденіи и дѣлать „посильное дѣло“, жертвуя старые журналы въ народную библіотеку... Но неужели вы, Владиміръ Николаевичъ, не замѣчаете, что вы полный банкротъ?—вдругъ сказалъ онъ, поднявъ на Токарева тяжелый взглядъ.

— Сережа, это, наконецъ, гадко!—въ негодованіи воскликнула Варвара Васильевна.—Для чего ты постоянно сейчасъ же сворачиваешь на личности?

— Чортъ возьми, да мнѣ вовсе не интересенъ теоретическій разговоръ!—огрызнулся Сергѣй.—Всѣ любящіе папаши говорятъ то же самое! Меня все время интересуетъ лишь самъ Владиміръ Николаевичъ, о которомъ я раньше имѣлъ совершенно другое представленіе.

— Ну, знаете, въ такомъ случаѣ мы лучше прекратимъ разговоръ,—сдержанно произнесъ Токаревъ и молча заходилъ по комнатѣ.

Варвара Васильевна, потемнѣвъ, смотрѣла на Сергѣя, стараясь остановить его взглядомъ.

— Разныя бываютъ историческія эпохи, — спокойно загово-

Digitized by Google

рилъ Сергѣй, какъ будто ничего не произошло.—Бываютъ времена, когда дѣла улитокъ и муравьевъ не могутъ быть оправданы ничѣмъ. Что подѣлаешь? Такъ складывается жизнь: либо безбоязненность полная, либо—банкротъ, и иди на смарку.

Токаревъ, напѣвая подъ-носъ, ходилъ по комнатѣ, показывая, что онъ не слушаетъ Сергѣя и считаетъ разговоръ конченымъ. Остальные тоже молчали, съ осужденіемъ глядя на Сергѣя.

— Оо-ох-хо-хо! — зѣвнулъ Сергѣй и потянулся, заложивъ руки за спину.

— Сережа, осторожнѣе! Продавишь локтемъ стекло,—замѣтила Катя.

Сергѣй помолчалъ; глаза его странно и весело заблестѣли.

— А что, вышибу я сейчасъ стекло или нѣтъ? — спросилъ онъ, высоко поднявъ брови, и лицо его отъ этого стало совсѣмъ дѣтскимъ.

— Ну, братъ, пожалуйста! Чего добраго, ты и вправду вышибешь!—сказала Варвара Васильевна.

Сергѣй, все такъ же поднявъ брови, съ выжидающею усмѣшкою глядѣлъ на Варвару Васильевну—и вдругъ быстро двинулъ локтемъ. Осколки стекла со звономъ посыпались за окно; сырой вѣтеръ бѣшено ворвался въ комнату, пламя лампы мигнуло и длиннымъ, коптящимъ языкомъ забилось въ стеклѣ.

— Господи, Сережа, вѣдь это же невозможно!—воскликнула Варвара Васильевна. Она поспѣшно схватила лампу и отодвинула ее въ уголъ.

Токаревъ остановился, съ недоумѣніемъ оглядѣлъ Сергѣя и, пожавъ плечами, снова заходилъ по комнатѣ.

— Чортъ знаетъ, что такое! Для чего я это сдѣлалъ?—съ сконфуженною улыбкою произнесъ Сергѣй и почесалъ въ затылкѣ.— Ну, ничего, Варварка, не огорчайся! Мы сейчасъ все это дѣло поправимъ!

Онъ быстро выбросилъ въ садъ осколки стекла, взялъ съ дивана порыжѣлую кожаную подушку и заставилъ ею окно.

— Видишь, еще лучше: все таки хоть немножко вентиляція будетъ происходить,—сказалъ онъ, стараясь говорить шутливымъ тономъ.

— Что это у васъ тутъ за война? — недовольно спросила Конкордія Сергѣевна, входя въ столовую.

— Войны, мама, никакой не было,—отвѣтилъ Сергѣй.—Это я хотѣлъ испытать, крѣпки ли у насъ стекла въ окнахъ; оказывается, никуда не годятся,—представь себѣ!

— Окошко разбилъ? Господи ты мой Боже! Ну, что это!— Конкордія Сергѣевна, ворча, подошла къ разбитому окну.— Словно мальчикъ какой маленькій! Разыгрался!

Digitized by Google

— Ничего, мама, завтра покрѣпче стекло вставимъ!—сказалъ Сергѣй, обнимая ее.—А что, дашь ты намъ попробовать пастили, которую сегодня варила?

— Ишь, увивается!—засмѣялась Катя.

— Не будетъ тебѣ пастилы, не стоишь!—съ сердитою улыбкою отвѣтила Конкордія Сергѣевна.—Вы, дѣтки, ступайте изъ столовой; вонъ какъ въ окно дуетъ, еще простудитесь!.. И какъ это такъ можно? Вѣдь стекло денегъ стоитъ! Не маленькій, могъ бы понять. Тридцать-сорокъ копѣекъ надо отдать... Пастила еще не остыла, на холодъ поставлена,—прибавила она уходя.

Сергѣй молча постоялъ и тоже вышелъ.

— Что за странный человѣкъ!—сказалъ Токаревъ, пожавъ плечами.

— Ему что-то сегодня не по себѣ,—грустно произнесла Катя и съ безпокойствомъ взглянула на Варвару Васильевну. — Я боюсь,—что, если съ нимъ сегодня опять что-нибудь случится?

— Ужасно онъ нервный!—проговорила Варвара Васильевна.—Чтобы вправду чего-нибудь сегодня не случилось съ нимъ! А тутъ еще вѣтеръ такъ фантастически гудитъ...

XII.

Сергѣй вышелъ изъ столовой и медленно прошелъ черезъ большую, темную залу въ гостиную; въ ней тоже было темно. Сергѣй постоялъ посреди комнаты, подошелъ къ столу и опустился въ неудобное старинное кресло съ выгнутою спинкою. Съ самаго утра имъ сегодня владѣла тупая, мутная тоска; была противна погода, были противны вчерашніе гости, а всего противнѣе было то, что онъ не можетъ стряхнуть съ себя этой охватившей его тоски; раздражительная и злобная, она росла, поднималась и охватывала его, словно какія-то душныя испаренія. Сергѣй сидѣлъ, положивъ локоть на спинку кресла, и съ отвращеніемъ наблюдалъ, какъ въ его душѣ шевелилась и дрожала эта темная нервная муть, надъ которою онъ былъ невластенъ. Токаревъ сейчасъ тоже говорилъ о „смутныхъ, неподвластныхъ человѣку силахъ, которыя формируютъ сознаніе“... О, этотъ человѣчекъ съ отростающимъ животикомъ и начинающеюся лысиною,—онъ все сумѣетъ повернуть на оправданіе своей заплывающей жиромъ души... И Сергѣй гадливо морщился отъ мысли, что у него можетъ быть хоть что-нибудь общее съ этимъ человѣкомъ.

Въ большой, высокой гостиной было темно, и только свѣтлѣли огромныя окна. Вѣтеръ гудѣлъ не переставая, тучи быстро бѣжали надъ садомъ; черныя вершины деревьевъ бились и мета-

Digitized by Google

лись подъ вѣтромъ. Стеклянная дверь террасы звякнула, и ей въ отвѣтъ слабо, болѣзненно зазвенѣла струна въ роялѣ.

Сергѣй вздрогнулъ и оглядѣлся. Онъ услышалъ этотъ неумолчный, глухой гулъ вѣтра; гулъ былъ тамъ, снаружи, а кругомъ стояла могильная тишина, и только стѣнные часы въ залѣ какъ-то особенно громко тикали; но въ этой тишинѣ все какъ будто жило и таинственно двигалось... Опять звякнуло стекло, что-то невидимое со вздохомъ пронеслось въ темнотѣ черезъ комнату и исчезло за шкафомъ; дверь въ залу слабо скрипнула и зашевелилась. За окномъ, на фонѣ блѣднаго ночного неба, какъ живая, испуганно билась вѣтка. Сергѣю стало жутко. Онъ всталъ и вышелъ изъ гостиной, боясь оглянуться.

Въ столовой еще горѣлъ огонь; у стола, тихо разговаривая, сидѣли Токаревъ и Варвара Васильевна. Сергѣй прошелъ по коридору въ комнату матери. Конкордія Сергѣевна рѣзала на блюдѣ свѣже-сваренную яблочную пастилу и укладывала ее въ банки. У окна, заставленнаго бутылями съ наливкою и ягоднымъ уксусомъ, стояла Катя.

— Ну, вотъ, теперь вамъ всѣмъ до самыхъ святокъ припасовъ хватитъ!—сказала Конкордія Сергѣевна. — Посмотри, Сереженька, какая пастила,—какъ янтарь! Попробуй-ка!

Сергѣй молча взялъ кусокъ и съѣлъ.

— А ветчину дашь?—коротко спросилъ онъ, чтобы что нибудь сказать.

— Какъ же! Сегодня утромъ четыре окорока отослала коптить въ городъ... Ну, слава Богу, все уложила!

Конкордія Сергѣевна стала увязывать банки. Катя съ робкимъ безпокойствомъ украдкою слѣдила за Сергѣемъ.

— Какъ вѣтеръ-то гудитъ!—помолчавъ, заговорила Конкордія Сергѣевна.—А рамы всѣ въ щеляхъ, ни одна плотно не закрывается, на стеклахъ всю замазку галки оклевали... Да! Вотъ еще что, дѣтки: колбасы я вамъ положу двухъ сортовъ,—польскія и просто жареныя; жареныя вы ѣшьте раньше, онѣ скоро портятся. Ихъ можно ѣсть холодными, но, если разогрѣть, то, конечно, будетъ вкуснѣе. Ѣшьте съ горчицей, это будетъ здоровѣе для желудка.

Сергѣй, съ неподвижными глазами, постоялъ еще немного и молча вышелъ.

— Сережа, ты куда идешь?—спросила Катя.

— Наверхъ къ себѣ.

— Можно съ тобой?

Сергѣй замѣтилъ ея любящій, полный безпокойства взглядъ.

— Что тебѣ тамъ надо?—рѣзко сказалъ онъ.

Катя замолчала.

Digitized by Google

Сергѣй вышелъ изъ комнаты, прошелъ темный коридоръ, переднюю, и по узкой, высокой лѣстницѣ поднялся въ мезонинъ.

Наверху было темно, и въ этой темнотѣ такъ же, какъ въ гостиной, все жило и двигалось. Вѣтеръ въ саду гудѣлъ глухо и непрерывно, то усиливаясь, то ослабѣвая; на дворѣ отрывисто лаяла собака, словно прислушиваясь къ собственному лаю, и заканчивала протяжнымъ воемъ; полуоторванный желѣзный листъ звякалъ на крышѣ сарая. Сергѣй остановился посреди комнаты, медленно дыша и пристально вглядываясь въ темноту.

Снаружи что-то невидимое зашуршало по стѣнѣ и быстро пронеслось передъ окнами; въ углу у окна раздалось слабое жалобное гудѣніе. Это гудѣніе постепенно становилось все громче. Снова что-то съ шумомъ пронеслось передъ окнами, вѣтеръ яростно налетѣлъ изъ сада на домъ; стѣна затрещала. А въ углу ныло все сильнѣе, отчаяннѣе; теперь тамъ ясно слышались живые, какъ будто человѣческіе стоны. Сергѣй сталъ осторожно вглядываться въ уголъ и вдругъ замѣтилъ, что въ правомъ окнѣ створки какъ-то странно стучатъ,—слабо, порывисто и неправильно; какъ будто кто-то, подлетѣвъ снаружи, старался открыть окно, нетерпѣливо ерзая по переплету. Сергѣй стоялъ, широко открытыми глазами вглядываясь въ окно,—и вдругъ, вздрогнувъ, отскочилъ назадъ: въ щелку рамы раздался злобный, шипящій свистъ...

— Это вѣтеръ!—успокаивалъ себя Сергѣй, задыхаясь.

А снаружи бѣшено выло и свистало, стѣна колебалась... И вдругъ, сразу, все оборвалось и замолчало. Только далеко гудѣлъ садъ,—глухо и утомленно.

Стало тихо. Смутный ужасъ все сильнѣе охватывалъ Сергѣя. Средь мертвой тишины сзади, въ темномъ углу, кто-то невидимый спокойно сплюнулъ. Сергѣй быстро обернулся: это капнула на полъ капля изъ рукомойника, подъ который забыли подставить тазъ. Опять что-то легкое пронеслось за окнами, и опять слабо, чуть слышно заныло что-то въ углу. Гулъ сада росъ, усиливался, становился ближе; какъ будто могучая сила неслась изъ сада на домъ. Со всѣхъ сторонъ стали раздаваться странные, неясные звуки, и Сергѣй ужъ не успѣвалъ ихъ объяснять. Окружающее принимало необычный, сверхъестественный характеръ. У окна слабо шевелилось что-то сѣрое, волнующееся, сзади кто-то тяжело дышалъ, въ темнотѣ быстро проносились синеватыя искры. Сергѣю тѣснило грудь, у него не хватало дыханія; ужасъ,—безумный, неразсуждающій и тянущій къ себѣ,—оковалъ его; и Сергѣю казалось,—стоитъ ему шевельнуться, и случится нѣчто-неслыханное, и онъ, потерявъ разумъ, полетитъ въ какую-то темную, крутящуюся бездну.

Digitized by Google

XIII.

Токаревъ и Варвара Васильевна сидѣли вдвоемъ въ столовой. Лампа освѣщала скатерть и неприбранныя тарелки съ объѣдками. Въ саду бушевалъ вѣтеръ, въ разбитое окно, заставленное подушкою, дуло сырымъ холодомъ.

— Вы сказали тогда, — говорила Варвара Васильевна, — что за маленькою душою человѣка стоятъ смутныя и громадныя силы, которыя дѣлаютъ съ нами, что хотятъ. Это такъ страшно и, кажется... такая правда!

Она помолчала и, пересиливая себя, заговорила опять.

— Я ужъ нѣсколько лѣтъ замѣчаю это на самой себѣ. Что такое дѣлается? Во мнѣ все словно сохнетъ, какъ сохнетъ вѣтка дерева; ея форма, весь ея наружный видъ, — все какъ будто остается прежнимъ, а между тѣмъ въ ней нѣтъ гибкости, нѣтъ жизни, она мертва до самой сердцевины. Вотъ такъ и со мною. Какъ будто ничего не измѣнилось; взгляды, цѣли, стремленія, — все прежнее, но отъ нихъ все больше отлетаетъ духъ...

Токаревъ медленно расхаживалъ по комнатѣ и съ удивленіемъ слушалъ Варвару Васильевну: онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ она переживала что-либо подобное. И отъ ея признаній у него въ душѣ поднималось что-то облегчающее и радостное, и Варвара Васильевна становилась ему ближе.

— И что дѣлать, чтобъ удержать прежнее? — продолжала Варвара Васильевна. — Я бы ни передъ чѣмъ не остановилась, но оно прошло, и его не воротишь. Нѣтъ желанія отдать себя всю, цѣликомъ, хотя вовсе собою не дорожишь, нѣтъ ничего, что, дѣйствительно, серьезно бы захватывало, во что готова бы вложить всю душу. Я знаю, въ этомъ — рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, счастье и жизнь, но только во мнѣ этого нѣтъ, и я... я не люблю людей, и ничего не люблю! — сказала она, со страхомъ взглянувъ на Токарева.

Токаревъ, широко раскрывъ глаза, молча ходилъ по комнатѣ; онъ ждалъ, чтобъ Варвара Васильевна продолжала, до того странно звучало въ ея устахъ такое признаніе.

— Вы не любите людей... — наконецъ, медленно проговорилъ онъ, остановившись у стола. — Я не знаю, кто же тогда можетъ сказать, что любитъ ихъ? Мнѣ кажется, вы предъявляете къ себѣ ужъ слишкомъ преувеличенныя требованія. Вы хотите каждаго, перваго встрѣчнаго человѣка любить горячо, такъ сказать, „конкретно“, какъ близкаго, — это прямо невозможно. Возьмите такой случай. Я иду ночью по глухой улицѣ и слышу крики: „караулъ!“ Если я знаю, что это кричитъ, положимъ, любимая мною дѣ-

Digitized by Google

вушка, я все забуду и брошусь на помощь. Если же это такъ, неизвѣстно, кто кричитъ, то пойду я очень неохотно, а можетъ быть, даже постараюсь пройти въ сторонкѣ незамѣченнымъ...

Варвара Васильевна подняла голову и удивленно взглянула на Токарева.

— Допустимъ для ясности, что я даже на это способенъ,—продолжалъ Токаревъ, какъ будто не замѣчая удивленія Варвары Васильевны и стараясь незамѣтно сгладить впечатлѣніе отъ своего признанія, — допустимъ, что я прошелъ бы мимо. Всетаки это еще ничего не доказываетъ: на страданія чужого человѣка невозможно отзываться такъ же горячо, какъ на страданія близкаго. Но значитъ ли это, что я не люблю людей? Мнѣ дорого все хорошее, я горячо радуюсь тому, что приноситъ людямъ пользу и счастье, негодую на то, что ихъ давитъ и дѣлаетъ несчастными; при устройствѣ моей личной судьбы я руководствуюсь не собственными выгодами, а тѣмъ, чтобъ мое дѣло было по возможности полезно для людей. Развѣ бы все это было возможно, если бы мнѣ до другихъ не было дѣла?

Варвара Васильевна молчала, опустивъ голову надъ столомъ. Токаревъ прошелся по комнатѣ.

— И главное,—вамъ, *вамъ* обвинять себя въ равнодушіи къ людямъ!—воскликнулъ Токаревъ.—Эхъ, Варвара Васильевна! Ну, отвѣтьте по совѣсти: если бы нужно было умереть за какое-нибудь хорошее дѣло,—вы-то не пошли бы? Да я голову даю на отсѣченіе, что вы оказались бы въ первыхъ рядахъ.

— Нѣтъ, я пошла бы... Именно потому, что требовалось бы *умереть*,—отвѣтила Варвара Васильевна съ блѣдною улыбкою.

Токаревъ опустилъ голову. Что-то жуткое прошло у него по душѣ,—жуткое и отъ смысла словъ Варвары Васильевны, и оттого, что она въ этомъ признавалась. И онъ почувствовалъ, что дальше въ ихъ разговорѣ не будетъ лжи, что и онъ будетъ говорить всю правду, какова бы она ни была. Вѣтеръ бѣшенымъ порывомъ налетѣлъ изъ сада и зазвенѣлъ въ стеклахъ оконъ.

— А что такая холодная любовь, о какой я говорю, не можетъ наполнить жизни,—это, конечно, вѣрно,—съ усиліемъ произнесъ Токаревъ.—Говоря правду, со мною происходитъ то же, что съ вами, только еще въ большей мѣрѣ. Вы вотъ сейчасъ, кажется, удивились, когда я сказалъ, что, слыша крики о помощи, я, можетъ быть, прошелъ бы мимо; а я чувствую себя даже на это способнымъ. Помните, вы тогда въ больницѣ пошли ночью напоить бѣшенаго мужика? Я неправду сказалъ, что не зналъ, гожусь ли я вамъ въ помощники,—я просто боялся пойти...

Варвара Васильевна смущенно и растерянно подняла на него

Digitized by Google

глаза и сочувственно закивала головою, какъ бы боясь, чтобъ Токаревъ не подумалъ, что она осуждаетъ его.

— Мнѣ вообще тяжело и заглядывать въ себя,—продолжалъ онъ, чувствуя радость отъ возможности говорить все, не встрѣчая осужденія.—Я вижу, что во мнѣ исчезаетъ что-то, исчезаетъ страшно нужное, безъ чего нельзя жить. Гаснетъ непосредственное чувство, и его не замѣнишь ничѣмъ. Я начинаю все равнодушнѣе относиться къ природѣ, люди все больше какъ бы отгораживаются отъ меня толстою, непроходимою стѣною, хочется жить для одного себя... Я вотъ теперь много думаю и читаю по этикѣ, стараюсь философски обосновать мораль, конструирую себѣ разныя „категоріи долга". Но въ душѣ я горько смѣюсь надъ собою: ночему раньше мнѣ ничего подобнаго не было нужно? Замѣтили ли вы, что вообще у людей дѣйствующихъ мораль поразительно скудна и убога? А вотъ когда человѣкъ остываетъ, тутъ-то и начинаются у него настойчивыя мысли объ морали, объ долгѣ. И чѣмъ больше онъ остываетъ, тѣмъ возвышеннѣе становится его мораль и ея обосновка. Долгъ, долгъ!.. Всегда, когда я говорю или думаю о немъ, у меня въ самой глубинѣ души начинаетъ безпокойно копошиться стыдъ, какъ будто я собираюсь начать игру съ фальшивой колодой картъ. Долгъ тащитъ человѣка туда, куда онъ не хочетъ идти самъ; но человѣкъ куда хитрѣе стоящаго надъ нимъ долга и, въ концѣ концовъ, заставляетъ его тащить себя какъ разъ туда, куда ему хочется. Пройдетъ десять лѣтъ,—я буду видѣть долгъ въ томъ, чтобъ не ссориться съ женою, чтобъ пожертвовать десять рублей на народную библіотеку или отказаться отъ третьяго блюда въ пользу голодающихъ. Пройдетъ еще десять лѣтъ, начнетъ старѣть тѣло,—и я создамъ себѣ долгъ въ томъ, чтобъ отказаться отъ табаку, отъ вина, стать вегетаріанцемъ... И вѣдь ужасно то,—я знаю, что это такъ и будетъ, и я буду искренно уважать себя за то, что по мѣрѣ силъ исполняю возложенный на себя долгъ.

Варвара Васильевна молчала, сдвинувъ брови и задумчиво собирая ножомъ хлѣбныя крошки въ одну кучу.

— Я изъ всего этого не вижу никакого выхода,—тихо заговорилъ Токаревъ снова.—Умерло непосредственное чувство,—умерло все; его нельзя замѣнить никакимъ божествомъ, никакими философскими категоріями и нормами, никакимъ „я понялъ". Разъ же это такъ, то, конечно, вы въ сущности правы: для чего оставаться жить? Не для того же, въ самомъ дѣлѣ, чтобъ бичевать себя и множить собою число „лишнихъ людей"...

— Да. И хорошо тѣмъ, о комъ некому печалиться,—сказала Варвара Васильевна.

Они становились все ближе другъ другу.

Digitized by Google

— И удивительная у меня организація! — помолчавъ, заговорила Варвара Васильевна, съ отдающимся довѣріемъ сообщницы глядя на Токарева. — Никакая болѣзнь ко мнѣ не пристаетъ. Какъ-то разъ на вскрытіи Алексѣй Михайловичъ, докторъ нашъ, говоритъ мнѣ: „осторожнѣе вскрывайте трупъ, больной умеръ отъ гнилокровія". А я порѣзалась...—Она показала большой красный рубецъ на лѣвой ладони.—И хоть бы что! Черезъ двѣ недѣли все зажило. Другой разъ смазывала я зѣвъ дифтеритному ребенку; дифтеритъ былъ очень тяжелый, гангренозный; ребенокъ закашлялся и брызнулъ мнѣ слюною въ глаза; на этотъ разъ, конечно, все вышло нечаянно. Я сейчасъ же не успѣла промыть глазъ,— и все таки ничего!

Токаревъ остановился у печки, высоко поднявъ брови и неподвижно глядя на Варвару Васильевну. „*На этотъ разъ, конечно, нечаянно*"... Значитъ, въ первый разъ было *не* нечаянно?.. Такъ вотъ на что способна она, всегда такая ровная и веселая! Токареву стало страшно отъ мыслей, которыя онъ только что высказывалъ съ такимъ легкимъ сердцемъ, и сидѣвшая передъ нимъ дѣвушка вдругъ стала ему чуждой-чуждой...

Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ.

— И все-таки мнѣ кажется, что *вы* меньше всѣхъ другихъ имѣете право такъ поступать,—измѣнившимся голосомъ заговорилъ онъ, остановившись передъ Варварой Васильевной.—Вамъ жить тяжело, это я теперь вижу. Но я слышалъ, какъ восторженно отзываются объ васъ всѣ, съ кѣмъ вы сталкиваетесь, вижу, какимъ свѣтлымъ лучомъ вы вездѣ являетесь... Какое вы имѣете право уходить изъ жизни только потому, что вамъ самой тяжело? Неужели это не самый грубый эгоизмъ?

Варвара Васильевна пугливо взглянула на Токарева и опустила глаза, жалѣя, что проговорилась. А онъ смотрѣлъ на ея красивый, благородный лобъ, на мягкіе и густые русые волосы,— и что-то рыдающее забилось въ его груди.

Въ столовую вошла Катя.

— Варя, пойдемъ спать!—сказала она.—Ужъ первый часъ.

— Вѣрно, пора! Пойдемъ! — быстро отвѣтила Варвара Васильевна и встала.

— Какъ этотъ вѣтеръ непріятно дѣйствуетъ на нервы!—проговорила Катя, нервно поведя плечами.—Мнѣ просто жутко идти спать одной. Послушайте-ка, какъ гудитъ!

Они замолчали. Непрерывный гулъ стоялъ надъ садомъ,— странный, зловѣщій и сухой, какъ только осенью деревья шумятъ; вѣтеръ порывами проносился за темными окнами, стволы липъ скрипѣли, въ печной трубѣ слышался шорохъ.

Вдругъ наверху, надъ потолкомъ, раздался глухой стукъ, какъ

Digitized by Google

отъ паденія человѣческаго тѣла; потомъ раздались удары ногъ объ полъ, и упало еще что-то тяжелое.

Катя быстро подняла голову.

— Что это тамъ?!—нервно вскрикнула она.

Всѣ насторожились. Опять что-то глухо стукнуло надъ потолкомъ, и затѣмъ послышались странные звуки,—не то смѣхъ, не то плачъ. Вѣтеръ сильнѣе завылъ за окномъ.

— Варя, голубушка, это что-то съ Сережей наверху!—вдругъ разрыдалась Катя.—Онъ съ утра былъ странный... Скорѣе, пойдемте!.. Господи, что съ нимъ тамъ такое?!..

— Да ну, Катя, что это?—сказала Варвара Васильевна, невольно вздрогнувъ.—Что съ нимъ можетъ случиться!

— Нѣтъ, нѣтъ, пойдемте скорѣе!—твердила Катя, заливаясь слезами.—Владиміръ Николаевичъ, пойдите, посмотрите, что съ нимъ такое!...

Всѣ вышли въ переднюю.

XIV.

Токаревъ и Варвара Васильевна стали подниматься по крутой, скрипучей лѣстницѣ, ведущей наверхъ. На лѣстницѣ было темно; Токаревъ зажегъ спичку. Вдругъ дверь наверху быстро распахнулась, и на порогѣ появилась бѣлая фигура Сергѣя въ нижнемъ бѣльѣ. Онъ былъ страшенъ: волосы его были всклокочены, глаза горѣли дикимъ, безумнымъ ужасомъ.

— Оо-о-о-о-оо!!.—кричалъ онъ непрерывнымъ, рыдающимъ воемъ, весь трясясь.—Что тебѣ тутъ нужно? Во-онъ!!. Черти!..

— Сережа, что съ тобою? Стыдись!—громко произнесла Варвара Васильевна.

Сергѣй продолжалъ безсмысленно выть, согнувшись и держась руками за косякъ двери, глядя пристальнымъ, безумнымъ взглядомъ въ глаза Токарева.

— Да ну, успокойтесь же, Сергѣй Васильевичъ! Что это, въ самомъ дѣлѣ! Какъ вамъ не стыдно?—сказалъ Токаревъ и шагнулъ впередъ.

Сергѣй вздрогнулъ, какъ будто наступилъ на змѣю, и быстро выпрямился.

— Вонъ!!!—завопилъ онъ, судорожно затопавъ ногами и сжавъ кулаки.

Спичка погасла въ рукахъ Токарева.

— Сереженька!—услышалъ онъ за собою робкій, плачущій голосъ Конкордіи Сергѣевны.—Охъ, Владиміръ Николаевичъ, голубчикъ мой, что это съ нимъ?

Дверь наверху захлопнулась.

Digitized by Google

— Помогите мнѣ взойти!.. Охъ!.. Не видно ничего, темно!.. Что это съ нимъ такое?.. Варенька, ты это? Что съ нимъ?

Конкордія Сергѣевна продолжала подниматься по лѣстницѣ, оступаясь въ темнотѣ. У Токарева спичекъ въ коробкѣ больше не было.

— Принесите скорѣе свѣчку! — сказала ему Варвара Васильевна.

Токаревъ поспѣшно спустился внизъ. Въ передней горѣла лампа. Катя, схватившись за голову и склонясь надъ столомъ, истерически рыдала.

— Ну, что Сережа?—спросила она.

— Добудьте скорѣе свѣчку! — сказалъ Токаревъ. Онъ былъ блѣденъ, и нижняя челюсть его дрожала.

— Да вотъ, возьмите лампу, она здѣсь не нужна.

— Лампу страшно: вышибетъ изъ рукъ,—еще пожару надѣлаетъ.

Катя поспѣшила за свѣчой. Токаревъ остановился у коника. Вѣтеръ вылъ на дворѣ, въ черномъ окнѣ отражался свѣтъ лампы. Прусакъ пробѣжалъ по столу, достигъ газетнаго листа, на которомъ лежалъ сушившійся хмѣль, — задумчиво пошевелилъ усиками и побѣжалъ вдоль листа къ стѣнѣ.

Катя принесла горящую свѣчу. Токаревъ поднялся наверхъ. Сергѣй лежалъ на кровати, закутавшись въ одѣяло и повернувшись лицомъ къ стѣнѣ. Надъ нимъ склонилась Конкордія Сергѣевна и плакала, утирая глаза платкомъ. Варвара Васильевна, сдвинувъ брови, молча стояла у стѣны.

— Сереженька, родной мой! Скажи мнѣ, что съ тобою?— спрашивала Конкордія Сергѣевна.

— Да пустяки, ничего не было!—отрывисто отвѣтилъ Сергѣй своимъ обыкновеннымъ голосомъ, не поворачивая головы.

— Варенька, милая, дай ему какихъ-нибудь успокоительныхъ капель!.. Это ты себѣ нервы разстроилъ. Говорила я тебѣ: не занимайся такъ много. Сидишь по ночамъ, вотъ и досидѣлся...

Конкордія Сергѣевна, всхлипывая, подошла къ заваленному книгами столу.

— Сережа, выпей чего-нибудь, чтобъ успокоить маму, я тебѣ принесу, — шепнула Варвара Васильевна Сергѣю. Сергѣй молча кивнулъ головою.

Варвара Васильевна пошла внизъ.

— Вонъ сколько книгъ... Господи! Да вѣдь это совсѣмъ голову себѣ испортишь! — говорила Конкордія Сергѣевна, стоя у стола.—Ну, почиталъ немножко,—и довольно, отдохни. А то вѣдь день и ночь, все книги и книги...

Сергѣй, не шевелясь, лежалъ на постели.

Digitized by Google

— Ну, вотъ тебѣ и успокоительныя капли!—весело заговорила Варвара Васильевна, неся стаканъ съ размѣшаннымъ въ немъ бромистымъ каліемъ.—Сережа, пей!

— Ты бы еще, Сереженька, ледъ себѣ на голову положилъ,—сказала Конкордія Сергѣевна.—Я сейчасъ велю Дашкѣ наколоть.

— Да полноте, Конкордія Сергѣевна! — разсмѣялся Токаревъ.—Какой тамъ ледъ! Оставьте его спать!

— Ну, спи, голубчикъ! Господь съ тобою!

Она неувѣренно подошла къ Сергѣю, перекрестила его и поцѣловала. Сергѣй поморщился и закутался въ одѣяло.

Конкордія Сергѣевна и Варвара Васильевна ушли. Токаревъ взялъ свѣчу и перешелъ во вторую, свою комнату. Онъ почувствовалъ себя одинокимъ, и ему стало немного страшно. Взявъ книгу, онъ сѣлъ къ столу такъ, чтобъ дверь въ сосѣднюю комнату была у него на глазахъ.

Токаревъ скользилъ взглядомъ по строкамъ, но ничего не понималъ изъ того, что читалъ. Сергѣй въ сосѣдней комнатѣ заворочался на постели.

— Однако же, и дозу закатила мнѣ Варька! — проговорилъ онъ.—Что это, бромъ?

— Да. Ничего, что много, лучше подѣйствуетъ, — отвѣтилъ Токаревъ.

Ему стало не такъ страшно.

— Соленый какой! Теперь, я знаю, на нѣсколько дней раскиснешь. Помню, разъ пришлось принять,—три дня послѣ этого голова какъ будто тряпками была набита... Чортъ знаетъ, что я такое выкинулъ!—сконфуженно усмѣхнулся Сергѣй, помолчавъ.

Токаревъ вошелъ въ его комнату.

— Какъ вы себя теперь чувствуете?—спросилъ онъ.

— Ничего,—неохотно отвѣтилъ Сергѣй и замолчалъ.—А хорошо, что вы тогда на лѣстницѣ еще одного шагу не сдѣлали,—прибавилъ онъ.—Я бы васъ, ей-Богу, задушилъ!

— Ну, ужъ задушили бы! — улыбнулся Токаревъ, чувствуя, что блѣднѣетъ.

Въ глазахъ Сергѣя мелькнулъ насмѣшливый огонекъ, и Токаревъ замѣтилъ это.

Внизу, на лѣстницѣ, раздался шорохъ и тихій скрипъ ступеней.

— Что тамъ еще такое?!—вздрогнулъ Сергѣй, быстро поднимаясь на постели, и глаза его снова странно загорѣлись.

Очевидно, Конкордія Сергѣевна или Катя подслушивали, что дѣлается съ Сергѣемъ. Токаревъ взялъ свѣчу и пошелъ, чтобъ попросить ихъ уйти. Но только что онъ ступилъ на лѣстницу,

Digitized by Google

какъ Сергѣй неслышно вскочилъ съ постели и скользнулъ въ комнату Токарева. Токаревъ повернулъ назадъ. На порогѣ своей комнаты онъ почти столкнулся со спѣшившимъ обратно Сергѣемъ; взгляды ихъ встрѣтились; Сергѣй быстро отвернулъ лицо и снова легъ въ постель. Токаревъ съ сильно бьющимся сердцемъ вошелъ въ свою комнату и подозрительно оглядѣлся. Что тутъ нужно было Сергѣю? Что онъ взялъ?

Ему стало невыразимо страшно, захотѣлось убѣжать, спрятаться куда-нибудь. Онъ попрежнему сѣлъ къ столу, не спуская глазъ съ чернаго четыреугольника двери. Въ сосѣдней комнатѣ было тихо. За окномъ гудѣлъ садъ, рамы стучали отъ вѣтра... Сергѣй, можетъ быть, взялъ здѣсь ножъ; все это, Богъ вѣсть, чѣмъ можетъ кончиться! Хорошо еще, что бромъ онъ принялъ: бромъ—сильное успокаивающее, и черезъ полчаса ужъ не будетъ никакой опасности.

Сергѣй заворочался на постели, деревянная кровать подъ нимъ заскрипѣла. Токаревъ насторожился. Снова все стихло. Токаревъ курилъ и думалъ о томъ, какъ ему поступить, если Сергѣй бросится на него: покорно-ли, съ кроткою улыбкою, отдаться въ его руки, или грозно крикнуть на него, обуздать его силою психическаго вліянія?

Часы шли. Токаревъ непрерывно курилъ. Иногда ему казалось, что Сергѣй заснулъ: изъ сосѣдней комнаты доносилось мѣрное, спокойное дыханіе; но вскорѣ Сергѣй опять начиналъ ворочаться, и кровать подъ нимъ скрипѣла. Токарева сильно клонило ко сну; голова его опустилась, мысли стали мѣшаться. Вдругъ онъ вздрогнулъ и быстро поднялъ голову: онъ какъ будто ясно почувствовалъ на себѣ чей-то пристальный взглядъ... Кругомъ все было попрежнему; изъ сосѣдней комнаты доносилось храпѣніе Сергѣя; на дворѣ свѣтало.

Токаревъ облегченно вздохнулъ и поднялся. Въ комнатѣ было сильно накурено; онъ осторожно открылъ окно на дворъ. Вѣтеръ утихъ, по блѣдному небу плыли разорванныя, темныя облака. Дворъ былъ мокрый, черный, съ крышъ капало, и было очень тихо. По тропинкѣ къ людской неслышно и медленно прошла черная фигура скотницы. Подулъ вѣтерокъ и охватилъ Токарева сырымъ холодомъ; онъ тихонько закрылъ окно и легъ спать.

XV.

На слѣдующій день Сергѣй съ утра, какъ ни въ чемъ не бывало, засѣлъ за книги. За завтракомъ онъ былъ молчаливъ и сконфуженно смотрѣлъ въ тарелку; на него украдкою кидали внимательные взгляды, но никто не говорилъ о случившемся.

Digitized by Google

Токаревъ послѣ всего вчерашняго чувствовалъ себя, какъ въ похмѣльѣ. Что это произошло? И разговоры Сергѣя, и признанія Варвары Васильевны, и припадокъ Сергѣя, — все сплошь представлялось ему какимъ-то до невѣроятности дикимъ и больнымъ кошмаромъ. И его собственныя откровенности съ Варварой Васильевной, — онъ какъ будто высказалъ ихъ въ какомъ-то опьянѣніи, и ему было отъ нихъ стыдно. Что могло его такъ опьянить? Неожиданная откровенность Варвары Васильевны? Этотъ странный гулъ сада, который напрягалъ нервы и располагалъ къ чему-то необычному, особенному?

Между нимъ и Варварой Васильевной теперь легло что-то, и они не смотрѣли другъ другу въ глаза. Вечеромъ, передъ ужиномъ, Токаревъ пошелъ къ себѣ наверхъ за папиросами. Онъ поднимался по скрипучей лѣстницѣ, ведшей въ мезонинъ. Сквозь маленькое оконце падалъ лунный свѣтъ на крутыя, пыльныя ступеньки. И вдругъ Токареву вспомнилось, какъ вчера быстро распахнулась наверху дверь, и на порогѣ съ дикимъ воплемъ появилась страшная фигура Сергѣя, вспомнился его горящій ужасомъ взглядъ, судорожный топотъ... У Токарева непріятно сжалось сердце, и онъ, стараясь не вспоминать о вчерашнемъ, взошелъ наверхъ.

Но, разъ вспомнивъ, онъ ужъ не могъ отогнать воспоминаній. Смутный, неясный страхъ вился вокругъ и незамѣтно охватывалъ его, все окружающее становилось необычнымъ. Мѣсяцъ свѣтилъ въ окна, его мертвенный свѣтъ двумя косыми четыреугольниками ложился на полъ; въ полумракѣ комнаты стояла странная, пристальная тишина. Токаревъ неподвижно остановился посреди комнаты. Онъ чувствовалъ: раздайся сейчасъ неожиданно громкій крикъ или стукъ,—и съ нимъ произойдетъ то же, что вчера было съ Сергѣемъ: онъ такъ же затопаетъ, съ тѣмъ же дикимъ воплемъ бросится куда-то...

Въ углу около шкапа что-то смутно забѣлѣло. У Токарева стѣснилось дыханіе, и онъ сталъ пристально вглядываться. Онъ сразу понялъ, что это виситъ полотенце на ручкѣ кресла, но его тянуло вздрогнуть, тянуло испугаться. И Токаревъ стоялъ, неподвижно вглядываясь въ бѣлѣвшее пятно, словно ожидая, чтобъ что-нибудь дало толчокъ его испугу.

— Что это со мною? — вдругъ подумалъ онъ, громко разсмѣялся и, подошедши къ креслу, сдернулъ съ него полотенце.

Страхъ его исчезъ. Но оставаться наверху все-таки было непріятно, и Токаревъ вышелъ вонъ.

Въ полутемной передней сидѣла деревенская баба въ зипунѣ; Варвара Васильевна, весело разговаривая, перевязывала ей на рукѣ вскрытый нарывъ; пахло карболкою и іодоформомъ. Тока-

Digitized by Google

ревъ прошелъ залу, гдѣ Дашка накрывала столъ къ ужину, и въ темной гостиной сѣлъ къ роялю.

Онъ сидѣлъ, беря одною рукою медленные, тихіе аккорды, и задумчиво смотрѣлъ въ темноту. Какое у Варвары Васильевны было сейчасъ спокойное, веселое лицо... Да ужъ не сонъ ли то, что онъ слышалъ отъ нея вчера, въ этотъ страшный вечеръ? И всегда она такая, какъ теперь, — ровная, спокойная, какъ будто вся на туго натянутыхъ вожжахъ. Токареву становилось страшно,—страшно отъ глубины и безбоязненности той тайной драмы, которую такъ невидно переживала въ душѣ Варвара Васильевна.

Черезъ пять дней срокъ отпуска Варвары Васильевны кончился, и она уѣхала въ Томилинскъ; съ нею вмѣстѣ уѣхала въ гимназію Катя. Сергѣй рѣшилъ остаться въ деревнѣ до половины сентября, чтобъ получше поправиться отъ нервовъ; онъ каждое утро купался, не глядя на погоду, старался побольше ѣсть, рубилъ дрова и копалъ въ саду ямы для насадокъ новыхъ яблонь.

Прошла недѣля. Токаревъ поѣхалъ въ гости къ Будиновскимъ. Они встрѣтили его очень радушно, отправили лошадей обратно и продержали его у себя три дня. 30 августа, на Александра Невскаго, Токаревъ, въ легкой пролеткѣ Будиновскаго, возвращался обратно въ Изворовку. Былъ ясный осенній день. Пролетка быстро и мягко катилась по накатанной дорогѣ, Токаревъ, откинувшись на спинку сидѣнія, дышалъ чистымъ, бодрящимъ воздухомъ осени; на душѣ у него было легко, въ головѣ пріятно шумѣло отъ выпитаго за завтракомъ рейнвейна; и онъ съ улыбкою вспоминалъ милыя упрашиванія Марьи Михайловны пить побольше.

— Ну, Владиміръ Николаевичъ, выпейте еще стаканчикъ! Вѣдь это вино совсѣмъ слабенькое! Вы знаете, какъ объ немъ говорятъ нѣмцы: Рейну много, вейну мало...

Онъ вспоминалъ свои обсужденія съ Будиновскимъ его проекта открытія въ Томилинскѣ общественной библіотеки-читальни, вспоминалъ комфортабельную, чистую обстановку Будиновскихъ... Какая у нихъ здоровая, уютная и радостная жизнь!.. И Токаревъ былъ доволенъ, что у него въ Томилинскѣ будутъ такіе милые, симпатичные знакомые, и онъ думалъ о томъ, что вліятельный Будиновскій можетъ оказаться очень ему полезнымъ.

По чистому, глубоко-синему небу плыли бѣлыя облака. Надъ сжатыми полями большими стаями носились грачи и какъ-то особенно громко, не по лѣтнему, кричали. Пролетка взъѣхала на гору. Вдали, за рощей, на концѣ равнины, среди густого сада сѣрѣлъ неуклюжій фасадъ изворовскаго дома съ зеленовато-ры-

Digitized by Google

жей, заржавѣвшей крышей. Токаревъ съ страннымъ чувствомъ, какъ на что-то новое, смотрѣлъ на него.

Тамъ, подъ этою крышею, растутъ тяжелыя, мучительныя душевныя драмы, съ апломбомъ предъявляются къ людямъ ребячески-прямолинейныя требованія, гдѣ каждый человѣкъ долженъ быть какимъ-то сверхъестественнымъ героемъ; то и другое переплетается во что-то невыразимо-болѣзненное и уродливое, и жизнь становится трудно-переносимой. А между тѣмъ вѣдь вотъ живутъ же люди легко и счастливо, безъ этого томительнаго надсада, и это не мѣшаетъ имъ по мѣрѣ возможности работать на пользу другихъ... Но у насъ, русскихъ, такая посильная работа увѣнчивается только презрѣніемъ; если ты, какъ древній мученикъ, не отдаешь себя на растерзаніе звѣрямъ, если не питаешься чернымъ хлѣбомъ и не ходишь въ рубищѣ, то ты паразитъ и не имѣешь права на жизнь.

Кучеръ, въ синей рубахѣ и бархатной безрукавкѣ, подкатилъ къ крыльцу. Токаревъ слѣзъ, далъ ему рубль на чай и вошелъ въ домъ. Въ передней на вѣшалкѣ висѣло накидокъ и пальтокъ больше обычнаго. Дашка сообщила ему, что на два дня праздника пріѣхала изъ Томилинска Катя, а съ нею—Таня и Шеметовъ.

Токаревъ прошелъ къ себѣ наверхъ умыться и переодѣться. Онъ не былъ радъ пріѣзду гостей. Опять повѣетъ этимъ духомъ молодого задора и безпечной прямолинейности, — духомъ, который былъ ему теперь прямо непріятенъ.

Онъ напился кофе, поговорилъ съ Конкордіей Сергѣевной и пошелъ въ садъ. Солнце клонилось къ западу, лужайки ярко зеленѣли, и отъ каждой кочки, отъ каждаго выступа падала длинная тѣнь. Въ фруктовомъ саду, около соломеннаго шалаша, сторожа варили кашу, синій дымокъ вился отъ костра и стлался между деревьями.

Сергѣй притащилъ къ пруду въ подолѣ рубашки яблокъ и грушъ, и всѣ уписывали ихъ, расположившись на берегу. Токаревъ подошелъ и поздоровался. Таня быстро встала и подошла къ нему, — оживленная, радостная, сіяя своими большими глазами.

— А знаешь, Володя, я-таки устроила Варино дѣло!—вполголоса сообщила она.

— Да ну?!—изумился Токаревъ.

— Помнишь, мы тогда у Будиновскихъ встрѣтились съ Осьмериковымъ. Учитель гимназіи, ушастый такой, — еще ужасно ненавидитъ одаренныхъ людей. Пошла къ нему въ гости и убѣдила его, что Варя совершенно удовлетворяетъ его идеалу труженика, что нельзя ей позволить оставаться фельдшерицей. А

Digitized by Google

онъ хорошъ съ предсѣдателемъ управы. Словомъ, Варю отправляютъ на земскій счетъ въ Петербургъ въ женскій медицинскій институтъ! Понимаешь? Пять лѣтъ въ Петербургѣ.

— Ну... преклоняюсь передъ тобою! Это, дѣйствительно, очень хорошо,—сказалъ Токаревъ.

— Вотъ ты все преклоняешься и преклоняешься, а самъ ничего не хотѣлъ сдѣлать. Все—„неловко", да „съ какой стати"... Ужасно вообще ты сталъ какой-то... неподвижный. А ужъ ты бы, съ своею солидною фигурою, могъ бы гораздо скорѣе добиться всего: на меня какъ взглянетъ солидный человѣкъ, такъ сразу почувствуетъ ненависть... Вообще я своимъ пребываніемъ въ Томилинскѣ очень, очень довольна. И люди есть, и все, стоитъ только поискать. Если бы не нужно было ѣхать въ Питеръ, обязательно бы осталась здѣсь...

— Владиміръ Николаевичъ, возьмите грушъ! — крикнулъ Сергѣй, стоя на колѣняхъ передъ грудою фруктовъ.—Смотрите, какія груши,—что твой дюшесъ!

Токаревъ и Таня подошли къ остальнымъ.

— Да, Володя, вотъ что! — прибавила Таня. — Ты все-таки поговори объ этомъ дѣлѣ съ Будиновскимъ, чтобъ и онъ съ своей стороны посодѣйствовалъ. Ты съ нимъ, кажется, хорошъ.

— Пріятелями стали!—съ легкою улыбкою замѣтилъ Сергѣй.

— Не вижу ничего позорнаго быть его пріятелемъ,—холодно отвѣтилъ Токаревъ.—По моему, онъ очень дѣльный и симпатичный человѣкъ.

— Я противъ этого не спорю,—невинно сказалъ Сергѣй.—Только при всей своей симпатичности онъ всегда какъ-то... умѣетъ прекрасно устраиваться и жить со всѣми въ ладу. Мнѣ это не нравится.

— Скажите, пожалуйста, что же въ этомъ плохого?—спросилъ Токаревъ, начиная раздражаться.—Почему дѣльный человѣкъ непремѣнно долженъ жить въ грязной собачьей конурѣ и хватать зубами за ноги каждаго проходящаго?

— Совсѣмъ этого не нужно,—лѣниво отвѣтилъ Сергѣй.—А вотъ это, дѣйствительно, нужно,—чтобъ для дѣльнаго человѣка дѣло было его жизнью, а не десертомъ къ сытному обѣду. Для Будиновскаго же жизнь—въ уютѣ и комфортѣ, а дѣло—это такъ себѣ, лишь пріятное украшеніе жизни. Скажите, пожалуйста, чѣмъ этотъ тепленькій человѣкъ пожертвуетъ для своего „дѣла"? За это я, по крайней мѣрѣ, ручаюсь, что ни одной изъ своихъ великолѣпныхъ латаній онъ за него не отдастъ. А мотивъ, конечно, будетъ очень благородный: „на меня и такъ всѣ косятся"... Только поэтому онъ и не хочетъ, — не хочетъ дѣлу повредить, а то бы радъ всею душою... И подумаешь, — кто на него ко-

Digitized by Google

ется!.. Вѣдь какое вообще характерное явленіе для нашей жизни такіе люди! Чуть что,—сейчасъ: „ахъ, Боже мой, поосторожнѣе! Вы намъ помѣшаете!..“ Брр! Лучше мерзавцы, чѣмъ всѣ эти смирные и благонамѣренные либеральные господа!..

— Это, разумѣется, дѣло вкуса,—иронически процѣдилъ Токаревъ.—Я же лично думаю, что именно эти смирные и неблестящіе „господа“ вынесли и выносятъ на своихъ плечахъ всю великую культурную работу, которою жива страна. И далеко до нихъ не только мерзавцамъ, а и всякаго рода „героямъ“, которые больше занимаются лишь пусканіемъ на воздухъ блестящихъ фейерверковъ,—рѣзко закончилъ Токаревъ.

Таня, поднявъ брови, съ удивленіемъ приглядывалась къ брату. Шеметовъ всталъ.

— Будетъ, Сережка, спорить!—ворчливо сказалъ онъ, пренебрежительно отвернувшись отъ Токарева.—Можно найти дѣло поинтереснѣе!

— Вѣрно!—воскликнулъ Сергѣй и вскочилъ на ноги.—Давайте, господа, покатаемся на лодкѣ.

Къ мосткамъ была привязана большая, старая, насквозь прогнившая лодка, вполовину залитая водой.

— Давайте!—быстро отвѣтила Таня съ весело загорѣвшимися глазами.

— Ну, Таня, посмотри же, какая лодка!—возмутился Токаревъ.—Вѣдь она совсѣмъ гнилая!

— Чтожъ такое? Еще пріятнѣе... Сашка, Катюха, ѣдемъ!—крикнулъ Сергѣй, прыгая въ лодку. Лодка тяжело закачалась изъ стороны въ сторону, и на ея днѣ съ шумомъ забѣгала вода.

Таня и Шеметовъ со смѣхомъ сошли въ лодку. Катя, волнуясь и стараясь побороть страхъ, спустилась за ними.

— Владиміръ Николаевичъ, ѣдемъ! — сказалъ Сергѣй, съ насмѣшливымъ ожиданіемъ глядя на Токарева.

— Благодарю покорно, мнѣ купаться не хочется!—съ усмѣшкою отвѣтилъ Токаревъ.

Стоя на почернѣвшихъ, склизкихъ перекладинахъ, они оттолкнулись отъ берега. Лодка накренялась то вправо, то влѣво, вода въ ней плескалась. Сергѣй вложилъ въ уключины мокрыя, гнилыя весла и началъ грести.

Лодка выплыла на середину пруда. Солнце садилось, багровыя облака отражались въ водѣ краснымъ огнемъ. Шеметовъ, стоя на кормѣ, запѣлъ вполголоса:

Изъ-за острова на стрежень,
На просторъ рѣчной волны,
Выплываютъ расписные,
Острогрудые челны.
На переднемъ Стенька Разинъ...

Digitized by Google

Шеметовъ вдругъ замолчалъ.—Что же это лодка не тонетъ?—съ любопытствомъ спросилъ онъ.—Странно! Должна бы знать, что по законамъ физики ей давно слѣдуетъ пойти ко дну... Ну, ты, шалава!—крикнулъ онъ и качнулъ лодку. Катя, придерживая рукою юбку, засмѣялась, стараясь не показать, что ей страшно.

Токаревъ сидѣлъ на берегу, возмущенный и негодующій. Какая глупость! Прудъ очень глубокъ, вода холодна; если лодка затонетъ, то выплыть на берегъ одѣтымъ вовсе не просто, и легко можетъ случиться несчастіе. Это какая-то совсѣмъ особенная психологія,—безъ всякой нужды, просто для удовольствія, играть съ опасностью. Ну, ѣхали бы сами, а то еще берутъ съ собою этого ребенка Катю...

На прудѣ раздались крики и смѣхъ. У Сергѣя сломалось весло. Сильный и ловкій, въ заломленной на затылокъ студенческой фуражкѣ, онъ стоялъ среди лодки, гребя однимъ весломъ. Лодка съ каждымъ ударомъ наклонялась въ стороны, почти достигая бортами уровня воды.

И они плыли впередъ, веселые и смѣющіеся, и Токаревъ съ глухою враждою слѣдилъ за ними. И вдругъ ему пришла въ голову мысль: все, все различно у него и у нихъ, души совсѣмъ разныя,—такія разныя, что одна и та же жизнь должна откликаться въ нихъ совсѣмъ иначе; и такъ во всемъ,—и въ мелочахъ, и въ самой сути. И какъ можно здѣсь столковаться хоть въ чемъ-нибудь, здѣсь, гдѣ различіе — не во взглядахъ, не въ логикѣ, а въ самомъ строѣ души?

— Сергѣй Васильевичъ! Барыня зовутъ!.. Поскорѣй!—крикнула съ горы горничная Дашка.—Поскорѣе всѣ идите!

— Что тамъ такое?—спросилъ Сергѣй.

— Телеграмма изъ города пришла... Поскорѣе, барыня зоветъ! Идите, я въ ригу побѣгу за бариномъ!..

Конкордія Сергѣевна, блѣдная, съ замершимъ отъ горя лицомъ, сидѣла у себя въ комнатѣ, неподвижно глядя на распечатанную телеграмму. Въ телеграммѣ стояло:

„Пріѣзжайте поскорѣе. Варенька опасно больна.

Темпераментова".

XVI.

Въ тотъ же вечеръ всѣ пріѣхали въ Томилинскъ. Докторъ, взволнованный и огорченный, сообщилъ имъ, что Варвара Васильевна, ухаживая за больнымъ, заразилась сапомъ.

— Сапомъ... — растерянно повторила Конкордія Сергѣевна, глядя на доктора остановившимися глазами.—Это... это опасно?

Digitized by Google

— Очень опасно,—грустно отвѣтилъ докторъ.

Варвара Васильевна лежала въ отдѣльной палатѣ. На окнѣ горѣлъ ночникъ, заставленный зеленою ширмочкою, въ комнатѣ стоялъ зеленоватый полумракъ. Варвара Васильевна, блѣдная, съ сдвинутыми бровями, лежала на спинѣ и въ бреду что-то тихо говорила; лицо ея было покрыто странными прыщами, которые казались въ темнотѣ большими и черными. У изголовья сидѣла Темпераментова, истомленная двумя безсонными ночами.

— Побудьте, господа, немного, и уходите,—шопотомъ сказалъ докторъ.—Не нужно долго оставаться.

— Милый докторъ, я... я не уйду отсюда... хоть казните меня...—жалкимъ, покорно-молящимъ голосомъ произнесла Конкордія Сергѣевна. Глаза ея были большіе-большіе и свѣтлые.

— Скажите, докторъ, есть какая-нибудь надежда?—спросилъ Токаревъ, когда они вышли изъ палаты.

Докторъ хотѣлъ отвѣтить, но вдругъ лицо его дернулось, и губы запрыгали. Онъ глухо всхлипнулъ, быстро махнулъ рукою и молча пошелъ по коридору.

Утромъ Варвара Васильевна пришла въ себя, весело разговаривала съ матерью, потомъ заснула. Послѣ обѣда она позвала къ себѣ Токарева и попросила всѣхъ остальныхъ выйти.

Токаревъ сѣлъ въ кресло около постели. Варвара Васильевна, съ спавшимся, желтовато-сѣрымъ лицомъ, усѣяннымъ зловѣщими прыщами, поднялась на локоть въ своей бѣлой ночной кофточкѣ.

— Владиміръ Николаевичъ, я вамъ хотѣла сказать... — начала она.—Я третьяго дня написала директору банка и напомнила ему его слово, что онъ приметъ васъ... Онъ ко мнѣ хорошо относится, я была при его дочери, когда она была больна дифтеритомъ... Онъ сдѣлаетъ...

— Варвара Васильевна, ради Бога, оставьте вы объ этомъ! — страдальчески произнесъ Токаревъ.

— Да.. и потомъ еще вотъ что... — Она подняла на него мутные глаза, и въ нихъ было видно усиліе отогнать отъ мозга туманъ бреда.—Да... Что я еще хотѣла сказать?..

Варвара Васильевна нетерпѣливо потерла руки, бѣгая взглядомъ по комнатѣ.

— Вотъ что!—Она помолчала, въ колебаніи глядя на Токарева.—Дайте мнѣ честное слово, что вы никому не станете разсказывать о нашемъ разговорѣ, — помните, тогда вечеромъ, въ Изворовкѣ, когда съ Сережей сдѣлался припадокъ?

Токаревъ вздрогнулъ и сталъ блѣднѣть.

— Слышите, Владиміръ Николаевичъ, — честное слово, *никому*!—въ тоскѣ сказала Варвара Васильевна, все больше волнуясь.

Digitized by Google

Токаревъ сидѣлъ, смертельно блѣдный, съ остановившимся дыханіемъ.

— Хорошо,—медленно произнесъ онъ и замолчалъ. И онъ продолжалъ сидѣть,—блѣдный, съ широко-открытыми глазами, и его голова слегка тряслась.

— Видите, мамѣ этого... Что я хотѣла сказать? Да! Надо выписать сто граммовъ хлороформу, пожалуйста, не забудьте,— съ эфиромъ... Антонъ Антонычъ поѣдетъ. А я завтра сама развѣшу, не будите провизора.

Варвара Васильевна начала бредить. Токаревъ поднялся и шатающеюся походкою пошелъ вонъ.

Онъ вышелъ изъ больницы и пошелъ по улицѣ къ полю. Въ сѣромъ туманѣ моросилъ мелкій, холодный дождь, было грязно. Городъ остался назади. Одинокая ива у дороги вырисовывалась смутно-темнымъ силуэтомъ, а дальше вездѣ былъ сырой туманъ; надъ мокрыми жнивьями пролетали галки. Токаревъ шелъ, безсознательно кивая головою и бормоча что-то подъ-носъ. Это не онъ?—иногда приходило ему въ голову. И онъ гналъ отъ себя всѣ мысли, боясь думать о томъ, что онъ узналъ, боясь пошевелить застывшій въ душѣ тупой ужасъ передъ случившимся.

Токаревъ воротился въ больницу, когда уже темнѣло. Въ воротахъ онъ встрѣтилъ Сергѣя и Таню, — обоихъ блѣдныхъ и серьезныхъ.

— Варя умерла!—коротко сказалъ Сергѣй и, прикусивъ губу, прошелъ мимо.

Черезъ два дня Варвару Васильевну хоронили. Похороны вышли величественныя; никто не думалъ, чтобъ Варвара Васильевна пользовалась такою популярностью, какъ оказалось. Громадная толпа народа провожала гробъ, слышались рыданія. На могилѣ произнесли рѣчи главный врачъ больницы, предсѣдатель управы, Будиновскій. Они говорили о самоотверженной дѣятельности скромной труженицы, о томъ, что вся жизнь ея была однимъ сплошнымъ подвигомъ, что она, какъ воинъ на полѣ брани, славно погибла на своемъ посту. Токаревъ, угрюмый, замершій въ ужасѣ, слушалъ рѣчи, и онѣ казались ему пошлыми и ничтожными передъ тою страшною нравственною загадкою, которая въ дѣйствительности вытекала изъ этой смерти; и ему хотѣлось рыдать отъ безумной жалости къ Варварѣ Васильевнѣ и къ тому, что она надъ собою сдѣлала.

Въ тотъ же день вечеромъ уѣхали въ Петербургъ оба еще остававшіеся въ Томилинскѣ члена „колоніи“, — Таня и Шеметовъ. Токаревъ, Сергѣй и Катя проводили ихъ на вокзалъ. Таня не могла опомниться отъ неожиданной смерти Варвары Васильевны.

Digitized by Google

— Я положительно съ этимъ не могу примириться!—говорила она, стоя у своего вагона, возмущенная, негодующая. — Смерть!.. Жить, дѣйствовать, стремиться, дышать воздухомъ,— и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, все это обрывается, когда вругомъ все такъ хорошо и интересно!..

Назадъ Токаревъ возвращался одинъ. Таня уѣхала, — что ждетъ ее впереди? Теперь, послѣ прощанія, она была Токареву дорога и близка; передъ нимъ стояло ея лицо, подвижное и энергичное, съ большими и смѣлыми, почти дерзкими глазами... Странно! Онъ прекрасно зналъ, — не благополучіе ждетъ ее въ будущемъ, и не сносить ей головы; а между тѣмъ онъ не испытывалъ за нее никакого страха, и ему казалось, что и жалости въ ней онъ никогда не испытаетъ; напротивъ, въ немъ была только жгучая зависть къ Танѣ за ея жадную любовь къ жизни и за безстрашіе передъ этою жизнью. И тотъ тяжелый вопросъ, который возникалъ изъ смерти Варвары Васильевны, при мысли о Танѣ тускнѣлъ, становился страннымъ и непонятнымъ.

XVII.

Токаревъ вмѣстѣ съ Изворовыми воротился въ деревню. Пообѣдали; всѣ были печальны и молчаливы. Темнѣло. Токаревъ вышелъ въ садъ. Вечеръ былъ безвѣтреный и холодный, заря гасла; сквозь порѣдѣвшую листву аллей свѣтился серпъ молодого мѣсяца; пахло вялыми листьями, было просторно и тихо. Токаревъ медленно шелъ по аллеѣ, и листья шуршали подъ его ногами.

Жизнь вдругъ стала для него страшной, полной такихъ тяжелыхъ и жуткихъ вопросовъ... Въ послѣднее время онъ съ каждымъ годомъ относился къ ней все легче: онъ обходилъ ея противорѣчія, закрывалъ глаза на глубины; еще немного,—и жизнь стала бы простою и ровною, какъ лѣтняя накатанная дорога. И вотъ вдругъ эта смерть Варвары Васильевны... И вмѣстѣ съ ея тѣнью передъ нимъ встали полузабытыя тѣни прошлаго, встали близкія, молодыя лица. Гордые и суровые, всѣ они погибли такъ или иначе, не уступивъ передъ жизнью и не примирившись съ нею.

Токаревъ вышелъ къ пруду. Ивы склонились надъ плотиною и неподвижно отражались въ черной водѣ; на вѣтвяхъ темнѣли грачи, слышалось ихъ сонное карканье и трепыханье. Близъ берега выдавался изъ воды бортъ затонувшей лодки, и плавалъ обломокъ весла. Токаревъ остановился, съ страннымъ чувствомъ глядя на лодку. Вотъ въ этой лодкѣ три дня назадъ катались люди, — молодо-смѣлые, бодрые и веселые, находившіе радость

Digitized by Google

именно въ этой смѣлости, а онъ, Токаревъ, съ глухою враждою слѣдилъ за ними съ берега.

И все прошлое, и эти люди были для него теперь страшно-чужды. Что-то совершилось въ душѣ, что-то надломилось, и возврата нѣтъ. Исчезла смѣлость и презрѣніе къ опасностямъ, исчезло недуманье о завтрашнемъ днѣ. Впереди было пусто, холодно и мутно. Токареву вспомнились его недавнія мечты объ усадьбѣ, объ уютной жизни, и имъ овладѣло отвращеніе. Для чего?... Жить, какъ всѣ живутъ,—безъ захватывающей цѣли впереди, безъ всего, что наполняетъ жизнь, что даетъ ей смыслъ и цѣну. И все яснѣе для него становилось одно: невозможно жить безъ цѣли и безъ смысла, а кто хочетъ смысла въ жизни, тотъ,—каковъ бы этотъ смыслъ ни былъ,—прежде всего долженъ быть смѣлъ, долженъ быть готовъ отдать за него все. Кто же съ вопросомъ о смыслѣ и цѣляхъ жизни сплетаетъ вопросы своего бюджета и карьеры, пусть лучше не думаетъ о смыслѣ и цѣляхъ жизни... И Токареву стало стыдно за себя.

Но когда онъ почувствовалъ стыдъ, онъ возмутился. Чего ему стыдиться? Что онъ сдѣлалъ плохого и какъ же ему жить? Вѣдь все, случившееся съ Варварою Васильевною, до безобразія болѣзненно и ненормально, люди остаются людьми, и нужно примириться съ этимъ. Онъ—обыкновенный сѣренькій человѣкъ и, въ качествѣ такового, все-таки имѣетъ право на жизнь, счастье и на маленькую, невидную и неопасную работу.

„Что подѣлаешь? Такъ складывается жизнь,—вспомнились ему жесткія слова Сергѣя:—либо безбоязненность полная, либо банкротъ, и иди на смарку“.

Эта мысль тоже возмутила его, и онъ опять почувствовалъ ужасъ передъ тѣмъ непонятнымъ ему теперь и чуждымъ, что сдѣлало возможнымъ смерть Вари. Токаревъ отталкивалъ и не хотѣлъ признать этого непонятнаго, но оно властно стояло передъ нимъ и предъявляло требованія, которымъ удовлетворить онъ былъ не въ силахъ.

Токаревъ поднялъ голову и оглядѣлся; его удивило, какая кругомъ стоитъ мертвая тишина. Мѣсяцъ спустился къ ивамъ и отражался въ неподвижной, черной глубинѣ пруда. Неподвиженъ былъ воздухъ, деревья не шевелились ни листикомъ. Какъ будто сейчасъ случилось что-то, чего Токаревъ за своими размышленіями не замѣтилъ,—и все вокругъ, замерши, испуганно прислушивалось. Была та же странная тишина, какъ тогда, послѣ припадка Сергѣя, на пыльной лѣстницѣ, и такъ же странно-неподвижно свѣтилъ мѣсяцъ, и все вокругъ становилось необычнымъ. Съ березы сорвался желтый листокъ; онъ неслышно и робко мелькнулъ въ воздухѣ, словно боясь привлечь къ себѣ чье-то

Digitized by Google

грозное вниманіе, и поспѣшно юркнулъ въ траву. И опять все замерло.

Смутный страхъ охватилъ Токарева. Онъ повернулся и пошелъ домой.

XVIII.

Прошла недѣля. Токаревъ сильно похудѣлъ и осунулся, глаза его пріобрѣли странный нервный блескъ. Взмутившіяся въ мозгу мысли не осѣдали, и Токаревъ все думалъ, думалъ объ одномъ и томъ-же; иногда ему казалось, что онъ сходитъ съ ума. И ему страстно хотѣлось друга, которому онъ могъ бы высказать все, передъ которымъ могъ бы облегчить душу и признать себя такимъ, каковъ онъ есть. Варварѣ Васильевнѣ онъ способенъ былъ бы все сказать, и она поняла бы, что долженъ же быть для него какой-нибудь выходъ. Но передъ нимъ былъ только Сергѣй; Сергѣй же чуждался Токарева, и они не имѣли теперь ничего общаго. А между тѣмъ въ Сергѣѣ было много, поразительно напоминавшаго Варю: тотъ-же тонкій, строгій профиль, тѣ же глаза, та же привычка сдвигать брови. Какъ будто Варя ожила въ Сергѣѣ, но не мягкая и прощающая, а жестокая, презирающая и безпощадная.

Въ Сергѣѣ, въ его пренебреженіи и презрѣніи, какъ бы олицетворялось для Токарева все, изъ-за чего онъ мучился; и онъ начиналъ испытывать къ Сергѣю все большую ненависть; кромѣ того, съ той ночи, какъ съ Сергѣемъ случился припадокъ, онъ внушалъ Токареву какой-то смутный, почти суевѣрный страхъ. Но рядомъ съ этимъ Токарева какъ-то странно тянуло къ Сергѣю; ему давно уже слѣдовало уѣхать изъ Изворовки, но онъ не уѣзжалъ; онъ не могъ такъ уѣхать, ему необходимо было предварительно объясниться о чемъ-то съ Сергѣемъ; но о чемъ объясниться, для чего,—Токаревъ и самъ не могъ бы ясно сказать.

Стояла середина сентября. День былъ тихій, облачный и жаркій; на горизонтѣ со всѣхъ сторонъ неподвижно синѣли тучи, въ воздухѣ томило. Сергѣй съ утра выглядѣлъ страннымъ; въ глазахъ его былъ необычный, уже знакомый Токареву блескъ, онъ дышалъ тяжело, смотрѣлъ угрюмо и съ отвращеніемъ.

Въ одиннадцать часовъ вечера поужинали. Василія Васильевича, по обыкновенію, не было,—онъ теперь всѣ вечера проводилъ у сосѣдей, играя въ карты.

— А какъ барометръ упалъ!—сказала Конкордія Сергѣевна.—Кончаются ясные денечки; теперь пойдутъ дожди, холодъ, грязь...

— Упалъ барометръ?—съ любопытствомъ спросилъ Сергѣй и замолчалъ.

Digitized by Google

Они пошли съ Токаревымъ къ себѣ наверхъ.

— Вы себя сегодня плохо чувствуете?—участливо спросилъ Токаревъ.

— Слыхали, барометръ упалъ? Ну, вотъ!—съ усмѣшкою отвѣтилъ Сергѣй.—Такое дрянцо люди,—каждое колебаніе барометра отражается на душѣ!

Онъ молча зажегъ лампу и сѣлъ за „Критику чистаго разума", которую онъ усиленно читалъ послѣднее время.

Токаревъ, не зажигая свѣта, ходилъ по своей комнатѣ. Онъ видѣлъ, какъ все въ Сергѣѣ нервно кипѣло, и это заражало его, и нервы его натягивались; неопредѣленный страхъ охватывалъ его... Токаревъ остановился у печки.

Сергѣй сидѣлъ въ своей комнатѣ, склонясь надъ книгой; лампа освѣщала его красивое лицо. Токаревъ смотрѣлъ на него изъ темноты.

Вонъ онъ спокойно сидитъ, этотъ мальчишка, а онъ, Токаревъ, испытываетъ къ нему страхъ и стыдится его презрѣнія... Сколько въ немъ мальчишеской увѣренности въ себѣ, сколько сознанія непогрѣшимости своихъ взглядовъ. Для него все рѣшено, все ясно... А интересно, что бы сказалъ онъ, если бы узналъ истинную причину Вариной смерти? Призналъ бы, что это такъ и должно было случиться? Или и онъ ужаснулся бы того, къ чему ведетъ молодая прямолинейность и чрезмѣрныя требованія отъ людей?

Токаревъ зажегъ лампу и открылъ книгу; но ему не читалось. Онъ думалъ о томъ, что съ Сергѣемъ опять можетъ случиться сегодня припадокъ: что тогда въ состояніи будетъ сдѣлать съ нимъ Токаревъ, одинъ въ пустомъ домѣ? И ему вспоминалось, какъ Сергѣй сознался, что чуть его тогда не задушилъ, и какъ насмѣшливо улыбнулся, когда Токаревъ поблѣднѣлъ при этомъ признаніи... Ко всему остальному, Сергѣй теперь знаетъ, что Токаревъ его боится.

Токаревъ всталъ и вышелъ изъ комнаты. Онъ спустился внизъ.

Внизу, въ большихъ, пустынныхъ комнатахъ, было темно и тихо. Въ передней на коникѣ храпѣла горничная Дашка, и пахло потомъ; въ коридорѣ скребли крысы. Было тоскливо и грустно. Токаревъ вошелъ въ гостиную; тамъ, при свѣтѣ одинокой свѣчи, Конкордія Сергѣевна пришивала оборвавшіяся на креслахъ бахромки.

— Вы еще не спите, Конкордія Сергѣевна?—удивился Токаревъ.

Конкордія Сергѣевна подняла на него свое осунувшееся лицо.

— Да вотъ, засидѣлась тутъ съ креслами; срамъ взглянуть, совсѣмъ оборвались бахромки.

Digitized by Google

Токаревъ помолчалъ.

— А какая тутъ должна быть тоска зимою!—сказалъ онъ.— Всѣ разъѣдутся, вы останетесь вдвоемъ съ Василіемъ Васильевичемъ. Мнѣ кажется, я бы и недѣли не выдержалъ.

Конкордія Сергѣевна медленно перекусила нитку и стала вдѣвать ее въ иголку.

— Голубчикъ мой, привыкла я. Что ужъ тамъ—„скучно"... Мнѣ за веселъемъ нечего гнаться. Сколько ужъ лѣтъ такъ живу. Было бы дѣткамъ хорошо, а мнѣ что... Ну, а вѣдь, кромѣ того, все-таки ждешь: вотъ опять лѣто придетъ, опять... опять всѣ... съѣдутся...

Голосъ ея оборвался; она наклонилась къ креслу. И такою одинокою показалась она Токареву, съ ея скрытою, не высказываемою печалью.

Онъ поговорилъ съ нею нѣкоторое время, потомъ вышелъ на крыльцо.

Ночь была тихая и теплая; черныя, тяжелыя тучи низко нависли надъ землею, было очень темно. На деревнѣ слабо мерцалъ огонекъ, гдѣ-то далеко громыхала телѣга. Эти низкія, неподвижныя тучи, эта глухая тишина давили душу. Токаревъ стоялъ, вглядываясь въ темную даль. На горизонтѣ, за лѣсомъ, тускло блеснула зарница. Изъ-подъ крыльца, виляя хвостомъ, вылѣзъ лягавый щенокъ Сбогаръ; худой, на длинныхъ, большихъ лапахъ, онъ подошелъ къ Токареву, слабо повизгивая и тоскливо глядя на него молодыми, добрыми глазами. Токаревъ погладилъ его по головѣ; Сбогаръ быстрѣе замахалъ хвостомъ, продолжая жалобно повизгивать.

За лѣсомъ снова блеснула зарница и блѣднымъ, трепетнымъ свѣтомъ нѣсколько разъ освѣтила неподвижныя тучи. Стало еще темнѣе. У Токарева вдругъ мелькнула мысль, какъ удивительно благопріятна и эта ночь, и нынѣшнее состояніе Сергѣя, для исполненія того, что Токаревъ ужъ нѣсколько дней собирался сдѣлать: да, Сергѣй долженъ узнать настоящую причину смерти сестры, это открытіе должно ударить его по самому сердцу, наполнить его тоскою и ужасомъ, искривить и исковеркать его прямые, несгибающіеся взгляды на жизнь и ея требованія... О, онъ увидитъ, что дѣло вовсе не такъ просто, какъ онъ полагаетъ!—съ злорадствомъ торжествомъ подумалъ Токаревъ.

Онъ пошелъ наверхъ, давя въ себѣ вдругъ охватившую его быструю, нервную дрожь.

Сергѣй медленно расхаживалъ по комнатѣ, устало понуривъ голову.

— Сергѣй Васильевичъ, сидите вы здѣсь все надъ книгами,—

Digitized by Google

сказалъ Токаревъ.—А посмотрите, какая ночь чудесная: тихая, теплая... Пойдемте, пройдемся.

Сергѣй потеръ рукою лобъ и встряхнулся.

— Пойдемте, пожалуй! Все равно, ничего въ голову не лѣзетъ.

Они вышли изъ дому, приперли за собою дверь и черезъ калитку вошли въ садъ. И на просторѣ было темно, а здѣсь, подъ липами аллеи, не видно было ничего за шагъ; они шли, словно въ какомъ-то подземельѣ, не видя другъ друга, не видя земли подъ ногами, ступая, какъ въ бездну. Пахло сухими листьями, полуголыя вершины деревьевъ глухо шумѣли надъ головой. Иногда сквозь вѣтви слабо вспыхивала зарница, и все вокругъ словно вздрагивало ей въ отвѣтъ. Сергѣй шелъ молча.

Дойдя до конца сада, они остановились у изгороди. За канавой, заросшей крапивою, разстилалось сжатое поле, а надъ нимъ неподвижно висѣли низкія тучи; изъ черной дали дулъ теплый, сухой вѣтеръ и тихо шуршалъ въ волосахъ. Токаревъ нагнулся и провелъ рукою по травѣ.

— Удивительно, какъ сухо! Росы совсѣмъ нѣтъ! — сказалъ онъ.

— Дождь завтра будетъ,—коротко отозвался Сергѣй.

— Ну, Сергѣй Васильевичъ, идемъ дальше! Воздухъ такой славный!.. Пойдемте къ Зыбинкѣ, на Живые Ключи. Такъ прямо, черезъ поле, мы скоро дойдемъ.

Токаревъ перелѣзъ черезъ плетень и перепрыгнулъ канаву. Сергѣй неохотно послѣдовалъ за нимъ. Они пошли наискось по колючему жнивью. Вѣтеръ ровно дулъ имъ въ лицо, полынь на межахъ слабо шевелилась; на темномъ горизонтѣ непрерывно вспыхивали зарницы, — то яркія, освѣщавшія все вокругъ, то тусклыя, печальныя и зловѣщія.

Сзади, въ смутномъ сумракѣ, раздался мягкій, частый, быстро приближавшійся топотъ.

— Что это тамъ?!—вздрогнувъ, вскрикнулъ Сергѣй и быстро обернулся.

— Ну, Сергѣй Васильевичъ, вѣдь это непозволительно!—засмѣялся Токаревъ.—Что это можетъ быть? Вѣроятно, Сбогаръ насъ догоняетъ!

Сбогаръ подбѣжалъ и, радостно виляя хвостомъ, сталъ ласкаться къ Токареву и Сергѣю.

— Ишь, негодяй! Такъ неожиданно налетѣлъ, невольно вздрогнешь!—сказалъ Сергѣй, стараясь улыбнуться.

Они двинулись дальше. Сергѣй шелъ, медленно и тяжело дыша, украдкою вглядываясь въ темноту странно блестѣвшими глазами. Вѣтеръ упалъ, стало тихо. Они вышли на дорогу.

Digitized by Google

Далеко, на церковной колокольнѣ, раздался ударъ въ колоколъ; звукъ, звеня и дрожа, тихо и какъ-то таинственно пронесся надъ темными полями; потомъ раздался второй ударъ, третій,—пробило двѣнадцать часовъ.

Токаревъ взялъ Сергѣя подъ руку.

— Полночь!..—сказалъ онъ.—Мужики говорятъ: церковный сторожъ погналъ мертвецовъ на водопой...—Токаревъ помолчалъ.—Странно на меня дѣйствуютъ такія ночи. Вамъ не кажется невѣроятнымъ, чтобъ въ этомъ мракѣ не было ничего таинственнаго? Мнѣ это часто кажется. Кругомъ необходимо должна быть своя жизнь, но только она ускользаетъ отъ нашихъ глазъ; нужно совсѣмъ неожиданно оглянуться, чтобъ уловить изъ нея хоть что-нибудь; на меня, напр., добрая половина картинъ Беклина производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто онъ именно „неожиданно оглянулся“. Вотъ мы идемъ съ вами,—и неужели мы тутъ только двое во всемъ этомъ просторѣ, а кругомъ насъ—лишь дрожаніе разныхъ молекулъ, колебаніе свѣтового эфира и т. п.? Почему же въ такомъ случаѣ такъ ясно и такъ жутко душа ощущаетъ невидимое присутствіе кого-то,—какихъ-то смутныхъ, безформенныхъ существъ, передъ которыми мы такъ слабы и безпомощны?

Сергѣй шелъ, молча понуривъ голову. Они свернули на тропинку, прошли мимо заброшенной каменоломни и спустились въ Зыбинскую лощину. Въ ней было очень тихо. Въ темнотѣ смутно рисовались черные кусты ракитника, и казалось, будто они медленно двигаются. Токаревъ и Сергѣй пошли по заросшей дорогѣ, тянувшейся по косогору къ верховью лощины. Сбогаръ, слабо повизгивая, оглядывался по сторонамъ и жался къ ихъ ногамъ. Какъ разъ надъ лощиною низко стояло большое черное облако съ расходившимися въ стороны отрогами; какъ будто гигантское странное насѣкомое повисло въ воздухѣ и пристально, побѣдно слѣдило оттуда за шедшими по лощинѣ. Угрюмыя и молчаливыя зарницы вспыхивали въ темнотѣ.

Незамѣтная, какая-то внутренняя дрожь все сильнѣе охватывала Токарева; на душѣ у него было смутно и необычно, и только умъ работалъ съ полною ясностью.

— Помните вы „Horla“ Мопассана?—продолжалъ онъ.—Это очень болѣзненная, но удивительно-умная и глубокая вещь. Мопассанъ говоритъ, что люди съиздавна населяли міръ разными таинственными, страшными и неопредѣленными существами, и что это не могло быть иначе: человѣкъ всегда чувствовалъ, какъ самъ онъ безпомощенъ, какъ надъ нимъ стоятъ какія-то силы, передъ которыми онъ рабъ... Что это за силы, что за существа? Они должны быть невидимы, но страшны и могучи; въ чемъ бы они ни проявлялись, но они всегда показываютъ свою

Digitized by Google

власть надъ человѣкомъ, и человѣкъ передъ ними такъ безсиленъ, такъ жалко безпомощенъ!

— Неужели вы все это серьезно говорите?—съ удивленіемъ спросилъ Сергѣй, поднявъ голову.—Вѣдь это положительно какой-то бредъ, и притомъ довольно смѣшной... Только я бы васъ попросилъ, Владиміръ Николаевичъ, оставьте говорить объ этомъ. Я сегодня чувствую себя ужасно нервно.

— Хорошо,—согласился Токаревъ.—Да въ сущности, я, конечно, не говорю серьезно о разныхъ тамъ мертвецахъ или привидѣніяхъ, не говорю и о мопассановскихъ невидимкахъ Орля. Я только говорю о мопассановской „глубокой тайнѣ невидимаго“; вѣдь именно ее только Мопассанъ и символизируетъ въ образѣ „Horlà“. Согласитесь, что эта тайна, дѣйствительно, глубока и страшна. Мопассанъ говоритъ: „Все, что насъ окружаетъ, все, что мы замѣчаемъ не глядя, все, что задѣваемъ, сами того не сознавая, трогаемъ не ощупывая, — все это имѣетъ надъ нами, надъ нашими органами, а черезъ нихъ и надъ нашими мыслями, надъ самымъ нашимъ сердцемъ — быстрое, изумительное и необъяснимое дѣйствіе“... Развѣ это не страшно и развѣ это не правда?—взволнованно спросилъ Токаревъ.—Человѣкъ былъ еще свободенъ, когда онъ эти силы олицетворялъ въ существахъ, стоящихъ *внѣ* его, — съ ними, по крайней мѣрѣ, можно было бороться, противъ нихъ стояла свободная, самоопредѣляющаяся душа человѣка. А теперь всѣ эти существа переселились внутрь его, въ его мозгъ и сердце... И что теперь ждетъ человѣка? Вы помните этотъ страшный вопль Мопассана: *„Царство человѣка кончилось!..* Горе намъ! Горе людямъ! Пришелъ *онъ*... какъ его зовутъ?.. Мнѣ кажется, что онъ выкрикиваетъ мнѣ свое имя, но я не слышу его... О, да! Онъ явился!.. Ястребъ съѣлъ голубку, левъ пожралъ буйвола съ острыми рогами... Всему конецъ!.. Онъ во мнѣ, *онъ становится моею душою!..* Что дѣлать? Горе намъ!..“

Токаревъ дрожалъ мелкою дрожью, въ его голосѣ звучалъ ужасъ, какъ будто дѣйствительно это таинственное „невидимое“ стояло здѣсь въ темнотѣ... И въ своемъ ужасѣ Токаревъ чувствовалъ, какъ Сергѣй нервно вздрагивалъ, и отъ этого у него на душѣ становилось злобно-радостно.

— По моему, все это только очень характерно для самого Мопассана, да, пожалуй, и для васъ,—рѣзко возразилъ Сергѣй.— Что спорить, „тайна невидимаго“ глубока; но трусъ и жалкая тряпка тотъ, кто поддается этому невидимому.

— Сядемъ здѣсь!—коротко и рѣшительно сказалъ Токаревъ, опускаясь на косогоръ подъ молодою лозинкою; онъ сказалъ это увѣреннымъ, властнымъ голосомъ, и Сергѣй послушался. Токаревъ пріобрѣлъ надъ нимъ какую-то странную власть.

Digitized by Google

Горизонтъ, прежде рѣзко очерченный, затянулся на югѣ мутною мглою и сталъ сливаться съ небомъ; потянуло влажною прохладою. Токаревъ въ волненіи поглядѣлъ вдаль: пройдетъ полчаса,—и все жуткое очарованіе ночи исчезнетъ, небо покроется мутными, сѣрыми облаками, и лѣниво засѣетъ окладной дождь.

— Вы говорите: тотъ, кто поддается „невидимому“ — трусъ и жалкая тряпка,—медленно заговорилъ Токаревъ.—Удивительное дѣло! Передъ вами стоитъ громадный вопросъ, а вы хотите рѣшить его парою презрительныхъ ругательствъ... Нѣтъ, Сергѣй Васильевичъ, такіе вопросы такъ не рѣшаются! Вопросъ въ томъ, что же дѣлать, если это невидимое безповоротно покоряетъ тебя. Ну, хорошо, — трусъ, жалкая тряпка... Вѣдь это сказать легко; а когда въ жизни встаетъ такой вопросъ, то можно съ ума сойти отъ ужаса... Вы знаете, отчего умерла Варвара Васильевна?—вдругъ спросилъ Токаревъ.

Онъ задыхался и медленно перевелъ духъ.

— Она заразилась сапомъ...—продолжалъ онъ.—Но она не нечаянно заразилась, а нарочно... Она не остановилась передъ такого рода смертью, чтобъ окружающіе близкіе думали, будто это несчастная случайность. А убила она себя именно потому, что чувствовала приближающуюся побѣду „невидимаго“.

И въ темнотѣ Токаревъ видѣлъ, какъ на него смотрѣло смертельно-блѣдное лицо Сергѣя съ остановившимися глазами.

— Это не можетъ быть! — вдругъ рѣшительно произнесъ Сергѣй. — Она могла бы это сдѣлать, она на это способна; но никогда ни вамъ, никому она не созналась бы въ этомъ!

— Да, видите, оно такъ и есть. Но однажды,—помните, въ тотъ вечеръ, когда съ вами произошелъ припадокъ, — она созналась мнѣ, что чувствуетъ приближеніе и побѣду этого „невидимаго“. Чтобъ не покориться ему, она видѣла только одно средство—смерть, но чтобъ эта смерть поменьше доставила горя близкимъ. Разговоръ былъ чисто-отвлеченный... Ну, а передъ самою смертью, уже въ бреду, она взяла съ меня слово никому не разсказывать объ этомъ ея признаніи... Какъ вы думаете, можно изъ этого что-нибудь заключить?

— Чо-ортъ, чо-ортъ!..—простоналъ Сергѣй, стиснувъ голову руками. Онъ поставилъ локти на колѣни и сидѣлъ, все такъ же стиснувъ голову.

— Ну, и что же?—говорилъ Токаревъ строгимъ, безпощаднымъ и проникающимъ голосомъ.—Она поступила правильно? Въ *этомъ* настоящій выходъ?.. Нѣтъ, это ужасно и до безумія ненормально! А между тѣмъ именно ваши взгляды, ваша прямолинейная требовательность и дѣлаетъ возможными подобные ужасы. Этого отрицать вы не можете, и не можете также от-

Digitized by Google

рицать, что вы запираете для живого человѣка всѣ выходы. Необходимо серьезно и пристально приглядѣться къ этому „невидимому“, и только тогда, признавъ всю его силу и неизбѣжность, возможно придти къ какому-нибудь выходу.

Сергѣй вскочилъ на ноги.

— Къ чему вы все это говорите?!—крикнулъ онъ, сверкая глазами.—Вы Вариною смертью хотите оправдать себя! Да неужели вы не чувствуете, какая разница между нею и вами? Изъ ея смерти возникаетъ громадный вопросъ, — да, громадный и ужасный по своей серьезности, но вы къ этому вопросу и бокомъ не прикасаетесь!

Токаревъ замолчалъ, сбитый съ позиціи, не зная, что возразить.

— Хорошо! Скажемъ, вы правы,—заговорилъ онъ упавшимъ голосомъ.—Я не хуже васъ вижу разницу между нею и собою. Но вдумайтесь немного въ то, что я вамъ скажу. Слушайте. Я—обыкновенный, маленькій человѣкъ. Мнѣ судьбою предназначено одно: жить смирно и тихо, никуда не суясь, не имѣя никакихъ серьезныхъ жизненныхъ задачъ,— жить, какъ живутъ всѣ кругомъ: такъ или иначе зарабатывать деньги, клясть трудъ, которымъ я живу, плодить дѣтей и играть по вечерамъ въ винтъ. Но видите ли, въ жизни каждой самой болотной души бываетъ возрастъ, когда эта душа преображается: у нея вырастаютъ крылья. Если окружающія обстоятельства благопріятствуютъ, то ея смутные, неопредѣленные порывы оформливаются въ стремленіе къ яснымъ идеаламъ. И человѣкъ идетъ за нихъ на борьбу, на гибель, и не можетъ понять, какъ можно жить, не ища въ жизни смысла, не имѣя всезахватывающей жизненной задачи. Проходитъ нѣсколько лѣтъ; крылья высыхаютъ и отваливаются, и самъ человѣкъ ссыхается; все недавнее становится для него совершенно чуждымъ и мертвымъ. И вотъ я теперь нахожусь какъ разъ въ такомъ положеніи. Но суть въ томъ, что это прошлое уже отравило меня: я ужасаюсь той пустоты, въ которую иду, я не могу жить безъ смысла и безъ цѣли, а крыльевъ нѣтъ, которыя подняли бы меня надъ болотомъ...

Слава вѣрѣ, насъ сгубившей,
Слава юности погибшей,
Незапятнанной позоромъ...

— Да, я съ горячимъ, страстнымъ чувствомъ вспоминаю ее, эту честную юность. Но слава ея схоронена, потому что схоронена сама юность, и ея не воскресить... Гдѣ же найти основаніе, на которое я могъ бы теперь опереться? Что можетъ мнѣ дать силу жить человѣкомъ? Философія? Религія? Изъ меня выкатывается душа, понимаете вы это? Душа выкатывается!.. Какъ ее удержать? Нѣтъ такихъ силъ въ жизни, нѣтъ такихъ силъ

Digitized by Google

въ идеяхъ и религіи... Вся сила лишь въ чувствѣ. Разъ же оно исчезло, то вздоръ всѣ клятвы и обѣты, все самопрезрѣніе и тоска... Что же мнѣ дѣлать?

— Это ваше дѣло!—брезгливо отвѣтилъ Сергѣй.—Къ сожалѣнію, я вамъ помочь ни въ чемъ не могу.

— О Сергѣй Васильевичъ! Не относитесь къ этому такъ презрительно! Увѣряю васъ, все это очень близко касается и васъ самого! Еще сегодня вы говорили о томъ, какъ всякое колебаніе барометра отражается на вашей душѣ; неужели вы думаете, что только одинъ барометръ обладаетъ такою удивительною силою?.. Нѣтъ, Сергѣй Васильевичъ, вы, такъ же, какъ я, ужъ цѣликомъ находитесь во власти могучаго „невидимаго". Вы вотъ настойчиво проповѣдуете радость жизни и силу духа,—а сами живете въ темномъ мірѣ нервной тоски и безволія; вы утверждаете, что человѣкъ долженъ дѣйствовать *изъ себя*, что въ такомъ случаѣ онъ откроетъ въ себѣ громадныя богатства души, а все ваше богатство заключается лишь въ поразительной черствости, самоувѣренности и самовлюбленности. Только покамѣстъ все это скрашивается у васъ молодостью; а пройдетъ молодость, — что отъ васъ останется? Мы съ вами одинаковые банкроты, мы одинаково слишкомъ бѣдны и больны душою, чтобъ расплатиться съ громадными требованіями нашего разума... Есть другіе люди, здоровые и сильные, люди нутра; ихъ можно убить, но невозможно расколоть на-двое, для нихъ мысль, тѣмъ самымъ, что она—мысль, есть въ то же время и дѣйствіе... Вотъ вамъ тотъ человѣкъ, котораго мы видѣли тогда у Варвары Васильевны; мнѣ кажется, такова и Таня. Ничего, что она такъ неразвита и узка, — въ этомъ-то и есть ея сила!.. А наше съ вами дѣло проиграно. Я это ужъ сознаю, вы еще не сознаете, но недалеко время, когда передъ вами встанетъ тотъ же вопросъ... И надъ трупомъ Варвары Васильевны нужно этотъ вопросъ рѣшить честно и серьезно.

— Охъ, какъ вамъ хочется этого „честнаго" рѣшенія! — съ злобною и болѣзненною усмѣшкою произнесъ Сергѣй. — Извольте, вотъ оно, по моему: примиритесь съ вашимъ „невидимымъ", полѣзайте назадъ въ болото и благоденствуйте себѣ на здоровье. Вамъ вѣдь ужасно хочется этого рѣшенія. Но меня оставьте въ покоѣ; будьте увѣрены, что живымъ я въ болото никогда не попаду!

Токаревъ молча махнулъ рукою. Онъ сидѣлъ на пригоркѣ, охвативъ колѣни руками, и смотрѣлъ вдаль. Глухая, неистовая ненависть къ Сергѣю охватила его: Сергѣй насмѣшливо и злобно подчеркнулъ то, чего именно и хотѣлось Токареву; ну, да, онъ именно и хотѣлъ, чтобы за нимъ было признано право жить такимъ, каковъ онъ есть,—гдѣ же другой выходъ? Сергѣй этого

Digitized by Google

выхода не хочетъ признать... Хорошо!—подумалъ Токаревъ, охваченный тоскою и дрожью.

— Господи, какая ночь тяжелая!—проговорилъ онъ хриплымъ голосомъ.—Сергѣй Васильевичъ, сдѣлайте одолженіе, принесите мнѣ воды изъ ключа. У меня такъ кружится голова,—мнѣ кажется, я сейчасъ упаду... Хоть въ фуражку мою зачерпните, она суконная, не прольется... Ради Бога!..

— Давайте фуражку,—медленно отвѣтилъ Сергѣй, внимательно глядя на Токарева.

Онъ исчезъ за бугромъ. Токаревъ быстро вскочилъ и оглядѣлся. Сырая, сѣрая стѣна дождя безшумно надвигалась въ темнотѣ и какъ будто уже начинала колебаться. Кругомъ стояла глухая тишь, у рѣчки неподвижно чернѣли странныя очертанія кустовъ; молодая лозинка надъ головою тихо шуршала своими сухими, желтыми листьями. Что-то сильное и неудержимое охватило Токарева.

— Ну, получай свое рѣшеніе!—съ безумною радостью подумалъ онъ и сталъ поспѣшно распоясываться; онъ былъ подпоясанъ вдвое длиннымъ и крѣпкимъ шелковымъ шнуркомъ.

Волнуясь и спѣша, Токаревъ дрожащими руками сдѣлалъ на шнуркѣ петлю и дернулъ ее, испытывая крѣпость; петля была крѣпка. Онъ радостно улыбнулся, подошелъ къ лозинѣ и поднявшись на цыпочки, сталъ привязывать къ суку конецъ петли.

— Получайте ваше рѣшеніе, Сергѣй Васильевичъ!—еще разъ повторилъ Токаревъ, представляя себѣ воротившагося Сергѣя передъ его трупомъ на лозинѣ.

Вдали раздался шорохъ, какъ будто шаги. Токаревъ вздрогнулъ и, отскочивъ отъ дерева, сталъ вглядываться. Нѣтъ, все было тихо. Сергѣй такъ скоро не могъ вернуться; это, должно быть, пробѣжалъ внизу Сбогаръ.

— Что я такое дѣлаю?!—вдругъ подумалъ Токаревъ. Онъ остановился, глядя на черную лозину, какъ будто только что проснулся отъ какого-то дикаго кошмара. Съ потревоженной лозины медленно и безшумно падали на землю желтые листья. И Токареву все показалось необычнымъ и ужаснымъ: и неподвижная лозина съ безшумно падающими листьями, и недавній разговоръ, и его намѣреніе.

Онъ отбросилъ шнурокъ и быстро пошелъ вонъ изъ лощины.

Отъ тучи подуло сильнымъ, влажнымъ вѣтромъ, по землѣ зашуршали первыя капли дождя. Распоясанный, въ развѣвающейся рубашкѣ, Токаревъ шагалъ по колючему жнивью черезъ межи и шелъ въ темноту, не зная, куда.

В. Вересаевъ.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ ДЕРПТСКАГО СТУДЕНТА.

(Изъ недавняго прошлаго).

Давно уже я блуждалъ взоромъ по картѣ Россіи, ища такой уголокъ, гдѣ бы я могъ пріютить свои научные вкусы и аспираціи. Путемъ исключенія всѣхъ другихъ возможностей, оставалось направить свой путь въ Дерптъ, которому неопредѣленная молва приписывала болѣе гостепріимства, чѣмъ я нашелъ въ другихъ университетскихъ центрахъ. Размышлять долго не приходилось, и я пустился изъ благодатной Малороссіи на «туманный сѣверъ». Доѣхавъ до Пскова, я рѣшилъ, въ видахъ обогащенія пейзажными впечатлѣніями, продолжать путешествіе водянымъ путемъ.

Еще на псковской пристани, у самаго подножія древняго собора и нѣкогда стойкихъ кремлевскихъ твердынь, я получилъ первое представленіе о сложныхъ этнографическихъ отношеніяхъ, въ которыхъ мнѣ предстояло прожить нѣсколько лѣтъ: нагрузчики парохода, «судари псковичи», съ типичными велико-русскими физіономіями, въ пестрыхъ рубахахъ, бойко объяснялись по-нѣмецки съ капитаномъ, которому пиво и вѣтеръ окрасили все лицо и шею въ багрово-коричневый цвѣтъ, и на какомъ-то неизвѣстномъ мнѣ языкѣ, оказавшемся эстонскимъ, переругивались съ бѣлобрысыми матросами, къ которымъ замѣчательно подходило древнее прозвище «чудь бѣлоглазая». Наконецъ, приготовленія кончились, причалки были сняты, псковичи привѣтливо съ нами распрощались, и я остался въ обществѣ иноязычныхъ элементовъ.

Старомодная, облѣзлая посудина, подъ названіемъ «Pleskau», неуклюже шлепала колесами по водѣ, но подвигалась впередъ очень медленно, такъ что мы долго не теряли изъ виду псковскихъ церквей. Вотъ открылась внушительная ширь Псковскаго озера, пароходъ благополучно пробрался среди капризныхъ мелей, образуемыхъ устьемъ рѣки Великой, и взялъ курсъ по направленію къ тому мѣсту горизонта, гдѣ вода окончательно сливалась съ небомъ. Послѣ яркихъ красокъ полтавскихъ степей, послѣ нарядныхъ кіевскихъ береговъ, которыми еще полны были мои мысленныя очи, окружавшій меня теперь безцвѣтный просторъ наводилъ уныніе. Печальною казалась мнѣ доля

Digitized by Google

тѣхъ людей, которые должны жить подъ этимъ низкимъ блѣднымъ небомъ, застлавшимся скучными безформенными облаками. Рѣзкій непріятный вѣтеръ покрывалъ озеро сѣрою рябью, но не въ силахъ былъ поднять волны, которая импонировала бы по крайней мѣрѣ своей амплитудой. На горизонтѣ тянулась, то приближаясь, то отдаляясь, а мѣстами даже исчезая, тонкая линія плоскихъ береговъ, кое-гдѣ поросшихъ сосновымъ лѣсомъ; среди нихъ порой показывались десятка два черныхъ избъ, издали казавшихся совсѣмъ заброшенными. Раза два-три въ теченіе дня изъ этихъ деревушекъ навстрѣчу пароходу выѣзжали большія рыбацкія лодки, принимали какого-нибудь палубнаго пассажира, сгружали или нагружали какой-нибудь боченокъ, и опять кругомъ воцарялось безлюдье и стлалась пустыня.

Солнце уже замѣтно клонилось къ закату, когда берега справа и слѣва начали сближаться, а впереди пролива открывался громадный Пейпусъ, но мы стали заворачивать влѣво въ устье Эмбаха и на этотъ разъ сѣли на мель. Долго бились мы безъ всякаго результата, капитанъ ругался, бѣгалъ во всѣ стороны на своей рубкѣ, пассажиры охотно помогали матросамъ отпихиваться шестами, заводить якорь, перемѣщать грузъ, на подъѣхавшія откуда-то лодки стали даже сбрасывать дрова, чтобы облегчить пароходъ, но ничего не помогало. Неизвѣстно, сколько времени мы провели бы въ такомъ положеніи, если бы уже позднимъ вечеромъ перемѣнившійся вѣтеръ не нагналъ воды въ устье рѣки. Продрогши на палубѣ, я отправился согрѣваться въ буфетъ и здѣсь разговорился съ студентомъ ветеринарнаго института, прожившимъ въ Дерптѣ уже четыре года. Ничего изъ того, что меня интересовало, онъ, впрочемъ, не могъ мнѣ сообщить, такъ какъ, по его словамъ, жилъ въ сторонѣ отъ всѣхъ дерптскихъ интересовъ и даже не успѣлъ выучиться нѣмецкому языку. Впереди оставалось еще нѣсколько часовъ пути, и намъ предстояло прибыть на мѣсто не раньше полуночи, вмѣсто семи часовъ послѣ обѣда, и то, какъ увѣряла буфетчица, если мы благополучно минуемъ какой-то камень на серединѣ дороги. Самое разумное поэтому было лечь спать.

Я проснулся отъ топота и говора суетящихся пассажировъ. Мы были у цѣли, надо было выгружаться. Холодная ночь послѣ душной каюты, а также волненіе передъ открывающимся невѣдомымъ будущимъ наполняли весь организмъ какою-то внутреннею дрожью. Незнакомый городъ въ темнотѣ казался загадочнымъ и интереснымъ. Черная масса домовъ, выдѣляясь неяснымъ силуэтомъ на ясномъ звѣздномъ небѣ, громоздилась куда-то въ гору. Горбатый каменный мостъ съ внушительными арками въ видѣ воротъ возбуждалъ представленія изъ романтической готики. Рѣка, прорѣзанная зигзагами огней отъ немногочисленныхъ фонарей набережной казалась широкой и многоводной въ своихъ неясныхъ берегахъ.

За позднимъ временемъ нечего было и думать разыскивать един-

Digitized by Google

ственнаго знакомаго мнѣ въ Дерптѣ студента, и я принялъ радушное предложеніе своего пароходнаго компаньона переночевать у него. Привыкши къ голымъ, неуютнымъ конурамъ русскихъ студенческихъ комнатъ, я былъ пріятно изумленъ сравнительнымъ комфортомъ своего новаго знакомаго: за 30 рублей въ семестръ онъ имѣлъ цѣлыхъ двѣ комнаты, съ мягкимъ диваномъ и креслами, съ гардинами, съ комодомъ и шкафомъ. Вотъ гдѣ настоящее Эльдорадо, думалъ я, вспоминая свою комнату въ Харьковѣ, которую мы занимали вдвоемъ съ товарищемъ за 14 руб. въ мѣсяцъ: меблировка ея состояла изъ двухъ скрипучихъ кроватей, слишкомъ короткихъ, чтобы можно было лежать вытянувшись, двухъ животрепещущихъ столиковъ, на которыхъ едва умѣщались локти при писаніи, и пяти бѣлыхъ стульевъ, изъ коихъ два не имѣли полнаго комплекта ножекъ и служили только декоративнымъ цѣлямъ; платье предоставлялось вѣшать на гвоздикъ, а бѣлье держать въ чемоданѣ.

На слѣдующее утро городъ, правда, потерялъ свою загадочность, но показался мнѣ чрезвычайно привѣтливымъ и привлекательнымъ. Въ немъ нѣтъ такихъ старинныхъ кварталовъ, какъ въ Ригѣ и Ревелѣ, и только кривизна и названія нѣкоторыхъ улицъ свидѣтельствуетъ о давно минувшихъ временахъ. Много зелени, которую я засталъ какъ разъ въ ея осеннемъ великолѣпіи; на городской площади старая ратуша, кажется еще шведской эпохи, два шага отъ нея университетъ, не особенно грандіознаго стиля, но почтеннаго симпатичнаго вида, какъ солидная, удобная дѣдовская мебель, а надъ нимъ въ гору тянется обширный и прекрасный городской паркъ, — краса города и гордость мѣстныхъ жителей. Возвышенное, холмистое расположеніе даетъ много живописныхъ точекъ зрѣнія; въ глубинѣ построены клиники и астрономическая обсерваторія на мѣстѣ бывшаго тамъ когда-то замка, а на самомъ видномъ пунктѣ, надъ горой возвышаются развалины сгорѣвшаго нѣкогда грандіознаго собора, характернаго сѣверно-нѣмецкаго стиля кирпичной готики; алтарная часть, впрочемъ, отстроена и по счастливой мысли обращена въ хранилище университетской библіотеки. Съ особеннымъ чувствомъ симпатіи и признательности вспоминаю я эту прекрасно организованную библіотеку, въ которой я впослѣдствіи провелъ много чудныхъ часовъ. Эти строгія, грандіозныя колонны, гулкіе своды, стрѣльчатыя окна и стоптанныя плиты пола производили на меня каждый разъ, какъ я входилъ туда, то неотразимое впечатлѣніе, которое испытываешь только въ средневѣковыхъ церквахъ. Каждая архитектурная линія съ безсознательною геніальностью разсчитана на то, чтобы освободить помыслы пришельца отъ всего мелочнаго и суетнаго и направить ихъ на великое и вѣчное. Неисчерпаемыя богатства человѣческой мысли, которыя были собраны подъ этими сводами и громоздились ярусами вверхъ по простѣнкамъ и колоннамъ, прекрасно гармонировали съ торжественностью мѣста и допол-

Digitized by Google

няли настроеніе: банальное выраженіе «храмъ науки» заключало здѣсь особый оттѣнокъ живой образности.

Однако я забѣжалъ далеко впередъ. Въ то первое утро я получилъ только общее пріятное впечатлѣніе отъ внѣшности города. Его миніатюрные размѣры, видимое господство университета, звучный эстонскій языкъ туземцевъ, скромные домики на тихихъ улицахъ—все показалось мнѣ необыкновенно симпатичнымъ, и я мысленно уже искалъ то окно подъ крышей, изъ котораго мнѣ придется отнынѣ взирать на міръ. Мечты эти однако, пока что, оказались преждевременными. Еще не мало пришлось поколесить взадъ и впередъ по всякимъ начальственнымъ резиденціямъ; я попыталъ счастье даже въ Гельсингфорсѣ, побывалъ опять на родинѣ, чуть-чуть не попалъ въ солдаты, но въ концѣ концовъ все оказалось недоразумѣніемъ: чтобы не забыть, что такія недоразумѣнія возможны, я сохраняю собственноручную записку гр. Делянова, въ коей обозначено, что начальству дерптскаго университета предложено принять меня въ число студентовъ. Послѣ весьма продолжительныхъ мытарствъ, я наконецъ держалъ въ рукахъ внушительнаго вида латинскій документъ, коимъ объявлялось «всѣмъ и каждому, кому это интересно», что отнынѣ я (Juvenis Ornatissimus!) не только состою «гражданиномъ» университета, но также, что мнѣ, какъ таковому, обѣщается—вещь необычайная—«покровительство академическихъ законовъ и всѣ права и удобства», присвоенныя студентамъ. Взамѣнъ этого, я, «подавши правую руку» ректору, обѣщалъ, что буду усердно заниматься наукой, посѣщать необходимыя лекціи, вести себя согласно правиламъ порядочности и чести (verecunde atque honeste) и оказывать повиновеніе и почтеніе университетскимъ законамъ и властямъ. Словомъ, это былъ не пропускной билетъ на лекціи, а форменный двухсторонній договоръ, въ которомъ я, какъ равная сторона, бралъ на себя извѣстныя обязательства, но взамѣнъ получалъ извѣстныя права, тогда какъ до сихъ поръ я привыкъ видѣть въ «академическихъ законахъ» лишь предписанія того, что я *обязанъ* дѣлать, и запрещенія того, что *я не имѣю права* дѣлать.

Въ то время, о которомъ будетъ идти рѣчь на слѣдующихъ страницахъ, очень мало русскихъ попадало въ дерптскій университетъ прямо съ гимназической скамьи. Здѣсь встрѣчались самые разношерстные элементы, представители всѣхъ мѣстностей Россіи «отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая». Большинство изъ нихъ имѣли за собой болѣе или менѣе сложную біографію и вообще видали виды; были люди за тридцать и за сорокъ лѣтъ. И, вѣроятно, всѣ, также какъ я, испытали особенное радостное чувство отдохновенія, находясь впервые опять въ атмосферѣ чистой науки, на лекціи какой-нибудь химіи, математики или сравнительнаго языковѣдѣнія. Послѣ погруженія въ запутанныя дебри животрепещущихъ, проклятыхъ вопросовъ дѣйствительности, странно было проникаться необыкновенною

Digitized by Google

важностью самыхъ отвлеченныхъ проблемъ человѣческой мысли, самыхъ хитроумныхъ гипотезъ о строеніи матеріи или о генезисѣ рѣчи.

Среди толпы слушателей всегда не трудно было узнать русскаго студента по обличью; сравнительно съ нѣмецкими юношами, сытыми, румяными, въ чистенькихъ пиджакахъ и крѣпко накрахмаленныхъ воротничкахъ, пришельцы изъ Москвы, Кіева, Казани носили совсѣмъ другой отпечатокъ: худыя и блѣдныя, нервныя, неврастетичныя лица, не всегда аккуратно причесанная шевелюра, нерѣдко мягкія вышитыя сорочки, а то и косоворотки. Впрочемъ, относительно костюма рѣдко кто оказывался упорнымъ консерваторомъ. Такъ какъ приличная внѣшность нѣмецкихъ студентовъ не носила вовсе того тенденціознаго агрессивнаго характера, какъ бѣлыя подкладки и высокіе воротники нашихъ пшютовъ, то и оппозиція имъ теряла всякій смыслъ. Въ концѣ семестра или года, въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ, самые истые «семидесятники» почти всегда заводили манишки и галстухи и по возможности приноровляли свой костюмъ къ средней европейской нормѣ. Послѣ ближайшихъ «безпорядковъ» въ какомъ-нибудь изъ университетовъ опять нахлынетъ волна кожаныхъ куртокъ, высокихъ сапогъ и вызывающихъ вихровъ, но черезъ нѣкоторое время опять совершается процессъ европеизаціи костюма, и только одни лица сохраняютъ неизгладимую печать національности, а главнымъ образомъ личной исторіи каждаго.

Гораздо туже шло усвоеніе нѣмецкаго языка, которымъ только незначительная часть пріѣзжихъ русскихъ владѣла въ достаточной степени. Кромѣ уже преобразованнаго юридическаго факультета, гдѣ большая часть предметовъ читалась по-русски, почти всѣ остальныя каѳедры были еще замѣщены нѣмецкими профессорами, такъ что приходилось не только понимать лекціи, но и объясняться по-нѣмецки на практическихъ занятіяхъ и экзаменахъ. Отдавать время на предварительное изученіе языка никто не имѣлъ возможности, такъ какъ и безъ того университетскій курсъ затягивался не въ мѣру. Приходилось, слѣдовательно, учиться языку на-скоро, попутно, преимущественно изъ самыхъ лекцій, потому что другихъ источниковъ было мало. Общенія съ нѣмецкими товарищами почти не было, за весьма рѣдкими исключеніями; бывать въ нѣмецкихъ домахъ приходилось еще рѣже, такъ что вся практика въ нѣмецкомъ разговорѣ ограничивалась нѣсколькими «комнатными» словами, необходимыми для объясненія своихъ желаній эстонкамъ-служанкамъ, да приказчикамъ въ магазинахъ. Вслѣдствіе слабой покупной способности русскихъ студентовъ, и эти послѣдніе разговоры случались рѣдко. Кто хотѣлъ получше усвоить языкъ, прибѣгалъ къ обмѣннымъ урокамъ, которые не трудно было достать, такъ какъ знаніе русскаго языка среди нѣмцевъ было весьма слабо, между тѣмъ онъ постепенно вводился въ школѣ и былъ уже обязательнымъ въ оффиціальныхъ сношеніяхъ. Эти обмѣнные уроки, такъ

Digitized by Google

наз. Conversations-Stunden, имѣли и другое значеніе. Это была почти единственная почва для неоффиціальнаго общенія между нѣмцами и русскими, и такимъ путемъ иногда дѣлалась брешь въ застарѣломъ взаимномъ предубѣжденіи. Тѣмъ или инымъ способомъ знаніе нѣмецкаго языка пріобрѣталось русскими студентами настолько, что къ концу перваго же года, а для болѣе способныхъ и гораздо скорѣе, пониманіе лекцій и чтеніе книгъ по своей спеціальности не представляло затрудненія, ко времени же экзаменовъ большинство и объяснялось весьма бойко, хотя и съ ужасающими ошибками. Надо при этомъ сказать, что нѣмецкіе профессора всегда снисходительно относились къ варварскому изложенію, если только не видно было, что студентъ старается незнаніемъ языка замаскировать незнаніе предмета; случались и подобные факты.

Вообще, отношенія нѣмецкихъ профессоровъ къ своимъ слушателямъ носили тотъ особенный характеръ взаимнаго свободнаго уваженія и симпатіи, который такъ привлекаетъ иностранцевъ въ германскіе университеты. О различномъ отношеніи въ зависимости отъ національности студентовъ какъ-то не могло быть и рѣчи. Иноязычныхъ студентовъ, быть можетъ, не такъ охотно принимали въ университетъ, особенно если можно было опасаться, что они внесутъ дисгармонирующія ноты въ традиціонный тонъ университетской жизни, но разъ молодой человѣкъ дѣлался civis academicus, то вмѣстѣ съ правомъ посѣщать лекціи и пользоваться всѣми вспомогательными учрежденіями онъ пріобрѣталъ благожелательство и вниманіе преподавателей. Въ многолюдныхъ аудиторіяхъ медицинскаго и нѣкоторыхъ отдѣловъ физико-математическаго факультетовъ это не могло проявляться съ такою наглядностью, какъ, напр., на историко-филологическомъ факультетѣ, гдѣ, благодаря дробленію на отдѣльныя спеціальности, слушателей никогда не было болѣе одного-двухъ десятковъ.

Раздѣленіе спеціальностей съ самаго начала курса (ихъ было семь на историко-филологическомъ факультетѣ) имѣетъ всѣмъ извѣстныя весьма существенныя неудобства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя положительныя стороны. Въ каждомъ спеціальномъ отдѣлѣ былъ одинъ главный руководитель, вокругъ предметовъ котораго прочія дисциплины группировались въ качествѣ второстепенныхъ или вспомогательныхъ. Профессоръ имѣлъ передъ собою не безличную толпу слушателей, а вступалъ въ непосредственное общеніе съ каждымъ студентомъ. Это достигалось главнымъ образомъ при посредствѣ практическихъ занятій, которыя нѣмецкіе профессора любили устраивать въ послѣобѣденные часы у себя на дому. Благодаря строжайше охраняемой съ обѣихъ сторонъ академической свободѣ, никто не былъ принуждаемъ къ посѣщенію этихъ курсовъ, но они были настолько полезны, — изъ нихъ можно было вынести гораздо болѣе, чѣмъ изъ обычныхъ общихъ курсовъ,—при томъ каждый чувствовалъ себя такъ пріятно въ непринуж-

Digitized by Google

денной обстановкѣ профессорскаго кабинета, что никто не смотрѣлъ на эти вечернія бесѣды, какъ на казенную обязанность; ихъ посѣщали скорѣе, какъ журфиксы стараго знакомаго. Никто не рѣшился бы приступить къ экзаменамъ, не участвовавъ въ такихъ практическихъ занятіяхъ въ теченіе нѣсколькихъ семестровъ, но также неловко чувствовалъ бы себя тотъ, кто пошелъ бы въ квартиру профессора, не овладѣвъ еще предметомъ настолько, чтобы быть въ состояніи вполнѣ понимать научную бесѣду. Многіе продолжали ходить на эти часы даже по выдержаніи экзамена, если оставались въ городѣ; случалось и такъ, что какой-нибудь старый ученикъ, пріѣхавъ почему-нибудь въ Дерптъ, зайдетъ вспомнить свои студенческіе годы. Спеціализировавшись по германской филологіи, я сохранилъ самыя сердечныя воспоминанія о подобномъ практическомъ семинаріѣ профессора Лео Мейера *), стараго заслуженнаго ученаго, пользовавшагося всегдашними симпатіями своихъ учениковъ. Привѣтливо встрѣчалъ онъ каждаго студента на своихъ пятницахъ. Въ началѣ года, когда въ числѣ слушателей появлялись новыя лица, онъ съ искреннимъ интересомъ разспрашивалъ каждаго, откуда онъ, гдѣ получилъ образованіе, каково направленіе его научныхъ интересовъ, если таковое имѣлось налицо. Затѣмъ уже всѣ чувствовали себя личными знакомыми профессора и могли широко пользоваться его эрудиціей. Правда, къ новѣйшимъ теченіямъ филологіи онъ не чувствовалъ симпатіи (съ ними мы знакомились на лекціяхъ проф. Бодуэна-де-Куртенэ), онъ даже иронизировалъ надъ черезчуръ, по его мнѣнію, точными методами неограмматиковъ, но никогда не стѣснялъ научной совѣсти своихъ учениковъ и предоставлялъ въ ихъ распоряженіе весь громадный запасъ изученныхъ имъ фактовъ. Если кто-нибудь задавалъ вопросъ или высказывалъ соображеніе, хотя бы оно и не отличалось особенною глубиною, это доставляло ему истинное удовольствіе. Онъ вспоминалъ всѣ контроверсы, какіе высказывались по данному предмету въ литературѣ, добросовѣстно взвѣшивалъ, рылся по словарямъ, съ интересомъ выслушивалъ параллели изъ неизвѣстныхъ ему языковъ (онъ не зналъ славянскихъ языковъ). Нитью для бесѣды служилъ какой-нибудь текстъ, но нерѣдко нить эта прерывалась значительными отступленіями: заходила-ли рѣчь о какомъ-нибудь ученомъ, проф. Мейеръ разсказывалъ о своемъ знакомствѣ съ нимъ, характеризовалъ его взгляды, манеру работать, значеніе въ наукѣ; иногда текстъ готскаго евангелія наводилъ разговоръ на богословскія темы; текущія событія университетской жизни вызывали также сдержанный, но нелицемѣрный обмѣнъ мнѣній. Въ концѣ семестра профессоръ всегда разспрашивалъ насъ, не имѣемъ-ли мы какихъ-нибудь спеціальныхъ желаній относительно выбора предмета для будущаго курса, и всегда сообразовался съ запросами большинства. Правда, надо сказать, что большинство оказывалось всегда очень консервативно, такъ что

*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ перешелъ въ Геттингенскій университетъ.

Digitized by Google

переходили отъ готскаго евангелія къ Гомеру, а отъ Гомера къ Нибелунгамъ или Вальтеру фонъ-деръ-Фогельвейде. Послѣ такого общенія экзаменъ сводился къ одной формальности: студенты знали требованія профессора, а профессоръ зналъ степень подготовленности каждаго слушателя. «Ахъ, мы вѣдь знаемъ другъ друга!» говорилъ онъ, если студентъ обнаруживалъ твердыя свѣдѣнія въ самыхъ главныхъ основахъ науки и интересъ къ ней. Другіе професора, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, относились къ слушателямъ съ такимъ же доброжелательствомъ, хотя и предъявляли къ нимъ нѣсколько бо́льшія требованія; но о придирчивости, о высокомѣрномъ отношеніи къ неопытности начинающихъ студентовъ, о формализмѣ требованій, за единичными исключеніями, я не слыхалъ.

Нерѣдко высказывается мнѣніе (конечно, только въ Россіи), что близкія личныя отношенія между профессорами и студентами ведутъ къ кумовству, панибратству, къ халатности въ работѣ со стороны послѣднихъ: знакомый профессоръ, молъ, будетъ снисходителенъ. На это я могу сказать, что ни въ одномъ русскомъ университетѣ я не наблюдалъ такого глубокаго уваженія къ профессорамъ, какъ въ былое время въ Дерптѣ, не всегда даже пропорціональнаго съ ихъ научными и нравственными заслугами. Нигдѣ также я не видѣлъ такого усерднаго подготовленія къ экзаменамъ, какъ тамъ,—не за страхъ, а за совѣсть. Время прохожденія курса въ мое время еще не было ограничено, можно было окончить университетъ въ два съ половиною года, но ни одинъ нѣмецкій студентъ не позволялъ себѣ воспользоваться этою возможностью, и бо́льшая часть оставалась въ университетѣ гораздо дольше четырехъ лѣтъ, даже изъ тѣхъ, кто аккуратно занимался и не терялъ времени на кутежи. На нашемъ факультетѣ былъ совсѣмъ сѣдой студентъ, который болѣе двадцати лѣтъ уже былъ имматрикулированъ, перемѣнивъ нѣсколько разъ спеціальность. Онъ не пропускалъ ни одной лекціи, щепетильно записывалъ каждое слово профессора, дома занимался исключительно науками, и все-таки считалъ себя недостаточно подготовленнымъ, чтобы приступить хотя бы къ полукурсовому экзамену. Это былъ, вѣроятно, не совсѣмъ нормальный субъектъ, но онъ утрировалъ только общераспространенную добросовѣстность штудированія.

Насколько такое прилежаніе подвигало общее развитіе, это вопросъ другой. Въ этомъ отношеніи едва ли можно оспаривать, что уровень нѣмецкаго студенчества въ массѣ былъ не высокъ. Извѣстная степень культурности, накопившаяся въ теченіе долгихъ поколѣній, считалась достаточной замѣной образованію, надъ которымъ надо было поработать самостоятельно. Рѣшившись ограничиться исключительно тѣмъ, что я могъ узнать изъ личнаго наблюденія, я не буду разбирать здѣсь причины этого явленія, но меня часто поражала узость горизонта товарищей-нѣмцевъ и отсутствіе потребности его

Digitized by Google

расширить. Я зналъ студентовъ, которые не видѣли ни одного города, кромѣ «Аѳинъ на Эмбахѣ», какъ въ Остзейскомъ краѣ называютъ Дерптъ, да еще родного Феллина или Везенберга, и не чувствовали никакого влеченія въ невѣдомую даль. Знаніе новыхъ языковъ было весьма незначительно. Общественные интересы, за исключеніемъ балтійскаго вопроса, считались «политикою», заниматься которою для студента предосудительно. Отношеніе же къ балтійскому вопросу казалось мнѣ также слишкомъ стихійнымъ, основаннымъ на традиціи и непосредственномъ чувствѣ, безъ стремленія связать его съ болѣе широкими идеями. Даже въ чисто научной сферѣ, благодаря крайней спеціализаціи университетскихъ курсовъ, сколько-нибудь широкая система знаній считалась излишнею. Я помню, какъ одинъ товарищъ филологъ, далеко не изъ худшихъ, былъ удивленъ, когда въ разговорѣ мнѣ случилось обнаружить пониманіе различія между гражданскимъ и уголовнымъ правомъ. «Развѣ вы были прежде на юридическомъ факультетѣ?» спросилъ онъ. Другой, увидѣвъ у меня сочиненіе проф. Карѣева «о роли личности въ исторіи», былъ пораженъ существованіемъ подобнаго вопроса. «Какъ бы я хотѣлъ почитать какую-нибудь такую книгу!» сказалъ онъ, но книги все-таки не взялъ,—это было бы черезчуръ большою роскошью для языковѣда. Зато въ области спеціальныхъ знаній въ избранной отрасли наукъ съ нѣмецкими студентами не легко было конкурировать. Извѣстно, что дерптскій университетъ выпустилъ не мало солидныхъ ученыхъ. Оговариваюсь впрочемъ, что я не желаю выводить общаго правила изъ своихъ личныхъ наблюденій. Допускаю, что и между нѣмецкими студентами случались отдѣльныя личности, а можетъ быть, и цѣлыя группы съ гораздо болѣе сильными запросами къ общему образованію. Мнѣ извѣстны также случаи, когда эти запросы пробуждались позднѣе, по окончаніи университета, подъ вліяніемъ столкновенія съ незнакомыми условіями жизни, путешествія заграницу и другихъ стимуловъ.

Понятно, что различіе во внѣшней и внутренней культурѣ становилось почти непреодолимой преградой между нѣмецкимъ и русскимъ студенчествомъ. Послѣднее внѣ стѣнъ университета жило совершенно особою, во многихъ отношеніяхъ своеобразною жизнью. Жизнь эта кореннымъ образомъ отличалась отъ жизни туземныхъ элементовъ въ силу особенностей, вывезенныхъ русскими изъ своихъ мѣстъ, но она не похожа была и на жизнь студентовъ въ русскихъ университетскихъ городахъ, благодаря инымъ формамъ, которыя предоставлялъ ей дерптскій университетъ. Русскихъ студентовъ въ университетѣ было около трехсотъ, но они жили въ постоянномъ и тѣсномъ общеніи со студентами ветеринарнаго института, большинство которыхъ было русскими. Нѣмцы не желали входить съ ветеринарами въ какое-либо соприкосновеніе, причисляя ихъ къ «кнотамъ», т.-е. лицамъ не университетскаго образованія, и награждая презрительнымъ прозвищемъ die Pe-

Digitized by Google

cudisten (=скотники); мы же не могли не видѣть въ нихъ своихъ товарищей. Благодаря болѣе низкому образовательному цензу для поступленія въ ветеринарный институтъ (шесть классовъ гимназіи или реальнаго училища), среди ветеринаровъ было дѣйствительно не мало темныхъ элементовъ, которые понижали общій умственный и культурный уровень. Это были неудачники, недоучки, забулдыги, безъ уваженія къ наукѣ, безъ умственныхъ интересовъ, иногда съ самыми примитивными инстиктами; другіе опять были почти дѣти, настоящіе школьники, безъ солидныхъ нравственныхъ устоевъ, одинаково легко подчиняющіеся добрымъ, какъ и злымъ порывамъ. Но не всѣ были такіе; многіе попадали въ ветеринарный институтъ случайно: реалисты, которымъ не посчастливилось попасть въ высшія техническія заведенія, гимназисты, которымъ не удалось получить аттестатъ зрѣлости по причинамъ, лежащимъ внѣ способности къ прохожденію наукъ, лица, утратившія почему-либо возможность продолжать университетскій курсъ, и т. п. Между ними были люди, которые по высотѣ своихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ завоевывали себѣ уваженіе и авторитетъ среди всего русскаго студенчества въ Дерптѣ. Въ концѣ концовъ лучшіе, наиболѣе умственно зрѣлые элементы почти всегда умѣли удерживать общее теченіе жизни въ границахъ, соотвѣтствующихъ студенческому достоинству. Были, конечно, случаи непріятныхъ эксцессовъ, которые мы весьма болѣзненно ощущали, но и они не давали намъ права отречься отъ солидарности съ менѣе развитыми товарищами и заставляли, напротивъ, бдительнѣе относиться ко всему, что касалось интересовъ студенчества.

Первою и наиболѣе настоятельною задачею общенія русскихъ студентовъ была матеріальная взаимопомощь. Бѣдность господствуетъ повсюду, гдѣ есть русская учащаяся молодежь, но нигдѣ, кажется, она не носитъ такого всеобщаго характера, какъ было въ Дерптѣ. Условія жизни здѣсь были въ сущности не дороги. Рублей за 25 въ мѣсяцъ можно было жить безъ всякихъ лишеній, тогда какъ въ Петербургѣ или Москвѣ можно жить только за 40 рублей. Но лишь весьма немногіе счастливцы имѣли такой доходъ. Были студенты, которые ухитрялись существовать на 10 руб. въ мѣсяцъ, другіе и того не имѣли и вели совершенно проблематическій образъ жизни. Такимъ случалось по мѣсяцамъ не обѣдать, питаясь чаемъ, ситнымъ хлѣбомъ и колбасой. Взаймы деньги давали охотно, но рѣдко у кого было, что дать. У нѣкоторыхъ вырабатывалась особая психологическая привычка мысленно взвѣшивать каждое новое лицо: можно ли у него занять, и сколько онъ можетъ дать? Но часто никакія соображенія не помогали; такому искателю случалось другой разъ опросить человѣкъ двадцать, пока не найдется у кого-нибудь послѣдній рубль; не брезгали и меньшими суммами. Бывали случаи, что нельзя было уѣхать къ роднымъ на каникулы за неимѣніемъ нѣсколькихъ рублей на проѣздъ, и приходилось

Digitized by Google

тянуть такое горькое житье со дня на день цѣлое лѣто. Уроки доставались съ трудомъ и оплачивались плохо. Конкуренція вырабатывала спеціалистовъ-репетиторовъ, которые составляли себѣ имя среди городской публики, такъ что всѣ уроки стекались къ нимъ, а прочимъ оставались только тѣ, которыхъ они не могли взять за недостаткомъ времени, или которые слишкомъ скудно оплачивались.

Какъ эта борьба за существованіе потрясала нервы, можетъ свидѣтельствовать, напр., такой эпизодъ. Одинъ изъ студентовъ, въ высшей степени способный, энергичный, пользовавшійся всеобщими симпатіями, какъ-то выбился изъ колеи, впалъ въ нищету и втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ питался жидкимъ какао. Онъ сталъ рѣдко показываться въ обществѣ товарищей, позеленѣлъ, но продолжалъ упорно работать. Вдругъ ему привалило счастье: онъ досталъ урокъ и съ такимъ талантомъ поставилъ какого-то оболтуса на ноги, что предложенія посыпались къ нему со всѣхъ сторонъ. Онъ нанялъ хорошую квартиру, пріютилъ даже только что пріѣхавшаго въ Дерптъ изъ другого университета своего бывшаго товарища и пріятеля, которому некуда было дѣваться, сталъ печатать въ газетахъ объявленія: «Имѣю еще нѣсколько часовъ въ недѣлю свободныхъ...» и открыто признавался: «Жадность меня одолѣла». Расшатанные нервы толкали его по наклонной плоскости. Рѣшивъ сразу вырваться изъ невыносимой нищеты, онъ сталъ составлять покаянныя письма высокопоставленнымъ лицамъ. Безсвязный текстъ этихъ упражненій и безцѣльность ихъ, если бы даже онъ дѣйствительно отправилъ свои письма по назначенію, ясно свидѣтельствовали объ его болѣзненномъ состояніи. Но сожитель его, также нервный и измученный человѣкъ, сталъ убѣждать его, возмущался, ссорился, укорялъ жестокими словами. Тотъ, въ свою очередь, нетолько не отказывался отъ своего намѣренія, но издѣвался надъ бѣднымъ моралистомъ, упрекалъ его, что онъ живетъ на чужой счетъ, говорилъ, что съ завтрашняго дня онъ не позволитъ ему больше пить свой чай и курить свой табакъ. Случайно зашедшій къ нимъ товарищъ засталъ ихъ однажды вечеромъ въ такой ярости другъ противъ друга, въ такомъ нервномъ возбужденіи, что имъ уже стали представляться различные страшные образы по темнымъ угламъ. Не рѣшаясь оставить ни одного изъ нихъ въ одиночествѣ, онъ нѣсколько часовъ водилъ обоихъ по городскому парку, пока они немного пришли въ себя и рѣшились мирно идти спать. Черезъ нѣсколько дней сожители разъѣхались и стали приходить въ норму. Тотъ, который собирался каяться, повидимому, отъѣлся и началъ опять появляться среди товарищей. Сначала онъ молчалъ, боясь, какъ бы его не стали преслѣдовать упреками, но никто не подавалъ виду, что знаетъ за нимъ что-нибудь предосудительное. Понемножку онъ началъ вмѣшиваться въ общій разговоръ, интересоваться студенческими дѣлами и совсѣмъ забылъ свою блажь. Впослѣдствіи онъ благополучно кончилъ универ-

Digitized by Google

ситетъ и сдѣлался весьма почтеннымъ дѣятелемъ, утилизируя свой недюжинный популяризаторскій талантъ.

Въ борьбѣ съ нуждою дерптское студенчество было предоставлено исключительно самому себѣ. Никакихъ благотворительныхъ обществъ тогда еще не существовало. Университетское начальство, какъ и въ германскихъ университетахъ, вовсе не поощряло бѣдности и очень неохотно даже отсрочивало взносъ платы, не говоря уже объ освобожденіи. Зато въ нашемъ распоряженіи были различныя студенческія учрежденія, которыя главныя свои усилія напрягали на взаимопомощь. Кассы и кухмистерскія функціонировали очень дѣятельно, и нѣкоторыя изъ нихъ дѣлали громадные обороты. Во всѣхъ обществахъ (при ветеринарномъ институтѣ было нѣсколько, при университетѣ одно общество русскихъ студентовъ) находились способные организаторы, которые всей душой отдавались хозяйственной дѣятельности; нѣкоторыя наиболѣе людныя столовыя въ состояніи были даже приглашать особыхъ хозяекъ. Такимъ образомъ громадная масса студентовъ имѣла возможность за дешевую плату получать въ достаточной мѣрѣ сытный и здоровый столъ. Такъ какъ подобныя столовыя должны были обходиться безъ всякихъ благотворительныхъ фондовъ и вспомоществованій и не могли работать въ дефицитъ, то плату 20—25 коп. за обѣдъ нельзя считать дорогою, хотя, конечно, были студенты, которые невсегда могли позволять себѣ такія издержки. Около 1 — 2 часовъ дня столовыя эти превращались въ клубы, куда собирались нетолько обѣдающіе, но и всѣ, кому надо было переговорить съ товарищами, почитать газету или занять денегъ.

Трудно себѣ представить, во сколько разъ невыносимѣе была бы жизнь русскихъ студентовъ въ Дерптѣ, если бы отнята была возможность подобнаго товарищескаго общенія. Кромѣ нѣсколькихъ женатыхъ студентовъ, всѣ были лишены семейной обстановки, а очень многіе не имѣли даже семейныхъ знакомыхъ, такъ что только постоянная и организованна связь съ товарищами могла хоть въ нѣкоторой степени предохранить человѣка отъ апатіи, тоски, одичанія и дурныхъ инстинктовъ. Я не хочу сказать впрочемъ, чтобы этимъ послѣдствія тяжелыхъ условій существованія русскаго студенчества, значительно обостренныхъ исключительной обстановкой мѣстной жизни, были совсѣмъ парализованы. Въ извѣстныхъ кругахъ можно было встрѣтить и пьянство, и развратъ, и чувство, похожее на taedium vitae, приводило не разъ молодыхъ и здоровыхъ людей къ печальному концу, но кто знаетъ, сколько самоубійствъ было бы, если бы каждый былъ обреченъ на нравственное одиночество, и до какихъ размѣровъ дошла бы распущенность нравовъ, если бы каждый не чувствовалъ за собою контроля общественнаго мнѣнія.

Таково предохранительное, такъ сказать, значеніе товарищества. Но еще важнѣе, пожалуй, его активная роль. Кто наблю-

Digitized by Google

далъ жизнь дерптскаго студенчества, прекрасно знаетъ, сколько зеленыхъ юношей, прибывшихъ туда съ неясными порывами, съ неустановившимся характеромъ, съ ничтожнымъ запасомъ идей, черезъ три-четыре года уходили готовыми людьми съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ, съ развитымъ инстинктомъ общественности, увѣренные въ своихъ силахъ, испытанныхъ уже на мирной работѣ, въ нормальныхъ условіяхъ борьбы противоположныхъ мнѣній. Всякое стремленіе къ дѣятельности находило здѣсь скромное, конечно, но полезное примѣненіе, всякій умственный запросъ легче удовлетворялся при содѣйствіи болѣе развитыхъ товарищей, всякая новорожденная мысль обстрѣливалась въ контроверсахъ дебатовъ, теряла угловатость или гибла, если не обладала жизнеспособностью. Нельзя не быть благодарнымъ дерптскому университету, который относился съ такимъ довѣріемъ къ юношеству, позволяя ему безъ потрясеній и жертвъ слѣдовать своимъ естественнымъ стремленіямъ къ развитію и самодѣятельности.

Эти условія студенческой жизни въ Дерптѣ создавали своеобразные типы, или, лучше сказать, поддерживали ихъ существованіе, тогда какъ въ иномъ мѣстѣ они несомнѣнно должны были гибнуть. Всякій изъ товарищей, прочитавъ эти строки, конечно, догадается, что я говорю о покойномъ Омировѣ. Изъ числа русскихъ студентовъ, штудировавшихъ въ Дерптѣ въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ навѣрное нѣтъ ни одного, кто бы не хранилъ памяти объ этомъ удивительномъ человѣкѣ въ самомъ свѣтломъ уголкѣ своей души. Онъ не былъ вожакомъ, который вызываетъ или слѣпое поклоненіе своей сильной волей, или вражду своимъ властолюбіемъ. Нѣтъ, съ нимъ всѣ спорили, но всѣ его любили за его евангельскую чистоту. Его называли «вѣчнымъ студентомъ»; дѣйствительно, онъ началъ свою университетскую «карьеру» давно, навѣрное болѣе десяти лѣтъ назадъ, въ Москвѣ; послѣ тяжелыхъ испытаній онъ, какъ многіе другіе, попалъ въ Дерптъ и здѣсь бросилъ якорь. Въ моихъ рукахъ находится нѣсколько его стихотвореній, я не считаю себя въ правѣ предавать ихъ публичности, для которой они, повидимому, не предназначались, да они и не заключаютъ особенныхъ литературныхъ достоинствъ, но въ каждой строчкѣ ихъ сквозитъ прекрасная личность автора. Въ одномъ изъ нихъ говорится о несомнѣнности близкой смерти и о томъ, какъ тяжело это сознаніе, когда такъ страстно хочется «жить разумной жизнью» и просто жить. Почему же онъ не торопился утилизировать послѣдніе драгоцѣнные годы и вмѣсто того, чтобы вступить въ такъ называемую «дѣйствительную жизнь», тратился на мелочи студенческаго быта? Потому что для него это были не мелочи, а настоящая, серьезная, единственно возможная жизнь. Доктора посылали его на югъ, и онъ понималъ, что только тамъ онъ могъ продлить свое существованіе. Онъ дѣйствительно и уѣхалъ было куда-то въ Самарскую губернію на кумысъ,

Digitized by Google

но дольше году не могъ выдержать и вернулся опять въ милый его сердцу Дерптъ. Онъ былъ всесторонне начитанъ и образованъ, чѣмъ мы всѣ; онъ любилъ природу и потому былъ естественникомъ, но университетской наукой онъ занимался исключительно съ цѣлью пополнить свое образованіе, безъ всякой утилитарной мысли и объ экзаменахъ, кажется, не помышлялъ. Что могло ему предстоять по окончаніи университета? Служить по акцизу, въ лучшемъ случаѣ сдѣлаться земскимъ статистикомъ или учителемъ физики. Нигдѣ бы онъ не нашелъ того нравственнаго удовлетворенія, какъ въ непосредственномъ сліяніи съ молодежью какъ разъ въ тотъ моментъ, когда въ ней зарождаются и достигаютъ полноты лучшія, наименѣе себялюбивыя человеческія качества. Это была его сфера, тутъ онъ сознавалъ, что приноситъ пользу.

Пріѣхавъ въ Дерптъ, я не засталъ тамъ Омирова,—онъ какъ разъ уѣзжалъ лѣчиться, — но отъ старожиловъ-товарищей я часто слышалъ фразы вродѣ слѣдующей: «Вотъ пріѣдетъ Омировъ; увидите, что при немъ теплѣе живется». Я склоненъ былъ съ пренебреженіемъ относиться къ такимъ неопредѣленнымъ функціямъ, какъ увеличеніе теплоты жизни, подсмѣивался надъ сентиментальными идеалистами, которые способны только подогрѣвать другъ друга и раскисаютъ подъ вліяніемъ обычныхъ въ дѣйствительности атмосферныхъ условій, и заранѣе относился съ недовѣріемъ и предубѣжденіемъ къ ожидаемому апостолу «добра, истины и справедливости», какъ говаривали въ 40-хъ годахъ.

Но мой скептицизмъ (да и не мой одинъ) быстро разсѣялся при личномъ знакомствѣ. Скромный, почти застѣнчивый, деликатный, безъ малѣйшаго самомнѣнія, безконечно правдивый и искренній, онъ побѣждалъ съ первой встрѣчи. Теоретическіе общественные вопросы его волновали страшно, онъ готовъ былъ безконечно спорить на всякія жгучія темы (что было крайне вредно для его здоровья); но его терпимость и отсутствіе фанатизма не создавали ему изъ противниковъ враговъ, какъ часто бываетъ въ русскихъ спорахъ. Даже молодыхъ студентовъ его мнѣніе никогда не подавляло, а вызывало только критическую мысль; онъ какъ бы игралъ роль фермента, возбуждающаго необходимое броженіе. Всѣми текущими вопросами студенческаго обихода также страстно интересовался. Несмотря на всеобщую къ нему любовь и уваженіе, ему никогда нельзя было поручать трудную роль предсѣдателя въ обществахъ или въ случайныхъ собраніяхъ: онъ не обладалъ для этого ни спокойствіемъ, ни безстрастною настойчивостью, ни тактическою находчивостью; напротивъ, онъ всегда со всѣмъ пыломъ присоединялся къ одной изъ спорящихъ сторонъ и нерѣдко самъ нарушалъ внѣшній порядокъ дебатовъ. Но удивительная вещь, при немъ самые жгучіе вопросы обсуждались по существу, безъ полемическаго лукавства, и рѣшались не-

Digitized by Google

съ точки зрѣнія партійнаго или личнаго самолюбія, а дѣйствительно по крайнему разумѣнію. Его благородная искренность дѣйствовала заразительнымъ образомъ на толпу; онъ умѣлъ задѣть въ людяхъ лучшія, самыя человѣчныя струны. И послѣ каждаго такого собранія, какъ бы оно ни было бурно, участники расходились съ спокойнымъ сознаніемъ, что они не постановили ничего, противорѣчащаго справедливости и студенческому достоинству. Въ личныхъ бесѣдахъ онъ также готовъ былъ по первому встрѣчному поводу броситься въ препирательства, но онъ никогда не былъ пропагандистомъ, который всякій разговоръ сводитъ на излюбленную тему и на всякаго человѣка смотритъ, какъ на объектъ воздѣйствія. Онъ всѣмъ интересовался, любилъ и чувствовалъ красоту, что было весьма рѣдко въ его сверстникахъ, деликатно старался выяснить для себя складъ личности своего собесѣдника, но никогда не навязывался самъ...

Онъ умиралъ долго. Доктора перестали уже его лѣчить и только морфіемъ уменьшали его страданія. Какъ всѣ чахоточные, онъ не могъ отказаться отъ надежды. Еще за недѣлю до смерти, совсѣмъ упавшимъ голосомъ онъ говорилъ, что вотъ онъ немножко оправится, тогда поѣдетъ на югъ, и пристально смотрѣлъ, какъ за окномъ шевелились только что появившіеся весенніе листочки. Несмотря на горячее экзаменаціонное время, товарищи, нетолько русскіе, но и поляки, чередовались день и ночь у его постели; каждаго онъ встрѣчалъ благодарной, виноватой улыбкой... Но онъ умеръ во́-время: черезъ годъ или два его заставили бы ходить на обязательныя лекціи, держать семестровые, годовые, полукурсовые и другого наименованія экзамены, напялили бы ему, пожалуй, мундиръ. Онъ увидѣлъ бы также, какъ съ измѣненіемъ внѣшнихъ порядковъ рѣзко понизился умственный и нравственный уровень студентовъ; это внесло бы много горечи въ его послѣдніе дни. Но о «новомъ Фараонѣ» послѣ. Теперь возвратимся къ общественному быту дерптскаго студенчества.

Кромѣ заботъ о матеріальномъ благѣ и въ тѣсной связи съ ними приходилось отдавать много времени, труда и нести крупныя для нашихъ тощихъ бюджетовъ жертвы на поддержаніе и развитіе общественности и на питаніе умственныхъ интересовъ. Въ достиженіи этихъ задачъ существенную, хотя и не исключительную роль играли упомянутыя выше общества. Съ внѣшней стороны ихъ жизнь не была стѣснена никакими мелочными придирками; контроль со стороны начальства ограничивался требованіемъ представлять проректору обязательные по уставу полугодовые отчеты о личномъ составѣ, о состояніи кассы и библіотеки, о темахъ литературно-научныхъ рефератовъ, если таковые имѣли мѣсто, и т. п. Уставы оставляли намъ полный просторъ самодѣятельности, и мы чувствовали себя самостоятельными, хотя и отвѣтственными хозяевами въ своихъ маленькихъ общественныхъ квартирахъ. Нельзя въ достаточной мѣрѣ оцѣнить воспитательное

Digitized by Google

значеніе, какое имѣло для каждаго изъ насъ регламентированное товарищеское общеніе. Съ одной стороны всякій сознавалъ, что его личность, его сужденіе, голосъ играютъ извѣстную, не безконечно малую роль въ общественномъ механизмѣ; съ другой стороны надо было свыкнуться съ мыслью, что роль эта все-таки весьма скромна: надо отвѣчать за логичность и послѣдствія своихъ мнѣній, надо подчиняться извѣстной дисциплинѣ, надо умѣть смиряться передъ постановленіями большинства; нельзя просто устраниться или дѣйствовать на свой личный страхъ, по своему личному произволу, какъ бываетъ въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ неорганизованной толпы («скопомъ»), когда мнѣнія раздѣляются. Кромѣ того, необходимость публично выражать свои мысли не только сглаживала внѣшнюю форму рѣчи, но придавала и самому мышленію интенсивность, опредѣленность и послѣдовательность. Любопытно было наблюдать, какъ большинство новичковъ, далеко не одни юнцы, или упорно молчали, или конфузливо торопились выпалить свои соображенія, запинались, запутывались въ собственныхъ мысляхъ и часто обрывали свои ораторскія попытки отчаяннымъ жестомъ. Мало-по-малу являлась, если и не блестящая, то во всякомъ случаѣ связная, спокойная рѣчь, содержательная постольку, поскольку ораторъ имѣлъ что выразить.

Но замкнутыя общества не могли удовлетворить всѣмъ потребностямъ товарищеской жизни. Съ одной стороны далеко не всѣ студенты принадлежали къ какой-нибудь организаціи, съ другой—встрѣчались случаи, затрогивавшіе интересы всего русскаго студенчества. Такимъ образомъ вполнѣ естественнымъ путемъ возникла институція такъ называемаго «общестуденческаго собранія», которая функціонировала спорадически по мѣрѣ необходимости. Само собою разумѣется, всеобщность этого учрежденія была только фикціей: предполагалось, что каждый студентъ *можетъ*, если захочетъ, явиться на подобное собраніе, безразлично, къ какой бы національности и къ какому бы языку онъ ни принадлежалъ. Фактически ни одинъ нѣмецъ конечно никогда не показывался на нашихъ сходбищахъ, и собиралось на нихъ вообще только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ болѣе 150—200 человѣкъ, хотя приходили не только русскіе, но также, напр., евреи, имѣвшіе, кстати сказать, свои собственныя организаціи, и нѣкоторыя группы поляковъ. Чаще всего «общестуденческое собраніе» созывалось для товарищескаго суда.

Надо сказать, что это было самое больное мѣсто нашего быта. Правда, при университетѣ существовалъ студенческій судъ, такъ называемый Burschengericht, юрисдикція котораго распространялась на всѣхъ университетскихъ студентовъ, но по многимъ причинамъ онъ былъ намъ совершенно чуждъ. Онъ составлялся изъ представителей цвѣтныхъ корпорацій; некорпоранты, такъ называемые «дикіе», которые въ сущности составляли большинство студенчества, не

Digitized by Google

имѣли никакого вліянія на отправленіе справедливости. Не разъ «дикіе» домогались извѣстнаго представительства въ судѣ, находя, что ихъ интересы въ случаѣ столкновеній съ корпорантами недостаточно охранены отъ несправедливости, но шаги эти никогда успѣха не имѣли. Русскіе же *) менѣе всего могли быть удовлетворены Burschengericht'омъ, кодексъ его совершенно не соотвѣтствовалъ ни нашимъ нравамъ, ни нашимъ понятіямъ. То, что въ нашей средѣ считалось предосудительнымъ, очень часто было ненаказуемо съ точки зрѣнія дерптскихъ обычаевъ, и наоборотъ. Способъ разрѣшенія конфликтовъ между студентами посредствомъ рапирныхъ дуэлей (Mensur) былъ намъ совершенно не по душѣ. Наконецъ, самое серьезное наказаніе, которымъ располагалъ судъ,—удаленіе изъ товарищеской среды (Ruckung), нѣчто вродѣ отлученія отъ церкви, не могло быть дѣйствительно въ нашей средѣ: съ нѣмецкими студентами большинство изъ русскихъ не имѣло и безъ того никакихъ сношеній, а на отношенія между русскими студентами авторитетъ Burschengericht'а не распространялся. Кромѣ того, въ тѣхъ весьма рѣдкихъ случаяхъ, когда кто-нибудь изъ русскихъ студентовъ являлся жалобщикомъ или отвѣтчикомъ передъ этимъ судомъ, безпристрастіе его не обнаруживалось съ достаточною ясностью.

Между тѣмъ, потребность въ обузданіи дурныхъ элементовъ, сообразно господствовавшимъ въ нашей средѣ понятіямъ о достоинствѣ, чести и порядочности, ощущалась очень сильно. Неоднократно возникали попытки дать товарищескому суду какую-нибудь прочную организацію, выработать опредѣленныя нормы сужденій, но всякія попытки разбивались тѣмъ обстоятельствомъ, что подчиненіе товарищескому суду всегда оставалось на доброй волѣ заинтересованнаго лица: тѣ, которые стремились оградить достоинство студенческой среды правильно организованнымъ судомъ, не совершали наказуемыхъ проступковъ, а тѣ, которые таковые совершали, большею частью мало общались съ товарищеской средой, не принадлежали ни къ одному изъ обществъ, не участвовали въ обсужденіяхъ организаціи суда и свободно могли игнорировать его постановленія. Такимъ образомъ судебныя функціи волей-неволей оставались за «общестуденческимъ собраніемъ», что представляло крупныя неудобства. Порядокъ созыва его не былъ ничѣмъ регламентированъ, такъ что нерѣдко случалось, что обвинителями являлись наименѣе надежные въ нравственномъ отношеніи элементы, а обвиняемыми наиболѣе уважаемыя лица. Однажды,

*) Во время оно въ Дерптѣ существовала и русская цвѣтная корпорація. Среди позднѣйшихъ поколѣній русскихъ студентовъ отъ нея не сохранилось никакихъ традицій; мы даже мало свѣдѣній имѣли объ ея жизни и исторіи. Извѣстно было только, что она по своему быту приближалась къ нѣмецкимъ корпораціямъ и закрыта была «совѣтомъ корпоративныхъ старшинъ» (Senioren-Convent) за дебоширство.

Digitized by Google

напр., было созвано собраніе для суда надъ кассиромъ одного изъ студенческихъ обществъ, завѣдомо честнѣйшимъ человѣкомъ, по обвиненію въ растратѣ общественныхъ денегъ. Оказалось слѣдующее: одному изъ товарищей предстояла настоятельная надобность выѣхать изъ Дерпта куда-то очень далеко; денегъ у него, конечно, не было ни гроша, время было глухое, каникулярное, достать было неоткуда, созвать членовъ кассы также нельзя было; въ этихъ обстоятельствахъ кассиръ выдалъ ему на свой страхъ изъ общественныхъ денегъ что-то, кажется, 25 рублей, и затѣмъ, когда товарищи съѣхались послѣ каникулъ, покрылъ эту сумму частной складчиной. Обвиненіе же было возбуждено какими-то добровольцами по совершенно некрасивымъ личнымъ мотивамъ. Все это, конечно, и обнаружилось на собраніи, добродѣтель восторжествовала, но на это затраченъ былъ цѣлый вечеръ страстныхъ дебатовъ, тогда какъ самое разбирательство не могло бы имѣть мѣста, если бы преданіе суду зависѣло отъ какой-нибудь отвѣтственной коллегіи, а не отъ перваго встрѣчнаго взбалмошнаго добровольца. Дальше мнѣ придется разсказать еще одинъ подобный случай.

Если же на собраніи, дѣйствительно, подтверждалось нарушеніе порядочности, то въ распоряженіи суда не было никакого другого орудія, кромѣ платоническаго «выраженія порицанія», которое часто имѣло для виновнаго весьма ничтожное значеніе, особенно, если болѣе или менѣе значительное меньшинство не соглашалось съ постановленіемъ. Да и можно ли имѣть довѣріе къ суду толпы, составленной всегда въ значительной степени случайно? Ужъ одно установленіе порядка дебатовъ представляетъ громадныя трудности. Неорганизованная толпа чрезвычайно дорожитъ своимъ суверенитетомъ; выбранный для даннаго собранія предсѣдатель, сколько ни выбивается изъ силъ, не можетъ ни добиться спокойствія, ни направлять пренія по извѣстному плану, ни прекращать не идущія къ дѣлу словоизверженія, такъ какъ ему не дано никакой дисциплинарной власти. Предсѣдатели на этихъ собраніяхъ бывали настоящими мучениками; обливаясь потомъ, они метались изъ стороны въ сторону, чтобы хоть сколько-нибудь утихомирить недисциплинированныхъ спорщиковъ, записывали порядокъ желающихъ говорить, считали голоса, постепенно рискуя за малѣйшую ошибку или даже за резонное замѣчаніе услышать оскорбительный возгласъ или ропотъ неудовольствія: если предсѣдатель предложитъ кому-нибудь перейти къ вопросу, ему кричатъ, что онъ зажимаетъ ротъ; не досчитаетъ какой-нибудь поднятой руки,—значитъ, онъ гнетъ въ пользу какой-нибудь стороны.

На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что при такихъ условіяхъ постановленія собраній рѣдко были не справедливы. Объясняется же это тѣмъ, что крикуны, которыхъ въ сущности было немного, не принадлежали ни къ самымъ развитымъ, ни къ самымъ вліятельнымъ элементамъ студенчества. Они могли долго тормозить

Digitized by Google

выясненіе истины, они могли испортить много крови и наговорить много непріятностей своимъ противникамъ, но программы дѣйствій у нихъ обыкновенно не было, и подсказать большинству логическое рѣшеніе вопроса они не умѣли. Масса приходила на собраніе въ большинствѣ случаевъ безъ установившагося мнѣнія, и достаточно было, чтобы на собраніи присутствовало десять-пятнадцать человѣкъ, болѣе благоразумныхъ и выдержанныхъ, съ большею ясностью общихъ идей, чтобы ихъ мнѣніе, въ концѣ концовъ, одержало верхъ. Съ большимъ успѣхомъ въ нужныхъ случаяхъ примѣнялись нѣкоторые весьма невинные стратегическіе пріемы, построенные на элементарныхъ наблюденіяхъ надъ психологіей массы. Такъ, если группа болѣе зрѣлыхъ людей являлась на собраніе, заранѣе выяснивъ себѣ вопросъ и намѣтивъ въ главныхъ чертахъ желательное рѣшеніе, то большою ошибкой было бы съ ихъ стороны расположиться среди толпы тѣсной кучкой, — масса сейчасъ бы установила опредѣленное отношеніе ко всему, чтобы ни высказывалось изъ этой группы, и не стала бы взвѣшивать каждое мнѣніе въ отдѣльности. Можно сказать, что излагаемая мысль, поскольку она дѣйствуетъ не только логически, но и на чувства слушателя, обладаетъ заразительной силой въ прямой зависимости отъ разстоянія между говорящимъ и слушающимъ; одни и тѣ же слова могутъ произвести слабое впечатлѣніе на слушателя, стоящаго въ отдаленномъ концѣ комнаты, и оказать сильное дѣйствіе на сосѣда, который, кромѣ логическаго содержанія рѣчи, воспринимаетъ подробности интонаціи, безсознательную выразительность лица и жестовъ, словомъ душевное состояніе оратора: если оно искренно и проникнуто достоинствомъ, то непредвзятый слушатель лучше усваиваетъ и самую высказываемую мысль. Исходя изъ такихъ примѣрно соображеній, въ серьезныхъ случаяхъ, когда надо было не допустить какого-нибудь опрометчиваго рѣшенія или провести принципіальную резолюцію, люди болѣе зрѣлаго образа мыслей разсѣивались по разнымъ концамъ залы собранія и, взаимно поддерживая и дополняя другъ друга, постепенно овладѣвали настроеніемъ массы, что не всегда легко удавалось. Побѣды, одерживаемыя умственнымъ превосходствомъ и выработанной дисциплиной, сильно раздражали самолюбіе нѣкоторыхъ фразеровъ, которые очень охотно взяли бы на себя роль руководителей общественнаго мнѣнія, но не имѣли для этого достаточно пороху. За отсутствіемъ ясныхъ идей, они постоянно старались произвести въ свою пользу взрывъ массовыхъ инстинктовъ сакраментальными призывами къ солидарности, товариществу, демократизму, но не трудно было выяснить безсодержательность этихъ тридцати шести страшныхъ словъ. Болѣе дѣйствовала на массу игра на ея самолюбіе: «Развѣ вы не видите, что *они* считаютъ себя выше насъ, поучаютъ насъ, какъ дѣтей, диктуютъ намъ рѣшеніе и вертятъ нами по своему произволу!» Публика становилась недовѣрчива и по-

Digitized by Google

дозрительна, но спокойствіе и терпѣніе въ большинствѣ случаевъ, въ концѣ концовъ, возстановляли дѣйствіе доводовъ разсудка. Правда, на это иногда уходила цѣлая ночь, а то и нѣсколько вечеровъ подрядъ, и никто не могъ поручиться, что завтра тотъ же рѣшенный и пережеванный вопросъ опять не будетъ поднятъ въ новомъ случайномъ составѣ собранія и перерѣшенъ въ противоположномъ смыслѣ.

Помимо частныхъ случаевъ, какими являлись различныя судебныя разбирательства, передъ русскимъ студенчествомъ всегда стояло нѣсколько крупныхъ вопросовъ, которые время отъ времени обострялись и глубоко волновали умы. Однимъ изъ такихъ кардинальныхъ пунктовъ было отношеніе къ студенческому движенію въ русскихъ университетахъ. Каждый разъ, какъ въ другихъ университетскихъ центрахъ возникали волненія, русская часть дерптскаго студенчества мучительно билась надъ дилеммой: примкнуть или не примкнуть къ общему теченію. И тутъ предъ наблюдателемъ каждый разъ обнаруживалось весьма знаменательное явленіе: независимо отъ того или другого принципіальнаго рѣшенія, отъ неизмѣннаго глубокаго сочувствія товарищамъ, отъ «агитаціи подстрекателей», для активнаго проявленія мятежныхъ чувствъ необходимъ извѣстный подъемъ недовольства, подготовленный мѣстными столкновеніями и несовершенствами общественно-студенческаго быта. Русское студенчество въ Дерптѣ, какъ было уже указано, состоялo почти исключительно изъ такъ называемыхъ «безпокойныхъ элементовъ». Не говоря о тѣхъ, въ общемъ, конечно, немногочисленныхъ лицахъ, которыя попали въ университетъ послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія въ болѣе или менѣе отдаленныхъ частяхъ Россійской имперіи, — эти обыкновенно всего меньше сочувствовали безпорядкамъ,—большинство состояло изъ уволенныхъ откуда-нибудь за безпорядки же. Дерптская ссылка не измѣняла, конечно, ни ихъ мыслей, ни направленія ихъ симпатій. Казалось бы, при первомъ случаѣ можно было ожидать самой бурной вспышки. Однако, до введенія въ Дерптѣ устава 1884 года, мѣстному начальству ни разу не случилось надобности въ какихъ бы то ни было репрессивныхъ мѣрахъ. Дѣйствительно, когда изъ другихъ городовъ къ намъ приходили дурныя вѣсти, собраніямъ, пылкимъ дебатамъ, внутреннему волненію конца не было, но на этомъ дѣло и кончалось. Не хватало искры для взрыва. Если бы университетскія или городскія власти потребовали, чтобы мы были спокойны, или запретили намъ сходки, или предприняли бы какія-нибудь иныя усмирительныя мѣры, то вѣроятнѣе всего и дерптскіе студенты оказались бы не плоше, не лучше всякихъ другихъ. Но начальство и не думало давать намъ поводъ; оно совершенно игнорировало наше взволнованное состояніе, и я увѣренъ, что въ то время, какъ мы ночи напролетъ до седьмого пота развивали свое краснорѣчіе, проректоръ преспокойно спалъ на оба уха или сидѣлъ за своими толстыми книгами. Основаній приставать къ начальству съ какими-

Digitized by Google

нибудь требованіями у насъ также не было, ибо мы пользовались всѣмъ, о чемъ наши товарищи въ другихъ университетахъ не смѣли и мечтать. Въ нашемъ распоряженіи были всѣ виды товарищескаго общенія,—общества для взаимопомощи, научныя, для самообразованія, національныя. Никто не находилъ ничего противозаконнаго или противоестественнаго въ нашемъ свободномъ общеніи между собой и даже съ ветеринарами, помимо всякихъ установленныхъ формъ. Академическую свободу наши профессора охраняли съ такою же ревностью, какъ мы сами. Въ проректорѣ мы не имѣли повода видѣть что-либо иное, кромѣ благожелательнаго профессора, завѣдующаго студенческими дѣлами. Оставалось бы требовать развѣ только удаленія какого-нибудь педеля, которые, какъ всюду, были соглядатаями и не пользовались симпатіями студентовъ. Но и соглядатайство педелей въ Дерптѣ было совсѣмъ иначе направлено, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ: ихъ призваніе было выслѣживать дуэли, такъ что отъ нихъ страдали больше нѣмцы; а о присутствіи на сходкахъ педеля никогда и не помышляли.

Еще одинъ вопросъ постоянно тревожилъ наше спокойствіе: отношеніе къ нѣмецкимъ товарищамъ. Съ нашей стороны въ сущности никакой національной непріязни не было. Дѣйствительно, намъ были чужды многія черты ихъ характера, намъ казались смѣшными и иногда дикими нѣкоторыя особенности ихъ корпоративнаго быта, но непосредственнаго злого чувства ни ко всей массѣ, ни къ каждому отдѣльному индивидууму мы не питали, тогда какъ къ себѣ мы, именно, чувствовали такую слѣпую вражду, безъ вниманія къ личнымъ качествамъ каждаго. Въ насъ ненавидѣли прежде всего представителей того начала, которое грозило нивеллировкой мѣстныхъ особенностей, хотя не надо было бы особенно напрягать вниманіе, чтобы увидѣть, что русскіе студенты менѣе всего причастны были къ мѣстной политикѣ и ни въ чемъ не проявляли своихъ завоевательскихъ аппетитовъ. Надо думать, что національная вражда въ значительной степени питалась классовыми различіями: нѣмецкая молодежь въ Дерптѣ, какъ и повсюду въ Германіи, сохраняла крѣпкую связь, матеріальную, культурную и идейную, со своей природной средой, т.-е. съ земельною аристократіей и городской солидной буржуазіей, тогда какъ русскіе студенты, тоже какъ вездѣ въ Россіи, были разночинцы по происхожденію и демократы по настроенію и по матеріальному положенію. Нельзя конечно сказать, что всѣ нѣмецкіе студенты имѣли солидныя средства; многіе жили очень скромно, но нищеты среди нихъ не было, — всѣ имѣли опредѣленный бюджетъ, изъ котораго они не выходили. Кто живетъ выше своихъ средствъ, тотъ недостоинъ уваженія, таковъ мудрый принципъ тѣхъ, для кого ежедневная сытость не составляетъ сверхбюджетной роскоши; я слышалъ это изреченіе въ той или другой формѣ десятки

Digitized by Google

разъ за время своихъ дерптскихъ штудій. Въ классической формѣ ту же мысль выразилъ еще Гейне:

Wenn du aber gar nichts hast,
Ach, so lasse dich begraben—
Denn ein Recht zum Leben, Lump,
Haben nur, die etwas haben.

Русскіе же студенты никакъ не хотятъ понять силу этой философіи, и не только продолжаютъ существовать, не имѣя ничего, но предъявляютъ претензіи на всѣ блага наивысшей цивилизаціи, къ негодованію своихъ болѣе обезпеченныхъ коммилитоновъ.

Такъ или иначе, враждебность эта существовала. Въ обычныхъ условіяхъ она ощущалась въ видѣ безмолвно висящей въ воздухѣ тучи, но нерѣдко, по какимъ-нибудь частнымъ поводамъ, дѣло доходило до непріязненныхъ столкновеній. Изъ болѣе значительныхъ событій этого рода мнѣ припоминается слѣдующій эпизодъ. Какая-то компанія русскихъ студентовъ устроила въ складчину танцовальную вечеринку въ наемномъ помѣщеніи. Дамскій элементъ, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, состоялъ изъ женъ и дочерей русскихъ чиновниковъ. Вечеръ не отличался, вѣроятно, особенно блестящей внѣшностью, но имѣлъ вполнѣ респектабельный характеръ. Къ несчастію, помѣщеніе было выбрано неудачно—на одной лѣстницѣ, дверь противъ двери съ квартирой одной изъ нѣмецкихъ корпорацій. Часовъ около двухъ, когда оживленіе было въ полномъ разгарѣ, двое подвыпившихъ корпорантовъ, пробиравшіеся къ себѣ заканчивать вечеръ, были привлечены музыкой и просили позволенія войти въ залу, гдѣ происходили танцы, что и было имъ разрѣшено безъ малѣйшихъ препятствій.

Теперь нужно имѣть въ виду, какъ нѣмецкіе студенты представляютъ себѣ приличный танцовальный вечеръ: балы, устраиваемые корпораціями, служатъ важнымъ общественнымъ событіемъ въ городѣ; городскіе и университетскіе нотабли, все мѣстное дворянство считаютъ лестнымъ приглашеніе на подобный праздникъ и являются—дамы въ бальныхъ платьяхъ, мужчины во фракахъ; обширныя корпоративныя квартиры, въ обычное время довольно непріютныя по своей холостяцкой обстановкѣ, декорируются цвѣтами, наполняются мебелью, освѣщаются люстрами. Такихъ баловъ бываетъ два-три въ году, но зато на нихъ не жалѣютъ ни трудовъ, ни издержекъ. Въ сравненіи съ этимъ, какою мизерною должна была показаться нѣмецкимъ буршамъ вечеринка русскихъ студентовъ! Грязноватое наемное помѣщеніе, освѣщенное полдюжиной керосиновыхъ лампъ, пестрыя или темныя платья танцующихъ дамъ, мѣшковатые сюртуки, а то и просто пиджаки кавалеровъ, незавитыя, ненапомаженныя шевелюры, не всегда гладко выбритыя бороды, толстыя подошвы на сапогахъ и, конечно, полное отсутствіе перчатокъ,—все это не дѣйствовало особенно импонирующимъ образомъ на случайныхъ гостей. Имъ показалось, вѣроятно, что присутствующее общество не заслуживаетъ

Digitized by Google

болѣе приличнаго отношенія, чѣмъ клубъ эстонскихъ кухарокъ и извозчиковъ «Вайнемюйне», гдѣ нѣмецкіе студенты нерѣдко для потѣхи устраивали самые невозможные скандалы. Такъ и здѣсь, усѣвшись съ вызывающею безцеремонностью передъ самымъ кругомъ танцующихъ, они стали дѣлиться другъ съ другомъ своими наблюденіями надъ присутствующими дамами въ такой формѣ и такъ громко, что терпѣть ихъ присутствіе оказалось невозможно. Предложенію удалиться они не послѣдовали, тогда ихъ насильно вытолкали вонъ. Эта мѣра была вызвана крайнею необходимостью, и ни въ чемъ нельзя было бы упрекнуть русскихъ студентовъ, если бы они на этомъ и остановились. Но возмущеніе ихъ дошло до такихъ предѣловъ, что они толпой въ нѣсколько десятковъ человѣкъ ворвались въ корпоративную квартиру и и произвели тамъ буйство: стали бить окна, опрокидывать мебель, срывать со стѣнъ эмблематическіе щиты, арматуры, фотографіи. Это, конечно, уже выходило изъ границъ самообороны и имѣло видъ дикаго взрыва національной вражды къ нѣмцамъ.

На слѣдующій день русское студенчество было глубоко взволновано непріятнымъ ночнымъ происшествіемъ. Въ общестуденческомъ собраніи господствовало сочувствіе мстителямъ за оскорбленное національное самолюбіе, тогда какъ въ обществѣ русскихъ студентовъ, которое долгое время объединяло наиболѣе благоразумную и развитую часть русскаго студенчества, послѣ весьма горячихъ споровъ большинство пришло къ инымъ заключеніямъ: признано было неправильнымъ возлагать отвѣтствіе за дѣйствія двухъ пьяныхъ нахаловъ на цѣлую корпорацію, а тѣмъ болѣе на цѣлое нѣмецкое студенчество; поэтому разгромъ чужой квартиры казался ничѣмъ не оправдываемымъ поступкомъ, заслуживающимъ безусловно порицанія. Для того, чтобы нѣмцы, въ свою очередь, не могли обвинять все русское студенчество въ сочувствіи дикой расправѣ, рѣшено было предать эту резолюцію гласности, т.-е. вывѣсить ее письменно въ общестуденческомъ собраніи и отправить делегатовъ къ представителямъ разгромленной корпораціи для выясненія указанной точки зрѣнія. Общестуденческое собраніе отнеслось крайне неодобрительно къ мнѣнію общества русскихъ студентовъ и съ своей стороны выразило ему порицаніе за отсутствіе товарищеской солидарности и подрывъ общему дѣлу. Это былъ одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда никакіе доводы разсудка не дѣйствовали на возбужденную и негодующую массу. Такое отношеніе, впрочемъ, зная мѣстныя условія, можно было предвидѣть, и русское общество не было особенно поражено порицаніемъ товарищей. Гораздо чувствительнѣе была неудача делегаціи къ нѣмцамъ; какъ это ни странно, но къ этому мы были не приготовлены. Втайнѣ мы возлагали довольно большія надежды на этотъ шагъ: отъ обсужденія даннаго факта, казалось намъ, можно будетъ перейти къ болѣе общему вопросу объ отношеніяхъ русскаго и нѣмецкаго студенчества, и такимъ образомъ открытъ

Digitized by Google

будетъ путь для взаимнаго пониманія и непосредственныхъ сношеній. Всѣ эти разсчеты разбились о самую простую тактику нѣмцевъ: всякія объясненія прерваны были въ самомъ началѣ лаконическимъ заявленіемъ, что обсуждать происшедшій фактъ нечего, такъ какъ дѣло о произведенномъ буйствѣ направлено общимъ судебнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ положеніе не подвинулось ни на одну іоту впередъ.

Черезъ нѣкоторое время, однако, вслѣдствіе участившихся мелкихъ столкновеній нѣмцевъ съ русскими, особенно съ ветеринарами, вопросъ о выработкѣ какого-нибудь международнаго modus vivendi опять всплылъ на поверхность дерптской студенческой жизни. На этотъ разъ инициатива принадлежала уже общестуденческому собранію. Была выбрана комиссія изъ нѣсколькихъ старыхъ и пользовавшихся довѣріемъ студентовъ, которымъ поручено было составить подробную мотивированную записку, заключающую предложеніе нѣмцамъ совмѣстно обсудить съ нами мѣры къ улучшенію взаимныхъ отношеній и формулировку тѣхъ принципіальныхъ основаній, на почвѣ которыхъ мы согласны вести переговоры. Главными пунктами были поставлены: признаніе равноправности за ветеринарами и принятіе какихъ-нибудь мѣръ для болѣе справедливаго разрѣшенія взаимныхъ столкновеній, такъ какъ приговоры буршенгерихта, состоявшаго исключительно изъ представителей корпорацій, мы не считали безпристрастными.

Въ интересахъ дѣла рѣшено было обратиться за содѣйствіемъ польскихъ студентовъ, къ которымъ нѣмцы относились совершенно иначе, чѣмъ къ русскимъ *). Поляки съ готовностью прислали къ намъ своихъ представителей, но отъ общихъ дѣйствій отказались. Признавая наши требованія справедливыми, они питали глубокое и, какъ оказалось, основательное сомнѣніе въ томъ, что нѣмцы пойдутъ на какія бы то ни было уступки, и не желали осложнять свои отношенія безнадежными попытками; если бы, однако, нѣмцы, паче чаянія, согласились начать переговоры, то и они, поляки, не отказались бы въ нихъ участвовать. Несмотря на предусмотрительность поляковъ, мы не теряли надежды и во всякомъ случаѣ хотѣли довести свое предпріятіе до конца. Чтобы заручиться еще однимъ козыремъ, мы обратились къ нѣкоторымъ профессорамъ, которые какъ филистеры дерптскихъ корпорацій сохраняли съ ними близкую связь и могли повліять своимъ мнѣніемъ на студентовъ. Всѣ профессора, къ которымъ мы обращались, выражали полное сочувствіе нашему начинанію; одинъ взялся даже проредактировать вмѣстѣ съ нами составленное нами на нѣмецкомъ языкѣ обращеніе къ нѣмецкимъ товарищамъ, такъ какъ, по его мнѣнію, оно будетъ болѣе убѣдительно для

*) Поляки пользовались даже нѣкоторыми спеціальными преимуществами: такъ, во всѣхъ случаяхъ, когда по кодексу для разрѣшенія столкновенія требовалась дуэль, поляки дуэлировали между собою и съ нѣмцами не на рапирахъ, а на пистолетахъ, что вообще имѣло мѣсто лишь при дуэляхъ съ филистерами.

Digitized by Google

адресатовъ, если выразить его тѣмъ специфическимъ студенческимъ жаргономъ, который служилъ оффиціальнымъ языкомъ студенческихъ учрежденій. Наконецъ, посланіе наше получило окончательную форму, одобренную общимъ собраніемъ, и мы отправили его въ совѣтъ старшинъ (Seniorenconvent). Отвѣта пришлось ждать довольно долго, откуда мы заключали, что предложеніе наше подвергается подробному обсужденію. Пришедшій, наконецъ, отвѣтъ этого не подтвердилъ. Насъ увѣдомляли, что всѣ взаимныя недоразумѣнія между студентами университета безъ различія національностей разбираются буршенгерихтомъ и... больше ничего. Наше недовольство этимъ судомъ было оставлено безъ вниманія, а о требованіяхъ ветеринаровъ даже не упоминалось. Отвѣтъ этотъ, очевидно, былъ простой канцелярской отпиской, послѣ которой всякій дальнѣйшій шагъ являлся невозможнымъ.

Почти такой же глубокій интересъ и страстное обсужденіе вызывали общественно-научные вопросы, хотя по своему существу они дебатировались не на общестуденческихъ собраніяхъ, а въ болѣе тѣсномъ кругу, при обсужденіи какого-нибудь реферата въ одномъ изъ обществъ, а еще больше за безконечнымъ «стаканомъ чаю» на частныхъ квартирахъ. Это было время, когда споръ марксистовъ и народниковъ еще не попалъ въ журналистику, но уже вызывалъ ожесточенныя столкновенія среди интеллигентныхъ круговъ общества и особенно въ средѣ университетской молодежи. Въ Дерптѣ ему удѣлялось такъ много времени и вниманія, что, въ концѣ концовъ, являлось желаніе просто бѣжать отъ этихъ нескончаемыхъ и безнадежныхъ препирательствъ, которыя велись постоянно одними и тѣми же лицами, съ одною и тою же, совершенно теоретическою постановкою вопроса, съ одними и тѣми же аргументами. Роли были разъ навсегда распредѣлены. Представителями марксизма первоначально являлись, главнымъ образомъ, поляки, которые, конечно, не питали никакой нѣжности ни къ общинѣ, ни къ артельному началу. Антагонистами имъ выступали русскіе «семидесятники» (такъ они себя называли,—по духу, конечно). Молодые русскіе студенты сначала не имѣли опредѣленныхъ взглядовъ по данной категоріи вопросовъ, но явно симпатизировали деревнѣ и вообще всѣмъ страждущимъ и угнетеннымъ *). Однако за очень короткое время, въ какіе-нибудь два три года настроеніе русскаго студенчества радикально измѣнилось. «Семидесятники», конечно, остались вѣрными себѣ, но молодежь отъ нихъ отхлынула. Рѣшивъ самостоятельно разобраться въ столь запутанномъ спорѣ, она принялась изучать Маркса и примыкающую къ нему нѣмецкую литературу. Это изученіе стало настоящей эпидеміей, которая распространилась даже на совершенно отсталые

*) Въ числѣ другихъ и покойный Н. В. Водовозовъ, бывшій недолгое время также дерптскимъ студентомъ, въ то время былъ такимъ же страстнымъ противникомъ марксизма, какъ впослѣдствіи его сторонникомъ.

Digitized by Google

въ умственномъ отношеніи элементы. Я помню, какъ одинъ изъ подобныхъ читателей Маркса наивно признавался: «Вотъ всѣ говорили, что Маркса такъ трудно читать, а оказалось совсѣмъ нѣтъ: прочтешь три четыре раза одну страницу и ничего—понимаешь». Читатели очень скоро обратились въ почитателей. Цитировать наизусть пассажи изъ «Капитала» и «толковать» ихъ смыслъ обратилось въ своего рода спортъ. Такимъ образомъ, когда появились въ печати «Критическіе очерки» П. Б. Струве, то они нашли уже весьма воспріимчивую почву въ Дерптѣ.

Завязка спора обыкновенно тоже имѣла типическую форму. Одинъ изъ «семидесятниковъ», большой любитель всевозможныхъ словопреній, по каждому удобному поводу, а то и безъ повода разворачивалъ истрепанный экземпляръ «Судебъ русскаго капитализма» г-на В. В., который онъ имѣлъ обыкновеніе носить съ собою вмѣстѣ съ пятью шестью другими книжками и брошюрками, составлявшими его походную библіотеку, и читалъ оттуда какой-нибудь пассажъ. Возгласы негодованія или презрительный смѣхъ обыкновенно перебивали его на серединѣ фразы; но только этого онъ и хотѣлъ. Сраженіе разгоралось. Въ пятисотый разъ развивалась схема діалектическаго матеріализма, никогда не обходилось безъ упоминанія письма Маркса къ Н. К. Михайловскому, воздухъ наполнялся словами: «денежное хозяйство», «обезземеленье», «форма производства», «экономическое пониманіе исторіи» и пр. и пр. Схватка прекращалась обыкновенно, какъ настоящія сраженія—«съ наступленіемъ темноты», когда спорщики расходились за недосугомъ, съ тѣмъ чтобы при первой встрѣчѣ сцѣпиться снова. Иногда полемика принимала литературную форму. Одинъ изъ народниковъ сочинилъ комедію, гдѣ въ лицѣ философа Панглосса изображался марксистъ, который находилъ, что все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ: и обезземеленье крестьянъ, и кулачество, и голодовки, ибо все это ведетъ къ развитію капитализма, а слѣдовательно и къ разрушенію его. На это одинъ изъ поляковъ придумалъ довольно остроумный отвѣтъ. Подобравъ цѣлый рядъ отрывковъ изъ сочиненій Герцена, той эпохи, когда Герценъ разочаровался въ политическомъ строѣ Западной Европы и съ радостью усматривалъ въ каждомъ ухудшеніи общественной жизни близость конца, онъ составилъ цѣлый рефератъ подъ заглавіемъ «Мысли русскаго Панглосса», не называя своего источника. Впрочемъ слушатели, хотя и не догадались, кому принадлежатъ эти мысли, но глубинѣ ихъ и по блестящему стилю сообразили, что съ возраженіями лучше повоздержаться, дабы не попасть въ просакъ.

Кстати, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ объ авторѣ этого реферата, весьма оригинальномъ субъектѣ. Онъ былъ богатый польскій помѣщикъ и къ прохожденію наукъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности. Марксизмъ увлекъ его, какъ послѣдняя мода, такъ же, какъ онъ

Digitized by Google

первый въ Дерптѣ сталъ носить смокингъ, только что изобрѣтенный въ то время. Одновременно съ марксизмомъ онъ увлекался французскимъ символизмомъ и импортировалъ ихъ произведенія въ Дерптъ; я лично долженъ признаться, что черезъ него впервые познакомился съ Метерлинкомъ, слава котораго тогда только что родилась на свѣтъ. Затѣмъ онъ совершилъ въ высшей степени удивительную эволюцію. Группа развитыхъ и общественно настроенныхъ соотечественниковъ, въ которой онъ сначала вращался, какъ-то разсыпалась, и онъ попалъ въ среду польской золотой молодежи, которой было не мало въ Дерптѣ. Тогда онъ сдѣлался дебоширомъ, бреттеромъ и іудофобомъ. Побить хлыстомъ еврея, безъ всякаго повода, доставляло ему истинное удовольствіе; когда мировой судья желалъ узнать мотивъ его поступка, онъ отвѣчалъ безъ запинки: «А зачѣмъ онъ мучилъ Іисуса Христа, моего Спасителя?» Въ другой разъ онъ выстрѣлилъ изъ револьвера въ окно какого-то сапожника-еврея, такъже безъ малѣйшей причины, и чуть было не убилъ его; на судѣ онъ съ циничной откровенностью излагалъ событія такимъ стилемъ: «Пуля, къ моему сожалѣнію, прошла на вершокъ отъ его головы». По окончаніи университета я потерялъ изъ виду этотъ любопытный экземпляръ нравственной дегенераціи и не знаю, какіе курбеты онъ еще выкинулъ. Я бы нисколько не удивился, если бы услышалъ, что онъ par blague постригся въ какомъ-нибудь доминиканскомъ монастырѣ и отправился миссіонеромъ въ Китай или Полинезію.

Одичаніе этого господина можетъ быть разсматриваемо, какъ символъ (развѣ только немного утрированный) процесса, совершившагося въ русской части дерптскаго студенчества подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній. Эволюція эта совершилась какъ-то сама собой, путемъ естественнаго подбора. Количество русскихъ студентовъ стало быстро возрастать, но преобладаніе между ними принадлежало другимъ элементамъ, чѣмъ прежде. Дерптъ пересталъ уже служить тихою пристанью для людей, претерпѣвшихъ бури житейскаго моря,—доступъ имъ сталъ такъ же труденъ, какъ и во всѣ остальные университеты. Зато съ каждымъ семестромъ наплывали лица, не одолѣвшія науки въ другихъ мѣстахъ, максимальное число разъ провалившіяся на экзаменахъ, но желавшія во что бы то ни стало получить университетскій дипломъ. Впослѣдствіи, какъ извѣстно, дерптскій университетъ открылъ свои двери и для семинаристовъ, такъ что, напр., въ осеннемъ семестрѣ 1900 года, по свѣдѣніямъ газетъ, изъ 300 вновь поступившихъ студентовъ 270 окончили семинаріи. Но этой картины университета я не видалъ и не могу о ней говорить. То, что мнѣ пришлось наблюдать, впрочемъ, совершенно достаточно, чтобы видѣть, въ какомъ направленіи пошло «развитіе» академической жизни. Чѣмъ менѣе новые фараоны имѣли связи съ наукой, тѣмъ болѣе они сознавали себя насадителями русской культуры. Это сказывалось прежде всего и во внѣшности. Въ аудиторіяхъ и на

Digitized by Google

улицахъ чаще и чаще сталъ бросаться въ глаза непопулярный въ Дерптѣ и необязательный еще форменный сюртукъ, носители котораго держали себя съ такимъ побѣдоноснымъ и вызывающимъ видомъ, какъ испанскіе конквистадоры среди Ацтековъ или инковъ. Студенческія кухмистерскія и общества продолжали быть многолюдными, но при всякомъ случаѣ все выше поднимали голову темные, свободные отъ идей элементы, которые прежде скромно молчали или совсѣмъ устранялись отъ общественной жизни. Все труднѣе становилось поддерживать общественную корректность русскаго студенчества по отношенію къ мѣстнымъ вопросамъ, а иногда приходилось ограничиваться только рѣзкимъ выраженіемъ особаго мнѣнія, чтобы хоть нѣсколько ослабить значеніе недостойнаго поступка. Такой фактъ, правда, очень мелкаго колибра, но весьма характерный, произошелъ по поводу переименованія Дерпта въ Юрьевъ. Если бы Москву переименовали въ какой-нибудь Кацбахъ, то истые москвичи, вѣроятно, не болѣзненнѣе отнеслись бы къ такому coup d'état, чѣмъ нѣмцы къ утратѣ любимаго названія своихъ «Аенъ на Эмбахѣ». Имъ казалось, что камни мостовой должны возопить къ небу, оскорбленные чужимъ именемъ. Впрочемъ, въ этомъ нельзя видѣть только одну привязанность къ формальнымъ мелочамъ. Въ тотъ моментъ, всѣ, не только одни нѣмцы, видѣли въ немъ лишь внѣшнее проявленіе окончательнаго торжества новой эры.

Мы, русскіе студенты, не сквозь розовыя очки смотрѣли на порядки стараго нѣмецкаго режима; ни аристократическіе аграріи, ни городское мѣщанство не внушали намъ особенныхъ симпатій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы лучше всѣхъ умѣли цѣнить хорошія стороны мѣстной культуры; мы не могли забыть, что своими вольностями и самою возможностью закончить свое научное образованіе мы были обязаны нѣмецкому складу университета. Тѣ, кто имѣли понятіе о средней школѣ балтійскаго края, также съ завистью видѣли разницу между дѣйствительно воспитательными нѣмецкими заведеніями (несмотря на ихъ классицизмъ) и нашими гимназіями толстовско-деляновскаго типа. Мы знали также широкое распространеніе низшаго образованія среди латышскаго и эстонскаго населенія; хотя это явленіе нельзя приписывать заслугамъ нѣмцевъ, но оно было тѣснѣйшимъ образомъ связано со старымъ режимомъ. Какъ иллюстрація народной грамотности, мнѣ припоминается маленькая уличная картинка. Идемъ мы вдвоемъ съ товарищемъ по одной изъ окраинныхъ улицъ Дерпта. Темный, пасмурный, осенній вечеръ. На углу мигаетъ свѣтлая точка извозчичьяго фонаря. Подходимъ ближе,—извозчикъ изогнулся въ три погибели на козлахъ и читаетъ свою эстонскую газетку, подставляя ее подъ трепещущій свѣтлый кружокъ экипажнаго фонаря. Мой спутникъ, очень экспансивный и чувствительный любитель «меньшого брата», былъ такъ умиленъ, что чуть было не полѣзъ цѣловаться съ эстонскимъ гра-

Digitized by Google

мотѣемъ, но остановился, потому что не сумѣлъ бы объяснить ему причины своей радости.

Но возвращаюсь къ отношенію русскихъ студентовъ къ балтійскому вопросу. Мы были такъ далеки отъ нѣмцевъ, между нами и ими было столько принципіальныхъ и бытовыхъ отличій, что какъ-нибудь активно проявлять свое сочувствіе и несочувствіе мы не могли и не хотѣли. Никто отъ насъ этого не ожидалъ, и никому это не принесло бы ничего, кромѣ вреда. Но затѣ безусловно обязательнымъ считался и сдѣлался уже традиціей въ нашей средѣ самый корректный нейтралитетъ, при полномъ уваженіи къ нѣмецкому языку и мѣстному патріотическому чувству. Поэтому, совершенно небывалымъ долженъ былъ показаться поступокъ одного товарища, который на вечеринкѣ русскихъ студентовъ, случайно совпавшей съ преображеніемъ Дерпта въ Юрьевъ, неожиданно для всѣхъ громогласно выпалилъ тостъ «за новый Юрьевъ». Демонстрантъ, впрочемъ, не былъ изъ числа новоприбывшихъ мундирниковъ, напротивъ, это былъ чуть не самый старый «семидесятникъ», прошедшій много огня и воды. Мотивы его поступка остались не совсѣмъ ясны, но не въ томъ было и дѣло. Подобная единичная выходка, если бы и случилась въ прежнее время, вызвала бы моментальный и всеобщій отпоръ и была бы сочтена за возгласъ пьянаго субъекта. Теперь же господствующій тонъ студенчества настолько измѣнился, что цѣлая группа студентовъ воодушевленно поддержала странный тостъ, бо́льшая часть осталась равнодушной, и единичные протесты не вызвали никакого впечатлѣнія. Правда, на слѣдующій день вопросъ былъ поставленъ принципіально: допустимы ли среди русскаго студенчества подобныя манифестаціи? И послѣ продолжительныхъ дебатовъ и колебаній рѣшенъ былъ отрицательно, но настроеніе большинства при этомъ было такъ нерѣшительно и апатично, что при первомъ представившемся случаѣ, т.-е. на ближайшей вечеринкѣ, тотъ же господинъ безнаказанно повторилъ свой политическій тостъ. За этимъ послѣдовали новыя собранія, принципіальныя разсужденія, безконечные дебаты, впродолженіи которыхъ опять обнаружилась утрата прежняго единодушія и прежней принципіальной стойкости.

Преображенію физіономіи русскаго студенчества въ Дерптѣ задолго предшествовало постепенное пониженіе научнаго уровня университета. Среди нѣмецкихъ профессоровъ прежняго состава можно было найти не мало далекихъ отъ жизни, отсталыхъ отъ современности узкихъ педантовъ и крохоборныхъ буквоѣдовъ, но единственнымъ интересомъ и содержаніемъ ихъ жизни была наука, какъ бы узко они ее ни понимали. То, что явилось имъ на смѣну, въ большинствѣ случаевъ съ наукой имѣло весьма мало общаго. Во время оно въ Дерптъ попадали нерѣдко выдающіеся русскіе ученые. Такъ, напримѣръ, я припоминаю проникнутые уваженіемъ разсказы нѣмцевъ о проф. А. А. Котляревскомъ; имъ импонировала его широкая образованность, а прямой откры-

Digitized by Google

тый характеръ вызывалъ ихъ симпатіи. «Только во время франко-прусской войны,—жаловался мнѣ одинъ нѣмецкій профессоръ,—съ нимъ не стало сладу (er wurde ganz ungeniessbar); онъ сдѣлался раздражительнымъ, сталъ насъ чуждаться, а въ 1871 году открыто признавался, что сочувствуетъ парижскимъ комунарамъ»! Послѣднее обстоятельство приводило почтеннаго профессора въ глубокое и искреннее недоумѣніе. Позднѣе въ Дерптъ попалъ проф. И. И. Дитятинъ, высокія качества котораго, какъ ученаго и человѣка, общеизвѣстны; къ сожалѣнію, Дерптъ узналъ его въ тотъ періодъ, когда неизлѣчимый недугъ уже подорвалъ его душевныя силы. Въ мою бытность, глубокимъ уваженіемъ и всеобщею любовью пользовался одинъ русскій профессоръ, назвать котораго я не рѣшаюсь, чтобы не оскорбить его всегдашнюю скромность. Русскіе студенты обязаны ему очень многимъ. Всѣ, которые имѣли хоть сколько-нибудь живые умственные интересы, бывали приняты въ его радушномъ домѣ, какъ добрые знакомые. Мы не чувствовали себя здѣсь учениками передъ заслуженнымъ ученымъ, что ставитъ первыхъ всегда въ извѣстныя границы сдержанности и суживаетъ выборъ темъ разговора; напротивъ, профессоръ умѣлъ установить между собой и своими молодыми гостями совершенно непринужденное общеніе; онъ охотно самъ говорилъ и разсказывалъ, но также любилъ слушать и разспрашивать. Эти посѣщенія, которыя не были рѣдки, конечно, отнимали массу времени отъ его собственныхъ научныхъ занятій, но онъ все-таки не рѣшался установить какія-нибудь ограниченія своей доступности, прекрасно понимая, какъ важно такое общеніе для студентовъ именно въ Дерптѣ, гдѣ они были отрѣзаны отъ интеллигентной среды, которая доступна студентамъ во всѣхъ другихъ университетскихъ центрахъ. Къ личной симпатіи, которую питали къ нему всѣ близко знавшіе его, присоединялось еще глубокое уваженіе за его солидныя заслуги въ качествѣ ученаго и профессора и за его неизмѣнно безукоризненное поведеніе во всѣхъ вопросахъ университетской жизни, гдѣ нерѣдко приходилось проявлять много нравственной стойкости и гражданскаго мужества.

Можно было бы указать еще нѣсколько лицъ среди русскихъ профессоровъ дерптскаго университета, которые въ большей или меньшей степени счастливо соединяли въ себѣ высокія качества, необходимыя для университетскаго преподавателя, но всѣхъ ихъ не трудно пересчитать по пальцамъ (еще разъ повторяю, что я имѣю въ виду лишь то время, которое мнѣ извѣстно изъ непосредственнаго наблюденія), и эти немногіе всегда стремились при первой возможности бросить Дерптъ для какого угодно другого университета. Господствующее же большинство новыхъ профессоровъ представляло коллекцію убожества, немыслимую въ другомъ мѣстѣ. Такъ-какъ люди съ именемъ въ наукѣ только по недоразумѣнію попадали въ

Digitized by Google

Дерптъ, то весьма обычнымъ было назначеніе туда профессоровъ безъ соотвѣтствующаго научнаго ценза. Прибавивъ къ своему званію буквы и. д. (исполняющій должность), такіе господа вполнѣ спокойно почивали безъ лавровъ; когда же они, наконецъ, рѣшались выступить въ свѣтъ съ какимъ-нибудь сочиненіемъ собственнаго производства, то это далеко не всегда доставляло авторамъ лавры! Можно указать не одинъ трудъ дерптскихъ профессоровъ, доставившій прекрасный матеріалъ для остроумія рецензентовъ въ спеціальной и общей прессѣ. Объ одномъ такомъ ученомъ, до сихъ поръ, впрочемъ, не издавшемъ ни одной строчки, было извѣстно, что на магистерскомъ экзаменѣ послѣ многихъ неудачъ экзаменаторы согласились признать его познанія удовлетворительными, лишь взявъ съ него честное слово, что онъ никогда не будетъ домогаться профессорскаго званія.

Однажды произошелъ такой любопытный казусъ. Къ намъ пріѣхалъ попечитель и, между прочимъ, обѣщался быть на лекціи одного профессора. Лекція была двухчасовая. По ораторскимъ пріемамъ и воодушевленію лектора слушатели сразу догадались, что эта лекція была спеціально подготовлена для начальства. Проходитъ, однако, первый часъ,—попечителя нѣтъ. Начинается вторая лекція, студенты-нѣмцы, какъ всегда, принимаются усердно записывать слова профессора. Наконецъ, входитъ попечитель. Рѣчь профессора льется потокомъ. Вдругъ одинъ нѣмецъ кладетъ перо и недоумѣвающе смотритъ на лектора; за нимъ другой, третій перестаетъ писать, и, наконецъ, вся аудиторія догадывается, что записывать безполезно: профессоръ повторяетъ слово въ слово то, что онъ говорилъ въ теченіе перваго часа,—на второй часъ онъ ничего не приготовилъ. Какъ мало уваженія нужно имѣть къ наукѣ, къ своей аудиторіи и къ себѣ самому, чтобы позволить себѣ подобную передержку! Очевидно, что такіе господа видѣли въ профессурѣ только источникъ доходовъ и случай сдѣлать карьеру. Одинъ профессоръ этого пошиба наивно разсказывалъ мнѣ, что, когда гр. Дельяновъ предложилъ ему занять каѳедру въ Дерптѣ, то онъ поставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы ему дали однимъ чиномъ больше, чѣмъ полагается по классу должности. «Ибо, — поучалъ онъ меня,—чинъ это удѣльный вѣсъ человѣка; кто къ сорока годамъ остается какимъ-нибудь коллежскимъ совѣтникомъ, тотъ въ моихъ глазахъ человѣкъ совершенно ничтожный». Но самый блестящій образчикъ того, какіе могутъ быть въ Дерптѣ профессора, далъ проф. Васильевъ своей знаменитой рѣчью о необходимыхъ для практикующаго врача правилахъ житейской мудрости. Этотъ замѣчательный монументъ въ довольно полномъ видѣ попалъ въ печать, такъ что потокъ времени, уничтожающій или искажающій такъ много характерныхъ чертъ вседневной жизни, на этотъ разъ не ограбитъ будущаго историка. Повторять эту рѣчь въ подробностяхъ едва ли стоитъ. Достате-

Digitized by Google

чно сказать, что по содержанію она смѣло можетъ стать рядомъ съ наставленіями, которыми Мефистофель вводитъ новичка студента въ курсъ медицинскихъ наукъ, только безъ малѣйшей иронiи или сарказма,—напротивъ, по серьезности и убѣжденности, оратора скорѣе можно было бы сравнить съ Владиміромъ Мономахомъ, поучающимъ своего сына.

Рѣчь проф. Васильева вызвала отзвукъ въ различныхъ сферахъ. Не говоря уже объ обширной литературѣ, которую она породила въ періодической прессѣ, дерптскіе профессора, также какъ и студенты, не могли остаться къ ней равнодушны. Какъ разъ вскорѣ послѣ упомянутаго событія, случился пріѣздъ гр. Делянова въ Дерптъ. По этому поводу предполагалось устроить какой-то обѣдъ или, не упомню уже, какое другое общеуниверситетское торжество. Тогда нѣсколько русскихъ и нѣмецкихъ профессоровъ открыто заявили министру, что они не считаютъ возможнымъ находиться въ обществѣ съ проф. Васильевымъ, и мотивировали свое заявленіе содержаніемъ его лекціи. Но гр. Деляновъ рѣшительно отказался вѣрить: «Да это, навѣрное, недоразумѣніе,—говорилъ онъ.—Вѣдь я знаю Васильева,—онъ *не могъ* сказать ничего подобнаго». Въ отвѣтъ на увѣреніе профессоровъ, что онъ *сказалъ* то, что ему приписываетъ и молва, и печать, гр. Деляновъ продолжалъ повторять: «Вы не вѣрьте этому, господа! Этого не могло быть. Вѣдь нужно быть о двухъ головахъ, чтобы сказать что-либо подобное. Это просто недоразумѣніе!» Такъ онъ и остался въ своей увѣренности, не обнаруживъ склонности разъяснить это недоразумѣніе оффиціальнымъ путемъ. Впрочемъ, совмѣстное торжество, кажется, было отмѣнено.

Студенты рѣшили также воспользоваться пріѣздомъ министра, чтобы выразить свое отношеніе къ проф. Васильеву. Извѣстно было, что министръ собирается посѣтить одну изъ его клиническихъ лекцій, поэтому медики рѣшили не ходить на эти лекціи во все время пребыванія гр. Делянова въ Дерптѣ. Кому-то вздумалось вывѣсить объ этомъ объявленіе въ одной изъ самыхъ людныхъ студенческихъ кухмистерскихъ. Но проф. Васильевъ составилъ себѣ цѣлый штатъ приверженцевъ, подъ названіемъ «подассистентовъ», конечно, изъ числа представителей новой эры. Одинъ изъ этихъ господъ, своимъ форменнымъ видомъ не оставлявшій сомнѣнія въ своей принадлежности къ новѣйшей формаціи, зашелъ въ кухмистерскую и, увидѣвъ на стѣнѣ упомянутое объявленіе, пришелъ въ столь благородное негодованіе, что сорвалъ его со стѣны и громогласно заявилъ намѣреніе снести его своему патрону. Присутствовавшіе студенты были такъ возмущены, что безъ дальнѣйшихъ препирательствъ вытолкали доносчика за дверь. Черезъ нѣкоторое время онъ было опять появился въ кухмистерской, произнося ругательства и угрозы, но подвергся вновь той же участи.

Digitized by Google

На этомъ дѣло логически должно было бы кончиться, но здѣсь опять обнаружилась радикальная перемѣна въ настроеніи студенчества. Вопросъ получилъ неожиданный оборотъ. Дѣло изображалось такъ, будто бы виновникъ конфликта былъ сильно выпивши и будто бы студенчество возмущено грубымъ насиліемъ надъ достойнымъ товарищемъ. Созвано было общестуденческое собраніе для суда надъ хозяиномъ кухмистерской, однимъ изъ симпатичнѣйшихъ и благороднѣйшихъ студентовъ, будто бы онъ былъ иниціаторомъ и главнымъ дѣятелемъ въ совершенномъ надъ товарищемъ насиліи. Изъ всѣхъ собраній, на которыхъ мнѣ пришлось присутствовать, это было самое многолюдное. Съ одной стороны явились всѣ сторонники традиціонныхъ началъ студенческой жизни, чтобы не дать восторжествовать представителямъ доноса или въ лучшемъ случаѣ лакейства. Съ другой стороны явилась небывалая масса какихъ-то невиданныхъ до тѣхъ поръ на собраніяхъ фигуръ, сторонниковъ оскорбленнаго доносителя. Маленькая зала кухмистерской была набита народомъ буквально до потолка, потому что публика, не имѣя мѣста не только сидѣть, но и стоять, громоздилась на отодвинутыхъ къ стѣнамъ столахъ и скамейкахъ, упираясь руками въ низкій потолокъ. Пришедшіе послѣдними не могли уже войти въ залу и стояли на темномъ дворѣ за окнами, которыя были открыты, несмотря на позднюю осень. Нельзя было даже разобрать, кто тамъ былъ, но при голосованіяхъ предсѣдателю надо было высовываться за окно, чтобы пересчитать поднятыя руки. Настроеніе собранія было весьма возбужденное и въ высшей степени неблагопріятное для обвиняемаго. Лица, ясно представлявшія себѣ всю нелѣпость и неискренность обвиненія, были сравнительно немногочисленны; сторонниковъ обвиненія было гораздо больше, они компактной толпой занимали цѣлый конецъ, чуть не треть залы. На нейтральную же массу, голоса которой только и могли дать перевѣсъ тому или другому рѣшенію, очень дѣйствовала игра на благородство: шутка сказать—выгнать изъ студенческаго учрежденія товарища! Правда, онъ грозилъ доносомъ, но вѣдь онъ былъ невмѣняемъ, теперь же онъ самъ соглашается, что онъ въ пьяномъ видѣ совершилъ некрасивый поступокъ. Самъ обвинитель оказался весьма ограниченнымъ субъектомъ, который вовсе не имѣлъ вида оскорбленнаго человѣка. Чрезъ нѣкоторое время выяснилось, что онъ былъ просто пѣшкой въ рукахъ цѣлой компаніи темныхъ личностей, которымъ чувство оскорбленнаго ничтожества подсказывало недоброжелательство ко всему, что носило признаки нѣкотораго нравственнаго или умственнаго превосходства. Имъ невыносима была мысль, что видныя роли въ товарищескомъ быту всегда выпадали «идейнымъ» студентамъ, и они рады были придраться ко всякому случаю, чтобы дискредитировать ихъ авторитетъ. Не самъ оскорбленный, а они придавали необыкновенно драматическій характеръ происшествію въ кухмистерской.

Digitized by Google

Разбирательство вертѣлось на установленіи мельчайшихъ подробностей, напр., числа оторванныхъ пуговицъ, количества выпитой потерпѣвшимъ водки, длины и глубины полученныхъ имъ царапинъ, когда при выталкиваніи за дверь онъ, упираясь разбилъ дверное стекло, и т. д. Когда же противная сторона въ свою очередь путемъ установленія послѣдующихъ фактовъ желала выяснить, что потерпѣвшій почувствовалъ себя оскорбленнымъ лишь послѣ того, какъ побывалъ въ извѣстной компаніи, то изъ толпы обвинителей слышался ропотъ, раздавались возгласы, что это къ дѣлу не относится, что не по-товарищески производить прокурорское разслѣдованіе и т. п. Время отъ времени выступали ораторы, прочувствованно, но не особенно связно развивавшіе тему, что есть молъ въ нашей средѣ «нѣкоторые», которые ставятъ себя выше товарищей, думаютъ, что если они прочли нѣсколько книгъ, то могутъ нетолько руководить тѣми, кто таковыхъ не прочелъ, но даже обращаться съ ними, какъ со скотами.

Собраніе тянулось уже нѣсколько часовъ, а вопросъ въ сущности не подвигался впередъ. Публика приходила въ нетерпѣніе, и можно было предвидѣть моментъ, когда постановлено будетъ самое безобразное, самое несправедливое рѣшеніе. Напрасно мы напрягали всю свою находчивость, чтобы въ убѣдительной формѣ представить истинный характеръ событія, — доводы разума плохо дѣйствовали, и настроеніе большинства оставалось крайне неопредѣленнымъ и ненадежнымъ. Вдругъ изъ дальняго угла комнаты, откуда-то изъ-подъ потолка неожиданно для всѣхъ послышался взволнованный голосъ товарища, который до тѣхъ поръ не вмѣшивался въ дебаты. Содержаніе его словъ было примѣрно слѣдующее: «Господа, мы потратили уже нѣсколько часовъ—на что? Мы считаемъ пуговицы и рюмки водки... Да развѣ въ этомъ дѣло? Дѣло въ томъ, что уровень студенчества съ каждымъ днемъ понижается; то, что было немыслимо какой-нибудь годъ назадъ, теперь становится обычнымъ явленіемъ. И сегодняшнее наше рѣшеніе должно показать, сохранили ли мы еще уваженіе къ достоинству студента, или деморализація уже такъ глубоко охватила насъ, что въ нашей средѣ могутъ безнаказанно раздаваться угрозы доноса, и мы будемъ это терпѣть, какъ нормальное явленіе». Искренность и безыскуственность этихъ словъ (въ моемъ изложеніи они звучатъ, быть можетъ, нѣсколько глаже, чѣмъ въ дѣйствительности) произвели переворотъ въ настроеніи собранія. Точно завѣса спала съ глазъ колеблющагося большинства. Зала огласилась дружными апплодисментами. Сраженіе было выиграно. «Темныя личности», считая, что ихъ роль исполнена, стали вереницей протискиваться къ выходу и демонстративно оставили собраніе. Въ залѣ стало немного просторнѣе и нравственная атмосфера очистилась. Публика новыми апплодисментами встрѣтила предложеніе одного изъ товарищей: не только отвергнуть обви-

Digitized by Google

неніе NN въ неблаговидномъ поступкѣ, но выразить ему благодарность за то, что онъ еще сохранилъ такое высокое мнѣніе о студенческой средѣ, что считалъ позоромъ для нея малѣйшую попытку къ доносу. Мы разошлись по домамъ часовъ въ пять утра, страшно усталые, но въ необыкновенно счастливомъ настроеніи.

Это было одно изъ послѣднихъ пріятныхъ впечатлѣній общественнаго характера, какія мнѣ случилось испытать въ Дерптѣ. Вскорѣ я окончательно покинулъ его и съ тѣхъ поръ ни разу не побывалъ на старомъ пепелищѣ.

Въ будущемъ году исполняется столѣтіе со дня основанія нашей almae matris. Нетрудно предвидѣть, что этотъ день не соединитъ въ общемъ праздникѣ разнообразныхъ элементовъ, которымъ дерптскій университетъ въ свое время давалъ пріютъ, какъ не соединялись они и въ періодъ академической жизни. Но вѣроятно всѣ, кто зналъ его еще при старыхъ порядкахъ, хотя каждый про себя, помянетъ его добрымъ словомъ симпатіи и благодарности. Честь тому учрежденію, которое оказалось приспособленнымъ для столькихъ разнородныхъ вкусовъ и удовлетворяло столькимъ разнороднымъ и непредвидѣннымъ требованіямъ.

Евгеній Дегенъ.

Digitized by Google

Артуръ Шопенгауэръ, какъ человѣкъ, философъ и учитель.

Фридриха Паульсена.

Переводъ съ нѣмецкаго Т. Богдановичъ.

(*Окончаніе*) *).

Философія Шопенгауэра.

Я попытаюсь теперь показать, что раздвоенность личности Шопенгауэра составляетъ основу всей его философіи. Навряд ли можно найти другого мыслителя, у котораго связь между философіей и личностью имѣла болѣе глубокое значеніе и въ то же время была болѣе очевидна. И точно также, вѣроятно, нѣтъ другого мыслителя, который бы съ такой прозорливостью ясновидящаго уяснилъ себѣ собственную личность. Обращенія «къ самому себѣ», которыми Гвиннеръ воспользовался для характеристики его, доказываютъ въ немъ изумительную способность къ самоанализу и въ то же время не менѣе изумительную легкость создавать иллюзіи относительно самого себя.

Именно это обстоятельство придаетъ такую притягательную силу произведеніямъ Шопенгауэра. Онъ никогда не разсуждаетъ на разныя далекія отвлеченныя темы, по поводу разныхъ сомнѣній и вопросовъ, выростающихъ изъ ученыхъ изслѣдованій, по поводу спорныхъ пунктовъ систематики, опредѣленія или взаимоотношенія понятій. Противорѣчія въ мысляхъ другихъ людей не побуждаютъ его къ размышленію, его мысль возбуждаютъ противорѣчія въ собственной личности. Какъ Сократъ въ платоновскомъ Федрѣ говоритъ о себѣ, что для него важно одно—изслѣдовать самого себя, представляетъ ли онъ чудовище болѣе сложной и вулканической природы, чѣмъ Тифонъ, или кроткое и простое животное божественной, а не вулканической природы,—точно такъ же можно сказать и про Шопенгауэра: онъ самъ и его внутренняя сущность представляетъ для него загадку, которая постоянно занимаетъ его мысли. Отсюда серьезная вдумчивость и глубокая убѣжденность, проникающая всѣ его произведенія. Философія для него не такое занятіе, которое онъ могъ бы и оставить, это первая, важнѣй-

*) См. «Міръ Божій». № 1. январь. 1902 г.

Digitized by Google

шая задача, его собственная жизненная задача. Онъ размышляетъ надъ ней не для того, чтобы найти подтвержденіе какой-нибудь системы или какой-нибудь книги, не для того, чтобы произвести впечатлѣніе на другихъ, нѣтъ, онъ стремится только уяснить себѣ себя самого. Безъ всякихъ обиняковъ, безъ всякихъ отступленій и изворотовъ идетъ онъ прямо къ рѣшенію своей задачи, вполнѣ честно и вполнѣ объективно. Его писательская искренность и справедливость, которую не надо смѣшивать съ личной, не имѣетъ себѣ равной среди современныхъ философовъ. Это роднитъ его съ древними греческими философами, для которыхъ не существовало никакой школьной мудрости, никакой уважаемой ученой каѳедры, никакой признанной оффиціальными авторитетами системы, и слѣдовательно, не было ни хорошей, ни дурной философіи, а была только истинная и ложная.

Эта искренность, эта безусловная честность мысли составляетъ гордость Шопенгауэра; это та добродѣтель, которая вознаграждаетъ его за недостатокъ другихъ добродѣтелей. Одно замѣчательное мѣсто изъ письма его друга Лотцова (Гвиннеръ, стр. 405) хорошо обрисовываетъ самооцѣнку философа: «Вы достаточно часто и устно, и письменно поносили всѣ добродѣтели, кромѣ искренности, и съ вашей стороны можно довольствоваться и тѣмъ, что вы придаете своему характеру меньше цѣны, чѣмъ силѣ своего мышленія. Невольно вспоминается тотъ врачъ Наполеона, который не хотѣлъ лѣчить его отъ застарѣлой чесотки, чтобъ не причинить вреда силѣ его характера». Нельзя не вспомнить этихъ словъ, читая слѣдующее мѣсто изъ «Parerga» (II, 354): «Люди, одаренные великими и блестящими качествами, не боятся признавать и проявлять свои недостатки и слабости. Они считаютъ, что съ избыткомъ искупаютъ ихъ или даже думаютъ, что не эти слабости кладутъ на нихъ пятно, а напротивъ, они дѣлаютъ честь этимъ слабостямъ. Въ особенности, если эти недостатки связаны съ ихъ великими качествами, какъ conditiones sine quibus non» *).

Эта ярко выраженная и сильно прочувствованная двойственность собственнаго существа, противорѣчіе между характеромъ мыслителя и характеромъ человѣка составляетъ отправный пунктъ шопенгауэровскаго мышленія. Это проявляется даже въ заглавіи его главнаго произведенія: «Міръ, какъ воля и представленіе». Какъ самъ философъ представляетъ собою двойственную личность, такъ и міръ онъ разсматриваетъ съ точки зрѣнія этой двойственности—какъ волю и какъ представленіе. Всюду онъ будетъ находить и указывать эту противоположность,—въ теоретической философіи—противоположность между вещью въ себѣ и явленіемъ, въ метафизикѣ между матеріей и волей, въ эстетикѣ между идеей и индивидуумомъ, въ практической филосо-

*) Необходимое условіе.

Digitized by Google

фіи между эгоистическимъ подтвержденіемъ и сверхъиндивидуалистическимъ отрицаніемъ желанія жизни (воли къ жизни).

Прежде всего я обращаюсь къ практической философіи, гдѣ по природѣ вещей всего тѣснѣе связь между мышленіемъ и переживаніями. Здѣсь яснѣе всего сказывается то, что міросозерцаніе Шопенгауэра, его пессимизмъ, служащій выводомъ изъ его моральной философіи и ученія о свободѣ воли, представляетъ собой теорію его собственныхъ переживаній и настроеній.

Сужденіе человѣка о цѣнности міра и жизни всегда зависитъ отъ его сужденія о цѣнности живыхъ людей. Человѣкъ есть единственное существо, имѣющее абсолютную цѣнность для человѣка, всѣ остальныя вещи имѣютъ цѣнность только какъ средства для человѣческихъ цѣлей. Сужденіе Шопенгауэра о цѣнности человѣка основывается на чувствѣ безграничнаго презрѣнія, которое внушаетъ ему средній человѣкъ,—это все фабричный товаръ природы, массами изготовляемый и выпускаемый въ свѣтъ, слѣдуя правилу: дешево и плохо. Его собственной жизни придавали цѣну въ его глазахъ его духовныя достоинства, его познанія, его философія. Все это отсутствуетъ въ жизни массы; среднему человѣку нуженъ маленькій кусочекъ разума только для того, чтобы достигать своихъ маленькихъ личныхъ цѣлей. Человѣкъ, имѣющій серьезные теоретическіе интересы, является избранникомъ среди десятковъ тысячъ; геній, живущій исключительно для познанія, представляетъ рѣдкую игру природы, случающуюся разъ, два въ столѣтіе. Въ жизни массы преобладающую роль играетъ воля; питаніе и размноженіе—вотъ и все, чему она въ сущности придаетъ серьезное значеніе. Разумъ у этихъ людей является орудіемъ воли, онъ служитъ только къ тому, чтобы удовлетворять тѣлеснымъ потребностямъ и вести борьбу за существованіе съ другими людьми.

Къ умственной незначительности присоединяется и нравственная. У средняго человѣка умъ способствуетъ тому, чтобы естественному чувству самосохраненія придать характеръ чистѣйшаго эгоизма,—каждый сознательно стремится жить на счетъ другихъ; угнетеніе ближнихъ само по себѣ доставляетъ ему удовольствіе. Такимъ образомъ человѣкъ превращается въ злое животное, въ звѣря, отличающагося отъ другихъ злобой и завистью. Жестокость, наслаждающаяся видомъ чужихъ страданій, составляетъ характерную особенность человѣка, она проявляется еще у дѣтей, съ удовольствіемъ мучающихъ животныхъ. Прежде всего ихъ зависть и злоба обращается на наиболѣе выдающихся изъ ихъ породы, въ особенности же на выдающихся въ умственномъ отношеніи, на геніевъ, отсюда и происходитъ одиночество послѣднихъ, ихъ непонятость естественное слѣдствіе ничтожества остального стада. Понятно, что единственное чувство, какое можетъ питать геній къ стаду—это чувство безграничнаго презрѣнія. Шопенгауэръ также заявляетъ свое право на подобное отношеніе. И немед-

Digitized by Google

ленно, превращая право въ обязанность, онъ говоритъ: презрѣніе къ людямъ его единственная защита противъ людской ненависти (Гвинеръ, стр. 406).

Объективное сужденіе о ничтожествѣ людей находитъ, по мнѣнію Шопенгауэра, подтвержденіе въ субъективныхъ чувствахъ, наполняющихъ жизнь человѣка, всякаго рода непріятныя чувства, горе, страхъ, пресыщеніе, разочарованіе составляютъ постоянное содержаніе внутренней жизни человѣка, минутное облегченіе или освобожденіе испытывается человѣкомъ какъ радость. Удовольствіе не можетъ быть длительнымъ состояніемъ, воля, получившая полное удовлетвореніе,—это понятіе, заключающее въ себѣ внутреннее противорѣчіе, воля, которая ничего не желаетъ. Въ сущности есть только два состоянія, между которыми, какъ маятникъ, качается воля: болѣзненное желаніе и горестное разочарованіе и скука. Если желаніе достигаетъ своей цѣли, наступаетъ моментъ удовлетворенія, но въ слѣдующій же моментъ оно уступаетъ мѣсто разочарованію, пресыщенію, скукѣ. Если же оно не достигаетъ своей цѣли, потребность превращается въ лишеніе и страданіе. Геній тоже не составляетъ исключенія изъ этого общаго закона существованія. То преимущество, которое даютъ ему часы чистыхъ духовныхъ переживаній, уравновѣшивается большей интенсивностью ощущеній страданія, соотвѣтствующихъ повышенной чувствительности и болѣе могущественнымъ инстинктамъ.

Слѣдствіе этого—не жить лучше, чѣмъ жить. Вѣчный покой это та цѣль, къ которой надо всего настойчивѣе стремиться. Какъ достичь его? Къ нему ведетъ только одинъ путь. Полное отрицаніе воли. Отказъ отъ жизни, самоубійство было бы напрасно. Стремленіе бѣжать отъ страданій это актъ утвержденія воли, а пока есть воля, т.-е. желаніе жизни, до тѣхъ поръ есть и жизнь. Только уничтоженіе воли ведетъ къ уничтоженію жизни. Будда, Просвѣтленный, сказалъ послѣднее слово премудрости.

Таково міросозерцаніе Шопенгауэра, его пессимизмъ. Онъ безъ сомнѣнія основывается на непосредственныхъ личныхъ ощущеніяхъ Шопенгауэра. Сознаніе человѣческаго ничтожества, ничтожества жизни, страданія, наполняющаго жизнь, составляетъ основной тонъ его жизненныхъ настроеній. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы ему незнакомы были иныя настроенія, но данное настроеніе образуетъ постоянный фонъ его духовной жизни.

Въ одномъ отрывкѣ, озаглавленномъ «Безпечальный пессимизмъ и счастливая жизнь» (стр. 132), Куно Фишеръ говоритъ о Шопенгауэрѣ: его пессимистическіе взгляды были совершенно лишены горечи, напротивъ, ихъ ясность и живость доставляли ему наслажденіе. Не то, чтобы это была для него пустая мечта, воображеніе, «нѣтъ, это было серьезное, трагическое міросозерцаніе, но все-таки это было созерцаніе, взглядъ, образъ. Трагедія міровой скорби разыгрывалась на сценѣ, а онъ сидѣлъ въ зрительной залѣ, на удобномъ креслѣ, съ биноклемъ въ рукѣ;

Digitized by Google

большинство зрителей забывали о міровой скорби въ буфетѣ, никто не слѣдилъ за трагедіей съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, съ такой глубокой серьезностью, такимъ проницательнымъ взглядомъ; потомъ, глубоко взволнованный, съ чувствомъ сердечнаго удовлетворенія шелъ онъ домой и изображалъ тамъ, что только что видѣлъ».

Я не думаю, чтобы тутъ былъ взятъ правильный тонъ. Конечно, пессимизмъ самъ по себѣ есть воззрѣніе, а не чувство, и, быть можетъ, познаваніе и изображеніе познаннаго не лишено наслажденія, наслажденія художника, облекающаго въ плоть и кровь свои образы, и въ концѣ концовъ убѣжденіе въ неизбѣжности того, что жизнь есть страданіе, можетъ до извѣстной степени дѣйствовать успокоительно. Но при всемъ томъ остается несомнѣннымъ, что въ своемъ пессимистическомъ міровоззрѣніи Шопенгауэръ находилъ выраженіе для своего собственнаго глубочайшаго жизненнаго опыта, а не только для эстетически разыгранной трагедіи міровой скорби. Бремя жизни дѣйствительно всей своей тяжестью легло на него, особенно въ годы юности, когда складывались его взгляды. И то, что онъ вмѣстѣ съ тѣмъ принималъ участіе въ тѣхъ удовольствіяхъ, которыми наслаждались его сверстники, еще унижало его въ собственныхъ глазахъ. Нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что чужое горе такъ сильно на него дѣйствовало, что совершенно уничтожало его собственную радость. Необычайно живая фантазія содѣйствовала при этомъ врожденной склонности погружаться въ область тяжелыхъ ощущеній. Конечно, нельзя назвать несчастливой жизнь Шопенгауэра, особенно во вторую половину, когда онъ нашелъ соотвѣтствующую его желаніямъ форму жизни и тѣмъ болѣе въ старости, когда онъ могъ, наконецъ, наслаждаться долго ускользавшей отъ него славой. Тѣмъ не менѣе для меня представляется невозможнымъ сказать вмѣстѣ съ Куно Фишеромъ. «Онъ изучилъ и изобразилъ пессимизмъ, но не пережилъ и не перестрадалъ его». Нѣтъ, онъ глубоко пережилъ и перечувствовалъ, конечно, не пессимизмъ, но страданія и пустоту жизни, и только то, что онъ пережилъ, онъ облекалъ въ теорію.

Но что это за теорія сама по себѣ? Имѣетъ ли она какое-нибудь значеніе помимо чисто личнаго? Представляетъ ли она нѣчто большее, чѣмъ міровоззрѣніе, выросшее на почвѣ даннаго темперамента? Можетъ ли она считаться объективной, пригодной для всякаго рода случаевъ истиной, на что она сама имѣетъ претензію?

Я не думаю, чтобы за ней могло быть признано такое значеніе. Она можетъ считаться лишь субъективно истинной, истинной для того, кто именно такъ чувствуетъ. Но тотъ, кто испытываетъ совершенно иное настроеніе, имѣетъ полное право не допускать, чтобы ему предписывали данное отношеніе къ жизни и людямъ. Оптимистическое міровоззрѣніе можетъ съ точно такимъ же правомъ считаться теоріей, имѣющей всеобщее значеніе, какъ и пессимистическое, или, лучше ска-

Digitized by Google

зать, оно съ психологической необходимостью должно это сдѣлать. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ умъ служитъ только отраженіемъ воли, и внутреннее настроеніе стремится облечься въ форму всеобщей теоріи. Такимъ образомъ оба міровоззрѣнія имѣютъ одинаковое значеніе и одинаковое право на существованіе. Они представляютъ въ сущности нечто иное, какъ выраженіе личнаго опыта, которое съ силою психологической необходимости изображаютъ, какъ результатъ всеобщаго опыта. Поэтому, всѣ споры между ихъ послѣдователями совершенно напрасны. Ни тѣ, ни другіе не могутъ переубѣдить другъ друга. Факты, на которые они опираются, различны для тѣхъ и другихъ. Выборъ между ними опредѣляется не разсудкомъ, а чувствомъ, природа котораго всегда индивидуальна, хотя бы оно и считалось свойственнымъ всѣмъ.

Тѣмъ не менѣе, послѣдовательное проведеніе этихъ взглядовъ не лишено теоретическаго значенія. Нѣтъ такой жизни, въ которой не встрѣчались бы оба вида чувствъ и настроеній. Обѣ эти противоположныя теоріи, оптимизма и пессимизма, могутъ быть разсматриваемы, какъ извѣстнаго рода сознательный и произвольный опытъ—рѣшить, въ какомъ видѣ представлялась бы жизнь, если бы въ человѣческой природѣ существовалъ только одинъ—тотъ или другой—родъ чувствъ и настроеній? и какъ составлялись бы сужденія о людяхъ и о жизни? Это экспериментъ, подобный тому, какой дѣлаетъ политическая экономія, допуская, что вся хозяйственная дѣятельность людей опредѣляется исключительно мотивами, изъ нея самой исходящими. Она прекрасно знаетъ, что дѣло обстоитъ не такъ просто. Одновременно съ ними дѣйствуютъ и другіе мотивы—доброжелательство, стремленіе къ удобству, тщеславіе и чрезвычайно спутываютъ общую картину; но это не отнимаетъ значенія у формулъ, выработанныхъ при вышеупомянутомъ допущеніи. Не нужно только принимать ихъ за точное изображеніе дѣйствительнаго явленія, точно также какъ формулу закона притяженія нельзя считать изображеніемъ реальныхъ случаевъ паденія тѣлъ, она лишь односторонне выражаетъ опредѣленную тенденцію тѣлъ.

То же самое можно сказать и о формулахъ Шопенгауэровскаго пессимизма; онѣ выражаютъ собою дѣйствіе извѣстныхъ тенденцій, играющихъ роль въ составленіи міровоззрѣнія и отношенія къ жизни. Онѣ показываютъ, какова была бы жизнь, если бы люди были такими, какими изображаетъ ихъ Шопенгауэръ, каково было бы отношеніе къ жизни, если бы его жизненный опытъ и его ученіе о волѣ имѣли всеобъемлющее значеніе. Такимъ образомъ мы получаемъ гипотетическія формулы, облегчающія намъ аналитическое изученіе предметовъ; я думаю, что съ этой точки зрѣнія и формулы пессимизма могутъ оказаться полезными для изученія человѣческихъ отношеній.

Конечно, Шопенгауэръ желалъ придать своей теоріи другое зна-

Digitized by Google

ченіе, онъ думалъ, что его формулы представляютъ непосредственное изображеніе дѣйствительности. Надо замѣтить къ тому же, что его личныя мнѣнія еще во много разъ одностороннѣе его теоріи. Взять хотя бы, напримѣръ, его утвержденіе, что единственнымъ двигателемъ людскихъ поступковъ является исключительно стремленіе къ удовлетворенію тѣлесныхъ потребностей, теоретическіе же вопросы оставляютъ людей совершенно безучастными. Въ XVII-й главѣ II-го тома своего труда, полной глубокихъ и прекрасныхъ мыслей, Шопенгауэръ самъ показалъ, что теорія является далеко не исключительно дѣломъ избранныхъ умовъ, — въ формѣ метафизической потребности она составляетъ важную черту духовной физіономіи всего человѣческаго рода. Въ сравненіи съ животными можно въ этомъ смыслѣ всѣхъ людей называть геніями. Исторія на всякой страницѣ показываетъ, какъ серьезно они принимаютъ всѣ теоретическіе вопросы. Можно, пожалуй, утверждать, что всѣ величайшія историческія движенія имѣютъ корень въ религіи, слѣдовательно, въ метафизикѣ. И искусство, если смотрѣть на него съ всемірно-исторической точки зрѣнія, является, также какъ религія и метафизика, не дѣломъ немногихъ избранныхъ, а произведеніемъ и достояніемъ всего народа. Бываютъ времена, когда оно далеко уходитъ отъ народной жизни и падаетъ до степени пустой забавы высшихъ классовъ общества. Но настоящее истинное искусство всегда народно. Оно удовлетворяетъ потребности народа облекать въ образы то, что шевелится въ глубинѣ души. Если бы у людей вообще не было этой потребности, то не могло бы явиться никакихъ геніевъ ни въ поэзіи, ни въ религіи, ни въ философіи, ни въ искусствѣ; всѣ великія созданія духа создаютъ и среду, способную воспринять и прочувствовать ихъ. Самъ Шопенгауэръ расчитывалъ на это. И когда онъ понялъ, что имъ пренебрегаютъ, онъ не отказался отъ своихъ ожиданій, онъ былъ увѣренъ, что для его философіи не настало еще время, что когда нибудь она сдѣлается достояніемъ всѣхъ мыслящихъ людей, даже всего человѣчества. И въ этомъ онъ не совсѣмъ ошибся, теперь его произведенія рядомъ съ Кантомъ можно встрѣтить въ любой дешевой библіотекѣ.

Чрезвычайная односторонность его ученія тѣсно связана съ безграничнымъ эгоизмомъ естественнаго человѣка. Для нѣкоторыхъ областей человѣческой дѣятельности она можетъ имѣть болѣе безспорное значеніе; на рынкѣ, напримѣръ, всякій хлопочетъ о своей выгодѣ, не заботясь о выгодахъ другихъ, точно также въ обществѣ всякій стремится блистать, не думая о томъ, что это можетъ причинить непріятность окружающимъ. Между тѣмъ въ сферѣ болѣе интимныхъ отношеній, въ семьѣ, напримѣръ, основнымъ двигателемъ является далеко не исключительно эгоизмъ, особенно при нормальномъ ходѣ вещей. Здѣсь принципъ индивидуализаціи не проводится во всей своей послѣдовательности. Онъ не проводится также и въ отношеніяхъ единичной

Digitized by Google

личности къ народной массѣ. Человѣкъ не является на свѣтъ въ качествѣ изолированнаго индивидуума, онъ вырастаетъ, какъ членъ извѣстнаго цѣлаго, семьи, родины, своего народа; и эти отношенія кладутъ печать на его чувства и на его волю. Симпатическія чувства и стремленіе сохранить цѣлое не менѣе врожденны, чѣмъ эгоистическія чувства и стремленіе къ самосохраненію.

Въ этомъ отношеніи Шопенгауэръ страдаетъ какъ бы цвѣтовой слѣпотой. Въ теоріи онъ знаетъ, что все это такъ. Онъ самъ ставилъ симпатическія влеченія въ зависимость отъ единства воли въ родѣ и даже отъ метафизическаго единства воли во всѣхъ существахъ. Но на его чувства эти теоріи не оказывали ни малѣйшаго вліянія. И это опять-таки зависѣло отъ условій его личной жизни. Онъ одинокъ по рожденію и по воспитанію. Ему дали имя Артуръ, потому что оно остается одинаковымъ на всѣхъ языкахъ, этого желалъ его отецъ, космополитъ по влеченію, покинувшій Данцигъ, чтобѣ не онѣмечиться, и его супруга, отправившаяся во время беременности въ Англію, чтобъ ожидавшійся Артуръ появился на свѣтъ англичаниномъ,—впрочемъ въ послѣдній моментъ это было перерѣшено. Мальчикъ не имѣлъ никакой настоящей родины, онъ жилъ то тутъ, то тамъ, то въ Данцигѣ, то въ Гамбургѣ, то во Франціи, то въ Англіи. Онъ оставался свободнымъ отъ всѣхъ крѣпкихъ цѣпей, какія налагаютъ на душу родина, окружающіе, товарищи игръ, школа. Онъ вездѣ былъ гостемъ. Рано разорвалъ онъ и семейныя связи, матери онъ, повидимому, никогда не любилъ, и тѣ почтительныя чувства, которыя онъ такъ часто и такъ охотно высказывалъ по адресу своего покойнаго отца, проистекали едва ли не изъ желанія досадить этимъ матери. Во всякомъ случаѣ, контрастъ между ними обоими сильно способствовалъ идеализаціи въ его воспоминаніи образа отца. Если бы отецъ остался въ живыхъ, между ними, безъ сомнѣнія, происходили бы тяжелыя столкновенія. Какъ бы то ни было, онъ никогда не говорилъ, чтобы молодость его была особенно счастливой. Въ домѣ родителей, повидимому, никогда не царилъ духъ радости. Мать разсказывала однажды о своей загубленной юности, а Шопенгауэръ о суровости отца, отъ которой ему много пришлось выстрадать въ молодости (Фрауэнштетъ, стр. 306).

Изъ всего этого ясно, что у Шопенгауэра совершенно отсутствуетъ тотъ мотивъ, который нерѣдко лежитъ въ основѣ нелѣпо-пессимистическаго воззрѣнія на общество, напримѣръ, у Руссо и у Канта—сентиментально-идеализированныя воспоминанія о ранней юности, о простыхъ отношеніяхъ въ родительскомъ домѣ, справедливыхъ и радостныхъ. Ни малѣйшаго намека на подобныя чувства нельзя найти у Шопенгауэра. Или, быть можетъ, эта искорка сентиментализма пріютилась у него въ отношеніи къ животнымъ? Въ своемъ пуделѣ онъ находитъ, можетъ быть, ту справедливость и честность, которой не достаетъ людямъ? Въ его разсужденіяхъ по поводу простоты и довольства, вы-

Digitized by Google

ражающихся въ физіономіяхъ животныхъ можно найти отголосокъ сентиментализма въ духѣ Руссо. Человѣческая физіономія, наоборотъ, пробуждаетъ въ немъ тотчасъ же враждебныя чувства. Владѣльцы ея злобныя животныя, которыхъ только намордникъ страха передъ полиціей удерживаетъ отъ поползновенія кинуться на него. Даже къ дѣтямъ онъ не питаетъ иного рода чувствъ, они мѣшаютъ и надоѣдаютъ ему крикомъ и шумомъ. Онъ поздравляетъ своего друга фонъ-Доса съ рожденіемъ ребенка, неоднократно повторяя, что проситъ небо не посылать ему больше дѣтей.

Эта крайняя односторонность личныхъ настроеній создаетъ исключительно благопріятныя условія для того, чтобы Шопенгауэръ могъ съ честью исполнять роль адвоката отъ дьявола противъ всего человѣческаго рода. И онъ проводилъ ее, дѣйствительно, съ такимъ искусствомъ и одушевленіемъ, съ такой охотой и постоянствомъ, какъ никто ни до, ни послѣ него. Онъ съ такой проницательностью подмѣчаетъ всѣ пороки и слабости людей, мужчинъ и женщинъ, ученыхъ и неученыхъ, великихъ и малыхъ, правящихъ и управляемыхъ, и съ такой силой и юморомъ изображаетъ ихъ, что самому Мефистофелю не худо было бы поучиться у него. Многіе воображаютъ и до сихъ поръ, что онъ, рисуя свои мрачныя картины, имѣлъ въ виду разновидности не людей, а чертей. Я не думаю, что бы они были правы. Разъ чортъ имѣетъ свои права и, надо думать, не лишенныя основательности,—иначе откуда взялась бы вѣра въ чертей?—то въ интересахъ справедливаго рѣшенія дѣла лежитъ несомнѣнно, чтобы и на ихъ защиту всталъ энергичный и ловкій адвокатъ. По крайней мѣрѣ, судья долженъ былъ бы желать этого. Во всякомъ случаѣ, процессъ отъ этого сильно выигрываетъ въ занимательности. Какъ становится скучно и прѣсно, когда защитникъ не встрѣчаетъ серьезнаго противника, показываетъ въ достаточной мѣрѣ литература просвѣтительной эпохи.

Тѣсное соотношеніе между философіей и личностью Шопенгауэра высказывается въ его моральной философіи, не менѣе чѣмъ въ его сужденіи о людяхъ и о жизни. Конечно, здѣсь это соотношеніе имѣетъ нѣсколько иной характеръ. Его пессимистически-мизантропическая антропологія представляетъ непосредственное выраженіе его чувствъ и отношеній къ людямъ; его мораль, наоборотъ, есть формула для изображенія его собственной жизни и внутреннихъ настроеній; съ большимъ правомъ можно сказать, что они противоположны другъ другу. По его теоріи состраданіе есть источникъ всякаго моральнаго блага. Только тѣ поступки имѣютъ нравственную цѣнность, которыя имѣютъ цѣлью исключительно достиженіе чужого блага и устраненіе чужого страданія безъ всякаго отношенія къ собственному благу. Поступки, мотивомъ которыхъ служатъ исключительно потребности, требованія собственнаго блага, не имѣютъ никакой нравственной цѣны; они имѣютъ отрицательную цѣну, если собственное благо достигается за счетъ чужого.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, сама себя отрицающая сердечная доброта оказывается единственнымъ свойствомъ, придающимъ человѣку моральную или абсолютную цѣнность. Одновременно съ этимъ исчезаетъ цѣнность всѣхъ остальныхъ проявленій, даже проявленій генія, они вмѣстѣ съ умомъ, этимъ продуктомъ мозга, принадлежатъ всецѣло міру явленій, между тѣмъ какъ воля, исполненая доброты, проникаетъ въ самую метафизическую сущность вещей. Здѣсь Шопенгауэръ сказывается въ полномъ согласіи со всѣми великими искупительными религіями. Для него также добровольное самоотреченіе и добровольное страданіе служитъ единственнымъ путемъ къ совершенству. Этимъ путемъ шли святые, имъ же шли ученики Будды, точно также какъ и ученики Христа. Посредствомъ умерщвленія влеченій естественнаго человѣка достигали они совершенства, отрицаніе воли давало имъ міръ и блаженство. Свободное отъ эгоистическихъ желаній и страха, сердце ихъ открыто для участія къ братьямъ, которые ведутъ еще тщетную борьбу за призрачныя блага міра.

Противоположность дѣйствительной жизни Шопенгауэра съ этой картиной совершенной жизни очевидно для всякаго. Достаточно часто онъ выслушивалъ упреки за это: онъ превозноситъ аскетовъ и ищетъ комфорта, онъ называетъ страданіе лучшимъ путемъ къ совершенству и съ пугливой осторожностью избѣгаетъ его, онъ видитъ въ состраданіи корень всякаго истиннаго нравственнаго достоинства, а самъ заключилъ свое сердце въ броню презрѣнія, чтобы сдѣлать его недоступнымъ состраданію,—однимъ словомъ, его ученіе проповѣдуетъ отрицаніе эгоистическаго желанія жизни, а его жизнь утвержденіе этого желанія.

Но можемъ ли мы вслѣдствіе этого считать его ученіе ложью, въ которую онъ самъ не вѣритъ?

Гвиннеръ разсказываетъ, что однажды Шопенгауэръ увидѣлъ у него портретъ аббата Рансе, основавшаго вновь орденъ траппистовъ. Онъ отвернулся и сказалъ съ горечью: «Вотъ гдѣ жила благодать!» Кто приметъ это за ложь, тотъ не знаетъ Шопенгауэра. Не знаетъ и человѣческой природы вообще. Шопенгауэръ глубоко чувствовалъ превосходство подобной жизни. Это чувство было еще интенсивнѣе, оттого что онъ самъ не могъ сдѣлаться участникомъ такой жизни, не могъ склонить свою волю къ отреченію, оттого что она влекла его къ презрѣнію міра и людей, а не къ воздержанію и успокоенію. Это чувство превращалось въ болѣзненное стремленіе къ иной жизни, соотвѣтствующей лучшей сторонѣ его природы. Его мораль представляетъ выраженіе этого стремленія; ее можно назвать собраніемъ его desiderata *).

---

*) Лучшихъ желаній.

Digitized by Google

исключительнымъ. Идеалъ отражаетъ дѣйствительность, но въ обратномъ видѣ, чего не достаетъ дѣйствительности, то мы находимъ здѣсь, что есть тамъ, то отсутствуетъ здѣсь. Никто не цѣнитъ здоровье такъ, какъ больной, никто не придаетъ богатству больше значенія, чѣмъ бѣднякъ. Никто не восхищается добродѣтелью искреннѣе чѣмъ, тотъ, кто не обладаетъ ею. Смѣлому мужество представляется такъ естественно, что онъ не говоритъ о немъ, но робкій не можетъ молчать о немъ, онъ такъ искренно и глубоко восхищается имъ, что по крайней мѣрѣ въ воображеніи не можетъ не драпироваться въ геройскій плащъ. Вспомнимъ сэра Джона Фальстафа или храбраго законника Джозефа Сидлея изъ «Ярмарки тщеславія» Теккерея. Такъ и Руссо, отдававшій своихъ дѣтей въ воспитательный домъ, съ пафосомъ разсуждалъ объ естественномъ воспитаніи и естественномъ устройствѣ соціальныхъ отношеній. Конечно, имъ руководитъ не лицемѣріе, онъ, можетъ быть, глубже прочувствовалъ и глубже оцѣнилъ весь ужасъ неестественныхъ отношеній, чѣмъ кто бы то ни было изъ его современниковъ.

И почему Кантъ превозноситъ искренность выше всѣхъ добродѣтелей и со всей присущей ему силой бранитъ лживость, что Шопенгауэръ считаетъ съ его стороны аффектаціей? Этому послѣднему, съ его гордымъ, даже надменнымъ характеромъ вполнѣ свойственна безпощадная искренность, между тѣмъ какъ Кантъ, нѣсколько робкій отъ природы, могъ только стремиться къ ней. Развѣ это не всегда такъ бываетъ,—плоды, съ тяжелымъ трудомъ добытые изъ безплодной почвы, цѣнятся выше, чѣмъ тѣ, которые въ изобиліи приноситъ плодоносная земля. Такъ же обстоитъ дѣло и у Шопенгауэра съ его самоотреченіемъ и отрицаніемъ желанія жизни. Бывали люди, которые дѣйствительно совершали чудеса; въ буддистскихъ и христіанскихъ книгахъ мы встрѣчаемъ правдивые разсказы о томъ, какъ святые побѣждали въ себѣ страсти и желанія, страхъ и боль и достигали уже въ этой жизни совершеннаго покоя. Шопенгауэръ слушаетъ объ этомъ съ удивленіемъ и восторгомъ, онъ страстно желалъ бы испытать тоже самое,—побѣдить свою волю и странствовать въ мірѣ безъ страха и желаній, предаваясь чистому созерцанію. Но чудо не свершалось надъ нимъ.

Онъ долженъ былъ считаться съ собой, такимъ, какимъ онъ былъ въ дѣйствительности. Въ афоризмахъ житейской мудрости (въ первомъ томѣ Parerga) онъ излагаетъ правила, которыми онъ при этомъ руководствовался. Онъ знаетъ и прямо говоритъ, что эти правила не соотвѣтствовали его морали; они представляютъ суррогатъ къ ней, которымъ онъ пользуется, такъ какъ не можетъ достичь истиннаго совершенства. На этомъ пути онъ создалъ для себя наилучшую возможную жизнь; жизнь уединенную, посвященную созерцанію, немногого ожидающую отъ будущаго и, поэтому, свободную отъ горя и разочаро-

Digitized by Google

ваній. При этомъ онъ болѣзненно чувствовалъ недоступность для него идеала. Это сознаніе наполняетъ его этику стремленіемъ къ освобожденію отъ самого себя.

Карлъ Бэръ разсказываетъ слѣдующимъ образомъ о встрѣчѣ своего отца съ Шопенгауэромъ. «Во время разговора мой отецъ сказалъ, что его философія въ сущности проникнута величайшей скромностью. И когда Шопенгауэръ спросилъ: «какъ такъ?» онъ отвѣтилъ: «Вы ставите сердечную доброту выше генія, которымъ между, тѣмъ, вы сами одарены».—«Вы правы,—отвѣтилъ тотъ,—но то, чѣмъ я выдѣляюсь изъ тысячъ, нѣкогда исчезнетъ, а сердечная доброта останется навѣки». (Шеманъ. «Разговоры и переписка съ А. Шопенгауэромъ, изъ бумагъ К. Бэра», изд. въ 1894 г.). Итакъ, Шопенгауэръ, заключившій себя въ броню презрѣнія и высокомѣрія, не вполнѣ лишенъ того, что на языкѣ религіи называется смиреніемъ передъ Господомъ.

Это великое сознаніе, до котораго дошелъ философъ путемъ собственной жизни явилось для него ключомъ къ уразумѣнію одного изъ величайшихъ событій въ жизни человѣческаго рода. Шопенгауэръ снова вернулся къ пониманію искупительныхъ религій. Въ XVIII вѣкѣ это пониманіе было совершенно утрачено; просвѣтительная эпоха видѣла въ буддизмѣ одно сплошное заблужденіе, а христіанство считала исключительно руководствомъ къ тому, какъ обрѣсти въ этой жизни временное, а въ той вѣчное блаженство. Новое время установило взглядъ на исторію, какъ на неуклонное стремленіе къ высшей культурѣ и къ большему счастію. Оно видѣло только путь утвержденія жизни, путь отрицанія жизни находился внѣ поля его зрѣнія; оно не видѣло въ немъ ничего кромѣ случайнаго уклоненія въ сторону, которое проповѣдывали отупѣвшіе отшельники или невѣжественные монахи въ мрачную эпоху средневѣковья. Шопенгауэръ сдѣлалъ открытіе, что это вторая большая дорога, по которой всегда шло человѣчество, и по его мнѣнію—прямая дорога къ спасенію. Этимъ онъ открылъ девятнадцатому вѣку путь къ пониманію христіанства, по крайней мѣрѣ одной существенной стороны христіанства. Возрожденіе, реформація, современная наука и современное развитіе культуры расшатали старое христіанство, интеллектуализмъ, раціонализмъ и оптимизмъ завладѣли всѣми умами, они видѣли вездѣ только тѣ мысли и чувства, которыя были имъ самимъ свойственны. Шопенгауэръ, въ силу своего личнаго настроенія, способенъ былъ понять сущность христіанства и подмѣтить его общность съ индійскимъ буддизмомъ въ одномъ изъ главныхъ пунктовъ.

Онъ оказалъ этимъ несомнѣнную услугу той наукѣ, которую онъ цѣнитъ меньше всѣхъ остальныхъ—исторіи и философіи исторіи. Въ понятіяхъ утвержденія и отрицанія жизни, какъ двухъ видовъ—отношенія къ жизни, онъ нашелъ вѣрный способъ пониманія многообразныхъ явленій исторической жизни. Здѣсь выступаетъ то коренное раз-

Digitized by Google

личіе, которое разбиваетъ ряды историческаго развитія на двѣ основныя группы.

До сихъ поръ человѣчество по двумъ путямъ стремилось достичь своей жизненной цѣли. Первый путь, это путь культуры, — по нему идутъ всѣ тѣ, которые стремятся удовлетворить естественныя желанія и потребности посредствомъ развитія всѣхъ силъ и способностей и подчиненія природы власти человѣка, этимъ способомъ они надѣются достичь счастія. Второй путь есть путь искупленія,—по нему идутъ тѣ, которые мечтаютъ достичь мира и покоя, посредствомъ искорененія потребностей и отрицанія естественной воли или естественнаго желанія жизни.

Въ двухъ великихъ историческихъ рядахъ развитія встаетъ передъ нами эта противоположность въ формѣ крупнаго историческаго поворота,—въ исторіи индійской и греко-итальянской вѣтви великаго арійскаго ствола. Индусы, народъ воинственный, въ молодости завладѣвшій всѣми землями по берегамъ Инда и Ганга, создали себѣ въ брамапизмѣ и буддизмѣ религію искупленія, которая путемъ устраненія отъ міра ведетъ къ освобожденію отъ желанія жизни и отъ самой жизни съ ея страданіями. Точно также молодость грековъ и римлянъ протекала на пути культуры. Война, завоеванія, политика, мореплаваніе, торговля, искусство, наука вотъ тѣ занятія, которымъ они предавались въ эпоху молодости и зрѣлаго возраста. И здѣсь также наступилъ поворотъ, обращеніе къ христіанству знаменуетъ отклоненіе классической древности отъ пути культуры, на которомъ люди отчаялись достичь цѣли—счастія на землѣ. Христіанство, какъ и буддизмъ, указываетъ на иной міръ.

Современные европейскіе народы мы находимъ тоже сначала на пути утвержденія жизни: охота, война были ихъ главными занятіями. Потомъ церковь увлекла ихъ къ міросозерцанію и настроенію умирающаго античнаго міра, и всѣ средніе вѣка они, по крайней мѣрѣ, наружно, не покидали этой колеи. Но возрожденіе произвело новый переворотъ; новый міръ вполнѣ сознательно отвернулся отъ пути искупленія и пошелъ по пути культуры, чтобы найти счастіе на землѣ, т.-е. свести небо на землю, вмѣсто того чтобы искать неба въ иномъ мірѣ. Будетъ ли онъ счастливѣе индусовъ и грековъ? Найдетъ ли онъ его? Шопенгауэръ увѣренъ, что этого никогда не случится. Небо на землѣ это вообще иллюзія, которую создала себѣ человѣческая воля. Для западныхъ народовъ тоже настанетъ моментъ, когда они убѣдятся въ самообманѣ и вернутся на покинутый путь. Шопенгауэръ хочетъ помочь имъ въ этомъ.

Дѣйствительно ли они готовы совершить этотъ поворотъ?

Нельзя отрицать, что пессимистическое настроеніе въ настоящее время все больше выступаетъ и въ литературѣ, и въ жизни, не только въ Германіи, но и во всѣхъ западныхъ странахъ. Правъ ли вслѣдствіе

Digitized by Google

этого Шопенгауэръ? Стоимъ ли мы наканунѣ радикальнаго переворота, какой пережилъ древній міръ въ своемъ обращеніи къ христіанству?

Я не знаю этого, и никто этого не знаетъ. Будущее свято хранитъ свои тайны отъ глазъ смертныхъ. Я не думаю только, чтобы этотъ переворотъ былъ близокъ къ намъ. Онъ наступитъ раньше или позже, всякая жизнь приходитъ къ концу и за всякимъ подъемомъ слѣдуетъ нисхожденіе. И эпохѣ подъема соотвѣтствуетъ иное міровоззрѣніе и иное отношеніе къ жизни, чѣмъ эпохѣ нисхожденія. Но я не думаю, чтобы это новое уже стучалось въ двери. Мнѣ кажется, что жизненная сила западно-европейскаго міра, особенно германскихъ и славянскихъ народовъ, еще не изжита. Приростъ населенія и стремленіе къ разселенію служитъ самымъ несомнѣннымъ показателемъ этого. Сколько бы ни говорили объ упадкѣ и о fin de sicele, доказывающемъ истощеніе жизненыхъ силъ,—народъ, который хочетъ жить, будетъ жить наперекоръ всѣмъ своимъ пессимистическимъ философамъ и поэтамъ.

Вотъ и все, что можно сказать о практической философіи Шопенгауэра. Впрочемъ, не мѣшаетъ коснуться еще одного вопроса,—какъ она дѣйствуетъ на жизнь и характеръ отдѣльныхъ индивидуумовъ? Она, положимъ, рѣшительно отказывается быть практической философіей въ этомъ смыслѣ, она стремится лишь описывать, что есть, но никакъ не предписывать, что должно быть. Шопенгауэръ прямо заявляетъ, что познаніе, даже познаніе моральной философіи ни въ какомъ случаѣ не можетъ вліять на измѣненіе характера. Ученіе о неизмѣняемости характера при помощи разсудка принадлежитъ къ тѣмъ догматамъ его философіи, которые коренятся въ его собственныхъ переживаніяхъ. Но въ дѣйствительности самъ Шопенгауэръ говоритъ не только о томъ, что есть, но и о томъ, что имѣетъ цѣну въ его глазахъ, онъ судитъ о жизни и о ея цѣнности и пытается убѣдить читателя въ правильности его сужденія. Быть можетъ, даже нѣтъ другого философа, который превзошелъ бы его въ искусствѣ принудительно внушать читателю его взгляды на то, что хорошо и что дурно, то спокойно изображая ихъ, какъ единственно возможные взгляды, то проповѣдуя ихъ съ страстной убѣдительностью.

Какое же вліяніе могутъ имѣть его произведенія на взгляды и поступки? Я думаю, что оно можетъ быть очень различно, смотря по образу мыслей читателя. На нѣкоторыхъ, вѣроятно, оно будетъ дѣйствовать какъ противоядіе противъ страстей и разочарованій, какія вызываетъ у нихъ жизнь. Такъ она, повидимому, дѣйствовала и на него самого, успокаивая и освобождая его духъ. Избѣжать страданія невозможно, оно свойственно самой природѣ нашей воли, а измѣнить волю не въ нашей власти, поэтому остается только покориться необходимости. А его философія, показавъ ему истинное значеніе вещей и научивъ истинному отношенію къ міру, помогла ему найти путь къ

Digitized by Google

жизни, наиболѣе отвѣчающей его склонностямъ. Точно также она подѣйствовала, кажется, на самую симпатичную личность изъ числа его первыхъ послѣдователей, фонъ-Досса, котораго самъ Шопенгауэръ всего охотнѣе называетъ своимъ ученикомъ. Его письма къ Шопенгауэру, наиболѣе привлекательныя изъ всей переписки (опубликованной Шеманомъ), даютъ возможность прослѣдить, какъ благородная, глубоко чувствующая душа, подавленная собственнымъ горемъ и общими страданіями, въ ученіи Шопенгауэра нашла утѣшеніе и спасеніе отъ страстей и страданій. Возможность подняться отъ единичнаго къ общему подѣйствовала на него разрѣшающимъ образомъ, какъ въ поэзіи художественное изображеніе страданій. Чувство горечи, пронизающее все, написанное Шопенгауэромъ, повидимому, совершенно не заразило его, также какъ вопреки всѣмъ разсужденіямъ Шопенгауэра онъ рѣшился вступить въ бракъ, оказавшійся очень счастливымъ.

На людей иного склада увлеченіе Шопенгауэровскимъ ученіемъ можетъ дѣйствовать совершенно иначе, какъ указывалъ однажды самъ Доссъ (Шеманъ, стр. 251). Если въ душѣ есть склонность къ горечи, къ презрѣнію и ненависти къ людямъ, тогда упорное изученіе обратной стороны человѣческой природы, къ которому ведетъ Шопенгауэръ, даетъ ей такъ много пищи, что можетъ совершенно пересилить противоположныя стороны души. Склонность къ угрюмой замкнутости и мрачному квіэтизму укрѣпляется пессимистическими размышленіями и становится неизлѣчимой, тогда какъ энергичное уклоненіе отъ печальныхъ мыслей могло бы уничтожить ее. Во всякомъ случаѣ я никакъ не думаю, чтобы Шопенгауэръ могъ быть хорошимъ совѣтникомъ въ юномъ возрастѣ; принятое на вѣру въ критическій періодъ жизни его ученіе можетъ легко повлечь за собой разнаго рода дурныя послѣдствія, презрѣніе ко всему достойному уваженія, высокомѣрную нетерпимость, склонность къ догматическому отрицанію, непривычку къ вдумчивой оцѣнкѣ явленій и къ самокритикѣ, влеченіе къ затворничеству, къ мрачному и меланхолическому настроенію и къ противорѣчіямъ. И если даже всѣ эти противоестественныя душевныя состоянія будутъ побѣждены при дальнѣйшемъ ходѣ развитія, все-таки въ душѣ останется неистребимый осадокъ. Человѣкъ невольно сохраняетъ тонъ разочарованности,—какъ бы то ни было, онъ заглянулъ уже за кулисы жизни. Развѣ можно отрицать, что этотъ тонъ въ современной литературѣ встрѣчается чаще, чѣмъ въ какой-либо иной? И что часть вины за это лежитъ на Шопенгауэрѣ и его ученикахъ?

Въ заключеніе мнѣ остается еще показать, какимъ образомъ теоретическая философія Шопенгауэра тоже имѣла корни въ его личности. Наиболѣе характерны для нея двѣ особенности—идеализмъ въ теоріи познанія и волунтаризмъ въ метафизикѣ.

Идеализмъ въ теоріи познанія это первая твердо установленная отправная точка Шопенгауэровскаго мышленія; различіе между міромъ

Digitized by Google

явленій и міромъ истинныхъ сущностей составляетъ для него исходный пунктъ всей философіи, а Платонъ и Кантъ, согласные между собой въ этомъ пунктѣ, являются единственными истинными основателями философіи. Обыденное сознаніе принимаетъ эмпирическое существованіе вещи во времени и пространствѣ за истинную дѣйствительность, убѣдившись, что это лишь явленія и, указавъ на «вещи въ себѣ», философское мышленіе порываетъ всякую связь съ обыденнымъ.

Идеализмъ или нуменализмъ въ теоріи познанія, являющійся во вступленіи къ его главному труду въ качествѣ основанія всякой философіи, въ дѣйствительности опирается на нѣкотораго рода практическій идеализмъ и на отрицательное отношеніе къ эмпирической дѣйствительности. Недостатки эмпирическаго міра унижаютъ его, превращая въ міръ недѣйствительный въ метафизическомъ смыслѣ, — міръ имѣющій такъ мало достоинствъ, какъ этотъ міръ, существующій во времени и пространствѣ, можетъ быть не болѣе, какъ явленіемъ. Такъ разсуждалъ Платонъ, также разсуждалъ и Кантъ, и Фихте. И мысли этихъ своихъ учителей Шопенгауэръ воспринялъ особенно глубоко, благодаря своему личному отношенію къ жизни. Существованіе во времени и пространствѣ представляется ему пустымъ сномъ, эта истина нашла себѣ полное выраженіе въ Упанишадахъ,—видимый міръ—это сонъ и обманчивая греза, твореніе Майи. Фолькельтъ прекрасно изобразилъ этотъ характеръ шопенгауэровскаго идеализма. Какое рѣшающее значеніе имѣло его личное настроеніе при образованіи его основныхъ взглядовъ въ теоріи познанія и метафизикѣ, показываетъ исторія ихъ развитія, обрисованная Лоренцомъ въ его сочиненіи «Къ исторіи развитія шопенгауэровской метафизики», составленномъ на основаніи писанныхъ документовъ. Въ самыхъ раннихъ упоминаніяхъ объ этомъ руководящую роль играетъ противоположность между «высшимъ сознаніемъ» и «эмпирическимъ сознаніемъ»; послѣднее въ теоретическомъ отношеніи направлено на міръ доступный внѣшнимъ чувствомъ и на господствующія въ немъ во времени и пространствѣ причинныя взаимоотношенія, въ практическомъ же отношеніи — на удовлетвореніе чувственныхъ потребностей. Между тѣмъ, «высшее сознаніе» въ теоретическомъ отношеніи направлено на вѣчно сущія идеи, практически же на аскетизмъ и святость. Это идеи платоновской философіи, воспринятыя на фонѣ собственнаго жизненнаго опыта.

Эта личная подкладка теоретическихъ построеній еще яснѣе выступаетъ въ другомъ основномъ пунктѣ его теоретической философіи — въ метафизическомъ волюнтаризмѣ. Утвержденіе, что воля есть сущность вещей—безусловно собственная мысль Шопенгауэра. Хотя она намѣчалась слегка у Канта и у Фихте, но окончательно оформилась она только у него. Она ставитъ Шопенгауэра на ряду съ тѣми, кто обогатилъ человѣчество новыми великими идеями. Первымъ источникомъ этого убѣжденія онъ называетъ самосознаніе. Заглянувъ въ са-

Digitized by Google

мого себя, человѣкъ открываетъ въ себѣ двойное существо — представляющее и желающее, но воля составляетъ коренную основу, а умъ лишь зависящую отъ нея функцію. Это открытіе возникло изъ личнаго самосознанія Шопенгауэра. Сильное разногласіе между волей и разумомъ, существовавшее въ немъ самомъ, направляло его вниманіе на это противорѣчіе и оно казалось ему основнымъ. Онъ сравниваетъ разницу между ними, очевидную для всѣхъ, съ противоположностью двухъ элементовъ, на которые разлагаетъ воду Пристлей. Съ другой стороны, его собственный опытъ говоритъ ему, что сознаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ опредѣлять волю, и онъ выражаетъ это въ своемъ ученіи въ формѣ примата воли: воля первична, разумъ же вториченъ, воля господствующая субстанція, разумъ же служебное орудіе.

И вотъ, съ тѣмъ представленіемъ, которое онъ извлекъ изъ наблюденія собственной внутренней сущности, онъ приступаетъ къ изученію міра, — ключъ къ великой загадкѣ онъ уже держитъ въ рукѣ: міръ есть «міръ, какъ воля и представленіе». Въ представленіи всѣ вещи являются намъ какъ тѣла, точно также какъ я самъ являюсь себѣ въ представленіи тѣломъ. Сами въ себѣ вещи являются волей,— или волей, одаренной сознаніемъ, какъ въ животныхъ, или чистой обнаженной волей, какъ въ растительномъ и неорганическомъ мірѣ. Но во всѣхъ случаяхъ проявляется воля, даже въ случаяхъ паденія и столкновенія тѣлъ. Каждое движеніе указываетъ на явленіе, родственное внутренне знакомому намъ проявленію стремленія и желанія.

Можно ли такимъ образомъ сказать, что шопенгауэровская метафизика представляетъ собой точно также исключительно его личное воззрѣніе, какъ мы утверждали относительно его пессимизма? Я этого не думаю; скорѣй я склоненъ видѣть въ его основной мысли о томъ, что тѣлесный міръ есть проявленіе внутренней жизни, являющееся нашему самосознанію прежде всего въ формѣ воли,—твердо установленную истину. Самъ онъ видѣлъ въ пессимистическомъ міровоззрѣніи необходимое слѣдствіе своей метафизики, или, лучше сказать, считалъ данную метафизику подтверждающимъ слѣдствіемъ своего твердо установленнаго пессимизма. Въ дѣйствительности это взаимоотношеніе далеко не такъ неизмѣнно, пессимизмъ можно вполнѣ отдѣлить отъ волюнтаризма, одинъ отвергнуть, а другой принять.

Конечно, и волюнтаристическая метафизика должна очиститься отъ нѣкоторыхъ придатковъ, главнымъ образомъ отъ разнаго рода разсужденій, которыя возникаютъ у Шопенгауэра изъ формулы теоріи познанія, гласящей, что воля есть вещь въ себѣ, формулы унаслѣдованной Шопенгауэромъ отъ Канта. Шопенгауэръ самъ никогда въ сущности не утверждалъ, что вещь въ себѣ должна быть признана трансцендентной. И тѣмъ не менѣе въ послѣдующихъ разсужденіяхъ она служитъ ему для такихъ утвержденій, которыя вытекаютъ изъ признанія воли вещью въ себѣ. Какъ вещь въ себѣ, она существуетъ

Digitized by Google

внѣ времени и пространства и не подчиняется principio individuationis, — точно также не подчиняется и закону причинности, имѣющему силу только для міра явленій. Незамѣтнымъ образомъ эти отрицательныя утвержденія превращались въ положительныя; единство, безграничность во времени и пространствѣ, свобода открываетъ волѣ путь ко всевозможнымъ чародѣйскимъ искусствамъ. Извѣстно, съ какимъ вниманіемъ Шопенгауэръ относился ко всякимъ явленіямъ оккультизма и какую склонность къ нимъ чувствовалъ, онъ находилъ въ нихъ подтвержденіе своей метафизики, такъ какъ только она могла объяснить эти явленія съ помощью своего принципа единой и безусловной воли. Конечно, онъ тѣмъ самымъ противорѣчитъ собственному, столько разъ настойчиво повторяемому предостереженію, — не давать физическимъ явленіямъ метафизическихъ объясненій. Всякая здоровая философія стоитъ на томъ, что хотя метафизическая сторона есть во всемъ, но тѣмъ не менѣе въ мірѣ явленій все совершается по чисто физическимъ законамъ; если столы двигаются, то, конечно, въ послѣднемъ счетѣ ихъ двигаетъ воля, или, лучше сказать, воля проявляется въ этомъ движеніи, но ни въ какомъ случаѣ не воля, лишенная физическаго выраженія, все равно можемъ ли мы его въ данномъ случаѣ замѣтить или нѣтъ. Nexus physicus и nexus metaphisicus *) образуютъ каждый замкнутое кольцо взаимныхъ соотношеній.

Если же смотрѣть на дѣло иначе и понимать въ чисто эмпирическомъ смыслѣ положеніе, что воля есть сущность вещей, тогда оно можетъ по моему служить прекрасно обоснованнымъ обобщеніемъ психологіи, — воля есть основная и первичная функція душевной жизни, которая въ процессѣ органической жизни имѣетъ всегда физическое выраженіе. Я держусь убѣжденія, что душевную жизнь можно понять только въ томъ случаѣ, если считать волю первичной функціей, а умъ вторичной. Всякая попытка выводить волю изъ представленія, терпитъ крушеніе. Въ этомъ истинная и великая заслуга Шопенгауэра. Я думаю, что придетъ время, когда съ Шопенгауэра будутъ начинать новую эпоху въ исторіи психологіи. И мнѣ кажется, что мы замѣтно приблизились къ этому времени съ тѣхъ поръ, какъ я впервые высказалъ, что волюнтаристическая точка зрѣнія на душевную жизнь стала быстро распространяться въ послѣднее время, а старый интеллектуалистическій взглядъ, долгое время господствовавшій благодаря Гербарту въ Германіи, вездѣ уступаетъ ему мѣсто. Дарвиновская біологія, которую Шопенгауэръ такъ враждебно встрѣтилъ, едва услышавъ объ ней, стала сильной союзницей волюнтаризма. Ставя человѣка въ ряду другихъ живыхъ существъ на лѣстницѣ историческаго развитія, она стремится и душевную жизнь, достигшую высшей ступени развитія, выводить генетически изъ дру-

*) Кругъ физическій и кругъ метафизическій.

Digitized by Google

гихъ низшихъ, животныхъ зачатковъ ея. Между тѣмъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что чѣмъ ниже мы спускаемся по лѣстницѣ живыхъ существъ, тѣмъ болѣе блѣднѣетъ разумъ, и волевая сторона наполняетъ всю душевную жизнь смутными желаніями и темными инстинктами.

Въ отношеніи матафизики наше время настроено скептичнѣе, чѣмъ та эпоха, когда складывались взгляды Шопенгауэра. Теперь врядъ ли кто-нибудь сталъ бы такъ смѣло утверждать, что старая загадка сфинкса рѣшена, какъ это дѣлалъ Шопенгауэръ въ отношеніи своего ученія о о волѣ. Я бы по крайней мѣрѣ не сталъ защищать его претензію во всемъ ея объемѣ. Но одно, по моему мнѣнію, можно смѣло утверждать. Связь между міромъ животнымъ, міромъ растительнымъ и даже далѣе міромъ неорганическимъ настолько тѣсна и глубока, что вполнѣ оправдываетъ слѣдующее предположеніе: въ сложной органической жизни животныхъ и въ ихъ дѣйствіяхъ проявляется въ сущности то же самое, что составляетъ внутреннюю сторону дѣйствій и движеній всѣхъ остальныхъ тѣлъ. Иначе сказать, если въ проявленіяхъ животной жизни выражается воля, то воля же сказывается и въ движеніяхъ растительнаго и неорганическаго міра. Конечно, такимъ образомъ понятіе воли расширяется до неопредѣленности, но этого не отрицалъ и Шопенгауэръ. Мы не могли бы объяснить въ конкретной формѣ, что мы подразумѣваемъ, говоря, что въ организаціи и развитіи жизни того или другого растенія выражается воля. Но, по правдѣ сказать, не иначе обстоитъ дѣло и тогда, когда мы говоримъ о какомъ-нибудь животномъ,—о муравьѣ, о рыбѣ или собакѣ,—что во всѣхъ его поступкахъ проявляется опредѣленная воля. Въ сущности мы хотимъ этимъ сказать только, что тамъ происходитъ нѣчто подобное тому, что совершается въ насъ самихъ, когда наше тѣло исполняетъ тѣ или другія отправленія животной жизни, испытываетъ желанія, чувства голода или сытости, потребность въ дѣятельности или усталость. Вполнѣ понимать каждый человѣкъ можетъ только то, что онъ самъ переживаетъ. Какъ не полно въ насъ пониманіе и какъ не отчетливо представленіе о томъ, что переживаетъ человѣкъ, принадлежащій къ другой расѣ, къ другому народу или даже только къ другому общественному классу, или къ другому полу! Съ тою же подразумѣваемой оговоркой, съ какою мы употребляемъ для обозначенія внутреннихъ чувствъ родовыя названія,—любовь, ненависть, стыдъ, тщеславіе, страхъ, раскаяніе, хорошо зная, что обозначаемыя ими явленія происходятъ совершенно различно у различныхъ людей,—точно также можемъ мы обозначать именемъ воли внутреннюю сущность, проявляющуюся во всѣхъ вещахъ. Слово это указываетъ скорѣй не опредѣленное, конкретное содержаніе, а то направленіе, въ какомъ слѣдуетъ его искать.

Такимъ путемъ мы будемъ одинаково далеки и отъ высокомѣрной увѣренности, что мы обладаемъ исчерпывающимъ познаніемъ сущно-

Digitized by Google

сти вещей, и отъ агностицизма, вырывающаго непроходимую пропасть между сущностью вещей и нашимъ познаніемъ. Мы скажемъ вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ: ключъ къ пониманію всего существующаго лежитъ въ нашей внутренней жизни, если сущность нашу составляетъ воля, то воля же составляетъ сущность вещей вообще. И мы скажемъ также, если наша сущность вмѣстѣ съ сущностью всѣхъ вещей заключается въ единомъ, то сущность этого всеединаго должна быть признана волей.

Конечно, мы должны прибавить, что ни сущность вещей, ни сущность все единаго нельзя исчерпать при помощи человѣческихъ понятій, какъ въ отношеніи формы, такъ и въ отношеніи содержанія. Вѣра, а не знаніе охватываетъ это и представляетъ намъ въ образахъ. Это ея право, право создающей ее воли, представлять намъ эту сущность въ образѣ добра и мудрости, святости и блаженства, а не въ образѣ зла и слѣпоты, жестокости и страданія. Тѣмъ или инымъ способомъ можно придать ей и эту обратную сторону, но ея дѣйствительное существо остается отъ насъ скрытымъ.

Шопенгауэръ самъ могъ бы сдѣлать такой выводъ изъ своихъ мыслей. Посылки для этого онъ могъ бы найти въ собственныхъ положеніяхъ, въ положеніяхъ, какъ теоретической, такъ и практической философіи. И у него воля является не вполнѣ слѣпой, наоборотъ, она оказывается скорѣй зрячей, какъ показываетъ его натуръ-философія. Слѣпое влеченіе приводитъ не къ безпорядочному хаосу, а къ космическому порядку, воля облекается въ формы, которыя воспринимаются человѣческимъ разумомъ, какъ идеи, какъ ясныя мысли, доставляющія эстетическое удовольствіе созерцающему ихъ разуму. Конечно, Шопенгауэръ избѣгаетъ относить чувство эстетическаго удовольствія въ чистомъ созерцаніи на счетъ содержанія созерцаемыхъ идей, онъ объясняетъ испытываемое удовольствіе исключительно прекращеніемъ болѣзненнаго стремленія къ нему. Между тѣмъ несостоятельность теоріи, что удовольствіе есть лишь прекращеніе страданія, выступаетъ всего яснѣе именно въ этомъ пунктѣ,—эстетическое наслажденіе имѣетъ всегда положительный характеръ, и оно едва ли могло бы ощущаться, если бы самъ созерцающій былъ дѣйствительно такъ ничтоженъ и жалокъ, какъ хочетъ увѣрить насъ Шопенгауэровскій пессимизмъ. Его эстетика свидѣтельствуетъ противъ его пессимизма.

Съ другой стороны, и его практическая философія, его ученіе объ искупленіи тоже является свидѣтельствомъ противъ его пессимизма. Воля и по мнѣнію Шопенгауэра, можно сказать, достигаетъ своей цѣли, сначала жизни, а потомъ, посредствомъ отрицанія желанія жизни, освобожденія отъ всѣхъ страданій, исцѣленія отъ болѣзненнаго влеченія къ жизни. Пессимизмъ только въ томъ случаѣ нашелъ бы себѣ подтвержденіе, если бы это влеченіе не могло быть уничтожено, а должно

Digitized by Google

было вѣчно существовать, причиняя страданія. Если же передъ нимъ открытъ путь къ нирваннѣ, тогда къ чему же жалобы?

Дѣйствительно, воля можетъ въ сущности обладать всѣмъ, къ чему она стремится. Въ ея власти находится и жизнь, и прекращеніе жизни. Прежде всего она получаетъ то, къ чему стремится отъ вѣка—жизнь. Конечно, содержаніе жизни составляетъ не пріятное наслажденіе, а тяжелый трудъ, суровое соперничество и даже кровавая борьба, по крайней мѣрѣ все это занимаетъ большое мѣсто въ жизни. Но, повидимому, даже къ этому стремится сама воля, по крайней мѣрѣ она скоро отказывается отъ пассивнаго, инертнаго наслажденія, находя его вялымъ и скучнымъ. Ее влечетъ къ себѣ тревожная жизнь, крупная значительная дѣятельность. Ее скорѣй можно назвать героической волей, чѣмъ искательницей спокойныхъ радостей.. Далѣе, если воля пресыщена жизнью, она можетъ достичь и второй цѣли,—прекращенія жизни. Уставъ отъ труда и борьбы, она можетъ достичь покоя и уничтоженія. Раньше или позже—какъ предсказываетъ Шопенгауэръ, она во всей своей совокупности придетъ къ этому.

Судя по этому, воля имѣетъ всѣ основанія оглядываться назадъ на жизнь съ чувствомъ полнѣйшаго удовлетворенія. Она сама создала великую трагедію человѣческой жизни, сама съ страстнымъ увлеченіемъ играла роль въ ней и сама созерцала ее съ чувствомъ живѣйшаго эстетическаго интереса,—чего же ей надо еще? Зачѣмъ бранить жизнь и говорить,—это была глупая ошибка, заблужденіе? Почему не сказать лучше,—это было путешествіе по неизслѣдованнымъ странамъ бытія, полное интересныхъ зрѣлищъ, полное неожиданныхъ столкновеній, полное тяжелой нужды и борьбы, но прерываемое по временамъ мирнымъ отдыхомъ и минутами чистѣйшихъ наслажденій, а въ цѣломъ, крайне интересное и значительное путешествіе?

Если бы Шопенгауэръ оглянулся въ концѣ на собственную жизнь, она должна была представиться ему приблизительно въ слѣдующемъ видѣ: много труда и борьбы, много досадъ и огорченій, и тѣмъ не менѣе въ послѣднемъ счетѣ она стоила этихъ трудовъ и страданій. Видѣть эти зрѣлища, продумывать эти мысли, побѣдоносно выдерживать эту борьбу съ міромъ, право, это не малое и не ничтожное содержаніе для одной человѣческой жизни. Судьба могла бы съ полнымъ правомъ упрекнуть Шопенгауэра въ томъ, что онъ, видѣвшій въ теченіе всей своей жизни, какъ въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ развивались и приносили плоды его богатыя дарованія, въ благодарность за это постоянно клеймилъ жизнь.

Но Шопенгауэръ не хотѣлъ и не могъ поступать иначе: послѣднее слово должно было остаться за пессимизмомъ его молодости. Презрѣніе къ людямъ составляло часть его самого, оно вытекало изъ его глубочайшихъ чувствъ и въ тоже время служило оправданіемъ его жизни. Какъ могъ онъ отказаться отъ него?

Digitized by Google

Шопенгауэръ, какъ учитель жизни.

Въ одномъ изъ своихъ раннихъ произведеній *) Фр. Нитцше восхвалялъ Шопенгауэра, какъ учителя, какъ воспитателя мыслителей и философовъ. Подходитъ ли онъ для этой роли?

Дѣйствительно, Шопенгауэръ имѣетъ черты, которыя подходятъ для воспитателя людей, желающихъ изучать науку. Сильное чувство дѣйствительности, стремленіе къ будущему, презрѣніе къ внѣшности, безстрашная любовь къ истинѣ, полная независимость отъ чужого мнѣнія, любовь къ уединенію, равнодушіе къ злобамъ дня, постоянное тяготѣніе къ неизмѣнному и вѣчному,—все это качества, которыя прежде всего нужны изслѣдователю и служителю истины, и во всемъ этомъ Шопенгауэръ можетъ служить образцомъ. Его произведенія обладаютъ особымъ свойствомъ укрѣплять совѣсть противъ лицемѣрія, приспособленія, угодничества и искательства. И еще во многихъ чисто внѣшнихъ отношеніяхъ Шопенгауэръ является хорошимъ воспитателемъ, онъ развиваетъ ясность мышленія и рѣчи, чистоту языка, точность даже въ мелочахъ орфографіи.

Но нѣтъ въ немъ недостатка и въ такихъ чертахъ, которыя, быть можетъ, составляютъ неотъемлемую особенность его индивидуальности и поэтому терпимы въ немъ самомъ,—chacun a les défauts de ses vertus **), какъ часто говоритъ самъ Шопенгауэръ,—но которыя крайне непріятны и даже невыносимы у его послѣдователей и вообще у людей маленькихъ. Это—вѣра въ свою непогрѣшимость, крайнее самомнѣніе, стремленіе выставлять на видъ свое презрѣніе къ людямъ, недостатокъ скромности и сердечнаго смиренія. И эти недостатки особенно страшны тѣмъ, что они опираются на примѣръ крупнаго человѣка. Быть можетъ, высокомѣріе и увѣренность въ непогрѣшимости составляютъ не самый глубокій, но, во всякомъ случаѣ, самый замѣтный результатъ вліянія Шопенгауэра на современную литературу.

И еще одно надо прибавить: любовь къ истинѣ и честность, которыми по справедливости гордится Шопенгауэръ, не всегда согласуются съ осторожностью въ сужденіи и съ добросовѣстностью въ изслѣдованіи и въ доказательствахъ. Наоборотъ, мы встрѣчаемъ въ немъ въ самой незначительной дозѣ способность относиться критически къ собственнымъ мыслямъ. Онъ схватываетъ какую-нибудь вещь, ясно и отчетливо высказываетъ, что онъ объ ней думаетъ, и стремится сейчасъ же привести ее къ какой-либо опредѣленной формулѣ. Если это ему удалось, если формула въ его глазахъ схватываетъ самую сущность предмета, то дѣло его кончено и дальнѣйшее изслѣдованіе пред-

*) «Размышленія не ко времени».

**) Каждый обладаетъ недостатками своихъ добродѣтелей.

Digitized by Google

ставляется для него излишнимъ. Для него истинно то, что онъ воспринимаетъ въ силу нѣкотораго рода эстетической необходимости. Его утвержденія—это догматы. Если они ему нравятся, если они отвѣчаютъ его образу мыслей, всему его существу, то это служитъ вполнѣ достаточнымъ доказательствомъ ихъ истинности. Онъ относится къ нимъ самъ съ извѣстнымъ почтеніемъ, какъ къ дарамъ духа. Онъ не отказывается ни отъ одной изъ высказанныхъ имъ однажды мыслей и своему читателю онъ вмѣняетъ въ обязанность не упускать ничего изъ того, что онъ написалъ, такъ какъ все это составляетъ часть священнаго ученія. На возраженія онъ не обращаетъ никакого вниманія или отвѣчаетъ на нихъ, повторяя свои положенія. Онъ ненавидитъ критику, она мѣшаетъ интуиціи.

Шопенгауэръ обладаетъ выдающимся умомъ; кромѣ того, онъ имѣетъ изумительную способность схватывать сущность вещей съ помощью интуиціи. Сила его анализа, изученія, доказательства далеко уступаетъ ей. И здѣсь, какъ во всемъ остальномъ и, мѣриломъ вещей онъ считаетъ собственную личность; онъ очень невысокаго мнѣнія объ аргументированіи вообще. Тотъ, кто прочелъ первую книгу его сочиненія, тотъ знаетъ, что онъ придаетъ мало значенія доказательству не только въ метафизикѣ, но даже въ физикѣ и въ математикѣ и считаетъ его поверхностнымъ искусствомъ. Все сводится къ внѣшнему представленію, къ непосредственному воспріятію сущности и къ установленію связи по закону основанія и слѣдствія. Его пріемы соотвѣтствуютъ особенностямъ его индивидуальности и потому плодотворны у него. Для учениковъ и подражателей, не обладающихъ его достоинствами, они могутъ оказаться опасными. Я думаю, что не малое количество лжегеніевъ, которыми такъ богато наше время, надо отнести на счетъ Шопенгауэра, какъ учителя.

Но и для него самого эта односторонность дарованій, которую онъ считаетъ добродѣтелью, оказалась вредной. Прежде всего аффектъ часто затемняетъ ясность его мышленія. Intellectus luminis sicci non est *),—эти слова Бэкона Шопенгауэръ приводитъ очень охотно, такъ какъ провѣрилъ ихъ на собственномъ опытѣ. Когда досада, неудовольствіе, зависть, гнѣвъ и ненависть смущаютъ зеркало души, тогда тамъ легко могутъ возникать извращенные образы. А онъ на многое смотритъ и многое изображаетъ съ гнѣвомъ и ненавистью.

Однажды Шопенгауэръ характеризовалъ трехъ великихъ «софистовъ», Фихте, Шеллинга и Гегеля, противопоставляя ихъ философамъ XVII и XVIII вѣка. Здѣсь мы встрѣчаемъ вездѣ честное изслѣдованіе, честное стараніе подѣлиться найденнымъ и сдѣлать его понятнымъ; у тѣхъ софистовъ, напротивъ, все дышетъ нечестностью. «Тонъ спокойнаго изслѣдованія замѣненъ непоколебимой увѣренностью, составлявшей

*) Свѣтъ ума не бываетъ холоднымъ.

Digitized by Google

во всѣ времена принадлежность шарлатанства, которая здѣсь должна покоиться на мнимо-непосредственномъ умственномъ воспріятіи, или на абсолютномъ, т.-е. независимомъ отъ субъекта и отъ его заблужденій, мышленіи. Отовсюда выглядываетъ стараніе перехитрить читателя, обмануть его, импонировать ему, обойти его непонятными фразами, иногда положительной безсмыслицей, или ослѣпить его смѣлыми до дерзости утвержденіями». И причина этого заключалась въ томъ, что люди эти заботились не объ истинѣ, а о вкусахъ и намѣреніяхъ сильныхъ міра сего, отъ милостей которыхъ они ждали назначеній и хлѣба насущнаго, чтобъ такимъ образомъ съ женами и дѣтьми кормиться на счетъ философіи («Parerga» I, стр. 22 и сл).

Въ этихъ строкахъ Шопенгауэръ нарисовалъ свой собственный портретъ, и при томъ съ двухъ сторонъ. Прежде всего, не малая доля того, что онъ говоритъ о способѣ мышленія тѣхъ философовъ, падаетъ и на него. Не меньше ихъ любилъ онъ импонировать читателю, смущать, ослѣплять и оглушать его своими догматическими утвержденіями. Вообще, какъ мыслитель и писатель, онъ стоялъ ближе къ Шеллингу или Фихте, чѣмъ къ Канту и Вольфу или къ Юму и Локку. У него мы не найдемъ и слѣда ихъ терпѣливаго изслѣдованія и основательнаго подробнаго изложенія. Кромѣ того, онъ не рѣже Фихте или Шеллинга прибѣгалъ къ инвективамъ и литературнымъ убійствамъ.

Съ другой стороны, очень характерна та манера, съ какою онъ здѣсь, какъ и въ тысячѣ другихъ случаевъ, утверждаетъ разныя очень неблаговидныя вещи относительно характера и мотивовъ дѣятельности другихъ людей, не трудясь даже приводить особенно много аргументовъ и доказательствъ въ пользу этого. Онъ даже и не подозрѣваетъ, что обвиненія вродѣ тѣхъ, какія содержатъ въ себѣ его послѣднія строки, налагаютъ обязанность доказать ихъ. Они кажутся ему вѣроятными, они соотвѣтствуютъ тому образу этихъ людей, какой нарисовала ему ненависть,—этого достаточно. Всякое сомнѣніе, всякая попытка привести доказательства, нарушила бы цѣльность картины. Поэтому онъ не позволяетъ волѣ браться за это. Вмѣсто всякаго доказательства, онъ снова и снова повторяетъ свои обвиненія. Кто же былъ этотъ Фихте, котораго онъ въ другомъ мѣстѣ называлъ «философомъ, умѣющимъ приспособляться къ обстоятельствамъ», которому не доставало строгой честности, стремящейся независимо отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній къ одной цѣли—истинѣ? Мы невольно спрашиваемъ себя, что же сдѣлалъ Фихте, чтобы оправдать подобныя обвиненія? Конечно, въ 1799 году, когда его обвинили въ атеизмѣ, онъ писалъ въ Веймаръ: «Глубокоуважаемый господинъ тайный совѣтникъ! Поступайте со мной, какъ пожелаете, объявите мнѣ выговоръ за прошлое, сдѣлайте указаніе на будущее,—не лишайте меня только одного, моей профессуры!» А въ 1806 году онъ во главѣ депутаціи встрѣтилъ у Бранден-

Digitized by Google

бургскихъ воротъ рѣчью Наполеона-побѣдителя,—онъ счастливъ, что можетъ повергнуть къ стопамъ его величества почтительную преданность нѣмецкой философіи. Приблизительно такъ и долженъ былъ поступать человѣкъ, «приспособляющійся къ обстоятельствамъ». Нужно все легковѣріе, все безграничное слѣпое подчиненіе своимъ аффектамъ, чтобы повторять подобныя обвиненія.

Но и почтеніе, какое чувствуетъ Шопенгауэръ къ какому-нибудь человѣку, не предохраняетъ его отъ подобнаго отношенія. Мы упоминали выше, что онъ говорилъ о Кантѣ по поводу тѣхъ измѣненій, которыя тотъ ввелъ во второе изданіе своей критики. Онъ объясняетъ ихъ лицемѣріемъ и трусостью, а именно, страхомъ передъ новымъ господиномъ (Фридрихъ Вильгельмъ II) и прямо называетъ ихъ нечестными уловками (въ письмѣ къ Розенкранцу въ 1837 году). Онъ не вспомнилъ о написанной имъ пять лѣтъ спустя, въ самый разгаръ вельнеровской системы *), «Религіи въ границахъ одного разума» и другія статьи, дававшія такой рѣшительный, можно даже сказать вызывающій отпоръ этому режиму, а между тѣмъ одно это воспоминаніе должно было доказать ему несправедливость этого упрека. Кантъ былъ не герой, онъ молчалъ, когда король приказывалъ ему молчать, но онъ не былъ слабохарактернымъ трусомъ, поддѣлывавшимъ въ угоду обстоятельствамъ свои мысли.

Больше того, въ то время, когда Кантъ началъ переработку критики, новый режимъ еще не показалъ себя съ этой стороны, часть измѣненій была, вѣроятно, сдѣлана еще при жизни Фридриха Великаго. Вѣроятно, они были вызваны одной рецензіей, появившейся вскорѣ вслѣдъ за первымъ изданіемъ и указывавшей на сходство кантовскихъ идей съ берклеевскими. Эта рецензія сильно оскорбила Канта. Когда Розенкранцъ указалъ на это, опровергая обвиненія Шопенгауэра, послѣдній вмѣсто того, чтобы взять ихъ назадъ, прибавилъ къ указанному имъ мотиву трусости, другой мотивъ—стремленіе къ оригинальности. Кантъ боялся, чтобы сопоставленіе съ Берклеемъ не уменьшило его славы, какъ оригинальнаго мыслителя. Подозрѣніе вполнѣ неосновательное, особенно въ глазахъ того, кто знаетъ, что Кантъ видѣлъ свою заслугу не въ томъ, что онъ былъ основателемъ феноменализма, а въ томъ, что онъ воспользовался имъ, какъ основой для раціонализма.

Такъ же легко обращался Шопенгауэръ съ честью и добрымъ именемъ всѣхъ людей вообще. Объ этомъ не должны бы были забывать тѣ, кто такъ чувствительно относится ко всякой не вполнѣ благопріятной характеристикѣ учителя. Точно такъ же и тѣ, кто рекомендуетъ

*) Вельнеръ—глава духовной цензуры при фр. Вильгельмѣ II.

Digitized by Google

намъ Шопенгауэра въ качествѣ воспитателя, не должны обходить молчаніемъ этотъ пунктъ.

Въ послѣднемъ итогѣ мы скажемъ такъ: въ личности Шопенгауэра были стороны достойныя подражанія, но были и далеко не привлекательныя, и поэтому его ученіе можетъ быть опаснымъ для людей, не одаренныхъ крупнымъ умомъ. Если люди, неспособные ни къ какой серьезной дѣятельности, станутъ подражать его тону и манерѣ, если они будутъ съ тѣми же пріемами судить объ университетской философіи, о научныхъ стремленіяхъ, о вкусахъ и направленіяхъ нашего времени, то изъ этого получится просто нелѣпая болтовня. Что у крупнаго и сильнаго человѣка обладаетъ извѣстнымъ величіемъ, какъ обратная сторона его добродѣтелей, то самое дѣлаетъ смѣшными его подражателей. Высокомѣрное презрѣніе ко всему пользующемуся уваженіемъ превращается у нихъ въ задиранье своевольныхъ мальчишекъ, вдохновеніе вырождается въ громкія потрясающія фразы. Внѣшнимъ особенностямъ подражать гораздо легче, чѣмъ крупнымъ природнымъ дарованіямъ; это и дѣлаетъ часто великихъ людей далеко не желательными учителями. Политическая жизнь нѣмецкаго народа въ послѣ бисмарковскую эпоху даетъ много данныхъ для подобнаго наблюденія.

Со стороны Ницше было тоже не вполнѣ разумно избрать себѣ учителемъ Шопенгауэра. По крайней мѣрѣ, было бы не безполезно, если бы рядомъ съ нимъ онъ нашелъ себѣ какого-нибудь другого руководителя, который помогъ бы ему бороться съ склонностью къ переоцѣнкѣ самого себя и къ презрѣнію другихъ. Строить свою жизнь на презрѣніи окружающаго и считать это презрѣніе своимъ правомъ, это опасный рискъ, и я не знаю никого, кто бы отважился на него безъ вреда для своей души. Нельзя этого сказать и про Ницше. И для него стало роковымъ избранное имъ себѣ призваніе, держать зеркало передъ лицомъ своего времени и колоть его «словами, какъ кинжаломъ», говоря словами Гамлета. Понятно, правда требуетъ силы, чтобъ не поклониться господствующимъ идоламъ и противиться господствующимъ теченіямъ, она требуетъ также силы, чтобы выносить уединеніе, которое является слѣдствіемъ возмущенія. То, что истинно, рѣдко согласуется съ тѣмъ, что принято. И еще надо замѣтить, что нѣмецкій народъ едва ли переживалъ эпоху, дававшую больше пищи для презрѣнія и негодованія, чѣмъ тѣ годы, когда Ницше писалъ свои «Размышленія не ко времени», а Лагардъ свои болѣе глубокія и серьезныя, но одинаковыя по настроенію сочиненія (Deutsche Schriften). Никогда рыночный товаръ въ области литературы и въ области искусства не былъ такъ ходокъ и такъ не цѣнился, какъ послѣ побѣдоносныхъ войнъ. И тѣмъ не менѣе, для Ницше было бы лучше, если бы онъ въ эти годы встрѣтилъ другого руководителя, чѣмъ Шопенгауэра, человѣка, который вмѣсто того, чтобы развивать въ немъ

*

Digitized by Google

личную гордость и тщеславіе филолога и укрѣплять его въ безусловномъ презрѣніи ко всему, отразившемся въ его «Размышленіяхъ не ко времени», указалъ бы ему бо́льшую положительную цѣль и научилъ бы хладнокровно переносить остальное.

Старый Маттіасъ Клавдій *) въ завѣщаніи своему сыну Іоанну рядомъ съ другими совѣтами, свидѣтельствующими объ истинной мудрости, дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «Презирать легко, сынъ мой, но понимать гораздо лучше». Эти слова Нитцше долженъ бы былъ записать въ свой дневникъ, вмѣсто того, чтобы записывать совѣтъ Шопенгауэра—вооружиться презрѣніемъ противъ людской ненависти. Быть можетъ, нашелся бы среди его юныхъ почитателей хоть одинъ, кому эти слова запали бы въ душу.

Для такого почитателя я выпишу еще слѣдующія слова изъ «Критики способности сужденія» Канта: «Если же кто-нибудь даже въ вещахъ доступныхъ самому тщательному изслѣдованію говоритъ и рѣшаетъ, какъ геній, то это просто смѣшно. Не знаешь, надъ кѣмъ больше смѣяться, надъ фокусникомъ, окружающимъ себя такимъ туманомъ, что нельзя ничего различить и тѣмъ болѣе отдать себѣ ясный отчетъ, или надъ публикой, искренно воображающей, что невозможность разобрать, въ чемъ тутъ суть, зависитъ отъ того, что ей открываютъ новыя истины во всемъ ихъ объемѣ, причемъ обращать вниманіе на подробности (вдаваться въ необходимыя объясненія и подвергать положенія научному изслѣдованію) представляется пустымъ, ни къ чему не нужнымъ занятіемъ».

Если бы кто-нибудь усомнился въ томъ, что Шопенгауэръ и Нитцше призваны быть учителями жизни, и пожелалъ найти иного лучшаго учителя, тому я могу указать такого. Конечно, это не вновь открытый и не модный учитель — я думаю о старомъ и вѣчно юномъ пророкѣ изъ Назарета.

Въ одномъ только пунктѣ онъ согласенъ съ Шопенгауэромъ,—также какъ и тотъ онъ учитъ презрѣнію къ міру, къ его благамъ и къ его власти. Contemptus mundi **)—основа его проповѣди. Онъ учитъ не придавать цѣны благамъ этого міра. И учитъ онъ не только словами устъ своихъ, но и дѣйствительнымъ примѣромъ собственной жизни. Когда онъ стоялъ на горѣ испытанія и къ нему подошелъ князь міра сего,—все это отдамъ я тебѣ, если падши поклонишься мнѣ,—онъ оттолкнулъ его отъ себя и избралъ бѣдность, униженіе, преслѣдованіе, позоръ, страданіе и смерть.

И въ другомъ еще смыслѣ учитъ онъ презирать міръ. Міръ, это

---

*) Mattias Claudius—нѣмецкій поэтъ XVII вѣка.

**) Презрѣніе къ міру.

Digitized by Google

слово означаетъ на языкѣ древняго христіанства организацію мірскихъ интересовъ и силъ въ государство и общество. Учениковъ своихъ онъ учитъ не предаваться ему и сохранять свою независимость, какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю. Для этого даетъ онъ имъ тайное средство, содержащееся въ словахъ, — тѣло они могутъ убить, но душу они не могутъ убить. И еще есть третья форма мірской организаціи, противъ которой учитъ онъ охранять самостоятельность личной жизни,—противъ церкви, противъ господства и угнетенія въ сферѣ духовной жизни, противъ первосвященниковъ и книжниковъ. Онъ возстаетъ противъ авторитетовъ и традицій и полагается исключительно на себя и собственную увѣренность: человѣкъ господинъ надъ субботой и надъ вѣрой. И здѣсь онъ подкрѣпляетъ ученіе жизнью: борьба противъ духовныхъ властей и авторитетовъ составляетъ содержаніе его жизни и причину его смерти. Повидимому, Ницше плохо изучилъ христіанство, такъ какъ онъ называетъ его стадной религіей и рабской моралью. Ничто еще не призывало человѣчества къ такой полной и гордой свободѣ, какъ Евангеліе.

Кто ищетъ этого, кто считаетъ достойной цѣлью жизни независимость своего я отъ міра и его власти, тотъ найдетъ здѣсь и ученіе, и примѣръ. Іисусъ не принадлежалъ къ мирнымъ людямъ, къ удовлетвореннымъ существамъ, живущимъ въ мирѣ съ міромъ и находящимъ существующій порядокъ превосходнымъ. Напротивъ, Онъ больше чѣмъ кто бы то ни было въ мірѣ возбуждалъ недовольство. Онъ недоволенъ міромъ, конечно, не за то, что тотъ не уготовалъ ему части въ своихъ благахъ и наслажденіяхъ, не удовлетворилъ его тщеславія и стремленія къ власти. Онъ имѣлъ бы полное основаніе жаловаться на недостатокъ признанія, пожалуй, нѣсколько больше основанія, чѣмъ Шопенгауэръ. Но недовольство его зависѣло не отъ этого, а отъ другого,—съ жгучею болью и досадой чувствовалъ Онъ, что жизнь людей, его братьевъ, такъ пуста и безсодержательна, такъ бѣдна и исполнена страданій, что они слуги наслажденій или рабы закона, что въ жизни ихъ такъ мало духа и свободы, правды и справедливости, любви и счастья.

Здѣсь мы подходимъ къ другой сторонѣ ученія Христа, и въ этомъ оно не имѣетъ ничего общаго съ франкфуртскимъ философомъ—къ любви къ Богу и людямъ. У Шопенгауэра презрѣніе къ міру стоитъ одиноко, у Христа оно составляютъ обратную сторону Божественной любви. Contemptus mundi и amor Dei составляютъ два связанные между собой полюса его существа. Онъ живетъ въ Божественной любви, въ любви къ Богу и въ той любви, которою, Онъ знаетъ, что Богъ его любитъ. И эта Божественная любовь переноситъ его невредимо черезъ всѣ пропасти, черезъ пропасть презрѣнія къ міру и отрицанія всѣхъ авторитетовъ. Онъ не шумитъ и не стучитъ, и мы не слышимъ крика на

Digitized by Google

улицахъ, онъ тихо идетъ своимъ путемъ, увѣренный въ своемъ призваніи и въ своемъ признаніи, несмотря на все сопротивленіе міра. Въ Божественной любви лежитъ корень и его любви къ людямъ,—они дѣти его Отца. Конечно, павшія дѣти Бога, но во всѣхъ нихъ, тѣмъ не менѣе, живетъ смутное воспоминаніе о домѣ Отца, откуда они происходятъ. И, говоря съ ними о Немъ, Онъ возбуждаетъ въ нихъ стремленіе, возбуждаетъ въ нихъ мужество вернуться туда. Зачѣмъ хотите вы оставаться скудно вознаграждаемыми поденщиками міра, когда вы свободные сыны Божіи, граждане грядущаго царства? Онъ не останавливается на ничтожности и мелочности людей, каковы они теперь, онъ держится за мысль о томъ, чѣмъ долженъ быть человѣкъ и что онъ есть въ существѣ своемъ. И живя этой идеей, Онъ находитъ въ себѣ силу отдать жизнь за грядущее царство Божіе на землѣ.

И такъ оно и будетъ. Учителемъ долженъ быть не Шопенгауэръ, не Нитцше или какой-нибудь иной, созданный блуждающей во тьмѣ вѣрой, идолъ, а Учитель изъ Назарета.

Конецъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ.

Съ польскаго.

Повѣсть Г. Даниловскаго.

Перев. А. И Я-ъ.

(*Продолженіе* *).

IV.

Ударъ грома.

На другой день погода была дѣйствительно скверная, непріятная. По туманному небу то и дѣло пробѣгали разорванныя тучи, осыпая землю мелкимъ дождемъ. Вѣтеръ свистѣлъ въ обнаженныхъ поляхъ, рвалъ снопы, выискивалъ трепещущими отъ голода крыльями умершіе листья въ кленовскомъ паркѣ, сбивалъ плоды съ деревьевъ въ саду и по длинной тѣнистой аллеѣ вылеталъ на огромный прудъ. Тамъ онъ подымалъ изъ глубины мутную воду, разбивая пѣнистыя волны о низкіе берега... Шумѣлъ въ камышахъ, влача за собой пестрыя стаи крикливыхъ чаекъ, и исчезалъ на противоположномъ берегу въ нѣдрахъ лѣса. Черезъ мгновеніе онъ снова вырывался оттуда вдвое сильнѣе и дичe, съ унылымъ воемъ проносился онъ по ржавымъ бороздамъ, взмахивая неувѣренными крыльями галокъ и воронъ, какъ траурными флагами.

Къ вечеру онъ притихъ и только изрѣдка вздыхалъ, какъ усталый звѣрь. А отъ этихъ вздоховъ осыпались разноцвѣтные лепестки съ розовыхъ кустовъ, окружающихъ кленовскій дворъ, звенѣли жалобно оконныя стекла и взъерошивались перья на головѣ и хвостѣ у четырехъ скворцовъ, сидящихъ передъ крыльцомъ.

Выглянуло солнце, огромное, низкое, покрытое мглою, точно пропитанное вспѣненной кровью.

Приближался часъ разлуки.

Всѣ собрались въ большой дѣтской. Викторъ въ синей дорожной куртки возился съ малышами. Авреля старательно выворачивала ноги у самой новой куклы; Марыня кормила кашкой толстенькаго, выма-

*) См. «Міръ Божій», № 2. февраль, 1902 г.

Digitized by Google

званнаго Стася, послѣдній отпрыскъ Бэли, а Игнатій курилъ папиросу за папиросой. Видъ у него былъ озабоченный, онъ чувствовалъ изжогу и былъ въ такомъ мрачномъ настроеніи, что терялъ вѣру въ полезность воды Франца-Іосифа, которую постоянно пилъ впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ съ прекрасными результатами.

Это настроеніе было вызвано продолжительной утренней бесѣдой съ Викторомъ.

Началось съ повѣрки разсчетовъ по имѣнію, и сразу все пошло великолѣпно, какъ это и любилъ Игнатій, то-есть не спѣша, систематично и до мелочей. Викторъ не отказывался отъ пересмотра плановъ, разсматривалъ описи общія и частныя, слушалъ или, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ видъ, что слушаетъ мельчайшія вычисленія, водилъ терпѣливо немного сонными глазами по длиннымъ рядамъ цифръ, и узнавъ, что ему приходится 30 тысячъ, изъ которыхъ половину онъ можетъ хоть сейчасъ получить въ земельномъ банкѣ, обрадовался въ соотвѣтственной мѣрѣ. Поблагодаривъ брата, онъ потребовалъ чекъ, прося удержать остальной капиталъ и впредь на ипотекѣ Кленова, какъ состояніе Марыни и Игнася.

Игнатій, наслаждаясь удовольствіемъ добросовѣстно исполненной обязанности, а также солиднымъ поведеніемъ Виктора, выдалъ соотвѣтственный чекъ, и отбросивъ вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ счетнымъ актомъ чиновничью сухость, началъ шутливо выпытывать у брата, въ какое дѣло онъ хочетъ помѣстить полученную сумму.

Въ концѣ концовъ, онъ это узналъ.

Послѣ минутнаго ошеломленія, онъ напалъ на Виктора съ неслыханной запальчивостью, и послѣ довольно значительнаго промежутка времени, начался между братьями болѣе ожесточенный споръ, чѣмъ когда-либо прежде, съ тою только разницей, что Игнатій горячился и наступалъ, а Викторъ защищался съ видимымъ спокойствіемъ, но не уступалъ ни на шагъ. Наоборотъ, онъ, вѣрнѣе, проявлялъ стремленіе идти дальше.

Онъ жаловался на постыдную слабость, которой поддается изъ снисхожденія къ Марынѣ и Игнасю, и оправдывался любовью къ нимъ.

Къ тому же, когда онъ касался этого предмета, въ его словахъ было столько боли, что гнѣвъ и негодованіе Игнатія быстро уступили мѣсто чувству благородной печали.

Когда же Викторъ въ довершеніе всего первый извинился передъ нимъ за нѣсколько колкихъ выраженій, произнесенныхъ въ спорѣ, Игнатій растрогался до слезъ.

Наступила сердечная минута, а съ ней и взаимная откровенность. И это-то признаніе брата удручило Игнатія окончательно, въ особенности, когда Викторъ отвергъ его проектъ немедленнаго докторизированія за границей, какъ преждевременный и вообще въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ невозможный планъ.

Digitized by Google

Напрасно позднѣе Викторъ старался умалить значеніе своихъ словъ. Игнатія трудно было утѣшить; онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ физически и нравственно, и заглушалъ глодавшаго его червя никотиномъ, посматривая неоднократно на Виктора изъ-за облаковъ табачнаго дыма. Минутами что-то вродѣ надежды мелькало у него въ сердцѣ, при взглядѣ на брата, возившагося съ дѣтьми, и такъ искренно отдавшагося игрѣ, точно онъ самъ былъ самымъ наивнымъ изъ всего ихъ сборища.

Но эти проблески быстро потухали; ложная веселость брата начинала его даже раздражать, а чашу его долготерпѣнія переполняли рѣзкіе высокіе звуки голоса жены, пробирающей въ сосѣднихъ комнатахъ кого-то изъ прислуги не въ особенно изысканныхъ выраженіяхъ.

— Наказаніе Божіе съ этой дубиной,—произнесла, наконецъ, вблизи за дверями Бэля и снова вскрикнула, входя:—ну, и надымили здѣсь, папаша снова занимается куреньемъ въ дѣтской! Казюкъ, отвори форточку!—позвала она грозно и, обращаясь къ Виктору, продолжала свои наставленія съ остатками гнѣва въ голосѣ:—помни, у тебя два слоеныхъ пирога въ чемоданѣ, не позволяй его кидать слугамъ. Верхъ и оставшіяся мѣста я напихала фруктами... Вынь, а то еще сгніютъ и испортятъ все бѣлье... Въ корзиночкѣ есть наливка, два цыпленка, фруктовая пастила, горшечекъ масла, въ салфеткѣ рюмка; булки купишь на станціи, свѣжіе будутъ...

— Побойся Бога, голубка,—засмѣялся Викторъ,—или ты окончательно рѣшила сдѣлать изъ меня каплуна?

— Игнатій, говорятъ тебѣ не кури!—рѣзко прервала Бэля.—А ты упрямый козелъ, если ѣдешь, такъ поѣзжай, потому что уже шесть часовъ, еще опоздаешь!..

— Ого!—воскликнулъ Викторъ, взглянувъ на часы. — Дѣйствительно, правда! Ну, карапузы,—прибавилъ онъ, снимая съ колѣнъ Мечислава и Зыгмуся,—вы ужъ наѣздились, теперь и мой чередъ.

И онъ началъ цѣловать дѣтокъ, беря ихъ по очереди на руки. Послѣднимъ поцѣловалъ Игнася, опустилъ его на полъ и долго молча смотрѣлъ на него.

— Сморчокъ еще,—прошепталъ онъ, и громче добавилъ:—ну, до свиданья, дай отцу ручку.

Малышъ, съ широко разставленными босыми ножками и выступающимъ животикомъ, вытаращилъ свои темные глаза на отца; на лбу у него появилась характерная складочка, указывающая у дѣтей на работу мысли.

— Досиданя!—проговорилъ онъ и вытянулъ свою круглую, какъ валикъ, ручонку; затѣмъ, потерявъ равновѣсіе, усѣлся на полъ, оглядѣлся вокругъ и заявилъ о своемъ паденіи громкимъ: ба..а..бусь!

— Мы, дядя, съ вами поѣдемъ,—лѣзли къ нему въ то же время старшіе племянники.

Digitized by Google

— Конечно, садитесь на коней и догоняйте,—успокаивалъ ихъ Викторъ, указывая на стулья.

Малыши бросились къ стульямъ, а взрослые вышли на крыльцо.

Запаковывали и завязывали вещи, а Игнатій вдругъ началъ уговаривать Виктора остаться хоть до завтра.

— Все равно опоздаешь; смотри,—говорилъ онъ,—снова вѣтеръ и тучки за лѣсомъ. Вымокнешь, какъ курица, а можетъ быть еще и перекувыркнешься гдѣ-нибудь въ этихъ Мышенецкихъ трущобахъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Викторъ,—ѣхать, такъ ѣхать! Ну, подставляй физіономію!

— Ну, такъ съ Богомъ, съ Богомъ!—бормоталъ, обнимая брата Игнатій.—Возвращайся скорѣе и счастливо, помни же возвращайся...—повторялъ онъ одни и тѣ же слова, и когда Викторъ вырвался у него изъ объятій, вдругъ крикнулъ дискантомъ:

— Ѳедоръ, дубина, что это ты бубенчики навѣсилъ,—и бросился къ лошадямъ такъ стремительно, что у него даже свалились очки.

— Веселѣе ѣхать, баринъ!..—отвѣтилъ кучеръ.

— Ну, все равно...—буркнулъ ничего не видящій Игнатій, тщетно пытаясь схватить дрожащими руками болтавшійся шнурокъ.

Бэля, цѣлуя Виктора въ лобъ и въ губы, повторяла, всхлипывая:

— Помни же... варенье!

— Хорошо,—глухо произнесъ Викторъ и приблизился къ женѣ.

Марыня, въ темномъ обтянутомъ платьѣ, стояла все время выпрямившись, отчего казалась выше и тоньше.

Что-то тяжелое и неестественное было въ ея напряженной фигурѣ, въ застывшихъ чертахъ лица, которому придавали почти болѣзненное выраженіе опущенные внизъ углы рта.

Сѣрые, вѣчно погруженные во влажную мглу, глаза ея были теперь сухи и блестящи. Когда мужъ приблизился къ ней, мелкая, холодная, пронизывающая дрожь пробѣжала по ея тѣлу. Безсильно покачнулась она впередъ и помертвѣлымъ сердцемъ прильнула къ груди Виктора.

Его нѣжные, теплые поцѣлуи, ощущаемые ею на рукахъ и губахъ, наполняли ее безмѣрностью страстной скорби.

— Ну... до свиданья... Марыня... повторялъ Викторъ прерывающимся шопотомъ.

И эти слова, какъ тяжелыя груды земли, падали въ глубь ея души, на самое дно, гдѣ отдавались тяжкимъ гуломъ глухого грохота.

Тихо, безъ слезъ, безъ словъ она закинула ему руки на шею, и длинные точеные пальцы сплелись въ желѣзномъ объятіи.

— Ну... Марыня... Игнась ждетъ,—говорилъ Викторъ, нѣжно разнимая ея руки и еще разъ цѣлуя ихъ.

— До свиданья... Игнась!—произнесъ онъ съ усиліемъ.

Онъ вскочилъ на сидѣнье.

Digitized by Google

— Трогай!

Лошади двинулись съ мѣста хорошею рысью, позванивая бубенчиками; вскарабкались на мостикъ; правая пристяжная испугалась и получила ударъ кнутомъ.

— О, но, махонькія!—затянулъ за воротами Ѳедька. Загремѣли быстрѣе колеса, зазвенѣли и расплакались слышнѣе колокольчики; промелькнули нѣсколько разъ двѣ сѣрыя фуражки, показались еще разъ на пригоркѣ, спустились и исчезли.

— Ну, пойдемъ,—поспѣвая за мужемъ, позвала съ лѣстницы Бэля.

Но Марыня осталась, и напрягая всѣ свои силы, слѣдила за удалявшимся звономъ колокольчиковъ; она слышала ихъ такъ ясно, точно въ нихъ билось ея испуганное и обливавшееся кровью сердце.

Эти едва слышные металлическіе звуки, усиливались въ ней во сто кратъ и протяжно отдавались въ ея груди, какъ скорбные звуки органа. Наконецъ, необычай норѣзкимъ звукомъ они пронизали ее насквозь.

Какъ птица, раненная тяжелою дробью, сорвалась она съ крыльца, обѣжала домъ и вбѣжала на насыпь погреба, чтобы хоть разъ еще что-нибудь увидѣть.

Пусто было вокругъ, куда ни взгляни. За облитыми краснымъ свѣтомъ полями, въ густомъ лиловомъ туманѣ багровѣли полосы зарева заката, а щитъ солнца, тонущаго въ вишневомъ облакѣ, казался пламеннымъ бугромъ.

Справа изъ-за колеблющагося въ туманѣ за прудомъ густого лѣса, выдвигалось, быстро разростаясь къ пурпурнымъ лучамъ, чудовищное синее очертаніе тучи, бурой по краямъ, свинцовой въ глубинѣ.

Въ минуты зловѣщаго затишья слышался ропотъ клубящейся внутри ея темноты, которая помрачала все вокругъ... Казалось, воздухъ сгибался и трещалъ подъ ея быстро стелющейся по землѣ тяжестью.

Въ легкомъ тревожномъ шопотѣ листьевъ, въ быстромъ дрожаніи волнъ Сниводы выражалось необычайное безпокойство, съ неслыханною силой сообщавшееся Марынѣ.

Съ проникающимъ до мозга костей холодомъ, она застыла на насыпи, какъ статуя изъ чернаго мрамора на осунувшемся курганѣ одинокой могилы.

Она не рѣшалась двинуться, только волосы, зачесанные на виски, порывисто развѣвались при дуновеніяхъ вѣтра, какъ два крыла птицы, рвущейся къ полету.

Уже лѣсъ понемногу тонулъ въ стальномъ зеленоватомъ туманѣ, сливаясь съ поверхностью пруда въ огромное, безцвѣтное, грозное море.

Надъ этимъ моремъ свѣшивалась чудовищная изодранная бахрома, точно зазубренная, испещренная доска потускнѣвшей мѣди.

Вихрь усиливался, а туча изъ синевато-бурой становилась темно-багровой, клубилась все сильнѣе, обнажая мѣстами бездонныя пропасти, откуда валилъ бѣлый дымъ.

Digitized by Google

Черезъ минуту по ней засверкали робкіе огоньки, столь же быстрые, сколько слабые, а глухой ропотъ замѣнился громовыми ударами и раскатами.

Могучая стихія, казалось, еще сдерживала нечеловѣческими усиліями обезумѣвшія подчиненныя ей силы и содрогалась грозно и величественно.

Вскорѣ, однако, бѣшенство и разнузданность превозмогли.

Въ тучѣ что-то заклокотало, заворочалось, и темная ея оболочка съ грохотомъ разорвалась въ зигзаги красно-синихъ жилъ, развѣтвившихся въ ту же минуту и съ трескомъ осыпавшихъ землю. Печальные контуры ея то и дѣло обнажались мелькающими огнями.

Озвѣрѣвшій вихрь съ дикимъ воемъ бросался на деревья, которыя отчаянно защищались, съ болью изгибая свои вѣтви, и метались во всѣ стороны. Весь паркъ былъ въ борьбѣ и жалобно скрипѣлъ.

У Марыни духъ захватывало; ее обдавало сырымъ туманомъ, холодныя капли били по лицу, вдругъ ее ослѣпилъ внезапный свѣтъ, и въ ту же минуту оглушающій грохотъ потрясъ все ея существо.

Съ сдавленнымъ крикомъ бросилась она съ насыпи, и, гонимая паническимъ страхомъ, исхлестанная дождевыми струями, истерзанная вихремъ, вбѣжала на крыльцо.

Обезумѣвшими руками отворила она тяжелыя двери и, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ трудомъ взобралась наверхъ.

И когда, наконецъ, ей удалось опомниться, она съ раздирающимъ душу стономъ опустилась на кровать, въ припадкѣ судорожныхъ рыданій.

Поднялась она, когда уже едва замѣтныя, мелкія струйки дождя стекали по окнамъ и въ отдаленномъ мракѣ безшумно сверкали молніи. При видѣ этихъ змѣекъ безъ грому содрогалось ея сердце и душа рвалась на части.

Съ минуты отъѣзда Виктора ее, именно, поражали на смерть далекіе удары грома.

Какъ казалось—такъ и случилось, ибо съ этой послѣдней грозы и со времени перваго извѣстія о Викторѣ въ Кленовѣ поселилась продолжительная печаль и безпокойство.

Проходили мѣсяцы, а Ѳедоръ почти не слѣзалъ съ козелъ. У лошадей подтянулись животы, а одна, самая молодая, ослабла на ноги и зачахла. Замѣнили ее новой, и снова уже не такая подобранная четверка отвозила кого-нибудь изъ домашнихъ или привозила кого-нибудь со станція. Дорога, къ тому же, пять дьявольскихъ миль, сдѣлалась невозможной, то вязкая, то кочковатая, какими обыкновенно становятся дороги въ позднюю осень. А потому поѣздки мучили и лошадей, и людей.

У потускнѣвшихъ стеколъ многочисленныхъ оконъ кленовскаго дома

Digitized by Google

неоднократно часами простаивали старшіе, ожидая возвращенія уѣхавшаго, чаще всего Марыни, а дѣти—солнца.

Однако, погода не прояснялась, послѣ сѣрыхъ, сизыхъ дней, блѣдножелтыхъ, какъ призракъ свѣта, дней безъ утра, полудня и милаго вечера, безконечныхъ и монотонныхъ, наступали темныя ночи, пасмурныя, безъ звѣздъ.

И послѣ каждой изъ нихъ, земля въ паркѣ становилась все болѣе размякшей, обильнѣе покрывалась блѣднымъ золотомъ и грязноватымъ, поблекшимъ пурпуромъ, рѣдѣли листья на деревьяхъ и сами деревья.

Природа хмурилась. Только изрѣдка, какъ златокрылая птица, проглядывалъ солнечный лучъ и освѣщалъ все на короткое время; проносилось какое-то теплое дуновеніе, точно послѣдній вздохъ угасающей вселенной, и застывало во мглѣ.

И снова стеклянныя очи меланхоліи уставились въ землю съ высоты. Торчали, вытянувшись къ небу, силуэты деревьевъ, изгибая, точно въ предсмертныхъ судорогахъ, свои почернѣвшіе сучья. Гниль могилъ таилась въ курганахъ истлѣвшихъ листьевъ.

Безграничной тоскою вѣяло отъ побурѣвшихъ полей и мертвой поверхности Сниводы, по которой сновали лиловые туманы, точно блуждающія сновидѣнія.

Все усталое склонялось къ вѣчному покою.

Одна Марыня, неунывающая, неутомимая, съ непоколебимостью гранита, съ настойчивостью маніака, ѣздила безпрестанно туда и обратно, то къ Игнасю, болѣвшему тяжелой скарлатиной, то снова ближе къ мужу.

Игнатій съ женой не разъ выражали удивленіе передъ этимъ запасомъ энергіи, находчивости и силы, проявлявшимся внезапно въ такомъ кроткомъ существѣ, какимъ они считали Марыню.

— Это какая-то органическая аномалія, какъ порокъ сердца!— присовокуплялъ Постанскій, согласившійся лѣчить Игнася и, ко всеобщему удивленію, поселившійся для этой цѣли въ Кленовѣ.

Его присутствіе нимало не способствовало прояснѣнію домашней атмосферы. Старый ворчунъ или молчалъ, какъ нѣмой, или откликался, какъ выражалась Бэля, ни къ селу, ни къ городу и всегда почти раздражительно. Къ тому же онъ скучалъ и толокся изъ угла въ уголъ, какъ бѣсъ передъ заутреней.

Въ болѣе ясные дни онъ мастерилъ что-нибудь въ паркѣ, огребалъ листья, или часами разглядывалъ ель, разбитую молніей.

Въ дурную погоду прислушивался къ урокамъ Зыгмуся, и какъ-то разъ напалъ на Бэлю за то, что та учитъ его разнымъ сказкамъ.

— Набиваете ему, сударыня, глупостями голову,—говорилъ онъ въ гнѣвѣ,—тары да бары!..

— Не тары-бары, а басни,—разсердилась Бэля,—которыя имѣютъ нравственный смыслъ, и суть чистая правда, красиво выраженная.

Digitized by Google

— Ну, хорошо! Такъ скажи мнѣ, если ужь ты такая смѣлая, какіе на мнѣ сапоги?

— Прежде всего, грязные!—отрѣзала Бэля.

— А короткіе или длинные?—настаивалъ Постанскій.

— Ну, короткіе!—отвѣтила Бэля, смущенная вопросомъ.

— А вотъ видишь, сударыня, длинные,—торжествующе выпалилъ Постанскій, задирая брюки до колѣнъ.

— Такъ что-жъ изъ этого? — спросила Бэля, шокированная непринужденностью старика.

— А то, что можно такъ задрапировать голенище, что сапогъ будетъ похожъ на башмакъ, а ложь на правду. Съ этого льва сдерутъ шкуру, мышь сѣтей не перегрызетъ, такъ какъ зубы черезчуръ малы, да и котъ ее удушитъ. А твой, сударыня, Яховичъ былъ набитый дуракъ,—закончилъ докторъ и вышелъ, хлопнувъ дверьми.

V.

Отчаяніе.

Сырой, весенній вѣтеръ, хотя и кажущійся ласкающимъ, а все-таки пронизывающій, продулъ Постанскаго насквозь. Очутившись въ теплой комнатѣ, онъ довольно долго растиралъ окостенѣвшія руки, затѣмъ, достаточно обогрѣвшись, приблизился къ Игнасю, который вмѣстѣ съ краснощекой Аврелей распускалъ мыло въ глиняной мисочкѣ.

— Ну что жъ, сморчокъ, есть письмо отъ отца?—спросилъ Постанскій, схвативъ слегка любимца за темный торчащій хохолокъ.

— А, есть...—поспѣшно отвѣтилъ мальчикъ, выскользнулъ изъ руки доктора и, окунувъ расщепленную соломку въ мыльную воду, надулъ щечки.

Этотъ небрежный отвѣтъ, чистосердечное равнодушіе ребенка къ такимъ трогающимъ умъ и сердце вопросамъ задѣли Постанскаго, точно ему наступили на больной мозоль; онъ нетерпѣливо огрызнулся, но сейчасъ же спохватился.

— Конечно! Молокососъ, для него отецъ это звукъ пустой...

И думая такъ, онъ ушелъ въ глубь комнатъ, настроенный раздражительно ко всѣмъ, не исключая дѣтей.

И онъ ошибался.

Игнась въ теченіе двухъ лѣтъ, то-есть со дня отъѣзда Виктора, на самомъ дѣлѣ одинъ разъ всего, и то больше мѣсяца тому назадъ, видѣлъ отца.

Однако, это свиданіе произошло при необыкновенныхъ обстоятельствахъ.

Прежде всего, Игнась съ матерью совершилъ огромное, въ особенности для пятилѣтняго малыша, путешествіе, полное странностей.

Digitized by Google

Было это такъ.

Маленькая комнатка изъ желтыхъ полированныхъ дощечекъ съ двумя обитыми диванчиками и сѣтчатой полочкой, вдругъ затряслась и мѣрно загудѣла. Черезъ маленькое окошечко безъ поперечныхъ рамокъ видиѣется рядъ зеленыхъ, желтыхъ и синихъ большихъ коробокъ съ маленькими стеклами, огромный, точно локомобиль съ широкой трубой, обвитой паромъ и дымомъ, потомъ цвѣтные фонарики, человѣкъ съ зеленымъ флажкомъ, столбы съ бѣлыми чашечками наверху, безконечное множество различныхъ предметовъ, большей частью неизвѣстныхъ — и все это такъ быстро убѣгаетъ назадъ, вертится и пропадаетъ.

Столбы все время сопровождаютъ окна и соединены множествомъ проволокъ.

Мама говоритъ, что это телеграфъ.

Комната по временамъ перестаетъ колебаться и тутъ-то начинается шумъ: звонятъ, какъ на обѣдъ въ Кленовѣ, только нѣсколько разъ и раздается пронзительный свистокъ, время отъ времени страшный визгъ, точно тремъ свиньямъ сразу Ральфъ пообрывалъ крючковатые хвостики, и звонъ желѣза, точно въ кузницѣ; какіе-то люди съ вещами вѣзаютъ и вылѣзаютъ изъ комнатки, которая становится значительно холоднѣе.

Раздается унылый протяжный вой, чувствуется сильный толчокъ, и диванчикъ трясется дальше, постукивая.

Темнѣетъ. Поперекъ окна пролетаютъ огненныя палочки, какъ толстая тлѣющая спичка, ихъ все больше и онѣ все длиннѣе, наконецъ онѣ превращаются въ ряды раскаленныхъ проволокъ.

Это, навѣрное, на ночь зажгли этотъ телеграфъ.

Проволоки горятъ безпрерывно, а комнатка колышется такъ хорошо, какъ качели, все медленнѣе... тише...

Его будитъ мамочка. День. Они сидятъ въ маленькой кареткѣ; ѣдутъ медленно, а шумъ такой, какъ у плотины на мельницѣ. Экипажей штукъ сто десять, запряжены въ одну лошадь, самое большее въ двѣ, а людей—страхъ сколько!

Мужиковъ не видно, хатъ тоже, ни травы, ни деревьевъ, только камни.

Ѣдутъ они по каменной дорогѣ, идутъ стада мужчинъ и женщинъ по каменному полу въ длинномъ корридорѣ подъ каменными стѣнами.

Что-то кружится передъ Игнасемъ, какъ сонъ, который онъ никакъ не можетъ припомнить.

Вотъ они въѣзжаютъ въ сводчатое отверстіе въ каменной стѣнѣ, точно въ огромный гротъ, и черезъ минуту уже находятся въ обыкновенной, небольшой комнатѣ.

Мама прикасается пальцемъ къ бѣленькой косточкѣ, торчащей изъ деревяннаго кружка, повѣшеннаго на зеленый шнурокъ. Входитъ одѣ-

Digitized by Google

тый въ черное господинъ безъ усовъ и бороды, какъ ксендзъ. Мама проситъ его принести обѣдъ и говоритъ Игнасю, что послѣ обѣда они поѣдутъ къ папѣ.

Игнась знаетъ, что у него необыкновенный папа, но послѣ всего виднѣннаго, отецъ представляется ему чѣмъ-то изъ ряда вонъ выходящимъ. Его страшно интересуетъ, какъ мама разыщетъ папу среди такого множества людей.

Но мама, какъ видно, все съумѣетъ, потому что послѣ долгой ѣзды въ экипажѣ, виднѣются деревья, покрытыя иневмъ, снѣжныя кучки дерна, поля,—совсѣмъ деревня, и снова каменныя зданія, громадныя какъ погреба.

Входятъ по лѣстницѣ, и въ какой-то мрачной комнаткѣ мама бросается на шею незнакомому мужчинѣ.

Это и долженъ быть папа.

Совсѣмъ онъ не такой странный и огромный, какимъ себѣ его представлялъ Игнась; правда, онъ выше дяди, но ниже пана Постанскаго, зато очень худой, съ лицомъ, похожимъ на тотъ портретъ, который у мамы, только глаза еще болѣе глубокіе, точно два дупла, и блескъ гнилушекъ преобладаетъ въ ихъ темной глубинѣ.

Мужчина этотъ подхватываетъ Игнася и подымаетъ на уровень со своей головой...

— Поцѣлуй папу!—подсказываетъ, всхлипывая, мама.

Игнась цѣлуетъ, а папа отвѣчаетъ ему поцѣлуями, такими сильными, что духъ замираетъ въ груди ребенка.

Игнась чувствуетъ на лицѣ не свои слезы, а потомъ и свои. Грустно ему, странно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, страшно.

Папа ставитъ его на полъ и начинаетъ обнимать и успокаивать мамочку, которая такъ заливается слезами, точно ее только что порядочно выпороли.

Игнасю ужасно жаль мамочку; онъ и самъ всхлипываетъ, и сквозь слезы присматривается къ блестящему одѣянію лысаго господина, который одной бѣлой рукой съ кольцами на двухъ пальцахъ щиплетъ усики, а другою играетъ золотыми часами.

Потомъ та же дорога обратно, уже менѣе интересная.

Игнась утомленъ и ему кажется, что сто миль отдѣляютъ его отъ момента отъѣзда изъ Кленова.

И вотъ онъ какъ-то пробуждается: что это?

Кленовскія санки, лошади, въѣздная аллея; сбоку и надъ нимъ темно, а передъ нимъ движущійся огненный кружочекъ.

Это Андрюшка, конюхъ, какъ объясняетъ мама, свѣтитъ смоляннымъ факеломъ.

Минутами огонь слабѣетъ и стелется свѣтлымъ кругомъ на бѣломъ фонѣ снѣга; каплетъ пламя, то снова вспыхиваетъ вверхъ, и красноватые столбы мелькаютъ въ вѣтвяхъ посеребренныхъ тополей.

Digitized by Google

Медленно переходитъ огненный столбъ отъ дерева къ дереву, колокольчики заливаются, а мама вдругъ спрашиваетъ:

— Помнишь папу?

— Помню,—шепчетъ очарованный Игнась.

— И будешь помнить?

— Буду!

И въ самомъ дѣлѣ помнитъ, только по своему.

Правда, черты лица отца смѣшались уже почти съ чертами лица портрета, но слово «папа» не переставало вызывать въ немъ необыкновенныя впечатлѣнія.

При звукѣ этого слова въ ушахъ Игнася начинаютъ обыкновенно раздаваться отдаленные хоры колокольчиковъ или угрюмые свистки; въ глазахъ мелькаютъ огненныя линіи, или возстаютъ красныя зарева, пылающія въ серебряныхъ бокалахъ тихимъ высокимъ пламенемъ; а въ сердцѣ блуждало смутное волненіе какой-то охватывающей тоски.

А въ данномъ случаѣ небрежный отвѣтъ мальчика объяснялся чрезвычайно важнымъ занятіемъ—производствомъ чудесъ на яву.

Потому что какъ разъ теперь на концѣ обыкновенной соломенки отъ выдуванія долженъ былъ появиться ни съ того ни съ сего шарикъ, сначала маленькій и мутный, потомъ все большій и большій, полный блеска и радужныхъ цвѣтовъ, отражающій въ себѣ съ очаровательной ясностью всѣ предметы, красивый и быстро исчезающій, а докторъ хотѣлъ отвлечь чарующую минуту появленія чуда.

И въ то время, какъ восхищенныя дѣти занимались сотвореніемъ хрупкихъ новыхъ міровъ, Постанскій стоялъ въ нерѣшительности передъ дверьми въ гостинную: войти или вернуться домой?

До него доходили черезъ запертыя двери звуки разсерженнаго голоса Бэли: смысла словъ онъ не могъ разобрать, но догадывался, что происходитъ какая-то супружеская распря, въ которой рохля Игнатій изображаетъ молчаливую покорность, а жена—рогъ изобилія выразительныхъ словечекъ.

Доктора раздражали подобныя сцены и онъ уже думалъ ретироваться, какъ вдругъ Бэля остановилась переводя духъ, и до ушей его донеслись внятныя слова Марыни: «Нѣтъ, я поѣду!» произнесенныя хватающимъ за живое голосомъ, тономъ рѣшительнымъ, какъ внезапный ударъ отчеканивающаго штампа.

Это впечатлѣніе еще болѣе усилилось, когда онъ вошелъ и видѣлъ рѣшительное выраженіе лица Марыни, съ профилемъ, точно заостреннымъ, мелкимъ, и въ то-же время поражающимъ взоръ прелестью тонкой рѣзьбы.

Неожиданное появленіе Постанскаго остановило на полусловѣ новый потокъ краснорѣчія изъ устъ Бэли, пылающей внутреннимъ жаромъ, съ трепещущими раздутыми ноздрями.

При видѣ доктора безпомощныя, вялыя черты лица Игнатія вне-

Digitized by Google

запно оживились, а Марыня съ мрачнымъ лицомъ и потускнѣвшими глазами бросилась къ Постанскому, точно ища убѣжища, всунула ему въ руку скомканный листъ бумаги и, видимо исчерпавъ всѣ свои силы, опустилась на ближайшій стулъ.

Это было письмо отъ Виктора.

Докторъ развернулъ бумагу, и держа ее на разстояніи вытянутой руки, разбиралъ вполголоса, дешифрируя огромные выкрутасы, начертанные дрожащею рукой:

«Марыся, Игнась и всѣ мои дорогіе,—я еще въ Европѣ.

«За это я очень благодаренъ моему ревматизму, произведшему перерывъ въ моемъ странствованіи. Меня крайне радуетъ, что ты относительно скоро получишь это письмо, а я твой отвѣтъ...

«Пишу лежа, опухшими пальцами, а потому и не особенно разборчиво. Лѣчитъ меня quasi-соплеменникъ, такъ что-то вродѣ неопредѣленнаго возраста копченой селедки, главный врачъ госпиталя.

«Помнитъ еще что-то и привѣтствуетъ меня утромъ на родномъ языкѣ:

«— День добрый, панъ, ну, какъ тамъ, сильно больно или мало?

«А я ему на это:

«— Напишите, докторъ, рецептъ такой длинный, какъ отсюда до моего дома, и увидите, какъ я, исполняя его, вскочу съ постели, хоть ноги-то у меня, какъ бревна.

«А Петръ Петровичъ отвѣчаетъ сурово и серьезно:

«— Нѣтъ, этого нельзя.

«И такъ мы каждый день болтаемъ на одну и ту же тему. Понравился ему мой «reumatismus acutus», или, какъ его тамъ, а изъ-за него и моя персона...

«У васъ тамъ весна на дворѣ, а тутъ снѣгъ по поясъ...»

— Вотъ именно,—подхватила Бэля,—это я и говорю, подождать до лѣта, въ концѣ концовъ, хоть до слѣдующаго письма... Что тамъ спѣшить! А зимой, не близкій свѣтъ дорога-то!

— Только недѣля по желѣзной дорогѣ...—начала Марыня.

— Недѣля только по желѣзной дорогѣ!—передразнила Бэля.—Нечего сказать, пустяки—недѣлю болтаться по желѣзной дорогѣ! Вѣдь это можно получить заворотъ кишокъ, а воспаленіе легкихъ или мозга, какъ пить дать!.. Скажите-ка, докторъ, сами?

Постанскій молчалъ съ нахмуреннымъ лицомъ и закрытыми глазами; глубже, чѣмъ когда-либо, наморщенный лобъ, казалось, что-то припоминалъ.

— Петровичъ, Петровичъ,—пробормоталъ онъ нѣсколько разъ, и обращаясь къ Марынѣ, произнесъ:—я знаю эту копчушку! Онъ даже не злой человѣкъ, а такъ себѣ, просто всеядное животное... Тамъ еще есть нѣсколько фанфароновъ, начинающихъ свою кулебяку либеральнымъ фаршемъ... Напивались мы съ ними еще не такъ давно, когда

Digitized by Google

я тамъ пребывалъ, какъ послѣдніе пьяницы... Если ужъ туда ѣхать, такъ я дамъ нѣсколько писемъ; можетъ быть, и пригодятся, вѣдь они любятъ порисоваться своимъ фырканьемъ передъ посторонними, а въ особенности передъ дамой.

— Благодарю васъ,—прошептала Марыня, неожиданно прижалась къ старику и поцѣловала его въ плечо.

Постанскій быстро и украдкой погладилъ ее рукой по волосамъ.

— Ну, ну, ну!—бормоталъ онъ, отодвигаясь, быстро повернулся и бросилъ, уходя:

— Я тамъ у тебя въ кабинетѣ, Игнатій, нацарапаю эти посланія!..

Въ Изабеллѣ что-то закипѣло. У нея не разъ происходили мелкія столкновенія съ докторомъ, но въ данномъ случаѣ Постанскій не только рѣшилъ вопросъ наперекоръ ея мнѣнію, но даже сдѣлалъ это пренебрежительно, абсолютно игнорируя ея личность, избѣгая разговора съ нею, точно она и не существовала.

Это задѣло ее за живое.

Подъ вліяніемъ слѣпого импульса взволнованной крови, передъ ней замелькало желчное, обостренное чувство, злое и мстительное, выражавшее настоятельную, стихійную потребность вцѣпиться во что-нибудь живое, чтобы притупить раздражавшее остріе въ судорогахъ чужого страданія.

Постанскій ушелъ, но оставалась еще причастная къ этому Марыня.

Хищнически устремивъ свои круглые, потемнѣвшіе отъ злости глаза на ея фигуру, Бэля произнесла довольно медленно, тихимъ и выразительнымъ голосомъ:

— Если бы ты задержала Виктора, какъ мы говорили, даже просили, не пришлось бы теперь любезничать съ этимъ грубіяномъ и развратникомъ, который вмѣстѣ съ тобой вкрался въ нашъ домъ и принесъ несчастье.

Марыня не поняла даже цѣликомъ этого оскорбленія, но почувствовала пронизывающую боль; передъ ней возникали мрачныя воспоминанія о той ужасной минутѣ наканунѣ разлуки. Тѣ же нечеловѣческія усилія самоотреченія для него воскресали изъ прошлаго и навалились на нее, какъ ниспадающая съ горы лавина. Она побѣднѣла, и моргая глазами отъ ужаса, съ печальнымъ лицомъ обиженнаго несправедливо ребенка, ожидала оскорбленія.

Изабелла въ безумной ярости хотѣла еще что-то прибавить, какъ вдругъ передъ нею очутился мужъ.

Она смѣрила его вызывающимъ взглядомъ своихъ синихъ глазъ, но встрѣтила совершенно неожиданный отпоръ.

Въ сѣрыхъ мутныхъ глазахъ Игнатія упорно свѣтился стальной блескъ непреклонной энергіи. Въ сосредоточенныхъ чертахъ лица было что-то грозное.

*

Digitized by Google

Опущенныя брови сомкнулись въ одну прямую линію, и лицо Игнатія сильно напоминало наружность младшаго брата.

— Ни слова, Бэля,—сурово произнесъ онъ,—ни слова больше.... Иди и приготовь все на дорогу такъ, какъ тебѣ подскажетъ успокоенное сердце, а я займусь лошадьми...

Онъ постоялъ еще минуту, точно ожидая чего-то.

Изабэлла опустила глаза; тогда онъ вышелъ.

Послѣ короткаго молчанія, наединѣ, Бэля взглянула украдкой на Марыню, которая старалась вызвать улыбку на своемъ грустномъ лицѣ, но эти старанія искривили ея тонкія губы въ горькую и болѣзненную гримасу, а измученные глаза, казалось, изнемогали подъ напоромъ наводняющихъ слезъ.

При видѣ этого, въ душѣ Изабэллы произошелъ внезапный переворотъ въ лучшую сторону. Она обняла невѣстку и съ плачемъ начала говорить скоро:

— Марыня, пусть громы небесные на меня обрушатся, если я дѣйствительно хотѣла тебя обидѣть! Только этотъ старикашка имѣетъ какую-то особенную способность доводить меня до бѣшенства. Я злая, вспыльчивая, только и онъ несносный, а ты скрытная. Ну, скажи сама. Можетъ быть, я и виновата, только и вы тоже... Я предпочла бы теперь броситься съ пятаго этажа на мостовую, хотя мнѣ это и внушаетъ отвращеніе, лишь бы это все измѣнилось... Поѣзжай, хоть сейчасъ, если хочешь, хоть по правдѣ это не имѣетъ ни на грошъ смысла. Только не сердись!..

— Я не сержусь, Бэля, я только такъ...—прошептала Марыня.

И какъ хрустальныя бусинки, ниспадали одна за другой слезы по ея пылающимъ щекамъ, освобождаясь послѣ долгаго блужданія по орбитамъ раздраженныхъ страданіемъ глазъ.

На другой день утромъ, надлежащимъ образомъ снабженная всевозможными припасами, теплою одеждой и деньгами, сердечно расцѣлованная всѣми, а нѣжнѣе всѣхъ Бэлей, Марыня тронулась въ путь.

Пересиливъ растроганность, вызванную прощаніемъ, она начала возстановлять въ памяти содержимое своего сундучка и, къ своему удовольствію, убѣдилась, что, кромѣ нѣсколькихъ безполезныхъ мелочей, не забыла ничего

Ощупывая висящую черезъ плечо сумочку и чувствуя на груди спрятанный за корсажемъ полотняный мѣшечекъ съ значительною суммою денегъ, Марыня встревожилась при мысли, что ее могутъ обокрасть; затѣмъ ее охватило сомнѣніе, что она не поспѣетъ къ соотвѣтствующему поѣзду. Ей казалось, что она выѣхала слишкомъ поздно; безпокоилась, что лошади бѣгутъ слишкомъ лѣниво, и что этотъ весенній дождикъ, представлявшійся изъ глубины экипажа подвижной сѣткой, дрожащей передъ поднятымъ верхомъ, старается сдерживать движеніе экипажа.

Digitized by Google

Вскорѣ, однако, экипажъ, дѣйствительно, неожиданно остановился, и Марыня увидѣла на фартукѣ большую руку; она узнала ее и впервые замѣтила, что эта, по словамъ Бэли «медвѣжья лапа», очень красива.

Это была большая, мускулистая рука, необыкновенно правильная; длинные, внушительные пальцы на черномъ фонѣ кожанаго фартука производили впечатлѣніе бронзы, вырытой изъ земли, у которой ни царапины, ни наслоенія плѣсени и слежавшейся пыли не могли бы отнять черты художественности.

— Не помѣшаю я тебѣ?—спросилъ, отстегивая фартукъ, Постанскій.

И сейчасъ же прибавилъ, точно желая оправдаться.

— Видишь ли, у меня дѣла на станціи!

— Напротивъ!—поспѣшно освобождая мѣсто, радушно отвѣтила Марыня.

Докторъ, отряхнувъ грубую ватную куртку отъ капель дождя, влѣзъ въ коляску и скомандовалъ:

— Трогай!

Тронулись.

Сердце Марыни охватила волна глубокаго умиленія, когда Постанскій два раза сказалъ ей «ты», хотя, какъ справедливо выражалась Бэля, хлѣбомъ его не корми—только дай возможность вклѣпить кому-нибудь «*ты*».

Къ тому же ей казалось, что необходимо начать какой-нибудь разговоръ; однако, каждый разъ, какъ настойчиво она обращала взоры на Постанскаго, рѣшая заговорить, ея назрѣвшая рѣшимость обрушивалась въ пропасть смутной скорби.

Старикъ сидѣлъ къ ней бокомъ. Она видѣла его выпуклый неподвижный бѣлый глазъ, выдающійся орлиный носъ и правую щеку, всю изрытую морщинами и пересѣченную шрамомъ, точно разодранный вдоль кусокъ старательно исписаннаго пергамента.

Она вглядывалась въ эти черты, какъ въ полустертыя письмена на невѣдомомъ языкѣ. Странное начертаніе этихъ буквъ нашептывало ей непонятные звуки, такіе унылые, какъ дребезжаніе желѣзныхъ листовъ, когда порывистый вѣтеръ пролетаетъ ночью надъ старымъ кладбищемъ, гдѣ уже никого не хоронятъ.

Это была какая-то металлическая рѣчь, полная ржаваго лязга, нечеловѣческій языкъ, такой жесткій, что могъ окровавить изнѣженныя уста.

Такъ ѣхали они долго въ молчаніи.

Первый отозвался Постанскій.

— Такъ!—пробормоталъ онъ про себя, тряхнувъ головою. А потомъ, повернувшись къ Марынѣ всѣмъ лицомъ, рѣзко спросилъ:

— Зачѣмъ ты ѣдешь въ самомъ дѣлѣ?

И не дожидаясь отвѣта, продолжалъ:

Digitized by Google

— Ты упиралась съ самаго начала—знаю! Но, вѣдь, онъ не хотѣлъ, развѣ позднѣе, когда осмотрится на мѣстѣ, и Игнась подрастетъ..... Онъ былъ правъ.... такъ почему-жъ теперь? Вѣдь остаться при немъ ты не можешь и должна вернуться къ ребенку.

— Онъ захворалъ!

— Такъ что же, не думаешь ли ты ухаживать за нимъ?

— Нѣтъ, но присмотрѣть за нимъ, увидѣть, что тамъ...

— Увидѣть!—порывисто прервалъ Постанскій.—Безопаснѣе не смотрѣть. Глазъ, это подлый инструментъ: иной разъ такое увидишь, что потомъ когтями не выскребешь изъ памяти. Такъ глупы эти буркалы,—пробурчалъ докторъ и вдругъ замолкъ.

А черезъ мгновеніе почти гнѣвно спросилъ:

— Такъ значитъ—ѣдешь?

— Вѣдь докторъ самъ...

— Хочешь сказать, что я уговаривалъ, потому что далъ эти письма. Можетъ быть, ну а теперь категорически отговариваю, обдумавъ хорошенько—отговариваю, вопреки собственной выгодѣ—отговариваю, понимаешь! Потому что, если прикажешь повернуть, придется мнѣ плестись на станцію пѣшкомъ, а дождь мороситъ, хоть можетъ и пройдетъ, ибо ранній дождь, что дѣвичьи слезы, ненадолго...

Губы Марыни боязливо задрожали; въ голосѣ доктора звучали зловѣщія предостерегающія ноты, точно отдаленное указаніе на надвигающееся за кровавой добычею несчастье.

— Не прикажу!—тревожно и печально прошептала Марыня.

Докторъ вздохнулъ, махнулъ нехотя рукой и уныло началъ всматриваться въ дождевую мглу.

Въ Марынѣ среди хаоса чувствъ и мыслей внезапно зародилось безпокойство, какъ будто она теперь только поняла, что пускается въ путь далекій и невѣдомый, не зная, зачѣмъ, вполнѣ беззащитная противъ страданій, терзающихъ тѣло и душу того человѣка, который сдѣлался безумной радостью и пламенною скорбью всѣхъ ея чувствъ, умственныхъ и душевныхъ силъ.

Коляска снова остановилась на мгновеніе. Подняли шлагбаумъ, и колеса съ звонкимъ гуломъ перекатились черезъ рельсы. Вскорѣ показалась убогая станція. Оказалось, что до прихода курьерскаго поѣзда остается полчаса. Передъ запертой кассой вели оживленный разговоръ нѣсколько жидковъ въ халатахъ; между громаднымъ окномъ и вѣсами на деревянной скамейкѣ, представляющей залъ третьяго класса, храпѣлъ развалившись мужикъ, въ желтомъ тулупѣ и барашковой шапкѣ, у ногъ его сидѣлъ какой-то бѣднякъ въ длинныхъ сапогахъ и фуражкѣ съ оборваннымъ козырькомъ и тонкой палочкой чертилъ зигзаги на загрязненномъ каменномъ полу.

Въ залѣ второго класса никого не было.

Марыня, расположившись съ вещами на клеенчатомъ диванчикѣ,

Digitized by Google

занялась приведеніемъ въ порядокъ пострадавшей во время ѣзды прически, а Постанскій, осмотрѣвъ всѣ расписанія и выцвѣтшія объявленія, развѣшанныя на стѣнахъ, отправился въ буфетъ, откуда доносился интересовавшій его шумъ.

Приблизившись, онъ увидѣлъ надъ стойкой растрепанную голову красной, полураздѣтой дѣвки, которая, окинувъ доктора любопытнымъ взглядомъ, снова нагнулась и съ бѣшенствомъ и пошлой бранью, начала раздувать упрямый самоваръ.

Постанскій окинулъ глазомъ буфетную стойку, гдѣ подъ запыленнымъ колпакомъ въ сообществѣ нѣсколькихъ высохшихъ обрѣзковъ колбасы гнилъ кусокъ ноздреватаго сыра, оклееннаго серебряной бумагой; дальше стояла бутылка водки, нѣсколько тарелочекъ, съ чѣмъ-то, повидимому, съѣдобнымъ, и искусственная пальма, окруженная кольцомъ бутылокъ крымскаго вина.

Испробовавъ твердость булки, Постанскій махнулъ рукой и отошелъ къ столику съ наклонной доской, оклеенной клеенкой, тамъ виднѣлась чернильница съ воткнутой ручкой.

Въ чернильницѣ было много разныхъ вещей, но такъ мало чернилъ, что докторъ долженъ былъ плюнуть въ середину, чтобы добыть нѣсколько капель мутной жидкости, при помощи которой и заржавѣвшаго пера ему удалось намазать, какъ палкой, телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Какъ здоровье Гинтовта? Жена сегодня выѣзжаетъ. Прошу встрѣтить на станціи, все уладить».

Передъ подписью онъ задумался на минуту и прибавилъ:

«Тотъ самый, что вылечилъ».

— Только помнятъ ли—пробурчалъ онъ, пробѣгая бумагу, досталъ изъ узелка въ платкѣ двѣ смятыя рублевки и вышелъ.

Марыня въ это время достала изъ корзинки свои запасы и, когда докторъ вернулся, предложила ему позавтракать.

Дары Бали были уничтожены исключительно докторомъ, Марыня ограничилась стаканомъ плохенькаго чая, предложеннаго Постанскимъ въ видѣ реванша.

Станція начала понемногу оживляться.

Марыня и Постанскій вышли на платформу и прогуливались въ молчаніи, ожидая поѣзда, который останавливался на этой станціи едва двѣ минуты.

Дождь уже пересталъ, но солнца не было видно, между сѣрымъ небомъ и намокшими холмами порыжѣвшихъ полей висѣли облака сырого тумана, такъ что свѣтъ былъ видѣнъ точно сквозь запотѣвшія стекла.

Вдругъ поднялось лихорадочное движеніе, съ крикомъ «дорогу»! проѣхала желѣзная платформа съ сундучкомъ Марыни; распахнулись двери и вылетѣлъ коренастый брюнетъ въ красной фуражкѣ, по дорогѣ застегивая мундиръ.

Digitized by Google

Около стѣны выросъ, точно изъ земли, бѣдно одѣтый молодой служитель, и застылъ какъ истуканъ, съ разорваннымъ рукавомъ, держа въ рукѣ веревку отъ колокола.

Черезъ минуту раздался звонокъ и съ шумомъ и трескомъ подкатилъ короткій запыхавшійся поѣздъ. Зашумѣлъ выпущенный паръ. На платформу соскочили нѣсколько кондукторовъ, выкрикивая названіе станціи. Какой-то пасажиръ, безъ шляпы, съ чайникомъ въ рукѣ бросился къ дверямъ буфета, но оглушенный новымъ ударомъ звонка, опрометью пустился обратно.

Марыня исчезла за носильщикомъ въ вагонѣ второго класса, но сейчасъ же вернулась обратно на платформу.

— Есть мѣсто для спанья?—спросилъ Постанскій, стоя около ступенекъ вагона.

— Есть, — отвѣтила Марыня задумчивымъ тономъ, хватаясь тоненькими руками за опущенную перекладину перилъ.

Послѣ нѣкоторой паузы, докторъ вдругъ быстро заговорилъ прерывающимся голосомъ, точно ему воздуху не хватало:

— Такъ ты ему скажи, понимаешь!.. Глупости, все минуетъ! Ты, голубка моя, помни, что бы тамъ ни случилось, а у тебя есть Игнасы!.. И я... Помни!..

Простоналъ троекратно звонокъ, раздался оглушительный свистокъ, локомотивъ печально завылъ, вторичный свистокъ пронесся въ воздухѣ; звякнули цѣпи, закачались вагоны.

Постанскій поднялся на носки и поцѣловалъ у Марыни сложенныя руки.

Она вытянула свою точеную ручку, но не могла уже до него достать; докторъ поклонился на прощанье.

Онъ долго слѣдилъ глазами за ея лицомъ и рукою, трепещущей около лица, какъ мотылекъ надъ лепесткомъ цвѣтка, до тѣхъ поръ, пока уносясь въ вихрѣ пара, дыма, стука, скрежетанья желѣза, она не исчезла въ сѣромъ туманѣ.

Гдѣ-то поднялась цвѣтная лапа семафора. Замелькалъ свѣтъ фонаря. Исчезли съ платформы люди. Вдали пронесся рѣзкій звукъ рожка сторожа и смолкъ.

На мгновеніе наэлектризированная станція погрузилась въ обычную дремоту, а докторъ все еще стоялъ, устремивъ мутные глаза въ бесконечную полосу рельсъ, точно загипнотизированный ихъ истертымъ блескомъ.

Послѣ ненастныхъ дней пронеслись два огромныхъ ливня.

Потоки теплаго дождя растопили грязные снѣга, притаившіеся въ оврагахъ, ямахъ и канавахъ, смыли заплѣсневѣвшіе покровы зимы съ земли, а ясное солнце и вереницы птицъ въ голубой вышинѣ возвѣстили о тріумфѣ весны на небѣ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней ландшафтъ измѣнился до неузна-

Digitized by Google

ваемости; сухіе прутья въ паркѣ начали по ночамъ покрываться липкими почками, показывающими мелкіе желто-зеленые листочки, полиняные поля и газоны одѣлись мягкою, нѣжною, зеленою травою.

Снивода, пробужденная птичками, привѣтствовавшими радостнымъ щебетаньемъ ея огромную зеркальную поверхность, колыхала отъ берега къ берегу въ любовномъ ритмѣ, отраженіе лазури.

Дѣти, выпущенныя изъ комнаты, какъ голуби изъ ковчега, несмотря на суровыя назиданія Бэли не сидѣть на сырой землѣ, приходили домой все чаще въ позеленѣвшихъ платьицахъ и приносили съ собой извѣстія о томъ, что липа покрылась листьями, каштанъ уже съ кистями, черемуха побѣлѣла сверху до низу, сѣрая птичка строитъ гнѣздышко въ смородинѣ, дятелъ застучалъ въ темной аллеѣ, а аистъ несъ въ деревню маленькаго ребенка, а можетъ быть, и большую лягушку.

Панъ Боровскій, который еще недавно жаловался на удушье въ груди и предсказывалъ себѣ скорую смерть, вдругъ выздоровѣлъ, вскочилъ верхомъ на чалаго и съ младенческимъ воодушевленіемъ началъ снова разъѣзжать по полямъ, и кричать на работниковъ, точно въ рупоръ.

У Бэли прибавилось работы на скотномъ дворѣ и въ саду «вотъ по сихъ поръ», какъ выражалась она, проводя нѣжнымъ розовымъ пальчикомъ по бѣлой красиво поставленной шеѣ.

А Игнатій, пользуясь теплымъ временемъ, занялся питьемъ Карлсбада.

Для этой цѣли онъ вставалъ въ шесть часовъ утра и, прогуливаясь по парку, каждые полчаса вливалъ въ себя маленькими глотками три кружки воды, которую въ особой посудѣ съ термометромъ разогрѣвалъ старый Янъ, необыкновенно скептически относившійся ко всѣмъ этимъ заморскимъ затѣямъ.

— На тощакъ водка и то ослабляетъ!—ворчалъ онъ, когда Игнатій жаловался на слабость.—А чтожъ послѣ этого такая нѣмецкая вода, да еще гнилая и теплая!..

— Ну, ну, ну!—останавливалъ ворчуна Игнатій, хотя и чувствовалъ, что леченіе идетъ не особенно; однако, онъ это приписывалъ отсутствію покоя.

И дѣйствительно, сначала Бэля изъ заботливости и вниманія устраивала ему нѣсколько разъ на день сцены по поводу не выдержанности діэты, Боровскій допекалъ дѣлами по хозяйству, а ко всему этому присоединялось полное отсутствіе извѣстій отъ Марыни, что его сильно безпокоило.

— На самомъ дѣлѣ можно было бы и доѣхать, и вернуться, а по крайней мѣрѣ ворохъ писемъ написать,—закончила Бэля въ одинъ изъ вечеровъ разговоръ по этому поводу. И испортила мужу всю ночь.

Игнатій до поздней ночи раздумывалъ о причинахъ молчанія Марыни, строя тысячи все менѣе и менѣе правдоподобныхъ предположе-

Digitized by Google

ній, пока не пришелъ къ заключенію, что у него голова кругомъ идетъ отъ усталости и сонливости, потушилъ свѣчу, повернулся къ стѣнѣ и закрылъ глаза, въ которыхъ промельнуло нѣсколько огненныхъ линій.

Ему очень хотѣлось спать, но сонъ не приходилъ; вмѣсто того, разыгравшееся воображеніе въ ночной темнотѣ подымало въ его душѣ настоящую сумятицу; рѣзкіе обрывки давнишнихъ образовъ, воспоминанія о свѣжихъ впечатлѣніяхъ смѣшивались съ отрывками странныхъ понятій и выливались въ какія-то пестрыя фигуры, безформенныя, безсмысленныя, то снова превращались въ нескончаемыя, запутанныя цѣпи, идущія неизвѣстно откуда и куда, безпрерывно кружась и мелькая; временами тѣнь сна отуманивала все его существо и производила фальшивое впечатлѣніе крѣпкаго сна: исчезало все сколько-нибудь похожее на мысль въ дымкѣ сѣраго тумана, въ его клубахъ начинали вырисовываться полувоздушныя, легкія, никогда невиданныя фигуры съ уродливыми туловищами, безобразными головами, вызывающими ужасъ, удушье и страданіе. Тогда Игнатій, обливаясь холоднымъ потомъ, съ нечеловѣческими усиліями срывалъ съ себя тяжкія путы этой летаргіи, открывалъ глаза и не узнавалъ положенія предметовъ въ своей комнатѣ; ему казалось, что онъ лежитъ обернувшись головой къ окну, которое въ то же время свѣтится въ сторонѣ ногъ; онъ ощупывалъ рукой стѣну и понемногу убѣждался, что все находится на своемъ мѣстѣ.

Онъ переворачивался на другой бокъ, старательно прикрывался одѣяломъ, въ отчаяніи сжималъ вѣки и начиналъ считать въ тактъ пульса, бьющагося въ горячихъ вискахъ:

— Разъ, два, три... десять, двадцать!.. Куры кудахчутъ, дерутъ горло, какъ бѣшеныя!.. Чортъ бы ихъ побралъ!.. Письмо Марыни могло и пропасть, какъ тогда отъ отца, и еще такое важное, о деньгахъ...

— Ахъ, я не считаю!.. спохватывается Игнатій и снова начинаетъ считать.

Вотъ онъ въ большомъ залѣ; толпа гостей. Викторъ танцуетъ мазурку съ Марыней, которая хочетъ его выбрать для фигуры; тутъ Игнатій съ ужасомъ замѣчаетъ, что онъ безъ сапогъ, сильно сконфуженный онъ прячется за стулъ, желая скрыть этотъ недостатокъ въ своемъ туалетѣ, и одновременно съ этимъ утѣшается мыслью, что это только сонъ. Вдругъ толпа людей раздвигается и выдвигается фигура Постанскаго, который кладетъ ему руку, на правый бокъ, тяжелую и горячую, какъ кусокъ раскаленнаго желѣза.

Мгновенная пронизывающая боль; зарево пламени, и все ниспадаетъ въ невѣдомую глубину, а онъ послѣднимъ.

Поутру Игнатія разбудилъ старый Янъ.

— Чего тебѣ нужно, чортъ возьми?—заартачился отрезвившійся отъ сильнаго дерганья Игнатій.

Digitized by Google

— Уже седьмой часъ, вода готова! Вы заспались!

— А платье вычистилъ?

— А какъ же!

— Покажи-ка часы!

Оказалось, что уже половина седьмого. Нечего было дѣлать, и Игнатій началъ лѣниво одѣваться.

Онъ чувствовалъ дурной вкусъ во рту, что то безпокоящее въ области печени. Взявъ стаканъ, и съ гримасой на лицѣ, желтый какъ лимонъ, выпивая глотками теплую горьковатую воду, побрелъ въ паркъ.

Утро было ясное; по блѣдному простору неба на крыльяхъ легкаго сѣраго облачка подымалось къ зениту блестящее солнце. Сладко вздыхалъ вѣтеръ. Мясистые, блестящіе листья деревьевъ и кустовъ, опушенные дымкой высыхающей росы, скромнымъ шопотомъ сообщали другъ другу исторію минувшей ночи, весенней ночи любви.

Тамъ и сямъ весело чирикали воробьи; рѣзвыя ласточки, какъ крылатыя пули, пронизывали свѣжій воздухъ.

Значительно выше, точно развѣянный вѣнокъ свѣтлыхъ цвѣтовъ, парило въ лазуревой вышинѣ стадо голубей.

Протянулись острымъ клиномъ утки и исчезли въ камышахъ, надъ которыми бродили еще полосы тумана, нѣжныя какъ паутинныя нити.

Оттуда доносился шумъ и плескъ переливающейся черезъ плизъ воды, сильные, неровные удары лопатокъ, всплески играющей рыбы; а съ противоположнаго берега, изъ свѣтлыхъ купъ березъ и кленовъ, производящихъ на темномъ фонѣ сосенъ впечатлѣніе свѣтлыхъ букетовъ, откликались все время горлицы и часто кукушка.

Въ вышинѣ парилъ бурый коршунъ, сверкая время отъ времени серебристой подкладкой искривленныхъ крыльевъ, точно стальнымъ ятаганомъ.

Гдѣ то вблизи раздался веселый храпъ лошади, а черезъ мгновеніе немного хриплое пѣніе басомъ:

Какъ на рѣчкѣ быстрой
Мала рыбка
Острымъ плавнемъ
Воду разсѣкаетъ!
Воду разсѣкаетъ!
А вдругъ щука настигаетъ,
Настигаетъ
И глотаетъ,
Рыбка погибаетъ,
Ой, да, погибаетъ!

Это панъ Боровскій проѣзжалъ вдоль по берегу Сниводы, и, весело посвистывая въ воздухѣ орѣховымъ прутомъ надъ ухомъ стараго чалаго, оглашалъ блестящую поверхность воды своимъ могучимъ голосомъ.

Былъ бы я большимъ болваномъ,
Да, болваномъ,
Не попробовавъ тебя!

Digitized by Google

Припомнился Игнатію шаловливый конецъ слѣдующей строфы, онъ даже вдругъ развеселился.

Любопытнымъ глазомъ окинулъ онъ все вокругъ и въ немъ отразились наиболѣе сильные тона обширнаго ландшафта: выбивающейся наружу жизни, которая билась вездѣ съ разливающимся эхомъ,—въ согрѣтой щебетаньемъ пташекъ чащѣ зелени, въ сырости жирной земли, волнующейся ржаными побѣгами, въ массѣ чистаго воздуха, трепещущаго и полнаго аромата и золота лучистаго солнца.

Точно освѣжившись этимъ впечатлѣніемъ, Игнатій уже бодро направился въ сторону дома. Одной рукой онъ помахивалъ стакаюмъ въ тактъ звучащему въ ушахъ мотиву, другой хлопалъ по посѣдѣвшей мордѣ Ральфа, всегда сопровождавшаго его въ утреннихъ прогулкахъ.

Осчастливленный лаской песъ быстро махалъ облѣпленнымъ чертополохомъ хвостомъ, подымался на заднія лапы и старался схватить притупившимися зубами руку хозяина, издавая при этомъ какіе то хриплые звуки, долженствующіе изображать писк радости.

Вдругъ Ральфъ выбѣжалъ впередъ, остановился и насторожилъ свои волчьи уши; Игнатій то же пріостановился, услышавъ приближающійся грохотъ неокованной телѣги; черезъ мгновеніе между тополями показались двѣ полысѣвшія, неуклюжія лошадки и возница въ широкой соломенной шляпѣ и мужицкой свиткѣ.

— Сюда, Ральфъ!—позвалъ Игнатій собаку, которая съ лаемъ бросилась впередъ, но добѣжавъ до телѣги перестала и, весело взвизгивая, начала подскакивать къ высоко нагроможденному сидѣнью, гдѣ виднѣлась закутанная женская фигура.

Горячая, боязливая волна разлилась въ груди Игнатія, съ быстротою молніи пронеслось у него въ головѣ предположеніе и сейчасъ же возникло сомнѣніе; онъ ускорилъ шаги, приблизился къ крыльцу и тогда уже вполнѣ убѣдился.

— Марыня!—крикнулъ онъ, подбѣжалъ и обнялъ слѣзающую съ телѣги невѣстку.—Какъ поживаешь, голубка моя, дорогая!—началъ онъ говорить, но нѣжныя слова замерли у него на устахъ отъ холода, которымъ вѣяло отъ этой закутанной женщины.

Въ зимнемъ пальто, въ которомъ выѣхала, въ мѣховой котиковой шапочкѣ она стояла передъ нимъ безучастная, съ точеными, застывшими чертами лица, точно вырѣзанными изъ слоновой кости; ея сѣрые глаза, немного удивленные и неподвижные, были устремлены на лицо Игнатія.

По временамъ ему казалось, что эти глаза оживляются, но это былъ обманъ зрѣнія, вызываемый дрожаніемъ длинныхъ рѣсницъ; они продолжали смотрѣть на него, тупые и остолбенѣвшіе, какъ глаза слѣпого.

— Марыня, что съ тобой? Побойся Бога! Что тамъ съ Викторомъ?—снова принялся разспрашивать Игнатій задыхающимся отъ волненія голосомъ.

Digitized by Google

— Викторъ умеръ!—услышалъ онъ въ отвѣтъ; слова эти были произнесены безъ перерыва, безъ всякаго выраженія, какъ очень длинная фраза. Точно придавленный тяжестью, Игнатій опустился вдругъ на ступени, машинально слѣдя за удаляющимся наверхъ коричневымъ пальто, обшитымъ пепельнымъ мѣхомъ, за оборваннымъ воланомъ черной юбки, который шуршалъ по ступенькамъ, на порогѣ свернулся въ складку и исчезъ въ дверяхъ.

— Викторъ умеръ! — повторилъ невольно, послѣ минуты абсолютной пустоты въ мысляхъ, Игнатій, точно изумленный, и вдругъ почувствовалъ безотлагательную потребность подѣлиться съ Бэлей этимъ неправдоподобнымъ извѣстіемъ.

Онъ поднялся, и спотыкаясь о Ральфа, который путался у него въ ногахъ, вошелъ въ комнату.

— Гдѣ барыня?—крикнулъ онъ на Степку, натирающаго полы.

— Въ кладовой,—снимая ногу со щетки, отвѣтилъ парень, испуганный рѣзкимъ звукомъ своего мягкаго въ обращеніи барина.

Игнатій пробѣжалъ дѣтскую; тамъ всполошилъ причесывающуюся передъ зеркаломъ бонну, панну Флорентину, которая съ пискомъ прячась за ширмы, плотно скрестила худыя руки въ томъ мѣстѣ, гдѣ корсетъ отставалъ отъ плоской, какъ доска, груди; толкнулъ кого-то въ корридорѣ и замедлилъ шаги, услышавъ приподнятый голосъ Бэли:

— Нѣтъ, пойдешь! Кто это опять Ральфа впустилъ? Возьми его!— въ отчаяніи звала она мужа, отталкивая ногой собаку и приподнимая тарелку съ творогомъ.

— Знаешь?

— Что я должна знать?

— Викторъ умеръ!—закончилъ надломленнымъ шопотомъ Игнатій, выбиваясь изъ силъ.

Тарелка со звономъ полетѣла подъ лапы Ральфа, который не преминулъ воспользоваться случаемъ.

Бэля отступила шагъ назадъ и смотрѣла на мужа широко раскрытыми глазами.

— Что ты говоришь?—произнесла она сдавленнымъ отъ ужаса голосомъ.

— Марыня вернулась. Викторъ умеръ, — произнесъ заикаясь Игнатій, снялъ очки и прижалъ руку къ мутнымъ глазамъ.

Бэля поблѣднѣла, оперлась плечами о стѣну и начала повторять:

— Боже, Боже!..

Потомъ быстрымъ движеніемъ приблизилась къ мужу, обняла его обѣими руками за шею и заплакала тихими слезами.

По пожелтѣвшимъ щекамъ Игнатія, изъ угловъ закрытыхъ глазъ потекли тонкія слезы.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Пробужденіе.

Дни идутъ на прибыль,
Ночи—на ущербъ,
Развернулись почки
Опушенныхъ вербъ.
Таетъ... Ненадеженъ
Хрупкій вешній ледъ,
Стаи журавлиной
Слышенъ перелетъ.
Въ небѣ рѣютъ точки...
Сколько ихъ! Не счесть.
Въ крикахъ стаи шумной—
Радостная вѣсть.
Тамъ надъ колокольней—
Первые грачи;
Изъ темницы дольней
Выбились ключи.
И гремятъ побѣдно
Вешнія струи
О борьбѣ великой,
О святой любви.

Гребецъ.

Во мракѣ вѣтеръ бушевалъ,
Грядой клубились тучи,
И грозно шелъ за валомъ валъ,
Вдали чернѣли кручи.
Гребецъ ужъ выронилъ весло,
Изломанъ руль сначала,

Digitized by Google

И вотъ другое унесло,
Волна его умчала.
И легъ пловецъ на дно челна,
Скрестилъ спокойно руки,
Пускай несетъ его волна
Въ страну, гдѣ нѣтъ разлуки.
И пѣсню громкую запѣлъ
Онъ въ честь морской дружины:
— Хвала тому, кто—духомъ смѣлъ
Переплыветъ пучины!
Хвала и гибнущимъ въ пути,
Кого умчали воды!
Лети, ладья моя, лети
Туда, въ страну свободы!

О. Чюмина.

Digitized by Google

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

(*Продолженіе*) *)

II.

Родбертусъ.

Классовые интересы, несомнѣнно, оказали глубокое вліяніе на экономическую науку, но все же политическая экономія далеко не есть простое идеологическое отраженіе классовой борьбы. Интересы различны, но истина одна; интересы рабочаго класса могутъ быть противоположны интересамъ капиталистовъ, но то, что является объективной истиной для капиталиста должно быть объективной истиной и для рабочаго. Законы логики общеобязательны и самый сильный интересъ не можетъ не склониться передъ ними. Не существуетъ двухъ политическихъ экономій — буржуазной и соціалистической, а есть одна наука о народномъ хозяйствѣ, правда, еще очень не совершенная и потому распадающаяся на нѣсколько направленій, но прогрессъ науки заключается въ сближеніи этихъ направленій, различія между которыми хотя и велики, но не настолько, чтобы для объективной и потому единой науки не оставалось мѣста. Теоретическія построенія защитника капиталистическихъ интересовъ Рикардо легли въ основу такъ называемаго научнаго соціализма, долгое время опиравшагося на трудовую теорію цѣнности; въ новѣйшее время многіе выдающіеся теоретики соціализма приняли новую теорію цѣнности, развитую учеными буржуазнаго лагеря. Такимъ образомъ не взирая на различіе классовыхъ интересовъ, объективная и единая наука прокладываетъ себѣ путь, слѣдуя своимъ собственнымъ логическимъ законамъ развитія и повинуясь одному голосу истины.

Ученый можетъ имѣть классовыя симпатіи; но истина — ревнивая богиня, открывающаяся только тому, кто любитъ ее безкорыстной любовью и служитъ ей предпочтительно передъ всѣми другими богами — должна быть для него всего выше. Именно такимъ ученымъ, сумѣвшимъ подняться надъ своими классовыми симпатіями, не пожертвовав-

*) См. «Міръ Божій», февраль 1902 г., № 2.

Digitized by Google

шими ради нихъ ни крупицей истины, былъ одинъ изъ геніальнѣйшихъ экономистовъ XIX вѣка — Карлъ Родбертусъ-Ягецовъ (1805—1875 г.).

По своему происхожденію, общественному положенію, условіямъ жизни и всей жизненной обстановкѣ, этотъ, наряду съ Марксомъ, замѣчательнѣйшій представитель критическаго соціализма былъ совершенно чуждъ рабочимъ классамъ: отецъ его былъ профессоромъ римскаго права въ грейфсвальдскомъ университетѣ. По окончаніи университета Родбертусъ поступилъ на службу по министерству юстиціи. Но вскорѣ онъ вышелъ въ отставку и въ 1832 г. купилъ въ Помераніи крупное дворянское имѣніе Ягецовъ, гдѣ и жилъ, съ небольшими перерывами до конца жизни. Онъ былъ дѣятельнымъ и успѣшнымъ сельскимъ хозяиномъ, благодаря чему пользовался значительнымъ престижемъ среди мѣстнаго дворянства, неоднократно выбиравшаго его на разныя почетныя должности. Въ 1847 г. Родбертусъ былъ представителемъ дворянства въ ландтагѣ. Какъ парламентскій дѣятель, онъ обращалъ на себя вниманіе, главнымъ образомъ, своей горячей преданностью общегерманскимъ національнымъ интересамъ. Революціонныя бури выдвинули нашего ученаго на короткое время на первый планъ политической арены. Онъ съ жаромъ выступилъ на защиту верховныхъ правъ народнаго представительства и національной германской идеи. Когда образовалось умѣренно-прогрессивное министерство Ауэрсвальде-Ганземана, Родбертусъ получилъ въ немъ портфель министра народнаго просвѣщенія.

Но министромъ онъ пробылъ всего нѣсколько дней: реакція скоро восторжествовала и наступилъ періодъ трусливыхъ попытокъ парламентскихъ либераловъ бороться съ прусской солдатчиной. Родбертусъ принималъ нѣкоторое участіе въ этой борьбѣ и издалъ въ началѣ 1849 г. брошюру, въ которой защищалъ права народнаго представительства и отрицалъ законность дѣйствій прусскаго правительства. Въ скоромъ времени онъ былъ избранъ депутатомъ одного берлинскаго округа. Когда собраніе представителей было распущено правительствомъ, Родбертусъ высказался противъ участія своей партіи въ выборахъ и уже больше не принималъ активнаго участія въ политической жизни страны. Онъ сблизился съ консерваторами и разошелся съ либералами: поэтому, когда въ 1862 г. партія прогрессистовъ предложила Родбертусу кандидатуру въ одномъ округѣ, онъ отклонилъ это предложеніе.

Вся его послѣдующая жизнь была посвящена упорному, уединенному научному труду въ деревнѣ и отчасти практической дѣятельности въ качествѣ сельскаго хозяина. Вначалѣ научныя работы Родбертуса не имѣли никакого успѣха; его первая статья «Die Forderungen der arbeitenden klassen» (1837) не была принята газетой, для которой предназначалась, и появилась въ печати только почти полвѣка

Digitized by Google

спустя въ посмертномъ изданіи. «Соціальныя письма» къ Кирхману—работа, въ полномъ смыслѣ, геніальная — были напечатаны въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ и остались совершенно незамѣченными публикою. Только въ 60-хъ годахъ одинокій мыслитель начинаетъ находить друзей и послѣдователей. Съ нимъ завязываетъ сношенія Лассаль, стремившійся, но безуспѣшно, вовлечь Родбертуса въ свою агитацію, поведшую къ образованію германской рабочей партіи. Несмотря на всѣ усилія, Лассаллю не удалось побудить Родбертуса вступить въ члены «Всеобщаго германскаго рабочаго союза». Въ отвѣтъ на одинъ вопросъ комитета союза, Родбертусъ издалъ брошюру, въ которой выразилъ мнѣніе, что рабочіе вполнѣ правы въ своемъ отрицательномъ отношеніи къ ассоціаціямъ Шульце-Делича, но что и рекомендуемыя Лассалемъ производительныя ассоціаціи съ государственной помощью не въ силахъ разрѣшить соціальнаго вопроса. Но въ особенности неодобрительно отнесся Родбертусъ къ тому, что рабочіе, подъ вліяніемъ Лассалля, поставили въ первую очередь своихъ требованій всеобщее избирательное право; политическія задачи—говорилъ Родбертусъ—не должны ни въ какомъ случаѣ заслонять соціальныхъ. Рабочимъ не слѣдуетъ тратить время на блужданіе окольными путями политики, а нужно напрямикъ идти твердымъ шагомъ къ своимъ соціальнымъ цѣлямъ.

Крѣпкая монархическая власть отнюдь не представлялась Родбертусу помѣхой къ достиженію его соціальныхъ идеаловъ. Напротивъ, въ его глазахъ особенностью нашего времени является близость политическаго консерватизма къ экономическому радикализму. Потому Родбертусъ одновременно поддерживалъ сношеніе съ создателемъ нѣмецкой соціалъ-демократіи Лассалемъ и съ консервативными политиками вродѣ Рудольфа Мейера и Вагнера. Онъ искренно вѣрилъ въ утопію соціальной монархіи и думалъ, что прусская королевская власть можетъ взять на себя миссію осуществленія требованій рабочихъ классовъ.

Все это, разумѣется, отнюдь не свидѣтельствуетъ о проницательности Родбертуса, какъ политика, и о глубинѣ его соціально-политическихъ воззрѣній. Его сила лежала въ совершенно иной области, чѣмъ практическая политика—въ области теоретической мысли. Классовыя симпатіи Родбертуса тѣсно связывали его съ консервативными и даже реакціонными общественными элементами, а какъ теоретикъ онъ былъ провозвѣстникомъ общественнаго строя будущаго. Этимъ и объясняется противорѣчивая общественная позиція великаго экономиста.

Родбертусъ былъ крупнымъ землевладѣльцемъ и выступалъ энергичнымъ защитникомъ классовыхъ интересовъ аграріевъ. «Намъ (землевладѣльцамъ) не хватаетъ пониманія своихъ матеріальныхъ интересовъ, чѣмъ обладаетъ въ такой высокой степени капиталъ,—писалъ Родбертусъ въ предисловіи ко второму тому своей книги «Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes» (1868—

Digitized by Google

69).—Намъ не хватаетъ сознанія своего классового интереса, въ то время какъ рабочіе поднимаются, какъ одинъ человѣкъ... Не хотимъ ли мы совсѣмъ сойти съ соціальной сцены, какъ самостоятельный общественный классъ, и тянуться всѣдъ за капиталомъ? Не хотимъ ли мы быть праздными зрителями борьбы между капиталомъ и трудомъ или—что еще хуже—стать слугами капитала?.. Капиталъ стремится къ обезпеченію своей нормальной прибыли, онъ овладѣлъ законодательствомъ и сталъ всемогущимъ, не встрѣчая себѣ никакихъ соперниковъ. Рабочіе начинаютъ группироваться для обезпеченія себѣ нормальной заработной платы, и энергія, съ которой они дѣйствуютъ, гарантируетъ имъ успѣхъ. Послѣдуемъ же этимъ примѣрамъ! Соберемся на защиту своего естественнаго дохода! Соберемся на защиту своей ренты! Почему намъ не можетъ удасться то, что удалось капиталу и что, навѣрное, удастся труду? Съ соціальной точки зрѣнія мы требуемъ не болѣе потребованнаго и достигнутаго уже капиталомъ и трудомъ, а съ національной точки зрѣнія мы имѣемъ еще больше правъ, чѣмъ оба эти класса. Государство должно было бы окончательно попасть во власть капиталу, чтобы не уразумѣть, что землевладѣніе является, или, вѣрнѣе, должно быть единственной соціальной силой, способной по преимуществу представлять національный элементъ общества, а государство, какъ нѣчто цѣлое, основывается на національномъ, а не на соціальномъ началѣ».

Эти строки достаточно выразительно характеризуютъ классовыя симпатіи Родбертуса. Онъ былъ крупнымъ землевладѣльцемъ, и интересъ этого класса, изъ всѣхъ *классовыхъ* интересовъ, былъ ему всего ближе. Родбертусъ былъ — horribile dictu! — аграріи!!! Да, аграріи, представитель наиболѣе реакціонныхъ общественныхъ элементовъ. Для тѣхъ, для кого исторія *только* борьба классовъ, и ничего больше, для этихъ не особенно проницательныхъ господъ міросозерцаніе такого человѣка, какъ Родбертусъ, является совершенно неразрѣшимой загадкой. Аграрій—и въ то же время теоретикъ будущаго хозяйственнаго строя, одинъ изъ творцовъ такъ называемаго «научнаго» соціализма! Рѣшеніе загадки въ томъ, что классовые интересы не могли сковать могучаго полета теоретической мысли великаго экономиста, не могли заглушить его любви къ истинѣ и живого чувства справедливости впереди *классовыхъ* интересовъ для него стояло нѣчто несравненно высшее — интересы *человѣка*, къ какому бы онъ классу ни принадлежалъ, интересы всего общества, какъ цѣлаго. Поэтому аграрныя классовыя симпатіи Родбертуса не помѣшали ему быть однимъ изъ величайшихъ теоретическихъ защитниковъ интересовъ *труда*.

Теоретическія изслѣдованія Родбертуса одинаково замѣчательны какъ по своимъ выводамъ, такъ и по методологическимъ пріемамъ. Для смитовской школы народное хозяйство было огромнымъ собраніемъ автономныхъ частныхъ хозяйствъ, *отдѣльныхъ* хозяйственныхъ цен-

Digitized by Google

тровъ, а общество собраніемъ независимыхъ личностей. *Атомическое* изученіе народохозяйственныхъ процессовъ, въ ихъ составныхъ элементахъ, а не въ цѣломъ, было характерной особенностью методологіи классической школы политической экономіи. Напротивъ, для Родбертуса народное хозяйство есть недѣлимое цѣлое, одинъ живой соціальный организмъ.

«Экономическая наука—говоритъ Родбертусъ во второмъ «Соціальномъ письмѣ» къ Кирхману—вмѣсто того, чтобы исходить изъ положенія, что раздѣленіе труда превратило общество въ неразрывное хозяйственное цѣлое, вмѣсто того, чтобы съ этой точки зрѣнія приступить къ объясненію отдѣльныхъ общественнохозяйственныхъ понятій и явленій, вмѣсто того, наконецъ, чтобы поставить во главу угла понятія національнаго богатства, національнаго производства, національнаго капитала, національнаго дохода и распаденіе послѣдняго на земельную ренту, прибыль на капиталъ и заработную плату, и при помощи этихъ общественныхъ понятій объяснить доли отдѣльныхъ лицъ въ національномъ доходѣ—вмѣсто всего этого, наука о народномъ хозяйствѣ не избѣгла подчиненія утрированному индивидуалистическому направленію нашего времени. Она разорвала въ мелкіе лоскутки то, что, благодаря раздѣленію труда, образуетъ неразрывное цѣлое, соціальное цѣлое, имѣющее реальное значеніе лишь въ качествѣ такого цѣлаго и изъ этихъ лоскутковъ, изъ участія отдѣльныхъ личностей въ цѣломъ, пытается вновь возсоздать понятіе цѣлаго. Она положила въ основаніе своихъ построеній понятіе богатства отдѣльнаго лица, не сообразивъ, что богатство члена общества, связаннаго съ другими членами раздѣленіемъ труда, есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ богатство человѣка, изолированно ведущаго свое хозяйство. Она исходитъ изъ понятія ренты отдѣльнаго землевладѣльца, упустивъ изъ виду, что земельная рента уже предполагаетъ прибыль на капиталъ и заработную плату и что обо всѣхъ этихъ понятіяхъ не можетъ быть и рѣчи, если не исходить изъ представленія обо всемъ современномъ обществѣ и общественномъ доходѣ, *частью* котораго является земельная рента и пр. Современная наука о народномъ хозяйствѣ разсматриваетъ дѣло такъ, какъ будто общество есть просто сумма различныхъ хозяйственныхъ единицъ, математическое, а не моральное, иначе говоря соціальное цѣлое».

Это методологическое требованіе Родбертуса—синтетическаго изученія народохозяйственныхъ процессовъ въ ихъ совокупности, реальномъ взаимодѣйствіи, какъ проявленій жизнедѣятельности единаго общественнаго организма,—не есть, какъ это бываетъ такъ часто съ методологическими принципами, одно благое пожеланіе, не исполняемое самимъ авторомъ на дѣлѣ. Напротивъ, вся теоретическая система Родбертуса вытекаетъ изъ его основной методологической предпосылки.

Digitized by Google

Пользуясь своимъ методомъ, Родбертусъ освѣтилъ совершенно новымъ свѣтомъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ вопросовъ экономической науки.

Въ методологическомъ отношеніи особенно замѣчательно четвертое «Соціальное письмо» къ Кирхману, увидавшее свѣтъ только послѣ смерти автора и изданное въ 1884 г., подъ заглавіемъ «Das Kapital». Въ этой работѣ Родбертусъ поистинѣ геніальной рукой очерчиваетъ три основныхъ типа хозяйства—изолированное хозяйство, мѣновое—капиталистическое и коллективное. Первый изъ этихъ хозяйственныхъ типовъ принадлежитъ прошедшему, послѣдній будущему. Наше время характеризуется господствомъ капиталистическаго хозяйства; и Родбертусъ даетъ неподражаемую, хотя и схематическую картину настоящаго, сравнивая его не только съ тѣмъ, чего уже нѣтъ, но и съ тѣмъ, что еще не наступило.

Изолированное хозяйство не знаетъ раздѣленія труда, а слѣдовательно, и обмѣна. Тѣмъ не менѣе, и это хозяйство предполагаетъ цѣлый рядъ экономическихъ понятій, свойственныхъ всякому хозяйственному процессу, какъ таковому, слѣдовательно совершенно независимо отъ его исторической формы. Эти понятія образуютъ, по терминологіи Родбертуса, *логическія* категоріи хозяйства, иначе говоря категоріи логически связанныя съ самымъ понятіемъ хозяйства, въ отличіе отъ *историческихъ* категорій хозяйства—исторически преходящихъ и смѣняющихся хозяйственныхъ формъ.

Такъ, изолированное хозяйства предполагаетъ экономическія категоріи потребности, средства удовлетворенія потребности, работы, производства, продукта, капитала, въ извѣстномъ смыслѣ дохода, потребленія, оцѣнки продукта по стоимости (труду) и оцѣнки его по потребительной пользѣ. Оно знаетъ основной хозяйственный принципъ: по отношенію къ производству—съ возможно меньшей стоимостью (затратой труда) производить возможно больше продуктовъ, и по отношенію къ потребленію—возможно меньшимъ количествомъ продуктовъ удовлетворять возможно больше потребностей. Поэтому, изолированный хозяинъ можетъ организовать планомѣрное производственное и потребительное хозяйство.

Но хозяйственная дѣятельность изолированнаго хозяина очень проста и ограничивается производствомъ и сохраненіемъ хозяйственныхъ продуктовъ. Никакой особой дѣятельности не требуется въ этомъ случаѣ для установленія размѣра потребностей и поддержанія производства въ соотвѣтствіи съ потребностями; для поддержанія производства въ соотвѣтствіи съ количествомъ средствъ производства; для распредѣленія продукта между производителями и установленія соотвѣтствія между тѣмъ, что каждый даетъ хозяйству и что отъ него получаетъ. Всѣмъ этимъ требованіямъ должно удовлетворять каждое хозяйство, въ томъ числѣ и изолированное, но особенностью изолированнаго хозяйства слѣдуетъ считать то, что указанныя требованія

Digitized by Google

осуществляются въ немъ сами собой, простымъ волевымъ актомъ хозяйствующаго лица. Изолированный хозяинъ непосредственно знаетъ свои потребности, непосредственно располагаетъ средствами производства и непосредственно владѣетъ изготовленнымъ продуктомъ. Поэтому, производство въ изолированномъ хозяйствѣ не можетъ не соотвѣтствовать потребностямъ и средствамъ производства, и доходъ не можетъ не быть равнымъ продукту труда. Весь хозяйственный процессъ совершается въ предѣлахъ двухъ хозяйственныхъ сферъ: производственнаго и потребительнаго хозяйства.

Съ раздѣленіемъ труда положеніе измѣняется до самаго основанія. Отдѣльные хозяева связываются въ единое общество, благодаря чему всѣ категоріи изолированнаго хозяйства получаютъ новое содержаніе и возникаютъ новыя экономическія категоріи, для которыхъ совсѣмъ не было мѣста въ изолированномъ хозяйствѣ. Возникаетъ потребность въ цѣломъ рядѣ новыхъ хозяйственныхъ дѣйствій, связывающихъ отдѣльныя хозяйства въ высшее хозяйственное единство, *народное хозяйство.*

Раздѣленіе труда очень несовершенно изслѣдовано школой Смита, обратившей вниманіе только на индивидуалистическую сторону этого явленія. Смитъ игнорируетъ самое важное въ раздѣленіи труда, именно то, что раздѣленіе труда не раздѣляетъ, а связываетъ отдѣльныхъ хозяевъ. Существенное въ раздѣленіи труда заключается не въ индивидуализмѣ, а въ общности—раздѣленіе труда есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, общность труда. Оно требуетъ, какъ своего естественнаго спутника, *распредѣленія* между производителями продукта, изготовленнаго ими сообща.

Поэтому, «раздѣленіе труда есть матеріальная связь, сплачивающая отдѣльныхъ индивидовъ въ одно общество, подобно тому, какъ мораль и право есть этическая связь, а языкъ и народное сознаніе—умственная связь. Раздѣленіе труда есть одно изъ основаній соціальной жизни, а именно, хозяйственное основаніе, благодаря чему, въ дѣйствительности, каждый работаетъ на всѣхъ и всѣ на каждаго».

Обыкновенно представляютъ дѣло такъ, какъ будто, при господствѣ раздѣленія труда, каждый изготовляетъ особый предметъ потребленія и обмѣниваетъ его на продуктъ работы другого лица. Въ дѣйствительности, дѣло обстоитъ несравненно сложнѣе. Совокупное производство общества, прежде всего, дѣлится на *ступени* производства: производители сырья доводятъ обработку продукта до опредѣленной ступени, и затѣмъ продуктъ поступаетъ другимъ рабочимъ, превращающимъ его въ полуфабрикатъ; слѣдующіе производители дѣлаютъ изъ полуфабриката фабрикатъ; но и это еще не все,—фабрикатъ поступаетъ въ руки окончательныхъ производителей, приспособляющихъ его къ потребленію. Такъ, одни рабочіе собираютъ хлопокъ, другіе превращаютъ его въ пряжу, третьи въ ткань, четвертые въ предметъ

Digitized by Google

одежды. Поэтому, первымъ и основнымъ дѣленіемъ общественнаго труда есть его дѣленіе по *ступенямъ* производства.

Во-вторыхъ, трудъ раздѣляется въ предѣлахъ той же ступени на *отрасли* производства. Производство сырья распадается на земледѣліе, скотоводство, рыболовство, лѣсоводство, горное дѣло и т. д. Въ-третьихъ, каждая отрасль производства слагается изъ отдѣльныхъ *предпріятій*, въ которыхъ, въ-четвертыхъ, трудъ опять подраздѣляется самымъ сложнымъ образомъ.

«Что же является отличительной чертой всѣхъ этихъ подраздѣленій? *Общность* труда, какъ наиболѣе первичное раздѣленіе труда по ступенямъ производства, имѣетъ своимъ результатомъ то, что продуктъ проходитъ черезъ руки всѣхъ, чѣмъ устанавливается общность труда, такъ и раздѣленіе труда въ своемъ завершеніи, въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, въ которыхъ, напр., одинъ рабочій занятъ только тѣмъ, что постоянно шлифуетъ остріе иглы, есть не что иное, какъ трудовая ассоціація, т. е. та-же общность труда. Это—коллективизмъ, правда, еще не правовой, но все же фактическій коллективизмъ, коллективизмъ не потребленія продукта, а производства».

Такими чертами характеризуется въ современномъ мѣновомъ хозяйствѣ сфера производства—первая половина понятія раздѣленія труда. Вторая половина этого понятія—раздѣленіе *продукта*, то, что называютъ *распредѣленіемъ*, имѣетъ, несомнѣнно, больше индивидуалистическій видъ. Но все же и въ этой области индивидуалистическое начало далеко не такъ всемогуще, какъ обыкновенно думаютъ. Прежде всего, индивидуальному раздѣленію между потребителями подпадаетъ только небольшая часть общественнаго продукта—продукты послѣдней ступени производства, окончательно готовые предметы потребленія. Но и изъ этой части далеко не все переходитъ въ обладаніе частныхъ лицъ—общество, въ лицѣ государства и другихъ общественныхъ учрежденій, удерживаетъ себѣ долю, и эта доля — при томъ все возрастающая—поступаетъ въ коллективное пользованіе общества. Это уже не только фактическій, но и правовой коллективизмъ.

Затѣмъ, общественный продуктъ распредѣляется не только между тѣми, кто прямо или косвенно участвовалъ въ его производствѣ, но и между «всѣми членами болѣе широкой, чѣмъ хозяйственной, сферы раздѣленія труда, въ которой хозяйственное раздѣленіе труда образуетъ лишь одну область—чиновниками, военными, духовенствомъ, представителями такъ называемыхъ либеральныхъ профессій, врачами, художниками, учеными» и пр., и пр. Всѣ эти лица не производятъ своимъ трудомъ никакихъ матеріальныхъ цѣнностей, но получаютъ, тѣмъ не менѣе, свою долю общественнаго продукта. «Въ потребленіи участвуютъ всѣ члены общества, производство же средствъ потребленія, хозяйственный трудъ, есть спеціальность нѣкоторыхъ».

Поэтому, и во второй половинѣ раздѣленіе труда—въ распредѣленіи—

Digitized by Google

фактическій коллективизмъ есть хотя и не единственное, но все же господствующее начало!

Мѣновое хозяйство, основанное на раздѣленіи труда, преобразуетъ и видоизмѣняетъ характеръ всѣхъ экономическихъ категорій, знакомыхъ намъ по изолированному хозяйству. Категоріи эти получаютъ новый смыслъ и такимъ образомъ возникаютъ понятія національной потребности, національнаго производства, національнаго продукта, національнаго капитала, національнаго дохода. Всѣмъ имъ присущъ коллективистическій характеръ. «Можно сказать, что и общество начинается съ ограниченія индивидуализма коллективизмомъ, почему сущность общества и состоитъ въ коллективизмѣ. Историческое развитіе общества заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ расширеніи сферы этого коллективизма».

Но кромѣ указанныхъ, мѣновое хозяйство создаетъ цѣлый рядъ новыхъ *историческихъ* категорій, для которыхъ не существовало уже никакихъ аналогій въ изолированномъ хозяйствѣ. Такой категоріей является, прежде всего, *циркуляція продукта*. Такъ какъ участники общественнаго производства многоразличны и разсѣянны въ пространствѣ, то національный продуктъ, раньше чѣмъ поступить потребителю, долженъ переходить изъ рукъ въ руки, подымаясь по ступенямъ производства и переходя отъ однихъ производителей къ другимъ. Эта циркуляція продукта создаетъ три новыхъ экономическихъ категоріи: *цѣнность, деньги и кредитъ*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ потребность въ новыхъ родахъ хозяйственной дѣятельности, совершенно незнакомыхъ изолированному хозяйству. Соотвѣтствіе между размѣромъ производства и потребностями, размѣромъ производства и запасомъ средствъ производства, между изготовленіемъ и полученіемъ продукта устанавливалось въ изолированномъ хозяйствѣ само собою. Теперь же, при раздѣленіи труда, для этого требуется цѣлый рядъ особыхъ дѣйствій, отъ успѣха которыхъ зависитъ и успѣшность всего національнаго хозяйства. Совокупность этихъ дѣйствій и есть предметъ изученія національной экономіи, которая возникаетъ вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда—мѣновымъ хозяйствомъ, и которая до сихъ поръ была «простымъ ученіемъ о естественныхъ законахъ обращенія, предоставленнаго самому себѣ». На самомъ же дѣлѣ, національная экономія должна быть «ученіемъ о хозяйственномъ коллективизмѣ», непосредственно вытекающемъ изъ раздѣленія труда.

Охарактеризовавъ сущность народнаго хозяйства, какъ основаннаго на раздѣленіи труда, Родбертусъ переходитъ къ разсмотрѣнію двухъ типовъ такого хозяйства—не знающаго частной собственности на землю и на капиталъ и покоящагося на такой собственности. Анализъ перваго, коллективистическаго, типа хозяйства, данный Родбертусомъ, весьма замѣчателенъ, но мы на немъ останавливаться не будемъ. Что касается до второго типа—капиталистическаго, то его харак-

Digitized by Google

терной чертой является отсутствіе какого-бы то ни было сознательнаго регулированія народнохозяйственнаго процесса въ цѣломъ—иначе говоря, стихійность всего процесса. «Не положительное право, но силы обращенія, предоставленнаго самому себѣ, управляютъ (въ капиталистическомъ хозяйствѣ) распредѣленіемъ». Двигателями этихъ силъ являются собственники земли и капитала. Они исполняютъ тѣ же общественнохозяйственныя функціи, которыя, при отсутствіи собственности на средства производства, должны были бы исполняться особыми органами общественной власти. Землевладѣльцевъ и капиталистовъ можно разсматривать, поэтому, какъ «прирожденныхъ, наслѣдственныхъ должностныхъ лицъ общества, подобно тому, какъ въ прежнія времена рожденіе и наслѣдованіе давало право замѣщенія многихъ другихъ общественныхъ должностей, до тѣхъ поръ, пока это право—нѣкогда не менѣе законное право, чѣмъ нынѣ земельная и капитальная собственность,—не рухнуло передъ вопросомъ—не лучше ли замѣщать эти должности по особому назначенію, чѣмъ по наслѣдству?»

Каковы же специфическія черты характернаго для капиталистическаго хозяйства способа исполненія народохозяйственныхъ функцій, а именно, черезъ посредство частныхъ лицъ, владѣющихъ средствами производства?

Прежде всего бросается въ глаза одна такая специфическая черта—собственники земли и капитала, подобно другимъ наслѣдственнымъ должностнымъ лицамъ, исполняютъ свои обязанности, прежде всего, въ своихъ интересахъ. Общественный результатъ ихъ дѣятельности есть не что иное, какъ попутное слѣдствіе осуществленія ими ихъ собственныхъ частныхъ выгодъ. Производя тотъ или иной товаръ, они стремятся не къ удовлетворенію общественной потребности, а къ полученію въ наибольшемъ размѣрѣ своего частнаго дохода—ренты.

При этомъ предприниматели-капиталисты не имѣютъ никакой возможности непосредственно знать размѣры общественныхъ потребностей, покрываемыхъ производимыми ими товарами. Вмѣсто такого непосредственнаго знанія, которое было бы возможно лишь въ обществѣ, непосредственно владѣющемъ средствами производства, предприниматели должны довольствоваться болѣе или менѣе вѣроятными догадками относительно будущаго спроса по даннымъ прошлаго спроса. Къ тому же, что еще существеннѣе, *каждый* предприниматель дѣйствуетъ за свой страхъ, ничего не зная о дѣйствіяхъ другихъ. «Какъ частные собственники отдѣльныхъ частицъ національной территоріи и національнаго капитала, они не только безотвѣтственны въ своей дѣятельности передъ обществомъ, но и совершенно независимы другъ отъ друга. Даже болѣе—ихъ частный интересъ побуждаетъ ихъ, по возможности, скрывать свои дѣйствія другъ отъ друга. Если же интересъ побуждаетъ ихъ къ соглашенію, то послѣднее совершается *противъ* общества: они устанавливаютъ монопольныя цѣны».

Digitized by Google

При общественномъ регулированіи хозяйственнаго процесса, соотвѣтствіе между размѣромъ общественнаго производства и размѣромъ общественныхъ производительныхъ силъ устанавливается само собой. При господствѣ же въ хозяйственной сферѣ частныхъ наслѣдственныхъ должностныхъ лицъ (собственниковъ земли и капитала), дѣло принимаетъ совершенно иной видъ. Въ капиталистическомъ обществѣ «недостаточно, чтобы трудъ былъ готовъ къ производству. Не достаточно, чтобы средства производства имѣлись налицо. Сколько бы ни было незанятыхъ рабочихъ, могущихъ быть хорошими прядильщиками, сколько бы шерсти ни изготовили сельскіе хозяева, сколько бы прядильныхъ машинъ ни произвели машинные фабриканты, если всѣмъ этимъ производительнымъ силамъ не противостоитъ капиталистъ, если не находится предпринимателя, обладающаго достаточнымъ состояніемъ, чтобы купить всѣ эти элементы капитала, то рабочіе остаются безъ работы, а средства производства безъ производительнаго употребленія. Ни рабочіе не могутъ найти доступа къ производительной дѣятельности, ни средства производства придти въ движеніе».

Далѣе, если даже и имѣется состоятельный предприниматель, онъ возьмется за дѣло лишь въ томъ случаѣ, если дѣло обѣщаетъ ему достаточный барышъ. Но пусть предпріятіе пошло въ ходъ, и трудъ соединился съ капиталомъ для производительной дѣятельности. Все же нѣтъ никакой гарантіи, что производство приняло, съ точки зрѣнія всего общества, наиболѣе выгодное направленіе, такъ какъ частная собственность ограничиваетъ свободу размѣщенія производительныхъ силъ страны и нерѣдко приковываетъ ихъ къ такому пункту, на которомъ невозможно наиболѣе производительное примѣненіе этихъ силъ.

«Казалось бы, что можетъ быть естественнѣе, разумнѣе, понятнѣе, какъ то, что богатство націи опредѣляется количествомъ объективныхъ средствъ производства, которыми она владѣетъ и которыя она желаетъ утилизировать, и количествомъ труда, моторый она можетъ и желаетъ примѣнить къ дѣлу. Казалось бы, что могло бы быть нелѣпѣе устройства, которое парализовало бы желаніе и возможность производства, осуждало бы готовность къ труду на праздность, машины на бездѣйствіе и матеріалъ производства на порчу? Однако, въ современномъ устройствѣ общества эта нелѣпость есть дѣйствительность. Ни одна нація, при господствѣ частной собственности на землю и капиталъ, не настолько богата, насколько она можетъ быть богата, и разсчетъ Шевалье — что, при равномъ раздѣленіи французскаго національнаго дохода, каждый французъ превратился бы въ бѣдняка — есть, въ дѣйствительности, жесточайшая критика современнаго порядка вещей... Размѣръ національнаго производства не опредѣляется нынѣ размѣромъ имѣющихся средствъ производства, но случайными обстоятельствами, которыя столь же часто позволяютъ, какъ и препятствуютъ

Digitized by Google

пользованію средствами производства. Среди всеобщей нужды, трудъ и капиталъ могутъ быть обществу совершенно безполезны... Но и тогда, когда «конъюнктура» допускаетъ утилизированіе средствъ производства, они не могутъ быть примѣнены наиболѣе производительнымъ образомъ. Ибо частная собственность на землю и капиталъ монополизируетъ даже прогрессъ производительности и нерѣдко ведетъ, при случайности распредѣленія собственности, къ устройству предпріятій тамъ, гдѣ они являются наименѣе производительными».

Такимъ образомъ, даже съ точки зрѣнія производительности общественнаго труда, капиталистическое хозяйство не только не есть идеалъ, какимъ его считаютъ экономисты, но заключаетъ въ себѣ условія, прямо препятствующія полному развитію производительныхъ силъ общества. Съ точки зрѣнія справедливости распредѣленія общественнаго продукта, капиталистическое хозяйство подлежитъ еще болѣе суровой критикѣ.

Ученіе Родбертуса о распредѣленіи народнаго дохода въ капиталистическомъ обществѣ представляетъ собой настоящій шедевръ неумолимо логическаго развитія одной основной идеи — трудовой теоріи цѣнности. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что это ученіе есть не только наиболѣе послѣдовательное, но даже, безусловно, *единственно* послѣдовательное развитіе трудовой теоріи. И Рикардо, и Марксъ были, сравнительно съ Родбертусомъ, эклектиками. Только теорія прибыли на капиталъ — но *не земельной ренты* — построена Рикардо и Марксомъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ теоріей трудовой цѣнности. И лишь въ ученіи Родбертуса теорія какъ прибыли, такъ и земельной ренты находится въ полномъ согласіи съ признаніемъ труда единственнымъ факторомъ цѣнности.

Но мы видѣли, что трудовая теорія цѣнности допускаетъ весьма различныя толкованія. Мы познакомились пока съ двумя варіантами этой теоріи. Согласно общему варіанту (принадлежащему Рикардо), трудъ есть *не единственный, но важнѣйшій объективный факторъ цѣны* свободно воспроизводимыхъ товаровъ. Трудовая теорія цѣнности Рикардо есть въ то же время теорія издержекъ производства: трудъ лишь постольку вліяетъ на цѣны, поскольку онъ опредѣляетъ издержки производства.

По ученію англійскаго экономиста, между относительными затратами труда на производство различныхъ товаровъ и относительными мѣновыми цѣнностями послѣднихъ существуетъ нѣкоторое соотвѣтствіе, но соотвѣтствіе весьма грубое и несовершенное, къ тому же постоянно нарушаемое колебаніями спроса и предложенія. Въ одномъ изъ не такъ давно опубликованныхъ писемъ Рикардо къ Макъ-Куллоху, содержится любопытное мѣсто, проливающее яркій свѣтъ на то, какъ смотрѣлъ творецъ трудовой теоріи цѣнности на свою собственную теорію.

Вотъ это мѣсто. «Я думаю иногда,—пишетъ Рикардо,— что если бы

Digitized by Google

мнѣ пришлось снова написать главу о цѣнности въ моей книгѣ, я призналъ бы, что относительная цѣнность продуктовъ регулируется двумя причинами, а не одной: а именно, относительнымъ количествомъ труда, требующагося для производства данныхъ продуктовъ, и размѣромъ прибыли, получаемой за то время, въ теченіе котораго капиталъ былъ занятъ и которое прошло, пока продукты не поступили на рынокъ». Но не будучи доволенъ своимъ изложеніемъ теоріи цѣнности, Рикардо въ тѣхъ же письмахъ энергично настаиваетъ на справедливости своей основной идеи, что «великимъ (т.-е., строго говоря, главнѣйшимъ. *М. Т.-Б.*) регуляторомъ цѣнности является количество труда, потребнаго для производства оцѣниваемаго предмета».

Такова теорія цѣнности Рикардо. Въ современномъ капиталистическомъ хозяйствѣ трудъ есть важнѣйшій объективный регуляторъ среднихъ товарныхъ цѣнъ. Совершенно иначе понималъ трудовую теорію цѣнности Прудонъ. Для него трудовая цѣнность есть далеко недостигнутый современнымъ обществомъ хозяйственный идеалъ — равнаго и справедливаго вознагражденія рабочихъ. Для Рикардо трудовая теорія есть теорія существующаго капиталистическаго строя; для Прудона— революціонная теорія будущаго, теорія освобожденія пролетаріата.

Кто же изъ двоихъ правъ? Такъ какъ Рикардо и Прудонъ понимаютъ трудовую теорію различно, то оба они могутъ быть правы. Какъ мы видѣли въ предыдущемъ «Очеркѣ», Марксъ противопоставлялъ Рикардо Прудону. Но, конечно, самъ Рикардо никогда не согласился бы, чтобы его теорія доказывала осуществленіе въ современномъ хозяйственномъ строѣ того требованія экономической справедливости, которое выставлялъ Прудонъ. Рикардо призналъ бы, вѣроятно, трудовую цѣнность въ смыслѣ Прудона утопіей, но ужъ, разумѣется, онъ усмотрѣлъ бы въ толкованіи его теоріи Марксомъ безцеремоннѣйшее искаженіе его мыслей. Точно также Прудонъ, называя трудовую теорію цѣнности революціонной теоріей будущаго, охотно бы призналъ, что теорія Рикардо ничего революціоннаго въ себѣ не заключаетъ и всецѣло покоится въ настоящемъ.

Итакъ, мы знаемъ пока двѣ трудовыхъ теоріи цѣнности: одна теорія признаетъ трудъ производства (точнѣе воспроизводства) важнѣйшимъ регуляторомъ среднихъ товарныхъ цѣнъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ; другая теорія конструируетъ понятіе трудовой цѣнности, какъ полной пропорціональности между трудовыми затратами и мѣновыми отношеніями продуктовъ, и признаетъ такую трудовую цѣнность хозяйственнымъ идеаломъ, равнозначущимъ полному господству справедливости въ хозяйственныхъ отношеніяхъ. Обѣ теоріи не противорѣчатъ другъ другу и могутъ быть одновременно вѣрны.

Но существуетъ еще третья трудовая теорія цѣнности, или третій варіантъ этой теоріи. Согласно этой теоріи, или этому варіанту, цѣнность, сама по себѣ, есть ничто иное, какъ общественный трудъ, какъ

Digitized by Google

бы заключенный, кристаллизованный въ трудовомъ продуктѣ. Въ этомъ смыслѣ трудъ есть субстанція, существо, природа цѣнности. Эта абсолютная теорія трудовой цѣнности признаетъ трудъ—и при томъ въ современномъ хозяйственномъ строѣ—не верховнымъ или важнѣйшимъ факторомъ цѣнности, а самой цѣнностью, единственной цѣнностью. Только трудъ—и ничего больше—образуетъ цѣнность—все, что не содержитъ въ себѣ человѣческаго труда, не содержитъ въ себѣ и цѣнности. Эта абсолютная теорія трудовой цѣнности находится въ очевидномъ противорѣчіи какъ съ первымъ варіантомъ трудовой теоріи—по которому трудъ есть одинъ изъ многихъ факторовъ цѣнности—такъ и со вторымъ, по которому трудовая цѣнность есть хозяйственный идеалъ. Ибо если уже *теперь* абсолютная трудовая цѣнность осуществлена, то она не можетъ быть идеаломъ *будущаго*.

Родбертусъ сдѣлалъ болѣе всякаго другого для раскрытія глубочайшаго, до сихъ поръ еще не разъясненнаго, сокровеннаго смысла трудовой теоріи цѣнности, которая поистинѣ играетъ роль загадки сфинкса въ новѣйшей политической экономіи. Уже многочисленность варіантовъ трудовой теоріи цѣнности, а еще болѣе, то весьма любопытное обстоятельство, что трудовая теорія, по мѣрѣ своего развитія, принимала все болѣе абсолютную форму и изъ скромнаго утвержденія, что трудъ есть одинъ изъ многихъ факторовъ цѣнности, превратилась—въ системѣ Родбертуса и Маркса — въ признаніе труда единственной субстанціей цѣнности — заставляетъ думать, что въ трудовой теоріи скрывается какая-то глубокая истина. И именно послѣдняя, новѣйшая форма трудовой теоріи — абсолютная теорія Родбертуса и Маркса, — легче всего доступная критикѣ, опровергнутая тысячи разъ и находящаяся въ вопіющемъ противорѣчіи съ очевиднѣйшими экономическими фактами, является, на нашъ взглядъ, наиболѣе многозначительной. Мы не считаемъ эту абсолютную теорію истинной — слишкомъ очевидны ея натяжки и слишкомъ произволенъ ея основной тезисъ, который не только никогда никѣмъ не былъ доказанъ, но и безусловно недоказуемъ. Опровергнуть эту теорію, повторяемъ, не трудно — и она уже, несомнѣнно, окончательно опровергнута и отвергнута наукой. Но есть же въ этой теоріи какая-то таинственная сила, какое-то непонятное очарованіе, если, несмотря на очевиднѣйшія, какъ дважды два, опроверженія, она продолжаетъ жить и не теряетъ своей власти надъ умами!

Въ чемъ же заключается великая и пока не разгаданная тайна трудовой теоріи цѣнности? Мы постараемся отвѣтить на этотъ вопросъ съ полной точностью и опредѣленностью въ слѣдующемъ «Очеркѣ», посвященномъ Марксу. Теперь же вернемся къ ученію о цѣнности Родбертуса.

Этотъ удивительно ясный, прямо прозрачный, логическій умъ, все построеніе котораго развертывается съ наглядной неотразимостью гео-

Digitized by Google

метрической теоремы, внезапно теряетъ свою ясность и опредѣленность именно въ этомъ центральномъ вопросѣ всякой экономической системы. Несомнѣнно, что Родбертусъ былъ сторонникомъ трудовой теоріи цѣнности. Но въ какомъ ея варіантѣ? На это можетъ быть данъ только одинъ отвѣтъ—во всѣхъ трехъ варіантахъ.

Въ своей первой работѣ «Zur Erkenntniss unserer staatwirthschaftlichen Zustände» (1842 г.) Родбертусъ даетъ весьма замѣчательное обоснованіе трудовой теоріи цѣнности, которое могло бы покончить съ загадкой сфинкса, если бы авторъ не остановился на полдорогѣ. Родбертусъ указываетъ, что въ производствѣ участвуютъ три фактора—трудъ, орудія производства и земля, которые, въ техническомъ смыслѣ, совершенно однородны. Машина замѣняетъ рабочаго и, какъ средство производства, ничѣмъ по существу не отличается отъ рабочаго. Технологія не имѣетъ никакого основанія проводить принципіальное различіе между человѣкомъ и прежними факторами производства. Напротивъ, съ точки зрѣнія политической экономіи, человѣческая рабочая сила принципіально, по самому существу, отличается отъ всѣхъ другихъ производительныхъ агентовъ. Съ экономической точки зрѣнія, единственной затратой производства является человѣческій трудъ — и ничего больше. «Трудъ есть единственный элементъ въ производствѣ благъ, имѣющій значеніе съ точки зрѣнія стоимости. Нужно, однако, выяснить самое понятіе стоимости. Оно содержитъ въ себѣ нѣчто больше простого признанія необходимости чего-либо для производства другого. Оно означаетъ, по самой своей сущности, какъ то, что затрата должна быть сдѣлана,—затрата,—не могущая, поэтому, одновременно служить для чего-либо другого, такъ и то, что затрата эта должна быть сдѣлана опредѣленнымъ лицомъ, не могущимъ поэтому ее повторить. Изъ послѣдняго слѣдуетъ, что лишь человѣкъ что либо можетъ стоить... Матеріалъ не принадлежитъ къ числу затратъ на производство блага, ибо стоимость блага опредѣляется для насъ лишь затратами дѣлаемыми самимъ человѣкомъ».

Поэтому, Родбертусъ считаетъ себя въ правѣ признавать единственной производительной силой трудъ, а землю и капиталъ — лишь условіями производства, непосредственно вліяющими на производительность труда. «Въ каждомъ производствѣ,—говоритъ Родбертусъ въ другой своей книгѣ «Zur Erklärung und Abhülfe der heutigen Creditnoth des Grundbesitzes»,—участвуютъ силы природы; безъ ихъ помощи трудъ не могъ бы ничего произвести; даже болѣе—*технически* матеріальный трудъ участвуетъ въ производствѣ отнюдь не иначе, чѣмъ помогающая ему природа, ибо трудъ сводится къ матеріальному передвиженію части матеріи. Но *экономически* всякій продуктъ, который, благодаря труду, становится для насъ (хозяйственнымъ) благомъ, долженъ быть отнесенъ исключительно на счетъ *человѣческаго труда* благодаря тому, что трудъ есть единственная первоначальная сила и также единственная

Digitized by Google

первоначальная затрата, съ которой считается *человѣческое хозяйство*. Поэтому, тамъ, гдѣ трудъ получаетъ большую помощь отъ природы, *трудъ* дѣлается, съ экономической точки зрѣнія, *производительнѣе*, а не часть трудоваго продукта относится на счетъ силъ природы».

Признаніе труда единственной производительной силой требуетъ признанія, что «только тѣ блага принадлежатъ къ числу хозяйственныхъ, которыя стоили труда... Всѣ прочія блага, какъ бы они ни были необходимы или полезны человѣку, суть *естественныя* блага, до которыхъ человѣческому хозяйству нѣтъ никакого дѣла». (Третье «Соціальное письмо» къ Кирхману).

Каково же соотношеніе между трудовой *стоимостью* и *цѣнностью* продукта?

На это Родбертусъ даетъ противорѣчивые отвѣты. Такъ, онъ категорически утверждаетъ, что «то, что Рикардо признавалъ дѣйствительностью (трудовая цѣнность) есть лишь наше требованіе, есть лишь величайшая и практически-важнѣйшая политико-экономическая идея»; и упрекаетъ Маркса въ томъ, что онъ еще «не освободился отъ индивидуалистической скорлупы, признавая трудовую цѣнность реализованной уже въ нынѣшнемъ хозяйственномъ строѣ, между тѣмъ какъ достигнуть ея реализаціи мы можемъ лишь путемъ законодательства».

При существованіи частной собственности на землю и капиталъ не только рыночныя цѣны не совпадаютъ съ относительными трудовыми затратами на производство продуктовъ, но даже и среднія цѣны *не могутъ* совпадать съ трудовой стоимостью—и по слѣдующей причинѣ. При современныхъ условіяхъ хозяйства большая часть хозяйственныхъ предметовъ, повышаясь по ступенямъ производства, переходитъ изъ одного предпріятія въ другое (въ одномъ предпріятіи добывается сырье, въ другомъ оно превращается въ полуфабрикатъ и т. д.). «Допустимъ—говоритъ Родбертусъ въ своемъ четвертомъ «Соціальномъ письмѣ» къ Кирхману,—что производство извѣстнаго блага раздѣляется на четыре ступени, требующія равнаго количества труда и являющіяся достояніемъ особыхъ предпріятій. Если бы на каждой ступени цѣнность совпадала съ трудовой затратой, то цѣнность, создаваемая на каждой изъ этихъ ступеней производства, должна была бы быть равна. На самомъ же дѣлѣ, послѣдній предприниматель, дающій занятіе не большему числу рабочихъ, чѣмъ первый или второй, долженъ начислить на свой продуктъ большую прибыль, чѣмъ первый и второй. Ибо въ послѣднемъ предпріятіи матеріалъ, поступающій въ обработку стоитъ большаго труда и имѣетъ, поэтому, большую цѣнность, чѣмъ матеріалъ второго предпріятія. Отсюда слѣдуетъ, что если бы продукты второго и послѣдняго предпріятія расцѣнивались пропорціонально затратамъ труда, одинаковымъ въ обоихъ случаяхъ, то процентъ прибыли въ послѣднемъ предпріятіи былъ бы ниже, чѣмъ во второмъ. Но такъ какъ конкуренція требуетъ равныхъ процентовъ прибыли, то и положеніе, что

Digitized by Google

цѣнность пропорціональная трудовой стоимости, гарантируетъ достаточную прибыль капиталисту, должно быть видоизмѣнено. И я не только никогда не смотрѣлъ на этотъ вопросъ иначе — прибавляетъ Родбертусъ—но даже думаю, что я первый между политикоэкономами доказалъ, что въ этомъ случаѣ принимаемый англійской школой законъ тяготѣнія рыночной цѣнности къ трудовымъ затратамъ требуетъ ограниченія».

Иными словами, Родбертусъ указываетъ, что, благодаря закону равенства прибылей, продукты, для производства которыхъ требуется равная затрата труда, но различная затрата капитала, должны имѣть не равную, а различную цѣнность, и именно цѣнность, пропорціональную затратамъ капитала, а не труда. То же самое, только въ болѣе общей формѣ, утверждалъ, какъ мы видѣли, и Рикардо. Поэтому, Родбертусъ безусловно неправъ приписывая себѣ открытіе указаннаго ограниченія закона трудовой расцѣнки и утверждая, что школа Рикардо принимала этотъ послѣдній законъ безъ всякихъ ограниченій. Какъ разъ наоборотъ: ученіе о цѣнности Рикардо покоилось, именно, на этомъ ограниченіи, сущность котораго сводится къ тому, что въ капиталистическомъ хозяйствѣ среднія цѣны тяготѣютъ *не къ трудовымъ затратамъ*, а къ *издержкамъ производства*.

Итакъ, Родбертусъ цѣликомъ принимаетъ ученіе о цѣнности Рикардо, по которому трудъ играетъ въ современномъ хозяйствѣ роль *важнѣйшаго*, но *не единственнаго* регулятора среднихъ цѣнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подобно Прудону, Родбертусъ признавалъ *конституированіе* цѣнности—созданіе такой экономической организаціи, которая прекратила бы колебанія цѣнъ и привела бы ихъ въ строгое соотвѣтствіе съ трудовой стоимостью каждаго продукта—важнѣйшей задачей экономическаго законодательства. Трудовая цѣнность для Родбертуса, какъ и для Прудона, была осуществленіемъ соціальнаго идеала равенства и справедливости, идеала, котораго общество достигнетъ въ полномъ размѣрѣ лишь тогда, когда исчезнетъ частная собственность на землю и капиталъ, и когда «общество замѣнитъ законами разума» дѣйствующіе въ настоящее время такъ называемые «естественные законы».

Все это вмѣстѣ не даетъ, повидимому, никакого права зачислять Робертуса въ число сторонниковъ абсолютной трудовой теоріи, согласно которой трудъ уже и теперь есть единственная субстанція цѣнности. И однако, не взирая на столь категорическія заявленія Родбертуса, не подлежитъ сомнѣнію, что онъ самъ, еще болѣе Маркса, повиненъ въ томъ грѣхѣ, въ которомъ онъ упрекалъ послѣдняго—а именно въ «признаніи трудовой цѣнности реализованной уже въ настоящемъ строѣ».

Вся теорія земельной ренты Родбертуса покоится (какъ мы увидимъ ниже) на абсолютной трудовой теоріи цѣнности. Отвергая эту

Digitized by Google

послѣднюю теорію въ своемъ общемъ ученіи о цѣнности, Родбертусъ исходитъ, именно, изъ нея въ своемъ ученіи о распредѣленіи.

Но и въ ученіи о цѣнности Родбертуса имѣется мостъ, перебрасываемый нашимъ мыслителемъ черезъ бездну, отдѣляющую теорію издержекъ производства отъ абсолютной трудовой теоріи. Этимъ мостомъ является утвержденіе Родбертуса, что трудовая цѣнность, хотя и не реализуется полностью въ современномъ хозяйствѣ, но все же составляетъ центръ, къ которому тяготѣютъ и вокругъ котораго колеблются цѣны. «Хотя рыночная цѣна,—говоритъ Родбертусъ,—подчиняется въ предоставленномъ самому себѣ мѣновомъ хозяйствѣ, владычеству случайнаго спроса и предложенія, все же цѣна, во всякомъ случаѣ, *тяготѣетъ* къ затраченной на производство продукта производительной силѣ, къ стоимости продукта. Цѣна имѣетъ, во всякомъ случаѣ, стремленіе придти въ соотвѣтствіе съ справедливымъ принципомъ оплаты». (Второе «Соціальное письмо»).

«...Цѣнность, въ дѣйствительной жизни рыночная цѣна, то падаетъ ниже центральнаго пункта, устанавливаемаго трудовой затратой, то подымается выше его, потому что въ предоставленномъ самому себѣ обращеніи нѣтъ высшей регулирующей руки... Но рыночная цѣна, по крайней мѣрѣ, постоянно тяготѣетъ къ этому пункту». (Третье «Соціальное письмо»).

Нечего и говорить, что это, безусловно, невѣрно. Трудовая стоимость вовсе не есть центръ притяженія рыночныхъ цѣнъ. Такимъ центромъ притяженія являются въ капиталистическомъ хозяйствѣ отнюдь не трудовыя затраты, а издержки производства — и это призналъ самъ Родбертусъ. (См. вышеприведенную цитату изъ 4-го «Соціальнаго письма»). *Черезъ* издержки производства трудовая затрата могущественно вліяетъ на цѣны, но, *помимо* издержекъ производства, *сама по себѣ* трудовая стоимость не оказываетъ въ капиталистическомъ хозяйствѣ абсолютно никакого вліянія на цѣны. Такова теорія цѣнности Рикардо, принятая и Родбертусомъ.

Но Родбертусу, для его теоріи распредѣленія, требуется абсолютная трудовая цѣнность, и вотъ онъ ее вводитъ контрабаднымъ путемъ, съ задняго хода. Оказывается, что трудовая затрата, сама по себѣ, какимъ-то мистическимъ образомъ, управляетъ средними цѣнами товаровъ. Но если такъ, то какой смыслъ имѣетъ цитированное разсужденіе Родбертуса, убѣдительно доказавшаго, что законъ равенства прибыли препятствуетъ въ современномъ хозяйствѣ совпаденію съ трудовыми затратами даже и среднихъ товарныхъ цѣнъ?

Въ итогѣ, ученіе о цѣнности автора «Соціальныхъ писемъ», несмотря на отдѣльныя глубокія мысли, противорѣчиво и незаконченно. Не подлежитъ сомнѣнію, что Родбертусъ одновременно придерживался взаимоисключающихъ варіантовъ трудовой теоріи. Не довольствуясь признаніемъ абсолютной трудовой цѣнности идеаломъ будущаго, онъ

Digitized by Google

не могъ освободиться отъ мысли, что й въ настоящемъ трудовая цѣнность какимъ-то таинственнымъ образомъ господствуетъ надъ средними цѣнами, и въ то же время придерживался совершенно противоположной теоріи издержекъ производства.

На такомъ зыбкомъ фундаментѣ было бы трудно построить логически-стройную теорію распредѣленія. Но Родбертусъ обходитъ это затрудненіе, разсѣкая гордіевъ узелъ, распутать который онъ оказался не въ силахъ. Онъ какъ бы совершенно забываетъ о томъ, что, по его собственному признанію, регуляторомъ среднихъ цѣнъ является въ настоящее время не трудъ, а издержки производства, онъ исходитъ во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ разсужденіяхъ изъ положенія, что трудовая затрата есть реальный центръ, вокругъ котораго колеблются цѣны—иначе говоря, исходитъ изъ абсолютной трудовой теоріи. Такимъ путемъ Родбертусъ достигаетъ чрезвычайной стройности и послѣдовательности въ своемъ ученіи о распредѣленіи, но въ ущербъ его объективной правильности. Ложная посылка, лежащая въ основаніи всего научнаго зданія, воздвигнутаго Родбертусомъ, привела съ логической неизбѣжностью къ ложному ученію о земельной рентѣ. Поэтому, теорія распредѣленія Родбертуса есть вмѣстѣ и высшее торжество, и уничтожающее пораженіе абсолютной трудовой теоріи цѣнности. Торжество потому, что только теорія Робертуса есть безусловно послѣдовательное, *до самаго конца*, безъ всякихъ ограниченій, развитіе абсолютной трудовой теоріи; пораженіе же потому, что это логическое развитіе оказалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, reductio ad absurdum трудовой теоріи.

Но несмотря на все это, ученіе о распредѣленіи Родбертуса есть одно изъ геніальнѣйшихъ произведеній человѣческаго ума. Оно развито, главнымъ образомъ, во второмъ и третьемъ «Соціальномъ письмѣ» къ Кирхману. Строго слѣдуя своему методу—синтетическаго изученія всего народнаго хозяйства въ совокупности — Родбертусъ объясняетъ происхожденіе составныхъ элементовъ народнаго дохода т.-е., заканчиваетъ дѣло Рикардо, открывшаго взаимную зависимость этихъ элементовъ, ихъ соотношеніе, какъ опредѣленныхъ *долей* общественнаго дохода, но и не ставившаго вопросъ объ ихъ происхожденіи и соціальномъ значеніи. Все это исполнено Родбертусомъ съ неподражаемымъ мастерствомъ.

Результатомъ производительной дѣятельности общества является коллективное созданіе общественнаго продукта. Часть этого общественнаго продукта совсѣмъ не предназначена для общественнаго потребленія и идетъ на возмѣщеніе израсходованнаго и уничтоженнаго во время процесса производства общественнаго капитала—иначе говоря средствъ производства. Другая часть распредѣляется между общественными классами, и прежде всего между тремя классами, непосредственно владѣющими тремя основными производительными факторами—трудомъ, капиталомъ и землей—рабочими, капиталистами и землевладѣльцами. «Рабочая плата, рента, земельная рента, прибыль на ка-

Digitized by Google

питалъ суть соціальные факты и понятія,—говоритъ Родбертусъ,—т.-е. факты и понятія, которые существуютъ лишь потому, что соотвѣтствующія лица соединены узами раздѣленія труда въ одно общество. При принципіальномъ объясненіи заработной платы, ренты и пр. можно, разсматривать всю общественную заработную плату, всю ренту и пр., какъ цѣлое, такъ что можно мыслить все общество, какъ состоящее изъ одного рабочаго, одного землевладѣльца и одного капиталиста. Ибо законы, регулирующіе дальнѣйшее раздѣленіе заработной платы, земельной ренты и прибыли на капиталъ между отдѣльными рабочими, отдѣльными землевладѣльцами и отдѣльными капиталистами суть иные законы, чѣмъ тѣ, которые устанавливаютъ распаденіе общественнаго продукта вообще на рабочую плату, земельную ренту и прибыль».

«Ренту образуетъ всякій доходъ, получаемый безъ собственнаго труда, исключительно въ силу владѣнія имуществомъ. Что такой доходъ имѣется къ обществѣ—это не можетъ быть никѣмъ оспариваемо, хотя нѣкоторые и утверждаютъ, что имущество, которымъ владѣютъ, есть результатъ собственнаго труда владѣльца. Рентой является, поэтому, какъ земельная рента, такъ и прибыль, и процентъ на капиталъ».

Какимъ же образомъ возникаетъ рента? Съ точки зрѣнія Родбертуса, единственной производительной силой является трудъ, всѣ продукты суть продукты труда и только труда. Но, между тѣмъ, рента не есть результатъ труда получающаго ее лица. Слѣдовательно, рента есть часть трудового продукта другого лица. Для возникновенія ренты необходимы два слѣдующихъ основныхъ условія: «Во-первыхъ, не можетъ быть ренты, если трудъ не создаетъ больше того, что требуется, по крайней мѣрѣ, для продолженія труда рабочаго; ибо, если такого избытка нѣтъ, то никто не можетъ получать доходъ, не работая лично. Во-вторыхъ, не можетъ быть ренты, если не имѣется учрежденій, лишающихъ рабочихъ всего или доли этого избытка и передающихъ его другимъ, лично не работающимъ, ибо рабочіе по самому существу дѣла являются первичными обладателями своего продукта. То обстоятельство, что работа даетъ этотъ избытокъ—основывается на хозяйственныхъ причинахъ, повышающихъ производительность труда. То же, что этотъ избытокъ частью или цѣликомъ отбирается у рабочихъ и поступаетъ въ пользу другихъ—основывается на положительномъ правѣ, которое съ самаго своего возникновенія покоилось на силѣ и понынѣ лишь путемъ принужденія лишаетъ рабочихъ части созданнаго ими продукта».

Этой силой, создавшей нетрудовыя формы дохода, первоначально было *рабство*. Рабочіе, изготовлявшіе общественный продуктъ, были рабами своего господина, оставлявшаго рабамъ лишь такую долю ихъ продукта, которая была имъ строго необходима для поддержанія ихъ жизни и работоспособности. Но рабство возникаетъ лишь на опредѣленной ступени развитія производительныхъ силъ общества, благодаря тому, что на болѣе раннихъ ступеняхъ трудъ слишкомъ мало произ-

Digitized by Google

водителенъ и не могъ бы создать никакого избыточнаго продукта для своего господина. Поэтому, наиболѣе первобытныя племена не обращаютъ своихъ плѣнниковъ въ рабство, а просто убиваютъ ихъ.

Въ настоящее время рабства не существуетъ, но отсутствіе средствъ производства у рабочихъ и принадлежность земли и капитала другимъ лицамъ оказываетъ на рабочихъ такое же принудительное дѣйствіе, какъ и рабство. «Приказанія рабовладѣльца замѣнены договоромъ рабочихъ со своимъ хозяиномъ, но этотъ договоръ только формально, а не матеріально, свободенъ, и голодъ почти вполнѣ замѣняетъ плеть. Что называлось раньше кормомъ для рабовъ, теперь называется заработной платой».

Причиной увеличенія производительности труда, сдѣлавшей возможной ренту, было раздѣленіе труда. «Въ изолированномъ состояніи—до раздѣленія труда—наши потребности превосходятъ наши силы; въ общественномъ состояніи—при раздѣленіи труда—наши силы превосходятъ наши потребности». Но вмѣстѣ съ раздѣленіемъ труда возникаетъ и эксплуатація однихъ членовъ общества другими, распаденіе общества на работающіе и неработающіе классы, причемъ послѣдніе присваиваютъ себѣ большую или меньшую долю продукта первыхъ. «Утвержденіе экономистовъ, что, по крайней мѣрѣ, первоначально земля, капиталъ и рабочій продуктъ принадлежали самимъ рабочимъ, не только не согласуется съ исторіей, но даже, наоборотъ, исторія показываетъ, что первоначально не только земля, капиталъ и рабочій продуктъ, но даже и самъ рабочій принадлежали другимъ лицамъ, что первичная система эксплуатаціи была настолько же тяжелѣе современной, насколько рабство тяжелѣе земельной и капитальной собственности».

Получивъ свободу, рабочій не получилъ ничего, кромѣ свободы. Онъ не получилъ ни земли, ни капитала, требуемыхъ для производства. И то, и другое было собственностью другихъ лицъ. Такое положеніе вещей должно было неизбѣжно привести къ тому, что собственники земли и капитала стали руководителями производства и собственниками рабочаго продукта, рабочему было предоставлено пользованіе *частью* произведеннаго имъ продукта, какъ своей заработной платой. «Если трудъ достаточно производителенъ, и существуетъ право собственности на землю и капиталъ, то неизбѣжно должно произойти само собой, что рабочіе будутъ получать, какъ свой доходъ, только часть своего рабочаго продукта, а остальная часть поступитъ въ доходъ землевладѣльцевъ и капиталистовъ».

Такимъ образомъ объясняетъ Родбертусъ происхожденіе ренты—нетрудового дохода вообще. Но въ развитомъ капиталистическомъ хозяйствѣ рента, въ свою очередь, распадается на два различныхъ дохода—доходъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ—прибыль и земельную ренту. На чемъ же основывается это распаденіе?

М. Туганъ-Барановскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

БУКЕРЪ ВАШИНГТОНЪ.

(Автобіографія негра—общественнаго дѣятеля).

(*Окончаніе* *).

VII.

Популярность Букера и огромная способность его, какъ воспитателя и организатора, повели къ тому, что его пригласили устроить школу въ Тёскиджи, тоже для негровъ, по образцу Гамптонской.

Городокъ Тёскиджи находился въ мѣстности, гдѣ негрское населеніе оказывалось преобладающимъ въ своей численности и гдѣ учебное заведеніе для чернокожихъ естественно представлялось самою насущною потребностью времени. Но для негровъ ничего еще не было сдѣлано въ этомъ смыслѣ, и какъ чернокожее, такъ и бѣлое населеніе одинаково стремилось къ этому—въ виду того, что представители обоихъ племенъ хорошо уживались здѣсь другъ съ другомъ. Къ тому времени, о которомъ мы говоримъ, правительство Алабамы постановило наконецъ открытіе въ Тёскиджи общеобразовательной и промышленной школы, а городъ, съ своей стороны, предложилъ этой школѣ ежегодную субсидію въ размѣрѣ двухъ тысячъ долларовъ. Но этой суммы не могло хватить ни на что, кромѣ оплаты учительскаго и воспитательскаго персонала, и вопросъ о томъ, на какія средства соорудить школьное зданіе и обставить его всѣми необходимыми учебными пособіями, оставался открытымъ.

Такимъ образомъ, по прибытіи въ Тёскиджи, Букеръ Вашингтонъ узналъ, что школа существуетъ только въ проектѣ, практическое выполненіе котораго всецѣло ложилось на него. Будущему руководителю школы не было даже приготовлено никакого помѣщенія. Букеръ принужденъ былъ поселиться въ небольшой хижинѣ, находившейся въ такомъ печальномъ состояніи, что въ дождливую погоду ему приходилось завтракать подъ зонтикомъ, а по открытіи занятій—и читать, прикрываясь зонтикомъ, ибо иначе книга совершенно размокла бы отъ потоковъ воды, лившейся сквозь дырявую крышу и потолокъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 1, январь, 1902 г.

Digitized by Google

Однако, прежде, чѣмъ приступить къ занятіямъ и къ дальнѣйшему обсужденію школьнаго проекта, Букеръ нашелъ нужнымъ хорошенько ознакомиться съ истинными нуждами мѣстнаго населенія. Съ этою цѣлью онъ не только обходилъ дома негровъ, живущихъ въ городѣ, но и совершилъ цѣлое путешествіе въ небольшой телѣжкѣ, запряженной муломъ, по мѣстамъ, прилежащимъ къ городу. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца разъѣзжалъ онъ такимъ образомъ изъ одной деревушки въ другую, вступая въ разговоръ съ неграми, проводя ночи въ ихъ хижинахъ и раздѣляя ихъ скудную пищу. Повсюду поражала его при этомъ та же безкультурность, то же невѣжество и то же стремленіе къ благамъ внѣшней, поверхностной цивилизаціи, какія онъ наблюдалъ и раньше въ Мальденѣ.

«Я долженъ признаться,— пишетъ Букеръ,—что все видѣнное мною за этотъ мѣсяцъ моихъ разъѣздовъ и разслѣдованій произвело на меня самое удручающее впечатлѣніе. Предстоящая мнѣ задача возвышенія этого народа показалась мнѣ почти невыполнимой. Она лежала на мнѣ одномъ и мнѣ думалось, что съ моими небольшими силами я не смогу сдѣлать ничего, что дало бы ощутительные результаты».

Однако, всѣ эти сомнѣнія, на время смутившія душу Букера, уступили мѣсто новой рѣшимости. Яснѣе, чѣмъ когда-либо, видѣлъ онъ, что система образованія негровъ должна быть значительно расширена и углублена по сравненію съ общеобразовательною системою американскихъ бѣлыхъ и что новая школа должна взять на себя ту же воспитательную и цивилизующую роль, какую играла школа Гамптона. Но для начала нужно было собрать и начать обучать хоть маленькую горсточку негрской молодежи, которая нетерпѣливо ждала открытія школы. Большинство бѣлаго населенія Тёскиджи, какъ было уже сказано, относилось къ образовательнымъ стремленіямъ негровъ вполнѣ сочувственно. Находились однако и такіе, которые боялись, чтобы, получивъ образованіе, негры не стали отказываться отъ земледѣлія и промышленнаго труда и такимъ образомъ не понизили производительныхъ силъ страны. «Этимъ людямъ трудно было представить себѣ, какое иное воздѣйствіе могло бы произвести на негровъ воспитаніе и образованіе», говоритъ Букеръ.

При такихъ-то условіяхъ состоялось наконецъ, въ іюлѣ 1881 г., открытіе школы. Въ этотъ день въ школу явились тридцать учениковъ, на половину юношей, на половину дѣвушекъ. Число желающихъ обучаться было гораздо значительнѣе, но рѣшено было принимать пока только учениковъ не моложе пятнадцатилѣтняго возраста и при томъ— имѣющихъ уже нѣкоторую образовательную подготовку. Большинство принятыхъ занималось прежде учительствомъ въ маленькихъ деревенскихъ школахъ; нѣкоторые изъ нихъ достигали сорокалѣтняго возраста. Вмѣстѣ съ этими «учителями» явился въ школу и кое-кто изъ ихъ бывшихъ учениковъ, причемъ на вступительномъ экзаменѣ ока-

Digitized by Google

зывалось иногда, что ученики знаютъ больше своего учителя. Въ общемъ познаніи поступающихъ отличались крайнею безсистемностью и обнаруживали отсутствіе какихъ-либо разумныхъ критеріевъ въ дѣлѣ образованія. Многіе изъ экзаменующихся похвалялись толщиною прочитанныхъ ими книгъ и, такъ сказать, мудреностью изучаемыхъ ими предметовъ. Нѣкоторые изъ нихъ учились латинскому языку, одинъ или два пытались даже овладѣть греческимъ языкомъ. Многіе вызубривали самыя сложныя правила грамматики и математики, не имѣя ни малѣйшаго представленія о примѣненіи этихъ правилъ. Одинъ изъ поступающихъ заучилъ формулу извлеченія кубическихъ корней, не зная хорошенько даже таблицы умноженія.

Тѣмъ не менѣе, Букеръ скоро замѣтилъ, что всѣ эти молодые люди были полны любознательности, настоящаго стремленія къ свѣту. Они только не умѣли найти пути, по которому нужно было идти къ нему. Но всѣ указанія учителя принимались ими съ величайшимъ вниманіемъ и готовностью исправить свои ошибки.

Число учениковъ возрастало съ каждою недѣлею. Черезъ полтора мѣсяца послѣ открытія школы на помочь Букеру явилось еще одно лицо, новая учительница школъ, миссъ Оливія Дэвидсонъ, которая впослѣдствіи, сблизившись съ Букеромъ въ процессѣ дружной совмѣстной работы, сдѣлалась его женою. Несмотря на то, что въ своихъ воспоминаніяхъ Букеръ говоритъ о ней весьма сдержанно, не вдаваясь въ подробности, которыя могли бы художественно обрисовать ея обликъ, нельзя не видѣть, что эта молодая негритянка отличалась и умомъ, и нѣжностью сердца, и какою-то особенною, можно сказать принципіальною, выдержкою во всѣхъ своихъ стремленіяхъ и поступкахъ. Она родилась и получила первоначальное воспитаніе въ Огіо, одномъ изъ сѣверныхъ штатовъ, но уже въ очень ранніе годы получила склонность примѣнить свои силы и педагогическія способности въ южныхъ штатахъ, которые дѣйствительно гораздо больше нуждались въ истинныхъ просвѣтителяхъ. Нѣкоторое время она была учительницей въ штатѣ Миссисипи, причемъ проявила рѣдкую сердечность и самоотверженіе въ отношеніи къ своимъ ученикамъ. Но опытъ привелъ ее къ тому же убѣжденію, которое было основою педагогической дѣятельности генерала Армстронга и затѣмъ Букера: она поняла, что одного книжнаго обученія недостаточно для молодого, некультурнаго племени. Чтобы ознакомиться съ болѣе разносторонней системой обученія и воспитанія, она поступила въ Гамптонскую школу, а затѣмъ, окончивъ курсъ ея, дополнила свое образованіе двухгодичнымъ курсомъ нормальной школы въ Фрэмингамѣ. Передъ тѣмъ, какъ она поступила въ Фрэмингамскую школу, кто-то посовѣтовалъ ей, въ виду исключительно бѣлаго для негритянки цвѣта ея лица *), от-

*) Кожа негровъ такъ разнообразится въ своей окраскѣ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ нельзя отличить отъ представителей кавказской расы. *Прим. авт.*

Digitized by Google

речься отъ принадлежности къ негрскому племени и, такимъ образомъ, поставить себя въ гораздо болѣе выгодное положеніе. Миссъ Дэвидсонъ твердо отвѣтила, что никогда въ жизни, ни при какихъ обстоятельствахъ, не согласится она ввести кого-либо въ заблужденіе относительно своей принадлежности къ презираемой расѣ чернокожихъ.

Поступивъ въ качествѣ помощницы Букера въ школу Тёскиджи, она внесла въ дѣло всю свою энергію и цѣлый рядъ разумныхъ мыслей и цѣнныхъ педагогическихъ наблюденій. Легко понять, какое подспорье нашелъ въ ней Букеръ и какъ поднялась въ немъ его собственная энергія. Постоянно занимавшая его идея широкаго практическаго воспитанія непрестанно тревожила его умъ и требовала своего скорѣйшаго осуществленія. Несмотря на то, что всѣ ученики школъ были приходящіе, Букеръ и миссъ Дэвидсонъ сдѣлали все, чтобы повліять на нихъ въ чисто-культурномъ отношеніи, привить имъ привычку къ чистотѣ и порядку, научить ихъ какъ можно сознательнѣе относиться ко всѣмъ мелочамъ обыденной жизни. Но этого было недостаточно. Огромное большинство окрестныхъ жителей и вообще чернокожаго населенія Алабамы и ближайшихъ штатовъ занимались земледѣліемъ. Букеръ и миссъ Дэвидсонъ сошлись въ томъ, что задачею школъ должно быть приготовленіе хорошихъ учителей, но такихъ учителей, которые, на ряду съ книжнымъ преподаваніемъ, могли бы воздѣйствовать на умственную и нравственную жизнь народа въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, вмѣстѣ съ тѣмъ, распространять новые, лучшіе, методы земледѣльческой культуры.

Такимъ образомъ, задача школы выяснилась у обоихъ преподавателей съ полною опредѣленностью. Но средства ея осуществленія были очень неясны и составляли предметъ ихъ постоянныхъ бесѣдъ и размышленій. Въ это время—это было три мѣсяца спустя по открытіи школы—Букеръ услышалъ на городскомъ базарѣ извѣстіе о продажѣ одной заброшенной плантаціи, находившейся на разстояніи одной мили отъ города. Домъ, въ которомъ жили когда-то собственники плантаціи, сгорѣлъ, а потому земля продавалась за очень невысокую цѣну—пятьсотъ долларовъ. Собственникъ ея соглашался даже разсрочить платежъ, ограничившись пока только половиною назначенной суммы. Случай былъ рѣдкій: руководители школъ понимали, что для ихъ цѣлей имъ необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи хоть небольшой клочокъ земли и при томъ, конечно, по близости отъ города. И рѣчь шла только о томъ, чтобы заплатить за эту подходящую имъ землю пока хоть двѣсти пятьдесятъ долларовъ. Но школа не располагала и этими средствами. Тогда Букеру пришла мысль обратиться съ просьбою о временномъ пособіи къ его хорошему знакомому, Дж. Маршалу, состоявшему казначеемъ гамптонской школы. Возвратъ просимой суммы Букеръ рѣшилъ взять на свою личную отвѣтственность.

Digitized by Google

Прошло нѣсколько дней мучительнаго ожиданія. Но зато полученный отвѣтъ содержалъ радостное извѣстіе: не считая себя въ правѣ распоряжаться средствами гамптонской школы, Дж. Маршалъ предлагалъ Букеру взять нужные ему двѣсти пятьдесятъ долларовъ изъ его личныхъ средствъ. «Признаюсь, — говоритъ Букеръ, — до этого времени мнѣ никогда еще не приходилось имѣть въ своихъ рукахъ и ста долларовъ заразъ и, сумма, объ одолженіи которой я просилъ генерала Маршала, казалась мнѣ страшно большой. Сознаніе моей отвѣтственности въ уплатѣ такихъ денегъ легло на мое сердце тяжелымъ камнемъ».

Тѣмъ не менѣе, первый шагъ въ осуществленіи поставленной цѣли былъ теперь сдѣланъ, и къ чувству тяжелой отвѣтственности присоединялась бодрая надежда. Не теряя времени, Букеръ сталъ заботиться о перенесеніи школы на пріобрѣтенную имъ землю. Изъ строеній бывшей фермы здѣсь сохранилась только маленькая полуразвалившаяся кухня, хлѣвъ и курятникъ. Но первоначальное помѣщеніе школы пріучило воспитанниковъ къ невзыскательности, и никто не былъ особенно удивленъ идеей Букера воспользоваться для классныхъ помѣщеній хлѣвомъ и курятникомъ. Оба зданія были починены и старательно вычищены руками самихъ учениковъ подъ руководствомъ и при участіи наставниковъ.

Гораздо труднѣе было Букеру провести другую свою мысль—о немедленной расчисткѣ земли подъ будущій посѣвъ. Понятіе о соединеніи образованія съ земледѣльческимъ трудомъ рѣшительно не укладывалось въ головѣ его воспитанниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, бывшіе уже учителями, полагали даже, что это можетъ уронить ихъ достоинство. Но мало-по-малу Букеру удалось личнымъ примѣромъ примирить ихъ съ этимъ дѣломъ и даже пріохотить ихъ къ физическому труду. Каждый день, послѣ школьныхъ занятій, они выходили на работу, и скоро было расчищено и обработано до двадцати акровъ земли, на которой сдѣланъ былъ первый посѣвъ.

Между тѣмъ, миссъ Дэвидсонъ занялась собираніемъ средствъ для выплаты долга и дальнѣйшаго поддержанія школы. Съ этою цѣлью она устраивала маленькіе «праздники» или «ужины», провизія которыхъ состояла изъ собираемыхъ ею доброхотныхъ пожертвованій и на которыхъ собирались маленькія денежныя пожертвованія въ пользу школы. Не только чернокожее, но и бѣлое населеніе отозвалось на ея призывъ самымъ сердечнымъ образомъ. Всякій давалъ, что могъ и сколько могъ. Однажды въ комнату Букера вошла старая, одѣтая въ лохмотья негритянка и обратилась къ нему съ такою рѣчью: «М-ръ Вашингтонъ! Богу извѣстно, что лучшіе дни моей жизни прошли въ неволѣ. Богу извѣстно, какая я темная и бѣдная... Но все-таки я вѣдь знаю, надъ чѣмъ вы и миссъ Дэвидсонъ такъ стараетесь. Я вѣдь знаю, что вы стараетесь сдѣлать изъ неграновъ хорошихъ людей и хо-

Digitized by Google

рошихъ женщинъ. Денегъ у меня нѣтъ, но вы ужъ не откажитесь взять эти шесть яичекъ, которыя я сберегла. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы вы ихъ взяли, мои шесть яичекъ, на воспитаніе этихъ юношей и этихъ дѣвушекъ». «Со времени основанія школъ въ Тёскиджи,—заключаетъ Букеръ,—мнѣ много разъ приходилось получать разныя пожертвованія въ пользу нашего заведенія, но, кажется, никогда и ни одно изъ нихъ не трогало такъ глубоко моего сердца, какъ приношеніе этой негритянки».

Сборъ пожертвованій и выручка денегъ посредствомъ разныхъ празднествъ шли настолько успѣшно, что по истеченіи трехъ мѣсяцевъ со времени покупки земли, Букеру удалось выплатить долгъ въ двѣсти пятьдесятъ долларовъ генералу Маршалу, а еще черезъ нѣкоторое время уплачены были и отсроченные двѣсти пятьдесятъ долларовъ бывшему собственнику земли.

Такимъ образомъ положено было незыблемое основаніе, на которомъ должны были развернуться широкіе замыслы первыхъ руководителей школы. Но нужно было безостановочно идти дальше. Ученики школы были до сихъ поръ приходящими, а при такихъ условіяхъ нельзя было и думать о воспитаніи ихъ въ широкомъ смыслѣ этого слова. Необходимо было приступить къ сооруженію болѣе или менѣе обширнаго зданія съ хорошо устроенными классами и помѣщеніями для пансіонеровъ. По разсчету Букера, зданіе это должно было обойтись не менѣе, чѣмъ въ шесть тысячъ долларовъ,—а въ кассѣ не имѣлось, конечно, ни одного сента. Всѣ надежды приходилось возложить на сборы и пожертвованія, которые, дѣйствительно, не переставали понемногу притекать какъ отъ бѣлаго, такъ и отъ чернокожаго населенія городка. Къ тому же своевременная расплата за землю, а также и общій характеръ дѣятельности Букера создали уже предпріятію извѣстный кредитъ. Вскорѣ послѣ того, какъ въ населеніи распространилось извѣстіе о сооруженіи школьнаго зданія, къ Букеру явился одинъ торговецъ, изъ бѣлыхъ, и предложилъ поставку всего лѣса, необходимаго для зданія, причемъ единственною гарантіей уплаты являлось слово Букера, а срокъ ея предоставлялся его усмотрѣнію—согласно съ тѣмъ, какъ это окажется возможнымъ и удобнымъ.

Началась работа. Каждый день, по окончаніи классныхъ занятій, Букеръ выходилъ съ учениками для расчистки земли, предназначенной для зданія, и мало по-малу, несмотря на протесты нѣкоторыхъ учениковъ противъ такой тяжелой и черной работы, всѣ втягивались въ дѣло и подвигали его все быстрѣе и успѣшнѣе. Между тѣмъ миссъ Дэвидсонъ продолжала заниматься сборами. Исчерпавъ щедрость мѣстныхъ жителей, она отправилась въ сѣверные штаты, и тамъ, переѣзжая изъ одного города въ другой, неустанно занималась пропагандою дорогой ей идеи. Она не упускала случая выступить съ публичною рѣчью—въ церкви, въ воскресныхъ школахъ, указывая на необходимость

Digitized by Google

широкаго воспитанія для негровъ и прося у всѣхъ добрыхъ людей посильной помощи. Такимъ образомъ собиралась одна сотня долларовъ за другою. Букеръ и его ученики, продолжая работу на мѣстѣ, никогда не знали, что принесетъ завтрашній день, и жили въ постоянной тревогѣ. Бывали моменты, когда они рисковали потерять кредитъ, не имѣя возможности сдѣлать условленнаго платежа. Но бывали также дни, когда необходимая сумма приходила своевременно—словно чудомъ. Однажды, въ день платежа въ четыреста долларовъ, они сидѣли съ пустыми руками, но вотъ пришли почта,—денежный пакетъ, а въ немъ какъ разъ необходимая сумма отъ миссъ Дэвидсонъ.

Закладка зданія была дѣломъ настоящаго торжества для мѣстнаго населенія, и въ этотъ день бѣлые съ умиленіемъ смотрѣли на бывшихъ рабовъ своихъ, напрягавшихъ всѣ усилія для обезпеченія себѣ настоящаго развитія, а чернокожіе, еще не забывшіе времени рабства, ликовали, какъ дѣти, предаваясь надеждамъ на совсѣмъ иныя, лучшія времена.

Букеръ вспоминаетъ объ этомъ днѣ съ величайшимъ умиленіемъ. Онъ твердо вѣрилъ въ успѣхъ своего дѣла. Однако, ничто не гарантировало этого успѣха. Никакіе опредѣленные разсчеты относительно денежныхъ поступленій не были возможны, а сознаніе отвѣтственности было такъ велико. «Я помню,—пишетъ Букеръ,—что въ теченіе перваго года моего труда въ Тёскиджи я ночь за ночью метался въ своей постели не находя сна, терзаясь неизвѣстностью въ денежномъ вопросѣ. Я сознавалъ, что дѣло наше въ значительной степени является экспериментомъ, который долженъ былъ разрѣшить вопросъ о томъ, способны ли негры къ созданію обширнаго воспитательнаго учрежденія. Я сознавалъ, что наша неудача отзовется на всемъ племени. Я сознавалъ, что намъ нужно было побѣдить существующее противъ насъ предубѣжденіе. Я сознавалъ, что если бы за такое предпріятіе взялись бѣлые, всѣ твердо вѣрили бы въ успѣхъ его, тогда какъ въ нашемъ случаѣ успѣхъ долженъ былъ бы вызвать общее удивленіе. И мысли эти тяжкимъ бременемъ лежали на моей душѣ»...

Тѣмъ не менѣе, работа безостановочно продолжалась. Число учениковъ школы возрастало, и на второй годъ пришлось пригласить еще двухъ учителей для преподаванія классныхъ предметовъ. Кромѣ того, школа пріобрѣла еще одного дѣятельнаго руководителя въ лицѣ первой жены Букера, урожденной Фанни Смитъ, которая также окончила курсъ Гамптонской школы и сдѣлалась энергичной помощницей мужа во всѣхъ его сложныхъ обязанностяхъ. Но по истеченіи двухъ лѣтъ супружества, въ 1884 г., она умерла, не дождавшись того дня, когда Букеру суждено было увидѣть первые плоды своихъ героическихъ усилій.

Digitized by Google

VIII.

Съ того самаго момента, какъ для Букера выяснилась программа его дѣятельности въ Тёскиджи, онъ рѣшилъ, что школьныя зданія должны быть воздвигнуты трудомъ его воспитанниковъ. Само собою разумѣется, что ему пришлось выслушать не мало возраженій на эту мысль, и нѣкоторыя изъ этихъ возраженій были довольно существенны. Такъ, напримѣръ ему говорили, что сооруженія, сдѣланныя такими неопытными строителями, будутъ слишкомъ несовершенны и неудобны для жизни. Но, сознавая всю справедливость этихъ словъ, Букеръ твердо стоялъ на своемъ: онъ указывалъ на то, что такая работа можетъ явиться для воспитанниковъ незамѣнимымъ урокомъ въ дѣлѣ самопомощи, а кромѣ того должна пріучить ихъ, при соотвѣтственныхъ указаніяхъ учителя, къ сознательному общенію съ силами природы—воздуха, воды, огня, пара и электричества. Самыя ошибки, неизбѣжныя при такого рода трудѣ, должны быть поучительными уроками для будущихъ работъ воспитанниковъ.

Стоя во главѣ дѣла, Букеръ имѣлъ возможность настоять на осуществленіи этого плана, и опытъ показалъ, что разсчетъ его былъ совершенно правиленъ. При постепенномъ расширеніи предпріятія, одно зданіе воздвигалось за другимъ, и почти всѣ они были сооружены воспитанниками школы. Такимъ образомъ путемъ практическаго обученія, идущаго рука объ руку съ теоретическими занятіями, школа создала, втеченіе двадцати лѣтъ своего существованія, безчисленное множество образованныхъ и опытныхъ работниковъ, способныхъ примѣнять свои познанія въ самыхъ различныхъ спеціальностяхъ, начиная отъ архитектурныхъ плановъ и чертежей и кончая всѣми усовершенствованіями электротехники.

Первая работа, надъ которою приходилось биться неопытнымъ строителямъ при сооруженіи школьнаго зданія, была выдѣлка кирпичей. Въ городѣ не было кирпичнаго завода, а покупать кирпичи изъ другихъ мѣстностей было бы слишкомъ дорого. Къ тому же, кирпичное производство было не менѣе полезнымъ и нужнымъ въ странѣ, чѣмъ всякое другое, и могло имѣть сбытъ на мѣстномъ рынкѣ, давая нѣкоторый заработокъ тѣмъ изъ воспитанниковъ, которые превзойдутъ его. Но работа эта являлась истиннымъ испытаніемъ и для учениковъ, и для самого учителя: приходилось цѣлыми часами стоять по колѣни въ мокрой глинѣ, пачкаться, таскать огромныя тяжести и Букеру съ трудомъ удавалось собственнымъ примѣромъ привлечь воспитанниковъ къ этой, по истинѣ, «грязной работѣ». Нашлось нѣсколько человѣкъ, категорически отказавшихся проходить курсъ наукъ при такихъ условіяхъ и покинувшихъ школу.

Главное затрудненіе для Букера состояло въ томъ, что и самъ

Digitized by Google

онъ былъ совершенно неопытенъ въ дѣлѣ кирпичнаго производства и долженъ былъ учиться заодно со своими воспитанниками. Вначалѣ онъ даже не представлялъ себѣ всѣхъ трудностей этого производства. Но вскорѣ онъ долженъ былъ убѣдиться, что выдѣлка кирпичей, особенно же обжиганіе ихъ, требуетъ очень большого искусства и даже нѣкоторыхъ спеціальныхъ познаній. Послѣ продолжительныхъ поисковъ хорошей глины и подготовительной работы надъ ней, выдѣлано было около двадцати пяти тысячъ кирпичей. Печь для обжиганія ихъ была сооружена также собственными усиліями. Но она скоро дала трещину. Построили новую печь, которая опять оказалась негодною, наконецъ—третью, которую начали обжигать. Но и она развалилась. Эта третья неудача, совершенно обезкуражившая учениковъ, совпала съ моментомъ полнаго безденежья. Однако Букеръ не упалъ духомъ. Онъ вспомнилъ, что у него есть еще маленькое подспорье въ видѣ часовъ, которые можно было заложить, и отправился съ этою цѣлью въ ближайшій городъ, гдѣ имѣлся ломбардъ. По возвращеніи оттуда, съ пятнадцатью долларами въ карманѣ, онъ снова принялся за работу надъ печью и на этотъ разъ — успѣшно. Дѣло пошло на ладъ. Кирпичи стали изготовляться съ надлежащимъ совершенствомъ, и мало-по-малу школьное производство кирпичей пріобрѣло прекрасную репутацію въ окрестностяхъ, такъ что на нихъ начался спросъ. Пріѣзжающіе въ школу за кирпичемъ—чернокожіе и бѣлые—заинтересовывались школою, которая въ короткое время стала приносить столь замѣтные плоды, и мало-по-малу предубѣжденіе негровъ противъ промышленнаго образованія стало разсѣиваться. Однако въ теченіе трехъ лѣтъ существованія школы протестъ противъ «черной работы», какъ со стороны воспитанниковъ, такъ и со стороны ихъ родителей, не прекращался, и Букеру приходилось затрачивать не мало своего природнаго краснорѣчія на борьбу съ бунтовщиками.

Между тѣмъ сооруженіе зданія тоже подвигалось. Въ серединѣ второго года жизни школы часть зданія была приведена уже въ такой видъ, что представлялось возможнымъ поселиться въ немъ. Воспитанники, желавшіе воспользоваться школьнымъ пансіономъ, быстро собирались со всѣхъ сторонъ, несмотря на то, что многія комнаты, какъ напримѣръ, кухня и столовая, были еще совсѣмъ не готовы, а предметы домашняго обихода, мебель, посуда, совершенно отсутствовали и въ классѣ не было денегъ, чтобы пріобрѣсти ихъ. Но и на этотъ разъ Букера выручило довѣріе населенія: мѣстные торговцы стали немедленно предлагать ему кредитъ на провизію и всѣ необходимыя вещи домашняго обихода. Кое-что изъ мебели было изготовлено сейчасъ же руками воспитанниковъ. Приготовленіе кушаній производилось также самими воспитанниками, и вначалѣ очень плохо, такъ что находилось много недовольныхъ и ропщущихъ. Во всемъ чувствовался еще безпорядокъ, всевозможные недочеты. Но мало-по-малу, путемъ

Digitized by Google

неусыпнаго вниманія, терпѣнія и настойчивости, распорядителямъ школы удалось превратить этотъ хаосъ въ опредѣленный, строгій порядокъ. Относительно каждой мелочи приходилось дѣлать указанія, всему нужно было учить и учиться. Каждая отрасль домашнаго быта создавала постепенно своихъ работниковъ-самоучекъ, которые подъ неусыпнымъ надзоромъ руководителей совершенствовались до степени настоящаго мастерства.

Число воспитанниковъ все болѣе и болѣе увеличивалось. Условія поступленія были далеко не обременительны: за полный пансіонъ взималось всего восемь долларовъ въ мѣсяцъ, причемъ въ зачетъ этой платы шли всѣ полезныя для школы работы учениковъ. Число учителей и воспитателей тоже приходилось увеличивать. Вскорѣ по открытіи новоотстроеннаго зданія, не было уже возможности помѣстить въ немъ всѣхъ желающихъ. Тогда Букеръ рѣшилъ выйти изъ затрудненія по примѣру начальника Гамптонской школы, генерала Армстронга, который, при такихъ же условіяхъ, поселилъ новоприбывшихъ воспитанниковъ въ палаткахъ. Букеръ нанялъ для своихъ питомцевъ нѣсколько полуразрушенныхъ хижинъ въ окрестностяхъ школы. Но наступившая зима была исключительно сурова, а примитивно построенныя хижины не представляли почти никакой защиты отъ холода. Недостатокъ средствъ не позволялъ школѣ даже такихъ расходовъ, какъ покупка необходимаго числа матрацовъ и теплыхъ одѣялъ. Воспитанники буквально мерзли, и мысль объ этомъ до такой степени терзала Букера, что въ особенно холодныя ночи онъ самъ не могъ сомкнуть глаза. Иногда онъ вставалъ съ постели и дѣлалъ ночной обходъ хижинъ. Воспитанники сидѣли вокругъ разложеннаго на полу костра, плотно прижавшись другъ къ другу. Многіе изъ нихъ ни на минуту не рѣшались подняться и лечь въ постель, но несмотря на это, Букеру почти не приходилось слышать жалобы. Всѣ видѣли и чувствовали, что руководители школы дѣлали все возможное, понимая, что плата, вносимая за пансіонъ, не покрываетъ расходовъ школы и что самъ Букеръ и его помощники буквально выбиваются изъ силъ въ борьбѣ съ разными затрудненіями.

Отношенія между учащими и учащимися были самыя дружескія, проникнутыя взаимнымъ довѣріемъ и сердечной теплотой. Никогда, за все время существованія школы, говоритъ Букеръ, не приходилось ему слышать какой-либо дерзости отъ воспитанниковъ. Напротивъ, они не пропускали ни одного случая выказать ему свое почтеніе, свою преданность и готовность, чѣмъ можно услужить. Чтобы установить болѣе близкое общеніе съ учениками, Букеръ предлагалъ имъ, два-три раза въ годъ, написать ему въ формѣ простыхъ откровенныхъ писемъ все, что они думаютъ о состояніи школы, о ея недостаткахъ и возможныхъ усовершенствованіяхъ. Послѣ этого онъ назначалъ собраніе, въ которомъ добросовѣстно и серьезно обсуждалъ высказанныя ему мысли,

Digitized by Google

давая при этомъ чувствовать воспитанникамъ, что онъ дѣйствительно считаетъ школу не своимъ личнымъ, а общимъ съ ними дѣломъ, въ которое всякому позволительно внести свою разумную критику и свою инициативу. И никогда не пришлось ему раскаяться въ томъ довѣріи, которое онъ такимъ образомъ оказывалъ своимъ питомцамъ. «Всякій человѣкъ, —говоритъ онъ, — сердечно отзывается на оказанное ему довѣріе, и, быть можетъ, ни къ одной расѣ это не примѣнимо въ большей степени, чѣмъ къ неграмъ. Дайте имъ почувствовать, что вы принимаете въ нихъ безкорыстное участіе, и они охотно послѣдуютъ за вами куда-угодно».

Въ началѣ, какъ мы видимъ, руководителямъ школы приходилось постоянно наталкиваться на протесты учащихся противъ физическаго труда. Но мало-по-малу они привыкли къ системѣ Букера. Научившись дѣлать кирпичи и сооружать дома, они должны были выучиться затѣмъ и еще нѣсколькимъ ремесламъ—для созданія домашней обстановки. Кровати, стулья, столы—все было сдѣлано руками воспитанниковъ. Сначала издѣлія ихъ были крайне грубы и непрочны. Случалось, что при утреннемъ осмотрѣ комнатъ Букеръ находилъ того или другого студента спящимъ на полу, такъ какъ кровать его за ночь совершенно развалилась. Но постепенно и плотничье, и столярное мастерства стали выдвигать въ школѣ способныхъ и полезныхъ работниковъ. Матрацы также дѣлались собственными руками, по преимуществу руками дѣвушекъ. Набивкою имъ служила мелко искрошенная солома или собираемая въ лѣсу хвоя. Съ теченіемъ времени матрасное производство достигло въ школѣ такого развитія, что нашло себѣ хорошій сбытъ на мѣстномъ рынкѣ. Наконецъ, и экипажи, необходимыя школѣ, были самодѣльные, и, какъ это легко себѣ представить, ученикамъ и учителямъ приходилось не мало биться, прежде чѣмъ достигнуть надлежащаго совершенства въ этой отрасли промышленности. Принципъ самодѣятельности и самопомощи проводился въ школѣ съ неотступною послѣдовательностью, какъ и другой педагогическій принципъ Букера—безукоризненной чистоты тѣла и аккуратности въ одеждѣ. Школа, волей-неволей, проводила своихъ воспитанниковъ черезъ разныя лишенія и тяжкій, сначала едва посильный трудъ и въ то же время прививала имъ цѣлый рядъ культурныхъ требованій и привычекъ. «Бѣдность нашу всякій долженъ простить намъ, но неряшества, грязи простить нельзя», говорилъ Букеръ своимъ учителямъ.

IX.

Приливъ учениковъ и ученицъ не прекращался, и если юношей можно было еще разселить по окрестнымъ хижинамъ, то для дѣвушекъ необходимо было болѣе удобное помѣщеніе. И вотъ пришлось рѣшиться

Digitized by Google

на постройку новаго, еще болѣе обширнаго зданія. Смѣта его была исчислена въ десять тысячъ долларовъ. Между тѣмъ, денегъ въ кассѣ, по обыкновенію, не было. Пожертвованій, которыя продолжала собирать миссъ Дэвидсонъ, хватало только на текущіе расходы. Нужно было измыслить для собиранія денегъ какое-нибудь экстренное средство, и Букеръ находился въ величайшемъ смущеніи.

Въ это время на помощь ему явился его старый и вѣрный другъ генералъ Армстронгъ. Онъ уже помогалъ школѣ своего бывшаго воспитанника изъ своихъ личныхъ средствъ. Но средства эти были крайне ограниченны. Теперь онъ предложилъ Букеру слѣдующій своеобразный планъ: они организуютъ квартетъ пѣвцовъ и будутъ въ теченіе мѣсяца, разъѣзжать съ этимъ квартетомъ по сѣвернымъ штатамъ изъ одного большого города въ другой, устраивая послѣ концерта митинги и привлекая къ школѣ Букера общественное вниманіе и общественную благотворительность своими рѣчами. Мы уже знаемъ, что Букеръ съ дѣтства проявлялъ очень выдающіяся ораторскія способности. Отправляясь съ нимъ въ путешествіе, генералъ Армстронгъ далъ ему, относительно искусства краснорѣчія, одно указаніе, которое, по его словамъ, оказало на него живѣйшее воздѣйствіе въ будущемъ: «говорите такъ, чтобы въ каждомъ вашемъ словѣ заключалось какое-либо опредѣленное содержаніе». «Слѣдовать этому указанію, разумѣется, не легко,—пишетъ Букеръ,—однако, его дѣйствительно нужно было бы всегда держаться, выступая съ публичною рѣчью. Съ того времени и до сихъ поръ я постоянно стараюсь имѣть его въ виду».

Въ теченіе мѣсяца генералъ Армстронгъ и Букеръ объѣхали всѣ главные города сѣверныхъ штатовъ—Нью-Іоркъ, Бруклинъ, Бостонъ, Филадельфію и др., и цѣль ихъ поѣздки была достигнута: они собрали порядочную сумму денегъ.

Однако, въ виду возростающихъ потребностей школы и непрерывнаго расширенія предпріятія, Букеру пришлось вскорѣ повторить поѣздку—уже безъ участія генерала Армстронга, и съ тѣхъ поръ этотъ способъ добыванія денегъ сдѣлался у него постояннымъ. «За послѣдніе пятнадцать лѣтъ,—говоритъ онъ,—я принужденъ былъ проводить внѣ школы очень значительную часть года. Изъ моихъ стараній по части собиранія денегъ я вынесъ извѣстный опытъ, который можетъ оказаться небезъинтереснымъ для моихъ читателей. Время отъ времени люди, занимавшіеся сборомъ денегъ на какія-нибудь филантропическія предпріятія, задавали мнѣ вопросъ: какими правилами я руковожусь, стараясь заинтересовать моимъ дѣломъ лицъ, способныхъ оказать ему ту или другую поддержку. Поскольку искусство «выпрашиванья» можетъ быть подведено подъ какія-либо правила, я могу сказать, что руководился двумя правилами. Первое изъ нихъ состоитъ въ томъ чтобы возможно лучше ознакомить съ моимъ дѣломъ тѣхъ лицъ или то общество, къ которому я обращаюсь; второе заключается

Digitized by Google

въ томъ, чтобы ни при какихъ обстоятельствахъ не падать духомъ». Конечно, продолжаетъ Букеръ, не такъ-то легко слѣдовать этому второму правилу, когда тебя постигаетъ неудача въ минуту гнетущей нужды. Однако, жизнь научаетъ понимать, что нельзя безнаказанно давать волю своимъ тревогамъ, ибо онѣ пожираютъ силы, нужныя для самого дѣла. Наилучшихъ результатовъ въ жизни достигаютъ тѣ, которые всегда стараются бодриться, сохранить терпѣніе и самообладаніе.

Разсказывая дальше о своихъ опытахъ по собиранію денегъ, Букеръ совѣтуетъ относиться къ богатымъ людямъ съ крайней деликатностью и довѣріемъ. Не надо забывать, говоритъ онъ, что богатыхъ постоянно осаждаютъ всевозможные просители, и мы никогда не въ правѣ упрекать того или другого богатаго человѣка, на основаніи существующихъ о немъ слуховъ, въ томъ, будто онъ скупъ на свои даянія. Многіе помогаютъ людямъ и какимъ-нибудь учрежденіямъ втайнѣ, скрывая свою благотворительность—одни изъ чисто сердечнаго побужденія, другіе ради того, чтобы хотя нѣсколько оградить себя отъ наплыва безпокойныхъ просителей и разбирательства писемъ. Затѣмъ нужно помнить, что когда рѣчь идетъ о поддержкѣ какого-нибудь предпріятія, «просьба» въ обычномъ смыслѣ этого слова не имѣетъ смысла. Тутъ приходится не «просить», а заинтересовывать, убѣждать человѣка, а потому лицо, собирающее деньги, не должно чувствовать себя въ унизительной роли просителя. Агитаторомъ, а не просителемъ является такой собиратель денегъ на идейное дѣло. «Конечно, тяжело, непріятно, утомительно ходить такъ отъ двери къ двери,—говоритъ Букеръ,—но дѣло это даетъ и свои удовлетворенія. Оно открываетъ рѣдкую возможность для изученія человѣческой природы и предоставляетъ случаи познакомиться съ лучшими представителями человѣческаго рода».

Само собою разумѣется, что Букеру приходилось выносить и много тягостнаго, даже оскорбительнаго отъ людей, къ которымъ онъ обращался. Но—потому ли, что его мягкая и благородная душа болѣе способна запоминать отрадное, чѣмъ злое, или потому, что его самообладаніе и краснорѣчіе вліяли на людей исключительнымъ образомъ и заставили ихъ проявлять себя съ лучшей стороны,—показанія его проникнуты самымъ свѣтлымъ оптимизмомъ. По его мнѣнію, склонность *давать*, дѣлиться своимъ добромъ, быстро прогрессируетъ въ человѣчествѣ, и люди всегда благодарны тому, кто указываетъ разумный исходъ ихъ щедрости.

«Стучите—и отворятъ вамъ!» — вотъ что говорятъ страницы его книги, посвященныя данной сторонѣ его дѣятельности. Терпѣніе и вѣру проповѣдуетъ онъ, основываясь на своемъ многолѣтнемъ жизненномъ опытѣ, и нужно сказать, что простыя, искреннія слова его производятъ чарующее впечатлѣніе. Цѣлый рядъ приводимыхъ имъ примѣровъ, дѣйствительно, представляетъ нѣчто крайне поучительное.

Digitized by Google

Однажды, находясь въ г. Стамфордѣ, въ Коннектикутѣ, онъ услышалъ объ одномъ человѣкѣ, который, судя по разсказамъ, долженъ былъ оказаться щедрымъ филантропомъ. Человѣкъ этотъ жилъ за городомъ. Букеръ отправился къ нему пѣшкомъ въ холодный бурный день и съ трудомъ добился свиданія съ нимъ. Тотъ выслушалъ его съ большимъ интересомъ, но отпустилъ съ пустыми руками. Два года спустя онъ неожиданно получилъ отъ него чекъ на десять тысячъ долларовъ при письмѣ, въ которомъ говорилось слѣдующее: «Я обозначилъ эту сумму, какъ даръ вашей школѣ, въ своемъ завѣщаніи, но думаю, что будетъ гораздо разумнѣе отдать ее вамъ теперь же. Съ удовольствіемъ вспоминаю ваше посѣщеніе ко мнѣ два года тому назадъ».

Деньги эти пришли въ такое время, когда въ нихъ ощущалась особенно острая надобность. «Мы были совсѣмъ измучены недостаткомъ средствъ, и наше нервное напряженіе было ужасно,—говоритъ Букеръ. Трудно представить себѣ положеніе, болѣе изнурительное для нервовъ, чѣмъ положеніе человѣка, который руководитъ большимъ заведеніемъ, запутаннаго въ тяжелыя обязательства, не имѣя никакой увѣренности въ томъ, что онъ своевременно найдетъ деньги, для выполненія этихъ обязательствъ».

Другой примѣръ относится къ извѣстному американскому желѣзнодорожнику, К. П. Гентингтону. Послѣ первой бесѣды съ Букеромъ онъ далъ ему на школу всего два доллара. «Я не осудилъ его за то, что онъ не далъ больше,—пишетъ Букеръ, но сказалъ себѣ, что нужно постепенно убѣдить его въ томъ, что наше дѣло достойно болѣе щедраго пожертвованія». Въ теченіе двѣнадцати лѣтъ онъ прилагалъ свои усилія въ этомъ направленіи. Щедрость Гентингтона, дѣйствительно, возрастала и наконецъ въ послѣднее свиданіе съ Букеромъ, незадолго до своей смерти, онъ пожертвовалъ школѣ огромную сумму въ пятьдесятъ тысячъ долларовъ.

Почти такая же исторія повторилась съ извѣстнымъ американскимъ богачомъ А. Карнеджи, который сначала не выказалъ почти никакого интереса къ школѣ Букера, но мало-по-малу проникался сочувствіемъ къ этому дѣлу, а черезъ десять лѣтъ, когда разросшемуся учебному заведенію нужно было подумать о сооруженіи особаго зданія для библіотеки, пожертвовалъ всю требующуюся для этого сумму въ двадцать тысячъ долларовъ.

Но большая часть денегъ, собиравшихся на поддержаніе и расширеніе школы, состояла все-таки изъ безчисленныхъ маленькихъ приношеній небогатыхъ людей. Никелевыя монетки продолжали стекаться со всѣхъ сторонъ отовсюду, куда проникали извѣстія о великолѣпно поставленномъ дѣлѣ Букера. И чернокожіе и бѣлые съ радостью давали, что могли, на воспитаніе молодого поколѣнія негровъ, потому что результаты достигаемые школою Тёскиджи заставляли вѣрить, что воспитаніе человѣка есть не пустое слово.

Digitized by Google

X.

Первые годы существованія школы, открытой въ 1881 г., были для Букера годами наиболѣе тяжкихъ испытаній и сомнѣній. Но къ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ дѣло, хотя и постоянно нуждавшееся въ средствахъ могло считаться прочнымъ. При всѣхъ невзгодахъ и затрудненіяхъ, Букеръ долженъ былъ чувствовать удовлетвореніе истиннаго успѣха. Къ этому удовлетворенію дѣятеля присоединилось и личное счастье: въ 1885 г. онъ женился на миссъ Оливіи Дэвидсонъ, которая, не переставая работать для школы съ прежнимъ самоотреченіемъ, создала для своего мужа уютную домашнюю жизнь. Въ теченіе этихъ лѣтъ, которые ему суждено было прожить съ нею, онъ испыталъ всѣ радости семейной жизни, составлявшей истинную потребность для его энергичной, но простой и мягкой натуры. Дѣти, которыхъ Букеръ имѣлъ отъ этого брака, всегда составляли для него предметъ нѣжнѣйшихъ заботъ. Но въ 1889 г. Оливія Дэвидсонъ умерла, послѣ четырехъ лѣтъ счастливой супружеской жизни и восьми лѣтъ тяжкаго хотя и успѣшнаго труда на пользу школы. «Она буквально сгорала въ непрерывномъ стремленіи послужить дѣлу, которое она такъ горячо любила», говоритъ о ней Букеръ, вообще крайне сдержанный въ сообщеніяхъ о своей личной жизни и людяхъ близкихъ его сердцу.

Въ эти счастливые годы жизни Букера началась и широкая слава его въ качествѣ публичнаго оратора. Показавъ свое ораторское искусство въ первомъ путешествіи по сѣвернымъ штатамъ, вмѣстѣ съ генераломъ Армстронгомъ, онъ вскорѣ сталъ получать соотвѣтственныя приглашенія отъ разныхъ обществъ. «Я могъ бы сказать,—замѣчаетъ онъ по этому поводу,—что собственно никогда не имѣлъ въ виду удѣлять значительную часть своей жизни публичному ораторству. Стремленіе *дѣлать* что-либо было во мнѣ всегда сильнѣе, чѣмъ стремленіе *говорить*». Однако, онъ понималъ, что успѣхъ его въ качествѣ оратора долженъ былъ содѣйствовать успѣху его жизненнаго дѣла, и не сталъ уклоняться отъ развертывающагося передъ нимъ новаго поприща. Темы его рѣчей всегда находились въ тѣсной связи съ тѣмъ, что составляло предметъ всѣхъ его стремленій. Онъ говорилъ о взаимномъ отношеніи черной и бѣлой расъ, о задачахъ воспитанія, о значеніи разносторонняго труда для развитія нравственнаго характера человѣка.

Первою рѣчью, доставившею ему громкую извѣстность, была рѣчь въ собраніи національнаго педагогическаго общества въ городѣ Мэдисонѣ. Ему пришлось выступить передъ толпою въ четыре тысячи человѣкъ—чернокожихъ и бѣлыхъ, и успѣхъ его сразу обозначился въ самыхъ яркихъ выраженіяхъ. «Въ этой рѣчи,—пишетъ Букеръ,—я говорилъ о томъ, что вся будущность негровъ зависитъ отъ того, сумѣютъ ли они, своими способностями, интеллигентностью и характеромъ за

Digitized by Google

воевать себѣ достойное положеніе въ томъ обществѣ, къ которому они принадлежатъ, сдѣлаться необходимыми членами этого общества. Я сказалъ, что каждый человѣкъ, научившійся дѣлать что-нибудь лучше, чѣмъ другіе—научившійся дѣлать какую-либо *обыкновенную вещь необыкновеннымъ манеромъ*—разрѣшилъ для себя жизненную задачу, независимо отъ цвѣта своей кожи, и что поскол ку негры научатся производить нѣчто полезное и необходимое для другихъ племенъ, постольку они будутъ пользоваться уваженіемъ».

Послѣ этой рѣчи въ національномъ педагогическомъ обществѣ Букеру уже не приходилось сомнѣваться въ своемъ успѣхѣ на поприщѣ публичнаго ораторства. Приглашенія посыпались къ нему со всѣхъ концовъ сѣвера и юга. Однажды, въ 1893 г., онъ былъ въ Бостонѣ, гдѣ ему предстояло говорить въ одномъ изъ обществъ. Въ это время онъ получилъ просьбу выступить съ рѣчью на международномъ съѣздѣ «христіанскихъ работниковъ» въ городѣ Атлантѣ, тысячу миль отъ Бостона. Затрудненіе было тѣмъ значительнѣе, что приглашеніе падало на тотъ день, когда обязательства его по отношенію къ бостонскому обществу не могли еще окончиться. Однако, обдумавъ всѣ обстоятельства, Букеръ рѣшилъ не отказываться отъ предложенія: «Я зналъ,—говоритъ онъ,—что въ собраніи будетъ множество представителей, мужчинъ и женщинъ наиболѣе вліятельныхъ классовъ бѣлаго общества и что я имѣлъ рѣдкій случай ознакомить ихъ съ моимъ предпріятіемъ въ Тёскиджи, а также высказаться о взаимномъ отношеніи обѣихъ расъ». Обслѣдовавъ росписаніе поѣздовъ Букеръ увидѣлъ, что могъ поспѣть еще въ Атланту за полчаса до начала своей рѣчи, а затѣмъ поспѣшить на поѣздъ, чтобы немедленно вернуться въ Бостонъ. При такихъ условіяхъ рѣчь его должна была продолжаться не болѣе пяти минутъ. Планъ этотъ былъ приведенъ имъ въ исполненіе съ величайшимъ успѣхомъ. Пятиминутная рѣчь его вызвала восторгъ слушателей и была предметомъ газетныхъ замѣтокъ по всей странѣ.

Два года спустя, работая въ Тёскиджи, Букеръ получилъ лестное для него предложеніе присоединиться къ депутаціи гражданъ штата Георгія, отправлявшейся въ Вашингтонъ, чтобы испросить у правительства разрѣшеніе на открытіе въ Атлантѣ международной выставки. Рѣчь, которую Букеръ сказалъ при этомъ случаѣ передъ комитетомъ конгресса, была основана на той же, постоянно волнующей идеѣ о необходимости расоваго единенія. «Я сказалъ,—пишетъ онъ,—что выставка въ Атлантѣ дала бы возможность обѣимъ расамъ показать, какой прогрессъ достигнутъ ими со времени освобожденія, и побудила бы ихъ къ дальнѣйшему прогрессу... Я говорилъ въ теченіе пятнадцати или двадцати минутъ, и былъ очень удивленъ, когда по окончаніи рѣчи, члены депутаціи и присутствующіе члены конгресса обратились ко мнѣ съ самыми сердечными поздравленіями. Комитетъ единодушно

Digitized by Google

представилъ благопріятный отзывъ, а черезъ нѣсколько дней билль прошелъ въ конгрессѣ».

Выставка въ Атлантѣ была первою, на которой черная раса заявляла о своихъ успѣхахъ наравнѣ съ бѣлою. Для демонстраціи ея успѣховъ предназначено было особое обширное зданіе, возведенное—начиная съ архитектурнаго плана до послѣднихъ деталей, исключительно неграми. Какъ по техническому совершенству, такъ и по красотѣ, зданіе это не отставало отъ другихъ сооруженій выставки, говоритъ Букеръ. Завѣдующими негрскимъ отдѣломъ были также негры. Эту роль предлагали и ему, но онъ отказался отъ нея, такъ какъ присутствіе его требовалось въ Тёскиджи. Экспонаты, обращавшіе на себя наибольшее вниманіе посѣтителей выставки, исходили изъ школъ Гамптона и Тёскиджи, и бѣлые граждане южныхъ штатовъ разсматривали ихъ съ величайшимъ удивленіемъ.

Открытіе выставки должно было произойти съ особою торжественностью, и въ виду той роли, какую играла на ней черная раса, рѣшено было, что одна изъ торжественныхъ рѣчей при открытіи ея должна быть поручена негру. Выборъ палъ на Букера. «Что я почувствовалъ въ ту минуту, когда получилъ это приглашеніе?—пишетъ онъ.—Я вспомнилъ, что былъ рабомъ, что ранніе годы мои прошли въ глубочайшемъ мракѣ бѣдности и невѣжества, что я не имѣлъ почти никакой возможности подготовиться къ столь отвѣтственной роли, какая предстояла мнѣ теперь. Какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ тому назадъ одинъ изъ присутствующихъ на собраніи бѣлыхъ могъ окликнуть меня, какъ своего раба; быть можетъ, даже кто-нибудь изъ моихъ бывшихъ владѣльцевъ, дѣйствительно, явится сюда и будетъ слушать, какъ я говорю... Я зналъ также, что во всей исторіи негрскаго племени еще ни одинъ представитель его не получалъ приглашенія говорить, по случаю какого-нибудь значительнаго національнаго событія, на одной платформѣ съ бѣлыми представителями юга... Я рѣшилъ, что не произнесу ни одного слова, правдивости и справедливости котораго я не чувствовалъ бы до самой глубины моего сердца». «Газеты сѣвера и юга принялись съ жаромъ обсуждать вопросъ о моей предстоящей рѣчи, и чѣмъ дальше, тѣмъ полемика ихъ становилась ожесточеннѣе. Многія изъ южныхъ газетъ протестовали противъ моего появленія въ качествѣ оратора. Даже отъ моихъ соплеменниковъ я получалъ выраженія неудовольствія по поводу того, что я рѣшаюсь говорить. Я готовился къ своей рѣчи, какъ только могъ, но чѣмъ ближе былъ этотъ день, 18-го сентября, тѣмъ тяжелѣе становилось у меня на сердцѣ и тѣмъ болѣе я опасался, что всѣ мои старанія не приведутъ ни къ чему, кромѣ провала и позора»...

Передъ отъѣздомъ въ Атланту Букеръ сказалъ свою рѣчь передъ товарищами по школѣ. Ихъ одобреніе нѣсколько успокоило его. Но во время путешествія — онъ ѣхалъ со своей семьей — волненіе

Digitized by Google

всѣхъ его спутниковъ, шумные разговоры по поводу его рѣчи въ вагонѣ заставили его опять потерять спокойствіе. Атланта была переполнена пріѣзжими со всѣхъ концовъ свѣта. Повсюду мелькали оффиціальные представители иностранныхъ государствъ, разныхъ военныхъ и гражданскихъ организацій... Въ теченіе ночи Букеръ почти не смыкалъ глазъ. «Поднявшись съ постели,—пишетъ онъ,—я повторяю въ памяти все, что хотѣлъ сказать. Потомъ я сталъ на колѣни и попросилъ Бога благословить мои старанія. Быть можетъ, я смѣю прибавить по этому поводу, что я вообще никогда не вхожу въ собранія, по какому бы то ни было случаю, не помолившись Богу о томъ, чтобы онъ благословилъ все, что я хочу сказать... Было еще очень рано, когда за мною явилась депутація, которая должна была сопровождать меня въ процессіи, направлявшейся къ выставкѣ. Шествіе это продолжалось около трехъ часовъ, а солнце палило все сильнѣе и тягостнѣе. Когда мы достигли выставки, жара вмѣстѣ съ моимъ нервнымъ напряженіемъ довела меня до того, что мнѣ показалось, будто я вотъ-вотъ упаду въ обморокъ.»

Однако, онъ сдѣлалъ усиліе надъ собою и вошелъ въ переполненную народомъ залу. Онъ едва слышалъ, что говорили передъ нимъ другіе, оффиціальные, ораторы. Затѣмъ мѣстный губернаторъ представилъ его собранію и онъ взошелъ на каѳедру.

Все, что происходило дальше, мы передадимъ словами одного изъ присутствовавшихъ въ залѣ, Мг. Крильмана, корреспондента нью-іоркской газеты «World».

«...Въ эту минуту,—пишетъ Крильманъ въ своемъ отчетѣ,—тысячи глазъ приковались къ лицу оратора-негра. Странная вещь происходила передъ нами: черный человѣкъ говорилъ въ защиту своего народа и никто не прерывалъ его. Профессоръ Вашингтонъ подошелъ къ краю эстрады. Заходящее солнце бросало черезъ окно огненные лучи прямо ему въ лицо. Онъ отвернулъ голову, защищаясь отъ ослѣпительнаго свѣта и нѣсколько отступилъ. Потомъ, съ безподобнымъ самообладаніемъ, онъ опять повернулся прямо къ солнцу, не моргнувъ рѣсницами, и началъ говорить.

«Онъ представлялъ собою замѣчательную фигуру: высокій, стройный, съ большимъ лбомъ, тонкимъ носомъ, тяжелымъ подбородкомъ и рѣшительнымъ выраженіемъ рта, съ крупными бѣлыми зубами, пронизывающимъ взглядомъ и повелительными манерами. На его бронзовой шеѣ напряглись жилы, мускулистая правая рука поднялась высоко вверхъ, вмѣстѣ съ судорожно зажатымъ въ кулакѣ карандашомъ. Голосъ его звучалъ ясно и правдиво, а выразительныя паузы придавали рѣчи особенную отчетливость. Черезъ десять минутъ толпа была охвачена безумнымъ восторгомъ—всѣ махали платками, стучали палками, бросали въ воздухъ шляпы. Прелестнѣйшія женщины Георгіи поднялись со своихъ мѣстъ и начали апплодировать. Ораторъ словно

Digitized by Google

околдовалъ ихъ... А когда онъ поднялъ надъ головою свою темную руку съ растопыренными пальцами и сказалъ, обращаясь наполовину къ бѣлымъ, наполовину къ своимъ соплеменникамъ: «Во всѣхъ чисто соціальныхъ вопросахъ мы можемъ быть разъединены, какъ пальцы, но въ томъ, что касается сущности прогресса, должны быть едины, какъ рука!»—въ залѣ поднялся цѣлый ураганъ криковъ — всѣ были на ногахъ, всѣ апплодировали, словно охваченные какимъ-то бредомъ.

«Я слышалъ величайшихъ ораторовъ разныхъ странъ, но и самъ Гладстонъ не могъ бы говорить въ защиту какой-либо идеи съ болѣе захватывающею силою, чѣмъ этотъ угловатый негръ, стоящій въ солнечномъ сіяніи, окруженный людьми, которые нѣкогда стремились заковать въ цѣпи его племя. Голосъ его звучалъ все громче, но выраженіе его серьезнаго лица не измѣнялось. Мощный чернокожій исполинъ выжидалъ, съ горящими глазами и какимъ-то внезапнымъ трепетомъ въ лицѣ, пока не раздался послѣдній, самый яростный взрывъ апплодисментовъ, и вдругъ по лицу его побѣжали слезы. Многіе изъ присутствующихъ въ собраніи негровъ плакали, быть можетъ, сами не зная почему».

Газеты мгновенно разнесли повсюду вѣсть о небываломъ успѣхѣ Букера. При возвращеніи его въ Тёскиджи, на каждой станціи ожидала его толпа чернокожихъ и бѣлыхъ, желавшихъ пожать ему руку. Президентъ штатовъ, Клевеландъ, написалъ ему, въ отвѣтъ на присылку печатнаго текста рѣчи, самое теплое и лестное письмо. Различныя общества предлагали ему баснословныя суммы за какую-нибудь рѣчь на ихъ каѳедрѣ, газеты и журналы выпрашивали у него какой-нибудь замѣтки. Для Букера настали дни настоящей славы.

XI.

Конечно, среди глубокаго душевнаго удовлетворенія у Букера бывали и минуты испытаній. У славы бываютъ свои неизбѣжные приливы и отливы. Бурныя похвалы однихъ вызываютъ критику другихъ. Такъ случилось и теперь—послѣ перваго далеко прошумѣвшаго успѣха Букера въ Атлантѣ. Нѣкоторыя негрофобскія газеты набросились на него съ особенною яркостью и стали упрекать комитетъ выставки за допущеніе негра къ роли публичнаго оратора. Но въ этомъ не могло быть ничего неожиданнаго для Букера: онъ слишкомъ хорошо зналъ, что предразсудки бѣлыхъ по отношенію къ его племени разсѣются не такъ-то скоро, что предстоятъ еще новыя вспышки вражды къ неграмъ. Гораздо тяжелѣе для него было то, что и изъ соплеменниковъ многіе были недовольны имъ. Рѣчь его носила общегуманный характеръ; исходная точка его въ вопросѣ объ отношеніяхъ расъ была нравственная, а не политическая: вмѣсто того, чтобы требовать отъ бѣлыхъ немедленнаго

Digitized by Google

расширенія права для негровъ, онъ призывалъ самихъ негровъ къ умственному, культурному и нравственному возвышенію и выражалъ глубокую вѣру въ то, что общечеловѣческія заслуги съ ихъ стороны неизбѣжно приведутъ къ уравненію ихъ въ правахъ съ бѣлыми. Весьма понятно, что такая постановка вопроса должна была вызвать неудовольствіе всѣхъ тѣхъ, для кого на первомъ планѣ всегда стоитъ опредѣленная политическая программа. Букеръ говорилъ, не политиканствуя, не скрывая того, что и самимъ неграмъ нужно еще много поработать, чтобы сравняться въ своей культурѣ съ расами, болѣе старыми и болѣе богатыми историческимъ опытомъ. Высказывая глубокое убѣжденіе въ томъ, что по природѣ своей негръ стоитъ не ниже бѣлаго человѣка, и ни однимъ словомъ не польстивъ бѣлымъ, онъ проявилъ то высокое нравственное безпристрастіе, ту справедливость, которая не можетъ быть пригодна въ качествѣ остраго орудія въ партійныхъ, чисто политическихъ походахъ. Все міровоззрѣніе его, всегда высказывавшееся въ его рѣчахъ, было моральнымъ, а не политическимъ, а такое міровоззрѣніе не можетъ быть особенно популярнымъ въ такой странѣ, какъ Америка. И нужно было все великое ораторское дарованіе Букера, искренность и обращеніе всегда непосредственно къ человѣческимъ сердцамъ, весь его лирическій пафосъ, вся сила его образныхъ сравненій, чтобы такъ увлекать большую толпу, какъ онъ увлекъ ее своею рѣчью въ Атлантѣ и многими послѣдующими рѣчами.

Букеръ мужественно и спокойно, не вступая ни въ какую полемику, перенесъ моментъ нападокъ. Онъ былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что «правда въ концѣ концовъ всегда восторжествуетъ» и что въ извѣстный періодъ нужно заботиться только о самообладаніи.

Дѣйствительно, противникамъ его не удалось взять верхъ надъ нимъ. Популярность его не только не ослабѣвала, но все возростала. На него сыпались всевозможныя выраженія общественнаго почета и довѣрія. Въ 1896 г. онъ получилъ приглашеніе отъ Гарвардскаго Университета явиться на публичный актъ, гдѣ онъ будетъ увѣнчанъ *honoris causa*—степенью магистра изящныхъ наукъ. Въ слѣдующемъ, 1897 г., городъ Бостонъ просилъ его выступить съ рѣчью на народномъ торжествѣ при открытіи памятника Роберту Шау. Когда нація праздновала заключеніе испано-американской войны, онъ былъ вызванъ Чикаго, гдѣ произнесъ рѣчь въ мѣстномъ университетѣ передъ аудиторіей въ шестнадцать тысячъ человѣкъ. Основныя темы его рѣчей были тѣ же: взаимныя отношенія расъ, нравственныя заслуги человѣка, какъ единственное основаніе для уваженія къ нему, здоровое, широко поставленное воспитаніе, какъ главный факторъ прогресса. И каждый разъ поэзія его сердечныхъ вѣрованій, нравственная красота его личности, сквозившая въ каждомъ его словѣ, потрясали его аудиторію, какъ какое-нибудь откровеніе. Каждая рѣчь его сопровождалась бурей

Digitized by Google

общихъ восторговъ, громомъ аплодисментовъ, неудержимыми похвалами въ штатѣ.

Вмѣстѣ съ славою самого Букера, какъ краснорѣчиваго провозвѣстника извѣстныхъ нравственныхъ и воспитательныхъ идей, возростала и слава его школы, которая была живымъ практическимъ воплощеніемъ этихъ идей. Вся страна знала теперь о нормальной и промышленной школѣ въ Тёскиджи, какъ о разсадникѣ полезнѣйшихъ общественныхъ дѣятелей и работниковъ. Въ 1898 г. школу Букера посѣтилъ президентъ С. А. Штатовъ, покойный Макъ-Кинлей. Посѣщеніе это носило торжественно-оффиціальный характеръ, и высказанное президентомъ удивленіе передъ организаціей школы долго служило предметомъ общественныхъ толковъ и газетныхъ обсужденій.

Въ самомъ дѣлѣ, широко развившееся и роскошно обставленное заведеніе Букера блистало не только дарованіями и энергіей своего основателя и главы, но и замѣчательной внутренней организаціей на коллегіальныхъ началахъ. Дѣло стояло уже на такихъ прочныхъ основаніяхъ, что не страдало даже отъ постоянныхъ отлучекъ Букера, проводившаго въ разъѣздахъ около полугода. Одно изъ правилъ его дѣятельности по школѣ выражено имъ въ слѣдующихъ словахъ: «Не дѣлай того самъ, что столь же хорошо и успѣшно можетъ быть выполнено другими». При умѣньи выбирать себѣ подходящихъ и надежныхъ помощниковъ, которымъ предоставляется и широкая инициатива, и которые взаимно контролируютъ другъ друга на регулярно собирающихся «совѣтахъ», Букеръ можетъ спокойно отлучаться для своихъ агитаторскихъ цѣлей. Но при этомъ онъ ни на одинъ день не упускаетъ надзора за всѣмъ, что дѣлается въ школѣ: ежедневныя телеграфныя увѣдомленія, по опредѣленной, лично выработанной системѣ, постоянно держатъ его въ извѣстности относительно всѣхъ главныхъ явленій школьной жизни.

Большую роль въ жизни школы играетъ Миссисъ Вашингтонъ, третья жена Букера, урожденная Миссъ Мюрей, съ которою онъ также сблизился на почвѣ любимаго имъ дѣла. Миссъ Мюррей пріѣхала въ Тёскиджи въ качествѣ учительницы, впослѣдствіи сдѣлалась директрисою школы (Lady Principal). Раздѣляя всѣ труды и заботы своего мужа, она является какъ бы замѣстительницей въ его отсутствіе. При этомъ она находитъ достаточно времени и силъ, чтобы руководить нѣсколькими дополнительными предріятіями: по ея иниціативѣ въ Тёскиджи было основано «Общество матерей». Затѣмъ, она была избрана предсѣдательницей такъ называемаго «Союза южныхъ клубовъ для чернокожихъ женщинъ» и руководительницею преній въ комитетѣ «Національнаго союза клубовъ для чернокожихъ женщинъ». Кромѣ того она завѣдуетъ «образцовыми плантаціями» въ окрестностяхъ Тескиджи.

Въ теченіе восемнадцати лѣтъ велъ Букеръ свое дѣло, не зная ни

Digitized by Google

одного дня отдыха и развлеченія. Только его мощная натура позволяла ему выносить, не пошатнувшись въ здоровьѣ, эту постоянно-напряженную жизнь, полную всякихъ видовъ труда, заботъ, быстрыхъ и далекихъ переѣздовъ. Но самъ онъ даже не задумался о необходимости отдыха. Однако, многочисленнымъ друзьямъ и почитателямъ его становилось ясно, что организмъ его нуждается во временномъ отдохновеніи отъ труда, а душа—въ освѣжающихъ новыхъ впечатлѣніяхъ. И вотъ однажды, во время его пребыванія въ Бостонѣ, друзья сообщили ему о томъ, что ими собрана довольно крупная сумма денегъ для поѣздки его, вмѣстѣ съ женою, въ Европу и для обезпеченія всѣхъ нуждъ школы въ его отсутствіи. «Это извѣстіе было такъ неожиданно для меня, пишетъ Букеръ—что я чуть не свалился со стула». Онъ пробовалъ возражать, но всѣ возраженія его были предусмотрѣны. «Въ глубинѣ моего сердца,—продолжалъ онъ,—все,это казалось мнѣ какимъ-то сномъ а не дѣйствительностью, и долга я не могъ освоиться съ мыслью, что я и въ самомъ дѣлѣ поѣду въ Европу». Въ теченіе всей его жизни, начавшейся при самыхъ тяжкихъ условіяхъ, Европа, съ ея сложною и глубокою культурою, съ ея безсмертными историческими памятниками, казалась ему чѣмъ-то безконечно далекимъ и сказочно-прекраснымъ. «Неужели же я въ самомъ дѣлѣ поѣду теперь въ Европу?» вновь и вновь спрашивалъ онъ себя, какъ ребенокъ.

9-го мая 1899 г. насталъ, наконецъ, этотъ радостный для него день. Онъ сѣлъ, вмѣстѣ съ женою, на большой океанскій пароходъ,—на какомъ ему «никогда не приходилось бывать до тѣхъ поръ», и чувства, овладѣвшія имъ въ эту минуту, «не поддаются описанію».

Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ Букеръ съ женою осмотрѣлъ Голландію и Бельгію, прожилъ нѣкоторое время въ Парижѣ и объѣхалъ главные культурные и культурно-промышленные центры Англіи. Благодаря рекомендательнымъ письмамъ его друзей изъ высшаго общества С.-А. штатовъ, ему были открыты двери въ лучшіе дома всѣхъ посѣщаемыхъ имъ городовъ. Въ Лондонѣ онъ пріобрѣлъ дружбу герцога и герцогини Сёдерлендскихъ, съ которыми поддерживалъ письменныя отношенія и по возвращеніи въ Америку. При посредствѣ лэди Абердинъ, онъ былъ приглашенъ въ числѣ почетныхъ гостей на происходившій въ это время международный женскій конгрессъ, а затѣмъ въ Виндзоръ «на чашку чая», къ королевѣ Викторіи. Разсказывая объ этомъ событіи своей жизни въ самыхъ сжатыхъ и бѣглыхъ словахъ, Букеръ заключаетъ: «Съ нами вмѣстѣ была Миссъ Сюзана Антони, и я находился подъ сильнымъ впечатлѣніемъ отъ такого рѣдкаго стеченія обстоятельствъ, которое позволило мнѣ одновременно увидѣть двухъ столь значительныхъ, замѣчательныхъ и столь различныхъ женщинъ».

Во время пребыванія своего въ Европѣ Букеръ получилъ изъ Америки одно извѣстіе, которое, какъ и все особенно лестное для него, повергло его въ глубокое удивленіе: представители городского само-

Digitized by Google

управленія г. Чарлстона, главнаго города Западной Виргиніи, приглашали его, отъ лица всѣхъ выдающихся гражданъ города «почтить ихъ, по возвращеніи изъ Европы, своимъ посѣщеніемъ» и дать имъ возможность публично выразить ему благодарность какъ одному изъ самыхъ замѣчательныхъ людей и дѣятелей современности. Чарлстонъ, находившійся вблизи отъ Мольдена, былъ городъ, съ которымъ у Букера были соединены многія воспоминанія дѣйтства и юности. И кромѣ того это былъ городъ, являвшійся въ очень недавнее время оплотомъ рабовладѣльчества. Здѣсь именно томился въ тюрьмѣ и былъ повѣшенъ, за мятежъ въ пользу рабовъ, героическій пуританинъ Джонъ Броунъ. Теперь, ровно черезъ сорокъ лѣтъ послѣ этого событія, Чарлстонъ устраивалъ рожденному въ рабствѣ негру небывалое публичное чествованіе. Букеръ не могъ отказаться отъ приглашенія на это чествованіе, имѣвшее столь принципіальный характеръ. Праздникъ, который ему устроили, носилъ характеръ торжественнаго юбилея. На вокзалѣ онъ былъ встрѣченъ депутаціею города, а вечеромъ состоялся торжественный пріемъ въ переполненномъ залѣ театра, гдѣ присутствовали городскія власти и представители всѣхъ классовъ общества. Среди представителей бѣлой расы Букеръ узналъ нѣсколькихъ лицъ, на которыхъ ему приходилось въ дѣтствѣ работать.

Послѣ этого празднества въ Чарлстонѣ, Букеръ получилъ подобныя же приглашенія изъ Атланты, Новаго Орлеана и другихъ городовъ, но нѣкоторыя изъ этихъ приглашеній онъ принужденъ былъ отклонить: онъ спѣшилъ въ Тёскиджи, къ своему любимому дѣлу, которое не переставало нуждаться въ немъ, какъ въ своемъ вдохновенномъ руководителѣ.

Въ текущемъ году, когда вышла въ свѣтъ автобіографія Букера Вашингтона, школа его могла бы отпраздновать двадцатилѣтіе своего существованія. Отчетъ, который онъ даетъ о ней въ заключеніе своей книги, рисуетъ картину, словно заимствованную изъ какой-нибудь соціально-художественной утопіи. Школа, открывшаяся въ полуразрушенной хижинѣ — безъ единой копейки въ кассѣ, превратилась въ обширнѣйшее учебное заведеніе, вмѣщающее болѣе 1.100 воспитанниковъ-пансіонеровъ, собирающихся сюда изъ 27 различныхъ штатовъ, а также изъ Африки, Кубы и Ямайки. Изъ 2.300 акровъ принадлежащей школѣ земли, 700 акровъ ежегодно обработываются руками учениковъ подъ различные посѣвы. Школа занимаетъ въ общемъ сорокъ строеній разной величины и разныхъ назначеній, и всѣ эти строенія, за исключеніемъ четырехъ, были возведены самими учащимися. Учительскій и воспитательскій персоналъ школы состоитъ изъ 86 человѣкъ, причемъ на ряду съ профессорами, читающими лекціи по академическимъ предметамъ, работаютъ спеціалисты-техники по двадцати восьми отраслямъ промышленности. Академическими предметами женщины занимаются вмѣстѣ съ мужчинами, въ промышленныхъ же

Digitized by Google

и сельскохозяйственныхъ отрасляхъ курса онѣ обучаются, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, отдѣльно; онѣ спеціализируются преимущественно въ домоводствѣ, садоводствѣ, птицеводствѣ, огородничествѣ. Лица, окончившія школу, всегда немедленно находятъ себѣ заработокъ, и руководители школъ затрудняются только тѣмъ, что не могутъ удовлетворять всѣхъ поступающихъ къ нимъ просьбъ о присылкѣ, на то или другое мѣсто, оканчивающихъ курсъ воспитанниковъ.

Пересказанная нами автобіографія Букера Вашингтона появилась въ свѣтъ въ разгаръ его дѣятельности. Этому мощному человѣку, прошедшему тяжелую школу всяческихъ лишеній и создавшему для своего племени безподобную школу разносторонняго труда, всего только сорокъ съ небольшимъ лѣтъ. Нужно думать, что онъ будетъ еще долго жить, работать и говорить въ защиту своей расы, — до сихъ поръ нуждающейся въ этой защитѣ, ибо въ Соединенныхъ Штатахъ расовые предразсудки далеко еще не разсѣялись. Еще въ концѣ прошлаго года мы читали въ газетахъ извѣстіе о новомъ взрывѣ племеннаго антагонизма въ Соединенныхъ Штатахъ и при томъ именно въ связи съ именемъ Букера Вашингтона: представители вашингтонскаго общества и мѣстной печати были крайне шокированы поступкомъ новаго президента штатовъ Рузвельта, который пригласилъ Букера, въ числѣ другихъ гостей, къ себѣ на завтракъ. Покойный президентъ Макъ-Кинлей посѣтилъ его школу, сидѣлъ рядомъ съ нимъ, но на завтракъ все же его не приглашалъ. Всѣ знаютъ и признаютъ заслуги Букера передъ страною, и тѣмъ не менѣе такое невинное новшество, какъ приглашеніе *негра* на завтракъ къ президенту, является для американскаго общества цѣлымъ событіемъ, которое возбуждаетъ разнорѣчивые толки и ожесточенную газетную полемику. Это кажется почти непонятнымъ въ Европѣ, гдѣ Букеръ Вашингтонъ былъ гостемъ даже у англійской королевы, и особенно поражаетъ того, кто прочелъ книгу Букера Вашингтона.

И однако, это такъ и это показываетъ, въ какой мѣрѣ нужна дѣятельность такого человѣка, такого негра, какъ Букеръ Вашингтонъ. Пламенныя и трогательныя рѣчи его, призывающія людей къ неустанному труду и къ любви, потому именно такъ и волнуютъ его слушателей, что онъ напоминаетъ имъ объ истинахъ, скрытыхъ въ сердцѣ каждаго человѣка, но часто лежащихъ тамъ безъ движенія, задавленныхъ разными грубыми инстинктами. Злыя расовыя предубѣжденія постепенно смягчаются, побѣждаются, но они представляютъ собою еще огромную силу, и для борьбы съ ними нужны такіе добрые, но непреклонные духомъ герои, какимъ выступаетъ въ его безыскусственной исторіи Букеръ Вашингтонъ.

Л. Гуревичъ.

Digitized by Google

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ТЕОРІИ ДАРВИНА.

I.

Наступившій XX вѣкъ засталъ нашу біологическую науку за усиленной переработкой одного изъ самыхъ важныхъ ея ученій, за перестройкой одного изъ самыхъ стройныхъ зданій, воздвигнутыхъ ею впродолженіи истекшаго вѣка: теорія Дарвина переживаетъ кризисъ.

Въ жизни каждой науки бываютъ періоды, когда одна какая-нибудь общая идея безраздѣльно овладѣваетъ умами и становится центромъ, вокругъ котораго группируются всѣ остальные элементы познанія. Каждый фактъ, всякое единичное явленіе пріобрѣтаютъ интересъ постольку, поскольку они могутъ быть приведено въ связь съ этой общей идеей—и между спеціальнымъ изслѣдованіемъ и теоретической мыслью устанавливается тѣсная связь и гармонія, гарантирующія прочное и плодотворное развитіе науки. Такое время пережили біологическія науки съ тѣхъ поръ, какъ теорія Дарвина нашла себѣ почти всеобщее признаніе ученыхъ всего міра. Обозрѣвая успѣхи, сдѣланные разными отдѣлами біологіи за этотъ періодъ, не знаешь, чему больше удивляться: огромному росту фактическихъ знаній, или той цѣльности и гармоничности общей картины, въ которую группировались частные факты.

Но вотъ съ начала 90-хъ годовъ начинаетъ чувствоваться дисонансъ, наступаетъ «смутное время»; сначала робко и нерѣшительно, а потомъ все громче и настойчивѣе начинаютъ раздаваться изъ среды естествоиспытателей голоса объ устарѣлости теоріи Дарвина, о ея несоотвѣтствіи съ новѣйшими данными точнаго изслѣдованія, о необходимости отрѣшенія отъ предразсудковъ дарвинизма и т. д. Появляется рядъ статей и большихъ сочиненій, пытающихся замѣнить устарѣвшую якобы теорію новыми, завязывается полемика, вопросы Дарвинизма все чаще становятся темой оживленныхъ дебатовъ на съѣздахъ естествоиспытателей—словомъ, мы вступаемъ въ полосу «критики» и «антикритики».

Покуда ученые спеціалисты спорятъ обо всѣхъ этихъ вопросахъ, читающая публика, до которой доносятся время отъ времени отзвуки

Digitized by Google

споровъ, приходитъ въ справедливое недоумѣніе. Только что, кажется, эта замѣчательная теорія сдѣлалась всеобщимъ достояніемъ образованнаго міра, проникнувъ въ элементарные учебники и популярныя сочиненія,—и вдругъ уже опять «устарѣла»!

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ остановиться на нѣсколькихъ важныхъ методологическихъ вопросахъ, въ которыхъ прежде всего необходимо разобраться всякому, кто желаетъ приблизиться къ рѣшенію вопроса: устарѣла ли теорія Дарвина, или нѣтъ.

Прежде чѣмъ перейти къ самому предмету моей статьи я долженъ, однако, сдѣлать одно замѣчаніе. Дѣло въ томъ, что большинство современныхъ антидарвинистовъ отрицаютъ не всю совокупность того ученія, которое принято называть дарвинизмомъ, а только часть его—именно, теорію естественнаго отбора *).

Споръ ведется, стало быть, только о томъ, является ли формулированный Дарвиномъ естественный отборъ въ дѣйствительности тѣмъ способомъ, при помощи котораго совершается превращеніе органическихъ формъ и достигается это поразительное разнообразіе формъ животнаго и растительнаго міра. Современные антидарвинисты утверждаютъ, что развитіе органическаго міра совершается при помощи цѣлаго ряда факторовъ, и либо отводятъ естественному отбору лишь второстепенное мѣсто въ ряду этихъ факторовъ, либо совершенно исключаютъ его изъ ихъ числа. Споръ ведется, стало быть, не о признаніи или непризнаніи эволюціи органическихъ формъ, а о пути, которымъ шла эта эволюція, о факторахъ, двигавшихъ ею.

Это чрезвычайно важно отмѣтить и необходимо постоянно имѣть въ виду, чтобы правильно оцѣнивать разницу между современной антидарвинистической оппозиціей и той, съ которой въ свое время пришлось бороться первымъ приверженцамъ дарвинизма. Тогда, въ героическій періодъ борьбы за дарвинизмъ, это была борьба за эволюціонное міросозерцаніе и за свободу научнаго изслѣдованія, противъ клерикальнаго догматизма, пытавшагося задержать свободное развитіе научной мысли силою доводовъ, ничего общаго съ наукой не имѣющихъ. Въ силу особой комбинаціи общественныхъ условій того времени обстоятельства сложились такъ, что все прогрессивное было за дарвинизмъ, вся реакція—противъ него, и этимъ, главнымъ образомъ, обусловливалось моральное значеніе одержанной дарвинистами побѣды.

Теперь это—чисто академическій споръ между представителями науки, споръ затѣваемый не во имя защиты какихъ-нибудь старыхъ

*) Потому современный антидарвинизмъ было бы правильнѣе назвать «антиселекціонизмомъ». Единственное исключеніе составляетъ Флейшманъ, отрицающій эволюцію организмовъ вообще. О Флейшманѣ я подробно говорилъ въ другомъ мѣстѣ («Міръ Божій», 1901 г., № 7) и потому здѣсь совершенно оставляю его въ сторонѣ.

Digitized by Google

отжившихъ догматовъ и не во имя «предупрежденія и пресѣченія», а исключительно во имя строгой научной критики, требующей постоянной провѣрки теорій вновь пріобрѣтаемымъ запасомъ фактическихъ знаній.

Но тутъ возникаетъ важный вопросъ: можно ли разъединять ученіе Дарвина на двѣ части, и предавая критикѣ одну изъ нихъ, безусловно признавать другую? Въ своей вступительной статьѣ къ переводу «Происхожденія видовъ» профессоръ К. Тимирязевъ говоритъ о новыхъ попыткахъ опроверженія дарвинизма слѣдующее:

«Но прошло еще десятилѣтіе или два, и стали проявляться новыя попытки подорвать значеніе этого небывалаго, по своему объему, пріобрѣтенія науки. Въ томъ, что еще недавно признавали за нелѣпое новшество, пытаются видѣть давно извѣстную, общепризнанную истину. Для достиженія этого, пытаются раздробить это стройное въ своей цѣлостности ученіе на двѣ основныя задачи, которыя только что нами указаны. Пытаются разграничить ученіе о единствѣ органическаго міра, или вообще эволюціонное ученіе, отъ объясненія, какимъ образомъ совершился этотъ процессъ эволюціи,—что собственно составляетъ главное содержаніе дарвинизма. Пытаются доказать, что важно въ этой книгѣ только доказательство существованія эволюціи, а не объясненіе самаго ея процесса; а такъ какъ предположенія о *возможности* *) эволюціи высказывались и ранѣе, напр., Ламаркомъ, то выходило бы, что хорошо въ этой книгѣ только то, что не ново, а то, что ново, или нехорошо, или во всякомъ случаѣ несущественно. Старая, вѣчно повторяющаяся исторія: на первыхъ порахъ новая идея признается нелѣпой, а когда она выйдетъ побѣдительницей изъ упорной борьбы, оказывается, что всѣ ее давно раздѣляли» **).

Мы не можемъ раздѣлить аргументаціи проф. Тимирязева. По нашему мнѣнію, всякую теорію можно разсматривать либо въ чисто логическомъ освѣщеніи, либо въ историческомъ. И весьма часто можетъ оказаться, что какое-либо ученіе, представляющее при историческомъ освѣщеніи одно «стройное въ своей цѣлостности» зданіе, можетъ и должно быть расчленяемо при логическомъ и методологическомъ анализѣ на свои составныя части, иногда рѣзко различающіяся какъ по своей задачѣ, такъ и по своему методу. Именно такъ обстоитъ дѣло въ данномъ случаѣ. Если мы сравнимъ *теорію происхожденія* (Descendenztheorie) съ *теоріей естественнаго отбора* — (Selectionstheorie), то мы легко можемъ убѣдиться въ томъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ свои собственныя задачи и свой собственный методъ.

Задача теоріи происхожденія болѣе общая—показать генетическую связь между формами различныхъ животныхъ и растительныхъ группъ, связь, угадываемую нами на основаніи нѣкоторыхъ общихъ чертъ организаціи, но на первый взглядъ непримиримую съ кажущимся постоянствомъ видовыхъ признаковъ. Задача эта весьма обширна и отъ правильнаго рѣшенія ея въ значительной степени зависитъ весь характеръ нашего міросозерцанія. Въ этомъ смыслѣ теорія происхожде-

*) Курсивъ автора.

**) «Происхожденіе видовъ». Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1896 г. Вступительная статья профессора К. Тимирязева, стр. III.

Digitized by Google

нія занимаетъ приблизительно такое же мѣсто по отношенію къ господствовавшимъ раньше воззрѣніямъ, какъ обоснованная Коперникомъ и Кетлеромъ геліоцентрическая система къ господствовавшей прежде геоцентрической.

Иную задачу ставитъ себѣ теорія отбора: разсматривая эволюцію организмовъ, какъ прочно установленный фактъ, она пытается дать представленіе о томъ пути, по которому совершается эта эволюція, о тѣхъ движущихъ силахъ, которыя играютъ въ ней главную роль. Эта часть ученія Дарвина по своей задачѣ является подчиненной первой, ея судьба цѣликомъ зависитъ отъ судьбы первой теоріи.

То же коренное различіе наблюдается и въ методахъ, при посредствѣ которыхъ эти обѣ теоріи были установлены. Общая теорія о развитіи органическихъ формъ была выработана чисто индуктивнымъ путемъ: множество частныхъ фактовъ изъ анатоміи, палеонтологіи, географіи животныхъ и растеній всѣ согласно указывали на необходимость такого вывода—и этотъ выводъ былъ сдѣланъ. По нашему мнѣнію, Дарвину принадлежитъ почти цѣликомъ заслуга научнаго обоснованія трансформизма, предшественниками Дарвина для этого было сдѣлано очень мало *).

Не трудно убѣдиться въ томъ, что къ теоріи отбора ведетъ иной путь. Старая натурфилософская школа сводила очевидное сходство въ организаціи животныхъ группъ, послѣдовательно населявшихъ землю, на чисто абстрактный моментъ, на идейное «единство плана творенія». Новое трансформистское ученіе утверждало, наоборотъ, чисто реальную преемственность, кровное родство между организмами. Этимъ самымъ вопросъ вводился въ сферу явленій, доступныхъ научному изслѣдованію, и новое ученіе какъ бы обязывалось освѣтить самый ходъ этого процесса измѣненія формъ, выставивъ его, какъ продуктъ продолжительнаго взаимодѣйствія между организмами и условіями ихъ земного существованія. Однако, для того, чтобъ получить представленіе о такомъ процессѣ измѣненія формъ на основаніи прямого наблюденія, потребовался бы трудъ нѣсколькихъ поколѣній біологовъ, проникнутыхъ эволюціонной идеей и подходящихъ къ явленіямъ съ опредѣленными вопросами и съ опредѣленными методами изслѣдованія. У Дарвина не было подъ руками такого матеріала; необходимо было поискать аналогій и прежде всего обратиться къ той области, гдѣ измѣненіе органическихъ формъ совершается ускореннымъ темпомъ, благодаря планомѣрному вмѣшательству человѣка,— къ области прирученныхъ животныхъ и воздѣланныхъ растеній. Здѣсь важнѣйшимъ фактомъ, обусловливающимъ прогрессивное расхожденіе признаковъ, является подборъ, сознательно суммирующій уклоненія въ сторону, желательную для скотовода и садовода. Этотъ то факторъ и былъ перенесенъ по аналогіи на процессъ,

*) Болѣе подробный разборъ этого вопроса ср. «М. Б.» 1901, № 7.

Digitized by Google

совершающійся въ свободной природѣ. Основаніемъ для такого перенесенія послужило прежде всего совершенно вѣрное наблюденіе, что число особей, доживающихъ до взрослаго состоянія ничтожно по сравненію съ числомъ родящихся особей того же вида. Изъ этого наблюденія было выведено предположеніе, что если такимъ образомъ жизнь однихъ особей покупается цѣною гибели другихъ, переживать всегда будутъ тѣ, организація которая наиболѣе приспособлена къ даннымъ условіямъ существованія. Результатъ сознательнаго суммированія желательныхъ уклоненій былъ отожествленъ съ результатомъ безсознательнаго истребленія отрицательныхъ уклоненій.—Умѣстно ли такое перенесеніе—это вопросъ, о которомъ спорили и спорятъ теперь. Мы не можемъ разбирать здѣсь этого вопроса по существу, для насъ важно лишь отмѣтить, что теорія отбора является по логическому характеру заключеніемъ по аналогіи.

Если такимъ образомъ оказывается, что двѣ важнѣйшія части ученія Дарвина различаются какъ по методу, такъ и по задачѣ, то мы обязаны разграничивать ихъ, разъ мы ставимъ своей задачей уясненіе и критическій анализъ основныхъ элементовъ этого ученія. Но дѣлая такое разграниченіе, мы ни на минуту не должны забывать, что, какъ бы ни отличались эти двѣ теоріи по своему логическому характеру, онѣ тѣсно связаны между собой въ силу того историческаго факта, что онѣ были разработаны и обоснованы однимъ и тѣмъ же лицомъ. Но тутъ мы уже становимся на историческую точку зрѣнія.

Теперь, когда никто и не думаетъ оспаривать трансформизма и и привлекать къ объясненію явленій природы какія-то сверхъестественныя силы, нечего бояться повредить эволюціонному міросозерцанію и его приложенію къ органическому міру, разлагая ученіе Дарвина на его составныя части и освѣщая и критикуя ту или иную часть на основаніи новыхъ данныхъ науки. Итакъ, мы будемъ заниматься въ послѣдующемъ исключительно *теоріей естественнаго отбора*.

Доступные наблюденію факты, на которыхъ основывается теорія естественнаго отбора, это: *измѣнчивость*, *наслѣдственность* и *тенденція къ безграничному размноженію*. Само собою разумѣется, что правильная формулировка теоріи находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ того, насколько точно изучена та область фактовъ, явленій, на которой она опирается. Но явленія эти могутъ быть изучаемы двоякимъ образомъ: мы можемъ изслѣдовать законы этихъ явленій, т.-е. установить эмпирически закономѣрности въ ихъ проявленіи, въ ихъ связи съ другими явленіями и т. д. Такъ, въ области измѣнчивости мы можемъ пытаться отвѣтить на вопросы: совершаются ли измѣненія въ организаціи въ любыхъ направленіяхъ, или только въ нѣкоторыхъ, вполнѣ опредѣленныхъ; находятся ли эти измѣненія въ зависимости отъ возраста организма, отъ условій его жизни, ограничиваются ли они извѣстнымъ размѣромъ или

Digitized by Google

они могутъ принять любую величину и т. д. Такъ, въ области наслѣдственности насъ могутъ интересовать вопросы о томъ, пріурочена ли наслѣдственная передача къ извѣстному возрасту или же она независима отъ возраста; исчезаетъ ли возможность наслѣдственной передачи съ теченіемъ времени, или же признаки могутъ находиться долгое время въ скрытомъ состояніи и затѣмъ проявиться и т. д. Отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть данъ путемъ продолжительнаго наблюденія, нѣкоторые разрѣшаются чисто статистическимъ путемъ; всѣ такіе отвѣты будутъ относиться къ категоріи *законовъ* измѣнчивости, *законовъ* наслѣдственности. Но мы можемъ подходить къ этимъ явленіямъ и съ другой стороны, мы можемъ пытаться уяснить себѣ сущность и причины этихъ явленій, ихъ механизмъ, или, другими словами, мы можемъ пытаться свести ихъ на рядъ другихъ, уже извѣстныхъ намъ явленій. Всякая такая попытка будетъ носить уже характеръ *теоріи* измѣнчивости, *теоріи* наслѣдственности. Въ противоположность эмпирическимъ законамъ такая теорія всегда будетъ носить спекулятивный характеръ, она будетъ давать намъ болѣе или менѣе наглядный образъ, цѣнность котораго лежитъ именно въ этой наглядности; она будетъ удовлетворять извѣстную потребность нашего мышленія, но въ то же время составляетъ самый непрочный элементъ въ системѣ нашихъ знаній. Эмпирикъ Дарвинъ былъ все же вынужденъ построить такую гипотезу наслѣдственности для наглядnаго изложенія нѣкоторыхъ затронутыхъ имъ вопросовъ; но послѣ Дарвина было опубликовано не менѣе полдюжины другихъ гипотезъ наслѣдственности, а теперь едва ли есть хоть одинъ выдающійся біологъ, у котораго нѣтъ на этотъ счетъ своихъ собственныхъ представленій, или, по крайней мѣрѣ, болѣе или менѣе существенныхъ поправокъ къ каждой изъ предложенныхъ гипотезъ.

Другое дѣло—эмпирически устанавливаемые *законы* измѣнчивости и законы наслѣдственности. Ко времени возникновенія теоріи отбора такихъ законовъ измѣнчивости и наслѣдственности было извѣстно еще очень мало. На стр. 105 «Происхожденія видовъ» Дарвинъ говоритъ: «Наше незнаніе, по отношенію къ законамъ измѣнчивости, глубоко». На стр. 15 мы находимъ такое мѣсто: «Измѣнчивость управляется многочисленными законами; нѣкоторые изъ нихъ уже смутно выясняются», и нѣсколько дальше на той же стран.: «Результаты различныхъ, вовсе неизвѣстныхъ, или смутно понимаемыхъ, законовъ измѣнчивости безконечно сложны и разнообразны», тоже на стр. 16 относительно наслѣдственности: «Законы, управляющіе наслѣдственностью, по большей части неизвѣстны». Это незнаніе становится вполнѣ понятнымъ, если вспомнимъ, что до Дарвина эта область явленій никого не интересовала. Но данный Дарвиномъ толчокъ долженъ былъ повести къ усиленному занятію этими вопросами, къ изслѣдованіямъ, въ результатѣ которыхъ должно было получиться установленіе новыхъ

Digitized by Google

«законовъ измѣнчивости и наслѣдственности». Съ этими-то вновь открываемыми эмпирическими законами должна считаться теорія естественнаго отбора, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ могутъ такъ или иначе отразиться на формулировкѣ самой теоріи, требуя измѣненія тѣхъ или иныхъ пунктовъ. Поясникъ примѣромъ. Принимая личную измѣнчивость организмовъ и наслѣдственную передачу наступившихъ измѣненій за основаніе своей теоріи, Дарвинъ представлялъ себѣ ходъ этого процесса приблизительно такимъ образомъ. У особей того вида, который мы должны считать за родоначальника жираффы, длина шеи колебалась въ извѣстныхъ предѣлахъ, и рѣзкія уклоненія въ ту или другую сторону группировались около извѣстной средней величины. Если вслѣдствіе засухи погибли всѣ особи, обладавшія слишкомъ короткими шеями, то вслѣдствіе переживанія особей съ длинными шеями, у слѣдующаго поколѣнія былъ большій процентъ длинношеихъ, т.-е. средняя величина этого признака повысилась; если судьба пошлетъ еще разъ такое тяжелое испытаніе, то средняя длина шеи снова подымется на нѣкоторую долю и такъ далѣе безъ конца, другими словами, если какой-нибудь признакъ подвергается отбору, то средняя величина этого признака можетъ повышаться до неопредѣленнаго предѣла, такъ какъ переживаніе положительныхъ уклоненій все больше уменьшаетъ вѣроятность появленія рѣзкихъ уклоненій въ отрицательную сторону. Но вотъ въ послѣднее время де-Фризъ, на основаніи обширныхъ изслѣдованій, пришелъ къ тому заключенію, что такое повышеніе среднихъ размѣровъ признака, осуществляемое при помощи отбора, имѣетъ свои предѣлы, и при томъ довольно тѣсные предѣлы. Отбирая для посѣва початки маиса, обладающіе наибольшимъ числомъ рядовъ зеренъ, мы можемъ повышать среднее число рядовъ въ початкахъ, но лишь въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Дальше никоимъ образомъ не удается достигнуть повышенія, а при малѣйшемъ ослабленіи отбора число рядовъ зеренъ стремится возвратиться къ первоначальной средней величинѣ, являющейся однимъ изъ признаковъ данной разновидности. Съ другой стороны, тотъ же де-Фризъ, а также независимо отъ него и Коржинскій пришли къ тому убѣжденію, что исходнымъ пунктомъ образованія новыхъ видовъ является не тѣ личныя измѣненія въ величинѣ признака, которыя подвергаются извѣстнымъ статистическимъ законамъ и носятъ характеръ количественныхъ уклоненій, не передающихся по наслѣдству, а другія, болѣе внезапно появляющіяся, уклоненія, носящія качественный характеръ и способныя къ наслѣдственной передачѣ: такъ внезапно возникаютъ махровыя разновидности цвѣтовъ, пурпурныя разновидности деревьевъ и др. (теорія мутацій де-Фриза, гетерогенезисъ-Коржинскаго).

Всѣ эти и другіе вновь открываемые законы измѣнчивости должны быть анализируемы съ точки зрѣнія ихъ совмѣстимости или несовмѣстимости съ теоріей отбора и формулировка этой теоріи должна быть въ

Digitized by Google

случаѣ необходимости измѣняема и приспособляема къ этимъ новымъ законамъ. Къ сожалѣнію, такой анализъ очень рѣдко предпринимается: обыкновенно всякій, открывшій такой новый законъ измѣнчивости, спѣшитъ объявить теорію отбора упраздненной, какъ будто бы самый фактъ установленія новаго закона измѣнчивости подрываетъ престижъ теоріи отбора. Съ другой стороны, безусловные сторонники отбора огульно отрицаютъ новыя наблюденія и отстаиваютъ всѣ детали теоріи, даже явно несообразныя.

Обычное мнѣніе, высказываемое дарвинистами, таково, что теорія естественнаго отбора способна объяснить механическимъ путемъ цѣлесообразность въ строеніи й отправленіяхъ живыхъ организмовъ, въ ихъ поразительныхъ приспособленіяхъ къ окружающему міру, живому и мертвому. Раскройте наугадъ любую книгу по біологіи и вы найдете приблизительно такую типическую фразу: «Чарльзу Дарвину удалось, при помощи развитой имъ теоріи естественнаго отбора, объяснить естественно-историческимъ путемъ, какъ осуществляются цѣлесообразныя приспособленія въ живой природѣ» *).

Не трудно доказать, однако, что эта формулировка слишкомъ обширна и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Всякому, даже поверхностно знакомому съ данными современной біологіи, извѣстно, что на ряду съ филетическимъ приспособленіемъ организмовъ, т.-е. постепеннымъ приспособленіемъ цѣлаго ряда формъ къ тѣмъ или другимъ жизненнымъ условіямъ—напомнимъ хотя бы клювъ дятла, охранительныя окраски полярныхъ и степныхъ животныхъ, замѣчательный механизмъ опыленія у многихъ цвѣтовъ и пр.—существуетъ еще область явленій такъ называемаго «прямого приспособленія», заключающаяся въ томъ, что организмъ, попавшій въ извѣстную среду, реагируетъ цѣлесообразно на воздѣйствія этой среды, т.-е. принимаетъ такія формы и отправленія, которыми парализуются вредныя воздѣйствія среды.

Къ этой категоріи явленій относится замѣчательная архитектура нашихъ костей, особенно ярко бросающаяся въ глаза въ раздутыхъ концахъ (эпифизахъ) нашихъ трубчатыхъ костей, хотя бы, напримѣръ, бедренныхъ. Твердое костное вещество здѣсь не сплошь заполняетъ внутренность кости, а расположено въ видѣ тонкихъ, сѣтообразно переплетенныхъ пластинокъ, причемъ эти пластинки располагаются такимъ образомъ, что соотвѣтствуютъ направленію наибольшаго давленія. Въ каждой кости пластинки имѣютъ иное расположеніе, сообразно ея особой службѣ, но вездѣ оно таково, что можетъ быть вычислено, если принять во вниманіе главнѣйшія направленія давленія и вытягиванія. Благодаря этому, получается наибольшая вы-

*) Цитирую изъ «Физіологіи животнаго организма и въ особенности человѣка» профессора Ю. Бернштейна. Изд. 1894 года.

Digitized by Google

носливость кости при большомъ сбереженіи въ строительномъ матеріалѣ. Что данное приспособленіе есть дѣйствительно «прямое», слѣдуетъ изъ того, что въ случаяхъ залечиванія переломовъ, когда взаимное расположеніе частей кости, а вмѣстѣ съ этимъ и направленіе наибольшаго давленія, испытываемаго каждою частью, измѣняются, мы наблюдаемъ вполнѣ соотвѣтственное измѣненіе въ направленіи костныхъ пластинокъ данной части эпифизы.

Такія непосредственно-цѣлесообразныя реакціи наблюдаются также и въ области явленій регенераціи — самодѣятельнаго возмѣщенія живымъ организмомъ поврежденныхъ или удаленныхъ тканей и органовъ. Приведу одинъ изъ самыхъ блестящихъ примѣровъ, съ которымъ мы познакомились въ сравнительно недавнее время. Извѣстно, что хрусталикъ, находящійся въ глазу позвоночныхъ, обязанъ своимъ возникновеніемъ цѣлому ряду весьма сложныхъ процессовъ роста и дифференцировки тканей, происходящихъ въ эктодермальномъ эпителіи. Нѣтъ нужды излагать здѣсь эти процессы, но важно отмѣтить слѣдующій, весьма знаменательный фактъ: регенерація поврежденнаго хрусталика никоимъ образомъ не можетъ совершиться тѣмъ же путемъ, какимъ совершается его нормальное развитіе въ нашей эмбріональной жизни, когда каждый шагъ этого развитія диктуется наслѣдственностью. Ибо, какъ только его развитіе заканчивается, хрусталикъ отторгается отъ ткани, давшей ему начало, и попадаетъ въ чуждую семью тканей, весьма односторонне приспособленныхъ къ своимъ функціямъ: сѣтчатка, роговица, радужная оболочка и т. д. Сдѣлавъ на личинкахъ и на выросшихъ особяхъ Triton taeniatus операцію извлеченія хрусталика, Вольфъ убѣдился въ томъ, что спустя нѣсколько мѣсяцевъ хрусталикъ снова возстановлялся. Но изъ какой ткани? Кратчайшимъ изъ мыслимыхъ путей такого возстановленія было бы превращеніе клѣтокъ радужной оболочки въ новый хрусталикъ, такъ какъ эти клѣтки сохраняютъ свойства эктодермальнаго эпителія въ наиболѣе чистомъ видѣ; но клѣтки этого эпителія переполнены пигментомъ, соотвѣтственно главной задачѣ радужной оболочки — быть непрозрачной. Этотъ кратчайшій путь и былъ на самомъ дѣлѣ избранъ организмомъ. Цѣлая армія лейкоцитовъ была пущена въ дѣло для удаленія пигмента изъ клѣтокъ—и въ результатѣ самая непрозрачная изъ тканей глаза была превращена въ самый важный изъ его прозрачныхъ діоптрическихъ аппаратовъ! *).

Какъ же объяснить себѣ эти проявленія внутренней цѣлесообразности, непосредственно управляющей, повидимому, живыми организмами, какъ въ процессѣ ихъ нормальнаго развитія, такъ и при случаяхъ приспособленія къ измѣнявшимся условіямъ существованія. Что кости

*) G. Wolff. «Beitrage zur Kritik der darvin'schen Lehre». Leipzig. 1898. Также въ «Archiv für Entwickelungsmechanick».

Digitized by Google

наши не сплошь состоятъ изъ твердаго вещества—это еще можно было объяснить отборомъ, ссылаясь во-первыхъ на выгоды связанныя со сбереженіемъ вещества, во-вторыхъ на легкость костей, гарантирующую большую свободу движеній, чѣмъ это было бы возможно при компактныхъ костяхъ. Такъ и дѣлаютъ нѣкоторые дарвинисты (Plate), особенно подчеркивая ту несомнѣнно вѣрную мысль что проведеніе рѣзкой черты между «внутренней» и «внѣшней» цѣлесообразностью не всегда возможно. Но способность прямого приспособленія развитой кости къ измѣнившимся условіямъ уже заставляетъ насъ вспомнить объ одномъ основномъ свойствѣ живыхъ тканей,—объ ихъ функціональной или трофической раздражимости. Общеизвѣстнымъ внѣшнимъ выраженіемъ этого свойства тканей служитъ тотъ фактъ, что продолжительное и частое упражненіе побуждаетъ наши органы къ усиленному питанію и росту, между тѣмъ какъ неупотребленіе ведетъ къ дегенераціи (первый принципъ Ламарка). Въ приложеніи къ данному случаю, имѣющему, къ слову сказать, свои аналогіи въ расположеніи механическихъ тканей у растеній, это означало бы, что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ клѣткамъ приходится оказывать наибольшее противодѣйствіе дѣйствующимъ извнѣ механическимъ силамъ, эти клѣтки сильнѣе всего развиваются. Такая способность организма соразмѣрять количественно размѣръ своего отправленія съ размѣромъ потребности, является въ высшей степени цѣлесообразной для организма.

Вотъ тутъ и возникаетъ вопросъ, можетъ ли это весьма цѣлесообразное свойство организмовъ, которое мы называемъ «трофическимъ вліяніемъ функціональнаго раздраженія», можетъ ли это свойство быть объяснено отборомъ? Здѣсь мнѣнія дарвинистовъ расходятся. Французскій ученый *Ле-Дантекъ* въ послѣднее время пытается доказать, что такое объясненіе не только возможно, но составляетъ даже «очевидный фактъ». Для этого приходится однако построить гипотезу, что первоначально ткани состояли изъ двухъ родовъ клѣтокъ: такихъ, для которыхъ ихъ функціонированіе служило стимуломъ для дальнѣйшаго питанія и роста, и такихъ, которые, не обладали этимъ свойствомъ. Въ результатѣ неизбѣжно должно получиться переживаніе тѣхъ элементовъ ткани, которыя обладали этой функціональной раздражимостью, и такимъ образомъ это весьма полезное свойство сдѣлалось достояніемъ всей ткани.

Слѣдуетъ замѣтить, что такое объясненіе по своей основной идеѣ не ново, а представляетъ лишь дальнѣйшее развитіе взглядовъ Вильгельма Ру, опубликовавшаго еще въ 1881 году свою теорію «борьбы частей въ организмѣ» въ сочиненіи, которое Геккель считаетъ «однимъ изъ важнѣйшихъ вкладовъ въ ученіе о развитіи, сдѣланныхъ со времени появленія главнаго сочиненія Дарвина (1859) и однимъ изъ существеннѣйшихъ дополненій къ его теоріи естественнаго отбора». Другіе дарвинисты считаютъ эту теорію «внутренней борьбы частей» излиш-

Digitized by Google

ней для объясненія эмбріональнаго развитія, строго слѣдующаго законамъ наслѣдственности, и самую идею отбора неприложимой къ объясненію трофической раздражимости. Такъ, въ самое послѣднее время Плате, поставившій себѣ задачей собрать весь арсеналъ доводовъ въ пользу естественнаго отбора и въ частныхъ вопросахъ часто прибѣгающій къ большимъ натяжкамъ, въ данномъ общемъ вопросѣ усматриваетъ въ разумномъ ограниченіи области приложенія скорѣе пользу, чѣмъ вредъ для защищаемой имъ теоріи. Онъ рѣшительно выступаетъ противъ теоріи Ру, говоря между прочимъ о трофической раздражимости слѣдующее:

«Способность къ трофическому раздраженію есть элементарное свойство организмовъ, какъ и способность къ ассимиляціи и дыханію. Она не объясняется внутренней борьбой и вообще въ настоящее время не объяснима, развѣ что мы предположимъ, что она постепенно развивалась начиная съ простѣйшихъ путемъ отбора особей (т.-е. вымиранія тѣхъ особей, у которыхъ эта трофическая раздражимость была менѣе совершенна С. Ч.). *Но это разумѣется не было бы объясненіемъ ея происхожденія*, это объясняло бы лишь почему она теперь имѣется у всѣхъ особей и какимъ путемъ она могла бы, пожалуй, быть повышена» *).

Подчеркнутыя мною слова Плате лучше всего вводятъ насъ въ самую суть вопроса. Принципъ отбора приложимъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно объяснить происхожденіе болѣе совершеннаго изъ менѣе совершеннаго. Но добравшись до самаго начала этого процесса мы имѣемъ передъ собой живой организмъ, обладающій уже въ нѣкоторой степени трофической раздражимостью. Значитъ мы объяснили отборомъ лишь постепенный ростъ этой полезной способности, но отнюдь не ея первое происхожденіе. Еще ярче бросается въ глаза несообразность такого приложенія идеи отбора, если перенести туже аргументацію на другія основныя свойства живой клѣтки.

«Ткани животнаго послѣ смерти его тотчасъ же подвергаются измѣненіямъ, вызываемымъ вліяніями внѣшняго міра,—говоритъ Вольфъ.—Модифицируя соотвѣтственно эти воздѣйствія, мы можемъ задержать эти измѣненія. Такъ мы можемъ уберечь мясо отъ такихъ воздѣйствій, содержа его въ холодѣ. Но покуда оно было живо, органическое вещество не нуждалось въ такой защитѣ, отъ этихъ самыхъ воздѣйствій, она лежала въ немъ самомъ, оно было приспособлено къ этимъ воздѣйствіямъ». «Вообще не трудно понять, что жизненныя явленія суть нечто иное, какъ явленія приспособленія, т.-е. проявленія того совершенно своеобразнаго взаимодѣйствія между организмомъ и внѣшнимъ міромъ, которыя намъ извѣстны какъ органическая цѣлесообразность».

Эта первичная цѣлесообразность въ приспособленіи органическаго вещества къ внѣшнему міру и есть самая характерная особенность всего живого, что и дало возможность *Спенсеру* опредѣлять жизнь, какъ «опредѣленное сочетаніе разнородныхъ измѣненій, какъ одновременныхъ, такъ и послѣдовательныхъ, происходящихъ соотвѣтственно внѣшнимъ сосуществованіямъ и послѣдовательностямъ», или короче:

*) Plate. Ueber Bedeutung und Tragweite des Darwinschen Selectionsprincips. Leipzig 1900. Стран. 104 и слѣдующія. Курсивъ мой. *V.*

Digitized by Google

«Жизнь есть постоянное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ». Если бы мы вздумали объяснять происхожденіе этой цѣлесообразности постепеннымъ накопленіемъ при помощи естественнаго отбора, то мы должны были бы взять своей отправной точкой такіе живые организмы, у которыхъ этой цѣлесообразности *еще не имѣлось*, что противорѣчило бы данному выше опредѣленію жизни. Итакъ, прилагать идею отбора къ первичнымъ или элементарнымъ свойствамъ живыхъ существъ невозможно, какъ бы ни были видимо цѣлесообразны эти свойства; ибо это значило бы приписывать дарвинизму поползновеніе объяснить самую жизнь, а этого поползновенія дарвинизмъ никогда и не думалъ имѣть.

На стр. 115 «Происхожденія видовъ» мы читаемъ: «Какимъ образомъ нервъ сдѣлался чувствительнымъ къ свѣту, почти такъ же мало насъ касается, какъ и вопросъ, какъ возникла жизнь». А въ письмѣ къ Тукеру отъ 29-го марта 1863 года онъ пишетъ: «Это просто безсмыслица задумываться въ настоящее время о началѣ жизни; можно было бы съ такимъ же успѣхомъ размышлять о происхожденіи матеріи». Изъ этого ясно слѣдуетъ, что Дарвинъ и не помышлялъ о включеніи первично-цѣлесообразныхъ проявленій жизни въ сферу компетенціи теоріи отбора. Такъ же высказывается и Уоллесъ.

Видимая цѣлесообразность основныхъ свойствъ протоплазмы, являющаяся превосходнымъ приспособленіемъ общаго феномена жизни, во всей его совокупности, къ космической средѣ можетъ имѣть совершенно другія причины, чѣмъ видимая цѣлесообразность *многихъ* органовъ и функцій отдѣльныхъ животныхъ и растительныхъ формъ, прекрасно приспособленныхъ къ ихъ спеціальнымъ условіямъ существованія. Я намѣренно говорю *многихъ*, а не *всѣхъ*, чтобы напомнить читателю тѣ многочисленные случаи, когда органы не носятъ и слѣда видимой цѣлесообразности.

Возьмемъ прежде всего самое цѣлесообразное свойство протоплазмы ея способность ассимилировать. Мы еще не можемъ объяснить себѣ физико-химическимъ путемъ этого процесса, но мы не теряемъ надежды, что современемъ это намъ удастся. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ предположеніи, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ чрезвычайно развитой способностью къ полимеризаціи, способностью, которую мы въ болѣе слабой степени встрѣчаемъ и у другихъ органическихъ и неорганическихъ соединеній *). Гораздо труднѣе будетъ свести раздражимость на физико-химическія причины, такъ какъ здѣсь дѣло усложняется, повидимому, весьма трудно поддающимися изслѣдованію структурными особенностями протоплазмы.

Совершенно иной рядъ явленій приходится привлекать къ объяс-

*) Интересующіеся этимъ вопросомъ читатели могутъ найти нѣсколько интересныхъ указаній въ «Общей физіологіи» Ферворна.

Digitized by Google

ненію происхожденія небольшихъ внѣшнихъ отличій одного вида отъ другого, какъ бы ни были цѣлесообразны эти отличія, т.-е., какъ бы ни гармонировали съ особыми условіями, при которыхъ этимъ видамъ приходится жить. Разсмотримъ нѣсколько примѣровъ.

Альпійскія растенія отличаются отъ близкихъ видовъ, живущихъ на равнинѣ цѣлымъ рядомъ признаковъ, вполнѣ гармонирующихъ съ особыми условіями альпійской жизни. Нашъ однолѣтній мятликъ (Poa annua) представленъ въ альпійской флорѣ многолѣтней разновидностью, varietas supina, что при краткости періода вегетаціи на Альпахъ весьма цѣлесообразно. Другія однолѣтнія альпійскія растенія отличаются отъ равнинныхъ видовъ чрезвычайно раннимъ цвѣтеніемъ и плодоношеніемъ, благодаря чему обезпечивается вызрѣваніе сѣмянъ и существованіе вида. Едва поднявшись надъ землей растеніе зацвѣтаетъ и съ этого момента вся его дальнѣйшая работа направлена на питаніе сѣмянъ; отношеніе между вѣсомъ сѣмянъ и вѣсомъ всего растенія у нѣкоторыхъ маленькихъ альпійскихъ растеній прямо огромно, если сравнить его съ тѣмъ же отношеніемъ у растеній равнины. У многихъ альпійскихъ видовъ и разновидностей вѣнчикъ вытянутъ въ длинную трубку, въ чемъ выражается приспособленіе къ особому составу альпійской фауны насѣкомыхъ, опыляющихъ цвѣты. Изъ тысячи посѣщеній цвѣтовъ насѣкомыми, на долю мотыльковъ, имѣющихъ болѣе длинные хоботки, чѣмъ пчелы и шмели, приходится на Альпахъ 428, на равнинѣ всего 70. Приведу также одинъ примѣръ изъ области арктической флоры. Наша трилистная вахта или трифоль—(Menyanthes trifoliata), отличаются весьма характернымъ устройствомъ цвѣтка, обезпечивающимъ перекрестное опыленіе: рыльца и пыльники у разныхъ особей находятся на различной высотѣ внутри вѣнчиковой трубки, благодаря чему пыльца одного цвѣтка, прилипающая къ хоботку насѣкомаго на извѣстной высотѣ, попадаетъ на рыльце другого цвѣтка, у котораго это послѣднее расположено именно на такой высотѣ (гетеростилія). Но то же самое растеніе въ Гренландіи не имѣетъ этого признака; тамъ у всѣхъ особей рыльце и пыльники находятся другъ подлѣ друга, благодаря чему становится возможнымъ самоопыленіе. Въ связи съ рѣдкостью насѣкомыхъ въ Гренландіи этотъ возвратъ къ самоопыленію является весьма цѣлесообразнымъ.

Укажемъ еще на безкрылыхъ насѣкомыхъ Мадейры и другихъ острововъ, лежащихъ въ поясѣ постоянныхъ и сильныхъ вѣтровъ; слабые летуны, не способные бороться съ вѣтромъ, были бы уносимы въ море и для нихъ гораздо выгоднѣе вести наземную жизнь, между тѣмъ какъ болѣе сильныя насѣкомыя сохранили свои крылья. Наконецъ, укажемъ еще на извѣстный примѣръ шотландской куропатки (Lagopus scoticus), отличающейся отъ своихъ материковыхъ родичей тѣмъ, что она не одѣвается на зиму въ бѣлыя перья, а сохраняетъ свой темно-ко-

Digitized by Google

ричневый цвѣтъ, что при безснѣжности шотландской зимы весьма цѣлесообразно.

Изъ приведенныхъ примѣровъ читателю должна была выясниться разница между первичной цѣлесообразностью съ одной стороны, проявленія которой мы видимъ какъ въ элементарныхъ функціяхъ клѣтки, такъ и въ прямыхъ приспособленіяхъ, совершающихся въ теченіе индивидуальной жизни (примѣры: строеніе буковыхъ листьевъ, нашихъ трубчатыхъ костей и т. д.), и той цѣлесообразностью въ филетическомъ приспособленіи цѣлаго ряда формъ къ ихъ особымъ условіямъ жизни—(клювъ дятла, альпійскія и арктическія растенія и т. д.),—которая является только какъ результатъ продолжительнаго процесса постепеннаго приспособленія. Но чтобы окончательно выяснить эту разницу и освѣтить взаимное отношеніе этихъ обѣихъ формъ цѣлесообразности, я остановлюсь нѣсколько подробнѣе на одномъ наблюденіи, сдѣлавшемся извѣстнымъ сравнительно недавно и представляющемъ огромный интересъ уже одной своей фактической стороной.

Наблюденіе это сдѣлано было ботаникомъ *Габерландтомъ* у тропической ліаны—*Conocephalus ovatus*, принадлежащей къ семейству тутовыхъ. У этого растенія, какъ и у многихъ другихъ, существуютъ особые железистые органы, функція которыхъ заключается въ выдѣленіи воды въ капельно-жидкомъ состояніи—гидатоды. Органы эти расположены на верхней поверхности листа (по 4—5 на квадратный сантиметръ) и состоятъ изъ множества паренхиматическихъ клѣтокъ, являющихся передаточными станціями между нижележащими узловыми точками сѣти водоносныхъ сосудовъ съ одной стороны и вышележащимъ слоемъ кожицы (эпидермиса), снабженной въ этомъ мѣстѣ многочисленными порами (по 30—40 поръ на одну гидатоду). Біологическое значеніе этихъ гидатодъ заключается, повидимому, въ своевременномъ удаленіи большихъ количествъ воды, грозящихъ въ случаѣ застоя заполненіемъ межклѣточныхъ воздушныхъ пространствъ и нарушеніемъ правильнаго хода ассимиляціи и дыханія. Въ теченіе одной ночи каждый листъ выдѣляетъ 2,76 грамма воды, т.-е. 26% собственнаго своего вѣса. При этомъ вода почти не содержитъ солей, изъ чего слѣдуетъ, что всѣ растворенныя въ водѣ соли остаются въ клѣткахъ растенія; это послѣднее обстоятельство можетъ, въ свою очередь, оказаться полезнымъ для растенія, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда вслѣдствіе насыщенности тропической атмосферы, выдѣленіе парообразной воды низводится до минимума и растеніе не въ состояніи получать необходимыхъ солей этимъ болѣе обычнымъ путемъ.

Чтобы доказать, что ткань гидатодъ является не просто пассивнымъ фильтромъ для воды, но активно дѣйствующей железой, Габерландтъ смазалъ гидатоды одной половины листа растворомъ сулемы. На другое утро смазанная половина листа оказалась совершенно сухой, между тѣмъ какъ на несмазанной, поверхъ гидатодъ находились нормальныя капли

Digitized by Google

воды; но зато въ смазанной половинѣ всѣ межклѣточные ходы были заполнены водой, не нашедшей себѣ нормальнаго исхода и профильтровавшейся подъ высокимъ давленіемъ изъ внутренности клѣтокъ въ воздухоносные пути. Растенію приходилось, стало быть, прежде чѣмъ приступить къ ассимиляціи удалить эту застоявшуюся воду путемъ испаренія черезъ устьица, находящіяся на нижней сторонѣ листа, а это влекло за собою значительную потерю дорогого времени, предназначеннаго для ассимиляціи. Но черезъ нѣсколько дней растеніе справилось съ этимъ затрудненіемъ: на верхней сторонѣ смазанной половины листа показались новыя гидатоды, имѣвшія, правда, совершенно иное гистологическое строеніе и происходившія изъ другихъ слоевъ ткани, чѣмъ первоначальныя гидатоды. Эти новые органы возникаютъ вслѣдствіе повторнаго дѣленія опредѣленнаго числа паренхиматическихъ клѣтокъ, лежащихъ въ окружности сосудистыхъ пучковъ, внутри листа образуются конусообразныя скопленія трубчатыхъ клѣтокъ, которыя вскорѣ прорываютъ лежащія надъ ними слои палисадныхъ клѣтокъ и кожицы, выступаютъ на поверхность и образуютъ пучокъ расходящихся вверху трубчатыхъ клѣтокъ, надъ которыми каждое утро замѣчается капля воды. Съ этого дня межклѣточные ходы перестали наполняться водой *).

Въ данномъ случаѣ передъ нами образованіе новаго органа, вызванное непосредственной потребностью и осуществившееся благодаря присущей всѣмъ организмамъ способности саморегулированія ихъ функцій. Можно было бы, конечно, и здѣсь попытаться примѣнить селекціонистскую аргументацію, говоря, что изъ всѣхъ Conocephalus'овъ пережили въ борьбѣ за существованіе именно тѣ, которые обладали способностью образовывать замѣнныя гидатоды описаннаго типа, всякій разъ, когда функціонированіе нормальныхъ гидатодъ нарушается чѣмъ-либо. Это была бы хотя и нѣкоторая натяжка, но доказать ея полную невозможность нельзя и такимъ образомъ наше разграниченіе индивидуальнаго и филетическаго приспособленія все же было бы подъ сомнѣніемъ. Но дальнѣйшая исторія того же растенія дѣлаетъ такую натяжку совершенно невозможной. Дѣло въ томъ, что какъ ни пригодны были вновь образовавшіяся гидатоды для активнаго выдѣленія воды (физіологически), онѣ, однако, оказались очень непрактичными съ біологической точки зрѣнія: нѣжные волоски, не защищенные толстой клѣточной оболочкой, не устояли передъ палящимъ зноемъ тропическаго дня и не болѣе какъ черезъ недѣлю новыя гидатоды сморщились, а на ихъ мѣстѣ на поверхности листа началось образованіе заживляющей или раковой пробки. Выводъ отсюда ясенъ: способность образовывать замѣнныя гидатоды не есть признакъ, за-

*) Подробное описаніе съ рисунками находится, между прочимъ, въ «Naturwissenschaftliche Wochenschrift», 1899 г., стр. 287.

Digitized by Google

крѣпленный при помощи естественнаго отбора, ибо въ этомъ случаѣ естественный отборъ сумѣлъ бы создать запасный органъ болѣе прочный, т.-е. жизнеспособный при данныхъ климатическихъ условіяхъ. На этомъ примѣрѣ мы яснѣе всего видимъ, что способность саморегулированія, выражающаяся не только въ количественныхъ измѣненіяхъ, но принимающая даже характеръ формативной дѣятельности, можетъ явиться почвой, на которой возникаютъ новообразованія, несомнѣнно, цѣлесообразныя для жизни особи. Въ тѣхъ же частныхъ случаяхъ, когда эти новообразованія обладаютъ достаточной устойчивостью, и когда обладаніе ими является рѣшающимъ для жизни и смерти особи, они могутъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ для филетическаго приспособленія, путемъ ли прямымъ (наслѣдственная передача признака и его постепенное усиленіе) или косвеннымъ (естественный отборъ).

Только такимъ образомъ, прослѣживая на отдѣльныхъ конкретныхъ примѣрахъ гармоническое приспособленіе отдѣльныхъ животныхъ или растительныхъ видовъ къ ихъ спеціальнымъ условіямъ существованія и строго разграничивая область явленій индивидуально цѣлесообразныхъ и филетически цѣлесообразныхъ приспособленій, мы получаемъ правильное представленіе о предполагаемомъ характерѣ дѣятельности естественнаго отбора, какъ фактора образованія видовъ, а вмѣстѣ съ этимъ и болѣе правильную оцѣнку его истинной роли. Въ самомъ дѣлѣ, по характеру своей дѣятельности, естественный отборъ есть факторъ отрицательный, дѣйствующій путемъ устраненія нецѣлесообразнаго или менѣе цѣлесообразнаго и такимъ образомъ *косвенно* способствующій накопленію болѣе цѣлесообразныхъ измѣненій, но самое появленіе этихъ измѣненій стоитъ, однако, внѣ власти естественнаго отбора. Для того чтобы естественный отборъ могъ проявить свою дѣятельность, долженъ существовать уже извѣстный запасъ измѣненій въ строеніи и отправленіяхъ отдѣльныхъ органовъ. Измѣненія эти возникаютъ вслѣдствіе способности живой протоплазмы воспринимать формативныя и функціональныя раздраженія, безразлично, являются ли эти раздраженія, какъ непосредственныя воздѣйствія внѣшнихъ факторовъ или какъ результатъ внутреннихъ перераспредѣленій энергіи въ самомъ живомъ комплексѣ, въ силу его сложныхъ структурныхъ особенностей. Причины возникновенія измѣненій лежатъ, такимъ образомъ, въ той области молекулярно-структурныхъ отношеній, которая, какъ мы видѣли, независима отъ естественнаго отбора. Также независимы отъ естественнаго отбора и тѣ законы, которымъ подчиняются эти измѣненія при своемъ возникновеніи или такъ называемые «законы развитія», т.-е. тотъ рядъ закономѣрныхъ сосуществованій и послѣдовательностей, въ силу которыхъ, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ или внутреннихъ перераспредѣленій энергіи возникаютъ именно тѣ, а не иныя измѣненія. Въ конечномъ счетѣ эти закономѣрности сводятся, вѣроятно, къ тѣмъ

Digitized by Google

же молекулярно-структурнымъ отношеніямъ; однако, ихъ связь съ этими послѣдними еще весьма мало выяснена, а между тѣмъ, существованіе и проявленіе «законовъ развитія» можетъ быть установлено чисто индуктивнымъ путемъ, такъ что мы можемъ трактовать эти законы развитія независимо отъ того, какія представленія мы дѣлаемъ себѣ объ этихъ молекулярно-структурныхъ отношеніяхъ. Пояснимъ примѣромъ. Появленіе у мужчинъ бороды и усовъ есть слѣдствіе того, что обмѣнъ веществъ извѣстной группы клѣтокъ принимаетъ извѣстный характеръ и что формативная дѣятельность этихъ клѣтокъ выражается въ возникновеніи даннаго типа новообразованій. Но тотъ фактъ, что этотъ особый родъ обмѣна веществъ и формативной дѣятельности клѣтокъ появляется въ организмѣ въ извѣстномъ только, вполнѣ опредѣленномъ возрастѣ, есть выраженіе существованія извѣстнаго ряда закономѣрностей, управляющихъ данными молекулярными и формативными процессами; этотъ-то рядъ закономѣрностей, существованіе которыхъ мы установили чисто эмпирическимъ путемъ, мы и называемъ «закономъ равновременной или гомохронной наслѣдственности» (Геккель). Такихъ законовъ наслѣдственности установленъ цѣлый рядъ, но ими не исчерпывается область «законовъ развитія»: сюда относятся и законы измѣнчивости, и законы соотношенія, и законы постепеннаго усложненія организаціи, достигаемой раздѣленіемъ труда между органами и координаціей ихъ. Сюда же относятся и такъ называемые числовые законы, управляющіе листорасположеніемъ у растеній, числомъ одинаковыхъ органовъ и частей у извѣстныхъ животныхъ типовъ: число сегментовъ у низшихъ ракообразныхъ колеблется, у высшихъ оно достигаетъ опредѣленнаго числа (20) и становится постояннымъ; число амбулакральныхъ и межамбулакральныхъ рядовъ пластинокъ у ископаемыхъ морскихъ ежей (Echinida) колеблется, пока не достигаетъ цифры 20, которая и удерживается до настоящаго времени. Морскіе ежи интересны и въ другомъ отношеніи, какъ примѣръ ряда чисто морфологическихъ измѣненій, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе неизмѣримыхъ періодовъ геологической исторіи; древнѣйшія формы морскихъ ежей обладали двухсторонней симметріей, но уже въ девонскомъ періодѣ появляются морскіе ежи съ правильной пятисторонней формой (и 20-ю рядами пластинокъ), между тѣмъ какъ двусторонніе формы близятся къ вымиранію и окончательно вымираютъ еще до наступленія мезозойской эры (тріаса). Однако, среди пятисторонніхъ ежей, максимальное развитіе которыхъ относится къ мѣловому періоду, уже въ юрскомъ періодѣ начинаютъ появляться снова двусторонне-симметричныя формы, которыя становятся даже впослѣдствіи преобладающими по числу и остаются таковыми по настоящее время. Изъ другихъ примѣровъ чисто морфологической эволюціи я укажу лишь на одинъ еще: съ древнѣйшихъ временъ геологической исторіи совершается

Digitized by Google

переходъ дихотомическаго (вилообразнаго) вѣтвленія папоротниковыхъ листьевъ въ перистое (Potonié).

Къ этой же области относятся, наконецъ, и тѣ признаки, о которыхъ еще самъ Дарвинъ предполагалъ, что они обязаны своимъ происхожденіемъ не какимъ-нибудь приспособленіямъ, а исключительно тому, что онъ называетъ «законами роста». Такъ, въ «Происхожденіи видовъ» мы находимъ слѣдующее мѣсто:

«Черепные швы у молодыхъ млекопитающихъ разсматривались, какъ прекрасное приспособленіе, облегчающее актъ родовъ, и, безъ сомнѣнія, они могутъ ему способствовать или даже оказаться необходимыми, но такъ какъ эти швы существуютъ и на черепахъ птицъ и пресмыкающихся, которымъ приходится только вылупляться изъ яйца, то мы и въ правѣ заключить, что это строеніе вытекаетъ изъ самыхъ законовъ роста и только позднѣе изъ него была извлечена польза при актѣ рожденія» («Происхожденіе видовъ», стр. 126).

Это противопоставленіе, такъ ясно проведенное Дарвиномъ, дѣлаетъ излишнимъ дальнѣйшіе примѣры и лучше всего доказываетъ необходимость различенія чисто морфологическихъ признаковъ, съ ихъ эволюціей, подчиняющейся еще неизвѣстнымъ намъ «законамъ роста и развитія», отъ признаковъ приспособительныхъ, являющихся внѣшнимъ выраженіемъ извѣстнаго равновѣсія, установившагося между организмомъ и его средой. Если распространеніе даннаго организма ограничено одной какой-нибудь небольшой областью, гдѣ ему приходится покупать свое существованіе цѣной приспособленія къ особымъ специфическимъ условіямъ, то онъ будетъ поражать насъ преобладаніемъ признаковъ приспособительныхъ надъ основными признаками организаціи; напомню хотя бы о паразитныхъ ракахъ изъ подъотряда *Rhizocephalinae*, теряющихъ часто послѣдніе слѣды сегментаціи—этого основного признака организаціи ракообразныхъ, да и всѣхъ вообще членистоногихъ. Но зато у цѣлаго ряда формъ попадающихся при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ существованія, явно преобладаютъ признаки «организаціонные», для которыхъ часто такъ трудно бываетъ указать ихъ «пользу».

Это раздѣленіе признаковъ на двѣ группы не ново: уже *Нэгели* различалъ «совершенство организаціи» (Organisationsvollkommenheit), отъ «совершенства приспособленія» (Anpassungsvollkommenheit). Но эта, безъ сомнѣнія, основательная мысль, какъ и многія другія идеи Нэгели, не нашли въ свое время поддержки, отчасти вслѣдствіе нѣсколько неудачной формы, въ которой онѣ были выражены и которая придавала имъ въ глазахъ многихъ трезвыхъ эмпириковъ характеръ «метафизическихъ бредней». Эта излишняя подозрительность многихъ естествоиспытателей мѣшала имъ признать «прямые» законы развитія до тѣхъ поръ, пока они не выяснили себѣ истинныхъ предѣловъ приложимости теоріи отбора.

А между тѣмъ, уже однихъ явленій «соотношенія роста», о которыхъ самъ Дарвинъ такъ часто говорилъ въ своихъ трудахъ, достаточно было бы для признанія существованія такихъ прямыхъ зако-

Digitized by Google

новъ. И въ этомъ случаѣ философъ *Ф. А. Ланге* правильнѣе оцѣнилъ значеніе данныхъ явленій, чѣмъ многіе спеціалисты естествоиспытатели. Говоря о явленіяхъ соотношеній роста Ланге замѣчаетъ:

«Что, напр., тяжелыя, отвислыя уши нѣкоторыхъ видовъ кроликовъ должны производить модифицирующее давленіе на черепъ—это мы можемъ понять по механическимъ причинамъ»... «Но почему, напримѣръ, бѣлыя кошки съ голубыми глазами обыкновенно глухи, почему пунцовые георгины имѣютъ выемчатые лепестки—для насъ пока совершенно непонятно. Но такъ какъ подобныя связи существуютъ въ весьма большомъ количествѣ, то мы изъ этого видимъ, что въ строеніи организмовъ господствуютъ законы образованія, которые намъ неизвѣстны не только по объему ихъ дѣйствія, но даже по способу дѣйствія. *Но при этомъ, конечно, нѣтъ необходимости думать о какихъ-либо намъ неизвѣстныхъ силахъ*»... и т. д. *).

Правильно понимаемые «законы развитія», которыми управляется измѣненіе органическихъ формъ, не можетъ быть «ничѣмъ инымъ, кромѣ мыслимаго въ видѣ нѣкотораго единства совокупнаго дѣйствія общихъ законовъ природы для произведенія явленія развитія». Это «взятыя изъ наблюденія извѣстныя правила въ процессахъ природы, послѣднихъ причинъ которыхъ мы еще не знаемъ» **).

Говоря о «внутреннихъ причинахъ», мы разумѣемъ лишь то неоспоримое обстоятельство, что такой въ высшей степени сложный аггрегатъ, какимъ является элементарный носитель жизни — протоплазма, въ самомъ сложномъ химизмѣ и своей сложной структурѣ обладаетъ средствомъ для разнообразнаго внутренняго перераспредѣленія воспринимаемой имъ энергіи, вслѣдствіе чего реакція организма на внѣшнія воздѣйствія носитъ высокую степень самостоятельности, специфичности, такъ что одно и то же воздѣйствіе можетъ вызвать въ разныхъ организмахъ совершенно различныя реакціи. Цѣпь причинностей, которою связываются начало и конецъ процесса, слишкомъ длинна и запутана, чтобъ быть прослѣженой по всѣмъ этапамъ. Особенно сильно поражаетъ насъ эта видимая несоизмѣримость между внѣшнимъ воздѣйствіемъ и реакціей организма тамъ, гдѣ на сцену выступаетъ формативная энергія. Вслѣдствіе укушенія опредѣленнаго насѣкомаго, на вѣтвяхъ и листьяхъ опредѣленнаго вида растенія получается новообразованіе вполнѣ опредѣленной формы: здѣсь химическое раздраженіе вспрыснутаго вещества, благодаря сложной цѣпи внутреннихъ взаимодѣйствій получаетъ характеръ морфогеннаго или формативнаго раздраженія, вслѣдствіе чего вновь образующіяся на этомъ мѣстѣ клѣтки располагаются въ строго-опредѣленномъ порядкѣ. Кто здѣсь болѣе виноватъ въ происшедшемъ измѣненіи формы: химическое свойство вспрыснутаго вещества или сложная структура и вообще организація растенія? Дарвинъ вполнѣ опредѣленно отвѣчалъ въ такихъ случаяхъ говоря: «Мы въ правѣ заключить, что природа условій имѣетъ въ произведеніи каждаго даннаго измѣненія менѣе значенія, чѣмъ природа са-

*) «Исторія матеріализма». Русское изданіе Пантелѣева. Спб. 1899 г., стр. 532. Курсивъ мой.

**) Тамъ же, стр. 535.

Digitized by Google

мого организма; быть можетъ, первая вліяетъ не болѣе существенно, чѣмъ природа той искры, которая воспламеняетъ массу горючаго матеріала, вліяетъ на свойства вспыхивающаго пламени» *).

Вообще самъ Дарвинъ безъ всякаго сомнѣнія признавалъ «внутреннія причины» и «законы развитія» и другіе факторы развитія, какъ, напримѣръ, дѣйствія прямого приспособленія. Послѣднее онъ особенно ясно высказалъ въ одномъ письмѣ къ Уолессу (отъ 5-го іюля 1866 года), гдѣ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что прочитанныхъ «Основаній біологіи» Спенсера, онъ говоритъ: Какое, это однако, несчастіе, что, какъ мнѣ кажется, едва ли когда-либо будетъ возможно отличить прямое воздѣйствіе внѣшнихъ факторовъ отъ «переживанія наиболѣе приспособленнаго». Правда, читая Дарвина мы не слишкомъ часто наталкиваемся на выраженія «внутреннія причины» и т. п. Но это вполнѣ понятно, такъ какъ Дарвинъ не писалъ трактата объ эволюціи органическаго міра вообще, а лишь старался разъяснить дѣйствіе открытаго имъ фактора.

«Съ той грандіозной и обыкновенно плодотворной односторонностью, которую мы видимъ особенно часто у англичанъ, Дарвинъ провелъ свой принципъ такъ, какъ будто бы нужно было все вывести исключительно изъ него—говоритъ Ф. А. Ланге.—*Содѣйствующая* повсюду причина трактовалась такъ, какъ будто бы она дѣйствовала одна, но догматическое утвержденіе, что она одна, не есть необходимая составная часть системы. Дарвинъ вездѣ, гдѣ онъ видитъ себя приведеннымъ къ содѣйствію внутреннихъ причинъ, принималъ это содѣйствіе такъ просто въ свое объясненіе формъ природы, что можно скорѣй предположить, что онъ считалъ его *само собою разумѣющимся*».

Для человѣка, стремящагося провести новую идею—это пріемъ вполнѣ понятный. Но принять такой пріемъ за основу всего дальнѣйшаго изслѣдованія значитъ намѣренно закрыть глаза на массу явленій, только потому, что нашъ великій учитель случайно не видѣлъ или не могъ видѣть ихъ.

Принимая положеніе, что естественный отборъ, какъ факторъ эволюціи уживается съ законами развитія, намъ остается еще только уяснить себѣ различіе въ характерѣ дѣятельности этихъ обѣихъ группъ факторовъ. Здѣсь прежде всего необходимо указать на то, что дѣйствіе другихъ факторовъ развитія — прямое, дѣйствіе же естественнаго отбора—косвенное. Поясникъ примѣромъ.

Нѣкоторые виды европейскихъ мотыльковъ обладаютъ одной характерной особенностью, извѣстной подъ именемъ сезоннаго диморфизма **), и заключающейся въ томъ, что одна группа особей, возникшая изъ перезимовавшихъ куколокъ и летающая весной, рѣзко отличается въ своей окраскѣ отъ другой группы особей того же вида, продѣлывающей всѣ стадіи метаморфозы отъ яйца до гусеницы, куколки и зрѣлаго мотылька въ теченіе весеннихъ и лѣтнихъ мѣсяцевъ, и летающей

*) Дарвинъ. «Происхожденіе видовъ» стр. 14.

**) См. «Научн. Хрон.» Апрѣль. 1901.

Digitized by Google

позднимъ лѣтомъ и осенью. Обѣ эти формы—зимняя и лѣтняя, настолько отличны другъ отъ друга, что были описываемы, какъ различные виды, покуда не удалось вывести одну форму изъ яицъ другой. Такъ теперь знаютъ, что видъ *Vanessa levana* представляетъ зимнюю форму вида *Vanessa prorsa*, тогда какъ Lycaena-Polysperchon является зимней формой вида Lycaena Amyntas и мн. др. Какъ только этотъ фактъ былъ установленъ, ученые попытались объяснить себѣ его, и первое предположеніе, на которомъ они остановились, было то, что различія между зимней и лѣтней формами обусловливаются различіемъ температуры, при которой развиваются куколки. Сдѣлавъ такое предположеніе, не было ничего проще, какъ попытаться путемъ эксперимента доказать его вѣрность. Начиная съ 1864 года цѣлымъ рядомъ зоологовъ производились опыты въ этомъ направленіи и всѣ эти опыты съ несомнѣнностью доказали, что сдѣланное предположеніе о непосредственномъ воздѣйствіи температуры на окраску совершенно вѣрно. При продолжительномъ воздѣйствіи низкой температуры удавалось изъ лѣтнихъ личинокъ получить зимнюю форму—такъ лѣтняя *Pieris rapæ* превращалась въ зимнюю *Pieris Bryoniae*, у многихъ удавалось и обратное превращеніе зимнихъ формъ въ лѣтнія, у другихъ въ зависимости отъ условій опыта получался большій или меньшій процентъ весьма любопытныхъ переходныхъ формъ. Насколько такіе опыты могутъ пролить свѣтъ на распредѣленіе близкихъ родственныхъ видовъ по данной территоріи, показываетъ слѣдующій фактъ, приводимый Эймеромъ.

Lycaena Agestis имѣетъ сезонный диморфизмъ двоякаго рода: двѣ формы A и B смѣняютъ другъ друга въ Германіи, какъ зимняя и лѣтняя формы. Въ Италіи та же смѣна совершается между двумя формами B и C, изъ коихъ B зимняя, а C лѣтняя. Зимняя итальянская форма (B) соотвѣтствуетъ лѣтней германской, лѣтняя же итальянская (C или Lyc. Allous) въ Германіи не попадаются, точно также какъ зимняя германская (A) не живетъ въ Италіи.

Сказаннаго достаточно, чтобы иллюстрировать ту мысль, что воздѣйствіе прочихъ факторовъ развитія, какъ воздѣйствіе *прямое*, поддается провѣркѣ путемъ опыта и что, изучая отдѣльные случаи, мы можемъ иногда получать весьма ясные отвѣты на запросы нашего ума. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ естественнымъ отборомъ. Здѣсь экспериментальная провѣрка невозможна, ибо естественный отборъ дѣйствуя косвенно путемъ жизни и смерти, требуетъ цѣлаго ряда поколѣній для проявленія своего дѣйствія: а воспроизвести искусственно всѣ условія существованія для цѣлаго ряда поколѣній невозможно. Вслѣдствіе этого, дѣйствіе естественнаго отбора не подлежитъ провѣркѣ, и идея естественнаго отбора останется всегда тѣмъ, чѣмъ она была съ самаго начала: логическимъ выводомъ, основывающимся на аналогіи и на соображеніяхъ общаго характера. Это сознавалъ уже и самъ Дарвинъ. 22-го мая 1863 года онъ пишетъ Бентаму:

Digitized by Google

«Въ самомъ дѣлѣ, вѣра въ естественный отборъ принуждена въ настоящее время опираться на общихъ соображеніяхъ: 1) что онъ является vera causa, вслѣдствіе борьбы за существованіе и достовѣрнаго геологическаго факта, что виды, во всякомъ случаѣ, измѣнялись же какимъ-нибудь образомъ; 2) вслѣдствіе измѣненій, наступающихъ въ состояніи приручения путемъ производимаго человѣкомъ подбора; 3) и главнымъ образомъ, вслѣдствіе того, что этотъ взглядъ связываетъ массу фактовъ одной понятной точкой зрѣнія. Переходя къ отдѣльнымъ случаямъ, мы можемъ доказать, что ни одинъ видъ не измѣнился (т.-е. мы не можемъ доказать, чтобы хотя бы одинъ видъ измѣнился); также мы не можемъ доказать, что предположенныя измѣненія были полезны, что, вѣдь, составляетъ основу теоріи».

Для тѣхъ, кого могли бы смутить слова «въ настоящее время», относящихся къ 1863 году, я могу замѣнить, что еще не далѣе, какъ въ 1893 году *Вейсманъ*, послѣ долгаго спора съ Спенсеромъ о томъ, можетъ ли тотъ или иной признакъ, какъ, напримѣръ, неодинаковая чувствительность различныхъ частей кожи человѣка и т. п., имѣть «подборную цѣнность», т.-е. рѣшающее значеніе въ борьбѣ за существованіе, рѣшительно заявляетъ: «По моему мнѣнію вообще ни одинъ случай процесса естественнаго отбора не можетъ быть установленъ опытной провѣркой. Что же вынуждаетъ насъ принять этотъ принципъ отбора? Не что иное, какъ могущество логики». Такъ же высказывались и *Дюбуа-Реймонъ* (1876) и *Lloyd-Morgan* (1890) и *Уоллесъ* (1894) и, наконецъ, *Platè* (1900), говорящій: «Почти всегда невозможно опредѣлить въ данномъ частномъ случаѣ мѣру подборной цѣнности, а часто даже невозможно установить, имѣетъ ли тотъ или иной, повидимому, полезный органъ подборную цѣнность, или нѣтъ. Изъ этого слѣдуетъ, что вѣрность теоріи отбора вытекаетъ не изъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ единичныхъ случаевъ, и не на таковыхъ, можетъ быть, испытана, но представляетъ логическое заключеніе изъ общихъ положеній».

А если это такъ, то какую же познавательную цѣнность имѣетъ для насъ эта теорія? Отвѣтимъ прежде всего наглядным примѣромъ. Вспомнимъ хотя бы ту бабочку, о которой выше шла рѣчь, именно итальянскую лѣтнюю форму Lycaena, *Lycaena Agestis var. Allous* (форма C). Не встрѣчая ее въ Германіи, гдѣ живутъ, однако, очень близкія формы (A и B), мы, желая объяснить это явленіе естественнымъ отборомъ, пускались бы въ догадки о томъ, какую пользу можетъ приносить этой формѣ C ея окраска, отличная отъ всѣхъ близкихъ формъ, такъ какъ исходили бы изъ того представленія, что первоначально тамъ происходило состязаніе нѣсколькихъ формъ и что данная форма пережила именно вслѣдствіе обладанія этимъ признакомъ; не находя, однако, въ такой особой окраскѣ никакой видимой пользы, мы ухватились бы за другой якорь спасенія: мы рѣшили бы, что окраска эта, сама по себѣ не полезная и не вредная, находится въ соотношеніи съ какимъ-нибудь полезнымъ физіологическимъ признакомъ и благодаря этому отбиралась; не трудно убѣдиться, однако, въ томъ, что такое объясненіе равносильно отреченію отъ дальнѣйшихъ поисковъ за объясненіемъ, ибо область соотносительной измѣнчивости еще со-

Digitized by Google

вершенно темная область, гдѣ спекуляція можетъ комбинировать, что угодно съ чѣмъ угодно. Но стоитъ только отказаться отъ тенденціознаго прикрашиванія фактовъ къ теоріямъ и подойти къ вопросу съ испытаннымъ орудіемъ-опытомъ, и намъ открываются несомнѣнныя, и при томъ прямыя, подлежащія контролю, причины дифференцированія видовъ, образованія новыхъ видовъ изъ другихъ близкихъ видовъ.

На этомъ примѣрѣ мы видимъ, какова должна быть общая оцѣнка значенія теоріи отбора, кратко формулированная въ слѣдующемъ положеніи: включеніе принципа естественнаго отбора въ систему нашего познанія природы является прогрессомъ, такъ какъ эта теорія, во-первыхъ, расчищаетъ путь для научной мысли, знаменуя собою переходъ отъ телеологической точки зрѣнія къ каузальной, и во-вторыхъ, даетъ намъ представленіе о возможныхъ причинахъ явленій въ органической природѣ, исходя изъ предположеній, совмѣстимыхъ съ прочими нашими представленіями объ условіяхъ существованія организмовъ. Но односторонее приложеніе этого общаго принципа ко всѣмъ частнымъ случаямъ, стремленіе втиснуть всѣ проблемы въ прокрустово ложе излюбленной теоріи часто угрожаетъ опасностью для дальнѣйшаго развитія науки, такъ какъ содѣйствуетъ раціоналистическому направленію мысли, довольствующемуся *мыслимымъ* истолкованіемъ и добровольно отказывающемуся отъ поисковъ за *дѣйствительной* причиной явленія. А что мыслимое объясненіе не всегда тожественно съ дѣйствительнымъ, это, при всей сложности явленій и разнообразіи возможныхъ комбинацій, не подлежитъ сомнѣнію.

Заканчивая на этомъ разборъ общихъ вопросовъ о предѣлахъ приложимости, характерѣ и общемъ значеніи теоріи естественнаго отбора, я хотѣлъ еще къ концу сгруппировать тѣ выводы, къ которымъ мы приходимъ путемъ такого разсмотрѣнія.

Если мы признаемъ эволюцію органическихъ формъ доказанной, то передъ нами возникаетъ вопросъ о томъ, какими путями и средствами совершается эта эволюція. Вопросъ этотъ можетъ и долженъ быть трактуемъ совершенно особо отъ болѣе общаго вопроса объ эволюціи формъ вообще: было бы совершенно невѣрно думать, что общій принципъ эволюціи органическихъ формъ доказывается той или иной теоріей этой эволюціи, т. е. тѣмъ или инымъ представленіемъ о движущихъ причинахъ этого процесса. Движеніе планетъ вокругъ солнца не доказывается всеобщемъ тяготѣніемъ, а только дѣлается для насъ болѣе наглядными, иллюстрируется теоріей тяготѣнія. Также мало эволюція органическихъ формъ доказывается теоріей естественнаго отбора. Такимъ образомъ, на ряду съ теоріей естественнаго отбора мыслимы и другія теоріи, пытающіяся иллюстрировать ходъ органической эволюціи. Каждая изъ такихъ теорій должна основываться на извѣстномъ рядѣ фактовъ и эмпирически установленныхъ закономѣрностей въ процессахъ органическаго развитія или «эмпирическихъ законовъ развитія»; каждая такая теорія должна считаться съ основными свойствами, съ физико-химическими и структурно-формативными

Digitized by Google

особенностями протоплазмы, какъ матеріальнаго носителя жизненныхъ явленій; объясненіе этихъ основныхъ свойствъ не входитъ въ сферу компетенціи такой теоріи, она вводитъ ихъ въ свой разсчетъ, какъ нѣчто данное, и пытается лишь освѣтить динамическую сторону явленія; и, наконецъ, каждая такая теорія можетъ имѣть лишь извѣстную, ограниченную сферу приложенія и не можетъ претендовать на универсальность и на истолкованіе всего феномена жизни, именно въ силу того, что и первичныя свойства протоплазмы, и извѣстные законы развитія служатъ ей предпосылками.

Вотъ тѣ немногія общія положенія, которыя необходимо уяснить себѣ, прежде чѣмъ перейти къ критическому обзору столь разросшейся за послѣдніе годы антидарвинистической литературы. Передъ нами цѣлый рядъ новыхъ теорій органической эволюціи: теорія ортогенезиса—*Эймера*, теорія гетерогенезиса — *Коржинскаго*, теорія мутацій—*Де—Фриза*—рядъ теорій, изъ коихъ каждая считаетъ себя несовмѣстимой съ теоріей естественнаго отбора. Затѣмъ мы имѣемъ цѣлый рядъ поправокъ къ теоріи отбора—физіологическій отборъ—*Роменса*, новые взгляды на сущность и характеръ борьбы за существованіе, высказанные *Пфефферомъ* и *Делажемъ*; новыя ограниченія и формулировка теоріи полового подбора и мн. др. Согласно установленной выше методологической точкѣ зрѣнія, мы должны будемъ, для достиженія правильной оцѣнки каждаго изъ указанныхъ новыхъ направленій научной мысли, постараться отвѣтить на вопросы: каковы эмпирическія основы этого новаго ученія? Какую область явленій оно пытается объяснить? Поскольку оно опровергаетъ и поскольку дополняетъ теорію естественнаго отбора или дарвинизмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, опровергая или подтверждая ея эмпирическія предпосылки, съужая или расширяя область ея приложенія? Только подходя къ каждому новому ученію съ такими вопросами и не упуская изъ виду общей логической точки зрѣнія, можно придти къ наиболѣе правильной оцѣнкѣ всего современнаго движенія въ этой области мысли, не рискуя впасть ни въ излишній консерватизмъ по отношенію къ существующей теоріи, ни въ излишнюю односторонность многихъ ея новыхъ оппонентовъ. И какъ ни кажутся на первый взглядъ противорѣчивыми мнѣнія разныхъ авторовъ, объективный наблюдатель долженъ будетъ вынести изъ такого обзора впечатлѣніе, что научная мысль находится на вѣрномъ пути развитія и при своихъ дальнѣйшихъ шагахъ исходитъ изъ правильнаго пониманія своей роли, о которой Эймеръ такъ вѣрно высказался въ заключеніе одного своего доклада, говоря: «Наша обязанность—трудъ, наше право—свободное изслѣдованіе, наше удовлетвореніе — установленіе крупицы истины на благо человѣчества, наша надежда—познаніе».

С. Чулокъ.

Digitized by Google

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг.

(*Продолженіе* *).

V.

Наша дѣйствительность и ея бытописатели. — Отраженіе современной жизни въ творчествѣ Крылова, Жуковскаго, Батюшкова Грибоѣдова и Пушкина. — Второстепенныя литературныя силы: Нарѣжный, Вулгаринъ, Вѣгичевъ, Ушаковъ, Лажечниковъ, Загоскинъ, Марлинскій и Полевой.—Значеніе ихъ романовъ въ дѣлѣ сближенія искусства и жизни.

Если подъ словомъ «народность», которое такъ часто поминала наша критика въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, разумѣть преимущественно отраженіе *современной* русской жизни въ литературѣ, то съ жалобами критики на отсутствіе у нашихъ писателей любви и чутья къ дѣйствительности придется согласиться, хотя съ нѣкоторыми оговорками.

Нужно прежде всего помнить, какъ уже замѣчено, что всѣ наши подражатели, какъ индивидуальныя лица, были все-таки въ извѣстной степени самобытны и народны и никогда не перенимали чужого, не подмѣшавъ къ нему своего, въ силу чего подъ иностранной внѣшностью часто крылись чисто русскіе помыслы и чувства; нельзя забывать также, что подражаніе простому наивному творчеству и реставрація старины легендарной и исторической также способствовали выясненію «русскаго народнаго духа», въ его историческомъ обнаруженіи.

Но помимо всего этого, въ тогдашней словесности было не мало такъ называемыхъ «картинъ нравовъ», въ которыхъ современная жизнь находила себѣ уже прямое, довольно вѣрное отраженіе. Нельзя было сказать такъ категорически, какъ говорила критика, «что мы нищіе, принужденные обкрадывать сосѣдей». Кое что у насъ было и своего, и это кое что при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается отнюдь не столь ничтожнымъ. Если критика недостаточно оцѣнила это національное богатство, то потому, что заглядываясь на западъ, требовала слишкомъ многого, а также и потому, что не всегда внимательно слѣдила за литературными новинками.

*) См. «Міръ Божій», февраль 1902 г.

Digitized by Google

Слишкомъ большая строгость критики находитъ себѣ отчасти объясненіе въ томъ довольно любопытномъ фактѣ, что наши наилучшія литературныя силы и дарованія тѣхъ годовъ, дѣйствительно, неохотно брались за изображеніе окружающей ихъ жизни, обнаруживая очень мало склонности къ ея реальному воспроизведенію въ искусствѣ. За реальное же изображеніе окружающей «существенности»—которое, въ силу своего реализма, и имѣло больше всего шансовъ стать народнымъ, взялись не они, а художники второго, иной разъ третьяго ранга, въ произведеніяхъ которыхъ, конечно, цѣль и намѣреніе не покрывались исполненіемъ. Критика, чувствуя эти эстетическіе недохваты въ повѣстяхъ и романахъ нашихъ раннихъ реалистовъ, поторопилась скинуть ихъ работу со своихъ счетовъ и потому естественно должна была придти къ выводу, что наша современность въ литературѣ отзвука не находитъ.

Но для историка такой строгій приговоръ старой критики необязателенъ и малое «эстетическое» значеніе первыхъ попытокъ нашего реальнаго романа ничего не говоритъ противъ того «историческаго» вліянія, какое они безспорно имѣли на творчество художниковъ, упразднившихъ эти попытки своими истинно-реальными картинами.

Страннымъ, дѣйствительно, на первый взглядъ можетъ показаться тотъ фактъ, что наши наиболѣе сильныя дарованія двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ чувствовали очень малое влеченіе къ реальному изображенію нашей жизни въ искусствѣ. Они какъ будто сторонились отъ дѣйствительности, оберегая свободу своего творчества, которой и пользовались, чтобы почаще перелетать за границу нашей родины, а нерѣдко и вообще за предѣлы всякой дѣйствительности.

Это тѣмъ болѣе странно, что XVIII вѣкъ завѣщалъ намъ довольно типичные примѣры реализма въ искусствѣ. Мы хорошо помнили Фонвизина и охотно прощали ему за его реализмъ сентиментальную дидактику его комедій; мы не могли позабыть и о журнальной дѣятельности Новикова. Въ его старыхъ летучихъ листкахъ мы имѣли образцы довольно искусной жанровой живописи, образчики типовъ, можетъ быть нѣсколько общаго характера, но все-таки живыхъ и реальныхъ; наконецъ и въ книгѣ Радищева, которую, конечно, трудно отнести къ числу памятниковъ чисто художественнаго творчества, были страницы такого захватывающаго житейскаго реализма, до котораго лишь много лѣтъ спустя возвысился нашъ романъ натуральной школы.

Эта тенденція сближенія искусства съ жизнью не исчезла, конечно, и въ началѣ XIX вѣка и мы увидимъ, какъ медленно и постепенно расширялось все болѣе и болѣе поле зрѣнія русскаго «реалиста». Но если не погибла сама тенденція, то все-таки ея ростъ не соотвѣтствовалъ тому приросту литературныхъ силъ, который замѣчается въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XIX вѣка. Талантовъ народилось много и даже очень сильныхъ, но изъ числа ихъ лишь нѣкоторые и притомъ болѣе слабые обнаружили склонность и способность къ реаль-

Digitized by Google

ному воспроизведенію нашей жизни: самые даровитые откликались на эту жизнь какъ-то неохотно и предпочитали заимствовать свой матеріалъ изъ жизни не русской и не современной, либо ограничивались изображеніемъ хотя и реальной жизни, но жизни частной и личной, т.-е. оставались лириками.

Представителемъ старшаго поколѣнія писателей-реалистовъ былъ въ тѣ годы Крыловъ. Авторъ статей и очерковъ сатирическаго характера, во многомъ напоминавшихъ пріемы Новикова, Крыловъ въ началѣ XIX вѣка прославился своими баснями, которыя могли бы подъ его живописнымъ перомъ стать цѣлымъ рядомъ правдивыхъ жанровыхъ картинокъ нашей дѣйствительности, если бы авторъ не придерживался такъ послушно иноземныхъ образцовъ, у которыхъ онъ заимствовалъ свои мысли и положенія. Басня Крылова—предметъ нашей національной гордости—была большой побѣдой «народности» въ искусствѣ, но эта побѣда пошла на пользу не столько литературѣ въ широкомъ смыслѣ этого слова, сколько языку и стилю въ частности. Въ вѣкъ неоригинальнаго стиля и несвободнаго языка, Крыловъ былъ однимъ изъ немногихъ писателей, въ которомъ русскій человѣкъ узналъ самого себя, ее своей образной и остроумной рѣчью. Но огромное большинство басенъ Крылова все-таки не имѣло никакого мѣстнаго колорита и дѣйствующія въ нихъ лица были типы самые общіе, безъ всякихъ чертъ какой-либо народности. Во всѣхъ басняхъ мы наберемъ можетъ быть два три современныхъ типа, которые во всякомъ случаѣ не позволяютъ намъ сказать, что въ лицѣ Крылова передъ нами бытописатель нашей жизни. Крыловъ—выразитель мудрости общечеловѣческой, накопившейся вѣками и выраженной въ традиціонныхъ стереотипныхъ образахъ, на которыхъ давнымъ давно стерлись всякія краски и черты тѣхъ національностей, которыя надъ выработкой этихъ типовъ потрудились. Наша критика однако всегда превозносила Крылова за его «народность» и она была конечно права, если подъ этимъ словомъ разумѣть ту внѣшнюю форму, въ которую Крыловъ облекалъ свою мораль и сатиру, но связь этой морали со своимъ вѣкомъ была очень слабая, а иной разъ, какъ напр. въ типахъ изъ среды крестьянской, этой связи совсѣмъ не существовало.

Бо́льшую связь со своей эпохой обнаруживала поэзія Жуковскаго—столь популярная въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ XIX вѣка. Она сумѣла уловить господствующее сентиментально-религіозное настроеніе русскаго общества, равно какъ и патріотическій подъемъ его духа, но для выраженія этихъ народныхъ чертъ поэзія Жуковскаго всегда пользовалась заимствованной формой, образами и картинами, взятыми изъ какой угодно исторической жизни, но только не нашей. Чутья дѣйствительности у Василія Андреевича совсѣмъ не было, да онъ, какъ извѣстно, очень мало интересовался этой дѣйствительностью, всегда предпочитая ей «былое» или туманное «тамъ». Опредѣлить по

Digitized by Google

его поэзіи, въ какой историческій моментъ она создана, крайне трудно, хотя, если этотъ историческій моментъ опредѣленъ, то имъ объясняются легко всѣ основные мотивы этой однообразной, но задушевной пѣсни. При своей нелюбви къ житейскому факту и стремленіи искать въ немъ всегда общій нравственный или религіозный смыслъ, Жуковскій избѣгалъ всякаго намека на реализмъ въ своемъ искусствѣ, и искать въ этомъ искусствѣ какихъ-нибудь бытовыхъ чертъ—напрасно. Даже тогда, когда поэтъ съ умысломъ хотѣлъ быть русскимъ и брался за разработку русскихъ національныхъ преданій и старины—онъ никогда не могъ выдержать наивно-правдиваго тона, и пѣсня его сбивалась на иностранный мотивъ, хотя критика, обманутая ея искренностью и красотой, и признавала ее нерѣдко за истинно народную. Случалось, впрочемъ, и Жуковскому иной разъ напасть на тему современную, но всѣ его попытки въ этомъ родѣ ограничивались совсѣмъ незначущими эскизами и замѣтками, и онъ писалъ ихъ презрѣнной прозой.

Русская дѣйствительность была, такимъ образомъ, обойдена художникомъ, и онъ за своей личностью просмотрѣлъ ее или вѣрнѣе не хотѣлъ къ ней приглядѣться. А Василій Андреевичъ имѣлъ случай изучить ее—и въ деревнѣ, и въ пансіонѣ, и въ походахъ, и въ гостиныхъ, и во дворцѣ. Но онъ этимъ знаніемъ не воспользовался. Всю жизнь остался онъ юношей-мечтателемъ и не замѣчалъ не только повседневной тихой русской жизни, но даже всего шума жизни западной, среди которой ему проживать случалось.

Не существовала текущая минута и для Батюшкова—этого тоннаго эстетика, которому слѣдовало бы родиться въ Авзоніи, а не на нашемъ дальнемъ сѣверѣ. Служитель музъ по премуществу, онъ, также какъ Жуковскій, не питалъ пристрастія къ людямъ—какъ ихъ создаетъ пространство и время. Онъ любилъ человѣка въ его просвѣтленномъ образѣ.

Большой поклонникъ красоты античнаго міра и Италіи, затѣмъ ревностный ученикъ французской словесности XVIII-го вѣка, въ минуты тоски и печали романтикъ въ стилѣ Рене—Батюшковъ умѣлъ выразить съ неподражаемой граціей всѣ основныя общеевропейскія настроенія своего вѣка, подбирая для нихъ—въ чемъ и была его главная литературная заслуга—удивительно мелодичную форму. Русскій языкъ подъ его перомъ пріобрѣталъ особую эластичность и пѣвучесть, которой иной разъ могъ позавидовать и Жуковскій. Въ этой красотѣ формальной и заключалась вся заслуга поэзіи Батюшкова передъ нашей «народностью»: «народный» языкъ подъ его перомъ пріобрѣлъ особую гибкость и пріучился выражать тѣ чувства и настроенія, для которыхъ онъ, повидимому, не имѣлъ раньше подходящей формы.

Но современная жизнь не оставила никакого слѣда на этой поэзіи. Даже тогда, когда нашъ эстетикъ, въ общемъ равнодушный къ теченію русской жизни, начиналъ обнаруживать хотя бы интересъ къ соціаль-

Digitized by Google

нымъ и политическимъ вопросамъ, волновавшимъ тогда наши умы, даже въ эти рѣдкія для него минуты, онъ продолжалъ оберегать свою фантазію отъ соприкосновенія съ дѣйствительностью: нѣсколько военныхъ картинокъ и нѣсколько военныхъ силуэтовъ — вотъ все «современное», что мы находимъ въ его поэзіи. Остальное было общечеловѣческое, съ текущей минутой связанное лишь самой общей связью и потому только русское, что оно было сказано русскимъ человѣкомъ и при томъ прекраснымъ русскимъ языкомъ.

Такими же русскими писателями, выразителями личныхъ чувствъ единичныхъ особей русскаго интеллигентнаго міра были и наслѣдники Жуковскаго и Батюшкова—всѣ молодые наши поэты двадцатыхъ годовъ, всѣ эти таланты разныхъ степеней, которымъ наша лирическая поэзія обязана своимъ расцвѣтомъ.

Но одинъ тотъ фактъ, что Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ, Подолинскій, Туманскій, Веневитиновъ, Козловъ, Вяземскій и другіе были почти исключительно лириками, указываетъ на то, насколько трудно было даже для яркаго таланта, найти въ себѣ силу для воспроизведенія дѣйствительности, дѣйствительности столь пестрой, столь разнообразной по своимъ взглядамъ и вкусамъ, какова была въ тѣ годы наша жизнь. Всѣ эти поэты предпочитали говорить о себѣ, чѣмъ о томъ, что ихъ окружало.

Исключеніемъ среди нихъ были два писателя, дѣйствительно, одаренные чутьемъ дѣйствительности, но одинъ изъ нихъ успѣлъ сдѣлать слишкомъ мало, другой сдѣлалъ много, но не все, что онъ сдѣлалъ, попало во время въ печать и стало общимъ достояніемъ.

Комедія Грибоѣдова, быть можетъ, потому произвела такое ослѣпляющее впечатлѣніе на современниковъ, что она была единственнымъ литературнымъ памятникомъ двадцатыхъ годовъ, въ которомъ современное общество въ лицѣ многихъ представителей себя узнало. Художникъ — болѣе сатирикъ, чѣмъ бытописатель—обладалъ удивительнымъ даромъ реальнаго воспроизведенія жизни, даромъ который онъ обнаружилъ въ созданіи нѣкоторыхъ (не всѣхъ) типовъ, дѣйствительно, выражавшихъ господствующія вѣянія его эпохи. Это были не только сами по себѣ интересные типы, но, главнымъ образомъ, такіе, въ которыхъ отразился глубокій смыслъ совершавшагося на глазахъ Грибоѣдова историческаго процесса. Во всей нашей литературѣ того времени не было памятника, въ которымъ бы этотъ смыслъ былъ такъ вѣрно уловленъ, какъ въ нашей знаменитой комедіи.

Комедія была впрочемъ не безъ недостатковъ и ее едва ли можно назвать комедіей вполнѣ самобытно-русской. «Горе отъ ума» все-таки носитъ на себѣ слѣды вліянія французскихъ образцовъ. Чѣмъ-то не вполнѣ русскимъ вѣетъ отъ рѣчей Софьи и Лизы—этой субретки и ея барыни-жеманницы; да и самого хваленаго Чацкаго едва ли можно признать настоящимъ типомъ—онъ не столько личность, сколько мысль

Digitized by Google

самого автора, воплощенная въ нѣсколько странной трагикомической фигурѣ. Исторія появленія этой фигуры и ея исчезновенія изъ дома Фамусова разсказана также не вполнѣ реально: и торопится Александръ Андреевичъ своимъ пріѣздомъ и спѣшитъ отъѣздомъ. Нѣкоторые эпизоды придуманы также съ явнымъ умысломъ дать дѣйствующимъ лицамъ высказаться: таковы, напр., эпизоды паденія Молчалина съ лошади или монологъ Чацкаго среди танцовальной залы. Все это, быть можетъ, мелочи сравнительно съ достоинствами комедіи, но они довольно характерные показатели того, какъ даже большому таланту бывало трудно подчасъ обработать русскій сюжетъ вполнѣ реально и съ «существенностью» согласно.

Но все-таки, какъ реалисту, Грибоѣдову принадлежитъ вмѣстѣ съ Пушкинымъ первое мѣсто среди писателей его эпохи—именно, въ виду того пониманія историческаго смысла этой эпохи, которое онъ обнаружилъ въ своей комедіи. Важна въ данномъ смыслѣ не столько яркая типичность нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, какъ, напр., московскаго барина, въ которомъ сановитое чиновничество соединилось съ нѣкоторой аристократической распущенностью помѣщика, или его пріятеля, полковника аракчеевской выправки ума и тѣла, или его гостей—этихъ рѣдкихъ экземпляровъ дворянской кунсткамеры, или, наконецъ, его секретаря обѣщающаго въ будущемъ—чиновника изъ лакеевъ или лакея изъ чиновниковъ, важнѣе всѣхъ этихъ живыхъ портретовъ то изумительное пониманіе современной переживаемой минуты, которое обнаружилъ Грибоѣдовъ, противупоставивъ всѣмъ этимъ сложившимся и опредѣленнымъ цѣльнымъ типамъ, въ которыхъ олицетворилась старина, типъ совсѣмъ неустановившагося молодого человѣка, котораго авторъ сдѣлалъ выразителемъ стремленій и думъ молодежи. Пониманіе эпохи и выразилось, главнымъ образомъ, въ недоговоренности и нецѣльности этого молодого типа, въ которомъ соединены, какъ въ фокусѣ, всѣ нити тогдашней молодой мысли, мысли иногда противорѣчивой и неясной, но зато дѣйствительно современной. Чацкій и славянофилъ, и западникъ, и сентименталистъ и человѣкъ скептическаго и холоднаго разсудка и вмѣстѣ съ тѣмъ экзальтированный юноша, т.-е. въ немъ, какъ въ сводномъ типѣ, соединены противорѣчія, которыя въ живомъ лицѣ не понятны, но въ типѣ сводномъ могутъ быть вполнѣ истолкованы и соглашены. Онъ — выразитель броженія молодыхъ чувствъ и идей, поставленный среди лицъ съ разъ установившимися взглядами и понятіями, и этотъ контрастъ былъ, дѣйствительно, однимъ изъ любопытныхъ историческихъ контрастовъ того времени. Грибоѣдовская комедія первая его отмѣтила и первая заставила о немъ подумать

Для вѣрнаго художественнаго освѣщенія современности Грибоѣдовъ сдѣлалъ больше другихъ, но зато комедія эта и взяла у автора всю его творческую силу — стоила ему многолѣтней работы и

Digitized by Google

высказала все, что имѣлъ сказать художникъ о своемъ времени: по крайней мѣрѣ, въ томъ, что Грибоѣдовъ писалъ послѣ «Горе отъ ума», въ его литературныхъ наброскахъ и планахъ, онъ отъ современности сталъ удаляться.

Нельзя сказать, что къ этой современности близко подошелъ и Пушкинъ. Онъ — «Петръ Великій нашей литературы», какъ его иногда называютъ — сблизилъ русское творчество съ Европой въ томъ смыслѣ, что единственный изъ русскихъ людей умѣлъ такъ сживаться съ міросозерцаніемъ и настроеніемъ нашихъ сосѣдей, что казался какимъ-то гражданиномъ вселенной—какъ всѣ истинно міровые геніи. Его творчество было цѣлой историко-литературной энциклопедіей, въ которой читатель имѣлъ передъ собой самые разнообразные поэтическіе міры, не реставрированные съ натяжкой, а живо и глубоко прочувствованные. Пушкинъ—классикъ и сентименталистъ, Пушкинъ романтикъ и почитатель Байрона и Вальтеръ-Скотта, Пушкинъ драматургъ съ пріемами Шекспира всегда оставался оригинальнымъ и самобытнымъ поэтомъ, который не подражалъ, а перевоплощался въ людей иныхъ вѣковъ, иного круга мнѣній, настроеній и мыслей. И при этой рѣдчайшей способности на все въ мірѣ откликаться, онъ всего рѣже откликался, какъ художникъ, на запросы современной ему жизни. Говоримъ «какъ художникъ», потому что онъ рѣзко разграничивалъ свою дѣятельность, какъ художника, отъ своей работы, какъ критика, историка и публициста. Трудно было найти въ нашемъ тогдашнемъ интеллигентномъ обществѣ человѣка, который имѣлъ бы такіе разносторонніе общественные интересы, какъ, именно, Пушкинъ и, съ другой стороны, не легко указать писателя, съ его широтой ума и глубиной чувства, который бы такъ ревниво оберегалъ свое творчество отъ вторженія въ его область именно этихъ интересовъ. Тому были свои психологическія и иныя причины, и здѣсь не мѣсто ихъ касаться, но самый фактъ остается фактомъ: Пушкинъ избѣгалъ современныхъ темъ, неохотно брался за изображеніе дѣйствительности, его окружавшей, и всегда предпочиталъ въ своемъ творчествѣ міру реальному либо свой психическій, личный міръ, либо міръ историческихъ воспоминаній и легендъ, либо, наконецъ, міръ общихъ символовъ. И это дѣлалъ онъ, одинъ изъ самыхъ глубокихъ реалистовъ въ искусствѣ.

Но такое устраненіе отъ жизни не давалось ему легко. Онъ неоднократно старался побороть въ себѣ эту нелюбовь къ современному и до послѣднихъ годовъ своей жизни все носился съ мыслью объ истинно реальномъ, русскомъ по преимуществу, соціальномъ романа. Въ его бумагахъ какъ извѣстно, осталось много отрывковъ изъ такихъ недописанныхъ романовъ, часть которыхъ относится къ самому началу тридцатыхъ годовъ. Приглядываясь къ этимъ отрывкамъ, удивляешься тому, что они остались въ такомъ неоконченномъ видѣ: въ нихъ нѣтъ ни вялости, ни натяжекъ, ни длинностъ, ничего

Digitized by Google

такого, что указывало бы на неспособность художника справиться съ темой, или на вымученность его работы. Пушкинъ въ этихъ отрывкахъ все тотъ же геніальный Пушкинъ и тѣмъ не менѣе работа его прервана въ самомъ началѣ. Очевидно, что художнику измѣняла въ данномъ случаѣ не сила, а любовь.

Во всемъ, что Пушкину пришлось обнародовать до появленія первыхъ произведеній Гоголя въ печати, современность была очень слабо представлена. Если не считать мелкихъ стихотвореній, въ которыхъ отражалась жизнь той минуты въ формѣ ли сатиры, либеральной пѣсни, картинки изъ сельскаго быта, или вообще жанроваго эскиза, если не считать такихъ мелочей, какъ, напр., «Домикъ въ Коломнѣ» и такого удачнаго воспроизведенія старины, какъ, напр., въ «сказкахъ», то придется указать только на «Евгенія Онѣгина» и на «Повѣсти Бѣлкина», какъ на попытки художественнаго воспроизведенія текущей минуты. И то, и другое произведеніе—не въ одинаковой только степени—были безспорной побѣдой истинной «народности» въ литературѣ, и странно, что критика, которая такъ настойчиво требовала тогда отъ писателя народности, отнеслась къ этимъ двумъ произведеніямъ совсѣмъ не такъ, какъ они этого заслуживали.

Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» заинтересовала ее всего больше личность самого героя, т.-е. наименѣе типичное лицо, въ «Повѣстяхъ Бѣлкина» ея вниманіе было сосредоточено главнымъ образомъ, на фабулѣ разсказовъ, а не на деталяхъ, которыя наиболѣе цѣнны. На самомъ дѣлѣ, однако, и «Онѣгинъ», и «Повѣсти Бѣлкина» были первой попыткой изобразить реально нашу жизнь въ болѣе или менѣе цѣльной и связной картинѣ. Въ «Онѣгинѣ» эта цѣль была относительно достигнута, а повѣсти Бѣлкина остались все-таки сборникомъ анекдотовъ. Тѣмъ не менѣе, и въ томъ, и въ другомъ памятникѣ, читатель могъ узнать окружающую его жизнь — въ особенности жизнь мирныхъ деревенскихъ уголковъ, съ ея затаенными думами и внѣшней простой обстановкой. Въ этой обстановкѣ жили и двигались люди довольные и мирные, не ставившіе жизни никакихъ особыхъ требованій, какъ напр. всѣ добрые знакомые старушки Лариной и всѣ члены ея семьи, за исключеніемъ задумчивой Татьяны, въ эту жизнь вторгались иногда пресыщенные столичные эгоисты въ родѣ Евгенія, съ ней мирно уживались восторженные юноши въ родѣ Ленскаго, привозившіе въ Россію нѣмецкую мудрость, которая однако отнюдь не шла въ прокъ ихъ собственному уму; проживалъ среди этой обстановки и добрѣйшій Иванъ Петровичъ Бѣлкинъ, литераторъ и филантропъ, распустившій бразды своего правленія, сентименталистъ, трогательно разсказывавшій сказки о томъ, какъ баринъ полюбилъ крестьянку и готовъ былъ на ней жениться, и какъ другой баринъ увезъ себѣ для потѣхи дѣвушку, которая потомъ сама стала важной барыней. Вырисовывая съ особой любовью эту помѣщичью жизнь въ усадьбахъ,

Digitized by Google

Пушкинъ въ томъ же «Онѣгинѣ» набрасывалъ сценки изъ жизни столичной, но набрасывалъ бѣгло, вмѣсто типовъ давая лишь силуэты. Итакъ, если въ «Онѣгинѣ» и на нѣкоторыхъ страницахъ «Повѣстей Бѣлкина» была правдиво воспроизведена наша дѣйствительность, то это воспроизведеніе освѣщало лишь очень незначительный уголокъ нашей жизни, и при томъ самый мирный, въ которомъ было всего меньше движенія внутри и на поверхности.

«Евгеній Онѣгинъ» и «Повѣсти Бѣлкина» были единственными произведеніями Пушкина, въ которыхъ онъ являлся какъ бытописатель передъ читающей публикой. Но это было далеко не все, что къ тридцатымъ годамъ въ этомъ направленіи успѣлъ сдѣлать Пушкинъ. Многое хранилось въ его портфелѣ и только послѣ его смерти увидало свѣтъ. Такое позднее появленіе нѣкоторыхъ изъ его произведеній, написанныхъ съ удивительнымъ пониманіемъ дѣйствительности, не вознаграждало нашъ реализмъ въ искусствѣ за ту потерю, которую онъ понесъ отъ незнакомства съ этими опытами Пушкина въ свое время, когда онъ, этотъ реализмъ, боролся за свое существованіе.

Дѣйствительно, если бы въ началѣ тридцатыхъ годовъ читатель имѣлъ въ рукахъ «Исторію села Горохина» (1830)—эту историческую картину современныхъ крестьянскихъ порядковъ при старостахъ и приказчикахъ, эту сатирическую лѣтопись крестьянскаго быта, богатую столь вѣрными деталями; если бы онъ прочиталъ отрывокъ изъ романа «Рославлевъ» (1831), въ которомъ Пушкинъ такъ удивительно просто разсказалъ исторію чисто русской души, получившей не русское образованіе и сохранившей, несмотря на все «подражаніе» въ своей жизни, чисто русскую самобытность ума и сердца; если бы читатель могъ развернуть «Дубровскаго» (1832) и присмотрѣться къ этой галлереѣ типовъ дворянъ и ихъ дворовыхъ или если бы онъ могъ пробѣжать «Отрывки изъ романа въ письмахъ» (1831)—эту интимную переписку свѣтскихъ молодыхъ людей, переписку безъ всякой тѣни условнаго сентементализма и романтизма, гдѣ всего лишь штрихами, но необычайно вѣрно очерчена была столичная свѣтская жизнь; если бы весь этотъ матеріалъ былъ во время напечатанъ, то наши художники реалисты того времени имѣли бы передъ глазами рядъ образцовъ истинно реальнаго творчества и ихъ собственное творчество, конечно отъ этого только бы выиграло. Но все это оставалось подъ спудомъ и Пушкинъ какъ бытописатель русской жизни, былъ извѣстенъ лишь какъ авторъ одной поэмы и одного сборника разсказовъ, мало оцѣненныхъ. Когда заходила рѣчь о «народности» его поэзіи, то указывали, главнымъ образомъ на его «Сказки» и на его «Бориса», понимая, какъ мы уже замѣтили, слово «*народность*» въ нѣсколько узкомъ смыслѣ.

Такимъ образомъ критика, обозрѣвая творческую дѣятельность нашихъ первоклассныхъ художниковъ не могла не пожалѣть о томъ, что

Digitized by Google

вся эта поэтическая сила уходила на изображеніе либо индивидуальнаго міра писателя, либо на выраженіе самыхъ общихъ мыслей и чувствъ, для которыхъ писатель подбиралъ къ тому же образы и обстановку совсѣмъ не русскую. Критика отмѣчала каждый малѣйшій поворотъ этихъ художниковъ къ «народности», радовалась этому, но всетаки жаловалась на то, что наши успѣхи на политическомъ поприщѣ не сопровождаются равными успѣхами на поприщѣ литературномъ.

Но если критика и была права, когда говорила съ нѣкоторымъ упрекомъ о нашихъ лучшихъ литературныхъ силахъ, она была недостаточно справедлива къ литературѣ вообще—къ работѣ тѣхъ второстепенныхъ писателей, въ творчествѣ которыхъ за эти годы все яснѣе и яснѣе стало проявляться стремленіе къ реализму и къ выбору самобытныхъ темъ изъ русской жизни, прошлой, а главнымъ образомъ, изъ современной.

Дѣйствительно, этотъ недостатокъ современности въ творчествѣ нашихъ первыхъ литературныхъ силъ восполнялся трудолюбивой работой ихъ товарищей, менѣе сильныхъ, менѣе даровитыхъ и зато болѣе зависящихъ отъ среды, которая ихъ окружала. Эту работу писателей второго ранга, а иногда и третьяго, нельзя упускать изъ виду. Какъ бы въ эстетическомъ отношеніи ни была несовершенна ихъ работа, она въ общей сложности представляла довольно значительное литературное богатство, и свидѣтельствовала о развивающейся и торжествующей тенденціи изображать современную жизнь какъ можно болѣе реально. При этой работѣ медленно и постепенно крѣпли пріемы истинно реальнаго творчества, вырабатывалась извѣстная техника и — что въ особенности важно—при ней замѣтно расширялся кругозоръ художника, который пріучался включать въ сферу своего художественнаго наблюденія матеріалъ все болѣе и болѣе разнообразный. Вся эта, иной разъ кропотливая, работа наблюдателей-жанристовъ и бытописателей-моралистовъ уравнивала дорогу, по которой долженъ былъ пойти истинно сильный талантъ, призванный дать настоящую художественную форму этимъ наблюденіямъ надъ жизнью.

Перечислять всѣ эти ранніе опыты нашихъ бытописателей нѣтъ никакой необходимости, такъ какъ весьма многіе изъ нихъ являются лишь разновидными варіаціями одного общаго образца и почти совпадаютъ и въ планировкѣ разсказа, и даже въ обрисовкѣ основныхъ типовъ. Тотъ, кто имѣлъ случай читать ихъ въ достаточномъ количествѣ—могъ убѣдиться въ ихъ однообразіи. Талантовъ болѣе или менѣе крупныхъ среди этихъ второстепенныхъ писателей было немного; если назвать Нарѣжнаго, Полевого и Марлинскаго, то къ этимъ именамъ, пожалуй, другихъ добавлять и не придется. Остальные были просто люди съ извѣстной литературной опытностью, которые, конечно, не

Digitized by Google

могли внести ничего своего въ искусство, но при случаѣ могли собрать довольно любопытный матеріалъ, что они и сдѣлали.

Этотъ матеріалъ изъ жизни дѣйствительный подбирался нашими писателями съ разными цѣлями, невсегда только художественными.

Всего чаще писатель имѣлъ въ виду поученіе или обличеніе, задолго упреждая ту обличительную тенденцію, которая такъ восторжествовала въ нашей литературѣ послѣ Гоголя. Писатель считалъ себя призваннымъ исправлять нравы, и ему очень улыбалась эта роль художника, карающаго порокъ и награждающаго добродѣтель. Онъ писалъ свои романы и повѣсти, съ добрымъ намѣреніемъ, иногда потому, что по природѣ своей былъ человѣкомъ благожелательнымъ, а иногда просто въ силу традиціи сентиментальной, которая такъ тѣсно соединяла доброту и нравственность съ творчествомъ, каково бы оно ни было. Слѣдуя этому призыву творить добро, предаваясь «мечтамъ воображенія», писатель, конечно, долженъ былъ озаботиться о томъ, чтобы его романъ или повѣсть хоть внѣшнимъ обликомъ не напоминали сухую проповѣдь и потому онъ запутывалъ дѣйствіе разными вставными занимательными эпизодами. Такъ какъ почти всегда планъ такого разсказа получался не какъ результатъ художественнаго наблюденія надъ жизнью, а былъ составленъ авторомъ раньше, опредѣленъ какъ извѣстная нравственная сентенція, то писателю, для выполненія своего плана, оставалось только пригонять факты жизни къ своей идеѣ, нанизывать ихъ на нить своей морали, что онъ и дѣлалъ. Дѣйствіе развивалось, поэтому, несвободно, все произведеніе представлялось сшитымъ изъ разныхъ лоскутковъ, и авторъ, вмѣсто того, чтобы творить, занимался сортировкой и группировкой на лету схваченныхъ наблюденій. Для облегченія своей работы мозаиста и классификатора, писатель прибѣгалъ обыкновенно къ очень распространенному пріему: онъ заставлялъ главнаго героя своего разсказа — личность иногда менѣе интересную, чѣмъ всѣ второстепенныя лица, которыя его окружали—путешествовать или вообще передвигаться съ мѣста на мѣсто. Этотъ главный герой или героиня, которые не сами двигали дѣйствіе разсказа, а наоборотъ этимъ дѣйствіемъ приводились въ движеніе — получали, такимъ образомъ, возможность сталкиваться съ самымъ разнообразнымъ контингентомъ лицъ, попадали иногда произвольно для себя, но съ умысломъ для автора, въ самыя различныя обстановки и авторъ получалъ возможность устами этихъ героевъ раздавать свои «нравственно-сатирическіе» дипломы всѣмъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Такіе романы и носили названіе «нравственно-сатирическихъ» или «нраво-описательныхъ» и романистъ не думалъ скрывать своей тенденціи, потому что былъ увѣренъ, что публика, въ тѣ годы столь сентиментальная, не только не осудитъ его за это подчеркиваніе морали, но наоборотъ только прельстится ею. Дѣйствительно, спросъ на эти нравственно-сатирическіе романы въ тѣ годы

Digitized by Google

былъ большой, и всѣ вопли противъ нихъ истинно талантливыхъ писателей ни къ чему не приводили.

Истинные таланты были, конечно, правы въ своемъ негодованіи на быстрый ростъ этой литературы, смахивавшей нѣсколько на ремесло, но историкъ долженъ быть болѣе разборчивъ въ своемъ осужденіи.

Если планъ этихъ романовъ и ихъ выполненіе были иной разъ антихудожественны, то отдѣльныя детали этихъ «картинъ нравовъ» имѣли нѣкоторую цѣну, не только историческую, но въ извѣстномъ смыслѣ и литературную. Писатель иной разъ невольно становился жанристомъ, портретистомъ, фотографомъ и даже историкомъ. Само желаніе писателя говорить о «дѣйствительности», стремленіе держаться реальныхъ фактовъ заставляло его мало-по-малу вырабатывать пріемы чисто реальнаго творчества, и случалось нерѣдко, что онъ забывалъ свою тенденцію, увлекаясь самымъ процессомъ описанія. И то, что онъ описывалъ, во многихъ случаяхъ заслуживало описанія.

Изъ всей массы романовъ и повѣстей, написанныхъ съ этой тенденціей, мы, конечно, отмѣтимъ лишь самое выдающееся—то, что имѣло въ читающей публикѣ наибольшее распространеніе. Да и содержаніе этого главнаго разсказать нѣтъ никакой возможности—такъ обыкновенно запутанъ бываетъ разсказъ и такъ много всевозможныхъ интригъ бываетъ въ него вставлено. Писатель запутывалъ разсказъ умышленно, для того, чтобы морализирующая тенденція не выступала наружу слишкомъ явно и кромѣ того онъ прибѣгалъ къ этой путаницѣ—почти всегда на любовной подкладкѣ—придерживаясь старой традиціи, что безъ любви романъ не романъ. Тотъ, кто въ этихъ романахъ ищетъ указаній на современную жизнь, картинъ тогдашнихъ нравовъ, можетъ смѣло обойти молчаніемъ всѣ эти любовныя интриги, въ которыхъ нѣтъ и намека на реализмъ, нѣтъ типовъ, а одни только положенія и притомъ самыя шаблонныя.

Длинная серія этихъ «нравоописательныхъ» романовъ закончилась въ началѣ сороковыхъ годовъ «Мертвыми душами» Гоголя, этой послѣдней и самой блестящей попыткой нанизать жанровыя картинки изъ современной жизни на довольно произвольную нить «похожденій» одного человѣка. Въ первой части своей поэмы Гоголь окончательно освободилъ этотъ «нравственно-сатирическій» романъ отъ дидактики, и смерть помѣшала ему во второй части поэмы вновь вернуться на старую дорогу. Но еще задолго до Гоголя побѣда реализма надъ дидактикой была обезпечена.

Наиболѣе ясно дидактическая цѣль сказалась на первомъ нашемъ «реальномъ» романѣ, который вышелъ въ свѣтъ въ первый же годъ XIX вѣка. Это былъ нѣкогда популярный романъ совсѣмъ юнаго писателя А. Измайлова—«Евгеній» *). Авторъ въ предисловіи самъ ука-

*) «Евгеній или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества». Повѣсть А. Е. Измайлова, 1800 г.

Digitized by Google

зывалъ на задачу, которую себѣ ставилъ: онъ хотѣлъ, чтобы люди задумались надъ вопросомъ о воспитаніи и потому весь романъ—жизнеописаніе юноши Евгенія Негодяева — былъ довольно искусно составленнымъ разсказомъ о разныхъ опасностяхъ, грозящихъ молодому человѣку. Отъ этихъ опасностей Евгеній и погибъ на 24 году жизни, запутавшись въ сѣтяхъ разныхъ Развратиныхъ, Вѣтровыхъ, Подлянковыхъ, Лицемѣркиныхъ и иныхъ, на лбу которыхъ были прописаны всѣ ихъ пороки, и которые поэтому могли представить опасность лишь тогда, когда этого хотѣлъ самъ авторъ. И авторъ умышленно сталъ насъ знакомить со всевозможными темными личностями, заставилъ присмотрѣться ко всевозможнымъ сценамъ вымогательства, къ карточной фальшивой игрѣ, къ подстроеннымъ въ цѣляхъ ограбленія любовнымъ свиданіямъ, ко всякой грязи, которую изображать онъ былъ мастеръ. Но изображать эту грязь не значило еще быть реалистомъ. Передъ нами были все-таки не люди, а ходячіе пороки. Составить себѣ по нимъ понятіе о жизни было невозможно, и единственно, что въ романѣ было цѣннаго, такъ это вовсе не эти общіе силуэты по всей землѣ распространенныхъ пороковъ,—а извѣстное, между строками проглядывающее, пониманіе дѣйствительности, которое обнаружилъ авторъ, угадавъ причину, вызывающую такое уродливое воспитаніе и ему способствующую. На эту причину авторъ указывалъ, когда говорилъ вообще о барскомъ строѣ жизни и мимоходомъ касался вопроса о крѣпостныхъ. Конечно, Измайловъ говорилъ все это не отъ себя — многіе писатели XVIII вѣка ему его слова подсказали,—но важно то, что въ эпоху, очень неблагопріятную для всякихъ такихъ намековъ, онъ рѣшился заговорить объ этомъ.

«Знаете ли вы, безсмысленныя креатуры—говоритъ герой романа своимъ крестьянамъ—что жизнь ваша принадлежитъ не вамъ, а моему отцу, по смерти же его въ эритажъ мнѣ достанется?»—«Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника»—ворчитъ сквозь зубы крестьянинъ въ отвѣтъ на одну изъ такихъ выходокъ своего промотавшагося барина, который готовъ распродать своихъ «тварей» по одиночкѣ, имѣя отъ отца довѣренность продавать людей въ случаѣ надобности. Много такихъ мелкихъ, но мѣткихъ чертъ у Измайлова, но, вырабатывая въ себѣ проповѣдника, нашъ авторъ не разработалъ свой талантъ реалиста.

Неразработанной осталась эта сторона и въ писательскомъ талантѣ Карамзина, который, хотя и опередилъ Измайлова, какъ авторъ слезливой «Бѣдной Лизы», но выступилъ, однако, уже послѣ него въ роли бытописателя современной ему жизни. Среди всѣхъ повѣстей Карамзина, даже тѣхъ, которыми онъ наполнилъ свою «Исторію Государства Россійскаго», «Рыцарь нашего времени» (1802) выдѣляется своей силой и оригинальностью. Это всего лишь отрывокъ, за который, однако, можно отдать цѣлые законченные тома сочиненій нашего писателя, такъ си-

Digitized by Google

ленъ въ этомъ отрывкѣ ароматъ жизни, такъ непосредственно схвачена дѣйствительность человѣкомъ, который всегда изображалъ эту дѣйствительность не иначе, какъ передѣлавъ ее сообразно своему сентиментальному представленію объ идеалѣ, въ который, какъ моралистъ, онъ былъ влюбленъ безъ памяти. «Рыцарь нашего времени»—уголокъ цѣлой художественной картины, въ которой должна была быть изображена наша дворянская жизнь глухой усадьбы. И если Карамзинъ когда былъ историкомъ, то, именно, въ этомъ отрывкѣ. Безъ шаржировки, безъ сатирической карикатурности и безъ прописной морали, т.-е. безъ всѣхъ обычныхъ для того времени недостатковъ, развертывается передъ нами эта бытовая картина, въ которой изображены старые типы провинціальныхъ дворянъ, ихъ жизнь и затѣи, и разсказана такъ трогательно исторія сентиментальнаго воспитанія подростка.

Изъ всѣхъ дальнѣйшихъ попытокъ реальнаго романа, которому Измайловъ и Карамзинъ положили начало, наиболѣе характерные принадлежатъ перу Нарѣжнаго и Булгарина.

Имя Нарѣжнаго въ свое время не пользовалось широкой извѣстностью, которую оно безспорно заслуживало. Даже въ разгаръ споровъ о нашей «самобытности» это имя упоминалось рѣдко, и только позднѣйшая критика признала въ немъ прямого предшественника Гоголя. Такое невнимательное отношеніе критики къ выдающемуся писателю крайне странно, тѣмъ болѣе, что этотъ писатель удовлетворялъ ходячему тогда вкусу публики къ такъ называемымъ «романамъ съ похожденіями». Романы Нарѣжнаго, дѣйствительно, полны невѣроятныхъ происшествій, и реальное съ фантастическимъ смѣшано въ нихъ самымъ произвольнымъ образомъ. Той или другой своей стороной они должны были бы нравиться, а между тѣмъ, критика недостаточно внимательно отнеслась къ ихъ реализму, а читатели недостаточно оцѣнили ихъ занимательность. Бываютъ иногда такія несправедливости... ихъ должно исправлять потомство, и въ отношеніи Нарѣжнаго эта поправка теперь сдѣлана. Въ исторіи нашей литературы ему отведено почетное мѣсто, и его нравоописательные романы послѣ долгаго забвенія теперь оживились въ нашей памяти.

Разсматривая ихъ, какъ историческій памятникъ, мы убѣждаемся, что Нарѣжный обладалъ большимъ чутьемъ дѣйствительности и что ему удалось освѣтить въ своихъ романахъ такія стороны нашей жизни, которыхъ не касались его современники. Изъ общаго перечня повѣстей и романовъ Нарѣжнаго намъ для нашей цѣли необходимо остановиться лишь на пяти произведеніяхъ смѣшаннаго типа, въ которыхъ, однако, «нравоописаніе» составляетъ главную цѣль автора. Это: «Аристіонъ» (1822), «Бурсакъ» (1824), «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ» (1825) и «Черный годъ или горскіе князья» (1829) (написанный въ самомъ началѣ столѣтія) и въ особенности «Россійскій Жилблазъ» (1814). Романы эти, какъ мы уже сказали, не однородны—въ однихъ, какъ, напр., въ «Аристіонѣ», преобладаетъ дидактизмъ, въ

Digitized by Google

«Бурсакѣ» большая примѣсь историческаго элемента, въ «Двухъ Иванахъ» всего больше анекдотическаго, «Черный годъ» — соціальная сатира и, наконецъ только «Жилблазъ» — типичный «нравоописательный» разсказъ. Содержаніе этихъ романовъ разсказывать нѣтъ нужды, тѣмъ болѣе, что оно такъ запутано, что и послѣ неоднократнаго чтенія удержать его въ памяти нѣтъ возможности. Чтобы оцѣнить значеніе этихъ бытовыхъ картинъ для искусства и жизни, достаточно указать лишь на тѣ общіе вопросы, которыхъ Нарѣжный въ нихъ коснулся. Одинъ бѣглый обзоръ ихъ покажетъ намъ, какъ близко этотъ человѣкъ присматривался къ нашей тогдашней жизни и какой шагъ впередъ сдѣлало въ его романахъ наше общественное самосознаніе.

Въ романѣ «Аристіонъ» *), въ которомъ авторъ трактуетъ о несовершенствѣ нашего воспитанія, онъ, при обрисовкѣ дворянскаго быта, все время наводитъ нашу мысль на соціальную аномалію своего времени и пользуется каждымъ случаемъ, чтобы обосновать свои разсужденія о системѣ воспитанія на этой первопричинѣ всякой дворянской разнузданности. Если ему не удаются типы, и сами портреты сбиваются на шаблонъ, то эти художественные недочеты не вредятъ тому историческому смыслу, который вѣрно уловленъ и высказанъ въ этой картинѣ. Картина въ общемъ веселая, какъ почти всѣ разсказы Нарѣжнаго, который любилъ кончать все къ общему благополучію; картина, кромѣ того, мѣстами очень игривая и полная юмора, которымъ природа щедро надѣлила нашего автора, и вмѣстѣ съ тѣмъ картина съ возмутительными деталями въ теньеровскомъ стилѣ. Передъ нами нищенское крестьянское хозяйство, исчисленіе всевозможныхъ поборовъ, которыми помѣщикъ облагаетъ крестьянъ, экзекуціи и мужиковъ, и дѣвокъ, грубыя игры помѣщичьихъ сынковъ съ крестьянскими мальчишками, уличныя сцены, гдѣ дѣйствующими лицами является толпа голодныхъ полуодѣтыхъ оборванцевъ, однимъ словомъ картины съ натуры, которыя тѣмъ рельефнѣе выступаютъ наружу, чѣмъ больше авторъ старается скрасить ихъ иными сентиментальными разсказами о томъ, какъ благодарные поселяне цѣлуютъ полу платья у благодѣтельныхъ помѣщиковъ.

Когда Нарѣжный отъ этихъ бытовыхъ картинъ переходитъ къ картинамъ историческимъ, какъ, напр., въ романѣ «Бурсакъ» **), онъ сохраняетъ тѣ же пріемы реальной обрисовки лицъ и событій, несмотря на вторженіе иногда чисто сказочныхъ эпизодовъ въ его романъ. Онъ произвольно мѣшаетъ вымыселъ съ дѣйствительностью, съ исторической правдой обходится довольно свободно, придумываетъ имена совсѣмъ не реальныя, пользуется широко всякими разбойничьими сказками, запутываетъ интригу до крайности, но искупаетъ все это

*) «Аристіонъ или перевоспитаніе». Истинная повѣсть. 2 части. Спб. 1822.

**) «Бурсакъ». Малороссійская повѣсть. 4 части. Москва. 1824.

Digitized by Google

живыми и юмористическими разсказами изъ жизни бурсы, казаковъ, запорожской сѣчи, сценками, которыя иногда какъ будто напоминаютъ манеру и письмо Гоголя. Они впрочемъ не совсѣмъ гоголевскія, потому что народный колоритъ въ нихъ не всегда выдержанъ и, главное, не выдержана рѣчь, которая у Гоголя болѣе естественна. Нѣтъ у Нарѣжнаго и того историческаго чутья, которое было у Гоголя, хотя Нарѣжный зналъ малороссійскую жизнь безспорно лучше, чѣмъ кто-либо изъ тогдашнихъ писателей до Гоголя.

Всего больше малороссійскихъ бытовыхъ чертъ сохранено въ другомъ романѣ Нарѣжнаго «Два Ивана» *), который считается прототипомъ извѣстнаго разсказа Гоголя «о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ». Эта мысль о междуусобной истребительной войнѣ двухъ сосѣдей вытекла у Нарѣжнаго изъ вѣрно схваченной имъ основной черты нашей тогдашней жизни,—черты серьезной, несмотря на то, что она нерѣдко проявляла себя въ самыхъ комическихъ формахъ. Эта страсть къ тяжбамъ и одновременно къ самоуправству, была, при условіяхъ тогдашней дворянской жизни, некультурнымъ проявленіемъ самостоятельности въ поступкахъ и мнѣніяхъ, проявленіемъ энергіи, неправильно развитой царящимъ вокругъ произволомъ. И Нарѣжный, задолго до Гоголя и до Островскаго, уловилъ эту черту жизни не одной только Малороссіи, но и всей нашей дореформенной Россіи. Его романъ отнюдь не былъ «забавнымъ» романомъ, несмотря на массу истинно комическихъ эпизодовъ, даже балаганныхъ сценъ, которыми авторъ испестрилъ свою повѣсть. Въ своей основѣ это была сатира соціальная, въ которой писатель гнался за правдоподобностью, за вѣрными бытовыми красками, за оригинальностью въ языкѣ. И, дѣйствительно, помимо основной концепціи темы, читатель даже нашего времени найдетъ въ этомъ устарѣломъ романѣ много страницъ, изъ которыхъ жизнь еще не выдохлась. Сцены изъ быта простонародія, сцены на ярмаркѣ, сельскія картинки, описаніе хуторовъ, шинокъ съ его хозяевами и посѣтителями, городъ, гдѣ ведется тяжба, и цѣлый рядъ судейскихъ типовъ—все говоритъ о довольно тонкой наблюдательности автора.

Стремясь всегда уловить въ окружающей жизни не только ея внѣшность, но и ея смыслъ, Нарѣжный задумалъ еще въ началѣ своей дѣятельности нарисовать огромную бытовую картину русскихъ нравовъ, цѣлую эпопею дворянской и интеллигентной жизни своего времени. Предпріятіе было смѣлое и Нарѣжный понималъ это: вотъ почему, быть можетъ, онъ и перенесъ дѣйствіе своего романа въ половину XVIII вѣка, какъ бы желая отвести глаза слишкомъ зоркаго читателя. Ему не удалось однако обмануть

*) «Два Ивана или страсть къ тяжбамъ». 2 части. Москва, 1825.

Digitized by Google

этого читателя, и его романъ, «Россійскій Жилблазъ» *), былъ все-таки запрещенъ цензурой, и послѣднія три его части въ печати не появились.

Изъ тѣхъ трехъ частей, которыя передъ нами, мы видимъ ясно, какъ широкъ и глубокъ былъ замыселъ нашего писателя. Можно утвердительно сказать, что даже послѣ «Мертвыхъ душъ» «Россійскій Жилблазъ» остался самымъ пространнымъ реальнымъ романомъ изъ нашей старой жизни. Конечно, слово «реальный» надо и въ данномъ случаѣ — какъ всегда, когда говоришь о Нарѣжномъ — понимать съ большими ограниченіями. Сама завязка романа и всѣ побочныя интриги, входящія въ его составъ, опять—рядъ невозможныхъ и невѣроятныхъ хитросплетеній и неожиданностей, вставленныхъ, конечно, ради развлеченія требовательнаго въ этомъ смыслѣ читателя. Но дѣло не въ завязкѣ, а въ деталяхъ, и вотъ эти-то детали въ «Жилблазѣ» и цѣнны. Изъ самаго бѣглаго обзора ихъ читатель убѣдится въ томъ, какъ серьезно отнесся писатель къ своей задачѣ и какъ онъ умѣлъ подчасъ схватить главное и существенное во всей пестротѣ современности.

Авторъ опять пользуется каждымъ случаемъ, чтобы сорвать свою злобу на какомъ-нибудь господинѣ Головорѣзовѣ, который «на досугѣ гоняется за дворовыми дѣвками, сбираетъ слугъ и велитъ имъ бить другъ друга, а самъ не можетъ налюбоваться, видя кровь, текущую отъ зубовъ и носовъ, и волосы, летящіе клоками». Сопровождая затѣмъ своего героя въ его долгихъ и запутанныхъ похожденіяхъ, авторъ всегда готовъ высказаться по разнымъ весьма существеннымъ вопросамъ. Его интересуетъ, напр., наше отношеніе къ иностранцамъ и къ нашей старинѣ. Нарѣжный держится очень трезвыхъ уравновѣшенныхъ взглядовъ на это двойное направленіе нашихъ симпатій, проявившихся въ тѣ годы съ достаточной рѣзкостью: онъ предаетъ остроумнѣйшему осмѣянію фанатиковъ-любителей старины, не понимающихъ сущности національнаго и замѣняющихъ эту сущность одной внѣшностью; онъ, съ другой стороны, травитъ иностранцевъ, которыхъ мы допускаемъ такъ охотно къ себѣ въ семьи и которымъ мы готовы простить даже ихъ глумленіе надъ нашей національностью. Не менѣе любопытныя страницы посвящаетъ Нарѣжный въ своемъ романѣ карикатурной характеристикѣ русскаго «метафизика» — повидимому, довольно странная выходка со стороны интеллигентнаго человѣка, которому наши умственные недочеты тѣхъ годовъ были ясны. Если, однако, Нарѣжный рѣшился заговорить объ излишествѣ метафизики въ русской головѣ, а не объ ея недостаткѣ, то эту сатирическую выходку, это глумленіе надъ разсужденіями о «душѣ, гдѣ она сидитъ во лбу или въ затылкѣ?» этотъ разсказъ о томъ, какъ нашего метафизика связали въ

*) «Россійскій Жилблазъ или Похожденія князя Гаврилы Семеновича Чистякова». 6 частей. Спб. 1814 г. (Напечатаны всего лишь 3 части).

Digitized by Google

домъ умалишенныхъ—надо понимать не въ прямомъ смыслѣ. Нарѣжный въ своихъ романахъ далъ не мало доказательствъ тому, какъ высоко онъ цѣнитъ науку, и въ данномъ случаѣ онъ разумѣлъ не ее, а современный ему мистицизмъ, который, если еще не успѣлъ вполнѣ заволочь русскіе умы («Жилблазъ» написанъ въ 1814 г.), то все-таки достаточно тогда уже обнаружился. Трезвый умъ Нарѣжнаго предугадалъ опасность, но писатель не имѣлъ еще въ своемъ распоряженіи подходящаго слова, которымъ бы онъ могъ окрестить поднимавшійся тогда туманъ мысли и онъ указалъ на «метафизику», которой, какъ извѣстно, приходится часто расплачиваться не за свои грѣхи. А Нарѣжный—юмористъ и сатирикъ—любилъ во всемъ ясность и онъ доказалъ это въ томъ же романѣ необычайно для того времени смѣлой выходкой противъ массонства. Что въ своемъ беззастѣнчивомъ глумленіи надъ массонствомъ Нарѣжный былъ опять таки неправъ, это едва ли нужно доказывать; писатель сдѣлалъ крупную историческую ошибку: онъ частный случай разврат въ массонскихъ ложахъ изобразилъ какъ характерное для массонства явленіе. Но описаніе этихъ массонскихъ оргій, и этихъ церемоній, гдѣ дѣйствуютъ разные братья Козерогъ, Телецъ и Большой Песъ, «весь скотный дворъ земной, небесный и преисподній», гдѣ чванится Полярный Гусь и гдѣ, въ концѣ концовъ, все мистическое сводится просто-на-просто къ скабрезному — читается все-таки не безъ интереса, такъ много въ немъ смѣлой мысли.

А Нарѣжный былъ смѣлый писатель. Еще въ самомъ началѣ своей литературной дѣятельности, въ тѣ годы, когда онъ чиновникомъ служилъ на Кавказѣ, онъ сочинилъ длинный «нравоописательный» романъ изъ жизни горскихъ князей. Романъ этотъ «Черный Годъ» *) вышелъ уже послѣ смерти Нарѣжнаго, такъ какъ самъ авторъ не рѣшался его печатать, и онъ имѣлъ на то свои основанія. Подъ невиннымъ заглавіемъ нравоописательнаго романа, дѣйствіе котораго происходитъ въ горахъ Кавказа и на берегу Каспійскаго моря, дѣйствующія лица котораго всѣ вымышленныя, и обстановка никакихъ мѣстныхъ красокъ не имѣетъ, нашъ авторъ создалъ любопытнѣйшій образецъ общественно-политической сатиры, единственный въ своемъ родѣ для того времени. Какъ чиновникъ, онъ имѣлъ случай присмотрѣться къ русскимъ порядкамъ на Кавказѣ въ тотъ самый моментъ, когда Грузія вошла въ составъ нашего государства. Всю перелицованную исторію этого управленія онъ и далъ въ своемъ романѣ. Въ настоящую минуту разгадать всѣ намеки и псевдонимы трудно, да и нѣтъ необходимости. Романъ Нарѣжнаго цѣненъ не этимъ историческимъ матеріаломъ, а общими драматическими и комическими положеніями, въ которыхъ авторъ съ такимъ юморомъ выразилъ соотношеніе между разными общественными силами и властями.

*) «Черный Годъ или Горскіе Князья», 4 части. Москва, 1829 г.

Digitized by Google

Князь, его министры, верховный жрецъ и его клевреты, военачальникъ и народъ — вотъ тѣ соціальныя силы, надъ которыми авторъ изощрялъ свое остроуміе, наводя насъ, однако, ежеминутно на серьезныя мысли. Рѣчь шла, конечно, не о Грузіи только и не о тѣхъ русскихъ чиновникахъ, которые въ этой Грузіи хозяйничали, а вообще о властяхъ и о соціальныхъ группахъ въ ихъ трагикомическихъ столкновеніяхъ между собой. Властитель, одурманенный своимъ величіемъ, капризный и своевольный, привыкшій смотрѣть на свой народъ, какъ на толпу, украшающую площадь при его выѣздахъ; совѣтъ министровъ, который не можетъ дать ни одного путнаго совѣта, верховный жрецъ, корыстолюбивый, торгующій святыней и желающій присвоить себѣ руководящую роль въ государствѣ, дезорганизированное войско, для котораго война и грабежъ тожественны, наконецъ, и самый народъ, который при всякомъ случаѣ служитъ козломъ отпущенія—всѣ эти общіе собирательные типы и группы, которые авторъ ни на минуту не упускаетъ изъ виду, даже въ самый разгаръ разсказа о любовныхъ похожденіяхъ своего героя—достаточно поясняютъ серьезную мысль писателя и указываютъ на мишень, въ которую онъ мѣтилъ. Въ романѣ есть страницы очень смѣлыя. Ни въ одномъ изъ нашихъ старыхъ романовъ, даже самаго сатирическаго типа, не оттѣненъ, напр., такъ рельефно принципъ «дубины», который издавна имѣлъ такое широкое приложеніе въ нашей жизни. Нарѣжный прозрачно намекаетъ на него въ нѣсколькихъ главахъ, въ которыхъ разсказываетъ, какъ горскій князь Кайтукъ 25-й, обладатель не малой части ущелій кавказскихъ, учредилъ особый орденъ нагайки, рыцарями котораго могли быть люди только извѣстнаго привилегированнаго положенія. Имъ только присвоенъ былъ этотъ знакъ, сдѣланный изъ кишекъ бараньихъ, длиною въ аршинъ съ кнутовищемъ изъ кедроваго дерева, на которомъ былъ княжескій вензель. За награжденіе этимъ знакомъ отличія полагалось, однако, взыскивать не малую сумму для пополненія государственнаго казначейства. Кавалерамъ этого ордена были продоставлены особыя преимущества, среди которыхъ одно изъ немаловажныхъ заключалось въ томъ, что кавалеръ могъ приколотить не кавалера безъ суда и расправы, «только бы удары надѣляемы были ничѣмъ другимъ, какъ орденскою нагайкой» *).

Если вспомнить, что эти строки были писаны за много лѣтъ до торжества аракчеевской системы и притомъ въ эпоху самаго розоваго оптимизма, въ годы наибольшихъ и наилучшихъ обѣщаній александровскаго царствованія, приходится удивляться тому чутью дѣйствительности, какимъ обладалъ нашъ авторъ. Онъ умѣлъ отличать въ нашей жизни постоянное отъ наноснаго, существенное отъ неважнаго.

Въ этомъ смыслѣ Нарѣжный былъ явленіемъ рѣдкимъ, и среди

*) «Черный Годъ», часть I, стр. 53, 86, 89.

Digitized by Google

нашихъ позднѣйшихъ реалистовъ николаевской эпохи мы не найдемъ достойнаго ему по смѣлости замѣстителя...

Впрочемъ, при оцѣнкѣ дѣятельности этихъ писателей николаевской эпохи, нужно всегда помнить, что условія ихъ работы были нѣсколько иныя, чѣмъ въ предшествующее царствованіе. Литераторъ чувствовалъ себя подъ большимъ надзоромъ и пріучался сознавать себя прежде всего цензоромъ своихъ произведеній а потомъ уже ихъ авторомъ.

Изъ этихъ бытописателей - реалистовъ новаго царствованія всего болѣе былъ популяренъ въ читающей публикѣ Ѳ. В. Булгаринъ.

Онъ, какъ литераторъ, имѣлъ свои безспорныя заслуги и нелюбовь къ нему, какъ къ человѣку, не должна мѣшать правильной оцѣнкѣ его дѣятельности, какъ журналиста и писателя. Для своего круга читателей,—очень широкаго замѣтимъ — онъ былъ во всякомъ случаѣ поставщикомъ занимательнаго чтенія, въ которомъ онъ обнаруживалъ и нѣкоторую литературную сноровку и нѣкоторый запасъ свѣдѣній историческихъ и литературныхъ и, наконецъ, даже въ общемъ приличную сентиментальную мораль, правда, истертую, но въ общественномъ смыслѣ не вредную. Конечно, все это для круга самаго средняго, который имъ и увлекался.

Для роста литературы въ широкомъ и серьезномъ смыслѣ этого слова—Булгаринъ, несмотря на его плодовитость сдѣлалъ мало, и искать въ его романахъ настоящаго пониманія дѣйствительности или освѣщенія характерныхъ ея сторонъ—напрасно. Многое въ данномъ случаѣ зависѣло отъ темперамента самого Булгарина: онъ былъ по природѣ своей человѣкъ трусливый, который всегда боялся сказать не у мѣста что нибудь лишнее. Настоящаго темперамента сатирика въ немъ не было, не много было и чисто литературнаго таланта. Всего вѣрнѣе будетъ, если мы его отчислимъ въ группу сентименталистовъ, прововѣдниковъ обыденной несложной морали, привыкшей имѣть дѣло съ самыми будничными добродѣтелями. Въ своихъ «картинахъ нравовъ» Булгаринъ всегда избѣгалъ касаться вопросовъ острыхъ и сложныхъ, почему всѣ его романы и повѣсти и носятъ такой общій характеръ. Мѣстныхъ, народныхъ красокъ въ нихъ мало; бытовыя черты попадаются рѣдко, но всетаки въ общемъ всѣ эти романы обнаруживаютъ тенденцію къ реализму и въ этомъ ихъ главная литературная заслуга. Они прививали публикѣ вкусъ къ литературѣ воспроизводящей современность и хоть слабо, но всетаки сосредоточивали ея интересъ на дѣйствительности. Въ этой погонѣ за реализмомъ Булгарину случалось кромѣ того бросать иногда свѣтъ и на нѣкоторые уголки нашей жизни, совсѣмъ мало освѣщенные.

Въ 1829 году Булгаринъ соединилъ всѣ свои фельетоны, разсказы, очерки и сказки въ 12-ти томахъ своихъ «Сочиненій» *). Въ это

*) «Сочиненія Ѳадея Булгарина». С.-Пб. 1829 г. XII частей.

Digitized by Google

собраніе сочиненій не вошли его романы, которые къ этому году также могли бы составить 12 томовъ. Продуктивность, какъ видимъ, была большая, но количество шло все-таки въ ущербъ качеству. Въ этомъ сборникѣ мелкихъ статей передъ нами литературный матеріялъ довольно пестрый. Въ нихъ замѣтны двѣ главныхъ тенденціи—моральная и патріотическая. Недаромъ, намекая на успѣхъ своихъ сочиненій въ публикѣ, Булгаринъ говорилъ въ предисловіи, что всѣ добрые и просвѣщенные люди держатъ его сторону. Онъ очень гордился тѣмъ, что сѣялъ добрыя чувства, но если мы поближе присмотримся къ этимъ чувствамъ и мыслямъ, то намъ въ глаза сразу бросится ихъ незатѣйливость. Патріотическая тенденція его разсказовъ сводится къ прославленію силы и стойкости русскаго оружія и къ восхваленію преданности «славянъ» своимъ государямъ. Этотъ также несложный видъ патріотизма Булгаринъ поясняетъ разсказами изъ славянской старины, конечно, вымышленной, изъ русской древней исторіи, а также картинками изъ жизни реальной, которыя онъ срисовывалъ съ событій, свидѣтелемъ которыхъ былъ самъ, и съ лицъ, съ которыми встрѣчался во время своихъ походовъ съ Наполеономъ. Если отбросить заключительную мораль, пришитую почти всегда на живую нитку къ самой повѣсти, то въ этихъ воспоминаніяхъ найдутся живыя странички. Ихъ значительно меньше въ повѣстяхъ чисто вымышленныхъ, сочиненныхъ въ доказательство какой-нибудь нравственной сентенціи. Такія сентенціи, не идущія дальше самыхъ банальныхъ истинъ, Булгаринъ поясняетъ и восточными апологами, и фантастическими сказками, и жанровыми сценками. Всѣ они не выше общаго литературнаго ординара того времени и въ нихъ не затронутъ ни одинъ сколько-нибудь важный вопросъ нашей тогдашней жизни. Если автору и случается на такомъ вопросѣ мимоходомъ остановиться, какъ, напр., на вопросѣ крестьянскомъ, то изъ обличителя и нравописателя, какимъ онъ себя выдаетъ, онъ становится сентименталистомъ самой чистой воды и рисуетъ блаженныя идиліи. Освѣщенію дѣйствительности онъ предпочитаетъ туманный ничего не говорящій очеркъ идеала. Наиболѣе живы въ этихъ разсказахъ сатирическія выходки противъ литературной братіи, нравы которой Булгаринъ имѣлъ возможность изучить на себѣ самомъ и ближайшихъ пріятеляхъ.

Такую же малую литературную цѣнность имѣлъ и его нѣкогда очень популярный романъ «Иванъ Выжигинъ» *). Задуманъ онъ былъ очень широко, по плану ходячихъ тогда «романовъ съ похожденіями». Авторъ перекатывалъ своего героя и всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ романа по всему пространству нашей родины, отъ Польши до киргизскихъ степей, заставлялъ ихъ жить въ самыхъ разнообразныхъ

*) «Иванъ Выжигинъ. Нравственно-сатирическій романъ». 4 части. С.-Пб. 1829 г.

Digitized by Google

общественныхъ условіяхъ, придумывалъ невѣроятныя случайности и все это затѣмъ, чтобы дать «благонамѣренную сатиру, процвѣтаніе которой въ Россіи издавна составляло заботу нашего мудраго правительства». Такимъ образомъ, и въ этомъ романѣ авторъ остается вѣренъ своимъ излюбленнымъ тенденціямъ—сентиментально-дидактической, которая должна изображать жизнь «благонамѣренно», не возбуждая сильныхъ страстей, и тенденціи патріотической, которая должна укрѣпить въ читателѣ довѣріе къ правительству, а потому и уменьшить остроту его недовольства дѣйствительностью. Авторъ, такимъ образомъ, самъ себя обезоруживалъ. Онъ хотѣлъ, пользуясь похожденіями совсѣмъ незначительнаго и неинтереснаго Ивана Выжигина дать намъ по возможности полный списокъ пороковъ нашей русской жизни и онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ изображеніи этихъ пороковъ отнюдь не желалъ прогнѣвить тѣхъ, кто, можетъ быть, былъ виноватъ прямо или косвенно въ ихъ процвѣтаніи. Поэтому, всѣ его сатирическіе образы—лица безъ лицъ, тѣни безъ плоти и крови, съ традиціонными, въ тридцатыхъ даже годахъ уже устарѣвшими, фамиліями Плутяговичей, Скотенко, Плезиныхъ, Вороватиныхъ, Ножовыхъ, Безпечныхъ или для контраста—Виртутиныхъ и Законенко. Само собою разумѣется, что и вся жизнь этихъ лицъ—одна фантасмагорія, съ русской жизнью ничего общаго не имѣющая, а между тѣмъ, ею именно заняты почти всѣ страницы романа. Заключая свой длинный романъ, авторъ устами героя высказался въ самомъ примирительномъ духѣ и тѣмъ показалъ, какъ несвойственна была ему роль сатирика и обличителя, которую онъ разыгрывалъ.

«Испытавъ многое въ жизни—говорилъ онъ—бывъ слугою и господиномъ, подчиненнымъ и начальникомъ, лѣнивцемъ и дѣльцомъ, мотомъ и игрокомъ, испытавъ людей въ счастьи и несчастьи, я удалился отъ свѣта, но не погасилъ въ сердцѣ моемъ любви къ человѣчеству. Я увѣрился, что люди больше слабы, нежели злы, и что на одного дурного человѣка, вѣрно, можно найти пятьдесятъ добрыхъ, которые оттого только непримѣтны въ толпѣ, что одинъ злой человѣкъ дѣлаетъ болѣе шуму въ свѣтѣ, нежели сто добрыхъ. Радуюсь, что я русскій, ибо, не взирая на наши странности и причуды, неразлучныя съ человѣчествомъ, какъ недуги тѣлесные, нѣтъ въ мірѣ народа смышленнѣе, добрѣе, благодарнѣе нашего». Съ такимъ оптимизмомъ было, конечно, очень трудно выполнить роль Катона, на которую претендовалъ нашъ обличитель, и въ своемъ описаніи нравовъ онъ долженъ былъ пройти мимо главнѣйшихъ «нравственныхъ» вопросовъ тогдашней жизни.

И все-таки въ четырехъ томахъ своего романа Булгарину иногда удавалось уловить ту или другую характерную черточку нашей дѣйствительности. Это все были картины незатѣйливыя, но, по крайней мѣрѣ, списанныя съ натуры. Бытъ бѣлорусскаго помѣщика, его отно-

Digitized by Google

шенія къ крестьянину и къ еврею былъ очерченъ въ романѣ довольно живо, по личнымъ воспоминаніямъ самого автора. Наблюдательность и даже не мало остроумія обнаружилъ онъ въ обрисовкѣ нравовъ нашей древней столицы и въ описаніи разныхъ старыхъ и новыхъ типовъ московской жизни; иногда онъ поднимался и выше этихъ простыхъ наблюденій, переходилъ къ обобщеніямъ, разсуждалъ на тему о солидарности всѣхъ сословій, которая будетъ установлена просвѣщеніемъ; при случаѣ, измѣняя даже своему миролюбивому настроенію, разсказывалъ о томъ, какъ помѣщицы стригли своихъ дѣвушекъ и продавали ихъ косы на сторону; подобралъ нѣсколько довольно веселыхъ анекдотовъ о помѣщичьей дури; прошелся на счетъ какихъ-то либераловъ-дворянъ, которые за вкуснымъ обѣдомъ или на вечерѣ въ толпѣ молодыхъ людей вопіяли о благѣ человѣчества и о законахъ, а дома у себя были самовластными пашами и угодили подъ судъ за свое обхожденіе съ крестьянами. Всѣхъ этихъ неблагомѣренныхъ людей авторъ отсылалъ въ усадьбу нѣкоего Александра Александровича Россіянинова, чтобы научить ихъ уму-разуму и заставить приглядѣться къ жизни истиннаго русскаго добродѣтельнаго дворянина — совсѣмъ, какъ много лѣтъ спустя Гоголь возилъ своего Чичикова по разнымъ исправительнымъ усадьбамъ во второй части «Мертвыхъ душъ». Этотъ булгаринскій Россіяниновъ дѣйствительный феноменъ: усадьба его — земной рай. Крестьяне сыты, одѣты и довольны, къ тому же всѣ они нѣжны сердцемъ и богаты умомъ. Домики ихъ обложены рѣзными украшеніями, дворы всѣ загорожены высокими заборами; стоятъ эти домики одинъ отъ другого на нѣкоторомъ разстояніи изъ предосторожности отъ пожара, между ними садики съ плодовыми деревьями, позади овощные огороды, а за ними гумны... тамъ церковь, тамъ домики для общественной пользы, въ одномъ изъ нихъ госпиталь и аптека, въ другомъ богадѣльня для безродныхъ, въ третьемъ запасный сельскій магазинъ, въ четвертомъ сельское училище и словесный судъ. Крестьянскія лошади и скотъ отличной породы, упряжь и земледѣльческія орудія въ исправности. «Вотъ какова можетъ и должна быть цѣлая Россія!» восклицаетъ любимецъ автора Миловидинъ при этомъ умилительномъ зрѣлищѣ. Еще больше умиленъ былъ тотъ же Миловидинъ, когда онъ вошелъ внутрь дома г-на Россіянинова и ознакомился съ его библіотекой, гдѣ вмѣстѣ съ русскими книгами въ огромныхъ шкафахъ стояли книги латинскія, греческія, французскія, нѣмецкія, англійскія и итальянскія и рядомъ съ этими шкафами другіе — съ физическими инструментами, химическими аппаратами, моделями машинъ и собраніемъ минераловъ. «Здѣсь пахнетъ Европою!» сказалъ въ восторгѣ обозрѣватель, и, наконецъ, сама Европа явилась передъ нимъ въ лицѣ двухъ гувернеровъ, живущихъ при дѣтяхъ Россіянинова. Это были мосье Энстрюи и геръ Гутманъ, которымъ можно было безъ опаски довѣрить воспитаніе русскаго юношества... Вообще г-нъ Рос-

Digitized by Google

сіянииовъ былъ человѣкъ очень просвѣщенный и даже достаточно либеральный: въ его имѣніи всѣ молодые люди были грамотны, такъ какъ помѣщикъ былъ убѣжденъ, что безъ грамоты невозможно посѣять ни нравственности въ народѣ, ниже возбудить понятіе объ его обязанностяхъ къ властямъ для собственнаго же его блага.

Было много людей, которымъ эта прѣсная идиллія Булгарина очень нравилась, но въ кружкахъ литературныхъ она была встрѣчена враждебно. Въ ней видѣли произведеніе лубочное и рыночное—и въ смыслѣ художественномъ «Иванъ Выжигинъ», пожалуй, иной оцѣнки и не заслуживалъ; но помимо кое-какихъ своихъ достоинствъ, этотъ романъ даже своими отрицательными сторонами оказалъ извѣстную услугу русскому реализму. «Выжигинъ» вызвалъ не мало пародій. Въ этихъ пародіяхъ, въ которыхъ совсѣмъ уже незначительные писатели изощряли свое остроуміе надъ образомъ мыслей и надъ поведеніемъ плоскаго булгаринскаго героя, попадаются опять-таки страницы очень характерные. Авторы разнообразятъ обстановку и, оставляя въ сторонѣ тѣ круги дворянскіе, о которыхъ говорилъ Булгаринъ, и жизнь которыхъ онъ какъ имъ казалось, исчерпалъ, сосредоточиваютъ свое вниманіе на болѣе низкихъ слояхъ общества, гдѣ и заставляютъ вращаться либо самого Выжигина, либо его предковъ, жену и дѣтей, либо какую-нибудь карикатуру съ него списанную. Въ этомъ отношеніи характеренъ, напр., романъ Гурьянова «Новый Выжигинъ», въ которомъ дано очень живое описаніе макарьевской ярмарки [1]). Не малый интересъ представляютъ въ данномъ смыслѣ и извѣстные романы А. А. Орлова, надъ которыми въ свое время такъ потѣшились. Этотъ Орловъ былъ человѣкъ довольно любопытный. Литераторъ безъ таланта, но съ большой любовью къ писательству, онъ выпускалъ романъ за романомъ, въ которыхъ писалъ разные пасквили на Выжигина, производя его родъ отъ Ваньки Каина и иныхъ личностей сомнительнаго поведенія [2]). Сатира въ этихъ романахъ очень слаба, но недурны нѣкоторые типы мѣщанскіе и купеческіе, очевидно списанные съ натуры авторомъ, который, какъ мы знаемъ изъ его автобіографіи, былъ съ жизнью этихъ слоевъ общества достаточно знакомъ съ дѣтства [3]).

Къ числу «нравоописательныхъ» романовъ нужно отнести также и ту обширную хронику дворянской жизни, которая въ началѣ 30 годовъ вышла подъ заглавіемъ «Семейство Холмскихъ» [4]). Авторъ ея

---

[1]) *И. Гурьяновъ.* «Новый Выжигинъ на макарьевской ярмаркѣ». Москва. 1831 г.

[2]) *А. Орловъ.* «Хлыновскіе степняки Игнатъ и Сидоръ или дѣти Ивана Выжигина». Москва 1831 года. «Родословная Ивана Выжигина» сына «Ваньки Каина». Москва 1831 г. «Смерть Ивана Выжигина». Москва 1831 г.

[3]) *А. Орловъ.* «Моя жизнь или исповѣдь Московскія произшествія». Москва. 1832 г.

[4]) «Семейство Холмскихъ, нѣкоторыя черты нравовъ и образа жизни, семейной и одинокой, русскихъ дворянъ». Москва. 1830 г. VI частей.

Digitized by Google

С. Бѣгичевъ—былъ самъ родовитый дворянинъ и зналъ о чемъ писалъ. Ему пришла странная фантазія въ голову пристегнуть свой разсказъ къ комедіи «Горе отъ ума», съ авторомъ которой онъ былъ очень друженъ. Такимъ образомъ въ его романѣ дѣйствуютъ наши старые знакомые. Но отъ этого интересъ разсказа нисколько не выигралъ. Значеніе этой длинной хроники опредѣляется опять не главными типами, которыхъ нѣтъ, а довольно вѣрно скопированными деталями помѣщичьей жизни. Историкъ нашего дворянства найдетъ въ немъ кое-какія любопытныя указанія. Авторъ не пощадилъ своего сословія, и хотя въ концѣ концовъ все разрѣшилось къ благополучію благомыслящихъ дворянъ, но много коренныхъ недостатковъ этой жизни пришлось разоблачить автору. Отношенія къ крестьянамъ стоятъ и здѣсь на первомъ планѣ. Сцены мрачныя: авторъ не экономитъ красокъ и всевозможные виды крестьянскихъ страданій, всевозможныя формы расправы съ ними попадаются во всѣхъ томахъ этой длинной хроники. Жизнь помѣщика въ усадьбѣ, лѣнивая и полная самодурства, жизнь въ столицахъ, распутная и безшабашная, протекающая въ будуарахъ и въ игорныхъ домахъ, гдѣ всякіе Зиѣйкины, Вампировы, Удушьевы и Шурке заняты вымогательствомъ дворянскихъ денежекъ; покинутыя въ усадьбахъ семьи, во главѣ которыхъ стоятъ беззащитныя и слабыя женщины, живущія подъ ежедневнымъ страхомъ конфискаціи имущества за долги; описаніе всевозможныхъ формъ жизни не по средствамъ, жизни праздной, приводящей человѣка то къ пустому поверхностному разочарованію, то къ маниловщинѣ, сентиментальной и попусту мечтательной, то, наконецъ, даже къ преступленію — всѣ эти довольно тщательно выписанныя детали одной общей картины не лишены интереса, въ особенности, если вспомнить, что они вышли изъ-подъ пера человѣка, который радъ былъ бы такія сцены и не выписовывать. Въ общемъ авторъ обнаружилъ не мало свободомыслія и смѣлости, иной разъ злой какъ бы демократической ироніи по адресу аристократовъ. Заканчивая свою хронику, какъ и полагалось, благополучнымъ концомъ для всѣхъ добродѣтельныхъ представителей истинно-гуманнаго дворянства, авторъ съ грустью говорилъ, что онъ не успѣлъ выполнить всей своей задачи. «Мы почти не коснулись сословія знатнаго и богатаго дворянства, говорилъ онъ. А какое обширное поле! Развратные, безнравственные, безпутные старики и негодныя старухи, вѣроломные супруги, безпечные родители, филантропки и раскольницы нашего времени, молящіяся по католическимъ книгамъ, и имѣющія аббатовъ отцами наставниками, молодые, полувыучившіеся люди, тоскующіе о философіи, метафизикѣ, статистикѣ, юриспруденціи, правахъ народовъ. Весьма бы любопытно было описать общества сихъ великихъ мудрецовъ, которые за стаканомъ шампанскаго съ трубкою въ зубахъ и съ очками на глазахъ, т.-е. со всѣми признаками глубокой учености, судятъ и рядятъ о своемъ отечествѣ, не видавъ его и ничего не зная

Digitized by Google

о немъ. Какую обильную жатву представятъ писателю съ дарованіемъ характеры и домашняя жизнь интригановъ или пройдохъ—придворныхъ, министерскихъ, губернскихъ, уѣздныхъ и даже деревенскихъ! Потомъ паразитовъ, или, употребляя старинное русское названіе, прихлѣбателей, начиная также съ придворныхъ, продолжая потомъ наблюденія свои въ чертогахъ вельможъ и знатнаго дворянства и оканчивая въ смиренномъ соломою крытомъ домикѣ небогатаго помѣщика. Купечество? Какое пространное поле! есть гдѣ разгуляться воображенію! есть надъ чѣмъ позабавиться!»

Перечисленные нравоописательные романы лучшее, что создала тогдашняя литература въ этомъ родѣ. Если мы къ нимъ добавимъ романъ Симоновскаго «Русскій Жилблазъ» [1])—то перечень ихъ будетъ почти что полный, такъ какъ остальные романы этого типа рѣшительно ничего характернаго въ себѣ не содержатъ.

Романъ Симоновскаго особыми достоинствами также не отличается и въ большей части своихъ главъ—простое повтореніе обычныхъ для того времени положеній, размышленій и разговоровъ. Та же мораль и тѣ же мрачныя картины крѣпостной жизни. Но попадается въ этомъ романѣ кое-что и новое, какъ, напр., довольно обстоятельно разсказанная исторія домашняго воспитанія и затѣмъ школьнаго обученія дворянскаго сынка—героя этой скучной исторіи. Она оживляется когда авторъ приходится говорить о нравахъ губернской гимназіи, о гимназическомъ начальствѣ, берущемъ взятки и о бытѣ самихъ учениковъ живущихъ по квартирамъ преподавателей. Мимоходомъ обрисованы и женскіе пансіоны. Все это описано наскоро и небрежно, но вѣрно и съ натуры.

Такая живопись съ натуры вообще единственное достоинство всѣхъ этихъ «картинокъ нравовъ», и настоящихъ большихъ картинъ вродѣ только что поименованныхъ, и другихъ, которыя изображали лишь одинъ какой-нибудь уголокъ русской жизни. Такихъ романовъ съ менѣе обширной программой и съ тѣмъ же стремленіемъ уловить бытовыя особенности нашей дѣйствительности было также не мало въ тѣ годы и иной разъ въ этихъ разсказахъ былъ собранъ довольно интересный этнографическій матеріалъ. Такъ, напр., малороссійская усадьба была живо обрисована въ романѣ Погорѣльскаго «Монастырка» [2]), кое-какіе нравы южнаго губернскаго города въ разсказѣ Кулжинскаго «Ѳедюша Мотовильскій» [3]) и особенной популярностью пользовался романъ Калашникова «Дочь купца Жолобова» [4])—романъ разбойничій, но съ

[1]) *Г. Симоновскій.* «Русскій Жилблазъ, похожденіе Александра Сибирякова или школа жизни», 2 части. Москва 1832 г.

[2]) *Антоній Погорѣльскій.* «Монастырка». 2 части. Спб. 1830—1833.

[3]) *И. Кулжинскій.* «Ѳедюша Мотовильскій, украинскій романъ». Москва. 1833.

[4]) *И. Калашниковъ.* «Дочь купца Жолобова. Романъ извлеченный изъ иркутскихъ преданій». 4 части. Спб. 1832.

Digitized by Google

массою бытовыхъ чертъ изъ жизни сибирскаго купечества. Къ числу такихъ бытовыхъ романовъ можетъ быть отнесенъ и надѣлавшій въ свое время нѣкоторый шумъ романъ Ушакова «Киргизъ-Кайсакъ» [1]) Этотъ довольно живо написанный разсказъ посвященъ собственно разбору одного соціально-нравственнаго вопроса, который нерѣдко подымался и въ романтической литературѣ, а именно, вопроса о столкновеніи незаконнорожденнаго человѣка, но одареннаго всѣми дарами духа съ общественными предразсудками. Герой романа—свѣтскій блестящій кавалеръ, счастливый любовникъ оказывается незаконнымъ сыномъ какой-то киргизки, купленной за 100 рублей. Быстрая агонія этого несчастнаго среди свѣтскаго общества, гдѣ онъ хорошо принятъ, крушеніе всѣхъ надеждъ любви, несмотря на то, что онъ усыновленъ какой-то княгиней, сцены свиданія со своей старухой матерью и, наконецъ смерть его на войнѣ даютъ автору возможность написать нѣсколько истинно драматическихъ страницъ, нарисовать съ настроеніемъ картинку киргизскихъ степей и ихъ быта, а главное при случаѣ рѣзко подчеркнуть свою собственную либеральную тенденцію. Романъ дѣйствительно полонъ благородныхъ рѣчей и изъявленій симпатій по адресу простого народа, и въ самомъ дѣлѣ, развѣ мало было въ то время людей, имѣвшихъ право на уваженіе общества, страдавшихъ отъ своего незаконнаго, т.-е. крѣпостнаго происхожденія? Среди романовъ съ серьезнымъ замысломъ, «Киргизъ-Кайсакъ» занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ.

Совсѣмъ не серьезенъ и очень скученъ былъ романъ Греча «Поѣздка въ Германію» [2]), но и его должно отмѣтить, такъ какъ это была попытка набросать новыя для того времени бытовыя сценки изъ жизни русскихъ въ Германіи и нѣмцевъ въ Россіи.

Не мало было также въ тѣ годы повѣстей и романовъ изъ военнаго быта, частью вымышленныхъ, а частью написанныхъ по воспоминаніямъ о великой отечественной войнѣ. Что интересъ писателя долженъ былъ остановиться на этой эпохѣ—это вполнѣ понятно, но ожидать отъ этихъ повѣстей истиннаго реальнаго воспроизведенія дѣйствительности было уже потому трудно, что самый сюжетъ наталкивалъ на преувеличеніе, на пафосъ и на повышенный патріотизмъ. Такое преувеличеніе и составляетъ основной недостатокъ всѣхъ романовъ этого типа.

Лучшее сочиненное на эту тему—были «Походныя записки русскаго офицера» [3])—дневникъ, который И. Лажечниковъ велъ во время своихъ походовъ въ 1812—1815 годахъ. Написанныя при свѣтѣ бивуачныхъ костровъ, на барабанахъ и нерѣдко на конѣ, при шумѣ идущаго войска, эти записки были совсѣмъ не чужды пафоса и излишняго сенти-

---

[1]) *В. Ушаковъ.* «Киргизъ-Кайсакъ». Повѣсть. 2 части. Москва. 1830.

[2]) *Н. Гречъ.* «Поѣздка въ Германію. Романъ въ письмахъ». 2 части. Спб. 1831.

[3]) *И. Лажечниковъ.* «Походны записки русскаго офицера». Спб. 1820.

Digitized by Google

ментализма, но они были правдивы. Лажечниковъ записывалъ изо дня въ день свои впечатлѣнія на грудахъ развалинъ русскихъ городовъ, на поляхъ и въ лѣсахъ, гдѣ валялись непогребенные остатки великой арміи, на полѣ битвы въ предѣлахъ Россіи и за границей, разсказывалъ объ ужасныхъ звѣрствахъ голодныхъ и замерзавшихъ солдатъ, набрасывалъ силуэты полководцевъ, описывалъ все, что случалось видѣть въ иноземныхъ городахъ вплоть до Парижа, лилъ слезы надъ человѣчествомъ и взывалъ къ чувствительнымъ сердцамъ, призывая ихъ ополчиться противъ людской вражды и злобы и—что очень характерно—онъ вѣрно оцѣнилъ тѣ жертвы, которыя въ эти тяжелые годы принесъ русскій простой народъ; и въ благодарность Лажечниковъ не упускалъ случая напомнить объ его подневольномъ положеніи, почему въ свой военный разсказъ и вставлялъ часто эпизоды изъ крестьянской неволи и пускался даже въ политическія разсужденія.

Несмотря на ту дань, которую Лажечниковъ заплатилъ своему сентиментальному вѣку, его записки даютъ гораздо болѣе правильное и полное понятіе объ эпохѣ двѣнадцатаго года, чѣмъ романы, которые на эту тему написаны.

Изъ этихъ романовъ выдѣлялись тогда особенно два: «Рославлевъ» Загоскина и «Петръ Ивановичъ Выжигинъ» Булгарина. Романъ Загоскина написанъ болѣе умѣло, чѣмъ «Выжигинъ», но ни тотъ, ни другой художественными достоинствами не блещутъ. На развитіи дѣйствія, равно какъ и на самихъ характерахъ отражается очень невыгодно слишкомъ яркая патріотическая тенденція писателей. Она превращаетъ разсказъ въ однообразную проповѣдь любви къ отечеству, проповѣдь, которую автору приходится во что бы то ни стало разнообразить вымысломъ—что и влечетъ за собой вторженіе въ реальный романъ совершенно излишнихъ, романтическихъ эпизодовъ. Въ «Рославлевѣ» *) придуманнаго очень много; совсѣмъ не замѣтенъ «духъ времени» и почти нѣтъ мѣстныхъ красокъ, хотя завязка—любовь русской дѣвицы къ плѣнному французу и ея страшная гибель — кажется, взята изъ дѣйствительной жизни. Все, что относится къ этой завязкѣ писано въ старомъ романтическомъ стилѣ; и офицеры русскіе и французы, равно какъ и дамы, стоящія между ними — не люди, а страсти, временно облеченныя въ тѣлесную форму. Впрочемъ, какъ въ бытовыхъ романахъ, такъ и въ этомъ суть не въ главной интригѣ, и не въ главныхъ лицахъ, а въ деталяхъ, и въ этомъ смыслѣ кое-что уловлено Загоскинымъ вѣрно. Не лишены интереса народные типы—солдаты и партизаны; авторъ умѣетъ даже при случаѣ говорить не совсѣмъ ломаннымъ народнымъ языкомъ; ему ясна до извѣстной степени психологія массы и эта масса у него не только издаетъ одобрительные или

*) *М. Загоскинъ.* «Рославлевъ или русскіе въ 1812 году». 4 части. Москва. 1831 г.

Digitized by Google

порицающіе возгласы, она разсуждаетъ и чувствуетъ, и вообще, кое-гдѣ въ романѣ вѣетъ атмосферой войны.

Этихъ достоинствъ почти совсѣмъ нѣтъ въ романѣ Булгарина «Петръ Ивановичъ Выжигинъ» *). Сынъ Ивана Ивановича Выжигина, конечно, образецъ доблести и самаго яркаго патріотизма. Рядъ неожиданныхъ приключеній ставитъ на пробу эту его любовь къ отечеству, и онъ изъ нихъ выходитъ побѣдителемъ, чтобы успокоиться въ объятіяхъ своей Лизы, скромной дѣвушки, выросшей въ семьѣ людей «средняго состоянія», а посему добродѣтельныхъ, о которыхъ авторъ говоритъ вообще съ большой нѣжностью, противупоставляя имъ наше высшее общество, столь мало патріотичное. Романъ въ общемъ неудачный и не имѣвшій у публики успѣха, но все-таки съ попыткой уловить живые типы и описать историческія событія не нарушая правды.

Наиболѣе живой и вѣрный типъ русскаго военнаго былъ данъ впрочемъ не этими «наблюдателями» со стороны, а человѣкомъ, который самъ на своихъ плечахъ вынесъ всю тяготу походной жизни. Въ 1832 году вышло—безъ имени и псевдонима автора—первое собраніе повѣстей декабриста Александра Бестужева, очень популярнаго въ публикѣ подъ именемъ Марлинскаго **). Авторъ этихъ повѣстей былъ человѣкъ съ большимъ талантомъ и для своего времени его дѣятельность была явленіемъ очень замѣтнымъ. Создатель особаго литературнаго стиля, нѣсколько вычурнаго, но сильнаго и эффектнаго, напоминавшаго во многомъ ранній стиль Гоголя, критикъ остроумный и образованный, Марлинскій былъ вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ талантливымъ изъ нашихъ историческихъ романистовъ. Его историческая повѣсть, всегда съ занимательной интригой, полная археологически-вѣрныхъ деталей и веденная въ быстромъ драматическомъ темпѣ уступала развѣ только историческимъ повѣстямъ Пушкина. Въ этой области Марлинскій былъ своего рода новаторъ: еще задолго до Загоскина и Лажечникова съумѣлъ онъ выработать технику историческаго разсказа, сближающаго болѣе или менѣе удачно старину съ житейской правдой.. Но онъ на этомъ не остановился. Отъ историческихъ картинъ онъ сталъ постепенно переходить къ описанію дѣйствительности, и повѣсти, написанныя имъ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, были наполовину очерками бытовыми. Правда, въ этихъ повѣстяхъ наиболѣе любопытна характеристика міросозерцанія и настроенія самого автора—человѣка во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго но и помимо этого въ нихъ собрано было не мало бытовыхъ чертъ изъ жизни нашего свѣтскаго общества и преимущественно военнаго. Марлинскій изучилъ этотъ бытъ хорошо, въ особенности, когда судьба за-

*) *Ѳ. Булгаринъ.* «Петръ Ивановичъ Выжигинъ. Нравоописательный историческій романъ XIX вѣка. 4 части. Спб. 1831 г.

**) «Русскія повѣсти и разсказы». 4 части. Москва. 1832. (въ 1834 году добавлены еще 4 части).

Digitized by Google

бросила его на Кавказъ, гдѣ онъ тянулъ впродолженіи долгихъ лѣтъ солдатскую лямку.

Отчасти въ Якутскѣ, куда онъ былъ сначала сосланъ, отчасти на Кавказѣ были написаны эти разсказы, въ которыхъ, вспоминая свою вольную жизнь, нашъ авторъ рисовалъ портреты съ себя самого и своихъ знакомыхъ. Нерѣдко разсказывалъ онъ и о своей личной жизни на Кавказѣ, и никто не умѣлъ такъ вѣрно, какъ онъ, схватить дикую прелесть кавказской природы и такъ живо обрисовать восточные типы горцевъ, мирныхъ и немирныхъ. Его «Вечеръ на Кавказскихъ водахъ» (1830), «Амалатъ Бекъ» (1832) и позднѣе «Мулла Нуръ» (1835), лучшее, что до Лермонтова было у насъ написано о Кавказѣ. Тонкій, полный юмора разсказъ изъ жизни нашихъ моряковъ за границей далъ Марлинскій въ своемъ «Лейтенантѣ Бѣлозорѣ» (1831), и наконецъ въ цѣломъ рядѣ мелкихъ очерковъ даже самыхъ фантастическихъ онъ умѣлъ сохранить правдивость чувствъ и вѣрную психологическую мотивировку въ поступкахъ своихъ героевъ. Марлинскій, при всей романтической необузданности своей фантазіи, былъ, безспорно, хорошій психологъ и въ дѣлѣ сближенія искусства съ жизнью онъ—романтикъ по преимуществу—сдѣлалъ больше, чѣмъ многіе реалисты, его менѣе талантливые современники.

Нашъ краткій перечень русскихъ реальныхъ романовъ былъ-бы неполонъ, если бы мы обошли молчаніемъ одинъ сборникъ анекдотовъ и сатирическихъ очерковъ, который былъ самымъ оригинальнымъ и любопытнымъ явленіемъ тогдашней обличительной литературы. Это былъ «Новый живописецъ» Полевого *) (1832), въ которомъ были собраны летучія статейки на разныя темы, которыя Полевой печаталъ въ своемъ «Московскомъ Телеграфѣ». Среди всѣхъ тогдашнихъ сатиръ и обличительныхъ картинокъ нравовъ «Живописецъ» былъ самымъ злымъ памфлетомъ. Содержаніе его необычайно богато. Почти каждый памфлетъ—живая страничка изъ русской жизни, конечно, перелицованной. Та «народность», которая ускользала отъ Полевого, когда онъ писалъ свои повѣсти и романы, въ этихъ каррикатурахъ далась ему легко и непринужденно. Непринужденная веселая шутка надъ очень серьезными сторонами нашей жизни—вотъ главное достоинство этого наслѣдника новиковскаго живописца. Полевой — романтикъ и сентименталистъ передъ нами въ новой очень удачной роли юмориста.

Достается всѣмъ. Дворянамъ Тугоумовымъ, Щелкоперовымъ и Тонкосвистовымъ за то, что они просвистали свои родовыя имѣнья, за то, что либеральничали, будучи въ сущности страшными эгоистами, толкуя о правахъ человѣчества, истязали низшую братію, торговали собой, умѣли хвастаться лишь чужими заслугами, жить не своимъ умомъ и на чужой счетъ. Досталось и дамамъ за то, что, по ихъ мнѣ-

*) *Н. Полевой*. «Новый живописецъ общества и литературы». 6 частей. Москва. 1832.

Digitized by Google

нію, вся жизнь создана для забавы, за то, что они мнятъ себя королевами, для которыхъ существуютъ однѣ лишь прерогативы и ни одной обязанности. Градъ насмѣшекъ сыпался на голову чиновниковъ, отъ мелкихъ до высокопоставленныхъ, и если эти насмѣшки были мало оригинальны, и авторъ въ нихъ казнитъ все старые грѣхи — все взяточничество да плутовство—онѣ были зато очень злы и остроумны. Среди этихъ остроумныхъ шутокъ находилась и маленькая драматическая сценка, озаглавленная «Ревизоры, или славны бубны за горами»—комическій эпизодъ изъ чиновничьей жизни, напоминающій «Ревизора». То же ожиданіе ревизора, тѣ же страхи, совѣщанія, какъ отразить грозу, торжественный пріемъ ревизора и его женитьба на дочери Цапкина—судьи, «какихъ много».

Одни изъ лучшихъ страницъ въ «Живописцѣ» были посвящены безпощадному глумленію Полевого надъ своими собратіями—литераторами и журналистами. Подняты на смѣхъ отдѣльные писатели подъ довольно прозрачными псевдонимами, даны очень удачныя пародіи разныхъ литературныхъ стилей, и осмѣяны всѣ литературныя партіи, и классики, и романтики, и искатели народности, осмѣяны тонко, безъ шаржа и грубостей. Но среди этихъ шутокъ есть и серьезныя мысли: такъ напр., цѣлый обзоръ современной литературы втиснутъ въ маленькій діалогъ, озаглавленный «Разговоръ послѣ бесѣды съ литераторами». Основная мысль этого діалога—не въ такой только рѣзкой формѣ—намъ уже извѣстна по критическимъ статьямъ Полевого. «Можно ли утверждать, что у насъ есть литература? — спрашивалъ нашъ памфлетистъ. Когда литература будетъ необходимою потребностью общества, когда она составитъ часть его бытія, тогда только она будетъ имѣть право на названіе голоса общества. Наше общество совсѣмъ не въ такомъ отношеніи къ литературѣ; книга для русскаго человѣка такая же вещь, какъ часы, игрушки дѣтскія, или такое же занятіе, какъ гуляньe подъ Новинскимъ... Смѣшно однако требовать литературы когда мы едва грамотѣ знаемъ... Нельзя дивиться, замѣчая у насъ мелкость литературную, не видя примѣровъ высокаго самоотверженія и находя повсюду безцвѣтность, холодность, подражательность. Отъ этихъ ли пестрыхъ куколъ, отъ этихъ ли человѣковъ на восковыхъ ножкахъ ждать высокихъ, сильныхъ порывовъ души, глубокаго восторга, самобытныхъ созданій! У нихъ всѣ дѣтскіе пороки. Самохвальство, горделивость, невѣжество, мелочная зависть, сплетни, подражательность—все это найдется въ нашей литературѣ, и ни одной добродѣтели, даже ни одного порока взрослаго человѣка... Впрочемъ, зачѣмъ говорить такимъ языкомъ? Съ литературой русской надобно шутить и смѣяться, потому что на дѣтей сердиться грѣшно и смѣшно. Пусть критика ставитъ иногда русскихъ литераторовъ въ уголъ за шалости» и нашъ, въ данномъ случаѣ пристрастный и не спра-

Digitized by Google

ведливый критикъ, разставлялъ въ своемъ «Живописцѣ» по угламъ русскихъ литераторовъ, даже такихъ, которые вовсе этого не заслуживали. Но Полевой, конечно, иронизировалъ и шутилъ. Не могъ же онъ въ 1832 году не видѣть, что изъ дѣтской рубашки наша литература давно выросла.

Эта литература числила въ своихъ рядахъ, какъ мы видѣли, людей съ большимъ, даже огромнымъ дарованіемъ; ей на пользу шли, кромѣ того, труды цѣлаго ряда писателей менѣе даровитыхъ, но все-таки наблюдательныхъ. Если первоклассныя силы сдѣлали въ общемъ слишкомъ мало для освѣщенія текущей жизни и ея художественнаго истолкованія, если работа второстепенныхъ силъ оставляла многія стороны нашей дѣйствительности неосвѣщенными и если, такимъ образомъ, разнообразіе нашей тогдашней жизни не находило себѣ въ общемъ достаточнаго отраженія въ искусствѣ—то все-таки къ началу тридцатыхъ годовъ настоящая народность, т.-е. истинный реализмъ началъ проявляться въ литературѣ достаточно ясно.

Критика не замѣтила и не оцѣнила его по достоинству. Къ тому же эти попытки самобытнаго творчества тонули и исчезали въ огромной массѣ переводныхъ памятниковъ, чисто подражательныхъ произведеній, либо произведеній совсѣмъ ничтожныхъ, либо, наконецъ, такихъ, въ которыхъ народность проявилась въ своей условной формѣ, архаически-легендарной или исторической. Во всемъ этомъ огромномъ количествѣ литературныхъ памятниковъ самаго смѣшаннаго типа, въ этомъ, обычномъ для каждой переходной эпохи, скрещиваніи своего и иноземнаго, стараго и новаго, трудно было услѣдить за произведеніями, которыя не были настолько талантливы и ярки, чтобы бросаться въ глаза сразу своей оригинальностью. И потому всѣ попытки реальнаго воспроизведенія нашей тогдашней жизни въ искусствѣ, несмотря на все цѣнное, что въ нихъ заключалось—остались мало оцѣненными, но свое дѣло все-таки сдѣлали: они подготовляли общество къ достойной встрѣчѣ истиннаго таланта, въ созданіяхъ котораго ихъ тенденція настоящаго реализма и народности должна была восторжествовать окончательно... и такой талантъ не заставилъ себя ждать долго.

Въ гоголевскихъ типахъ и въ завязкахъ его повѣстей нерѣдко подмѣчаютъ извѣстное сходство съ тѣми положеніями и лицами, которыя до него съумѣли уловить Нарѣжный, Полевой, Булгаринъ, Бѣгичевъ и другіе. Проводить эти параллели нѣтъ особенной надобности, такъ какъ въ данномъ случаѣ со стороны Гоголя никакого прямого заимствованія не было. Онъ писалъ съ натуры такъ-же, какъ и его предшественники, и потому совпаденія были неизбѣжны. Но если не было заимствованія, то зависимость все-таки существовала. Пріемы реальнаго воспроизведенія жизни и интересъ къ бытовымъ ея сторонамъ,

Digitized by Google

тенденція изображать не одну лишь лицевую сторону дѣйствительности, а также ея изнанку, отсутствіе въ писателѣ отвращенія къ житейской пошлости и грязи, стремленіе эту грязь претворить въ художественный образъ—всѣ эти черты «натуральной» школы, отцомъ которой считается Гоголь, существовали въ нашей литературѣ задолго до появленія его разсказовъ, и ему въ данномъ случаѣ прокладать новыхъ путей не приходилось. Должно отмѣтить также, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Гоголь даже отставалъ отъ скромныхъ своихъ предшественниковъ, не какъ художникъ, конечно, а какъ зоркій наблюдатель. Было много очень острыхъ и важныхъ вопросовъ нашей общественной жизни, о которыхъ предшественники Гоголя имѣли смѣлость говорить рѣзко, хотя и не совсѣмъ складно, и мимо которыхъ — какъ мы увидимъ— Гоголь проходилъ съ опаской и осторожно.

Въ 1832 г., съ выходомъ въ свѣтъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки», имя Гоголя стало извѣстно всей грамотной Россіи.

Но по этому первому оригинальному произведенію нашего художника трудно было догадаться, какое направленіе приметъ его творчество: начнетъ ли оно уходить въ даль народной старины, исторической и легендарной, или, наоборотъ, отъ этого поэтическаго прошлаго— которое тогда такъ любилъ Гоголь—приближаться къ настоящему.

М. Котляревскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

ТОЛЬКО ЧАСЪ.

I.

Молоденькая писательница Рябушкина изъ разряда „начинающихъ“ пріѣхала въ рудничный поселокъ Хотѣевку за „матеріаломъ“. Остановилась она у мѣстнаго доктора Зуева, — жена котораго Марѳа Ивановна доводилась дальней родственницей Рябушкинымъ,— и едва только переступила порогъ докторскаго дома, какъ тотчасъ же засыпала вопросами: сколько рабочихъ? какова заработная плата? сколькимъ часамъ равенъ рабочій день? часты ли несчастные случаи и отъ какихъ причинъ? какъ вознаграждаются рабочіе за увѣчья? какова администрація — справедливая или несправедливая?.. и т. д., и т. д. до безконечности...

Докторъ, коротенькій и пузатенькій, плѣшивый и розовый, давалъ „показанія“ бойко и весело, съ шуточками и прибауточками, уснащая трескучую рѣчь свою безпрестаннымъ обрывистымъ смѣшкомъ, похожимъ на кашель. Выходило у него такъ: скажетъ фразу и сейчасъ же весь заколышется, побагровѣетъ и— „кахъ-кахъ-кахъ!..“.

— Часты ли несчастные случаи? кахъ-кахъ-кахъ!.. Да сколько угодно... кахъ-кахъ! Тотъ подъ вагончикъ угодилъ, того камнемъ прихватитъ, землей завалитъ, дурнымъ газомъ отравитъ... да мало ли случаевъ у насъ!.. Вотъ на прошлой недѣлѣ трое рабочихъ на твердую породу напали: рыли-рыли, ничего не выходитъ, надо было порохомъ взорвать... такъ одинъ-то, что фитиль поджигалъ, не успѣлъ во время отскочить, ему полживота такъ и выхватило.. А третьяго дня глыба угля рухнула и двоихъ забойщиковъ на смерть расплющило... только мокренько стало... кахъ-кахъ-кахъ!..

Рябушкину хоть и раздражалъ нелѣпый хохотъ доктора, но все же слушала она внимательно, съ тою трепетною и напряженною жадностью, на какую способны только „начинающіе“. Вопросы свои она задавала по заранѣе составленной „програмкѣ“, заключавшей въ себѣ 32 вопросныхъ пункта. „Показанія“ док-

Digitized by Google

тора тоже разносила по пунктамъ, быстро испещряя поля программки какими-то одной только ей понятными іероглифами. Дойдя до 15-го, она энергически раза два подчеркнула цифру 15, строго сдвинула брови и спросила тономъ особенно дѣловитымъ и озабоченнымъ.

— Ну-съ, а какія-же у васъ просвѣтительныя и увеселительныя учрежденія для народа?

На что веселый докторъ, въ знакъ величайшаго изумленія, расхохотался чуть не до истерики.

— И выдумала же, прости Господи!..—укоризненно протянулъ, наконецъ, онъ, съ трудомъ превозмогая неистовый хохотъ свой. —„Учрежде-е-нія!..“ Помереть можно со смѣху, побей меня Богъ!..

— Позвольте,—нетерпѣливо и рѣзко остановила его Рябушкина.—Неужели же ничего нѣтъ: ни воскресныхъ классовъ, ни клуба, ни театра, ни библіотеки, ни чайной,—неужели же ничего этого нѣтъ?

— Ничевошеньки... Ни Боже мой!..—дурашливо воскликнулъ докторъ, глядя на Рябушкину восхищенно и благожелательно до послѣдней степени.

— Да и на что намъ эти ваши „учрежденія“, голуба вы моя? Ну хотя бы взять эти ваши почтенныя чайныя... на кой онѣ намъ? Водка не въ примѣръ превосходнѣе чая, клянусь честью!.. Положимъ, кабаки у насъ воспрещены, но обыватели торгуютъ тайно, и живительной влаги можно достать сколько душѣ угодно. И пьютъ же, я вамъ доложу... и-и-и!.. Матыньки мои!.. Идеально, неподражаемо пьютъ!.. Иной „черный богатырь“ въ одно только воскресенье весь мѣсячный заработокъ ухнетъ, да еще и одежу съ себя пропьетъ... Потому не нужна она ему, одежа-то, подъ землею все равно нагишемъ ползаетъ...

Отъ этихъ „данныхъ“ у Рябушкиной на щекахъ бурыя пятна выступали и глаза стали еще жаднѣе. „Какой матеріалъ!“, думала она, быстро бѣгая карандашемъ по полямъ программки, — „Какой матеріалъ!.. Какіе контрасты, выводы, сопоставленія!.. Все—для капитала, для предпринимателей и ничего для рабочихъ. Доходы милліонные, а для духовнаго развитія тѣхъ, кто добылъ эти милліоны — „ничевошеньки“!.. Трудъ каторжный, ни съ чѣмъ несообразный по риску и ужасный трудъ этотъ ничѣмъ не скрашивается... Да тутъ можно такую штучку изобразить, разрисовать такіе узоры, что любо-дорого!.. Богатѣйшій матеріалъ!..“

И жадно вслушиваясь въ дальнѣйшія „показанія“ доктора, Рябушкина въ то же время уже сортировала эти показанія въ умѣ своемъ на „нужныя“ и „ненужныя“, причемъ нужныя поры-

Digitized by Google

висто и поспѣшно заносила въ видѣ іероглифовъ въ программу, а на ненужныя только презрительно морщилась.

На вопросъ о „санитарныхъ условіяхъ труда, о новѣйшихъ техническихъ условіяхъ", докторъ, также, какъ и на вопросъ о „просвѣтительныхъ учрежденіяхъ", отвѣтилъ не сразу. Сперва поднялъ Рябушкину на смѣхъ, назвалъ ее „ходячей книжкой" и „грудным младенцемъ", а потомъ уже радостно сообщилъ о томъ, что шахты освѣщаются первобытными керосинками, отчего въ галлереяхъ копоть стоитъ такая, что носы и уши у рабочихъ вѣчно забиты черными пробками, величиною съ орѣхъ. И машины разоренныя, и вентиляція преподлѣйшая, и у вентиляціонныхъ дверей дежурятъ дѣти, между саночниками тоже попадаются дѣти, хотя дѣтскій трудъ строго воспрещенъ закономъ... Для крѣпей галлерей употребляютъ гнилыя подпорки, взятыя изъ старыхъ шахтъ, и ламповый дворикъ ради экономіи перенесенъ съ верху во внутрь шахты, отчего загорѣлся какъ-то уголь и горѣлъ цѣлые два мѣсяца, и цѣлые два мѣсяца рабочіе задыхались въ адскомъ пожарищѣ, калѣчились, обжигались на смерть...

— Значитъ, взаимныя отношенія между рабочими и администраціей ужасныя, — полувопросомъ констатировала Рябушкина, точно сама еще сомнѣвалась въ своихъ выводахъ.

— А это какъ посмотрѣть!..—весело воскликнулъ докторъ. Вамъ кажутся „ужасными", а намъ самыми обыкновенными... Жизнь, голуба моя, не книжка, гдѣ все возвышено и благородно. Жизнь — борьба-съ, въ нѣкоторомъ родѣ война, а война „не ужасная" никогда и не бываетъ,—поучительно пояснялъ докторъ. И въ доказательство того, что жизнь—война, докторъ разсказалъ о прошлогоднемъ бунтѣ, когда „черные богатыри" превратились въ настоящихъ звѣрей, разгромили весь базаръ, всѣ лавчонки, разнесли квартиру инженера Каплицы, а штейгера Юрченку чуть не заколотили до смерти.. Грозились кишки вымотать изъ Юрченки и собакамъ бросить...

Рябушкина все чиркала и чиркала въ тетрадкѣ своей поразвисто, поспѣшно и внутренно вся замирала отъ радостнаго сознанія, что „любопытный матеріалъ" съ каждой минутой разростается, становится все любопытнѣе, все цѣннѣе.

Въ концѣ концовъ, Рябушкина узнала не только то, что требовалось узнать ей по пунктамъ, но еще и то, о чемъ въ пунктахъ и не упоминалось. Любопытство ея было возбуждено до послѣдней степени. Страстная жажда поскорѣе приступить къ „наблюденіямъ" рождала тайное нетерпѣніе, тревогу смутную и сладкую, похожую на ту, какую испытываютъ влюбленные наканунѣ свиданія съ возлюбленными. И потому весь остатокъ вечера Рябушкина провела, какъ въ чаду, за ужиномъ ничего не

Digitized by Google

ѣла, на разспросы Маріи Ивановны о родныхъ отвѣчала не впопадъ и ночь спала плохо: все думала о завтрашнихъ наблюденіяхъ, о томъ, какъ она спустится въ подземное царство и увидитъ тамъ собственными глазами все-все...

II.

Было тепло, въ воздухѣ свѣтло, легко и отрадно по весеннему, когда Рябушкина въ сопровожденіи доктора подъѣзжала къ шахтѣ „Діаны". Съ высоты ярко голубаго неба, глубокаго и безоблачнаго, глядѣло огромное, желтое и жаркое солнце. Подъ лучами его, покрытая углемъ черная степь сверкала безчисленными искрами, словно драгоцѣнные камни, бриллианты и алмазы въ невѣроятномъ количествѣ разсыпаны были по землѣ.

Чѣмъ-то страннымъ, необычнымъ и волнующимъ вѣяло отъ этой сверкающей черной степи съ разбросанными по ней маленькими, грязными домиками рабочихъ, съ громадными, неуклюжими и мрачными надшахтными зданіями, съ горами угля вокругъ этихъ зданій, съ сѣтью блестящихъ рельсъ, по которымъ, какъ гигантскія змѣи, бѣгали взадъ и впередъ вагоны, тоже черные, мрачные. Необычайными и волнующими казались высокія, узкія, черныя и бурыя трубы, рисовавшіяся на свѣтломъ фонѣ неба такъ ярко, отчетливо. Странными казались и люди, встрѣчавшіеся на пути, съ лицами черными, какъ у негровъ, и съ такими же черными шеями и руками. Страннымъ, удивительнымъ было полное отсутствіе растительности: ни кустика, ни деревца, ни травиночки... все голо кругомъ и черно-черно, угрюмо и мрачно. И только вдали, на самомъ горизонтѣ свѣтлѣли сѣро-голубые курганы, но и эта свѣтлая, зубчатая полоса степи, далекая и мечтательная, казалось, затѣмъ только и протянулась, чтобы еще сильнѣе подчеркнуть безнадежную тоску и унынie черной картины, волнующей и странной.

Рябушкина съ жаднымъ любопытствомъ осматривалась по сторонамъ, стараясь схватить и запомнить всѣ подробности этой картины. Но проникнуться всецѣло ея безнадежно-унылымъ настроеніемъ не могла: мѣшала радость... тревожная и нетерпѣливая, знойная и сладкая радость ожиданія, что дальше будетъ еще „любопытнѣе, еще интереснѣе"... И даже трусливыя мысли на тотъ счетъ, что „вѣдь несчастныхъ случаевъ—масса, сколько угодно, какъ увѣрялъ вчера докторъ... и, быть можетъ, вотъ это желтое солнце и голубое небо она, Рябушкина, видитъ въ послѣдній разъ—почемъ знать? все можетъ случиться"...—даже эти трусливыя мысли не ослабляли ея радости. Какъ легкія черныя

Digitized by Google

птицы, мысли эти только проносились въ мозгу ея и не оставались надолго, черныя крылья этихъ птицъ слегка задѣвали ея душу и не омрачали ни на іоту.

III.

И только очутившись подъ сводами угрюмой и мрачной громады, именуемой шахтой „Діаны", среди шума, лязга, свиста и рева машинъ, гулкаго грохота вагончиковъ, пронзительнаго треска электрическихъ звонковъ, тревожныхъ и озабоченныхъ окриковъ грязныхъ людей, суетившихся подлѣ машинъ и вагоновъ,— тутъ только Рябушкина почувствовала рѣзкій, непріятный холодъ въ груди, какъ будто бы огромная, ледяная рука цѣпко схватила ее за сердце...

И когда подошелъ къ ней инженеръ Зазулевичъ (который, по просьбѣ Петра Петровича, поджидалъ ее здѣсь уже съ полчаса) и, галантно расшаркавшись, объявилъ, что онъ „весь къ услугамъ" и при этомъ пригласительнымъ жестомъ указалъ на черное отверстіе шахты, страшною дырою зіявшее шагахъ въ пятнадцати отъ нихъ, то Рябушкина, взглянувъ на эту дыру, даже слегка вздрогнула: ледяная рука сжала сердце ей до боли, и рѣзкій ознобъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу. Но это длилось какую-нибудь минуту или даже меньше, а потомъ Рябушкина опять вспомнила, что пріѣхала она съ цѣлью наблюденій и что самое любопытное вотъ именно въ этой черной дырѣ и заключается. Радостное ожиданіе снова согрѣло ее, и на мѣстѣ страха заиграла буйная отвага.

— Въ такомъ случаѣ идемъ! — вскрикнула она звонко, съ удалью и первая рѣшительно двинулась по направленію къ чудовищу.

Но докторъ остановилъ ее.

— Те-те-те-те!.. Погодите-ка, голуба моя! — сказалъ онъ насмѣшливо, хватая Рябушкину сзади за кофточку. — Переодѣться надо бы, въ нѣкоторомъ родѣ маскарадъ... Кахъ-кахъ-кахъ!..

А инженеръ добавилъ:

— Вонъ туда пожалуйте, въ корридорчикъ... Я вамъ ужъ и костюмъ приготовилъ...

И пошелъ впередъ черезъ все машинное отдѣленіе.

Рябушкина поспѣшно двинулась за нимъ.

Въ маленькой грязной комнаткѣ на деревянномъ грязномъ диванчикѣ лежалъ „костюмъ": ветхая ситцевая юбчонка, такая же кофточка, грубые опойковые башмаки и кумачевый, дырявый

Digitized by Google

платочекъ на голову. Все это Зазулевичемъ взято было для Рябушкиной у кухарки Авдотьи „на прокатъ“.

— Ну вотъ вамъ и уборная... преображайтесь! — сказалъ инженеръ, щелкнулъ каблуками по военному, поклонился и вышелъ, заботливо затворивъ за собою двери.

Минутъ черезъ пять Рябушкина уже „преображенная“ снова появилась въ корридорѣ, нелѣпая и забавная въ своемъ новомъ нарядѣ.

„Преображеннымъ“ оказался и инженеръ: въ старой отрепанной курточкѣ, въ рыжихъ стоптанныхъ сапожкахъ, въ холщевыхъ шароварахъ и въ уродливомъ картузикѣ.

Докторъ увидалъ „ряженыхъ“ и затрясся отъ смѣха. Смѣялась и Рябушкина и недоумѣло спрашивала:

— Да для чего все это?

— А вотъ увидите!—таинственно и многозначительно отвѣтилъ, наконецъ, инженеръ и тотчасъ же озабоченно поднялъ съ пола два плаща, которые только что принесъ откуда-то черный, какъ негръ, рабочій. Одинъ изъ этихъ плащей Зазулевичъ подалъ Рябушкиной, а другой набросилъ себѣ на плечи. Плащи, съ капюшонами для головы, съ тонкими бичевками около ворота вмѣсто застежекъ, сдѣланные изъ грубой, какъ кожа, клеенки, насквозь пропитанные сыростью, были тяжелы, топорщились во всѣ стороны и мерзко пахли гнилью.

— Не скажу, чтобы нарядъ былъ особенно пріятный, — весело замѣтила Рябушкина, стараясь не прикасаться лицомъ къ влажному, вонючему капюшону. И мокрыя грязныя бичевки у ворота она завязала съ явнымъ отвращеніемъ, гадливо сморщивъ носъ и оттопыривъ на каждой рукѣ по три пальца.

— Ну-съ... идемъ!—скомандовалъ Зазулевичъ, передавая изъ рукъ рабочаго въ руки Рябушкиной зажженную лампочку.

И они двинулись обратно въ машинное отдѣленіе. У самой шахты Рябушкина вдругъ инстинктивно остановилась, какъ бы въ нерѣшительности, обернулась назадъ и посмотрѣла черезъ открытое окно на далекое, синее небо особенно пристально и тревожно, словно прощалась и съ небомъ, и со всѣмъ, что было на немъ и подъ нимъ.

Потомъ Зазулевичъ взялъ ее за руку и осторожно повелъ на площадку подъемной машины.

— Точно женихъ невѣсту къ алтарю ведетъ!—крикнулъ имъ докторъ издали и по обыкновенію захохоталъ, какъ дуракъ.

— Спускай!—тихо, но строго приказалъ кому-то инженеръ.

И тотчасъ же площадка подъемной машины дрогнула и провалилась въ темную бездну...

Въ первое мгновеніе Рябушкина только и успѣла замѣтить,

Digitized by Google

что они несутся въ какомъ-то тѣсномъ колодцѣ, сложенномъ изъ толстыхъ гнилыхъ бревенъ, по которымъ непрерывными потоками бѣжала вода. Затѣмъ свѣтъ исчезъ надъ ея головою, густая темнота ослѣпила ее, ѣдкій промозглый запахъ гніющаго дерева и ржаваго желѣза захватилъ ей дыханіе до дурноты, а ощущеніе пустоты подъ ногами закружило голову...

IV.

Очутившись на днѣ глубокой шахты, она въ первую минуту отъ ужаса и недоумѣнія съ мѣста сдвинуться не могла. Со всѣхъ сторонъ ее обнимала черная, непроглядная ночь, душная и теплая, смрадная и зловонная. Что-то гдѣ-то шумѣло, грохотало, гудѣло и скрипѣло, журчало и шлепало... Но что?.. понять нельзя было, такъ какъ въ глаза бросался только мракъ одинъ, всеобъемлющій мракъ, безпредѣльный, бездонный и безкрайній... И было мокро кругомъ, лилась вода сверху, на голову, брызгала съ боковъ, хлябала внизу подъ ногами. Но откуда вода — опять же ничего нельзя было понять, ничего не было видно.

Какъ очумѣлая, Рябушкина шарила передъ собою руками, съ неестественною силою таращила глаза свои въ темноту и одни только тусклые блѣдножелтые огни лампочекъ и видѣла вокругъ себя. Огни эти мерцали повсюду: вверху, внизу, съ боковъ, сзади и спереди. Одни изъ нихъ стояли неподвижно, другіе перебѣгали съ мѣста на мѣсто, какъ живые, но темноты не разсѣивали. Наоборотъ, огни, казалось, еще сильнѣе сгущали мракъ, подчеркивали его и придавали ему что-то загадочное, мистически таинственное, непостижимое...

У Рябушкиной волоса на головѣ тихо шевелились и по всему тѣлу ледяныя иглы пробѣгали отъ одной мысли, что страшному мраку этому нѣтъ предѣла, нѣтъ конца и не будетъ, ибо мракъ этотъ—вѣчный, безысходный мракъ могилы, съ ума сводящій мракъ смерти. И ужасъ нечеловѣческій, сверхъестественный, подобный тому, какой испытываютъ люди, заживо погребенные, леденилъ въ жилахъ ея кровь, проникалъ все ея тѣло насквозь до самыхъ костей, опьянялъ и угнеталъ. И даже тогда, когда глаза ея уже освоились съ темнотою и она, кромѣ лампочекъ, увидала еще и черныхъ людей, черныхъ лошадей, части какихъ-то машинъ, колеса, рычаги, ремни, вагоны и тачки, нагруженные углемъ, словомъ увидала въ могилѣ какую-то жизнь, какую-то странную работу, смутную и сложную, — даже и тогда она не въ состояніи была побороть въ себѣ этотъ сверхъестественный ужасъ свой и продолжала глядѣть на все окружающее черезъ призму этого

Digitized by Google

ужаса. Все ей казалось здѣсь невѣроятнымъ, непостижимымъ, недѣйствительнымъ, похожимъ на кошмаръ, на страшное видѣніе, и все говорило о смерти. Передъ нею двигались люди въ странныхъ одѣяніяхъ факельщиковъ, въ широкополыхъ шляпахъ и въ короткихъ плащахъ и съ ними вмѣстѣ двигались желтые огни лампочекъ. Люди казались ей привидѣніями, загробными тѣнями, а огни—погребальными свѣчами. Стучали, гудѣли, шумѣли и скрипѣли машины, грохотали вагоны, топотали лошади, журчала вода, хлябала грязь подъ ногами,—и это безпрерывное движеніе и многоголосый шумъ и гамъ казались ей воплощеніемъ ада на землѣ... „Да что же это такое, Боже мой?.. Что это такое?—мысленно спрашивала она. — Что это за жизнь внѣ законовъ природы, безъ неба, безъ солнца, безъ воздуха и свѣта?.. Что это за люди?.. Какъ они могутъ что-то такое дѣлать въ этихъ адскихъ потемкахъ, соображать, о чемъ-то заботиться, когда смерть сторожитъ ихъ, подкарауливаетъ, хищными глазами глядитъ со всѣхъ сторонъ... Вотъ нависли надъ головою черные своды потолка, мрачные, угрюмые, страшные: это — слой земли въ полтораста саженей. Что стоитъ громадѣ этой опуститься на нѣсколько аршинъ, и тогда все, что здѣсь есть, будетъ погребено заживо... Вотъ бѣжитъ лошадь: того и гляди попадешь въ темнотѣ подъ ноги животнаго, подъ колеса вагона... Съ поолка льется дождь, по стѣнамъ журчатъ непрерывные потоки — это значитъ, что гдѣ-то по близости въ подъземныхъ слояхъ скопилась вода, и она напираетъ на шахту со всѣхъ сторонъ и вотъ-вотъ прорветъ стѣны и потолокъ, страшнымъ ураганомъ ворвется въ галлереи и все здѣсь зальетъ, затопитъ, исковеркаетъ...“ Въ воображеніи Рябушкиной съ быстротою молніи проносится рядъ ужасающихъ картинъ наводненія, рядъ смертельныхъ катастрофъ, о которыхъ она когда-либо слышала или читала. И отъ смертельнаго страха она вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ.

А воздухъ?.. Какая отрава!.. Отъ лампочекъ вьются черныя струи густой копоти, и гниль—кругомъ, вверху, внизу, повсюду... плѣсень, мокрота... Какъ можно дышать этой отравой изо дня въ день, изъ года въ годъ, всю жизнь, всю жизнь!..

Инстинктивно Рябушкина закрывала ротъ, задерживала дыханіе. Мерзкое зловоніе, теплое и влажное, напоминало ей трупное гніеніе и всю ее мутило, тошнота подступала къ горлу.

И когда Зазулевичъ принялся объяснять ей что-то такое насчетъ машинъ и работъ: какъ дѣйствовала водокачка и какъ вентиляторъ, и кто изъ людей что дѣлалъ, гдѣ были—штейгеры и гдѣ—машинисты, куда возили уголь и откуда, сколько пудовъ вѣситъ вагонъ и сколько такихъ вагоновъ доставятъ въ сутки,—то вникнуть во всѣ эти подробности Рябушкина не могла, да,

Digitized by Google

къ удивленію своему, и не хотѣла вникать. Ее вдругъ словно подмѣнили. Обычная живость ея пропала, а съ нею вмѣстѣ пропала и пламенная любознательность и страстное желаніе „все, все увидать собственными глазами“. Она даже забыла, зачѣмъ, почему очутилась она въ этомъ черномъ аду, въ волнахъ мерзкаго зловонія? И зачѣмъ, для чего ей нужны эти люди, похожіе на привидѣнія....

Попрежнему все окружающее продолжало казаться ей не дѣйствительностью, не правдою, а страшнымъ сномъ, тягостнымъ кошмаромъ. И она реагировала на этотъ кошмаръ тупо и безвольно, впитывала въ себя тягостныя впечатлѣнія механически, какъ губка впитываетъ влагу.

Такъ же механически и безвольно, опьяненная мракомъ, пропитанная насквозь постылымъ, зловоннымъ дыханіемъ могилы потащилась она за инженеромъ въ узкія и длинныя галлереи, въ которыхъ добывали уголь. Шлепая ногами по жидкой грязи, то и дѣло натыкаясь на какіе-то острые камни, оступаясь въ рытвинахъ, наполненныхъ водою, она попрежнему напряженно пялила глаза свои въ темноту и думала только объ одномъ: вотъ-вотъ что-нибудь случится въ этомъ страшномъ, запутанномъ лабиринтѣ, по которому ведетъ ее инженеръ: рухнетъ земля, свалится камень, налетитъ лошадь, хлынетъ вода, сгустится „дурной газъ“, струившійся съ угольныхъ пластовъ съ тихимъ тоненькимъ свистомъ и задушитъ, отравитъ или же загорится и взорветъ... И, слѣдовательно, она уженикогдабольше не увидитъ свѣтлаго надземнаго міра, не увидитъ воздуха, радостнаго солнца, чудныхъ звѣздъ, мечтательнаго мѣсяца... Мысли эти ее съ ума сводили....

И опять представлялось невѣроятнымъ, непостижимымъ все то, что она встрѣчала въ узкихъ и низкихъ ходахъ, по которымъ приходилось пробираться согнувшись и сильно наклонивъ голову. Опять густую, съ ума сводящую темноту испещряли тусклые, желтые огни, похожіе на погребальныя свѣчи, и могильную тишину оглашали странные, глухіе и загадочные звуки... И опять ненужными, безсмысленными и постылыми казались объясненія инженера, который время отъ времени останавливался передъ грудами развороченной земли, камней и угля и, указывая на уродливые выступы въ стѣнахъ, трещины, рытвины и пещеры, похожія на зіяющія раны, говорилъ:

— Вотъ здѣсь, видите ли, уголь лежитъ сплошнымъ пластомъ и брать его легко, а вотъ твердыя каменныя породы и тутъ ужъ приходится повозиться: гдѣ порохомъ взорвутъ, гдѣ динамитомъ...

И мерзко, отвратительно было смотрѣть на работу людей. Полуголые, въ однихъ только высоко подсученныхъ портахъ, люди походили на черныхъ звѣрей. Мелькали гибкія спины... на-

Digitized by Google

прягавшіяся, цѣпкія руки... худыя, голенастыя ноги... огромныя, уродливыя ступни... Потъ, смѣшанный съ черною угольною пылью, струился по возбужденнымъ лицамъ, по чернымъ согнутымъ спинамъ. Работа въ духотѣ, въ адскомъ пеклѣ, насыщенномъ отравою, „дурнымъ газомъ", этимъ воздухомъ смерти,— была тяжкая каторжная работа, и окрики людей полны были тупого озлобленія, тупой тревоги и заботы.

— Крѣпи, крѣпи, дьяволъ!.. Чего зѣваешь?.. Того и гляди, какъ червя раздавитъ...

— А ты за собой смотри!.. У тебя, вонъ, у самого земля надъ башкой ползетъ....

— Э-э-хъ!.. Де-е-ержись!—доносится откуда-то, какъ стонъ, уныло и протяжно. И тотчасъ же глухіе и частые удары, похожіе на отдаленные раскаты грома, оглашаютъ могильный мракъ жуткою угрозою.

За низенькими, тяжелыми деревянными дверями, отдѣлявшими одинъ проходъ отъ другого. Рябушкина попадала изъ адскаго пекла въ ледяной ураганъ и вся сотрясалась съ головы до ногъ отъ пронзительнаго, рѣзкаго холода.

— Это вентиляторъ гонитъ чистый воздухъ,—всякій разъ успокоительно объяснялъ инженеръ,—здѣсь обыкновенно рабочіе простужаются, схватываютъ обязательныя для каждаго шахтера болѣзни.

И ловкимъ, кавалерскимъ жестомъ инженеръ подхватывалъ Рябушкину подъ руку и снова увлекалъ въ духоту и пекло....

И чѣмъ дальше они бродили, тѣмъ все уже и ниже становились длинные ходы. Лошадей здѣсь уже не было, и огней было меньше, а мракъ непроницаемѣе и тишина казалась полною, едва нарушаемою. Еле-еле слышны были голоса углекоповъ и удары кирки. Люди работали, сидя и лежа на брюхѣ, на спинѣ, на бокахъ, въ самыхъ ужасныхъ неестественныхъ позахъ. Чѣмъ-то унизительнымъ, оскорбляющимъ человѣческое достоинство, вѣяло отъ этихъ скотскихъ позъ, отъ противоестественныхъ поворотовъ головы, отъ ползанья въ узкихъ дырахъ на четверенькахъ и на брюхѣ, какъ ползаютъ гады...

Наконецъ, и безъ того узкіе ходы превратились въ какія-то кротовыя норы, по которымъ нельзя было уже пролѣзть иначе, какъ только ползкомъ.

— Куда мы идемъ?—вскрикнула, наконецъ, Рябушкина и припала всѣмъ своимъ изнеможденнымъ горячимъ тѣломъ къ мокрой землѣ, задыхаясь отъ пекла и обливаясь потомъ.

— А вотъ сейчасъ.... тутъ поворотъ,—сказалъ инженеръ глухо и нетерпѣливо, прерывающимся голосомъ. Онъ самъ задихался, самъ былъ измученъ усиліями, съ какими приходилось

Digitized by Google

пролазить эти кротовыя норы.—Вотъ тутъ сейчасъ поворотъ и тогда будетъ свободнѣе.

— О, Боже мой... я больше не могу! — простонала Рябушкина, но, однако, подталкиваемая какою-то постороннею силою, подобною той, какая руководитъ сомнамбуломъ, снова поползла за инженеромъ, купаясь въ жидкой грязи по горло. И когда трудный поворотъ былъ пройденъ и можно было вздохнуть свободнѣе, то не было уже никакихъ силъ двигаться дальше. Инженеръ усадилъ Рябушкину на какомъ-то гниломъ обрубкѣ и самъ сѣлъ рядомъ съ нею. Потъ лилъ съ его лица градомъ и онъ тоже дышалъ тяжело и прерывисто.

— Тутъ, видите ли, очень узкія угольныя жилы,—сказалъ онъ,—какой-нибудь аршинъ и даже меньше, слѣдовательно, прорывать просторные ходы невыгодно и даже очень разорительно, вотъ и роютъ такіе, чтобы можно было только хоть какъ-нибудь пролѣзть...

А Рябушкина опять его не слушала и сидѣла, какъ отравленная. Ей казалось, что отъ адской жары, отъ вонючей духоты и отъ тошнотной, проникавшей всю ее насквозь влаги, у нея сердце оторвется. Во рту у нея было сухо, горько, на вискахъ и во лбу надъ глазами бились огненныя жилы съ такою силой, что казалось, вотъ-вотъ лопнутъ, и лицо ея все обольется горячею кровью.

— Я больше не могу, — снова повторила она изнеможенно, перебивая Зазулевича на полуфразѣ.

Послѣдній встрепенулся, вынулъ часы изъ кармана и поднесъ ихъ къ фонарю.

— Сейчасъ двѣнадцать, а мы съ вами спустились въ одиннадцать, слѣдовательно часъ... Что-жъ, можно и домой... Опирайтесь на меня... вотъ такъ!.. Отсюда мы пойдемъ уже болѣе легкимъ и ближайшимъ ходомъ.

И теперь Зазулевичъ уже безцеремонно обхватилъ Рябушкину за талію и потащилъ съ трудомъ, какъ тяжелую ношу.

А она вся мокрая, горячая и задыхающаяся, уже ничего не соображала, ничего не видала и не слыхала и плыла, какъ во снѣ. И только за тяжелыми низенькими дверями, въ волнахъ ледовитаго урагана, она кое-какъ перевела духъ, освободилась изъ объятій инженера и пошла самостоятельно, покачиваясь на ходу, какъ пьяная. На лбу у нея продолжали биться огненныя жилы, стучало въ темя, дрожали руки и ноги и съ тихимъ внутреннимъ звономъ кружилась голова...

Digitized by Google

V.

Поднималась она вверхъ, на землю, точно такъ же, какъ и опускалась въ шахту—съ затуманеннымъ сознаніемъ и съ однимъ только ощущеніемъ ужасающей пустоты подъ ногами... Въ омертвѣвшемъ мозгу ея слабо мелькала одна только мысль: вотъ-вотъ что-нибудь случится въ этомъ узкомъ, мокромъ колодцѣ, по которому безшумно скользитъ платформа—оборвется канатъ, и она съ высоты полетитъ въ темную бездну; лопнетъ деревянная обшивка колодца, и ее расплющатъ, сомнутъ гнилыя бревна; свалится что-нибудь сверху, и ей размозжитъ голову... Наконецъ, повернется она какъ-нибудь неловко въ подъемной клѣткѣ, зацѣпится платьемъ за срубъ, или прикоснется къ срубу локтемъ, спиною—и ей сорветъ кожу, оторветъ руку, пальцы... Инстинктивно она ежилась, горбилась, точно надъ нею ударъ заносили...

И вдругъ забрезжилъ свѣтъ... Сперва слабый, сѣренькій, какъ передъ утромъ, потомъ все ярче, все бѣлѣе. Наконецъ, отчетливо и звонко хлынули откуда-то съ высоты живые звуки, живой жизни... О, да неужели же земля, небо, солнце, воздухъ?!..

И съ легкимъ тоненькимъ вскрикомъ, похожимъ на тотъ, какимъ вскрикиваютъ дѣти, когда ихъ ошеломятъ до испуга, до истерики, неожиданною огромною радостью,—Рябушкина выскочила изъ подъемной клѣтки и оглядѣлась кругомъ: да неужели же она на землѣ? И что такое теперь—утро ли, полдень или вечеръ? Ахъ, да не все ли равно!.. Только бы жить, жить, жить!.. Только бы небо, солнце, свѣтъ!..

И она сперва засмѣялась, а потомъ заплакала... Чѣмъ-то чудеснымъ, новымъ, словно неиспытаннымъ показался ей бѣлый день, лившійся со двора въ широкія, раскрытыя настежь окна надшахтнаго зданія... Чудеснымъ, новымъ показался воздухъ, которымъ она надышаться не могла...

И весь тотъ день до самой ночи она носила въ себѣ это до слезъ умилительное и благодарное сознаніе, что она—на землѣ и дышетъ воздухомъ земли, что надъ нею небо и солнце, что она жива и вокругъ нея все живетъ... И весь тотъ день до самой ночи она всячески старалась забыть, не думать, не вспоминать о томъ, что было подъ землею, что было смертью и говорило только о смерти...

VI.

И ложась въ постель на ночь, она приняла всѣ предосторожности, чтобы „не думать и не вспоминать“. Она нарочно

Digitized by Google

не потушила лампы, чтобы темнота ночи не напомнила бы ей темноты подземелья и всего, что тамъ было. Закрывши глаза, она повторяла только одно слово: „спать, спать, спать...“ Этимъ ритмическимъ повтореніемъ она хотѣла загипнотизировать себя, внушить себѣ сонъ. Но гипнозъ не удавался. Черныя видѣнія тихо подступали къ ней, окружали со всѣхъ сторонъ, дышали въ лицо ей дыханіемъ ужаса и смерти.

Опять видала она отравленныя могилы, узкія и тѣсныя, мокрыя и смрадныя... Видала черныхъ людей, похожихъ на звѣрей... Видала и слышала ихъ адскую работу подъ немолчною угрозою смерти... Видала самую смерть, разныя кровавыя катастрофы, о которыхъ до сихъ поръ знала только по наслышкѣ, изъ книгъ, изъ газетъ, теперь же видала передъ собою, какъ живыми: всѣ эти обвалы, взрывы, пожары, затопленія... раздробленныя кости, проломленные черепа, обуглившіяся тѣла, оторванныя руки и ноги... цѣлые потоки крови человѣческой, цѣлое море слезъ...

Вопреки отчаяннымъ усиліямъ съ ея стороны „не думать, не вспоминать“, воспоминанія и думы все плыли и плыли передъ нею, неумолимыя и безпощадныя въ своей жестокой отчетливости и яркости. Отъ взволнованной, лихорадочной работы мозга у нея опять мучительно болѣла голова, стучало въ темя и въ виски. И во рту было сухо, и опять вся она горѣла, какъ отравленная. Она и упивалась этими ужасными воспоминаніями своими, и въ то же время боролась противъ нихъ всѣми силами, гнала отъ себя съ ненавистью.

— Ахъ, да не теперь!—беззвучно шептала она и то открывала глаза, то закрывала, сбрасывая съ себя одѣяло, вставала, садилась на постели, то снова падала въ подушки и шептала: „спать, спать, спать“...

Но вмѣсто того, чтобы спать, она съ мучительнымъ сладострастіемъ опять погружалась въ то, отъ чего не знала, какъ избавиться.

„Ну хорошо... — думала она,—ну, пусть такъ... пусть все это непостижимо-ужасно, нечеловѣчески-жестоко, несправедливо, безумно... Да я-то тутъ при чемъ? Что я-то могу подѣлать?.. У меня, вотъ, голова болитъ смертельно, въ темя и въ виски молотки стучатъ и мнѣ даже думать нестерпимо-мучительно... Ничего я не могу... да и никто, никто не можетъ! Тутъ—заколдованный кругъ, изъ котораго не выбраться, проклятая стѣна, о которую можно голову расколоть въ дребезги и которая отъ этого не дрогнетъ ни на мгновеніе... И, слѣдовательно, чего же тутъ мучиться, о чемъ думать?.. Гдѣ тутъ выходъ? Э, да, впрочемъ, не въ томъ дѣло... не въ томъ дѣло... не въ выходѣ...

Digitized by Google

Какой тутъ къ чорту выходъ? И развѣ я выхода ищу?.. Просто думаю, потому что не могу не думать, не могу забыть"...

И снова погружалась она въ думы свои съ наслажденіемъ, съ тоской и отчаяніемъ.

Вспоминался ей разсказъ доктора о взрывѣ рудничнаго газа на сосѣдней шахтѣ „Ольги". Погибло до ста человѣкъ. На верхъ вытащили изъ развалинъ шахты не трупы людей, а груды горѣлаго мяса и костей: не поймешь—гдѣ рука, гдѣ нога, гдѣ голова. Вмѣсто фигуръ человѣческихъ — какія-то безформенныя обуглившіяся головешки... Все отверстіе шахты, весь срубъ отъ верху и до низу саженей на сто былъ обрызганъ мозгами и кровью людей...

И ужасомъ дикимъ, суевѣрнымъ вѣяло на нее отъ этихъ кровавыхъ видѣній... И казалось ей, что отнынѣ она уже никогда-никогда больше не избавится отъ нихъ... что они, эти видѣнія, будутъ преслѣдовать ее, отравлять ей жизнь до могилы...

— О, Боже мой, Боже мой, Боже мой... Да что же это такое? Зачѣмъ, для чего? кому это нужно? — отчаянно вопрошала она кого-то. И какъ бы въ отвѣтъ на этотъ мучительный вопросъ, тотчасъ же припоминалось ей и другое, когда-то вычитанное ею изъ книгъ: „Если бы не было каменнаго угля, то что сталось бы съ фабриками, заводами, желѣзными дорогами, пароходами? Если бы не было каменнаго угля, остановился бы промышленный ростъ человѣчества, остановился бы прогрессъ, исчезла бы культура"...

И отъ этихъ книжныхъ фразъ, спокойныхъ и безстрастныхъ, продиктованныхъ здравымъ смысломъ, логикою вещей, исторической необходимостью, у Рябушкиной все внутри закипало отъ злобы, протеста и негодованія неистоваго, бурнаго, страстнаго... Хотѣлось этого „кого-то", спокойнаго и безстрастнаго, вооруженнаго всѣми доводами логики, стереть съ лица земли... Хотѣлось крикнуть громко-громко на весь міръ:

„Будь прокляты культура и прогрессъ!.. Будь прокляты историческая необходимость, логика вещей, грядущее счастье человѣчества, если для счастья этого нужны живыя кладбища... Будь все проклято!... Жизнь человѣку дана однажды и никто, никто не смѣетъ зарыть эту живую жизнь въ могилу преждевременно. А ее, эту живую жизнь—зарываютъ... каждый день, каждый день, милліоны людей погребаютъ себя заживо, бродятъ въ черныхъ могилахъ, готовые ежеминутно принять мученическую смерть... Каждый день, каждый день изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе... Терпѣливые, выносливые и безотвѣтные, какъ лошади, безстрашные, какъ умалишенные, люди эти обречены на вѣчную пожизненную каторгу. Не совершивъ никакого пре-

Digitized by Google

ступленія, они несутъ наказаніе величайшихъ преступниковъ, тяжкихъ злодѣевъ... Всю жизнь не вѣдать солнца, свѣта и воздуха... уподобиться животному, пресмыкающемуся, ползать въ мокротѣ и потемкахъ, дышать отравою и каждую минуту ждать смерти... О, Боже мой, Боже мой, Боже мой!..“

Она задыхалась, ломала руки... Яростное отчаяніе разрывало ей сердце, тяжелая, какъ чугунъ, тоска давила грудь, въ голову молотки стучали, и вся она горѣла, дрожала, какъ отравленная...

Въ первый разъ за всю свою жизнь она почувствовала такую нестерпимо-мучительную связь съ людьми, которые не были ей ни родные, ни знакомые. Раньше она только воображала, что люди ей близки и дороги. Страданье людей она только теоретизировала, теперь же страданіе это страшное, неутолимое и безысходное страданіе человѣческое вонзалось въ сердце ей, какъ остро отточенный ножъ, и всѣ внутренности ея обливались кровью.

Наконецъ, не въ силахъ больше сдерживать жгучую боль души своей, она упала навзничь, и застонала громко, во весь голосъ, душу надрывающимъ стономъ, какъ будто ее убивали...

Тотчасъ же откуда-то прибѣжала Марѳа Ивановна, заспанная, всклокоченная, въ одномъ бѣльѣ. За нею вскочилъ докторъ.

— Истерика!—сказалъ докторъ кому-то и выскочилъ обратно. Минуту погодя онъ вернулся уже въ туфляхъ и халатѣ.

— Ну-ну-ну...—урезонивалъ онъ Рябушкину строго, а у самого голосъ дрожалъ отъ испуга и руки дрожали.—Ну-ну!.. Выпейте-ка вотъ эту штуку... Все нервы, все нервы!...

— О, нѣтъ, нѣтъ!—вскрикнула Рябушкина звонко, съ надсадою, превозмогая истерическіе стоны свои.—Это не отъ нервовъ... нѣтъ, нѣтъ... А оттого, что нельзя жить!.. Поймите вы—нельзя жить, нельзя, нельзя!—выкрикнула она убѣжденно, страстно.—Поймите нельзя жить!.. никому нельзя жить... ни мнѣ, ни вамъ, никому въ мірѣ нельзя жить, разъ есть то, что я видала сегодня... Ахъ, эти могилы!.. Этотъ смрадный, жгучій, черный адъ!.. Понимаете? Я пробыла тамъ только часъ... одинъ только часъ и вотъ—отравлена... а какъ же они-то всѣ?... вѣдь они живутъ тамъ и день, и ночь, всю жизнь, всю жизнь... ужасъ, ужасъ, ужасъ!...

Она съ силою оттолкнула доктора, судорожно схватилась за голову и закачалась изъ стороны въ сторону, какъ безумная.

— Боже мой, Боже мой!.. Ходить надъ могилами съ заживопогребенными и... и мечтать о счастьѣ, о равенствѣ, о свободѣ... и не понимать, и не чувствовать во всемъ этомъ безумной, невыразимо-жестокой насмѣшки кого-то надъ нами, надъ всею жизнью нашей... Называть „трудомъ“, „профессіей“ то, что слу-

Digitized by Google

жить воплощеніемъ ужаса, воплощеніемъ ада на землѣ... Нѣтъ, отъ всего этого съ ума можно сойти!..

И въ глазахъ ея сухихъ и мутныхъ, какъ тусклое выгорѣвшее стекло, блуждало мрачное безуміе лицо было блѣдное и на лбу выступили капли пота.

— Именно съ ума можно сойти—говорила, она все попрежнему звонко, съ надсадою, злобно отталкивая доктора, который все топтался подлѣ нея, то и дѣло подносилъ рюмку съ лекарствомъ и пытался насильно влить лекарство ей въ ротъ.—Если сознаешь все вотъ такъ и почувствуешь, то ужъ послѣ этого нельзя жить... Или... или... надо что-нибудь дѣлать... Только что дѣлать? Что? Что? Что?—вскрикнула она пронзительно, умоизступленно, вопрошающими глазами бѣгая по испуганнымъ лицамъ доктора и докторши... этихъ двухъ стариковъ, въ своихъ бѣлыхъ ночныхъ сорочкахъ съ оголенными шеями, похожихъ на дѣтей.

— Что дѣлать, чтобы счастье однихъ не окупалось такимъ нечеловѣчески-ужаснымъ страданіемъ другихъ?.. Что?.. Что?..

И вспомнивъ, что никто и ничто не разрѣшитъ ей этого страшнаго, рокового вопроса, который тяготѣетъ надъ людьми, какъ проклятіе, никто не скажетъ — зачѣмъ, для чего нужны зло, мученія и смерть... вспомнивъ это, она зарыдала горестно, сиротливо и отчаянно... И вся сотрясаясь отъ рыданій, опять упала на постель и, ломая руки, плакала долго-долго, упоенно и страстно, до безчувствія, до полнаго забытья и изнеможенія...

VII.

А на другой день она уѣзжала изъ Хотѣевки, отказавшись отъ дальнѣйшихъ „наблюденій“. Безъ стыда она не могла вспомнить своей вчерашней радости по поводу „богатѣйшаго матеріала“, противно было глядѣть и на программу, и на іероглифы, которые она всего только день тому назадъ заносила съ такимъ наслажденіемъ, съ такимъ трепетнымъ восторгомъ. Ибо то, что раньше жило въ ея воображеніи, какъ „матеріалъ“, только теперь вдругъ открылось въ сердцѣ ея свѣжею раною, одно прикосновеніе къ которой рождало въ ней тоску и отчаяніе. Да и что могла сказать она этими своими іероглифами?.. Не только она, юная писательница изъ разряда начинающихъ, съ очень маленькимъ и сомнительнымъ дарованіямъ, не знаетъ такихъ словъ, отъ которыхъ земля, насыщенная страданіями человѣческими, напоенная слезами и кровью, исторгла бы изъ груди своей вопль негодованія... и содрогнулось бы, возмутилось все живое и измѣнилось, переродилось,— не только она, маленькая,

Digitized by Google

слабая женщина не знаетъ такихъ словъ, но и никто-никто не знаетъ!..

И больная, разстроенная, нервно-потрясенная убѣгала она отъ незнакомой жизни, полной молчаливаго, терпѣливаго, привычнаго горя... И въ первый разъ уносила въ молодомъ, впечатлительномъ сердцѣ своемъ острый и жгучій, какъ заноза, нестерпимо-мучительный вопросъ: такъ что же дѣлать? Что? что? что?..

А. Крандіевская.

АЛМАЗЫ.

Насъ давятъ, насъ тяжко гнетутъ!
Надъ нами—слои вѣковые
И горныя цѣпи идутъ,
Вершины блестятъ снѣговыя.

Холодныя головы горъ
Насъ давятъ рудой и гранитомъ...
Ни чей мы не радуемъ взоръ,
Намъ душно, въ могилѣ зарытымъ!

И твердыми сдѣлались мы,
И чуднымъ огнемъ заблистали
Отъ тяжести горъ и тюрьмы,
Отъ злобы, тоски и печали!

Скиталецъ.

Digitized by Google

И. В. МУШКЕТОВЪ, КАКЪ УЧИТЕЛЬ*).

Для меня и многихъ моихъ сверстниковъ съ крупной личностью Ивана Васильевича связаны воспоминанія почти половины нашей жизни. Прошло семнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы услыхали первый разъ лекціи Ивана Васильевича въ Горномъ институтѣ. То было иное время, чѣмъ теперь; мы не были нервомъ, выражающимъ часто общественные недуги, и не были нервомъ, страданія котораго вызываютъ жестокую боль во всѣхъ слояхъ общества. Но это не значитъ, что то было время реакціи. Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Мы также пульсировали согласно и живо съ лучшей частью интеллигенціи, мы также чувствовали и сознавали направленія, увлекавшія насъ безвозвратно въ среду пошлости и безволья; мы также искали выхода избытку силъ и инстинктивно стремились возстановить чѣмъ-нибудь равновѣсіе между внутренней энергіей и гнетущей будничностью окружающей обстановки. Правда, въ то время не было бурныхъ внѣшнихъ причинъ для нарушенія однообразія нашей жизни. Тѣмъ не менѣе и мы часто испытывали колебанія, часто вздрагивали и подчасъ готовы были упасть, и не одинъ изъ насъ выбылъ изъ строя товарищей подъ давленіемъ внѣшнихъ причинъ. Инстинктивно мы тянулись ко всему, что было сильнымъ, стойкимъ.

Примиряющій характеръ науки для насъ былъ еще непостижимъ; двери этого величественнаго храма казались намъ плотно закрытыми,— въ сердца юношей спокойный, самодовлѣющій голосъ науки не всегда находитъ себѣ свободный доступъ. Среди группы нашихъ блестящихъ профессоровъ того времени мы видѣли молодого, полнаго силъ, энергіи и свѣжести человѣка, покрытаго и тогда уже лаврами выдающагося ученаго и отважнаго путешественника; съ особеннымъ любопытствомъ мы ждали перваго знакомства съ нимъ. Законченность математическаго и химическаго анализовъ, удивительная законность кристаллографическихъ системъ, даже завоеванія техническаго генія въ промышленности

*) Рѣчь, сказанная въ засѣданіи Императорскаго минералогическаго Общества 5-го февраля сего года.

Digitized by Google

рѣдко могутъ увлечь юныхъ слушателей съ умомъ пытливымъ, съ слабой еще аналитической способностью, но съ сильно развитой потребностью критической оцѣнки. И безъ сомнѣнія, не одинъ изъ насъ впервые почувствовалъ неопредѣленное стремленіе къ самостоятельной работѣ, когда въ увлекательныхъ образахъ живого языка строгія научныя теоріи смѣнялись недоказанными гипотезами, и молодой профессоръ раскрывалъ передъ нами обширныя перспективы для изслѣдованія, открывалъ передъ нами неисчерпаемое поле научныхъ вопросовъ и идей. Всѣ мои сверстники помнятъ, какъ каждый изъ насъ подъ вліяніемъ лекцій молодого профессора пережилъ періодъ увлеченія геологіей. Увлеченіе въ годы броженія мысли есть уже все; увлеченіе часто замѣняетъ опору для колеблющихся умовъ; чѣмъ и дороги намъ года юности, какъ не ея увлеченіями?

Такимъ увлекающимъ профессоромъ былъ Иванъ Васильевичъ. Быстро происходило сближеніе съ Ив. Вас., сначала на почвѣ увлеченія его предметомъ, и мы невольно приходили въ соприкосновеніе съ сильнымъ стойкимъ характеромъ Ив. Вас. Встрѣчая въ немъ отликъ нашимъ неопредѣленнымъ стремленіямъ, мы невольно испытывали на себѣ вліяніе его характера, и не одинъ изъ моихъ сверстниковъ долженъ сознаться вмѣстѣ со мною, что увлеченіе геологіей и затѣмъ вліяніе сильнаго характера Ив. Вас. спасало ихъ отъ безвозвратной потери лучшихъ годовъ ихъ жизни; вліяніе твердаго, спокойнаго характера Ив. Вас. положило, быть можетъ, неизгладимыя черты на вырабатывающійся характеръ многихъ изъ насъ. Если оглянуться назадъ, мы припомнимъ, что въ Ив. Вас., какъ человѣкѣ, мы не разъ черпали силы, ослабленныя сомнѣніями и колебаніями, встрѣчая въ немъ обширный умъ и доброе сердце, всегда отзывчивое и соболѣзнующее. Сердечность Ив. Вас. вела къ тому, что мы стали прибѣгать въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ нашей жизни, требующихъ часто немедленной помощи. Чуткимъ чувствомъ проницательной въ этомъ отношеніи молодости мы знали, что всегда встрѣтимъ у Ив. Вас. сочувствіе, а въ его обширномъ умѣ, опытности, знаніи людей, жизни найдемъ и добрый совѣтъ. Не разъ мы злоупотребляли временемъ Ив. Вас., отрывая его отъ занятій и заставляя его выслушивать пространные разсказы о горестяхъ и злоключеніяхъ людей, часто ему даже неизвѣстныхъ. Увлекаясь, нерѣдко преувеличивая значеніе фактовъ, иногда подавленные ими совершенно, мы стремились къ Ив. Вас., и его спокойное, ясное отношеніе ко всякому дѣлу позволяло ему указывать часто выходъ изъ положенія, казавшагося уже безнадежнымъ. По складу своего широкаго мышленія, какъ всѣ открытые, спокойные характеры, Ив. Вас. былъ оптимистомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, и многіе изъ насъ должны сознаться, какое благотворное на нихъ вліяніе оказывалъ честный оптимизмъ Ив. Вас. Здѣсь, въ стѣнахъ нашей almae

Digitized by Google

Иванъ Васильевичъ
МУШКЕТОВЪ.

Digitized by Google

Digitized by Google

matris, не имѣвшей никакихъ воспитательныхъ тенденцій, и къ которымъ, если бы онѣ были, мы такъ естественно отнеслись бы съ недовѣріемъ, часто граничащимъ съ озлобленіемъ, въ этихъ стѣнахъ, благодаря сближенію съ Ив. Вас., заканчивалось наше воспитаніе, выработка характера, умѣнье владѣть собой и упрочивалось сознаніе въ необходимости сердечной связи между людьми.

Оглядываясь назадъ, вспоминая свое продолжительное уже знакомство съ Ив. Вас., я не могу отдѣлить въ немъ ученаго и человѣка. Всегда умѣя найти что-либо заслуживающее поощренія въ нашихъ слабыхъ, но часто самоувѣренныхъ первыхъ научныхъ шагахъ, Ив. Вас. одобрялъ намѣренія, щадя болѣзненное молодое самолюбіе; мягкость Ив. Вас. въ этомъ отношеніи была безпримѣрна; онъ чутко прислушивался къ нашимъ попыткамъ, умѣло направляя наши стремленія къ научному развитію. Наука часто бываетъ безжалостна и сурова; въ рукахъ Ив. Вас. она теряла эти качества, становясь снисходительной и привлекательной. Чуждый всякаго научнаго и житейскаго педантизма, Ив. Вас. незамѣтно, я думаю, и для себя все крѣпче завязывалъ узы, которыя скрѣпляли его съ учениками.

Изъ года въ годъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ изъ массы слушателей Ив. Вас. отдѣлялась группа лицъ, склонность которыхъ къ геологіи, вызванная сначала увлекательными чтеніями Ив. Вас., смѣнялась, обыкновенно не безъ вліянія его личности, опредѣленнымъ уже стремленіемъ работать на этомъ поприщѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ популярность Ив. Вас. въ широкихъ кругахъ общества росла съ каждымъ годомъ. Читая лекціи въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (сначала въ институтѣ инженеровъ путей сообщенія и историко-филологическомъ), своими блестящими докладами въ географическомъ обществѣ Ив. Вас. широко распространялъ интересъ къ геологіи. Въ то же время своей научно-практической дѣятельностью Ив. Вас. болѣе чѣмъ кто-либо другой вывелъ геологію изъ спеціальныхъ рамокъ предмета, основнаго только для горнаго дѣла, и все болѣе расширялъ кругъ дѣятельности геологовъ. При организаціи желѣзнодорожныхъ изысканій, водоснабженія, регулированія рѣкъ, въ бальнеологіи стали, въ большинствѣ случаевъ подъ вліяніемъ Ив. Вас., сознавать необходимость идти рука объ руку съ геологическими изслѣдованіями. Съ 1886 г. Ив. Вас. былъ избранъ предсѣдательствующимъ въ отдѣленіи физической географіи Императорскаго русскаго географическаго общества, и съ этого знаменательнаго года произошелъ коренной поворотъ въ организаціи широкихъ географическихъ предпріятій и въ оживленіи дѣятельности общества; геологамъ было открыто новое широкое поприще для приложенія ихъ знаній.

Продолжая вербовать изъ года въ годъ своихъ учениковъ въ ряды спеціалистовъ-геологовъ, Ив. Вас. при такомъ расширеніи приложенія

Digitized by Google

геологическихъ знаній находилъ всѣмъ имъ и соотвѣтствующее дѣло. Для всѣхъ насъ наступалъ вмѣстѣ съ этимъ иной періодъ—періодъ тѣснаго единенія съ Ив. Вас. на почвѣ чаще всего имъ же организованныхъ или имъ вдохновленныхъ работъ. Кто работалъ съ Ив. Вас., знаетъ, сколько труда онъ посвящалъ въ организованныя имъ работы; онъ писалъ намъ подробныя программы, многія изъ которыхъ не потеряли своего интереса и до сего дня; онъ знакомилъ насъ съ техникой геологическихъ изслѣдованій, указывалъ матеріалы, литературу; оживленно, съ любовью къ дѣлу и къ намъ самимъ знакомилъ насъ съ мѣстными условіями работъ, когда они были ему извѣстны; щедро дѣлился съ нами своей обширной всесторонней опытностью и нерѣдко ставилъ насъ, своихъ юныхъ учениковъ, въ положеніе прямо-таки почетное въ глазахъ настоящихъ хозяевъ даннаго дѣла, какъ это испыталъ я и мой товарищъ Обручевъ при нашихъ первыхъ работахъ въ Закаспійской области. Чтобы такъ относиться къ людямъ, нужно любить этихъ людей не меньше, чѣмъ самое дѣло. Далѣе онъ слѣдилъ съ искреннимъ интересомъ за каждымъ нашимъ шагомъ и радовался искренней гордостью учителя за малѣйшій успѣхъ своихъ учениковъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ все продолжало возрастать. Для многихъ изъ насъ изъ наставника, имѣвшаго на насъ громадное воспитательное значеніе, Ив. Вас. становился искреннимъ другомъ, никогда не дававшимъ чувствовать свое превосходство. Ни время, ни разстояніе не измѣняло отношеній Ив. Вас. къ своимъ ученикамъ; толпы новыхъ смѣняли около него старыхъ, а въ памяти и въ сердцѣ его мы жили всѣ. Лишне, конечно, говорить о томъ, что Ив. Вас. такъ сердечно относился не только къ своимъ ученикамъ, имъ, можно сказать, взлелѣяннымъ, но и ко всѣмъ, кто стучался къ нему, а чаще всего стучались тѣ, кто нуждался въ помощи и въ поддержкѣ. Ив. Вас. горячо любилъ свою науку, доказавъ это трудными путешествіями и своими крупными работами; онъ не менѣе любилъ свое профессорское занятіе, посвящая ему массу труда, оцѣнить который можно, только вникнувъ серьезно въ значеніе его курса физической геологіи; но онъ отрывался постоянно отъ кабинетныхъ занятій, прерывая работу на полусловѣ и посвящая свое время, столь дорогое для него самого, заботамъ о чужихъ ему людяхъ, интересы которыхъ онъ не отдѣлялъ отъ своихъ, а нерѣдко, самъ того не сознавая, ставилъ выше своихъ. Такое отношеніе къ людямъ есть удѣлъ натуръ высшаго порядка; какую бодрость вселяютъ такіе люди въ окружающихъ, и какъ ужасна потеря такихъ людей!.. Тайна обаянія личностью Ив. Вас. въ томъ и заключалась, что въ немъ выдающійся и блестящій ученый представлялъ стройное и крупное цѣлое съ сердечнымъ, живымъ, смѣлымъ человѣкомъ, какое во всемъ объемѣ представляетъ величайшую рѣдкость.

Digitized by Google

Прошло много лѣтъ; бурныя потрясенія нарушили теченіе академической жизни, безжалостно раздавливая цѣлыя толпы молодежи. Исключительное положеніе, какое такъ естественно занималъ Иванъ Васильевичъ среди своихъ многочисленныхъ учениковъ въ предшествовавшіе годы, распространилось теперь и на массы молодежи, чуткой къ такимъ стройнымъ натурамъ. Плодотворная дѣятельность Ивана Васильевича, какъ центра молодыхъ геологовъ-горныхъ инженеровъ, продолжала развиваться и обѣщала все новыя успѣхи. Безжалостная смерть похитила этого человѣка съ поприща научной и академической жизни въ самую тяжелую минуту. Геологическая наука осталась безъ ученаго, умѣвшаго привлекать на ея поприще и удерживать на немъ все новыхъ тружениковъ, не дававшаго техникѣ поглощать все талантливое и бодрое, а молодежь осталась безъ одного изъ лучшихъ своихъ друзей, откровеннаго, чуткаго и авторитетнаго. Оттѣняя значеніе Ивана Васильевича, какъ учителя, вліявшаго на выработку опредѣленныхъ взглядовъ среди своихъ учениковъ и способствовавшаго выбору поприща всей жизни, нужно помнить, что эта сторона дѣятельности менѣе замѣтна, чѣмъ дѣятельность чисто научная, и, быть можетъ, не всякій обращалъ вниманіе, что дѣлу привлеченія геологіи новыхъ адептовъ Иванъ Васильевичъ посвящалъ слишкомъ много силъ. Дѣятельность геолога-горнаго инженера не всегда обѣщаетъ житейскій успѣхъ; его ожидаютъ въ будущемъ не каѳедры и въ рѣдкихъ только случаяхъ почетное положеніе члена геологическаго комитета; ему сулитъ это поприще много работы и жизнь полную превратностей, и если при такихъ условіяхъ талантливая молодежь изъ горнаго института мѣняетъ технику на геологію, то велика заслуга профессора, умѣвшаго зажечь въ сердцахъ своихъ слушателей чистое стремленіе къ этой научной дѣятельности. Не менѣе велика заслуга Ивана Васильевича въ умѣніи удержать людей на этомъ поприщѣ; Иванъ Васильевичъ, можно сказать, былъ центромъ, пробуждавшимъ и поддерживавшимъ научное самосознаніе. Не стало такого центра, а мы, ученики Ивана Васильевича прежняго времени, наружно спокойнаго, потеряли своего учителя, бывшаго для насъ и опорой въ тяжелыя минуты прошлаго, и руководителемъ первыхъ нашихъ опытовъ на научномъ поприщѣ, потеряли дорогого намъ человѣка, съ которымъ насъ будутъ связывать до нашего послѣдняго дня чувства безграничной благодарности, черпаемой изъ воспоминаній нашей лучшей половины жизни.

Иванъ Васильевичъ въ области геологическихъ знаній былъ рѣдкимъ энциклопедистомъ; какъ выдающійся профессоръ, онъ былъ знатокомъ обширной геологической литературы; какъ умъ критическій, онъ былъ убѣжденнымъ противникомъ стремленій объяснять геологическія явленія исключительно съ одной какой-либо точки зрѣнія. Талантливое и блестящее обобщеніе, правильное въ одномъ случаѣ, Иванъ Васильевичъ

Digitized by Google

не торопился распространять и на другіе, всегда припоминая, что мало того, чтобы полагать, но нужно еще доказать. Иванъ Васильевичъ никогда не стремился, во что бы то ни стало, сказать новое слово, а безпристрастно, мастерски группировалъ факты, указывая на всѣ возможныя объясненія ихъ и отдавая предпочтеніе тѣмъ, которыя согласнѣе со всей суммой остальныхъ фактовъ.

Въ области динамической геологіи Иванъ Васильевичъ не имѣлъ себѣ равныхъ. Его изслѣдованія вѣрненскаго землетрясенія можно поставить на ряду съ лучшими работами такого рода въ иностранной литературѣ, а по обилію наблюденій, исполненныхъ научно и всесторонне, эта работа является образцовой. Скромный отдѣлъ курса Ивана Васильевича, въ видѣ двухъ главъ, посвященныхъ сейсмическимъ явленіямъ, представляетъ лучшее руководство по наблюденію и методологіи землетрясеній, такъ какъ лучшій иностранный курсъ Hoernes'a, по странному недоразумѣнію, совершенно игнорируетъ работы русскихъ сейсмологовъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ опередившихъ своихъ иностранныхъ коллегъ. Въ области изслѣдованія ледниковъ альпійскаго характера и въ особенности дѣятельности атмосферы Иванъ Васильевичъ оставилъ образцовыя наблюденія. Иванъ Васильевичъ положилъ, можно сказать, основаніе для правильной оцѣнки значенія и роли субъаэральныхъ агентовъ въ пустыняхъ, высказавъ по этому вопросу еще въ 1877 году рядъ положеній, впослѣдствіи самостоятельно развитыхъ Рихтгофеномъ и въ особенности въ новѣйшее время Вальтеромъ. Основной физико-географическій выводъ о природѣ Средней Азіи, представляющей картины медленнаго усыханія въ теченіе послѣднихъ геологическихъ эпохъ, былъ высказанъ Иваномъ Васильевичемъ еще въ 1879 году.

Курсъ Ивана Васильевича «Физическая геологія» представляетъ замѣчательную особенность, какой я не знаю ни въ одномъ изъ извѣстныхъ мнѣ однородныхъ сочиненій, за исключеніемъ «Führer'a» Рихтгофена, — онъ переполненъ ясными и поучительными примѣрами и фактами, почерпнутыми изъ собственныхъ наблюденій Ивана Васильевича. Возьмите любой отдѣлъ динамической геологіи—о внутренней теплотѣ земного шара, сейсмическія явленія, дѣятельность атмосферы, подземной и проточной воды, ледниковъ, сложныя дислокаціонныя явленія, основныя линіи лица земли и т. д., и вы всюду встрѣтите превосходные, ясные и опредѣленные примѣры, впервые наблюдавшіеся самимъ Иванъ Васильевичемъ.

Капитальный трудъ Ивана Васильевича о геологіи и орографіи Туркестана, къ несчастью, оставшійся неоконченнымъ, въ русской литературѣ является единственнымъ въ своемъ родѣ. Тщательныя наблюденія знатока динамической геологіи, собранныя въ этомъ трудѣ, будутъ всегда служить образцомъ для геологическихъ изслѣдованій.

Digitized by Google

Основные выводы Ивана Васильевича объ единствѣ природы Азіатскаго материка представляютъ уже крупный шагъ впередъ сравнительно съ положеніями Рихтгофена, а его геологическая группировка хребтовъ системы Тянь-шаня всегда будетъ служить одной изъ опоръ современныхъ взглядовъ о происхожденіи складчатыхъ хребтовъ и носитъ уже зародышъ современныхъ идей Зюсса объ алтаидахъ.

Не упоминая о другихъ плодотворныхъ научныхъ трудахъ Ив. Вас., можно уже видѣть, какимъ было его направленіе, какъ профессора, это направленіе можно характеризовать двумя словами—«учитесь наблюдать». Для горнаго инженера, въ его поисковой и рудничной практикѣ, и для геолога, работающаго въ полѣ, знаніе динамической геологіи есть основаніе для дальнѣйшаго совершенствованія. Чѣмъ шире взгляды геолога, чѣмъ менѣе онъ связанъ одной какой-либо теоріей, по существу хотя бы и правильной, но направляющей его наблюдательную способность въ одну сторону, тѣмъ плодотворнѣе будетъ его дальнѣйшая работа надъ собранными наблюденіями. Ив. Вас. при такомъ направленіи его профессорской работы далъ цѣлую школу горныхъ инженеровъ, разносторонникъ и опытныхъ наблюдателей, быстро двинувшихъ дѣло развѣдокъ и поисковъ полезныхъ ископаемыхъ. Въ этомъ крупная заслуга Ив. Вас. въ дѣлѣ развитія русской горной промышленности, которой онъ оказалъ и прямыя услуги замѣчательными изслѣдованіями рудныхъ богатствъ Урала, неутомимыми работами въ области Тянь-шаня, изслѣдованіями соляныхъ озеръ и минеральныхъ водъ. Аудиторія Ив. Вас. распространялась далеко за предѣлы горнаго института; его дѣятельность въ географическомъ обществѣ поистинѣ историческая; съ его именемъ неразрывно связано учрежденіе каѳедръ географіи въ университетахъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Риттеръ положилъ въ основаніе сравнительной географіи изслѣдованіе законовъ устройства земной поверхности и законовъ вліянія ея на развитіе человѣческаго рода, вторая часть этой задачи быстро развилась; первая же часть задачи еще во второй половинѣ прошлаго столѣтія имѣла свое общее выраженіе въ изслѣдованіи географическихъ гомологій, т.-е. въ изслѣдованіи идеальнаго подобія очертаній отдѣльныхъ частей материковъ, независимо отъ исторіи постепеннаго развитія этихъ элементарныхъ подобій. Постепенно подъ давленіемъ геологическихъ фактовъ эта часть задачи сравнительной географіи выросла въ отдѣльную дисциплину подъ названіемъ геоморфологіи или геоморфогеніи, причемъ въ основаніе разсмотрѣнія формъ поверхности земли были положены генетическія начала, изслѣдуемыя геологіей. Наиболѣе видным представителемъ въ Россіи такого современнаго направленія объяснительной части географической науки и первымъ совершенно самостоятельнымъ выразителемъ такихъ взглядовъ еще въ 1876 году былъ, безспорно, Ив. Вас. Онъ немало

Digitized by Google

потрудился на этомъ поприщѣ, повсюду распространяя и своими лекціями, и такимъ капитальнымъ трудомъ, какъ «Туркестанъ» и всей своей дѣятельностью въ географическомъ обществѣ, правильные взгляды на отношеніе геологіи къ географіи. Ив. Вас. этой стороной своей дѣятельности имѣлъ громадное вліяніе даже на развитіе отрасли естествознанія, повидимому, ему совершенно чуждой, именно на развитіе геоботаническихъ изслѣдованій въ Россіи.

Вліяніе Ив. Вас., какъ геолога съ широкимъ географическимъ умозрѣніемъ, не могло не отразиться и на его ученикахъ. Они не могли не испытать на себѣ вліянія широкой постановки значенія геологіи для географіи, какую всегда проводилъ Ив. Вас., и въ этомъ отношеніи они составляютъ весьма опредѣленно выраженную школу геологовъ, работавшихъ исключительно на окраинахъ Россіи—Кавказѣ, Туркестанѣ, Сибири, Манчжуріи и Средней Азіи.

Если въ области географическихъ изслѣдованій иные достигали вполнѣ заслуженной всемірной извѣстности, благодаря удивительной личной энергіи, то Ив. Вас., который всю жизнь посвятилъ на то, чтобы отыскивать подходящихъ работниковъ самыхъ разнообразныхъ спеціальностей, научать ихъ и отправлять на изслѣдованіе во всеоружіи ихъ спеціальныхъ знаній, совершилъ гигантскую работу, охватившую всѣ отдаленнѣйшія дебри Азіи, и по ея плодотворности единственную въ своемъ родѣ. Дѣятельность Ив. Вас. въ этомъ отношеніи можетъ получить достойную оцѣнку только въ исторіи развитія географическихъ познаній въ Россіи, а самъ Ив. Вас. сошелъ въ могилу недостаточно еще оцѣненнымъ, и сознаніе это должно прибавить еще болѣе горечи къ нашимъ грустнымъ мыслямъ, вызваннымъ его неожиданной кончиной.

Невыразимая жалость сжимала сердце всѣхъ стоявшихъ у открытаго гроба Ив. Вас. Не стало человѣка, который щедро расточалъ среди насъ сокровищницу своихъ богатыхъ знаній и неисчерпаемую доброту своего сердца. Выраженія искренняго горя и знаки живѣйшей симпатіи, проявленныя при извѣстіи о кончинѣ Ив. Вас. со стороны всѣхъ знавшихъ его, заставляютъ вѣрить, что труды Ив. Вас. не пали на безплодную почву, что среди учениковъ Ив. Вас. никогда не изсякнутъ его широкіе взгляды на направленіе и значеніе геологической науки, что среди нихъ стремленіе къ работѣ, разбуженное Ив. Вас., никогда не заглохнетъ, что среди друзей Ив, Вас.,—а кто изъ знавшихъ Ив. Вас. не былъ его другомъ?—никогда не смолкнетъ призывъ къ сердечному единенію, надъ чѣмъ всю жизнь трудился Ив. Вас. съ добротой, снисходительностью и со всею силою своего характера.

К. Богдановичъ.

Digitized by Google

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Жизненность гоголевскихъ твореній.—Типы Гоголя въ современной обстановкѣ.—Что измѣнилось по существу со временъ «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора».—Новое идущее на смѣну.—«Служащій», разсказъ г. Елпатьевскаго.—Ростъ личности и человѣческаго достоинства.—Представители этого новаго типа.—Ихъ «узенькая истина» и большія задачи.—Что они теперь и ихъ будущее.

Кто видѣлъ въ послѣднее время гоголевскаго «Ревизора» на сценѣ, прочелъ «Мертвыя души»,—а наступленіе «гоголевскихъ дней» невольно влечетъ всякаго къ этимъ твореніямъ, съ которыми душа русскаго читателя сроднилась еще съ дѣтства,—у того самъ собой напрашивается вопросъ, насколько эти безсмертные образы жизненны теперь? Отошли ли они въ область исторіи, или и теперь бродятъ по русскимъ градамъ и весямъ и Павелъ Ивановичъ Чичиковъ съ Селифонтомъ и Петрушкой, и Ноздревъ съ Собакевичемъ обдѣлываютъ дѣла, а дама просто пріятная вмѣстѣ съ дамой пріятной во всѣхъ отношеніяхъ составляютъ общественное мнѣніе? Также ли трепетъ передъ ревизоромъ помрачаетъ мозги мирнаго обывателя, и Хлестаковъ многообразно пользуется этимъ трепетнымъ настроеніемъ провинціи?

Задавшись такими вопросами, вы начинаете припоминать все и видѣнное, и слышанное, и убѣждаетесь, что великій художникъ схватилъ нѣчто неумирающее въ русской жизни. Какъ ни измѣнилась послѣдняя за полвѣка, протекшіе со дня его смерти, а живы оказываются и Чичиковъ со всѣмъ антуражемъ «губерніи», и Хлестаковъ со всѣми своими подвигами. Пало крѣпостное право, но не исчезъ «дряхлый» человѣкъ, возросшій на немъ, глубоко пропитавшійся его развращающимъ духомъ.

Возьмите любого изъ героевъ Гоголя и разсмотрите его примѣнительно къ современной обстановкѣ, современнымъ нравамъ и условіямъ. Какую эволюцію совершилъ, напр., почтеннѣйшій Сквозникъ-Дмухановскій? А эволюцію онъ долженъ же былъ совершить, ибо «все течетъ», какъ говорятъ философы. Во времена Гоголя это былъ воришка-чиновникъ, плутоватый и суевѣрный, тонкая бестія, котораго «ни одинъ купецъ, ни одинъ подрядчикъ не могъ провести», который «мошенниковъ надъ мошенниками обманывалъ, пройдохъ и плутовъ такихъ, что весь свѣтъ готовы обворовать, поддѣвалъ на уду, трехъ губернаторовъ обманулъ». Нынѣ нѣтъ городничихъ, но все остальное, что запечатлѣно въ этой характеристикѣ, развѣ ушло вмѣстѣ съ ними? Нѣтъ, оно примѣнилось

Digitized by Google

къ обстоятельствамъ, приняло формы болѣе неуловимыя и не столь наивныя. Но духъ Сквозника-Дмухановскаго вѣетъ надъ нашей провинціей многочасне и многообразне, и что это такъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ постоянный и всегда поразительный успѣхъ, коимъ и нынѣ пользуется тамъ Хлестаковъ. Пусть читатели припомнятъ всѣ безчисленные случаи самозванныхъ ревизоровъ и всякого рода удивительно ловкихъ по своей простотѣ самозванцевъ, которые то и дѣло налетаютъ въ провинцію, исчезаютъ, провравшись на пустякѣ, и вновь выныриваютъ въ другомъ мѣстѣ, но всегда съ незамѣннымъ успѣхомъ, всегда пользуясь однимъ и тѣмъ же пріемомъ. Ревизоръ—и этого довольно, чтобы нашъ современный Сквозникъ, не уступающій по ловкости и тонкости своему прототипу, потерялъ голову и далъ себя провести «мальчишкѣ», «вертопраху», и когда игра такого мальчишки раскрывается, онъ также вопитъ, потрясая сжатымъ кулакомъ: «Ну, что въ немъ было такого, чтобъ можно было принять за важнаго человѣка, или вельможу? Пусть бы имѣлъ онъ что-нибудь внушающее уваженіе, а то чортъ знаетъ что: дрянь, сосулька! Тоньше сѣрной спички!» И психологія всякаго такого траги-комическаго эпизода старая: трепетъ съ одной стороны, полное пренебреженіе къ личности—съ другой. Сквозникъ привыкъ не считаться съ обывателями, не признавать въ немъ человѣка, какъ и обыватель не привыкъ считать себя личностью, имѣющею права. Онъ знаетъ только обязанности, и чортъ его знаетъ, этого внезапно налетѣвшаго «мальчишку», какія новыя обязанности наложитъ онъ на обывателя! А если принять во вниманіе, что у рѣдкаго изъ этихъ грозныхъ мѣстныхъ владыкъ рыльце не бываетъ въ пуху, то понятно желаніе забѣжать впередъ, повлить, поподличать, показать свою «благонамѣренность» не токмо за страхъ, но и за совѣсть. И если сплошь и рядомъ современные Хлестаковы почти всегда влетаютъ въ силки, то исключительно отъ того, что у рѣдкаго изъ нихъ есть степенный, осмотрительный Осипъ, который остановилъ бы ихъ во время мудрымъ совѣтомъ: «Погуляли здѣсь два денька, ну и довольно; что съ ними связываться! плюньте на нихъ! Неровенъ часъ: какой-нибудь другой наѣдетъ».

Право, мы, что называется, перезрѣли въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и наши Сквозники-Дмухановскіе никогда еще не расцвѣтали въ такой мѣрѣ, какъ теперь. Пріемы, быть можетъ, у нихъ иные, и въ этомъ вся эволюція. Прежде это былъ сокрушительный кулакъ, открытая дань, налагаемая на дореформенное купечество, унтеръ-офицерша, не по правиламъ высѣченная, и пр. Теперь болѣе тонкій «поведенцъ», въ родѣ нарушенія обывателемъ безчисленныхъ правилъ, не задержаніе, напр., извозчика, на которомъ ѣхалъ «подозрительный» субъектъ, и соотвѣтственно сему и штрафы въ томъ или иномъ размѣрѣ. И какъ трудно уловить здѣсь составъ преступленія, такъ же неуловимы и пріемы пресѣченія. Отсюда для Сквозника безчисленные способы уловленія обывателя, но въ то же время и постоянный суевѣрный страхъ, что три крысы, видѣнныя имъ во снѣ, которыя «пришли, понюхали и ушли», знаменуютъ нѣчто сугубо важное и трепетное. А если къ тому же достовѣрное извѣстіе со стороны одного изъ мѣстныхъ добровольцевъ-охранителей, Петра Ивановича

Digitized by Google

Бобчинскаго, что пріѣхалъ невѣдомый молодой человѣкъ, то и довольно. «Молодой человѣкъ, чиновникъ, ѣдущій изъ Петербурга — Иванъ Александровичъ Хлестаковъ, а ѣдетъ въ Саратовскую губернію, — и что чрезвычайно странно себя аттестуетъ: больше полуторы недѣли живетъ, дальше не ѣдетъ, забираетъ все на счетъ и денегъ хоть бы копѣйку заплатилъ». И при этомъ, «такой наблюдательный, все обсмотрѣлъ и по угламъ вездѣ, и даже заглянулъ въ тарелки наши полюбопытствовать, что ѣдимъ. Такой осмотрительный, что Боже сохрани»...

Живъ и Земляника съ его классическимъ правиломъ, что «простой человѣкъ если умретъ, то и такъ умретъ, если выздоровѣетъ, то и такъ выздоровѣетъ». Намъ не приходится вдаваться въ тонкія соображенія по сему поводу: только что закончившійся въ Москвѣ пироговскій съѣздъ врачей подчеркнулъ всю недостаточность врачебной помощи, антисанитарное состояніе городовъ. Или вспомнимъ описаніе одной, напр., томской больницы, напечатанное года два-три назадъ въ нашемъ журналѣ, или знаменитую одесскую больничную эпопею, кажется, и до сихъ поръ не завершившуюся. А вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ столицы: Томскъ, Одесса,—что же творится въ какой-нибудь Тмутаракани... Не исчезли условія для благополучнаго процвѣтанія Земляники, и было бы странно, если бы этотъ богобоязненный типъ вымеръ самъ собой. Геніальный художникъ изобразилъ его нѣсколькими рѣзкими штрихами, въ предѣлахъ которыхъ возможны измѣненія, но яркость контуровъ не поблекла отъ времени.

Не беретъ, конечно, и Ляпкинъ-Тяпкинъ взятокъ борзыми щенками, которые вмѣстѣ съ псовой охотой отошли въ область преданій. Но ежели, напр., подъ дутый вексель получить изъ какого-нибудь ёкатеринославскаго банка или акціями и паями другого не менѣе почтеннаго учрежденія, то такая современная форма благодарности показываетъ только на измѣненіе формы, а не существа дѣла. Иначе, какимъ образомъ могли бы возникать знаменитыя исторіи въ родѣ кожинской и имъ подобныхъ.

И тотъ же подъ перо подвернувшійся пресловутый Кожинъ — развѣ не Чичиковъ, скупающій не мертвыя души, а договоры на эксплуатацію крестьянской земли для перепродажи ихъ какой-нибудь бельгійской или иной компаніи? Воображаемъ, какое въ свое время было ликованіе и пированіе въ городишкѣ, гдѣ разыгралась эта эпопея, и какъ тотъ или иной городской нотабль, уподобясь гоголевскому предсѣдателю палаты, обнималъ Чичикова, то бишь Кожина, произнося въ изліяніи сердечномъ: «Душа ты моя! Маменька моя!» и даже, щелкнувъ пальцами, пошелъ приплясывать вокругъ него, припѣвая извѣстную пѣсню: «Ахъ ты такой и эдакой, комаринскій мужикъ!» Въ качествѣ мертвыхъ душъ фигурируютъ и злополучные акціонеры, и миніатюрныя копи, и многое разное, что ловкіе Павлы Ивановичи охотно скупаютъ теперь для оборотовъ на современный ладъ. Съ такимъ же успѣхомъ они фигурируютъ среди провинціальныхъ Маниловыхъ и Собакевичей, производятъ фуроръ среди дамъ просто пріятныхъ и пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ. Безсмертная пошлость русской жизни видоизмѣнила форму, а сущность остается все та же.

Digitized by Google

Развѣ не Собакевичи заполонили теперь наши губернскія и уѣздныя управы, и въ лицѣ Гордѣенокъ и Родзянокъ ведутъ войну съ «третьимъ элементомъ», отстаивая кулацкое хозяйство, которое одно имъ по плечу. Ибо «кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь! А разогни кулаку одинъ или два пальца — выйдетъ еще хуже. Попробуй онъ слегка верхушекъ какой-нибудь науки,—дастъ онъ знать потомъ, занявши мѣсто повиднѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую-нибудь науку!» И слова эти пророчески сбываются нынѣ.

И опять-таки какъ имъ не сбываться? Пошлость, изображенная Гоголемъ, безсмертна, потому что она не есть нѣчто временное, наносное, нѣчто такое, что устранимо, какъ переходное явленіе, какъ плодъ тѣхъ или иныхъ условій. Она—коренная сущность человѣческой души вообще, а русской въ особенности. Она всегда жива, но временами, при неблагопріятныхъ общественныхъ условіяхъ она притаивается и ждетъ своего часа. А когда онъ наступаетъ, пошлость расцвѣтаетъ внезапно, выступая во всей наготѣ и безобразіи, какъ было и въ то время, когда Гоголь впервые раскрылъ ея сущность изумленному міру.

Въ одномъ письмѣ изъ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки» Гоголь пишетъ: «Обо мнѣ много толковали, разбирая кое какія мои стороны, но главнаго существа моего не опредѣлили. Его слышалъ только Пушкинъ. Онъ мнѣ говорилъ всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять такъ ярко пошлость жизни, умѣть очертить въ такой силѣ пошлость пошлаго человѣка, чтобы вся та мелочь, которая ускользаетъ отъ глазъ, мелькнула бы крупно въ глаза всѣмъ», и далѣе поясняетъ значеніе своего главнаго творенія «Мертвыя души»: «Мертвыя души» не потому такъ испугали Россію и произвели такой шумъ внутри ея, что бы они раскрыли какія-нибудь ея раны или внутреннія болѣзни, и не потому также, что бы представили потрясающія картины торжествующаго зла и страждущей невинности,—ничуть не бывало: герои мои вовсе не злодѣи; прибавь я только одну добрую черту любому изъ нихъ, читатель помирился бы съ ними всѣми. Но пошлость всего вмѣстѣ испугала читателей. Испугало ихъ то, что одинъ за другимъ слѣдуютъ у меня герои одинъ пошлѣе другого, что нѣтъ ни одного утѣшительнаго явленія, что негдѣ даже и пріотдохнуть или духъ перевести бѣдному читателю, и что, по прочтеніи всей книги, кажется, какъ будто точно вышелъ изъ какого-то душнаго погреба на Божій свѣтъ». Въ этой самооцѣнкѣ глубокая правда. Только въ то время было немного тѣхъ, которые могли оцѣнить значеніе факта появленія «Мертвыхъ душъ». Подъ давленіемъ все покорившей тогда пошлости, души, дѣйствительно, были, какъ мертвыя, и лишь немногія живыя души были испуганы нарисованной картиной. Но на всемъ громадномъ пространствѣ необъятнаго царства торжествующей и торжественной пошлости господствовало молчаніе.

Въ наше время, когда пошлость тоже возобладала и празднуетъ если не вездѣ и во всемъ, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ побѣду, одно мѣшаетъ этому торжествующему ходу пошлости. Теперь появленіе новаго Гоголя

Digitized by Google

который сумѣлъ бы такъ же ярко «очертать пошлость пошлаго человѣка», какъ его великій предшественникъ,—было бы встрѣчено нѣсколько иначе. Съ тѣхъ поръ неизмѣримо расширился кругъ людей, понимающихъ весь ужасъ пошлости и необходимость бороться съ нею на всѣхъ поприщахъ жизни. Пусть герои и типы Гоголя и теперь, какъ живые, говорятъ съ нами со сцены и со страницъ его великихъ твореній, и каждому изъ нихъ мы можемъ противопоставить живой образецъ изъ современности. Но полстолѣтія все же прошло не даромъ и для насъ. Самое обостреніе пошлости, поднявшей голову теперь съ особо торжественнымъ видомъ, есть фактъ, имѣющій и оборотную сторону. Пошлость чувствуетъ, что въ жизни накопилось много элементовъ, готовыхъ для борьбы съ нею, и дѣлаетъ усиленную попытку отстоять свои твердыни. Отсюда эта небывалая страстность къ борьбѣ и неуступчивость пошлости, предчувствующей наступленіе чего-то новаго и для нея неотразимаго. Вотъ почему, несмотря на цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о торжествѣ пошлости то тутъ, то тамъ, нѣтъ того удручающаго впечатлѣнія, какое на современниковъ произвела книга Гоголя, хотя это была только книга. Гоголь разсказываетъ въ томъ же письмѣ: «Когда я началъ читать Пушкину первыя главы изъ «Мертвыхъ душъ» въ томъ видѣ, какъ они были прежде, то Пушкинъ, который всегда смѣялся при моемъ чтеніи (онъ же былъ охотникъ до смѣха), началъ понемногу становиться все сумрачнѣе, сумрачнѣе и, наконецъ, сдѣлался совершенно мраченъ. Когда же чтеніе кончилось, онъ произнесъ голосомъ тоски: «Боже, какъ грустна наша Россія!» Меня это изумило. Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карикатура и моя собственная выдумка! Тутъ-то я увидѣлъ, что значитъ дѣло, взятое изъ души, и вообще душевная правда, и въ какомъ ужасающемъ для человѣка видѣ можетъ быть ему представлена тьма и пугающее отсутствіе свѣта». Теперь едва ли могло бы насъ такъ испугать подобное изображеніе, «пугающее отсутствіе свѣта», и не потому только, что нервы притупились. Усилилась вѣра въ неотразимое наступленіе «побѣды свѣта», которое нельзя ничѣмъ остановить. Возможны временныя затменія, и какъ они ни тяжки по своимъ послѣдствіямъ, они не могутъ доводить до отчаянія, до болѣзненнаго страха предъ тьмою, одолѣвшаго самого Гоголя, который задумалъ, по его словамъ, тогда же дать и иную картину—пошлости противопоставить идеальную Россію во второй части «Мертвыхъ душъ». Попытка эта и погубила его, такъ какъ въ дѣйствительности онъ не видѣлъ никакой идеальной Россіи и долженъ былъ ее выдумать.

И мы неизмѣримо далеки еще отъ этой идеальной Россіи, современность гораздо родственнѣе первой части «Мертвыхъ душъ», и тѣмъ не менѣе жива въ душѣ гордая увѣренность, что все это—область прошлаго, которое идетъ на свалку. Сквозники-Дмухановскіе, Чичиковы, Ноздревы и Собакевичи, населяющіе наши благодатныя палестины, не могутъ удержать позиціи, сколько ни укрѣпляютъ они ихъ разными новыми какъ-будто и усовершенствованными способами. Сильнѣе ихъ всепобѣждающая жизнь съ новыми требованіями и запросами, для удовлетворенія которыхъ нужны иныя силы, и она же сама и

Digitized by Google

выдвигаетъ ихъ, несмотря на давленіе. Изъ столкновенія новаго и стараго и состоитъ творческое дѣло жизни, въ которой все перемѣшано въ причудливыхъ сплетеніяхъ, странныхъ, иногда ужасныхъ и на первый взглядъ непонятныхъ, но полныхъ смысла и значенія для тѣхъ, кто имѣетъ уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видѣть.

Новое, идущее на смѣну стараго гоголевскаго міра, многообразно и многоразлично, но есть и одна доминирующая нота въ немъ, все рѣзче выдѣляющаяся со времени паденія крѣпостного права. Это—голосъ личности, сознавшей свое человѣческое достоинство и стремящейся на всѣхъ путяхъ жизни отвоевать себѣ свободное развитіе.

Очень любопытную иллюстрацію этого роста личности даетъ одинъ изъ вдумчивыхъ, талантливыхъ наблюдателей современной жизни, г. Клпатьевскій въ прекрасномъ разсказѣ «Служащій», напечатанномъ въ первой книгѣ «Русскаго Богатства» за текущій годъ. Будучи художникомъ, стремящимся проникнуть вглубь явленія и дать законченный типъ, г. Клпатьевскій не чуждъ и публицистическимъ задачамъ—взглянуть на данный фактъ съ болѣе широкой точки зрѣнія, объединяя поразившее его явленіе съ рядомъ другихъ аналогичныхъ, подводя ихъ къ общему источнику. Такіе высоко-интересные экскурсы въ широкую жизнь, общественную по преимуществу, этотъ замѣчательный знатокъ русской жизни дѣлаетъ отъ времени до времени, вызывая всякій разъ общее вниманіе. Напомнимъ нашимъ читателямъ его любопытный очеркъ «Спирька», о которомъ мы говорили въ свое время *), гдѣ авторъ пытался дать художественный генезисъ русскаго «буржуа», того «всероссійскаго купечества», которое во время оно заявляло устами «Волгаря», что оно «все можетъ». Или другой очеркъ того же автора «Миша», рисующій эволюцію дворянства. Всѣ эти очерки, какъ бы ни относиться къ взглядамъ самого автора, тѣмъ и цѣнны, что они даютъ всегда интересныя наблюденія, обобщенныя и освѣщенныя всегда талантливо, живо и ярко.

«Служащій» едва ли не лучше прежнихъ. Это совершенно новая фигура, аналогій для которой мы не припомнимъ въ литературѣ. Когда почтенный авторъ рисовалъ намъ генезисъ «купечества» или дворянскія попытки послѣдняго времени, онъ имѣлъ такихъ могучихъ предшественниковъ въ этой области, какъ Гл. Успенскій и Щедринъ, и у читателя невольно навертывались сравненія, невольно возникало желаніе подвести итогъ пережитому съ тѣхъ поръ, какъ Успенскій и Щедринъ изображали тѣхъ же героевъ.

Въ новомъ очеркѣ г. Клпатьевскаго—совершенно новое явленіе.

«— Услужающій...—вотъ наше настоящее имя! — Злобный огонекъ блеснулъ въ сѣрыхъ свѣтлыхъ глазахъ моего собесѣдника.

«— Вы думаете,—*онъ* только труда отъ меня хочетъ, головы? Какъ же не такъ!.. Будь ты услужающій... И чувствуй... «Жалованье плачу, понимать

---

*) См. «Критич. Замѣтки», 1898 г., мартъ. Очеркъ «Миша», см. «Библ. отд.», «Беллетристика», 1899 г., іюнь.

Digitized by Google

долженъ, чувствовать»... Все дѣлай и не перечь, съ праздниками поздравь, выборы въ думу пойдутъ—шаръ за него клади!..»

Такъ начинаетъ свои изліянія «служащій», объясняя автору тѣ взаимоотношенія, какія долголѣтнимъ путемъ сложились между «нимъ» — всероссійскимъ купцомъ — и тѣмъ мелкимъ людомъ, который является главной опорой купца въ его всероссійскихъ подвигахъ.— «Служащій» это представитель огромнаго сословія мелкихъ людей, приказчиковъ и полуинтеллигентныхъ тружениковъ, наполняющихъ лавки, конторы, банки, думскія и управскія канцеляріи и пр. Прежде этотъ типъ носилъ особыя черты, которыя Ножичкинъ, герой разсказа, не обинуясь называетъ «халуйствомъ», готовностью душу свою положить за «него», хозяина, который, въ свою очередь, «измывался» надъ «услужащими». И Ножичкинъ въ подтвержденіе приводитъ прелестную картинку истинно-россійскихъ нравовъ «темнаго царства».

«— Онъ и нанимаетъ... и теперь еще, а раньше и все такъ,—безъ опредѣленнаго жалованія. «По усердію глядя... Награжу»... Понимаете, не жалованье платитъ, а «награждаетъ». Вотъ я вамъ разскажу случай одинъ, — и не очень давно было. Служилъ у Воронина — тоже главнымъ довѣреннымъ — Митрофанъ Саввичъ и тоже, какъ Герасимъ Ѳедоровичъ, съ мальчишекъ. Милліонные обороты дѣлалъ, все дѣло велъ, а жалованья не получалъ. Нужно домишко ремонтировать—къ хозяину. «Вотъ, говоритъ, крыша течетъ»—дастъ. Дочку просватаетъ, приданое срядить надо — награждаетъ. Разъ — при мнѣ было, съ полгода я у нихъ въ конторѣ занимался приходитъ Митрофанъ Саввичъ — «десять рублей, говоритъ, позвольте»... «Зачѣмъ?» Показываетъ сапоги. «Вотъ, говоритъ, обносился, новые надо». Посмотрѣлъ хозяинъ. «Ну, говоритъ, намъ съ тобой не танцы танцовать. По базару-то и въ этихъ ладно,—вотъ тебѣ трешня, подкинь подмѣтки»... И разговаривать не сталъ. Такъ вотъ какой случай выпалъ! Какъ-то захворалъ Митрофанъ Саввичъ, — старикъ уже былъ, — завязалъ въ платочекъ свой носовой клѣтчатый пятьдесятъ тысячъ изъ кассы, да и пошелъ домой... Думалъ, помирать будетъ, а не померъ.

«Ну, и при милліонахъ пятьдесятъ тысячъ все же деньги. Узналъ хозяинъ что въ кассѣ нехватка, а сколько — Богъ вѣсть, можетъ не одна сотня тысячъ. Книгъ-то нужныхъ не велось, больше на память да на записочки. Призываетъ Митрофана Саввича, когда тотъ выздоровѣлъ.

«— Взялъ деньги?

«— Отчислилъ, Прохоръ Лукичъ... За службу, дѣтямъ на прожитокъ...— самъ въ ноги.

«— Сколько?

«— Пятьдесятъ...

«— Вѣрно?

«— Вѣрно...

«Схватилъ его хозяинъ за сѣдую бороду, таскалъ, таскалъ по полу, а потомъ поднимаетъ. «Ну, говоритъ, поцѣлуемся... Я бы тебя, дурака, и

Digitized by Google

самъ наградилъ...» и поцѣловались. Объ деньгахъ, конечно, ни слова. И до самой смерти Митрофанъ Саввичъ главнымъ довѣреннымъ служилъ».

Таковы были старые типы «услужающихъ», которые набирались изъ мальчишекъ и всю жизнь полагали на хозяина, не зная высшей чести, какъ служить «ему» не только за страхъ, а и за совѣсть.

Не таковъ народившійся за послѣдніе годы новый «служащій», какимъ выступаетъ Ножичкинъ. Самъ онъ сынъ почтальона, добившійся всего собственными усиліями, знающій себѣ цѣну и не позволяющій наступить себѣ на мозоль. Онъ далеко отбился отъ старины и требуетъ себѣ правъ на уваженіе и признаніе въ себѣ человѣческой личности. «Хозяинъ» для него не «благодѣтель», а эксплуататоръ, противъ котораго онъ готовъ бороться всѣми дозволенными средствами. Ножичкинъ выступаетъ естественнымъ вождемъ цѣлой группы такихъ же «служащихъ», въ которой ясно сознаніе своихъ человѣческихъ правъ, онъ проектируетъ нѣчто въ родѣ союза свободныхъ тружениковъ, въ видѣ артели, и требуетъ участія для служащихъ въ прибыляхъ предпріятія. И аудиторія у него очень благодарная, такъ какъ ясно понимаетъ, что сила за тѣмъ, кто умѣетъ отстаивать свои интересы. А сила у этой аудиторіи есть. Сила, прежде всего, количественная и затѣмъ качественная. Въ городахъ торговопромышленнаго типа они составляютъ главный средній слой. Они наполняютъ мѣстные клубы и разныя, просвѣтительно-экономическія общества, они составляютъ главный контингентъ, на которомъ держится все дѣло торговли и оборота, они его ведутъ, отлично понимая, что безъ нихъ «хозяину—крышка». И по мѣрѣ развитія промышленной жизни, сосредоточившейся въ городахъ, такъ непомѣрно выросшихъ за послѣдніе годы, сила «услужающихъ» все увеличивается, и увеличивается не только количественно, но растетъ и качественно, что и отмѣчаетъ г. Кипатьевскій въ своемъ живомъ очеркѣ.

«До пріѣзда въ большой и шумный губернскій городъ я, — говоритъ авторъ,—мало зналъ тотъ слой городского населенія, который разумѣется подъ общимъ названіемъ: «служащіе». Со студенческихъ временъ у меня остался въ памяти старый классическій типъ приказчика изъ, покойной памяти, Ножевой линіи, — то лакированнаго по высшей модѣ приказчика «съ капулемъ», съ помадой Музатова, съ удивительными галстухами, носившимися, повидимому, только въ Ножевой линіи, который довольствовался «Письмовниками» и «Пѣсенниками» Никольской улицы, гулялъ въ зеленыхъ перчаткахъ по воскресеньямъ въ Сокольникахъ, и вечеромъ напивался до положенія ризъ въ укромномъ отъ хозяйскаго глаза трактирчикѣ, съ машиной,—и до клубовъ и общества не поднимался и библіотекъ и союзовъ не заводилъ. А рядомъ стоялъ другой приказчикъ «по сѣрому», — «оптовой», «лабазный», въ поддевкѣ, въ сапогахъ бураками, съ благообразной бородкой и русскимъ проборомъ въ волосахъ, придерживавшійся «старинки»,—въ большинствѣ случаевъ изъ крестьянъ, приходившійся «сродственникомъ» хозяину, изъ одной деревни, «съ своей стороны». И тѣ, и другіе науками и искусствами не занимались и проходили одну и ту же школу,—поступали мальчиками въ лавку, бѣгали съ чайниками за

Digitized by Google

кипяткомъ и за полштофомъ для старшихъ приказчиковъ, а потомъ входили въ года и достигали «капуля» и зеленыхъ перчатокъ или маленькаго домика въ маленькой уличкѣ...

«За двадцать пять лѣтъ много воды утекло, и особенно измѣнился средній слой городского населенія. Явился служащій. Осложнившаяся торгово-промышленная жизнь,—всѣ эти новыя, народившіяся коммерческія и техническія предпріятія, фабрики, заводы, банки, конторы, агентства, пароходныя и желѣзнодорожныя общества, усложнившіяся и расширившіяся земское и городское дѣло,—все это вызвало къ жизни новаго человѣка, потребовало огромную массу служащаго люда, который не требовался прежней жизнью; помимо учительскаго и медицинскаго персонала, выросла армія новыхъ служащихъ,—явились бухгалтеры, конторщики, агрономы, статистики, явился многообразный техникъ,—въ особенности тотъ, не получившій спеціальнаго образованія «техническій» человѣкъ, котораго такъ удачно одинъ мой знакомый назвалъ «полумеханикомъ».

«Я, кажется, знаю, откуда пришелъ этотъ всякаго рода служащій. Утлая ладья русскаго просвѣщенія не всегда довозитъ пассажировъ до намѣченной пристани и часто ссаживаетъ на перепутьи и въ непредусмотрѣнныхъ мѣстахъ, на пустынныхъ берегахъ, на дикихъ островахъ. Въ частности, въ былое время, когда въ газетахъ появлялись сообщенія о томъ процентѣ учащихся, который достигаетъ аттестата зрѣлости, меня всегда интересовалъ вопросъ,—куда дѣвается и какъ используется жизнью тотъ—другой процентъ... Мнѣ показалось, что я нашелъ, наконецъ, этотъ «процентъ», нашелъ этого, не успѣвшаго сдѣлаться «механикомъ» и оставшагося «полумеханикомъ» человѣка—нашелъ его за толстыми конторскими книгами, за стойкой мануфактурнаго магазина, въ капитанской рубкѣ парохода, у котловъ завода, подъ форменной фуражкой начальника станціи. Мнѣ показалось даже, что для меня освѣтились многія явленія русской жизни, остававшіяся темными тамъ, гдѣ я раньше служилъ, что я открылъ, кто потребляетъ эту все растущую массу книгъ, появляющихся на рынкѣ, кто читатель этихъ размножившихся провинціальныхъ газетъ, которыя все-таки существуютъ, для кого въ самые дальніе углы несутся цѣлые вагоны «приложеній» сочиненій русскихъ писателей... Мнѣ думается, я нашелъ этого новаго читателя. Я пересталъ удивляться тѣмъ книгамъ и журналамъ, которые брали молодые приказчики и служащіе въ библіотекѣ нашего общества и торгово-промышленнаго клуба, пересталъ удивляться росту библіотекъ и читаленъ и книжныхъ магазиновъ, огромному наплыву публики на всякія публичныя лекціи, курсы, пересталъ удивляться всему, что было такъ удивительно для меня, хорошо помнившаго, что было какихъ-нибудь двадцать пять — тридцать лѣтъ назадъ...»

Самымъ яркимъ представителемъ новаго типа выведенъ авторомъ Ножичкинъ, около котораго группируются другія, не менѣе любопытныя лица изъ этой мало затронутой въ литературѣ среды. Самъ Ножичкинъ, энергичный и смѣлый иниціаторъ въ борьбѣ за интересы своего сословія противъ «хозяина», цѣлой головой выше остальныхъ, но присущія ему черты до извѣстной сте-

Digitized by Google

пени родовыя. Онъ выдвигаетъ при каждомъ столкновеніи вопросъ о *правѣ*, о достоинствѣ личности и страстно отстаиваетъ свое право быть наравнѣ со всѣми. Когда въ клубѣ заходитъ, напр., рѣчъ объ отчетности, одинъ изъ старшинъ, «владѣлецъ лѣсныхъ складовъ», обижается щепетильностью ревизіонной коммиссіи, требующей отчетъ въ истраченныхъ деньгахъ. «Ежели этакъ будутъ оскорблять, ежели всякій (подчеркнулъ онъ) придетъ и будетъ насъ въ копѣйкахъ учитывать, такъ это и служить нельзя, уйти только и больше ничего»... Это обычная въ нашихъ провинціальныхъ собраніяхъ обидчивость встрѣчаетъ со стороны Ножичкина страстный отпоръ, въ которомъ такъ и вырисовывается самое характерное отличье его, «новаго» человѣка, больше всего блюдущаго именно свое право, свое достоинство, какъ человѣка.

«— Какъ вы смѣете оскорбляться? — гремитъ онъ. — Кто вы такой? Выбранный нами старшина, обязанный всякому изъ насъ,— слышите *всякому*— давать отчетъ въ каждой копѣйкѣ, истраченной вами...»

Можно подумать, что это Мирабо, отвѣчающій на вопросъ, кто они, эти «всякіе». Но дѣло не въ размѣрѣ событія, не въ предѣлахъ правъ, а въ самой сущности вопроса о правѣ вообще, правѣ, такъ тяжко добытомъ и отстаиваемомъ Ножичкиными отъ посягательствъ. Отсюда и эта страстность человѣка, всѣмъ обязаннаго только себѣ и готоваго на каждомъ шагу стоять за это «свое».

«У него была истина, — маленькая, узенькая истина, но строго обдуманная, математически-ясная, провѣренная жизнью, вѣра въ себя, въ свою силу, въ свое человѣческое право, въ свое будущее. Оттуда выходила его злость человѣка, котораго оскорбляли, его гордость, ревнивое обереганіе своей личности и отъ оскорбленій, и отъ непрошенной помощи, незваннаго участія, его непоколебимая увѣренность въ томъ, что онъ говорилъ и дѣлалъ. Съ точки зрѣнія его истины все было такъ ясно и просто, — нужно только неуклонно защищать свою личность, не поступаться правами, нужно вооружаться знаніями, развивать свои силы, имѣть волю хотѣть, имѣть силу мочь. Силы отдѣльнаго человѣка удесятеряются въ обществѣ,—нужно имъ, людямъ трудамъ, людямъ безъ диплома и безъ капитала, соединяться въ общества, чтобы съ удесятеренной энергіей защищать свою личность, развивать свои силы, увеличивать свои знанія. Все остальное онъ отмѣталъ, или проходилъ мимо, или ненавидѣлъ какъ все то, что онъ называлъ старымъ русскимъ хамствомъ, или презиралъ, какъ то, что онъ называлъ «мистикой» и «филантропіей». И какъ всякій человѣкъ, самъ добывшій свою истину, Ножичкинъ неудержимо распространялъ ее и неуклонно проводилъ въ жизнь и въ своихъ рѣчахъ въ нашемъ обществѣ, и въ клубѣ и въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ».

Ножичкинъ не только цѣнитъ себя, какъ всякій добившійся положенія лично своими усиліями и энергіей,—нѣтъ. Онъ идетъ дальше и, какъ истый представитель «новаго сословія», глядитъ далеко впередъ. Онъ презираетъ современнаго купца и промышленника, которому было все «дано» и который, поэтому, вырождается въ третьемъ уже поколѣніи и ничего не умѣетъ добиться самъ, а все черезъ «казну-матушку». Они всѣ осуждены имъ на смарку, ибо

Digitized by Google

сила знанія дѣла и традиція труда — только въ такихъ людяхъ, какъ онъ, Ножичкинъ, и его товарищахъ, «служащихъ». «Все дѣло торговое въ Россіи мы ведемъ. И традиціи только у насъ однихъ и имѣются, — традиціи людей, изъ поколѣнія въ поколѣніе вытягивавшихъ изъ себя жилы».

Но какъ представитель своего сословія, онъ и понимаетъ интересы только *своихъ*, и когда въ разговорѣ одинъ изъ служителей, симпатизирующихъ Ножичкину, хотя и скептически настроенный, задаетъ вопросъ о рабочихъ, которыхъ нельзя обойти ни въ какомъ дѣлѣ, герой нашъ морщится и отнѣкивается очень характернымъ словечкомъ.

«— Онъ мнѣ не товарищъ... Всякъ самъ по себѣ... Хлопочи, добивайся... Я тебѣ сколько говорилъ,—не богадѣльню мы строимъ и не воспитательный домъ.

«— Намъ не по дорогѣ... Такъ, Николаичъ?.. — сумрачный бухгалтеръ улыбнулся.

«— Ну да, не по дорогѣ... — вдругъ разсердился Ножичкинъ. — Я ему дороги не заступаю... Иди, встрѣтимся,—милости просимъ. Только я не благотворитель, не филантропъ...»

Эта черта дорисовываетъ оригинальную фигуру Ножичкина. Именно такъ и долженъ стоять Ножичкинъ въ будущей исторіи, какъ онъ представляетъ ее себѣ, и это хорошо. Прежде всего надо научиться свои интересы отстаивать, такъ какъ самъ онъ весь въ будущемъ, и все остальное ему должно представляться «филантропіей», которая внушаетъ ему одно презрѣніе. Онъ получилъ пока хорошую закалку и съумѣетъ съ помощью ея завоевать свои «права», но теперь ему нелегко, и если бы онъ сталъ увлекаться «филантропіями», не добился бы ничего. Его сила только въ цѣльности его желаній и стремленій, а теперь, пока у него есть воля, чтобы хотѣть, ему еще надо поработать и пережить не одно разочарованіе, пока онъ достигнетъ и «силы мочь». Но чувство справедливости въ немъ живо,—не даромъ онъ всею силою души отстаиваетъ право,—и это чувство внушаетъ ему уваженіе и къ стремленіямъ другихъ. «Хлопочи, старайся... Встрѣтимся, милости просимъ». Въ этихъ словахъ залогъ взаимнаго пониманія двухъ нарождающихся новыхъ общественныхъ силъ, объединяемыхъ общимъ содержаніемъ жизни, общей традиціей — «людей, изъ поколѣнія въ поколѣніе вытягивавшихъ изъ себя жилы».

Рядомъ съ Ножичкинымъ стоитъ его жена, типъ, прелестно очерченный авторомъ и тоже оригинальный въ своемъ родѣ. Она не только понимаетъ стремленія мужа, но всѣми силами поддерживаетъ его въ борьбѣ, которой ни мало не боится. Она прошла тоже жестокую школу жизни и вынесла увѣренность въ свои силы. Когда старый почтальонъ, отецъ Ножичкина, совѣтуетъ сыну по-старинѣ «поклониться» сильнымъ міра сего, смиреніемъ взять то, чего онъ добивается упорствомъ, она со смѣхомъ разсказываетъ объ этомъ мужу, не смущаясь ни закладомъ вещей, ни гнѣвомъ сильныхъ. Это настоящая подруга жизни, работница, привыкшая стоять рядомъ у станка, смѣло устремляя взоръ въ будущее, которое она завоюетъ для своихъ дѣтей, не пользуясь ни правительственными субсидіями, ни филантропіей. Сдержанная и строгая, она и дѣтей выдержитъ и воспитаетъ въ томъ же сосредоточенномъ, спокой-

Digitized by Google

нымъ стремленіемъ къ дѣятельной, бодрой и здоровой жизни, къ борьбѣ за свое достоинство, которое она цѣнитъ выше всего. Среди привычной для насъ русской распущенности и разгильдяйства въ семейной и общественной жизни, эта пара представляетъ ячейку новой семьи, «ревниво берегущей свою неприкосновенность отъ посторонникъ людей», т.-е. самое главное, на чемъ держится культурное общество. Долгъ, дисциплина и выдержка — все новыя для насъ начала, плохо вяжущіяся съ русской небрежностью, невниманіемъ къ себѣ и чужимъ интересамъ, и все это на яко бы общей гуманной подкладкѣ, въ которой по существу ничего нѣтъ, кромѣ лѣни, безхарактерности и позорной неустойчивости.

Таковы представители народившагося за послѣдніе годы новаго сословія, которое требуетъ устами Ножичкина и своей доли въ жизни, и какъ требуетъ! Не слезницами со ссылками на бывшее великолѣпіе и современное оскудѣніе, а указаніемъ на свое право жить, потому что оно имѣетъ волю хотѣть и скоро завоюетъ себѣ волю мочь. Оно только не съорганизовано еще, но всѣми силами стремится къ организаціи, понимая, какая мощь заключается въ единеніи. Поэтому, оно прогрессивно теперь, стоитъ за расширеніе всякихъ правъ, за просвѣщеніе, за всѣ виды общихъ и частныхъ свободъ, ибо при каждомъ шагѣ въ этомъ направленіи съ Ножичкина слетаютъ тѣ или иныя путы, которыя на него надѣты съ рожденія. Что намъ досталось даромъ, ему приходится добиваться величайшими усиліями. Зато, если онъ ужъ добьется чего, — онъ не выпуститъ и безъ бою не отдастъ. Предстоитъ ему тягостная дорога, на которой много разъ придется ему быть побитымъ и поверженнымъ, но каждое пораженіе послужитъ новымъ урокомъ и новымъ стимуломъ къ дальнѣйшей борьбѣ, въ конечномъ итогѣ которой его все же ждетъ побѣда. И это потому такъ, что Ножичкины ни на кого, кромѣ себя, не разсчитываютъ. Эту мысль онъ очень оригинально разъясняетъ на примѣрахъ другихъ, созданныхъ и живущихъ «казной-матушкой».

«— Я еще маленькимъ помню, все, бывало, слышишь: «на казну поставляетъ». Одинъ около тюрьмы пропитывается, другой обмундировываетъ, третій дрова въ казну сдаетъ, четвертый казенные подряды беретъ... И дальше, и выше все то же. Теперь, вотъ, промышленность пошла... Грандіозно!.. Перспективы!.. Техническій прогрессъ!..—передразнивалъ онъ. — Мнѣ-то очки не вотрутъ!.. Все та же казна. Она и родила, она и соской кормитъ. Вонъ у насъ дворянское землевладѣніе сколько вѣковъ существовало,—кажется можно бы на ноги стать, а... вынули соску—какъ вѣтромъ все и вымело... И промышленность тоже... Отвори заграницу, только пыль пойдетъ отъ нашей промышленности. Знаете,—оживленно заговорилъ онъ,—въ чемъ, я думаю, главное наше зло? Все намъ дано, а не взято нами... Дано, дадено... Землей дадено, рудниками, крѣпостными, дадено пошлинами, субсидіями, казенными заказами, а не взято иниціативой, энергіей, образованіемъ, дѣйствительнымъ техническимъ прогрессомъ... Вотъ и вышло, что у насъ только одна традиція и имѣется,—казна! Исторія, что ли у насъ ужъ такая, что все мы дѣлали скономъ, міромъ, а не отдѣльными личностями,—и государство устраивали...»

Но, какъ вѣрно заключаетъ Ножичкинъ, это уже—исторія. Теперь насту-

Digitized by Google

паетъ время инициативы, энергіи, образованной личности, которая, не прибѣгая къ казнѣ, а напротивъ, всячески отъ нея отбиваясь, желаетъ лишь одного, чтобы ей не мѣшали, не опекали ее на каждомъ шагу. Эту идею вноситъ Ножичкинъ всюду, куда жизнь приводитъ его, несмотря на всѣ противодѣйствія. Онъ и въ земствѣ, и въ думѣ, и въ мѣстной печати борется за эту идею, за принципъ самодѣятельности противъ бюрократизма, опутавшаго все и всѣхъ такъ, что, въ концѣ концовъ, никто ничего не дѣлаетъ и дѣлать не въ состояніи. Чѣмъ острѣе приходится Ножичкину чувствовать свое безсиліе въ бюрократическихъ тискахъ, тѣмъ усиленнѣе онъ станетъ выбиваться изъ нихъ, такъ какъ ему нѣтъ иного спасенія, какъ въ свободѣ инициативы, въ свободѣ личности—и поменьше опеки.

Предстоятъ ему жестокія испытанія, но бояться ихъ ему не приходится. Разъ выбившись на поверхность, ему нѣтъ ни малѣйшаго разсчета идти назадъ, въ тѣ темныя трущобы, которыя ему хорошо извѣстны. Впереди брезжитъ заманчиво свѣтъ, а глаза у него зоркіе и изъ виду онъ его не упуститъ, какъ бы ни усиливались туманы на пути.

Есть около него и свои мечтатели, безъ которыхъ ни одно дѣло не дѣлается и которые расширяютъ «узенькую» истину Ножичкина, въ родѣ Алеши, влюбленнаго въ своего героя. Этотъ Алеша, только намѣченный въ разсказѣ г. Елпатьевскаго, утопистъ чистой крови, жаждущій обновленія жизни путемъ обширныхъ ассоціацій, мечтающій о томъ, «какъ хорошо было бы, если всѣ маленькія людскія дороги вели на одинъ торный широкій путь подъ свѣтлымъ, высокимъ небомъ». И эти наивныя мечты расширяютъ горизонтъ въ дѣятельности новыхъ людей, даютъ полетъ ихъ мысли и согрѣваютъ ихъ сердца надеждой на возможность лучшей, болѣе человѣческой жизни.

Какъ далеко все это отъ стараго гоголевскаго міра, съ его Чичиковыми, Сквозниками-Дмухановскими, Собакевичами и Ноздревыми! Пусть этотъ міръ еще проченъ, еще живъ, какъ живуча пошлость вообще. Но дни его сочтены, потому что онъ изжилъ себя до глубины, прогнилъ до сердцевины и одряхлѣлъ, какъ старое вѣковое древо, только держащееся до перваго сильнаго порыва вѣтра, который вывернетъ его съ корнемъ и обнаружитъ всѣмъ его изъѣденную червями, истлѣвшую внутренность.

А Б.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Убійство стариковъ въ Россіи. 67-й полутомъ «Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона» неожиданно вызвалъ весьма оживленную газетную полемику. Въ словарѣ помѣщена статья «Убійство дѣтей и стариковъ», въ которой, между прочимъ, находятся слѣдующія строки: «Удивительнѣе всего, что еще въ недавнее время этотъ обычай (убійство стариковъ) практиковался въ Малороссіи. «Людей старыхъ,—говоритъ г-жа Литвинова,—не подававшихъ надежду на жизнь, вывозили въ зимнюю пору въ глухое мѣсто и опускали въ глубокій оврагъ, а чтобы при опусканіи они не разбились или не задерживались на скатѣ, ихъ сажали на лубъ, на которомъ они, какъ на саняхъ, доходили до дна оврага. Отсюда: «сажать на лубокъ», «пора на лубокъ». Когда этотъ обычай былъ запрещенъ, то стали прибѣгать къ изолированію стариковъ въ пустой хатѣ, гдѣ они съ голоду и холоду помирали». Такой случай имѣла возможность наблюдать сама г-жа Литвинова въ 80-хъ годахъ въ д. Землянкѣ, Полтавской губ».

Достовѣрность этого утвержденія была заподозрѣна «Полтавскими Губернскими Вѣдомостями», а затѣмъ и «Приднѣпровскимъ Краемъ», сотрудникъ котораго г. Славинскій увидѣлъ во всемъ этомъ «какое-то недоразумѣніе», такъ какъ убійство стариковъ «не вяжется съ характеромъ малорусскаго народа, у котораго въ исторіи скорѣе можно замѣтить слегка преувеличенный культъ старости». Уѣздный землемѣръ г. Пржиборовскій призналъ эти сомнѣнія неосновательными. «Стоя близко къ народу и хорошо зная малороссійскій бытъ по источникамъ и изъ личныхъ наблюденій,—пишетъ онъ въ томъ же «Приднѣпровскомъ Краѣ», нахожу возможнымъ разсѣять сомнѣнія по вопросу «убійства стариковъ». Обычай этотъ существуетъ не только въ Малороссіи, но и въ другихъ мѣстахъ (напр., въ Новгородской губерніи и лѣсныхъ уѣздахъ Минской губ); въ Малороссіи оно выражается двояко: 1) инициатива «убійства» принадлежитъ самому старику (это скорѣе самоубійство), и 2) инициатива убійства принадлежитъ дѣтямъ деликвента.

Въ первомъ случаѣ старикъ совершаетъ всѣ предсмертныя, ритуаломъ предписанныя дѣйствія (принимаетъ елеопомазаніе, причащается), прощается съ

Digitized by Google

родными и знакомыми, распоряжется имуществомъ и приказываетъ дѣтямъ вывезти его въ степь на морозъ и тамъ оставить; на утро старика хоронятъ.

Во второмъ случаѣ дѣти привязываютъ старика къ салазкамъ и вывозятъ его, помимо его воли въ степь, на морозъ; для подобнаго дѣянія имѣется даже особый терминъ «посадовити на санки».

Какъ въ первомъ такъ и во второмъ случаѣ дѣти остаются безнаказанны: «громада», очевидно, считаетъ, что старикъ имѣетъ право распоряжаться своею жизнью, и что дѣти имѣютъ право избавить хату отъ лишняго рта.

Недавно, работая въ славяносербскомъ уѣздѣ, въ окрестностяхъ села Первозвановки, я имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что обычай существуетъ еще и теперь; дѣло было такъ. При мнѣ, въ качествѣ, понятого (присяжнаго), былъ глубокій старикъ Орестъ Чередниченко; это—типичный хохолъ-старожилъ, помнящій и «венгерца» и «того Гладкого, що запорожців у царьску неволю повернув» и чумачество, имѣющій даже (по разсказамъ, конечно) свѣдѣнія о борьбѣ новопоселенцевъ—сербовъ и волоховъ съ кореннымъ населеніемъ Кальміуской паланки,—словомъ, это интереснѣйшій типъ разумнаго «діда». И вотъ этотъ Чередниченко, споря со своими внуками изъ-завыдѣла на особые дворы, употребилъ выраженіе: «от ви, дурні, перше мене *на саночки посадовите*, а потім вже діліть худобу». Бесѣдуя съ нимъ на тему о раздѣлахъ хозяйства, я попутно выяснилъ значеніе термина «на саночки». По словамъ Чередниченка, обычай «на саночки» въ старые времена имѣлъ обширное примѣненіе, и что даже теперь случается старикамъ умирать въ степи по иниціативѣ дѣтей (онъ называлъ и имена, но къ сожалѣнію, я тогда не записалъ разговора и именъ не помню); послѣдній извѣстный ему случай былъ «як цар Лександра Миколаевичъ на турка ходив», т.-е. въ 1877—78 годахъ.

Несомнѣнно, что обычай существуетъ. Прежде онъ имѣлъ нѣкоторое основаніе съ религіозной точки зрѣнія: старикъ лишалъ себя жизни, не нарушая цѣлости тѣла своего «образа Божія»; теперь причина другая—экономическая. Tempora mutantur—но пережитки времени остаются; такъ остался, хотя и искаженный, обычай «убійства стариковъ».

Г. Славинскій, однако, даетъ иное объясненіе выраженію «на саночки посадовить». Это—пишетъ онъ—своеобразный оборотъ малорусской рѣчи и значитъ просто «похоронить», безъ всякаго намека на убійство стариковъ. Это выраженіе есть отголосокъ древне-русскаго оборота рѣчи. Какъ извѣстно, Владиміръ Мономахъ въ своемъ «Поученіи» пишетъ: «Азъ, худый, сѣдя на санѣхъ», т.-е. переводя на современный языкъ: «На смертномъ одрѣ, я...» и т. д. Кромѣ того, существуетъ рукописная миніатюра, изображающая перевезеніе мощей св. Глѣба, на которой изображены сани, а на нихъ гробъ и надпись: «Везутъ святаго Глѣба въ рацѣ каменѣ». Существуютъ и другія свидѣтельства о странномъ обычаѣ древней Руси провожать мертвыхъ въ могилу на саняхъ и зимою и лѣтомъ.

Обычай этотъ исчезъ, но оборотъ рѣчи сохранился въ малорусскомъ языкѣ, какъ вообще въ этомъ языкѣ сохранились многія архаическія формы и выраженія. Странному обороту рѣчи, непонятному выраженію, народъ всегда по-

Digitized by Google

дыскиваетъ объясненіе,—вотъ,—какимъ путемъ, не берусь рѣшить,—слова «посадовить на саночки» оказались связанными съ существовавшимъ въ народѣ сказочнымъ къ настоящему времени преданіемъ объ убійствѣ стариковъ.

Съ своей стороны «Саратовскій Дневникъ» добавляетъ, что обычай этотъ еще не вездѣ исчезъ. «Въ прошломъ году такіе похороны на саняхъ лѣтомъ пришлось наблюдать хорошо извѣстному намъ лицу въ Бессарабіи. Въ Подольской губерніи, по разсказамъ очевидцевъ,—этотъ обычай имѣлъ значительное распространеніе еще въ 60-хъ годахъ. И, быть можетъ, не вывелся въ глухихъ мѣстахъ и по сей день.

«И у молдаванъ, и у малороссовъ проводы умершихъ стариковъ въ могилу лѣтомъ на саняхъ выражаютъ дань крайняго уваженія. Не хотятъ трясти останки покойнаго, тревожить его. Въ сани запрягаютъ не менѣе двухъ паръ воловъ, а иногда пять-шесть паръ, смотря по достатку. Такимъ образомъ выраженіе «посадовить на саночки» означаетъ не просто похоронить, а похоронить съ почетомъ».

Нищенскій промыселъ въ Костромской губерніи. Въ глуши Макарьевскаго уѣзда земскіе статистики отмѣтили волость, гдѣ всѣ крестьяне поголовно занимаются нищенствомъ. Изъ явленія случайнаго, какъ казалось самимъ крестьянамъ, временное нищенство постепенно превратилось въ правильно организованный промыселъ, перестраиваемый теперь на принципахъ капиталистической промышленности.

Четыре—пять разъ въ годъ всѣ,—и старые, и молодые, и бабы съ грудными ребятами,—снимаются съ мѣста и на лошадяхъ, а у кого нѣтъ—пѣшкомъ разбредаются, какъ сообщаютъ «Русскія Вѣдомости», по разнымъ концамъ Россіи за сборомъ подаянія. Больше всего идутъ въ богатый хлѣбомъ «Яранскъ»—въ Вятскую губернію. Осень, послѣ сбора хлѣбовъ, Великій постъ,—время покаянія и заботъ о душѣ,—нижегородская ярмарка, стягивающая со всей Россіи любящее подавать милостыню купечество,—вотъ наиболѣе благопріятные моменты для отхода на нищенскій промыселъ. Раннею весной подъ предлогомъ набивки погребовъ нищіе направляются вверхъ по Волгѣ, въ фабричные центры. Каждый уходъ обыкновенно продолжается недолго, двѣ—три недѣли. Кто на лошадяхъ, набираютъ хлѣба цѣлый возъ и потомъ тамъ же на мѣстѣ продаютъ его на кормъ скоту, а кто пѣшкомъ, тотъ реализируетъ подаяніе по нѣсколько разъ въ день. Такимъ образомъ эти оригинальные промышленники возвращаются домой съ чистыми деньгами, иногда большими: уплачиваютъ подати, расплачиваются съ долгами и часть пропиваютъ. Иногда, послѣ особенно прибыльныхъ отлучекъ устраиваются въ деревняхъ цѣлыя пиршества, какъ въ храмовые праздники. Годовой заработокъ нищаго простирается до 200—300 руб. въ годъ. При объясненіи причинъ этого страннаго явленія статистики указываютъ на многоземелье, какъ на главную причину столь страннаго промысла. Дѣло въ томъ, что эта волость, состоящая изъ государственныхъ крестьянъ, имѣетъ вдвое болѣе земли, чѣмъ всѣ окрест-

Digitized by Google

ныя деревни. Но еще задолго до воли, а послѣ воли въ особенности, крестьяне очутились въ затруднительномъ положеніи. Всѣ окружныя деревни, издавна чувствовавшія недостатокъ въ хлѣбѣ, съ незапамятныхъ временъ пріучились къ тѣмъ или инымъ промысламъ, правда, промысламъ черными и тяжелымъ, но все-таки къ сторонними занятіямъ, которыя пополняли дефицитъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Скоробогатовцы же всегда были обезпечены землей настолько, что не чувствовали потребности въ сторонних занятіяхъ. Но съ теченіемъ времени земля выпахалась, народились другія потребности, однимъ словомъ, одно земледѣліе не могло уже удовлетворить богатую землей волость, всѣ же промыслы около оказались занятыми. И вотъ въ видѣ временной мѣры крестьяне за непривычкой къ какому-либо промыслу стали уходить зимой за подаяніемъ въ Вятскую губернію. Сначала нищенство носило характеръ скорѣе займа, чѣмъ милостыни. Такъ смотрятъ на нищенство многіе крестьяне и теперь. Но съ теченіемъ времени и временный характеръ промысла, и нравственное его обоснованіе стали мѣняться, и теперь нищенство обратилось въ настоящій промыселъ, наложившій особую печать даже на земледѣліе этихъ промышленниковъ. Это—почти полное отсутствіе яровыхъ посѣвовъ. Дѣло въ томъ, что время ярового посѣва есть также и наиболѣе удобное время для сбора подаяній. Понятно, что земля бросается ради болѣе выгодной и легкой добычи. Съ каждымъ годомъ нищенскій промыселъ развивается все болѣе и болѣе. Раньше ходили только старики, но теперь ходятъ всѣ, такъ какъ земельное хозяйство забрасывается все болѣе и болѣе (по Скоробогатовской волости процентъ безлошадныхъ дворовъ выше, чѣмъ во всемъ уѣздѣ); раньше ходили только зимой и случайно, теперь ходятъ во всякое время года и безъ всякой надежды когда-нибудь перестать нищенствовать. Уже для доброй половины крестьянъ нищенство составляетъ главное занятіе, а земледѣліе — только подсобное. Съ теченіемъ времени измѣнилась и самая организація этого промысла: появляется капитализація—«предприниматели» и «рабочіе». Наиболѣе необезпеченные хозяева, чтобы избѣжать риска, нанимаются къ состоятельнымъ крестьянамъ, получаютъ отъ нихъ понедѣльное жалованье, сравнительно высокое (взрослый — 3—5 руб., а мальчикъ—1 руб.—1 руб. 20 коп.), а всю выручку отдаютъ своему хозяину. Съ другой стороны, появляется раздѣленіе труда: зарегистрирована масса лицъ, занимающихся только фабрикаціей «нужныхъ» для нищихъ документовъ, — о пожарахъ, градобитіяхъ, постройкѣ храмовъ и проч. Очень часто возвращающіеся съ промысла нищіе не досчитываются въ своихъ рядахъ нѣкоторыхъ односельчанъ. Это — задержанные полиціей за подложныя свидѣтельства или за кражи, совершенныя попутно со сборомъ милостыни, и т. п.

Замѣтимъ, что своеобразный промыселъ скоробогатовскихъ крестьянъ не представляетъ ничего исключительнаго въ лѣтописи русской жизни нашего времени, и печать не разъ уже отмѣчала случаи, когда цѣлыя населенныя мѣста обращались къ нищенству, какъ къ послѣднему средству въ тяжелой борьбѣ за существованіе. Если скоробогатовцы занялись нищенствомъ «отъ многоземелья», то въ Воронежскомъ уѣздѣ недавна еще была «открыта» де-

Digitized by Google

ревня, занявшаяся этимъ промысломъ «отъ малоземелья», а въ Зѣньковскомъ уѣздѣ нищенскій промыселъ явился на смѣну кустарному, который окончательно пересталъ вознаграждать въ полномъ смыслѣ слова «неусыпные» труды крестьянъ. Причины разныя, но всѣ онѣ бьютъ въ одну точку, указывая на одни и тѣ же ненормальныя условія, въ какихъ протекаетъ жизнь нашего крестьянства, совершенно лишеннаго приспособляемости къ измѣняющимся требованіямъ времени.

Котлочисты. Въ Баку котлочистами называютъ рабочихъ, занимающихся чисткой котловъ на судахъ. Участіе дѣтей въ этомъ цехѣ — явленіе обыкновенное, и съ этой-то категоріей рабочихъ знакомитъ насъ въ «Новомъ Обозрѣніи» г-жа Ведребисели, членъ бакинскаго общества попеченія о дѣтяхъ.

Исторія дѣтей, попадающихъ въ этотъ цехъ работниковъ,—самая обыкновенная исторія маленькихъ людей, на которыхъ гибельно отразилась ненормальная, несчастная жизнь родителей, исторія маленькихъ обездоленныхъ, которыхъ волна жизни взрослыхъ выплеснула на темный берегъ одиночества и голоднаго скитанія.

Освобожденныя отъ необходимой опеки родителей или опеки общества, безъ знаній какого-нибудь ремесла, неграмотныя, они, въ поискахъ за хлѣбомъ, отправляются на пристани и тамъ нанимаются въ котлочисты. Съ 6 час. утра маленькіе котлочисты сидятъ въ темныхъ котлахъ до 12 час., работая при трепетномъ свѣтѣ огарка, прикрѣпленнаго къ трубамъ; послѣ часового перерыва работа возобновляется, продолжаясь до 6 — 7, а нерѣдко и до 9 час. вечера, причемъ случаются и ночныя работы. Котлочистъ въ возрастѣ 8—13 лѣтъ, работая въ сутки 12—13 час., получаетъ поденно отъ 30 до 40 коп.; съ 13 лѣтъ плата повышается, достигая 70 коп. въ день.

Котлочистовъ нанимаетъ обыкновенно подрядчикъ, деньги же выдаетъ имъ приказчикъ, его довѣренное лицо. Отношенія работодателя къ работникамъ и въ этомъ случаѣ самыя обыкновенныя, типичныя для хозяевъ-хищниковъ, но одна особенность соціальнаго строя маленькихъ работниковъ дѣлаетъ ихъ положеніе болѣе тягостнымъ, чѣмъ положеніе вообще рабочихъ въ Баку. Дѣло въ томъ, что въ числѣ котлочистовъ много бѣглыхъ дѣтей, безъ паспорта, безъ чего, какъ извѣстно, личность въ Россіи ничто. Въ этомъ заключается центръ тяжести драматическаго положенія ребенка-котлочиста: при разсчетѣ его сплошь и рядомъ обсчитываютъ подрядчики, и онъ, «въ виду своего незаконнаго проживательства», говоря слогомъ участка, не рѣшается жаловаться на обидчиковъ.

Трудъ котлочистовъ вообще тяжелъ, для дѣтей въ особенности, и если представляется какая-нибудь возможность, они съ удовольствіемъ бросаютъ его; отсюда понятно, какъ неохотно они работаютъ. Замѣтя это, наблюдатель работъ сперва старается подѣйствовать на нихъ окриками, а потомъ побоями. Есть, впрочемъ, и другія средства заставить ихъ работать.

Зачастую малыши отказываются влѣзать въ люки котла, куда ихъ посылаютъ. Тогда подрядчикъ сперва уговариваетъ маленькихъ работниковъ, но потомъ, видя, что это ни къ чему не приводитъ, спаиваетъ ихъ водкой, и

Digitized by Google

одурманенный мальчикъ съ возбужденными красными глазами лѣзетъ въ тотъ самый люкъ, который нѣсколько минутъ тому назадъ возбуждалъ въ немъ ненависть, страхъ, и проникаетъ въ котелъ; мальчику тамъ душно, темно, но ему не убѣжать изъ котла; подъ вліяніемъ водки, напѣвая уличныя пѣсни, полныя цинизма, онъ сѣчаками отбиваетъ отъ стѣнъ накипь соли; осколки попадаютъ ему въ глаза, онъ морщится, ему больно, тяжело и отъ водки, и отъ душнаго воздуха, а все-таки онъ работаетъ, потому что ему надо ѣсть.

Рано утромъ и послѣ 12 часовъ дня котлочистовъ можно видѣть въ чайныхъ и столовыхъ, которыя помѣщаются возлѣ пристаня. Порціи отпускаются имъ по книжкѣ, и запись производится такимъ образомъ, что почти весь заработокъ дѣти оставляютъ тамъ. При этомъ, и пища и обстановка столовыхъ таковы, что только человѣкъ безъ крова, человѣкъ, живущій впроголодь, можетъ сколько-нибудь довольствоваться ими.

Легко представить себѣ моральное состояніе дѣтей-котлочистовъ, которыя цѣлые дни проводятъ то въ котлахъ, то въ «столовой». Пьянство, озлобленіе противъ подрядчика, общеніе съ развращенными татарами, побои, непосильный трудъ, 13-часовое пребываніе въ котлахъ—отъ всего этого въ сердцѣ маленькаго котлочиста шевелится злоба и ненависть ко всѣмъ безъ исключенія. Отсюда его страстное желаніе отомстить кому-нибудь за свою тяжелую долю, желаніе оскорбить кого-нибудь, побить, разбить чужое окно, нашумѣть, устроить скандалъ. Неудивительно, что эти несчастные мальчики, дурные инстинкты которыхъ ничѣмъ не сдерживаются, являются самымъ опаснымъ элементомъ населенія, тревожащимъ мирныхъ обитателей Чемберекента. Дѣти-котлочисты тамъ наводятъ ужасъ. Поэтому, большинство домохозяевъ избѣгаетъ ихъ и прямо гонитъ жильцовъ, какъ только узнаетъ, что они котлочисты.

Буйствуя на улицахъ, котлочисты вносятъ свою разнузданность и въ тѣ дворы, гдѣ они поселяются: безъ всякаго повода со стороны обижаемыхъ дерутся они, пьянствуютъ или обкрадываютъ сосѣдей. Не меньшей жестокостью отличаются и взаимныя отношенія котлочистовъ. Работа котлочиста—трудъ случайный. Въ среднемъ ему приходится работать дней 15. Любопытно знать, на какія средства онъ существуетъ остальные 15 дней?

И вотъ—заключаетъ г-жа Ведребисели—«всякій разъ, когда я встрѣчала пьянаго мальчика-котлочиста съ красными блестящими глазами, и развязной рѣчью, покачивавшагося изъ стороны въ сторону, отчаяніе и стыдъ наполняли мое сердце, стыдъ за себя, за общество, за его равнодушіе къ этимъ маленькимъ обездоленнымъ...»

Какъ собираются пожертвованія. Недавно «Хозяинъ» обратилъ вниманіе на опубликованный Императорскимъ техническимъ обществомъ отчетъ по открытому Обществомъ сбору пожертвованій на памятникъ барону Павлу Львовичу Шиллингу фонъ-Канштатту. Вѣроятно, не многіе изъ читателей «Міра Божьяго» помнятъ, кто такой Шиллингъ и каковы его общественныя заслуги. Поэтому, считаемъ необходимымъ напомнить, что Шиллингъ былъ первымъ изобрѣтателемъ электро-магнитнаго телеграфа. Такъ вотъ, въ опубликованномъ техниче-

Digitized by Google

скимъ Обществомъ довольно длинномъ спискѣ жертвователей на памятникъ Шиллингу обращаетъ вниманіе тотъ въ высшей степени странный фактъ, что, при совершенномъ отсутствіи пожертвованій со стороны частныхъ лицъ, ученыхъ учрежденій и учебныхъ заведеній, жертвователями являются исключительно чины городской и уѣздной полиціи, да нѣсколько начальниковъ губерній. Какъ будто съ принадлежностью къ составу полиціи связана исключительная способность оцѣнивать труды ученыхъ дѣятелей! Впрочемъ, если памятникъ изобрѣтателю электро-магнитнаго телеграфа будетъ сооруженъ посильными трудами однихъ только полицейскихъ чиновъ, то этотъ случай надо будетъ признать исключительнымъ, такъ какъ, вообще говоря, полиція умѣетъ возбуждать и общественное настроеніе въ пользу различныхъ дѣятелей и учрежденій, для которыхъ или во имя которыхъ разсылаются въ разные концы Россіи многочисленные листы для сбора пожертвованій.

Весьма интересныя въ этомъ смыслѣ указанія даетъ въ «Нижегородскомъ Листкѣ» г. М. Ольминскій. Хотя собранныя имъ данныя относятся только къ Якутской области, но общее ихъ значеніе, ихъ, такъ сказать, типичность могутъ быть установлены безъ особеннаго труда всякимъ, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ условіями обывательской жизни въ любомъ уголкѣ нашего обширнаго отечества.

«Послѣ польскаго возстанія 1863—1864 гг.,—разсказываетъ г. Ольминскій,—въ С.-Петербургѣ основалось книгоиздательское товарищество «Общественная Польза» съ ген.-м. Гедеоновымъ во главѣ; оно имѣло цѣлью издавать дешевыя книги для удовлетворенія потребности, возникшей среди русскаго народа, преимущественно въ западномъ краѣ. Восточныя окраины, не менѣе нуждающіяся въ дешевой книгѣ, если не были упомянуты въ уставѣ, то и не исключались положительно изъ круга просвѣтительной дѣятельности товарищества. Дѣятельность товарищества дала себя почувствовать населенію Якутской области лишь однимъ фактомъ,—тѣмъ, что здѣшняя полиція получила предписаніе собирать пожертвованія въ пользу товарищества. О присылкѣ книгъ никто и не думалъ.

Этотъ фактъ типиченъ для всего пореформеннаго періода. Ставится ли памятникъ Пушкину или Минину и Пожарскому, учреждается ли гдѣ-то библіотека имени Карамзина, покупается ли домъ Жуковскаго въ Бѣлевѣ, предполагается ли стипендія имени Ломоносова, устраивается ли русскій госпиталь въ Константинополѣ,—каждый разъ летитъ соотвѣтственное предписаніе, собираются на общественныя сходки крестьяне и инородцы, никогда не слыхавшіе именъ ни Пушкина, ни Жуковскаго, ни Ломоносова, ни Карамзина; никто и не пытается выяснить значеніе этихъ историческихъ именъ, не раздается и даже не продается ни одна строчка сочиненій этихъ авторовъ, а требуется лишь одно: деньги!

Здѣсь крестьяне забывали русское имя, а съ нихъ выбивали пожертвованія на русско-православныя школы въ западномъ краѣ; здѣсь инородцы питались кониной и толченой древесной корой, а съ нихъ уже собирались деньги на памятникъ Либиху въ Мюнхенѣ; здѣсь девять изъ десяти никогда не слыхали слова Москва, а ихъ приглашали жертвовать на построеніе православ-

Digitized by Google

наго храма въ Ниццѣ; якутамъ, бродившимъ по безпросвѣтной тайгѣ, предлагали жертвовать на бульваръ въ Севастополѣ и т. д.

Каковъ былъ практическій результатъ этихъ обращеній? Случалось, что якуты и крестьяне рѣшительно отказывались давать деньги; напримѣръ, на церковь въ Ниццѣ, отговариваясь неимѣніемъ средствъ. Отговорка не всегда достигала цѣли. Въ 1861 г. отказъ крестьянъ давать деньги на памятникъ Пушкину въ Царскомъ Селѣ вызвалъ со стороны олекминскаго полицейскаго управленія вторичное предписаніе волостному правленію (мірской избѣ) «убѣдить крестьянъ содѣйствовать въ этомъ дѣлѣ». Памятнику Пушкина почему-то не посчастливилось,— на второе предписаніе получился отвѣтъ: «за всѣми моими убѣжденіями никто изъ крестьянъ желанія жертвовать не объявилъ».

Вѣроятно, энергія полицейскихъ убѣжденій не всегда была одинакова: иногда волей-неволей приходилось платить. Привожу нѣсколько точныхъ данныхъ относительно одного только Олекминскаго округа.

1861 годъ. Собрано: на церкви въ Моздокѣ 15 р., въ пользу погорѣльцевъ Кутаиса 11 р. 70 к.; не далъ результатовъ сборъ на иркутскую публичную библіотеку.

1864 годъ. Вновь на церковь въ Моздокѣ взыскано 1 р. 20 к. Не дали результатовъ сборы: на устройство православныхъ храмовъ и народныхъ училищъ въ западномъ краѣ и въ пользу товарищества «Общественная Польза».

1865 г. На памятникъ Минину и Пожарскому въ Н.-Новгородѣ съ якутовъ взыскано 50 р., по десяти рублей съ наслега (сельскаго общества) и съ горожанъ 2 руб. 10 коп., среди же русскихъ крестьянъ «жертвователей не оказалось»; зато на соборъ въ Тифлисѣ съ крестьянъ взяли шесть рублей. Горожане дали на стипендію имени Ломоносова 1 р. 16¼ к. и въ пользу башкиръ Оренбургской губ. 3 р. 33½ коп. На часовню у Лѣтняго сада якуты заплатили десять рублей. Не дали результатовъ сборы: на храмы въ Туркестанѣ и на карамзинскую библіотеку.

1867 г. Безуспѣшно повторяется сборъ на карамзинскую библіотеку.

1868 г. На карамзинскую библіотеку взыскали, наконецъ, съ крестьянъ 2 р. 57 к. Кромѣ того, собрано: на часовню въ Царскомъ Селѣ 37 р., въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая 53 р. 75 к. и на училища въ западномъ краѣ 18 р. Далѣе, «всѣ цѣнители заслугъ и поэтическаго дарованія Жуковскаго» приглашались къ пожертвованію на покупку дома въ г. Бѣлевѣ, Тульской губерніи, гдѣ жилъ Жуковскій. Инородческій голова отвѣчалъ, что среди якутовъ цѣнителей Жуковскаго не оказалось. Въ томъ же году крестьяне обѣщали дать 50 р. на учительскую семинарію въ Иркутскѣ и вслѣдъ затѣмъ получили предложеніе: вмѣсто иркутской семинаріи отдать эти деньги на лечебницу въ Якутскѣ; крестьяне отвѣчали отказомъ; тѣмъ не менѣе эти 50 р. были взысканы съ крестьянъ мѣрами полицейскаго понужденія.

1870 г. Крестьяне и инородцы приглашались къ пожертвованіямъ: въ пользу погорѣльцевъ Енисейска, на памятникъ Хмѣльницкому въ Кіевѣ, на памятникъ первому книгопечатнику Ивану Ѳедорову, на памятникъ Глинкѣ и на церковь въ Константинополѣ. Никто ничего не далъ.

Digitized by Google

1871 г. Былъ сборъ на памятникъ Ермаку.

1872 г. Собирали на премію имени Сперанскаго и въ пользу общества помощи при кораблекрушеніяхъ.

1874 г. на памятникъ Либиху въ Мюнхенѣ.

1876 г. На бульваръ въ Севастополѣ съ якутовъ взыскано десять рублей.

Чтобы не загромождать статью новыми фактами однороднаго характера, пропустимъ четверть вѣка и обратимся къ осени 1901 года. Новое время внесло новый пріемъ въ сборъ «добровольныхъ» пожертвованій. Приленскіе крестьяне живутъ, главнымъ образомъ, почтовой гоньбой: за перевозку почты на станокъ приходится въ среднемъ около 5.000 р. въ годъ. Выдача производится черезъ полицію два раза въ годъ. Передъ осенней выдачей 1901 г. получено предписаніе: пригласить станочниковъ къ пожертвованіямъ на одно учрежденіе, причемъ опредѣленъ самый размѣръ пожертвованія, именно — два процента съ суммы выдачи. Само собою разумѣется, что «приглашеніе» было очень энергично, и лишь крестьяне немногихъ станковъ посмѣли отказать.

Землетрясеніе въ Шемахѣ. 31-го января въ Шемахѣ произошло страшное землетрясеніе, въ нѣсколько минутъ превратившее городъ въ груду развалинъ. Вслѣдъ за этимъ то, что уцѣлѣло отъ землетрясенія обращено было въ пепелъ грандіознымъ пожаромъ. Всѣхъ домовъ разрушено 4.500, подъ обломками которыхъ погребено свыше двухъ тысячъ человѣкъ, главнымъ образомъ мусульманъ.

«Катастрофѣ—какъ сообщаетъ корреспондентъ «Новаго Времени»—предшествовали съ 8 часовъ утра слабыя колебанія почвы, къ которымъ здѣсь всѣ привыкли. Въ 1 часъ 30 минутъ пополудни послѣдовалъ глухой подземный гулъ, раздавшійся со стороны сѣверо-западныхъ горъ, подобно перекатамъ отдаленнаго грома, а затѣмъ послѣдовало пять горизонтальныхъ очень сильныхъ ударовъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, которые слились съ волненіями ощутительно вертикальными. Колебанія почвы были до того сильны, что невозможно было удержаться на ногахъ...

«Въ виду зимняго времени, въ каждой лавкѣ горѣли мангалы (жаровни), а потому вполнѣ понятно, что вслѣдъ за первымъ сильнымъ ударомъ показалось и зловѣщее пламя разгоравшагося со всѣхъ сторонъ грандіознаго костра... Что здѣсь, говорятъ, было! Волосъ дыбомъ становится! Привожу слова одного изъ очевидцевъ: «Наступило страшное зрѣлище. Поднялась такая пыль, что въ воздухѣ стало темно, и метавшіеся по всѣмъ направленіямъ люди, растерянные, потерявшіе голову, не узнавали другъ друга. Въ общемъ смятеніи каждый старался спасти себя и своихъ, но, обезумѣвшіе отъ страха и отчаянія, они не отдавали себѣ отчета въ томъ, что дѣлали... Животныя выли, птица билась о стѣны и ограды. Общій вопль, рыданія, безцѣльные призывы на помощь, оклики родныхъ и близкихъ людей... Дѣти, чудомъ спасшіяся, рыдая спрашивали, гдѣ ихъ родители... Короче,—закончилъ очевидецъ,—для описанія этой картины страданій, отъ которыхъ разрывается сердце, нѣтъ словъ!» А тѣмъ временемъ шло всесокрушающее шествіе огненной стихіи, обращавшей

Digitized by Google

уцѣлѣвшей отъ землетрясенія зданія въ груды пепла. Грохотъ падающихъ стѣнъ, потолковъ и балокъ, и дикій свистъ бушующаго огня, уничтожавшаго товары на нѣсколько милліоновъ рублей... Нынѣшнее стихійное бѣдствіе по своимъ разрушительнымъ послѣдствіямъ превосходитъ всѣ предыдущія. Больше всего погибло женщинъ и дѣтей, находившихся въ моментъ двухъ первыхъ роковыхъ для злосчастной Шемахи подземныхъ ударовъ въ 11 шемахинскихъ баняхъ. Согласно установившемуся обычаю, наканунѣ столь чтимой мусульманами пятницы, они посѣщаютъ бани, женщины съ полдня до 3 часовъ, а затѣмъ съ 3 часовъ и до наступленія сумерекъ—мужчины. Землетрясеніе застало ихъ врасплохъ и только чудо могло спасти нѣкоторыхъ изъ нихъ, всѣ же остальныя съ дѣтьми погибли подъ рухнувшими сводами. Въ нижней части города нѣтъ дома, гдѣ не производились бы спѣшныя раскопки съ цѣлью отысканія одного, двухъ, трехъ и даже четырехъ труповъ. И здѣсь, въ большинствѣ случаевъ разыскиваютъ женщинъ, которыхъ катастрофа застала врасплохъ за мирными занятіями у семейнаго очага. Кромѣ бань, въ этотъ день у праха двухъ скончавшихся мусульманъ происходили оплакиванія умершихъ, на которыя собралось до 70 женщинъ съ дѣтьми. Всѣ онѣ погибли. Къ раскопкамъ 7 разрушенныхъ мечетей еще не приступлено, но и подъ ихъ развалинами есть много погибшихъ, такъ какъ землетрясеніе случилось въ часъ полуденнаго намаза, который мусульмане, и въ особенности торговцы, живущіе далеко отъ своихъ домовъ, предпочитаютъ совершать въ мечетяхъ. Кромѣ того, въ русско-татарской школѣ погибли учитель и 12 учениковъ. Число всѣхъ погибшихъ въ татарской части города, несомнѣнно, свыше 2 тысячъ. До чего было сильно землетрясеніе, видно изъ того, что въ числѣ 8 большихъ мечетей въ Шемахѣ обрушилась знаменитая Джума-мечеть, возьблемо простоявшая 9 столѣтій и только за 250 послѣднихъ лѣтъ перенесшая 43 землетрясенія!

«Въ европейской части города количество разрушенныхъ домовъ считается сотнями, но число человѣческихъ жертвъ только десятками.

«Изъ солидныхъ сооруженій разрушены: уѣздное казначейство и въ православной церкви, отстроенной полвѣка назадъ, рухнулъ куполъ, повреждены зданія армянской церкви и городская тюрьма».

Любопытно, что послѣ каждаго сильнаго землетрясенія въ Шемахѣ (а изъ сильныхъ землетрясеній нынѣшнее по счету съ 1806 г.—девятое) неизбѣжно возбуждался вопросъ «объ устройствѣ жителей города Шемахи на новыхъ мѣстахъ и о пособіяхъ, которыя при этомъ должны быть имъ оказаны». Но... какъ только колебанія почвы прекращались, мысль о переселеніи шемахинцевъ забывалась. Въ 1859 г. знаменитый Абихъ вполнѣ точно установилъ, что опасность, которой со стороны землетрясеній Шемаха подвержена болѣе нежели всякое другое мѣсто на Кавказѣ, зависитъ отъ слѣдующихъ причинъ: 1) отъ положенія ея на системѣ вывороченныхъ и почти вертикально поставленныхъ пластовъ, принадлежащихъ къ сплошному ряду подземныхъ рифовъ; 2) отъ близости ея къ центру области, подъ которой на весьма большой глубинѣ предполагается фокусъ разрушительныхъ силъ; 3) отъ частаго повторенія въ Шемахѣ землетрясеній, коихъ сила оканчивается по большей части исключи-

Digitized by Google

тельно на ней и на ея окрестностяхъ. 9-го марта 1860 г. на общемъ собраніи кавказскаго отдѣла Императорскаго русскаго географическаго общества Абихъ закончилъ свой докладъ слѣдующими пророческими словами: «Для Шемахи нѣтъ никакого ручательства, что она когда-нибудь не станетъ добычей катастрофы, которая въ нѣсколько минутъ разрушитъ городъ до тла».

Въ результатѣ упразднили Шемаху, какъ центръ губерніи, переименовавъ эту послѣднюю изъ Шемахинской въ Бакинскую, но городъ Шемаха, хотя въ скромномъ званіи уѣзднаго центра, продолжалъ существовать, пока, наконецъ, надъ ней не сбылось пророчество Абиха, и онъ не былъ разрушенъ до основанія. Надо думать, что теперь-то, по крайней мѣрѣ, мысль, возникшая въ 1806 г., о перенесеніи города въ болѣе безопасное мѣсто будетъ осуществлена, наконецъ, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ.

За мѣсяцъ. Приводимъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ періодической печати о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ по продовольственному дѣлу въ мѣстахъ, постигнутыхъ недородомъ.

Для разъясненія характера затрудненій, какія перевозка хлѣба встрѣчаетъ въ Сибири, можетъ послужить слѣдующая выдержка изъ корреспонденціи, напечатанной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ». «По какой дешевой цѣнѣ ни купите въ Россіи хлѣбъ, а онъ станетъ дорогимъ, когда провезете до 3 тысячъ верстъ, хотя бы по самому удешевленному тарифу (¹/₀₀₀ к. съ пуда и версты). Прибавьте къ этому невозможность разсчетовъ по времени, благодаря снѣжнымъ заносамъ и другимъ совершенно резоннымъ задержкамъ, могущимъ много разъ случиться на такомъ безпредѣльномъ пространствѣ. Невозможно и привезти хлѣбъ въ большомъ количествѣ заблаговременно, такъ какъ на станціяхъ назначенія негдѣ его хранить. И все-таки наибольшее затрудненіе еще впереди, когда хлѣбъ, наконецъ, прибудетъ на станцію желѣзной дороги и оттуда его нужно доставить гужемъ верстъ за 850 и болѣе. А такихъ пунктовъ не мало. Взять, для примѣра, хоть Змѣиногорскій уѣздъ, Томской губерніи, куда хлѣбъ доставляется до ст. Обь. Сначала находилось множество подводъ, которыя брали по 55 коп. съ пуда. Для продовольственнаго хлѣба и это ужасный, накладной расходъ. Но какъ заработокъ — нѣчто жалкое. Почти мѣсяцъ человѣкъ долженъ провести въ пути, въ лишенной корма мѣстности, чтобы доставить 25 пудовъ зерна и заработать вмѣстѣ съ лошадью 13 руб. 75 коп. Не мудрено, что во многихъ случаяхъ оказалось полное банкротство. Возчики получили впередъ на дорогу для пріѣзда 25 коп.; при насыпкѣ хлѣба уже оказалось недостаточнымъ получить условленныя 10 коп. съ пуда (предполагалось, что 20 коп. будутъ получены по доставкѣ хлѣба домой); пришлось выдавать по 15 коп. съ пуда и болѣе. И все-таки бывали случаи, что нѣкоторые возчики не могли управиться и нужда заставила ихъ продавать часть доставляемаго зерна, чтобы прокормиться. Какая масса недоразумѣній, мелочныхъ разсчетовъ и, можетъ быть, еще болѣе мелочныхъ злоупотребленій, при тысячахъ подводъ! Само собою разумѣется, что число охотниковъ возить хлѣбъ при та-

Digitized by Google

кихъ условіяхъ стало уменьшаться, и цѣна на извозъ стала сильно возрастать».

Печальныя извѣстія, подкрѣпляемыя оффиціальными данными, получены «Самарской Газетой» изъ Уфимской губерніи. Послѣдствія недорода начинаютъ сказываться. Безхлѣбица съ постояннымъ своимъ спутникомъ—инфекціонными заболѣваніями не дремлетъ. Тифозная эпидемія съ каждымъ днемъ разростается, согласно даннымъ, отпечатаннымъ въ «Уф. Губ. Вѣд.», и нѣтъ никакихъ основаній думать, что она скоро прекратится. Въ декабрѣ было 376 случаевъ брюшного тифа, 11 — сыпного и 9 — безъ обозначенія формы; число пораженныхъ мѣстностей составило 81 селеніе. За январь мѣсяцъ точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Но судя по неполнымъ даже цифрамъ земскаго санитарнаго бюро, обнимающимъ собою только три уѣзда (изъ шести) за періодъ времени отъ 1-го по 15-е января, приходится констатировать скорѣе ростъ, чѣмъ сокращеніе эпидемическихъ заболѣваній. Цынга появилась въ двухъ уѣздахъ—«благополучномъ» Уфимскомъ и «неблагополучномъ» Белебеевскомъ; наиболѣе сильна она въ деревнѣ Алексѣевкѣ, Белебеевскаго уѣзда. Къ январю въ д. Алексѣевкѣ осталось больныхъ 53 человѣка, и съ этого уровня число цынготныхъ заболѣваній до сихъ поръ почти не сходитъ, изрѣдка колеблясь лишь то въ сторону повышенія, то въ сторону незначительнаго пониженія. Въ остальныхъ селеніяхъ, а ихъ уже четыре, захваченныхъ цынгою, показатель заболѣваній болѣе скромный. Что касается медицинской помощи населенію, то она слабо организована. Существеннымъ тормозомъ въ борьбѣ съ развивающейся эпидеміей является отсутствіе необходимыхъ питательныхъ средствъ. Молока, напримѣръ, пишетъ одна фельдшерица, не всегда достанешь даже для больной.

Въ Вятской губерніи крестьяне избѣгаютъ пользоваться правительственной ссудой. То-же явленіе наблюдается, какъ сообщаетъ «Саратовскій Дневникъ», и въ Саратовской губерніи. По имѣющимся по Новоузенскому уѣзду изъ волостныхъ правленій свѣдѣніямъ оказывается, что изъ всѣхъ 39 волостей самыми бѣдными и наиболѣе нуждающимися въ помощи являются восемь: Верхнекушумская, Дергачевская, Осиново-Гайская, Красненская, Новотроицкая, Черебаевская, Салтовская и Моршанская. Тѣмъ не менѣе, далеко не всѣ общества сказанныхъ волостей заявили желаніе пользоваться правительственной ссудой. Въ Верхнекушумской волости обществъ, подавшихъ заявленія, 5, въ Дергачевской—2, въ Осиново-Гайской—4, въ Красненской—1, въ Новотроицкой—3, въ Черебаевской — 2, въ Салтовской — 1 и въ Моршанской — 2. На всѣ эти общества закуплено и отпущено правительствомъ 32.983 п. ржи.

Гораздо большее, въ процентномъ отношеніи, число нуждающихся въ правительственной ссудѣ является изъ тѣхъ жителей селъ и деревень Новоузенскаго уѣзда, которые не входятъ въ составъ сельскихъ обществъ. О нуждѣ ихъ прислали заявленія 33 волости, и правительствомъ отпущено для нихъ въ видѣ безвозвратнаго пособія 10.842 пуд. ржи.

Не безынтересными являются данныя относительно того, какъ неохотно крестьяне-общественники берутъ правительственную ссуду. Въ нѣкоторыхъ селахъ и деревняхъ, помимо перечисленныхъ волостей, есть много нуждающихся.

Digitized by Google

Они не прочь получить ссуду и заявляли объ этомъ; однако, тотчасъ же отказывались отъ нея, какъ только имъ объясняли, что ссуда выдается на условіяхъ, изложенныхъ въ новомъ законѣ о правительственныхъ ссудахъ. Такое явленіе вполнѣ понятно, и объяснять его тѣмъ, что крестьянинъ склоненъ брать и не отдавать, могутъ только злые языки. Крестьянинъ не потому отказывается отъ правительственной ссуды, что не хочетъ платить ее, а потому, что новыя условія уплаты для него слишкомъ обременительны. Ссуду крестьянинъ обязанъ былъ платить и при круговой порукѣ, но тогда онъ имѣлъ извѣстную льготу, которой окончательно лишенъ при уплатѣ ссуды, согласно съ новымъ закономъ. То, что является посильнымъ для крестьянина совмѣстно съ обществомъ, отнюдь не по силамъ самому себѣ.

— Во второй половинѣ января всю Россію облетѣла тревожная вѣсть о новомъ серьезномъ заболѣваніи гр. Л. Н. Толстого. Первыя подробныя свѣдѣнія о ходѣ болѣзни великаго писателя дали «Харьковскія Губернскія Вѣдомости» въ корреспонденціи, датированной 30-го января. Корреспондентъ сообщаетъ, что Левъ Николаевичъ, гостя въ имѣніи графини Паниной «Гаспра» въ 11—12 верстахъ отъ Ялты по дорогѣ въ Алупку у подножія Ай-Петри, въ теченіе осени 1901 года чувствовалъ себя болѣе, чѣмъ удовлетворительно: былъ бодръ, много гулялъ, главнымъ образомъ пѣшкомъ, много работалъ, большею частью по ночамъ. Застарѣлые недуги его (малярія и грудная жаба) почти не безпокоили маститаго писателя.

«Въ ноябрѣ легкій ушибъ, происшедшій по неосторожности графа, заставилъ его слечь въ постель. Онъ уже сталъ оправляться, когда его постигъ рѣзкій и очень мучительный припадокъ маляріи съ невралгическими болями. Онъ окончательно слегъ. Въ это-то время разнеслись въ Москвѣ и Петербургѣ проникшіе и за границу слухи о его тяжкой болѣзни и о близости смерти. Слѣдомъ разнеслись слухи о томъ, что онъ уже умеръ. Отправившись изъ Ялты въ Гаспру, я засталъ графа поправляющимся, опасность, видимо, миновала, и больной, хотя и вопреки требованію врача, въ день моего визита вышелъ на солнечную террасу дачи и работалъ. Домашніе отдыхали послѣ пережитыхъ тревогъ и опасеній. Ничто на близкую опасность не указывало. Предостереженія врача, настаивавшаго на необходимости перестать употреблять тяжелую вегетаріанскую пищу, не исполнялись больнымъ, равно и не исполнялось требованіе врача о строгомъ режимѣ и полномъ покоѣ. Единственная серьезная уступка — было ограниченіе пріема одолѣвающихъ графа визитеровъ и интервьюеровъ. Да и то, когда я велъ переговоры съ графинею Софьею Андреевною, она мнѣ заявила: «Конечно, если кто настаиваетъ на личномъ свиданіи...»

«Декабрь прошелъ удовлетворительно. Приступы маляріи не возвращались. Праздники графъ провелъ въ тѣсномъ семейномъ кругу и много работалъ. Послѣ праздниковъ начались легкія недомоганія. Лечившій Льва Николаевича ялтинскій врачъ Альтшулеръ, просилъ о созывѣ консультаціи. Навѣщалъ больного въ это время извѣстный писатель врачъ С. Я. Елпатьевскій и еще А. П. Чеховъ, также врачъ, хотя и не практикующій. Въ январѣ прибылъ и посе-

Digitized by Google

лился въ Гаспрѣ семейный врачъ Толстыхъ, г. Щуровскій, лечившій Льва Николаевича еще въ Ясной Полянѣ. 23-го января въ Гаспрѣ состоялся консиліумъ изъ врачей Щуровскаго, Альтшулера и лейбъ-медика Бертенсона. Консиліумъ пришелъ къ убѣжденію, что состояніе больного сравнительно удовлетворительно. Близкой опасности отнюдь не предвидѣлось.

«Простудился ли графъ Левъ Николаевичъ послѣ консиліума, или недугъ таился уже въ организмѣ, но на другой день у него начался очень острый приступъ маляріи тяжкой грудной жабы, сопровождаемый мучительными болями, такъ что пришлось прибѣгнуть къ впрыскиванью морфія. Въ это время началось что-то странное съ сердцемъ: дѣятельность его стала необычайно слабой, пульсъ скачками поднялся до 120-140-160 и дальше до 180.

«Слѣдомъ за грудною жабою обнаружились колющія боли въ лѣвомъ боку и изслѣдованіе выяснило воспаленіе плевры и воспаленіе лѣваго легкаго въ очень широкихъ размѣрахъ, причемъ, однако, температура была не высока. Для поднятія дѣятельности сердца пущена въ дѣло камфора и дигиталисъ. Больной теряетъ силы. Обыкновенно очень терпѣливый и спокойный, теперь онъ непрестанно стоналъ, переставая стонать только въ минуты доставленнаго наркотиками сна или полузабытья, во время котораго наблюдались бредовыя явленія въ легкой формѣ. Два или три послѣдующихъ дня прошли безъ особыхъ перемѣнъ. Надеждъ на спасеніе, въ сущности, уже не было, такъ великъ былъ упадокъ силъ и такъ широко распространился плевритъ и воспаленіе легкаго. Отягчающимъ обстоятельствомъ являлось и то обстоятельство, что плохо работалъ желудокъ, а убѣдить больного принимать не вегетаріанскую пищу не удавалось.

«Я посѣтилъ Гаспру 29-го января днемъ. Въ это время выяснилось, что болѣе воспаленіе и плевритъ не распространяются, дѣятельность сердца удалось нѣсколько оживить, пульсъ упалъ до 100—102 ударовъ. Начинала, повидимому, теплиться хоть слабая надежда, что организмъ поборетъ недугъ и больной оправится».

Послѣдующій ходъ болѣзни превратилъ слабую надежду на выздоровленіе въ полную увѣренность: великій писатель постепенно оправляется, и всѣ зловѣщіе симптомы овладѣвшихъ имъ недуговъ исчезаютъ одинъ за другимъ.

Некрологъ. Въ Парижѣ скончался *Василій Александровичъ Пашковъ*, извѣстный основатель вѣроученія, называвшагося по его имени «пашковщиной». Въ «Нижегородскомъ Листкѣ» находимъ слѣдующія свѣдѣнія о жизни этого во всякомъ случаѣ, выдающагося человѣка.

«Покойный былъ помѣщикомъ Нижегородской губерніи, гдѣ у него имѣется обширное имѣніе Ветошкино, прославившееся своей прекрасной больницей, которое, по слухамъ, переходитъ теперь къ супругѣ покойнаго, какъ и другія его имѣнія.

«На путь сектантства покойный, бывшій раньше полковникомъ гвардіи, вступилъ, благодаря вліянію лорда Редстока, пріѣзжавшаго въ 1874 г. въ Петербургъ и проповѣдывавшаго въ великосвѣтскомъ обществѣ. Проповѣдь лорда

Digitized by Google

Редстока произвела сильное впечатлѣніе на религіозно-настроеннаго В. А. Пашкова. Онъ усвоилъ тѣ начала, которыя проповѣдывалъ лордъ Редстокъ, развилъ ихъ дальше и, въ свою очередь, сталъ заниматься религіозною проповѣдью, сначала въ великосвѣтскомъ обществѣ, а затѣмъ и среди простого народа. Средствомъ для распространенія его сектантскаго ученія послужило оффиціально утвержденное «Общество распространенія духовно нравственнаго чтенія», задача котораго, по уставу, состояла «въ доставленіи народу возможности пріобрѣтать на самомъ мѣстѣ жительства его и за дешевую цѣну книги св. писанія Ветхаго и Новаго Завѣта и сочиненія духовно-нравственнаго содержанія». И вотъ основанное В. А. Пашковымъ общество стало во множествѣ распространять дешевыя брошюры, частью оригинальныя, а частью переведенныя съ англійскаго и нѣмецкаго языковъ. По отзыву объ этихъ брошюрахъ учебнаго комитета св. синода, въ большинствѣ случаевъ въ отдѣльности онѣ «не представляютъ своего сектантскаго направленія, но когда онѣ читаются въ совокупности и въ извѣстномъ порядкѣ, съ расположеніемъ ихъ по отдѣламъ — тогда ихъ сектантское направленіе и та основная мысль, какая проводится въ нихъ, обнаруживается со всею ясностью». Въ виду заключенія св. синода о сектантскомъ характерѣ проповѣди В. А. Пашкова, ему въ 1877 г. было воспрещено устраивать религіозно-назидательныя бесѣды, а общество закрыто. Послѣ этого В. А. Пашковъ удалился въ село Крешино, звенигородскаго уѣзда, Московской губ., гдѣ у него имѣется тоже громадное имѣніе, и продолжалъ проповѣдь среди простого народа, а въ другихъ мѣстностяхъ дѣйствовали его послѣдователи (напр., графъ и графиня Бобринскіе въ Тульской губерніи). Въ 1884 г. онъ сдѣлалъ попытку сближенія съ штундистами, баптистами и молоканами, устроивъ въ Петербургѣ съѣздъ сектантовъ. Съѣздъ этотъ былъ прекращенъ, а за дѣйствіями В. А. Пашкова и его послѣдователей св. синодъ предписалъ слѣдить епархіальнымъ властямъ. Послѣ этого самъ В. А. Пашковъ удалился за границу, но и послѣ его отъѣзда продолжали обнаруживаться слѣды его сектантскаго ученія въ губерніяхъ Тверской, Новгородской, Ярославской, Московской и Орловской. Такимъ образомъ, ученіе, начатое въ великосвѣтскихъ салонахъ, среди людей богатыхъ и вліятельныхъ, отразилось и на народной массѣ, а самъ В. А. Пашковъ займетъ довольно видное мѣсто въ исторіи нашего сектантства.

«Прибавимъ, что о В. А. Пашковѣ и его ученіи много писалось въ 70-хъ и 80-хъ годахъ, оно даже фигурировало и въ беллетристикѣ (напр., въ романахъ Боборыкина, кн. Мещерскаго, Б. Маркевича, повидимому, и гр. Л. Н. Толстой имѣлъ его въ виду въ «Аннѣ Карениной»). Печать обыкновенно относилась къ проповѣди покойнаго насмѣшливо, какъ къ аристократической затѣѣ».

Digitized by Google

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Русская Мысль» — январь. «Вѣстникъ Воспитанія» — декабрь. «Русское Богатство» — январь).

Пятидесятилѣтіе со времени смерти Гоголя, естественно, оживило вниманіе общества и печати къ памяти великаго писателя. Столь же естественно что, въ каждой новой книжкѣ журнала къ тому же предмету направляется прежде всего и вниманіе журнальнаго обозрѣвателя. Въ январьской книжкѣ «Русской Мысли» напечатаны двѣ, касающіяся Гоголя, статьи: первая изъ нихъ принадлежитъ г. Гиляровскому и называется «Въ Гоголевщинѣ», вторая, носящая названіе «Болѣзнь и смерть Гоголя», написана извѣстнымъ психіатромъ г. Баженовымъ. Живо и ярко описалъ свою поѣздку въ «Гоголевщину» г. Гиляровскій, но, какъ и слѣдовало ожидать, поѣздка эта прибавила немного новаго къ уже извѣстнымъ фактамъ жизни и литературнаго творчества Гоголя. Конечно, малѣйшіе штрихи изъ жизни великихъ людей имѣютъ свое значеніе,—свѣжее доказательство этому статья г. Баженова, устанавливающаго именно по такимъ, повидимому, мелкимъ чертамъ жизни знаменитаго писателя діагнозъ его душевной болѣзни,—но не въ этомъ смыслѣ говоримъ мы о цѣнности добытыхъ г. Гиляровскимъ новыхъ данныхъ для біографіи Гоголя. Впрочемъ, одинъ изъ записанныхъ г. Гиляровскимъ, со словъ современницы и дальней родственницы Гоголя Маріи Григорьевны Анисимо-Яновской, разсказовъ можетъ имѣть и значительную литературную цѣнность. Г-жа Яновская утверждаетъ, что на мысль написать «Мертвыя души» натолкнула Гоголя дѣйствительная продѣлка нѣкоего помѣщика Пивинскаго. Дѣло происходило, по словамъ разсказчицы, такъ: «У Пивинскихъ было 200 десятинъ земли и душъ 30 крестьянъ и дѣтей пятеро. Богато жить нельзя, и существовали Пивинскіе винокурней. Тогда у многихъ помѣщиковъ были свои винокурни, акцизовъ никакихъ не было. Вдругъ,—это еще до меня было,—начали разъѣзжать чиновники и собирать свѣдѣнія о всѣхъ, у кого есть винокурни. Пошелъ разговоръ о томъ, что у кого нѣтъ пятидесяти душъ крестьянъ, тотъ не имѣетъ права курить вино. Задумались тогда мелкопомѣстные: хоть погибай безъ винокурни! А Харлампій Петровичъ Пивинскій хлопнулъ себя по лбу да сказалъ: «Эге! Не додумались!» И поѣхалъ онъ въ Полтаву, да и внесъ за своихъ умершихъ крестьянъ оброкъ, будто за живыхъ. А такъ какъ своихъ, да и съ мертвыми, далеко до пятидесяти не хватало, то набралъ онъ въ бричку горилки, да и поѣхалъ по сосѣдямъ и накупилъ у нихъ за эту горилку мертвыхъ душъ, записалъ ихъ къ себѣ и, сдѣлавшись по бумагамъ владѣльцемъ пятидесяти душъ, до самой смерти курилъ вино и далъ этимъ тему Гоголю, который бывалъ въ Федункахъ, да, кромѣ того, и вся Миргородчина знала про мертвыя души Пивинскаго».

Былъ ли такой фактъ въ дѣйствительности или нѣтъ, дѣло темное. Вѣдь, сама разсказчица говоритъ, что онъ происходилъ «до нея», но достаточно было, конечно, одного существованія во времена Гоголя такого, «всей Миргородчинѣ извѣстнаго», разсказа про продѣлку Пивинскаго, чтобы дать сюжетъ для поэмы геніальному автору «Мертвыхъ душъ». Какъ извѣстно, біографы

Digitized by Google

Гоголя говоритъ, что тему для «Мертвыхъ душъ» далъ Гоголю Пушкинъ, но не лишена вѣроятія и гипотеза г. Гиляровскаго, высказанная имъ въ такихъ словахъ: «не смѣя отрицать этой версіи, я смѣю полагать, что можетъ быть, Гоголь въ бесѣдѣ съ Пушкинымъ разсказалъ ему подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ (почему только «подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ»? Развѣ не могло быть и иначе?) происшествіе съ Пивинскимъ, и Пушкинъ ему посовѣтовалъ воспользоваться этимъ матеріаломъ».

Осматривалъ г. Гиляровскій и находящіеся въ Яновщинѣ «реликвіи Гоголя». Среди нихъ обращаетъ на себя вниманіе письмо къ Гоголю извѣстной Смирновой отъ 13-го сентября 1851 года. Изъ него г. Гиляровскій приводитъ только начало, гласящее слѣдующее: «Парижскій префектъ полиціи Карлье прислалъ къ государю императору экземпляръ брошюры, изданной Герценомъ. Въ немъ и о васъ, мой святой мужъ, отче Николае, рѣчь идетъ. Бредни этого сумасброда не заслуживаютъ вашего вниманія, устремленнаго въ горнее». «Далѣе,—говоритъ г. Гиляровскій,—предлагается выписка на французскомъ языкѣ всѣхъ мѣстъ изъ брошюры, касающихся Гоголя».

Г. Гиляровскій не комментируетъ этотъ документъ, а онъ, по нашему мнѣнію, очень того заслуживаетъ заслуживаетъ не по имени автора письма, той самой «калужской губернаторши», которой посвящено «святымъ мужемъ, отче Николаемъ» не мало страницъ въ пресловутой «Перепискѣ съ друзьями» и о которой въ романѣ «Отцы и дѣти» Базаровъ говорилъ: «Скверно во рту,—точно писемъ Гоголя къ калужской губернаторшѣ начитался», а по другой причинѣ. Брошюра Герцена, о которой писала Гоголю Смирнова, есть, безъ сомнѣнія, «Du developpement des idées» etc., по поводу которой извѣстный графъ А. Ф. Орловъ сказалъ однажды, при встрѣчѣ съ Чаадаевымъ, такія слова: «Въ книгѣ Герцена изъ живыхъ по имени никто не названъ, кромѣ васъ и Гоголя, потому что, должно быть, *къ вамъ обоимъ ничего прибавить и отъ васъ обоихъ ничего убавить, видно, уже нельзя*». Извѣстно письмо Чаадаева къ Орлову по поводу этихъ словъ, письмо, составляющее темное пятно въ жизни Чаадаева, но у насъ теперь рѣчь не объ этомъ; насъ интересуетъ здѣсь другое обстоятельство: Орловъ считалъ Чаадаева неисправимымъ «либераломъ» и взятіе имъ за одну скобку съ Чаадаевымъ и Гоголя ясно показываетъ, что такого же мнѣнія держался графъ и относительно автора. «Переписки съ друзьями».

Чисто патологическую почву, на которой развилась у Гоголя болѣзнь, старается прослѣдить въ статьѣ «Болѣзнь и смерть Гоголя» г. Баженовъ. Путемъ приложенія своихъ спеціальныхъ познаній въ качествѣ психіатра къ детально изученной имъ біографіи Гоголя, г. Баженовъ характеризуетъ натуру Гоголя, какъ «обладающую геніальною художественною интуиціею, но съ дефектами интеллектуальной и моральной сторонъ и вообще очень выраженною дисгармоніею душевныхъ силъ, способностей и дѣйствій». «Гоголь,—говоритъ г. Баженовъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи,—приблизительно въ теченіе всей второй половины своей жизни страдалъ тою формою душевной болѣзни, которая въ нашей наукѣ носитъ названіе періодическаго психоза, въ формѣ такъ называемой періодической меланхоліи». Статья г. Баженова еще не окончена и по-

Digitized by Google

тому подвести всѣ итоги его заключеній о душевной болѣзни Гоголя мы не можемъ, но намъ представлялось бы очень желательнымъ, чтобы г. Баженовъ принялъ во вниманіе, при окончаніи своей работы (если, конечно, это уже не поздно) статью профессора Кирпичникова «Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій лѣтомъ 1847 года», напечатанную въ изданномъ въ честь Н. И. Стороженко сборникѣ «Подъ знаменемъ науки». На основаніи также тщательнаго изученія біографіи Гоголя, г. Кирпичниковъ пришелъ относительно автора «Переписки съ друзьями» въ эпоху ея появленія въ печати и непосредственно слѣдовавшее за этимъ время къ иному выводу.

Такимъ образомъ, мнѣнія гг. Кирпичникова и Баженова о Гоголѣ расходятся, но намъ кажется, что ближе къ истинѣ послѣдній. Будемъ ждать окончанія интересной статьи г. Баженова.

Въ декабрьской книжкѣ «Вѣстника Воспитанія» помѣщена заслуживающая самаго серьезнаго вниманія нашихъ земствъ и нашей интеллигенціи статья елецкаго предводителя дворянства А. А. Стаховича, подъ заглавіемъ «О борьбѣ земства съ лубочною литературою». Необходимость объединенной дѣятельности нашихъ земствъ для борьбы съ народнымъ невѣжествомъ и другими врагами нашей родины, можно сказать, вопіетъ на каждомъ шагу. Яркую иллюстрацію къ такой необходимости даетъ упомянутая статья г. Стаховича. По матеріаламъ всеобщей переписи 1897 года, грамотные составляютъ въ Россіи отъ $^1/_4$ до $^1/_5$ всего ея населенія. Это въ одно и то же время и очень много, и поразительно мало. Мало потому, что совершенно неграмотныхъ людей, въ Россіи проживаетъ, слѣдовательно, отъ 80 до 90 милліоновъ; много потому, что и цифра грамотныхъ—отъ 30 до 40 милліоновъ человѣкъ, безотносительно говоря, цифра очень почтенная.

Но какою же духовною пищею питается, по крайней мѣрѣ, грамотное населеніе Россіи? Для этой цѣли въ Елецкомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи, не отличающемся по своимъ бытовымъ условіямъ какими-либо рѣзкими отличіями отъ другихъ мѣстностей Великороссіи, производились спеціальныя изслѣдованія. «На вопросы, предложенные гг. учащимъ сельскихъ школъ Елецкаго уѣзда,— говоритъ г. Стаховичъ, — замѣчается ли среди мѣстныхъ жителей охота къ чтенію, въ 1896 — 1897 уч. г. было получено 78% утвердительныхъ отвѣтовъ, а въ 1899 — 1900 г. утвердительные отвѣты составляли 90%». «На вопросы, предложенные тѣмъ же лицамъ въ 1899—1900 г.,—имѣются ли у крестьянъ собственныя книги, послѣдовало 87% утвердительныхъ отвѣтовъ». Но книги, пріобрѣтаемыя крестьянами въ собственность, почти сплошь—лубочныя изданія. «Фактъ, что народъ ежегодно затрачиваетъ на книги и картины приблизительно отъ 800 тысячъ рублей до 1 милліона, покупая, за весьма рѣдкими исключеніями, только лубочныя изданія, ежегодно выпускаемыя въ количествѣ, достигающемъ 4-хъ милліоновъ экземпляровъ (по свѣдѣніямъ, собраннымъ бывшимъ московскимъ комитетомъ грамотности, въ 1892 году издано лубочной литературы 3.929.200 экземпляровъ, причемъ зарегистрированы были еще не всѣ книги), свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, что среди грамотнаго

Digitized by Google

русскаго люда существуетъ большая потребность въ книгахъ, а съ другой — заставляетъ обратить самое серьезное вниманіе на лубочную литературу». И литература эта, распространяясь все болѣе и болѣе,—обороты лубочниковъ постоянно возрастаютъ,—грозитъ залить собою всю деревенскую Русь.

Г. Стаховичъ излагаетъ содержаніе нѣсколькихъ образчиковъ этихъ въ полномъ смыслѣ слова растлѣвающихъ народный разумъ и народную совѣсть «литературныхъ произведеній». «Характеръ ихъ,—говоритъ онъ въ заключеніе,—таковъ, что заставляетъ смотрѣть на лубочную литературу и большинство картинъ, какъ на противниковъ истиннаго просвѣщенія и воспитательнаго вліянія народной школы, а, слѣдовательно, указываетъ и на необходимость борьбы съ ними».

Но какія же имѣются средства для этой борьбы? У насъ существуетъ нѣсколько интеллигентныхъ книгоиздательствъ, но, минуя многія неблагопріятныя обстоятельства, среди которыхъ протекаетъ ихъ дѣятельность, г. Стаховичъ останавливается на относительно дорогой, несмотря на всѣ стремленія къ ея удешевленію, цѣнѣ такихъ изданій. Послѣдняя зависитъ, въ свою очередь, отъ цѣлаго ряда условій, среди которыхъ первое мѣсто занимаетъ почти полная недоступность для частной предпріимчивости возможности создать такую широкую, всероссійскую организацію дѣла, которая, силою вещей, повлекла бы за собою удешевленіе книги. Но недоступное или почти недоступное для частныхъ лицъ становится болѣе возможнымъ, если бы за книгоиздательское дѣло взялись земства. «Вопросъ о земскомъ книгоиздательствѣ, говоритъ г. Стаховичъ, — выдвигаю не я первый,—этотъ вопросъ уже имѣетъ свою исторію. Вятскимъ и черниговскимъ земствомъ дѣлались попытки изданій учебниковъ еще въ 60-хъ годахъ, и въ настоящее время вятское и саратовское земства издаютъ не только учебники, но и нѣкоторыя другія книги. (Вятскимъ—сочиненія Гоголя; Саратовскимъ—сборникъ произведеній Пушкина и Лермонтова). Вопросъ о земскомъ книгоиздательствѣ въ настоящее время настолько назрѣлъ, что нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ непродолжительномъ времени на путь земскаго книгоиздательства вступятъ и другія губернскія земства».

Первымъ и самымъ важнымъ залогомъ успѣшности такого дѣла г. Стаховичъ справедливо считаетъ «солидарность хотя бы нѣсколькихъ губернскихъ земствъ, выражающаяся не только въ томъ, чтобы земства, не издающія книгъ, соглашались покупать въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ размѣрахъ книги, изданныя другими земствами, но и въ томъ, чтобы земства объединились въ самой книгоиздательской дѣятельности, такъ какъ только *при объединеніи* нѣсколькихъ земствъ для книгоиздательской дѣятельности можно въ полной мѣрѣ воспользоваться объединенными многочисленными наблюденіями надъ запросами читателей ихъ народа». Такое объединеніе лучше всего создать, по мнѣнію г. Стаховича, вокругъ одного какого-либо естественнаго центра. Такимъ центромъ г. Стаховичъ считаетъ московское губернское земство, «съ одной стороны потому, что Москва есть естественный центръ книжной торговли вообще и въ такомъ городѣ, какъ Москва, съ меньшими затрудненіями могутъ быть примѣнены къ дѣлу изданія различныя техническія усовершенствованія, а съ

Digitized by Google

другой стороны потому, что московское земство—одно изъ передовыхъ земствъ. Оборотныя средства для книгоиздательства у земствъ, конечно, найдутся безъ особыхъ затрудненій».

Таковъ проектъ г. Стаховича, которому, конечно, нельзя не сочувствовать но для осуществленія котораго требуется наличность одного чрезвычайно важнаго условія. Это условіе—возможность объединенной дѣятельности нашихъ земствъ на благо страны.

Вопросъ о мелкой земской единицѣ подвергнутъ обстоятельному обсужденію г. Мякотинымъ въ январьской книжкѣ «Русскаго Богатства». Авторъ останавливается на высказанныхъ многими земцами опасеніяхъ, какъ бы будущая мелкая земская единица не превратилась въ своеобразный исполнительный органъ при особѣ земскаго начальника, и возражаетъ противъ выраженной нѣкоторыми земцами склонности, чтобы въ самую уже идею организаціи мелкой земской единицы былъ внесенъ, поэтому извѣстный компромиссъ, благодаря которому стало бы возможно болѣе или менѣе самостоятельное сосуществованіе двухъ такихъ трудно совмѣстимыхъ началъ, какъ правомощная земская единица и облеченный судебно-административной властью земскій начальникъ. «Компромиссъ,—говоритъ г. Мякотинъ —имѣетъ извѣстное право на существованіе, когда онъ устанавливается по взаимному соглашенію вступающихъ въ него сторонъ и можетъ войти въ жизнь имено въ томъ видѣ, въ какомъ опредѣлило его это соглашеніе. Но онъ утрачиваетъ всякій смыслъ, когда онъ допускается лишь одною стороною и не влечетъ за собою соотвѣтственнаго вознагражденія отъ другой. Между тѣмъ, въ самыхъ земскихъ собраніяхъ прошлаго года неоднократно дѣлались указанія, что настоящее время представляется очень малоблагопріятнымъ для успѣха исходящихъ отъ земства проектовъ расширенія земской организаціи. Авторы такихъ указаній, несомнѣнно вполнѣ справедливыхъ, шли еще дальше и выражали опасенія, что составленные земствомъ проекты послужатъ поводомъ къ сокращенію существующихъ земскихъ учрежденій въ пользу мелкой земской единицы, которой, къ тому же, будетъ приданъ нежелательный земству видъ. Подобныя опасенія нельзя не назвать чрезмѣрно преувеличенными. Прежде всего, молчаніе земствъ само по себѣ еще не можетъ служить помѣхой какимъ бы то ни было проектамъ, зарождающимся въ иныхъ общественныхъ сферахъ. Съ другой стороны, отсутствіе гарантіи успѣха земскихъ проектовъ не должно, конечно, составлять препятствія къ высказыванію земствомъ своихъ взглядовъ и желаній, такъ какъ знакомство съ ними при всякихъ обстоятельствахъ является равно цѣннымъ для общества и правительства. Но при такихъ условіяхъ, когда не имѣется основаній разсчитывать на немедленное практическое осуществленіе этихъ взглядовъ и желаній и есть даже возможность столкновенія ихъ съ противоположными, нѣтъ и нужды облекать ихъ въ форму компромисса, а желательно, напротивъ, выразить ихъ во всей ихъ опредѣленности и полнотѣ, чтобы тѣмъ самымъ избѣжать всякихъ недоразумѣній».

Соображенія г. Мякотина совершенно вѣрны, но намъ кажется, что ихъ можно было бы продолжить нѣсколько дальше и задать сторонникамъ указанныхъ г. Мя-

Digitized by Google

котинымъ компромиссовъ такіе, напр., вопросы: отчего зависитъ то обстоятельство, что «настоящее время представляется очень малоблагопріятнымъ для успѣха исходящихъ отъ земства проектовъ земской организаціи»? Причинъ на это, разумѣется, много, но не находится ли въ ихъ итогѣ и слишкомъ ужъ ограниченное количественно и качественно число исходящихъ отъ земствъ проектовъ расширенія земскаго самоуправленія? Молчаніе—знакъ согласія, говоритъ пословица. Реформы въ желательномъ для прогрессивныхъ земцевъ смыслѣ никогда не могутъ реализоваться, если и тѣ немногіе «гласные». органы, которые на то и «гласные», чтобы подавать «гласы», будутъ налагать на уста свои печать молчанія или прибѣгать къ компромиссамъ. Голосъ земскихъ людей есть въ значительной степени голосъ страны, совершенно несчитаться съ нимъ невозможно, и путь компромиссовъ въ этомъ дѣлѣ является наименѣе цѣлесообразнымъ. Многіе и многіе земцы, являясь въ принципѣ сторонниками мелкой земской единицы, опасаются возможности сосуществованія ея на практикѣ съ строемъ деревенской жизни, созданной положеніемъ 12-го іюня 1889 года. Но тогда въ своихъ проектахъ организаціи мелкой земской единицы и ходатайствахъ о ея введеніи слѣдуетъ, именно, не только указать на это обстоятельство, но и подчеркнуть его, безъ компромиссовъ, безъ нашего русскаго «съ одной стороны нельзя не сознаться, а съ другой,—нельзя не признаться», а точно, ясно и отчетливо. При такихъ и только при такихъ условіяхъ голосъ земскихъ людей производитъ впечатлѣніе, а пропорціонально этому увеличиваются и шансы на осуществленіе въ жизни ихъ проектовъ. Вотъ что хотѣли бы добавить мы къ совершенно правильнымъ взглядамъ на данный вопросъ г. Мякотина.

Въ той же книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщена интересная статья г. Кирьякова «Съѣздъ учителей земскихъ школъ Московскаго уѣзднаго земства». Сверхъ весьма обстоятельнаго описанія картины происходившаго въ Москвѣ съ 17-го по 25-е августа прошлаго года съѣзда учителей земскихъ школъ Московскаго уѣзда,—«перваго учительскаго съѣзда не только Московской губерніи, но и всей Россіи, послѣ пятнадцатилѣтняго перерыва», — авторъ останавливается довольно подробно на любопытныхъ перипетіяхъ, которымъ подвергался у насъ вопросъ объ учительскихъ съѣздахъ въ недавнемъ прошломъ. Минуя различныя, относящіяся сюда, интересныя детали, мы остановимся на сообщеніи г. Кирьякова о докладѣ учительницы В. А. Соколовой на тему «О правахъ и обязанностяхъ преподающихъ въ народныхъ училищахъ по существующимъ законоположеніямъ». О «правахъ» говорить много г-жѣ Соколовой не пришлось, ибо такія «права», какъ возможность получить за свыше чѣмъ десятилѣтнюю непрерывную службу, по представленію начальства, серебряную медаль «за усердіе» или присвоеніе званія личнаго почетнаго гражданина, едва ли могутъ возбуждать особенно сильныя эмоціи. Вотъ «обязанности»,—это другое дѣло. «Масса обязанностей,—говорилось въ докладѣ,—лежитъ на современномъ народномъ учителѣ. Отъ него требуется, кромѣ воспитанія дѣтей въ строго опредѣленномъ направленіи, обученіе ихъ, прежде всего, предметамъ школьнаго курса

Digitized by Google

и затѣмъ церковному пѣнію, гимнастикѣ, рукодѣлію, ручному труду, ремесламъ—переплетному, столярному, токарному и т. д., раціональному огородничеству, земледѣлію, садоводству, пчеловодству, шелководству, куроводству и т. д., и т. д. Это въ будни. Въ праздники — онъ обязанъ съ учениками посѣщать церковь, гдѣ или просто самъ поетъ на крилосѣ, или управляетъ хоромъ. Въ нравственномъ отношеніи онъ долженъ служить «примѣромъ» для населенія, т.-е. онъ не долженъ, прежде всего, «пить, курить и любить», долженъ быть снисходителенъ къ дѣтямъ, ласковъ со всѣми и почтителенъ къ начальству. Начальства же у него, даже ближайшаго, тьма—директоръ, инспекторъ, предсѣдатель и члены училищнаго совѣта, лица, приглашенныя по 41 ст., члены городской или земской управы, земскіе начальники, мѣстные землевладѣльцы, законоучитель и попечитель школы, волостной старшина, сельскій староста, даже исправники, становые и урядники. Все это многочисленное начальство требуетъ отъ учителя или подчиненія, или почтенія и уваженія и слѣдитъ за нимъ въ сотни глазъ—и за его работой, и за его поведеніемъ, контролируетъ и направляетъ его педагогическія, религіозныя и политическія убѣжденія».

Чтобы доказать, что въ словахъ г-жи Соколовой нѣтъ ни преувеличенія, ни даже простого сгущенія красокъ, г. Кирьяковъ рекомендуетъ читателю припомнить «инструктивные» труды г. г. Яблочковыхъ, Тарновскихъ и другихъ оффиціальныхъ руководителей народныхъ учителей. Припомнить, это дѣйствительно, слѣдуетъ. Вѣдь, эти господа, справедливо говоритъ г. Кирьяковъ,—«составили цѣлый новый спеціально учительскій «Домострой», въ которомъ было предусмотрѣно положительно все, до мелочей, въ учительской жизни... Благодѣтели эти разсказываютъ въ своихъ книгахъ, какая жена нужна народному учителю, на что она ему нужна и какъ ему обходиться съ нею и съ своими дѣтьми, если «Богъ его благословитъ ими». Но и послѣ такихъ подробныхъ наставленій относительно женитьбы г. г. Яблочковы и Тарновскіе все же не довѣряютъ учителю (а ну, да какъ онъ, пожалуй, выберетъ себѣ такую, какая ему не «благоприличествуетъ») и обязываютъ его свой выборъ «повергать» на ихъ утвержденіе». И да всѣ свои благодѣянія гг. Яблочковы и Тарновскіе предписываютъ народному учителю только одно... почитать начальство... Почитать начальство при этомъ предписывается не какъ-нибудь, а сообразуясь съ рангомъ каждаго. Батюшкѣ, напр., слѣдуетъ «цѣловать руку, прислуживать и не надоѣдать; попечителя поздравлять съ праздникомъ и посѣщать, если онъ изъ «сѣрыхъ», а если онъ «бѣлой кости», т.-е. изъ дворянъ, то «оказывать ему всевозможное почтеніе и услуги, поздравлять съ праздникомъ, но въ передней...» Инспектору, когда онъ пріѣдетъ съ ревизіей, должно «изготовить чистую постель и обѣдъ изъ самой лучшей провизіи, какая имѣется въ домѣ».

И за все это вознагражденіе... но это предметъ слишкомъ извѣстенъ, чтобы на немъ останавливаться.

Digitized by Google

За границей.

Германская общественная жизнь. Чрезвычайно симпатичное учрежденіе находится въ Берлинѣ въ Брюкенштрассе. На домѣ подъ № 8 виднѣется доска съ надписью: «Arbeiterinnenheim; geöffnet von 12 bis 2 Uhr und von 6 bis 10 Uhr.» (Пріютъ для работницъ; открытъ съ 12 до 2-хъ часовъ и съ 6 до 10). Годъ тому назадъ пріютъ этотъ помѣщался въ подвальномъ этажѣ и мало кому былъ извѣстенъ, такъ какъ волей-неволей долженъ быть ограничивать свою дѣятельность весьма узкими рамками. Но теперь времена измѣнились, съ октября прошлаго года пріютъ занимаетъ хорошее просторное помѣщеніе и привлекаетъ много посѣтительницъ; посѣтители же не допускаются, за исключеніемъ особенныхъ случаевъ. Посѣтительницы пріюта большею частью фабричныя работницы, бездомныя дѣвушки и женщины, которымъ пріютъ даетъ убѣжище, замѣняя имъ собственный уголъ, котораго онѣ лишены. Большинство этихъ дѣвушекъ и женщинъ ютилось раньше въ ночлежныхъ домахъ, не имѣя возможности платить за квартиру, и для такихъ несчастныхъ пріютъ является истиннымъ благодѣяніемъ, такъ какъ тамъ за самую умѣренную плату онѣ имѣютъ чистое хорошее помѣщеніе и хотя и скромный, но необходимый домашній комфортъ и хорошую пищу, обѣдъ, завтракъ, бутерброды, кофе, чай, какао и т. п. Пріютъ не есть благотворительное учрежденіе и такъ какъ съ посѣтительницъ взимается плата, то онѣ не чувствуютъ себя въ положеніи лицъ, которымъ благотворятъ. Если работница можетъ заплатить за обѣдъ, то она обѣдаетъ, если нѣтъ она покупаетъ себѣ бутербродъ, кофе или какао—однимъ словомъ, каждая расходуетъ лишь столько, сколько можетъ и, кромѣ того, не чувствуетъ надъ собою никакой опеки, потому что посѣтительницы пріюта пользуются полною свободой, онѣ могутъ приходить, уходить, требовать для себя въ буфетѣ пріюта то, что имъ нужно или совсѣмъ не брать ничего оттуда, пользуясь только ночлегомъ — однимъ словомъ, никто и ни въ чемъ ихъ не стѣсняетъ, лишь бы онѣ не нарушали спокойствія и вели себя прилично. Къ услугамъ посѣтительницъ находится небольшая библіотека, гдѣ получаются газеты и журналы, и свѣтлая удобная пріемная, гдѣ онѣ могутъ заниматься взятою на домъ ручною работой. Въ личную жизнь работницъ никто не вмѣшивается, но руководительницы этимъ учрежденіемъ всегда стараются вступить въ болѣе тѣсное общеніе со своими посѣтительницами, снискать ихъ довѣріе и заинтересовать ихъ въ дѣлахъ пріюта, такъ что нѣкоторыя изъ посѣтительницъ становятся настоящими помощницами учредительницъ. Кромѣ того, вступивъ въ болѣе близкія отношенія съ посѣтительницами пріюта, распорядительницы получаютъ возможность оказать имъ поддержку и помощь въ нѣкоторыя критическія минуты. Къ сожалѣнію составъ посѣтительницъ мѣняется очень часто; непрочность заработка заставляетъ ихъ перекочевывать изъ одного конца города въ другой, и тогда посѣщеніе пріюта волей-неволей прекращается и прерывается связь, установившаяся между ними и руководительницами этого учрежденія.

Въ этомъ году пріютъ расширилъ свою дѣятельность, и такъ какъ помѣ-

Digitized by Google

щеніе достаточно просторно для этого, то въ пріютѣ устраивались зимой увеселительные вечера, спектакли и небольшіе концерты. Подъ руководствомъ учительницы пѣнія, организованъ былъ очень недурный хоръ. Нѣсколько разъ въ теченіе зимы устраивались въ залѣ пріюта публичныя лекціи по разнымъ научнымъ и соціальнымъ вопросамъ. Плата, взимаемая съ посѣтительницъ, до сихъ поръ была достаточна для покрытія расходовъ пріюта и только лица, занимающіяся въ этомъ пріютѣ, большею частью работаютъ даромъ, ради прекрасной идеи этого учрежденія.

Въ германскомъ обществѣ и печати продолжается ожесточенная полемика противъ таможенныхъ проектовъ правительства. Курьезнѣе всего, что въ коммиссіи рейхстага, занимающейся обсужденіемъ этого законопроекта, представители правительства, вслѣдствіе чрезмѣрности аграрныхъ требованій, постоянно оказываются на сторонѣ оппозиціи. Судьба таможеннаго законопроекта все еще не выяснилась и попрежнему служитъ предметомъ публичныхъ обсужденій, лекцій, докладовъ и статей. На послѣднемъ засѣданіи соціальнополитическаго союза трое лицъ говорили рѣчи о торговополитическомъ положеніи Германіи: профессоръ Лотцъ, Шумахеръ, начальникъ высшей коммерческой школы въ Кельнѣ и Поле, профессоръ франкфуртской академіи соціальныхъ и торговыхъ наукъ. Лотцъ говорилъ противъ новой торговой политики правительства, а Шумахеръ и Поле за нее. Это вызвало новую полемику, именно потому, что Поле и Шумахеръ находятся въ коммерческихъ институтахъ, а между тѣмъ, защищаютъ «вредный для торговли таможенный законопроектъ». Эта борьба двухъ теченій кладетъ свой отпечатокъ на всю общественную и политическую жизнь Германіи въ данный моментъ. Только недавно шумъ, произведенный газетою «Vorwärts», опубликовавшей тайный документъ, касающійся проектируемаго увеличенія германскаго флота, отодвинулъ на время на задній планъ таможенный законопроектъ. «Vorwärts» и на этотъ разъ оправдалъ свою репутацію разгласителя правительственныхъ тайнъ. Если въ этой, всегда прекрасно освѣдомленной газетѣ, появляется какое-нибудь свѣдѣніе или печатается какой-нибудь тайный документъ, то никому не приходитъ въ голову сомнѣваться въ его подлинности. Въ Германіи даже въ шутку говорятъ, что существуютъ два оффиціозныхъ органа «Norddeutsche Allg. Zeit.» и «Vorwärts», такъ какъ сообщенія, появляющіяся въ той или другой, всегда почерпнуты изъ правительственныхъ источниковъ.

Скандалъ, который произвелъ «Vorwärts» своими новыми разоблаченіями былъ очень великъ, такъ какъ газета доказала, какъ дважды два четыре, что рейхстагъ, вотировавшій законопроектъ объ увеличеніи флота, былъ *намѣренно* введенъ въ обманъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ опубликованной «Vorwärts'омъ» скромной запискѣ морского министра заключались, между прочимъ, слѣдующія строки: «Пришлось временно оставить безъ вниманія при разсчетахъ соотвѣтствующее увеличивающемуся количеству судовъ наростаніе расходовъ на ихъ содержаніе, такъ какъ тогда получились бы такія высокія цифры постоянныхъ расходовъ, что осуществленіе законопроекта оказалось бы невозможнымъ безъ новыхъ на-

Digitized by Google

логовъ, *а это сдѣлало бы его проведеніе въ рейхстагѣ крайне затруднительнымъ*».

Кажется, смыслъ этихъ строкъ былъ вполнѣ ясенъ, но министръ Тирпицъ, отвѣчавшій на запросъ, сдѣланный по этому поводу въ рейхстагѣ, всячески пытался доказывать, что печать, поднявшая шумъ, не поняла этого мѣста, такъ какъ оно «можетъ быть понято только спеціалистами», людьми, посвященными въ тайны военнаго и морского вѣдомства и т. д., и т. д. Но объясненія Тирпица ничего не разъяснили и припертый къ стѣнѣ Бебелемъ, который въ страстной и блестящей рѣчи разбилъ его въ пухъ и прахъ, Тирпицъ искалъ спасенія въ обвиненіи «Vorwärts'a» въ пользованіи украденнымъ документомъ. Это былъ маневръ, посредствомъ котораго Тирпицъ хотѣлъ перенести пренія на другую почву и это ему удалось, такъ что совершенно неожиданно, не министру, а Бебелю и его партіи пришлось защищаться отъ нападокъ. Бебель вынужденъ былъ, наконецъ, выступить съ горячей отповѣдью въ защиту чести своей партіи: «Я заявляю,—сказалъ онъ,—что мы не заплатили ни гроша за опубликованные документы. Мы рѣшительно никого не подстрекали доставлять ихъ и не знаемъ откуда они получаются. Министръ требуетъ, чтобы я назвалъ имя прислававшаго. На это я отвѣчу: я бы не назвалъ его имя, даже если бы зналъ его, такъ какъ это дѣло чести, но я не знаю его. Въ редакціи «Vorwärts» тоже его не знаютъ. У насъ нѣтъ въ распоряженіи никакихъ секретныхъ фондовъ, посредствомъ которыхъ мы могли бы подстрекать людей къ злоупотребленію довѣріемъ...»

Послѣ Бебеля такъ же страстно и убѣдительно говорилъ Евгеній Рихтеръ, доказывавшій, что Тирпицъ уже не въ первый разъ относится къ рейхстагу не вполнѣ добросовѣстно. Положеніе Тирпица во время этихъ рѣчей было не завидное. Вообще не очень находчивый, онъ тутъ окончательно растерялся и или просто молчалъ, оставляя обращенные къ нему вопросы безъ отвѣта, или ограничивался формальными возраженіями. Дѣло могло бы кончиться большимъ скандаломъ, если бы Тирпица великодушно не взяли подъ свою защиту другіе ораторы, доказывавшіе, что объ обманѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи и т. д. На первый взглядъ эти усилія обличить Тирпица кажутся странными, но если вспомнить, что всѣ эти партіи вотировали въ пользу увеличенія флота, то дѣло становится понятнымъ. Въ самомъ дѣлѣ не очень-то пріятно считать себя обманутымъ, и въ особенности непріятно сознаваться въ этомъ парламентскимъ партіямъ, претендующимъ на дальновидность своей политики. Во всякомъ случаѣ это спасло Тирпица и только благодаря этому, конечно, всѣ партіи, за исключеніемъ партіи Рихтера и Бебеля, подали голосъ за Тирпица при вотированіи министерскаго доклада.

Американская фабрика-клубъ. Нью-іоркская конференція мира. Театры и щедрость американцевъ. На послѣдней всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ американскомъ отдѣлѣ обращали на себя вниманіе фотографическіе снимки нѣкоторыхъ американскихъ фабрикъ, указывающія тѣ реформы, которыя вводятся въ Америкѣ въ области фабричнаго труда, чтобы сдѣлать этотъ трудъ

Digitized by Google

болѣе веселымъ и пріятнымъ. Къ числу фабрикантовъ, стоящихъ во главѣ этого движенія, находится нѣкто Феррисъ, владѣлецъ громадной корсетной фабрики въ Нью-Іоркѣ. Онъ потратилъ много усилій на то, чтобы придать красоту фабричному зданію. Фасадъ этого зданія обвитъ плющемъ, совершенно закрывающимъ кирпичную кладку, а листья обрамляютъ окна, какъ въ какомъ-нибудь коттеджѣ. Внутри фабрики все выкрашено бѣлою краскою. Зданіе имѣетъ крестообразную форму, и, поэтому, залы, занимающія ширину и длину каждаго крыла, получаютъ свѣтъ съ трехъ сторонъ. Бѣлыя занавѣски у оконъ придаютъ залаиъ болѣе уютный видъ и смягчаютъ свѣтъ, такъ что мастерскія устроенныя въ этихъ залахъ, ничего не имѣютъ общаго съ грязными и темными помѣщеніями, въ которыхъ обыкновенно рабочимъ приходится проводить все свое время.

Вообще за послѣдніе годы въ Соединенныхъ Штатахъ обнаруживается серьезное движеніе въ пользу улучшенія не только домашняго быта рабочихъ но и ихъ положенія на фабрикѣ. «Надо придать фабрикѣ болѣе привлекательную наружность. Съ тѣхъ поръ, какъ рабочій пересталъ работать у себя на дому, фабрика превратилась въ его промышленный домъ (industrial home), надо, слѣдовательно, сдѣлать его болѣе пріятнымъ для рабочаго» говорятъ вожаки движенія». И дѣйствительно въ этомъ отношеніи, т.-е. въ отношеніи украшенія фабрикъ, въ Америкѣ, какъ всегда, возникло настоящее состязаніе. Одна огромная типографія въ Нью-Іоркѣ выкрасила въ бѣлую краску всѣ свои типографскія машины, которыя рабочіе прозвали «бѣлымъ эскадрономъ». На извѣстной фабрикѣ консервовъ Гейнце стекла оконъ разрисованы и на нихъ красуются разные девизы и виды фабрики, такъ что мастерскія декорированы словно залы для какого-нибудь празднества.

Тамъ, гдѣ художественныя украшенія считаются не у мѣста, принимаются другія мѣры, чтобы сдѣлать пребываніе рабочаго на фабрикѣ болѣе сноснымъ. Конечно, первое мѣсто принадлежитъ въ данномъ случаѣ гигіеническимъ мѣропріятіямъ, имѣющимъ цѣлью сохраненіе здоровья рабочаго. Въ одной изъ большихъ кузнечныхъ мастерскихъ въ Бруклинѣ устроены особыя приспособленія для предотвращенія пыли и, кромѣ того, при мастерской находятся туалетныя комнаты для рабочихъ, гдѣ устроены души, для того, чтобы онѣ могли хорошенько вымыться послѣ своей грязной работы. Затѣмъ тутъ же помѣщается бассейнъ съ проточною водой, гдѣ рабочій полощетъ свою одежду, которую онъ затѣмъ, при помощи механическаго пресса, выжимаетъ въ одинъ мигъ и кладетъ въ паровую сушильню. На другой день онъ можетъ переодѣться въ сухую и чистую одежду, уходя съ фабрики и оставить ту, которая была на немъ, прополаскавъ ее и положивъ въ сушильню. Во многихъ фабрикахъ уже введены бани для рабочихъ, и каждый рабочій имѣетъ право пользоваться ими даромъ разъ въ недѣлю. Нѣкоторыя фабрики даже соперничаютъ между собой относительно лучшаго устройства ваннъ и т. п. Кромѣ того, большинство большихъ заводовъ устроило столовыя для рабочихъ, гдѣ въ полдень они получаютъ горячій завтракъ. «Хорошо накормленныя работницы гораздо лучше работаютъ,» сказалъ директоръ одного большого промышленнаго заведенія, въ ко-

Digitized by Google

торомъ работали женщины, французскому журналисту, осматривавшему мастерскія и столовую.—«Я трачу по четыре съ половиною су на завтракъ на каждую работницу, но онѣ съ избыткомъ вознаграждаютъ меня за это своею работой».

Въ настоящее время можно сказать безъ преувеличенія что, сколько существуетъ фабрикъ въ Соединенныхъ Штатахъ, столько существуетъ и различныхъ плановъ, направленныхъ къ улучшенію фабричнаго быта рабочихъ. Американскіе фабриканты обнаруживаютъ большую заботливость о здоровьи своихъ рабочихъ и въ этомъ отношеніи существуетъ между нимъ весьма похвальное соревнованіе. При многихъ заводахъ устроены клубы для рабочихъ. На упомянутой раньше фабрикѣ консервовъ Гейнце устроены на крышѣ висячіе сады, а надъ мастерскими помѣщается зала на 2.500 человѣкъ, въ которой устраиваются празднества для рабочихъ, концерты и конференціи. На фабрикѣ въ Бриджпортѣ для клуба рабочихъ устроено отдѣльное зданіе на берегу, между Нью-Іоркомъ и Ньюпортомъ, которое почему-то прозвали «дворцомъ американскихъ удовольствій». И дѣйствительно, это настоящій дворецъ, выстроенный фабрикантомъ. Огромная внушительная прихожая сообщается съ одной стороны съ концертною залой и пріемной, съ другой—съ библіотекой. Кромѣ того, въ этомъ же зданіи находится танцовальный и театральный залъ, ресторанъ, профессіональные классы и свободные курсы разныхъ наукъ.

Но не вездѣ, разумѣется, строются такіе дворцы для клуба рабочихъ. Компанія конно-желѣзныхъ дорогъ устроила клубы въ депо, гдѣ кондуктора организуютъ иногда театральныя представленія, для чего они соорудили небольшую сцену. Во многихъ фабрикахъ клубъ существуетъ пока еще только въ зародышѣ, въ формѣ рекреаціонной залы, гдѣ въ полдень собираются рабочіе и работницы, читаютъ, играютъ въ игры, а иногда занимаются пѣніемъ и музыкой.

Самымъ типичнымъ фабричнымъ клубомъ слѣдуетъ считать тотъ, который существуетъ при одномъ заводѣ въ Orio (National Cosh Bhegister Company) и представляетъ федерацію тридцати различныхъ обществъ, гимнастическихъ, литературныхъ, педагогическихъ, соціальныхъ и религіозныхъ, члены которыхъ всѣ находятся подъ одною крышей. Тамъ устроены классы для всѣхъ возрастовъ, ясли куда работницы помѣщаютъ своихъ дѣтей, когда отправляются на работу. Для лекцій, которыя читаются взрослымъ фабрика заготовила 5.000 картинъ для волшебнаго фонаря по всѣмъ отраслямъ науки и искусства.

Американцы установили теперь новый тезисъ: великодушіе патроновъ, говорятъ они, приноситъ выгоды имъ же самимъ, значитъ «филантропія вознаграждаетъ». Одинъ изъ послѣдователей этого любопытнаго движенія въ Америкѣ говоритъ: «Въ современной промышленности существуетъ два періода: въ первомъ періодѣ всѣ усилія были направлены къ усовершенствованію машинъ, во второмъ—къ усовершенствованію живого орудія производства, т.-е. рабочаго... Поэтому, теперь американскіе заводчики съ такимъ же удовольствіемъ распространяются о соціальномъ прогрессѣ, достигнутомъ ими на своей фабрикѣ, какъ и о своихъ техническихъ усовершенствованіяхъ. Они гордятся первымъ столько же, какъ и послѣдними.

Digitized by Google

Желая заинтересовать рабочихъ въ усовершенствованіи производства, многіе фабриканты учредили преміи для мужчинъ, женщинъ и дѣтей за полезную идею какой-нибудь реформы въ производствѣ или усовершенствованіе способа. Кромѣ того, на нѣкоторыхъ фабрикахъ устраиваются ежемѣсячно совѣщанія съ рабочими, касающіеся различныхъ нововведеній и дѣлъ фабрики. Вообще въ Америкѣ стремятся къ тому, чтобы установить болѣе нормальныхъ отношеній между трудомъ и капиталомъ, на это указываетъ, между прочимъ, и «конференція мира», состоявшаяся недавно въ Нью-Іоркѣ, въ которой участвовали всѣ выдающіеся американскіе магнаты «трѣстовъ», вожди рабочихъ и люди нейтральнаго образа мыслей. Конференція эта имѣла цѣлью урегулировать отношенія между рабочими и работодателями и послѣ непродолжительныхъ преній единогласно вотировала учрежденіе постоянной комиссіи, которая состояла бы изъ равнаго количества капиталистовъ, рабочихъ и нейтральныхъ людей, пользующихся личнымъ авторитетомъ и поддержкою общественнаго мнѣнія и могла бы служить, такимъ образомъ, высшею инстанціей для рѣшенія различныхъ вопросовъ, грозящихъ нарушить спокойствіе промышленнаго міра, однимъ словомъ, эта комиссія будетъ представлять родъ третейскаго суда для рѣшенія всякаго рода конфликтовъ, возникающихъ между капиталомъ и трудомъ и служить во всѣхъ случаяхъ посредникомъ между рабочими и работодателями. Число членовъ комиссіи 36; по 12 каждой категоріи и въ числѣ ихъ находятся слѣдующіе люди: бывшій президентъ Кливилэндъ, милліонеръ Рокфеллеръ, архіепископъ Айрлэндъ, епископъ Поттеръ и президентъ гарвардскаго университета Эліотъ. Предсѣдателемъ комиссіи единогласно избранъ сенаторъ Ганна.

Разумѣется, было бы слишкомъ поспѣшно выводить отсюда заключеніе, что въ Америкѣ должна теперь наступить эра промышленнаго мира, но, во всякомъ случаѣ, учрежденіе этой комиссіи составляетъ большой шагъ впередъ, и въ виду того, что въ Америкѣ, дѣйствительно, обнаруживается теперь серьезное движеніе, имѣющее цѣлью урегулированіе отношеній труда и капитала, можно надѣяться все-таки, что комиссія эта приведетъ къ такимъ результатамъ, которые будутъ поучительны и для Европы.

Въ Нью-Іоркѣ ежегодно строится новый театръ. Такъ какъ ежегодный приростъ населенія составляетъ 200.000, то, разумѣется, соотвѣтственно возрастаетъ и потребность въ увеличеніи количества увеселительныхъ заведеній, подобныхъ театрамъ. Нью-Іоркъ въ этомъ отношеніи занимаетъ первое мѣсто, такъ какъ число театровъ въ этомъ городѣ постоянно увеличивается. Всѣ театры представляютъ частныя учрежденія, и, конечно, директора театровъ изо всѣхъ силъ стараются угодить вкусамъ публики, которые нельзя назвать особенно утонченными. Недавно въ Нью-Іоркѣ происходилъ митингъ директоровъ театровъ, недовольныхъ новымъ распоряженіемъ нью-іоркскаго муниципалитета, запретившаго стоять въ театрѣ, такъ какъ обыкновенно часть публики не занимала никакихъ мѣстъ и стояла. Оказывается, что, именно, эта стоячая публика и приносила главный доходъ театрамъ, такъ какъ директора объявили, что послѣ новаго распоряженія муниципалитета ихъ всѣхъ ожидаетъ дефицитъ въ

Digitized by Google

нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ. Стоячая публика съ своей стороны протестовала противъ такого распоряженія, и этотъ вопросъ дебютировался уже на нѣсколькихъ митингахъ, такъ что весьма возможно, что нью-іоркскій муниципалитетъ вынужденъ будетъ уступить давленію директоровъ и общественнаго мнѣнія и отмѣнить свое распоряженіе.

Американскія газеты печатаютъ любопытную статистику американской щедрости за прошлый годъ. Оказывается что сумма пожертвованій разныхъ частныхъ лицъ за 1901 годъ на разныя общественныя и благотворительныя цѣли достигаетъ 107.360.000 долларовъ. Во главѣ этого списка, разумѣется стоитъ Эндрью Карнеджи, пожертвовавшій 31 милліонъ долларовъ, причемъ половина этой суммы пошла на учрежденіе библіотекъ. Въ Америкѣ почти не найдется сколько-нибудь значительнаго города, гдѣ бы не было библіотеки имени Карнеджи.

За Карнеджи въ спискѣ стоитъ г-жа Леландъ Станфордъ вдова калифорнійскаго милліонера, пожертвовавшая въ одинъ годъ около тридцати милліоновъ университету, носящему имя ея мужа. Теперь Станфордскій университетъ считается самымъ богатымъ во всемъ мірѣ. Послѣ этихъ крупныхъ жертвователей идутъ мелкіе, жертвовавшіе отъ трехъ до четырехъ милліоновъ и т. д.

Характернымъ симптомомъ для пожертвованій прошлаго года является то, что на этотъ разъ церковь получила гораздо меньше, чѣмъ прежде. Лѣтъ 25 тому назадъ каждый милліонеръ прежде всего считалъ своимъ долгомъ жертвовать въ пользу какой-нибудь религіозной общины. Но съ каждымъ годомъ щедрость американскихъ богачей уменьшалась въ этомъ направленіи, но зато возрастала въ другомъ.

Конференція, клубы и митинги въ Англіи. Въ прошломъ мѣсяцѣ происходило нѣсколько женскихъ митинговъ въ Лондонѣ. Особенное вниманіе печати возбудили два изъ нихъ: годичное собраніе національнаго союза работницъ Англіи и Ирландіи и митингъ центральнаго общества въ пользу избирательныхъ правъ женщины. На послѣднемъ присутствовали и мужчины, хотя ихъ было не такъ много. Предсѣдательница этого митинга, леди Франсисъ Бальфуръ, сказала, что хотя, къ сожалѣнію, южноафриканская война отодвинула на задній планъ въ Англіи всѣ домашнія дѣла, сосредоточивъ интересъ общества на вопросахъ войны, но, тѣмъ не менѣе, движеніе въ пользу избирательныхъ правъ женщинъ продолжало развиваться. Надо надѣяться, — прибавила она, — что въ царствованіе короля Эдуарда вопросъ этотъ разрѣшится.

Ораторы мужчины, говорившіе на этомъ митингѣ, подтверждали то, что женщины, участвующія въ разныхъ выборныхъ собраніяхъ, вполнѣ доказали свою способность къ выполненію такихъ обязанностей, которыя въ прежнія времена входили исключительно только въ кругъ дѣятельности мужчины. Въ числѣ ораторовъ находился и пасторъ Уэнсфильдъ, очень краснорѣчиво говорившій въ пользу полнаго равноправія женщины въ политическомъ и граждан-

Digitized by Google

скомъ отношеніи. Въ такомъ же духѣ была вотирована и резолюція на этомъ митингѣ.

На годичномъ собраніи союза работницъ мужчины не присутствовали Открывая собраніе, предсѣдательница сказала, что цѣль союза заключается въ повышеніи соціальнаго, гражданскаго, религіознаго и нравственнаго благосостоянія работницъ. Для этого союзъ старается собирать и распространять всѣ свѣдѣнія, которыя могутъ быть полезны женщинамъ и помогаетъ имъ образовывать организаціи, которыя должны служить имъ оплотомъ въ случаяхъ столкновеній и недоразумѣній. Національный союзъ представляетъ федерацію, въ составъ которой входятъ всѣ отдѣльныя организаціи. Союзъ имѣетъ свои отдѣленія въ различныхъ фабричныхъ центрахъ, и дѣятельность его весьма разнообразна. Въ Манчестерѣ прошлогодняя дѣятельность была, главнымъ образомъ направлена на улучшеніе помѣщенія работницъ и другихъ условій ихъ жизни Очень оживленныя пренія возбудилъ вопросъ объ участіи женщинъ въ школьныхъ и фабричныхъ совѣтахъ и ихъ дѣятельность въ обществахъ трезвости. Одна изъ ораторшъ въ особенности вызвала горячіе дебаты своимъ сообщеніемъ, что пьянство среди женщинъ сильно возрастаетъ. Она подкрѣпила это сообщеніе статистическими цифрами и докончила свою рѣчь обращеніемъ ко всѣмъ ассоціаціямъ работницъ, чтобы они приложили свои усилія къ пресѣченію этого страшнаго зла, угрожающаго подорвать силы и здоровье націи.

Собраніе разошлось, вотировавъ нѣсколько резолюцій, выражающихъ различныя желанія союза и касающіяся расширенія его дѣятельности.

Одновременно съ этимъ собраніемъ происходилъ въ Манчестерѣ годичный митингъ женщинъ трэдъ-юніонистокъ, на которомъ были констатированы успѣхи этого движенія среди работницъ. Женскіе трэдъ-юніоны распространились теперь по всей странѣ, и общее число женщинъ, принадлежащихъ къ этимъ союзамъ, доходитъ теперь до 160.000.

Въ Лондонѣ уже съ 1888 года существуетъ клубъ мальчиковъ, пользующійся большою популярностью среди населенія квартала. Члены клуба—мальчики, только что вступающіе на путь промышленной жизни. Старшіе члены, уже болѣе взрослые, служатъ руководителями младшихъ въ этомъ клубѣ, куда мальчики собираются въ свои свободные часы для совмѣстнаго времяпрепровожденія. Только администрація клуба состоитъ изъ совершенно взрослыхъ людей, которыя, впрочемъ, не вмѣшиваются во внутреннюю жизнь клуба, предоставляя въ этомъ отношеніи его членамъ полную свободу. Всевозможныя игры процвѣтаютъ въ клубѣ, въ особенности тѣ, которыя способствуютъ развитію физическихъ силъ, даже «боксъ» пользуется правомъ гражданства въ этомъ клубѣ и для занятія этимъ искусствомъ отведена отдѣльная комната, гдѣ мальчики могутъ упражняться подъ руководствомъ опытнаго боксера. Какъ во всѣхъ подобныхъ учрежденіяхъ, при клубѣ есть ресторанъ для мальчиковъ, гдѣ они за ничтожную плату получаютъ чай, кофе и т. д. Конечно, есть и читальня, и очень недурная библіотека, которая всегда бываетъ полна посѣтителями. Учредители этого клуба, имѣя въ виду создать для мальчиковъ такой центръ, гдѣ бы они могли сходиться вмѣстѣ, хотѣли избавить ихъ отъ вреднаго вліянія

Digitized by Google

разныхъ заведеній и кабаковъ, куда они шли волей-неволей, иногда вслѣдъ за родителями. Въ этомъ отношеніи эта цѣль клуба достигнута.

Исторія одного американскаго репортера. Однимъ изъ наиболѣе извѣстныхъ въ Соединенныхъ Штатахъ журналистовъ-репортеровъ, Джекобъ Рюсъ, другъ нынѣшняго президента Рузевельта, опубликовавъ свою автобіографію, подъ курьезнымъ заглавіемъ: «Making an American», въ которой онъ разсказываетъ исторію своей жизни. Этотъ типичный американецъ оказывается по происхожденію датчаниномъ, что дало поводъ къ шутливому замѣчанію, что «для того, чтобы сдѣлаться типичнымъ американцемъ, надо родиться въ Европѣ». Рюсъ покинулъ свою родину въ 1870 г., послѣ ссоры съ отцомъ, который непремѣнно хотѣлъ, чтобы онъ сдѣлался школьнымъ учителемъ. Рюсъ не чувствовалъ къ этому дѣлу никакого призванія и, выучившись плотничьему ремеслу, отправился въ Копенгагенъ искать счастья. Но тамъ ему не повезло и онъ уѣхалъ въ Нью-Іоркъ.

Въ Америкѣ ему пришлось вести жизнь полную приключеній. Случайно онъ, въ поискахъ за работой, попалъ въ рудники. Рабочіе, узнавъ, что между ними есть «датчанинъ», сбѣжались смотрѣть на него, такъ какъ все это были по преимуществу валлійцы, а валлійскія народныя легенды рисуютъ датчанъ людьми гигантскаго роста. При видѣ Рюса, который нисколько не выдавался своимъ ростомъ, они сдѣлали презрительную физіономію и объявили, что Рюсъ обманщикъ, что онъ не можетъ быть датчаниномъ, а только выдаетъ себя за такового. Рюсъ, однако, даже не имѣлъ времени разубѣждать ихъ, такъ какъ не остался работать въ рудникахъ; ремесло рудокопа пришлось ему не по вкусу и онъ пошелъ бродить по міру. Онъ странствовалъ наудачу, ночуя въ сараяхъ и гдѣ попало. Однажды во время грозы онъ забрался въ сарай, стоявшій въ полѣ и вдругъ, когда блеснула молнія, увидалъ передъ собою какую-то бѣлую голову, точно голову призрака, но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ все погрузилось въ мракъ и чей-то голосъ проговорилъ: «Кто тутъ?» Оказалось, что другой, такой же бездомный бродяга, какъ и Рюсъ, забрался въ сарай, спасаясь отъ грозы.

Годъ такой жизни, конечно, привелъ Рюса въ ужасное состояніе: худой и въ лохмотьяхъ, онъ ничѣмъ не отличался отъ профессіональныхъ бродягъ. У него были рекомендательныя письма, но онъ изъ гордости не хотѣлъ ими воспользоваться и даже сжегъ ихъ, чтобъ не имѣть соблазна. Но за этотъ періодъ бродяжнической жизни въ немъ проснулось его призваніе. Онъ рѣшилъ вступить на поприще журналистики и сдѣлаться репортеромъ, такъ какъ его больше всего привлекала эта профессія, которую онъ находилъ одною изъ самыхъ благородныхъ «Я думалъ,—говорилъ Рюсъ,—что никто лучше репортера не можетъ содѣйствовать раскрытію соціальныхъ золъ и борьбы съ ними. Я былъ правъ. Я не измѣнилъ своего мнѣнія съ тѣхъ поръ и, конечно, не измѣню его никогда».

Но желать было легко, а исполнить трудно. Рюсъ попробовалъ поискать работы въ двухъ редакціяхъ и въ обѣихъ безуспѣшно. Когда онъ явился въ одну изъ нихъ въ блузѣ рабочаго, то его спросили, какое у него ремесло.—

Digitized by Google

«Я плотникъ», отвѣчалъ онъ. Всѣ находящіеся въ редакціи громко расхохотались и захлопнули дверь передъ его носомъ. Но онъ не испугался и, снова открывъ дверь, крикнулъ: «Вы смѣетесь! Ну такъ постойте же...» и съ этими словами удалился, поклявшись въ душѣ, что непремѣнно сдѣлается извѣстнымъ журналистомъ.

Однако, его долго преслѣдовала неудача и однажды ночью, когда онъ уже сталъ приходить въ отчаяніе, очутившись безъ мѣста и безъ куска хлѣба, на него случайно набрелъ директоръ телеграфныхъ курсовъ, у котораго онъ раньше учился. Директоръ узналъ его и заговорилъ съ нимъ. Рюсъ разсказалъ ему всѣ свои трехлѣтнія скитанія и упомянулъ о своемъ желаніи сдѣлаться репортеромъ. Директоръ предложилъ ему устроить его въ одномъ агентствѣ новостей, и это было началомъ карьеры Рюса. Изъ этого агентства онъ перешелъ въ редакцію одного еженедѣльнаго листка, спеціально открытаго на время выборовъ. Послѣ выборовъ, когда листокъ долженъ былъ прекратить свое существованіе, Рюсъ купилъ его въ кредитъ и самъ, съ перваго слова до послѣдняго, составлялъ его. Онъ договорился съ однимъ похоронным бюро, которое согласилось развозить еженедѣльно его изданіе за дешевую плату на своихъ дрогахъ, что вызывало постоянныя насмѣшки сосѣдей, прозвавшихъ его газету «Еженедѣльными похоронами».

Но Рюсъ вѣрилъ въ свою миссію и прежде всего рѣшилъ преслѣдовать своимъ перомъ зло, вездѣ, гдѣ оно встрѣтится. Его энтузіазмъ въ этомъ отношеніи проявлялся иногда въ довольно наивной формѣ. Однажды лавочникъ пожаловался ему на трудныя времена, потому что клієнты его, забирающіе у него въ долгъ, не платятъ ему. Рюсъ пришелъ въ негодованіе и напечаталъ въ своей газетѣ угрозу, что онъ опубликуетъ имена неисправныхъ клієнтовъ и сдѣлалъ это.

Наконецъ, ему удалось вступить на настоящій путь и онъ сдѣлался репортеромъ одной большой нью-іоркской газеты. Ни одинъ не могъ сравняться съ нимъ въ рвеніи. Но онъ всегда доказывалъ, что репортеръ долженъ высоко держать свое знамя; что онъ долженъ умѣть дѣйствовать на душу человѣка, раскрывать глаза публикѣ и указывать ей на то, что творится около нея. «Какъ много добра можетъ сдѣлать репортеръ, если онъ пойметъ обязанности!» говорилъ Рюсъ.

Въ настоящее время Рюсъ занимаетъ очень почетное положеніе въ журналистикѣ; онъ считается «рыцаремъ правды» и всегда въ первомъ ряду сражается за истину и справедливость. Въ недавнемъ пораженіи Таммани въ Нью-Іоркѣ и избраніи Согля Меу меромъ Нью-Іорка, Рюсъ игралъ далеко не послѣднюю роль, такъ какъ онъ съ величайшимъ рвеніемъ выводилъ наружу всѣ злоупотребленія Таммани. Со времени опубликованія своей первой книги, озаглавленной «Какъ живетъ другая половина?» о которой онъ разсказалъ то, что видѣлъ и испыталъ въ теченіе 20 лѣтъ своей жизни, Рюсъ сдѣлался помощникомъ всѣхъ реформаторскихъ обществъ и коммиссій. Изъ чувства гуманности онъ даже сталъ фотографомъ; онъ хотѣлъ показать публикѣ весь ужасъ ночлежныхъ пріютовъ и, поэтому, ночью, тайкомъ, являлся туда и снималъ

Digitized by Google

фотографію при свѣтѣ магнія. Онъ раскрылъ такимъ образомъ публикѣ всѣ ужасы квартала Мюльберри, этого нью-іоркскаго Уайтгопеля, и теперь на мѣстѣ этого квартала находится паркъ и народный домъ. Это была великая побѣда репортерскаго искусства, о которой онъ разсказалъ въ своей книгѣ «Десятилѣтняя война». Другою его побѣдой было закрытіе полицейскихъ депо, куда прежде запирали бродягъ, вмѣстѣ съ мошенниками. Рюсъ близко зналъ эти учрежденія, такъ какъ не разъ попадалъ туда и на себѣ испыталъ грубость обращенія полицейскихъ. Однажды полицейскій со зла разможжилъ голову его собакѣ—единственному другу Рюса и Рюсъ поклялся отмстить ему. Онъ возненавидѣлъ Нью-Іоркъ послѣ этого и чтобы переѣхать на другой берегъ, отдалъ за мѣсто на паромѣ свой шелковый платокъ—послѣднее воспоминаніе о прошломъ. Вернувшись въ городъ, спустя 24 года, когда онъ уже сдѣлался вліятельнымъ журналистомъ, Рюсъ рѣшилъ начать борьбу съ отвратительными учрежденіями и началъ противъ нихъ походъ. Онъ повелъ туда однажды ночью Рузевельта, который пришелъ въ ужасъ отъ того, что онъ увидѣлъ въ этихъ пріютахъ и поклялся, что они будутъ уничтожены. Такъ и было сдѣлано, и теперь полицейскіе уже не смѣютъ обращаться съ бездомными людьми такъ же, какъ они обращаются съ мошенниками и ворами.

Рюсъ нашелъ въ Рузевельтѣ дѣятельнаго помощника. Они вмѣстѣ дѣлали ночные обходы и на разсвѣтѣ, и за это Рузевельтъ былъ прозванъ «Гарунъ, аль-Рузевельтъ». Имена этихъ двухъ людей, одного по происхожденію голландца, другого—датчанина,—президента великой республики и простого репортера—часто ассоціируются вмѣстѣ, и они оба считаются выдающимися «американскими гражданами», высоко держащими знамя своей пріемной родины.

Изъ области женскаго движенія. Число женщинъ, занимающихъ оффиціальныя должности въ различныхъ европейскихъ университетахъ, все еще очень не велико. По свѣдѣніямъ берлинской газеты «Tageblatt», въ старинномъ университетѣ въ Упсалѣ состоитъ доцентомъ г-жа Этельзонъ, докторъ правъ. Въ Италіи съ прошлаго года есть двое женщинъ-доцентовъ; одна — дочь извѣстнаго политика-эконома Лабріола — состоитъ при римскомъ университетѣ и читаетъ лекціи по философіи права, другая, Рана Монти, находится при падуанскомъ университетѣ. Въ Германіи только одна женщина занимаетъ оффиціальную должность ассистента въ институтѣ зоологіи и сравнительной анатоміи, въ Брюннѣ; это—графиня фонъ-Линденъ. Иначе обстоитъ дѣло въ Швейцаріи. Около тринадцати дамъ занимаютъ различныя оффиціальныя должности при университетахъ, и четверо изъ нихъ приватъ-доценты. Первая женщина, получившая каѳедру въ Швейцаріи была докторъ правъ Эмилія Кемпинъ, она читала римское право въ цюрихской высшей школѣ. Въ Бернѣ состоитъ съ 1898 г. приватъ-доцентомъ по исторіи философіи и особенно эстетикѣ наша соотечественница Анна Тумарьина. Очень много женщинъ состоятъ ассистентами при различныхъ клиникахъ и лабораторіяхъ, а также въ городскихъ публичныхъ библіотекахъ. Въ Австро-Венгріи также сдѣланъ первый

Digitized by Google

шагъ въ этомъ направленіи, и первая женщина, получившая дипломъ доктора медицины въ будапештскомъ университетѣ, Шарлотта Штейнбергъ, оффиціально назначена теперь практикантомъ въ гинекологическую клинику.

Много толковъ возбудило въ Берлинѣ приглашеніе, полученное докторомъ правъ Анитой Аугсбургъ, сказать въ собраніи свободомыслящей народной партіи въ Кенигсбергѣ рѣчь противъ новаго таможеннаго законопроекта. Это первый случай обращенія къ женщинѣ съ предложеніемъ выступить въ качествѣ оффиціальнаго политическаго оратора партіи. Второй случай былъ въ Гамбургѣ, гдѣ, также по приглашенію одного политическаго ферейна, г-жа Гейманъ прочла докладъ о роли женщинъ въ общественной жизни.

Женское движеніе дѣлаетъ большіе успѣхи въ Индіи. Нѣсколько выдающихся англичанъ, стоящихъ во главѣ этого движенія, дѣятельно занимаются пропагандой идей занимающей среди индусскихъ женщинъ. Къ нимъ примкнули и нѣкоторыя изъ образованныхъ туземныхъ женщинъ. Съ цѣлью распространенія передовыхъ идей основаны ими три журнала «Anthopur», «The Ladies Magazine», «Bharat Bhagni»—послѣдній въ особенности пользуется популярностью въ индусскомъ обществѣ. Въ этихъ журналахъ участвуютъ туземныя писательницы въ довольно большомъ числѣ. Вообще индусскія женщины оказываются весьма способными къ воспріятію идей прогресса, и на это, между прочимъ, указываетъ ежегодное возрастаніе числа туземныхъ слушательницъ въ высшихъ школахъ и университетахъ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Исправленіе преступниковъ и реформа уголовныхъ законовъ. — Женскій трудъ во Франціи. — Неточность свидѣтельскихъ показаній и опытъ Липпа. — Британская академія.

Американскій судья изъ Нью-Джерсея Франклинъ Фортъ помѣщаетъ въ «Forum» статью о мѣрахъ борьбы съ преступностью и способахъ предупрежденія преступленій. Онъ говоритъ, что каждое организованное общество стоитъ лицомъ къ лицу съ этою проблемой и должно стремиться къ уменьшенію преступленій. Но преступленія въ значительной степени зависятъ отъ двухъ причинъ: наслѣдственности и вліянія окружающей обстановки. Люди рѣдко становятся преступниками сами по себѣ. Иногда преступленія вызываются необходимостью, но совершившіе ихъ не должны зачисляться въ разрядъ преступниковъ.

Въ послѣднее время часто говорятъ о томъ, что преступность возрастаетъ; однако, было бы справедливѣе, по мнѣнію автора, говорить, что тѣ условія, которыя порождаютъ преступность, развиваются больше подъ вліяніемъ современнаго законодательства. Каждый новый законодательный періодъ непремѣнно увеличиваетъ списокъ преступленій, такъ какъ вводятся новые законы, причисляющіе къ преступленіямъ такого рода акты, которые не считались таковыми раньше. Дѣйствительныя же преступленія не увеличиваются въ числѣ и въ сущности

Digitized by Google

число профессіональныхъ преступниковъ скорѣе уменьшается по мѣрѣ распространенія цивилизаціи и воспитанія. Авторъ придаетъ большое значеніе наказанію въ дѣлѣ распространенія преступности. Онъ говоритъ, что именно наказаніе очень часто превращаетъ въ преступниковъ людей, которые не были бы ими при другихъ условіяхъ. Принято думать, что строгость законовъ предупреждаетъ преступленія, но хотя страхъ, быть можетъ, и останавливаетъ нѣкоторыхъ, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ помнить, что преступленія существовали и тогда, когда наказанія, даже за сравнительно небольшіе проступки, отличались безпримѣрной жестокостью. Такимъ образомъ, полагаться на страхъ, какъ на предупредительную мѣру противъ преступленій, не слѣдуетъ. Лучшимъ предупрежденіемъ была бы другая система, основанная на снисходительности и надзорѣ за преступникомъ. Во многихъ американскихъ штатахъ введена уже система условнаго прощенія преступника и освобожденія его на слово. Въ штатѣ Миннезота система эта привела уже къ замѣтнымъ результатамъ; во-первыхъ, она уменьшила число строгихъ наказаній, необходимыхъ для поддержанія тюремной дисциплины и, во-вторыхъ, она даетъ возможность выказаться хорошимъ сторонамъ преступника и дозволяетъ не смѣшивать совершенно порочныхъ людей съ тѣми, которые сохранили еще въ своей душѣ добрые элементы. Статистика штата за четыре года указываетъ, что изъ 117 отпущенныхъ на слово преступниковъ, только 17 нарушили слово и только трое бѣжали изъ штата. Изъ 74 отпущенныхъ на слово въ Калифорніи, нарушили слово только 8; остальные 64 вели себя хорошо. Изъ 128 въ Мичиганѣ—девять нарушили слово. Въ Массачусетсѣ и другихъ штатахъ процентъ вернувшихся на путь истины преступниковъ еще больше. Губернаторъ Нью-Джерсея въ своемъ годовомъ отчетѣ законодательному собранію въ 1900 г. заявилъ, что изъ всѣхъ отпущенныхъ на слово заключенныхъ, лишь пять процентовъ вернулись снова на путь преступленія.

Преступникъ, попавшій въ тюрьму, знаетъ, что для того, чтобы быть отпущеннымъ на слово изъ тюрьмы, онъ долженъ хорошо вести себя въ тюрьмѣ. Затѣмъ, на свободѣ, онъ обязуется ежемѣсячно увѣдомлять тюремныя власти о томъ, гдѣ онъ находится и что онъ дѣлаетъ, причемъ или хозяинъ, у котораго онъ работаетъ, или какое-нибудь достовѣрное лицо должны подтвердить его слова. Если онъ нарушаетъ свое слово, то подлежитъ такому же наказанію, какъ если бы онъ бѣжалъ изъ тюрьмы. «Такая система,—говоритъ авторъ,—удерживаетъ человѣка отъ дурного поведенія при помощи страха и надежды. Отпущенный изъ тюрьмы на слово, онъ боится нарушить его, чтобы снова не вернуться въ тюрьму на худшихъ условіяхъ и, кромѣ того, его поддерживаетъ въ этомъ направленіи надежда на полное прощеніе и освобожденіе. Такимъ образомъ, государство избавляется отъ заботы о преступникѣ и вмѣсто преступника государству возвращается гражданинъ, котораго его собственная выгода въ данномъ случаѣ заставляетъ вести себя честно».

Авторъ въ особенности возмущается противъ того, что юные преступники, въ первый разъ вступившіе на этотъ путь, заключаются въ тюрьму вмѣстѣ со старыми, привычными преступниками. Поступая такъ съ молодыми преступ-

Digitized by Google

никами, власти, по его мнѣнію, тоже совершаютъ преступленіе. Почти всякое первое преступленіе въ юные годы является результатомъ обстановки и почти всегда можно отыскать смягчающія обстоятельства. Общество должно позаботиться о томъ, чтобы спасти юношей отъ опасности сдѣлаться преступниками, въ этомъ-то заключается одна изъ важнѣйшихъ современныхъ проблемъ. Тотъ моментъ, когда юный преступникъ впервые является въ судъ, служитъ обыкновенно поворотнымъ пунктомъ его жизни. Если онъ попадаетъ въ тюрьму, то большею частью уже потомъ окончательно вступаетъ на путь преступленія. Въ нѣкоторыхъ штатахъ введена, поэтому, система отдачи молодыхъ преступниковъ на испытаніе, подъ надзоръ спеціально назначеннаго для этого лица. Эта система, впервые введенная въ Массачусетсѣ, оказалась вполнѣ цѣлесообразной, такъ какъ по статистикѣ лишь очень небольшой процентъ изъ тѣхъ, кто находился на испытаніи, оказались рецидивистами. Во всякомъ случаѣ, тамъ, гдѣ введена эта система, цифра преступности не возросла. Разумѣется, какъ эта система, такъ и система отпущенія преступниковъ на слово, требуетъ очень добросовѣстныхъ исполнителей, проникнутыхъ сознаніемъ важности своей задачи. Но это лишь одинъ изъ способовъ, который, при правильномъ и умѣломъ примѣненіи, долженъ повести къ уменьшенію преступленій. Другіе способы относятся къ предупрежденію преступленій и должны стремиться къ уничтоженію условій, порождающихъ преступленія. Въ этомъ именно и должна заключаться главная задача всѣхъ современныхъ законодательствъ, а не въ одной только карѣ преступниковъ.

Г-жа Кэте Ширмахеръ сообщаетъ въ «Revues des Revues» статистику женскаго труда во Франціи. Положеніе женщины во Франціи, какъ производительницы труда, довольно незавидное. Число трудящихся женщинъ г-жа Ширмахеръ опредѣляетъ въ 14.111.512. Нѣтъ такой области матеріальнаго или интеллектуальнаго труда, въ которой бы не участвовали женщины. Наибольшее число француженокъ занимается профессіей хозяйки, затѣмъ слѣдуютъ земледѣліе, промышленность, домашнія услуги и торговля, но въ этихъ профессіяхъ, за исключеніемъ домашнихъ услугъ, женщинъ меньше, нежели мужчинъ. Промышленнымъ трудомъ занимаются 1.888.947 женщинъ; въ торговлѣ насчитывается 571.079; домашняя прислуга — 737.941; различными либеральными профессіями занимается—138.460; въ рудникахъ и на каменоломняхъ работаютъ 4.759; въ различныхъ агентствахъ—12.645 и т. д. Но вездѣ, за исключеніемъ госпиталей и трехъ первыхъ классовъ элементарной школы, заработокъ женщины меньше заработка мужчины. Въ нѣкоторыхъ профессіяхъ женщина получаетъ даже на двѣ трети меньше мужчинъ. Между тѣмъ, женщинѣ, замужней или нѣтъ, большею частью одновременно приходится заниматься двумя дѣлами: хозяйствомъ и профессіональнымъ трудомъ. Разумѣется, въ концѣ концовъ, наступаетъ переутомленіе силъ. Но замужняя женщина, благодаря тому, что не одна она поддерживаетъ хозяйство своимъ трудомъ, можетъ все-таки жить, тогда какъ одинокая женщина, вынужденная исключительно только существовать своимъ трудомъ и сама для себя совершать всю

Digitized by Google

хозяйственную работу, не живетъ, а прозябаетъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, не имѣя никакой поддержки. Переутомленіе, нищета или еще хуже—вотъ неизбѣжный удѣлъ большинства работницъ какъ во Франціи, такъ и въ другихъ странахъ. «Женщины,—восклицаетъ г-жа Ширмахеръ въ заключеніе,—все-таки продолжающія жить, несмотря на такія тяжкія условія, поистинѣ заслуживаютъ, чтобы ихъ считали «сильнымъ поломъ» (le sexe fort).

Профессоръ уголовнаго права Лиштъ указываетъ въ «Deutschen Juristen Zeitung», въ статьѣ объ уголовномъ правѣ и психологіи, до какой степени часто, даже самые добросовѣстные люди, безсознательно искажаютъ факты, когда имъ приходится свидѣтельствовать на судѣ. Въ каждомъ крупномъ криминальномъ процессѣ непремѣнно повторяется одна и та же картина: дефилируютъ свидѣтели, показанія которыхъ часто бываютъ прямо противоположны. Большинство такихъ свидѣтелей готовы подъ присягой подтвердить свое показаніе, и весьма часто приговоръ произносится на основаніи самыхъ неопредѣленныхъ уликъ, доставляемыхъ такими свидѣтельскими показаніями. Многіе криминалисты экспериментальнымъ путемъ пришли къ убѣжденію, что ни одинъ заурядный человѣкъ большею частью не въ состояніи представить точную картину какого-нибудь сложнаго и быстро совершившагося на его глазахъ событія. Приватъ-доцентъ философіи въ Бреславльскомъ университетѣ д-ръ Стернъ недавно произвелъ рядъ опытовъ надъ студентами, подтвердившихъ это заключеніе, такіе же контрольные опыты предпринялъ и профессоръ Лиштъ. Между прочимъ, онъ устроилъ слѣдующій опытъ въ семинаріи, гдѣ студенты не подозрѣвали, что они будутъ служить объектами для опыта. Въ этотъ вечеръ въ семинаріи назначено было чтеніе реферата о Тардѣ съ послѣдующими преніями; но не успѣлъ референтъ кончить свой докладъ, какъ профессоръ Лиштъ схватился за шляпу и объявилъ, что онъ долженъ удалиться по важному дѣлу и поэтому откладываетъ пренія до слѣдующаго раза. Тутъ одинъ изъ слушателей выразилъ желаніе узнать, какъ относится Тардъ къ христіанской религіи.

— Этого только не доставало! — замѣтилъ громко дерзкимъ тономъ какой-то господинъ.

— Это васъ не касается,—возразилъ ему спрашивающій.

— Нахалъ!

Внѣ себя отъ ярости оскорбленный бросается на оскорбителя, выхвативъ револьверъ... Въ аудиторіи поднимается суматоха; всѣ въ страшномъ волненіи вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, кричатъ... Вдругъ раздается громовый голосъ профессора Лишта:

— Господа, вы всѣ были свидѣтелями только что случившагося происшествія и поэтому давайте теперь же опросимъ свидѣтелей и составимъ протоколъ.

Слушатели поняли, что вся эта сцена была тщательно обдумана и подстроена Лиштомъ и двумя его помощниками, но такъ какъ всѣ не были посвящены въ это, то разумѣется были сильно взволнованы происшедшимъ. Когда они нѣсколько успокоились, то начался допросъ свидѣтелей и записы-

Digitized by Google

ваніе въ протоколъ. Одни свидѣтели были допрошены тутъ же, другіе на другой день. И что же? Только двое дали вѣрныя показанія; показанія же другихъ были большею частью ошибочны и встрѣчались даже очень грубыя ошибки. Нѣкоторые, напримѣръ, видѣли, что нападающій замахнулся палкой и готовы были поклясться въ этомъ...

Эти и подобные опыты доказываютъ, что на вѣрность свидѣтельскихъ показаній не всегда можно положиться. Но дальнѣйшія изслѣдованія и опыты въ этомъ направленіи дадутъ, конечно, возможность судьямъ критически относиться къ показаніямъ свидѣтелей и лучше оцѣнивать ихъ по достоинству, чѣмъ они это въ состояніи дѣлать теперь, полагаясь всецѣло на эти показанія. «Во всякомъ случаѣ,— какъ говоритъ профессоръ Листъ,—уголовное судопроизводство должно всегда идти рука объ руку съ психологіей, которая одна только можетъ помочь судьямъ выбраться изъ лабиринта затрудненій, встрѣчающихся имъ на каждомъ шагу».

Идея устройства британской академіи наукъ встрѣчаетъ большое сочувствіе въ англійской печати. «Quarterly Review» говоритъ, что Англіи давно уже слѣдовало позаботиться объ этомъ, такъ какъ ее опередили всѣ другія страны и только одна Турція можетъ быть поставлена рядомъ съ нею въ этомъ отношеніи. Въ назиданіе англичанамъ журналъ приводитъ описаніе парижской и берлинской академій. Единственное ученое общество, объединяющее различныя отрасли знанія въ Англіи, это британская ассоціація, но она исключаетъ изъ своего вѣдѣнія исторію, философію и филологическія науки, тогда какъ королевскій институтъ въ Лондонѣ исключительно занимается только поощреніемъ естественныхъ наукъ. По мнѣнію «Quarterly Review», Англія больше всего нуждается въ настоящее время въ такихъ учрежденіяхъ, какъ «Académie des Inscriptions» и «Académie des Sciences morales et politiques» въ Парижѣ.

Digitized by Google

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Новыя данныя о третьей форменной составной части крови.

Микроскопическое изслѣдованіе крови, какъ извѣстно, показываетъ намъ, что въ ней плаваютъ билліоны особенныхъ форменныхъ элементовъ, которые уже давнымъ давно извѣстны въ наукѣ подъ названіемъ кровяныхъ тѣлецъ, или, вѣрнѣе—кровяныхъ клѣтокъ. Къ нимъ принадлежатъ трояkаго рода элементы: *красныя* и *бѣлыя* (безцвѣтныя) *кровяныя клѣтки* и такъ называемыя пластинки *Bizzozero*, или *кровяныя пластинки*.

Первыя получили свое названіе красныхъ отъ того, что въ нихъ заключается особенное красящее вещество—гемоглобинъ, присутствіе котораго придаетъ клѣткамъ красновато-темную окраску съ легкимъ зеленоватымъ оттѣнкомъ. Кровяныя клѣтки второго рода кажутся безцвѣтными, почему, въ отличіе отъ красныхъ, ихъ называютъ бѣлыми, или *лейкоцитами*. Элементы третьей категоріи представляются намъ, даже при сильныхъ увеличеніяхъ, въ видѣ очень мелкихъ, неокрашенныхъ пластинокъ и впервые были тщательно изучены итальянскимъ ученымъ *Bizzozero*, вслѣдствіе чего стали извѣстны въ наукѣ подъ названіемъ *пластинокъ Bizzozero*, или просто *кровяныхъ пластинокъ*.

Кровяныя клѣтки имѣютъ извѣстную форму и величину, способны питаться, обладаютъ раздражимостью, размножаются, даже могутъ производить активныя движенія (безцвѣтныя кровяныя клѣтки) и, наконецъ, какъ и все живое, умираютъ. Отъ жизни этихъ невидимыхъ простымъ глазомъ элементарныхъ частицъ крови, отъ измѣненій ихъ въ количественномъ отношеніи, отъ различнаго рода заболѣваній, которымъ они могутъ подвергаться, стоятъ въ тѣсной зависимости здоровье, болѣзни и даже смерть такого сложнаго организма, какимъ является организмъ человѣка.

Всѣ только что указанные форменные элементы крови, отличаясь другъ отъ друга по своей формѣ, величинѣ, строенію, химическому составу и пр., играютъ въ жизни организма различную роль. Красныя кровяныя клѣтки, открытыя въ крови еще въ половинѣ XVI столѣтія знаменитымъ голландскимъ естествоиспытателемъ *А. Левенгукомъ*, назначены, главнымъ образомъ, для того, чтобы доставлять всѣмъ элементамъ животнаго организма кислородъ,

Digitized by Google

необходимый для ихъ жизни и дѣятельности. Онѣ получаютъ его въ легкихъ изъ вдыхаемаго нами воздуха и, передвигаясь по тончайшимъ кровеноснымъ сосудамъ—капиллярамъ, отдаютъ связанный съ гемоглобиномъ кислородъ элементамъ, изъ которыхъ построены животныя ткани и органы. Безцвѣтныя кровяныя клѣтки (лейкоциты) занимаютъ особое мѣсто среди всѣхъ клѣтокъ животнаго организма и обладаютъ столь разнообразными и удивительными свойствами, функціи ихъ до такой степени разнообразны, что біологамъ придется еще много и долго работать, чтобы выяснить вполнѣ роль и значеніе этихъ образованій въ жизни организма. Классическія изслѣдованія *Мечникова и Buchner'a* впервые указали намъ, что эти особенные, способные къ активному движенію элементы играютъ важную роль во многихъ заразныхъ (инфекціонныхъ) болѣзняхъ. Они поѣдаютъ различнаго рода микроорганизмы, вызывающіе извѣстныя инфекціонныя болѣзни, ведутъ борьбу съ ними, а равно освобождаютъ организмъ отъ вредныхъ для него частицъ умершихъ тканей и такимъ образомъ какъ-бы исполняютъ обязанности санитаровъ. Далѣе, *Buchner* показалъ, что бѣлыя кровяныя клѣтки выдѣляютъ особыя вещества (алексины, токсины), способныя убивать различнаго рода бактерій, попавшихъ въ животный организмъ, и освобождаютъ послѣдній отъ этихъ чуждыхъ ему пришельцевъ. Имѣющіеся въ крови разнообразные ферменты, по изслѣдованіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ—*Bial*, *Arthus*, *Spitzer*, *Salkowski*, *Lépine* и др. также вырабатываются безцвѣтными кровяными клѣтками. Кромѣ того, послѣднимъ приписываютъ извѣстную роль въ питаніи организма, въ образованіи тканей и пр. и пр. Вообще, *Looss* и другіе изслѣдователи считаютъ бѣлыя кровяныя клѣтки за ту резервную силу организма, которая приходитъ ему на помощь во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ткани и составляющіе ихъ элементы оказываются безсильными въ борьбѣ съ различнаго рода вредными веществами или микроорганизмами, развившимися въ нашемъ организмѣ или попавшими въ него извнѣ, когда жизнедѣятельность организма или, какъ говорятъ, біологическій тонусъ его понижены.

Наконецъ, что касается пластинокъ *Bizzozero*, то ихъ происхожденіе, строеніе и значеніе въ жизни организма до послѣдняго времени оставались загадочными. Одни изслѣдователи—*Lilienfeld* —находили въ нихъ присутствіе нуклеина и предполагали, что пластинки эти происходятъ изъ ядеръ бѣлыхъ кровяныхъ клѣтокъ, между тѣмъ какъ другіе наблюдатели *Loewit*, *Arnold*, *Bremer* считали кровяныя пластинки лишь за мелкія частицы, отдѣлившіяся отъ красныхъ кровяныхъ клѣтокъ. *Arnold* высказывалъ даже предположеніе, что пластинки *Bizzozero* вообще представляютъ собою не что иное, какъ продуктъ распада красныхъ и безцвѣтныхъ кровяныхъ клѣтокъ. Наконецъ, нѣкоторые ученые высказывали мнѣніе, что описываемыя пластинки являются совершенно самостоятельными элементами, существуютъ независимо отъ красныхъ и бѣлыхъ кровяныхъ клѣтокъ и играютъ извѣстную роль въ образованіи ферментовъ, вызываютъ свертываніе крови и пр.

Объ этихъ то, все еще загадочныхъ для насъ образованіяхъ, представляю-

Digitized by Google

щихъ собою третью форменную составную часть крови, я и хочу сообщить нѣкоторыя новыя и интересныя данныя.

Два изслѣдователя, *Hayem* и *I. Bizzozero*, изучая кровь человѣка, млекопитающихъ и низшихъ позвоночныхъ, открыли въ крови присутствіе особенныхъ маленькихъ образованій, которыя имѣли форму круглыхъ или эллипсовидныхъ пластинокъ. Послѣднія обыкновенно кажутся безцвѣтными, болѣе или менѣе блестящими и приблизительно въ три раза меньше красныхъ кровяныхъ клѣтокъ. Въ одномъ кубическомъ миллиметрѣ нормальной крови человѣка ихъ заключается отъ 200.000 до 635.000. *Hayem* сначала предполагалъ, что въ описываемыхъ элементахъ имѣются ядра, а слѣдовательно, они должны быть причислены къ клѣткамъ, но вскорѣ затѣмъ онъ отказался отъ своего мнѣнія. *Mondino* и *Sala* высказывали предположеніе, что открытыя *Hayem'омъ* и *Bizzozero* пластинки имѣютъ ядра лишь въ молодомъ возрастѣ, подобно краснымъ кровянымъ клѣткамъ, а потомъ во время дальнѣйшаго ихъ роста и развитія ядра утрачиваются и онѣ являются уже въ видѣ безъядерныхъ образованій. *Schimmelbusch* указываетъ, что при разсматриваніи крови человѣка ему удалось замѣтить, какъ означенныя пластинки мѣняли свою форму и выпускали короткіе и тонкіе отростки, которые то удлинялись, то укорачивались. Подобное измѣненіе формы пластинокъ, по мнѣнію *Schimmelbusch'a* зависитъ отъ чисто механическихъ причинъ, напр., отъ движенія жидкости, образованія фибрина и пр., и не имѣетъ ничего общаго съ такъ называемымъ амѣбовиднымъ движеніемъ. Оно обусловливается чрезвычайною мягкостью и растяжимостью того однороднаго вещества, изъ котораго состоятъ пластинки. Далѣе, наблюденія сдѣланныя *Cuénot'омъ*, *Giglio-Tos'омъ*, *Cattaneo* и др. Надъ кровью позвоночныхъ и жидкостью, отвѣчающею крови, у безпозвоночныхъ, показали, что въ крови, только что выпущенной изъ сосудовъ, одновременно съ выдѣленіемъ фибрина и свертываніемъ крови, кровяныя пластинки собираются группами и, распадаясь на множество мелкихъ зернышекъ, образуютъ такъ назыв. тромбъ, т.-е. пробку, состоящую, главнымъ образомъ, изъ распавшихся пластинокъ и нитей фибрина. Подобное характерное измѣненіе пластинокъ наступаетъ въ выпущенной крови уже по истеченіи нѣсколькихъ секундъ и немедленно влечетъ за собою образованіе тромба, вслѣдствіе чего *Giglio-Tos* предложилъ называть эти пластинки «*тромбоцитами*». Названіе это въ настоящее время почти пріобрѣло права гражданства въ наукѣ.

Несмотря на вышеуказанныя и многія другія наблюденія, вопросъ о строеніи и происхожденіи тромбоцитовъ оставался еще далеко не рѣшеннымъ, а ихъ роль въ жизни организма все-таки была не выяснена окончательно, и образованія эти попрежнему представлялись для насъ загадочными.

Въ послѣднее время появилось нѣсколько работъ, которыя, повидимому открыли передъ нами тайну строенія и жизни тромбоцитовъ и выяснили ихъ важное значеніе для организма. Такъ, недавно *Deetjen* *), изучая кровяныя пластинки, впервые обратилъ вниманіе на то, что извѣстной крѣпости растворъ

*) Virchow's Archiv. Bd. 164, Heft 2, 1901.

Digitized by Google

метафосфорнокислаго натра $(NaPO_3)_3$ обладаетъ способностью сохранять въ теченіе довольно долгаго времени жизненныя свойства пластинокъ, несмотря на чрезвычайную нѣжность и легкость, съ какою онѣ измѣняются и умираютъ, разъ только кровь выпущена изъ сосуда. Вотъ если взять капельку крови человѣка, помѣстить ее въ каплю раствора метафосфорнокислаго натра и разсматривать подъ микроскопомъ, при температурѣ 38—40° Ц. и съ помощью сильныхъ объективовъ, то не трудно замѣтить большое количество тромбоцитовъ, прилипшихъ къ нижней поверхности покровнаго стеклышка препарата. Съ самаго начала наблюденія тромбоциты уже кажутся въ видѣ свѣтлыхъ образованій, отъ которыхъ отходятъ, на подобіе шиповъ, короткіе и тонкіе отростки, вслѣдствіе чего описываемые элементы получаютъ звѣздчатую форму (фиг. 1). Кромѣ того, въ каждомъ тромбоцитѣ можно еще замѣтить присутствіе круглаго, блестящаго тѣльца, которое есть не что иное, какъ ядро тромбоцита (фиг. 1, а).

Далѣе, по истеченіи нѣсколькихъ минутъ отъ начала наблюденія, легко констатировать, что эти маленькія образованія, имѣющія форму отростчатыхъ

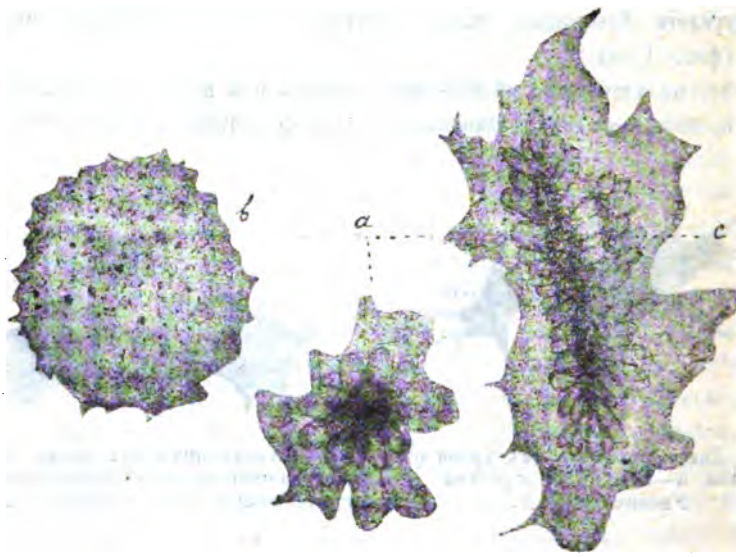
Фиг. 1. Два тромбоцита изъ крови человѣка, а—ядро; в — отростки. Увелич. 3200 : 1.

фиг. 2. Тромбоциты изъ крови человѣка. Наступающія въ тромбоцитахъ измѣненія протоплазмы и ядра. Увелич. 3200 : 1.

пластинокъ, проявляютъ признаки жизни: нѣкоторые изъ отростковъ того или другого тромбоцита начинаютъ удлиняться и въ то же время становятся толще, а одновременно съ этимъ другіе отростки укорачиваются—втягиваются тромбоцитомъ, вслѣдствіе чего форма его постоянно мѣняется. Благодаря то вытягиванію, то втягиванію отростковъ, тромбоциты, подобно безцвѣтнымъ кровянымъ клѣткамъ, передвигаются, правда съ очень незначительною скоростью, въ томъ или иномъ направленіи, т.-е. совершаютъ амёбовидныя движенія, названныя такъ потому, что они впервые были замѣчены у одноклѣточныхъ организмовъ—амёбъ. На препаратахъ, приготовленныхъ по указаніямъ *Deetjen'a*, тромбоциты сохраняютъ жизнь въ теченіе многихъ часовъ, между тѣмъ какъ, при другихъ способахъ изслѣдованія крови, они, можно сказать, моментально умираютъ и подвергаются характернымъ измѣненіямъ. Присутствіе ядеръ въ тромбоцитахъ можно доказать не только на препаратахъ, приготовленныхъ изъ свѣжей крови, но и въ крови фиксированной извѣстнымъ образомъ и затѣмъ окрашенной различными красками, напр., гематоксилиномъ, анилиновыми красками и пр.

Digitized by Google

Когда въ изслѣдуемомъ препаратѣ, по истеченіи болѣе или менѣе короткаго времени, наступаетъ свертываніе крови, т.-е. образованіе фибрина, тогда тромбоциты подвергаются особеннымъ, характернымъ измѣненіямъ, сущность которыхъ заключается въ значительномъ увеличеніи объема протоплазмы (фиг. 2) и въ процессѣ распаденія ядра. Обыкновенно, прежде всего, одни отростки тромбоцитовъ разстилаются по поверхности покровнаго стеклышка и принимаютъ видъ широкихъ пластинокъ, другіе направляются внизъ, въ жидкость препарата, и становятся булавовидно вздутыми. Затѣмъ, въ отросткахъ и въ протоплазмѣ появляется множество вакуоль, т.-е. полостей, наполненныхъ жидкостью, вслѣдствіе чего измѣненные такимъ образомъ тромбоциты кажутся составленными какъ бы изъ множества ячеекъ (фиг. 3). Если въ какомъ-либо



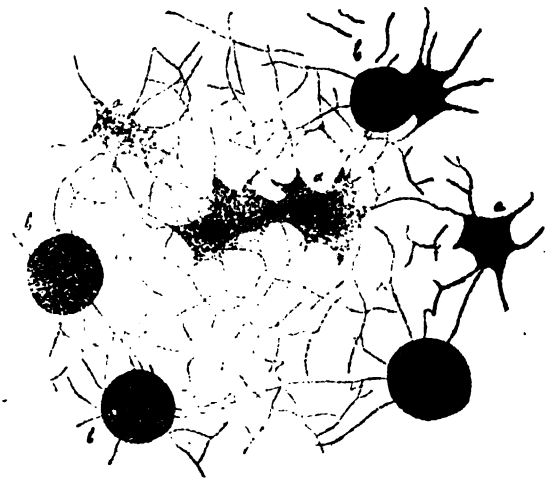
Фиг. 3. Тромбоциты изъ крови человѣка. a—тромбоциты съ лапчатыми отростками и вакуолями (c); b—тромбоцитъ съ ядромъ, распавшимся на множество зернышекъ. Увелич. 3200: 1.

мѣстѣ препарата располагаются другъ возлѣ друга много тромбоцитовъ и всѣ они подвергаются только что указаннымъ измѣненіямъ, то въ такомъ случаѣ въ данномъ мѣстѣ получается какъ бы пѣна, состоящая изъ массы различной величины круглыхъ пузырьковъ—ячеекъ.

Одновременно съ указанными измѣненіями, происходящими въ протоплазмѣ тромбоцитовъ, ядра ихъ постепенно теряютъ свою круглую форму,—становятся угловатыми, неровными—и затѣмъ распадаются на множество зернышекъ. Послѣднія лежатъ то группами, то разсѣяны по всей протоплазмѣ того или другого тромбоцита. Въ то время, когда тромбоциты претерпѣваютъ только что описанныя измѣненія, по краямъ каждаго изъ нихъ и около отростковъ начинаютъ появляться первыя нити фибрина, количество которыхъ увеличивается все больше и больше, пока, наконецъ, не получится цѣлая сѣть нитей фиб-

Digitized by Google

рина, причемъ нерѣдко въ центрѣ такой сѣти помѣщается тромбоцитъ (фиг. 4) Какъ въ моментъ образованія первыхъ нитей фибрина, такъ и долгое время послѣ этого въ красныхъ и безцвѣтныхъ кровяныхъ клѣткахъ нельзя замѣтить никакихъ признаковъ распаденія: красныя кровяныя клѣтки кажутся круглыми, а лейкоциты попрежнему измѣняютъ свою форму и передвигаются. Это наблюденіе говоритъ намъ, что выпаденіе изъ кровяной жидкости—плазмы крови—бѣлковаго тѣла—фибрина въ видѣ нитей стоитъ въ прямой и тѣсной зависимости лишь отъ умиранія и измѣненія тромбоцитовъ; красныя и безцвѣтныя кровяныя клѣтки, видимо, въ этомъ процессѣ не играютъ никакой активной роли. Импульсъ къ свертыванію крови и образованію фибрина даетъ распаденіе протоплазмы и ядра клѣтокъ особаго рода—тромбоцитовъ.



фиг. 4. Нити фибрина изъ препарата крови человѣка, а—измѣненныя тромбоциты съ идущими отъ нихъ, какъ отъ центровъ, нитями фабрина; в—неизмѣненныя красныя кровяныя клѣтки. Увелич. 3200: 1.

Интересныя и весьма важныя наблюденія *Deetjen'a* вскорѣ были подверждены *M. Dekhuyzen'омъ* [1]), *Kopsch'емъ* [2]), проф. *Арутинскимъ* [3]) и др. и въ настоящее время, несмотря на критическую замѣтку *E. Schwalbe*, мнѣ кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что тромбоциты, или пластинки *Bizzozero*, принадлежатъ къ особаго рода клѣточнымъ элементамъ: они состоятъ изъ протоплазмы и ядра, могутъ измѣнять свою форму и передвигаться, а умираніе и распаденіе ихъ немедленно вызываетъ свертываніе крови.

Такимъ образомъ, троякаго рода форменные элементы крови играютъ различную роль въ жизни организма:

---

[1]) «Ueber die Thrombocyten (Blutplättchen)». Anat. Anzeiger, № 21, 1901.

[2]) «Die Thrombocyten (Blutplättchen) des Menschenblutes und ihre veränderungen bei der Blutgerinnung». «Anat. Anz». № 21, 1901.

[3]) «Zur Kenntnis der Blutplättchen». «Anat. Anz», № 21, 1901.

Digitized by Google

а) Красныя кровяныя клѣтки доставляютъ необходимый для жизни организма кислородъ, являются какъ бы рабочими, трудами которыхъ кормится огромнѣйшее государство — сложный организмъ, состоящее изъ милліардовъ гражданъ—клѣточныхъ элементовъ.

в) Безцвѣтныя кровяныя клѣтки (лейкоциты) удаляютъ изъ организма или уничтожаютъ различнаго рода вредные и ненужные ему элементы: продукты распада тканей, вредные микроорганизмы и пр. Онѣ, слѣдовательно, защищаютъ животный организмъ, помогаютъ ему въ борьбѣ съ различными вредными началами, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда силы самаго организма оказываются недостаточными для этой борьбы. Въ этихъ своеобразныхъ клѣткахъ организмъ имѣетъ громадную армію солдатъ и санитаровъ, охраняющихъ его отъ враговъ и уносящихъ вредныя для него вещества.

с) Наконецъ, тромбоциты (пластинки *Bizzozero*) представляютъ собою элементы, приспособленные къ тому, чтобы останавливать небольшія кровотеченія изъ пораненныхъ сосудовъ—предохранять организмъ отъ потери необходимой для его питанія жидкости. Приходя въ соприкосновеніе съ разорванными стѣнками сосудовъ, тромбоциты распадаются, моментально вызываютъ свертываніе крови, а вмѣстѣ съ тѣмъ и образованіе пробокъ, закупоривающихъ кровоточащіе сосуды. Эти особенные элементы исполняютъ въ организмѣ какъ бы обязанности хирурговъ, самоотверженно жертвующихъ при всякомъ кровотеченіи собственною жизнью для спасенія жизни организма.

Проф. А. С. Догель.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА*).

Стереоскопъ въ астрономіи.—О взаимодѣйствіи твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ.—Новая теорія происхожденія конечностей.—Значеніе извести и магнезіи для растеній.—Къ вопросу о рефлекторныхъ движеніяхъ.

Стереоскопъ въ астрономіи. На небесномъ сводѣ разсыпаны міріады звѣздъ. Большія и яркія, маленькія и слабыя, красноватыя, желтыя и бѣлыя. Всѣ онѣ какъ бы прибиты къ одной сферѣ, которая равномѣрно вращается, увлекая ихъ за собой.

На этой сферѣ находится, какъ будто, и луна, и планеты—блуждающія звѣзды. Правда, эти свѣтила замѣтно для глаза перемѣщаются между звѣз-

---

*) Въ некрологѣ И. В. Мушкетова, помѣщенномъ въ прошломъ № нашего журнала, вслѣдствіе корректорскаго недосмотра, дата кончины помѣчена 10-мъ ноябремъ вмѣсто 10-го января. Въ «Научной хроникѣ» этого же № вкрались слѣдующія опечатки. На стр. 77, вторая строчка снизу, вмѣсто слова «окруженнаго» нужно читать: «*окруженный*»; на стр. 78-ой, строка 18-я снизу, послѣ словъ «фраунгоферовскихъ линій», надо вставить слова: «*воспроизведенныя Эйстремомъ*», находящіяся на 16-й строкѣ снизу. На той же страницѣ, стр. 5-ая снизу, слово *двѣ* должно стоять передъ словомъ «основныхъ».

Digitized by Google

дами, но они, повидимому, движутся по небесной сферѣ, не отдѣляясь отъ нея. Ничто не обнаруживаетъ, что бы они были ближе той тверди небесной, на которой укрѣплены звѣзды, что они свободно идутъ въ свободномъ пространствѣ. При наблюденіи въ трубу, можно замѣтить, какъ иногда луна, приближаясь къ той или другой звѣздочкѣ, закрываетъ ее на время. Мы знаемъ, что и солнечное затменіе происходитъ отъ того, что луна заграждаетъ путь къ землѣ солнечнымъ лучамъ; это свидѣтельствуетъ, что луна тѣло сравнительно близкое, что она ближе къ намъ, чѣмъ звѣзды, солнце и планеты, но мы все-таки и при этихъ наблюденіяхъ не ощущаемъ непосредственно, какъ расположены свѣтила по разстояніямъ отъ насъ, не ощущаемъ глубины пространства, не видимъ и формы свѣтила рельефно. Астрономы давно уже пытались дать примѣненія стереоскопу при изученіи неба и его чудесъ.

Знаменитая фирма Цейсса достигла недавно блестящихъ результатовъ. Г-нъ Пульфрихъ построилъ приборъ, такъ называемый *стереокомпараторъ*, въ которомъ можно разсматривать стереоскопически два снимка даже большихъ размѣровъ.

Для движущихся объектовъ, какъ, напримѣръ, Юпитеръ и Сатурнъ, достаточно, какъ нашелъ гейдельбергскій проф. *Вольфъ*, очень небольшого промежутка времени между двумя фотографированіями. Снимки, поставленные въ аппаратѣ такъ, чтобы ихъ изображенія для глаза налегали одно на другое, даютъ поразительный видъ. Вотъ онъ Сатурнъ, какъ яблоко, опоясанное кольцомъ, стоитъ въ пространствѣ на много ближе къ намъ, чѣмъ звѣзды; кругомъ распредѣлены его восемь лунъ, восемь спутниковъ, однѣ ясно находятся передъ планетой, другія дальше ея, они заходятъ за ея корпусъ.

Прибору предстоитъ будущность, отъ него ждутъ значительныхъ услугъ въ научномъ отношеніи. Подобно тому, какъ получаютъ стереоскопическій видъ отъ движущихся Юпитера или Сатурна, надѣются, что и звѣзды, имѣющія собственныя движенія, если сопоставить снимки, сдѣланные одинъ послѣ другого черезъ нѣсколько лѣтъ, выступятъ въ приборѣ явственно. Стереокомпараторъ такимъ образомъ послужитъ къ открытію такихъ звѣздъ, онъ позволитъ и измѣрить ихъ собственныя движенія.

Точно также и звѣзды, сравнительно близкія къ намъ, для которыхъ должно быть небольшое смѣщеніе при наблюденіи съ двухъ діаметрально-противоположныхъ точекъ земной орбиты, должны выдѣлиться при сопоставленіи снимковъ, сдѣланныхъ черезъ полгода одинъ послѣ другого. Въ стереокомпараторѣ мы должны такимъ образомъ непосредственно при первомъ взглядѣ видѣть, какъ распредѣлены звѣзды въ пространствѣ, которыя ближе къ намъ, которыя дальше, а вѣдь звѣздныя разстоянія мы не можемъ мѣрить даже милліонами верстъ. Для этого вводятъ новую болѣе крупную мѣру — свѣтовой годъ: отъ самой близкой звѣзды свѣтъ, пробѣгая въ каждую секунду 280.000 верстъ, проходитъ $3^1/_2$ года; отъ слѣдующихъ изъ ближайшихъ — 6, 9, 30, 100 и 150 лѣтъ!

Особенное значеніе долженъ имѣть, по мнѣнію проф. Вольфа, стереокомпараторъ при изученіи малыхъ туманностей. При составленіи каталога астро-

Digitized by Google

номъ долженъ измѣрить положеніе ихъ на пластинкѣ. Объектовъ часто чрезвычайно много (напримѣръ, на одной пластинкѣ у проф. Вольфа въ созвѣздіи «Волосы Вереники» оказалось до 1.000 туманностей), всѣ они очень слабы и подъ микроскопомъ, когда изображеніе увеличено по размѣрамъ, ослаблено въ яркости и болѣе размыто, трудно признать и отожествить ихъ на различныхъ снимкахъ, немудрено и случайное пятнышко на пластинкѣ счесть за туманность. Въ стереокомпараторѣ два изображенія одного и того же предмета даютъ одно. Закрывая попеременно то одинъ, то другой глазъ, можно безъ труда ориентироваться въ снимкахъ, отожествить объекты и отмѣтить особыми мѣтками и номерами на обратной стеклянной сторонѣ пластинки. Новый инструментъ разъ въ десять ускоряетъ утомительную работу.

Съ стереокомпараторомъ, вѣроятно, будетъ легко отыскивать и новыя малыя планеты, оказывающіяся на двухъ снимкахъ нѣсколько смѣщенными, а также перемѣнныя звѣзды, являющіяся различной величины кружочками, такъ какъ при совмѣщеніи изображеній въ стереоскопѣ всякая разница въ частяхъ картины заставляетъ глазъ чувствовать нѣкоторую неловкость, легкую боль. Уже при первыхъ пробныхъ опытахъ, Вольфомъ сдѣлано нѣсколько такихъ открытій. Вольфъ рѣшается даже высказать мнѣніе, что съ примѣненіемъ стереокомпаратора въ изслѣдованіи перемѣнныхъ звѣздъ начинается новая эра.

Таковы надежды, возлагаемыя на новый интересный приборъ.

К. Покровскій.

О взаимодѣйствіи твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ. Этотъ интересный вопросъ прекрасно разработанъ въ рѣчи, произнесенной ректоромъ гентскаго университета, профессоромъ физики *Van der Mensbrugghe*, при открытіи курса 1901—1902 г. Въ послѣдующемъ мы и будемъ пользоваться фактами и соображеніями, приводимыми Мензбругге на основаніи изслѣдованій, какъ своихъ собственныхъ, такъ и другихъ физиковъ.

Прежде всего нужно подчеркнуть тотъ фактъ, что въ природѣ твердыя, жидкія и газообразныя частицы работаютъ всегда вмѣстѣ, и авторъ называетъ ихъ даже «тройственнымъ союзомъ». Къ поверхности каждаго твердаго тѣла пристаетъ масса частицъ воздуха и паровъ воды, съ другой стороны въ малѣйшей частицѣ воды содержится значительное число газовыхъ и твердыхъ частицъ, то въ растворѣ, то въ взвѣшенномъ состояніи.

Возьмемъ, напр., сухую песчинку. На основаніи многочисленныхъ и точныхъ изслѣдованій, ее можно сравнить съ комплексомъ маленькихъ частицъ, окруженныхъ эластической средой и какъ бы соединенныхъ другъ съ другомъ воображаемыми упругими пружинами, которыя стремятся сблизить эти частицы до предѣла, допускаемаго окружающей эластической средой. Отсюда ясно, что внутри песчинки каждая такая частица будетъ притягиваться большимъ числомъ пружинъ, чѣмъ частица, находящаяся въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ поверхностью нашей песчинки. Вслѣдствіе этого, сила упругости, развивающаяся при сближеніи молекулъ, больше внутри песчинки, чѣмъ въ ея поверхностномъ слоѣ, и частицы, находящіяся въ послѣднемъ, стремятся къ поверх-

Digitized by Google

ности. Такимъ образомъ наша песчинка окружена, какъ бы *оболочкой*, образованной частицами, разстояніе между которыми становится все больше и больше, по мѣрѣ приближенія къ поверхности песчинки. По выясненію *Плато* и *Квинке*, толщина такой оболочки меньше, чѣмъ 0.00005 миллиметра, новѣйшія изслѣдованія даютъ еще меньшую величину Упругостью этихъ оболочекъ, такъ называемымъ поверхностнымъ натяженіемъ, объясняется, напр., та легкость, съ какою вытекаетъ сухой песокъ черезъ маленькое отверстіе, или отскакиваніе рикошетомъ ядеръ, пущенныхъ наклонно въ сухой песокъ.

Въ интрамолекулярныя пространства этой оболочки проникаютъ со всѣхъ сторонъ частицы воздуха, состоящихъ изъ милліардовъ молекулъ азота, кислорода, углекислоты, паровъ, воды, аргона и т. п. Такимъ образомъ наша оболочка песчинки превращается въ комплексъ частицъ твердаго вещества, частицъ газовъ и паровъ. Такими оболочками покрыты всѣ твердыя тѣла, находящіяся на открытомъ воздухѣ. Благодаря имъ, мы можемъ брать эти предметы въ руки, не боясь, что они пристанутъ къ нашимъ пальцамъ, мы можемъ ходить, не прилипая къ землѣ или къ полу.

Даже самые гладкіе предметы покрыты такими оболочками, состоящими изъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ.

Но если поверхность тѣла болѣе или менѣе изчерчена и шероховата, то явленіе осложняется еще слѣдующимъ. Пары воды, находящіеся въ окружающемъ воздухѣ, сгущаются тѣмъ скорѣе и легче, чѣмъ уже данное углубленіе.

Это явленіе, теоретическое обоснованіе которому далъ *лордъ Кельвинъ*, прекрасно объясняетъ свойства такихъ гигроскопическихъ веществъ, какъ, напр., волокна пеньки, бумажныя, шерстяныя и шелковыя ткани, скрипичныя струны, шерсть животныхъ, волоса и пр. Во всѣхъ этихъ веществахъ находятся тончайшія трещины или отверстія, которыя поглощаютъ паръ воды скорѣе, при болѣе высокой температурѣ, чѣмъ тѣла съ гладкими поверхностями. Этимъ, напр., объясняется лопанье скрипичной струны, столь частое въ концертахъ. Струна, состоящая изъ скрученныхъ волоконъ, насыщаясь влагой, удлиняется и утолщается, отдѣльныя волокна уже не могутъ описывать прежняго числа спиралей безъ того, чтобы не былъ бы перейденъ предѣлъ растяженія—и струна разрывается.

Благодаря этому же портятся книги въ библіотекахъ и картины въ музеяхъ. Частицы пара проникаютъ въ тонкія воздушныя прослойки между листами книгъ и тамъ образуютъ среду, благопріятную для развитія различныхъ микроскопическихъ зародышей, всегда находящихся въ изобиліи на листахъ книгъ. Поэтому, для сохраненія книгъ полезно не только переплетать ихъ, но и золотить обрѣзъ, чтобы частицы пара не могли бы съ такою легкостью проникать между листами.

Картины отсырѣваютъ и портятся въ силу того же процесса. Сырость проникаетъ съ задней части картинъ, гдѣ холстъ не покрытъ краской и представляетъ тончайшіе пріемники для влаги. Можно было бы уберечься отъ этой порчи, если бы картины покрывать съ задней части какимъ-нибудь лакомъ или резиноподобнымъ веществомъ. Если боятся, что этимъ пріемомъ можно испор-

Digitized by Google

тить краски картинъ, то можно на заднюю часть картины плотно натягивать какую-нибудь неизмѣняющуюся ткань, которая будетъ защищать картину отъ проникновенія влаги.

Появленіе зимой на нашихъ оконныхъ стеклахъ красивыхъ, но неправильныхъ ледяныхъ узоровъ авторъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. На стеклахъ пыль распредѣлена, конечно, самымъ неравномѣрнымъ образомъ, въ иныхъ мѣстахъ ее много, въ другихъ мало, въ третьихъ почти совсѣмъ нѣтъ.

Пары воды сгущаются прежде всего тамъ, гдѣ частицы пыли расположены такъ, что образуютъ наиболѣе тонкія капиллярныя пространства; здѣсь начинается затвердѣваніе сгустившейся воды, и первые осѣвшіе кристаллы являются центромъ дальнѣйшаго сгущенія и кристаллизаціи.

Можно привести еще много примѣровъ, которые объясняются такимъ взаимодѣйствіемъ твердыхъ, жидкихъ и газообразныхъ частицъ въ капиллярныхъ пространствахъ, — напримѣръ, ржавленіе конца иголки, воткнутой въ подушку, набитую опилками, разрывъ веревки, прикрѣпленной къ желѣзному крюку и поддерживающей картину и т. п. Но обратимся къ явленіямъ болѣе грандіознымъ, совершающимся въ природѣ.

Каждый комъ земли въ обработанномъ полѣ сложенъ изъ безконечнаго числа твердыхъ зеренъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга «оболочками», менѣе плотными, чѣмъ эти зерна; въ оболочкѣ находятся самыя разнообразныя твердыя, жидкія и газообразныя частицы. Послѣ дождя, достаточнаго для того, чтобы напитать почву на нѣсколько сантиметровъ въ глубину, наступаютъ явленія, извѣстныя уже, можетъ быть, тысячелѣтія, но доселѣ, по словамъ автора, еще не объясненныя. Частицы, образующія оболочку, слишкомъ удалены другъ отъ друга для того, чтобы между ними могло существовать болѣе или менѣе значительное притяженіе. Когда же дождевая вода проникнетъ во всѣ промежутки и образуетъ вокругъ каждаго зерна почвы смачивающій слой, то совокупность такихъ слоевъ начинаетъ повиноваться уже сцѣпленію жидкости, и такъ какъ вода прилипаетъ къ почвѣ сильнѣе, чѣмъ воздухъ, то зерна почвы склеиваются другъ съ другомъ сильнѣе, чѣмъ въ сухой почвѣ. Въ результатѣ объемъ такой насыщенной водою почвы становится меньше, чѣмъ сухой. Если затѣмъ эта почва подвергается достаточно продолжительному высыханію, то мало-по-малу смачивающіе слои испаряются, и зерна почвы сближаются другъ съ другомъ; объемъ верхняго почвеннаго слоя постепенно еще болѣе уменьшается, наконецъ, онъ становится совершенно компактнымъ и въ немъ необходимо должны образоваться болѣе или менѣе широкія и глубокія трещины. Такъ появляются тѣ компактныя глыбы земли, которыя доставляютъ земледѣльцу столько хлопотъ.

Съ другой стороны, это неудобство компенсируется явленіемъ, весьма благопріятнымъ для произрастанія: послѣ продолжительнаго сухого періода почва сильнѣе сдавливаетъ корни растеній и они еще долго могутъ поглощать остатки влаги, сохранившейся еще въ землѣ.

На основаніи своихъ опытовъ и вычисленій, авторъ пришелъ къ заключенію, что вода такого слоя, смачивающаго какое-нибудь твердое тѣло, нахо-

Digitized by Google

дится въ болѣе сгущенномъ состоянiи, чѣмъ вода внутри водяной массы, такъ какъ твердое смачиваемое тѣло посылаетъ въ смачивающiй слой энергичные удары. Благодаря этому, въ смачивающемъ слоѣ находятся и твердыя, и жидкiя частицы и плотность его больше, чѣмъ обыкновенной воды.

Этимъ объясняется выдѣленiе тепла, наблюдаемое при насыщенiи почвы водою и тѣмъ болѣе сильнѣе, чѣмъ болѣе раздроблена земля и чѣмъ, слѣдовательно, больше число такихъ смачивающихъ слоевъ. Уже со временъ опытовъ французскаго физика *Пулье* выяснилось, что изъ неорганическихъ веществъ при насыщенiи водою наиболѣе нагрѣвались наиболѣе пористыя—глина, кирпичъ,—но еще болѣе сильное нагрѣванiе происходило при насыщенiи водою тѣлъ органическихъ. Такъ, напр., сухая бумага, насыщенная водою, нагрѣвалась на 4°,5 Ц., корень ириса на 6°,12, крахмалъ на 9°,7, наконецъ, очень тонкiя животныя перепонки почти на 10°.

Эти опыты выясняютъ намъ одну изъ причинъ всѣмъ извѣстнаго явленiя, что новина даетъ лучшiе урожаи, чѣмъ почва, бѣдная органическими веществами.

На основанiи своихъ опытовъ, авторъ приходитъ къ заключенiю, что вообще всякое измѣненiе въ температурѣ поверхности, раздѣляющей твердое тѣло отъ жидкаго, влечетъ за собою термоэлектрическiй токъ. Поэтому явленiя смачиванiя должны имѣть громадное значенiе въ метеорологiи. Дѣйствительно, если каждая капля воды, смачивающая песчинку, вызываетъ повышенiе температуры и, слѣдовательно, термоэлектрическiй токъ, то какiя же грандiозныя тепловыя и электрическiя явленiя должны происходить въ природѣ, когда громадныя массы паровъ подымаются въ воздушный океанъ и обволакиваютъ тамъ мирiады пылинокъ, или когда тропическiе дожди перiодически насыщаютъ почву. Такимъ образомъ устанавливаютъ причины и термоэлектрическихъ токовъ въ почвѣ и накопленiя электричества въ атмосферѣ.

Новая теорiя происхожденiя конечностей. Происхожденiе и развитiе конечностей у позвоночныхъ принадлежитъ къ наиболѣе интереснымъ вопросамъ сравнительной анатомiи и эмбрiологiи. Существуютъ двѣ теорiи, пытающiяся рѣшить этотъ вопросъ. Одна изъ нихъ, такъ называемая «теорiя архиптеригiя», принадлежитъ *Гегенбауеру*, другая — *Бальфуру*, *Миварту*, *Дорну*, *Эшару*. По Гегенбауеру конечности позвоночныхъ развились изъ жаберныхъ дугъ. За исходную схему строенiя конечностей Гегенбауеръ принимаетъ плавникъ цератодуса — двоякодышащей рыбы, у которой онъ состоитъ изъ расчлененнаго главнаго луча съ двумя рядами боковыхъ лучей. Эту примитивную форму конечности Гегенбауеръ называетъ Archipterigium (архиптеригiй). У цератодуса жаберная дуга, образующая конечность, передвигается назадъ; главный лучъ съ боковыми лучами образуютъ собственно конечность, дуга же—поясокъ, прикрѣпляющiй конечность къ тѣлу. Изъ конечности—плавника цератодуса, согласно этой теорiи, развились плавники селахiй путемъ развитiя лучей, прикрѣпленныхъ не къ жаберной дугѣ, а къ одной сторонѣ главнаго луча. Отъ конечности же селахiй Гегенбауеръ производитъ конечности

Digitized by Google

амфибій и млекопитающихъ. При этомъ изъ 3 костей, составляющихъ основаніе плавника, остается одна, остальныя же кости принимаютъ иное расположеніе; пальцы (кромѣ указательнаго), нѣкоторыя кости пястья и запястья образуются изъ боковыхъ лучей. Такимъ образомъ и получается пятипалая конечность.

По теоріи, развитой Бальфуромъ, Мивартомъ и др., плавники образуются изъ боковыхъ кожныхъ складокъ. Извѣстно, что у селахій и амфибій во время ихъ эмбріональнаго развитія образуется двѣ парныя кожныя складки, идущія отъ жаберныхъ щелей вдоль всего тѣла и сливающіяся съ непарной спинной складкой. Въ эти боковыя складки врастаютъ мускулы тѣла, состоящіе изъ верхней и нижней части, между которыми находится хрящевой лучъ. Части, изъ которыхъ образуются передніе и задніе плавники, развиваются дальше, а между ними лежащія части исчезаютъ.

Конечности рыбъ рѣзко отличаются отъ конечностей остальныхъ позвоночныхъ; переходныя же формы неизвѣстны. Кромѣ того, многіе признаютъ, что первоначально вся боковая складка кожи служила для передвиженія, позже, съ развитіемъ конечностей и исчезновеніемъ боковыхъ складокъ, исчезли и мускулы.

Къ этой теоріи примыкаетъ также *Рабль*, недавно опубликовавшій большую работу, касающуюся даннаго вопроса.

Онъ обращаетъ вниманіе на плавники тѣхъ рыбъ, у которыхъ они состоятъ изъ хрящей. У этихъ рыбъ замѣчается большое сходство между переднимъ краемъ грудныхъ плавниковъ и заднимъ краемъ брюшныхъ, а также между заднимъ краемъ грудныхъ и переднимъ брюшныхъ плавниковъ. Сходство это нѣкоторые зоологи «объясняли» тѣмъ, что брюшные плавники повернулись на 180° по отношенію къ груднымъ.

Прежде чѣмъ рѣшить этотъ вопросъ, *Рабль* спрашиваетъ, почему изъ боковыхъ складокъ образовалось не больше двухъ конечностей, вѣдь не потому же, что большее ихъ число явилось бы менѣе благопріятнымъ для животнаго.

По мнѣнію Рабля, боковыя складки, съ мускулами, въ нихъ находящимися, служили вовсе не органомъ передвиженія въ собственномъ смыслѣ, но скорѣе парашютомъ, роль котораго начиналась, главнымъ образомъ, по прекращеніи движенія впередъ и при боковомъ положеніи животнаго, а также для поддержанія равновѣсія. Подобное значеніе и теперь сохраняютъ парные плавники въ томъ смыслѣ, что они только вмѣстѣ съ непарными плавниками задней части тѣла являются органомъ передвиженія въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Но не смотря на то, что боковыя кожныя складки имѣли значеніе парашюта, въ нихъ все же могла развиться мускулатура, которая дала возможность совершать нѣкоторыя движенія. Для этого, по мнѣнію Рабля, вовсе не нужно, чтобы мускулатура сразу развилась по всей длинѣ боковыхъ кожныхъ складокъ, необходимо только, чтобы сначала она появилась вблизи передняго и задняго концовъ этихъ складокъ. Отсюда мускулатура распространяется по всей складкѣ съ дифференцировкой на спинные и брюшные мускулы или разгибателей и сгибателей; между ними же, изъ соединительной ткани складки, образуются лучи плавниковъ. Затѣмъ, въ переднемъ и заднемъ концѣ складки появляются хрящевые лучи. Такимъ

Digitized by Google

образомъ опорой обоихъ концовъ складокъ стали служить хрящевые лучи; благодаря этому они не только смогли взять на себя роль боковыхъ складокъ, но и выполнить эту роль даже лучше послѣднихъ. Вслѣдствіе этого средина складокъ могла исчезнуть, концы же ихъ развиться въ брюшные и грудные плавники. Но такъ какъ скелетъ въ части складки, изъ которой образовался грудной плавникъ, развивался спереди назадъ, а въ брюшномъ плавникѣ наоборотъ, сзади напередъ, то понятно, что передній конецъ грудного плавника долженъ болѣе или менѣе походить на задній брюшнаго, а передній этого послѣдняго на задній грудного. Что же касается непарной спинной складки, то изъ нея съ самаго начала развиваются непарные плавники въ менѣе ограниченномъ количествѣ, и развитіе ихъ скелета идетъ изъ одной, а не изъ двухъ точекъ, какъ это мы видѣли у парныхъ плавниковъ. Этимъ общимъ происхожденіемъ изъ кожныхъ складокъ и объясняется сходство строенія непарныхъ брюшныхъ и спинныхъ плавниковъ.

На основаніи изученія исторіи развитія позвоночныхъ, Рабль приходитъ къ заключенію, что формы плавниковъ, напримѣръ, акулы и осетра, а также и двоякодышащихъ имѣютъ различное происхожденіе; въ образованіи плавниковъ большую роль играетъ образъ жизни этихъ рыбъ, а также и та или иная глубина, на которой они обитаютъ. У нѣкоторыхъ двоякодышащихъ (Protopterus) конечности узкія, у другихъ (Ceratodus) широкія—настоящіе плавники. Многіе ученые принимаютъ, что эти широкія конечности являются первоначальными формами; Рабль же первоначальными формами плавниковъ двоякодышащихъ считаетъ наиболѣе простые, наименѣе расчлененные плавники, которые и теперь еще встрѣчаются у нѣкоторыхъ двоякодышащихъ рыбъ, живущихъ на незначительныхъ глубинахъ (Lepidosiren), сильно же расчлененные плавники Цератодуса произошли, по его мнѣнію, изъ первыхъ, болѣе простыхъ плавниковъ, путемъ образованія новыхъ лучей. Для многихъ двоякодышащихъ рыбъ, напр. Протоптеруса, тонкіе плавники являются только второстепеннымъ орудіемъ передвиженія; то же можно сказать и про хвостатыхъ амфибій, когда онѣ движутся въ водѣ. Тонкія оконечности тѣхъ и другихъ, согласно изслѣдованію Рабля, произошли изъ боковыхъ складокъ кожи.

Большая пропасть, по мнѣнію автора, лежитъ между плавниками рыбъ и пятипалыми конечностями остальныхъ позвоночныхъ. Рабль, основываясь на своихъ изслѣдованіяхъ эмбріональнаго развитія пятипалой конечности указываетъ, что пять лучей такой конечности появляются не всѣ сразу, но сначала одинъ, затѣмъ другой, третій и т. д. Это приводитъ автора къ мысли, что и въ филогенетическомъ развитіи пятипалая конечность появилась не сразу, а образовалась изъ гораздо менѣе расчлененной поверхности. Многое въ эмбріональномъ развитіи говоритъ въ пользу этого взгляда. Такъ, авторъ нашелъ, что развитіе пальцевъ верхней и нижней конечности идетъ совершенно инымъ образомъ, чѣмъ развитіе плавниковыхъ лучей. Замѣчательно, что нѣкоторыя кости плюсны ноги имѣютъ вначалѣ общее очертаніе и разъединяются только впослѣдствіи. Изученіе конечностей амфибій подкрѣпляетъ Рабля въ его взглядѣ о позднѣйшемъ происхожденіи пятипалыхъ конечностей. Одни пред-

Digitized by Google

ставители этого класса животныхъ имѣютъ пятипалыя конечности, другіе четырехпалые, наконецъ третьи—трехъ—и даже двухпалый (Протей). У этихъ трехъ или двухпалыхъ амфибій плюсна состоитъ только изъ трехъ костей. При сравненіи такой плюсны съ плюсною пяти и четырехпалыхъ амфибій Рабль замѣтилъ, что, такъ сказать, лишнія кости плюсны послѣднихъ имѣютъ вторичный характеръ и могутъ быть выведены изъ трехъ остальныхъ костей плюсны. Авторъ разсматриваетъ скелетъ плюсны передней конечности зародыша амфибіи, состоящей изъ трехъ костей, и находитъ, что первичная базальная кость не подвергается впослѣдствіи расчлененію, первичная радіальная чаще дѣлится на двѣ части, но первичная локтевая средняя, претерпѣваетъ впослѣдствіи и дальнѣйшее расчлененіе. Расчлененіе первичной радіальной кости плюсны всегда только поперечное, а первичной локтевой и поперечное и продольное. Тоже самое наблюдается и по отношенію къ задней конечности. Три первичныя кости плюсны передней конечности авторъ нашелъ и при изученіи эмбріональнаго развитія саламандры, у которой только въ позднѣйшихъ періодахъ этого развитія появляется такое число пальцевъ, которое мы наблюдаемъ у взрослаго животнаго. На основаніи этого Рабль приходитъ къ заключенію, что первоначальная форма плюсны какъ передней, такъ и задней конечности всѣхъ пальчатыхъ позвоночныхъ животныхъ была плюсна, состоящая изъ трехъ костей.

На оконечности прежде всего, согласно изслѣдованію Рабля, появляются, благодаря расщепленію, два пальца, одинаковые, какъ по своему происхожденію, такъ и по своей формѣ; происхожденіе же остальныхъ пальцевъ совершенно иное. Третій и четвертый палецъ появляются не вслѣдствіе дальнѣйшаго расщепленія лучевого отвѣтвленія конечности, но благодаря образованію почковидныхъ выступовъ на лучевой сторонѣ послѣдней

Такимъ образомъ, по представленіи Рабля, появленіе пятипалой конечности идетъ слѣдующимъ образомъ. Сначала изъ складки кожи появляется культевидная или шиловидная конечность, позднѣе на ней отщепляются два пальца—образуется уже органъ, способный служить для передвиженія и который авторъ сравниваетъ съ конечностями членистоногихъ. Затѣмъ, въ силу функціональныхъ приспособленій, идетъ дальнѣйшее расчлененіе.

Значеніе извести и магнезіи для растеній. *Д. Май и О. Левъ* производили съ 1899 г. въ лабораторіи для физіологіи и патологіи растеній при департаментѣ земледѣлія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ цѣлый рядъ опытовъ относительно значенія извести и магнезіи для процвѣтанія растеній. Уже давно было извѣстно, что соли магнезіи составляютъ крайне вредную составную часть почвы и что обогащеніе почвы магнезіей, вслѣдствіе долговременнаго удобренія ея неочищенными калійными солями (Abraumsalze), дѣлаетъ ее, въ концѣ концовъ, совершенно неплодородной, такъ какъ эти соли содержатъ много магнезіи, иногда до 9 процентовъ.

При опытахъ съ культурами въ водѣ, въ пескѣ и въ садовой землѣ оказалось, что растворенныя соли магнезіи, даже въ очень небольшомъ количествѣ,

Digitized by Google

являются сильнымъ ядомъ для растеній, если только въ почвѣ нѣтъ извести. Но какъ только въ почву вводилась известь въ растворенномъ состояніи и въ одинаковомъ съ солями магнезіи количествѣ или въ избыткѣ, сейчасъ же прекращалось вредное вліяніе, оказываемое соединеніями магнезіи, и даже большія количества магнезіи теряли свое вредное вліяніе. Другія соли не оказываютъ такого благопріятнаго вліянія на почву, богатую магнезіей, какъ соли извести.

При опытахъ съ культурами въ пескѣ, въ который вводили магнезію и известь въ видѣ азотнокислыхъ солей, наилучшіе результаты получились при небольшомъ избыткѣ азотнокислой извести. При введеніи большого количества азотнокислой извести страдалъ ростъ растеній, точно также какъ и при незначительномъ избыткѣ азотнокислой магнезіи; при большомъ же избыткѣ послѣдней соли, растеніе немедленно погибало.

При опытахъ съ культурами въ почвѣ, въ которую вводилась углекислая магнезія, вредное вліяніе, оказываемое этою солью, не уничтожалось даже отъ прибавленія углекислой извести, такъ какъ послѣдняя соль менѣе растворима, чѣмъ первая. Но зато введеніе сѣрнокислой извести вызывало немедленно улучшеніе, потому что эта соль извести гораздо легче растворяется, чѣмъ углекислое ея соединеніе. На основаніи дальнѣйшихъ опытовъ, оказалось гораздо цѣлесообразнѣе, для устраненія вреднаго вліянія магнезіи, вводить въ почву гипсъ не сразу въ большомъ количествѣ, а ежегодно небольшими порціями, до тѣхъ поръ, пока содержаніе извести не сравняется съ содержаніемъ магнезіи.

Введеніе въ почву гипса въ большомъ количествѣ полезно только въ тѣхъ случаяхъ, когда магнезія попадаетъ въ почву вмѣстѣ съ неочищенными солями калія, въ видѣ удобренія. Иногда вмѣстѣ съ углекислою известью вносится въ почву углекислая магнезія, если первая примѣняется въ видѣ удобреній, содержащихъ магнезію; такія удобренія примѣняютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда желательно сдѣлать плодородной почву, богатую кислотами. Такъ, *Велеръ* въ своемъ сочиненіи объ исландскихъ почвахъ давно уже указывалъ, что углекислая известь является, во всякомъ случаѣ, лучшимъ и самымъ простымъ средствомъ для освобожденія отъ кислотности; той же цѣли, впрочемъ, можно достигнуть при помощи удобренія мергелемъ. Тѣ, которые прибѣгаютъ съ этой цѣлью къ извести, должны раньше убѣдиться, что она не содержитъ въ большомъ количествѣ углекислой магнезіи, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, они только ухудшатъ почву вмѣсто того, чтобы ее улучшить.

Къ вопросу о рефлекторныхъ движеніяхъ. Рефлекторными движеніями, какъ извѣстно, называютъ такія движенія, которыя вызываются большею частью прямо спиннымъ мозгомъ и отвѣчаютъ непосредственно на раздраженіе. Таковы, напр., защитныя движенія или такія координированныя движенія, какъ ходьба, танцы, игра на инструментахъ, ѣда и т. д. Для воспроизведенія ихъ, слѣдовательно, не нужно дѣятельности головного мозга и потому они совершаются даже обезглавленными животными. *Флурансъ* удалялъ у голубей головной мозгъ; несмотря на это, они въ теченіе многихъ мѣсяцевъ ѣли пищу и проглатывали ее, какъ только ее вводили имъ въ клювъ, такъ какъ сами они не были въ состояніи ее оты-

Digitized by Google

скивать. *Робэнъ* произвелъ опытъ съ преступникомъ, который за часъ до того былъ обезглавленъ. Онъ дѣлалъ царапины скальпелемъ около грудного соска и вызвалъ благодаря этому сильныя защитныя движенія: мертвецъ сталъ двигать руками по спинѣ. Д-ръ *В. Штернбергъ* сообщаетъ въ одномъ спеціальномъ журналѣ о мимическихъ движеніяхъ при вкусовыхъ ощущеніяхъ, которыя ему пришлось наблюдать у одного родившагося безъ полушарій головного мозга ребенка. Ребенокъ дожилъ—совершенно необычайный случай—до десяти дней. Опыты были поставлены на второй день послѣ рожденія и состояли въ томъ, что новорожденному, при помощи волосяной щеточки, смазывали языкъ различными растворами; для этой цѣли брались сладкіе, горькіе, соляные и кислые растворы. Новорожденный до того времени не принималъ никакой пищи; какъ только ему смазали языкъ сладкимъ растворомъ, онъ открылъ глаза, сталъ облизываться; онъ отвѣдалъ съ большимъ удовольствіемъ, очевидно, въ первый разъ этотъ растворъ и даже схватилъ щеточку. Послѣ этого языкъ смазали горькимъ растворомъ; лицо ребенка сейчасъ же искривилось, онъ закинулъ головку назадъ, приподнялъ ее нѣсколько разъ немного вверхъ и выбросилъ жидкость. Тогда ему снова смазали языкъ растворомъ сахара; при первой попыткѣ ребенокъ пытался оказать сопротивленіе (вслѣдствіе продолжавшагося еще ощущенія горькаго), но затѣмъ, очевидно, проглотилъ съ удовольствіемъ. Кислый уксусный растворъ вызвалъ жалкія гримасы на лицѣ и новое выраженіе неудовольствія съ попытками защитить себя; но «кислое выраженіе» лица быстро смѣнилось «сладкими», какъ только языкъ снова былъ смазанъ растворомъ сахара. Соленый растворъ вызвалъ также неудовольствіе, сжатіе рта и нежеланіе его проглотить. Въ данномъ случаѣ, слѣдовательно, лишенный полушарій головного мозга ребенокъ черезъ 26 часовъ послѣ рожденія обнаружилъ, подъ вліяніемъ вкусовыхъ ощущеній, тѣ же мимическія движенія, что и нормальный ребенокъ, и взрослый человѣкъ.

В. Аг.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Мартъ 1902 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Исторія Литературы.—Исторія всеобщая.—Политическая экономія. — Философія. — Публицистика.— Справочныя изданія.—Новыя книги.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Д. Мережковскій. «Разсказы».—*А. Яблоновскій.* «Очерки и разсказы».—*В. Брусянинъ.* «Разсказы».—*С. Я. Надсонъ.* «Недопѣтыя пѣсни».—*В. Рудичъ.* «Стихотворенія».

Д. Мережковскій. Итальянскія новеллы конца XV в. Микель Анжело. Святой Сатиръ. Москва. Изд. «Скорпіонъ». 1902 г. Ц. 1 р. 35 к. Итальянскія новеллы, хроники и легенды, составившія настоящій сборникъ г. Мережковскаго, представляютъ тотъ подготовительный матеріалъ, который былъ нуженъ автору для второй части его трилогіи—«Христосъ и Антихристъ»—«Воскресшіе боги». Матеріалъ этотъ, ни мало неинтересный самъ по себѣ, заслуживаетъ вниманія съ другой стороны. Въ настоящее время г. Мережковскій «изъ кожи лѣзетъ вонъ», дабы повѣдать urbi et orbi о той эволюціи, какую онъ совершаетъ въ сторону православной ортодоксіи. Въ новомъ «религіозномъ обществѣ», учрежденномъ въ Петербургѣ, онъ занялъ не только «правое» крыло, но далеко оставилъ за флагомъ даже оффиціальныхъ представителей воинственной ревностью, съ которой онъ разитъ всякаго врага и супостата. Въ «Мірѣ Искусства» онъ неистово раздѣлываетъ Толстого и всѣхъ иже съ нимъ. Въ публичныхъ лекціяхъ онъ ратоборствуетъ противъ «діавола», ущемляя его за хвостъ съ ловкостью, напоминающей монаха Ѳерапонта изъ «Братьевъ Карамазовыхъ». И такъ всюду, куда бы ни завела его судьба, онъ силится подчеркнуть свою воинствующую ревность и жаръ, какими онъ охваченъ нынѣ. Мы, наивные свидѣтели этихъ подвиговъ новоявленнаго архистратига, невольно задавались вопросомъ, чѣмъ объяснить этотъ странный жаръ и всю необычность такой эволюціи въ человѣкѣ, который еще на дняхъ былъ то эллиномъ, то итальянцемъ эпохи возрожденія? Невзрачная книжечка его новеллъ открыла намъ секретъ, которымъ считаемъ не лишнимъ подѣлиться и съ другими.

Дѣло, какъ оно представляется намъ, очень просто. Когда г. Мережковскій сочинялъ своего «Юліана-Отступника», онъ рядился въ эллинскіе наряды, создавая себѣ искусственную обстановку для эллинскаго настроенія. То же, какъ свидѣтельствуетъ лежащая передъ нами книжечка новеллъ изъ старо-итальянской жизни, продѣлывалъ онъ, когда писалъ «Леонардо да-Винчи». А теперь ему надо приступать къ третьей части трилогіи, въ которой должна быть дана генеральная битва Антихристу, въ изображеніи борьбы раскола съ Петромъ Великимъ. И г. Мережковскій, какъ говорится, «монтируетъ» себя. Онъ силится войти въ то настроеніе, какое должны были переживать люди той эпохи, когда одни сотнями сжигали себя въ срубахъ, а другіе за двуперстное сложеніе

Digitized by Google

колебали русское государство. Французъ Гюисмансъ указалъ ему дорогу, какъ надо поступать въ такомъ случаѣ. Когда онъ задумалъ воспроизвести средневѣковую мистику, онъ перерядился въ монаха, поступилъ послушникомъ въ монастырь молчальниковъ и потомъ все это надлежаще описалъ. Г. Мережковскій подражаетъ ему,—конечно, примѣнительно къ обстоятельствамъ времени и мѣста, но цѣль одна и та же. Онъ хочетъ возбудить въ себѣ религіозный жаръ, нападая на Толстого и всѣхъ отступниковъ, искусственно раздражаетъ себя, возбуждаетъ и взвинчиваетъ, такимъ путемъ надѣясь проникнуть въ тѣ таинственныя области духа, откуда исходило упорство Аввакумовъ, Денисовыхъ и ихъ гонителей. Но тутъ съ нимъ и случилась бѣда. Прежде, для эллинства и эпохи возрожденія, онъ имѣлъ массу примѣровъ, пути здѣсь проложены и ритуалъ богато разработанъ. Не то въ его новомъ положеніи. Здѣсь ему приходится быть новаторомъ, и на первыхъ же шагахъ онъ обнаружилъ недостатокъ оригинальности и творчества, этотъ коренной дефектъ его натуры, какъ писателя. Ибо за всю свою двадцатилѣтнюю литературную дѣятельность онъ былъ всегда и во всемъ подражателемъ. Въ тѣ дни, когда ему еще «были новы всѣ впечатлѣнія бытія», онъ подражалъ въ своихъ стихотвореніяхъ Некрасову и Надсону; потомъ онъ только подражалъ декадентамъ запада, далѣе сталъ въ ряды г. Волынскаго и вслѣдъ за нимъ шествовалъ на завоеваніе новой красоты, которую вычиталъ у прерафаэлитовъ и у Рёскина. Теперь онъ очутился въ безпомощномъ положеніи. Отсюда его современныя метанія между Толстымъ и Достоевскимъ, псалтиремъ и участкомъ, діаволомъ и святой водой. Въ погонѣ за не дающимся ему настроеніемъ, онъ изображаетъ теперь не то петербургскую просвирню, съ ея наивною вѣрою въ «тьму эгипетскую», заключенную въ стклянкѣ у мимо идущаго странника, не то петербургскаго чиновника, который, сидя въ департаментскомъ креслѣ, думаетъ предписаніями и отношеніями утверждать вѣру отъ «хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды». Такъ, снѣдаемый горячкой подражанія, онъ остается все тѣмъ же лаодикійскимъ ангеломъ, который никогда не былъ ни холоденъ, ни горячъ. И безслѣдно звучатъ для него роковыя слова: «ты говоришь: я богатъ, разбогатѣлъ и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ. Совѣтую тебѣ купить у меня золото, огнемъ очищенное, чтобы тебѣ обогатиться, и бѣлую одежду, чтобы одѣться, и чтобы не видна была срамота наготы твоей, и глазною мазью помажь глаза твои, чтобы видѣть».

Въ книжечкѣ новеллъ все подражательно, въ особенности сильно вліяніе разсказовъ Анатоля Франса, съ добавленіемъ личной особенности г. Мережковскаго въ видѣ ничѣмъ не прикрытаго сладострастія. Образчикомъ могла бы служить послѣдняя легенда «Святой Сатиръ», гдѣ видѣнія монаха изображены съ тою напряженностью больного воображенія, которая носитъ въ психіатріи вполнѣ опредѣленное названіе. Теперь, когда въ сокрушеніи духа г. Мережковскій ищетъ новаго настроенія, ему остается окурить себя ладаномъ и окропить себя исопомъ, прежде чѣмъ онъ приступитъ къ «святымъ ступенямъ», по которымъ онъ собирается шествовать нынѣ съ святымъ лицемѣріемъ въ третью часть своей трилогіи. Только войдетъ ли онъ въ нее? Сильно сомнѣваемся, чтобы всѣ эти ужимки и прыжки помогли ему. Въ «Юліанѣ-Отступникѣ» и «Леонардо да-Винчи» онъ имѣлъ богатую литературу, гдѣ черпалъ безданно-безпошлинно. А въ новомъ предпріятіи онъ съ самаго начала пошелъ безъ обычнаго руководства. И потому, отнюдь не претендуя на всевѣдѣніе пророка, предвидимъ плачевное фіаско, какое ожидаетъ новаго архистатига въ его окончательной стычкѣ съ Антихристомъ.

Любопытнѣе всего для насъ та новая эволюція, которая завершитъ трилогію личныхъ перевоплощеній г. Мережковскаго—изъ либръ-пансера черезъ

Digitized by Google

мистика въ просвѣтѣ—и изъ сей послѣдней? Поживемъ—увидимъ, а пока, разгадавъ секретъ его современныхъ вольтовъ и пассовъ, можемъ не безъ удовольствія взирать на подвиги, совершаемые г. Мережковскимъ въ литературѣ и на общественной аренѣ. Всѣмъ, поэтому, кто не безъ удивленія взираетъ на его непонятную игру, совѣтуемъ заглянуть въ разбираемую книжечку, гдѣ примитивная фигурка автора встаетъ передъ читателемъ во всей «срамотѣ наготы своей». *А. Б.*

А. Яблоновскій. Очерки и разсказы. 1902 г. Ц. 1 р. Изд. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Харьковъ. Имя нашего талантливаго сотрудника, А. А. Яблоновскаго, хорошо знакомо читателямъ нашего журнала. Не только его блестящіе очерки «Изъ гимназической жизни»,—лучшее, что появилось за послѣднее время въ литературѣ относительно внутренней жизни нашихъ гимназій,—но и рядъ его художественныхъ картинокъ изъ жизни деревни, появившихся ранѣе, обращали вниманіе читателей и критики на этотъ свѣжій талантъ. Напомнимъ его «Деревенскія картинки», «На изысканіяхъ», «Конокрадъ», «Нухимъ», напечатанные отчасти у насъ, отчасти въ другихъ изданіяхъ. Отличительная черта, рѣзко выдѣляющая г. Яблоновскаго изъ числа другихъ молодыхъ художниковъ, это его здоровый мягкій юморъ, которымъ проникнуты его художественныя картинки и такія большія произведенія, какъ «Изъ гимназической жизни». Благодаря этому юмору, самыя мрачныя изображенія получаютъ подъ его перомъ оттѣнокъ особой жизненности. Что можетъ быть безотраднѣе его очерковъ гимназіи, а между тѣмъ впечатлѣніе получается отнюдь не безисходнаго мрака и мертвенности, какъ оно и есть въ дѣйствительности. Кто гимназисты вовсе не забитые и хмурые, жалкіе и больные, какими мы были бы готовы воображать ихъ себѣ на основаніи разныхъ теоретическихъ соображеній. Въ нихъ преобладаетъ черта здоровой, не поддающейся никакому гнету *молодой жизнерадостности*, которая одна только и спасала и спасаетъ нашу молодежь отъ полной умственной и нравственной гибели. Юмористическая жилка, свойственная автору, помогла ему не только высмѣять основной тонъ гимназическаго строя, но и выдѣлить эту радость жизни, которую не уложишь ни въ какія программы и не подавишь никакими усиліями. Нѣкоторые критики того типа, что всегда брюзжатъ на автора, зачѣмъ онъ «не знакомъ съ нашимъ пѣтухомъ», упрекали г. Яблоновскаго въ односторонности изображенія. Слишкомъ, по ихъ мнѣнію, его юноши веселы и бойки, какъ будто надъ ними не виситъ вѣчный гнетъ. Но въ томъ и дѣло, что мрачное и угрюмое настроеніе, свойственное самимъ критикамъ, они переносятъ и на жизнь молодежи, и въ этомъ ихъ главная ошибка. Стоя въ отдаленіи отъ современной молодежи, которая давно уже перестала интересоваться писаніями критиковъ этого лагеря, они незнаютъ ея и не понимаютъ. Вотъ почему имъ кажется невѣроятнымъ тотъ бодрый и здоровый духъ, которымъ вѣетъ отъ очерковъ г. Яблоновскаго.

Доставалось послѣднему и за его изображенія деревни, и одинъ, особенно злобствующій «ревнитель закона» даже сопричислилъ автора къ сотрудникамъ «Московскихъ Вѣдомостей» за его «Деревенскія картинки», въ которыхъ изображена крестьянская дѣтвора («Ребятишки»), мучающая животныхъ и выманивающая этимъ способомъ деньги у старой сердобольной барыни. Критикъ (въ покойной «Недѣлѣ») напоминалъ недостойному г. Яблоновскому «Крестьянскихъ дѣтей» Некрасова и призывалъ нашъ журналъ «къ порядку» за помѣщеніе на своихъ страницахъ подобныхъ произведеній, невѣрно рисующихъ деревню. Г. Яблоновскій имѣетъ, однако, дерзость помѣстить и въ отдѣльномъ изданіи своихъ «Ребятишекъ», эту, по нашему мнѣнію, прелестную въ художественномъ отношеніи картинку деревенской жизни. Правда, картинка жестокая, но еще старикъ Крыловъ сказалъ: «Сей возрастъ жалости не знаетъ».

Digitized by Google

Но и въ этой жестокости вы чувствуете столько юмора, безсознательно внесеннаго авторомъ въ изображеніе дѣтворы и ея отношенія къ барынѣ, что нужно быть въ особо злобномъ настроеніи, чтобы въ этой безобидной, хотя и своеобразной идилліи усмотрѣть нарочитый поклепъ на крестьянскихъ дѣтей.

Также прелестны его «На изысканіяхъ», «Удружилъ», «Нухимъ», которые нельзя читать безъ самаго веселаго, безобиднаго смѣха, хотя тема, напр., въ въ «Нухимѣ» вовсе не изъ особенно веселыхъ. Но авторъ, какъ истинный художникъ-реалистъ, и въ самомъ трагическомъ улавливаетъ всегда присущія ему черты комическаго, отчего съ особой выпуклостью выдѣляется въ его изображеніи голая, житейская правда.

Болѣе мраченъ изъ всѣхъ разсказовъ г. Яблоновскаго «Конокрадъ», написанный превосходно съ точки зрѣнія художественной мѣры, сжато и сильно. Юморъ и здѣсь смягчаетъ жестокость сцены избіенія конокрада, когда налетаетъ бравый становой и взмахомъ нагайки усмиряетъ разъяренную толпу.

Таковъ первый сборникъ произведеній г. Яблоновскаго, читаемыхъ съ неослабнымъ интересомъ. *А. Б.*

Вас. Брусянинъ. Разсказы. Ц. 1 руб. Изд. «Книжное дѣло». Москва. 1902 г. Есть одна общая черта у всѣхъ молодыхъ современныхъ беллетристовъ,—очень ужъ они торопятся «издавать» себя. Не успѣетъ такой авторъ написать съ полъ-дюжины «эскизовъ», «очерковъ», «разсказовъ», глядишь и новый сборникъ «произведеній такого-то». Въ результатѣ получается масса сборниковъ, которыми молодые начинающіе беллетристы забрасываютъ читателя, и если бы послѣдній занялся добросовѣстнымъ ихъ чтеніемъ, онъ скоро увялъ бы подъ непосильнымъ бременемъ, тѣмъ болѣе тягостнымъ, что огромное большинство гг. авторовъ на одно лицо. А лицо это такое неинтересное, однотонное, сѣрое, что смѣшать ихъ ничего не стоитъ. И лучшій совѣтъ, какой можно дать начинающему автору, это—не спѣшить съ отдѣльнымъ изданіемъ своихъ произведеній. Мы увѣрены, что тѣмъ изъ нихъ, у кого дѣйствительно есть талантъ, хотя еще и не развернувшійся, придется пожалѣть впослѣдствіи о своей поспѣшности.

«Разсказы» г. Брусянина отмѣчены всѣми тѣми чертами сѣрости и шаблонности, о которыхъ мы только что говорили. Благодаря такому неприглядному общему впечатлѣнію, теряются отдѣльныя живыя сцены и интересныя положенія. Быть можетъ, выдѣленныя изъ общей массы шаблоннаго матеріала, они и получили бы иное освѣщеніе въ глазахъ читателя. Теперь же они тонутъ въ ней, развѣ только подчеркивая общій характеръ скуки и мертвенности, лежащей на всей книжечкѣ г. Брусянина. Единственный очеркъ, рѣзко выдѣляющійся живостью, это послѣдній—«Капустныя головы». Такъ прозвали въ томъ городишкѣ, гдѣ авторъ провелъ дѣтство, солдатъ инвалидной команды и арестантовъ. Воспоминанія ли дѣтства, всегда живыя для каждаго, тема ли, хотя и захватанная какъ мѣдный пятакъ, но всегда живая—жизнь обездоленнаго и несправедливо приниженнаго солдата,—только очеркъ читается съ интересомъ и въ отличіе отъ всѣхъ остальныхъ написанъ съ «искрой» и теплотой.

С. Я. Надсонъ. Недопѣтыя пѣсни. (Изъ посмертныхъ бумагъ). Съ новымъ портретомъ поэта. Тв. Изд. лит. фонда. 1902 г. Ц 1 р. Небольшой изящно изданный сборникъ отрывковъ покойнаго поэта, любящей рукой собранныхъ и расположенныхъ по датамъ, представляетъ въ высокой степени пріятный подарокъ всѣмъ, кто любитъ, цѣнитъ и понимаетъ музу Надсона. А кто ея не любитъ? До сихъ поръ Надсонъ является любимцемъ нашей молодежи, до сихъ поръ все болѣе чуткое и живое ищетъ и находитъ у него откликъ на свои зарождающіяся стремленія къ міру идей, въ широкую жизнь чувства и идеальныхъ настроеній. Въ «Недопѣтыхъ пѣсняхъ» образъ поэта остается такимъ же чистымъ и яснымъ, какимъ мы знаемъ его въ болѣе позд-

Digitized by Google

нихъ, выдержанныхъ и законченныхъ произведеніяхъ. «Сила его таланта и искренности,— говоритъ редакція,— ярко бросается въ глаза даже въ самыхъ незначительныхъ наброскахъ (въ 2—3 стиха), кинутыхъ бѣглой рукой на бумагу, забытыхъ тотчасъ же и оставленныхъ навсегда безъ окончанія, безъ отдѣлки, порой даже безъ соотвѣтствующей риѳмы. Въ строгомъ смыслѣ это, конечно, не художественныя творенія, но зато вы слышите здѣсь теплоту искреннихъ слезъ, боль живого страданія».

Кромѣ этихъ отрывковъ и бѣглыхъ набросковъ, въ приложеніи помѣщено начало драмы «Царевна Софія», написанной пятистопными ямбами. Самъ по себѣ этотъ отрывокъ ничего еще не представляетъ, но онъ интересенъ, какъ лишняя черта для характеристики Надсона, которому не чуждъ былъ и міръ жестокихъ страстей, судя по избранному сюжету. Мы не думаемъ, что бы Надсонъ, съ его мягкой душой и нѣжнымъ сердцемъ, могъ справиться съ такими характерами, какъ царевна Софія, но любопытно это влеченіе юноши Надсона въ сторону такихъ сильныхъ типовъ. Видно, они влекли его къ себѣ именно тѣми своими чертами, на отсутствіе которыхъ въ себѣ онъ жаловался такъ часто. Въ приложеніи помѣщенъ еще отрывокъ изъ юношескаго дневника, который очень важенъ въ біографическомъ отношеніи. Здѣсь Надсонъ выступаетъ еще почти мальчикомъ, такъ какъ дневникъ писанъ за $6^1/_2$ лѣтъ до смерти. Въ дневникѣ все время звучитъ нотка недовольства собой и тѣми условіями жизни, въ которыя былъ поставленъ Надсонъ, всячески отбивавшійся отъ военной карьеры. Онъ ее и бросилъ при первой возможности, но на это ушло не мало силъ и не мало пришлось ему помучиться, пока удалось выбиться на свободный путь.

Общее впечатлѣніе сборника новыхъ произведеній Надсона очень пріятное. Оно ни въ чемъ не измѣняетъ того чарующаго образа, какой сложился у каждаго изъ насъ на основаніи его раньше извѣстныхъ произведеній. Въ этомъ году исполнилось пятнадцатилѣтіе со дня смерти поэта, и издатели прекрасно поступили, отмѣтивъ печальную годовщину выпускомъ настоящаго сборника «Недопѣтыхъ пѣсенъ». *А. Б.*

Стихотворенія Вѣры Рудичъ. Спб. изд. А. С. Суворина. Ц. 50 к. (63 стр.). Пріятное впечатлѣніе производитъ этотъ скромный сборничекъ изъ 52 небольшихъ, оригинальныхъ, чисто лирическихъ, стихотвореній. Ничего надуманнаго, вымученнаго, вычурнаго; никакой претензіи на якобы глубокія мысли, облеченныя въ туманную символику; но каждая пьеска не лишена здравой мысли или опредѣленнаго настроенія, всегда меланхолическаго, но безъ болѣзненнаго нытья или слащавой сентиментальности. Въ хорошихъ стихахъ выражено здѣсь то, что въ самомъ дѣлѣ пережилъ и перечувствовалъ авторъ, съумѣвшій передать чувство въ сжатой, образной, красивой и часто очень музыкальной формѣ. Гражданскихъ, откликающихся на злобу дня, мотивовъ въ книжкѣ нѣтъ; но свои личныя чувства авторъ выражаетъ задушевно и общечеловѣчно, и они понятны и близки сердцу каждаго. Для ознакомленія читателей съ талантливой поэтессой приводимъ двѣ пѣсни, не блещущія, какъ и вообще стихи г-жи Рудичъ, особенною оригинальностью, но понравившіяся намъ простотой и задушевностью.

Въ дѣвственной кельѣ твоей
Запахъ весны ароматной,
Перваго снѣга бѣлѣй
Пологъ постели опрятной,
Свѣжы на окнахъ цвѣты,
Ясно лампады сіянье...
Въ воздухѣ здѣсь разлиты
Миръ и покой, и молчанье,
Вѣянье бурь и тревогъ

Digitized by Google

Кажется сказкой далекой...
О, береги же порогъ
Кельи твоей одинокой!

Старушка.

Старыя руки заботливо вяжутъ
Кружевъ красивый узоръ.
Блѣдныя губы словечка не скажутъ,
Ясенъ опущенный взоръ.
Кажется, стала она изваяньемъ
Мирной, нѣмой старины.
Кажется, будто мудренымъ вязаньемъ
Мысли старушки полны.
Только сама про себя она знаетъ,
Петли считая его,
Сколько горячихъ молитвъ прочитаетъ,
Сколько припомнитъ всего.

Какъ на лучшія, укажемъ, напримѣръ, еще на слѣдующія стихотворенія: «Женщина», «Въ старомъ домѣ», «Обвивала вѣтка хмѣлевая», «Въ шуму немолкнущемъ», «О, какъ холодно сердцу усталому» и «Замираетъ волна погребальнаго звона» (оба эти стихотворенія напечатаны въ № VI «Міра Божьяго» 1894 г.), «Больная», «Слова, слова, всегда одни слова».

И такихъ хорошихъ вещицъ у г-жи Рудичъ не мало. Слабѣе другихъ показались намъ по искусственности: «Актеръ», «Не стучись ты въ мою неоткрытую дверь», «Плѣнная царица», «Стоитъ ли?» (совсѣмъ не свойственный автору пессимизмъ).

В. О—скій.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. Стороженко. «Опыты изученія Шекспира».—*Его же.* «Изъ области литературы».—«Подъ знаменемъ науки». Юбилейный сборникъ въ честь *Н. И. Стороженка.*

Н. Стороженко. Опыты изученія Шекспира. Изданіе учениковъ и почитателей. Москва. 1902.

Его же. Изъ области литературы. Статьи, лекціи, рѣчи, рецензіи. Изданіе учениковъ и почитателей. Москва. 1902.

Въ концѣ минувшаго года исполнилось тридцатилѣтіе профессорской дѣятельности проф. Н. И. Стороженка, хорошо извѣстнаго читателямъ нашего журнала. Многочисленная группа ученыхъ и литераторовъ, чувствующихъ себя въ большей или меньшей степени обязанными почтенному юбиляру своимъ научнымъ развитіемъ, отмѣтили этотъ день изданіемъ сборника своихъ статей («Подъ знаменемъ науки»), а также вышеназванныхъ двухъ томовъ произведеній самого проф. Стороженка. Кромѣ двухъ главныхъ его трудовъ—«Предшественники Шекспира» и «Робертъ Гринъ», утвердившихъ репутацію автора, какъ шекспиролога, не только у насъ, но и въ Англіи, здѣсь собраны многочисленные историко-литературные этюды и изслѣдованія, появлявшіеся въ разнообразныхъ изданіяхъ, начиная съ 1859 г. Сюда не вошли, однако, еще весьма многія статьи, по мнѣнію автора, или слишкомъ спеціальныя для обыкновенныхъ читателей, или имѣвшія временный интересъ въ моментъ появленія. Необыкновенная простота и доступность изложенія служатъ отличительными качествами литературной манеры Н. И. Стороженка и дѣлаетъ его работы популярными въ истинномъ значеніи этого слова. У насъ далеко еще не утвердилось воззрѣніе, «что для составленія хорошей

Digitized by Google

популярной статьи нужно знать больше того, сколько заключается въ учебникахъ и популярныхъ книжкахъ» («Опыты изученія Шекспира», стр. 392). Писатель, имѣющій въ виду широкій кругъ читателей, какой бы онъ ни избралъ узкій предметъ изложенія, поневолѣ принужденъ предпослать ему общую характеристику по возможности обширной области фактовъ данной категоріи. Но это обыкновенно и составляетъ камень преткновенія такъ называемыхъ «популярныхъ» авторовъ. «Общая характеристика тогда только имѣетъ значеніе, когда она опирается на массу изученныхъ фактовъ и на способности критика схватить ихъ дѣйствительно характерныя черты». Безъ этого она обращается въ «нѣчто смутное, фразистое и фантастическое» (тамъ же, стр. 239). Ни малѣйшаго признака этихъ недостатковъ нельзя найти у Н. И. Стороженка. Каждое утвержденіе его, какого бы общаго характера оно ни было, ясно, содержательно и достовѣрно, ибо всегда основано на точномъ и систематическомъ знаніи всѣхъ относящихся къ данному предмету фактовъ. На пространствѣ девятисотъ страницъ лежащихъ, передъ нами двухъ томовъ, едва ли можно найти хоть одинъ афоризмъ, хоть одно опредѣленіе, которые не были бы результатомъ глубокаго изученія или по крайней мѣрѣ не были бы провѣрены по первоисточникамъ. Какъ ученый, проф. Стороженко является однимъ изъ крупныхъ представителей сравнительно-историческаго метода въ изслѣдованіи литературныхъ явленій. «Съ какой бы точки зрѣнія мы ни изучали художественное произведеніе,—говоритъ онъ,—всегда первой задачей литературной критики должно быть опредѣленіе его оригинальности, какъ относительно замысла, такъ и относительно встрѣчающихся въ немъ типовъ. Только тогда, когда составные элементы художественнаго произведенія выяснятся окончательно, можно будетъ приступить къ изученію художественныхъ пріемовъ автора въ дѣлѣ комбинаціи этихъ элементовъ и претворенія ихъ въ художественное цѣлое. По нашему глубокому убѣжденію, критика не выйдетъ изъ сферы общихъ мѣстъ и субъективныхъ впечатлѣній, пока не станетъ твердой ногой на почву сравнительно-историческаго изученія, которое одно въ состояніи дать ей надежную точку отправленія для всѣхъ дальнѣйшихъ заключеній» (тамъ же стр. 220—221). Новѣйшія требованія, чтобы критикъ изучилъ также соціальную среду, въ которой возникло изслѣдуемое художественное произведеніе, нисколько не подорвали важности тщательнаго опредѣленія литературной преемственности; напротивъ, воспріимчивость писателя къ извѣстнымъ литературнымъ вліяніямъ часто еще рельефнѣе обнаруживаетъ его органическую связь съ извѣстной соціальной группой; еще чаще характернымъ въ данномъ смыслѣ является отношеніе литературнаго прототипа къ его новой переработкѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ выдѣленіе литературныхъ наслоеній остается первымъ и необходимымъ шагомъ къ выясненію творческой индивидуальности изучаемаго автора, что, собственно, и является конечной задачей критики.

Въ теченіе всей многолѣтней ученой дѣятельности Н. И. Стороженка центромъ его интересовъ оставался Шекспиръ, къ которому онъ постоянно возвращается по тому или другому поводу. Въ смыслѣ распространенія въ русской публикѣ шекспировѣдѣнія, въ смыслѣ внушенія правильныхъ воззрѣній и любви къ величайшему драматическому генію, никто, кромѣ развѣ Бѣлинскаго, не сдѣлалъ больше, чѣмъ Н. И. Стороженко. Онъ не только дѣлился съ читателями результатами собственнаго изученія шекспировскихъ произведеній («Макбетъ», «Прототипы Фальстафа», «Психологія любви и ревности у Шекспира», «Сонеты Шекспира» и пр.), но также редактировалъ нѣсколько переводовъ лучшихъ иностранныхъ монографій о Шекспирѣ (Р. Женэ, М. Коха, Брандеса). Не мало труда положилъ онъ на то, что бы оградить своего любимца отъ посягательствъ невѣжественныхъ компиляторовъ и отъ искаженій переводчиковъ (разборы кри-

Digitized by Google

тико-біографическихъ компиляцій В. Чуйко, г. Полевого, переводовъ Н. А. Полевого, Кетчера, опроверженіе бэконовской теоріи и т. д.). Шекспиръ со всею примыкающею къ нему областью литературы представляетъ такое необъятное поле для изслѣдованія, что не одинъ ученый всю свою жизнь посвящалъ исключительно этому предмету. Н. И. Стороженко не ограничился шекспирологіей. Вся европейская литература, въ томъ числѣ и русская, изучена имъ настолько основательно, что въ любой области онъ стоитъ на высотѣ современной науки и въ состояніи самостоятельно разрабатывать каждый возникающій передъ нимъ вопросъ. Статьи, наполняющія второй изъ появившихся въ настоящее время томовъ, касаются такихъ разнообразныхъ предметовъ, что нельзя не удивляться обширности научныхъ интересовъ и объему эрудиціи автора. Такія статьи, какъ, напр., «Возникновеніе реальнаго романа» (испанская плутовская новела) или «Поэзія міровой скорби», при всей скромности своихъ размѣровъ, представляютъ весьма цѣнныя изслѣдованія обширнѣйшихъ отдѣловъ міровой литературы. Замѣчательно при этомъ, что авторъ не пользуется своей эрудиціей, какъ щитомъ противъ общественныхъ интересовъ. Повсюду онъ подчеркиваетъ значеніе литературы, какъ фактора прогресса въ смыслѣ гуманизаціи человѣческихъ отношеній. Особенно его привлекаютъ самоотверженные борцы за свободу мысли и совѣсти, за соціальную справедливость. Съ заразительнымъ воодушевленіемъ рисуетъ авторъ непоколебимый идеализмъ и трагическую судьбу такихъ людей, какъ Джордано Бруно, Этьенъ Доле—французскій вольнодумецъ XVI вѣка, американскій проповѣдникъ Теодоръ Паркеръ—апостолъ освобожденія рабовъ. Поэзія Пушкина, Лермонтова, Баратынскаго интересуетъ его также не только своей эстетической стороной: онъ ищетъ въ ней общественную философію или, по крайней мѣрѣ гуманное настроеніе ихъ авторовъ. Легко понять, поэтому, ту глубокую симпатію, съ которою Н. И. Стороженко занимается біографіей своего геніальнаго земляка Шевченка, поэта народной недоли. Извѣстно, что, благодаря счастливымъ обстоятельствамъ, ему удалось добыть много весьма цѣннаго матеріала, касающагося обстоятельствъ ссылки малорусскаго поэта и условій его жизни въ солдатахъ. Поклонники великаго писателя все еще надѣются, что проф. Стороженко когда-нибудь сведетъ воедино свои разысканія о Шевченкѣ. Быть можетъ, мы дождемся отъ него также и сравнительно-историческаго изслѣдованія произведеній украинскаго кобзаря. Это до сихъ поръ почти непочатая работа, да она врядъ ли кому подъ силу, кромѣ Н. И. Стороженка, вооруженнаго для этого испытаннымъ, точнымъ методомъ, широкою спеціальною и общею эрудиціей и блестящимъ чутьемъ поэзіи. *Е. Дегенъ.*

«Подъ знаменемъ науки». Юбилейный сборникъ въ честь Николая Ильича Стороженка. Изданный его учениками и почитателями. Ц. 3 р. Многія статьи этого сборника представляютъ большой общественный интересъ и прочтутся, несомнѣнно, съ удовольствіемъ и пользою. Мы укажемъ, прежде всего, на двѣ статьи, посвященныя Николаю Платоновичу Огареву, человѣку, публицисту и поэту, игравшему очень значительную роль въ исторіи развитія русскаго общественнаго самосознанія, но біографіи котораго въ нашей литературѣ и до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не существуетъ. Кажется, нѣтъ другого народа въ Европѣ, который бы такъ мало зналъ свое прошлое, такъ мало имъ дорожилъ и такъ мало заботился о сохраненіи для потомства возможно болѣе вѣрныхъ и полныхъ данныхъ, касающихся лучшихъ сыновъ Россіи, нежели мы, русскіе. Съ этимъ согласится каждый, кому приходилось заниматься исторіей событій,—не говоримъ уже, — едва виднѣющихся «сквозь дымъ вѣковъ», но случившихся всего полустолѣтіе или уже много если столѣтіе тому назадъ! Такое явленіе зависитъ, разумѣется, въ значительной степени отъ нѣкоторыхъ специфическихъ условій русской жизни, но *полностью* оно однимъ этими

Digitized by Google

условіями объяснено быть не можетъ и сюда надо еще прибавить нашу національную инертность, вялость, неподвижность. Вотъ почему мы отмѣчаемъ съ полнымъ сочувствіемъ попытку г-жи Некрасовой обрисовать ранніе годы Огарева и ея по этому поводу такія слова: «До сихъ поръ мы имѣемъ только кое-какіе отрывочные факты изъ его (Огарева) жизни, разбросанные въ различныхъ воспоминаніяхъ; но и эти немногія свѣдѣнія часто противорѣчатъ другъ другу и оказываются крайне сбивчивыми какъ со стороны содержанія, такъ и хронологіи. Между тѣмъ, года уплываютъ, память засоряется, современники—живые свидѣтели и знатоки этой прошлой жизни, — одинъ за другимъ сходятъ со сцены. Уйдутъ послѣдніе, и съ ними вмѣстѣ исчезнетъ возможность поправокъ, исправленіе ошибокъ и неточностей, а также и возможность воссозданія полнаго образа этой замѣчательной личности». Г-жа Некрасова совершенно права. Развѣ мало обстоятельствъ жизни Огарева, занесенныхъ, напр., Анненковымъ въ его «Записку объ Н. П. Огаревѣ» (см. «П. В. Анненковъ и его друзья») остается до сихъ поръ далеко не разъясненными? Мы не будемъ излагать самаго содержанія статьи г-жи Некрасовой, отсылая читателей къ подлиннику, и отмѣтимъ лишь, что матеріалы для своей небольшой, но содержательной работы автору приходилось добывать, видимо, микроскопическими дозами, что придаетъ статьѣ еще большую цѣнность. Статья напомнила намъ интересную работу той же г-жи Некрасовой «Герценъ въ Вяткѣ», помѣщенную авторомъ въ сборникѣ общества любителей россійской словесности «Починъ».

Огареву же посвящена и другая статья юбилейнаго сборника Н. И. Стороженка. Принадлежитъ она г. Николаю Мендельсону и называется «Н. П. Огаревъ въ воспоминаніяхъ его бывшаго крестьянина». Авторъ познакомился въ 1898 году съ В. К. Влазневымъ, бывшимъ нѣкогда крѣпостнымъ крестьяниномъ Огаревыхъ, получившимъ отъ Николая Платоновича вмѣстѣ съ другими земляками еще въ 1846 году «вольную», попавшему въ началѣ шестидесятыхъ годовъ въ Москву для изученія техническаго рисованія и рѣзьбы по дереву, сошедшагося тамъ съ молодыми людьми, преподававшими въ одной изъ воскресныхъ школъ, и сдѣлавшемуся, благодаря всему этому, вполнѣ интеллигентнымъ человѣкомъ. Не оставляя верстака, В. К. Влазневъ принялся, вмѣстѣ съ тѣмъ, и за перо и сдѣлался писателемъ. Его работа стала появляться сначала въ «Трудахъ Рязанской Архивной Коммиссіи», а потомъ въ «Этнографическомъ Обозрѣніи». Занимался г. Влазневъ также и публицистикой, и беллетристикой, и поэзіей. Такого рода его произведенія печатались въ «Русскомъ Курьерѣ» и въ «Чтеніи для народа». Вотъ къ этому-то самородку и обратился г. Мендельсонъ съ просьбой «собрать воедино все, что помнятъ его односельчане объ Н. П. Огаревѣ». Просьбу г. Мендельсона г. Влазневъ охотно исполнилъ. Таково происхожденіе разсматриваемыхъ «Воспоминаній» объ Огаревѣ. Изъ нихъ мы приведемъ слѣдующія любопытныя строки: извѣстно, что Николаю Платоновичу досталось по наслѣдству громадное имѣніе—село Бѣлоомутъ въ Рязанской губерніи, Зарайскаго уѣзда. «Въ 1839 году,—разсказываетъ г. Влазневъ,—Н. П. Огаревъ, пріѣхавъ въ Бѣлоомутъ, приказалъ бывшему бурмистру П. И. Ракитину собрать крестьянъ на сходку. Сходка была поголовная, на открытомъ мѣстѣ, при селѣ собралась масса женщинъ.

«Явившись на сходку, Н. П., послѣ обычнаго здравствованія съ крестьянами и поклона, сказалъ приблизительно слѣдующее: «Добрые люди! Я собралъ васъ сюда для очень важнаго дѣла, касающагося и меня, и васъ. До васъ, православные, оно касается тѣмъ, что предоставляетъ вамъ болѣе блага въ трудовой вашей жизни, а для меня—тѣмъ, что я обязанъ исполнить христіанскій долгъ. Я положилъ за непремѣнную обязанность отпустить васъ

Digitized by Google

на волю, въ свободные хлѣбопашцы. За это потребую я отъ васъ суммы необременительной, а вамъ отдамъ всю землю съ лѣсомъ и всѣми лугами».

«Только что Н. П. сказалъ это, какъ всѣ крестьяне, около 700 человѣкъ, упали на колѣна: многіе изъ нихъ заплакали и начали креститься, а оправившись отъ волненія, крестьяне закричали: «Не желаемъ, батюшка-баринъ, никакой мы воли, освобожденія! Намъ всего лучше жить за тобою. Ни кидай насъ! Безъ тебя мы пропадемъ, всякій насъ обидитъ. У насъ при тебѣ, баринъ, и при твоемъ покойномъ батюшкѣ никакой неволи не было и мы ея не знаемъ: не знали неволи и отцы, и дѣти наши при прежнихъ господахъ».

«Крестьяне продолжали стоять на колѣняхъ и все повторяли, что никакой воли имъ не надо; они ее имѣютъ, потому что не знаютъ барщины, а всякъ работаетъ на себя съ семьею да неотяготительный оброкъ платитъ барину.

«Послѣ неоднократнаго повторенія со стороны Н. П., чтобы крестьяне встали, послѣдніе, наконецъ, поднялись.

«Н. П. велѣлъ выслушать его рѣчь и хорошенько обдумать и понять крестьянамъ свое настоящее и будущее положеніе.

«— Вы православные,—началъ съ привѣтной улыбкой говорить Н. П.,— не вполнѣ разумѣете свое положеніе, а потому и отказываетесь отъ своего освобожденія. Положимъ, теперь вы живете безъ особаго стѣсненія съ моей стороны, но я умру, тогда попадете вы къ другому владѣльцу, который можетъ завести у васъ другіе, нежелательные порядки. Это вамъ покажется обиднымъ и вы будете клясть меня и моихъ наслѣдниковъ.

«При словахъ «я умру» крестьяне заплакали и прервали рѣчь Н. П. возгласомъ:

«— Подай Господи вамъ, баринъ, многихъ лѣтъ! Живи, родимый, для насъ!..

«За эти пожеланія Н. П., кланяясь, благодарилъ крестьянъ и на прощаніе имъ сказалъ.

«— Обдумайте мое предложеніе и завтра выбирайте для себя повѣреннаго да пріѣзжайте ко мнѣ въ Москву. Тамъ оформимъ мы въ добрый часъ наше святое дѣло: напишемъ договоръ для нашего общаго блага».

На многія размышленія относительно крестьянской психологіи наводитъ эта сцена, особенно, если вспомнить, что отецъ Огарева вовсе не принадлежалъ къ разряду особенно гуманныхъ людей, но зато личность Н. П. Огарева вырисовывается чрезвычайно ярко. Когда впослѣдствіи Огаревъ работалъ рука объ руку съ Герценомъ на берегахъ Темзы, изъ извѣстнаго лагеря сыпались обвиненія, что, молъ, господа эти проповѣдуютъ то-то и то-то, а сами уѣхали за границу, *продавши* своихъ крестьянъ... Теперь изъ воспоминаній г. Влазнева можно видѣть лишній разъ всю цѣну такихъ обвиненій. Огаревъ не только не «продавалъ» своихъ крестьянъ, не только далъ имъ вольную безъ всякаго за это выкупа, но и уступилъ имъ Бѣлоомуть, въ которомъ, по собраннымъ г-жею Некрасовой, да и извѣстнымъ изъ другихъ источниковъ свѣдѣніямъ, были «кромѣ обширныхъ луговъ, обширныя рыбныя ловли и 10.000 десятинъ строеваго лѣса», всего за 142.857 рублей. Нельзя, поэтому, несогласиться съ небольшимъ послѣсловіемъ, которое присоединилъ къ разсказу г. Влазнева г. Мендельсонъ.

«Простые слова этого разсказа,—говоритъ онъ,—рисуя ясными, опредѣленными чертами благородную личность Н. П. Огарева, служатъ лучшимъ комментаріемъ къ тому гимну свободѣ, который написалъ Н. П. Огаревъ въ 1858 г. въ своемъ стихотвореніи «Искандеру»:

Когда я былъ отрокомъ тихимъ и нѣжнымъ,
Когда я былъ юношей страстно-мятежнымъ,
И въ возрастѣ зрѣломъ, со страстью смежномъ,
Всю жизнь мнѣ все снова и снова, и снова
Звучало одно неизмѣнное слово:
Свобода! Свобода!

Digitized by Google

«Эти слова не были въ устахъ Огарева только поэтическимъ прекраснодушіемъ: онъ доказалъ на дѣлѣ свою преданность идеѣ свободы».

Отъ Огарева естественнымъ переходъ къ одному изъ его духовныхъ предковъ. Мы говоримъ о Радищевѣ, которому посвящена въ томъ же сборникѣ весьма интересная статья г. В. Якушкина, озаглавленная «Учебные годы А. Н. Радищева». Говоря о сборникѣ «На славномъ посту», мы остановились на статьѣ г. Мякотина «На зарѣ русской общественности» и тогда же указывали на отсутствіе въ нашей литературѣ біографіи Радищева. («Міръ Божій» 1901 г., іюль). Въ томъ же положеніи находится это дѣло и теперь, но прибавленіе, сдѣланное г. Якушкинымъ къ его статьѣ «Учебные годы А. Н. Радищева»,— «*Отрывокъ изъ его біографіи*» и имя автора статьи какъ бы говорятъ за то, что, быть можетъ, не далеко время, когда отмѣченный пробѣлъ будетъ восполненъ. Въ настоящей же статьѣ г. Якушкинъ останавливается, главнымъ образомъ, на времени пребыванія Радищева въ Лейпцигскомъ университетѣ. Въ инструкціи, данной императрицей Екатериной касательно того, чему именно должны обучаться посылаемые за границу «молодые дворяне», находятся, между прочимъ такія слова: «Всѣмъ обучаться моральной философіи, исторіи, *а наипаче праву естественному и всенародному* и нѣсколько римской имперіи праву». Но если инструкція на бумагѣ была составлена недурно, то нельзя сказать того же относительно другихъ условій, которыми была обставлена жизнь Радищева и его товарищей въ Лейпцигѣ. Надзоръ и попеченіе за учащимися было ввѣрено гофмейстеру Бокуму, у котораго была лишь одна забота—«рачить о своемъ карманѣ», и плохо приходилось молодымъ людямъ отъ ихъ воспитателя. Вспоминая это время, не даромъ высказывалъ Радищевъ въ составленномъ имъ «Житіи Ушакова» (одного изъ товарищей по лейпцигскому университету) такую мысль: «Спасеніе угнетаемыхъ заключается въ томъ, что угнетатели не знаютъ мѣры, доходятъ до крайности, которая заставляетъ угнетаемыхъ воспротивиться мучительской власти». И далѣе: «имѣя власть въ рукѣ и деньги, забылъ гофмейстеръ нашъ умѣренность и, подобно правителямъ народовъ, возомнилъ, что онъ не для насъ съ нами, что власть ему данная надъ нами и опредѣленныя деньги не на нашу пользу, но на его». Съ Бокумомъ произошло, наконецъ, столкновеніе нашихъ юношей. «Они знали, что Бокумъ будетъ клеветать на нихъ, представитъ все дѣло въ видѣ возмущенія, въ видѣ покушенія на его жизнь. Въ случаѣ дурного окончанія для нихъ этого дѣла, они рѣшили бѣжать въ Остъ-Индію или въ Америку, гдѣ тогда начиналась борьба съ метрополіей...» Инцидентъ кое-какъ уладился. Въ апрѣлѣ 1768 года кн. Бѣлосельскій сообщалъ слѣдующіе отзывы объ успѣхахъ нашихъ студентовъ: «Всѣ генерально съ удивленіемъ признаютъ, что въ толь короткое время они оказали знатные успѣхи и не уступаютъ въ знаніи самымъ тѣмъ, которые недавно тамъ обучаются. Особенно же хвалятъ и находятъ отмѣнно искусными: во-первыхъ—старшаго Ушакова, а по немъ Янова и Радищева, которые превысили чаянія своихъ учителей». Но не «ко двору» пришлись плоды ученія Радищева по возвращеніи его на горячо любимую имъ родину. Извѣстна его дальнѣйшая участь. Бесѣдовать о дальнѣйшей судьбѣ Радищева и не входило, впрочемъ, въ планъ данной работы г. Якушкина, ограничившагося пока учебными годами Александра Николаевича, и потому мы приведемъ лишь заключительныя слова статьи: «По окончаніи курса Радищевъ и его товарищи возвращались въ Россію, горя нетерпѣніемъ «видѣть себя паки на мѣстѣ рожденія». Когда они увидали межу, Россію отъ Курляндіи отдѣляющую, они пришли въ восторгъ. Пріобрѣтенное нашими студентами широкое и основательное научное образованіе, усвоенная ими философія просвѣщенія не отвратили ихъ отъ родины, отъ ея запросовъ и бѣдствій. Они возвращались домой съ желаніемъ отдать всѣ силы и знанія на служеніе родинѣ, на

Digitized by Google

распространеніе въ ней просвѣщенія и справедливости, на борьбу съ удручавшими ее бѣдствіями, прежде всего съ ужасами крѣпостного права и всѣмъ, къ чему впослѣдствіи Радищевъ примѣнилъ стихъ изъ Телемахиды: «чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно и лаяй». Всѣхъ полнѣе эти стремленія выразилъ Александръ Радищевъ; не только какъ общественный дѣятель и какъ писатель, но и въ частной жизни, въ частныхъ отношеніяхъ къ людямъ онъ остался навсегда вѣренъ разъ усвоенному направленію, выработаннымъ высокимъ гуманнымъ идеаламъ».

Мы не имѣемъ никакой возможности говорить обо всѣхъ статьяхъ разсматриваемаго «Сборника», который заключаетъ въ себѣ 740 страницъ, и потому отмѣтимъ среди нихъ лишь еще нѣсколько статей, наиболѣе выдающихся по своему интересу. Къ такимъ принадлежитъ, безспорно, замѣчательная статья г. Н. Котляревскаго «Историческое значеніе поэзіи гр. А. К. Толстого», этого, еще очень мало оцѣненнаго въ нашей литературѣ человѣка и писателя. По характеристикѣ его г. Котляревскимъ, то былъ, прежде всего, «романтикъ», но романтикъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, человѣкъ, для котораго эстетика была своего рода культомъ, но который, тѣмъ не менѣе, въ своихъ порывахъ къ таинственнымъ и неясно сознаваемымъ имъ самимъ, такъ сказать, надземнымъ идеаламъ не утрачивалъ ни живыхъ чувствъ гражданина, ни мысли о насущныхъ интересахъ родной страны. Не говоря уже объ отношеніи Толстого къ крѣпостному праву, вотъ что писалъ онъ, напр., по вопросу, который до сихъ поръ является однимъ изъ пугалъ для нашихъ лже-патріотовъ своего отечества. «Вы говорите,—писалъ онъ въ одномъ частномъ письмѣ,—что нельзя допустить разныя національности въ могущественномъ государствѣ. Милыя дѣти, посмотрите въ лексиконъ, что такое національность? Вы смѣшиваете государства съ національностями. Нельзя допустить разныя государства, но отъ васъ зависитъ допустить или не допустить національности... Ваше мнѣніе можно выразить слѣдующими словами: навязать русскую національность всѣми средствами. А моя мысль сводится къ слѣдующему: сдѣлать такъ, чтобы эта національность была желательна. Вы говорите: уравняемъ все, понижая уровень чужихъ національностей. Я же говорю: уравняемъ все, возвышая русскій уровень...» Славянофилы сочли было Толстого «своимъ», но не надолго. Да и какъ же было иначе послѣ ознакомленія съ такими, напр., словами Толстого: «Моя ненависть къ московскому періоду есть идіосинкразія и я не подвинчиваю себя, чтобы говорить о немъ то, что я говорю». А это значило, что, называя древнюю Москву «отвратительной и болѣе позорной, чѣмъ монголы», Толстой говорилъ отъ чистаго сердца. Ужъ какое тутъ славянофильство!..

Къ очень интереснымъ произведеніямъ сборника принадлежатъ также статьи г. Кирпичникова «Н. В. Гоголь и В. Г. Бѣлинскій въ 1847 году» и г. Линниченка «Бѣлинскій въ борьбѣ славянофиловъ и западниковъ». Въ первой изъ этихъ статей рѣчь идетъ о «Перепискѣ съ друзьями», этой пресловутой «великой книгѣ», а во второй—передъ читателемъ проходитъ въ яркихъ краскахъ давно всѣмъ знакомая, но вѣчно юная личность нашего незабвеннаго «Неистоваго Виссаріона». Не безъ интереса прочтется также «Глава изъ неизданныхъ записокъ» г-жи Хинъ (кое-какія личныя воспоминанія о Тургеневѣ), «Страничка прошлаго» г. Шумятикова (о Добролюбовѣ) и другія.

Въ заключеніе любопытное сообщеніе А. Ѳ. Кони, озаглавленное «М. Н. Загоскинъ и цензура». Этимъ сообщеніемъ пополняется еще и еще своеобразный «формуляръ» дѣятельности знаменитаго «бутурлиновскаго комитета». Кому неизвѣстна, въ самомъ дѣлѣ, отмѣнная «благонамѣренность» автора «Юрія Милославскаго», его принадлежность, по остроумному опредѣленію Тургенева, къ «ложно-величавой школѣ» и къ числу «патріотовъ, не знающихъ своего отечества»,— ужъ ему ли было не стоять выше цензурныхъ преслѣдованій? Вышло

Digitized by Google

иначе. Въ 1852 г. редакторъ «Пантеона» Ѳ. Кони приглашалъ Загоскина сотрудничать въ этомъ журналѣ, но получилъ отказъ письмомъ, которое послѣ и сообщено А. Ѳ. Кони издателямъ сборника. Въ письмѣ этомъ Загоскинъ мотивируетъ свой отказъ болѣзнью и данной имъ «клятвой» «ничего не печатать въ Петербургѣ», ибо петербургская цензура, пишетъ онъ, «сдѣлала въ моей несчастной комедіи болѣе пятидесяти помарокъ и поправокъ—и какихъ поправокъ! Вмѣсто: прямой *армейщина* — прямой *кикимора*; *корнетъ* названъ *верхолетомъ*; вмѣсто *зѣвающихъ мужей* напечатано *счастливѣйшихъ мужей*. Подлинно, благочестивая цензура; не позволяетъ мужьямъ зѣвать даже тогда, когда имъ скучно... Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вымарано стиховъ по десяти сряду—а за что?—хоть убейте, не понимаю. Разумѣется отъ этихъ помарокъ составилось великое множество самыхъ беззаконныхъ стиховъ — безъ мѣры, безъ рифмъ, безъ сочетанія и даже совершенно безъ смысла,—и за все это долженъ отвѣчать я, потому что не имѣю права объявить публично, что мою комедію изуродовала цензура. Согласитесь, что послѣ этого я не могу и не долженъ ничего печатать въ Петербургѣ»—таковъ новый любопытный фактъ изъ лѣтописей нашей печати. *В. Б—скій.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

А. Оларъ. «Политическая исторія французской революціи». — *Лависсъ и Рамбо.* «Исторія французской революціи».

А. Оларъ. Политическая исторія французской революціи. Происхожденіе и развитіе демократіи и республики (1789—1804). Переводъ съ французскаго Н. Кончевской. Цѣна 3 руб. Имя Олара, не знакомое русской читающей публикѣ, пользуется широкой извѣстностью среди спеціалистовъ. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ онъ занялъ въ Сорбоннѣ только что учрежденную парижскимъ муниципалитетомъ каѳедру исторіи французской революціи и съ тѣхъ поръ продолжалъ работать въ архивахъ надъ своей книгой. Передъ этимъ онъ уже лѣтъ пять занимался эпохой. Кромѣ того, онъ стоитъ во главѣ спеціально посвященнаго исторіи революціи журнала «La République française» и является душою ученаго общества «Société de l'histoire de la Révolution». Прежде чѣмъ выпустить настоящій трудъ, Оларъ опубликовалъ цѣлый рядъ крупныхъ и мелкихъ этюдовъ, посвященныхъ различнымъ вопросамъ, относящимся къ этой наиболѣе рѣшительной эпохѣ французской исторіи. Кромѣ трехъ книжекъ статей и лекцій (1893, 1898, 1901), онъ напечаталъ изслѣдованія о культѣ разума и высшаго существа, объ ораторахъ національнаго собранія (3 тома), о Дантонѣ, издалъ съ превосходными комментаріями документы якобинскаго клуба (6 томовъ) и акты и протоколы комитета общественнаго блага (12 томовъ). Этотъ внушительный списокъ показываетъ, что Оларъ является лучшимъ знатокомъ политической исторіи революціи и даетъ право ожидать, что настоящій трудъ будетъ удовлетворять всѣмъ научнымъ требованіямъ.

Появленіе книги Олара (она стала выходить выпусками въ началѣ 1900 г.) было какъ нельзя болѣе своевременно, ибо въ существующей литературѣ по исторіи революціи оставались невыясненными многіе изъ важнѣйшихъ вопросовъ. Въ трудахъ предшественниковъ Олара, среди которыхъ есть книги и геніальныхъ историковъ и добросовѣстнѣйшихъ изслѣдователей, такъ много было всякихъ ложныхъ и невольныхъ ошибокъ, такъ много промаховъ и искаженій, такіе оставались огромные пробѣлы, что приходится удивляться, какимъ образомъ до сихъ поръ наука могла мириться со всѣми этими научными недоразумѣніями. Исторіографія революціи—своего рода соціально-психологическій про-

Digitized by Google

цессъ, отдѣльные моменты котораго опредѣлялись господствующими вкусами и общественно-политическими настроеніями. Исторія создавалась страстями, апологія смѣнялась обличеніемъ, какъ въ какомъ-нибудь догматическомъ вопросѣ, критеріи для оцѣнки лицъ и событій не имѣли никакой устойчивости. У исторіи революціи были свои легенды и саги, которыя съ трудомъ, да и то въ очень небольшой степени, уступали анализу.

Причинъ такого страннаго на первый взглядъ явленія — двѣ, одна общая, другая спеціальная. Первая заключалась въ томъ, что революціонныя традиціи продолжали держаться и оказывать вліяніе въ тѣхъ общественныхъ условіяхъ, въ которыхъ жили, мыслили и писали Кине и Луи-Бланъ, Мишле и Тьеръ, Минье и Тэнъ; даже иностранные писатели, какъ Карлейль, оказывались захваченными величіемъ эпохи и составляли памфлеты вмѣсто исторіи. Одиноко стоитъ въ этой блестящей плеядѣ, быть можетъ, самый блестящій—Токвиль, но у него особая точка зрѣнія, и онъ больше занимается старымъ порядкомъ, чѣмъ самой революціей. Да и у Токвиля цѣль практическая, хотя его работа сдѣлана вполнѣ научно. Другая причина заключается въ томъ, что историки работали по ненадежнымъ источникамъ. Лучше всего до сихъ поръ обстояло дѣло съ внѣшней исторіей революціи. Съ этой точки зрѣнія и цѣнны, главнымъ образомъ, многотомные труды Зибеля и Альбера Сореля. Но ни нѣмецкій изслѣдователь, ни его французскій собратъ не заполнили пробѣла внутренней исторіи революціи. У нихъ сдѣлано кое-что въ этомъ направленіи, особенно у Сореля, который уже имѣлъ возможность пользоваться различными работами Олара. Но все это было недостаточно, и до появленія настоящей книги у насъ не было хорошей политической исторіи революціи.

Оларъ прямо озаглавливаетъ свою книгу «Политической исторіей революціи». Онъ не задается цѣлью дать полную исторію. Для этого, по его мнѣнію, нужно было бы не 20 лѣтъ, и не одна человѣческая жизнь. Но и политическая часть революціи обработана не вполнѣ: оставлены въ сторонѣ военная, дипломатическая и финансовая исторія революціи; факты этихъ трехъ категорій привлекаются Оларомъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда ему необходимо объяснить другіе, интересующіе его болѣе непосредственно. Главная задача Олара, какъ видно изъ подзаголовка его книги, заключается въ томъ, чтобы выяснить происхожденіе и развитіе демократіи и республики. Первая является логическимъ послѣдствіемъ принципа равноправности, вторая—логическимъ послѣдствіемъ принципа народнаго суверенитета. Какимъ образомъ появились, какъ осуществлялись на практикѣ и какъ пали обѣ эти формы — вотъ чѣмъ интересуется, главнымъ образомъ, Оларъ. Въ этихъ рамкахъ онъ разсматриваетъ вопросъ о ростѣ трехъ общественныхъ категорій: политическихъ формъ и учрежденій, выработанныхъ революціей, партійныхъ группировокъ и общественнаго мнѣнія. Порядокъ изложенія у Олара хронологическій; историкъ допускаетъ отклоненія отъ него только въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно въ послѣдовательномъ разсказѣ охватить всѣ проявленія общественной жизни; тогда естественно появляются рубрики и не хронологическія. Въ исторіи революціи Оларъ различаетъ четыре періода. Первый продолжается отъ 1789 до 1792 года; это періодъ генезиса демократіи и республики; ни та, ни другая еще не провозглашены: господствуютъ конституціонная монархія и буржуазный избирательный цензъ. Второй періодъ тянется до 1795 года. Это—пора господства обоихъ принциповъ; монархія упразднена и введено всеобщее избирательное право; въ третьемъ періодѣ (до 1799 года) республика держится, но демократическій принципъ уже снова ограниченъ цензомъ; это уже не демократическая, а буржуазная республика. Наконецъ, четвертый періодъ (до 1804 года), когда ограничиваются оба принципа; это уже возвращеніе къ монархіи подъ видомъ плебисцитарной республики. Больше всего Оларъ занимается исторіей второго пе-

Digitized by Google

ріода, исторіей конвента; ему посвящена чуть не половина всей книги. Тутъ изслѣдованія Олара прямо дѣлаютъ эпоху. До сихъ поръ съ дѣятельностью конвента и особенно съ организаціей республиканскаго правительства при Конвентѣ мы были знакомы далеко не такъ хорошо, какъ того требовала логика исторіи. Прежніе историки—исключеніемъ является, быть можетъ, одинъ Сорель—обращали, главнымъ образомъ, вниманіе на героическую пору революціи, на періодъ Конституанты и Легислативы; исторія конвента исчерпывалась его внѣшними дѣлами да терроромъ; съ организаціей правительства были знакомы смутно. Оларъ даетъ превосходный очеркъ именно функціонированія правительства и его органовъ. То же самое онъ дѣлаетъ и для слѣдующаго періода директоріи. Эти два отдѣла—наиболѣе цѣнные въ его книгѣ. Но и оба другихъ далеко не являются повтореніемъ стараго. Въ журнальной замѣткѣ трудно даже перечислить всѣ тѣ новыя точки зрѣнія, которыя даетъ книга Олара. Они встрѣчаются тутъ на каждой страницѣ. У него впервые получили надлежащее освѣщеніе дѣятельность провинціальныхъ органовъ, республиканское движеніе въ провинціи, указано различіе между настроеніемъ департаментскихъ и муниципальныхъ властей, изъ которыхъ послѣднія обнаруживали болѣе крайній образъ мыслей. Источникъ и характеръ вандейскаго режима выяснены также впервые, причемъ оказалось, что главнымъ пропагандистомъ реставраціонной идеи была не аристократія, а духовенство. Очень обстоятельно изложилъ Оларъ и религіозную политику революціонныхъ правительствъ въ связи съ характеристикой республиканскихъ культовъ. Гражданское устройство духовенства, культы Разума, Верховнаго Существа, Декадъ, теофилантропія — все это либо изложено совершенно заново, либо дополнено въ существенныхъ чертахъ новыми фактами.

Въ чемъ же причина того, что книга Олара проливаетъ столько свѣта на темныя стороны исторіи революціи и сообщаетъ столько новыхъ точекъ зрѣнія? Этимъ авторъ, главнымъ образомъ, обязанъ тому, что онъ умѣлъ использовать надлежащимъ образомъ источники. Онъ беретъ все изъ первыхъ рукъ и умѣетъ дѣлать выборъ, чего нельзя сказать про большинство его предшественниковъ. Онъ понялъ, что главный источникъ такихъ историковъ, какъ Тэнъ,—мемуары—самый ненадежный и избѣгаетъ ихъ. Онъ прочелъ всѣ законы, изданные въ эпоху революціи, всѣ вліятельныя газеты того времени, переписку, какая сохранилась, политическія рѣчи и пренія въ наиболѣе точномъ изложеніи, протоколы выборовъ въ Парижѣ и провинціи, біографіи дѣятелей. Онъ не довѣрялъ сколько-нибудь подозрительному тексту, даже изъ оффиціальныхъ органовъ прибѣгалъ не ко всякому. Словомъ въ теченіе времени отъ 1879 года до 1900 Оларъ ничѣмъ другимъ, кромѣ изученія и критики источниковъ не занимался. Поэтому, факту, сообщенному въ его книгѣ, можно вѣрить вполнѣ. Синтетическая сторона книги нѣсколько уступаетъ аналитической. Оларъ самъ признается, что принужденъ былъ прибѣгнуть къ многочисленнымъ абстракціямъ, въ виду невозможности строго выдерживать хронологическую точку зрѣнія. Есть и иные недостатки—рискованныя сопоставленія, плохо обоснованныя оцѣнки, нѣкоторая туманность общихъ точекъ зрѣнія. Наконецъ, необходимо сдѣлать одно замѣчаніе по поводу плана. Оларъ предупреждаетъ, что онъ будетъ излагать только политическую сторону революціи, да и то не всю. Остальныя ея стороны онъ опускаетъ или касается ихъ только вскользь. Читателю, конечно, всего досаднѣе отсутствіе соціально-экономической исторіи революціи тѣмъ болѣе, что оно не осталось безъ вліянія и на выясненіе политическаго процесса. Судъ, финансы, внѣшнія сношенія также почти не нашли мѣста въ книгѣ. Все это дѣлаетъ трудъ французскаго ученаго нѣсколько одностороннимъ, но приходится быть благодарнымъ ему и за то, что онъ даетъ. Для соціально-экономическихъ отношеній революціи у насъ имѣются труды Ковалевскаго, Лучицкаго, Саньяна, для судебной исторіи, эпохи—старыя

Digitized by Google

работы Рихтера и Лаферьера, для финансовой Стурма и Гомеля, для внѣшней—трудъ Сореля. Рабыта Олара заполняетъ наиболѣе чувствительный пробѣлъ. Теперь сдѣлалось возможно написаніе популярной полной исторіи революціи, которая можетъ дать то, чего не даютъ книги Гейссера, Карно, Рамбо и другихъ. Тотъ, кто одолѣетъ огромный томъ Олара въ почти 1.000 страницъ, не пожалѣетъ потраченнаго времени. Въ легкомъ и доступномъ изложеніи и въ хорошемъ переводѣ передъ нимъ развернется сложный, но необыкновенно характерный процессъ эволюціи политическихъ формъ въ одну изъ наиболѣе интересныхъ эпохъ исторіи человѣчества. *А. Дживелеговъ.*

Э. Лависсъ и А. Рамбо. Исторія французской революціи. 1789—1799 гг. Переводъ съ французскаго М. Іолшина Изданіе Ф. Павленкова. Цѣна 1 руб. 50 коп. 704 стр. Спб. 1901. Почти одновременно на русскомъ языкѣ появились двѣ книги, посвященныя первой революціи—переводъ монографіи Олара и переводъ популярнаго очерка Лависса и Рамбо. По научной, историографической цѣнности книгу Лависса и Рамбо нельзя даже сравнивать съ работою Олара, въ которой ни одинъ изъ самыхъ общепринятыхъ тезисовъ историографической традиціи не остался безъ вполнѣ самостоятельной повѣрки, и многіе изъ нихъ подверглись поправкамъ, модификаціямъ и измѣненіямъ. Книга Лависса и Рамбо (какъ и вся ихъ коллекція «Всеобщая исторія съ IV вѣка до нашего времени», въ которой эта книга составляетъ особый выпускъ), имѣетъ въ виду популяризацію историческихъ знаній, но не ихъ количественное или качественное расширеніе. Тѣмъ не менѣе, Лависсъ и Рамбо пригласили участвовать въ составленіи отдѣльныхъ главъ своей книги такихъ выдающихся спеціалистовъ, какъ тотъ же Оларъ, Вастъ, Арнонъ и др.,—и это сказалось въ отчетливости и увѣренности изложенія, т.-е. именно въ тѣхъ качествахъ, которыя такъ часто отсутствуютъ въ популяризаціяхъ. Нужно, впрочемъ, сказать, что первая глава (написанная Шампіономъ) и посвященная характеристикѣ стараго режима, способна разочаровать многихъ: она состоитъ изъ какихъ-то отрывковъ, клочковъ, бѣлыхъ этюдовъ, касающихся самыхъ разнообразныхъ сторонъ стараго порядка. Общей картины павшаго режима совсѣмъ не получается. Портитъ эту главу еще и то ни съ чѣмъ несообразное (въ смыслѣ архитектуры работы) обстоятельство, что начинается глава (а съ нею и вся книга) параграфомъ о «политической разрозненности королевства». Во-первыхъ, если на лицо были нѣкоторыя своеобразныя старыя отличія однѣхъ провинцій отъ другихъ, то это еще не значитъ, что существовала «политическая разрозненность»; національное самосознаніе, во всякомъ случаѣ, было настолько сильно, что объ этомъ явленіи говорить не приходится: самъ же авторъ,—правда, уже въ слѣдующемъ параграфѣ, вполнѣ согласно съ истиною, констатируетъ, что «...различныя провинціи не были и не хотѣли быть чужими другъ для друга... Вопреки сознанію нѣкоторыхъ чистомѣстныхъ интересовъ, обособлявшихъ отдѣльныя части Франціи, онѣ чувствовали взаимное тяготѣніе и считали себя членами одной и той же семьи». Во-вторыхъ, помѣщать это сильно преувеличенное явленіе въ первую голову при перечисленіи золъ стараго режима ужъ давно нѣтъ ни малѣйшихъ основаній: о сепаратизмѣ «наказы» сословій и литература первыхъ временъ революціи говорятъ внѣ всякаго сравненія меньше, нежели о реальныхъ бѣдахъ и темныхъ сторонахъ погибавшихъ порядковъ. Нужно пожелать, чтобы читатель, для котораго эта книга переведена на русскій языкъ, избавилъ себя отъ труда читать 1-ю главу, но вмѣсто нея ознакомился бы съ маленькою по объему и глубоко значительною по содержанію классическою работою Токвиля («Старый порядокъ и революція»), а уже потомъ приступилъ къ чтенію дальнѣйшихъ главъ Лависса и Рамбо; эти главы тогда явятся въ вполнѣ ясномъ свѣтѣ, и многое изъ разсказаннаго въ

Digitized by Google

нихъ покажется вполнѣ мотивированныхъ. А дальнѣйшія главы, особенно 2, 3, 4 и 7, написанныя Олаpомъ, въ общемъ, изложены, дѣйствительно, превосходно. Первые, столь важные для послѣдующей исторіи Франціи, мѣсяцы революціоннаго движенія, разсказаны сжато, но до послѣдней степени точно, и безъ пропусковъ какой бы то ни было характерной черты. По обычаю большинства французскихъ историковъ революціи, сотрудники книги Лависса и Рамбо посвящаютъ, въ главахъ, касающихся конвента и директоріи,—слишкомъ много мѣста деталямъ военныхъ дѣйствій французскихъ армій и внѣшнихъ враговъ республики.

Замѣчательно, что всѣ историіографическія традиціи Тьера въ настоящее время отвергнуты,—а отъ этой никакъ (во Франціи) не могутъ отдѣлаться! Да еще и то надо принять во вниманіе, что Тьеръ *лично* побывалъ чуть ли не на поляхъ всѣхъ европейскихъ большихъ битвъ,—которыя онъ описывалъ, занимался на этихъ поляхъ топографическими съемками, разспрашивалъ окрестныхъ старожиловъ и т. д., и, благодаря этому, въ извѣстной живости его разсказу о военныхъ событіяхъ революціи и имперіи отказать нельзя,—и эти мѣста его трудовъ если не поучительны, то хоть занимательны. У эпигоновъ же его ненужность содержанія въ этихъ стратегическихъ и тактическихъ экскурсахъ вполнѣ гармонируетъ съ блѣдностью изложенія. Съ изумленіемъ встрѣтили мы въ этой книгѣ, озаглавленной въ русскомъ переводѣ «Исторіей французской революціи»,—цѣлую главу (гл. VI), посвященную «восточной Европѣ» съ подзаголовкомъ: «Австрія и Пруссія. Россія, Швеція, Турція, Польша до 1796 года». Эта глава занимаетъ не болѣе и не менѣе, какъ 60 страницъ, — и зачѣмъ переводчикъ ее перенесъ сюда со страницъ коллекціи Лависса и Рамбо, — остается тайною. Въ коллекціи, посвященной *всеобщей* исторіи, эта глава вполнѣ законна, но, вѣдь, выбирая для перевода только тѣ части, которыя можно озаглавить «Исторіей французской революціи»,—нельзя же включать въ ихъ число главу о восточной Европѣ, только потому, что въ оригиналѣ эта глава вставлена именно здѣсь, на этомъ мѣстѣ...

Главнымъ недостаткомъ разбираемой книги нужно признать отсутствіе выводовъ: ни общаго введенія, ни заключенія къ этой работѣ нѣтъ, тогда какъ популярныя изданія особенно нуждаются въ общемъ взглядѣ, въ той или иной коренной мысли, положенной въ основаніе книги. Если отъ исторической популяризаціи не требуютъ расширенія фактическихъ знаній науки, новизны и глубины обобщеній и теорій, то все же нельзя ее признать вполнѣ достигающею цѣли, если для читателя по прочтеніи остается *совершенно темнымъ* всемірно-историческое мѣсто разсказанныхъ событій, если популяризаторъ съ первой страницы до послѣдней остается разсказчикомъ фактовъ, хотя бы всегда правдивымъ и часто занимательнымъ,—но только разсказчикомъ и ничѣмъ болѣе. А такова именно, къ сожалѣнію, черта всей коллекціи Лависса и Рамбо и въ частности тѣхъ главъ ея, которыя теперь изданы подъ вышеуказаннымъ заглавіемъ на русскомъ языкѣ. Очень жаль, что взамѣнъ ненужныхъ шестидесяти страницъ о восточной Европѣ, случайно здѣсь заблудившихся, читатель не встрѣтитъ никакихъ дополненій или хотя бы перепечатокъ изъ другихъ революціонныхъ исторій, глубже взглянувшихъ на свою задачу.

Хорошо, если книгѣ Лависса и Рамбо удастся серьезно заинтересовать читателей своимъ сюжетомъ, а это она можетъ сдѣлать благодаря безспорнымъ достоинствамъ изложенія и содержанія нѣкоторыхъ главъ; и еще лучше, если, заинтересовавшись, читатель приметъ за болѣе обстоятельное знакомство съ исторіей этого кризиса европейской исторической жизни. Нужно отмѣтить одну положительную черту книги: безпристрастіе ея въ оцѣнкѣ дѣятельности разнохарактерныхъ партій. Ни увлеченій въ духѣ крайнихъ радикаловъ, ни обличительной горячности въ духѣ Тэна—здѣсь нѣтъ и слѣда. Всюду характеристики выво-

Digitized by Google

дятся изъ представляемыхъ фактовъ—и только. Вотъ какъ, напримѣръ, кончается одна изъ лучшихъ главъ книги (объ учебныхъ и ученыхъ заведеніяхъ при революціи): «Если французскій народъ въ теченіе революціоннаго періода подалъ примѣръ удивительнаго самоотверженія и патріотизма, то, съ другой стороны, и конвентъ покрылъ себя неувядаемой славой, возбуждая самоотверженіе и извлекая пользу изъ патріотизма. Если подумать, среди какихъ опасностей приходилось ему созидать громадную систему учебныхъ и ученыхъ учрежденій, нельзя не преклониться предъ подвигомъ народныхъ представителей. Между тѣмъ, это дѣло—сравнительно ничтожная область ихъ колоссальнаго творчества» (стр. 616). Характеризуя терроръ, Оларъ настаиваетъ на томъ, что терроръ былъ *не системой*, но *положеніемъ вещей*,—и соглашается со словами члена конвента Тибодо: «Только тѣ, кто слишкомъ худого мнѣнія о природѣ человѣка, могли приписать нѣсколькимъ личностямъ поистинѣ сатанинскую мысль возвести терроръ въ систему. Въ дѣйствительности терроръ былъ болѣе далекъ отъ сознательно проводимой системы, чѣмъ что-либо другое»... Остается пожалѣть, почему составители, разсыпавши по отдѣльнымъ главамъ много мѣткихъ *частичныхъ* характеристикъ, уклонились отъ труда дать общую характеристику значенія всего разсказаннаго ими періода. Переводъ читается легко; изданіе изящное. *Евг. Тарле.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

М. Соболевъ. «Коммерческая географія Россіи». — *Л. Наркевичъ.* «Опытъ санитарнаго изслѣдованія валяльнаго промысла въ Нижегородской губ.».

М. К. Соболевъ. Коммерческая географія Россіи. Очеркъ хозяйственной статистики о географіи Россіи сравнительно съ иностранными государствами. Томскъ. 1902 г., 244 стр. Ц. 1 р. 25 коп. Книга проф. Соболева, вышедшая уже вторымъ изданіемъ, преслѣдуетъ не ученыя, а учебныя цѣли; задача ея не двигать впередъ науку, а сгруппировать твердо установленные факты изъ области хозяйственной жизни Россіи, вслѣдствіе чего она, по выраженію самого автора, «можетъ служить не болѣе, какъ полотномъ, на которомъ должна быть набросана живая картина изучаемыхъ явленій; поэтому, она рисуетъ только важнѣйшіе моменты хозяйственной жизни нашего отечества съ нѣкоторыми сопоставленіями для иностранныхъ государствъ».

Прежде, однако, чѣмъ приступить къ непосредственной задачѣ своего руководства, проф. Соболевъ старается ввести своего читателя-ученика въ сущность того статистическаго метода, съ помощью котораго собираются цифровыя данныя. Въ началѣ каждаго отдѣла авторъ вездѣ останавливается на вопросѣ о пріемахъ собиранія свѣдѣній и существующихъ изданіяхъ по данному вопросу. «Разсматривая указываемые матеріалы,—справедливо замѣчаетъ проф. Соболевъ,—учащіеся пріучаются находить въ нихъ нужныя имъ свѣдѣнія, пріобрѣтаютъ сознательное отношеніе къ изучаемымъ цифрамъ и фактамъ и нерѣдко заинтересовываются настолько, что выполняютъ небольшія самостоятельныя работы по этимъ источникамъ».

Въ весьма небогатой учебной литературѣ по коммерческой географіи Россіи книгѣ проф. Соболева принадлежитъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Написана она легкимъ языкомъ, выгодно отличающимся отъ казеннаго языка обычныхъ учебниковъ, сгруппированы въ ней свѣжія и вполнѣ достовѣрныя данныя. Одинъ только упрекъ мы позволили бы себѣ сдѣлать автору—намъ кажется, что въ своемъ учебникѣ коммерческой географіи Россіи онъ слишкомъ мало обратилъ вниманіе на выясненіе причинной связи между характеромъ окружающей географической среды и характеромъ экономической дѣятельности населенія

Digitized by Google

даннаго района, данной губерніи. Намъ думается, что установленіе этой связи значительно бы способствовало оживленію изложенія и дало бы учащемуся болѣе легкую возможность запомнить географическое распредѣленіе по Россіи различныхъ отраслей хозяйственной дѣятельности. Надо было бы выяснить, не только *гдѣ* и *какъ* расположены различныя отрасли хозяйственной жизни Россіи, не еще и *почему* они развились, именно, въ данномъ географическомъ районѣ. *П. Б.*

Врачъ Л. О. Наркевичъ. Опытъ санитарнаго изслѣдованія валяльнаго промысла въ Нижегородской губерніи. Нижній-Новгородъ. 1901 г. Среди довольно многочисленныхъ за послѣднее время изслѣдованій санитарнаго состоянія отдѣльныхъ отраслей промышленности, проходящихъ, къ сожалѣнію, совершенно незамѣченными для читающей публики, небольшая работа д-ра Наркевича, безспорно, болѣе другихъ можетъ претендовать на вниманіе общаго читателя. Развертываемая авторомъ объективная картина внутреннихъ экономическихъ отношеній и ужасающихъ санитарныхъ условій въ валяльномъ промыслѣ Нижегородской губерніи едва ли не типична для кустарныхъ промысловъ вообще и проливаетъ яркій свѣтъ на вопросы объ экономической роли и нѣкоторыхъ причинахъ развитія нашей кустарной промышленности, а вѣдь эти вопросы, наряду съ вопросомъ о возможной дальнѣйшей эволюціи кустарныхъ промысловъ, въ послѣдніе годы привлекали и продолжаютъ еще привлекать усиленное вниманіе къ себѣ читающей публики. Въ не искаженномъ никакими предвзятыми взглядами изложеніи автора изслѣдованный имъ «кустарный» промыселъ по своей хозяйственной организаціи является очень характернымъ образчикомъ такъ называемой въ экономической литературѣ Hаus или Verlagsindustrie, или domestic System—«раздаточной» или домашней системы крупнаго производства, относящейся всецѣло къ предпринимательской формѣ производства. Центромъ развитія валяльнаго промысла въ Нижегородской губерніи издавна служитъ Семеновскій уѣздъ, снабжающій не только своими издѣліями, но и рабочими, спеціально пріучившимися переносить прямо нечеловѣческія условія шерстобитнаго производства, даже такіе отдаленные районы, какъ Петербургъ. По крайней мѣрѣ, на хорошо знакомыхъ намъ небольшихъ войлочныхъ фабрикахъ одного изъ пригородовъ Петербурга всѣ рабочіе нанимаются предпринимателями въ Семеновскомъ уѣздѣ.

Какъ видно изъ приводимой д-ромъ Наркевичемъ таблицы, въ одномъ этомъ уѣздѣ насчитывается 1.776 «отдѣльныхъ заведеній» по обработкѣ шерсти, съ общимъ числомъ занятыхъ въ нихъ лицъ 3.416, изъ которыхъ къ семьямъ самихъ «хозяевъ» заведеній принадлежитъ 2.914 и 502 чел. наемныхъ рабочихъ. Всего же въ Нижегородской губерніи 2.608 заведеній валяльнаго промысла, въ которыхъ работаетъ 1.276 наемныхъ рабочихъ и 4.376 «самостоятельныхъ хозяевъ» и членовъ ихъ семей. Мы, впрочемъ, сейчасъ увидимъ, съ какого рода хозяйственною самостоятельностью намъ приходится имѣть здѣсь дѣло. Въ каждомъ районѣ шерстоваляльнаго производства, по словамъ автора, имѣется свой предприниматель, закупающій на Нижегородской ярмаркѣ, а отчасти и на мѣстныхъ кожевенныхъ заводахъ шерсть и раздающій ее затѣмъ изъ своихъ складовъ для обработки мѣстнымъ крестьянамъ. На этого-то дѣйствительнаго хозяина и работаетъ все окрестное населеніе. «Крестьяне берутъ шерсть у «хозяина» въ долгъ по цѣнѣ значительно выше рыночной. Когда кустари привозятъ обратно товаръ, приготовленный изъ купленной шерсти, то вторично вступаютъ съ хозяиномъ въ торговую сдѣлку. Продавецъ кустарь, не имѣя запасныхъ средствъ, принужденъ немедленно сбывать выдѣланный товаръ. Кромѣ того, отыскивая болѣе выгодный сбытъ для своего товара, онъ рискуетъ попасть въ немилость «хозяина» и лишиться такимъ образомъ кредита на товаръ». За работу кустарь получаетъ только часть слѣдуемой платы деньгами, а на остальную сумму различные продукты, «низкаго качества и

Digitized by Google

не очень высокимъ цѣнамъ». «Типъ самостоятельнаго кустаря сохранился только въ видѣ исключенія». По признанію автора, «громадное большинство крестьянъ, занимающихся валяльнымъ промысломъ, трудно назвать кустарями: это въ полномъ смыслѣ слова работники на хозяина-заказчика, на долю котораго и достается вся прибыль производства; а на долю производителя товара достается полуголодное существованіе, непосильный трудъ при самыхъ невозможныхъ гигіеническихъ условіяхъ и, какъ слѣдствіе этого, преждевременная инвалидность и неспособность къ труду» (стр. 3). Благодаря тому, что все руководительство производствомъ находится въ рукахъ предпринимателей, имъ удается устанавливать строго проводимое раздѣленіе труда между кустарями, а послѣднее еще болѣе закрѣпляетъ полную зависимость кустаря отъ «хозяина». Шерсть сначала поступаетъ на шерсточесальные заводы самихъ предпринимателей, затѣмъ въ одной деревнѣ ее только «катаютъ», въ другой только «стираютъ» скатанный товаръ. Болѣе состоятельные кустари держатъ сами рабочихъ, число которыхъ обыкновенно достигаетъ предѣльной цифры 15 чел. Такъ какъ заведенія, имѣющія болѣе 16 чел. рабочихъ, подлежатъ вѣдѣнію фабричной инспекціи, то, чтобы избѣжать контроля инспекціи, такіе «хозяйчики» (нѣмецкіе Zwischenmeister) строго придерживаются указаннаго предѣльнаго числа. Стирать скатанный товаръ и они отдаютъ на сторону, катаютъ же дома, такъ какъ это даетъ имъ возможность легче слѣдить за тѣмъ, какой сортъ шерсти употребляется въ дѣло. Отдавать хоть часть работы на домъ для хозяйчиковъ очень выгодно: стираньемъ скатаннаго товара (валеныхъ сапогъ) занимается бѣднѣйшая часть населенія, не имѣющая иныхъ заработковъ. «Работнику-отцу помогаютъ дѣти и жена, трудъ которыхъ не принимается въ разсчетъ. Въ общемъ заработокъ кустарей, работающихъ дома *значительно ниже, чѣмъ заработокъ рабочихъ въ хозяйскихъ мастерскихъ*; послѣдніе, не прикрѣпленные хозяйствомъ къ своему дому, легче могутъ найти работу на сторонѣ». Такимъ образомъ, домашняя форма крупной промышленности выгодна только для предпринимателя-скупщика или раздатчика. «Во многихъ случаяхъ крестьянинъ работаетъ только на хлѣбъ». Нужно замѣтить, что по даннымъ автора шерстовальное производство не только не сокращается, но, напротивъ, замѣтно развивается. Трудно установить болѣе или менѣе точно размѣры прибыли предпринимателей; такъ какъ на этотъ вопросъ имъ даются весьма уклончивые отвѣты, а отчетности они обыкновенно не ведутъ. Но, судя по прекраснымъ двухъэтажнымъ домамъ «хозяевъ», имѣющихъ даже менѣе 10 наемныхъ рабочихъ, дѣла ихъ идутъ какъ нельзя лучше. Впрочемъ, по цифрамъ о числѣ наемныхъ рабочихъ и возрастанію числа отдѣльныхъ «самостоятельныхъ хозяйствъ» совершенно непозволительно дѣлать заключеніе о дѣйствительныхъ размѣрахъ предпріятій и движеніи концентраціи производства. Такъ, по даннымъ автора, владѣлецъ шерстовальни, на которой «катаетъ» 6 человѣкъ, долженъ имѣть на сторонѣ не менѣе 10—12 стирщиковъ, которые, составляя самую низшую категорію эксплуатируемыхъ хозяиномъ рабочихъ, при учетѣ отдѣльныхъ хозяйствъ, регистрируются, какъ самостоятельные хозяева. Что касается спеціально санитарныхъ условій производства и жизни рабочихъ, то они тѣмъ хуже, чѣмъ мельче предпріятія. Но и на самыхъ крупныхъ шерстовальняхъ, имѣющихъ до 50 — 80 рабочихъ, эти условія прямотаки убійственны. Такъ, напр., въ виду того, что шерсть лучше всего скатывается при высокой температурѣ, послѣдняя поддерживается въ катальняхъ не ниже 25° R и работаютъ въ нихъ рабочіе совершенно нагими, имѣя только небольшіе передники вокругъ пояса. Отопленіе составляетъ около половины накладныхъ расходовъ въ мелкихъ мастерскихъ, поэтому всякая вентиляція тщательно устраняется, и воздухъ въ катальняхъ до того испорченъ, что непривычному трудно пробыть даже нѣсколько минутъ. Авторъ разсказываетъ, что, оставшись при осмотрѣ первой катальни въ ней нѣсколько дольше, онъ

Digitized by Google

почувствовалъ головокруженіе и общую слабость въ такой сильной степени, что не въ силахъ былъ производить въ этотъ день дальнѣйшія изслѣдованія.

У пишущаго настоящія строки до сихъ поръ еще живо въ памяти впечатлѣніе безнадежнаго ужаса и тоски, охватывавшее его всякій разъ при санитарныхъ осмотрахъ немногочисленныхъ шерстовальныхъ и войлочныхъ мастерскихъ въ одномъ изъ петербургскихъ пригородовъ. Самый видъ совершенно голыхъ рабочихъ, мокрыхъ отъ пота и грязныхъ отъ пыли, блѣдныхъ и едва вырисовывающихся въ полумракѣ наполненной паромъ и пылью мастерской, съ ея удушливой, жаркой атмосферой, производитъ удручающее, гнетущее впечатлѣніе. А между тѣмъ, какъ оказывается, во многихъ мелкихъ мастерскихъ Нижегородской губерніи рабочіе не только проводятъ весь день въ этомъ удушливомъ воздухѣ, но и спятъ тутъ же. Д-ру Наркевичу приходилось видѣть, что мастера заставляютъ помогать себѣ при работѣ въ катальняхъ даже подростковъ моложе 10 лѣтъ, мотивируя это необходимостью воспитанія въ нихъ съ малыхъ лѣтъ способности переносить нечеловѣческія условія труда въ катальняхъ, такъ какъ взрослые рабочіе уже не могутъ привыкнуть къ этому. Не лучше каталенъ и мелкія стирни: паръ совсѣмъ не отводится изъ нихъ, такъ что воздухъ въ нихъ всегда сырой; стѣны влажны, весьма быстро гніютъ и покрыты плѣсенью; половъ и потолковъ въ мастерскихъ нѣтъ; окна безъ двойныхъ рамъ; двери открываются прямо наружу, почему температура въ стирняхъ подвержена очень сильнымъ колебаніямъ. Въ такихъ-то условіяхъ приходится «кустарямъ» и наемнымъ рабочимъ проводить свой трудовой день, который, начинаясь съ 2—3 часовъ ночи, даже за вычетомъ времени на завтракъ, обѣдъ и отдыхъ, равняется не менѣе 13—16 часамъ чистой работы. И этимъ каторжнымъ трудомъ кустари вырабатываютъ въ недѣлю, за вычетомъ накладныхъ расходовъ и расхода на скудное питаніе по $7^1/_2$ *копѣекъ въ недѣлю*, т.-е. нѣсколько болѣе 1 коп. въ день! При осмотрѣ хлѣба, которымъ питаются артели этихъ «кустарей», авторъ обратилъ вниманіе на то, что онъ всегда недопеченъ и очень невкусенъ; близко знакомые съ бытомъ рабочихъ-кустарей лица объяснили ему, что это не случайное явленіе, а что, «питаясь недопеченнымъ хлѣбомъ, артель разсчитываетъ на меньшій расходъ его и такимъ образомъ надѣется сдѣлать большія сбереженія въ концѣ рабочаго сезона» (стр. 13). Неудивительно, что при осмотрѣ рабочихъ прежде всего бросается въ глаза ихъ жалкій, блѣдный, изможденный видъ, а въ с. Богородскомъ для рабочихъ валяльнаго промысла существуетъ даже особое названіе—«терпѣлка». Болѣе мѣткаго названія, по мнѣнію автора, невозможно придумать для этой категоріи промышленныхъ рабочихъ: только терпѣніе и выносливость, пріобрѣтенныя съ дѣтства помогаютъ рабочему мириться съ описанными выше тяжелыми условіями труда. Средняя продолжительность пребыванія рабочаго на валяльныхъ «заводахъ» не превышаетъ 11 лѣтъ — послѣ этого срока они становятся совершенно инвалидными и неспособными къ труду.

Ближайшая цѣль предположеннаго нижегородскимъ губернскимъ земствомъ санитарнаго обслѣдованія промышленныхъ заведеній, первый опытъ котораго мы имѣемъ въ работѣ д-ра Наркевича, состоитъ въ томъ, чтобы изъ изученія дѣйствительнаго положенія промышленныхъ заведеній почерпнуть матеріалъ для сознательнаго регламентированія ихъ санитарной обстановки путемъ изданія соотвѣтствующихъ обязательныхъ постановленій. Поэтому, авторъ въ заключеніе представляетъ проектъ минимальныхъ санитарныхъ требованій, которыя должны быть предъявляемы къ «заводамъ», имѣющимъ болѣе 5 наемныхъ рабочихъ. Но по его совершенно основательному убѣжденію никакія обязательныя постановленія не примѣнимы по отношенію къ бѣднымъ кустарямъ и несостоятельнымъ рабочимъ, работающимъ на своихъ «хозяевъ» въ своихъ собственныхъ «мастерскихъ». Земство хоть отчасти могло бы улучшить ихъ положеніе облегченіемъ для нихъ сбыта выдѣланнаго товара и устройствомъ складовъ шерсти,

Digitized by Google

а также устройствомъ образцовыхъ мастерскихъ съ правильною вентиляціей и отведеніемъ пара, тѣмъ болѣе, что сами «кустари» въ цѣляхъ сбереженія топлива и расхода на освѣщеніе дѣлаютъ попытки устраивать стирни совмѣстно.

Зах. Френкель.

ФИЛОСОФІЯ.

Куно Фишеръ. «Исторія новой философіи».—«Мозгъ какъ органъ мышленія».—*Кенигъ.* «Вундтъ. Его философія и психологія».

Куно Фишеръ. Исторія новой философіи, т. IV. Эммануилъ Кантъ и его ученіе. Возникновеніе и основаніе критической философіи. Ч. I. Спб. 1901 г. Исторія новой философіи Куно Фишера впервые вышедшая на русскомъ языкѣ въ 60-хъ годахъ въ переводѣ Н. Н. Страхова нашла себѣ много читателей и давно уже успѣла сдѣлаться библіографическою рѣдкостью. Ясность изложенія, удивительная обработанность стиля сочиненій Куно Фишера всѣмъ хорошо извѣстны. Обширная «Исторія новой философіи», выходящая въ VIII томахъ, охватываетъ собою всю европейскую философію начиная Декартомъ и кончая Шопенгауеромъ. Т. IV трактующій о теоретической философіи Канта, заслуживаетъ вниманія не только потому, что въ настоящій моментъ философія Канта вызываетъ наибольшій интересъ, но, какъ намъ кажется и потому, что въ исторіи философской мысли послѣдней половины XIX вѣка она имѣла историческое значеніе. Дѣло въ томъ, что до 60-хъ годовъ въ Германіи Кантомъ совсѣмъ мало интересовались и только въ началѣ 60-хъ годовъ возникаетъ интересъ къ философіи Канта и стремленіи «вернуться назадъ къ Канту». Было много причинъ, способствовавшихъ появленію этого движенія, но между прочимъ очень важное значеніе принадлежитъ Куно-Фишеру, который, изложивъ Кантовское ученіе по историческому методу, уяснилъ существенныя стороны его лучше, чѣмъ это было до него. Съ тѣхъ поръ по отношенію къ Канту въ исторіи философіи водворилось мнѣніе Куно-Фишера, по которому, «чтобы понять Канта, его слѣдуетъ объяснять исторически». Эта мысль несомнѣнно вѣрная. Нельзя понять сущности философіи Канта, если изучать просто одно изъ его произведеній, напр. «Критику чистаго разума». Для пониманія Канта необходимо прослѣдить исторически генезисъ его идей. Этотъ методъ примѣненъ именно въ разбираемомъ сочиненіи о Кантѣ. Въ немъ подробно излагается генезисъ его идей и, наконецъ его теоретическая философія.

Что касается перевода, то онъ исполненъ добросовѣстно, хотя и не лишенъ промаховъ. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Стр. 17. Empfänglicher Sinn «чувство впечатлительности» вмѣсто «воспринимающее чувство». Стр. 409. Вмѣсто «отношеніе» сказано «относительность». Терминъ apprehension переводится посредствомъ «усвоенія». Намъ кажется было бы гораздо цѣлесообразнѣе «схватываніе въ цѣломъ», потому что терминъ «усвоеніе» совсѣмъ не содержитъ въ себѣ идеи соединенія въ одно цѣлое, что именно предполагается терминомъ apprehensio. Стр. 436. «Существующее во времени есть необходимая величина», вмѣсто «необходимо есть величина», что совершенно измѣняетъ смыслъ. Стр. 436. «Обычная послѣдовательность» вмѣсто «привычная послѣдовательность», что въ теоріи Юма имѣетъ особенный смыслъ. Замѣчается злоупотребленіе иностранными терминами, напр. «негація» вмѣсто «отрицаніе», «консеквенція» вмѣсто «послѣдовательность», blosser Verstand повсюду переводится посредствомъ термина «голый» разсудокъ. Этотъ терминъ намъ кажется совершенно неудачнымъ: слѣдовало бы сказать, разсудокъ просто или «чистый разсудокъ».

Не взирая на эти недостатки въ переводѣ, которыхъ къ тому же очень немного, данная книга въ настоящій моментъ является самой лучшей и самой полной монографіей о теоретической философіи Канта на русскомъ языкѣ. *Г. Ч.*

Мозгъ, какъ органъ мышленія. Народный университетъ. Сборникъ обще-

Digitized by Google

доступныхъ статей по самообразованію подъ редакціей В. В. Битнера. Спб. 1901 г. Въ этой серіи книгъ, между прочимъ, въ числѣ другихъ научныхъ вопросовъ трактуется также и вопросъ объ отношеніи души къ тѣлу. Для этой цѣли составитель рѣшилъ предложить переводъ соч. проф. Флексига «Мозгъ и душа», которое уже давно существуетъ на русскомъ языкѣ, но книга Флексига мало доступна для обыкновеннаго читателя, такъ какъ предполагаетъ основательныя свѣдѣнія по анатоміи и физіологіи. Поэтому составитель рѣшилъ сдѣлать дополненія и примѣчанія, которыя бы дѣлали эту книгу доступной для обыкновеннаго читателя «Народнаго Университета».

Издавая это сочиненіе, составитель, по его собственнымъ словамъ, «имѣлъ въ виду сразу (!?) познакомить читателей съ самыми послѣдними пріобрѣтеніями въ области психофизіологіи». Мы не станемъ говорить о достоинствѣ самого сочиненія Флексига; въ немъ очень спорной является психологія, которая выводится изъ анатоміи мозга, но мы обратимъ вниманіе на тѣ прибавленія, которыя сдѣланы самимъ составителемъ. Они часто совершенно неправильны. На стр. 22 Флексигъ говоритъ о «субстратѣ» душевной дѣятельности. Читатели «Народнаго университета» узнаютъ отъ г. Битнера, что «подъ субстратомъ въ данной области понимаютъ основу, сущность вещи по отношенію къ измѣнчивымъ, случайнымъ ея частямъ и свойствамъ». Очевидно, г. Битнеръ смѣшалъ «субстратъ» съ «субстанціей», ибо его опредѣленіе относится не къ субстрату, а къ субстанціи.

Въ главѣ о «френологической теоріи Галля» г. Битнеръ хочетъ доказать, что френологія въ настоящее время имѣетъ важное научное значеніе. Читатель въ недоумѣніи, о какой френологіи идетъ рѣчь. Если подъ френологіей понимать то ученіе, по которому для различныхъ видовъ душевныхъ дѣятельностей существуютъ опредѣленныя физіологическія основы, то его едва ли нужно доказывать, потому что никто его въ настоящее время не оспариваетъ. Если же г. Битнеръ думаетъ, что подъ френологіей нужно понимать Галлевскую френологію, по которой отдѣльныя душевныя «способности» локализуются въ той или въ другой части мозга, то доказательство его не только сомнительно, но безспорно ложно. Такая френологія безповоротно осуждена наукой. Но его доказательства весьма странны, потому что онъ просто ссылается на Уоллеса, который въ своей книгѣ «Чудесный вѣкъ» доказываетъ научное значеніе френологіи. Но Уоллесу, живущему воспоминаніями 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, когда еще были живы корифеи френологіи Комбъ и Шпурцгеймъ, это простительно, а для г. Битнера, который берется познакомить читателя съ «послѣдними пріобрѣтеніями въ области психофизіологіи», это совсѣмъ не простительно. Мы не станемъ разбирать всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые Уоллесъ приводитъ для доказательства научнаго характера френологіи, а укажемъ только на слѣдующій. Уоллесъ утверждаетъ, что современныя экспериментально-физіологическія изслѣдованія съ раздраженіями поверхности головного мозга приводятъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ, которые были уже извѣстны старымъ френологамъ. Эти изслѣдованія показываютъ существованіе органа «чадолюбія».

«Еще болѣе интересенъ результатъ возбужденія нижней части внутренней затылочной извилины коровъ и овецъ, которое вызываетъ у нихъ тревожныя движенія заднихъ ногъ и хвоста. Между тѣмъ какъ животное смотритъ на противоположную заднюю ногу и иногда издаетъ жалобный крикъ, какъ будто отъ боли или досады. Возбуждаемое мѣсто есть френологическій органъ «чадолюбія» и всякій, наблюдавшій корову въ то время, когда уводили прочь ея теленка, долженъ признать вѣрность описанія движеній, которыми она выражаетъ свои чувства».

Что это, наука или фантазія? Кажется несомнѣннымъ, что это послѣднее. Но какъ къ нимъ относится г. Битнеръ? Онъ говоритъ: «Можно, конечно, не

Digitized by Google

раздѣлять надежды знаменитаго англійскаго ученаго, можно считать ихъ увлеченіемъ, но нельзя отказать его замѣчаніямъ въ основательности, которыя по меньшей мѣрѣ должны наводить на размышленія. Во всякомъ случаѣ усвоенный нѣкоторыми высокомѣрный тонъ и пренебрежительное отношеніе къ френологіи покоится не на научныхъ данныхъ, а скорѣе на незнаніи исторіи вопроса. Истинные ученые вродѣ Уоллеса, Флексига и т. п. умѣютъ относиться съ уваженіемъ даже къ заблужденіямъ своихъ предшественниковъ». Какъ это понять? Съ одной стороны утверждается, что френологія есть *заблужденіе*, а съ другой стороны, что нужны научныя данныя, чтобы понять, что это есть нѣчто очень серьезное.

На стр. 29 г. Битнеръ поясняетъ, что нужно понимать подъ ассоціаціей. «Подъ ассоціаціей въ психологіи понимаютъ представленія, понятія, тѣсно связанныя между собою и одно другое вызывающія. Различаютъ *положительныя* и *отрицательныя* ассоціаціи». Смѣемъ увѣрить, что ни въ какой психологіи этого не признается. На стр. 32 говорится, что «слухъ связанъ съ *поверхностью* височныхъ долей». Это невѣрно. Нужно было сказать, что «слухъ связанъ съ дѣятельностью *верхней височной извилины*». Между тѣмъ, утвержденіемъ и этимъ есть огромная разница.

Отношеніе г. Битнера къ физіологическимъ изслѣдованіямъ колеблющееся. На стр. 33 онъ говоритъ: «Бывали случаи, когда фантазіи нѣкоторыхъ физіологовъ, при описаніи нарушенныхъ отправленій души животнаго, удалялась отъ твердой почвы истинно познаваемаго, но отъ этого твердость ихъ обоснованныхъ положеній и выводовъ все-таки не могла въ значительной степени уменьшиться». Удивительно чудесная наука по описанію г. Битнера можно фантазировать, и все таки цѣнность выводовъ отъ этого не измѣнится.

Г. Битнеръ находитъ (стр. 46), что «анатомическимъ мѣстомъ объединяющей или синтетической способности будутъ всѣ соединительныя спайки обоихъ полушарій, главнымъ образомъ тотъ органъ, который называется «мозолистомъ тѣломъ». Въ немъ объединяются впечатлѣнія обоихъ половинъ тѣла». Г. Битнеръ долженъ былъ бы объявить, что этотъ взглядъ принадлежитъ лично ему, потому что, не дѣлая никакой оговорки, онъ можетъ заставить читателя думать, что въ самомъ дѣлѣ въ наукѣ кто-нибудь кромѣ него, высказывалъ это нелѣпое мнѣніе. Что центромъ *пониманія* является именно мозолистое тѣло, эта гипотеза принадлежитъ исключительно г. Битнеру.

Намъ кажется, что такъ популяризировать науку не слѣдовало бы. Было бы гораздо цѣлесообразнѣе просто перевести хорошую книгу, и только, а при такихъ дополнительныхъ примѣчаніяхъ «Народный Университетъ» сдѣлается мѣстомъ, откуда читатели будутъ черпать не познанія, а заблужденія. *Г. Ч.*

Кенигъ. Вундтъ. Его философія и психологія. Изданіе журнала «Образованіе». Спб. 1902. Вундтъ одинъ изъ наиболѣе крупныхъ современныхъ мыслителей. Его самая главная заслуга заключается въ томъ, что онъ поднялъ значеніе философіи, которое въ послѣднее время, повидимому, совершенно было утрачено въ глазахъ интеллигенціи. Многимъ какъ у насъ, такъ и въ западной Европѣ казалось, что философія — псевдонаука и что ей въ настоящее время нѣтъ мѣста среди другихъ наукъ. Вундтъ былъ въ числѣ философовъ, которые способствовали тому, что довѣріе къ философіи было вновь возвращено. Это произошло потому, что Вундъ, прежде всего, является представителемъ естествознанія. Онъ первоначально былъ профессоромъ физіологіи, а потомъ перешелъ къ психологіи и къ философіи. Онъ первый въ послѣднее время сталъ проповѣдовать, что психологія должна дѣлаться экспериментальной наукой и первый основалъ лабораторію, для экспериментальнаго изученія психологіи. Онъ также ввелъ терминъ «физіологическая психологія». Вполнѣ естественно, что никто не могъ заподозрить его въ томъ, что онъ способенъ созидать какія-нибудь фантастическія теоріи. Его склонны были считать пози-

Digitized by Google

тивистомъ или, во всякомъ случаѣ, матеріалистомъ. Но когда онъ въ 1886 году выпустилъ свою «Систему Этики», то всѣ увидѣли, что это неправильно, что его философія съ матеріализмомъ ничего общаго не имѣетъ, а въ предисловіи къ этому сочиненію онъ прямо себя объявляетъ сторонникомъ идеалистической метафизики. Когда въ 1889 году онъ издалъ свою «Систему Философіи», то для всѣхъ сдѣлалось яснымъ, что центральнымъ пунктомъ его системы является метафизика. Многіе заподозрили его въ неискренности, потому что не могли понять, какимъ образомъ ученый, занимающійся физіологіей, могъ сдѣлаться метафизикомъ и подозрѣвали даже, что онъ преслѣдуетъ постороннія наукѣ цѣли, но на самомъ дѣлѣ Вундтъ былъ послѣдовательнымъ метафизикомъ. Онъ еще въ 1869 году задумалъ свою систему философіи, а въ окончательной формѣ она появилась въ 1889 году. Во всѣхъ его предшествующихъ сочиненіяхъ проскальзываютъ взгляды, которые показываютъ, что онъ долженъ былъ придти къ тѣмъ выводамъ, къ которымъ онъ, дѣйствительно, и пришелъ.

У насъ въ Россіи особенно распространенъ предразсудокъ, что если кто занимается физіологіей, то долженъ, быть очень далекъ отъ философіи или метафизики. Вундтъ является опроверженіемъ такого взгляда.

Въ философіи Вундтъ является «метафизикомъ», въ психологіи онъ «монистъ», въ этикѣ онъ сторонникъ «универсальнаго эволюціонизма».

Его взгляды въ доступной формѣ изложены въ книгѣ Кенига, которую мы и предлагаемъ вниманію всѣхъ интересующихся философіей, въ особенности ея новѣйшими теченіями. Переводъ удовлетворителенъ, хотя и не свободенъ отъ недостатковъ. На стр. 14 «докторъ психологіи» вмѣсто «докторъ философіи». Стр. 16. Извѣстный физіологъ Пуркинье названъ Пуркиндке. Стр. 88. Ansehaulich вмѣсто «наглядный» переводится посредствомъ «способъ созерцанія». Стр. 121 «Апперцептивныя сцѣпленія» вмѣсто общепринятаго «апперцептивныя соединенія». *Г. Ч.*

ПУБЛИЦИСТИКА.

«Общественныя теченія запада конца XIX в.».—*С. Смирновъ.* «Ученическіе журналы».—«Сборникъ статей по вопросамъ городской жизни въ Россіи и за границей».

Общественныя теченія запада конца XIX вѣка. Осужденные въ Чикаго. Джона Макая. Съ французскаго. Въ изложеніи О. Обломіевской и С. Штейнберга. Ц. 50 к. Въ подлинникѣ эту книгу намъ видѣть не приходилось и хотя, вообще говоря, мы относимся вполнѣ отрицательно ко всякаго рода «изложеніямъ» и тѣмъ болѣе «передѣлкамъ», но въ данномъ случаѣ даже въ страдающемъ дефектами изложеніи г.г. Обломіевской и Штейнберга книжка Макая заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія читателей. Книжка представляетъ собою полубеллетристическую вещь (беллетристической ее назвать нельзя, вслѣдствіе слишкомъ ужъ большого отсутствія въ ней художественнаго элемента), въ которой выведенные авторомъ на сцену герои, ведутъ между собою высокоинтересныя бесѣды. Въ этомъ отношеніи произведеніе Макая напоминаетъ намъ извѣстный романъ Швейцера «Эмма». Герои подвергаютъ всестороннему разсмотрѣнію общественныя теоріи, наиболѣе занимавшія европейское общество въ концѣ XIX в. и занимающія его, разумѣется, и теперь, въ началѣ XX вѣка. Главный вопросъ, обсуждаемый героями разсказа, это—значеніе индивидуализма и коллективизма и борьба двухъ этихъ міровоззрѣній.

«Я всегда стремился къ абсолютной индивидуальной свободѣ. Я прослѣдилъ до послѣднихъ логическихъ выводовъ не одну теорію, я принадлежалъ къ горячимъ приверженцамъ и соціализма, но все это не удовлетворяло меня, и я долженъ былъ, въ концѣ концовъ, предаться самостоятельнымъ изслѣдованіямъ, которыя привели меня къ исходному пункту всякихъ изысканій,—къ личности, къ отдѣльному индивиду», говоритъ Обанъ, главное лицо разсказа

Digitized by Google

Другіе собесѣдники представляютъ на мысли Обана множество возраженій; въ спорахъ этихъ и заключается захватывающій интересъ этой книги. Самъ авторъ не даетъ никакихъ положительныхъ рѣшеній вопросовъ, онъ ставитъ ихъ но ставитъ умѣло, въ родѣ того, какъ это дѣлалъ Прудонъ, и читателю, поэтому, есть надъ чѣмъ подумать и самому.

Къ дефектамъ русскаго изданія книги принадлежитъ языкъ «изложенія», что значительно портитъ впечатлѣніе въ общемъ весьма полезной книги. *В. Б.*

С. Г. Смирновъ. Ученическіе журналы и сборники. М. 1902. in 8 vo Стр. 134. Ц. 60 к. Книжка г. Смирнова—любопытный отголосокъ оживленія, обнаруженнаго за послѣднее время по вопросу о реформѣ средней школы. Г. Смирновъ утверждаетъ, что «духъ жизни повѣялъ, наконецъ, надъ нашей многострадальной школой», и «въ настоящее время вопросы индивидуальности ученика получаютъ первостепенное значеніе». Отсюда проистекаетъ его особенный интересъ къ ученическимъ журналамъ и сборникамъ, какъ къ «естественно выражающей формѣ яркаго обнаруженія индивидуальныхъ наклонностей и самодѣятельности» учащихся. Авторъ начинаетъ свое изложеніе издалека—съ временъ шляхетнаго кадетскаго корпуса XVIII вѣка, воспитанники котораго печатали свои труды съ вѣдома великаго князя Петра Ѳедоровича, впослѣдствіи императора Петра III. «Несомнѣнно,—пишетъ г. Смирновъ,—что первый въ Россіи журналъ, составленный, главнымъ образомъ, изъ ученическихъ трудовъ, появился по иниціативѣ начальства и подъ покровительствомъ особъ царской фамиліи» (стр. 7 и 40).

Въ 90-хъ годахъ истекшаго XIX вѣка школьное начальство одной гимназіи разрѣшило журналъ «Разсвѣтъ»: его задачей поставлено было самообразованіе, которое-де можетъ идти правильнымъ путемъ только тогда, когда цѣлью его будетъ предустановлено созданіе «внутренняго русскаго міросозерцанія». Въ чемъ же заключается таковое? По мнѣнію начальства, продиктовавшаго программу журнала, основами этого *внутренняго* міросозерцанія являются «православіе, единодержавіе и народность». Сообщивъ эту программу школьнаго журнала, начавшаго выходить въ свѣтъ подъ покровительствомъ начальства гимназіи, авторъ заявляетъ, что таковая опредѣленная публицистическая программа, кромѣ статей самого редактора, «не нашла себѣ никакого выраженія и примѣненія въ журналѣ». Почему же? Вопросъ этотъ г. Смирновъ оставляетъ безъ изслѣдованія, но самымъ фактомъ пользуется для того, чтобы придти къ успокоительному выводу, что «ученики средней школы въ общемъ чужды политикѣ» и что ихъ интересы сосредоточиваются на вопросахъ нравственнаго совершенствованія, эстетики и философіи.

Итакъ, въ далекомъ прошломъ начальство поощряло ученическіе журналы, не такъ давно пыталось поощрять; на рубежѣ XVIII и XIX вѣковъ въ ученическихъ журналахъ («Утренняя Заря») блистала нота «ярко выраженнаго патріотическаго характера», а въ концѣ XIX вѣка ученическіе журналы блестяще доказали отсутствіе среди учащихся политическихъ вкусовъ и аппетитовъ. Стало быть, нѣтъ нужды запрещать ученикамъ издавать школьные журналы. Конечно, нѣтъ нужды запрещать, но не правильнѣе ли было бы подчеркнуть и другой возможный выводъ: въ началѣ XIX вѣка возможно было въ ученическомъ журналѣ процвѣтаніе такъ называемаго патріотическаго направленія, а въ концѣ XIX вѣка нѣтъ: программа подобнаго рода, проектированная редакціей «Разсвѣта», провалилась. Нынѣшніе педагоги, по словамъ г. Смирнова (стр. 24—25), склонны «произносить грозныя филиппики противъ преждевременнаго литераторства», готовы «видѣть въ немъ глубокій и неискоренимый нравственный вредъ»... «Мы,—продолжаетъ авторъ,—не можемъ представить себѣ ученическаго журнала безъ сатирическихъ выходокъ на учителей и начальство». И вотъ на протяженіи цѣлаго ряда страницъ авторъ съ достойною

Digitized by Google

лучшаго примѣненія скрупулезностью собираетъ отмѣтки о томъ, что учащіеся въ своихъ журналахъ почти не трогаютъ учителей и начальство, а если нѣкоторые журналы и касаются такихъ темъ, то не имѣютъ успѣха и быстро прекачиваютъ свое существованіе (см. стр. 41, 44, 51, 57, 61, 62 и др.). Въ концѣ концовъ выходитъ, что наши учащіеся въ своихъ журналахъ столь же мало занимаются сатирой на учителей и начальство, какъ и политикой. Авторъ съ торжествомъ заявляетъ еще разъ, что ученическихъ журналовъ запрещать не надо, ибо они не страшны для учителей своими сатирическими выходками, что «эти педагогическіе страхи въ значительной степени преувеличены».

Не надо, стало быть, ихъ запрещать, пусть они издаются, пусть начальство изъ обзора ихъ исторіи, начертанной г. Смирновымъ, убѣдится въ благонадежности школьной журналистики. Противъ вывода никто не споритъ, но аргументація автора должна была быть построенною иначе и достигать болѣе широкой цѣли, нежели опыта убѣдить начальство въ томъ, въ чемъ оно, можетъ быть, и не желаетъ убѣждаться. Своего мнѣнія насильно никому не навяжешь, и намъ думается, что автору слѣдовало бы все время оставаться въ предѣлахъ научно-педагогическихъ основаній, а не колебаться изъ стороны въ сторону на зыбкой почвѣ административно-педагогической политики. Что касается политики, то она тутъ не при чемъ: если въ средѣ учащихся есть запросъ на вопросы политическаго и общественнаго характера, то школа по мѣрѣ силъ должна ему удовлетворять на строго научныхъ основаніяхъ; запретить интересоваться свыше силъ человѣческихъ, — не позволите интересоваться открыто, явно, начнутъ заниматься тайно. Выигрышъ будетъ не на сторонѣ педагогической администраціи.

Мы не будемъ входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе интересной книжки г. Смирнова, она чрезвычайно поучительна, появилась въ свѣтъ какъ нельзя болѣе кстати; мы рекомендуемъ ознакомленіе съ ней всѣмъ нашимъ педагогамъ, но мы искренно убѣждены, что въ принципіальныхъ вопросахъ нужна прежде всего сила логики, горячаго убѣжденія, правоты мысли и что только изъ этого послѣдняго элемента и можно черпать свою аргументацію, а не изъ какого-либо другого. *В. Сторожевъ.*

Сборникъ статей по вопросамъ городской жизни въ Россіи и за границей. Изданіе московскаго городскаго общественнаго управленія. Вып. I, стр. 122 (крупнаго формата). Ц. 25 к. М. 1901 г. Вып. II, стр. 131 (круп. форм.). Ц. 25 к. М. 1901 г. На страницахъ «Міра Божія» мы имѣли уже случай обратить вниманіе читателей на въ высокой степени интересное изданіе московскаго городскаго общественнаго управленія «Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ» *). Всего было выпущено подъ этимъ общимъ заглавіемъ до конца 1900 г. двѣнадцать выпусковъ, которые заключаютъ въ себѣ, дѣйствительно, богатый и разносторонній матеріалъ, отражающій въ себѣ и освѣщающій всѣ новѣйшія теченія въ жизни западно-европейскихъ муниципалитетовъ и въ нашемъ городскомъ хозяйствѣ. Съ прошлаго года статистическимъ отдѣленіемъ московской городской управы начата новая серія выпусковъ того же «Сборника статей» съ нѣсколько упрощеннымъ заглавіемъ. Въ теченіе истекшаго года вышло въ свѣтъ уже два выпуска. Какъ по характеру своего содержанія, такъ и по своему внѣшнему виду новая серія Сборника ничѣмъ не отличается отъ прежняго сборника, развѣ лишь большею сжатостью статей, болѣе выраженнымъ стремленіемъ къ систематическому обзору дѣятельности нашихъ и заграничныхъ городовъ по всѣмъ отраслямъ городской жизни и большею дешевизною отдѣльныхъ выпусковъ **).

*) См. Библіографич. отд. «М. Б.», ноябрь 1900 г.

Выпуски прежняго сборника стоили по 50 к., новые же по четвертаку.

Digitized by Google

Въ лежащихъ передъ нами первыхъ двухъ выпускахъ новой серіи сборника заслуживаютъ особеннаго вниманія статьи: «Городское хозяйство въ Германіи» (вып. I, стр. 73—88, сост. В. Г. Михайловскимъ), «Вопросы народнаго образованія въ Петербургѣ, въ Москвѣ и Одессѣ въ 1900 г.», (вып. I, стр. 1—48, состав. статистическимъ отдѣломъ московской городской управы) и «Изъ дѣятельности московскихъ городскихъ участковыхъ попечительствъ за 1899 г. (вып. II. стр. 1—57). Въ первой изъ названныхъ статей дается въ самомъ сжатомъ видѣ общая картина современнаго состоянія городского хозяйства въ Германіи по преимуществу въ крупныхъ городахъ и сдѣлана попытка сгруппировать рядъ фактовъ, характеризующихъ положеніе самыхъ разнообразныхъ сторонъ городской жизни, такъ или иначе связанныхъ съ дѣятельностью городского самоуправленія. Вторая статья представляетъ очень полный систематическій и живо написанный обзоръ всего, что было сдѣлано въ 1900 г. въ области школьнаго и внѣшкольнаго образованія городскими самоуправленіями названныхъ въ заголовкѣ статьи городовъ. Мы безусловно, рекомендуемъ знакомство съ этой статьей тѣмъ изъ читателей, которые хотятъ быть въ курсѣ дѣла въ такой животрепещущей области городской жизни и городского хозяйства, какъ народное образованіе. Изъ другихъ статей укажемъ еще на «Изслѣдованіе жилищъ и жилищный вопросъ въ швейцарскихъ городахъ, (вып. I, стр. 49—72), представляющее собою, главнымъ образомъ, переводъ статьи Emil'я Hofman'a въ Брауновскомъ «Archiv für Soz. Gesetzg. и Statist» за 1900 г.; на статью д-ра Лебедева «Изъ дѣятельности московскаго городского общественнаго управленія въ области врачебно-санитарной организаціи» (вып. II, стр. 120—131), въ которой сообщается планъ устройства московскаго городского санитарія для чахоточныхъ больныхъ въ имѣніи Тихвинскимъ и двухъ больницъ для хроническихъ и неизлѣчимыхъ больныхъ; на рядъ статей о борьбѣ съ алкоголизмомъ и нищенствомъ и, наконецъ, на чрезвычайно интересный послѣдній отдѣлъ I-го выпуска, въ которомъ, подъ общимъ заглавіемъ «Свѣдѣнія объ иностранныхъ городахъ», (вып. I, стр. 89—122) помѣщено тринадцать отдѣльныхъ небольшихъ очерковъ (въ 1—5 страничекъ каждый) о «Домахъ для рабочихъ въ Лондонѣ», о «Центральномъ справочномъ бюро въ Бреславлѣ», объ «Опытахъ муниципализаціи нѣкоторыхъ предметовъ общественнаго благоустройства въ Бельгіи», о «Наружномъ благоустройствѣ городовъ Соединенныхъ Штатовъ», о «Населеніи Австрійскихъ городовъ по переписи 31 декабря 1900 г. и др. Въ виду возрастающаго значенія муниципальной дѣятельности въ области удовлетворенія разнообразныхъ и многочисленныхъ общественныхъ потребностей крупныхъ городовъ и огромной важности вполнѣ сознательнаго отношенія среди возможно больше широкихъ круговъ населенія къ лежащимъ на городскихъ самоуправленіяхъ обязанностямъ и задачамъ, мы не можемъ не пожелать изданію московскаго городскаго общественнаго управленія самого полнаго успѣха и возможно болѣе широкаго круга читателей, тѣмъ болѣе, чтои по изложенію и по цѣнѣ оно отличается достаточною доступностью. *Зах. Френкель.*

СПРАВОЧНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Аріянъ. «Первый женскій календарь». — *А. Безчинскій.* «Путеводитель по Крыму».

П. Н. Аріянъ. Первый женскій календарь. Годъ четвертый. 1902 г. Ц. 1 р. Спб. 1902 г. Мы уже отмѣчали первые годы изданія «Перваго женскаго календаря» г-жи Аріянъ, какъ полезную справочную книгу, могущую удовлетворить женщинъ - читательницъ какъ по многимъ вопросамъ житейскаго обихода, такъ и по теоретическимъ запросамъ. Четвертый годъ составленъ не менѣе тщательно, полно и добросовѣстно. Кромѣ общихъ, обычныхъ для всякаго календаря отдѣловъ, главное, конечно, вниманіе обращено на вопросы—женскаго образованія, юридическаго положенія женщины, на жен-

Digitized by Google

скій трудъ, женское движеніе, здоровье и гигіену женщины и ребенка. Всѣ эти отдѣлы составлены достаточно полно, съ надлежащими указаніями, разъясненіями и справками. Медицинскій отдѣлъ редактированъ профессоромъ Н. И. Быстровымъ и составленъ нѣсколькими женщинами-врачами. Совѣты даются въ ясной, сжатой формѣ, доступной для пониманія всякой жены и матери. Въ отдѣлѣ «Біографіи» дано нѣсколько біографій видныхъ русскихъ дѣятельницъ на различныхъ поприщахъ, нѣсколько некрологовъ и юбилеевъ прошлаго года. По поводу этихъ біографій мы замѣтили бы только, что не совсѣмъ пріятно дѣйствуетъ ихъ излишне повышенный тонъ. Безспорно, женщинамъ труднѣе пробивать себѣ дорогу къ дѣятельности, но все же «ломать стульевъ» по этому поводу не слѣдуетъ. Біографіи снабжены недурно выполненными портретами.

Въ общемъ четвертый годъ «Перваго женскаго календаря», ни въ чемъ не уступая предыдущимъ выпускамъ, значительно полнѣе и объемистѣе, что указываетъ на усовершенствованіе этого полезнаго для всякой женщины изданія.

А. Б.

Путеводитель по Крыму А. Безчинскаго, при участіи д-ра В. Н. Дмитріева, С. Я. Елпатьевскаго, И. М. Педекаса и Е. М. Швединова. Изд. журн. «Русская Мысль». Москва. 1901 г. Ц. 2 р. 47 рис., 5 портр., 7 картъ и 4 плана. Прекрасно составленный и изящно изданный «Путеводитель по Крыму» г. Безчинскаго заслуживаетъ полнаго вниманія всѣхъ ѣдущихъ въ Крымъ съ цѣлями лѣченія или просто отдыха. Крымъ, какъ извѣстно, становится все болѣе и болѣе излюбленнымъ мѣстомъ, куда направляются больные и сами, и по совѣту врачей, а также всѣ, кому необходимъ отдыхъ послѣ усиленной зимней работы. И тѣхъ, и другихъ съ каждымъ годомъ все больше и больше устремляется въ этотъ поистинѣ благословенный уголокъ Россіи. Благодаря удешевленному тарифу и удобствамъ прямого безпересадочнаго сообщенія съ Севастополемъ, дорога туда облегчена до крайности: изъ Петербурга въ 2 сутокъ вы переноситесь въ Крымъ, сразу попадая изъ весенней или осенней петербургской слякоти въ чудную южную обстановку, которая мгновенно заставляетъ васъ забыть тяготу двухдневнаго путешествія. Понятно, поэтому, какъ важно имѣть подъ рукою всякія указанія и справки, которыя облегчили бы первые шаги неопытнаго путника въ Крыму. Если это важно для здоровыхъ, то для больныхъ необходимо имѣть такое руководство, на которое можно положиться въ увѣренности, что оно продиктовано не безстыдной рекламой, а умнымъ и честнымъ доброжелательствомъ. Этому драгоцѣнному условію вполнѣ отвѣчаетъ изданный почтенной редакціей «Русской Мысли» трудъ г. Безчинскаго. Составленный тщательно, на основаніи лучшихъ источниковъ по изученію Крыма, при участіи такихъ мѣстныхъ знатоковъ, какъ д-ръ Дмитріевъ, и такихъ извѣстныхъ общественныхъ дѣятелей, какъ писатель и врачъ С. Я. Елпатьевскій, «Путеводитель» г. Безчинскаго удовлетворяетъ самымъ придирчивымъ требованіямъ. Въ немъ каждый новичокъ въ Крыму найдетъ всѣ указанія, куда лучше ему направиться, гдѣ дешевле и съ большими удобствами устроиться, какъ самымъ полнымъ образомъ употребить время для болѣе пріятнаго и полезнаго знакомства съ Крымомъ. Пользованіе «Путеводителемъ» очень просто и облегчено подробнымъ указателемъ, картами, рисунками и планами. Написанъ онъ хорошимъ языкомъ, и во введеніи дано очень интересное общее, географическое, историческое и климатическое описаніе. Затѣмъ идетъ подробный маршрутъ по всѣмъ курортнымъ мѣстамъ и всѣмъ выдающимся мѣстностямъ и уголкамъ. Даны указанія и для пѣшеходныхъ экскурсій, такъ что, вооружившись «Путеводителемъ» можно исходить и изъѣздить весь полуостровъ наиболѣе экономно и пріятно. Цѣна книги, въ 500 стр. убористой печати, съ картами, рисунками, планами и въ переплетѣ—очень умѣренная—2 р.

А. Б.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го января по 18-ое февраля 1902 г.).

Салтыковъ. Полное собр. сочин. Изд. Маркса. Ц. 24 руб.

А. Яблоновскій. Очерки и разсказы. Харьковъ. 1902 г. Ц. 1 руб.

Безчинскій. Путеводитель по Крыму.

Г. Галина. Стихотворенія. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

Проф. К. Вёрмана. Исторія искусства. Перев. съ нѣм. А. Сомова. Изд. Т-ва «Просвѣщеніе», тм. I-й, вып. I. Ц. 50 к.

Проф. Мушкетовъ и проф. Бауманъ. Горное дѣло и металлургія Вып. 2—5. Ц. кажд. вып. 50 к. Изд. то же.

Промышлен. и техника. Силы природы и ихъ примѣненіе въ промышл. Техника. Изд. т-ва «Просвѣщеніе». Ц. каж. вып. 50 к.

Составл. подъ ред. Гельмольта. Исторія человѣчества. Всемірная исторія при участіи проф. Спеціалистами въ 80 вып. Ц. кажд. вып. 50 к.

Проф. А. Вилке. Промышл. и техника. Электричество. Перев. подъ ред. проф. Скобельцына. Изд. то же. Ц. кажд. вып. 50 к.

Проф. Митинскаго. Перев. съ 9-го нѣм. изд. Промышл. и техника. Технологія метал. Изд. то же. Ц. отд. вып. 50 к.

Проф. Эвальда. Промышл. и техника. Исторія и современ. технич.-строительн. искусства. Изд. то же. Ц. отд. вып. 30 коп.

Проф. Ф. Ратцеля. Народовѣдѣніе. Перев. съ нѣм. Коропчевскаго. Изд. то же. Ц. 36 вып. 15 руб.

Брэмъ. Жизнь животныхъ. Перев. подъ ред. проф. Догеля. Изд. то же. Ц. 60 вып. 24 руб.

Подъ ред. С. Южакова. Большая энциклопедія. Изд. то же. Ц. 200 вып. 120 руб.

Э. Ю. Петри. Географическій атласъ. Изд. Маркса. Ц. 2 р. 60 к

П. А. Голубевъ. Вятское земство среди другихъ земствъ Россіи. Изд. губ. земства. Вятка. Ц. 50 к.

А. Вагнеръ. Удобреніе плодовыхъ деревьевъ. Перев. И. Пузыревскаго. Спб. 1901 г. Ц. 25 к.

Горбуновъ-Посадовъ. Кругомъ свѣта. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 80 к.

Б. Степанецъ. Забытыя семинаріи. Мск. 1902 г.

Его же. О письменныхъ работахъ.

Его же. Семинаристы изъ народа. Мск. 1902 г.

Проф. С. Шиляревскій. Чтеніе положенія 19-го февраля 1861 г. Историч. картина Мясоѣдова. Кіевъ. 1902 г.

Е. И. Тарасовъ. Донской атаманъ Платовъ. Изд. «Вѣстника каз. войска». Спб. 1902 г.

Раффи. Хентъ. Истор. романъ. Перев. съ нѣм. П. Некрасова. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

А. Л. Соколовскій. Энциклопедія для юношества. Вып. I и II. Спб. 1901 г. Ц. за 8 том. 10 руб.

И. И. Игнатовичъ. Помѣщичьи крестьяне наканунѣ освобожденія. Изд. Пантелѣева. 1902 г. Ц. 1 руб.

Т. Н. Львовъ. Дѣвчонки умнѣе стариковъ. Драма. Мск. 1902 г. Ц. 60 к.

К. Боринскій. Театръ. Лекціи. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

И. Анненскій. Меланиппа-философъ. Трагедія. Спб. 1901 г. Ц. 75 к.

В. Саводникъ. Ницшеанецъ 40-хъ год. Мск. 1902 г. Ц. 60 коп.

Л. Яффе. Грядущее. Стихотвореніе. Гродна. 1901 г.

Отчетъ о дѣятельности врачей санитарн. надзора. Казанск. окр. путей сообщ. за 1900 и 1901 г. Спб. 1902 г.

Н. Веригинъ. Въ помощь учащимъ въ начальн. народн. училищахъ. Мск. 1902 г. Ц. 40 к.

С. Л. Цинбергъ. Происхожденіе Шейлока. Спб. 1901 г. Ц. 25 к.

А. Ф. Никитинъ. Пассажирскіе пароходы по Волгѣ въ санитарн. отношеніи. Спб. 1902 г.

Проф. Ю. Вагнеръ. Разсказы объ огнѣ. Изд. Посредника. Мск. 1901 г. Ц. 15 коп.

Л. П. Никифоровъ. Избранныя мысли Д. Рёскина. Мск. 1902 г. Изд. то же. Ц. 20 к.

Н. И. Передыгинъ. Неожиданный гость. Мск. 1902 г. Ц. 20 к.

П. Буланже. Перев. Нарвана. Буддійская сказка. Изд. то же. Мск. 1901 г. Ц. 30 к.

Шаппель. Современная бѣдность и современ. перенаселеніе. Изд. Дороватовскаго и Чарушникова. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. Н. Меньшиковъ. Какъ устраивать праздникъ древонасажденія въ школахъ. Вятка. 1901 г.

И. Л. Братчиковъ. Холощеніе жеребцовъ, быковъ, барановъ и вепрей. Изд. губ. земства. Вятка. 1901 г.

Краткое руководство къ возведенію кирпичныхъ крестьянск. строеній. Вятка. Изд. то же.

М. Ю. Лермонтовъ. Избран. сочиненія. Изд. вятск. губ. земства.

Digitized by Google

Кн. Куракинъ. Архивъ князя Куракина. Кн. 9-я. Спб. 1902 г. Ц. 4 руб.

Проф. Горбъ-Ромашкевичъ. Поземельн. налогъ въ практикѣ Зав. европ. государства. Варшава. 1901 г. Ц. 50 к.

Г. И. Шрейдеръ. Наше городское общ. управленіе. Тм. I. Спб. 1902 г. Ц. 3 руб.

А. Шопенгауэръ. Афоризмы о житейской мудрости. Изд. Н. Зинченко. Спб. 1902 г. Тм. I. Ц. по подп. 50 к.

М. А. Миропіевъ. О положеніи рус. инородцевъ. Спб. 1901 г. Ц. 2 руб.

Сборникъ статист. свѣд. по Уфим. губ. Т. IX. Ц. 1 руб.

Стенографич. отчетъ засѣд. очередн. Тверск. губ. вем. собранія сессіи. 1900 г.

А. Вербицкая. Первыя ласточки. 2-е изд. Мск. 1902 г. Ц. 80 к.

Е. Белау. Перев. подъ ред. Вербицкой. Мск. 1902 г. Ц. 80 к.

И. Благовѣщенскій. Памятная книжка. Олонецк. губ. Петрозаводскъ. 1902 г. Ц. 1 руб.

Н. Карѣевъ. Философія культ. и соціальн. исторіи нов. времени. Изд. 2-е. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.

А. Быстровъ. Правила объ удареніяхъ въ рус. яз. Изд. т-ва «Книговѣдъ». Аренсбургъ. 1900 г.

К. Н. Воиновъ. Прелюдіи. Разсказы. Одесса. 1902 г.

В. М. Блюменталь. Общ. борьба съ туберкулезомъ, какъ съ народн. болѣзнью въ Зап. Европѣ и Америкѣ. Часть 1-я. Мск. 1901 г.

Н. И. Успенскій. Собраніе поэтическихъ произведеній. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Ф. Г. Вальтеръ. Музыкальное образованіе любителя. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

Его же. Какъ учить игрѣ на скрипкѣ. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Н. Столяровъ. Собраніе упражн. въ высшей математикѣ. Кіевъ. 1902 г. Ц. 1 руб.

Шарл. Стетсонъ. Женщины и эконом. отношеніе. Перев. съ англ. А. Каменскаго. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

Инж. С. Житковъ. Хлѣбъ и пути сообщенія. Изд. собр. инж. пут. сообщенія. Спб. 1902 г.

А. Скворцовъ. Основы экономики земледѣлія. Часть II, вып. 1. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Г. Риманъ. Музыкальн. словарь. Перев. подъ ред. Энгеля. Вып. III. Изд. Юргенсона.

В. В. Каллашъ. Н. В. Гоголь въ русской поэзіи. Мск. 1902 г. Ц. 50 к.

Всеволодская. Разсказы. Изд. въ пользу нижегородск. народн. театра. Н.-Новгородъ. 1901 г. Ц. 1 р.

Л. В. Ровенскій. По Манчжуріи. Благовѣщенскъ. 1900 г.

М. Ѳ. Кузнецовъ. О школьномъ препод. исторіи. Вильна. 1902 г.

К. А. Гротъ. Къ біографіи И. И. Дмитріева. Спб. 1902 г.

А. Миловидовъ. Государствен. значеніе всерос. патріарховъ. Харьковъ. 1901 г.

М. Стасюлевичъ. Исторія среднихъ вѣковъ. 1-й періодъ. Спб. 1902 г. Ц. 2 руб.

Проф. Левинсонъ-Лессингъ. Основн. проблемы физической геологіи. Спб. 1902 г.

П. Голубевъ. Къ вопросу о постройкѣ народн. дворца въ Перми. Мск. 1902 г.

Евг. Трифильевъ. Къ біографіи В. Н. Карамзина. Харьковъ. 1901 г.

Проф. Казанскій. Отвѣтъ проф. Петрожицкому о препод. на юридич. факультетахъ. Спб. 1901 г.

Н. К. Кудринъ. Очерки современ. Франціи. Изд. ред. журн. «Русское Богатство». Спб. 1902 г. Ц. 2 руб.

С. М. Середонинъ. Историческій обзоръ дѣятельн. комит. министровъ. Изд. канцеляріи комит. министровъ.

А. Мордвилко. Къ біологіи и морфіологіи тлей. Спб. 1901 г. Ц. 6 руб.

В. А. Вихляевъ. Очерки изъ рус. сельскохоз. дѣятельн. Спб. Изд. «Хозяинъ». Ц. 1 р. 20 к.

К. Половодскій. Стихотворенія. Одесса. 1902 г.

Ванъ-Мюйденъ. Исторія швейцарскаго народа. Перев. съ франц. Э. Радлова. Т. III. 1902 г. Ц. 2 р. 75 к.

Джорджъ Эліотъ. Золотыя кудри. Мск. 1901 г. Ц. 70 к.

Евг. Гославскій. Путемъ-дорогою. Разсказы. Изд. т-ва Сытина. 1902 г. Ц. 1 руб.

Перев. П. Л. Буланже. Садикъ маленькаго Гарри. Спб. 1902 г. Ц. 20 к.

Кэтъ-Дугласъ-Виггинъ. Веселая рѣчка. Разсказы. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Л. Ѳедоровъ-Давыдовъ. Ловкій башмачникъ. Изд. ред. «Дѣтскаго Чтенія». Мск. 1901 г. Ц. 20 к.

В. Н. Немировичъ-Данченко. Соколиныя гнѣзда. Изд. то же. Мск. 1902 г. Ц. 50 к.

В. Гиляровскій. Портной Ерошка и тараканы. Изд. то же. Ц. 5 к.

Д. И. Тихомировъ. О жизни Н. В. Гоголя. Изд. то же. Ц. 10 к.

Н. А. Соловьевъ-Несмѣловъ. Друзья. Мск. Изд. то же. Ц. 5 к.

Е. Свѣтникова. Сокр. Князь Серебряный. Изд. то же. Цѣна 15 коп.

Ея же. Сокращенный Ледяной домъ. Мск. Изд. то же. Ц. 50 к.

Любичъ-Кошуровъ. Ничипоръ Бородай. Мск. 1902 г. Ц. 30 к.

М. Энгельгардтъ. Лѣса и климатъ. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.

К. Е. Баранцевичъ. Къ свѣту. Ц. 25 к.

В. И. Немировичъ-Данченко. Подъ небомъ Африки. Мск. 1902 г. Ц. 60 к.

Ѳедоровъ-Давыдовъ. Въ досужій часъ. Мск. 1902 г.

Разсказы для еврейскихъ дѣтей. Изд. Беляскаго. Кіевъ. 1901 г. Ц. 6 к.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*The World and the Individual*» *by prof. Royu of Harvard* (*Macmillan and C°*) (*Міръ и индивидъ*). Въ книгѣ заключается рядъ лекцій, читанныхъ авторомъ о разныхъ пробѣлахъ философіи, напр., «Реализмъ и мистицизмъ въ исторіи мысли», «Толкованіе природы», «Нравственный порядокъ» и др. Книга эта принадлежитъ къ числу наиболѣе интересныхъ и оригинальныхъ работъ по философіи, какія только появились въ послѣднее время.

(Times).

«*The Ainoce and their Folklore*» *by Rev. Iohn Batchelos* (*Religions Tract Society*) (*Айносы и ихъ фольклоръ*). Авторъ пробылъ много лѣтъ миссіонеромъ среди этого любопытнаго древняго народа, и поэтому очень быстро познакомился съ его особенностями, характеромъ, обычаями, воззрѣніями и легендами. Въ настоящее время айносы очень смирный, спокойный народъ, хотя прежде они были, повидимому, крайне воинственнымъ племенемъ и у нихъ есть преданія, указывающія, что ихъ предки были даже каннибалами. Авторъ полагаетъ, что айносы — арійскаго происхожденія.

(Times).

«*What great men have said about Great men*». *A dectionary of Gustations. By William Wale* (*Iwan Sonnenchein and C°*). (*Что великіе люди говорили о другихъ великихъ людяхъ*). Оригинальную идею имѣлъ авторъ—собрать изреченія разныхъ великихъ людей, сказанныя ими о другихъ великихъ людяхъ. Этотъ сборникъ цитатъ представляетъ интересъ въ особенности какъ характеристика нѣкоторыхъ великихъ людей прежней и современной эпохи.

(Times).

«*Ruskin and English Lakes*» *by Canon Rawnsley* (*Maclehose and Sons*) *Glasgow.* (*Рёскинъ и англійскія озера*). Въ этой книгѣ заключается нѣсколько интересныхъ воспоминаній о Рёскинѣ въ послѣдніе годы его жизни, но особенно любопытны приводимые авторомъ отрывки рѣчей окрестнаго крестьянства, въ которыхъ крестьяне высказывали автору свое мнѣніе о «профессорѣ»—такъ они звали Рёскина. Какъ въ Оксфордѣ, такъ и въ Гернхиллѣ и Конистанѣ Рёскинъ возбуждалъ всеобщее уваженіе и любовь всѣхъ тѣхъ, кто зналъ его. Его скромные сосѣди крестьяне съ восхищеніемъ отзываются о немъ, о его добротѣ ко всѣмъ, и въ особенности о его любви къ дѣтямъ. Къ книгѣ приложенъ прекрасный портретъ и нѣсколько хорошихъ иллюстрацій.

(Manchester Guardian).

«*Travel in the First Century after Christ*» *by Miss Caroline A. J. Skeel* (*University Press. Cambridge*) (*Путешествіе въ первый вѣкъ по Р. Х.*). Авторъ избралъ интересную тему для своего научнаго изслѣдованія. Каждый историкъ Рима императоровъ непремѣнно выставлялъ на видъ политическое и военное значеніе великихъ дорогъ, проложенныхъ римлянами, но авторъ, въ своемъ разсказѣ, придалъ имъ особенно живой интересъ. Передъ глазами читателя проходятъ разные типы путешественниковъ: купцы, чиновники, искатели приключеній, пилигриммы, инвалиды, нищіе, атлеты, искатели мѣстъ, странствующіе музыканты и т. д., толпившіеся на англійской дорогѣ, имѣвшей такое громадное значеніе во времена Августа и Нерона. Не менѣе интереса представляютъ главы, посвященныя морскимъ путешествіямъ и развитію римскаго морского могущества и торговли въ Средиземномъ морѣ. Въ отдѣльной главѣ говорится о Малой Азіи, но въ сравненіи съ предшествовавшими главами, она отличается чрезмѣрною сжатостью, которая вредитъ содержанію.

(Manchester Guardian).

«*Psychologie und Pädagogik des Kinderspieles*» *G. A. Colozza. Uebersetzung aus dem italianischen von Chr. Ufer.* (*Altenburg, Oscar Bonde*) (*Психологія и педагогика дѣтскихъ игръ*). Въ очень богатой педагогической литературѣ находится все-таки мало книгъ, въ которыхъ бы разсматривалось важное значеніе игръ въ дѣтскомъ возрастѣ. Въ названной книгѣ главное вниманіе автора обращено именно на педагогическое вліяніе и психологическое значеніе игръ. Книга распадается на три части, изъ которыхъ самая важная послѣдняя, подробно разбирающая разныя стороны психическаго вліянія игръ. Въ играхъ дѣтей авторъ видитъ, главнымъ образомъ, проявленіе избытка силъ, ищущихъ для себя исхода, и стремленія къ свободѣ. Очень интересно составленъ так-

Digitized by Google

же обзоръ всѣхъ писателей, древнихъ и современныхъ философовъ и ученыхъ, занимавшихся вопросомъ о значеніи дѣтскихъ игръ.

(Berliner Tageblatt).

«*National Education; essays towards a Constructive Policy*». *Edited by Laurie Magnus* (*John Murray*) (*Національное воспитаніе; опытъ созидательной политики*). Въ этой книгѣ заключается рядъ статей о современномъ положеніи воспитанія въ Англіи, которая знакомитъ читателей съ господствующею системою англійскихъ школъ и взглядами преподавателей. Къ книгѣ приложенъ очень полезный библіографическій указатель педагогическихъ сочиненій.

(Daily News).

«*The Principles of Western Civilisations*» *by Benjamin Kidd. London* (*Macmillan and C°*). (*Принципы западной цивилизаціи*). Книга эта явилась результатомъ очень добросовѣстнаго и основательнаго изслѣдованія и доказываетъ огромную эрудицію автора, взгляды котораго, во всякомъ случаѣ, отличаются оригинальностью. Авторъ все подчиняетъ идеѣ эволюціи, которая, по его мнѣнію, пріобрѣтаетъ теперь преобладающее значеніе во всѣхъ направленіяхъ соціальной жизни.

(Morning Post).

«*The Last of the Masai*» *by Sidney Langford Hinde. With Illustrations from photographs and Drawings. London.* (*William Heinemann*) (*Послѣдній изъ масаевъ*). Интересная книга, въ которой описывается мало извѣстная, исчезающая теперь, раса масаевъ въ восточной Африкѣ. Авторъ хорошо изучилъ это племя во время своей службы въ британскомъ восточно-африканскомъ протекторатѣ и сообщаетъ о масаяхъ много интересныхъ свѣдѣній. Авторъ разсказываетъ, кромѣ того, о своихъ приключеніяхъ во время странствованій въ восточной Африкѣ и своихъ столкновеніяхъ съ различными племенами, объ охотахъ за хищными звѣрями и т. п. Онъ дополняетъ свой разсказъ множествомъ фотографическихъ снимковъ, что, разумѣется, увеличиваетъ интересъ книги, знакомящей читателей съ малоизвѣстной страной и ея обитателями.

(Daily News).

«*China in convulsion*» *by Arthur H. Smith. London.* (*Oliphant, Anderson and Ferries*) (*Китай въ конвульсіяхъ*). Авторъ уже пріобрѣлъ извѣстность своими прежними сочиненіями о Китаѣ. Въ этой книгѣ, въ первыхъ главахъ, авторъ изслѣдуетъ причины антипатій, господствующей между китайцами и европейцами. Далѣе онъ даетъ очеркъ реформъ, проектированныхъ императоромъ въ 1898 г. и вызвавшихъ реакцію, ознаменовавшуюся воцареніемъ вдовствующей императрицы. Особенно интересны главы, въ которыхъ авторъ дѣлаетъ характеристику правительницы Китая. Далѣе онъ говоритъ о происхожденіи и развитіи боксёрскаго движенія и всѣхъ вызванныхъ имъ событій. Какъ американскій миссіонеръ, пробывшій тридцать лѣтъ въ Китаѣ, авторъ, конечно, посвящаетъ особенное вниманіе миссіонерскому вопросу.

(Daily News).

«*Scenes and Characters of the Middle Ages*» *by the Rev. E. Z. Catts* (*Virtue and C°*) (*Сцены и характерныя черты средневѣковой жизни*). Религія играла такую выдающуюся роль въ средніе вѣка, что, само собою разумѣется въ этомъ собраніи очерковъ средневѣковой жизни монахи, монахини, отшельники, рыцари и т. д. должны встрѣчаться на каждомъ шагу. Авторъ волей-неволей посвящаетъ имъ главное вниманіе, но интересъ книги отъ этого нисколько не уменьшается, такъ какъ она раскрываетъ передъ читателемъ очень любопытныя стороны средневѣковой жизни.

(Daily News).

«*Constantinople and its Problems*» *its peoples, customs, Religions and Progress, by Henry Otis Dwight* (*Oliphant*) (*Константинополь и связанныя съ нимъ проблемы*). Книгу эту нельзя причислить ни къ разряду путеводителей, ни къ разряду путевыхъ воспоминаній. Авторъ не только описываетъ этотъ удивительный городъ и всѣ его достопримѣчательности, но онъ посвящаетъ свое главное вниманіе его политической, соціальной и религіозной жизни и тѣмъ проблемамъ, которыя связаны съ ними.

(Athaeneum).

«*The mystic Rose; a study of primitive marriage*» *by Ernest Crawley* (*Macmillan and C°*) (*Мистическая роза; изслѣдованіе первобытнаго брака*). Авторъ очень подробно и съ научной точки зрѣнія изслѣдуетъ вопросъ о первобытномъ бракѣ, и книга его представляетъ цѣнный вкладъ въ этнологію.

(Daily News).

«*State Trials; political and Social*» *Selested and edited by H. L. Stephen.* (*Duckworth*) (*Государственные процессы, политическіе и соціальные*). Вышло уже четыре тома этого интереснаго собранія выдающихся государственныхъ процессовъ. Издатель очень искусно владѣетъ своимъ матеріаломъ и умѣетъ выбирать изъ него то, что можетъ представлять наибольшій интересъ для читателей.

(Daily News).

«*The Finits of Evolution, and other Essays*» *by G. H. Howison, prof.* (*Macmillan and C°*) (*Границы эволюціи и другіе очерки*). Книга эта представляетъ популярное изложеніе различныхъ философ-

Digitized by Google

скихъ взглядовъ и теорій, и критику автора на нихъ. Слогъ автора вездѣ ясенъ и популяренъ и не можетъ дать повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ со стороны читателей.

(Athaeneum).

«*Intuitive Suggestion*; *a New Theory of the Evolution of Mind*» *by J. W. Thomas* (*Longman and C°*) (*Интуитивное внушеніе; новая теорія эволюціи души*). Авторъ дѣлаетъ интересную и смѣлую попытку связать вмѣстѣ умственные процессы организмовъ, до такой степени отличающихся другъ отъ друга, какъ человѣкъ и амёба. Многія положенія, высказываемыя авторомъ, представляются недостаточно обоснованными, но, тѣмъ не менѣе, его попытка заслуживаетъ вниманія, такъ какъ онъ затрагиваетъ въ высшей степени важные вопросы, интересующіе каждаго мыслящаго человѣка.

(Athaeneum).

«*Christian Devet*» *von Flinck-Lutetsburg. Berlin* (*Meidinger*) (*Христіанъ Деветъ*). Трансваальская война воскресила героическія времена и въ числѣ героевъ этой войны первое мѣсто занимаетъ Деветъ, подвиги котораго становятся легендарными. Біографія этого героя, конечно, представляетъ современный интересъ.

(Berliner Tageblatt).

«*Gesundheit und Krankheit*» *von Troelslund. Leipzig.* (*Verlag von B. G. Terebner*) (*Здоровье и болѣзнь*). Авторъ задался цѣлью прослѣдить исторію развитія человѣческаго мышленія въ связи съ воззрѣніями на болѣзнь въ различныя эпохи человѣческой культуры. Онъ указываетъ на тщетныя попытки страдающаго человѣчества объяснить происхожденіе болѣзней. Познаніе природы и міровоззрѣніе извѣстной эпохи представляютъ главные моменты, опредѣляющіе отношеніе человѣка къ болѣзнямъ; отъ этихъ моментовъ зависятъ его взгляды на здоровое и больное состояніе организма и заботы о здоровьи. Авторъ знакомитъ читателей съ воззрѣніями древнихъ народовъ на здоровье и болѣзнь и говоритъ, что съ именемъ Гиппократа связываются уже совершенно новые взгляды, и его ученіе положило начало методическому, спиритуалистическому и чисто эмпирическому направленію медицины. Далѣе авторъ излагаетъ воззрѣнія позднѣйшихъ философовъ и ученыхъ, ученіе Гелена и др. и говоритъ о различныхъ взглядахъ на происхожденіе болѣзней, господствовавшихъ въ XVI-мъ вѣкѣ до Парацельса и его ученія о макромъ микрокосмѣ. Такимъ образомъ, авторъ разсматриваетъ исторію культуры съ совершенно новой и оригинальной точки зрѣнія—съ точки зрѣнія взглядовъ, господствовавшихъ въ различныя времена на происхожденіе болѣзней.

(Neue Freie Presse).

«*Die gegenwärtige Krisis, ihre Ursachen und die Aufgaben der Gesetzgebung*» *von D-r R. Eberstadt.* (*K. Hoffmann*) (*Современный кризисъ, его причины и задачи законодательства*). Въ этой маленькой брошюркѣ излагаются причины кризиса, отъ котораго особенно страдаютъ нѣкоторыя отрасли промышленности Германіи. Авторъ отрицаетъ перепроизводство и отыскиваетъ другія причины кризиса. Онъ говоритъ о необходимости нѣкоторыхъ реформъ законодательства, но думаетъ, все таки, что въ борьбѣ съ кризисомъ эти реформы не могутъ имѣть большого значенія.

(Berliner Tageblatt).

«*Handbuch der Frauenbewegung*» *herausgegeben von Helene Lange und Gertrud Baümes* (*S. Hirzel*) *Leipzig* (*Исторія женскаго движенія*). Вышли только еще два первыхъ тома этого труда, задуманнаго по широкой программѣ. Въ первомъ томѣ изслѣдуется женское движеніе въ различныхъ культурныхъ странахъ, во второмъ заключается очеркъ соціальной дѣятельности женщинъ; третій будетъ посвященъ воспитанію дѣвушекъ, а четвертый—дѣятельности нѣмецкихъ женщинъ. Въ вышедшихъ томахъ заключаются въ высшей степени важныя интересныя свѣдѣнія, касающіяся женскаго движенія и дѣятельности женщинъ въ различныхъ областяхъ соціальной жизни.

(Neue Freie Presse).

«*Unstoried in History*» *portraits of some famous women of the sixsteenth, seventeenth and eighteenth centuries by Gabrielle Festing* (*Nisbet and Co*) (*Неисторическое въ исторіи*). Авторъ указываетъ, какая масса крайне любопытнаго анекдотическаго матеріала заключается въ отчетахъ коммиссіи по разсмотрѣнію историческихъ манускриптовъ въ Англіи. Изъ этого источника авторъ черпаетъ свои интересные разсказы о разныхъ женщинахъ, которыя хотя и не пользовались громкою извѣстностью, но, тѣмъ не менѣе, могутъ считаться типичными представительницами своей эпохи. Очень забавны описанія придворной жизни при Карлѣ II, которыя авторъ извлекаетъ изъ одной корреспонденціи. Вообще авторъ очень искусно справился со своимъ матеріаломъ и сдѣлалъ хорошій выборъ, такъ что въ результатѣ получилась очень занимательная книга.

(Manchester Guardian).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Digitized by Google

— Я надѣюсь принести пользу. Можетъ быть, я потерплю неудачу, но настоящее положеніе вещей плохо, и я постараюсь его улучшить.

Питеръ говорилъ очень серьезно, и голосъ его раздавался очень звонко.

— Я очень радъ, что могу высказать это прежде, чѣмъ начнутся засѣданія собранія. Вы всѣ опытные люди, и я очень цѣню ваше мнѣніе.

— Только не пробуйте руководствоваться имъ,—добродушно отозвался хозяинъ.

— О нѣтъ. Я не хотѣлъ этого сказать. Мнѣ еще нужно обдумать все, что вы мнѣ сообщили.

— Обдумавъ это, м-ръ Стерлингъ, вы найдете, что мы правы. Мы не даромъ проработали, кто двадцать, кто тридцать лѣтъ.

— Я увѣренъ, что вы знаете, какъ управлять партіей, но въ моемъ участкѣ торговали отравленнымъ молокомъ, и я обратился къ закону, чтобы наказать людей, продававшихъ его. А теперь я занялся политикой, чтобы добиться законовъ и администраціи, карающихъ подобное зло. Я сказалъ своимъ избирателямъ, чего я хочу, и я думаю, что они меня поддержатъ. Я знаю, что вы можете мнѣ помочь и, надѣюсь, вы захотите. Мы можемъ не соглашаться въ способахъ, но мы всѣ имѣемъ въ виду пользу Нью-Іорка, и поэтому мы не можемъ расходиться въ цѣляхъ.

Питеръ остановился, крайне удивленный самъ продолжительностью своей рѣчи.

— Какъ вы хотите, чтобы мы поступали?

— Вы говорите, что желаете сохранить контроль и можете сохранить его, только обладая большинствомъ. Я желаю, чтобы вы дали городу такое управленіе, которое привлекло бы на вашу сторону голосъ каждаго честнаго избирателя,—горячо возразилъ Питеръ.

— Это только обобщеніе очень юнаго человѣка,—сказалъ предсѣдатель.

Питеру онъ понравился еще больше послѣ этого щелчка.

— Я обобщилъ, чтобы полнѣе выяснить цѣль моего особаго стремленія. Я хочу, чтобы санитарное управленіе помогло мнѣ выработать постановленіе о надзорѣ за пищевыми продуктами и чтобы законодательное собраніе пропустило его, не разорвавъ въ клочки въ угоду частнымъ интересамъ. Я ничего не имѣю противъ поправокъ, но онѣ должны быть справедливы.

— А когда санитарное управленіе поможетъ, и постановленіе получитъ силу закона?

Питеръ прямо взглянулъ въ лицо м-ру Костеллю и спокойно отвѣтилъ:

— Я скажу моимъ избирателямъ, что вы оказали имъ большую услугу.

Двое собесѣдниковъ безпокойно задвигались на своихъ стульяхъ, а третій нахмурился.

— А если мы дадимъ вамъ новые законы о жилищахъ?

— Я снова скажу моимъ избирателямъ, что вы оказали большую услугу.

Питеръ говорилъ тѣмъ же ровнымъ голосомъ и спокойно смотрѣлъ въ лицо м-ру Костеллю.

— А если мы не сдѣлаемъ ни того, ни другого?

— Что я тогда сдѣлаю, будетъ зависѣть отъ того, откажете ли вы по уважительной причинѣ, или нѣтъ. Во всякомъ случаѣ, я изложу имъ факты.

— Чортъ возьми,—началъ одинъ изъ приглашенныхъ, но поднятая рука м-ра Костелля прервала его рѣчь въ самомъ началѣ.

— М-ръ Стерлингъ, — сказалъ Костелль, поднимаясь съ мѣста,—я надѣюсь, вы вмѣстѣ съ нами подадите голосъ за Кэтлина, когда обдумаете все сказанное. Но сдѣлаете ли вы это или нѣтъ, мы хотимъ, чтобы вы работали вмѣстѣ съ нами. Мы можемъ помочь вамъ, а вы поможете намъ. Когда вы приготовитесь подавать свой билль, зайдите ко мнѣ.

— Благодаря васъ, — сказалъ Питеръ.—Я именно этого желалъ.

Онъ простился со своими собесѣдниками и ушелъ.

— Этотъ мальчикъ доставитъ намъ не мало хлопотъ,—сказалъ Гринъ.

— Не стоитъ и пробовать добиться чего-нибудь отъ него, лучше сразу бросить,—сказалъ тотъ, которому помѣшали говорить.

Digitized by Google

— Врядъ ли у него есть сильная поддержка,—замѣтилъ третій.—Это судебное дѣло просто доставило ему временную популярность.

— Подождемъ и посмотримъ, вернется ли онъ къ Кэтлину, и если да—поддержимъ его,—предложилъ Гринъ.

Послѣдовало молчаніе, и всѣ смотрѣли на Костелля, улыбавшагося загадочной улыбкой, присущей ему и которую никто не умѣлъ разгадать.

— Нѣтъ, — сказалъ медленно Костелль,—вы можете побить его, но онъ не такого рода, чтобы спокойно снести пораженіе. Я готовъ побороть на политической аренѣ, всякаго, кромѣ человѣка, умѣющаго говорить правду толпѣ и бороться съ нею. До сихъ поръ я еще не видѣлъ, чтобы кто-нибудь одолѣлъ того, кто обладаетъ этими двумя качествами; развѣ онъ самъ захочетъ признать себя побѣжденнымъ. Господа, этотъ Стерлингъ—боецъ, говорящій правду, и вамъ не удастся побить его въ его участкѣ. Добра не будетъ, если онъ будетъ противъ насъ, поэтому наша обязанность — привлечь его на нашу сторону. Теперь это невозможно—надо подождать благопріятнаго момента. Онъ ни передъ чѣмъ не остановится. Онъ одолѣлъ Нельсона и побилъ Галлагера, двухъ старыхъ лисицъ. Помяните мое слово, черезъ пять лѣтъ онъ заберетъ въ свои руки весь шестой участокъ. Не думайте о возможности борьбы съ нимъ; онъ политики не броситъ, и мы должны во что бы то ни стало сдѣлать его нашимъ!

Глава XXII.

Политика.

Питеръ въ этотъ вечеръ бодрствовалъ дольше, чѣмъ было благоразумно, изучая стѣну передъ собою. Когда онъ наконецъ всталъ и началъ раздѣваться, то съ недоумѣніемъ покачалъ головой. На другое утро, прочитавъ газеты и выпивъ кофе, онъ снова углубился въ созерцаніе стѣны.

Онъ работалъ надъ двумя вопросами, которые не такъ легко было рѣшить, и которые въ его умѣ формулировались слѣдующимъ образомъ. Всегда-ли лучшій человѣкъ бываетъ лучшимъ администраторомъ?

Лучше-ли честное сужденіе одного двадцатичетырехлѣтняго молодого человѣка, чѣмъ основанное на опытѣ мнѣніе нѣсколькихъ пожилыхъ людей?

Питеръ начиналъ думать, что не такъ легко найти истинный и ложный путь жизни, какъ онъ думалъ раньше. Давно уже онъ сказалъ себѣ, что легко идти вѣрнымъ путемъ, но тогда онъ не зналъ еще, что очень трудно опредѣлить который путь вѣрный. Онъ выступилъ, чтобы наказать Больмана, и пошелъ на компромиссъ. Онъ не одобрялъ нарушенія закона Деннисомъ—и защищалъ его.

Онъ далъ себѣ слово никогда не посѣщать, «салоновъ», а кончилъ тѣмъ что посѣщалъ ихъ каждый вечеръ. Теперь онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ вопросомъ: что принесетъ больше пользы его избирателямъ—назначеніе-ли безукоризненнаго человѣка, лично ему симпатичнаго, или безцвѣтной личности, которой будутъ управлять представители городскихъ партій. Въ первомъ случаѣ Питеръ опасался, что его собственная партія не поддержитъ его мѣропріятій, во второмъ онъ видѣлъ поддержку и почти гарантированный успѣхъ. Наконецъ, онъ встряхнулся.

—Я думаю, Деннисъ правъ—громко сказалъ онъ, — въ нью-іоркской политикѣ больше «настоящихъ вещей» чѣмъ «убѣжденій», и гораздо труднѣе подать голосъ за «настоящее», чѣмъ за «убѣжденіе».

Питеръ пошелъ въ спальню, уложилъ свой чемоданъ и отправился на станцію. Тамъ онъ нашелъ цѣлую толпу делегатовъ, наполняющую и окружающую экстренный поѣздъ, который долженъ былъ везти нью-іоркскихъ членовъ избирательнаго собранія въ Саратогу.

Питеръ чувствовалъ себя чужимъ въ этой толпѣ, но окунувшись въ нее онъ увидѣлъ, что онъ не безцвѣтная личность. Одинъ изъ вчерашнихъ собесѣдниковъ подхватилъ его, и онъ очутился членомъ кружка, составъ котораго ежеминутно мѣнялся, и гдѣ обсуждались

Digitized by Google

дѣла предстоящаго собранія. Отправленіе поѣзда, сопровождаемое криками, звуками музыки, развѣвающимися флагами и прочими выраженіями энтузіазма, только на мгновеніе прервало разговоръ, но онъ тотчасъ же возобновился и шестичасовой переѣздъ изъ Нью-Іорка до Саратоги превратился въ сплошные политическіе дебаты. Питеръ слушалъ внимательно и вынесъ многое: разговоръ былъ очень откровенный. Ему удалось поговорить съ Гриномъ и Костелемъ. Другіе два делегата отъ «шестого» розыскали его и вмѣстѣ обсудили свои намѣренія.

Питеру понравился Шлергеръ, простой, безхитростный нѣмецъ, желавшій и въ собраніи дѣлать только то, чего хотѣли его избиратели. Но въ Кеннеди Питеръ не былъ увѣренъ, Кеннеди ухмылялся, когда Питеръ говорилъ о «достойнѣйшемъ человѣкѣ», и о «помощи народу», и нашелъ, что слова его имѣютъ цѣну, только послѣ того, какъ Питера посѣтили многіе содержатели «салоновъ», послѣ факельнаго шествія и привѣтственныхъ криковъ въ честь Питера.

Пріѣхавъ въ гостинницу въ Саратогѣ, Питеръ удалился въ свою комнату надѣясь заснуть и вознаградить себя за предыдущую безсонную ночь, проведенную въ размышленіяхъ. Но едва лакей негръ удалился съ многочисленными поклонами, какъ раздался стукъ въ дверь. Питеръ открылъ; вошелъ незнакомый ему джентельменъ.

— Это комната м-ра Стерлинга?— спросилъ незнакомецъ.

— Да.

— Могу-ли я его видѣть?

— Войдите.—Питеръ снялъ съ одного стула свой пиджакъ, съ другого пальто и шляпу.

— М-ръ Стерлингъ,—началъ незнакомецъ, усаживаясь на стулъ.—Я сенаторъ Магиръ, одинъ изъ приверженцевъ Портера, какъ вы, можетъ быть слыхали.

— Да.

— Мы слышали, что вы расположены къ намъ. Мнѣ, конечно, не нужно говорить, что остальные делегаты Нью-Іорка всѣ противъ васъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Питеръ, мои товарищи делегаты шестого участка Шлергеръ и Кеннеди одного мнѣнія со мной.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Да.

— Значитъ, произошла внезапная перемѣна. Ихъ выбрали, какъ сторонниковъ Кэтлина, какъ мы слышали.

— Да. Но теперь въ участкѣ другое настроеніе, и они примкнули къ нему.

— Это хорошая вѣсть.

— Мы всѣ трое пріѣхали сюда, приготовились сдѣлать то, что найдемъ лучшимъ.

Выраженіе удовольствія, вызванное доброй вѣстью Питера изчезло съ лица сенатора. Онъ бросилъ на Питера быстрый взглядъ, какъ бы желая прочесть, что скрывается за его словами. Онъ колебался, точно выбирая, что сказать. Наконецъ, онъ заговорилъ:

— Мнѣ, конечно, не нужно говорить вамъ, что противодѣйствіе всѣхъ делегатовъ Нью Іорка можетъ серьезно помѣшать успѣху Портера. Мы объ этомъ много говорили и пришли къ заключенію, что для него было бы большимъ шансомъ на успѣхъ, если бы его предложилъ кто-нибудь изъ городскихъ делегатовъ. Не сдѣлаете ли этого вы?

— Я не достаточно знаю его. Вѣдь предложившій его делегатъ долженъ сказать хвалебную рѣчь въ его честь?

— Да, но я могу прислать вамъ весь матеріалъ сегодня вечеромъ. Или, если вы предпочитаете, мы доставимъ вамъ уже готовую рѣчь.

— Я никогда не говорю чужихъ рѣчей, м-ръ Магиръ.

— Вамъ лучше знать. Какъ вамъ будетъ угодно.

— Дѣло въ томъ, что я еще до сихъ поръ самъ не рѣшилъ, за кого я подамъ голосъ, а вѣдь обѣщанія связываютъ.

Настроеніе м-ра Магира снова измѣнилось.

— Мнѣ очень жаль слышать это. Я надѣялся, вы за Портера. Онъ достойнѣйшій человѣкъ.

— Я самъ такъ думаю.

Сенаторъ откинулся на стулѣ и заложилъ большіе пальцы за жилетъ. Онъ думалъ, что разгадалъ намѣреніе Питера

Digitized by Google

и что теперь все пойдетъ гладко. Отъ этого парня даромъ ничего не получишь: лучше сразу предложить ему взятку, было его мысленное заключеніе. Вслухъ онъ спросилъ.

— Чего же вы хотите?

На подобный вопросъ могло быть нѣсколько отвѣтовъ, но м-ръ Магиръ предложилъ его такимъ тономъ, который придавалъ ему опредѣленный и не совсѣмъ честный смыслъ.

Питеръ колебался. Онъ чувствовалъ сильное искушеніе дать сенатору высказаться до конца, но это имѣло бы видъ западни, а Питеръ ненавидилъ всякія уловки.

Съ другой стороны, ему хотѣлось знать, какъ далеко зайдутъ агенты Портера въ своемъ желаніи купить его поддержку. Видя, что Питеръ колебался, взвѣшивая въ умѣ всѣ «за» «и противъ», Магиръ прямо спросилъ:

— Что вамъ предложила противная сторона?

Питеръ быстро отвѣтилъ:

— Они ничего не предлагали мнѣ, кромѣ совѣтовъ, т.-е. Костель сказалъ, что поможетъ мнѣ выработать нѣкоторыя постановленія.

— Частныя?—перебилъ Магиръ.

— Нѣтъ, общія. Я объ этомъ уже говорилъ съ Портеромъ.

— Да? Въ самомъ дѣлѣ?

— Я, дѣйствительно, горячо желаю провести ихъ. Больше мнѣ ничего не надо.

«Фью!» свистнулъ про себя сенаторъ. «Чуть было не попался! Не говори онъ такъ быстро, я бы открылъ свои карты. Хотѣлъ бы я знать, не намекнулъ ли ему кто-нибудь?..»

Ему и во снѣ не снилось, что Питеръ отвѣтилъ такъ быстро, именно, чтобы избѣжать этихъ разоблаченій.

— Мнѣ нечего говорить вамъ, м-ръ Стерлингъ, что если вы найдете возможнымъ предложить Портера, мы этого никогда не забудемъ, да и онъ тоже. Онъ не такой человѣкъ, чтобы забывать своихъ друзей. Многіе изъ членовъ завтрашняго собранія дорого бы дали за честь, которую мы предлагаемъ вамъ.

— Благодарю,—сказалъ Питеръ,—я цѣню ваше предложеніе, но не вижу возможности исполнить его. Мнѣ будетъ гораздо пріятнѣе, если Портера предложитъ кто-нибудь, дѣйствительно близкій къ нему стоящій, чѣмъ добиться его расположенія подобнымъ способамъ.

— Подумайте еще разъ, м-ръ Стерлингъ.

— Если вы хотите, я дамъ вамъ окончательный отвѣтъ завтра утромъ.

— Я бы попросилъ васъ. Надѣюсь, онъ будетъ благопріятенъ. Вамъ представляется чудесный случай принести пользу и себѣ, и своей партіи. Добрый вечеръ.

Питеръ закрылъ за нимъ дверь и поискалъ глазами свободной стѣны; потомъ онъ усѣлся на подоконникъ и, набивъ трубку, сталъ выводить свои заключенія, пуская клубы дыма.

«Любопытно было бы знать,—разсуждалъ онъ самъ съ собой,—гдѣ кончается Магиръ, и гдѣ начинается Портеръ? Не слѣдовало ли мнѣ, для блага моихъ избирателей, дать ему высказаться до конца? Имѣетъ ли уполномоченный право отказываться отъ того, что можетъ принести пользу его довѣрителямъ, даже если онъ чувствуетъ западню?»

Тукъ, тутъ, тукъ...

— Войдите!—закричалъ Питеръ, совершенно забывъ, что онъ потушилъ свѣтъ. Дверь открылась, и вошелъ м-ръ Костель.

— Курите?—спросилъ онъ.

— Да. Не могу вамъ предложить сигары. Можетъ быть, хотите трубку?

— Я не за тѣмъ пришелъ къ вамъ. Попробуйте-ка мою сигару. — Костель усѣлся на подоконникъ рядомъ съ Питеромъ.

— Благодарю васъ, — сказалъ Питеръ.—Я люблю сигары, но только хорошія, а подобной роскоши не могу себѣ позволить.

Онъ закурилъ сигару и, смакуя ее, облокотился поудобнѣе.

— Эта вамъ навѣрное понравится. Славный видъ, не правда ли?—Костель указалъ на широкую веранду тремя этажами ниже ихъ, пестрѣвшую нарядными, яркими туалетами.

— Да. Я здѣсь въ первый разъ, и все это для меня ново.

Digitized by Google

— Не въ послѣдній, конечно. Вы еще на многихъ собраніяхъ посидите.

— Надѣюсь.

— Одинъ изъ моихъ развѣдчиковъ сказалъ мнѣ, что Магиръ былъ у васъ?

— Да.—Питеръ колебался одно мгновеніе.—Онъ хотѣлъ, чтобы я предложилъ Портера,—докончилъ онъ, считая, что лучше дѣйствовать открыто.

— Мы будемъ очень жалѣть, если вы это сдѣлаете.

— Не думаю, чтобы я это сдѣлалъ. Я имъ нуженъ только затѣмъ, чтобы произвести впечатленіе, будто Портера поддерживаетъ городъ, и разочаровать кое-кого.

— Не удастся ли имъ завербовать Шлергера или Кеннеди?

— За Шлергера ручаюсь, за Кеннеди не могу поручиться.

— Не возьметесь ли вы разузнать объ этомъ?

— Могу. Когда вы хотите знать?

— Не можете ли вы повидать его теперь. Я подожду здѣсь.

Питеръ всталъ, съ сожалѣніемъ глядя на свою сигару. Однако онъ тотчасъ же потушилъ ее и вышелъ изъ комнаты. Онъ узналъ въ конторѣ номеръ комнаты Кеннеди и поднялся къ нему. На его стукъ дверь осторожно пріоткрылась, образовалась узкая щель.

— О, это вы!—сказалъ Кеннеди,—войдите!

Питеръ вошелъ и увидѣлъ Магира, въ небрежной позѣ раскинувшагося на кушеткѣ.

— М-ръ Кеннеди,—сказалъ Питеръ, не садясь,—были сдѣланы попытки склонить одного изъ городскихъ делегатовъ, чтобы онъ предложилъ Портера. Мнѣ кажется, что это дѣло его личныхъ друзей.

Магиръ заговорилъ такъ поспѣшно, что Кеннеди не успѣлъ раскрыть рта.

— Кеннеди обѣщалъ предложить его, если вы не желаете.

— Думаете ли вы, что имѣете право сдѣлать это?—спросилъ Питеръ.

Кеннеди завертѣлся на стулѣ: «Да, конечно, разъ я обѣщалъ?»

— Не разрѣшите ли вы м-ру Кеннеди взять свое обѣщаніе обратно, если онъ будетъ просить васъ объ этомъ?—обратился Питеръ къ Магиру.

— Т.-е. какъ это, м-ръ Стерлингъ? Я думаю, ни вы, ни онъ не должны этого дѣлать.

— Я васъ не о томъ спрашиваю.

Сенаторъ въ свою очередь безпокойно завертѣлся. Ему не хотѣлось сказать «нѣтъ», чтобы не разсердить Питера, и не хотѣлось поступиться только что достигнутымъ преимуществомъ. Наконецъ онъ сказалъ:

— Конечно, я разрѣшу, но м-ръ Кеннеди не такой человѣкъ, чтобы брать назадъ свои обѣщанія. Такъ дѣлаютъ только женщины.

— Нѣтъ,—сказалъ Кеннеди, внезапно выпрямляясь при видѣ лазейки, которую ему открылъ Магиръ между боязнью Питера и нежеланіемъ нарушить обѣщаніе. — Я не ребенокъ и держу свое слово.

Питеръ стоялъ и думалъ дольше, чѣмъ было пріятно двумъ друзьямъ. Магиръ свистѣлъ, чтобы показать, что онъ вовсе не стѣсняется, но онъ не сталъ бы свистѣть, если бы ему было все равно.

— Я думаю, м-ръ Кеннеди, что выведу васъ изъ затрудненія и самъ предложу м-ра Портера,—сказалъ наконецъ Питеръ.

— Прекрасно!—воскликнулъ Магиръ, а Кеннеди, запустивъ руки въ карманы, произнесъ какой-то текстъ изъ священнаго писанія, неизвѣстный ни одному библіографу.

Очевидно, атмосфера очистилась.

— А ваша рѣчь, м-ръ Стерлингъ?—освѣдомился Магиръ.

— Я скажу то, что найду нужнымъ.

Было что-то въ голосѣ Питера, что заставило сенатора насторожиться.

— Она будетъ въ обычномъ духѣ, конечно?

— Не знаю,—отвѣтилъ Питеръ,—я изложу факты.

— Но какіе факты?

— Я разскажу, почему уполномоченный шестого участка предлагаетъ Портера.

— Почему же?

— Не знаю, зачѣмъ я буду это вамъ

Digitized by Google

говоритъ. Вы такъ же хорошо знаете, какъ и я.

— Я знаю много причинъ, почему вы такъ поступаете!

— Нѣтъ,—сказалъ Питеръ,—причина одна, и она возникла въ послѣднія десять минутъ. М-ръ Магиръ если вы настаиваете на томъ, почему шестой участокъ подаетъ голосъ за Портера, шестой участокъ объяснитъ вамъ. Мнѣ очень жаль, потому что лично мнѣ Портеръ симпатиченъ, но шестой участокъ не будетъ помогать въ обманѣ, если я могу помѣшать.

Кеннеди занимался приготовленіемъ грога у своего ночного столика, но грогъ вдругъ потерялъ свой интересъ.

Магиръ вынулъ пальцы изъ-за жилета и имѣлъ крайне недовольный видъ.

— Послушайте, м-ръ Стерлингъ,—сказалъ онъ,—гораздо проще поручить это Кеннеди. Вы думаете, что поступаете справедливо, а на самомъ дѣлѣ повредите и намъ, и себѣ. Если вы предложите Портера, городская шайка вамъ этого не проститъ, а если вы скажете не то, что мы хотимъ, мы васъ раздавимъ. Всѣ будутъ противъ васъ.

— Я знаю, что это неизбѣжно. Поэтому, то я и хочу, чтобы кто-нибудь изъ истинныхъ друзей Портера предложилъ его.

Магиръ засмѣялся довольно принужденнымъ смѣхомъ.

— Я думаю, мы можемъ удовлетворить васъ. Кто-нибудь изъ насъ предложитъ Портера.

— По моему, это лучше. Добрый вечеръ.—Питеръ направился къ двери.

— М-ръ Стерлингъ! — позвалъ его Кеннеди, — не останетесь ли съ нами выпить стаканчикъ грогу?

— Благодарю васъ, — сказалъ Питеръ.—М-ръ Костелль ждетъ меня въ моей комнатѣ, и ему вѣрно уже надоѣло ждать меня.—Питеръ закрылъ дверь и ушелъ.

Оставшіеся молча смотрѣли другъ на друга.

— Проклятый щенокъ ведетъ двойную игру,—проворчалъ Магиръ.

— Не понимаю, что это значитъ?—сказалъ Кеннеди.

— Что значитъ? — закричалъ Магиръ.—Это значитъ только одно: онъ дѣйствуетъ по приказанію Костелля.

— Почему же онъ сказалъ это намъ?

— Чортъ его знаетъ! Слушайте, Кеннеди, вы все-таки должны это сдѣлать!

— Не желаю.

— Потише, пріятель, вы должны!

— А мои избиратели?

— Вздоръ, мы все обработаемъ келейно, какъ вы хотѣли. Вѣдь впродолженіи шести лѣтъ вы можете плевать на своихъ избирателей.

— Я готовъ пожалуй.

— Вотъ и чудесно!

Они почти цѣлый часъ просидѣли вмѣстѣ, обсуждая планъ кампаніи и потягивая виски. Потомъ Магиръ распростился: «Завтра рано утромъ получите рѣчь», проговорилъ онъ на прощанье. Идя по длинному корридору, онъ бормоталъ сквозь зубы: «А теперь, Стерлингъ посмотримъ, чья возметъ!»

Питеръ нашелъ Костелля въ своей комнатѣ.

— Мнѣ понадобилось больше времени, чѣмъ я думалъ, потому что тамъ былъ Магиръ.

— Вотъ какъ!—сказалъ Костелль, подвигаясь, чтобы дать Питеру мѣсто на подоконникѣ.

Питеръ снова закурилъ сигару.

— Магиръ обѣщалъ мнѣ, что Портера предложитъ кто-нибудь изъ его друзей.

— Онъ хотѣлъ подкупить Кеннеди?

— Я не спрашивалъ!

Костелль улыбнулся.

— Я не долженъ былъ спрашивать этого?

— Да,—откровенно отвѣтилъ Питеръ.

Оба нѣсколько времени курили молча.

Потомъ Костелль заговорилъ о Саратогѣ. Онъ разсказалъ Питеру, гдѣ находится источникъ «Конгресса» и что вообще стоитъ посмотрѣть. Наконецъ, онъ всталъ и, протягивая руку, сказалъ:

— Мистеръ Стерлингъ, вы были по отношенію къ намъ честны, какъ сталь, также какъ и съ другими людьми. Я не хочу, чтобы вы думали, что мы не цѣнимъ этого. Я думаю, вы сослужили намъ вѣрную службу сегодня, хотя вамъ

Digitized by Google

лично было бы выгоднѣе поступить иначе. Я увѣренъ, что вы въ концѣ концовъ не будете въ убыткѣ, но теперь я благодарю васъ лично за себя. Спокойной ночи!

Питеръ спалъ спокойно. Онъ очень усталъ, и кромѣ того, не думая о томъ, что будетъ дальше, онъ чувствовалъ, что теперь поступилъ, какъ должно, и потому не терялъ времени на созерцаніе стѣны.

Глава XXIII.

Избирательное собраніе.

Хотя Питеръ легъ позже, чѣмъ предполагалъ, онъ всталъ и успѣлъ обойти всю Саратогу, прежде чѣмъ ея обитатели стали подавать признаки жизни. Онъ закончилъ свою прогулку у источника Конгресса и попробовалъ знаменитую воду, вкусъ которой показался ему отвратительнымъ.

Когда Питеръ поставилъ свой почти полный стаканъ и повернулся, чтобы идти, онъ очутился лицомъ къ лицу съ миссъ Де-Во, собиравшейся пить утреннюю порцію воды.

— Вотъ пріятный сюрпризъ!—сказала она, протягивая руку.—Когда вы пріѣхали?

— Только вчера вечеромъ.

— И долго останетесь здѣсь?

— Не могу вамъ сказать. Я присутствую на избирательномъ собраніи, и мое пребываніе будетъ зависѣть отъ его продолжительности.

— Неужели вы демократъ?—сказала миссъ Де-Во, и выраженіе отвращенія мелькнуло на ея лицѣ, не смотря на свѣтскую выдержку. Въ тѣ дни принадлежность къ этой партіи не считалась, выражаясь мягче, гарантіей порядочности, и миссъ Де-Во не была чужда предразсудковъ своего общества, тѣмъ болѣе, что вовсе не была знакома съ политическою жизнью.

Питеръ отвѣчалъ утвердительно.

— Развѣ это возможно? Если человѣкъ можетъ принадлежать къ лучшимъ, зачѣмъ ему связываться съ худшими?

— Мнѣ кажется,—спокойно отвѣтилъ Питеръ,—что нѣкій Фарисей высказалъ ту же мысль, только другими словами, много сотъ лѣтъ назадъ.

Миссъ Де-Во покраснѣла. Она вдругъ вспомнила о двухъ молодыхъ дѣвушкахъ, пришедшихъ съ нею къ источнику.

Она забыла о нихъ, внезапно увидя Питера, и теперь спрашивала себя, слышали ли онѣ его отвѣтъ и знаютъ ли настолько священное писаніе, чтобы понять его упрекъ.

— Я увѣрена, вы не думаете того, что говорите,—сказала она черезъ минуту.

— Мнѣ очень жаль, — отвѣтилъ Питеръ, — если я рѣзко выразился. Я только хотѣлъ сказать, что никто не имѣетъ права выбирать для себя лучшее. Я знаю изъ вашего письма ко мнѣ, что вы считаете, что каждый человѣкъ долженъ помогать тѣмъ, кому хуже живется, чѣмъ ему.

— О, это другое дѣло. Конечно, мы должны помогать тѣмъ, кто требуетъ нашей помощи, но намъ нечего мѣшаться въ ихъ низменную политику.

— Если хорошіе законы и хорошая администрація могутъ дать бѣднымъ хорошую пищу и хорошія жилища, не думаете ли вы, что лучшая благотворительность «вмѣшаться» въ политику и постараться добиться этихъ желанныхъ результатовъ?

— Я хочу познакомить васъ съ моими кузинами,—перебила его миссъ Де-Во.—Дороти, позволь представить тебѣ м-ра Стерлинга. Мои кузины: миссъ Огденъ и миссъ Минна Огденъ.

Питеръ увидѣлъ двухъ прехорошенькихъ дѣвушекъ и поклонился имъ.

— Куда вы направляетесь отсюда?—спросила миссъ Де-Во.

— Я просто гулялъ,—отвѣтилъ Питеръ, — и остановился здѣсь попробовать воду по дорогѣ въ «Соединенные Штаты».

— Хотя тутъ очень близко, но не сядете ли вы съ нами въ экипажъ, и мы завеземъ васъ домой. Или, если у васъ есть время, мы доѣдемъ до нашей дачи, а экипажъ потомъ отвезетъ васъ въ отель.

Digitized by Google

— Благодарю васъ, сказалъ Питеръ.—Я боюсь стѣснить васъ.

— Нисколько. Мѣста у насъ довольно.

— Интересно видѣть собраніе, м-ръ Стерлингъ?—спросила одна изъ дѣвушекъ, какъ только они сѣли въ экипажъ.

— Не знаю,—это мой первый дебютъ. Дѣлъ много, и делегатовъ они интересуютъ, но я не увѣренъ, что можетъ быть интересъ для постороннихъ.

— Будутъ рѣчи, и крики, и прочее?

— Да, несомнѣнно.

— Кузина Аннеке, возьмите насъ съ собой! Такъ весело будетъ!

— Зрители допускаются, — м-ръ Стерлингъ?

— Я думаю. Я что-то слышалъ про билеты вчера вечеромъ. Если вамъ хочется, я могу достать ихъ для васъ.

— Да, пожалуйста, — просили обѣ барышни.

— Если вы можете достать билеты, м-ръ Стерлингъ, мы хотѣли бы посмотрѣть на это невиданное зрѣлище,— сказала миссъ Де-Во.

— Попробую.

— Пришлите отвѣтъ съ Оливеромъ.— Экипажъ подъѣхалъ къ дачѣ, и они простились.

Какъ только Питеръ вернулся въ отель, онъ пошелъ въ канцелярію городскихъ делегатовъ Нью Іорка и повидалъ Костелля. Онъ легко досталъ входные билеты и написавъ на карточкѣ: «я слышалъ, что выборы начнутся въ послѣобѣденную сессію, около двухъ часовъ», послалъ ихъ съ кучеромъ. Затѣмъ онъ позавтракалъ съ такимъ аппетитомъ, какого давно не могъ запомнить.

Утреннее засѣданіе было занято такими формальностями, какъ выборъ предсѣдателя, перекличка и назначеніе комитетовъ. Настоящій интересъ заключался въ частныхъ политическихъ разговорахъ, завязавшихся во всѣхъ концахъ.

Когда комитеты были составлены, къ Питеру подошелъ незнакомый ему господинъ и назвалъ свою фамилію, которая, какъ зналъ Питеръ, принадлежала одному изъ членовъ руководящей партіи.

— М-ръ Костелль думаетъ, что вы не откажетесь просмотрѣть это и сдѣлать, можетъ быть, поправки,—объяснялъ м-ръ Талькотъ, кладя на конторку Питера рукопись и указывая пальцемъ на нѣкоторые параграфы. Питеръ прочелъ рукопись дважды, прежде чѣмъ отвѣтить.

— Я думаю, что могу ее исправить, если вы дадите мнѣ на это время. Я очень медлителенъ въ подобныхъ дѣлахъ.

— Прекрасно. Исправьте, какъ можете скорѣе, и пришлите въ залу комитета.

Оставшись одинъ, Питеръ поискалъ глазами, нѣтъ ли пустой стѣны. Не найдя ея, онъ закрылъ лицо руками и старался уединиться отъ волнующейся массы людей вокругъ него. Черезъ нѣкоторое время онъ взялъ листъ бумаги и сталъ писать первый параграфъ политической программы партіи. Въ немъ требовалось отъ правительства изученіе вопроса о съѣстныхъ припасахъ и училищахъ и допущеніе изданія такихъ законовъ, которые могли улучшить его какъ можно скорѣе; «сознавая всю опасность правительственнаго вмѣшательства, мы ставимъ человѣческую жизнь выше денежныхъ интересовъ, и здоровье людей выше ежегодныхъ доходовъ, и будемъ до конца примѣнять всю силу закона для защиты ихъ».

Когда программа появилась, въ этомъ параграфѣ оказалось дополненіе, приписывавшее неимѣніе «законодательства, долженствующаго сдѣлать невозможными въ будущемъ недавніе жестокіе уроки городскому управленію», пристрастію правительства къ «денежнымъ классамъ и кабатчикамъ». Этого дополненія не было въ черновикѣ Питера, и оно огорчило его. Тонъ программы былъ честный и сильный, и это всѣ чувствовали. «Однако, этотъ Стерлингъ бойко владѣетъ перомъ», сказалъ одинъ изъ членовъ комитета, когда программу читали вслухъ. «Онъ знаетъ, чего хочетъ». Тотчасъ же послѣ утренняго перерыва Гринъ подошелъ къ Питеру.

— Мы подсчитали голоса, намъ не удастся провести Кэтлина. Поэтому мы и выставлять его не будемъ. Что вы думаете о Мильтонѣ?

— Я его лично не знаю, но у него, кажется, хорошая репутація.

— Онъ не то, что намъ нужно, но не въ этомъ дѣло. Мы должны брать то, что можемъ найти.

Digitized by Google

— Вы считаете, что Портеръ имѣетъ шансъ на успѣхъ?

— Не будетъ имѣть, если мы выставимъ Мильтона.

— Я не даю предпочтенія ни тому, ни другому.

Черезъ часъ собраніе было призвано предсѣдателемъ къ порядку.

Нѣсколькихъ минутъ было достаточно, чтобы покончить прерванныя дѣла, но вотъ молотокъ предсѣдателя опустился на столъ, и всѣ сразу почувствовали, что рѣшительный моментъ насталъ.

Къ величайшему удивленію Питера, Кеннеди тотчасъ поднялся и попросилъ слова у предсѣдателя. Но онъ еще больше изумился, когда Кеннеди разразился краснорѣчивыми выхваленіями Портера. Питеръ сидѣлъ рядомъ съ Кеннеди, и хотя даже не пошевелился, но его всегда безстрастное лицо омрачилось. Онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Онъ сознавалъ, что послужилъ орудіемъ для обмана другихъ. Его глубоко огорчало, что делегатъ его участка, отчасти по его винѣ, дѣйствовалъ нечестно. Питеръ хотѣлъ, чтобы всѣ поступали справедливо, и чувствовалъ, что Кеннеди дѣйствуетъ не такъ.

Не успѣлъ Кеннеди кончить, какъ Питеръ поднялся, а за нимъ Магиръ. Собраніе громко привѣтствовало Портера и понадобилось довольно продолжительное время, пока оно настолько успокоилось, чтобы можно было заставить выслушать Въ ожиданіи этого, предсѣдатель наклонился впередъ и заговорилъ съ Гриномъ, который сидѣлъ ниже его. Гринъ въ свою очередь переговорилъ съ Костеллемъ, и маленькая записочка была передана предсѣдателю, который съ этой минуты, казалось, пересталъ видѣть, что Магиръ давно стоитъ передъ нимъ. Когда тишина была наконецъ возстановлена, предсѣдатель, не смотря на то, что Магиръ неоднократно взывалъ къ нему, произнесъ: «М-ръ Стерлингъ!». Питеръ началъ тихимъ голосомъ:

— Г-нъ предсѣдатель! — поднявшись, чтобы поддержать назначеніе м-ра Портера, я считаю лишнимъ восхвалять того, кого мы всѣ хорошо знаемъ, даже если бы мы и не слышали замѣчательной рѣчи моего уважаемаго коллеги...

Крики: «громче! громче!» прервали Питера, а въ это время Гринъ шепнулъ Костеллю: «насъ обошли!»

— Не думаю,—возразилъ Костелль. Магиръ продолжаетъ стоять и видъ у него сконфуженный. — Разыгрывается что-то такое, къ чему онъ, очевидно, не приготовился.

Когда Питеръ снова заговорилъ, крики: «громче!» замолкли. Его очень затрудняло и волновало вступленіе, потому что Портеръ былъ ему очень симпатиченъ, и онъ боялся, что не сумѣетъ показать этого, но теперь ему приходилось излагать факты, что было для него легко. Голосъ его звучалъ ясно и твердо, когда онъ говорилъ о странномъ способѣ выбора делегатовъ, о настроеніи избирателей, о попыткахъ добиться, чтобы городскіе делегаты предложили Портера, объ обѣщаніяхъ Магира. «Однако, онъ рубитъ съ плеча!» сказалъ Гринъ. — Какъ только суть его рѣчи стала ясна, приверженцы Портера начали свистѣть и шикать.

Питеръ сразу остановился, но какъ только они замолкли, онъ снова продолжалъ свою рѣчь, и они, послѣ нѣсколькихъ попытокъ помѣшать ему, видя, что не могутъ ни смутить, ни разсердить его, дали ему договорить. Онъ закончилъ свою рѣчь слѣдующими словами:

— Я уже высказалъ, насколько я уважаю Портера, и какъ только я рѣшился подать за него голосъ, я не дѣлалъ изъ этого тайны. Но онъ не долженъ былъ быть предложенъ городскимъ делегатомъ, потому что онъ не кандидатъ города Нью-Іорка, и всѣ попытки показать его таковымъ или внушить, что у него тамъ есть поддержка—попытки къ обману. Поэтому, поддерживая его назначеніе, я настоятельно прошу васъ понять, что какъ назначеніе его, такъ и моя поддержка — дѣйствіе личной симпатіи и не имѣютъ ничего общаго съ полномочіями делегатовъ города Нью-Іорка.

Когда Питеръ сѣлъ, раздались крики одобренія и свистки, но ни тѣ, ни другіе не были особенно дружны.

Digitized by Google

По правдѣ сказать, большинство делегатовъ было въ недоумѣніи относительно того, что хотѣлъ сказать Питеръ? Благопріятна его рѣчь для Портера или нѣтъ? удивлялись они.

— Мистеръ Магиръ,—позвалъ предсѣдатель.

— Г-нъ предсѣдатель! Рѣчь уважаемаго джентльмена, только что занявшаго свое мѣсто, выше всякихъ похвалъ. Никогда въ своей жизни я не слышалъ столь обманчиваго и лживаго изложенія. Мы всѣ слыхали о Брутѣ, который закололъ своего лучшаго друга; но что мы скажемъ объ этомъ воображаемомъ Брутѣ, который ласкаетъ одною рукой, а другою измѣнически наноситъ ударъ?

Теперь приверженцы Портера уразумѣли смыслъ рѣчи Питера и дружно зашикали.

— И онъ поднимаетъ кинжалъ не только на одного Цезаря,—продолжалъ Магиръ.—Не довольствуясь однимъ подлымъ убійствомъ, онъ обращаетъ его на друзей Цезаря. Съ дьявольскою хитростью онъ обвиняетъ м-ра Кеннеди и меня самого въ попыткѣ ввести въ обманъ нашихъ согражданъ. Я требую, чтобы онъ представилъ доказательства или взялъ свои слова обратно!

Въ собраніи послышался смѣхъ. Питеръ поднялся и сказалъ:

— Г-нъ предсѣдатель, я представилъ правдивый отчетъ о томъ, что произошло вчера вечеромъ въ отелѣ «Соединенные Штаты». Я никого не обвинялъ.

— Но онъ оставилъ впечатлѣніе, что м-ръ Кеннеди и я вошли въ сдѣлку!—завопилъ сенаторъ.

— Если вамъ угодно выводить заключеніе изъ случившагося—я не виноватъ!

Опять послышался смѣхъ.

— Вы настаиваете на этомъ?—злобно кричалъ Магиръ.

— Вы протестуете?—спокойно спросилъ Питеръ.

— Такъ вы значитъ настаиваете?

Опять раздался смѣхъ. Гринъ крикнулъ: «Протестуйте!» и этотъ крикъ былъ подхваченъ многими делегатами.

— Да,—визжалъ Магиръ,—я протестую!

Питеръ повернулся къ Кеннеди:

— А вы тоже протестуете?

— Да,—громко закричалъ Кеннеди.

— Если бы я обвинялъ васъ напрасно,—сказалъ Питеръ,—я бы теперь, конечно, извинился.

Все собраніе неудержимо хохотало. Магиръ что-то кричалъ, но его не было слышно, хотя можно было угадать смыслъ его словъ по его красному лицу и сжатымъ кулакомъ.

Костелль снова улыбнулся своей загадочной улыбкой:

— Я очень радъ,—сказалъ онъ своему сосѣду, что намъ не удалось подцѣпить Стерлинга.

Затѣмъ были предложены и поддержаны Мильтонъ, Кэтлинъ и еще четыре свѣтила меньшей величины. Потомъ приступили къ голосованію, которое дало слѣдующіе результаты:

Портеръ	206
Мильтонъ.	197
Кэтлинъ	52
Скаттерингъ.	29

Вторая баллотировка дала:

Портеръ.	206
Мильтонъ.	202
Кэтлинъ	54
Скаттерингъ.	22

Третья баллотировка:

Портеръ.	206
Мильтонъ.	210
Кэтлинъ	52
Скаттерингъ.	16

«Портеръ пересилитъ», шептали въ залѣ, хотя никто не былъ увѣренъ въ исходѣ баллотировки. Очевидно, друзья Портера понимали это, и одинъ изъ нихъ предложилъ отложить собраніе. Но это предложеніе было забаллотировано, и подача голосовъ продолжалась.

— Я подаю голосъ за Мильтона,—сказалъ Питеръ Шлергеру, и подсчетъ голосовъ показалъ, что многіе делегаты перемѣнили мнѣніе. Однако четвертая баллотировка показала:

Портеръ.	125
Мильтонъ.	128
Кэтлинъ	208
Скаттерингъ.	19

Среди приверженцевъ Портера поднялось страшное возбужденіе.

Digitized by Google

— Они побьютъ насъ!—оралъ Кенеди,—они подставили Мильтона, чтобы разрознить насъ, а за нимъ скрывался Кэтлинъ!

Такъ и было на самомъ дѣлѣ. Мильтона выставили, чтобы разстроить ряды приверженцевъ Портера, а какъ только они обратились къ Мильтону, большинство городскихъ делегатовъ перешло на сторону Кэтлина, чтобы помѣшать избранію Мильтона.

Среди протестовъ и брани съ обѣихъ сторонъ кончилась новая баллотировка.

Кэтлинъ.....256
Портеръ.....118
Мильтонъ.....110

Прежде чѣмъ результатъ ея былъ объявленъ, Гринъ нагнулся къ Питеру:

— Не попробуете ли вы предложить выбрать единогласно?—спросилъ онъ.

— Хорошо,

И Питеръ сдѣлалъ формальное предложеніе, которое было принято восторженными криками.

Получаса было достаточно, чтобы выбрать помощника губернатора и другихъ должностныхъ лицъ, которыя были намѣчены заранѣе.

Политическая программа была принята и собраніе закрыто.

— Прекрасно!—сердито сказалъ Питеру Кеннеди.—Заварили кашу! Невозможно, конечно, угодить обѣимъ сторонамъ, но что хорошаго, когда обѣ стороны ругаютъ васъ!

Питеръ вышелъ и направился въ свой отель. «Порядочную путаницу я устроилъ,—думалъ онъ,—но я не знаю, что же мнѣ оставалось дѣлать?»

Глава XXIV.

Недоразумѣнія и объясненія.

— Поняли вы, что все это значитъ, кузина Аннеке?—спросила Дороти, когда онѣ спускались съ лѣстницы.

— Нѣтъ, не поняла. Тотъ, который такъ разсердился, кажется думалъ, что м-ръ Стерлингъ...—Она вдругъ замолчала.

Группа мужчинъ стояла на ихъ, пути и когда она поравнялась съ ними, то услышала, какъ одинъ сказалъ:

— Видѣть, какъ этотъ юноша отдѣлалъ Магира—да это просто откровеніе!

Другой разсмѣялся спокойнымъ, глубокимъ смѣхомъ.

— Магиръ можетъ все понять, кромѣ благородства,—сказалъ онъ,—и имъ-то вы всегда можете побить его.

Миссъ Де-Во очень захотѣлось остановиться и послушать, но кругомъ было слишкомъ много мужчинъ. Поэтому дамы сѣли въ экипажъ.

— Все-таки мы поняли, что онъ сказалъ, что хочетъ говорить правду,—продолжала миссъ Де-Во,—а теперь вы слышали, что говорилъ тотъ господинъ? Но я не знаю, почему всѣ смѣялись.

— Онъ, кажется, вовсе не обидѣлся на это.

— Нисколько. Какой у него странный, не то застѣнчивый, не то угрюмый, видъ.

— Онъ не казался застѣнчивымъ, когда заговорилъ, онъ даже былъ очень интересенъ.

— Да,—сказала Дороти,—а вы говорили, что у него простое, не интересное лицо.

— Мнѣ такъ показалось, когда я видѣла его въ первый разъ, Дороти. У него одно изъ тѣхъ лицъ, которыя постоянно мѣняются. Оливеръ, поѣзжайте въ отель «Соединенныхъ Штатовъ». Мы увеземъ его съ собой обѣдать.

— Отлично!— обрадовалась младшая изъ дѣвушекъ.—Пусть онъ самъ намъ разскажетъ, почему всѣ смѣялись.

Когда онѣ подъѣхали къ отелю, Питеръ только что дошелъ до крыльца, и видя, что дамы хотятъ заговорить съ нимъ, онъ подошелъ къ экипажу.

— Мы хотимъ похитить васъ и угостить простымъ деревенскимъ обѣдомъ,—сказала ему миссъ Де-Во.

— Я уѣзжаю въ Нью-Іоркъ съ экспрессомъ, а онъ уходитъ черезъ полчаса.

— Поѣзжайте съ другимъ поѣздомъ.

— Мой билетъ не будетъ дѣйствителенъ.

Будь на мѣстѣ Питера кто-нибудь другой, миссъ Де-Во отвѣтила бы ему рѣзко, но Питеру она просто сказала:

Digitized by Google

— Возьмите другой билетъ.

— Не хочется мнѣ этого дѣлать.

— О, пожалуйста, м-ръ Стерлингъ,— вмѣшалась Минна.—Мнѣ хочется распросить васъ хорошенько о собраніи.

— Тише, Минна,—перебила ее миссъ Де-Во. Она была оскорблена отказомъ Питера и тѣмъ, что ея племянница унизилась до просьбы «плебейскаго адвоката и политикана», какъ она мысленно называла его,—но рѣшилась не высказывать этого.

— Намъ очень жаль. До свиданія. Домой, Оливеръ.

Такъ онѣ и не узнали отъ Питера, почему смѣялись въ собраніи.

Разговоръ зашелъ объ этомъ за столомъ, и Дороти спросила мнѣніе нѣкоторыхъ родственниковъ.

— Вѣроятно, онъ съострилъ на чей-нибудь счетъ,—сказалъ одинъ.

— А еще вѣроятнѣе выдалъ махинацію противной стороны, — предположилъ другой.

— Завтра будетъ въ газетахъ,—добавилъ третій.

Всѣ три дамы на слѣдующій день усердно читали газеты, но репортеры, казалось, были въ такомъ же недоумѣніи, какъ и большинство членовъ собранія.

Трое изъ нихъ смотрѣли на поступокъ Питера глазами Магира и называли его «постыдной измѣной» и т. д. Двое назвали «безпринципнымъ и противорѣчивымъ поведеніемъ».

Только одинъ сказалъ, что «М-ръ Стерлингъ, очевидно, поступилъ добросовѣстно, хотя ошибочно».

Ни одна изъ газетъ не была согласна съ другими относительно того, какой результатъ будетъ имѣть инцидентъ. Въ одной утверждали, что онъ убилъ шансы Портера; въ другой, что это было «личное дѣло, не имѣющее вліянія на ходъ выборовъ».

Нѣкоторыя газеты колебались между этими двумя выводами, другія называли инцидентъ «достойнымъ только смѣха». Пресса оппозиціи видѣла въ немъ, конечно, полную несостоятельность демократической партіи и абсолютное доказательство того, что избранный кандидатъ никуда не годится.

Чувствуя, что онѣ не могутъ сами добиться истины, дамы—опять обратились къ помощи мужскихъ членовъ семьи.

— О, сказалъ одинъ изъ нихъ,— Стерлингъ хотѣлъ смошенничать, а его накрыли.

— Я этому не вѣрю, — сказала миссъ Де-Во.

— И я тоже,—подхватила Дороти.

— Ну что-же, если вы считаете своего политикана ангеломъ — ваше дѣло, — засмѣялся допрашиваемый.

— Я не думаю, чтобы тотъ, кто такъ говорилъ о дѣтяхъ, могъ быть негодяемъ,—сказала Дороти.

— И я не думаю,—сказала Минна.

— Вотъ такъ вы, женщины, всегда разсуждаете,—отвѣтилъ одинъ изъ представителей сильнаго пола.—Разъ человѣкъ ухаживаетъ за больными котятами—онъ святой — даже въ политикѣ! Если ужъ вамъ такъ хочется защищать разныхъ политикановъ, защищайте республиканцевъ. Въ ихъ пользу хоть то говоритъ, что они джентельмэны.

— Не будьте фарисеемъ, Лиспенардъ,—сказала миссъ Де-Во повторяя упрекъ Питера.

— Ну такъ вы и не обращайтесь ко мнѣ за политическими разъясненіями. Въ этой странѣ политика настолько вульгарна, что истинный джентельмэнъ не долженъ пачкаться ею.

Миссъ Де-Во и обѣ дѣвушки замолчали, но миссъ Де-Во позже опять замѣтила:

— Хотѣлось-бы мнѣ знать, надъ чѣмъ они смѣялись?

— Спросите его, если онъ сдѣлаетъ вамъ визитъ зимою, кузина Аннеке.

— Нѣтъ, я его позвала разъ, и онъ не пришелъ.—Миссъ Де-Во съ минуту помолчала. — Я больше не буду его звать,—прибавила она.

— Я не думаю, чтобы онъ желалъ быть невѣжливымъ,—сказала Дороти.

— Нѣтъ,—отвѣтила миссъ Де-Во.— Онъ кажется самъ не знаетъ, что дѣлаетъ. Онъ совершенно не нашего общества, и для насъ обоихъ лучше, чтобы онъ не приходилъ.—Какъ всѣ женщины, миссъ Де-Во забыла уже, что сама называла Питера джентельмэномъ.

Digitized by Google

Если Питеръ замѣтилъ, что на него обращали вниманіе, когда онъ ѣхалъ въ Саратогу, онъ не могъ не видѣть теперь, что это вниманіе удвоилось. Хотя Питеръ сидѣлъ почти все время одинъ, обдумывая все прошедшее, онъ видѣлъ, какъ на него указывали другъ другу. Но онъ чувствовалъ теперь, что его намѣренія остались непонятыми, что на него смотрѣли съ любопытствомъ, но безъ одобренія. Онъ не могъ обольщать себя мыслью, что поступилъ къ лучшему: онъ оскорбилъ Портера и пріобрѣлъ двухъ заклятыхъ враговъ въ лицѣ Магира и Кеннеди. Единственное удовлетвореніе доставляло ему сознаніе, что онъ поступилъ честно.

Конечно, и газетные отзывы не особенно порадовали Питера, хотя онъ обращалъ на нихъ меньше вниманія, чѣмъ даже слѣдовало бы. Онъ послалъ ихъ всѣ,—хорошіе, дурные и равнодушные,—матери и написалъ ей длинное письмо, гдѣ подробно объяснялъ ей, какъ и для чего онъ дѣйствовалъ. Питеръ написалъ такое же длинное письмо и Портеру съ объясненіемъ своего поведенія. Портеру уже успѣли донести, что вся отвѣтственность за его пораженіе падаетъ на Питера, но, прочитавъ его письмо, онъ прислалъ Питеру крайне любезный отвѣтъ, въ которомъ благодарилъ за поддержку. «Не всегда бываетъ легко въ политикѣ дѣлать то, что хочешь»,—писалъ онъ, — «но если стараешься, имѣя въ виду высшія мотивы, высшіе интересы,—даже пораженіе теряетъ свою горечь. Мнѣ не удастся помочь вамъ въ желаемыхъ вами реформахъ настолько, насколько я надѣялся, но я и теперь имѣю нѣкоторую политическую силу, и если только вамъ понадобится моя помощь—не медлите обратиться ко мнѣ. Я всегда буду радъ видѣть васъ въ своемъ домѣ къ обѣду или вечеромъ, придете ли вы по серьезному дѣлу или просто поболтать».

Питеръ нашелъ, что въ средѣ его избирателей произошелъ расколъ, вызванный его поведеніемъ и поведеніемъ Кеннеди въ собраніи. Онъ не отвѣчалъ сразу на всѣ порицанія и критики, искусно возбужденныя Кеннеди, но въ слѣдующіе дни зашелъ въ полъ-дюжину «салоновъ» и разсказалъ «ребятамъ» правдивую исторію закулисной стороны случившагося.

— Боюсь, что я надѣлалъ промаховъ,—откровенно сознавался онъ,—но я и теперь не вижу, какъ мнѣ было поступить иначе. Я, конечно, былъ увѣренъ, что поступаю по чести.

— Да вы такъ и поступили,—кричалъ Деннисъ.—А если это грязное животное, Кеннеди, осмѣлится сунуть въ мою дверь свою скверную рожу, я ему ее славно отдѣлаю, будетъ доволенъ! Пусть только попробуетъ обдѣлывать у насъ свои грязныя дѣлишки!

— Не слыхалъ я, чтобы онъ занимался подобными дѣлами,—попробовалъ вступиться Питеръ.

— Да мы то слыхали,—заоралъ одинъ изъ присутствующихъ. Онъ всегда ловитъ рыбу въ мутной водѣ.

— Да,—подтвердилъ Деннисъ. Кеннеди только о своей выгодѣ думаетъ; вотъ пусть теперь попробуетъ одинъ справляться, какъ мы отъ него отступимся.

Откуда взялось подобное мнѣніе—трудно было бы прослѣдить, но только недѣлю спустя весь участокъ былъ глубоко увѣренъ, что «Кеннеди подавалъ голосъ за себя, а Стерлингъ за насъ».

«Кварталъ» былъ крайне гордъ только что пріобрѣтенной извѣстностью. Газеты не только отмѣтили Питера и его исключительное поведеніе на собраніи, но они интересовались также тѣмъ, какъ будутъ теперь держать себя его избиратели. «Поддержатъ ли они Кэтлина?» «Правда ли, что въ участкѣ расколъ, и тамъ собираются выставлять новыхъ кандидатовъ?» «Неужели часть избирателей вошла въ соглашеніе съ республиканцами?»

— Ей-Богу,—философствовалъ Деннисъ,—кажется, наши вожаки и газеты, наконецъ, вспомнили, что есть шестой участокъ, и все это благодаря м-ру Стерлингу.

Главные предводители партіи еще оставались въ Саратогѣ, но недѣли не прошло, какъ Костелль пріѣхалъ къ Питеру.

— Газетчики васъ сильно продер-

Digitized by Google

нули,—добродушно сказалъ онъ, — но они ничего не понимаютъ. Мы нашли, что вы вели себя молодцомъ.

— Мнѣ говорили, что я повредилъ Портеру.

— Вздоръ. Ему повредилъ Магиръ, а вы объ этомъ сказали, поэтому обвиняютъ васъ.

— Мои довѣрители на моей сторонѣ.

— А какого они мнѣнія о Кэтлинѣ?

— Я думаю, они вполнѣ довольны. Боюсь, что имъ было все равно, кого бы ни выбрали.

— Я слышалъ, что Кеннеди ворчитъ и замышляетъ что-то?

— Онъ золъ на Кэтлина и на меня.

— Что же, если вы найдете полезнымъ, мы можемъ обуздать его. Только Галлагеръ думаетъ, что онъ едва ли опасенъ.

— Врядъ ли у него много приверженцевъ. Даже Маріерти, который считался главнымъ его козыремъ, отступился отъ него.

— Не скажете ли вы вашимъ избирателямъ двѣ или три рѣчи въ нашу пользу?

— Если вы сообщите мнѣ, чего вы именно хотите.

— Можете ли вы поддержать насъ?

— Полагаю, что могу.

— Мы предоставимъ вамъ свободу дѣйствій. Избѣгайте только слишкомъ длинныхъ отчетовъ. Время и мѣсто будутъ вамъ сообщены комитетомъ, какъ только будутъ назначены. Мы платимъ 25 долларовъ за вечеръ Если вамъ удастся найти вѣрный тонъ, вы намъ можете пригодиться и въ другихъ участкахъ.

— Мнѣ будетъ пріятно говорить. Я уже пробовалъ свои силы въ «салонахъ», только передъ небольшимъ кружкомъ слушателей.

— Мнѣ говорили объ этомъ. Вамъ врядъ ли удастся найти болѣе благопріятную аудиторію. Посѣтители «салоновъ» слушаютъ куда внимательнѣе, чѣмъ члены большихъ митинговъ.

Костелль поднялся съ мѣста:

— Если вы не заняты въ будущее воскресенье, пріѣзжайте ко мнѣ въ Вестчестеръ въ два часа, мы вмѣстѣ пообѣдаемъ. Мы не будемъ говорить о политикѣ; я васъ познакомлю съ моей женой, покажу вамъ мою конюшню, а потомъ отвезу васъ самъ въ городъ на своей сѣрой лошади, которая можетъ обогнать все, что ей попадется по дорогѣ.

Такимъ образомъ Питеръ провелъ полъ-дня за городомъ и очень веселился. Онъ осматривалъ цвѣтники миссисъ Костелль, которымъ она посвящала почти все свое время и болталъ съ нею о цвѣтахъ.

Онъ видѣлъ чудесныя конюшни и ихъ не менѣе чудесныхъ обитателей. Супруги Костелль очень нравились Питеру. Оба были простые, довольно молчаливые люди, не особенно образованные, но ему казалось, что ихъ окружаетъ особая атмосфера довольства и уютности. Когда, уѣзжая, Питеръ садился въ легкій шарабанъ, онъ сказалъ миссисъ Костелль:

— Я постараюсь выписать отъ моей матери сѣмянъ пестрыхъ левкоевъ какъ можно скорѣе. Можетъ быть, вы разрѣшите мнѣ лично привезти ихъ?

— Пожалуйста, — отвѣтила она. — Пріѣзжайте къ намъ опять, съ сѣменами или безъ нихъ.

Когда они немного отъѣхали, Костелль сказалъ:

— Мнѣ очень пріятно, что вы спросили это. Жена не долюбливаетъ моихъ политическихъ друзей, а вы ей сразу понравились, я замѣтилъ.

На слѣдующей недѣлѣ Питеръ дважды говорилъ въ небольшомъ залѣ въ своемъ участкѣ. Аудиторія была къ нему расположена, и онъ говорилъ хорошо, хотя просто.

— Въ его рѣчи нѣтъ фейерверка, — говорилъ мѣстный сатирикъ.—Онъ не потрясаетъ американскимъ флагомъ, не упоминаетъ о свободѣ и равенствѣ, онъ даже не называетъ насъ «благородными согражданами». Онъ говоритъ, точно думаетъ, что онъ въ «салонѣ». Парень, сочинившій рѣчь о младенцахъ, долженъ былъ бы обращаться съ нами потрогательнѣе.

Такъ думали и многіе изъ избирателей, но они все-таки приходили, и имъ было любопытно видѣть, не разразится

Digitized by Google

ли онъ чѣмъ-нибудь особеннымъ. Они чувствовали, что Питеръ обладаетъ неограниченной силой краснорѣчія (они считали краснорѣчіемъ способность растрогать слушателей), и бережетъ свои силы. Не будучи хорошо знакомы съ предметомъ они находили, что то, что онъ говоритъ, интересно.

Онъ облекалъ всѣ вопросы въ самыя элементарныя формы, умѣлъ показать, какой пользы можно ожидать отъ каждаго параграфа политической программы не для государства, а собственно для ихъ участка.

— Онъ очень полезенъ, — говорили вождямъ партіи.—Если бы онъ немножко больше бранилъ противную сторону, да съумѣлъ бы пустить маленькій фейерверкъ, онъ былъ бы просто великъ.

Питера стали приглашать говорить въ разныхъ частяхъ города.

Онъ работалъ при составленіе списковъ избирателей и съ удовольствіемъ увидѣлъ, что ему удалось разстроить нѣкоторыя изъ махинацій Кеннеди. Его участокъ составился въ подавляющемъ числѣ изъ демократовъ, и честь этого приписывали Питеру и Деннису. Кэтлинъ былъ утвержденъ и сраженіе выиграно. Теперь Питеръ почувствовалъ, что его трехмѣсячные труды не пропали даромъ. Его рѣчи принесли ему 250 долларовъ, которые онъ положилъ въ сберегательную кассу на свое имя, и сто долларовъ, кромѣ того, присоединилъ къ запасному капиталу.

Питеръ поѣхалъ на рождественскіе праздники къ матери и нашелъ, что его посѣщенія «салоновъ» очень ее безпокоятъ.

— Ты уже сдѣлалъ первый шагъ къ несчастью, Питеръ,—выговаривала ему мать.

— Но, мама, я вѣдь захожу туда только, чтобы поговорить; я ничего не пью.

— Когда-нибудь ты дойдешь и до этого. Пути дьявола всегда начинаются прямо, мой мальчикъ, и все-таки ведутъ къ погибели. Обѣщай мнѣ, что ты больше не пойдешь въ «салонъ».

— Не могу, мама. Я стараюсь помочь людямъ, и ты не должна просить меня перестать дѣлать то, что можетъ принести пользу ближнимъ.

— О мой мальчикъ, мой мальчикъ!— всхлипывала мать.

— Если бы ты могла понять мои поступки, какъ я самъ понимаю, ты не видѣла бы въ нихъ ничего дурного. У васъ «салонъ»—это убѣжище лѣнтяевъ и негодяевъ, въ Нью-Іоркѣ совсѣмъ другое. Тамъ—это клубъ для бѣдныхъ людей. Если бы ты могла сравнить темные, холодные и сырые углы, въ которыхъ они ютятся, и свѣтлые, теплые, веселые «салоны», куда каждый имѣетъ доступъ, ты поняла бы, что не водка притягиваетъ ихъ туда. Я желалъ бы, чтобы открыли «салоны» и для женщинъ. Большинство посѣтителей крайне умѣренны и довольствуются однимъ—двумя стаканами пива или виски, только чтобы заплатить за гостепріимство. Притягиваетъ посѣтителей главнымъ образомъ общество, возможность поговорить, прочесть газеты. Конечно случается иногда, что кто-нибудь и напьется, но это бываетъ обыкновенно не постоянный посѣтитель, да такіе случаи были бы значительно рѣже, если бы слишкомъ высокій налогъ на спиртъ не побуждалъ недобросовѣстныхъ кабатчиковъ фальсифицировать виски всякими снадобьями, одурманивающими потребителей. Большинство посѣтителей или слишкомъ порядочные люди, или слишкомъ бѣдны, чтобы позволить себя напиваться до пьяна.

— Питеръ, Питеръ! Когда я подумаю, что три года въ Нью-Іоркѣ довели тебя, до такихъ мыслей! Я знала, что Нью-Іоркъ — гнѣздо беззаконія, но думала, что ты слишкомъ хорошій мальчикъ и не поддашься искушенію.

— Право, мама, Нью-Іоркъ даже лучше многихъ другихъ городовъ. У васъ здѣсь, когда работы на фабрикахъ кончаются, у рабочихъ нѣтъ другого развлеченія, кромѣ порока. Но въ такомъ громадномъ городѣ, какъ Нью-Іоркъ, существуютъ тысячи развлеченій, приноровленныхъ къ вечернимъ часамъ. Выставки, концерты, театры, читальни, лекціи—все способствуетъ тому чтобы отвлечь рабочаго отъ разгула и пріохотить къ прекрасному. Поэтому порокъ тамъ прячется, не то, что здѣсь.

Digitized by Google

Въ Нью-Іоркѣ ты должна искать его, а въ такихъ маленькихъ городишкахъ онъ гонится за тобою и соблазняетъ тебя.

— Что ты, Питеръ! Здѣсь, гдѣ для всѣхъ найдется мѣсто въ церкви по воскресеньямъ, тогда какъ я слышала, что въ Нью-Іоркѣ въ церквахъ не хватаетъ мѣстъ даже для четверти населенія! Еще на прошлой недѣлѣ одинъ миссіонеръ говорилъ, что мы должны помочь собирать деньги на постройку церквей въ Нью-Іоркѣ. Подумай только, вѣдь тамъ на одну церковь приходится десять кабаковъ! И сынъ мой проводитъ въ нихъ свои вечера и защищаетъ ихъ!

— Мнѣ жаль, что это тебя такъ волнуетъ. Если бы я чувствовалъ, что имѣю право перестать посѣщать «салоны», я сдѣлалъ бы это для тебя.

— Ты никогда не пилъ, Питеръ?

— Нѣтъ, мама, никогда!

— Обѣщай мнѣ, что напишешь мнѣ, если станешь пить.

— Я обѣщаю тебѣ, мама, что никогда не стану пить.

— Благодарю тебя, мой мальчикъ.— Но мать все-таки не могла успокоиться и попросила своего пастора поговорить съ Питеромъ.

Пастора было легче убѣдить, и, послѣ разговора съ Питеромъ, онъ сказалъ миссисъ Стерлингъ:

— Мнѣ кажется, вашъ сынъ не дѣлаетъ ничего дурного и даже можетъ сдѣлать много добра. Дайте ему поступать, какъ онъ находитъ лучшимъ.

Глава XXV.

Вечерній визитъ.

Однажды днемъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, Питеръ зашелъ къ одному извѣстному торговцу картинами, посмотрѣть художественную выставку, о которой было объявлено въ газетахъ. Онъ почти уже кончилъ добросовѣстный осмотръ картинъ, доставлявшій ему всегда столько же умственнаго труда, сколько художественнаго наслажденія, какъ вдругъ услышалъ любезное:

— Какъ поживаете, м-ръ Стерлингъ?

Повернувшись, Питеръ увидѣлъ передъ собой миссъ Де-Во въ сопровожденіи элегантно одѣтаго господина. Лицо Питера сразу такъ оживилось, что миссъ Де-Во подумала: «отчего же онъ не хотѣлъ взять другого билета?» Впрочемъ, она это только подумала, а вслухъ сказала:

— Позвольте познакомить васъ съ моимъ двоюроднымъ братомъ. М-ръ Огденъ, м-ръ Стерлингъ.

— Очень пріятно,—любезно сказалъ м-ръ Огденъ. Питеръ молча поклонился.

— Я не знала, что вы любите картины,—сказала миссъ Де-Во.

— Я бываю на всѣхъ выставкахъ,—сказалъ Питеръ,—и стараюсь полюбить ихъ.

Миссъ Де-Во удивилась.

— Не стоитъ,—замѣтилъ Огденъ,—я пробовалъ прежде, когда начиналъ. Гораздо легче слушать, что говорятъ о нихъ женщины, и въ данный моментъ отвѣчать «да» или «нѣтъ».

Теперь настала очередь Питера удивляться.

— Что за вздоръ, Лиспенардъ,—отозвалась миссъ Де-Во.—Вѣдь онъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ искусства, м-ръ Стерлингъ.

— Ну вотъ,—сказалъ Огденъ.—Вы видите сами. Нужно только соглашаться съ мнѣніями женщины, и она будетъ убѣждена, что вы все знаете.

— Я думаю, вы уже осмотрѣли всѣ картины и не захотите еще разъ обойти ихъ съ нами?—спросила миссъ Де-Во.

— Я видѣлъ ихъ, но съ удовольствіемъ посмотрю ихъ еще разъ съ вами,—сказалъ Питеръ и прибавилъ:— если я вамъ не помѣшаю.

— Нисколько, — добродушно замѣтилъ Огденъ.—Кузинѣ необходимъ слушатель. Вы сдѣлаете доброе дѣло ея язычку и моимъ ушамъ.

Миссъ Де-Во весело улыбнулась, а про себя подумала:

«Почему же онъ не хотѣлъ взять другого билета?»

Питера очень удивило, какъ они смотрѣли картины: они проходили мимо цѣлаго десятка, оглядывая ихъ мелькомъ, потомъ останавливались около какой-нибудь одной, и четверть часа

Digitized by Google

разсуждали объ ней. Питеръ нашелъ, что миссъ Де-Во не преувеличивала знанія искусства своего двоюроднаго брата.

Онъ говорилъ толково и блестяще, хотя и подсмѣивался постоянно надъ своими собственными сужденіями и осыпалъ насмѣшками недостатки картинъ.

Миссъ Де-Во тоже умѣла говорить, и Питеръ слушалъ обоихъ съ интересомъ. Ему доставило большое удовольствіе, когда они оба похвалили одну изъ картинъ.

— Эта картина мнѣ тоже очень понравилась,— сказалъ онъ.— Мнѣ кажется, она лучше всѣхъ другихъ.

— Совершенно вѣрно,—сказалъ Огденъ.—Въ ней много поэзіи и настроенія.

Миссъ Де-Во замѣтила:

— Я не думала, что она могла вамъ понравиться.

— Вотъ это чисто по-женски!—сказалъ Огденъ. — Женщины всегда рѣшаютъ, что должно нравиться мужчинамъ.

— Вовсе нѣтъ,— оправдывалась миссъ Де-Во.—Я думала, что вы любите дѣтей и предпочтете одинъ изъ жанровъ Броуна этой пустынной мрачной дюнѣ.

— Не съумѣю вамъ сказать, почему она мнѣ нравится, но чувствую, что она отвѣчаетъ моему настроенію.

— Вы очень одиноки? — спросила миссъ Де-Во такъ тихо, что Огденъ не могъ слышать ея словъ.

— Иногда,—просто отвѣтилъ Питеръ.

— Я хотѣла бы, — продолжала по-прежнему въ полголоса миссъ Де-Во,— чтобы вы пришли ко мнѣ, когда вамъ будетъ слишкомъ тоскливо.

— Хорошо, я приду,—отвѣтилъ Питеръ.

Когда они прощались у выхода, Питеръ поблагодарилъ Огдена.

— Я многому научился, благодаря миссъ Де-Во и вамъ, я смотрѣлъ на картины глазами, которые гораздо опытнѣе, чѣмъ мои,—сказалъ онъ.

— Очень радъ. Мы можемъ еще въ другой разъ походить по выставкамъ. Вы знаете, мы всегда въ погонѣ за слушателями.

— Если вы зайдете ко мнѣ, м-ръ Стерлингъ,—прибавила миссъ Де-Во,— вы увидите мои картины. До свиданія.

— Такъ вотъ каковъ вашъ демократическій боецъ!—сказалъ м-ръ Огденъ, глядя въ окно кареты во слѣдъ удалявшемуся Питеру.

— Не смѣйте его такъ называть, Лиспенардъ, — сказала нахмурившись миссъ Де-Во.

Огденъ засмѣялся и откинулся поудобнѣе въ экипажѣ.

— Ну такъ это, значитъ, вашъ покровитель больныхъ котятъ?

Но миссъ Де-Во ничего не отвѣчала. Она думала о песчаной дюнѣ при скучномъ, зимнемъ свѣтѣ.

Прошла недѣля. Погода стояла ужасная. Холодный вѣтеръ гналъ по улицамъ тучи мокраго снѣга пополамъ съ дождемъ, люди и лошади съ трудомъ пробирались по мостовой.

Питеръ цѣлый день просидѣлъ дома, опять занимаясь изученіемъ стѣны передъ глазами. Онъ даже не пошелъ обѣдать, чтобы только не выходить на улицу, и унылыя завыванія вѣтра, и голодный желудокъ нагнали на него глубокую тоску. Обыкновенно онъ храбро боролся съ приступами подобной тоски, но сегодня онъ чувствовалъ себя черезчуръ усталымъ для этого, и рѣшилъ лучше сразиться съ восточнымъ вѣтромъ и мятелью, чѣмъ со своимъ настроеніемъ. Онъ переодѣлся и пошелъ по опустѣлымъ улицамъ на вторую Авеню.

Миссъ Де Во была дома, но «еще кушала».

Питеръ смутился, не зная, какъ ему теперь слѣдуетъ поступить. Лакей, вспомнившій его лицо, предложилъ ему подождать, и Питеръ съ радостью ухватился за это предложеніе.

Но ему не пришлось ждать: лакей сейчасъ же вернулся и доложилъ, что миссъ Де-Во проситъ въ столовую.

— Я попросила васъ сюда, думая, что, придя въ такую ужасную погоду, вы, вѣрно, не откажетесь отъ чашки кофе,— сказала ему хозяйка.— Къ столу вамъ не стоитъ усаживаться. Мордэнъ, подвиньте кресло къ камину.

Такимъ образомъ Питеръ очутился у пылающаго камина передъ чашкой кофе,

Digitized by Google

который былъ несравненно вкуснѣе, чѣмъ тотъ, что онъ самъ варилъ себѣ дома.

Миссъ Де-Во тоже подсѣла къ камину; лакей подвинулъ имъ маленькій столикъ и принесъ вазу съ фруктами.

— Больше ничего не нужно, Морденъ, — сказала хозяйка. — Какъ это мило съ вашей стороны, что вы пришли, именно, сегодня вечеромъ. Мнѣ было очень скучно, и я просто не знала, какъ убить время. Но что за ужасная погода!

— Да, сильно мететъ. Два или три раза я просто отчаявался добраться до васъ.

— Неужели вы пришли пѣшкомъ?

— Да, пѣшкомъ. Я могъ взять единственнаго извозчика, который проѣхалъ мимо меня, но его лошади просто выбивались изъ силъ, и я подумалъ, что дойду скорѣе.

Миссъ Де-Во позвонила.

— Еще чашку кофе, Морденъ, и подайте коньякъ,—сказала она.—Сегодня вы ослушаетесь своей матери и сдѣлаете то, чего я хочу,—обратилась она къ Питеру, наливая коньякъ въ его вторую чашку кофе, и Питеръ послушно выпилъ ее.

«Не странно ли, что иногда онъ такъ упрямъ, а иногда такъ послушенъ», подумала миссъ Де-Во, а вслухъ сказала:

— Я обыкновенно не позволяю мужчинамъ курить здѣсь, но сегодня дѣлаю для васъ исключеніе.

Искушеніе было велико, но Питеръ поспѣшилъ отвѣтить:

— Благодарю васъ, я сегодня совсѣмъ не буду курить.

— Вы уже курили послѣ обѣда?

— Нѣтъ, я пробовалъ закурить трубку на улицѣ, но вѣтеръ и мятель были слишкомъ сильны.

— Такъ курите теперь.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

Миссъ Де-Во мысленно повторила свое прежнее замѣчаніе.

— Гдѣ вы обыкновенно обѣдаете?— спросила она затѣмъ.

— У меня нѣтъ опредѣленнаго мѣста. Гдѣ придется.

— А сегодня вы гдѣ обѣдали?

Питера не легко было выпытать. Онъ помолчалъ съ минуту, потомъ сказалъ:

— Какую странную вещь я видѣлъ сегодня, когда шелъ къ вамъ. Хотите я вамъ разскажу?

Миссъ Де-Во посмотрѣла на него съ любопытствомъ, но ее очень мало интересовало то, что онъ разсказалъ въ отвѣтъ на ея «да».

Дѣло шло объ уличномъ арестѣ пьяницы.

— Мнѣ кажется, бѣднякъ былъ не столько пьянъ, сколько окоченѣлъ отъ холода,—заключилъ Питеръ,—и я посовѣтовалъ полисмену, вмѣсто участка, свезти его въ больницу. Онъ не согласился со мной, и мнѣ пришлось идти съ нимъ въ полицію и объясняться съ начальствомъ.

— Это было до вашего обѣда?—спокойно спросила миссъ Де-Во.

Отвѣтить на этотъ вопросъ, казалось, было очень легко, но Питеръ опять замолчалъ.

— Это случилось, когда я шелъ къ вамъ,—сказалъ онъ, наконецъ.

«Что онъ старается скрыть?» недоумѣвала миссъ Де-Во. «Или онъ бываетъ въ такихъ трактирахъ... но нѣтъ...»

И она громко спросила:

— Хотѣлось бы мнѣ знать, какъ обѣдаютъ мужчины, когда они одни? Довольствуются ли они такими пустяками, какъ мы. Разскажите, что вы себѣ заказывали сегодня? Вы аскетъ или сибаритъ?

— Я обыкновенно ѣмъ очень простую пищу,—отвѣтилъ Питеръ.

— А сегодня?

— Зачѣмъ вамъ это знать.

— Мнѣ хочется знать, гдѣ и какъ вы обѣдали, чтобы вывести свои заключенія изъ вашего меню.—И миссъ Де-Во засмѣялась, чтобы обратить все въ шутку, но она сознавала, что поступила безтактно.

— Я не отвѣтилъ на вашъ вопросъ, потому что предпочиталъ молчать. Но если вамъ дѣйствительно хочется знать, я вамъ скажу.

— Да, мнѣ хочется знать. — Миссъ Де Во продолжала улыбаться.

— Я совсѣмъ не обѣдалъ.

Digitized by Google

— М-ръ Стерлингъ! Вы шутите?— Миссъ Де-Во больше не улыбалась и выпрямилась въ креслѣ.

— Женщины могутъ неопредѣленное время обходиться безъ пищи и не обращать на это вниманія, но мысль о голодномъ мужчинѣ наполняетъ ихъ ужасомъ.

— Нѣтъ, не шучу,—сказалъ Питеръ.

Миссъ Де-Во позвонила, но лакей еще не успѣлъ войти, какъ Питеръ сказалъ:

— Не безпокойтесь обо мнѣ, миссъ Де-Во, мнѣ ничего не нужно.

— Но вы должны...

Питеръ былъ настолько невѣжливъ, что прервалъ ее:

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.

— Но у меня не будетъ ни минуты покоя, когда я знаю, что вы сидите передо мной голодный.

Питеръ снова прервалъ ее:

— Если такъ,—сказалъ онъ,—мнѣ лучше уйти.

— Ахъ нѣтъ! — вскрикнула миссъ Де-Во.—Вѣдь безпокойства никакого не будетъ. Я велю подать...

— Ничего не надо, благодарю васъ.

— Только котлетку или...

Питеръ протянулъ ей руку.

— Нѣтъ, нѣтъ. Сидите. Конечно, если вы не хотите... Но я была бы такъ рада, если бы...—И миссъ Де-Во просительно смотрѣла на Питера.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Идите, Морденъ.

Они опять сѣли.

— Но почему же вы не обѣдали?— спросила хозяйка.

— Не хотѣлось выходить въ мятель.

— И все-таки вышли?

— Да. Я захандрилъ и нашелъ, что мнѣ вредно сидѣть съ самимъ собою.

— Я очень рада, что вы пришли ко мнѣ. Мнѣ очень лестно, что вы предпочитаете обѣду болтовню со мной. Знаете, мнѣ казалось, что вы меня не одобряете.

— Мнѣ очень жаль; это совершенно напрасно.

— Такъ почему же вы не пришли ко мнѣ, хотя я два раза приглашала васъ?

— Я не хотѣлъ идти къ вамъ, пока не убѣдился, что вы, дѣйствительно, хотите меня видѣть.

— А почему вы не согласились обѣдать у насъ въ Саратогѣ?

— Потому что я потерялъ бы свой билетъ.

— Но новый билетъ стоилъ бы вамъ только семь долларовъ.

— Тамъ, гдѣ я живу, мы никогда не говоримъ «только» семь долларовъ.

— Что такое для васъ семь долларовъ.

— И для меня тоже это деньги. Я никогда въ жизни не тратилъ на обѣдъ семи долларовъ.

— Но вы могли бы, заработавъ 750 долларовъ въ одинъ мѣсяцъ. Я знаю людей, которые отдали бы ихъ цѣликомъ за честь пообѣдать со мной.

Это было безумное хвастовство, но миссъ де-Во чувствовала, что ея обычныя средства для внушенія почтенія къ себѣ были не дѣйствительны, и теперь пробовала новыя также безуспѣшно.

— Весьма возможно. Но я не могу позволять себѣ подобной роскоши. Я истратилъ больше, чѣмъ слѣдовало, и долженъ былъ быть остороженъ.

— Такъ это была экономія?

— Да, конечно.

— Не думала я, чтобы мое приглашеніе къ обѣду имѣло такъ мало цѣны, что кто-нибудь можетъ отклонить его, желая съэкономить семь долларовъ.

Миссъ Де-Во, видимо, была обижена.

— Я дала ему пятьсотъ долларовъ, думала она, «а онъ не могъ бросить такихъ пустяковъ, чтобы доставить мнѣ удовольствіе».

Потомъ она сказала.

— Многіе люди экономничаютъ очень нелѣпо.

— Очень вѣроятно,—сказалъ Питеръ.—Мнѣ жаль, что я разочаровалъ васъ, но мнѣ казалось, что я не имѣю права на такой расходъ.

— Не будемъ говорить объ этомъ,— сказала миссъ Де-Во.—Вы довольны избраніемъ и назначеніемъ Кетлина?

— Я былъ доволенъ, что его выбрали, но лично я предпочелъ бы Портера.

— А мнѣ казалось, что вы препятствовали его избранію?

Digitized by Google

— Это писали и въ газетахъ, но онѣ не поняли.

— Я не думаю о газетахъ. Вы знаете, я вѣдь слышала вашу рѣчь въ собраніи

— Повидимому, очень многіе меня не поняли. Я старался разъяснить дѣло.

— Вы хотѣли разсмѣшить собраніе.

— Нѣтъ, я былъ крайне удивленъ и огорченъ этимъ смѣхомъ.

Миссъ Де-Во поняла изъ этихъ послѣднихъ словъ, а также изъ того, что писалось въ газетахъ, что этотъ вопросъ былъ непріятенъ для Питера, но не могла удержаться, чтобы не спросить «почему?»

— Боюсь, не съумѣю объяснить вамъ. У меня было чувство, что нѣкто собирался поступить нечестно, но я надѣялся, что ошибаюсь. Мнѣ казалось, что сами обстоятельства заставляютъ меня предупредить собраніе, но я старался ни на кого не намекать. Но въ ту минуту, какъ я сказалъ имъ о моихъ подозрѣніяхъ, они разсмѣялись.

— Но почему?

— Потому что убѣдились, что этотъ человѣкъ поступилъ нечестно.

— О!—Миссъ Де-Во вложила въ это маленькое словечко много выраженія.— Значитъ они смѣялись надъ Магиромъ?

— Въ данную минуту, да. На самомъ дѣлѣ они смѣялись надъ человѣческою слабостью. Многіе находятъ ее забавной.

— Это васъ и огорчило.

— Да.

— Но почему же газеты такъ бранили васъ?

— М-ръ Костелль говорилъ мнѣ, что я сказалъ больше правды, чѣмъ люди могутъ вмѣстить. Мнѣ ничего не слѣдовало говорить или прямо высказать обвиненіе—тогда они поняли бы. Одинъ изъ моихъ пріятелей говорилъ, что никто не умѣетъ такъ путать, какъ я, и я боюсь, что онъ правъ.

— Вы знакомы съ м-ромъ Костелломъ? Мнѣ кажется, что онъ нечестный политическій дѣятель.

— Я хорошо знаю м-ра Костелля и не видѣлъ въ немъ нечестнаго политическаго дѣятеля.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что онъ вовсе не таковъ, какимъ его рисуютъ газеты.

— А если онъ окажется таковымъ?

— Мнѣ будетъ очень больно; я очень уважаю его и его жену.

И Питеръ разсказалъ про свое знакомство съ маленькой, худенькой женщиной, ненавидѣвшей политику и обожавшей цвѣты, и съ ея мужемъ, хладнокровнымъ, искуснымъ вождемъ людей, который съ любовью трепалъ по шеѣ любимыхъ скакуновъ и со слезами говорилъ о смерти одного изъ нихъ.

— Однажды, — сказалъ Питеръ, — лошадь лягнула его въ лицо и чуть не убила, а онъ говоритъ объ этомъ, какъ о нечаянномъ проступкѣ ребенка.

— У него остался глубокій шрамъ на щекѣ?

— Да, а вы его видѣли?

— Разъ только, когда выходили изъ собранія. Онъ сказалъ группѣ стоявшихъ съ нимъ людей нѣсколько словъ о васъ и это привлекло мое вниманіе.

Миссъ Де-Во думала, что Питеръ поинтересуется узнать, что объ немъ говорили.

— Развѣ вамъ не хочется знать, что онъ сказалъ? — спросила она, когда ея ожиданія не оправдались.

— Я думаю, Костелль самъ сказалъ бы мнѣ, еслибъ считалъ это нужнымъ.

Миссъ Де-Во вернулась къ своему прежнему мнѣнію о Питерѣ:

«Онъ положительно не нашего общества», подумала она.

Кресло перестало казаться ей удобнымъ, и она встала со словами:

— Пойдемте въ библіотеку. Я не буду показывать вамъ сегодня картинъ, ихъ слишкомъ много, и теперь темно. Вы должны придти ихъ посмотрѣть въ другой разъ. А теперь разскажите мнѣ про тѣхъ людей, съ которыми вамъ приходится сталкиваться на политической аренѣ. Мнѣ кажется, что тѣ люди, которыхъ я знаю, всѣ похожи другъ на друга, и мнѣ было бы очень интересно послушать о другихъ людяхъ.

Они усѣлись у другого камина, въ библіотекѣ, и Питеръ началъ говорить о Деннисѣ и Бленкерсѣ, о «ребятахъ» въ «салонахъ»; онъ описалъ ей Грина и

Digitized by Google

своихъ товарищей-делегатовъ, достопочтеннаго Галлагера съ супругою и дочкой, ихъ обѣдъ и общество. Питеръ не старался остроумничать, онъ передавалъ событія и разговоры просто, серьезно и очень сдержанно, но миссъ Де-Во отъ души наслаждалась и думала про себя:

«У него много природнаго юмора, но онъ слишкомъ серьезенъ, чтобы пользоваться имъ».

Она была такъ довольна его разсказами, что не хотѣла отпустить его рано, а Питеръ слишкомъ мало былъ знакомъ съ свѣтскими обычаями, чтобы уйти противъ желанія женщины. Наконецъ, онъ рѣшительно поднялся, видя, что часовая стрѣлка приближается къ одиннадцати.

— М-ръ Стерлингъ,—сказала миссъ Де-Во робкимъ, просительнымъ тономъ, какого ни одинъ мужчина никогда не слышалъ отъ нея. — Разрѣшите, чтобы мои лошади отвезли васъ домой. Заложатъ экипажъ въ одну минуту.

— Въ такую погоду жестоко гонять лошадей,—сказалъ Питеръ очень рѣшительно.

«Какъ онъ упрямъ», подумалъ миссъ Де-Во, «и какъ упорно высказываетъ онъ свое упрямство».

— Вы придете опять?—спросила она.

— Если позволите.

— Непремѣнно. Я тоже очень одинока, какъ вы, можетъ быть, слышали.— Миссъ Де Во умолчала, что стоило ей только пожелать, и ея домъ наполнится народомъ, и что она сама вездѣ желанная гостья.

— Я знаю объ васъ только то, что вы мнѣ сказали о себѣ, и что я видѣлъ.

Миссъ Де-Во весело разсмѣялась надъ откровенностью Питера.

— А мнѣ кажется, что объ васъ я все знаю.

— Но вы меня выспрашивали,—возразилъ Питеръ.

Миссъ Де-Во была изумлена. Какъ она ни старалась, она не могла привыкнуть къ Питеру. Вся ея свѣтская опытность разбивалась объ его откровенность.

«Что онъ этимъ хотѣлъ сказать?» мысленно задала она себѣ вопросъ.

Молчаніе длилось слишкомъ долго и потому она сказала:

— Я живу одна со смерти отца, и хотя у меня много родныхъ, я предпочитаю жить въ этомъ домѣ, такъ какъ чувствую себя здѣсь вполнѣ независимой. Но, вѣроятно, мнѣ придется современемъ переѣхать отсюда, эта часть города сильно измѣнилась.

Миссъ Де-Во говорила это, только чтобы сказать что-нибудь, и была рада, когда Питеръ простился и оставилъ ее одну.

— Онъ совсѣмъ не похожъ на другихъ мужчинъ,—разсуждала она, глядя на догоравшій огонь.—Онъ такъ прямолинеенъ и откровененъ! Какъ онъ можетъ имѣть успѣхъ въ политикѣ? А впрочемъ, послѣ нашихъ свѣтскихъ кавалеровъ разговоръ съ нимъ, дѣйствуетъ освѣжающимъ образомъ. Я думаю, мнѣ слѣдуетъ немножко помочь ему и доставить доступъ въ общество.

Глава XXVII.

Званый обѣдъ.

Послѣднее замѣчаніе, сдѣланное миссъ Де-Во ея камину, привело къ тому, что черезъ нѣсколько дней Питеръ получилъ формальное приглашеніе на обѣдъ и отвѣтилъ на него съ быстротою записного свѣтскаго кавалера.

Когда Питеръ очутился въ гостинной и увидѣлъ оживленную толпу молодежи, былая застѣнчивость на минуту вернулась къ нему. Но миссъ Де-Во заговорила съ нимъ, и робость исчезла.

Питера представили какой-то «миссъ Леноксъ», которая заболтала такъ оживленно, что ему оставалось только изрѣдка вставлять нѣсколько словъ.

Питеръ повелъ къ столу самое хозяйку; рядомъ съ нимъ съ другой стороны очутилась Дороти. Едва онъ успѣлъ поздороваться съ ней и обмѣняться нѣсколькими словами, какъ кто-то назвалъ его фамилію. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ противъ себя миссъ Леруа.

— Надѣюсь, вы не совсѣмъ забыли меня,—сказала она видя, что обратила его вниманіе.

Digitized by Google

— Ничуть не забылъ, — отвѣтилъ Питеръ.

— Даже помните мое платье?—разсмѣялась миссъ Леруа.

— Помню и фасонъ, и матерію, и шлейфъ.

— Въ особенности шлейфъ, не правда ли?

— Объясните, пожалуйста, эти таинственные намеки,— вмѣшалась Дороти.

— Мы съ мистеромъ Стерлингомъ вмѣстѣ священнодѣйствовали на одной свадьбѣ, и я была въ такомъ смертельномъ страхѣ, что кто-нибудь изъ шаферовъ наступитъ мнѣ на платье, что они нарочно старались это дѣлать.

— На чьей свадьбѣ,—спросила миссъ Де-Во.

— Уаттса д'Аллуа и миссъ Пирсъ,— отвѣтила барышня.

— Вы знаете Уаттса Д'Аллуа?—спросила миссъ Де-Во, обратившись къ Питеру.

— Да.

— Въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ вы съ нимъ встрѣчались?

— Въ колледжѣ.

— Вы были въ Гарвардѣ?

— Да.

— Вѣдь вы товарищъ Уаттса Д'Аллуа?—спросила миссъ Леруа.

— Да.

— Уаттса Д'Аллуа? — воскликнула миссъ Де-Во.

— Да.

— Да вѣдь онъ совсѣмъ мальчикъ!

— Онъ на два года старше меня.

— Не можетъ быть!

— Навѣрное.

— Я думала, вамъ за тридцать.

— Многіе это думаютъ.

Миссъ Де-Во сказала себѣ: «Я не знаю его такъ хорошо, какъ думала. Онъ очень откровененъ, но говоритъ не все, что знаетъ. Теперь я знаю, откуда у него хорошія манеры. И какъ я не узнала гарвардскую выправку!»

— Давно ли вы имѣли извѣстія отъ Д'Аллуа?— спросила миссъ Леруа.

— Я не имѣлъ ихъ съ тѣхъ поръ, какъ они уѣхали, — отвѣтилъ Питеръ, сдерживая волненіе.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но вы, конечно, слышали о бэби?

— Нѣтъ.

— На лбу Питера появились морщины, которыхъ не замѣчала раньше миссъ Де-Во.

— Это очень странно. Вѣрно письма потерялись. Но вы писали ему?

— Я не знаю его адреса.

— Такъ вы въ самомъ дѣлѣ не слыхали о бэби? У нихъ родилась дочка два, нѣтъ, три года тому назадъ, и Эллена была очень долго больна. Вы знаете, они наняли виллу на Ривьерѣ, и этой весной собираются вернуться домой.

— Я ничего не знаю.

— Да, они вернутся въ іюнѣ, если Эллена будетъ здорова. Я буду крестной матерью.

— Если вы были пріятелемъ Уаттса Д'Аллуа, вы должны знать Рея Ривингтона,—сказала Дороти.

— Да, но я не видѣлъ его съ тѣхъ поръ, какъ мы кончили. Онъ уѣхалъ на западъ.

— Онъ только что вернулся. Сельское хозяйство не пришлось ему по вкусу.

— Не передадите ли ему, если увидите его, что я въ Нью-Іоркѣ, и хотѣлъ бы его повидать?

— Съ удовольствіемъ. Онъ и Лауренсъ, мой второй братъ, — старые друзья, и онъ часто заходитъ къ намъ. Я хочу познакомить васъ съ моими братьями. Они оба здѣсь.

— Мнѣ кажется, я встрѣчался со старшимъ.

— Нѣтъ, тотъ двоюродный, Лиспенардъ Огденъ. Онъ говорилъ, что познакомился съ вами. Вы бы посмѣялись, если бы слышали, какъ онъ разсказывалъ про васъ.

— Мистеръ Стерлингъ не любитъ, чтобы ему передавали чужія слова, Дороти,—замѣтила миссъ Де-Во.

— Что вы хотите сказать? — недоумѣвала Дороти, глядя то на одну, то на другого.

— Онъ оборвалъ меня недавно, когда я хотѣла сказать ему, что мы слышали, выходя изъ собранія прошлой осенью,—

Digitized by Google

объясняла миссъ Де-Во, улыбаясь про себя, что бьетъ Питера его же оружіемъ.

Питеръ взглянулъ на миссъ Де-Во.

— Я надѣюсь, вы говорите не серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Насколько я помню, вы спросили, хочу ли я, а я отказался.

— О нѣтъ, вы мнѣ сдѣлали выговоръ.

— Мнѣ очень жаль. Я всегда дѣлаю промахи.

— Скажи намъ, что говорилъ Лиспенардъ, Дороти, мнѣ самой любопытно слышать.

— Можно, м-ръ Стерлингъ?

— Лучше не надо, — отвѣтилъ Питеръ.

И Дороти при немъ ничего не сказала, но въ гостиной она сообщила миссъ Де-Во.

— Лиспенардъ говорилъ, что, исключая его стараго профессора археологіи въ Гейдельбергѣ, м-ръ Стерлингъ самый милый олухъ, какого ему случалось встрѣчать, и что, должно быть, превесело курить съ нимъ трубку.

— Неужели онъ сказалъ это?—съ негодованіемъ воскликнула миссъ Де-Во.

— Право.

— Какъ глупо,—сказала миссъ Де-Во. — Лиспенардъ всегда старается острить, и это ему часто не удается.— Она обратилась къ миссъ Леруа. — Я рада, что вы знаете м-ра Стерлинга.

— Я видѣла его только разъ, но онъ такой человѣкъ, что его трудно забыть. Какъ странно, что до сихъ поръ я ничего не слыхала о немъ.

— Вы знаете, вѣдь это онъ сказалъ такую чудную рѣчь, когда бѣдныя дѣти были отравлены молокомъ, два года тому назадъ.

— Не можетъ быть!

— Правда. Поэтому, я съ нимъ и познакомилась.

Миссъ Леруа засмѣялась.

— А Эллень увѣряла, что ему всегда нужно помогать говорить!

— Что, миссисъ Д'Аллуа было дружна съ нимъ?

— О, нѣтъ. Она мнѣ говорила, что Уаттсъ только разъ привозилъ его къ нимъ. М-ру Пирсу онъ не понравился.

— Кажется, онъ очень оскорбленъ тѣмъ, что Уаттсъ ему не писалъ.

— Да, повидимому. Мнѣ было очень жаль, что я затѣяла этотъ разговоръ, когда я увидѣла, какъ онъ къ нему отнесся.

— Уаттсъ милый мальчикъ, но всегда былъ легкомысленъ.

Проходя въ гостиную, Дороти сказала нѣсколько словъ высокому молодому человѣку, и онъ тотчасъ подошелъ къ Питеру.

— Вы знаете миссъ Огденъ, мою сестру, лучшую представительницу нашей семьи,—сказалъ онъ.—А теперь вы узнаете и худшаго представителя. Не знаю, описывала ли она вамъ своего братца?

— Да, она говорила сегодня про васъ и про вашего брата.

— Должно быть, хорошо росписала насъ! Въ ней больше мужества, чѣмъ было во всей Потомакской арміи. Кузенъ Лиспенардъ говоритъ, что нервы его окончательно разстроены, и что врядъ ли онъ переживетъ ту репутацію, которую она создала ему.

— У меня никогда не было сестеръ, но мнѣ кажется пріятно имѣть сестру.

— Конечно, особенно же пріятно ладить съ чужими сестрами.

— А вы промѣняли бы свою на чужую?

— Нѣтъ, вы хотите слишкомъ многаго. А кстати, вѣдь мы съ вами коллеги? Я работаю въ конторѣ Джервиса, Редберна и Сальтуса.

— Я веду дѣло на свой страхъ.

— Вы —счастливецъ.

— Да, мнѣ все удалось лучше, чѣмъ я ожидалъ. Но сначала у меня было очень мало кліентовъ.

— Да многихъ и не нужно. Два-три серьезныхъ богатыхъ кліента, и репутація повѣреннаго готова. Я знаю одного франта, у котораго только одинъ кліентъ, но онъ ведетъ всѣ его дѣла и живетъ не дурно.

— Ну, мои кліенты не таковы,—и Питеръ улыбнулся при мысли жить не дурно на доходы отъ веденія дѣлъ Блакетовъ, Дулей или Миллигановъ. Тутъ къ нимъ присоединился и Лауренсъ Огденъ, и разговоръ на ихъ концѣ стола

Digitized by Google

сдѣлался общимъ. Питеръ слушалъ, смакуя гаванскую сигару. Когда они присоединились къ дамамъ, то нашли въ гостиной Лиспенарда Огдена, который сейчасъ же завладѣлъ Питеромъ.

— Послушайте,—сказалъ Огденъ Питеру,—одинъ изъ моихъ пріятелей только что вернулся изъ Европы и привезъ цѣлую кучу гравюръ. Онъ воображаетъ, что знаетъ въ нихъ толкъ, и звалъ меня завтра вечеромъ посмотрѣть ихъ. Онъ, конечно, надѣется услышать похвалы своему знанію и вкусу, а я не способенъ на это, когда имѣю дѣло съ мужчинами. Пойдемте вмѣстѣ, вы поможете мнѣ врать.

— Я бы пошелъ съ удовольствіемъ.

— Только сначала мы вмѣстѣ въ 6 часовъ пообѣдаемъ въ клубѣ.

— Не воображайте, что я позволю вамъ здѣсь бесѣдовать,—сказала миссъ Де-Во, подходя къ нимъ.—Лиспенардъ, пойдите къ миссъ Макъ-Дуголь и займите ее.

— Видите, какъ быстро всякая ложь бываетъ наказана,—засмѣялся Лиспенардъ.

— Какой смыслъ въ его словахъ?—спросила миссъ Де-Во.

— Обратный тому, что онъ сказалъ, я думаю,—отвѣтилъ Питеръ.

— Это очень вѣрная характеристика Лиспенарда. Она такъ хороша, точно онъ самъ ее придумалъ. Если вы ничего не имѣете противъ, я скажу ему объ ней.

— Пожалуйста.

— Скажите мнѣ, м-ръ Стерлингъ, какъ вамъ пришла мысль поселиться вмѣстѣ съ Уаттсомъ Д'Аллуа?

— Онъ самъ предложилъ мнѣ.

— Да, но по какой причинѣ?

— Я часто самъ удивлялся этому.

— Я понимаю, что онъ могъ это предложить вамъ, но что свело васъ!

— Школьная шалость.

— Вы участвовали въ школьной проказѣ?

— Какъ же. Меня дважды призывали передъ факультетскій совѣтъ.

— Разскажите, за что же?

— Меня обвинили въ томъ, что я хотѣлъ украсть библію изъ часовни и разрисовалъ входную дверь одного изъ профессоровъ.

— И вы въ самомъ дѣлѣ сдѣлали это?

— Нѣтъ.

Здѣсь гости начали прощаться съ миссъ Де-Во, и разговоръ былъ прерванъ. Когда Питеръ прощался съ нею, она сказала ему:

— Надѣюсь, вы больше не будете отказываться обѣдать у меня?

— Я очень пріятно провелъ у васъ время сегодня,—отвѣтилъ Питеръ,—но тотъ, прошлый, вечеръ былъ для меня еще пріятнѣе.

— До свиданія,—машинально говорила своимъ гостямъ миссъ Де Во, а сама въ это время думала:

«Я увѣрена, онъ не хотѣлъ тогда оскорбить меня своимъ замѣчаніемъ о вопросахъ».

На слѣдующій день Питеръ обѣдалъ съ Лиспенардомъ, который впродолженіи обѣда искусно направилъ разговоръ на миссъ Де-Во. Ему было очень любопытно услышать, знаетъ ли Питеръ, кто она?

— Вѣдь она очень важная дама,—замѣтилъ Лиспенардъ, какъ бы невзначай.

— Вѣроятно. Я ее совсѣмъ не знаю, но въ ту минуту, какъ я увидѣлъ ее, я понялъ, что она совершенно не похожа ни на одну изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ мнѣ пришлось встрѣчать.

— Но вы потомъ справлялись о ней?

— Нѣтъ. Мнѣ хотѣлось спросить доктора Пертля, но я не особенно люблю разспрашивать о своихъ друзьяхъ.

Лиспенардъ засмѣялся.

— Вотъ вы какой! Ну такъ я вамъ скажу. Моя кузина одна изъ самыхъ богатыхъ и родовитыхъ женщинъ въ Нью-Іоркѣ. Старайтесь употребить съ пользой знакомство съ нею, вы поступите какъ нельзя лучше.

— А вы также такъ поступаете?

— Я—другое дѣло. Она меня вовсе не одобряетъ. Видите ли, наши женщины требуютъ отъ мужчины, чтобы онъ былъ серьезенъ и работалъ. Я не способенъ ни къ тому, ни къ другому. Должно быть, мое иностранное воспитаніе виновато Ей пріятно мое общество, и она позволяетъ мнѣ сопровождать ее, не считая меня подходящимъ кавалеромъ, она

Digitized by Google

ГЛАВА VI.

Большой Рыбный заливъ.—Ловля рыбъ.—Пернатое царство.—Населеніе.

Изъ тропическихъ областей Камеруна и нижняго теченія Конго, гдѣ природа разсѣяла, какъ изъ рога изобилія, съ удивительною расточительностью всѣ прелести растительнаго и животнаго міра, мнѣ придется перенести читателя въ мѣстность, расположенную также еще въ поясѣ тропиковъ, но по пустынности и однообразію мало имѣющую себѣ равныхъ. 10-го октября мы замѣтили въ пасмурную и дождливую погоду берегъ, образуемый круто падающими дюнами, и къ вечеру стали на якорѣ въ Большомъ Рыбномъ заливѣ, называемомъ также Тигровымъ. Онъ располагается лишь въ 25 морскихъ миляхъ сѣвернѣе устья рѣки Кунене, являющейся границею германскихъ владѣній въ юго-западной Африкѣ, и простирается отъ 16°33′ юж. шир. не менѣе, какъ на 20 морскихъ миль на югъ, при средней ширинѣ въ 4—5 морскихъ миль. Раньше считалось, что этотъ заливъ весь занесенъ пескомъ и мелокъ, лишь промѣры, произведенные въ 1894 г. судномъ «Ватервичъ» и нанесенные на превосходную карту англійскаго адмиралтейства, показали, что даже самые крупные военные суда могутъ стоять на якорѣ на всемъ протяженіи залива. Входъ въ заливъ не преграждается никакимъ баромъ и на разстояніи морской мили отъ берега въ среднемъ воздѣ около 18 метровъ глубины. По берегамъ залива находятся, песчаные холмы въ 90—150 метровъ вышиною, форма которыхъ постоянно мѣняется подъ вліяніемъ вѣтра; отъ моря они отдѣлены вытянутой въ длину дюной, которая вышиною лишь въ нѣсколько метровъ—это такъ называемый Тигровый полуостровъ. Ландшафтъ пустыненъ и печаленъ. Кому приходилось видѣть дюны Курицкафа, можетъ составить себѣ представленіе объ этихъ колоссальныхъ горахъ песку съ песчаной волнообразной зыбью на поверхности. При восходѣ и заходѣ солнца мѣстность получаетъ нѣсколько болѣе оживленный видъ,— полныя контрастовъ краски красновато-желтаго песка, небо сѣро-фіолетоваго цвѣта и темно-голубая бухта чарютъ глазъ, а глубокія тѣни и рѣзко обрисовывающіяся волнообразныя линіи на перемѣщающихся дюнахъ дополняютъ впечатлѣніе. Напрасно ищетъ, однако, глазъ кустарника или хотя бы степной травы: песокъ и лишь одинъ песокъ представляется вамъ, докуда онъ хватаетъ, въ этомъ своеобразномъ ландшафтѣ.

Природа хотѣла, однако, повидимому, искупить чѣмъ-либо однообразіе береговъ, и воды залива населила, положительно, неисчерпаемымъ богатствомъ какъ низшихъ организмовъ, такъ и наиболѣе полезныхъ

Digitized by Google

для человѣка промысловыхъ рыбъ. Въ смыслѣ богатства рыбами, нѣтъ, повидимому, другого пункта на юго-западномъ побережьи Африки, который могъ бы сравняться съ этимъ заливомъ; есть основаніе предполагать, что, подобно бухтамъ Нѣмецкаго моря, этотъ заливъ является излюбленнымъ мѣстомъ для икрометанія, куда важнѣйшія промысловыя рыбы отправляются,—по нашимъ наблюденіямъ, во второй половинѣ октября—для выполненія этой важной въ ихъ жизни функціи. Вечеромъ мы увидѣли положительно феерическую картину: поверхность воды свѣтилась, и то тамъ, то здѣсь появлялись, какъ мелькающія ракеты, сотни внезапно яркозагорающихся полосъ, которыя столь же быстро угасали. Это были крупныя рыбы, прорѣзавшія во множествѣ воду и вызывавшія свѣченіе скопившихся въ верхнихъ слояхъ микроскопическихъ діатомовыхъ водорослей и инфузорій. Мы опустили къ морской поверхности наши большія электрическія лампы и видѣли, какъ, привлекаемыя ихъ свѣтомъ, собирались къ нимъ не только рыбы, но и сотни кольчатыхъ червей (*Heteroneries*) и міріады другихъ низшихъ организмовъ. Наши рыбаки добыли свои длинныя удочки и въ короткій срокъ натаскали изрядное количество крупныхъ рыбъ, называемыхъ капландской треской (*Sciaena aquila*). Вскорѣ вся наша команда занялась этимъ дѣломъ, удочки выбрасывались одна за другою и нерѣдко съ большимъ трудомъ приходилось вытаскивать огромныхъ рыбъ вѣсомъ въ среднемъ въ 15 килограммовъ,—онѣ съ силою хлестали хвостомъ по бортамъ и нерѣдко обрывали лесу. И на слѣдующую ночь рыболовный пылъ и надежда получить вкусную пищу не оставляли въ покоѣ нашихъ матросовъ. Къ утру добыча оказалась очень богатой,—мы получили около 150 превосходныхъ экземпляровъ этой рыбы, причемъ одинъ экземпляръ вѣсилъ 30 килограммовъ.

Изслѣдованіе желудковъ рыбы показало, что она питается южной сельдью, которая служитъ пищею также и другой очень вкусной рыбѣ—красивому розовому *Dentex rupestris*,—этотъ послѣдній видъ держится ближе къ морскому дну.

Оригинальное зрѣлище представилось намъ утромъ 12-го октября: вблизи нашего судна мы увидѣли огромныя стаи морскихъ птицъ, которыя съ одушевленіемъ преслѣдовали широкую полосу, двигавшуюся въ водѣ,—это послужило намъ указаніемъ, что вдоль берега, должно быть, движется стая какой-то рыбы. Тотчасъ же оба наши рыбака вооружились петерсоновскимъ траломъ и съѣхали на берегъ, чтобы тянуть его оттуда. Уловъ состоялъ почти исключительно изъ сельди, и наловили ее столько, что наша большая лодка не могла вмѣстить всего пойманнаго количества. Этотъ видъ сельди (*Clupea ocellata*) походитъ по величинѣ и окраскѣ очень близко на своего сѣвернаго родича и по вкусу врядъ ли хуже его. Наша команда тотчасъ же занялась засоломъ добычи, укупоркой ея и всякими другими приготовленіями, имѣвшими въ виду внести нѣкоторое разнообразіе въ наше обѣденное меню.

Уже эти примѣры достаточно показываютъ, какимъ удивительнымъ рыбнымъ богатствомъ обладаетъ заливъ; должно еще упомянуть, что, кромѣ названныхъ рыбъ, мы добыли не мало камбалъ, макрелей и триглъ. Очень обыкновенна въ заливѣ, повидимому, также небольшая колючая акула (*Acanthias*)—мы выловили ихъ множество при помощи нашихъ вентерей и удочекъ. За сельдями идутъ, повидимому, киты, принадлежащіе, по всей вѣроятности, къ роду *Balaenoptera*,—мы видѣли трехъ китовъ внутри бухты. Вполнѣ понятно, что такія огромныя стаи рыбъ тре-

Digitized by Google

будетъ для своего существованія соотвѣтственнаго количества питательныхъ веществъ, и; дѣйствительно, количественное опредѣленіе планктона, произведенное въ срединѣ залива частыми планктонными сѣтями, показало, что здѣсь находится такая масса растительныхъ организмовъ, какая до сихъ поръ наблюдалась лишь въ бухтахъ Балтійскаго моря, во время такъ называемаго цвѣтенія ихъ. Въ составъ планктона здѣсь входятъ нитчатыя водоросли, діатомовыя и бацилляріи. Эта основная растительная пища даетъ возможность существовать миріадамъ мелкихъ плавающихъ рачковъ, червей и моллюсковъ. Въ свою очередь, животныя эти становятся жертвою болѣе крупныхъ существъ и перерабатываются отчасти въ вкусное мясо рыбъ. На днѣ Большого Рыбнаго залива также во многихъ мѣстахъ удивительно развивается жизнь,—разрастаются красивые полипы (*Veretillum*), образующіе нѣчто вродѣ цвѣточныхъ клумбъ на большомъ протяженіи, къ нимъ присоединяются безчисленныя морскія звѣзды, моллюски, раки, трубчатые черви въ такомъ невѣроятномъ множествѣ, что нерѣдко наши сѣти набивались ими биткомъ. Тѣмъ не менѣе, повидимому, не всѣ органическія вещества, осаждающіяся здѣсь, окончательно поглощались животными,—въ глубинѣ бухты, гдѣ придонная фауна была развита очень слабо, илъ обладалъ скверным запахомъ разлагающихся органическихъ веществъ; нашъ пароходный винтъ поднималъ илъ со дна и, къ нашему большому неудовольствію, воздухъ заражался отвратительнымъ запахомъ.

Богатство рыбою, моллюсками и ракообразными ведетъ здѣсь къ роскошному развитію жизни пернатыхъ. Стаи разнообразныхъ плавающихъ и голенастыхъ птицъ оживляютъ окружающій пустынный ландшафтъ и представляютъ взорамъ наблюдателя зрѣлище, которое никогда не изглаживается изъ памяти. Въ воздухѣ кружатся сотни и тысячи глупышей (*Sula capensis*), которые бросаются стрѣлою съ высоты 15—20 метровъ въ морскія волны и черезъ нѣсколько секундъ появляются снова на поверхности съ добычей въ своемъ клювѣ. Къ нимъ присоединяются буревѣстники (*Puffinus*), черныя *Majaqueus aequinoctialis* и граціозныя крачки (*Sterna*), тогда какъ различныя чайки избираютъ районом своей охоты полосу прибоя съ наружной стороны Тигроваго полуострова. На выдающихся мысахъ сидятъ длинными черными вереницами бакланы, на дюнахъ разгуливаютъ, мало обращая на насъ вниманія, стайки бѣгунковъ и морскихъ куликовъ. Совершенно своеобразный отпечатокъ придаютъ фаунѣ фламинго со своимъ трехцвѣтнымъ чернымъ, бѣлымъ и краснымъ опереніемъ, они то занимаются ловлей, стоя въ водѣ длинными рядами, то взлетаютъ стаями въ нѣсколько сотъ штукъ. Интересно наблюдать съ палубы въ подзорную трубу за движеніями этихъ величественно шагающихъ по берегу птицъ: можно подумать, что присутствуешь при военныхъ упражненіяхъ,—все стадо движется одновременно и то, какъ бы по командѣ, дѣлаетъ полуоборотъ направо и идетъ нѣсколько минутъ по прямой линіи въ этомъ направленіи, то, опять выдерживая равненіе, дѣлаетъ поворотъ налѣво, или же разбивается на отдѣльные ряды и направляется къ морю.

Для орнитолога, быть можетъ, наиболѣе интереснымъ фактомъ будетъ то обстоятельство, что въ Большомъ Рыбномъ заливѣ были встрѣчены нами пингвины, — намъ первымъ пришлось констатировать захожденіе ихъ въ тропическій поясъ западно-африканской области. Къ сожалѣнію, намъ удалось наблюдать лишь молодыхъ птицъ одно-

Digitized by Google

образнаго сѣраго цвѣта, съ темной головой и живыми блестящими черными глазами, — онѣ появлялись, выныривая изъ воды довольно близко отъ нашего судна, но подстрѣлить ихъ все же было очень трудно, и большое счастье еще, что намъ удалось достать, по крайней мѣрѣ, хоть одинъ экземпляръ, который проф. Рейхеновъ призналъ за птенца пингвина, гнѣздящагося на мысѣ Доброй Надежды.

Въ окрестностяхъ Рыбнаго залива совершенно нѣтъ прѣсной воды. Ни одинъ ручеекъ не впадаетъ въ заливъ, и этимъ объясняется, что содержаніе соли въ заливѣ до самаго конца его остается не ниже содержанія соли въ океанѣ. Температура воды на поверхности была 15,5—16,5°, на глубинѣ 20 метровъ (средней глубинѣ залива)—14,1°. Ненормально низкія температуры для этой тропической области объясняются тѣмъ, что температура поверхности морской воды обыкновенно равняется температурѣ воздуха, мы же ощущали даже и безъ термометра, что довольно прохладно, и это ясно указывало на то, что мы вступили въ область холоднаго Бенгуэльскаго теченія, которое тянется вдоль юго-западнаго берега Африки, причемъ вліяніе его сказывается даже вблизи экватора. Благодаря богатству планктона, вода была относительно непрозрачна, черновато-зеленаго цвѣта, — даже еще въ 100 миляхъ отъ берега сказывалась та же окраска и лишь далѣе она переходила въ обыкновенный голубой цвѣтъ океана.

Уже подходя къ Тигровому полуострову, замѣчается нѣсколько небольшихъ, но прочно построенныхъ домиковъ съ изгородями и бѣдными негритянскими хижинками около нихъ. Холмы дюнъ защищаютъ ихъ отъ господствующаго юго-восточнаго пассата. Жизнь, которую ведетъ здѣсь немногочисленное населеніе съ нѣсколькими португальскими чиновниками, поистинѣ, жалкая и мало завидная. Всѣ живутъ исключительно доходами съ рыболовства—рыбныя богатства кажутся неисчерпаемыми. Рыба для вывоза приготовляется самымъ примитивнымъ образомъ: негритянки племени ангола въ кофтахъ изъ овчины, защищающихъ ихъ отъ свѣжаго вѣтра, отрубаютъ топоромъ голову рыбѣ, сбрасываютъ внутренности въ кучу, распространяющую отвратительный запахъ и облѣпленную миріадами мухъ, и раскладываютъ разрѣзанные куски рыбьяго мяса на длинныхъ подставкахъ для сушки. Сушатся исключительно *Scigena* и *Dentex*, для использованія сельдей и макрелей мы не видѣли никакихъ приспособленій. Сушеная рыба отправляется въ Моссамедесъ и оттуда, главнымъ образомъ, на португальскіе острова.—Принцевы и о. св. Ѳомы. 300 жителей, состоящихъ на одну треть изъ португальскихъ рыбаковъ и на двѣ трети изъ негровъ-ангола, получаютъ изъ Моссамедесъ прѣсную воду и жизненные припасы. Вода для питья здѣсь совершенно отсутствуетъ, и правительство, озабоченное этимъ обстоятельствомъ, поставило въ рыбацкой деревнѣ на Тигровомъ полуостровѣ перегонный аппаратъ для опрѣсненія морской воды. На свойства воды, присылаемой изъ Моссамедеса жители сильно жалуются, говоря, что нерѣдко отъ нея заболѣваютъ дизентеріей. Каковы здѣсь условія существованія при португальскомъ способѣ хозяйничанья, показываетъ присланное намъ отъ одного изъ находящихся на полуостровѣ духовныхъ лицъ письмо слѣдующаго содержанія:

«Прошу васъ о большомъ одолженіи,—уступите или продайте мнѣ бочку прѣсной воды, въ виду того обстоятельства, что перегонный аппаратъ, устроенный правительствомъ, не дѣйствуетъ и не доставляетъ населенію воды».

Digitized by Google

Можно представить себѣ, какія муки жажды приходится здѣсь претерпѣвать иногда населенію, состоящему изъ 300 душъ! Само собою разумѣется, что мы охотно исполнили просьбу и снабдили ихъ пресной водой и еще другими различными лакомствами. При постоянномъ питаніи одною рыбою развивается, повидимому, неудержимое стремленіе къ пищѣ другого рода. Носильщики наши набросились съ жадностью на полусгнившее мясо, которое мы собирались положить въ видѣ приманки въ ловушки для рыбъ и съ еще большей жадностью поѣдали предложенный имъ хлѣбъ. Отъ Тигроваго залива до Кунене всего лишь одинъ день пути по легко проходимому скалистому плато, и трудно понять, почему до сихъ поръ не сдѣлали опыта снабжать этимъ путемъ населеніе залива всѣмъ, что для него наиболѣе необходимо.

Со времени нашего посѣщенія Большого Рыбнаго залива, положеніе вещей на Тигровомъ полуостровѣ круто измѣнилось съ той поразительной быстротой, съ какою нерѣдко въ южной Африкѣ происходятъ замѣчательныя превращенія. Тамъ, гдѣ фламинго, бакланы и стаи другихъ плавающихъ птицъ занимались никѣмъ не потревоженныя ловлею рыбы въ морскихъ волнахъ, замѣчается въ настоящее время шумное оживленіе: прокладываются рельсы желѣзной дороги, и близко уже то время, когда первый рельсовый путь пересѣчетъ африканскій материкъ и соединитъ берегъ Атлантическаго океана съ берегомъ Индійскаго, пройдя черезъ южную Анголу и связавъ сѣверъ нашихъ владѣній въ юго-западной Африкѣ съ землей Бечуана и Трансваалемъ. Этотъ рельсовый путь примкнетъ къ тому грандіозному желѣзнодорожному предпріятію, которое, какъ предполагается, свяжетъ непрерывною полосою рельсъ Капштатъ съ Египтомъ.

Вполнѣ естественно, что эта юго-западная африканская желѣзная дорога, для осуществленія которой германскіе капиталы соединились съ англійскими, избрала своимъ исходнымъ пунктомъ на западѣ Большой Рыбный заливъ, находящійся уже прежде всего вблизи залежей мѣдной руды въ Огавіи.

Большой Рыбный заливъ—наиболѣе грандіозная естественная гавань всего западнаго побережья, — въ ней могли бы одновременно стоять на якорѣ суда всѣхъ флотовъ земного шара, нисколько не страдая отъ сильнаго волненія въ открытомъ морѣ, такъ какъ волны разбиваются о продолговатый Тигровый полуостровъ, который представляетъ изъ себя какъ бы естественный защитительный молъ. Въ теченіе двухъ дней и трехъ ночей, проведенныхъ нами въ Рыбномъ заливѣ, судно наше стояло такъ спокойно, какъ въ гавани Гамбурга, тогда какъ въ открытомъ морѣ бушевала буря и волны съ грохотомъ разбивались о Тигровый полуостровъ. Входу судовъ въ заливъ не препятствуютъ ни бары, ни мели, и если во время нашего посѣщенія войти было все же нѣсколько трудно, такъ какъ трудно ориентироваться по берегу, который слишкомъ низокъ, то этому горю легко можетъ помочь устройство на оконечности Тигроваго полуострова, вмѣсто бакана, хорошаго маяка.

Какъ было уже упомянуто, лишь благодаря англійскимъ промѣрамъ въ 1893 году, выяснилось, что Рыбный заливъ не обмелѣлъ и пред-

Digitized by Google

ставляетъ изъ себя прекрасное якорное мѣсто на всемъ протяженіи,— если бы это было извѣстно ранѣе, быть можетъ, онъ давно уже перешелъ бы въ составъ германскихъ владѣній. Португальское правительство въ Моссамедесъ натолкнулось въ южной Анголѣ на такое сопротивленіе туземцевъ и странствующихъ буровъ, что ему владѣніе этой мѣстностью было въ тягость. Португалія была готова за умѣренное вознагражденіе уступить ее Германіи съ Большимъ Рыбнымъ заливомъ включительно. Послѣ того же, какъ затѣмъ познакомились съ минеральными богатствами области и благопріятными условіями природы залива, было вполнѣ естественно, помимо всякихъ соображеній о позднѣйшихъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, избрать эти естественныя ворота юго-западной Африки исходнымъ пунктомъ для упомянутаго грандіознаго желѣзнодорожнаго предпріятія.

Для того, кто въ настоящее время имѣетъ передъ глазами царящее на Тигровомъ полуостровѣ дѣловое оживленіе, связанное съ притокомъ людей и денегъ, нашъ разсказъ объ условіяхъ существованія въ этомъ заброшенномъ уголкѣ земного шара, во время нашего еще столь недавняго пребыванія, можетъ показаться уже идиллической сказкой стародавнихъ временъ.

Digitized by Google

ГЛАВА VII.

Въ Южномъ Атлантическомъ океанѣ. — Работы по физической географіи моря.— Подводный Китовый хребетъ.—Глубоководный тралъ. — Капштатъ.—Портъ Елизаветы.—Агулясская банка.

Мы покинули Большой Рыбный заливъ около полудня 12-го октября. Дулъ сильный юго-восточный пассатъ и на морѣ было порядочное волненіе; пришлось все закрѣпить и закупорить, волны перекатывались въ изобиліи черезъ палубу и тѣмъ изъ сочленовъ экспедиціи, которые боялись еще приступами маляріи, приходилось очень трудно—они едва могли лежать на своихъ койкахъ. Изъ-за дурной погоды мы должны были отказаться отъ тѣхъ изслѣдованій рыбныхъ богатствъ у береговъ нашихъ владѣній въ юго-западной Африкѣ, которыя были предположены и начаты уже въ Большомъ Рыбномъ заливѣ. Намъ пришлось держаться далеко отъ берега, и лишь 15-го октября, съ большимъ трудомъ, мы могли произвести нѣкоторыя работы. Нѣкоторое утѣшеніе доставляли намъ за это время нырявшіе вокругъ судна капскіе голуби (*Daption capense*), къ которымъ вскорѣ присоединились и первые появившіеся здѣсь альбатросы. Капскіе голуби—чрезвычайно граціозныя бѣлоснѣжныя птицы съ черными крапинами — слѣдовали за нами почти до самаго крайняго юга. Нерѣдко они собирались большими стаями вокругъ корабля, когда онъ останавливался для производства различныхъ работъ, и съ жадностью набрасывались на всѣ наши кухонные отбросы. Они схватывали плавающіе на поверхности куски, но не ныряли за кусками мяса, опускавшимися глубже. Во время движенія судна они слѣдовали за нимъ, подобно буревѣстникамъ, описывая граціозную линію въ воздухѣ и блестя на солнцѣ своимъ оперѣніемъ.

Еще привлекательнѣе наблюдать за полетомъ альбатроса (*Diomedea exulans*), который то появляется на темно-синемъ фонѣ неба, то въ нѣсколько мгновеній исчезаетъ совершенно изъ поля зрѣнія, то часами описываетъ широкіе круги вокругъ судна. Позу, которую онъ принимаетъ при полетѣ, нельзя назвать особенно граціозною, шея сильно втягивается и голова кажется какъ-то неуклюже сидящей на туловищѣ, но въ общемъ его полетъ все же производитъ величественное впечатлѣніе. Альбатросы также съ жадностью набрасывались на кухонные отбросы и нерѣдко цѣлыми компаніями собирались вокругъ судна, причемъ мы ихъ съ большою легкостью ловили на спеціально приспособленныя удочки, при помощи которыхъ безъ труда вытаскивали этихъ птицъ на палубу. Здѣсь альбатросъ оказывался совершенно безпомощнымъ: онъ не могъ взлетѣть, рѣдко поднимался на ноги и, сдѣлавъ нѣсколько неувѣренныхъ шаговъ, снова покорно садился, огля-

Digitized by Google

дывая съ любопытствомъ окружающее и отпугивая сильными ударами своего клюва подходящихъ къ нему слишкомъ близко.

Если днемъ насъ развлекали морскія птицы, то ночью мы имѣли передъ собою чарующее зрѣлище свѣченія моря, — никогда это явленіе не проявлялось передъ нами въ такомъ великолѣпіи, какъ въ это бурное время. Подобно ракетамъ вылетали изъ-подъ киля гонимыя пароходнымъ винтомъ, какъ бы раскаленныя, вальковатыя тѣла, свѣтящіяся голубоватымъ пламенемъ; намъ удалось добыть нѣсколько изъ нихъ и оказалось, что это пирозомы (*Pyrosoma*). Фосфоресценція, производившаяся свѣтящимися рачками и другими низшими организмами, отступала здѣсь на задній планъ. Удивительно, какъ слабо развито свѣченіе моря, наблюдавшееся нами впослѣдствіи; особенно во время спокойныхъ ночей въ экваторіальной области Индійскаго океана совершенно не замѣтно той интензивности свѣченія, какую приходилось наблюдать въ Атлантическомъ.

Когда мы 17-го октября снова принялись за прерванныя изслѣдованія, у насъ былъ уже выработанъ извѣстный нормальный ходъ океанографическихъ и біологическихъ работъ. Я позволю себѣ вкратцѣ познакомить съ ними читателей, хотя, быть можетъ, рискую нѣсколько утомить ихъ вниманіе этими деталями.

Выяснилось, что лучше всего начинать дневную работу измѣреніемъ глубины, которое производилось нами даже и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже дѣлались промѣры прежними научными экспедиціями. Такъ какъ промѣръ давалъ намъ свѣдѣнія не только о глубинѣ, но также и о свойствѣ грунта дна, проба котораго приносилась лотомъ, то въ зависимости отъ результатовъ промѣра стояли и тѣ біологическія изслѣдованія, которыя мы затѣмъ предпринимали.

Что касается до промѣровъ, то они начинались съ довольно большою правильностью раннимъ утромъ, обыкновенно около 5½ часовъ утра. Судно ставилось такъ, чтобы проволка, сходящая съ барабана лотовой машины, находилась съ подвѣтренной стороны, если же было сильное теченіе или волненіе въ морѣ, то судно направлялось носомъ противъ вѣтра и теченія и держалось на мѣстѣ, работая винтомъ. На концѣ стальной проволоки прикрѣпляется лотъ, устроенный такимъ образомъ, что тяжелая гиря прочно держится во время спуска, прикоснувшись же ко дну, соскакиваетъ съ крючковъ, зацѣпляющихъ поддерживающую ее веревочку, и остается на днѣ, облегчая такимъ образомъ обратный подъемъ лота. При большихъ глубинахъ мы употребляли гири въ 28 килограммовъ, при меньшихъ—было достаточно гири въ 15 килограммовъ. Спускается лотовая гиря приблизительно со скоростью 2,5 метра въ секунду, тогда какъ подъемъ ея совершается гораздо медленнѣе — 1,5—2 метра въ секунду. Для накручиванія тонкой стальной проволоки, которою мы пользовались при опредѣленіи глубинъ, намъ служилъ небольшой электро-моторъ, пристроенный къ лотовой машинѣ. Промѣръ глубины около 5.000 метровъ требуетъ приблизительно 1 ч. 30 мин., считая въ томъ числѣ тѣ 5—7 минутъ, которыя приходится обождать передъ началомъ подъема, чтобы дать термометру, постоянно прикрѣплявшемуся нами къ лоту, установиться на той температурѣ, которая имѣется на днѣ.

Быть можетъ, будетъ не безынтересно при этомъ случаѣ упомянуть, какъ вообще выразились наши промѣрныя работы въ цифрахъ. Мы произвели приблизительно 180 промѣровъ, при которыхъ въ общей сложности было выпущено и поднято 868.000 метровъ проволоки. При

Digitized by Google

этомъ мы потеряли всего лишь 6.622 метра проволоки, т.-е. около 0,7%, и истратили 119 гирь по 28 килограммовъ и 54 гири по 15 килограммовъ.

Какъ было уже сказано, надъ лотомъ прикрѣплялся обыкновенно глубоководный термометръ, который указывалъ намъ температуру воды на днѣ. Такъ какъ въ тропическихъ и умѣренныхъ областяхъ температура съ глубиною падаетъ, нами употреблялся для этой цѣли максимальный и минимальный термометръ, который былъ защищенъ противъ сильнаго давленія, наблюдаемаго на глубинахъ, особой стеклянной оболочкой. По нему мы отсчитывали минимальную температуру, принимая, что она соотвѣтствуетъ наибольшей глубинѣ, до которой былъ опущенъ термометръ. Въ антарктическомъ морѣ съ его запутаными температурными отношеніями, при которыхъ нерѣдко на поверхности вода холоднѣе, чѣмъ на глубинѣ, оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ переворачивающимся термометрамъ Негретти и Замбра. Термометры эти построены такимъ образомъ, что при подъемѣ переворачиваются,

Рис. 26. Крабъ *Geryon* съ глубинъ 981 метра.

столбикъ ртути въ капиллярной трубкѣ при этомъ обрывается и своею длиною отмѣчаетъ температуру того слоя воды, въ которомъ термометръ находился передъ началомъ поднятія.

Кромѣ опредѣленія температуры является важнымъ получить также пробу воды съ глубины, чтобы была возможность опредѣлить ея плотность и химическій составъ. Для этой цѣли мы употребляли батометръ Сигсби, болѣе простой конструкціи, и батометръ Петерсона—конструкціи болѣе сложной. Послѣдній въ томъ отношеніи лучше, что въ немъ проба воды не измѣняется по содержанію въ ней газовъ при прохожденіи инструмента черезъ верхніе, нагрѣтые слои воды.

Насколько необходимо было производить промѣры и другія изслѣдованія даже въ тѣхъ областяхъ, которыя, повидимому, были уже достаточно изслѣдованы другими экспедиціями, можетъ показать случай, бывшій съ нами 17-го октября.

Въ этотъ день погода утихла и мы принялись за обычныя работы, находясь на 25°26′ южн. шир. и 6°19′ вост. долготы. Морскія карты указываютъ вблизи этого пункта чрезвычайно большія глубины. Осно-

Digitized by Google

вываясь на этомъ указаніи, мы опустили вертикальную сѣть на 2.000 метровъ глубины. Когда сѣть была поднята, то, къ нашему изумленію, оказалось, что она побывала на днѣ и отчасти была наполнена тонкимъ желтоватымъ фораминиферовымъ иломъ. Какъ это ни странно, шелковый мѣшокъ сѣти оказался цѣлымъ и содержалъ въ илѣ чрезвычайно крупнаго ярко-краснаго краба изъ рода *Geryon* (рис. 26). Сейчасъ же былъ произведенъ промѣръ, который показалъ, что мы попали на неизвѣстную до сихъ поръ банку, на которой мы опредѣлили двумя промѣрами глубину въ 981 и 986 метровъ. Уже давно извѣстно, что по-

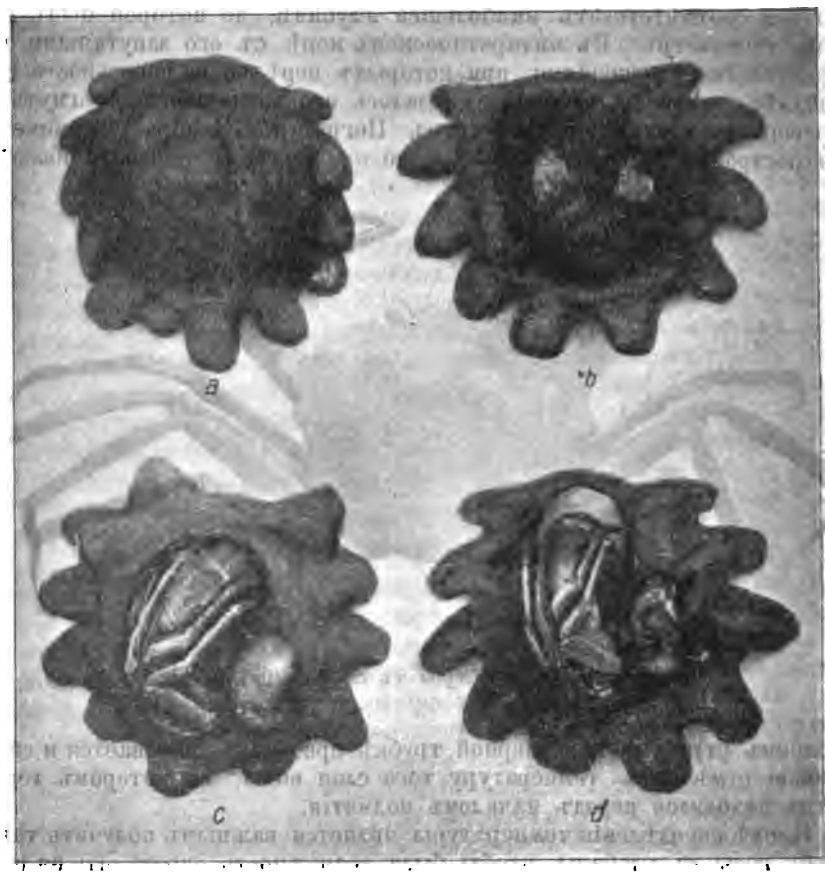


Рис. 27. Раки отшельники и актиніи *Zoanthus*.—*a*. Колонія сверху.—*b*. Раковина моллюска снизу.—*c*. Раковина съ отшельникомъ.—*d*. Колонія полипомъ въ разрѣзѣ.

добныя расположенныя въ океанѣ поднятія постоянно обнаруживаютъ необыкновенное богатство животною жизнью,—на основаніи этого было рѣшено сдѣлать здѣсь сборъ траломъ, который и далъ, дѣйствительно, чрезвычайно богатые результаты, какихъ мы не получали съ того времени, какъ покинули Фарерскіе острова. Мы добыли этимъ траломъ болѣе сотни крупныхъ красныхъ крабовъ (*Geryon*), дюжину своеобразныхъ глубоководныхъ рыбъ съ неуклюжею головой и чудовищно расширенными глазами, нѣкоторое количество коралловъ, голотурій и усоногихъ. Особенно оригинальною составною частью нашего улова были

Digitized by Google

бесчисленные раки-отшельники, тѣло которыхъ было спрятано въ раковину, занятую съ другой стороны фіолетовой актиніей изъ рода *Zoanthus*, отдѣльныя особи актиній очень крупны и расположены розеткой вокругъ раковины по 10—12 штукъ. Ихъ полости тѣла сообщаются у основанія между собою, такъ что всѣ онѣ представляютъ изъ себя одну колонію полиповъ, погруженныхъ въ студенистое основное вещество, изъ котораго выдается лишь верхній конецъ тѣла каждой особи. Складки пищеварительной полости шоколадно-коричневаго цвѣта и содержатъ темно-красныя массы яичекъ, красиво выдѣляющіяся у нихъ на фіолетовомъ фонѣ студенистой ткани. Полипы эти совершенно растворили всю известь раковины и оставили цѣлымъ лишь роговой покровъ ея, но такъ какъ студенистое вещество ихъ имѣло почти консистенцію хряща, то колонія представляла достаточную защиту раку-отшельнику съ его нѣжнымъ брюшкомъ. Подобное явленіе сожительства или симбіоза между отшельниками и актиніями широко распространено и среди формъ, держащихся на меньшихъ глубинахъ. Оба организма имѣютъ выгоду другъ отъ друга: актиніи живутъ на счетъ остатковъ пищи рака, тогда какъ послѣдній защищается отъ враговъ полипами колоніи, у которыхъ щупальцы снабжены жгучими стрекательными органами.

Съ точки зрѣнія океанографіи открытіе нами посреди южнаго Атлантическаго океана неглубокаго мѣста имѣетъ нѣкоторый интересъ. Если принять во вниманіе, что уже на слѣдующій день, будучи лишь на $1^1/_2{}^0$ широты южнѣе, мы нашли глубину въ 5.040 метровъ, то окажется, что разница между обоими пунктами составляетъ болѣе 4.000 метровъ. Будущимъ изслѣдователямъ этой части моря остается рѣшить интересную океанографическую проблему, на которую указалъ проф. Зупанъ, познакомившись съ результатами нашихъ промѣровъ. Дѣло въ томъ, что если сравнить глубоководныя температуры на сѣверъ и на югъ отъ найденнаго нами повышенія дна, то окажется, что въ среднемъ температуры на глубинѣ 4.000 метровъ различаются между собою приблизительно на 2°. На сѣверъ отъ повышенія, въ южно-африканской впадинѣ, изъ 13 произведенныхъ опредѣленій получается средняя температура $+2,4^0$, на югъ—въ капской впадинѣ, изъ 9 измѣреній средняя температура $+0,8^0$. Основываясь на этой разницѣ температуръ, Зупанъ вывелъ остроумное заключеніе, что, по всей вѣроятности, отъ Китоваго залива отходитъ подводный хребетъ, который можно назвать «Китовымъ хребтомъ», и отдѣляетъ антарктическія воды отъ атлантическихъ. Какъ ясно изъ нашей карты теченій, Китовый хребетъ, по всей вѣроятности, соединяется съ атлантическимъ. Если дѣйствительно окажется, что мы натолкнулись не на чисто мѣстную банку ограниченнаго протяженія, а на часть длиннаго подводнаго хребта, то условія въ данной части океана можно приравнять къ тѣмъ, которыя существуютъ у хребта Уэвилля Томсона (стр. 14). Подобно тому, какъ этотъ послѣдній хребетъ отдѣляетъ глубокія арктическія воды отъ Сѣверо-Атлантическаго океана, такъ Китовый хребетъ образуетъ преграду, препятствующую холоднымъ антарктическимъ водамъ глубинъ попадать въ Южно-Атлантическій океанъ.

Юго-восточный пассатъ сопутствовалъ намъ до 28° южной широты и затѣмъ уступилъ мѣсто переменнымъ вѣтрамъ, которые повлекли за собой спокойную погоду. Мы воспользовались этимъ обстоятельствомъ для поясного лова большими вертикальными сѣтями; остановившись на одномъ мѣстѣ, мы поднимали сѣть съ различныхъ глубинъ.

Digitized by Google

Это дѣлалось съ тою цѣлью, чтобы выяснить верхнюю границу распространенія тѣхъ своеобразныхъ организмовъ, которые часто попадались намъ въ наши глубоководные тралы. Крупные свободно плавающіе раки и рыбы не попадаются въ обыкновенныя, небольшія замыкающіяся сѣти, почему мы и прибѣгли къ услугамъ нашихъ большихъ вертикальныхъ сѣтей. Результаты работы ими показали, что кроваво-красныя и блѣдныя, отчасти слѣпыя ракообразныя, равно какъ и черныя глубоководныя рыбы и необыкновенно нѣжныя прозрачныя головоногія начинаютъ встрѣчаться лишь ниже 700 метровъ. Намъ удалось обогатить количество свободно живущихъ въ глубокихъ водахъ организмовъ также аппендикуларіями величиною до 9 сант.; всѣ родственныя формы ихъ, встрѣчающіяся на поверхности, являются карликами по сравненію съ этими прозрачными великанами, изображеніе которыхъ мы дадимъ въ концѣ книги.

Одновременно производился съ лодки также дѣятельный ловъ на поверхности и при этомъ случаѣ можно упомянуть, что въ теченіе двухъ дней намъ попадалась въ удивительномъ количествѣ одна до сихъ поръ очень рѣдко наблюдавшаяся сальпа (*Salpa flagellifera*). Она образовывала временами скопленія поверхностью съ наше судно, въ которыхъ прозрачныя особи такъ тѣсно соприкасались одна съ другою, что, черпая сосудомъ, мы получали въ немъ настоящую живую кашу.

20-го октября мы рѣшили произвести спускъ трала на наибольшую глубину, какой намъ до тѣхъ поръ удалось достичь,—на 5.108 метровъ. Надо было серьезно испробовать наши глубоководные апараты прежде чѣмъ вступать въ область антарктическихъ водъ.

Чтобы дать читателю представленіе о количествѣ времени, потребномъ для работы траломъ на глубинѣ 5.000 метровъ, приведу слѣдующія подробности. Большой тралъ передъ началомъ опусканія приготовляется и снабжается тремя чугунными гирями по 25 килограммовъ каждая—двѣ привязываются позади на сѣтевомъ мѣшкѣ, одна — на пеньковой веревкѣ, которою тралъ прикрѣпляется къ стальному тросу Затѣмъ машина останавливается, и судно, стоя на мѣстѣ, приступаетъ къ спуску; первоначально выпускается столько стального троса, сколько указываетъ промѣръ, когда сѣть доходитъ до дна, дается малый ходъ и вытравливается еще одна треть всего выпущеннаго троса. Чтобы выпустить 6.700 метровъ троса, требовалось 5 часовъ работы; затѣмъ машинѣ дается ходъ назадъ и около часа, при постоянномъ наблюденіи за динамометромъ, прикрѣпленнымъ къ блоку, черезъ который проходитъ тросъ, тралъ тянется по дну. Черезъ часъ начинается подъемъ, который продолжается $4^1/_2$ часа; такимъ образомъ, вся работа требуетъ $10^1/_2$ часовъ, а если включить сюда и промѣръ, то 13 часовъ.

Работа траломъ на большой глубинѣ требуетъ отъ всѣхъ участниковъ, въ особенности отъ руководящихъ судномъ моряковъ, большого искусства. Мы не будемъ здѣсь разсматривать подробности техники глубоководныхъ работъ, скажемъ только, что приходится здѣсь принимать во вниманіе и вѣтеръ и теченія, и что какихъ-либо общихъ правилъ при такой работѣ быть не можетъ. Приходится наблюдать и за исправнымъ дѣйствіемъ барабана, на который намотанъ тросъ, и за наматывающей тросъ паровой лебедкой, такъ какъ при сильномъ натяженіи, какое имѣется при этихъ обстоятельствахъ, легко возможенъ несчастный случай съ работающими у лебедки и барабана матросами. Если у насъ ничего не случалось при глубоководной работѣ, какъ это, къ несчастью, бывало во время другихъ глубоководныхъ экспедицій,

Digitized by Google

то это надо приписать усердію и вниманію всѣхъ участниковъ нашихъ работъ. Тѣмъ не менѣе, мы каждый разъ вздыхали свободно, когда тралъ приходилъ съ большой глубины гладко и ничего не случалось.

Въ разсматриваемомъ случаѣ ожиданія, которыя мы возлагали на тралъ, плохо вознаградились: въ немъ оказался лишь обломокъ одной голотуріи. Нѣсколько вознаградила насъ за это другая интересная находка, именно мы нашли въ тралѣ около 30 черныхъ марганцовыхъ комковъ которые были величиною съ кулакъ и похожи по строенію поверхности на гигантскія ягоды малины. Это были замѣчательно красивые экземпляры, какихъ не приходилось до сихъ поръ наблюдать въ Атлантическомъ океанѣ. Экспедиція Чэллендженера находила подобные комки часто ва серединѣ южнаго Тихаго океана, но и ей не попадались экземпляры крупнѣе нашихъ—самый крупный экземпляръ имѣлъ

Рис. 28. Марганцовые комки съ глубины 5109 метр. Въ $^1/_2$ натур. величины.

въ діаметрѣ 8 сант. На поперечномъ разрѣзѣ замѣтна концентрическая слоистость, а химическій анализъ указываетъ на высокое процентное содержаніе марганцоваго желѣза. Задачей химиковъ является теперь выяснить еще далеко не изслѣдованное происхожденіе ихъ изъ продуктовъ разложенія глубоководнаго ила.

25-го октября произведенные нами промѣры указали на значительное уменьшеніе глубины, стоящее, очевидно, въ зависимости отъ нашего приближенія къ Капланду, который и показался 26-го октября, послѣ обѣда, сперва въ дымкѣ тумана, затѣмъ сталъ вырисовываться все яснѣе и яснѣе.

Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ дней юго-восточные вѣтры прекратились, море было спокойно, и барометръ съ наступленіемъ легкаго зюдъ-веста сталъ подниматься. Мы рѣшили не останавливаться въ Капштатѣ и безъ промедленія начать изслѣдованіе лежащей на югъ отъ Капланда Агулласской банки, извѣстной тѣмъ, что на ней постоянно бурная погода. Намъ было, правда, трудно оторваться отъ величественной панорамы, которая представлялась здѣсь нашимъ взорамъ. Столовая гора царила надъ всѣмъ ландшафтомъ, слѣва отъ нея выдѣлялся круто спускающійся къ морю конусъ Пика Дьявола, справа къ ней примыкала гора Львиная Голова. Въ этой грандіозной рамкѣ заключенъ Капштатъ, съ которымъ мы могли лишь познакомиться издали, такъ какъ ограничились тѣмъ, что забрали свѣжихъ жизненныхъ припасовъ и спустили на материкъ проф. Шимпера. Онъ вос-

Digitized by Google

пользовался временемъ, которое мы потратили на изслѣдованіе Агулясской банки и южнаго берега Капланда, для того, чтобы совершить ботаническую экскурсію въ лѣса страны Книсна и предпринять поѣздку на быкахъ—которой всѣ наши спутники сильно завидовали—вглубь Капланда до Карроо.

Рис. 29. Видъ на Капштатъ. Слѣва—Столовая гора, справа—гора Львиная Голова.

Когда мы вечеромъ покинули Столовый заливъ, солнце погрузилось при закатѣ въ море и облило своими золотистыми лучами Столовую и прилегающую къ ней Апостольскую горы, окрасивъ ихъ ярко-краснымъ пламенемъ, черновато-синее море съ какъ бы горящими крас-

Digitized by Google

ными гребнями волнъ своими рѣзкими тонами дополняло красоту ландшафта. Мы имѣли рѣдкій случай наблюдать надъ Столовой горой какъ бы огромное покрывало развернувшейся массы облаковъ—«скатерть Столовой горы», какъ оно называется мѣстными жителями. Присутствіе его считается несомнѣннымъ признакомъ того, что наступаетъ перемѣна въ состояніи погоды. Когда мы оплывали мысъ Доброй Надежды, круто спускающійся къ морю своими обрывами, былъ уже замѣтенъ свѣжій западный вѣтеръ. Въ теченіе слѣдующихъ дней онъ нерѣдко задувалъ съ большою силою и принудилъ насъ отложить наши работы по изслѣдованію бухтъ южнаго Капланда.

Со Столовымъ заливомъ можетъ сравниться по красотѣ лишь противолежащій ему заливъ Фальзе, тогда какъ уже по направленію къ самой южной точкѣ Капланда, именно къ мысу Агуласъ, берегъ становится болѣе плоскимъ и окаймляется широкими песчаными пространствами у самаго моря. День за днемъ мы заходили во врѣзающіяся въ берегъ бухты и изучали одинъ за другимъ заливъ Мосселя, заливъ Плеттенберга и заливъ Френсиса. Всѣ они имѣютъ нѣчто общее въ своемъ характерѣ: впереди находится обширная равнина, покрытая весною зеленымъ ковромъ луговой растительности, на заднемъ планѣ выдѣляются невысокіе горные хребты, надъ которыми внутри континента нерѣдко поднимаются отдаленныя цѣпи горъ, затянутыя голубоватою дымкою. Лишь заливъ Плеттенберга обрамляется отчасти обширными лѣсами, которые носятъ названіе лѣсовъ Книсна. На выдающихся утесистыхъ мысахъ, ограничивающихъ заливы, всегда замѣчался сильный прибой и разбивающіяся въ дребезги волны скрывали подъ своими брызгами незамѣтные подводные рифы. 29-го октября мы обошли мысъ Речифе и передъ нами открылся видъ на заливъ Альгоа. Этотъ обширный заливъ обрамленъ песчаными пустынями, степями и голыми холмами, позади которыхъ постепенно начали обнаруживаться бѣлоснѣжныя массы домовъ города Портъ-Елизаветы. Открытый рейдъ представлялъ нѣкоторую защиту отъ бурнаго западнаго вѣтра и намъ казалось даже какъ-то непривычно, послѣ дней перенесенной нами сильной морской качки, снова попасть на совершенно спокойную и гладкую поверхность водъ.

Появленіе большого бѣлаго парохода, съ развѣвающимся на немъ правительственнымъ германскимъ флагомъ вызвало нѣкоторое недоумѣніе въ Портѣ-Елизаветы. Подумали, что это нѣмецкое военное судно, но не могли понять, чѣмъ объясняется присутствіе на немъ стрѣлъ и лебедокъ. По приказу германскаго консула, къ намъ подошелъ на катерѣ лоцманъ, который, однако, получивъ отъ насъ всѣ отвѣты и въ недоумѣніи покачавъ головою, направился къ берегу. На вопросъ предложенный затѣмъ лоцманомъ издали, откуда мы пришли, раздался съ мостика сердитый отвѣтъ нашего капитана по-англійски: «Съ сѣвернаго полюса!»—на второй же вопросъ о цѣли нашего пути загремѣлъ еще болѣе грозный отвѣтъ: «Къ южному полюсу!»

Германскій консулъ Шаббель и д-ръ Гофманъ, пріѣхавшіе вскорѣ къ намъ, разрѣшили, впрочемъ, всѣ недоразумѣнія и съ замѣчательнымъ радушіемъ пригласили членовъ экспедиціи посѣтить Портъ-Елизаветы и побывать въ нѣмецкомъ пѣвческомъ кружкѣ.

Портъ-Елизаветы, имѣющій 26.000 жителей, производитъ впечатлѣніе очень быстро развивающагося и благоденствующаго города. Дѣловитая жизнь бьетъ ключомъ на его широкихъ улицахъ, украшенныхъ роскошными постройками, въ которыхъ помѣщаются банки и

Digitized by Google

крупныя экспортныя фирмы; недалеко отъ пристани возвышается изящное зданіе городской ратуши. Все указываетъ на то, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ торговымъ пунктомъ, который по своему значенію почти равняется Капштату. Тѣмъ не менѣе, наши земляки, занимающіе выдающееся положеніе въ интеллигентномъ обществѣ города, жаловались намъ, что послѣ набѣга Джемсона экспортъ Трансвааля замѣтно уменьшился. Трудно сказать, какое вліяніе на торговлю Порта-Елизаветы будетъ имѣть теперешняя несчастная война и каково будущее этого торговаго центра. Городъ располагаетъ электрической желѣзной дорогой, которая круто поднимается на горы по красивымъ улицамъ, окаймленнымъ двухъэтажными виллами съ верандами и садами. На вершинѣ располагается сборный пунктъ всѣхъ обитателей города—городской паркъ, при устройствѣ котораго, очевидно, имѣлось въ виду расположить въ соотвѣтствующихъ группахъ всѣ наиболѣе

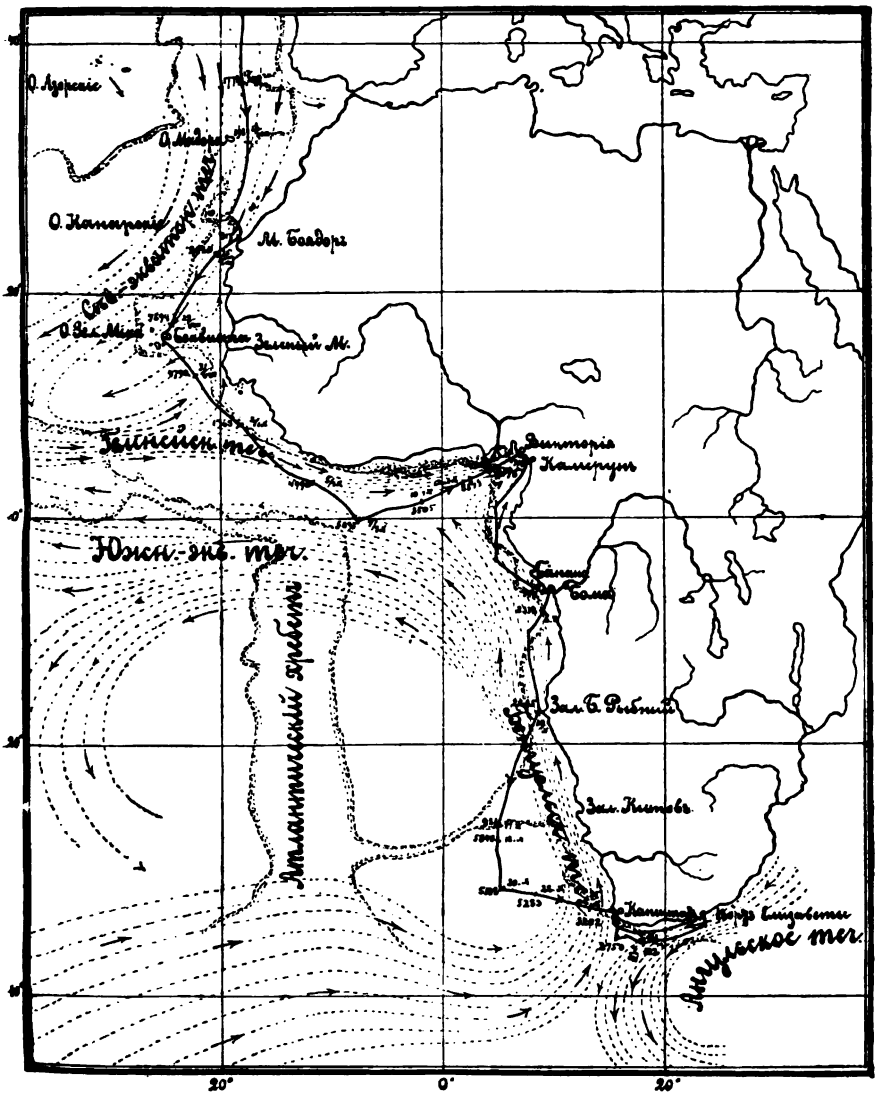
Рис. 30. Краль каффровъ.

характерныя растенія Капланда. Паркъ этотъ былъ разведенъ на сухой, красноватой, степной почвѣ, надъ которой ранѣе безпрепятственно гуляли западные вѣтры, засыпая городъ пескомъ и пылью. Съ юга и запада городъ окаймленъ живописнымъ ущельемъ, по другую сторону его располагается краль каффровъ, который мы, разумѣется, не преминули посѣтить. Въ жалкихъ хижинахъ, похожихъ на большіе улья, кипѣло оживленное движеніе. Здѣшніе каффры привлечены къ самымъ разнообразнымъ работамъ въ городѣ и, благодаря частому смѣшенію, не представляютъ уже чистаго типа. Въ городѣ, по распоряженію полиціи, они ходятъ совершенно одѣтыми, въ своихъ же хижинахъ сбрасываютъ съ себя европейскую мишуру и чувствуютъ себя снова настоящими каффрами. Насъ встрѣтили первоначально недовѣрчивыми взорами и даже бранью, но затѣмъ чернокожая публика постепенно сдѣлалась довѣрчивѣе, убѣдившись въ томъ, что мы не

Digitized by Google

Карта теченій восточной части Атлантическаго океана.

(Къ стр. 25 и слѣд.).



Толстой чертой обозначенъ путь «Вальдивіи», стоящія рядомъ цифры обозначаютъ важнѣйшія глубины.

NB. Вмѣсто «Ангульское теч.» — слѣдуетъ «Агуласское теч.».

Digitized by Google

Digitized by Google

агенты тайной полиціи, пришедшіе произвести внезапную ревизію, не найдется ли въ хижинахъ запретнаго національнаго напитка—каффрскаго пива.

Съ высотъ, находящихся надъ Портомъ-Елизаветы, открывается великолѣпнѣйшій видъ на рейдъ, усѣянный судами, и на широко раскидывающійся заливъ Альгоа. Должно сознаться, что Капштатъ своими грандіозными портовыми сооруженіями превосходитъ Портъ-Елизаветы, рейдъ котораго при случающихся иногда юго-восточныхъ буряхъ не можетъ защитить суда отъ опасности, угрожающей со стороны разъяренной стихіи. Нерѣдко пароходы должны бываютъ поднять якоря и выйти въ открытое море.

Такъ какъ погода была для насъ благопріятна, мы посвятили цѣлый день на то, чтобы изслѣдовать заливъ Альгоа, который во многихъ мѣстахъ поражалъ насъ удивительнымъ богатствомъ сидящихъ на днѣ организмовъ. Окруженные стаями чаекъ и черныхъ нырковъ (*Puffinus*), изъ которыхъ первые съ большою ловкостью ловили на лету бросаемые имъ куски мяса, тогда какъ вторые ныряли за ними, мы приблизились къ одинокому и оголенному острову. Здѣсь мы увидѣли впервые колонію пингвиновъ (*Spheniscus demersus*), молодыя особи которыхъ встрѣчались намъ въ Большомъ Рыбномъ заливѣ.

Обратный путь отъ Порта-Елизаветы въ Капштатъ мы сдѣлали черезъ Агуласскую банку, надъ которой проходитъ теплое Агуласское теченіе Индійскаго океана. Эта банка врѣзается въ море въ видѣ тупого треугольника передъ Капландомъ и имѣетъ глубину, измѣняющуюся отъ 70 до 200 метровъ. Грунтъ ея дна чрезвычайно разнообразенъ: песчаный грунтъ смѣняется скалистымъ, конгломератовый чередуется съ зеленоватымъ глауконитовымъ, и послѣдній господствуетъ въ западной части банки. Такъ какъ морскія карты указываютъ грунтъ лишь по случайнымъ промѣрамъ, мы часто находили на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на картахъ былъ отмѣченъ грунтъ удобный для работы траломъ, вмѣсто него, скалистое дно, которое сильно рвало наши сѣти.

Банка спускается круто по направленію къ открытому морю до глубины 4.000 метровъ. Въ западной части ея намъ удалось сдѣлать серію промѣровъ, наглядно показывающую крутое паденіе ея профиля до глубивы 4.170 метровъ. Являясь какъ бы естественной границей между индійской, южно-атлантической и субъантарктической областями моря, она должна представлять въ фаунистическомъ отношеніи особый интересъ. Въ нашихъ музеяхъ почти совершенно отсутствуютъ объекты съ этой банки и потому надо надѣяться, что добытый нами богатый матеріалъ, полученный послѣ 26 драгировокъ, дастъ зоологамъ возможность разобраться въ зоогеографическихъ условіяхъ этой мѣстности.

Изъ готовыхъ въ настоящее время отчетовъ отдѣльныхъ изслѣдователей, обрабатывавшихъ наши коллекціи, явствуетъ, что не только тогда было добыто огромное количество новыхъ формъ, но и въ смыслѣ географическаго распредѣленія получились совершенно неожиданные результаты. Что на этой банкѣ должны встрѣчаться вмѣстѣ атлантическіе и индійскіе виды,—это можно было ожидать уже заранѣе и изслѣдованія подтвердили такое предположеніе, но что здѣсь встрѣчаются типичные антарктическіе виды, которые до сихъ поръ находились лишь въ областяхъ, гораздо далѣе продвинутыхъ къ югу, напримѣръ въ Магелановомъ проливѣ и у Фальклавдскихъ острововъ—это

Digitized by Google

было совершенно неожиданнымъ. Приведемъ нѣкоторые примѣры такихъ интересныхъ находокъ.

2-го ноября мы опустили тралъ на восточномъ обрывѣ Агуласской банки на глубинѣ 500 метровъ; температура у дна была +7, 8°, грунтъ оказался мелкимъ глобигериновымъ иломъ. Когда тралъ пришелъ обратно, въ немъ оказалась такая масса организмовъ, что пришлось заполнить длиннѣйшій листъ одними названіями семействъ, причемъ послѣднія были представлены часто нѣсколькими видами. Начиная отъ рыбъ и до губокъ мы нашли здѣсь представителей почти всѣхъ группъ морскихъ животныхъ. Если бы сложить все то время, которое лица, обрабатывавшіе нашъ матеріалъ, потратили на изслѣдованіе и зарисовываніе этого единственнаго трала, то безъ преувеличиванія можно сказать, что получилось бы не менѣе 2 лѣтъ работы. Особенно удивительною составною частью содержимаго трала являлись многочисленные крупные моллюски съ извитою раковиною, которые, по опредѣленію проф. Мартенса, принадлежатъ антарктическому виду *Trophon magellanicus Chem.* Какое удивительное смѣшеніе индійскихъ, атлантическихъ и антарктическихъ видовъ имѣется здѣсь, можетъ показать списокъ морскихъ ежей, находившихся въ томъ же самомъ тралѣ. По сообщенію проф. Дедерлейна, здѣсь былъ найденъ новый видъ индійскаго рода *Stereocidaris* и типичные атлантическіе виды *Spatangus Raschi* и *Brissopsis lyrifera*; къ нимъ присоединяется антарктическій видъ, именно извѣстный лишь изъ Магелланова пролива *Echinus horridus*. Если прибавить еще, что тутъ же имѣлись два новыхъ вида родовъ *Echinus* и *Strongylocentrotus*, то въ то же время мы получимъ доказательство тому, какое большое увеличеніе свѣдѣній далъ по отношенію уже къ одной только группѣ этотъ единственный тралъ.

Обстоятельства эти наводятъ на мысль, что антарктическія формы, такъ далеко заходящія на сѣверъ, представляютъ изъ себя реликтовую, т.-е. остаточную фауну, которая сохранилась посреди теплаго Агуласскаго теченія съ того времени, когда климатическія условія были менѣе благопріятны. Достаточно было пониженія средней годовой температуры на нѣсколько градусовъ, чтобы сѣверная граница бурныхъ западныхъ вѣтровъ, должна была отступить до мыса Доброй Надежды. Тогда, вѣроятно, могучій потокъ западныхъ вѣтровъ, направляющихся къ востоку, отклонялъ гораздо энергичнѣе, чѣмъ въ настоящее время, теплое Агуласское теченіе, идущее ему навстрѣчу, и дозволялъ холодной водѣ обмывать банку, расположенную передъ Капландомъ. Еще при другомъ случаѣ намъ придется поговорить о томъ, что, дѣйствительно, въ субъантарктическихъ областяхъ существовалъ ледниковый періодъ или, по крайней мѣрѣ, время, когда средняя годовая температура была на нѣсколько градусовъ ниже теперешней.

Агуласское теченіе—одинъ изъ наиболѣе постоянныхъ и наиболѣе быстро несущихся теплыхъ потоковъ, извѣстныхъ намъ въ этихъ областяхъ моря. Промѣры въ его районѣ были связаны съ необыкновенными затрудненіями. Лишь послѣ 4 неудачныхъ опытовъ, удалось намъ южнѣе залива Альгоа опустить лотъ на дно и опредѣлить глубину въ 1.900 метровъ. Быстрота теченія во время этого промѣра 1-го ноября достигала 3,7 морск. мили въ часъ. Чтобы оцѣнить тѣ затрудненія, съ которыми приходилось бороться нашему капитану при удержаніи судна на одномъ мѣстѣ во время спуска лота, должно замѣтить, что эта быстрота почти равняется быстротѣ теченія Дуная около Вѣны.

Digitized by Google

Если представить себѣ, что Дунай былъ бы шириною въ 2 километра то уже и тогда должно было бы считать исключительнымъ успѣхомъ удачу въ промѣрахъ на столь быстро несущемся могучемъ потокѣ. Къ тому же, должно еще замѣтить, что лишь наружные слои воды находятся въ состояніи движенія: по нашимъ наблюденіямъ, выводимымъ изъ положенія троса при промѣрахъ, работѣ траломъ и работѣ вертикальными сѣтями, оказывается, что быстро текущая вода въ Агуласскомъ теченіи занимаетъ лишь верхніе слои до 200 метровъ глубиною.

Въ общемъ, при нашемъ обратномъ пути, погода благопріятствовала намъ въ этой мѣстности, столь знаменитой бурями, и лишь тогда, когда мы пришли на западную оконечность банки, сѣверный вѣтеръ задулъ такъ сильно, что 5-го ноября намъ пришлось искать убѣжища въ заливѣ Фальзе передъ Симонстоуномъ. Заливъ Фальзе захватывается еще вѣтвями Агуласскаго теченія и этимъ объясняется то обстоятельство, что температура его постоянно на одинъ градусъ выше температуры Столоваго залива, отъ котораго онъ отдѣленъ относительно узкимъ мысомъ. Въ заливѣ Фальзе мы нашли на поверхности $+17{,}5^{0}$, тогда какъ въ Столовомъ заливѣ въ то же время температура равнялась $+12$—14^{0}. Къ такому же выводу пришла экспедиція «Челленжера», которая стояла въ заливѣ Фальзе на якорѣ нѣсколько недѣль, занимаясь приведеніемъ въ порядокъ собраннаго матеріала. Обитатели Капштата имѣютъ рѣдко гдѣ существующую на земномъ шарѣ возможность—по желанію либо принять освѣжающую ванну въ прохладныхъ водахъ Атлантическаго океана, либо, въ разстояніи лишь часа пути, выкупаться въ теплыхъ волнахъ Индійскаго.

Digitized by Google

ГЛАВА VIII.

Природа окрестностей Капштата.—Выборъ пути.—Острова Бувэ.—Поиски и нахожденіе острова.

Было превосходное утро, когда «Вальдивія» покинула гавань Капштата. Восходящее солнце освѣщало при совершенно безоблачномъ небѣ Пикъ Дьявола и Столовую гору такими косыми лучами, что всѣ выдающіеся рифы и прорѣзывающіяся ущелья рѣзко выдѣлялись на рельефной поверхности горъ. Съ большимъ неудовольствіемъ разставались мы съ гостепріимнымъ Капштатомъ, гдѣ провели 7 дней въ очень напряженной дѣятельности, пополняя наше снаряженіе и приготовляясь къ дальнѣйшей работѣ. Мы были здѣсь прекрасно приняты германской колоніей и провели не мало пріятныхъ вечеровъ. Городское управленіе и кругъ высшей интеллигенціи города встрѣтили насъ очень радушно и устроили въ честь экспедиціи «Вальдивіи» торжественный банкетъ, на которомъ присутствовали всѣ власти города.

Въ день отхода, 13-го ноября, капландская природа какъ бы хотѣла сдѣлать для насъ еще болѣе тяжелымъ разставаніе и, послѣ предшествовавшихъ дождливыхъ дней, высказалась во всей своей обманчивой прелести. «Вальдивія» медленно скользила по зеркальной поверхности Столоваго залива, сотни баклановъ и чаекъ съ сиплымъ крикомъ носились надъ моремъ, какъ бы прощаясь съ нами. Наконецъ, мы обошли Сигнальный холмъ и передъ нами вырисовались изящныя виллы и дома предмѣстья, надъ которыми круто поднимается гора Львиная Голова, покрытая пропадающими въ голубоватой дымкѣ рощами серебряныхъ деревьевъ (*Zeucadendron*). Вскорѣ открылся видъ на заливъ Кэмпъ, и мы ясно могли разглядѣть ту узкую тропу, по которой недавно поднимались на Столовую гору. Это была экскурсія, предпринятая въ сообществѣ съ ботаниками — нашимъ проф. Шимперомъ и капштатскимъ докторомъ Марлотомъ, которые и познакомили насъ со всѣми чудесами роскошно развитой и богатой мѣстными формами капской флоры. Здѣсь поднимаются кусты характерныхъ для этой флоры протеацей, наиболѣе извѣстными представителями которыхъ являются серебряныя деревья Львиной Головы; они чередуются съ пеларгоніями и граціозными орхидными усѣянными цвѣтами, съ цѣлыми клумбами аройниковаго *Richardia*, украшеннаго бѣлыми цвѣтами, и съ красными колосьями *Watsonia*, которые похожи на наши *Gladiola* и нерѣдко втыкаются въ гриву лошадей для украшенія. По количеству распускающихся и благоухающихъ цвѣтовъ Капландъ можетъ сравниться съ наиболѣе благодатными въ этомъ отношеніи мѣстами на земномъ шарѣ; однихъ сложноцвѣтныхъ здѣсь столько видовъ, сколько

Digitized by Google

въ сѣверной Германіи находится различныхъ растительныхъ формъ въ общей сложности. Пейзажъ растительности еще болѣе скрашивается что такъ дорого сердцу сѣверянина — многочисленными дубами и соснами, которыя разводятъ здѣсь колонисты голландцы. Даже теперь съ судна мы могли различить темныя рощи родныхъ древесныхъ породъ и притаившіяся между ними въ идиллической глуши старинныя голландскія фермы. Затѣмъ мы прошли мимо горы Двѣнадцати Апостоловъ съ ея остро зазубреннымъ гребнемъ и мимо ряда небольшихъ заливовъ, гдѣ пѣнящійся прибой составляетъ красивый контрастъ съ темными и отважно вздымающимися громадами горъ,—они, какъ вѣчные стражи, оберегаютъ эти тихія бухты. Гора Цваарте затянулась облаками и подъ нею въ легкой дымкѣ вырисовались обѣ оконечности мыса Доброй Надежды.

Когда мы оставили мысъ Доброй Надежды налѣво и взяли курсъ на SSW, направляясь въ безконечный Южный океанъ, на суднѣ, которое шло въ Капштатъ съ востока изъ Австраліи, вѣроятно не знали, что и подумать объ удивительномъ направленіи, которое взялъ пароходъ, покрашенный въ бѣлый тропическій цвѣтъ и избравшій путь, какимъ уже болѣе 50 лѣтъ не ходило ни одно судно.

Нашей задачей было изслѣдованіе Антарктическаго океана. Лишь одно единственное экспедиціонное судно, имѣвшее цѣлью океанографическое и біологическое изслѣдованіе морскихъ глубинъ, проникло въ антарктическую область, — это «Чэлленжеръ». При постоянныхъ бурныхъ западныхъ вѣтрахъ англійская экспедиція прошла мимо острововъ Маріонъ и Крозе къ Кергуэльскимъ островамъ и оттуда предприняла экскурсію въ юго-восточномъ направленіи до 66°40′ южной широты. Еще до «Чэлленжера» избрала почти тотъ же маршрутъ отъ Капштата экспедиція судна «Газель», чтобы достигнуть Кергуэльскихъ острововъ. Оба судна производили по дорогѣ океанографическія и біологическія изслѣдованія, и потому имѣлось уже нѣкоторое представленіе о рельефѣ дна этой части моря.

Намъ не хотѣлось идти по тому же пути, по которому работали передъ нами съ большимъ успѣхомъ уже двѣ экспедиціи. На югъ отъ Капланда простирается обширная область моря, совершенно неизслѣдованная въ океанографическомъ отношеніи. Тотчасъ же за Агулаской банкой прекращаются всѣ промѣры и совершенно нельзя было напередъ сказать, къ какимъ результатамъ могла бы придти экспедиція, направившаяся прямо на югъ. По укоренившемуся воззрѣнію, здѣсь должно было находиться относительно мелкое море, дно котораго постепенно поднимается по направленію къ антарктическому континенту; это воззрѣніе было положено и въ основу глубинныхъ картъ и подтвержденіемъ ему служилъ тотъ фактъ, что и «Чэлленжеръ», и «Газель» нашли между мысомъ Доброй Надежды и Кергуэльскими островами не особенно глубокое море.

Если прослѣдить на британскихъ морскихъ картахъ обширную и неописанную область моря на югъ отъ Капланда, то можно найти лишь одно указаніе, которое, однако, также считалось не достаточно надежнымъ: именно, подъ 54° юж. шир. отмѣчены три островка, названные «Группою острововъ Бувэ». Казалось очень соблазнительнымъ направить нашъ путь именно на эту группу острововъ.

Трудности, которыя намъ предстояли на этомъ пути, вполнѣ сознавались нами: мы должны были пересѣчь область чрезвычайно бурныхъ западныхъ вѣтровъ и должны были приготовиться къ тому, что

Digitized by Google

ранній ледъ положитъ конецъ нашему дальнѣйшему движенію впередъ. Ознакомляясь съ картами распредѣленія льда, мы видѣли, что, очевидно, въ антарктическомъ океанѣ выдвигается какъ бы особо холодный языкъ по направленію къ группѣ Бувэ, и граница плавучаго льда здѣсь

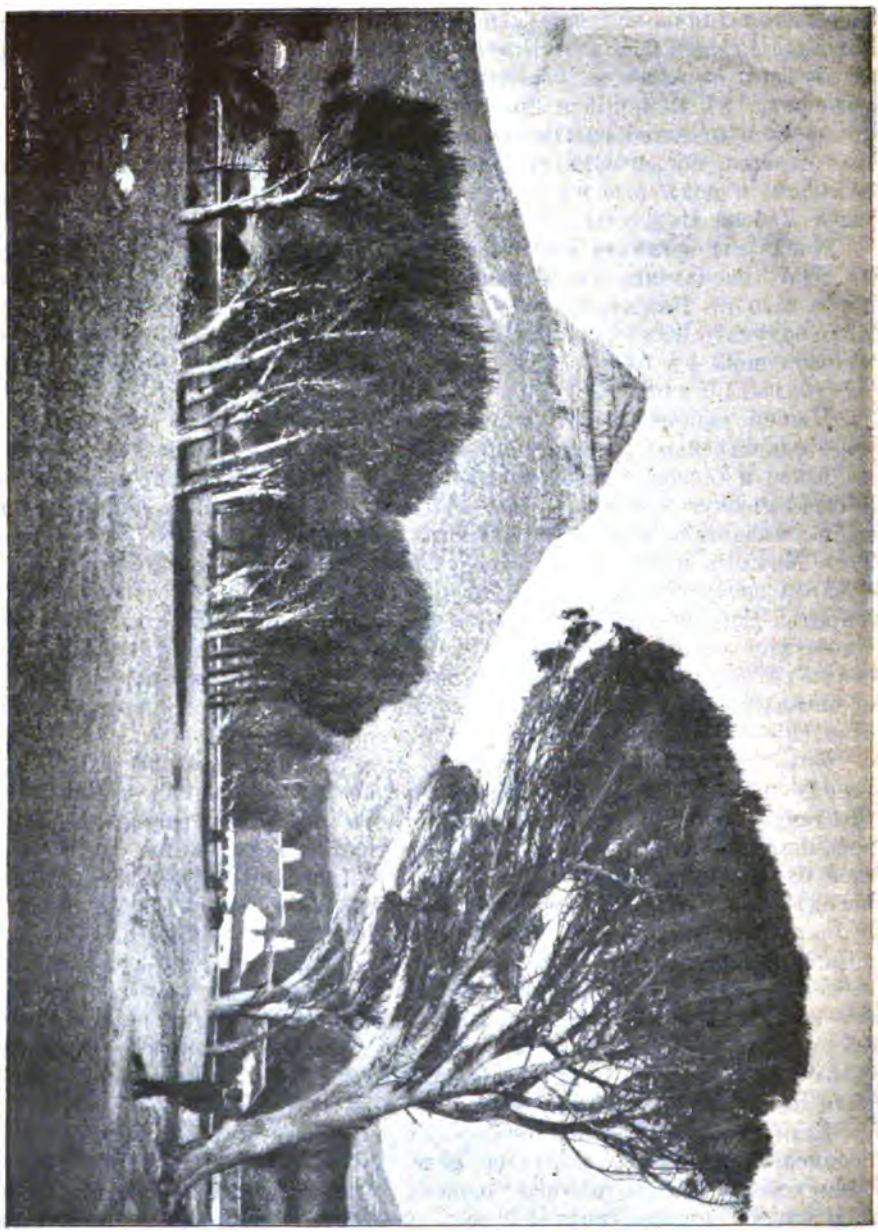


Рис. 31. Голландская ферма у горы Львиная голова. Деревья указываютъ на вліяніе юго-западнаго вѣтра.

относительно далеко перемѣщается на сѣверъ, причемъ происходитъ чрезвычайно обильное накопленіе ледяныхъ горъ. Съ другой стороны, являлось, однако, возможнымъ, что послѣ огромнаго скопленія льдовъ въ теченіе 1892 — 1896 годовъ, скопленія столь значительнаго, что

Digitized by Google

даже суда, шедшія изъ Австраліи, находились въ большомъ затрудненіи, условія будутъ теперь благопріятнѣе, и мы скорѣе, чѣмъ какимъ-либо инымъ путемъ, попадемъ въ холодныя антарктическія воды съ ихъ своеобразной пелагической фауной. Если бы намъ удалось достичь группы Бувэ, то мы имѣли бы ту значительную выгоду, что познакомились бы съ условіями рельефа морского дна и со свойствами грунта въ тѣхъ областяхъ, которыя еще ни разу не были изслѣдованы лотомъ и, съ другой стороны, получили бы возможность добыть представителей придонной фауны, которая является связующимъ звеномъ между хорошо извѣстными фаунами Магеланскаго пролива и Кергузельскихъ острововъ. Наконецъ, насъ побуждало къ тому также и желаніе рѣшить интересную географическую задачу: много выдающихся изслѣдователей тщетно старались подтвердить существованіе того загадочнаго «Cape de la Circoncision», который былъ замѣченъ 1-го января 1739 года Несторомъ антарктическихъ изслѣдованій Лозье Бувэ, подъ 54° юж. шир. и 4°20′ вост. долг. Ни Куку (1775), ни Джемсу Россу (1843), ни Моору (1845) не удалось, несмотря на всѣ прилагавшіяся старанія, найти снова «островъ Бувэ», каковымъ былъ признанъ позднѣе этотъ предполагавшійся мысъ южнаго континента. Тѣмъ не менѣе, въ началѣ этого столѣтія два капитана китобоевъ, бывшіе на службѣ у лондонской фирмы Эндерби—именно Линдсей (1808) и Норвисъ (1825) подтвердили, что въ области, указанной Бувэ, дѣйствительно, находятся одинъ или два острова, положеніе которыхъ они, однако, опредѣляли различно. Послѣднее время, въ виду тщетныхъ усилій снова найти эти острова, склонялись къ тому предположенію, что острова исчезли, благодаря разрушительной дѣятельности бурнаго моря или вслѣдствіе вулканическаго изверженія, тѣмъ болѣе, что Норрисъ указывалъ на ихъ вулканическую природу. Если бы предположенія эти, дѣйствительно, оправдались, то надо было ожидать, что мы при помощи промѣровъ оказались бы въ состояніи дать сколько-нибудь прочный фундаментъ всѣмъ подобнымъ строившимся гипотезамъ.

Въ виду того, что «Вальдивія» оказалась судномъ чрезвычайно удобнымъ для экспедиціонныхъ работъ, въ насъ созрѣла увѣренность, что при умѣломъ веденіи судна нашимъ капитаномъ мы безбоязненно можемъ сдѣлать новую попытку къ отысканію этой группы острововъ, не найденной тремя предыдущими экспедиціями.

Благопріятная погода продолжалась послѣ нашего отъѣзда изъ Капштата еще нѣсколько дней и позволила намъ произвести всѣ наши работы въ той полнотѣ, въ какой это было желательно. Принимая во вниманіе, что мы вступали теперь въ область, рельефъ дна которой былъ неизвѣстенъ, ежедневно до начала остальныхъ работъ производился промѣръ глубины. Уже первый такой промѣръ 14-го ноября убѣдилъ насъ въ томъ, что Агалусская банка спускается въ море глубиною болѣе 4.000 метровъ. Можно уже съ самаго начала теперь отмѣтить то обстоятельство, что въ теченіе ближайшаго времени мы и не могли найти никакого уменьшенія большихъ глубинъ. Правда, 17-го ноября мы утромъ опредѣлили глубину лишь въ 2.593 метра, но уже послѣ полудня въ тотъ же самый день была измѣрена снова глубина въ 5.230 метровъ,—это показало намъ, что въ этихъ областяхъ еще нельзя ожидать повышенія дна субъ-антарктическаго моря.

Digitized by Google

Каковы тѣ сюрпризы, которые доставили намъ дальнѣйшіе промѣры при нашемъ пути на югъ, мы укажемъ подробнѣе впослѣдствіи.

Послѣ того, какъ уже подъ 37° широты сильный западный вѣтеръ указалъ намъ, что мы вступили въ ту полосу западныхъ вѣтровъ, значеніе которой для парусныхъ судовъ, идущихъ въ Австралію, указалъ еще Джемсъ Россъ, начался 16-го ноября западный вѣтеръ, переходящій въ бурю. Въ тотъ же день мы встрѣтили англійское судно-пароходъ «Титанію», идущій въ южную Австралію. Это было на долгое время послѣднее судно, попавшееся на нашемъ пути, и потому мы не преминули передать ему сигналомъ просьбу, сообщить о нашемъ нахожденіи.

Тогда какъ до сихъ поръ мы находились въ области теплой воды, съ температурой поверхности въ среднемъ около 17° Ц., теперь между 39° и 40° параллелью мы попали въ область, гдѣ теплыя вѣтви Агулласскаго теченія, воронкообразно расширяясь, вдаются въ холодныя массы антарктическихъ водъ. Удивительные скачки въ температурѣ поверхности, которая 16-го ноября давала напр., разницу до 7° Ц., свидѣтельствовали о томъ, что теплое Индійское теченіе разбивается здѣсь на мелкія струи, замѣтныя даже уже простому глазу, такъ какъ полосы зеленоватой теплой воды чередовались съ интензивно-синими полосами холодной. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что позднѣе, при вступленіи въ теплыя воды Индійскаго океана, отношенія окраски были обратными, именно, теплая вода отличалась своимъ темно-синимъ оттѣнкомъ. Температура дѣлала нерѣдко такіе быстрые скачки, что мы едва поспѣвали отсчитывать термометръ. Чтобы иллюстрировать болѣе точными числами вышесказанное, приведу слѣдующія данныя изъ нашихъ температурныхъ наблюденій, производившихся каждый часъ: 16-го ноября въ 12 часовъ дня температура поверхности была еще 17,4°, тогда какъ 18—въ то же самое время она спустилась до 7,8°. Затѣмъ температура быстро и постоянно начала опускаться и при переходѣ 58° шир. 24-го ноября была уже получена температура—1°.

Непосредственно за этимъ вступленіемъ въ холодныя воды антарктической области послѣдовало и полное измѣненіе въ составѣ организмовъ, плавающихъ на поверхности, т.-е. планктона. 17-го ноября мы впервые встрѣтили на поверхности тѣ виды діатомовыхъ водорослей и другихъ низшихъ организмовъ, которые съ этихъ поръ почти въ теченіе двухъ мѣсяцевъ являлись у насъ руководящими формами поверхностныхъ слоевъ.

17-го ноября погода была при умѣренномъ западномъ вѣтрѣ и сѣверо-западной волнѣ настолько благопріятна, что мы могли опустить на большую глубину даже самыя наши тонкія планктонныя сѣти. 18 и 19 ноября мы использовали на то, чтобы при помощи замыкающихся сѣтей составить себѣ представленіе о распредѣленіи организмовъ, плавающихъ въ глубокихъ слояхъ воды. Особенно поразительный результатъ дали замыкающіяся сѣти 18-го ноября,—онѣ принесли необыкновенно большое количество живыхъ организмовъ съ глубины между 1.600 и 1.000 метровъ. Вечеромъ 19-го ноября море было настолько спокойно, что положительно можно было подумать, что плывешь по Эльбѣ. Яркая вечерняя заря, блиставшая красными искрами на свинцово-сѣрой поверхности моря, продолжалась до 8 часовъ вечера и судно наше спокойно шло по намѣченному курсу, ритмически разсѣкая бѣгущія волны.

Digitized by Google

Годъ XI-й. № 4-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

Digitized by Google

Дозволено цензурою 26-го марта 1902 года. С.-Петербургъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

† АЛЕКСАНДРА АРКАДІЕВНА ДАВЫДОВА.

1. ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ. С. Ашевскаго . . . 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. НАКАНУНѢ ВЕСНЫ. Г. Галиной. . . . 32
3. ДРУГЪ ДѢТСТВА. Ольги Шапиръ. 33
4. ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ. (Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи). Приватъ-дец. Н. Рожкова. 78
5. САМОУБІЙСТВО СРЕДИ ДѢТЕЙ. Д-ра Григорія Гордона. . . 93
6. ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ. (Съ польскаго). Повѣсть. Г. Даниловскаго. Пер. А. И. Я—ъ. (Продолженіе). 115
7. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ ПѢСЕНЪ ТРУДА. Ѳ. Поступаева. . 148
8. ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. Родбертусъ. (Продолженіе). М. Туганъ-Барановскаго 145
9. НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг. (Продолженіе). Н. Котляревскаго 165
10. СТИХОТВОРЕНІЕ. ЛЕБЕДИНОЕ ГНѢЗДО. (Елизаветы Броунингъ). О. Чюминой. 195
11. НА РАСТИТЕЛЬНОЙ ПИЩѢ. (Разсказъ). Тана. 199
12. КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СКУЛЬПТОРОМЪ. (Изъ моихъ воспоминаній). Ильи Гинцбурга. 235
13. СТИХОТВОРЕНІЕ. БЕЗСОННИЦА. П. Соловьевой (Allegro). . 261
14. НАУКА И ЖИЗНЬ. Естественныя науки въ средней школѣ. В. Агафонова 262

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

15. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. «Исповѣдники», повѣсть г. Боборыкина.—Новыя теченія, наблюдаемыя авторомъ.—Разные ихъ представители.—Исповѣдники изъ интеллигенціи и народной среды.—Цѣльность послѣднихъ типовъ.—Здоровое религіозное чувство и болѣзненный мистицизмъ, отмѣчаемые авторомъ.—Памяти Александры Аркадіевны Давыдовой.—Ея общественная дѣятельность, какъ издательницы и руководительницы большого литературнаго предпріятія.—Ея организаторскій талантъ и значеніе, какъ редактора. А. Богдановича. 1
16. ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРЫ АРКАДІЕВНЫ ДАВЫДОВОЙ. А. Вергежскаго. 15
17. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. На родинѣ. Подъ бременемъ визитной карточки.—Производительность труда на русскихъ и ан-

Digitized by Google

стр.

глійскихъ фабрикахъ.—Изъ прошлаго.—Ирбейское дѣло.—Изъ жизни сибирскаго духовенства.—Въ Финляндіи.—За мѣсяцъ 20

18. СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ СИМПТОМЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ. И. Красноперова 35

19. Изъ русскихъ журналовъ. («Вѣстникъ Всемірной Исторіи»—январь, февраль; «Русская Старина»—мартъ; «Историческій Вѣстникъ»—мартъ; «Вѣстникъ Европы»—мартъ; «Образованіе»—февраль) 41

20. За границей. Германская таможенная политика и женскій вопросъ.—Германскій канцлеръ и женская депутація.—Ирландскій призракъ; обезлюдѣніе Лондона; двухсотлѣтній юбилей.—Американскій лицей и свобода программъ.—Выборная агитація. Общественная жизнь во Франціи. Французскія дѣла.—Новыя экспедиціи въ Гренландію. 53

21. Изъ иностранныхъ журналовъ. Американскія библіотеки и читальни для дѣтей.—Аргентинская газета.—Роль соціальной гигіены въ XX вѣкѣ.—Отсталость Соединенныхъ Штатовъ въ научномъ отношеніи и ея причины 66

22. ФАБРИЧНЫЯ ИНСПЕКТРИСЫ ВЪ ГЕРМАНІИ. (Письмо изъ Гейдельберга). М. Б. 70

23. НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ. О психикѣ насѣкомыхъ. (Переводъ съ нѣмецкаго). Проф. Ав. Фореля 73

24. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. Инфракрасная часть солнечнаго спектра.—Успѣхи цвѣтной фотографіи.—Форма кристалловъ снѣга.—Низкая температура и развитіе организмовъ.—Соли натрія, калія и кальція и сокращеніе сердца.—Леченіе оспы дрожжами. В. Аг. 85

25. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Исторія культуры.—Естествознаніе.—Народное образованіе.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. 90

26. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 121

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

27. ДОСТОПОЧТЕННЫЙ ПИТЕРЪ СТЕРЛИНГЪ. Романъ П. Л. Форда. (Продолженіе). Переводъ съ англійскаго Л. Я. Сердечной. 89

28. ИЗЪ ГЛУБИНЪ ОКЕАНА. Описаніе путешествія первой германской глубоководной экспедиціи Карла Куна. (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго П. Ю. Шмидта. Съ многочисл. рисунками. 89

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

†

Александра Аркадіевна Давыдова.

24-го февраля скончалась издательница нашего журнала Александра Аркадіевна Давыдова.

Урожденная Горожанская, Александра Аркадіевна родилась въ Москвѣ 13-го дек. 1849 г. въ старой дворянской патріархальной семьѣ и получила тщательное по тому времени домашнее образованіе. Шестнадцати лѣтъ она выдержала при московскомъ университетѣ экзаменъ на домашнюю учительницу и вскорѣ вышла замужъ за знаменитаго виртуоза-віолончелиста и композитора, солиста Его Императорскаго Величества Карла Юліевича Давыдова, брата извѣстнаго московскаго профессора Августа Юл. Давыдова, автора популярныхъ учебниковъ по алгебрѣ, геометріи и ариѳметикѣ. Вмѣстѣ съ Ан. Рубинштейномъ, К. Давыдовъ дѣятельно работалъ тогда надъ учрежденіемъ петербургской консерваторіи, директоромъ которой и состоялъ до конца 80-ыхъ годовъ. Съ переселеніемъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ мужемъ, для Александры Аркадіевны началась полоса блестящей свѣтской жизни, въ избранномъ кругу артистовъ, писателей и ученыхъ, которая продолжалась до смерти ея мужа. Блестящая красавица, съ выдающимся умомъ и рѣдкимъ образованіемъ, Александра Аркадіевна заняла въ этомъ кругу центральное мѣсто, и въ ея салонѣ собирался цвѣтъ петербургской интеллигенціи и артистическаго міра. Общественная дѣятельность ея въ эти годы ознаменовалась учрежденіемъ при консерваторіи общежитія для слушательницъ консерваторіи, которымъ она завѣдывала до выхода мужа въ отставку. Многочисленныя дружескія знакомства съ писателями, Гончаровымъ, Некрасовымъ, Салтыковымъ, Тургеневымъ, Гаршинымъ, Надсономъ, Н. К. Михайловскимъ, Шелгуновымъ, Гл. Успенскимъ, вовлекли ее въ кругъ журналистики, и въ основанномъ въ серединѣ 80-ыхъ

Digitized by Google

годовъ г-жею Евреиновой «Сѣверномъ Вѣстникѣ» она принимала участіе въ качествѣ секретаря редакціи.

Но самостоятельная ея дѣятельность въ этой области началась только съ основаніемъ журнала «Міръ Божій» въ декабрѣ 1891 г. Задумавъ вмѣстѣ съ В. П. Острогорскимъ издавать журналъ, Александра Аркадіевна съ тѣхъ поръ отдалась всецѣло новому дѣлу, новому не только для нея, но и въ журналистикѣ, гдѣ до тѣхъ поръ не было журнала такого типа,—научно-популярнаго и литературнаго изданія для самообразованія. Начавъ дѣло въ очень скромныхъ размѣрахъ, она постепенно расширяла его и довела до его современнаго вида. Въ 1895 г. она задумала новый по типу журналъ для дѣтей старшаго возраста «Всходы», съ широкой программой, выходящій два раза въ мѣсяцъ, и, вмѣстѣ съ извѣстной писательницей А. Н. Анненской, вела его съ большимъ успѣхомъ до 1897 г., когда передала его Э. С. Монтвиду, издающему этотъ журналъ и въ настоящее время. Въ обоихъ журналахъ Александра Аркадіевна принимала самое горячее участіе, въ особенности въ «Мірѣ Божьемъ», которому посвятила всю свою выдающуюся энергію, рѣдкій умъ и талантъ организатора. Несмотря на новость дѣла, на необычность программы, на внѣшнія затрудненія, она неутомимо и упорно шла къ намѣченной цѣли, создавъ журналъ съ широкой программой, съ обширнымъ кругомъ сотрудниковъ и читателей.

Смерть ея явилась страшной неожиданностью для всѣхъ окружающихъ; хотя тяжелая болѣзнь, поразившая ее, и внушала опасенія, но никто не думалъ о такой быстрой развязкѣ. Сама покойная, однако, предчувствовала близость рокового конца и сдѣлала своевременно всѣ необходимыя распоряженія, обезпечивающія безостановочное дальнѣйшее продолженіе ея дорогого дѣла, въ прежнемъ составѣ редакціи и сотрудниковъ и въ томъ же духѣ и направленіи, — дѣла, которому она отдала свои лучшія силы и которому служила до послѣдней минуты.

Редакція.

Digitized by Google

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

I.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVIII столѣтія крѣпостной крестьянинъ тульскаго помѣщика Бунина, отправляясь на войну съ турками въ качествѣ маркитанта, пришелъ къ своему барину проститься и спросить, какого гостинцу привезти ему изъ Турціи. «Привези мнѣ, братъ, хорошенькую турчаночку,—отвѣчалъ баринъ;—видишь, жена моя совсѣмъ состарилась!» Серьезно говорилъ помѣщикъ или шутилъ—трудно рѣшить, хотя внучка его А. П. Зонтагъ въ своихъ воспоминаніяхъ о дѣтствѣ Жуковскаго *) и выдаетъ приведенныя слова за шутку. Желаніе барина было исполнено, и вѣрный холопъ возвратился съ войны съ двумя плѣнными турчанками—сестрами, изъ которыхъ старшая, «прекрасная, ловкая, смиренная и добронравная» Сальха сначала была приставлена нянней къ дочерямъ Бунина, а потомъ сдѣлалась его домоправительницей и наложницей. Плодомъ этой связи русскаго барина съ плѣнной турчанкой, кромѣ трехъ дѣвочекъ, умершихъ въ младенчествѣ, 26 января 1783 года явился мальчикъ, которому суждено было впослѣдствіи сдѣлаться замѣчательнымъ русскимъ писателямъ, ближайшимъ учителемъ и предшественникомъ величайшаго русскаго поэта, воспитателемъ гуманнѣйшаго изъ русскихъ царей и однимъ изъ лучшихъ русскихъ людей, отличавшимся необыкновенною добротою сердца и рѣдкимъ согласіемъ слова и дѣла.

Біографы Жуковскаго **) сообщаютъ намъ слишкомъ мало свѣдѣній о его родителяхъ, и потому трудно судить, какія качества ума и сердца могъ унаслѣдовать поэтъ отъ отца и отъ матери. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что вмѣстѣ съ красивою наружностью восточнаго типа Жуковскій получилъ отъ матери и восточную мечтательность,

---

*) «Русская Мысль» 1883 г., февраль.

**) Плетневъ. О жизни и сочиненіяхъ Жуковскаго, Спб. 1853 г. (Перепечатано въ «Сочиненіяхъ и перепискѣ Плетнева», т. III, Спб. 1885). Зейдлицъ. «Жизнь и поэзія Жуковскаго». Спб. 1883 г. П. Загаринъ (Левъ Поливановъ). «Жуковскій и его произведенія». М. 1883 г. Очень цѣнный разборъ книги Загарина въ «Сочиненіяхъ Н. С. Тихонравова», т. III, ч. I. М. 1898 г.

Digitized by Google

отразившуюся такъ ярко въ его литературной дѣятельности, и восточную лѣнь, съ которой ему приходилось бороться въ теченіе всей своей жизни, и ту покорность судьбѣ, которая отличала поэта до конца его дней и которая такъ близка къ мусульманскому фатализму. Не подлежитъ также сомнѣнію, что та обстановка, среди которой протекло раннее дѣтство поэта, благопріятствовала развитію лучшихъ сторонъ его души. Его отецъ былъ «честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ», хотя и «не самой строгой нравственности». Сама Бунина, принимавшая въ мальчикѣ чисто-материнское участіе, отличалась, по свидѣтельству ея внучки, почти безпримѣрной добротой, кротостью и терпѣніемъ. Номинальный отецъ мальчика также былъ «хорошій человѣкъ» и сумѣлъ пріобрѣсти общую любовь въ домѣ. Если сюда еще присоединить общество маленькихъ племянницъ, среди которыхъ Жуковскій былъ единственнымъ «кавалеромъ», то легко составить представленіе о той атмосферѣ любви, доброты и кротости, среди которой протекли юные годы поэта въ селѣ Мишенскомъ. Уже въ юномъ возрастѣ мы видимъ Жуковскаго «умнымъ, добрымъ, прекраснымъ, терпѣливымъ, кроткимъ и послушнымъ мальчикомъ». Онъ не дѣлаетъ «никакихъ шалостей» и всегда терпѣливо и почтительно выслушиваетъ несправедливую въ большинствѣ случаевъ брань матери, которая находитъ своего благонравнаго сына недостаточно кроткимъ и покорнымъ по отношенію къ своимъ «благодѣтелямъ» и «милостивцамъ».

Когда Жуковскому исполнилось шесть лѣтъ, къ ворчанію и брани строгой матери присоединились педагогическія поощренія грубаго и необразованнаго нѣмца, взятаго изъ мастерской портного гувернеромъ въ домъ Бунина. Мальчикъ выслушиваетъ грубую брань, получаетъ удары линейкою по рукамъ, стоитъ голыми колѣнями на горохѣ и даже переживаетъ страхъ предстоящаго наказанія розгами. Но скоро Жуковскій избавляется сначала отъ грубаго педагога, а потомъ и отъ матери. Выучившись, хотя и съ большимъ трудомъ, славянской грамотѣ подъ руководствомъ своего пріемнаго отца, онъ переселяется вмѣстѣ съ семьей Бунина въ Тулу. Тамъ онъ сначала учится въ «очень хорошемъ пансіонѣ» Роде, по смерти же отца и по закрытіи пансіона живетъ въ семьѣ своей крестной матери и сводной сестры Юшковой и посѣщаетъ главное народное училище. Но изъ училища его скоро увольняютъ за «неспособность» къ усвоенію школьной премудрости, главнымъ образомъ, математики, и Жуковскому приходится пока ограничиться уроками гувернантокъ и домашнихъ учителей.

Среди послѣднихъ особенное значеніе имѣлъ для Жуковскаго старшій учитель тульскаго главнаго народнаго училища Покровскій, помѣщавшій въ тогдашнихъ журналахъ статьи подъ псевдонимомъ «Философъ горы Алаунской». Это былъ гуманный, просвѣщенный и религіозный человѣкъ, въ которомъ трезвое отношеніе къ тогдашней русской дѣйствительности соединялось съ романтическою

Digitized by Google

мечтательностью надъ могилами «сельскаго кладбища» при «томномъ меланхолическомъ свѣтѣ луны». Природная мечтательность Жуковскаго представляла самую благопріятную почву для усвоенія литературныхъ вкусовъ Покровскаго, и тою «печатью меланхоліи», которою отмѣчены уже первыя произведенія нашего поэта, онъ въ значительной степени обязанъ литературнымъ бесѣдамъ и печатнымъ сочиненіямъ своего перваго учителя словесности. Другой, по всей вѣроятности, еще болѣе важной причиной этой ранней «печати меланхоліи» было открытіе Жуковскимъ тайны своего происхожденія. Когда и при какихъ обстоятельствахъ раскрылась эта тайна, біографы поэта намъ не говорятъ, но едва ли можно сомнѣваться, что уже въ Тулѣ Жуковскій постигъ эту роковую тайну.

На четырнадцатомъ году Жуковскаго отвозятъ въ Кекегольмъ на военную службу, куда онъ былъ записанъ съ рожденія; но восшествіе на престолъ императора Павла избавляетъ будущаго поэта, какъ малолѣтняго, отъ военщины, и въ 1797 году его отдаютъ въ Благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Здѣсь мальчикъ находитъ болѣе подходящее для себя общество товарищей, которые не замедлили признать его первенство «въ благонравіи, въ стремленіи къ добру и къ просвѣщенію», и среди которыхъ онъ нашелъ такихъ же друзей на всю жизнь, какъ и среди дочерей Юшковой. Литературныя же и нравственныя вліянія, которымъ подвергается Жуковскій въ пансіонѣ, въ общемъ, представляютъ продолженіе бесѣдъ и уроковъ Покровскаго. Главный руководитель пансіона Прокоповичъ-Антонскій—воспитанникъ Дружескаго ученаго общества и представитель того направленія русской общественной мысли, которое сложилось на почвѣ реакціи просвѣтительной философіи XVIII вѣка. Убѣжденный, что «дни благоденствія народовъ были вмѣстѣ днями торжества религіи» и что «просвѣщеніе безъ чистой нравственности и утонченіе ума безъ образованія сердца есть злѣйшая язва, истребляющая благоденствіе не единыхъ семействъ, но цѣлыхъ народовъ»,—Антонскій, въ видахъ «образованія сердца» и развитія «чистой нравственности», внушаетъ воспитанникамъ «духъ покорности и почтенія» ко всѣмъ старшимъ безъ изъятья, заставляетъ ихъ читать подернутыя мистицизмомъ сочиненія протестантскихъ проповѣдниковъ и задаетъ къ публичнымъ актамъ пансіона сочиненія въ стихахъ и въ прозѣ на такія темы, какъ добродѣтель, благость, истина, счастье, любовь къ отечеству и тому подобное.

Къ чести Антонскаго надо сказать, что онъ понималъ невозможность усвоенія воспитанниками всѣхъ тридцати шести учебныхъ предметовъ, входившихъ въ программу Благороднаго пансіона, и давалъ своимъ питомцамъ значительную свободу въ выборѣ занятій по своимъ природнымъ склонностямъ. Особенное вниманіе было обращено въ пансіонѣ на изученіе русскаго языка и русской словесности, а также

Digitized by Google

на новые европейскіе языки и литературы, въ то время, какъ классическіе языки почти вовсе не преподавались. Для развитія въ своихъ воспитанникахъ литературныхъ интересовъ Прокоповичъ-Антонскій въ залѣ пансіона устраиваетъ засѣданія Общества любителей россійской словесности, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ, дозволяетъ воспитанникамъ учрѣдить собственное общество съ цѣлью «исправленія сердца, очищенія ума и вообще обрабатыванія вкуса», позволяетъ имъ читать тогдашніе журналы и даже печатать въ нихъ свои произведенія.

Жуковскій не замедлилъ воспользоваться всѣми благопріятными случаями, чтобы уже на школьной скамьѣ отдаться литературной дѣятельности. Онъ является предсѣдателемъ и самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ пансіонскаго общества. Уже въ первый годъ своего пребыванія въ пансіонѣ онъ читаетъ на торжественномъ актѣ оду: «Благоденствіе Россіи, устрояемое великимъ ея самодержцемъ Павломъ Первымъ» и печатаетъ въ журналѣ «Пріятное и полезное препровожденіе времени» собственныя свои «Мысли при гробницѣ». За этими первыми произведеніями Жуковскаго въ стихахъ и въ прозѣ слѣдуетъ рядъ новыхъ поэтическихъ опытовъ, въ которыхъ Жуковскій поетъ гимны *добродѣтели*, *просвѣщенію*, котораго «благотворный свѣтъ съ лучемъ религіи сливаясь, все кроткой теплотой живитъ», *надеждѣ*,—«кроткой посланницѣ небесъ», «подругѣ радости», «усладительницѣ нашихъ горестей» и т. д.

Всѣ указанныя темы Жуковскій могъ найти въ русской литературѣ XVIII вѣка и, между прочимъ, въ сочиненіяхъ Карамзина, вліяніе котораго особенно ярко отразилось въ юношескихъ произведеніяхъ нашего поэта. Но общій тонъ Жуковскаго несравненно меланхоличнѣе, чѣмъ у его учителя. «Флеровая мантія меланхоліи» въ большинствѣ случаевъ «покрываетъ чувства» юнаго поэта.

Подъ звѣзднымъ кровомъ тихой ночи,
При свѣтѣ блѣдныя луны,
Въ тѣни вѣтвистыхъ кипарисовъ,
Брожу межъ множества гробовъ.

Вотъ излюбленная обстановка, при которой Жуковскій даетъ волю своему воображенію. Жизнь представляется ему «бездной слезъ и страданій»; на «лютую смерть» онъ смотритъ, какъ на «путь въ вѣчноблаженную страну». Отсюда выводъ: «счастливъ стократъ, кто, достигнувъ мирнаго брега, вѣчнымъ спитъ сномъ». Къ такому мрачному выводу приходитъ пятнадцатилѣтній Жуковскій въ стихотвореніи «Майское утро».

II.

Начало самостоятельной жизни Жуковскаго совпадаетъ съ началомъ XIX вѣка. Въ концѣ декабря 1800 года онъ покидаетъ Благородный пансіонъ, оставивъ свое имя на почетной доскѣ, и тотчасъ же

Digitized by Google

поступаетъ чиновникомъ въ главную соляную контору, гдѣ служитъ съ небольшимъ годъ. Служба не мѣшаетъ Жуковскому заниматься литературой и расширять свои знакомства. Еще во время пребыванія въ пансіонѣ онъ посѣщаетъ домъ своихъ школьныхъ товарищей и друзей, братьевъ Тургеневыхъ, и въ лицѣ старика Тургенева находитъ настоящаго отца, а въ домѣ его встрѣчаетъ извѣстнаго масона Лопухина, а также Карамзина и Дмитріева. Всѣ эти лучшіе представители Екатерининской эпохи обращаютъ особенное вниманіе на даровитаго юношу и снабжаютъ его всевозможными совѣтами литературнаго и нравственнаго характера. Особенно сильное впечатлѣніе производитъ на Жуковскаго Карамзинъ, не только какъ поэтъ, но еще больше какъ человѣкъ и мыслитель. Жуковскій на всю жизнь усваиваетъ его политическіе, религіозные и нравственные взгляды и впослѣдствіи всякій разъ, когда ему приходится говорить о Карамзинѣ, отзывается о немъ не иначе, какъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Карамзинъ для него «ангелъ, другъ, хранитель, наставникъ, примѣръ всего добраго, ободритель для всего прекраснаго», однимъ словомъ, «живое Провидѣніе».

Къ благотворному, хотя и одностороннему вліянію лучшихъ представителей Екатерининскаго времени присоединяется и вліяніе сверстниковъ и друзей Жуковскаго, среди которыхъ оказываются «классики» Блудовъ и Мерзляковъ и «нѣмцы» братья Тургеневы. Особенно сильное вліяніе оказываетъ на молодого поэта Андрей Тургеневъ, многообѣщавшій, но преждевременно (въ 1803 году) скончавшійся поэтъ, знатокъ нѣмецкой литературы и «пламенный поклонникъ поэзіи Гете», человѣкъ съ необыкновенно проницательнымъ, острымъ и яснымъ умомъ, съ чистымъ и исполненнымъ любви къ прекрасному сердцемъ и съ кроткой и доброжелательной душой,—человѣкъ, искренно и горячо вѣрующій, смотрѣвшій «духомъ въ вѣчность» и видѣвшій тамъ «лучшій міръ» и «царство вѣчное одной любви святой». Вмѣстѣ съ Тургеневымъ и Мерзляковымъ Жуковскій является во главѣ возникшаго въ началѣ 1801 года Дружескаго литературнаго общества, которое, помимо литературныхъ задачъ, имѣло въ виду преслѣдовать цѣли нравственнаго самоусовершенствованія и даже филантропіи, по примѣру знаменитаго Дружескаго ученаго общества, основаннаго Новиковымъ и Шварцемъ. Члены новаго общества занимаются переводомъ на русскій языкъ произведеній нѣмецкой литературы, и Жуковскій, недостаточно еще владѣющій нѣмецкимъ языкомъ, въ качествѣ переводчика дебютируетъ романомъ Коцебу «Мальчикъ у ручья», за которымъ слѣдуютъ нелѣпо-фантастическіе романы Шписа и пошло-сентиментальныя драмы Коцебу.

Общеніе съ образованнѣйшими представителями стараго и новаго поколѣнія не могла не обнаружить пробѣловъ въ образованіи Жуковскаго, и въ началѣ 1802 года онъ оставляетъ службу въ «нелѣпой» соляной конторѣ и уѣзжаетъ въ Мишенское съ цѣлой библіотекой, въ

Digitized by Google

составъ которой входятъ, между прочимъ, знаменитый энциклопедическій словарь Дидро и Даламбера, а также сочиненія Лессинга и Шиллера. Но не Шиллеръ и не Лессингъ увлекаютъ Жуковскаго въ его деревенскомъ уединеніи; онъ увлекается французскимъ идилликомъ и баснописцемъ Флоріаномъ и переводитъ его повѣсти и басни, а также его передѣлку «Донъ-Кихота»

Въ одинъ годъ съ повѣстями Флоріана является и знаменитый переводъ элегіи Грея «Сельское кладбище», напечатанный въ «Вѣстникѣ Европы» Карамзина и сразу поставившій Жуковскаго въ ряды лучшихъ русскихъ поэтовъ. Въ этомъ произведеніи, которое Жуковскій впослѣдствіи ошибочно считалъ первымъ своимъ печатнымъ трудомъ, передъ нами первый образецъ тѣхъ переводовъ-передѣлокъ, которыми Жуковскій обогатилъ русскую литературу и въ которые онъ вложилъ такъ много своего собственнаго *я*, что эти переводы представляютъ такіе же драгоцѣнные матеріалы для характеристики душевнаго настроенія автора, какъ и оригинальныя его произведенія. Еще въ Благородномъ пансіонѣ познакомился Жуковскій съ прозаическими переводами элегіи Грея, и грустный тонъ этого произведенія настолько пришелся нашему поэту по душѣ, что онъ сдѣлалъ *три* стихотворныхъ перевода знаменитой элегіи (въ 1801, 1802 и 1839 гг.). Да и какъ было Жуковскому не увлечься этимъ произведеніемъ, когда въ немъ не только изображена любимая имъ обстановка — кладбище ночью, не только трактуется его любимая тема о смерти, но дается еще и характеристика безвременно умершаго пѣвца, кроткаго сердцемъ, чувствительнаго душой, отмѣченнаго «печатью меланхоліи», даровавшаго несчастныхъ слезой и получившаго въ награду отъ Творца друга. Въ этомъ пѣвцѣ Жуковскій съ полнымъ правомъ могъ видѣть свой портретъ, а такъ какъ этотъ портретъ все-таки не вполнѣ совпадалъ съ оригиналомъ, то образъ англійскаго меланхолика подвергся значительной ретушовкѣ, которая усилила и безъ того мрачный колоритъ элегіи.

Лучшій біографъ и другъ нашего поэта, докторъ Зейдлицъ, вполнѣ справедливо усматриваетъ въ этомъ переводѣ «психологическій документъ, опредѣляющій душевное состояніе поэта» во время пребыванія его въ Мишенскомъ, гдѣ онъ снова почувствовалъ себя въ ложномъ положеніи по отношенію къ своимъ «благодѣтелямъ» и даже по отношенію къ родной матери. Поэтъ является на родину съ самыми скромными желаніями: ему не нужны «вѣнцы вселенной» и «позлащенные чертоги».

Простой, укромный уголокъ
Въ тѣни лѣсовъ уединенный,
Гдѣ бъ я свободнѣе дышалъ,
Всѣмъ милымъ сердцу окруженный,
И лирой слухъ свой услаждалъ.

Digitized by Google

Вотъ все—я больше не желаю,
Въ душѣ моей цвѣтетъ мой рай.
Я бурный міръ сей презираю.

Для такого любителя уединенія и сельской природы, какимъ былъ Жуковскій, Мишенское было прекраснымъ уголкомъ, но поэту не живется въ той обстановкѣ, въ которой онъ выросъ, и мы видимъ его въ постоянныхъ переѣздахъ съ одного мѣста на другое.

Во время этихъ блужданій не забываетъ Жуковскій, что ему надо «въ просвѣщенье стать съ вѣкомъ наравнѣ». Онъ составляетъ «роспись во всякомъ родѣ лучшихъ книгъ» и задается цѣлью не только прочитать намѣченныя сочиненія, но и сдѣлать изъ нихъ «экстракты». Онъ читаетъ сочиненія сентиментальныхъ поэтовъ и моралистовъ, къ которымъ присоединяются историки, педагоги и даже политико-экономы въ лицѣ Сэя. Рядомъ съ самообразованіемъ идетъ и выработка міросозерцанія, и борьба съ религіозными сомнѣніями. Въ пансіонѣ всѣ такъ называемые «проклятые вопросы» разрѣшались очень просто: *добродѣтель* — цѣль и счастье земной жизни, *безсмертіе* — награда за гробомъ. Но скоро эти понятія, воспринятыя съ чужого голоса, потребовали болѣе точнаго опредѣленія. Смерть Андрея Тургенева кладетъ начало религіознымъ сомнѣніямъ Жуковскаго. Сначала онъ утѣшаетъ себя стихами:

...Пройдетъ и жизнь, ты будешь мой опять!
Во гробѣ намъ судьбой назначено свиданье!
Надежда сладкая, прелестно ожиданье!
Съ какимъ веселіемъ я буду умирать!

А мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ были написаны эти строки, у Жуковскаго является уже сомнѣніе, возможно ли «свиданье» въ загробной жизни, и передъ нимъ возстаетъ проблема личнаго безсмертія. Сомнѣнія эти на первыхъ порахъ помогаетъ разрѣшить или, лучше сказать, устранить житейская философія Карамзина, въ основѣ которой лежала «довѣренность къ Провидѣнію».

Но скоро опять «проклятые вопросы» поднимаются въ душѣ Жуковскаго. «Несогласіе чувствъ и дѣлъ съ правилами и словами», замѣчаемое имъ «съ колыбели», развиваютъ въ немъ «неуваженіе и равнодушіе къ религіи», и въ 1805 году всѣ его прежнія религіозныя представленія оказываются «пустыми словами безъ смысла и безъ дѣйствія». А между тѣмъ онъ чувствуетъ, «какое блаженство должна давать прямая религія: она возноситъ человѣка выше всего, выше самой его личности». Вѣра—для него необходимое условіе и подпора счастья, а счастье—«законъ натуры». Слѣдовательно, чтобы исполнить «законъ натуры», нужна вѣра. И вотъ онъ *хочетъ* вѣрить, прежде всего вѣрить безсмертію души, какъ главному условію счастья. 17-го іюля 1805 года онъ смотритъ на небо, «воображаетъ» безсмертіе и мечтаетъ: «Безсмертіе, вѣчное радостное бытіе, котораго подобіе на-

Digitized by Google

ходимъ здѣсь въ духовныхъ наслажденіяхъ!.. Ахъ, если бы это чувство укоренилось въ душѣ моей! Какъ бы всѣ несчастія были передо мною слабы! Можетъ ли быть то ложно, что такъ возвышаетъ душу, и можетъ ли та душа быть не безсмертна, которая такъ можетъ возвышаться!.. *Тамъ*—какое слово, что подъ нимъ заключается! У меня на глазахъ слезы отъ сего слова! Друзья, надежды, радости, блаженство—все *тамъ*!»

Въ борьбѣ съ религіозными сомнѣніями Жуковскій прибѣгаетъ даже къ внѣшней помощи. «Ты долженъ быть,—пишетъ онъ А. И. Тургеневу,—согрѣвателемъ моей души, долженъ поддерживать во мнѣ чувство безсмертія... Я за себя не совсѣмъ ручаюсь, и для того-то требую подпоры, защиты противъ самого себя» *).

Для того, чтобы быть достойными блаженства *тамъ*, *здѣсь* человѣкъ долженъ быть добродѣтельнымъ. Но что такое добродѣтель? Отвѣтъ на этотъ вопросъ Жуковскій находитъ у главнаго представителя раціонализма XVIII вѣка. «Истинная добродѣтель состоитъ въ употребленіи своихъ способностей къ наибольшему благу людей. На всякой степени ума и во всякомъ состояніи можно быть добродѣтельнымъ». Эти слова Вольтера Жуковскій записываетъ въ своемъ дневникѣ и прибавляетъ: «Вотъ правило, котораго никогда не должно выпускать изъ мыслей» **). Но стремленіе къ наибольшему благу людей не должно находиться въ противорѣчіи съ собственнымъ благомъ человѣка. «Главное дѣло человѣка: пріобрѣсть способность быть счастливымъ». Но въ чемъ же личное счастье? «Быть счастливымъ есть мыслить. Въ мысляхъ заключаются всѣ наши наслажденія. Онѣ возвышаютъ, украшаютъ душу». Даже другъ и жена—только помощники въ достиженіи этой «внутренней душевной возвышенности», которая является для Жуковскаго прообразомъ загробнаго блаженства.

Самообразованіе и выработка міросозерцанія идутъ у Жуковскаго на ряду съ мечтами о матеріальномъ устроеніи своей жизни. Отецъ не оставилъ ему никакого наслѣдства, если не считать семьи дворовыхъ, которые живутъ на волѣ и не думаютъ платить барину оброка. Капиталъ, составленный для него Буниной изъ наслѣдства своихъ дочерей, и литературный заработокъ не въ состояніи избавить поэта отъ необходимости проживать у разныхъ «благодѣтелей». Служить онъ не хочетъ, потому что на низшихъ ступеняхъ административной лѣстницы онъ не желаетъ быть «орудіемъ чужой воли», а для высшихъ ступеней, съ которыми связана возможность дѣлать добро, «онъ не находитъ въ себѣ способностей публичнаго человѣка». По примѣру Карамзина,

*) Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу напечатаны въ приложеніи къ журналу «Русскій Архивъ» за 1895 г.

**) «Дневники» Жуковскаго напечатаны въ приложеніи къ журналу «Русская Старина» за 1901 и 1902 гг.

Digitized by Google

онъ желаетъ «спокойной, но дѣятельной жизни человѣка, упражняющагося въ наукахъ». Въ половинѣ 1805 года у нашего мечтателя складывается обширный планъ относительно будущаго. Онъ мечтаетъ отправиться на чужой счетъ вмѣстѣ съ Мерзляковымъ и Николаемъ Тургеневымъ за границу для продолженія своего образованія. Онъ думаетъ первый годъ учиться въ Геттингенѣ, другой годъ учиться въ Парижѣ, третій годъ путешествовать по Европѣ. По возвращеніи въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ будетъ издавать журналъ, чтобы расплатиться съ долгами, а затѣмъ посвятитъ себя совершенно литературѣ, сколотитъ «двадцатитысячный капиталъ», чтобы имѣть «вѣрный доходъ по тысячѣ рублей въ годъ», и будетъ вести «спокойную, невинную жизнь», заниматься чтеніемъ и садоводствомъ и находить отдохновеніе въ обществѣ «вѣрнаго друга или вѣрной жены». Черезъ восемь дней послѣ того, какъ въ дневникѣ Жуковскаго былъ начертанъ этотъ буржуазно-идиллическій идеалъ счастья, онъ подыскалъ себѣ и будущую «вѣрную жену» въ лицѣ своей двѣнадцатилѣтней племянницы Маши Протасовой. «Я былъ бы съ нею счастливъ,—мечтаетъ Жуковскій,—она умна, чувствительна, она узнала бы цѣну семейственнаго счастья и не захотѣла бы свѣтской разсѣянности... Моя первѣйшая цѣль есть наслажденіе семейственною жизнью».

Мечты Жуковскаго о заграничномъ путешествіи не осуществляются. Вслѣдъ за Протасовыми онъ переѣзжаетъ въ Бѣлевъ и отдается образованію своихъ племянницъ. Этотъ первый опытъ своихъ педагогическихъ занятій Жуковскій начинаетъ съ довольно обширной программой, куда входятъ теологія, этика, философія, исторія, грамматика, риторика, эстетика, словесность, русская и иностранная, и даже воспитаніе. Между прочимъ, Жуковскій предполагаетъ ознакомить своихъ ученицъ въ строгой системѣ съ лучшими писателями древними и новыми. Но исполненіе такой обширной программы оказывается Жуковскому не по силамъ. Уже въ первые мѣсяцы своихъ педагогическихъ занятій съ племянницами онъ дѣлаетъ печальное открытіе: «ученье мнѣ теперь всего нужнѣе, потому что я совсѣмъ ничего не знаю». А въ концѣ 1806 года онъ появляется уже въ Москвѣ съ намѣреніемъ «цѣлый годъ посвятить порядочному ученію, пройти исторію и философію и потомъ уже, имѣя основательныя знанія, приняться за что-нибудь важное и полезное». Но патріотическое воодушевленіе общества, вызванное первой неудачей въ борьбѣ съ Наполеономъ, мѣшаетъ учебнымъ занятіямъ Жуковскаго. Онъ считаетъ своимъ долгомъ служить отечеству и мечтаетъ «втереться въ штатъ какого-нибудь изъ главнокомандующихъ областныхъ для письменныхъ дѣлъ». Онъ не прочь даже «идти во фрунтъ», если это окажется необходимымъ. Отъ поступленія въ милицію Жуковскаго отговорили. Между прочимъ, родная мать поэта написала ему: «ты

Digitized by Google

совсѣмъ неспособенъ къ военной службѣ и гораздо болѣе можешь быть полезенъ отечеству, избравъ другой родъ службы».

Заплативъ патріотическому воодушевленію «лепту вдовицы» въ видѣ «Пѣсни барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей», Жуковскій, по совѣту матери, обращаетъ взоры на гражданскую службу, тѣмъ болѣе, что ему надоѣло уже «ходить въ Блудова сюртукѣ и жилетѣ и ѣсть слоеные пироги», вмѣсто нормальнаго обѣда. Онъ мечтаетъ при помощи друзей найти такую службу, которая обезпечивала бы ему необходимыя средства для существованія и въ то же время не мѣшала бы заниматься и самообразованіемъ. Онъ мечтаетъ и о мѣстѣ библіотекаря, и о мѣстѣ «директора» какого-нибудь училища въ Москвѣ, и даже о поступленіи въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Всѣ эти мечты оканчиваются въ половинѣ 1807 года, когда Жуковскій рѣшается взять на себя редактированіе «Вѣстника Европы».

Неопредѣленность житейскаго положенія и выработка міросозерцанія, связанная съ религіозными сомнѣніями, крайне неблагопріятно отражается на душевномъ настроеніи Жуковскаго. Часто онъ чувствуетъ себя недовольнымъ, неспокойнымъ, лишеннымъ бодрости. Нерѣдко онъ переживаетъ минуты отчаянія. Онъ замѣчаетъ неблагопріятное вліяніе основныхъ свойствъ своей натуры, мечтательности и «священной меланхоліи», и старается отдѣлаться отъ нихъ или ослабить ихъ насколько возможно. Онъ хочетъ быть «энтузіастомъ по разсудку» и проситъ Тургенева прислать ему «какого-нибудь нѣмца-энтузіаста», «что-нибудь хорошее въ нѣмецкой философіи», которая «возвышаетъ душу, возбуждаетъ энтузіазмъ». Точно также Жуковскій сознаетъ, что «жить одними идеалами не годится», что «мечтательность сама по себѣ вредна и опасна», и считаетъ необходимымъ обуздывать порыва фантазіи «здравою опытною философіею». Переводъ «Донъ-Кихота» и чтеніе романа Виланда, «Агатонъ», оказываютъ въ этомъ отношеніи сильное вліяніе на Жуковскаго.

Въ переводѣ знаменитыхъ похожденій рыцаря Печальнаго Образа Жуковскій не только находитъ лекарство противъ своей мечтательности, но и даетъ выходъ тому запасу ироніи и юмора, которые по временамъ брали верхъ надъ его «меланхоліей» и впослѣдствіи доходили даже до буфонства, напримѣръ, въ протоколахъ Арзамаса и въ нѣкоторыхъ письмахъ. Впослѣдствіи онъ находитъ даже страннымъ, что многіе считаютъ его «поэтомъ унынія», тогда какъ онъ «очень склоненъ къ веселости, шутливости и даже каррикатурѣ». Указанныя черты характера Жуковскаго, помимо перевода «Донъ-Кихота», проявились и въ переводѣ басенъ Флоріана и Лафонтена, и въ цѣломъ рядѣ эпиграммъ и сатирическихъ эпитафій, относящихся къ 1806 году и не чуждыхъ иногда гражданскихъ мотивовъ.

Къ сожалѣнію, обстоятельства личной жизни и литературныя вліянія не благопріятствовали развитію въ Жуковскомъ только что указанной

Digitized by Google

стороны его таланта, и его эпиграммы кажутся даже неумѣстными среди такихъ торжественныхъ, патріотическихъ и воинственныхъ произведеній, какъ «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей», и такихъ сентиментально-меланхолическихъ стихотвореній, какъ «Вечеръ» и «Къ Филалету», гдѣ передъ нами является знакомый намъ «уединенный пѣвецъ», которому

...рокъ судилъ брести невѣдомой стезей,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы...
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать—

и для котораго «кончины сладкій часъ любимою мечтою становится».

Все это знакомыя намъ мечты раннихъ произведеній Жуковскаго; новаго въ стихотвореніяхъ разсматриваемаго періода одна только *любовь*, которую нашъ поэтъ изгналъ даже изъ «Сельскаго кладбища» и которая, впервые появившись въ переводахъ романсовъ Сервантеса (въ «Донъ-Кихотѣ»), въ 1806 году, подъ вліяніемъ нѣжнаго чувства къ Машѣ Протасовой, дѣлается для Жуковскаго «счастіемъ, благостью и геніемъ». Этому же нѣжному чувству Жуковскаго къ его юной племянницѣ обязаны мы и первыми переводами изъ Шиллера. Но и любовь не спасаетъ Жуковскаго отъ меланхоліи, которая съ такою силою выливается въ посланіи «къ Филалету» (А. И. Тургеневу), напоминающемъ нѣкоторыми стихами знаменитую элегію Пушкина «Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ». Вотъ какія признанія дѣлаетъ Жуковскій другу о своемъ душевномъ настроеніи въ 1807 году:

...Кончины сладкій часъ
Моей любимою мечтою становится;
Унылость тихая въ душѣ моей хранится;
Во всемъ внимаю я знакомый смерти гласъ...
Повсюду вѣстники могилы предо мной...
Внимаю-ли рогамъ пастушьимъ за горой,
Иль вѣтра горнаго въ дубравѣ трепетанью,
Иль тихому ручья въ кустарникѣ журчанью,
Смотрю-ль въ туманну даль вечернею порой,
Къ клавиру-ль преклонясь, гармоніи внимаю—
Во всемъ печальныхъ дней конецъ воображаю...

Объясненіемъ такого унынія и стремленія къ замогильному покою является вся жизнь поэта.

Къ младенчеству-ль душа прискорбная летитъ,
Считаю-ль радости минувшаго—какъ мало!
Нѣтъ! счастье къ бытію меня не пріучало;
Мой юношескій цвѣтъ безъ запаха отцвѣлъ.
Едва въ душѣ своей для дружбы я созрѣлъ—
И что же!.. предо мной увядшаго могила.
Душа, не воспылавъ, свой пламень угасила.
Любовь... но я въ любви нашелъ одну мечту,
Безумца тяжкій сонъ, тоску безъ раздѣленья,
И невозвратное надеждъ уничтоженье.

Digitized by Google

III.

Въ 1808 году осуществляется мечта Жуковскаго издавать журналъ: онъ дѣлается редакторомъ основаннаго Карамзинымъ «Вѣстника Европы». Въ качествѣ profession de foi онъ печатаетъ «Письмо изъ уѣзда», гдѣ распространяется о громадной пользѣ чтенія вообще и чтенія хорошихъ журналовъ въ частности. Хорошій журналъ, по мнѣнію Жуковскаго, полезнѣе хорошей книги, потому что книга дѣйствуетъ медленно и на немногихъ людей, а «хорошій журналъ дѣйствуетъ *вдругъ* и на многихъ» и такимъ образомъ скорѣе книги распространяетъ полезныя идеи и подготовляетъ читателей къ усвоенію философіи и поэзіи. Результаты вліянія хорошихъ журналовъ на русскую публику Жуковскій рисуетъ самыми привлекательными красками. «Охота читать книги—очищенная, образованная—сдѣлается общею; просвѣщеніе исправитъ понятія о жизни, о счастіи; лучшая, болѣе благородная дѣятельность оживитъ умы... Съ успѣхами образованности, состоянія должны придти въ равновѣсіе... Одинакія понятія о наслажденіяхъ жизни соединятъ чертоги и хижины... Понятія о супружествѣ очистятся; супружество не будетъ соединеніемъ однихъ приличій, но радостнымъ, нераздѣльнымъ товариществомъ на пути къ счастію, въ единомъ дѣятельномъ исканіи совершенства... Воспитанію—высокой, пренебреженной обязанности человѣка въ священномъ званіи отца, обязанности, сближающей его съ Творцомъ, который и счастіемъ, и несчастіемъ воспитываетъ человѣческій родъ — воспитанію возвратятся отнятыя права» и т. д.

Первымъ достоинствомъ журнала Жуковскій считаетъ «разнообразіе» и съ первой же книжки задается цѣлью «собирать, не давая отчета, ученую подать со всѣхъ временъ и народовъ», руководствуясь единственнымъ требованіямъ: «удовольствія и удовольствія, занятія благороднаго и не пустого». Поэзія и мораль составляютъ главное содержаніе «Вѣстника Европы», политика же играетъ въ немъ второстепенную роль, а критика на первыхъ порахъ совершенно изгоняется со страницъ журнала. «Критика и роскошь—пишетъ Жуковскій, почти буквально повторяя слова Карамзина,—дочери богатства; а мы еще не крезы въ литературѣ. Уроки морали ничто безъ опытовъ, и критика самая тонкая ничто безъ образцовъ... Восхищайся, подражай, будь остороженъ—въ этихъ трехъ словахъ заключена вся сущность критики». Но скоро программа журнала подвергается существеннымъ измѣненіямъ. Отдѣлъ политики съ сентября 1809 года исчезаетъ вовсе, зато является самостоятельный отдѣлъ критики. Самъ Жуковскій пишетъ руководящую статью, въ которой излагаетъ свои взгляды на критику, доказываетъ ея пользу и необходимость и указываетъ главныя условія хорошей критики. Теперь критика, по его мнѣнію, «Аріаднина нить разсудку и чувству» читателей, недостаточно подготовлен-

Digitized by Google

ныхъ для уразумѣнія красотъ изящнаго. Условія хорошей критики — безпристрастіе и «учтивость». «Думаю также,—прибавляетъ Жуковскій,—что, разбирая произведенія изящныя, онъ (критикъ) долженъ болѣе останавливаться на красотахъ, нежели на погрѣшностяхъ». При такомъ направленіи критики, по мнѣнію Жуковскаго, даже «разсматриваніе вздорныхъ книгъ» можетъ послужить «приготовленіемъ къ хорошему». Званіе критика «весьма важное и весьма трудное». Истинный критикъ долженъ быть одаренъ отъ природы глубокимъ и тонкимъ чувствомъ изящнаго, проницательнымъ и вѣрнымъ умомъ. Онъ долженъ знать всѣ правила словеснаго искусства, долженъ быть знакомъ съ превосходнѣйшими образцами словесности и имѣть въ душѣ «собственный идеалъ совершенства, такъ сказать, составленный изъ всѣхъ красотъ, замѣченныхъ имъ въ произведеніяхъ изящнаго, идеалъ, съ которымъ онъ сравниваетъ всякое новое произведеніе художника». А такъ какъ искусство—подражаніе природѣ, то истинный критикъ долженъ быть знакомъ съ природой. Кромѣ того «истинный критикъ долженъ быть и моралистъ-философъ... Онъ долженъ быть и самъ *морально-добрымъ* (курсивъ Жуковскаго) или, по крайней мѣрѣ, имѣть въ душѣ своей рѣшительное расположеніе къ добру, ибо доброта моральная... служитъ основаніемъ чувству изящнаго».

Уже изъ этой руководящей статьи можно видѣть, какіе устарѣлые взгляды исповѣдуетъ Жуковскій въ эпоху изданія «Вѣстника Европы». Передъ нами вѣрный ученикъ Лагарпа, поклонника ложно-классицизма, и Зульцера, положившаго въ основаніе своей «Теоріи изящныхъ искусствъ» принципъ нравственной пользы поэзіи, принципъ, усвоенный Жуковскимъ на всю жизнь. Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ Лессингъ въ «Гамбургской драматургіи» нанесъ французской псевдоклассической трагедіи смертельный ударъ и далъ новую теорію драмы, Жуковскій считаетъ Лагарпа лучшимъ знатокомъ теоріи драматическаго искусства. Неудивительно, что имѣя такого руководителя, Жуковскій холодно относится къ Шекспиру и отдаетъ предпочтеніе французскимъ трагикамъ Корнелю, Расину, Вольтеру.

Отсталость Жуковскаго отъ литературнаго движенія на западѣ, столь обычная для ученическаго періода русской литературы, ясно выразилась также и въ выборѣ той «ученой подати со всѣхъ временъ и народовъ», которая составляетъ преобладающее содержаніе «Вѣстника Европы». Рядомъ съ Руссо, которымъ Жуковскій одно время сильно увлекался, рядомъ съ Шиллеромъ, который занялъ въ его сердцѣ мѣсто женевскаго мечтателя, рядомъ съ Виландомъ и Шатобріаномъ мы находимъ въ «Вѣстникѣ Европы» такихъ писателей, какъ Энгель, осмѣянный романтиками, какъ Меркель, извѣстный своей враждой къ Гёте, какъ пресловутый Коцебу и даже Жанлисъ.

Въ стихотворныхъ переводахъ Жуковскій въ большей степени, чѣмъ въ прозаическихъ, является поклонникомъ новаго направленія въ нѣ-

Digitized by Google

мецкой поэзіи. Но и тамъ на ряду съ переводами и передѣлками стихотвореній Гёте и Шиллера, который надолго дѣлается любимымъ поэтомъ Жуковскаго, мы встрѣчаемъ сентиментальныя произведенія Томсона, Маттисона, Мильвуа и др. Въ это же время появляются и первыя баллады Жуковскаго: «Людмила»—передѣлка знаменитой въ исторіи романтизма «Леноры» Бюргера, «Кассандра» и «Ивиковы журавли» Шиллера, «Громобой» съ сюжетомъ, заимствованнымъ изъ романа Шписа, и наконецъ, уже въ 1811 году, знаменитая «Свѣтлана», представляющая по сравненію съ «Людмилой» еще болѣе смягченную передѣлку «Леноры». И у сентиментальныхъ поэтовъ, и у предшественниковъ нѣмецкаго романтизма Жуковскій беретъ только то, что соотвѣтствуетъ его душевному настроенію и нравственнымъ убѣжденіямъ, не останавливаясь, въ угоду своимъ односторонним литературнымъ вкусамъ, даже передъ передѣлкой и искаженіемъ иностраннаго образца. Неудивительно, поэтому, что не только въ оригинальныхъ, но въ переводныхъ произведеніяхъ Жуковскаго, относящихся къ 1808—1810 годамъ, мы находимъ всѣ его любимыя идеи и понятія. Тутъ и вѣра—вожатый «въ таинственный край чудесъ», и благодатная надежда—«причина всѣхъ добрыхъ дѣлъ, источникъ всего великаго», и покорность Провидѣнію, и спасительность раскаянія, и скорбь—«Создателя посланье», и могила—«вѣрный путь къ покою», и смерть—«лучшій жизни свѣтъ», и свиданіе за гробомъ, и безсмертіе — «нашъ удѣлъ». Господствующимъ же мотивомъ въ поэзіи Жуковскаго за указанный періодъ является любовь къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой, которой онъ посвящаетъ цѣлый рядъ самыхъ страстныхъ посланій, заимствуя языкъ любви у Шиллера. Вліяніе любовнаго увлеченія отражается и на прозаическихъ сочиненіяхъ Жуковскаго. Даже сентиментальныя повѣсти, напечатанныя Жуковскимъ въ «Вѣстникѣ Европы», получаютъ особый смыслъ, если принять во вниманіе, что онѣ вышли изъ подъ пера человѣка, руководившаго воспитаніемъ двухъ дѣвушекъ, на одну изъ которыхъ онъ смотрѣлъ, какъ на свою будущую жену. Сказка «Три пояса» должна была показать ученицѣ Жуковскаго, что въ скромности заключены красота и всѣ таланты женщины. Въ повѣсти «Марьина роща» Марья Андреевна должна была увидѣть, что если она забудетъ своего скромнаго пѣвца и прельстится богатствомъ и знатностью какого нибудь Рогдая, то въ этомъ бракѣ не найдетъ счастья.

Въ общемъ, настроеніе Жуковскаго, въ эпоху изданія имъ «Вѣстника Европы», довольно мрачное. Ни полезная дѣятельность, ни страстная любовь, ни вѣра въ Провидѣніе не спасаютъ его отъ меланхоліи и отъ мысли о смерти, которая, какъ ему кажется, готова раскрыть для него свои объятія. Своей старой знакомкѣ—меланхоліи онъ посвящаетъ цѣлое разсужденіе, гдѣ доказываетъ, что «даже счастье любви есть наслажденіе меланхолическое». Свои излюбленныя мысли о смерти онъ вставляетъ даже въ статьи объ игрѣ актрисы Жоржъ.

Digitized by Google

«Мысль о смерти—говорится по поводу представленія «Федры»,—мысль трогательная для того, кто въ жизни видитъ одно страданіе и потерялъ всѣ надежды, ибо она (т.-е. смерть) представляетъ ему тихое убѣжище».

При такомъ могильномъ настроеніи Жуковскому, конечно, было не до обсужденія общественныхъ вопросовъ, занимавшихъ въ то время русскую журналистику. Но на одинъ изъ этихъ вопросовъ откликнулся и нашъ поэтъ. Въ 1809 году онъ печатаетъ статью «Печальное происшествіе», гдѣ разсказывается о несчастной дворовой дѣвушкѣ, получившей прекрасное воспитаніе и полюбившей прекраснаго молодого человѣка, но доставшейся старому развратнику. Жуковскій возстаетъ противъ обыкновенія русскихъ баръ давать своимъ крѣпостнымъ образованіе и не предоставлять имъ въ то же время личной свободы. «Такія благотворенія—говоритъ Жуковскій,—гибельны и по большей части бываютъ причиной одного разврата». «Человѣкъ зависимый, знакомый съ чувствами и понятіями людей независимыхъ, несчастливъ навѣки, если не будетъ дано ему благо, все превышающее—свобода!.. Просвѣщеніе должно возвышать человѣка въ собственныхъ его глазахъ—а что унизительнѣе рабства!»

Человѣкъ образованный не долженъ быть рабомъ—такова основная мысль Жуковскаго. Но для необразованнаго народа рабство, по примѣру Карамзина, допускается, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями. Въ 1806 году въ сборѣ ополченія противъ Наполеона Жуковскій видитъ «благопріятный случай для дарованія многихъ правъ крестьянству, которыя бы приблизили его *нѣсколько* къ свободному состоянію»; а въ 1808 году онъ является поборникомъ просвѣщенія закрѣпощеннаго народа. «Просвѣщеніе—по его мнѣнію—необходимо для человѣка во всякомъ состояніи, и можетъ быть благодѣтельно въ самой хижинѣ земледѣльца... Люди низкіе—ремесленники, земледѣльцы—должны быть до нѣкоторой степени образованы». Но «излишество образованія» Жуковскій считаетъ вреднымъ для простого народа и требуетъ для простолюдиновъ «ограниченнаго, приличнаго ихъ скромному жребію просвѣщенія, которое научило бы ихъ наслаждаться жизнью въ томъ самомъ кругу, въ которомъ помѣщены они судьбою, и наслаждаться достойнымъ человѣчества образомъ». Онъ желаетъ даже, чтобы народъ, «по мѣрѣ распространенія понятій своихъ, болѣе и болѣе привязывался къ своему жребію, научался понимать его преимущества, ими наслаждаться или сносить несчастія, необходимо съ нимъ соединенныя: просвѣщеніе должно убѣдить его, что онъ можетъ быть счастливъ, можетъ быть человѣкомъ во всѣхъ состояніяхъ». Жуковскій даетъ даже и списокъ книгъ, желательныхъ для образованія народа въ указанномъ направленіи, столь любезномъ сердцу тогдашнихъ крѣпостниковъ. Въ этотъ списокъ входятъ катехизисъ морали, общія понятія «о натурѣ», руководство для сохраненія здоровья, «энциклопедія ремесленниковъ и зем-

Digitized by Google

ледѣльцевъ» и кромѣ того, въ дополненіе къ катехизису, повѣсти и сказки, «которыхъ герои были бы взяты изъ состоянія низкаго», и «народныя стихотворенія, въ которыхъ воображеніе поэта украсило бы природу, непривлекательную для грубыхъ очей простолюдина». Историческія же сочиненія Жуковскій считаетъ для народа излишними, потому что тамъ говорится о происшествіяхъ, «въ которыхъ ему не свойственно принимать участія»; а романы онъ считаетъ даже вредными, потому что они переносятъ воображеніе простолюдина въ совершенно иной міръ. Для составленія указанныхъ книгъ Жуковскій проектируетъ даже особую академію «для просвѣщенія простолюдиновъ».

Такой проектъ образованія народа, съ цѣлью привязать его къ своему жребію, могъ составить только человѣкъ, убѣжденный въ необходимости существованія крѣпостного права. Такимъ крѣпостникомъ и былъ Жуковскій въ эпоху изданія «Вѣстника Европы». Извѣстно, что въ 1809 году онъ старается удержать за собою семью дворовыхъ, доставшихся ему отъ Бунина. Когда тѣ стали искать свободы посредствомъ суда, Жуковскій не только не призналъ за своими крѣпостными права на «высшее благо», но обратился даже къ тульскому полицеймейстеру съ просьбой похлопотать, чтобы просьба, поданная дворовыми въ судъ, «не пошла въ дѣло». Извѣстно также, что книгопродавецъ Поповъ купилъ на имя Жуковскаго семью крѣпостныхъ людей. Только въ 1822 году, послѣ перваго заграничнаго путешествія, поэтъ сознаетъ неприличіе быть душевладѣльцемъ и постарался избавиться отъ «крещеной собственности».

IV.

Въ качествѣ руководителя «Вѣстника Европы», Жуковскій не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ. Точно такъ же и собственная мечта поэта—сколотить путемъ изданія журнала капиталецъ—остается неосуществленной. Журналъ не имѣлъ успѣха, и самъ Жуковскій въ 1810 году сознается, что «Вѣстникъ Европы»—«весьма худой журналъ», а впослѣдствіи называетъ себя «жалкимъ издателемъ» этого журнала. Чуждый самообольщенія, поэтъ сознаетъ и главную причину неуспѣха своей дѣятельности въ качествѣ журналиста. «Не знавши азбука,—пишетъ онъ Тургеневу въ концѣ 1810 года,—я принялся за авторство; но авторство мое увѣрило меня, что надобно приняться за азбуку». «Я невѣжда,—продолжаетъ Жуковскій,—во всей обширности этого слова. Теперь главная мысль моя: надобно учиться и потомъ писать».

Жуковскій покидаетъ Москву и снова переселяется въ Бѣлевъ, гдѣ опять принимается за самообразованіе. Его письма къ Тургеневу наполняются просьбами о книгахъ, подобно письмамъ Пушкина изъ села Михайловскаго. Главное вниманіе поэта сначала обращено на исторію.

Digitized by Google

«Исторія,—пишетъ онъ Тургеневу,—изъ всѣхъ наукъ самая важнѣйшая; важнѣе философіи, ибо въ ней заключена лучшая философія, т.-е. практическая, слѣдовательно, полезная. Для литератора и поэта исторія необходимѣе всякой другой науки: она возвышаетъ душу, расширяетъ понятіе и предохраняетъ отъ излишней мечтательности, обращая умъ на существенное». Для ознакомленія со всеобщей исторіей Жуковскій хочетъ «прочитать всѣхъ классиковъ-историковъ», а русскую исторію онъ хочетъ изучать по источникамъ. Въ частности, русская исторія нужна ему для того, чтобы написать романтическую поэму «Владиміръ». Онъ хочетъ имѣть «основательное понятіе о древности славянской и русской» и, по указанію Карамзина, погружается въ русскія и иностранныя сочиненія о Россіи и о славянахъ, а также и въ памятники древне-русской письменности. Кромѣ того, онъ считаетъ необходимымъ, въ качествѣ подготовительной работы для своей поэмы, прочитать цѣлый рядъ лучшихъ произведеній иностранной литературы, въ томъ числѣ Гомера, Виргилія, Овидія, Аріосто, Тасса, Камоэнса, Мильтона, Шекспира, Вальтера-Скотта, Осціана, Эдду, «Пѣснь о Нибелунгахъ». Произведенія древнихъ классиковъ Жуковскій желаетъ прочитать въ подлинникахъ и очень жалѣетъ, что греческій и латинскій языки ему неизвѣстны. Уже въ сентябрѣ 1810 года онъ принимается за латинскія вокабулы и «съ восхищеніемъ» мечтаетъ о греческомъ языкѣ, который считаетъ «необходимымъ для усовершенствованія русскаго».

Осуществленіе такой обширной программы самообразованія и не прекратившееся совершенно сотрудничество въ «Вѣстникѣ Европы» требуютъ отъ Жуковскаго массы времени и труда. Но на первыхъ порахъ онъ не унываетъ. У него сердце обливается кровью при мысли, «сколько погибло драгоцѣннаго времени по пустякамъ». Трудолюбіемъ и прилежаніемъ онъ хочетъ наверстать потерянное время. Теперь у него всякая минута занята. Онъ неоднократно повторяетъ «золотое правило» любимаго своего историка Іоганна Миллера: «постоянство и твердость могутъ быть достигнуты лишь тогда, когда все наше время будетъ распредѣлено такъ же правильно, какъ въ монастырѣ». Этого правила онъ хочетъ держаться во что бы то ни стало; онъ дѣлается «рабомъ своего нѣмецкаго порядка», и даже «восхищенію стихотворному» назначенъ у него особый часъ. Дѣятельность и дружба теперь для него «ангелы хранители». Даже любовь къ Машѣ, по собственному заявленію Жуковскаго, «уступила трудолюбію». Эту любовь теперь онъ считаетъ главной причиной своей прежней бездѣятельности и лѣни. Какъ разъ въ это время онъ переводитъ и знаменитое стихотвореніе Шиллера «Die Ideale» (у Жуковскаго «Мечты»), въ которомъ онъ находитъ отраженіе собственнаго душевнаго настроенія. И для нашего поэта надежда оказалась «обольстителемъ неопытной души», а «красоты прежнихъ призраковъ» сдѣлались «добычей истины унылой».

Digitized by Google

И Жуковскій, подобно Шиллеру, находитъ единственное утѣшеніе въ трудѣ и дружбѣ.

Увлеченный трудомъ самообразованія, Жуковскій чувствуетъ себя совершенно счастливымъ: въ работѣ онъ видитъ и средство къ счастью и самое счастье. Одно только обстоятельство нарушаетъ блаженное состояніе его души—матеріальная необезпеченность. Послѣ передачи журнала Качановскому Жуковскій опять начинаетъ мечтать о службѣ, которая давала бы ему необходимое матеріальное обезпеченіе и въ то же время не мѣшала бы его литературнымъ занятіямъ. «Совѣтую вамъ, добрые друзья мои, Миллеръ-Тургеневъ и Лагарпъ-Блудовъ,—пишетъ Жуковскій въ декабрѣ 1810 года,—составить между собою академію дружбы, которой цѣль должна быть: изысканіе статистическое, филологическое и микроскопическое способовъ доставить вашему Жуковскому вѣрное состояніе... Вы сдѣлаете пользу мнѣ, а я—я буду полезенъ цѣлой Россіи. Говорю это не шутя, ибо я могу быть и буду хорошимъ писателемъ». Дѣятельность «академіи дружбы» не осталась безъ послѣдствій, и въ началѣ слѣдующаго года Жуковскій получаетъ отъ тогдашняго попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, Уварова, приглашеніе занять мѣсто профессора въ педагогическомъ институтѣ, который уже давно предполагалось преобразовать въ университетъ. Къ чести Жуковскаго, надо сказать, что онъ отказывается отъ профессорскаго мѣста, потому что чувствуетъ себя неподготовленнымъ къ этому званію, и проситъ попечителя дать ему «время, нужное для приготовительнаго, ученическаго труда».

Но Жуковскому не суждено было сдѣлаться профессоромъ. Важныя перемѣны въ его личной жизни отвлекаютъ его вниманіе совершенно въ другую сторону. Въ маѣ мѣсяцѣ 1811 года умираетъ Бунина, а вслѣдъ за ней сходитъ въ могилу и родная мать Жуковскаго. Осиротѣвшій поэтъ снова покидаетъ Москву, куда онъ переселился съ матерью незадолго до ея смерти, и мы видимъ его въ Муратовѣ—имѣніи Протасовой. Тамъ въ сердцѣ Жуковскаго съ новой силой вспыхиваетъ любовь къ Машѣ, и онъ рѣшается даже просить руки своей племянницы, но получаетъ суровый отказъ, мотивированный близкимъ родствомъ. Подъ впечатлѣніемъ этого отказа Жуковскій пишетъ стихотвореніе «Пловецъ». Единственная звѣздочка, которая свѣтила поэту, занесенному «вихремъ бѣдствія... въ океанъ неисходимый», теперь исчезла: «якорь былъ—и тотъ пропалъ». Поэтъ уже «роптать, унывъ душой», но Провидѣніе явилось его кормщикомъ и показало ему вдали «райскую обитель». «Скорбный ропотъ» поэта утихъ, и онъ желаетъ всякаго счастья своей сестрѣ и племянницамъ.

О судьба! одно желанье:
Дай всѣ блага имъ вкусить;
Пусть имъ радость—мнѣ страданье;
Но... не дай ихъ пережить.

Digitized by Google

Неудачное сватовство, гнѣвъ Протасовой, усмотрѣвшей въ «Пловцѣ» нарушеніе Жуковскимъ обѣщанія не говорить никому о своей любви, наконецъ, патріотическое воодушевленіе 1812 года приводятъ нашего поэта въ ополченіе. Онъ слышитъ «дьявольскую канонаду» при Бородинѣ, стоя въ резервѣ,—составляетъ для Скобелева дѣловыя бумаги, приводившія въ восхищеніе Кутузова, пишетъ воинственно-патріотическаго «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», куда не забываетъ вставить излюбленныя мысли о безсмертіи, Провидѣніи, любви и дружбѣ,—пишетъ даже вакхическую пѣсню, достойную пера Дениса Давыдова, наконецъ подъ Краснымъ заболѣваетъ горячкой и по выздоровленіи, въ самомъ началѣ 1813 года, является опять на родину. «Гроза двѣнадцатаго года» не разсѣяла любовнаго увлеченія Жуковскаго. Даже въ «Пѣвца» онъ вставляетъ автобіографическое признаніе:

Ахъ! мысль о той, кто все для насъ,
Намъ спутникъ неизмѣнный;
Вездѣ знакомый слышимъ гласъ,
Зримъ образъ незабвенный;
Она на бранныхъ знаменахъ,
Она въ пылу сраженья,
И въ шумѣ стана, и въ мечтахъ
Веселыхъ сновидѣнья.

Между тѣмъ, сватовство Жуковскаго и отказъ матери сдѣлались извѣстны Марьѣ Андреевнѣ, и извѣстіе это такъ поразило бѣдную дѣвушку, что она опасно захворала. Причина болѣзни не осталась тайной для поэта, и теперь для него начинается періодъ «борьбы за счастье». Теперь прежнее самоотреченіе кажется ему неумѣстнымъ, потому что дѣло идетъ не объ одномъ его счастьѣ, но и о счастьѣ Маши, которая для него дороже всего на свѣтѣ и для счастья которой онъ готовъ на всевозможныя жертвы. Такъ какъ Екатерина Аѳанасьевна Протасова главной причиной своего несогласія выставила близкое родство, то Жуковскій обращается къ своему «благодѣтелю» Лопухину за разрѣшеніемъ этого вопроса. Лопухинъ одобряетъ намѣреніе Жуковскаго, благословляетъ его и говоритъ, что съ религіозной точки зрѣнія онъ не видитъ никакихъ препятствій къ его счастью. Послѣ бесѣды съ Лопухинымъ семейное счастье кажется Жуковскому близкимъ и возможнымъ. Онъ видитъ впереди «новую жизнь» съ «ангеломъ Машей», которая для него «вѣра, источникъ всякаго добра, освѣтитель всякаго счастья».

Къ сожалѣнію, восторженное настроеніе Жуковскаго проходитъ очень скоро. «Благословенія» Лопухина было недостаточно, надо было уговорить еще Екатерину Аѳанасьевну. Чтобы сломить упорство своей сестры, Жуковскій обращается къ посредству своихъ племянницъ Арбеневой и Свѣчиной, расписываетъ имъ все свое счастье въ случаѣ женитьбы на Машѣ и все свое отчаяніе въ случаѣ новаго отказа со

Digitized by Google

стороны ея матери. Но, сверхъ всякаго ожиданія, въ племянницахъ, къ которымъ Жуковскій обратился за содѣйствіемъ, онъ нашелъ не пособницъ, а противницъ своему счастью. Во имя Бога, во имя Христа, во имя истинной вѣры ему отказываютъ въ томъ счастьѣ, которое и онъ самъ и его авторитеты считали законнымъ. Кроткій Жуковскій выходитъ изъ себя, и изъ-подъ его пера вырываются рѣзкія діатрибы и противъ религіи, зараженной суевѣріями, и противъ лицъ, исповѣдующихъ ея букву. «Я сунулся было—пишетъ онъ своей племянницѣ Кирѣевской (впослѣдствіи Елагиной),—просить дружбы тамъ, гдѣ было одно притворство, и меня встрѣтило предательство со всѣмъ своимъ отвратительнымъ безобразіемъ... И эти люди называютъ себя христіанами... Что это за религія, которая учитъ предательству и вымораживаетъ изъ души всякое состраданіе!» *).

Въ это время Жуковскій переживаетъ страшныя минуты отчаянія, въ которыя его оставляетъ даже вѣра въ Провидѣніе. «Теперешнее мое бытіе,—признается онъ Кирѣевской въ письмѣ отъ 5-го мая 1814 года,—для меня такъ тяжело, какъ самое ужасное бѣдствіе. Для меня было бы величайшимъ наслажденіемъ попасть въ горячку, въ чахотку или что-нибудь подобное и увидѣть вдругъ вблизи прелестный край чудесъ. Вы показываете на вѣчность. О, вѣчность прекрасная бездна! да только бы поскорѣе»!

Но отчаяніе это было непродолжительно. Черезъ мѣсяцъ послѣ приведенныхъ признаній Жуковскій уже значительно успокаивается. Онъ уже хочетъ «быть выше судьбы своей» и «свободно презирать и несправедливости, и кровожадное суевѣріе, и эгоизмъ, украшенный маской добродушія». Онъ предаетъ анаѳемѣ отчаяніе, какъ нѣчто низкое и преступное. Теперь онъ находитъ, «много, много хорошаго въ жизни и безъ счастья». Жизнь безъ счастья кажется ему даже «чѣмъ-то священнымъ и величественнымъ», а на несчастье онъ опять смотритъ, какъ на средство почувствовать себя «близкимъ къ Творцу и Провидѣнію», какъ на «случай быть лучшимъ», какъ на «способъ сдѣлать что-нибудь по сердцу Создателя». Главное, чтобы Маша была, если не счастлива, то по крайней мѣрѣ, спокойна. «Спокойствіе Маши,—говоритъ онъ Кирѣевской,—есть для меня самая лучшая драгоцѣнность—за него я готовъ отдать и то, что для меня всего важнѣе, мое мѣсто въ ея сердцѣ, ея ко мнѣ привязанность». Но до такого самоотреченія дѣло пока еще не дошло. Отказываться отъ любви Марьи Андреевны Жуковскому пока не было надобности. Если у его ученицы не хватило рѣшимости пренебречь предразсудками родственниковъ, то любить-то поэта она не побоялась ни матери, ни двоюродныхъ сестеръ своихъ. И любовь эта на время успокаиваетъ Жуковскаго.

---

*) Письма Жуковскаго къ Кирѣевской-Елагиной напечатаны въ журналѣ «Русская Старина» за 1883 г.

Digitized by Google

«До сихъ поръ,—пишетъ онъ Тургеневу 14-го сентября 1814 года,—геній, душа, сердце, все, все было въ грязи. Я не умѣю тебѣ описать того низкаго ничтожества, въ которомъ я барахтался. Благодаря одному ангелу... я опять подымаюсь, смотрю на жизнь другими глазами; хотя ничто не удалось и надежда на все, что радовало, пропала, но этотъ ангелъ мнѣ остался, и я еще *радуюсь* жизнью».

Въ это время младшая племянница Жуковскаго, Александра Андреевна Протасова, выходитъ замужъ за Воейкова, который получаетъ мѣсто профессора въ дерптскомъ университетѣ. Екатерина Аѳанасьевна тоже рѣшается со старшей дочерью переѣхать въ Дерптъ. Жуковскій также получаетъ позволеніе не разлучаться со своими бывшими ученицами. Онъ съ радостью принимаетъ это предложеніе въ надеждѣ, что въ будущемъ все устроится по его желанію. Особенно надѣется онъ на Воейкова, котораго въ сердечной простотѣ считаетъ своимъ другомъ. Но еще до переселенія въ Дерптъ Воейковъ, получившій профессуру благодаря стараніямъ Жуковскаго черезъ Тургенева, оказывается такимъ же предателемъ, какъ и Арбенева. Онъ не только не хлопочетъ въ пользу Жуковскаго, но еще вооружаетъ противъ него свою тещу, а Екатерина Аѳанасьевна и безъ того недовѣрчиво относится къ поэту. Жуковскій снова предается отчаянію.

Онъ не брезгаетъ никакими средствами, лишь бы была хотя тѣнь надежды на осуществленіе его счастья. Его «другъ и братъ» Тургеневъ играетъ видную роль при князя А. Н. Голицынѣ, а Голицынъ—оберъ-прокуроръ св. синода и «другъ царевъ». «*Натура и Богъ*,—пишетъ Жуковскій,—*не противятся этому браку* (курсивъ Жуковскаго)... Если бы могли это растолковать матери съ трона, если бы это было подтверждено какимъ-нибудь голосомъ, идущимъ изъ-подъ рясы, тогда бы она могла и сама согласиться, тѣмъ болѣе, что она не имѣетъ никакихъ ясныхъ и опредѣленныхъ понятій, а дѣйствуетъ по какому-то жестокому побужденію фанатизма». Но и самому Жуковскому это средство кажется «химерой сумасшедшаго». Онъ отлично знаетъ, что вынужденное согласіе матери не принесетъ счастья. А счастье и спокойствіе Маши для него дороже всего на свѣтѣ.

Не трудно догадаться, какую обильную пищу доставила меланхолической музѣ Жуковскаго его неудачная борьба за счастье. Онъ «скучаетъ бытіемъ и радъ бы нить его прервать». Онъ мечтаетъ о томъ, «съ какимъ презрѣньемъ» послѣ смерти онъ броситъ «взоръ на жизнь, на гнусный свѣтъ,

Гдѣ милое одинъ минутный цвѣтъ,
Гдѣ доброму слѣдовъ ко счастью нѣтъ,
Гдѣ мнѣніе надъ совѣстью властитель,
Гдѣ все... иль жертва, иль губитель!»

Въ разлукѣ съ Машей онъ возлагаетъ надежды на «лучшій міръ», гдѣ «мы любить свободны»:

Digitized by Google

Туда моя душа ужъ все перенесла,
Туда всечасное влечетъ меня желанье.

Въ переводныхъ произведеніяхъ Жуковскаго за этотъ періодъ, не исключая балладъ, сплошь и рядомъ является несчастная любовь. Достаточно напомнить баллады: «Пустынникъ», «Алина и Альсимъ», «Эльвина и Эдвинъ». Эту же несчастную любовь, причиною которой является сопротивленіе родителей, находимъ мы и въ «Эоловой арфѣ».

Убѣдившись въ любви Маріи Андреевны, Жуковскій нѣсколько успокаивается. Онъ даетъ «обѣтъ» быть достойнымъ ея «священной любви», онъ опять ищетъ успокоенія въ поэзіи и «благотворномъ трудѣ». Въ это время получаетъ свою поэтическую формулировку и та житейская философія Жуковскаго, въ которой онъ находитъ защиту отъ всѣхъ ударовъ судьбы. Устами грека Теона онъ заявляетъ въ концѣ 1814 года, что «и жизнь, и вселенная прекрасны», что «боги для счастья послали намъ жизнь». Правда, съ этою жизнью «печаль неразлучна», но земное блаженство «не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ», а въ такихъ «нетлѣнныхъ благахъ сердца», какъ «любовь и сладость возвышенныхъ мыслей». Этихъ же благъ не можетъ лишить человѣка ни смерть, ни разлука.

Отсюда—заключеніе:

Все въ жизни къ великому средство:
И горесть и радость—все къ цѣли одной,—

заключеніе, которое Жуковскій съ особенной любовью будетъ повторять до конца своихъ дней.

Эта успокоительная философія благопріятно отражается какъ на душевномъ состояніи Жуковскаго, такъ и на продуктивности его поэтическаго творчества, которому онъ ревностно отдается въ послѣдніе мѣсяцы 1814 года, во время пребыванія въ селѣ Долбинѣ, имѣніи Кирѣевской. Здѣсь онъ написалъ, по собственному признанію, «пропасть стиховъ, написалъ ихъ столько, сколько силы стихотворныя вынести могутъ». «Жизнь мнѣ измѣняетъ,—пишетъ Жуковскій Тургеневу въ объясненіе своего необычайнаго трудолюбія,—уцѣпился за безсмертіе. Я объ немъ думаю, какъ о любовницѣ». «Безсмертія» Жуковскій добивается не балладами, въ которыхъ главную роль играютъ или несчастная любовь, или черти и мертвецы, не посланіями къ друзьямъ, гдѣ проповѣдуется романтическое презрѣніе художника къ толпѣ, а такими патріотическими произведеніями, какъ посланіе «Императору Александру». Это тяжеловѣсное посланіе такъ же, какъ раньше «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», обращаетъ на Жуковскаго вниманіе императрицы Маріи Ѳеодоровны и впослѣдствіи содѣйствуетъ сближенію его съ дворомъ, хотя самъ поэтъ, прославляя побѣдителя Наполеона, былъ чуждъ какихъ бы то ни было корыстныхъ разсчетовъ и даже просилъ, чтобы за посланіе ему не назначали никакой награды.

Digitized by Google

V.

Въ мартѣ 1815 года Жуковскій пріѣзжаетъ въ Дерптъ, чтобы на правахъ отца, брата и друга заботиться о счастьи Маши и заниматься въ тиши маленькаго нѣмецкаго городка самообразованіемъ и литературой. На первыхъ же порахъ онъ сближается съ нѣмецкими учеными и литераторами, знакомится съ университетской библіотекой, гдѣ находитъ «тьму пособій» и думаетъ отдаться созданію давно задуманной поэмы «Владиміръ». Но на первый разъ Жуковскому удается прожить въ «Ливонскихъ Аѳинахъ» очень не долго. Воейковъ своими оскорбленіями и Екатерина Аѳанасьевна своими подозрѣніями постарались выжить поэта изъ своего дома. Съ растерзаннымъ сердцемъ уѣзжаетъ Жуковскій въ Петербургъ, взявъ предварительно съ Маши клятву, что она не позволитъ жертвовать своимъ счастьемъ въ угоду матери. Лѣтомъ того же года Жуковскій еще разъ дѣлаетъ попытку войти въ семью своей сестры на правахъ брата, но опять терпитъ неудачу и опять съ отчаяніемъ въ сердцѣ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Отчаяніе, по обыкновенію, скоро проходитъ подъ вліяніемъ спасительной философіи, которая совѣтуетъ поэту:

Не унывать, хотя и счастья нѣтъ,
Ждать въ тишинѣ и помнить Провидѣнье;
Прекрасному—текущее мгновенье;
Градущее—безпечно небесамъ;
Что мрачно здѣсь, то будетъ ясно тамъ.

Если бы вмѣстѣ съ этой философіей у поэта оказалась и возможность «писать не заботясь о завтрашнемъ днѣ», то онъ совершенно успокоился бы, совершилъ бы путешествіе въ Кіевъ и въ Крымъ, ради «Владиміра», и поселился бы въ Долбинѣ, гдѣ отдался бы воспитанію сыновей своей племянницы (извѣстныхъ впослѣдствіи братьевъ Кирѣевскихъ) и «святой поэзіи, которая независима отъ близорукихъ судей и довольствуется сама собой». Ни вниманіе императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая приглашаетъ Жуковскаго въ Павловскъ для чтенія имъ своихъ произведеній, ни литературная полемика, вызванная комедіей князя Шаховскаго «Липецкія воды», гдѣ Жуковскій изображенъ въ видѣ жалкаго балладника Фіалкина, ни шутовскія засѣданія только что возникшаго «Арзамаса», гдѣ нашъ поэтъ ведетъ юмористическіе протоколы—ничто не притягиваетъ его къ Петербургу. Онъ жаждетъ только уединенія и возможности отдаться самодовлѣющей поэзіи.

Но вмѣсто идилліи судьба готовила Жуковскому развязку его сердечной драмы. Въ ноябрѣ 1815 года онъ получаетъ письмо, въ которомъ на первомъ мѣстѣ стояли слѣдующія строки, начертанныя рукою его Маши: «Мой милый безцѣнный другъ!.. Я у тебя прошу совѣта такъ, какъ у отца, прошу рѣшить меня на самый важный шагъ въ жизни; я съ тобой съ первымъ послѣ маменьки хочу говорить объ

Digitized by Google

этомъ и жду отъ тебя, отъ твоей ангельской души своего спокойствія, счастья и всего добраго... Я хочу выйти замужъ за Мойера» *).

Для Жуковскаго это письмо было ударомъ грома. Правда, онъ самъ совѣтовалъ Машѣ выйти замужъ, чтобы избавиться отъ Воейкова, но это былъ совѣтъ для отдаленнаго будущаго. Жуковскій былъ увѣренъ, что этотъ совѣтъ не будетъ исполненъ: Маша «тысячу разъ» ему говорила, что ей нужно только спокойствіе и любовь матери, что никакой перемѣны въ своемъ положеніи она не желаетъ и что если она когда-нибудь выйдетъ замужъ, то это будетъ съ ея стороны жертвой. И вдругъ Маша рѣшается выйти замужъ за человѣка, правда, очень прекраснаго, котораго самъ Жуковскій любитъ, уважаетъ и даже считаетъ способнымъ дать Машѣ счастье, и все-таки за такого человѣка, котораго она не успѣла еще хорошо узнать. Понятно, что Жуковскій не могъ смотрѣть на этотъ бракъ иначе, какъ на жертву со стороны Маши, жертву, приносимую ею для избавленія себя отъ Воейкова, для успокоенія своей матери и для примиренія ея съ братомъ. На такую жертву, приносимую, сверхъ того, по принужденію матери, какъ думалъ сначала Жуковскій, онъ согласиться не можетъ. Жуковскій не требуетъ, чтобы Мойеру было отказано, онъ проситъ и требуетъ только, чтобы Маша «употребила одинъ годъ на размышленіе... на то, чтобы старое (то-есть любовь ея къ Жуковскому) успѣло быть забыто и замѣнено новою привязанностью». Въ противномъ случаѣ всю жизнь его отравитъ мысль, что Машу принудили выйти замужъ изъ опасенія, что онъ, Жуковскій, когда-нибудь приведетъ въ исполненіе свое беззаконное, съ точки зрѣнія Екатерины Аѳанасьевны, намѣреніе и женится на родной племянницѣ.

Марья Андреевна пишетъ Жуковскому второе письмо, въ которомъ старается доказать, что никто не принуждаетъ ее къ замужеству, что она любитъ и уважаетъ Мойера и надѣется найти съ нимъ спокойную и независимую жизнь. Въ концѣ концовъ, Марья Андреевна во имя любви къ ней проситъ Жуковскаго не только не обусловливать своего согласія опредѣленнымъ срокомъ, но упроситъ и Воейкова, чтобы тотъ также не препятствовалъ ея счастью **). Теперь рушились послѣднія надежды Жуковскаго на счастье и рушились скорѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, такъ какъ онъ никогда не могъ допустить и мысли, чтобы Марья Андреевна такъ скоро могла рѣшиться выйти замужъ по собственному желанію. Но счастье Маши выше всего. И Жуковскій ѣдетъ въ Дерптъ, чтобы разрѣшить всѣ свои сомнѣнія, и уже заранѣе рѣшается всѣми силами содѣйствовать замужеству любимой дѣвушки, если только она выходитъ по своей волѣ. «Богъ видитъ, — пишетъ

---

*) Мойеръ—профессоръ хирургіи въ Дерптѣ, учитель Пирогова.

**) Переписка Жуковскаго и М. А. Протасовой напечатана въ журналѣ «Русская Старина» за 1883 г.

Digitized by Google

онъ Кирѣевской, — что я желаю здѣсь только добра! Желанія мои чисты и безкорыстны».

Въ Дерптѣ откровенныя бесѣды съ Марьей Андреевной и Мойеромъ убѣждаютъ Жуковскаго, что всѣ его опасенія были напрасны. Онъ не измѣняетъ своему рѣшенію и переживаетъ прекрасныя минуты нравственнаго самоудовлетворенія. «Друзья, — пишетъ онъ своимъ долбинскимъ подругамъ,— какое иногда божественное чувство подымаетъ душу! и какъ весело его раздѣлить! Что передъ этимъ прекраснымъ чувствомъ всѣ эти маленькіе безобразные уродцы, которые называются желаніями для себя и которые иногда выскакиваютъ какъ пузыри и лопаются!.. Я вообще счастливъ; послѣднія три недѣли, проведенныя мною въ Дерптѣ, была самая богатая прекраснымъ чувствомъ эпоха въ жизни моей». Такимъ высокимъ самоотреченіемъ заканчивается самый драматическій эпизодъ въ біографіи Жуковскаго. Кроткая, прекрасная душа поэта нигдѣ не высказалась въ такомъ блескѣ своего нравственнаго величія, какъ въ исторіи его любви къ Марьѣ Андреевнѣ Протасовой.

Но далеко не всегда былъ счастливъ Жуковскій въ этотъ самый тяжелый годъ его жизни, когда «кроткая посланница небесъ», надежда, оказалась «пустымъ словомъ». Поэту больно было видѣть возрастающую привязанность Марьи Андреевны къ Мойеру, и какъ ни бодрится онъ въ своихъ письмахъ къ роднымъ, но въ бесѣдахъ со своимъ «неизмѣннымъ товарищемъ», поэзіей, онъ даетъ полную волю своему горю. Кровью сердца пишетъ Жуковскій въ это время такія произведенія, какъ «Воспоминаніе» и «Пѣсня», проникнутыя безотрадной грустью подъ вліяніемъ потери послѣднихъ надеждъ на счастье:

Прошли, прошли вы, дни очарованья,
Подобныхъ вамъ ужъ сердцу не нажить;
Вашъ слѣдъ въ одной тоскѣ воспоминанья;
Ахъ, лучше-бъ васъ совсѣмъ мнѣ позабыть;
Къ вамъ часто мчитъ привычное желанье—
И слезъ любви нѣтъ силъ остановить;
Несчастіе объ васъ воспоминанье,
Но болѣе несчастье—васъ забыть!
О, будь же, грусть, замѣной упованья;
Отрада намъ — о счастьи слезы лить;
Мнѣ умереть съ тоски воспоминанья!
Но можно-ль жить, увы, и позабыть?

Въ это же время переводитъ Жуковскій и такія характерныя для его душевнаго настроенія пьесы, какъ «Пѣсня бѣдняка» Уланда, «Утѣшеніе въ слезахъ» Гёте и стихотвореніе послѣдняго:

Кто слезъ на хлѣбъ свой не ронялъ,
Кто близъ одра, какъ близъ могилы,
Въ ночи безсонной не рыдалъ,
Тотъ васъ не знаетъ, вышни силы.

Digitized by Google

Религія, философія и особенно поэзія спасаютъ Жуковскаго отъ полнаго отчаянія. Какъ въ 1814 году въ Долбинѣ, такъ въ 1816 году въ Дерптѣ онъ предается усиленному поэтическому труду. Въ это время значительно расширяется его знакомство съ нѣмецкой литературой, и онъ впервые знакомится съ такими типичными романтиками, какъ Тикъ, Новалисъ и Ламотъ-Фуке. Но болѣе всего увлекаютъ Жуковскаго баллады Уланда и идилліи Гебеля, у котораго онъ находитъ «поэзію во всемъ совершенствѣ простоты и непорочности».

VI.

Въ 1817 году исполняется давнишняя мечта Жуковскаго имѣть независимость въ матеріальномъ отношеніи, чтобы всецѣло отдаться поэзіи: въ новый годъ, благодаря стараніямъ Тургенева, ему назначается ежегодная пенсія въ 4.000 рублей асс. Теперь у него новый стимулъ къ работѣ—благодарность государю и желаніе быть достойнымъ его вниманія. Пенсію онъ считаетъ «награду за добрую надежду». Онъ находитъ необходимымъ написать «что-нибудь важное» и жалѣетъ о потерянномъ времени, называя всю свою прежнюю жизнь «жалкой жертвой» мечтамъ. Но время для литературной дѣятельности Жуковскаго еще не настало. Хотя онъ и увѣряетъ, что послѣ свадьбы Маши (14-го января 1817 года) душа его «совсѣмъ утихла», что онъ думаетъ «только объ одной работѣ», но на самомъ дѣлѣ душа поэта еще не успокоилась. «Старое все миновалось — признается онъ Тургеневу въ мартѣ 1817 года,—а новое никуда не годится... Душа какъ будто деревянная. Что изъ меня будетъ, не знаю. А часто, часто хотѣлось бы совсѣмъ не быть. Поэзія молчитъ. Для нея еще нѣтъ у меня души. Прежняя вся истрепалась, а новой я еще не нажилъ. Мыкаюсь, какъ кегля».

Друзья Жуковскаго находятъ для него вреднымъ жизнь въ Дерптѣ при видѣ чужого счастья. И самъ поэтъ чувствуетъ необходимость внѣшней перемѣны въ своей жизни. Онъ мечтаетъ предпринять для разсѣянія путешествіе и думаетъ, что «этотъ вояжъ былъ бы факеломъ-воспламенителемъ» его дарованія. Но судьба рѣшила иначе, и поэтъ, всю жизнь мечтавшій объ уединенной жизни, находившій пребываніе въ Петербургѣ пагубнымъ для своего таланта, былъ брошенъ въ водоворотъ столичной придворной жизни. Для принцессы Шарлотты, невѣсты великаго князя Николая Павловича, искали учителя русскаго языка. Жуковскій плѣнился выгодными условіями и при содѣйствіи Карамзина превратился въ придворнаго педагога.

Перемѣна обстановки подѣйствовала на Жуковскаго самымъ благотворнымъ образомъ. Онъ самъ сознавалъ, что слишкомъ неограниченная свобода вредна ему. Теперь у него есть «прекрасная цѣль» и «счастливая должность», которая подчиняетъ его «необыкновенно пріят-

Digitized by Google

ной дѣятельности». Въ этой должности онъ находитъ и поэзію, и свободу и чувствуетъ себя «совершенно счастливымъ» и со всѣхъ сторонъ независимымъ: «извнѣ и внутри души». Онъ настолько доволенъ своимъ положеніемъ, что желаетъ его сохранить неизмѣннымъ и даже дѣлается болѣе религіознымъ отъ счастья. Съ каждымъ днемъ онъ открываетъ въ своей ученицѣ «милыя непорочныя прелести сердца» и все болѣе и болѣе привязывается къ ней, и привязанность эта скоро переходитъ въ настоящее обожаніе.

Въ качествѣ педагога Жуковскому удается соединить полезное съ пріятнымъ. На ряду, съ «грамматическими занятіями, сухими и непоэтическими», и учитель, и ученица упражняются въ переводахъ поэтическихъ произведеній. Великая княгиня переводитъ стихотворенія Жуковскаго на нѣмецкій языкъ, а Жуковскій дѣлаетъ цѣлый рядъ переводовъ изъ Шиллера, Гёте, Уланда, Гебеля и другихъ. Въ это же время онъ пишетъ и свое знаменитое посланіе по поводу рожденія будущаго императора Александра II, гдѣ помѣщаетъ пророческіе стихи:

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: человѣкъ!

И формулируетъ «правила царей великихъ» въ словахъ:

Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ—свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать...

Но счастье поэта и его довольство своимъ положеніемъ были непродолжительны. Уже въ 1818 году онъ снова оказывается въ сѣтяхъ любви и переживаетъ чувства, прекрасное выраженіе которыхъ мы находимъ въ переведенномъ изъ Гёте стихотвореніи «Новая любовь—новая жизнь». Обожаніе своей ученицы и «счастье милой старины» не помѣшали Жуковскому влюбиться въ одну изъ придворныхъ фрейлинъ, графиню Самойлову, и усмотрѣть въ ней новаго «хранителя» и «добраго спутника», посланнаго Провидѣніемъ. Любовь эта готовила поэту въ будущемъ новое разочарованіе, но, къ счастью, онъ во время узналъ, что по гордой красавицѣ вздыхаетъ и его другъ В. А. Перовскій. Ради дружбы Жуковскій спѣшитъ прогнать отъ себя мечты о счастьѣ и ограничивается ролью платоническаго обожателя возлюбленной своего друга. Увлеченіе поэта было непродолжительно, но оно успѣло отразиться въ его поэзіи и веселыми, и грустными мотивами. Среди многочисленныхъ посланій, вызванныхъ придворными связями поэта и отличающихся въ большинствѣ случаевъ юмористическимъ содержаніемъ, мы находимъ и такія безотрадно-грустныя произведенія, какъ «Отвѣтъ князю Вяземскому» и «Пѣсня» 1820 года, глубоко огорчившая Марью Андреевну Мойеръ. Комментаріями къ этимъ грустнымъ пьесамъ мо-

Digitized by Google

гутъ служить откровенныя признанія въ письмахъ Жуковскаго. Въ это именно время онъ пишетъ князю Вяземскому: «Моральный ракъ ѣстъ мою душу... и портитъ все прошедшее, настоящее и будущее... Все мнѣ гадко». Въ это же время онъ пишетъ и Елагиной по возвращеніи изъ Дерпта: «Я отъ всѣхъ оторванный кусокъ и живу такъ, что душа холодѣетъ».

Пессимистическое настроеніе поэта отразилось и въ знаменитой элегіи «На кончину королевы Виртембергской». Тамъ передъ нами «судьба—свирѣпый истребитель» прекраснаго и «предательскій привѣтъ» тлѣннаго счастья, и страданье—«земли жилецъ безвыходный». Но тамъ же указаны и средства утѣшенія: религія, воспоминанія о минувшемъ счастьѣ и сознаніе, что «несчастье намъ учитель, а не врагъ». Этой же утѣшительной «философіей» Жуковскій наполняетъ цѣлыя страницы въ альбомахъ графини Самойловой. Но самъ онъ далеко не всегда находитъ спасеніе въ собственной философіи. Даже воспоминаніе о прошломъ, то самое воспоминаніе, которое онъ называетъ «ангеломъ-хранителемъ нашего счастья», отказываетъ поэту въ необходимомъ утѣшеніи.

И на этотъ разъ такъ же, какъ въ 1817 году, судьба сжалилась надъ Жуковскимъ и послала ему, какъ бы въ утѣшеніе за вновь разбитыя мечты о личномъ счастьѣ, исполненіе давнишняго его желанія. Весною 1820 года онъ отправляется въ заграничное путешествіе.

За границей Жуковскій, говоря его собственными словами, провелъ веселые полгода въ Берлинѣ; потомъ видѣлъ часть Германіи, прелестный Дрезденъ съ его живописными окрестностями; обошелъ пѣшкомъ Швейцарію; прошелъ черезъ Сенъ-Готардъ въ Италію; былъ въ Миланѣ; плавалъ по Lago-Maggiore; любовался Боромейскими островами; черезъ Симплонъ и Валлисъ прошелъ къ подошвѣ Монблана; видѣлъ великолѣпіе и прелесть природы на берегахъ восхитительныхъ швейцарскихъ озеръ; плавалъ по Рейну; любовался его великолѣпнымъ водопадомъ, его замками, его богатыми виноградниками!

Въ Берлинѣ Жуковскій вращается въ самомъ высшемъ обществѣ, куда ему открываетъ доступъ вниманіе великой княгини. Время его занято визитами, обѣдами, балами, театромъ, оперой, осмотромъ достопримѣчательностей и т. д. Здѣсь же заводитъ онъ нѣсколько знакомствъ и дружескихъ связей съ нѣмецкими писателями, учеными, государственными людьми и даже принцами крови, напримѣръ, съ романтически-настроеннымъ прусскимъ наслѣднымъ принцемъ (впослѣдствіи король Фридрихъ-Вильгельмъ IV). Въ Дрезденѣ онъ знакомится съ двумя романтиками, съ писателемъ Тикомъ и съ художникомъ Фридрихомъ, мрачно-меланхолическія картины котораго, съ неизбѣжными почти всегда луной и кладбищемъ, впослѣдствіи являются главнымъ украшеніемъ жилища Жуковскаго. Въ дрезденской картинной галлереѣ Жуковскій проводитъ передъ Мадонной Рафаэля одинъ изъ сча-

Digitized by Google

стливѣйшихъ часовъ своей жизни и въ письмѣ къ великой княгинѣ даетъ восторженный отчетъ о томъ чисто-романтическомъ художественномъ наслажденіи, которое было доставлено ему созерцаніемъ картины. Для него это не картина, а «видѣніе»: въ ней «все необъятно, все неограниченно», художникъ писалъ ее «не для глазъ... но для души, которая чѣмъ болѣе ищетъ, тѣмъ болѣе находитъ».

Въ Швейцаріи Жуковскій не забываетъ посѣтить мѣста, связанныя съ легендою о Вильгельмѣ Теллѣ, а также бывшій замокъ Вольтера Ферней. Изъ Веве онъ совершаетъ прогулку пѣшкомъ въ Кларанъ, связанный съ именемъ Руссо, и, кромѣ того, посѣщаетъ съ поэмою Байрона въ рукахъ Шильонскій замокъ. И саксонскою и швейцарскою природою Жуковскій наслаждается, какъ романтикъ. Красоты природы, такъ же, какъ и картины дрезденской галлереи, плѣняютъ его «не тѣмъ, что онѣ даютъ нашимъ чувствамъ, но тѣмъ невидимымъ, что возбуждаютъ въ душѣ и что ей темно напоминаетъ о жизни и о томъ, что далѣе жизни». Такъ, напримѣръ, деревянный крестъ на вершинѣ Риги и маленькая часовня Телля говорятъ ему «не о бѣдномъ могуществѣ человѣка, но о величіи души человѣческой, о вѣрѣ, которая выноситъ ее туда, куда не могутъ достигнуть горы своими вершинами».

Если на швейцарскую природу Жуковскій смотритъ глазами романтика, то своимъ отношеніемъ къ жизни швейцарскаго народа онъ напоминаетъ «сентиментальнаго путешественника». Вслѣдъ за Карамзинымъ, который приходилъ въ умиленіе при видѣ «счастливыхъ швейцаровъ», Жуковскій заявляетъ намъ: «Въ Швейцаріи понялъ я, что поэтическія описанія блаженной сельской жизни имѣютъ смыслъ прозаически справедливый. Въ этихъ хижинахъ обитаетъ независимость, огражденная отеческимъ правительствомъ; тамъ живутъ не для того единственно, чтобы тяжкимъ трудомъ поддерживать физическое бытіе свое; но имѣютъ и счастье, правда, простое, неразнообразное, но все счастье, то есть свободное наслажденіе самимъ собою». Въ этой тирадѣ характерно какъ преувеличеніе благотворнаго вліянія «отеческаго правительства» швейцарскихъ патриціевъ, такъ и признаніе свободы необходимымъ условіемъ счастья независимо отъ образовательнаго ценза. Именно въ Швейцаріи слово свобода получаетъ для Жуковскаго болѣе опредѣленный смыслъ, чѣмъ раньше, когда онъ останавливалъ при помощи полиціи стремленіе своихъ крѣпостныхъ къ свободѣ.

Изъ Швейцаріи Жуковскій возвращается съ горячими симпатіями къ возставшимъ грекамъ и желаніемъ, чтобы державы «искренно, безкорыстно и дружно» стали за великое дѣло, которое, по его мнѣнію, примирило бы государей съ народами. Въ Берлинѣ, гдѣ Жуковскій и на возвратномъ пути проводитъ около трехъ мѣсяцевъ, онъ горячо ратуетъ за дѣло грековъ и даже ссорится изъ-за нихъ съ будущимъ германскимъ императоромъ Вильгельмомъ I. Съ такими же симпатіями

Digitized by Google

возвращается Жуковскій и въ Россію, гдѣ его ожидалъ цѣлый рядъ житейскихъ разочарованій и ударовъ судьбы.

На заграничное путешествіе Жуковскій возлагалъ большія надежды. Онъ надѣялся, что путешествіе «оживитъ и расширитъ душу», что оно «пробудитъ и давно заснувшую поэзію», что его «вялость душевная поубавится». Но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться вполнѣ. Правда, поэзія пробудилась, и въ портфелѣ Жуковскаго по возвращеніи его изъ-за границы были такія произведенія, какъ «Орлеанская Дѣва» Шиллера, «Пери и Ангелъ» изъ Томаса Мура и «Шильонскій узникъ» Байрона. Душа его оживилась новыми впечатлѣніями природы, жизни и искусства. Но даже и за границей съ нимъ случались припадки грусти, когда онъ чувствовалъ слабость своей воли, былъ недоволенъ своей лѣнью, сознавалъ, что «истратилъ безумно полжизни на ничто». Онъ пробуетъ себя утѣшить разсужденіемъ, что «достоинство человѣка въ искреннемъ желаніи добра и въ постоянномъ къ нему стремленіи, а достиженіе не отъ него зависитъ». Но подобныя обращенія къ собственной философіи не всегда утѣшаютъ Жуковскаго, тѣмъ болѣе, что въ этой философіи не все оказывается незыблемымъ. Не прошло и двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ альбомѣ гр. Самойловой было записано, что надо жить настоящимъ и воспоминаніями о прошломъ, а будущее предоставить Провидѣнію, и вдругъ оказывается, что «для того, чтобы наслаждаться настоящимъ, надобно имѣть въ запасѣ будущее», а его-то какъ разъ и нѣтъ въ это время у Жуковскаго. Легко понять, почему даже при видѣ живописнѣйшихъ мѣстностей «меланхолическая хандра проникала въ его душу», говоря словами Зейдлица.

Возвращеніе въ Россію, гдѣ царила аракчеевщина, не могло не усилить меланхолическаго настроенія Жуковскаго, такъ какъ къ внутреннимъ причинамъ его грусти присоединились и внѣшнія. Вскорѣ по возвращеніи изъ-за границы онъ освобождаетъ своихъ крѣпостныхъ; за это ему даютъ «въ высшихъ кругахъ общества названіе страшнаго либерала, якобинца». Онъ переводитъ изъ Шиллера «Три слова вѣры», но слова: «Der Mench ist frei geshaffen» (человѣкъ созданъ свободнымъ) оказываются нецензурными. Онъ переводитъ балладу Вальтеръ-Скотта «Ивановъ вечеръ» («замокъ Смальгольмъ»), но цензура находитъ, что это произведеніе не заключаетъ ничего полезнаго для ума и сердца и совершенно чуждо всякой нравственной цѣли. А тутъ еще сумасшествіе Батюшкова, смерть Маріи Андреевны Мойеръ, катастрофа 14 декабря, осужденіе на смерть Николая Тургенева, сумасшествіе и смерть его брата Сергѣя, смерть Карамзина, болѣзнь Воейковой—однимъ словомъ, цѣлый рядъ личныхъ несчастій, связанныхъ съ потерею «милыхъ спутниковъ», которые «животворили свѣтъ». Эти потери еще болѣе усиливаютъ въ душѣ Жуковскаго стремленіе *туда*, гдѣ онъ надѣется встрѣтить своихъ лучшихъ друзей.

Digitized by Google

Личныя несчастія и общественныя бѣдствія угнетающимъ образомъ отражаются и на поэзіи Жуковскаго. Въ тѣхъ немногихъ произведеніяхъ, которыя написаны имъ въ двадцатыхъ годахъ, мы сплошь и рядомъ встрѣчаемъ или *воспоминаніе* о прошломъ, или надежду на будущее, или *тоску* и стремленіе *туда*.

Только къ концу двадцатыхъ годовъ настроеніе Жуковскаго нѣсколько просвѣтляется, и въ его поэзіи проскальзываетъ мысль о примиреніи съ жизнью. Въ 1828 году онъ переводитъ изъ Шиллера «Торжество побѣдителей» съ успокоительной строфой:

Смертный, силѣ, насъ гнетущей,
Покоряйся и терпи;
Спящій въ гробѣ, мирно спи;
Жизнью пользуйся, живущій!

Въ слѣдующемъ году онъ переводитъ мысль Гете:

Чистъ душой ты *вчера*,
Нынѣ дѣйствуешь прекрасно
И отъ *завтра* жди добра:
Бывшимъ будущее ясно.

Это успокоеніе поэта, несомнѣнно, явилось послѣдствіемъ его педагогической дѣятельности въ качествѣ воспитателя будущаго «Царя-Освободителя».

С. Ашевскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

НАКАНУНѢ ВЕСНЫ.

I.

Весна близка!.. Природа, пробуждаясь,
Неяснымъ трепетомъ и радостью полна,
И слезы первыя надъ снѣгомъ льетъ она—
Лучами въ небѣ улыбаясь...

***

Весна близка!.. Она мой сонъ тревожитъ
Надеждой молодой, лазурью новыхъ дней...
И скоро вся душа рванется жадно къ ней—
И сердце выдержать не сможетъ...

II.

Когда все будетъ пѣть о счастьи, о любви
И лѣсъ, и соловей, и первые цвѣты—
Я схоронить должна въ душѣ свои мечты,
И пѣсни оборвать мои...

***

Когда все будетъ жить душистою весной
Стремясь радостно на солнечный призывъ—
Я побѣдить должна любви моей порывъ,
И лгать передъ собой...

Г. Галина.

Digitized by Google

ДРУГЪ ДѢТСТВА.

Повѣсть.

I.

Утро полно было звуковъ. Умильный щебетъ и звонкія трели неслись съ зеленыхъ вершинъ стараго помѣщичьяго сада, сливаясь нѣжнымъ, гармоничнымъ фономъ; а по низу, заглушая его мелодичность, то и дѣло врывались другіе, разрозненные и грубые звуки.

Молодые пѣтухи перекликаются на двухъ концахъ двора; безъ враждебнаго задора, а лишь соперничая силой голоса и игнорируя пренебрежительно прозаическое куриное кудахтанье, назойливое, какъ олицетвореніе самодовольной пошлости. Монотонно зыблящійся утиный басокъ гудитъ сквозь него глухой ворчливой нотой, словно урезонивая не поднимать попусту такого шума, а приступить скорѣе къ серьезнымъ обязанностямъ. Кричатъ рѣзко и сердито обидчивые гуси, находя, что ихъ слишкомъ рано отогнали отъ корыта. На скотномъ дворѣ протяжно и тоскливо мычитъ молодая корова, по важнымъ соображеніямъ оставленная дома; это она проситъ вступиться за нее своихъ счастливыхъ подругъ, мирно позвякивающихъ бубенчиками еще совсѣмъ близко, подъ горой. Оттуда доносится то короткое призывное мычанье, то тупо-растерянное овечье блеяніе, то рѣзкое щелканье длиннаго бича; новый пастухъ щеголяетъ своимъ искусствомъ, на диво двумъ маленькимъ чумазымъ подпаскамъ, замотаннымъ въ сѣрыя лохмотья.

Погожее іюньское утро впиваетъ въ себя всѣ эти звуки и милліоны, милліоны другихъ.

Вверху еще свѣжо и голубо. Снопы густыхъ червонныхъ лучей скользятъ по низу, заглядывая въ самую гущу сочной зацвѣтающей травы, гдѣ копошится и слабо звенитъ и шуршитъ своя хлопотливая жизнь. На ихъ пути вспыхиваютъ радужными лучами капельки росинокъ въ глубинѣ зеленой чашечки, слабо вздрагивающей подъ тонкими, какъ волосокъ, проворными лапками. Нѣжно розовѣютъ тоненькіе стволы молодыхъ березокъ;

Digitized by Google

матовой позолотой покрыты стройныя сосны. Деревья кажутся развѣсистѣе и выше, озаренныя снизу. Чуть грѣющій лучъ гостить мимолетно и тамъ, гдѣ весь день будетъ царить прохладная тѣнь; а воздушныя вершины купаются въ утренней свѣжести, готовясь къ ожидающимъ ихъ жгучимъ поцѣлуямъ.

Утро тихо разгорается, сливая краски, звуки и испаренья.

Съ низкаго крылечка молочной спустилась „молодая барышня", какъ зовутъ Дину, въ отличіе отъ старшей барыни — хозяйки, Ларисы Ивановны.

Дина выпила свою порцію парного молока и направилась черезъ дворъ къ садовой калиткѣ. Въ одной рукѣ она бережно несла полную до краевъ кружку, а въ другой круто посоленную краюшку чернаго хлѣба, которую доѣдала на ходу. Безъ зонтика, подъ ситцевымъ платочкомъ, бѣлымъ черными точками съ узкой розовой каемкой; платокъ спущенъ навѣсомъ надъ глазами, а изъ-подъ него ниже пояса падаетъ туго заплетенная, каштановая коса. Платье вылинявшаго голубенькаго ситца перетянуто кожанымъ поясомъ и еле трогаетъ подоломъ траву, точно она изъ него выросла; на ногахъ грубые неуклюжіе башмаки безъ каблуковъ. Не хватаетъ только фартука, чтобы принять ее за горничную.

Походка выдаетъ: на ходу Дина волнообразно откидывается назадъ мягкимъ станомъ безъ корсета—въ этомъ движеніи безсознательно-красивая, барская грація. Лицо подернуто старымъ, весеннимъ загаромъ, успѣвшимъ перейти въ темные коричневые тона на вискахъ и подбородкѣ. На щекахъ прочный румянецъ отъ просвѣчивающей густой крови, а не мимолетно вспыхивающихъ приливовъ малокровныхъ барышень.

Дѣвушка вошла черезъ калитку въ садъ. Въ ту же минуту на дворѣ, покрывая собою всю смѣсь звуковъ, залились отчаяннымъ лаемъ сцѣпившіяся собаки. Даже кружка колыхнулась въ рукѣ Дины. Она все время шла, прислушиваясь къ привычнымъ звукамъ... вотъ и прославленная деревенская тишина! А она еще жалѣла потревожить Саню такъ рано съ дороги. Теперь уже все равно, пѣтухи да собаки, навѣрное, давно разбудили.

Калитка какъ разъ около дома. Дина поставила на скамейку свою кружку, свернула въ траву и пробралась къ угловому окошку. Чтобы постучать въ стекло, пришлось подняться на выступающій камень фундамента—а какъ спрыгнула назадъ въ траву, такъ и почувствовала, что сразу промокли чулки надъ невысокими башмаками. Экая роса въ саду славная, точно дождикъ прошелъ ночью!

Дина выбралась на дорожку, разглядывая точно облитые

Digitized by Google

водою башмаки и подолъ платья. Вотъ чудная роса! иначе все давно посохло бы, такъ давно не было дождя.

Дѣвушка поглядѣла вверхъ, въ синее небо съ едва замѣтными далекими облачками. А вѣдь было бы досадно, еслибъ именно сегодня погода перемѣнилась...

... Годъ не видались. Съ каждымъ пріѣздомъ Саня ужасно мѣняется!

Она стояла на дорожкѣ и нѣжно улыбалась тоненькимъ чернымъ усикамъ съ закрученными колечками. Усатый!..

Изъ-за бѣлой шторы высунулась рука и распахнула раму. Дина схватила кружку и опять шагнула въ траву.

— Санька, бери скорѣе молоко! Здравствуй!.. Выспался?..

— Холодное? — спросилъ опасливо изъ-за шторы молодой басокъ.

— Да, да, давно простыло. Пей, не капризничай!..

Вѣчные споры изъ-за парного молока. Дина такъ впилась въ него, что другого и признавать не хочетъ. Специфическая животная теплота всегда даетъ радостное ощущенье здоровья и силы. А Санька увѣряетъ, что пахнетъ коровой.

Черезъ минуту надъ окномъ вспорхнула бѣлая штора. Студентъ, вытягивая шею, усиливался поймать маленькую запонку въ твердыняхъ свѣжей крахмалки. Онъ подмигнулъ на кружку на столѣ.

— Не утерпѣла, чтобы не подсунуть тепленькаго? Нѣтъ ужъ, видно, надо Ларису попросить, чтобы приносили съ ледника.

— Упрямый! неужели нельзя привыкнуть?

Она смотрѣла, какъ онъ вертѣлся по маленькой комнатѣ, натягивая тужурку, распихивая по карманамъ портсигаръ, спички, какую-то красную книжечку, гребенку, которой расчесывалъ коротко подстриженную щетку густыхъ черныхъ волосъ. Надѣлъ бѣлую фуражку и выпрыгнулъ черезъ окно въ садъ.

— Итъ, франтъ! очень нужно было чистую крахмалку съ утра надѣвать. А усики очень, очень идутъ вамъ, сударь!..

И она мазнула его рукой по верхней губѣ, прежде чѣмъ онъ успѣлъ отмахнуться.

— Перестань, пожалуйста, что за вздоръ!

— Ну, ну, не злись... Санька, какъ я рада, что ты явился наконецъ!

Дина уцѣпилась за его руку и заглядывала въ глаза.

— Отчего такъ долго не ѣхалъ? Признавайся сейчасъ...

Студентъ пренебрежительно фыркнулъ носомъ, не удостоивъ другого отвѣта.

Дина оглянулась на окна.

— Ахъ, Господи, вонъ ужъ тетя Женя свое окно открыла!

Digitized by Google

сейчасъ всѣ поднимутся и поговорить не дадутъ. Идемъ, идемъ скорѣе на озеро! Все собаки проклятыя. Спали бы себѣ, знай... имъ-то для чего вставать съ этихъ поръ!

Она тащила его скорѣе изъ сада, а онъ легонько упирался и оглядывался по сторонамъ веселыми любопытными глазами человѣка, которому знакомъ каждый кустикъ.

— Что это?.. липу срубили!?—остановился онъ внезапно на всемъ ходу, замѣтивъ издали бѣлѣвшій свѣжій пень.

— Грозой сломало.

— Что за свинство! вотъ гадость!

Саня подошелъ и для чего-то пошевелилъ кончикомъ сапога жирную траву, высоко поднявшуюся вокругъ пня.

— Идемъ же... ну, что тутъ разглядывать? Старая... Огромное дупло было въ стволѣ, снаружи и незамѣтно.

— Росла лѣтъ пятьдесятъ или семьдесятъ... Липы тихо растутъ.

— Да пойдемъ же, Саня!

Къ озеру можно пройти лугомъ. Не покосъ тутъ, а такъ, помаленьку все лѣто подкашиваютъ выѣзднымъ лошадямъ; отъ этого трава здѣсь до поздней осени держится на одной высотѣ.

Озеро синѣло—что твое море, голубое, съ чуть замѣтными темными струйками легкой ряби по серединѣ. Новая досчатая купальня съ рѣзнымъ конькомъ и краснымъ флагомъ блестѣла на солнцѣ.

— Эхъ... хорошо-о!!—крякнулъ студентъ, поднялъ кверху руки и потянулся.

— Хорошо...—повторила задумчиво дѣвушка.—Ждешь, ждешь хорошаго цѣлую зиму—кажется, никогда конца не будетъ! А настанетъ—и покатилось подъ гору, оглянуться не успѣешь... Вотъ ты двѣ недѣли напрасно потерялъ... И не жаль?

— Что-жъ... двѣ недѣли!—отозвался нехотя Саня, приглядываясь къ чернымъ точкамъ на водѣ.—А вѣдь это утки... смотри, смотри!

— А ты опять ружья не привезъ?! Что же это, наконецъ, такое, Саня?

— Откуда ты знаешь, что не привезъ?—процѣдилъ онъ, прищуривая то одинъ, то другой глазъ на утокъ.

— Знаю... Илью спрашивала.

На лугу мѣстами роса успѣла уже высохнуть на припекѣ. Но глубже въ обѣ стороны, въ нетронутыхъ косою участкахъ, пестрѣютъ цвѣты, и видно, что тамъ еще совсѣмъ мокро. Неистовый трескъ кузнечиковъ поднимается точно изъ каждой травинки. Маленькія бѣлыя и желтыя бабочки кружатся тамъ, гдѣ цвѣты.

Digitized by Google

Дина взяла правѣе отъ тропинки, къ кустамъ орѣшника, затѣнившимъ небольшой пригорокъ. За пригоркомъ—яма глубокой воронкой, съ никогда не высыхающей мочевиной на днѣ. Тутъ и трава другая: крупная, сочная, съ кружевными зонтиками папоротника въ глубинѣ. Но на самомъ горбѣ пригорка трава низкая, переплетенная ползучими кустиками земляники. Теперь пригорокъ издали бѣлѣлъ отъ земляничнаго цвѣта.

— Вотъ тутъ сухо! Сядемъ.

Дина сѣла на землянику и задвинулась въ тѣнь, къ самымъ кустамъ.

Студентъ тоже растянулся на землѣ, сбросилъ фуражку и сталъ закуривать папироску. Сестра близко разглядывала его.

— Какъ ты загорѣлъ за дорогу!

— Н-да... жарило знатно! Выкупаться надо.

— Нѣтъ, только не сегодня! Нездорово купаться съ дороги. Отдохни сначала.

Онъ повелъ на нее насмѣшливыми глазами.

— Ахъ ты—педагогица! Все-то ты съ душеспасительными наставленіями. Того нельзя, этого не надо...

— Развѣ я виновата, что ты ни о чемъ самъ не думаешь.

— А ты развѣ обязалась за весь свѣтъ думать? Мервѣйшая повадка, сударыня! Не для чего съ этихъ поръ въ педантку превращаться.

Дина промолчала. Потомъ медленно подняла на него сѣрые глаза и изъ нихъ вдругъ точно выскользнула освѣщавшая ихъ радость... И проступала тяжелая забота...

— Саня... Мнѣ нужно серьезно поговорить съ тобой... Сейчасъ...

— О-о-о?.. и даже сейчасъ!

Студентъ заерзалъ на мѣстѣ отъ безпокойства. Ему сразу вспомнились туманныя, но многозначительныя фразы двухъ послѣднихъ писемъ старшей сестры, вызвавшія въ немъ тогда одну досаду. Что за нелѣпая манера за тысячи верстъ писать объ „обстоятельствахъ“ и „условіяхъ“, намекая невѣдомо на что,—вызывать безформенныя опасенія! Теперь онъ вдругъ смутился. Чего добраго у нихъ тутъ и въ самомъ дѣлѣ завелось что-то неладное?..

Дина эту зиму совсѣмъ рѣдко ему писала. Письма ея стали какъ-то безсодержательны, скучны. Она не вдавалась, какъ бывало прежде, въ лирическія изліянія своихъ настроеній, не дѣлилась съ нимъ фантастическими надеждами (не потому ли, что у него, въ отвѣтъ, все чаще и непринужденнѣе сбѣгало съ пера слово „ребячество“?). Она почти вовсе не упоминала въ письмахъ о своей школѣ. Коротко заявляла, что у нихъ „все какъ

Digitized by Google

всегда", и наполняла письма разспросами о его собственной жизни, занятіяхъ, знакомствахъ, здоровьѣ.

Только въ эту минуту онъ отчетливо понялъ, что подъ этимъ скрывается что-то серьезное, о чемъ не хотятъ писать. Тогда это не помѣшало ему попросту выкинуть изъ головы несносную дипломатію Ларисы. Ему и безъ нея было о чемъ думать! Теперь сразу почувствовалась въ словахъ Дины связь съ этими письмами.

— Ну, ну... Я слушаю!— сказалъ Саня послѣ длинной паузы, укладываясь на травѣ половчѣе, чтобы прослѣдить, куда такъ торопится блестящій черный жучокъ, вцѣпившись въ сухую травинку раза въ три длиннѣе его роста.

— Видишь ли... все равно, они ужъ непремѣнно заговорятъ съ тобой сегодня же!—точно оправдывалась Дина.—Не хочу я, чтобы... чтобы тебѣ сейчасъ же навязали всю эту чепуху!

Она нетерпѣливо сдвинула прочь со лба бѣлый ситцевый платочекъ.

Крутой завитокъ свѣтлыхъ прядей—свѣтлѣе остальныхъ волосъ—надъ срединой широкаго лба и оригинальный изгибъ темныхъ бровей, рѣзко опущенныхъ къ переносицѣ, точно надломленныхъ, дѣлаютъ лицо Дины своеобразно энергичнымъ. И твердый крупный ротъ выразительно сжимается, точно его сводитъ невидимая судорога. Пристальный взглядъ ясныхъ сѣрыхъ глазъ съ темной каемкой дополняетъ общее впечатлѣніе твердости и упорства.

— Вотъ, то ли дѣло безъ этой дряни!—полюбовался братъ, потянулъ за кончикъ бѣлаго платочка и совсѣмъ стащилъ его съ ея головы.

Дина усмѣхнулась и пригладила ладонью темно-золотистые волосы, заблестѣвшіе на солнцѣ мѣдными переливами.

— Не въ шляпкахъ же щеголять!

— Почему это? Роскошь небось? Такъ за границей, матушка, крестьянки въ полѣ работаютъ въ шляпкахъ.

Дина слегка качнулась впередъ и улыбнулась ему глазами.

— То за границей... У насъ босикомъ щеголяютъ. Простоволосой выходить тоже не полагается. О! этикетъ-то у насъ еще построже всякаго другого будетъ.

— А ты, должно быть, все ужъ изучила досконально?

Она подозрительно приглядѣлась, не смѣется ли онъ.

— Это не такъ легко, какъ ты думаешь,— сказала она серьезно.

— Но едва ли такъ интересно, какъ ты стараешься себя увѣрить...

Саня сказалъ это съ маленькой заминкой, какимъ-то особеннымъ тономъ, точно почву пробуетъ.

Digitized by Google

Дина еще больше насторожилась.

— Отчего ты такъ думаешь—что я *стараюсь?*

Студентъ отбросилъ сухой прутикъ, которымъ преслѣдовалъ чернаго жучка.

— Да просто, душа моя... думаю, что скука!—усмѣхнулся онъ простодушно.—Разумѣется, ты молодчина, коли сумѣла создать себѣ здѣсь серьезный интересъ. Только не навсегда же погрязать въ этомъ мракѣ!

Опять они помолчали съ минуту.

Студентъ что-то соображалъ, озабоченно пощипывая усы. Дѣвушка сидѣла, обхвативъ колѣно маленькими, темными отъ загара руками и бросала вбокъ безпокойные взгляды; щеки ея начинали краснѣть.

— Н-ну... ужъ я вижу: тебѣ написали что-нибудь? Не церемонься, пожалуйста...

Братъ посмотрѣлъ ей въ лицо своими открытыми ласковыми глазами.

— Честное слово, Дина, я ни аза не разобралъ во всемъ этомъ... Знаешь, когда наша Лариса Ивановна пустится въ краснорѣчіе!

Маленькая нога въ безобразномъ башмакѣ выбивала о землю энергичный, ускоренный темпъ, и вся напряженная фигура дѣвушки вздрагивала отъ этого мелкой дрожью.

— Впрочемъ, ты не подумай — ничего особеннаго тамъ не было,—пояснилъ Саня поспѣшно,—больше все витіеватыя разсужденія объ истинномъ предназначеніи женщины.

— Другими словами—о женихахъ. Какая же у нея можетъ быть другая точка зрѣнія!—выговорила Дина презрительно.

— Смѣшно и требовать.

— Ахъ, я ничего, ничего ровно отъ нихъ не требую!—воскликнула дѣвушка совсѣмъ ужъ азартно.

„Ого! военное положеніе во всемъ блескѣ. Это обѣщаетъ мало веселаго“,—подумалъ Саня.

— Ты, хочешь не хочешь, попадешь въ третейскіе судьи—ты и тетя Женя. Очевидно, она именно для этого и пожаловала въ Зажоры... Ну, и отлично! Я ничего не имѣю противъ этого, но только я... я не допущу лжи!!

Дина схватила съ земли бѣлый платочекъ и начала порывисто разглаживать и вытягивать его у себя на колѣняхъ.

— Вотъ уже такихъ словъ—знаешь—лучше не употреблять, Дина, коли ты хочешь серьезнаго разговора. Коли просто выругаться, чтобы душу отвести—тогда сдѣлай одолженіе, вали безъ стѣсненія!.. Ну, а коли разсудить требуется, тогда ужъ безо всякаго словеснаго давленія... Правду, что ли, я говорю?

Digitized by Google

Чтобы смягчить репримандъ, онъ шутливо пытался помѣшать ей теребить бѣленькій платочекъ.

Но Дина машинально отталкивала непрошенныя руки; голосъ ея срывался отъ волненія.

— Ну, ужъ это не моя вина!.. То, что не правда, всегда называлось ложью! Словъ пугаться совсѣмъ лишнее... Лицемѣріе!— и только потакать разнымъ гаденькимъ замашкамъ...

Санѣ ужасно не нравилось, въ какомъ тонѣ начинается разговоръ... Потому, быть можетъ, что въ немъ самомъ въ эту минуту ничто не гармонировало съ такимъ тономъ. Была ли то послѣдняя истома дорожной усталости, или разслабленіе нервовъ, внезапно охваченныхъ обволакивающей тишиной, лишенной всѣхъ привычныхъ раздраженій—такъ или иначе, въ немъ росло малодушное желаніе ускользнуть какъ-нибудь отъ надвигающейся непріятности.

...Сестренку и жаль — и досадно. По обыкновенію, досадно больше, чѣмъ жаль, потому что Динѣ вовсе не свойственно возбуждать жалость. Этотъ выпуклый лобикъ, съ живописнымъ хохолкомъ буйно закрученныхъ прядей, этотъ прямой и острый взглядъ изъ-подъ тяжелыхъ, надломленныхъ бровей,—даже маленькія, жесткія и безпокойныя руки, всегда въ движеніи—вся она, упрямая, скрытная и злопамятная, съ самого ранняго дѣтства, раздражала и тревожила окружающихъ.

Нянька иначе не звала ее, какъ—„наказанье ты божецкое".

Старшая сестра ее запальчиво преслѣдовала.

Саня періодически то состоялъ въ слѣпомъ повиновеніи, то замышлялъ сбросить иго и переходилъ на сторону Ларисы.

Только одна мама всегда съ Диной ладила и недоумѣвала, что они всѣ находятъ въ ней особеннаго?

— Ребенокъ какъ ребенокъ... Сами вы ее разжигаете напусту, — говорила она своимъ кроткимъ и печальнымъ голоскомъ.

Еще бы! съ бѣдной больной мамой у Дины даже и голосъ былъ какой-то другой... И вся она пугливо затихала при ней. Но не смотря на „пристрастіе", о которомъ всѣ открыто твердили, даже совсѣмъ маленькой дѣвочкой Дина никогда не прибѣгала подъ защиту матери. Она мѣрилась съ врагами собственными силами.

Лариса увѣряла, что Дина „зла, какъ волчонокъ". Однако маленькій братишка зналъ примѣры страннаго („дурацкаго", по его мнѣнію) великодушія загнанной дѣвочки въ этой самой полноправной хозяйкѣ Зажоръ, безконтрольно управлявшей домомъ, имѣніемъ и участью младшихъ дѣтей.

„Теперь, слава Богу, всѣ давно взрослые. Что толку тревo-

Digitized by Google

жить ядовитый осадокъ старыхъ обидъ и раздраженій!" разлялъ благодушный Саня.

Но по запальчивому тону Дины, по знакомому переливчатому блеску въ сѣрыхъ глазахъ (точно рябь на водѣ) братъ уже видѣлъ, что плохой миръ, тянувшійся съ грѣхомъ пополамъ въ Зажорахъ, въ концѣ концовъ, все-таки приведетъ къ доброй схваткѣ, отъ которой не знаешь, чего ждать.

...Что могло у нихъ случиться?

Динина школа, противъ которой систематически воевала старшая сестра, разъ навсегда семейнымъ совѣтомъ ограждена отъ серьезныхъ посягательствъ... Для чего же понадобился новый соборъ? Саня прозвалъ эти семейныя разбирательства „вселенскими соборами". Зачѣмъ потревожили тетю Женю, наѣзжавшую въ родное гнѣздо только въ экстренныхъ случаяхъ, когда безъ ея вмѣшательства не было надежды водворить миръ въ семьѣ старшей сестры? Очевидно, дѣла въ Зажорахъ обстояли совсѣмъ плохо...

А мирная картина голубого озера и цвѣтущаго луга въ кудрявой рамкѣ недалекой липовой рощи, ласка перваго деревенскаго утра послѣ раздражающихъ утомленій лѣтняго Петербурга— вся эта торжествующая прелесть бытія оказывалась сильнѣе самыхъ серьезныхъ соображеній и убѣдительныхъ воспоминаній...

...Будетъ еще довольно времени для ссоръ и разбирательствъ... Неужели ему не дадутъ отдохнуть и одного дня?..

Въ глазахъ Дины отразилась горечь, когда она выслушала отъ него эту не то жалобу, не то просьбу.

...Отдохнуть!.. не справившись даже, что̀ на очереди у другого—почему она такъ страстно ждала его пріѣзда... единственнаго близкаго человѣка, который могъ понять ее... если захочетъ! Но вотъ онъ прежде всего хочетъ оградить собственный покой...

Дина ничего не отвѣтила.

— Вонъ, вонъ! опять утки... Чортъ!..

Въ одинъ мигъ разнѣженной лѣни какъ и не бывало. Глаза Сани заблестѣли, онъ приподнялся на локтѣ.

— А что, Сергѣй вернулся домой? ну, знаешь, охотникъ...

— Вернулся. Только опять ушелъ,—отвѣтила не спѣша Дина.

— Но-о?.. куда?.. вотъ досада!

— На Уралъ, на заводы его сманили. Второй братъ нынче въ наборъ пойдетъ, такъ надо же кому-нибудь доставать на всѣхъ.

Студентъ снялъ фуражку и почесалъ голову. Камары все сильнѣе одолѣвали на пригоркѣ.

— Вотъ такъ сюрпризъ! Я, признаться, только на него и надѣялся. Этакъ цѣлое лѣто и пострѣлять не придется...

Дина что-то вспомнила и во второй разъ спросила:

Digitized by Google

— Саня, да какъ же это съ ружьемъ?

Онъ надѣлъ фуражку и добродушно усмѣхнулся.

— Вотъ, я что тебѣ скажу: коли хотите, чтобы я привезъ ружье, такъ высылайте деньги къ самому отъѣзду. Не могу я хранить ихъ вамъ цѣлые мѣсяцы, когда какъ разъ въ это время народъ валомъ вонъ гонятъ за не-взносъ платы... Какія тутъ къ чорту ружья!

Дина покачала головой.

— Это ужъ въ третій разъ, Саня.

— Ну, и тѣмъ лучше!

— Вотъ и посидишь безъ охоты.

Она совсѣмъ отвернула отъ него голову и добавила, какъ-то странно равнодушно, послѣ паузы.

— Развѣ Савелій когда-нибудь дастъ пострѣлять...

— Какъ?.. У Савелія есть ружье?! Откуда это?

— Осенью купилъ.

Дина не поворачивала головы. Абрисъ щеки рдѣлъ на солнцѣ, какъ лепестокъ цвѣтка, а рука безпокойно выщипывала изъ дерна сухіе пучочки пестрыхъ заячьихъ лапокъ.

— Молодчина же, коли такъ, твой философъ!

Дина, не спѣша, повернулась и скользнула по немъ взглядомъ.

— Угодилъ...

Саня лукаво подмигнулъ:

— Я вѣдь думалъ, что онъ каждый грошъ на книжки копитъ. И на что ему ружье понадобилось!

— Ружье каждому человѣку необходимо имѣть, это я понимаю,—сказала вдругъ Дина убѣжденно.—Я тоже непремѣнно заведу револьверъ.

— Н-но? — смѣялся Саня.—Ужъ не разбойники ли у васъ тутъ появились? Такъ, значитъ, это ты ему внушила...

— Вовсе не значитъ. Онъ не малолѣтній, можетъ и безъ чужой указки обойтись.

Братъ любопытно посматривалъ ей въ лицо. Губы ея стягивались своеобразной нервной ужимкой.

— А въ школу Савелій ходилъ нынче?

— Послѣдній годъ. Мнѣ больше нечему его учить.

Тяжелыя брови еще тяжелѣе опустились надъ глазами. Она смотрѣла въ даль, на озеро. Въ лицѣ проступало что-то важное.

— Н-ну!.. будто ужъ и нечему? — протянулъ онъ недовѣрчиво.—А ты попрежнему считаешь, что нашъ Савка — замѣчательная голова?

Глаза Дины блеснули.

— Скажи, для чего ты теперь выспрашиваешь?—заговорила запальчиво, прорвавшимся звукомъ.—Вѣдь ты даже не поинтере-

Digitized by Google

совался выслушать, когда я хотѣла... ты желаешь отдыхать!.. Просто... праздное любопытство...

Она оборвала, стискивая зубы, и начала поспѣшно повязывать голову платкомъ.

Студентъ тоже, точно невольно, поднялся на ноги.

— Позволь, позволь... чего это я коснулся „праздным любопытствомъ"? Помилуй, Дина!

— Поздно разговоръ начинать—вонъ тетка идетъ купаться.

Она побѣжала навстрѣчу, на бѣгу надвигая глубже на глаза платокъ.

— Ну, ужъ и правда—характерецъ!—послалъ ей вслѣдъ съ досадой Саня.

II

Тетя Женя шла по лугу шаткой и неровной походкой, какъ-то забавно расправляя на ходу пышныя плечи, точно она не просто идетъ, а старательно продѣлываетъ какое-то гимнастическое упражненіе. Видно, какъ ея маленькимъ ногамъ въ тонкихъ туфляхъ съ французскими каблуками трудно балансировать тяжелое тѣло. По травѣ тащится шлейфъ вышитаго батистоваго капота; въ одной рукѣ бѣлый зонтикъ; въ другой—изящная ажурная сумка съ туалетными принадлежностями.

На ходу красивая головка тети Жени надменно откидывается назадъ на короткой бѣлой шеѣ. Густые волосы, точно покрытые ровнымъ слоемъ пудры, моложаво свернуты подъ дорогіе гребни и шпильки. Особенно эффектенъ контрастъ изящной сѣдины съ мягкими черными глазами подъ тонкими бровями.

Тетя Женя вся раскраснѣлась, хоть не отошла отъ дома и ста саженей. Она обрадовалась предлогу остановиться, когда Дина подбѣжала и потянула у нея изъ рукъ синюю сумочку.

— Зачѣмъ же вы сами безпокоитесь, тетя!—воскликнула дѣвушка съ искреннимъ сочувствіемъ передъ ея жалобнымъ видомъ.

— Некому, душа моя... у васъ вѣчно прислуга въ разгонѣ! Маша моя впередъ ушла съ бѣльемъ... Что это за жара съ самой зари!

— Развѣ такъ жарко?

— Охъ, милая!.. Лошадь велѣть бы заложить, такъ боюсь, засмѣетъ ваша Лариса...

— Лошадь... — попробовала повторить серьезно Дина, — но вдругъ покраснѣла, какъ піонъ, отъ усилія сдержать смѣхъ—и не удержала: Ха, ха, ха... вѣдь тутъ... тутъ всего десять минутъ! Простите, милая тетя Женя, простите... Разумѣется, велимъ подавать вамъ дрожки! Можно кругомъ объѣхать.

Digitized by Google

— Ну, какъ-нибудь! Что-жъ дѣлать!—вздыхала тетушка, точно готовилась ступать по скользкому льду, а не по мягкой зеленой тропиночкѣ.

Сбоку подходилъ къ нимъ студентъ.

— Вотъ и ты!.. bonjour, mon enfant. Смѣется надъ старухой твоя сестричка. Да! прыгала и я козой по этому лугу не хуже васъ...

Тетя Женя задумчиво покивала величавой головкой и пошла бодрѣе, когда Саня догадался предложить ей свою руку.

— Пойдемъ купаться со мной... Скучно одной!—позвала она Дину.

Дѣвушка колебалась съ минуту; но сообразила что-то—поглядѣла, гдѣ солнце, и пошла за ними.

Съ самаго пріѣзда тетки онѣ еще не оставались съ глазу на глазъ... Тетя Женя какъ будто избѣгаетъ этого.

Тихое озеро нѣжно плескалось о пологій берегъ.

Съ этой стороны до самой деревушки, раскинувшейся на высокихъ пригоркахъ, тянется глубокій мелкій песокъ—ни дать, ни взять морской плажъ! Озеро ширится вправо, и тамъ берегъ окаймленъ зеленой полосою густыхъ камышей.

До противоположнаго берега по озеру считается восемь верстъ. На горизонтѣ темнѣетъ ярко синяя полоса, точно разлинованная серебряными черточками... Ближе къ правому берегу брошено нѣсколько зеленыхъ островковъ; одинъ изъ нихъ поднимается выше другихъ и издали блеститъ крутымъ песчанымъ обрывомъ. Надъ нимъ кружились какія-то крупныя птицы...

Отъ деревни къ островамъ, поперекъ озера, плыла узкая черная лодка съ однимъ гребцомъ.

Купальню поставили новую всего годъ назадъ, когда старая разсыпалась отъ ветхости. До воды проложены узенькія дощечки, наполовину затонувшія въ пескѣ.

Маша стояла въ открытыхъ дверяхъ, поджидая свою генеральшу. Въ синей модной юбкѣ и въ розовой батистовой крахмалкѣ на корсетѣ, Маша больше походитъ на барышню, чѣмъ Дина. И коса по модному свернута крендельком надъ высоко зачесаннымъ затылкомъ.

Когда господа были въ нѣсколькихъ шагахъ, Маша сочла своей обязанностью пойти навстрѣчу, чтобы взять у барышни сумку.

Въ купальнѣ тетя Женя долго разоблачалась и снаряжалась, отдыхая и нѣжась въ тепломъ воздухѣ. Всѣ принадлежности купанья у нея необыкновенно щегольскія, заграничныя. Въ бѣломъ фланелевомъ костюмѣ съ фестонами и перламутровыми пуговицами и въ кокетливомъ чепчикѣ съ красными помпонами на сѣрыхъ

Digitized by Google

волосахъ, она выглядѣла теперь еще живописнѣе и моложавѣе. Бѣлое выхоленное тѣло значительно свѣжѣе лица.

Тетя Женя сознаетъ это и съ довольнымъ видомъ красуется передъ племянницей, упрятывая свои маленькія пухлыя ножки въ какія-то особенныя чешуйчатыя туфли.

Дина проворно сбросила свои жиденькія юбочки, и тетка не успѣла оглянуться, какъ она уже юркнула въ воду. А Евгенія Петровна долго еще красовалась вся на виду, не рѣшаясь окунуться, и ласково журила ее.

— Можно ли не беречь такихъ прелестныхъ волосъ! Сколько времени такая коса должна сохнуть, да еще на солнцѣ! Бѣлокурые волосы требуютъ большого ухода, чтобы не потерять своего блеска... Выгорятъ на солнцѣ и получатъ вульгарный зеленоватый оттѣнокъ—couleur femme de chambre...

...А кожа! Никогда Дина смуглая не была... Это отъ постояннаго загара. Безъ шляпки, безъ зонтика. Загаръ въѣдается—вѣдь это ожогъ! Вонъ руки—точно въ перчаткахъ.

...Да ужъ не больна ли она чѣмъ-нибудь? Просто непозволительно быть такой сухой, живя въ деревнѣ.

Дѣвушка конфузливо ежилась худенькими плечами подъ этимъ безцеремоннымъ разглядываньемъ.

Но, наконецъ-то, красные помпоны всплыли, точно яркіе цвѣты, надъ серебряной зыбью. Брызги воды задрожали на розовомъ атласѣ роскошнаго бюста.

— Вотъ ты погляди на меня и сравни!—говорила тетя Женя добродушно, разводя по водѣ красивыми руками.—Кажется, Лариса гораздо моложе меня, а она и десять лѣтъ назадъ была не молодая. Такъ отчего же это, скажи пожалуйста? Вы вѣдь увѣрены, что только въ деревнѣ жизнь нормальная.

Застигнутая врасплохъ вопросомъ, Дина собиралась добросовѣстно разсудить, но тетя Женя не ждала ея:

— А я тебѣ скажу отчего: отъ скуки! Человѣкъ долженъ жить нервами, впечатлѣніями, а не одними растительными процессами. И за тѣломъ нуженъ постоянный уходъ. Посмотри, сколько садовникъ ухаживаетъ за какимъ-нибудь растеньецемъ, чтобы сдѣлать его пышнымъ и красивымъ. И достигаетъ! На этомъ вся культура основана. Почему же наше тѣло должно обходиться безъ ухода? Небось, свои платьица ты чистишь да разглаживаешь, такъ вѣдь и кожа наша не больше, какъ ткань!

Динѣ хотѣлось поплавать, но тетка говорила, не умолкая.

Смоченные волосы потемнѣли и плотнѣе прилегли къ круглой головкѣ; но завитокъ на лбу уже свѣтлѣлъ и закручивался въ тепломъ воздухѣ.

Евгенія Петровна взглянула, усмѣхнулась и неожиданно рас-

Digitized by Google

правила его мокрой рукой, сверкнувъ на солнцѣ своими кольцами.

— Вотъ, вотъ, упрямство-то наше гдѣ сидитъ... вотъ въ этомъ задорномъ хохолкѣ! У-у-у... и упрямица же ты! Что ни говори—молчитъ и думаетъ по своему—да?

Дина засмѣялась.

— Да развѣ я одна?! Кто же хочетъ не по своему, а по чужому? Вы, можетъ быть, думаете, тетя, что Лариса очень уступчива?

Тетя Женя сощурила бархатные глазки и улыбнулась.

— Ну-ну... Это я знаю, пожалуй, не хуже тебя.

— Нѣтъ, всего не знаете,—отвѣтила Дина рѣшительно.— Мнѣ вы, можетъ быть, не совсѣмъ вѣрите—мы ссоримся. Такъ спросите сосѣдей!

— Какихъ это сосѣдей?—переспросила тетка любопытно.

— Какъ это какихъ? Нашихъ зажорскихъ сосѣдей.. крестьянъ.

Онѣ поглядѣли другъ на друга недоумѣвающими глазами. Подъ „сосѣдями“ Евгенія Петровна привыкла понимать, разумѣется, не мужиковъ. Ей это ужасно не понравилось.

— Что ужъ это ты, душа моя! О чемъ я стану мужиковъ допрашивать...

...А кого же иначе спрашивать? У нихъ вѣдь и всѣ дѣла деревенскія, мужицкія. Нѣтъ, не отъ скуки Лариса высохла, а отъ вѣчной злобы на всѣхъ! Всю жизнь на ножахъ прожила...

Опять, какъ давеча, съ Саней, Дина не могла себя заставить выбирать выраженія. Тетя Женя легонько морщилась, слушая ее. Она рѣшила, однако-жъ, что надо когда-нибудь дать Динѣ высказаться до конца.

Политика тети Жени обыкновенна заключалась въ томъ, что она по очереди бесѣдовала съ каждой изъ воюющихъ сторонъ, и въ заключеніе, на очной ставкѣ, вносила отъ себя примирительное предложеніе, скомбинированное заранѣе изъ всѣхъ возможностей. Авторитетъ тети Жени былъ поставленъ этимъ чрезвычайно высоко.

— Лариса всю свою жизнь на семью работала, это вамъ грѣхъ забывать,—сказала она вѣско.—Сама знаешь, подъ силу ли было матери съ имѣньемъ управиться, да долги выплачивать... Все бы врозь поползло, кабы не Лариса.

Дина покраснѣла, оттого что ее подозрѣваютъ въ неблагодарности.

— Этого я, тетя Женя, никогда не забывала, *никогда!* Только потому я и считала себя обязанной подчиняться... Но всему

Digitized by Google

есть предѣлъ! Мнѣ двадцать три года... У каждаго человѣка должна быть своя личная жизнь и въ ней онъ свободенъ.

Тетя Женя поспѣшила сбавить тонъ.

— Полно, полно, душечка, не горячись такъ. Я не знаю, о чемъ ты говоришь, въ чемъ отъ тебя требуютъ подчиненія.

Настойчивый взглядъ изъ-подъ бровей пронизывалъ ее насквозь.

— Развѣ вы не знаете? — переспросила Дина съ такимъ явнымъ недовѣріемъ, что отвѣтить категорически было совсѣмъ уже неудобно.

— То-есть... знаю, что у васъ идутъ препирательства насчетъ зимы—здѣсь ли попрежнему оставаться, или переѣхать въ городъ, n'est ce pas? Да, вѣроятно, есть же для этого какія-нибудь серьезныя основанія?

— Еще бы! Домъ въ Зажорахъ вдругъ сталъ холоденъ отъ старости!—крикнула Дина задорно на все озеро.

— Пора выходить, ваше превосходительство! Вы очень долго въ водѣ сегодня,—позвала съ берега Маша, чутьемъ угадывая, что именно въ эту минуту ея барынѣ будетъ пріятенъ перерывъ разговора.

Дина вдругъ пропала на глазахъ у тетки. Вынырнула саженей на три дальше и поплыла въ озеро, рѣдко и сильно взмахивая руками. Тетя Женя покачала головой и выбралась на горячій песокъ.

Не раньше, какъ минутъ черезъ двадцать Дина выскочила изъ озера. Руками обмахнула съ себя воду и навинула бѣлье; волосы скрутила и выжала что было силы, какъ прачки выжимаютъ бѣлье, и явилась въ купальню, увѣренная, что тетка уже одѣта.

Къ ея удивленію, Евгенія Петровна еще сидѣла закутанная въ нарядный мохнатый халатъ съ пестрой каймой; на скамейкѣ около нея красовался цѣлый рядъ флаконовъ и баночекъ.

— Ахъ, можно ли такъ далеко плавать, Дина! встрѣтила она дѣвушку съ неподдѣльной тревогой. — Ну, сохрани Богъ, сдѣлается судорога... такъ вѣдь и тонутъ люди!

— Вы бы сказали мнѣ, барышня, сбѣгать за простынькой, покамѣстъ вы купаетесь—вставила неожиданно слащавымъ голосомъ Маша, скромно отводя отъ нея свои глаза.

— Спасибо, Маша. Я всегда безъ простыни обхожусь—такъ свѣжѣе.

— Поди, поди ко мнѣ... нѣтъ, поближе сюда!

— Что это на локтяхъ у тебя? Ахъ, Боже мой настоящая щетка! Дина, Дина... это ужасно! Это у тринадцатилѣтнихъ дѣвочекъ бываетъ, а тебѣ давно пора замужемъ быть.

Digitized by Google

— Что же мнѣ съ этимъ дѣлать, тетя!—разсмѣялась Дина ея неподдѣльному сокрушенію.

— Какъ, что дѣлать?! На солнцѣ мокрая обсыхаешь каждый день и думаешь, что для кожи все ни по чемъ. Возьми, намажь сейчасъ кремомъ... да, да, не серди меня! Ca n'a pas de sens commun—devenir tellement laide! une jeune fille comme vous! да съ одними волосами твоими другая бы... petite sotte!

Дина упиралась, но тетя Женя начала собственноручно натирать ей руки нѣжной бѣлой мазью, разливавшей запахъ розоваго масла.

— Вотъ попалась! Тетя, б-будетъ! ради Бога, отпустите душу на покаяніе!—хохотала до слезъ Дина.

Невыразимо комичной казалось ей красивая московская барыня, съ ея арсеналомъ склянокъ и баночекъ, съ цѣлымъ багажомъ спеціальныхъ туалетовъ для каждаго момента жизни.

„Ну, и атласная кожа—а кому отъ этого лучше? Скуку такую терпѣть цѣлую жизнь—идіотизмъ какой!“ негодовала Дина, потирая свои локти. Ей все казалось, что они не совсѣмъ еще высохли отъ тетушкиной мази.

Изъ купальни Дина пошла не домой. Она взяла налѣво берегомъ и скрылась въ камышахъ.

Тетя Женя нѣсколько разъ оглядывалась посмотрѣть, идетъ ли она за ними.

— Что же она тамъ дѣлаетъ столько времени? Вѣдь даже гребенки у нея нѣтъ! дѣлилась она своимъ недоумѣніемъ съ Машей.

— Гуляютъ, должно быть... процѣдила, наконецъ, дипломатически наперсница такимъ тономъ, что генеральша покосилась на нее и перестала спрашивать.

И Маша не находила своевременнымъ выкладывать барынѣ свои свѣдѣнія, почерпнутыя въ людскихъ.

III.

Ни съ озера, ни съ берега нельзя замѣтить въ камышахъ тропинки—однако, надъ нею кто то не мало потрудился. Вся она старательно утрамбована хворостомъ и мохомъ, а въ очень топкихъ мѣстахъ вымощена камешками.

Дина ловко пробиралась по ней, высоко вздернувъ и безъ того не длинную голубую юбочку. Лицо ея, поблѣднѣвшее послѣ купанья, было озабочено.

Нѣсколько разъ она останавливалась, безсознательно облегчала грудь вздохомъ и прислушивалась къ царившей тишинѣ.

Со всѣхъ сторонъ обступала высокая зеленая стѣна, зыбкая

Digitized by Google

даже въ этой неподвижности жаркаго безвѣтреннаго утра. То тамъ, то здѣсь зеленыя метелки вздрагиваютъ отъ непонятной причины—и толчокъ передается далеко, какъ по водѣ разбѣгается рябь. Что-то слабо шуршитъ, цѣпляясь за жесткіе стебли... Что-то шевелится внизу, въ водѣ. Пахнетъ водяной гнилью; но отъ косогора, на который выводитъ тропинка, уже доносится сладкій ароматъ медуницъ.

Такъ же, какъ и на другомъ концѣ, тропинка кончается здѣсь внезапнымъ заворотомъ подъ прямымъ угломъ; но и этотъ выходъ совершенно закрытъ огромнымъ ивовымъ кустомъ. Старый кустъ во многихъ мѣстахъ затянутъ паутиной, съ налипшими на ней мошками, сѣменами и сухими листочками.

Дина привычной рукой отстранила вѣтки и вынырнула на тѣнистый косогоръ. Тутъ было еще совсѣмъ свѣжо въ высокой влажной травѣ. По ней также пролегъ наискосокъ едва уловимый слѣдъ, незамѣтный для непривычнаго глаза.

Дина о чемъ-то раздумывала и прислушивалась.

Наверху, за темной чащей густо разросшагося ольховника, надъ полемъ заливаются жаворонки и мѣшаютъ слушать...

... Вотъ, недалеко гдѣ-то какъ будто набиваютъ косу?

Дѣвушка еще послушала, рѣшила что-то и пошла скорѣе. Но въ ту же минуту навстрѣчу ей изъ темной чащи рѣзко и протяжно свистнула птица.

Дина круто остановилась, и въ лицѣ ея пробѣжала довольная улыбка.

„Хорошо, что пошла!“ похвалила она себя, вспомнивъ недавнія колебанія; поскорѣе сдернула съ шеи бѣлый платочекъ и повязала его на сырые волосы. Отъ платка лицо стало строже.

Свистъ въ кустахъ повторился ближе и слабѣе. Теперь Дина чутко слѣдила за шагами въ чащѣ, хоть шаговъ вовсе не было слышно; едва угадываемый слѣдъ движенія въ вздрогнувшихъ вѣткахъ, въ трескѣ сухого сучка... И смотрѣла на тотъ именно кустъ, откуда показалась невысокая фигура молодого парня въ бѣлой рубахѣ.

Увидавъ дѣвушку прямо передъ собой, онъ отъ внезапности сбился съ шага, заспѣшилъ, сдернулъ съ головы картузъ и совсѣмъ по-дѣтски сбѣжалъ къ ней по косогору, врѣзавшись въ высокую, содрогнувшуюся точно отъ боли траву.

— Ахъ, озорникъ какой, зачѣмъ, зачѣмъ траву мнешь!— крикнула Дина невольно и напрасно, отступая передъ нимъ назадъ по тропинкѣ.

Онъ набѣжалъ вплотную.

— Да что-жъ тутъ... Господи! невидаль какая! — лепеталъ онъ, радостно сверкая голубыми глазами.

Digitized by Google

— Иду какъ дуракъ и не знаю, что вы тутъ. Кабы знать-то!

Онъ отступилъ, смутившись, что стоитъ къ ней такъ близко.

— Хорошо, что пришелъ, Савелій. Я собралась посылать за тобой. Ваши-то въ полѣ сегодня? — спросила Дина дѣловымъ тономъ.

— Извѣстно, какъ же не въ полѣ.

— Такъ какъ же ты ушелъ?

— Такъ и ушелъ. Думалъ, не понадоблюсь ли вамъ зачѣмъ-нибудь? Александръ-то Иванычъ пріѣхалъ?

— Да, пріѣхалъ. Всѣ теперь собрались,—сказала Дина тихо, точно на какую-то свою мысль.

Такіе красивые голубые глаза встрѣчаются иногда въ народныхъ лицахъ: влажные и сверкающіе необыкновенной чистотой красокъ, съ длинными развѣсистыми рѣсницами. Худоба скрадывается широкимъ складомъ лица и золотыми завитками живописно заростающей молодой бородки. Въ пухломъ ртѣ съ бѣлыми зубами и въ открытой игрѣ лица еще сказывается юношеская миловидность.

Дина замѣтила, что Савелій переодѣлся съ работы, но не сдѣлала никакого замѣчанія. Давно ужъ онъ не попадался ей на глаза иначе, какъ прибранный по праздничному. Ему зато проходу нѣтъ на деревнѣ, но ей казалось это естественнымъ въ немъ. Можетъ быть, ей даже было бы непріятно увидѣть его въ заношенной, пропотѣвшей рубахѣ, въ заплатаныхъ шароварахъ, какъ всякого другого мужика.

Савелій сорвалъ длинную травинку и крутилъ ее въ грубыхъ пальцахъ. Словно такъ легче дожидаться, что Надежда Ивановна скажетъ ему сегодня...

Всѣ знаютъ, что старая барышня хочетъ нынче, какъ ни какъ, порѣшить школу. Покамѣстъ еще ничего не объявлено, и Надежда Ивановна распустила учениковъ такъ же, какъ въ прежніе года, съ строгимъ приказомъ не отбиваться совсѣмъ отъ книжки за лѣто и съ разными заманчивыми обѣщаніями на осень. Однако, всѣ знали, всѣ повторяли разныя подробности, Богъ вѣсть откуда взятыя.

Собственно, Савелія это и не касается; еще передъ Пасхой объявлено, что ему больше нечего дѣлать въ такой школкѣ. Однако, онъ ходилъ самъ не свой, чуя въ этомъ какую-то свою бѣду, о которой Надежда Ивановна и говорить съ нимъ не хочетъ... И это-то и было всего страшнѣе, что говорить она не хочетъ!

Съ чуткостью простыхъ существъ, которыхъ ведетъ не умъ, а чувство, Савелій твердо зналъ въ эту минуту, что онъ услышитъ сейчасъ что-то важное... Такое, къ чему и ума не приложить...

Digitized by Google

Каждое утро онъ отправлялся къ камышамъ; но Надежда Ивановна не приходила и не присылала за нимъ. Вчера, выслѣдивъ, какъ пріѣхалъ молодой баринъ, Савелій понялъ, что сегодня навѣрняка ужъ она не придетъ—небось, съ братомъ разстаться не захочется.

Онъ и сталъ было на работу раньше всѣхъ домашнихъ, твердо рѣшивъ въ одинъ день наверстать всѣ свои прогулы. И работалъ, ни о чемъ не думалъ... Но когда подошелъ привычный часъ — словно вотъ потянула какая-то сила! Руки распадаются, какъ плети... Въ груди засосала знакомая тоска. Испуганныя мысли, точно пчелы, засновали въ головѣ...

Дина медлила, бросая на него взгляды, полные раздумья.

...Жалѣетъ его! Словно бы кто словами ему это сказалъ. И что-то тяжелое, точно слезы—много слезъ—волной поднимается въ груди и отражается боязливымъ вопросомъ въ голубыхъ глазахъ... Травинка выскользнула изъ нальцевъ. Онъ пододвинулся ближе—губы его шевелились безъ звука...

Дина поспѣшно подняла упавшую травинку и, накручивая ее, какъ шелчинку, себѣ на палецъ, заговорила сухимъ высокимъ голосомъ, какимъ она говоритъ въ школѣ, когда чѣмъ-нибудь недовольна.

— Я все равно за тобой послала бы Анюту. Сама не знаю, Савелій, что у насъ будетъ такое—можетъ статься, что и вовсе съ тобой не увидимся. Какой-нибудь конецъ да надо положить...

Рѣчь о чемъ-то, о чемъ между ними еще не было сказано ни одного слова. Но ему и въ умъ не пришло прятаться за это—не понимать.

Лицо его блѣднѣло подъ загаромъ. Отъ судорожныхъ толчковъ сердца, бѣлая рубаха съ мелкимъ розовымъ узоромъ вздрагивала на горлѣ. Глаза перехватили ея ускользающій взоръ, задержали его, заставили погрузиться въ ихъ голубую глубину.

И глаза Дины мгновенно наполнились слезами, такъ неожиданно для нея самой, что вмѣсто словъ она только втянула въ себя протяжно воздухъ и вся подалась назадъ.

...Пристыжающее впечатлѣніе безправія и беззащитности другого человѣческаго существа... Острая, какъ боль, жалость передъ этой разбуженной тревогой безформенныхъ надеждъ... и загнанное глубоко отчаянными усиліями, но все-таки упорно растущее чувство собственной великой отвѣтственности—вотъ, вотъ, что она чувствуетъ теперь—давно!..

...Отъ этихъ частыхъ глазъ, полныхъ страстной вѣры и обожанія (такъ на образъ глядятъ) она уклониться не можетъ... А въ сущности вѣдь какъ это легко! Стоитъ только не приходить къ камышамъ... Стоитъ сказать слово, что она больше не

Digitized by Google

хочетъ видѣть Савелія... И для него простая дверь безъ запора упадетъ несокрушимой преградой...

Дина съ досадой вытерла глаза уголкомъ платка, какъ настоящая крестьянская дѣвушка, и заговорила, какъ всегда, безсознательно прилаживаясь къ простой рѣчи.

— Боюсь я, Савелій, какъ бы и вправду не пришлось закрыть школу... Да, кажется, и у васъ идетъ ужъ разговоръ про это?..

Савелій попрежнему не сводилъ съ нея глазъ и молчалъ. Онъ ждалъ дальше—удара, передъ которымъ трепещетъ вѣщее сердце...

— Ну, хоть это-то должно быть вамъ понятно, что двухъ хозяекъ въ одномъ домѣ не можетъ быть! — говорила она какъ будто уже съ раздраженіемъ.—Не ребенокъ я, въ городъ жить меня насильно не перевезутъ, какъ малолѣтнюю... Да только и здѣсь наперекоръ хозяйкѣ недалеко уйдешь. А ухожу, Савелій, съ пустыми руками, новую школу заводить пока не на что. Для хлѣба работать придется.

Дина взглянула, удивленная молчаніемъ. Въ его лицѣ было неожиданное выраженіе какъ будто недовѣрія... Она поняла и покраснѣла отъ неудовольствія.

— Ну, да, разумѣется, я такая же наслѣдница, какъ и сестра... Но, во-первыхъ, пока мать жива, Лариса хозяйка, потому что она всегда вела дѣла... Не начну же я тягаться съ нею — „дѣлиться“, что ли, по вашему! Для себя мнѣ и вовсе ничего отъ нихъ не надо — ничего!

Теперь онъ заметался передъ нею, настигнутый ударомъ... Оно вошло въ него, страшное слово, котораго онъ ждалъ—такъ, какъ входитъ ножъ въ живое тѣло. Ничего больше Савелій не понялъ—не разслышалъ.

— Куда вамъ уйти отъ своего дома?!. Куда вы пойдете?

Ей слышалось другое въ этомъ воплѣ: „какъ вы отъ меня уйдете — на кого вы меня бросите?“

И захватила всегдашняя потребность пристыдить — поднять бодрость. Голосъ зазвучалъ знакомой властью. Она положила на его вздрагивающія руки свою маленькую и твердую, почти такую же темную, какъ и его.

— Ты чего же испугался такъ, глупый?! Ну, да, придется, должно быть, уйти... съ тобою то всячески мы свидимся, гдѣ бы я ни была. Тебѣ же и самому въ Зажорахъ не у чего оставаться — или ты забылъ? Сдѣлаешь все, какъ было говорено. Послѣ Покрова сряду просись у отца въ Москву. А мнѣ, можетъ быть, удастся что-нибудь наладить къ тому времени.

Сердце напрягалось до боли отъ страстной энергіи какую

Digitized by Google

она вкладывала въ звенящій голосъ, въ горящій взглядъ подъ распрямившимися бровями. Всегда это преображало ея лицо. Горячая волна приливаетъ ко лбу и къ шеѣ.

— Съ тобою я не прощаюсь, Савелій, да другіе-то—остальные всѣ! Дѣвочки—Анюта — школа, школа моя милая! Охъ, какъ горько, какъ стыдно отступаться отъ нихъ... Ну, ты самъ знаешь— не дождаться же, чтобы потолки обвалились ребятамъ на головы?! Нельзя нынче никакъ безъ перестройки обойтись — потолки, полы, балки, рамы — все, все разваливается. Стѣны однѣ постояли бы еще. Посчитайте сами — во что это станетъ? Не даетъ она мнѣ такихъ денегъ, да и нѣтъ ихъ. Ужъ я на разные лады думала: въ деревнѣ избу снять? Старики побоятся противъ Ларисы Ивановны пойти — меня же осудятъ. И я тоже оскорблять сестру не могу...

Дина замолчала, и стало вдругъ тихо... мучительно тихо. Наверху, за ольховникомъ попрежнему набивали косу, точно стучало еще чье-то сердце, жестокое и безучастное... Вѣтерокъ набѣжалъ съ озера и зашепталъ съ камышами, точно принесъ загадочный отвѣтъ на то, что здѣсь разразилось надъ двумя людьми, такими различными и чужими — и все-таки близкими другъ другу.

Савелій прислонился къ старой ивѣ; грузно, всѣмъ тѣломъ налегъ на корявый стволъ. Онъ не протестовалъ, не жаловался. Не говорилъ ни просьбъ, ни опасеній... У него не было словъ для этихъ ощущеній.

...А-а!!. Пусть бы лучше Савелій спорилъ, жаловался... Пусть упрекаетъ, что Надежда Ивановна „Бога не боится“ такъ бросить ихъ... Эту горсть людей чуть-чуть отогрѣвшихся у случайно засвѣтившаго огонька. Оттого что судьба закинула барышню въ глушь и некуда дѣвать праздника времени! Обстоятельства перемѣнились—прощайте, добрые люди, бредите дальше, какъ сумѣете, при свѣтѣ случайно брошенной искорки.

...Пожалуй, отецъ не согласится отпустить на зиму въ Москву. Что-жъ! поищи, Савелій, дорожки назадъ... брось, какъ ненужную обузу, этотъ гнетъ непримиримаго недовольства.

...Развѣ мудрено толкнуть—дать первый безцѣльный толчокъ? Для этого ненадо особенныхъ силъ, не надо почти никакого умѣнья... Просто, подъ руку подвернулся, когда непочатая энергія ищетъ выхода...

Мучительное чувство отвѣтственности все тяжелѣе и строже гнететъ Дину при каждомъ новомъ затрудненіи. И въ то же время поражало глубокое несходство привычнаго намъ душевнаго строя съ психологіей иного міра. Поражало, насколько тамъ всѣ

Digitized by Google

волненія сокрушительнѣе: какъ люди беззащитны передъ собственными ощущеніями.

Самонадѣянный Савелій въ порывѣ отчаянія сваливался, точно подкошенный. „Рѣввы ноженки подламываются — плечи не держатъ буйную голову“, вспоминаются невольно слова пѣсни.

Сквозь новую, еще не окрѣпшую броню сознательности въ такія минуты властно прорываются вѣковѣчные голоса суевѣрной растерянности и покорности...

— Савелій!—позвала Дина.

Онъ поднялъ понурую голову.

Такъ плачутъ дѣти и женщины.

— Голубушка... Надежда Ивановна... мы-то... мы безъ васъ какъ же? Я... вовсе и жить не стану...

Онъ рванулся куда-то, застыдившись своего мокраго вида, и сталъ обтирать лицо рукавомъ рубахи. Все его тѣло содрогалось отъ подавляемыхъ рыданій.

Дина вдругъ съ ужасомъ ощутила какую-то пустоту въ своемъ умѣ: испытанная педагогія измѣняетъ ей въ рѣшительную минуту... Предвзятое и надуманное сметено однимъ животрепещущимъ впечатлѣніемъ тяжкой душевной муки... Это она причиняетъ муку своему любимцу, другу дѣтства, кого было такъ забавно и радостно увлекать на новый путь, то подталкивая, то сдерживая...

...И завела въ эти слезы!?.

И вотъ... почему-то грозитъ стушеваться привычное отношеніе воспитателя къ ученику—этотъ легкій, всегда готовый тонъ... Никогда еще съ такой ясностью она не видѣла въ Савелія взрослаго мужчины, который каждую минуту можетъ заговорить о чемъ-нибудь, ей вовсе невѣдомомъ и недоступномъ въ его интимномъ личномъ мірѣ... Страшно, что бы это не случилось теперь—сію минуту...

Надежда Ивановна, блѣдная и хмурая, начала крѣпче перевязывать на головѣ свѣтлый платочекъ.

Савелій вспомнилъ, что она торопится, сейчасъ уйдетъ... Вспомнилъ слова: „Можетъ статься, что и вовсе съ тобой не увидимся“, и его всего охватило смятеніе послѣднихъ, сосчитанныхъ минутъ.

— Я за вами пойду. Схоронюсь на мызѣ гдѣ-нибудь, никто не увидитъ... Вы кликните меня, коли что!—объявилъ онъ, неожиданно переходя отъ растерянности къ почти спокойной рѣшимости.

Дина не соглашалась.

Зачѣмъ?! Прятаться-то ему съ какой стати—чѣмъ онъ передъ нѣмъ провинился? Но съ чего онъ вдругъ заберется на мызу—

Digitized by Google

кто его ходокомъ по школьнымъ дѣламъ выбиралъ, да и съ кѣмъ онъ тамъ разговаривать собирается!

Савелій не сдавался, хоть и не могъ ей объяснить, въ чемъ онъ почерпаетъ свою увѣренность, что ему необходимо быть около нея.

— Кликните меня, коли что!—твердилъ онъ только, коротко и упрямо, тономъ не ученика, а взрослаго мужчины, который сдѣлаетъ такъ, какъ онъ порѣшилъ.

— Савелій! Я... прошу тебя не ходить за мной.

Это сказалось само собою: просьба женщины вмѣсто приказанія учительницы. И щеки Дины слабо вспыхнули.

Савелій нескладно взмахнулъ руками.

— Что же это, Господи... за что вы такъ меня!?—лепеталъ онъ, опять совершенно растерявшись.

Въ ея просьбѣ прозвучало что-то небывалое, отчего она сдѣлалась, какъ чужая... И онъ ужъ не могъ ослушаться, хоть не было ни строгаго лица, ни повелительнаго окрика, какимъ приводится въ повиновеніе расходившійся классъ...

Дина ушла, пообѣщавъ не уѣзжать, не попрощавшись, всѣхъ непремѣнно собрать для этого и поручила ему предупредить товарищей.

И не думала вовсе раньше, да уйти нельзя стало безъ обѣщанія...

Когда гибкія вѣтки хлеснули въ воздухѣ, распрямляясь, и прикрыли собою завѣтную тропочку, надъ которой весною онъ работалъ тайкомъ отъ всѣхъ, съ такимъ счастьемъ на сердцѣ, Савелій съ минуту смотрѣлъ по сторонамъ, точно очнувшись. Полно, ужъ было ли все это? Приходила ли Надежда Ивановна на косогоръ, когда вовсе и ждать ее нельзя было сегодня... Не со страха ли ему приснилось, что не только школа закрывается, а и сама она уѣдетъ изъ Зажоръ...

...Куда? Куда?! Какъ же это онъ не допросилъ, не вывѣдалъ у нея, куда уѣзжать-то собирается? Думаетъ же она что-нибудь, разсчитываетъ!

Ничего не спросилъ... Дуракъ! Можетъ ли это быть, что бы она ему не сказала?

„Друзья дѣтства мы съ тобой, Савелій—какихъ еще друзей! Правда вѣдь?“ слышется ему ласково-шутливый голосъ, и маленькая, словно ребячья, рука дружески хлопаетъ его по широкой ладони.

Вотъ тебѣ и друзья!..

Онъ чувствовалъ, что необходимо вдуматься изо всѣхъ силъ, чтобы понять, зачѣмъ она рѣшила уѣхать... Но вдуматься-то и

Digitized by Google

нельзя: мысли кружатся въ головѣ, словно сухіе листья въ бурю, не можетъ, не можетъ онъ загнать ихъ, куда нужно.

Знаетъ онъ навѣрное, что она не можетъ хотѣть уѣхать. А почему знаетъ? Отчего словами нельзя себѣ этого сказать? Страшно, что ли, чего-то?..

Савелій не замѣтилъ, какъ опустился на землю. Обхвативъ руками согнутыя колѣни, сидѣлъ скорчившись и смотрѣлъ на ивовый кустъ.

Резоны и утѣшенія Надежды Ивановны вовсе и не вспоминались. Свидятся ли они когда-нибудь, уйдетъ ли и самъ онъ изъ деревни—все это не существовало для него въ эту минуту. Онъ видѣлъ только длинные, ясные лѣтніе дни. И нѣтъ школы, а такъ легко видѣться, хоть сколько разъ на дню. Прогулки со школьниками въ праздники всей гурьбой, съ чаепитіемъ на травѣ... Онъ всегда первый, всегда около нея, черезъ него все и слаживается...

Какъ онъ ни зажмуриваетъ глаза, чтобы представить себѣ, увидѣть на мигъ эти лѣтніе дни пустыми—безъ ожиданій, сборовъ, встрѣчъ, безъ Надежды Ивановны—ничего не можетъ! Внутри точно что-то подламывается: сердце заскачетъ неровно и больно, духъ захватываетъ...

— Нельзя это перенести... нельзя, нельзя...—шепчутъ сами собой пересохшія горячія губы...

.....

Савелій сидѣлъ лицомъ къ камышамъ и не видѣлъ, какъ съ косогора осторожно спускалась Анютка.

Она прибѣжала, какъ была съ работы—въ худенькой старой юбчонкѣ и кофтѣ, съ черными, въ землѣ, руками. Утро цѣльное съ мамкой въ грядахъ копались, пололи по росѣ—испачкаешься!

Анютка издали звонко окликнула брата, но онъ не шевельнулся на голосъ.

Спитъ, что ли? Чудно что-то... Развѣ уснешь такъ, скорчившись?

И Анютка приближалась молча, сомнительно поглядывая на его сгорбленную спину такими же, какъ у него, красивыми голубыми глазами. Только у нея глаза живые и смѣлые, а не мечтательные, какъ у брата. Лицо маленькое и круглое, въ веснушкахъ.

Вплотную подошла, а онъ хоть бы тебѣ голову повернулъ! И не спитъ вовсе.

— Да ты никакъ и вправду рехнулся у насъ, Савелій Алексѣичъ!—всплеснуа руками дѣвочка, какъ только могла выразительнѣе.

Точно какъ изъ ружья выпалила прямо въ ухо. Савелій весь затрясся и вскочилъ на ноги.

Digitized by Google

— А?! Кто?.. Анютка! Тьфу, какъ напугала... подлая!

— А ты не ругайся! Ты спасибо дай, что я, не пивши, не ѣвши, рожи не сполоснувши, бѣжала тебя розыскивать! Или ты думаешь, никто не видитъ, что ты каждый у Бога день новадился съ работы уходить? Еще обѣдъ вонъ онъ когда, а ты сколько время тутъ разсиживаешь!

Совсѣмъ какъ взрослая баба, Анютка жестикулировала коротkими руками и все выше и выше забирала рѣзкой дискантовой нотой.

— Ну, цыть ты! Что и въ самомъ дѣлѣ завела... наставница какая выискалась! Я не просилъ тебя бѣжать меня разыскивать... Хочу и разсиживаю.

Какъ ни въ чемъ не бывало, Савелій опять повалился въ траву. Растянулся на животѣ и подперъ голову обѣими руками, сбросивъ на глаза всю спутанную шапку кудрявыхъ волосъ.

Анютка сразу какъ осѣклась. Она присѣла надъ нимъ, скорчившись на босыхъ ножонкахъ, и затянула плаксиво:

— Савушка... да ты побойся Бога! Что же это будетъ опять дома... Срамоты да ругани давно не было? Другіе-то чѣмъ виноваты... изъ-за тебя терпѣть... Ишь разлегся, будто какъ въ праздникъ, въ рабочій день...

Савелій смотрѣлъ въ траву и нетерпѣливо дрыгалъ одной ногой.

— Ахъ, ты Господи! Въ новыхъ сапогахъ, въ штанахъ по росѣ валяется!... Никакъ ужъ ты и вовсе за барина себя нынче почитаешь... Ты и не знаешься ни съ кѣмъ, все одинъ да одинъ, на отличку... Дождаться хочется, чтобы тебѣ мать съ отцомъ пропѣли...

Дѣвочка поднялась на ноги обмахнула глаза рукавомъ кофты.

— Хошь бы Надежды Ивановны постыдился... до такихъ разговоровъ доводить,—проговорила она негодующимъ тономъ взрослой женщины и пошла къ косогору.

— Анютка!..

Она шла прямо и гордо, не поворачивая головы.

— Анютка! Стой, когда говорятъ!

Ему пришлось догнать ее и остановить за руку.

— Ишь... дрянь! Ты что за глупости тутъ намолола?—прошипѣлъ надъ нею Савелій, стискивая зубы отъ злости.

Анютка теперь только увидала его измученное, наплаканное лицо.

— Савелій... Голубчикъ... Савушка!—вдругъ всхлипнула она, жалобно гримасничая. — Такъ рази я-то не понимаю... легко ли это тебѣ!.. А рази кто-нибудь разсудитъ? У насъ только одно слово и знаютъ: лодырничать!... Что на гармоникѣ пѣсни играть,

Digitized by Google

что книжку читать — имъ все одно! Вотъ и дождались... будутъ теперь радоваться, когда нашей школы не будетъ...

Анютка горько заплакала, сунувшись лицомъ въ согнутый локоть.

— Да, реви, реви... много ты знаешь! — пробормоталъ Савелій сквозь зубы.—Коли при мнѣ... кто-нибудь зубы скалить попробуетъ—н-ну! Увидятъ! Я имъ покажу тогда...

Онъ потрясъ въ воздухѣ стиснутымъ кулакомъ. Приступъ бѣшенства передергивалъ его лицо.

Анютка покосилась на него и отъ страха перестала плакать. На кого Савелій сердится? Никто вѣдь не виноватъ, коли школу закроютъ...

— Да-а!.. тебѣ-то что—ты небось ужъ выучился! Сама барышня сказала.

— Молчи!

— Я правду говорю. Вотъ намъ-то съ Лизуткой каково, ты подумай. До дѣленія какъ разъ дошли! А я, знаешь Савелій, что думаю?

Она быстро повернула къ нему весноватую рожицу, засвѣтившуюся лукавой улыбкой.

— Небось, насъ-то барышня не прогонитъ и безъ школы... Велитъ намъ все равно приходить въ большой домъ. Ты какъ думаешь?

Онъ думалъ, что задохнется, если сейчасъ же не крикнетъ ей того, чего она еще не знаетъ.

— Да! какъ же! Для тебя съ Лизуткой барышня въ Зажорахъ осталась... еще бы ей отъ такихъ разумницъ да уѣхать!!

— Уѣхать!?—повторила, какъ эхо, дѣвочка, и не мигая, вытаращила на него огромные глаза.

Такъ вотъ отчего Савелій въ новыхъ сапогахъ по мокрой травѣ валяется... Вотъ отчего ей каждую минуту кажется, что сейчасъ онъ побьетъ ее ни за что, ни про что...

И вдругъ Анютка, неожиданно для себя самой, тоже повалилась плашмя въ траву,—отъ безсознательнаго подражанія, оттого, что не съумѣла найти ничего сильнѣе этого, чтобы выразить охватившую ее жалость.

— Барышня!.. Голубушка на-аша!.. Надежда Ивановна....

Савелій остановился надъ нею.

Рвавшая грудь злоба стихала... Стало еще тошнѣе.

Анютка выла, катаясь головой по травѣ.

Digitized by Google

IV.

Дина не явилась къ завтраку, и это послужило сигналомъ для объясненія, котораго до сихъ поръ никто не рѣшался начать, хоть каждый по своему къ нему готовился.

Мама съ утра плакала, какъ всегда плачетъ мама: никто не видитъ слезъ; только лицо становится все болѣзненнѣе и несчастнѣе, а глаза краснѣютъ и пухнутъ. Точно вмѣсто того, чтобы изливать, глаза въ себя впитываютъ всѣ слезы...

Вернувшись съ купанья, сестра зашла поздороваться съ нею въ ея комнату; и съ тѣхъ поръ тетя Женя, не переставая, все вздыхаетъ и охаетъ.

Получивъ отъ Ани письмо съ мольбами „спасти ихъ", Евгенія Петровна объявила наотрѣзъ, что на этотъ разъ она ни за что не поѣдетъ въ Зажоры. Довольно ужъ съ нея отбывать эту повинность! Года не тѣ, пора и себя поберечь...

Ужъ, стало быть, она серьезно рѣшила, если даже про года обмолвилась... Въ Москвѣ такъ это и поняли, и всѣ порадовались. Понятно, что каждый предпочитаетъ видѣть милую женщину беззаботной и исполненной ея привлекательной душевной ясности; вѣдь это то, что уцѣлѣетъ до конца только въ рѣдкихъ, избранныхъ натурахъ. Жизнь ихъ не ломаетъ, а бережно баюкаетъ; пресловутый житейскій опытъ, лишенный столь свойственнаго ему полыннаго осадка, придаетъ обращенію этихъ людей пріятный оттѣнокъ незлобиваго юмора и ласковаго благоволѣнія...

Удивительно пріятная женщина Евгенія Петровна! Друзья, что называется, носятъ ее на рукахъ, а это (за рѣдкостными исключеніями) выпадаетъ на долю людей вполнѣ благообразной жизни: безъ скучнѣйшихъ денежныхъ затрудненій, безъ вульгарныхъ семейныхъ драмъ, безъ надоѣдливыхъ болѣзней...

Однако, друзья поторопились радоваться. И теперь, какъ это бывало уже не одинъ разъ, категорическіе отказы и запальчивые зароки оказались безсильными передъ... передъ покорностью Ани. Стоитъ только Евгеніи Петровнѣ отослать въ Зажоры свой безповоротный отказъ, и съ той же минуты сама она лишается покоя. Ее преслѣдуетъ покорное, пропитанное слезами лицо—лицо, въ которомъ она никогда, никогда еще не прочла упрека...

„Разумѣется, ангелъ мой Женичка, ты всегда, всегда права!— спѣшила написать въ отвѣтъ Аня.— Прости, прости ради Христа, что такая я неисправимая эгоистка! Правда, милая, нашей бѣдѣ ты не поможешь, а только напрасно сама разстроишься. Стыдно мнѣ—до старости дожила, а все ума не нажила. Сгоряча сдѣлаешь, а ужъ послѣ въ догонку разсуждать пустишься. Охъ, Женичка,

Digitized by Google

красавица моя, разумница, въ томъ вѣдь все и горе, что я-то никуда не годна! Кто хочетъ такую противную хныксу слушать, коли ничего, ничего въ своей жизни не умѣла! Охъ, живутъ же другіе, ничего не помнятъ... Отчего я не могу?!."

„Не могу я понять, за что не любитъ она ее, не любитъ... А мнѣ нельзя идти противъ, вѣдь Лисинька все бремя взяла съ моихъ плечъ на свои! Сколько лѣтъ? Никакъ сосчитать мы съ Домной не можемъ, все споримъ. Господи! зачѣмъ ты оставляешь мучиться такое безполезное, жалкое созданіе"...

„Женичка, у нея одинъ разговоръ: еслибъ не мама, дня одного меня здѣсь не было бы. Женя, ангелъ мой, что же это будетъ? Что будетъ—что я могу?"

Въ отвѣтъ, Евгенія Петровна послала депешу, чтобы выслали экипажъ на станцію.

...Сейчасъ Аня всю душу ей перевернула своимъ видомъ...

А Лариса Ивановна сегодня утромъ вовсе не выходила изъ своихъ комнатъ. Въ молочной Матрена приняла и переписала утренній удой. Дѣлать нечего,—подождали, подождали, а въ горницы идти, чтобы позвать барышню, никто не отважился. Не хитрое, кажется, дѣло—середи ночи разбудите Матрену, такъ она, какъ Отче нашъ, отрапортуетъ, что надо съ каждой крынкой молока сдѣлать; а какъ подошло ей распоряжаться—и струсила! Не рѣшается, съ каждой бабой совѣтуется.

— Да, полно тебѣ дурой-то прикидываться!—прикрикнула даже на нее бойкая горшечница Дуняшка.—Ну, коли что и не такъ сдѣлаемъ—погрызутъ, погрызутъ, да авось не до самой смерти. Небось, мы привышныя!

Матрена заперла на замокъ молочную и понесла въ горницы свою записку. Лариса Ивановна ей слова не сказала; только указала глазами, куда бумажку положить. Матрена вышла, еще больше испуганная этой тишиной.

И не больная... Сидитъ прямая, какъ палка, въ кожанномъ отцовскомъ креслѣ. На столѣ книги большущія разложены.

Комнаты старой барышни съ отдѣльнымъ крыльцомъ, гдѣ прежде былъ бариновъ кабинетъ и контора, но отцовская половина давно успѣла утратить свой мужской характеръ. Лѣтомъ въ одномъ только окнѣ выставляется зимняя рама, да и то когда лѣто давно въ полномъ разгарѣ. Съ ранней осени до поздней весны тутъ идетъ такая топка, что старая нянька Домна то и дѣло, крадучись, посылаетъ за печникомъ—пожара боится. Въ комнатахъ всегда жарко и душно отъ застоявшагося воздуха, пропитаннаго разными запахами: неугасимой лампады передъ большимъ кіотомъ, камфарной мази, табачнаго настоя, старыхъ, неизносимыхъ платьевъ.

Digitized by Google

Добровольно сюда никто не заглядываетъ. Если Динѣ понадобится спросить что-нибудь, такъ она всегда норовитъ послать Домну или же переговаривается изъ корридора.

Кажется, что никто не могъ бы жить въ этихъ комнатахъ, кромѣ Ларисы; всякому будетъ тѣсно и неудобно отъ безъ толку нагроможденной мебели въ этомъ нелѣпомъ смѣшеніи мужского кабинета со старыми бабьими укладками, вѣшалками, сундуками, неуклюжими комодами и шкафами. Тутъ нужна именно такая скользящая «змѣиная» походка сухой фигуры въ своеобразныхъ одеждахъ, гдѣ ничто не волочится, не разлетается, а виситъ узкимъ футляромъ на костлявыхъ плечахъ. И кажется, что лицо Ларисы высохло и потемнѣло именно отъ этого душащаго воздуха.

Послѣ вечерняго чая, въ восемь часовъ маленькій подъѣздъ запирается на ключъ. Но никто не знаетъ, когда хозяйка Зажоръ поднимается; многіе даже сомнѣваются, укладывается ли она каждый день въ постель, какъ всѣ добрые христіане? Старая барышня присутствуетъ и на скотномъ при утреннемъ подоѣ, и по осени въ ригѣ на молотьбѣ, и на всякой работѣ, когда бы она ни начиналась. Въ Зажорахъ никто не имѣетъ физической возможности проспать лишняго часа. Болѣла Лариса единственный разъ за всю свою жизнь—шесть недѣль вылежала въ тяжелой оспѣ.

Всякое нарушеніе привычнаго порядка получаетъ, поэтому, зловѣщее значеніе. Ужъ коли Лариса Ивановна не показывается изъ своихъ комнатъ, стало быть не жди добра...

Однако, ровно въ одиннадцать часовъ, какъ и всегда, Лариса была на своемъ посту въ столовой и приступила къ сложной процедурѣ приготовленія кофе.

Тетѣ Женѣ такъ и не удавалось проникнуть, изъ какихъ именно снадобій изготовляется густой красноватый напитокъ, именуемый Ларисой „кофеемъ“. Московская гостья оградилась отъ него разъ навсегда таинственнымъ порокомъ сердца, про который впрочемъ ничего не знаютъ ея врачи.

Въ Зажорахъ соблюдается старинный обычай звонить въ большой колоколъ къ завтраку, обѣду и ужину. Колоколъ прибитъ надъ параднымъ подъѣздомъ добрую сотню лѣтъ назадъ, и много могъ бы онъ повѣдать различныхъ исторій своимъ безсмертнымъ мѣднымъ языкомъ. Но исторій дикихъ и безотрадныхъ, которыхъ намъ и слушать не стоитъ; въ нихъ такъ же мало простора и свѣта, такъ же много добровольной грязи и духоты, какъ и въ жилищѣ Ларисы. . . . . .

Евгенія Петровна переодѣлась къ завтраку въ изящный туалетъ изъ модной матеріи, о которой съ самаго ея пріѣзда идетъ

Digitized by Google

споръ среди прислуги: шерстяная ли матерія, или и вправду бумажная, какъ божится Маша.

Студентъ уже прохаживался по проходной комнатѣ, выжидая появленія тетушки.

Во-первыхъ, Саня сильно проголодался; во-вторыхъ, онъ желалъ на первыхъ порахъ блеснуть аккуратностью. Шаги его слышны въ столовой, однако, на tête-a-tête съ Ларисой онъ все-таки не отваживался.

Саня еще разъ приложился къ ручкѣ, что всякому можетъ только доставить наслажденіе, такая это мягкая и душистая маленькая ручка.

— Ну, что тамъ? всѣ собрались?—кивнула тетя Женя на дверь и въ то же время оглядывала племянника небрежными и зоркими взглядами свѣтской женщины.

Ей понравилось, что студентъ съ утра въ свѣжемъ бѣльѣ, а не обрадовался возможности сразу распуститься по деревенски.

— Дины нѣтъ еще, я только что стучался къ ней... Не понимаю, куда она пропала?

Саня, въ свою очередь, разглядывалъ элегантную тетушку радостно недоумѣвающими глазами. Да неужели и всегда она была такая,—ихъ старая баловница и всеобщая заступница!?

— Какъ? и къ завтраку не вернулась?—переспросила она, сдвигая озабочено брови.—Н-ну! это уже вовсе плохая политика. Вотъ, такъ-то вы, молодежь, и выводите изъ терпѣнья по-пусту.

— Однако—какъ видите!

Саня, кокетничая, низко склонился передъ нею.

— C'est ce que j'approuve beaucoup, mon cheri... И вообще!—кивнула она благосклонно напудренной прической.—Вотъ, только... на меня такъ глядѣть вовсе не для чего!

Она невольно разсмѣялась и шаловливо прикрылась растопыренными пухлыми пальчиками. Саня пальчики перехватилъ и началъ цѣловать, въ восторгѣ оттого, что собственная солидная тетушка можетъ быть такъ забавна.

Въ эту минуту дверь скрипнула, въ нее просунулась маленькая головка, мама вошла своей неровной колеблящейся походкой, какъ будто ея тѣло не имѣетъ вѣса. Слабые опухшіе глаза мигали и щурились за синими стеклами, отчего лицо стало еще болѣе жалобнымъ. Въ такіе дни мама всегда прячется за свои безобразныя стекла.

— Чего же вы тутъ ждете, мои милые? Пельмени простынутъ!

— Ахъ, это вы, мамусинька наша дорогая!

Саня обнялъ узкія плечи, почти дѣтскія отъ страшной худобы, и однимъ поворотомъ выдвинулъ ее на середину комнаты.

Она обхватила его голову обѣими руками и неловко притис-

Digitized by Google

нула, куда пришлось; безкровныя губы ея дрожали отъ мучительнаго усилія сдержать рыданіе.

— Eh bien... опять?! Видишь, красавца какого дождалась, тутъ уже, кажется, плакать не о чемъ!

Ее журятъ ласково и не серьезно, какъ маленькаго ребенка. Потомъ тетя Женя сдѣлала важное лицо и первая прошла въ дверь.

... „Ну, чѣмъ не Екатерина Великая!“ думалъ весело Саня, какъ онъ еще мальчуганомъ прозвалъ московскую тетушку.

Лариса положила на столъ полотенце и пошла на встрѣчу. Онѣ сошлись на серединѣ комнаты, поцѣловались и поглядѣли въ глаза другъ другу тѣмъ взглядомъ, въ которомъ рѣшительно ничего нельзя прочесть.

— Хорошо ли вы спали, тетушка? спросила тихимъ голосомъ Лариса.

Этимъ неизбѣжнымъ вопросомъ, и именно такимъ тихимъ голосомъ, начинается каждый завтракъ, какъ бы долго тетя Женя ни загостилась у сестры. Она давно уже не можетъ этого слышать безъ раздраженія; такъ бы вотъ и крикнула впередъ свой отвѣтъ, не дожидаясь смертельно надоѣвшихъ словъ; — да взглянетъ въ непроницаемое, точно изъ темнаго дерева, лицо Ларисы и пропадетъ охота шутить.

— Ты не смѣешься? Боюсь, какъ бы острое малокровіе не сдѣлалось, если долго у васъ заживусь! Dites donc, Саня — тебя не съѣли комары ночью? — оглянулась она на студента, заботливо придвигавшаго для нея стулъ.

— Я? ей-Богу, не замѣтилъ, ma tante! — сознался онъ, смѣясь.

И вдругъ на это Анна Петровна вся подалась впередъ и, улыбаясь поощрительно, закивала сыну головой черезъ столъ.

— Такъ, такъ, родной мой! Что за комары въ твои года!.. Отецъ на голой землѣ спалъ, выстрѣломъ не разбудишь!

Это было такъ необыкновенно, чтобы мама такимъ образомъ, безъ надобности, вмѣшивалась въ разговоръ, что всѣ начали на нее смотрѣть и молчали, выжидая, не скажетъ ли она еще что нибудь.

Лариса стояла, вытянувшись у своего подноса, упираясь въ него обѣими руками, и смотрѣла на пустой приборъ.

У старшей сестры тѣ же характерно надломленныя брови, только гораздо грубѣе, чѣмъ у Дины; они то дѣлаютъ особенно суровымъ сухое лицо, съ красновато-темной кожей послѣ оспы. И никому даже въ умъ не приходитъ, что „старая барышня“ вовсе не стара.

Лариса сейчасъ же сообразила, насколько эта новая провинность Дины упрощаетъ ея собственную роль: предлога искать не надо! Такой минуты нельзя пропускать... Тетка недѣлю жи-

Digitized by Google

ретъ въ Зажорахъ, а къ ней ни съ какой стороны и не подступишься. Переливаетъ изъ пустого въ порожнее медовымъ голосомъ пустяки свои, точно ни у кого заботы нѣтъ на душѣ! Съ матерью по вечерамъ запершись шушукаются; и хоть Ларисѣ Ивановнѣ извѣстно все, что дѣлается въ домѣ, но ужъ тутъ она ничему помѣшать не можетъ.

И вдругъ нежданная выходка матери, что называется,—сама въ руки просится.

— Ну, мамаша... отцовскія времена поминать сейчасъ какъ будто и не совсѣмъ оно кстати! Тогда и ничего не могло быть, что у насъ теперь дѣлается. Кто же это тогда подумать посмѣлъ бы къ столу не явиться, заставить старшихъ дожидаться себя? Да ужъ и намъ полно ждать-то, я думаю?—обвела она медленнымъ взглядомъ всѣ лица.—Можно хоть простывшими пельменями гостью нашу угостить. Аннушка! прими крышку.

Она потянулась надъ столомъ, сама сняла фарфоровую крышку съ круглаго блюда, передала ее подскочившей дѣвушкѣ и только тогда опустилась на свой стулъ; не сгибая стана, плавно, точно предсѣдатель, открывающій важное собраніе.

Несчастная Анна Петровна мучительно завозилась надъ своимъ приборомъ, когда Аннушка поднесла къ ней первой круглое блюдо.

„Ахъ ты тиранка, тиранка безсовѣстная!“ выругался мысленно Саня, поспѣшно сдергивая съ тарелки салфетку, на которую мать въ волненіи собиралась накладывать пельмени.

— Но почему бы не установить разъ навсегда правила не ждать опаздывающихъ?..— заговорилъ студентъ безпечнымъ голосомъ, взглядомъ взывая къ поддержкѣ тети Жени, которая сидѣла какъ разъ напротивъ, около пустого пробора Дины.—Вѣдь человѣку, можетъ быть, вовсе и ѣсть то не хочется или онъ долженъ бросить дѣло, оттого что другіе ждутъ. Совершенно ненужное стѣсненіе.

Лариса уже смотрѣла ему въ ротъ, выжидая послѣдняго слова.

— Ну, да, само собой разумѣется! У васъ вѣдь нынче и все только лишнее стѣсненіе! Какія это дѣла важныя у Надежды Ивановны, позволь тебя спросить? Кажется, только одно и есть у насъ дѣло, да и то стоитъ. Досада такая, нельзя въ рабочую пору молодыхъ парней отъ дѣла отрывать, чтобы балясы съ ними точить.

Тетя Женя недовольно повела бровью и сказала ровнымъ голосомъ, въ которомъ однако, явственно зазвучала твердая нота.

— Удивляюсь, Лариса, какъ это ты выражаешься подобнымъ образомъ о школѣ... Конечно, мы тутъ все свои—но про дѣвушку всегда слѣдуетъ выражаться осторожно.

Digitized by Google

Лицо Ларисы еще сильнѣе побурѣло.

— Очень вамъ благодарна за урокъ, тетушка! только не стара ли ужъ я стала для уроковъ? Я не свѣтская дама, вывертовъ вашихъ съ меня нечего спрашивать... А говорю про родную сестру — и о чемъ говорю, то сама хорошо знаю.

Послѣднія слова прозвучали явной угрозой. Мама вся затряслась на своемъ стулѣ, раскашлялась; Саня сталъ наливать ей воду, что-то бормоча сквозь зубы; а Евгенія Петровна брезгливо оттолкнула отъ себя тарелку.

— Хоть бы ты позавтракать дала намъ спокойно!— выговорила она съ уничтожающей иронiей, принимаясь складывать свою салфетку.

Анна Петровна пришла въ отчаяніе:

— Ахъ, Боже мой,—теперь она ничего кушать не будетъ... Женичка!.. Лисинька! зачѣмъ же ты и въ самомъ дѣлѣ?! Лисинька...

Лариса желчно засмѣялась.

— Опять Лисинька виновата?! и тутъ, должно быть, моя вина, что ваша принцесса ни къ кому уваженія не знаетъ, на всякое приличіе плюетъ? Цѣлый домъ ее дожидается, а она побѣжала съ дружкомъ своимъ повидаться—настрочить его получше, про всякій случай... И правда, времени нельзя терять—она-то, небось, знаетъ, что меня ей одурачить не удастся... Я вѣдь не мать!

Точно бомба упала посреди стола.

Евгенія Петровна съ упрекомъ смотрѣла на сестру: стало быть, отъ нея скрывали главное?! Быть въ дурахъ тетя Женя не охотница.

Саня мгновенно прочиталъ въ своей памяти всѣ намеки Ларисиныхъ писемъ... Около него мать глухо зарыдала, откинувшись на спинку стула, и онъ окончательно убѣдился, что понялъ вѣрно. Вотъ онъ—камень за пазухой Ларисы! Вотъ зачѣмъ понадобился вселенскій соборъ, вотъ отчего Дина какъ-то особенно волнуется и злится...

...Вотъ, чего самъ онъ словами не думалъ, но боялся смутно... Боялся, что Лариса можетъ дойти и до такой гнусности.

— Лариса! ты отвѣтишь за эти слова—отвѣтишь!—крикнулъ онъ, задыхаясь отъ бѣшенства: Дина теперь не беззащитна, какъ глазъ на глазъ... Мы всѣ требуемъ—тетя, неправда ли, мы требуемъ?! — требуемъ, чтобы она объяснила свои низкія слова... да, низкія, низкія!!.

— Тише, тише! уймитесь, Бога ради, уймитесь! — силилась перекричать всѣхъ Евгенія Петровна.—Саня! Voulez vous vous taire, s'il vous plait!? Сцѣпились прежде чѣмъ что-нибудь ска-

Digitized by Google

зано... Я отказываюсь! Сію минуту иду укладываться — разбирайтесь, какъ сами знаете... Une honte... vraie honte!!.

Лариса, блѣдная, улыбалась въ поднимающемся опьяненіи отчаянной схватки.

— Простите ужъ, ваше превосходительство. Евгенія Петровна, что не могу изложить вамъ все это на французскомъ языкѣ, чтобы вы выслушали, не оскорбляясь! Только припомните, вѣдь еслибъ я тоже захотѣла читать французскіе романы, вмѣсто того, чтобы доить коровъ да считать возы съ навозомъ.

...Ха, ха!.. тогда вотъ этотъ молодой человѣкъ, въ модныхъ воротничкахъ ни свѣтъ ни заря, вѣдь чего добраго, щеголялъ бы онъ теперь совсѣмъ въ другомъ видѣ! а?

Она грубо ткнула пальцемъ на Саню. Студентъ побагровѣлъ и невольно покрутилъ шеей въ тугомъ воротничкѣ.

— Лариса Ивановна, по обыкновенію, открываетъ кампанію попреками!.. Альфа и омега всѣхъ объясненій! Ну, этимъ путемъ мы врядъ ли скоро доберемся до сути...

Глаза старшей сестры мрачно блеснули подъ рѣзкими углами бровей.

— И то! какая вамъ неволя вспоминать, кто на всю жизнь похоронилъ себя въ медвѣжьемъ углу, не доѣдая, не досыпая на работѣ! кто клянчилъ и унижался, изворачивался, Богъ одинъ вѣдаетъ какъ, чтобы пересрочивать изъ года на годъ отцовскіе долги! чья подушка только знала, когда все висѣло на волоскѣ! кто одна и въ отвѣтѣ была бы, кабы пошло съ молотка... Богъ не допустилъ, выцарапалась!

Мать слушала, склонивъ низко голову, какъ слушаетъ преступникъ обвинительный актъ.

Студентъ вертѣлся на стулѣ, точно на горячихъ угольяхъ. Тетя Женя нервно катала на столѣ хлѣбные шарики. Воспользовавшись мгновеніемъ, она подняла глаза,—но не на Ларису, а на племянника, предупреждая его не вмѣшиваться.

— Саня сказалъ вздоръ (извини, милый, c'est pas ma faute!), но и ты все-таки не права, Лариса: они вовсе не неблагодарные, твои воспитанники, нѣтъ, нѣтъ, ручаюсь тебѣ! Еще сегодня Дина говорила мнѣ...

— Ха! Могу представить себѣ, что говорила Дина!

Лариса гордо выпрямилась.

— Я не нуждаюсь ни въ чьей благодарности,—такъ, къ слову пришлось... Мнѣ отецъ, умирая, поручилъ поставить на ноги маленькихъ, да, кромѣ меня, и некому было пожертвовать собой для семьи. Ему я за нихъ отвѣтъ дамъ!... А это мнѣ не страшно, г-нъ студентъ, что вы себѣ губы грызете... Я не стыжусь въ Бога вѣрить!.. Кабы на Него одного всю мою жизнь не уповала, такъ

Digitized by Google

неизвѣстно, сладко ли отъ того пришлось бы вамъ съ сестрицей...

Саня пожималъ плечами.

— Кажется, твоихъ чувствъ, Лариса Ивановна, никто не позволяетъ себѣ касаться. Только вотъ... насчетъ отвѣтственности за нашу судьбу! Не пора ли, наконецъ, признать наше совершеннолѣтіе? Сложить добровольную обузу...

Еще разъ въ глазахъ Ларисы сверкнуло торжество, что такъ наивно ей даютъ поймать себя на словѣ. Она прикрыла глаза и протянула неожиданно притихшимъ голосомъ:

— Правда? такъ отчего же ты не порадуешь насъ, не разскажешь, какъ тебѣ удалось устроиться? Откуда же намъ знать!— вѣдь ни о чемъ такомъ и рѣчи не было, когда въ послѣдній разъ тебѣ деньги высылали. Сообщи, сообщи скорѣе...

„Hélas! pas plus fort que ça"! подумала тетя Женя съ сожалѣніемъ. По лицу Сани слишкомъ очевидно было, что ему совершенно нечего сообщить имъ.

— Ахъ, вотъ... тебѣ угодно такъ это понимать! Хорошо, хорошо... Да, разумѣется, такъ оно будетъ гораздо проще!—выкрикивалъ онъ, весь красный и взбѣшенный, стараясь не видѣть соболѣзнующихъ глазокъ тети Жени.

— Н-ну!.. Это мы когда-нибудь увидимъ, просто ли оно тебѣ покажется.

Лариса пренебрежительно отвернулась къ теткѣ.

— Мнѣ, Евгенія Петровна, не сто лѣтъ, изъ ума покамѣсть еще не выжила—все вижу. Было время, не одинъ разъ предупреждала... Что-жъ подѣлаешь, сестра вѣдь не то, что мать! Старше меня тогда поперекъ стали...

Всегдашняя манера Ларисы—не говорить прямо, ходить вокругъ, да около, наэлектризовывая атмосферу угрожающими намеками.

Дина называла это „зловѣщимъ вѣщаніемъ" Ларисы и совсѣмъ не могла этого переносить; мать Лариса этимъ держала въ постоянномъ трепетѣ; на деликатные нервы тети Жени это дѣйствовало удручающе. Она посмотрѣла съ сожалѣніемъ на сестру, вздохнула и сказала:

— Ну, что-жъ, если это неизбѣжно... il faudera le subir!.. Скажи, наконецъ, что ты подъ всѣмъ этимъ подразумѣваешь?.. Но позволь, позволь... Мы, надѣюсь, не будемъ же вести подобныхъ разговоровъ здѣсь, въ столовой?..

И она поднялась первая, въ страхѣ, чтобы что-нибудь лишнее не было сказано передъ прислугою.

Лариса предложила было перейти всѣмъ на ея половину, но ей и договорить не дали.

Digitized by Google

— Къ мамѣ, къ мамочкѣ въ комнату! Это всего проще, не—правда ли, тетя?—крикнулъ первый Саня.

— Это то, что подобаетъ, мой другъ, — постановила торже—ственно тетя Женя.

V.

Комната матери большая, не очень свѣтлая, съ альковомъ. Тяжелая мебель всегда стоитъ въ чахлахъ, потому что обивка подъ ними давно развалилась отъ ветхости.

И эта комната тоже загромождена множествомъ безполезныхъ вещей; однако, приглядѣвшись внимательнѣе, не трудно понять, что весь этотъ старый хламъ скопился здѣсь не случайно. Каждая вещь что-нибудь олицетворяетъ собою: людей, которыхъ давно нѣтъ — радости, миновавшія навсегда—страданіе, не изгладив—шееся въ смѣнѣ годовъ...

Стѣны завѣшаны портретами и маленькими картинками, со—всѣмъ плохой ученической акварели, но оправленными въ нарядныя рамочки. За стеклами старинной „горки", вмѣсто фамиль—наго серебра, пестрѣютъ самые неожиданные предметы: дѣтская помятая шляпка, игрушки, тетрадки, высохшіе букеты, сломанные вѣера, вылинявшія ленты, ящички и коробочки всѣхъ величинъ и фасоновъ. На нижней полкѣ сложены разобранныя части дѣт—ской „ходульки" краснаго дерева, съ вытертымъ бархатнымъ бор—тикомъ. Въ одномъ углу комнаты красуется вычурной работы стойка съ цѣлой коллекціей трубокъ, и тутъ же подвѣшаны шитые бисе—ромъ кисеты. Охотничій ягташъ, дорожный погребецъ, шашечница, мольбертъ, костяныя марки для бостона въ плоскомъ ящикѣ ис—кусной работы, пустая клѣтка.

И все это размѣщено тутъ же, между обиходными вещами, на столахъ, на комодахъ, этажеркахъ и окнахъ. Видно, что кто-то съ этими вещами живетъ, какъ живутъ съ живыми существами.

На кушеткѣ всегда лежатъ двѣ подушки и ножное одѣяло, подбитое красной фланелью — здѣсь мама проводитъ большую часть своей жизни. Только страхъ и огорченія способны подни—мать ее на ноги и принуждаютъ выходить изъ этой комнаты, раз—говаривать, писать письма. Обыкновенно она лежитъ цѣлыми ча—сами, засунувъ подъ одѣяло зябкія ножки и блуждая съ пред—мета на предметъ туманнымъ взоромъ, полнымъ думъ и видѣній... И становится она къ каждымъ днемъ все худѣе и блѣднѣе, все труднѣе призывать ее къ дѣйствительности...

— Ахъ, люблю я эту смѣшную мамину комнату!—воскли—нулъ на порогѣ Саня.

Digitized by Google

Тетю Женю усадили на почетное мѣсто, на кушетку; мама стащила на полъ свое одѣяло и шепнула нѣжно:

— Погрѣй свои ножки, ангелъ мой...

— Погрѣй! что ты, голубушка, я и такъ задыхаюсь! Душно у васъ вездѣ...

Лариса одна еще не садилась; она повернулась къ кушеткѣ. Свистящій, упругій звукъ ея словъ точно врѣзался во что-то:

— Да-съ, Евгенія Петровна, душно у насъ! Старомодно! Затхло! Ну, за то теперь вы общими силами новые заведете порядки—свободные, веселые! Лариса мѣшаетъ—не бойтесь, не будетъ Ларисы, уйдетъ старая деспотка, скопидомка... Просторно будетъ молодой хозяйкѣ! Я звала къ себѣ въ комнаты, чтобы вы могли книги просмотрѣть. Ха! ха! воспитанникъ-то мой, такъ и закричалъ голосомъ—испугался!

Тетя Женя подняла, было, обѣ руки, чтобы взяться за виски, да не донесла, въ изнеможеніи уронила ихъ на колѣни.

...„Ca commence... la tragedie!“ сказала она себѣ уныло.

А мама въ смятеніи вся затрепетала, смотрѣть жаль.

— Лисинька!.. Лисинька моя, не надо! Не говори молю тебя! Не слушайте, не слушайте...

Лариса и не поглядѣла на нее.

— Довольно пугаломъ быть! устала и я когда-нибудь, умаялась. Не дѣти, слава Богу. Александръ Ивановичъ съ сестрицей примутъ дѣла, вотъ при тетушкѣ... Пусть теперь другіе поработаютъ, попробуютъ.

Такого оборота никто не могъ ожидать.

Саня даже внутренно развеселился, когда заслышалъ „рѣчи Бориса Годунова“ вмѣсто другого, чего онъ смутно страшился. Украдкой онъ кинулъ лукавый взглядъ на кушетку: ну-ка, какъ наша Екатерина Великая это отпарируетъ?

— Лариса... Лариса... Боже мой, для чего все это!? — уронила тетушка точно нехотя, какъ о чемъ-то несообразномъ до очевидности.

— Для того, тетушка Евгенія Петровна, что хоть я-то одна еще дорожу отцовскимъ именемъ!

...Вотъ оно—*настоящее.*

Лариса уже безъ удержу неслась впередъ. Она во время предупреждала. Не хотѣли слушать, такъ теперь надо спасать, какъ можно. Ну, глупа она—глупо придумала—они умнѣе, лучше придумаютъ.

— Вы, тетушка, увезите ее въ Москву—попытайтесь!

Та отъ неожиданности даже вспыхнула молодымъ румянцемъ.

— Позволь, позволь, душа моя... Ты ужъ теперь всѣми распоряжаться хочешь, не только Дининой судьбой! Что *я* сдѣлаю—

Digitized by Google

это я буду знать, когда ты намъ, наконецъ, скажешь, отъ какой опасности надо спасать... И я требую у тебя сейчасъ же, сейчасъ!—она кончила вдругъ нервнымъ, капризнымъ крикомъ избалованнаго существа, истощившаго мѣру своего снисхожденія.

Этотъ крикъ точно сдунулъ мать съ ея мѣста; она въ ужасѣ заметалась отъ одной къ другой:

— Оставьте, оставьте это... ради Бога, молю васъ! Ради Бога... будемте о другомъ говорить... о дѣлахъ, о дѣлахъ надо говорить!

Она хватала Евгенію Петровну за руки.

— Женичка, послушай... посуди сама, какъ это странно! Лариса хочетъ, чтобы мы... чтобы переѣхали... туда переѣхали... знаешь *куда!*

Она прошептала это слово съ страдальческимъ усиліемъ въ исказившемся лицѣ, въ дрожащихъ рукахъ, судорожно сжимая у горла ситцевую кофточку. И точно перескочивъ черезъ какую-то преграду, опять загорячилась, заспѣшила:

— Ахъ, вотъ что, вотъ что—деньги!.. Вѣдь это ужасно дорого станетъ—откуда же? Лисинька, ты не думаешь объ деньгахъ! Дина не соглашается, она свою школу такъ любитъ... вы вѣдь всегда это знали! Скажите вы оба... разсудите, голубчики! вѣдь она столько трудилась... такая молоденькая... такая скука для молоденькой...

Она въ отчаяніи всплеснула руками:

— Господи! какъ можно очернить самые благородные поступки... о, я знаю... знаю... знаю...

Точно жизнь выходила изъ нея вмѣстѣ съ непривычной долгой рѣчью. Послѣднія слова совсѣмъ безъ звука... Она качнулась и упала назадъ въ кресло. Точно застывая на пути, двѣ слезы медленно скатывались изъ-подъ закрывшихся вѣкъ.

— Успокойтесь, мамаша, я молчу,—выговорила Лариса.— Убивать васъ не буду... убиваютъ не слова... ну, какъ хотите! Только и меня вы не можете заставить остаться. Шестнадцать лѣтъ работала на всѣхъ, какъ батрачка—довольно! Пусть не я буду хозяйкой родного гнѣзда, когда моя совѣсть этого не позволяетъ!

Съ этими словами Лариса исчезла изъ комнаты, прежде чѣмъ кто-нибудь опомнился.

Студентъ и Евгенія Петровна разомъ вскочили со своихъ мѣстъ.

— Комедіантка! безбожная комедіантка! Мамочка, полно, полно вамъ—плюньте вы на нее! А? каковы ходули? Со-овѣсть не позва-аляетъ! Можно подумать, что Лариса Ивановна государственный заговоръ въ Зажорахъ открыла!

Евгенія Петровна чувствовала себя совершенно измученной.

Digitized by Google

Аня даже глазъ на глазъ не рѣшается повторить того, что утверждаетъ Лариса... Терзается, плачетъ... Но возможно, что Аня путаетъ, что-нибудь мерещится ея больной фантазіи. Минутами теткѣ кажется, что она что-то улавливаетъ въ этомъ сумбурѣ; но ничто не договаривается до конца, а передъ необходимостью самой формулировать догадки она брезгливо отступаетъ.

Но зачѣмъ себя обманывать? Если Лариса въ самомъ дѣлѣ все броситъ и уѣдетъ... вернется, само собой разумѣется!.. да пока-то, пока что дѣлать!? Кто это вступитъ въ управленіе имѣніемъ въ разгаръ лѣта, кто будетъ здѣсь знать хоть шагъ ступить, когда она одна все знала и направляла!.. Чужого человѣка искать,—да кто же, кто все это будетъ дѣлать?!

Сознаніе такъ ясно подсказывало *кто* это будетъ, что Евгенія Петровна уже чувствовала, какъ въ ея груди поднимается знакомое нервное волненіе, похожее на тошноту. Досада на себя—нужно, нужно было еще разъ сунуться въ чужія дѣла!—и негодованіе на главную виновницу всего: она гуляетъ!..

Дина давно вернулась и въ нерѣшимости стояла у окна въ столовой. Немного отлегло у нея отъ сердца, когда Лариса, точно темная тѣнь, проскользнула беззвучно черезъ комнату.

Побѣдители не отступаютъ. Лариса смотрѣла въ землю и кажется не замѣтила ея.

Послѣ этого вышелъ Саня и тоже едва не прошелъ мимо.

— Саня! тебѣ меня?—окликнула она.

— Ахъ, вотъ ты, наконецъ! Что же ты тутъ стоишь? Удивительно! Мы ждемъ, ждемъ...

Дина жадно смотрѣла ему въ лицо: что тамъ происходило въ маминой комнатѣ?

Но онъ повернулся и пошелъ обратно. Ни слова, ни взгляда, чтобы успокоить ее или хоть упрекнуть! Непріятное, дѣланное лицо ..

„Не считаетъ себя въ правѣ вступать въ сношенія съ обвиняемой... судья!“

Дина въ негодованіи пошла скорѣе, обогнала его и первая вошла въ кабинетъ.

— A la bonne heure! наконецъ ты надъ нами сжалилась!—встрѣтила ее тетя Женя.

Дина подошла къ матери.

— Мамочка, прости пожалуйста, что опоздала... Что такое? ты больна... больна!?

Дина уже стояла на колѣняхъ и съ трудомъ оторвала отъ груди судорожно стиснутыя, холодныя, какъ ледъ, руки.

— Да, вижу... и тебя не пощадили!..

— Вотъ, наконецъ, настоящее слово,— подхватила строго тетя

Digitized by Google

Женя,—слѣдовало бы вамъ помнить, друзья мои, какъ больна мамочка бѣдная. Грѣшно такъ не щадить ее!

— Что ты! что ты! такъ не надо говорить... только не про меня!—лепетала та въ испугѣ.

— Дина... дѣвочка моя... никто не повѣритъ, не бойся... не бойся!..

— Чему не повѣрятъ!?—воскликнула Дина.

Мать закрыла глаза и слабо махнула рукой.

Дина вскочила.

... Къ чему эта комедія? Тетю Женю просили пріѣхать, чтобы помирить ихъ съ Ларисой.

— Повѣрьте, тетя, мнѣ очень, очень стыдно передъ вами!.. Слава Богу, всѣ давно взрослые, могли бы не мучить васъ больше нашими вѣчными исторіями.

Но Евгенія Петровна и тутъ пыталась все сгладить своимъ тактомъ благовоспитанной женщины;

— Ну, знаешь, ты будь все-таки полюбезнѣе... не такъ ужъ откровенно огорчайся, что я пріѣхала! Можетъ быть, я еще и пригожусь...

Саня не могъ удержать восхищеннаго восклицанія. Какая она добрая и спокойная! Вотъ бы сестрицамъ у нея поучиться не шипѣть по-змѣиному...

— Тетя, вы — мамино душевное спокойствіе! — воскликнула Дина пылко.—Я потому и надѣюсь, тетя Женя... надѣюсь, что вы мнѣ поможете убѣдить маму...

— Въ чемъ же, душа моя?

Дина обвела всѣ лица тяжелымъ, пытливымъ взглядомъ.

— Я должна уйти... Не могу больше такъ жить!

И вдругъ, къ своему изумленію и ужасу, Дина услыхала, что тетя Женя смѣется... Нервнымъ, неискреннимъ смѣхомъ, но все же смѣется!

— Часъ отъ часу не легче... И эта туда же! Но кто же отъ кого бѣжитъ, наконецъ?! Въ такомъ случаѣ, знаете что? Домъ мы заколотимъ, маму я къ себѣ увезу... Не правда ли?

„Легко живется на свѣтѣ, коли только одна шутки на умѣ!“ — думала гнѣвно Дина.

— А злиться никогда и ничему не помогаетъ... О! Я даже вотъ какъ вамъ скажу: еслибъ меня навсегда поселили жить съ вами — я непремѣнно превратилась бы въ настоящаго шута... Честное слово!.. Въ вашей атмосферѣ нельзя безъ громоотвода— опасно!

Разумѣется, Саню страшно тревожила Дина, но вниманіемъ невольно овладѣвала очаровательная женщина. Каждая ея фраза

Digitized by Google

приводила его въ восхищеніе, и пріятное ощущеніе парализовало волненіе.

Громоотводъ тети Жени дѣйствовалъ.

Дина взглянула въ его лицо—и рѣзкимъ движеніемъ повернулась такъ, чтобы не видѣть его больше. Горькое ощущеніе одиночества, испытанное утромъ, съ новой силой поднялось въ душѣ.

„На мызѣ схоронюсь... Кликнете, коли что", точно прозвучалъ около нея взволнованный голосъ Савелія. Вотъ кто ея настоящій другъ—единственный!..

Холодно начала Дина выяснять, почему ей приходится уйти. Въ своемъ дѣлѣ каждый долженъ быть хозяиномъ или вовсе отказаться. Въ школѣ теперь уже не три, а двадцать человѣкъ; дольше нельзя держать ее въ развалинѣ, грозящей обвалиться, нельзя справляться на два гроша, да и за нихъ вѣчныя исторіи и попреки. На зиму рѣшено переѣхать въ городъ, единственно для того, чтобы принудить ее закрыть школу. Лариса въ городѣ—въ этомъ есть даже самоотверженіе!.. Но какъ же она, Дина, можетъ этому помѣшать?!

— Позволь, Дина!—заволновался Саня.—Скажи, куда ты можешь уйти? Ну, куда?!

Тетка его остановила:

— Нѣтъ, прежде чѣмъ обсуждать этотъ вопросъ, надо, чтобы Дина узнала, что и Лариса тоже собирается уѣхать—отказывается отъ Зажоръ.

— Ты этого не знала?

Дина не только не знала, но какъ-то неожиданно растерялась.

— Нѣтъ, нѣтъ, не вѣрьте! — воскликнула она, не задумываясь. — Тутъ что-то кроется, какая-то хитрость — это невозможно!..

Пользуясь ея смущеніемъ, тетя Женя все такъ же мягко, но и рѣшительно потребовала объясненія: почему, изъ-за какого повода ихъ разногласіе съ сестрой до такой степени обострилось? Всегда Лариса преслѣдовала школу, но, однако, принуждена же была терпѣть ее. Что случилось? Вѣдь онѣ выходятъ изъ всякихъ границъ—обѣ грозятъ бросить домъ.

— Я этого не понимаю!—воскликнула дѣвушка съ возмущеннымъ жестомъ, точно отталкивая что-то, надвигавшееся на нее.

— Полно, такъ ли это, Надежда Ивановна?—спросилъ тихо голосъ, котораго никто не ждалъ.

Они не замѣтили, какъ Лариса появилась на порогѣ. Мать вскрикнула и зажала лицо руками.

Дина чувствовала, какъ блѣднѣетъ такъ быстро, что закружилась голова. Красивое молодое лицо вдругъ стало поразительно

Digitized by Google

вохоже на грубое и угрюмое лицо старшей сестры. Точно посторонняя сила пододвинула ее къ двери.

— Ахъ, вы вернулись, Лариса Ивановна? Какъ разъ во время, чтобы помѣшать говорить! Такъ зачѣмъ же ты уходила, отчего не вылила всего своего яда, пока меня здѣсь не было!?

— Дина!.. Дина!..

— Нѣтъ, тетушка, вы не мѣшайте ей,— остановила Лариса.— Сейчасъ увидите, какъ мы *ничего* не понимаемъ! Я вѣдь сказать не смѣю— на мнѣ запретъ лежитъ...

Дина стремительно повернулась къ матери.

— Мама, пусть она скажетъ все, что ей угодно! Ради Бога, велите ей, велите ей говорить!

Съ большаго кресла раздался только протяжный стонъ.

— О, Боже мой, вы насъ обѣихъ уморите! Саня, не въ службу, а въ дружбу... принеси мою соль—флаконъ... Машу спроси...

Саня съ облегченіемъ выскочилъ изъ комнаты. Лариса посторонилась отъ двери, чтобы пропустить его.

— Оно и лучше бы безъ него—выговорила она многозначительно, ни къ кому не обращаясь.

Но тетя Женя не безъ основанія занимаетъ высокій дипломатическій постъ. Она поспѣшила заявить Ларисѣ, что и Дина хочетъ уѣхать; она приглашала разсудить, что должно выйти изъ всего этого?

Была минута, когда Лариса, въ свою очередь, растерялась... Неужели весь эффектъ ея угрозы пропалъ даромъ? Выходило что-то почти комическое... Пронзительный взглядъ пронизывалъ Дину.

Но точно для того, чтобы дать ей время собраться съ мыслями, тетушка не удержалась, чтобы не порисоваться собственной ироніей.

— Я предлагаю домъ запереть, а Аню ко мнѣ въ Москву увезти. А ужъ хозяйство твое останется на произволъ судьбы.. въ управляющіе имѣніемъ я не гожусь, какъ вы знаете!

Лариса медленно провела рукой по лицу, точно стирала послѣдній слѣдъ малодушнаго волненія. Въ голосѣ опять угроза зазвучала.

— Не спѣшите, такъ тетушка! Найдется, пожалуй, кому и передать съ рукъ на руки—свѣдущему человѣку. Не всякое лыко въ строку. Отъ слова не станется!

Дина ловила слова на ея губахъ. Въ умѣ ея вдругъ мелькнула догадка, и кровь свободнѣе побѣжала по жиламъ.

— Что?.. *свѣдущему человѣку*? Что это значитъ?! Не всякое лыко... ты не вѣришь? Ты думаешь... Господи, неужели ты *это* думаешь?!..

Она въ удивленіи отступила на шагъ и въ то же время по-

Digitized by Google

водила головой и оправляла воротъ платья, съ облегченіемъ какого-то освобожденія.

— Замѣчаете, тетушка, какъ она мысли-то въ моемъ умѣ читаетъ—точно какъ въ книгѣ!—усмѣхнулась злорадно Лариса.

— Саня! Дай, дай флаконъ скорѣе... у меня голова мутится... И гдѣ только твои сестры набрались столько ехидства! c'est inouï, je vous dis...

Дина густо покраснѣла и выпрямилась.

— Простите, тетя Женя, сейчасъ все кончится, сію минуту! Наконецъ-то, я поняла, въ чемъ меня подозрѣваютъ!—голосъ разомъ упалъ на спокойныя низкія ноты, взоръ смягчился.—Еслибъ ты сколько-нибудь хотѣла понять меня, твою единственную сестру, Лариса, давно ты знала бы, что у насъ все разное — понятія и желанія... Ничего такого, что тебѣ мерещится, у меня и въ помышленіяхъ никогда не было. Нѣтъ, я не собираюсь оспаривать твоихъ правъ на Зажоры и *никого себѣ въ помощники не готовила!* — договорила она, подчеркивая слова съ холодной обидой.

Лариса глаза прищурила и губы стиснула отъ напряженія, съ какимъ вглядывалась въ ея лицо.

— Больше скажу: еслибъ я вдругъ одна на свѣтѣ осталась... съ твоими Зажорами на рукахъ, такъ я и тогда отказалась бы отъ нихъ, отдала! Нѣтъ, нѣтъ... Только не убивать жизнь на проклятое хозяйство! Довольно насмотрѣлась за всю жизнь... Твои Зажоры—ты ихъ спасла, жизнь свою на это положила. Насъ съ Саней ты воспитала—ничего, ничего больше ты не обязана...

Съ каждымъ словомъ съ нея какъ будто спадала тяжесть. Она обернулась и кинула свѣтлый взглядъ брату.

— Саня, поддержи же меня! Пора намъ стать на свои ноги. Живутъ какъ-нибудь другіе, у кого нѣтъ никакихъ Зажоръ—такъ авось и мы не плоше всѣхъ! Мамочка...

Дина не поняла, зачѣмъ въ этотъ мигъ Лариса вылетѣла на середину комнаты, съ какой-то неожиданной, нелѣпой ужимкой: развела широко руки и пригнула голову, точно она кланяется кому-то.

— Ну, вотъ, вы всѣ свидѣтели! Всѣ слышали, могу ли я дольше молчать! Теперь ужъ меня въ глаза за круглую дуру считаютъ, провести надѣются, точно дѣвчонку какую-нибудь!

Саня, еще не понимая, въ чемъ дѣло, только почувствовалъ, что готовится что-то безобразное, и однимъ прыжкомъ очутился рядомъ съ Диной. Дѣвушка поспѣшно положила руку ему на плечо.

— Оставь, оставь, Саня, не надо! Лариса мнѣ не вѣритъ. Ну, что-жъ съ этимъ дѣлать! Пусть время покажетъ...

Не договоривъ, Дина попятилась передъ внезапнымъ движе-

Digitized by Google

ніемъ: ей показалось, что Лариса бросилась, чтобы схватить ее. Подскочила такъ близко, что ее обдало знакомымъ противнымъ запахомъ... Безцвѣтные, острые глаза засверкали передъ самымъ ея лицомъ.

— А-а-а!.. ты думаешь... такъ просто, просто!? Ступайте, милая Надежда Ивановна, на всѣ на четыре стороны, развратничайте безъ всякой помѣхи, позорьте отцовское имя...

— Лариса!.. Лариса..!

— Лариса!!..

Всѣ теперь стояли на ногахъ. Она размахивала руками, точно отбиваясь отъ всѣхъ.

— Ага! теперь всѣ поняли, наконецъ!? Да вы-то, Евгенія Петровна, вы — институтка невинная, что ли, что самыхъ ясныхъ намековъ разобрать не могли?! Не угодно было тихо, безъ срама, ну такъ пусть скандалъ будетъ... Мнѣ одной вѣдь не одолѣть васъ всѣхъ!

— Elle est folle!..

Саня крѣпко держалъ Дину за плечи, ему казалось, что сейчасъ она грохнется на полъ.

— Не folle, не folle, тетенька, не надѣйтесь! А вотъ эту дѣвицу увезите скорѣе въ Москву — тутъ, можетъ быть, что и folle! Пускай ваши доктора ей нервы въ порядокъ приведутъ... Другія и не съ ея вѣкъ въ медвѣжьемъ углу отсидѣли, лица человѣческаго не видя... годы вѣдь, годы! Пятнадцать лѣтъ назадъ я не старше васъ была, Евгенія Петровна, а вонъ вы и по сей часъ не знаете, во что вамъ свою красоту нарядить! Жили-съ и все, что долгъ велѣлъ, исполнили. И на шею никому не вѣшались! До такой низости не довели себя, чтобы съ мужикомъ амуры завести...

Это былъ шопотъ, но точно онъ съ колокольнымъ звономъ пролетѣлъ по комнатѣ.

Тетя Женя зажала руками уши и выкрикивала одной истерической нотой:

— Уведите ее! Уведите ее! Уведите ее!

Дину студентъ посадилъ на стулъ и схватилъ Ларису за кисти рукъ.

— Пони-ма-ешь... су-ма-сшед-шая... что ты гово-ришь?..

Она грубо локтями отбивалась отъ него.

— Но-о! ты, пащенокъ, руки прочь, руки! Что-жъ вы теперь такъ взбеленились, гдѣ раньше у васъ головы были?! Я не одинъ годъ твердила, что непристойно для молодой дѣвицы съ взрослыми балбесами возжаться... Развѣ такая школа бываетъ: розсказни, да смѣхи, да гулянки, да чаепитья, да картинки? Онъ ужъ и прошлое все лѣто, какъ собака, слѣдомъ ходилъ. Ты,

Digitized by Google

умникъ-студентъ, замѣтилъ ты что-нибудь? Да гдѣ ужъ, коли я—я и то цѣлый годъ ни другимъ, ни себѣ повѣрить не могла! Не угодно ли, ваше превосходительство, сію минуту я экипажъ велю заложить, довезу до камышей? Полюбуйтесь своими глазами, какой дорожкой нынче благородныя дворянскія барышни бѣгаютъ на свиданья съ деревенскими парнями!

Саня безсознательно хватался руками за голову.

...Отчего, отчего ни одного слова не говоритъ Дина?! Точно каменная застыла на стулѣ, какъ онъ посадилъ ее. Онъ не могъ взглянуть на нее, но и не глядя пугался этой неподвижности.

Вдругъ среди смятенія—сначала такъ тихо, что никто не обратилъ вниманія, потомъ громче—раздалось протяжное пѣніе:

— Со-освя-я-ты-ми... у-у-по-кой...

Голосъ, высокій и слабый, обрывался и снова тянулся дребезжащимъ, надтреснутымъ звукомъ.

Надъ большимъ кресломъ медленно и плавно поднималось безкровное лицо, съ остановившимися пылающими глазами. Глаза восторженно всматривались во что-то. Руки безпокойно двигались, точно искали въ воздухѣ.

— Аня!.. домучили!!..

Тетя Женя, окаменѣлая Дина, вся еще трепещущая страстью Лариса, потерявшій голову Саня—всѣ кинулись къ ней, не смѣя, не зная, что они должны дѣлать...

Ольга Шапиръ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи).

I.

Введеніе.

Вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ и значеніи города и деревни въ человѣческомъ общежитіи принадлежитъ къ числу самыхъ жгучихъ, наиболѣе волнующихъ общество, по крайней мѣрѣ, мыслящую его часть, вызывающихъ рѣшенія, различныя нерѣдко до противоположности. Не со вчерашняго дня раздаются призывы интеллигенціи въ деревню, на лоно природы, къ первобытной простотѣ и рисуемой мечтателями въ яркихъ краскахъ непосредственности и даже невинности. Философы, ученые, публицисты, поэты не щадятъ словъ для обличенія гнилой городской цивилизаціи съ ея искусственностью, испорченностью и губительнымъ вліяніемъ на человѣческія жизнь и здоровье, физическое и нравственное. Нѣтъ недостатка и въ голосахъ противоположнаго направленія: панегиристы городского строя въ противовѣсъ идеологамъ деревни указываютъ на невѣжество, грубость, косность, ничѣмъ неискоренимую склонность къ застою, свойственныя сельскому населенію, и противополагаютъ этому кипучую умственную и эстетическую жизнь городовъ, ростъ комфорта и благосостоянія въ условіяхъ именно городского строя, развитіе личности, свободы и правосознанія среди горожанъ. Этотъ нескончаемый споръ заставляетъ пересматривать цѣлый рядъ наболѣвшихъ вопросовъ, когда-либо возникавшихъ передъ умственнымъ взоромъ человѣчества. Важный всегда и вездѣ, онъ пріобрѣтаетъ особенную жгучесть въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ въ силу тѣхъ экономическихъ перемѣнъ, какія приходится переживать Россіи. Въ послѣднее время вопросъ о значеніи и взаимныхъ отношеніяхъ города и деревни постепенно теряетъ утопическую окраску и пріобрѣтаетъ положительную постановку. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь и городъ, и деревня созданы необходимыми и неустранимыми условіями человѣческаго общежитія, отвѣчаютъ наличнымъ и совершенно несомнѣннымъ потребностямъ общества. Вопросъ, слѣдовательно, заклю-

Digitized by Google

чается не въ томъ, какъ замѣнить деревенскій бытъ городскимъ строемъ или наоборотъ, а въ томъ, каково нормальное, наиболѣе соотвѣтствующее общественнымъ потребностямъ, соотношеніе между городомъ и деревней. Разрѣшенію или, по крайней мѣрѣ, правильной постановкѣ этого вопроса можетъ содѣйствовать историческое изученіе прошлыхъ судебъ города и деревни.

Необходимо прежде всего условиться въ точномъ значеніи употребляемыхъ терминовъ, безъ чего нельзя ступить ни шагу впередъ. Городомъ, если не считать городовъ-крѣпостей, т.-е. не поселеній въ собственномъ смыслѣ, а временныхъ убѣжищъ, называется поселеніе, жители котораго занимаются или торговлей, или обрабатывающей промышленностью, составляющими притомъ ихъ главное, основное занятіе, а не побочный промыселъ. Деревня—поселеніе, гдѣ главныя занятія жителей—добывающая промышленность и сельское хозяйство. Ясно такимъ образомъ, что не всякій городъ въ обыденномъ употребленіи этого слова можетъ быть признанъ городомъ въ научномъ смыслѣ, что есть города-деревни, и, съ другой стороны, многія села должны быть признаны съ научной точки зрѣнія городами. Уже изъ данныхъ сейчасъ опредѣленій слѣдуетъ, что основнымъ признакомъ, отличающимъ городскіе центры и деревенскія поселенія, является признакъ хозяйственный. Поэтому, изучая значеніе и взаимныя отношенія города и деревни въ историческомъ прошломъ русскаго народа, мы будемъ исходить въ своемъ изложеніи изъ экономическихъ явленій, какъ основныхъ, и изъ нихъ объяснять явленія соціальной и политической жизни, поскольку знакомство съ послѣдними будетъ необходимо для разрѣшенія поставленной задачи.

Исторія русскихъ города и деревни, какъ и русская исторія вообще, дѣлится на пять періодовъ: кіевскій, до конца XII вѣка; удѣльный, охватывающій XIII, XIV, XV и первую половину XVI вѣка, приблизительно до начала самостоятельнаго правленія Ивана Грознаго; московскій, длящійся со второй половины XVI до конца XVII столѣтія, новый дореформенный, XVIII и первая половина XIX вѣка, съ Петра Великаго до Николая I включительно, и новый пореформенный періодъ, который начинается великимъ освободительнымъ актомъ 19-го февраля 1861 года, и участниками, свидѣтелями и дѣятелями котораго являемся всѣ мы. Въ хронологическихъ предѣлахъ каждаго изъ этихъ періодовъ наше изложеніе коснется послѣдовательно шести основныхъ вопросовъ, изъ которыхъ четыре первыхъ—экономическіе, пятый относится къ соціальной исторіи, а шестой—къ политическому строю. Первый, основной вопросъ—объ относительномъ значеніи въ данное время каждой изъ четырехъ главныхъ отраслей народнаго производства, добывающей промышленности, сельскаго хозяйства, обрабатывающей промышленности и торговли. Въ тѣсной связи съ первымъ вопросомъ находится второй—о системѣ хозяйства, т.-е. о совокупности тѣхъ пріемовъ и

Digitized by Google

средствъ, какими ведется хозяйство. Третій вопросъ—о формахъ землевладѣнія, т.-е. о томъ, кто и на какихъ правахъ владѣлъ землей. Изученіе хозяйственныхъ условій заканчивается четвертымъ вопросомъ—о формахъ хозяйства, иными словами о томъ, былъ ли въ данный періодъ свободный или принудительный трудъ и на какихъ условіяхъ этотъ трудъ эксплуатировался. На твердой основѣ изученія экономическихъ отношеній покоится разрѣшеніе пятаго вопроса—о соціальномъ устройствѣ, о томъ, были ли въ извѣстное время общественные классы, т.-е. дѣленія общества на группы по хозяйственнымъ признакамъ, по занятіямъ, или существовали уже сословія, т.-е. дѣленія общества на группы по юридическимъ признакамъ, правамъ и обязанностямъ. Наконецъ, изученіе политическаго строя, постановки верховной власти, организаціи учрежденій и управленія,—вотъ послѣдній, шестой вопросъ, какого мы коснемся въ дальнѣйшемъ изложеніи.

II.

Городъ и деревня въ Кіевской Руси (до конца XII в.).

Основной отраслью народнаго производства въ первый, кіевскій періодъ русской исторіи, до конца XII вѣка, было, несомнѣнно, простое, почти не сопровождающееся сколько-нибудь значительнымъ трудомъ и затратой капитала, освоеніе даровыхъ силъ дѣвственной природы, столь щедрой къ человѣку, хотя нерѣдко и столь грозной для него на зарѣ исторіи. Рядъ несомнѣнныхъ и достовѣрныхъ свидѣтельствъ источниковъ убѣждаетъ въ справедливости этого положенія. На первыя страницы нашей древнѣйшей, начальной лѣтописи занесено сказаніе о томъ, что нѣкогда, въ старину на среднемъ Днѣпрѣ жили три брата—Кій, Щекъ и Хоривъ—и всѣ они занимались звѣроловствомъ, были охотниками. Древляне, одно изъ славянскихъ племенъ, покоренныхъ Олегомъ въ IX вѣкѣ, платили князю дань черными куницами, т.-е. мѣхами звѣрей, продуктами той же охоты. Игорь, отпуская отъ себя византійскихъ пословъ, заключившихъ съ нимъ договоръ, одарилъ ихъ тѣмъ, чѣмъ самъ былъ богатъ: мѣхами и воскомъ; то же самое обѣщала дать въ даръ византійскому императору княгиня Ольга при своемъ крещеніи въ Константинополѣ. Ея сынъ Святославъ, всю жизнь неустанно искавшій приключеній, подвиговъ и добычи, говорилъ матери: «не нравится мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ (въ Болгаріи), потому что туда сходятся всѣ богатства» изъ Греціи, Чехіи, Венгріи и изъ Руси. Чѣмъ богаты были прочія страны, для насъ теперь не важно, но Русь, по словамъ князя, доставляла въ Болгарію мѣха, воскъ и медъ. Почти на каждой страницѣ лѣтописи встрѣчаются, на ряду съ извѣстіями о войнахъ, постройкѣ церквей, правительственной дѣятельности князей, сообщенія, что тотъ или дру-

Digitized by Google

гой князь «ловы звѣриные дѣялъ», «гна звѣри въ лѣсѣ», причемъ, какъ видно, эти охотничьи поѣздки продолжались долго, почему князья отправлялись на нихъ обыкновенно со своими женами и дружиной. А что можетъ быть характернѣе того, что Владиміръ Мономахъ, этотъ живой идеалъ древнерусскаго князя, въ своемъ знаменитомъ «Поученіи» на ряду съ военными подвигами и дѣлами управленія ставитъ свою охотничью удаль и охотничьи удачи? Въ древнѣйшемъ памятникѣ нашего права «Русской Правдѣ» предметомъ особеннаго вниманія служатъ «бобровые гоны», т.-е. мѣста ловли бобровъ, и «бортные ухожаи», приспособленія для пчеловодства, для добыванія воска и меда. Эти и имъ подобные факты, которыми изобилуютъ уцѣлѣвшія до нашего времени лѣтописи и акты Кіевскаго періода, ставятъ внѣ всякаго сомнѣнія, что добывающая промышленность, особенно охота и пчеловодство, играла первенствующую роль въ народномъ хозяйствѣ этого далекаго отъ насъ времени.

Меньше значенія имѣло сельское хозяйство, особенно земледѣліе. Правда, еще при Олегѣ нѣкоторыя славянскія племена платили дань князю «съ рала», т.-е. съ плуга, что̀ указываетъ на употребленіе этого земледѣльческаго орудія, а слѣдовательно, и на занятіе земледѣліемъ уже въ X вѣкѣ. О томъ же свидѣтельствуетъ встрѣчающееся въ правленіе Ольги извѣстіе, что древляне «дѣлали нивы своя». Наконецъ, въ XII вѣкѣ на одномъ изъ княжескихъ съѣздовъ прямо говорилось о земледѣліи, какъ одномъ изъ обычныхъ занятій смердовъ или крестьянъ. Но любопытно, что, какъ мы только что видѣли, въ числѣ хозяйственныхъ благъ, составлявшихъ главное богатство Руси, ни разу не называется хлѣбъ, а упоминаются только продукты добывающей промышленности. Это уполномочиваетъ насъ не ставить земледѣліе въ Кіевской Руси въ одинъ рядъ съ охотой и пчеловодствомъ. Въ чемъ можно быть въ этомъ отношеніи увѣреннымъ, это въ томъ, что и тогда уже русскіе не нуждались въ привозномъ хлѣбѣ, потому что имъ хватало своего. Серьезнѣе было значеніе другой отрасли сельскохозяйственной промышленности,—скотоводства. Въ лѣтописяхъ нерѣдко встрѣчаются указанія, что у того или другого князя во время междоусобій истреблялись громадныя стада скота, въ двѣ, три тысячи головъ, иногда и болѣе. Но едва ли не еще болѣе убѣдительнымъ свидѣтельствомъ о богатствѣ скотомъ и важности скотоводства является фактъ необыкновенной дешевизны скота по «Русской Правдѣ»: такъ, лучшую рабочую лошадь можно было купить въ то время за 14—16 рублей на наши деньги, волъ стоилъ 7—8 рублей, корова отъ 6 до 8, теленка можно было купить за 70—80 коп., а овцу въ XI вѣкѣ даже всего за 40 коп. Совершенно понятно, почему скотоводство было болѣе развито чѣмъ земледѣліе, и приближалось въ этомъ отношеніи къ охотѣ и пчеловодству: дѣло въ томъ, что первобытное скотоводство по своей экономической природѣ очень близко къ добывающей промышленности;

Digitized by Google

какъ и послѣдняя, оно не требуетъ почти никакихъ усилій и заботъ со стороны человѣка: скотъ все время пасется на волѣ и довольствуется подножнымъ кормомъ.

Совершенно ничтожна была обрабатывающая промышленность. Въ нашихъ источникахъ лишь изрѣдка мелькаютъ факты, свидѣтельствующіе о выдѣлкѣ издѣлій изъ глины, о обработкѣ кожъ, о переработкѣ дерева. Особенно яркое изображеніе древнѣйшей русской обрабатывающей промышленности—разумѣется, въ миніатюрѣ—даетъ одинъ изъ превосходныхъ памятниковъ литературы Кіевскаго періода, именно Патерикъ Печерскій, т.-е. собраніе житій святыхъ подвижниковъ Кіево-печерскаго монастыря. Весь проникнутый свѣжей, наивной, дѣтской вѣрой, Патерикъ съ любовью отмѣчаетъ различныя чисто-внѣшнія обстоятельства, относящіяся къ жизни святого или къ открытію его мощей. Эти случайныя замѣчанія имѣютъ для насъ большую цѣнность. Читая, напримѣръ, простодушный разсказъ Нестора объ открытіи мощей св. Ѳеодосія, мы видимъ, что, когда у автора этого повѣствованія, который самъ разрывалъ могилу святого, сломалась кирка,—онъ самъ ее починилъ своими руками. Очевидно, это была самодѣльная кирка, сдѣланная для себя, а не на продажу. Такъ выдѣлывалось, вѣроятно, большинство предметовъ, необходимыхъ въ домашнемъ и хозяйственномъ обиходѣ. Если что-либо и продавалось, то недалеко, на сосѣднемъ базарѣ и при томъ въ небольшомъ количествѣ. Въ томъ же Патерикѣ встрѣчаемъ и другое извѣстіе о домашнемъ производствѣ для собственнаго потребленія производителя, и извѣстіе о незначительной продажѣ издѣлій на сосѣднемъ рынкѣ: одинъ изъ печерскихъ монаховъ, Исаія, носилъ «свиту *вотоляну*», т.-е. сдѣланную изъ «вотолы», грубаго домашняго холста, сотканнаго имъ собственноручно; св. Ѳеодосій вмѣстѣ съ братіей приготовлялъ шерстяныя «копытца», т.-е. чулки, и такіе же «клобуки», или шапки, и посылалъ продавать эти издѣлія на кіевскомъ базарѣ.

Уже изъ этого одного видно, что *внутренняя* торговля была ограничена, не играла важной роли. Такой выводъ подтверждается и изученіемъ «Русской Правды»: въ ней упоминается о «торгѣ», т.-е. мѣстномъ базарѣ, но особенно любопытно постановленіе, по которому, въ случаѣ находки кѣмъ-либо пропавшей у него вещи на базарѣ въ рукахъ у другого, этотъ послѣдній, будучи обязанъ указать лицо, у котораго имъ пріобрѣтена спорная вещь, не имѣлъ, однако, права ссылаться на то, что имъ она пріобрѣтена въ другомъ городѣ: очевидно, сообщенія между отдѣльными городами и рынками были очень затруднительны и рѣдки, а это и указываетъ какъ разъ на чрезвычайную слабость внутренняго обмѣна. Зато торговля *внѣшняя* на первый взглядъ кажется очень важной. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстны факты, указывающіе на оживленныя торговыя сношенія Кіевской Руси съ арабами и хозарами и особенно съ Византіей. Яркими свидѣтелями торговли съ

Digitized by Google

арабами и хозарами являются извѣстія арабскихъ купцовъ, посѣщавшихъ Русь, напр., Масуди, Истархи, Хордадбе, Ибнъ-Фаддлана, и открываемые до сихъ поръ въ южной Россіи клады, состоящіе изъ серебряныхъ арабскихъ монетъ, такъ называемыхъ диргемовъ. О мѣновыхъ сношеніяхъ съ Византіей говорятъ знаменитые, уцѣлѣвшіе до нашего времени, въ Начальной лѣтописи договоры Олега и Игоря съ греками, прямыя лѣтописныя извѣстія и, наконецъ, замѣчательный разсказъ византійскаго императора Константина Богрянороднаго въ его сочиненіи «Объ управленіи имперіей». Этотъ послѣдній источникъ, рисуя живую картину торговыхъ сношеній Руси съ Византіей, имѣетъ для насъ особенную цѣнность, такъ какъ предостерегаетъ отъ преувеличенныхъ представленій о значеніи внѣшней торговли въ экономической жизни Кіевской Руси. Съ наступленіемъ зимы, разсказываетъ Константинъ Богрянородный, русскій князь и его дружина отправляются изъ Кіева по подвластнымъ князю славянскимъ племенамъ за сборомъ дани, рѣдко состоявшей изъ денежныхъ платежей, а слагавшейся почти исключительно изъ натуральныхъ продуктовъ, какими изобиловала страна: мѣховъ, меду и воску. Вся зима проходила въ этомъ трудномъ, подчасъ и опасномъ объѣздѣ, такъ называемомъ «полюдьѣ». Весной князь съ дружиной возвращались въ Кіевъ съ собранною данью. Къ этому времени приготовлялись лодки, которыя оснащивались, нагружались всѣмъ тѣмъ, что было собрано въ видѣ дани, и спускались подъ охраной вооруженныхъ купцовъ Днѣпромъ и Чернымъ моремъ въ Византію. Этотъ превосходный разсказъ, составленный со словъ очевидцевъ и современниковъ, мѣстныхъ кіевскихъ жителей, какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ, что внѣшняя торговля того времени характеризовалась двумя отличительными и имѣющими первостепенную важность чертами: во-первыхъ, торговая дѣятельность была занятіемъ исключительно однихъ общественныхъ верховъ, — князя, дружины и болѣе или менѣе состоятельныхъ горожанъ, — масса же населенія не принимала въ ней никакого участія, потому что не продавала, а отдавала даромъ, въ видѣ дани, продукты охоты и пчеловодства; во-вторыхъ, внѣшняя торговля въ дѣйствительности не затрагивала и настоятельныхъ, насущныхъ, необходимо требовавшихъ удовлетворенія потребностей даже этихъ руководящихъ ею высшихъ классовъ населенія: все необходимое они получали натурой, отправляя на внѣшній рынокъ лишь избытки и вымѣнивая тамъ только предметы роскоши: шелковыя ткани, вина, дорогое оружіе. Въ сущности мы наблюдаемъ здѣсь не торгово-промышленный круговоротъ, а отчужденіе продуктовъ, доставшихся даромъ, безъ затраты капитала, безъ предпринимательскихъ заботъ и безъ торговой производительной эксплуатаціи хозяйственныхъ благъ. Слѣдовательно, глубины народнаго хозяйства остались нетронутыми внѣшней торговлей, по существу это хозяйство было чисто *натуральнымъ*, т.-е. такимъ,

*

Digitized by Google

при которомъ почти каждый работаетъ только на себя и на свою семью, а не для продажи.

Описаннымъ соотношеніемъ разныхъ отраслей народнаго производства опредѣлялась прежде всего *система хозяйства*. Она отличалась первобытнымъ, хищническимъ, или, какъ обыкновенно говорятъ, экстенсивнымъ характеромъ. Охота сводилась къ безпощадному, неразсчетливому истребленію звѣрей, водившихся въ такомъ изобиліи въ обширныхъ лѣсахъ, что не было нужды въ какихъ-либо правилахъ или ограниченіяхъ для охоты, да и некому было ихъ устанавливать и слѣдить за ихъ исполненіемъ. Звѣроловъ не ограничивалъ своей истребительной дѣятельности какимъ-либо небольшимъ райономъ, а охотился на обширныхъ пространствахъ, постоянно переходилъ съ одного мѣста на другое. Техническіе пріемы другой основной отрасли народнаго производства въ Кіевской Руси, пчеловодства, отличались такою же примитивностью: древнѣйшее пчеловодство носитъ характерное названіе бортничества во всѣхъ грамотахъ Кіевскаго періода, между прочимъ и въ «Русской Правдѣ». Бортничествомъ называется такое пчеловодство, при которомъ совершенно не заводится искусственныхъ приспособленій для пчелъ, ульевъ и пасѣкъ, а пчеловоды пользуются медомъ и воскомъ, складываемыми дикими пчелами въ дуплахъ лѣсныхъ деревьевъ, называемыхъ бортными или бортями. Для занятія такимъ пчеловодствомъ не надо никакого капитала и необходимо очень мало труда: нужно только поставить на бортномъ деревѣ «знамя», т.-е. знакъ собственности, и своевременно вынуть накопившійся воскъ и медъ. Далѣе: при обиліи лѣсовъ и болотъ и при крайней рѣдкости населенія въ земледѣліи возможна была только одна подсѣчная, огневая или лядинная система, состоящая въ томъ, что вырубался и выжигался лѣсъ, и на образовавшемся такимъ образомъ «палѣ», «огнищѣ» или «лядахъ», высушенномъ и покрытомъ пепломъ пространствѣ, сѣялся годъ или два хлѣбъ, потомъ повторялась та же операція съ другимъ участкомъ, черезъ такой же срокъ переходили къ третьему и т. д. Слѣдовательно, хищническій и кочевой характеръ составлялъ такой же отличительный признакъ земледѣлія, какъ и добывающей промышленности. Наконецъ, приведенный уже выше разсказъ Константина Багрянороднаго о внѣшней торговлѣ какъ нельзя лучше показываетъ, что и эта отрасль хозяйства отличалась крайне примитивной организаціей: торговля была караванной, не требовала капитала, не было постоянной, непрерывной связи между производителями хозяйственныхъ благъ и внѣшнимъ рынкомъ.

Преобладаніемъ добывающей промышленности и господствомъ экстенсивной системы хозяйства опредѣлились—далѣе—и основныя, типическія для изучаемаго времени *формы землевладѣнія*. Кочевать, переходить съ мѣста на мѣсто — вотъ основная хозяйственная потребность первобытнаго производителя, потребность, подсказываемая гос-

Digitized by Google

подствомъ добывающей промышленности и скотоводства, при которыхъ надо гнаться за звѣремъ, отыскивать дикихъ пчелъ, занимать все новыя пастбища для скота. Возможна ли при такихъ условіяхъ прочная и постоянная собственность на землю, полная осѣдлость? Очевидно, нѣтъ. Но какіе же порядки пользованія землей существовали въ такомъ случаѣ въ Кіевской Руси? Наши древнѣйшіе источники даютъ намъ вмѣсто опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ одни только намеки, достаточно ясные, однако, при свѣтѣ историческихъ аналогій. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ странахъ, въ которыхъ мы наблюдаемъ хозяйственныя условія, соотвѣтствующія экономическимъ особенностямъ Кіевской Руси до конца XII вѣка, существовало такъ называемое *вольное или захватное землевладѣніе*, сводящееся къ тому, что извѣстный округъ или волость занималъ извѣстную, довольно обширную территорію, а отдѣльные дворы или семьи на время, обыкновенно на годъ, опахивали, окашивали или «зачерчивали» себѣ, посредствомъ зарубокъ на деревьяхъ, опредѣленные участки для распашки, не подлежавшіе во время разработки заимкѣ со стороны другихъ семей. Лѣсомъ, пастбищемъ и другими угодьями пользовались всѣ жители волости сообща, въ мѣру потребностей. Такіе порядки наблюдаются, напр., у древнихъ германцевъ около Рождества Христова, наблюдались недавно и у насъ въ Сибири, въ мѣстностяхъ съ рѣдкимъ населеніемъ и господствомъ добывающей промышленности. То же, по всѣмъ признакамъ, было и въ Кіевской Руси. Что вервь или волость имѣла тогда опредѣленную обширную территорію,—это видно изъ «Русской Правды», разсматривающей вервь именно какъ территоріальную единицу. Что земля не была еще въ большинствѣ случаевъ постоянной, прочной собственностью семьи,—въ этомъ убѣждаетъ тотъ фактъ, что она въ то время не продавалась: о продажѣ земли нѣтъ ни слова ни въ «Русской Правдѣ», ни въ другихъ источникахъ. Та же «Русская Правда» сохранила для насъ и любопытнѣйшіе намеки на опахиваніе и зачерчиваніе временнозанимаемыхъ отдѣльными семьями земельныхъ участковъ: въ ней говорится о «межѣ ролейной», т.-е. пашенной, образованной путемъ опахиванія, и о «дубѣ знаменномъ», т.-е. имѣвшемъ «знамя», знакъ собственности, зачерченномъ. Наконецъ, при свѣтѣ приведенныхъ выше аналогій становится вполнѣ понятнымъ извѣстіе Начальной лѣтописи о полянахъ: «они жили каждый своимъ родомъ», говоритъ лѣтопись, «на своихъ мѣстахъ». Родъ здѣсь, очевидно, вервь, волость: она имѣла «свои мѣста», опредѣленную территорію. А далѣе, въ видѣ иллюстраціи, лѣтопись приводитъ извѣстный разсказъ о Кіѣ, Щекѣ и Хоривѣ и сестрѣ ихъ Лыбеди: они вмѣстѣ со своими семьями, очевидно, и составляли вервь или родъ и пользовались свободно землею въ предѣлахъ родовой территоріи для своихъ хозяйственныхъ цѣлей, охотились, гдѣ угодно и сколько угодно, выгоняли на пастбище скотъ, занимали на годъ или на два участки для пашни и т. д.

Digitized by Google

Но утверждая, что вольное или захватное крестьянское землевладѣніе господствовало въ Кіевской Руси, нельзя, однако, признать его *единственной* въ то время землевладѣльческой формой. Дѣло въ томъ, что со времени появленія князей къ древнимъ землевладѣльческимъ порядкамъ примѣшиваются новыя формы, постепенно и медленно проникая въ жизнь. Прежде всего появилось *княжеское* землевладѣніе. Первые слѣды его становятся замѣтны уже въ X вѣкѣ, когда Ольга устроила по всей землѣ свои «мѣста» и «села», «ловища» (мѣста лова звѣрей) и «перевѣсища» (мѣста, гдѣ устраивались силки для ловли птицъ). У той же княгини упоминается и село Ольжичи. Къ XII вѣку княжескія села сдѣлались уже вполнѣ распространеннымъ явленіемъ, встрѣчались нерѣдко; недаромъ Владиміръ Мономахъ въ своемъ «Поученіи» придаетъ такое важное значеніе домашнему хозяйству; въ разсказахъ о княжескихъ междуусобіяхъ постоянно мелькаютъ указанія на разореніе княжескихъ селъ. На ряду съ этимъ въ томъ же XII столѣтіи сплошь и рядомъ можно встрѣтить извѣстія о разграбленіи селъ *боярскихъ*, а первые признаки боярскаго землевладѣнія относятся еще къ XI вѣку: оно, очевидно, возникло вслѣдъ за княжескимъ. Наконецъ, въ томъ же XI столѣтіи возникло еще и *монастырское* землевладѣніе; въ разсказѣ о Печерскомъ монастырѣ говорится о пожалованіи монастырю княземъ Изяславомъ горы, а затѣмъ находимъ извѣстіе о дачѣ какимъ-то Ефремомъ селъ въ монастырь. Такъ сразу замѣтились и два источника, изъ которыхъ, главнымъ образомъ, и впослѣдствіи пополнялись монастырскія вотчины: княжеское пожалованіе и вкладъ частныхъ лицъ. Но не только появились на ряду съ крестьянами новые владѣльцы—князья, бояре, монастыри,— перемѣна была еще глубже: она коснулась самаго понятія о собственности на землю, потому что землевладѣніе князей, бояръ, и монастырей отличалось уже несравненно бо́льшею прочностью, опредѣленностью и осѣдлостью, чѣмъ вольное землевладѣніе крестьянъ. Не трудно понять причину происхожденія этихъ землевладѣльческихъ новообразованій: они явились результатомъ вліянія второстепенной, но все-же не ничтожной, отрасли промышленности, внѣшней торговли. Благодаря торговлѣ, въ натурально-хозяйственныя отношенія, не разрушая ихъ, проникъ сильной струей капиталъ, сосредоточившійся въ немногихъ рукахъ и рѣзко отдѣлившій его обладателей отъ остальной массы общества. Капиталъ далъ возможность капиталистамъ пріобрѣтать значительное количество несвободныхъ и полусвободныхъ рабочихъ, благодаря труду которыхъ капиталисты—князья, бояре и монастыри—могли занять прочно и хорошо эксплуатировать болѣе или менѣе обширныя земельныя владѣнія.

Послѣднее замѣчаніе—о примѣненіи несвободнаго и полусвободнаго труда—вводитъ насъ въ послѣдній, четвертый вопросъ экономической исторіи Кіевской Руси,—вопросъ о *формахъ хозяйства*. И здѣсь мы

Digitized by Google

должны отличать главныя, основныя, древнія явленія отъ побочныхъ, второстепенныхъ, болѣе позднихъ. Первыя созданы господствомъ добывающей промышленности, скотоводства и натуральнаго хозяйства, вторыя—результатъ вліянія внѣшней торговли. Звѣроловъ и бортникъ искалъ простора для своихъ охотничьихъ и пчеловодныхъ занятій, не тѣснился къ своимъ товарищамъ, а селился въ разбродъ, на болѣе или менѣе возвышенныхъ мѣстахъ сырой и болотистой лѣсной страны, по близости отъ рѣкъ, самыхъ удобныхъ путей сообщенія. Поэтому, господствующей хозяйственной единицей того времени была семья, довольно тѣсный родственный союзъ, обыкновенно не дѣлившійся на болѣе мелкія хозяйства и по смерти отца. Семья, вслѣдствіе того, что большинство населенія занималось однимъ и тѣмъ же, по преимуществу охотой и пчеловодствомъ, почти ничего не продавала на сторону, все производила для собственнаго потребленія и ничего не покупала у другихъ. При такихъ условіяхъ не оставалось мѣста для широкаго развитія несвободнаго, рабскаго труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ Кіевской Руси. И въ самомъ дѣлѣ: несвободный трудъ, при семейной организаціи добывающей промышленности, при натуральной системѣ хозяйства, не является экономической необходимостью, находитъ себѣ примѣненіе лишь въ совершенно исключительныхъ случаяхъ: каждая семья легко удовлетворяетъ своимъ потребностямъ собственными силами, не прибѣгая къ организаціи принудительнаго труда. Недаромъ всѣ писатели, сообщающіе намъ свѣдѣнія о первобытныхъ славянахъ,—таковы по преимуществу писатели византійскіе,—оставили цѣлый рядъ свидѣтельствъ о томъ, что рабовъ у славянъ было мало, обращались они съ этими рабами хорошо и скоро отпускали на волю. Знаменательно также, что «Русской Правдѣ» неизвѣстны холопы у смердовъ или крестьянъ: она знаетъ только холоповъ княжескихъ, боярскихъ и «черничьихъ», т.-е. монастырскихъ.

Это послѣднее свидѣтельство «Русской Правды» убѣждаетъ, однако, что лишь только къ натуральной системѣ примѣшивается торговля, хотя бы даже и въ той несовершенной стадіи развитія, какую мы наблюдаемъ въ Кіевской Руси,—такъ, у лицъ, имѣющихъ къ ней отношеніе, особенно у князей и бояръ, возникаетъ, сначала, конечно, слабо развитая, потребность въ эксплуатаціи чужого даровой труда: несомнѣнно, главная часть товаровъ для внѣшней торговли добывалась путемъ сбора дани, но уже въ ту пору высшіе классы населенія пополняли свои доходы тѣмъ, что, занимая свободныя земли, садили на нихъ своихъ несвободныхъ и полусвободныхъ слугъ. Можно догадываться, что главной задачей этого зарождающагося владѣльческаго хозяйства была доставка продуктовъ земледѣлія и скотоводства для непосредственнаго потребленія лицъ, составлявшихъ высшій слой населенія: это видно изъ того, что въ «Русской Правдѣ» несвободные люди фигурируютъ не въ качествѣ охотниковъ и пчеловодовъ, работа

Digitized by Google

которыхъ одна только доставляла, какъ мы видѣли, предметы для внѣшней торговли—мѣха, воскъ и медъ, а по преимуществу въ видѣ «тіуновъ конюшихъ», т.-е. приказчиковъ, завѣдующихъ конскими стадами, или «тіуновъ ратайныхъ», т.-е. земледѣльческихъ приказчиковъ. Извѣстно, какъ много вниманія удѣляетъ тотъ же драгоцѣнный памятникъ древнерусскаго права такъ называемымъ закупамъ, т.-е. лицамъ, занявшимъ у землевладѣльцевъ извѣстную сумму денегъ и обязавшимся отработать этотъ долгъ. Эти закупы—полусвободные рабочіе—носятъ въ «Русской Правдѣ» характерное названіе «ролейныхъ», т.-е. пашенныхъ, отъ «ролья»—пашня. Но нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что эксплуатація несвободнаго и полусвободнаго труда простиралась въ извѣстной мѣрѣ и на область добывающей промышленности и доставляла, слѣдовательно, нѣкоторое, хотя, вѣроятно, и не особенно значительное, дополненіе къ числу тѣхъ добываемыхъ по преимуществу путемъ дани продуктовъ, которые вывозились на византійскій рынокъ и отчуждались на азіатскій востокъ. Такъ, примѣсь торговаго оборота положила начало новой, невѣдомой раньше формѣ хозяйственныхъ предпріятій,—владѣльческому хозяйству князей, бояръ и монастырей, основанному на примѣненіи, главнымъ образомъ, несвободнаго и полусвободнаго труда.

Хозяйственная организація, изображенная выше, дѣлаетъ вполнѣ понятнымъ *соціальный и политическій строй* Кіевской Руси. Общество того времени, благодаря указаннымъ экономическимъ вліяніямъ, распалось уже на нѣсколько опредѣленныхъ и обособленныхъ слоевъ. Подавляющее большинство составляли смерды—деревенское свободное населеніе, занимавшееся по преимуществу добывающей промышленностью и скотоводствомъ, въ меньшей степени земледѣліемъ. Смердъ и сельскій житель, крестьянинъ—это синонимы въ устахъ нашего древнѣйшаго лѣтописца. Городское свободное населеніе—«люди»—въ главной своей массѣ мало отличалось своими занятіями отъ смердовъ, за исключеніемъ, впрочемъ, высшаго его слоя, городского купечества, отдававшаго значительное количество времени и труда внѣшней торговлѣ. Городское купечество—это тѣ «гости», о которыхъ упоминаютъ договоры Олега и Игоря на ряду съ княжескими «слами» или послами. Наконецъ, третій, верхній слой, являющійся соціальнымъ новообразованіемъ, составляли бояре и «отроки» или «дѣтскіе», т.-е. старшая и младшая дружина, во главѣ съ княземъ, военные охранители земли, торговыхъ путей и купеческихъ каравановъ и установители внутренняго мира и порядка, «бояре думающіе» и «мужи храборствующіе», по образному и мѣткому выраженію «Слова о полку Игоревѣ». Мы видимъ такимъ образомъ, что нѣтъ ничего легче, какъ опредѣлить различіе между этими тремя соціальными группами *по ихъ занятіямъ*, но мы тщетно стали бы искать опредѣленныхъ сколько-нибудь значительныхъ *юридическихъ* различій между тѣми же группами: дружин-

Digitized by Google

ники, люди и смерды не отличались другъ отъ друга ни правами, ни обязанностями. Гражданская и политическая полноправность и полная юридическая, въ значительной степени и фактическая, возможность перейти изъ одного состоянія въ другое—отличительная особенность общественнаго строя древнѣйшей Россіи. На дѣлѣ, въ дѣйствительности вѣче—этотъ главный политическій органъ общественнаго союза въ то время—состояло преимущественно изъ горожанъ, имѣвшихъ фактическую возможность всегда его посѣщать, что было далеко не всегда мыслимо для сельскихъ обывателей, по крайней мѣрѣ для большинства ихъ. Но городъ составлялъ неразрывную часть волости, и потому всякій смердъ, явившись въ городъ, могъ участвовать въ вѣчевой сходкѣ. Онъ могъ также, если хотѣлъ, переселиться въ городъ для занятія торговлей и даже поступить въ княжескую дружину, сдѣлаться старшимъ дружинникомъ, боярином. Припомнимъ, напримѣръ, разсказъ лѣтописи о Янѣ Усмошвецѣ: однажды, когда Владиміръ вышелъ со своимъ войскомъ, состоявшимъ изъ дружины и народнаго ополченія, навстрѣчу печенѣгамъ,—передъ битвой выѣхалъ впередъ печенѣжскій богатырь громаднаго роста и сталъ вызывать кого-либо изъ русскихъ на единоборство; охотниковъ не находилось, и князь опечалился; тогда къ нему подошелъ простой воинъ-смердъ изъ ополченія и сказалъ, что у него дома остался младшій сынъ необычайной силы: однажды, когда онъ мялъ руками кожу, отецъ за что-то разбранилъ его; тотъ такъ былъ раздраженъ этимъ, что разорвалъ пополамъ кожу; князь обрадовался и тотчасъ послалъ за молодымъ силачомъ; Янъ Усмошвецъ—такъ звали силача—безъ труда справился съ печенѣжскимъ богатыремъ и сдѣлался послѣ этого подвига дружинникомъ князя Владиміра. Какъ бы низко мы ни цѣнили достовѣрность самаго преданія,—одна возможность того, что оно сложилось именно въ такомъ смыслѣ, показываетъ, что поступленіе смерда въ бояре или старшую княжескую дружину было заурядным явленіемъ: была бы только для этого надлежащая удаль и сила. Говоря коротко, общественный строй Кіевской Руси всецѣло основывался на экономическихъ признакахъ и лишенъ былъ юридическихъ основаній: существовали лишь экономическіе *классы*, но не было политическихъ *сословій*.

Переходя отъ общественнаго строя къ устройству управленія, мы прежде всего встрѣчаемся здѣсь съ учрежденіемъ, одинаково свойственнымъ всѣмъ первобытнымъ народамъ, съ собраніемъ свободныхъ людей,—собственно домовладыкъ или главъ семействъ,—съ такъ называемымъ вѣчемъ. Вѣче существовало на Руси задолго до призванія князей. Извѣстенъ лѣтописный текстъ, чрезвычайно ярко изображающій исконное значеніе вѣча и его составъ: «новгородцы, и смольняне, и полочане, и кіевляне, и всѣ волости изначала на вѣче, какъ на думу, сходятся, и на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды

Digitized by Google

станутъ». Изъ этого текста видно и древнѣйшее происхожденіе вѣча—вѣче было «изначала»,—и участіе въ немъ не только горожанъ, но и волостей, т.-е. смердовъ, крестьянъ, и подчиненіе всей области рѣшенію вѣча старшаго города. Городская область была первымъ по времени появленія политическимъ организмомъ древнѣйшей Россіи, и это отразилось позднѣе, послѣ призванія князей, въ первенствующемъ политическомъ значеніи вѣча. Особенно замѣтно такое значеніе собранія свободныхъ горожанъ и сельчанъ въ вопросѣ о замѣщеніи княжескихъ столовъ; призваніе или изгнаніе князя вѣчемъ были обычными явленіями въ кіевскій періодъ: такъ, кіевляне прогоняютъ Ияслава Ярославича за то, что онъ, потерпѣвъ пораженіе отъ половцевъ, не захотѣлъ отправиться въ походъ противъ нихъ во второй разъ; тѣ-же кіевляне, не считаясь съ княжескимъ старшинствомъ, призываютъ Владиміра Мономаха и удерживаютъ у себя его потомство, хотя черниговскіе Ольговичи, потомки Олега Святославича, принадлежали къ старшей линіи. Вѣче считало себя въ правѣ прямо и иногда довольно рѣзко и настойчиво дѣлать указанія князю въ его правительственной дѣятельности: «ты, князь, о чужой землѣ заботишься и ищешь ея, а своей пренебрегъ», говорятъ съ укоромъ кіевляне Святославу, отправившемуся въ Болгарію и тѣмъ подвергшему русскую землю опасности со стороны печенѣговъ.

Но на ряду съ вѣчемъ, хотя и не выше его, въ Кіевской Руси стояли еще князь и его дружина, составлявшая боярскій совѣтъ, безъ котораго князю было фактически немыслимо обойтись, хотя, разумѣется, юридическихъ гарантій участія боярскаго совѣта въ управленіи, какого-либо закона, опредѣлявшаго правительственную роль боярской думы, не существовало. Бояре принимали постоянное участіе въ дѣятельности князя: Владиміръ передъ принятіемъ христіанства спрашиваетъ у нихъ совѣта; онъ вообще, по словамъ лѣтописи, «любилъ дружину и думалъ (т.-е. совѣщался) съ ней объ устройствѣ земли, о войнѣ и о законахъ»: сыновья Ярослава, по совѣту со своими «мужами», т.-е. боярами, уничтожили кровную месть за убійство и замѣнили ее денежнымъ выкупомъ; Владиміръ Мономахъ опредѣлилъ максимальный законный процентъ по займамъ также послѣ совѣщанія съ дружиной; наконецъ, «Слово о полку Игоревѣ» чрезвычайно высоко ставитъ, выдвигаетъ на первый планъ «бояръ думающихъ».

Понятно, чѣмъ вызвано было политическое преобладаніе вѣча: вѣче состояло въ главной массѣ изъ смердовъ и людей, простыхъ свободныхъ, въ рукахъ которыхъ находилась господствовавшая въ то время отрасль народнаго производства, — добывающая промышленность, и которые обходились въ этой сферѣ экономической жизни безъ всякой хозяйственной поддержки соціальныхъ верховъ. Напротивъ, эти соціальные верхи, — князь, дружина и городское купечество, — фактически находились почти всецѣло въ экономической зависимости

Digitized by Google

отъ смердовъ, такъ какъ дань, собираемая съ послѣднихъ, и была именно главнымъ источникомъ тѣхъ хозяйственныхъ благъ, которыя можно было сбывать въ видѣ товаровъ въ Византіи и въ хозарской столицѣ Итили на устьѣ Волги. Экономическая зависимость приводила и къ политическому подчиненію, конечно, далеко еще не организованному и непрочному на зарѣ исторической жизни. Но, спрашивается, чему обязаны были своимъ существованіемъ новыя политическія явленія? Городъ или деревня, иначе говоря—интересы торговли или добывающей промышленности и первобытнаго сельскаго хозяйства создали княжескую власть и неразрывно съ ней связанный боярскій совѣтъ? Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что тотъ хозяйственный элементъ, который явился въ качествѣ сравнительно-второстепенной примѣси къ натурально-хозяйственной системѣ,—именно внѣшняя торговля,—вызывалъ необходимость признанія князей: торговые караваны нуждались въ защитѣ отъ кочевниковъ, поджидавшихъ ихъ обыкновенно съ цѣлью поживиться у днѣпровскихъ пороговъ; съ другой стороны, военная опора была необходима для огражденія жизни, имущества и правъ тѣхъ, кто ѣздилъ торговать на главный внѣшній рынокъ страны,—въ Византію: это достаточно доказывается текстами договоровъ Олега и Игоря съ греками. Такимъ образомъ, потребность въ княжеской власти сильно ощущалась уже и въ городѣ. Было бы, однако, большой ошибкой выводить политическій строй Кіевской Руси изъ такого второстепеннаго экономическаго фактора, какимъ была въ то время внѣшняя торговля. Еще болѣе нуждалась въ князѣ деревенская добывающая промышленность, тѣ смерды, которые отдѣльными семейными группами разселялись по обширной странѣ. Не даромъ въ XII вѣкѣ въ Новгородѣ ставили князю въ вину, что онъ «не блюдетъ смердовъ». Классическая фраза нашихъ отдаленныхъ предковъ, призывавшихъ князей,—«земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ», какъ нельзя лучше мотивируетъ основную потребность сельскаго населенія—въ установленіи внутренняго мира, въ устраненіи раздоровъ и несогласій между отдѣльными семьями и волостями. Другая потребность—во внѣшней защитѣ отъ сосѣдей—варяговъ, хозаръ, печенѣговъ, камскихъ болгаръ, впослѣдствіи половцевъ—была не менѣе, если не болѣе, настоятельна для сельскихъ жителей, чѣмъ для городскихъ: разбросанные на большомъ пространствѣ, рѣдкіе, изолированные семейные поселки, конечно, совершенно не въ состояніи были противостоять хищническимъ набѣгамъ. Вотъ почему Рюрикъ съ братьями, едва прибыли, какъ начали «города рубить и воевать всюду»; вотъ почему вѣче разсорилось съ Изяславомъ, не рѣшавшимся отразить разбойничавшихъ по селамъ половцевъ; понятны также и тѣ горькіе упреки, какими осыпали кіевляне Святослава, по возвращеніи его изъ Болгаріи: въ отсутствіе князя печенѣги непрестанно разоряли русскую землю. Итакъ политическій типъ варяжскаго княжества сло-

Digitized by Google

жился благодаря совокупному дѣйствію условій и городской и сельской жизни, причемъ вліяніе деревенскаго быта сказалось гораздо глубже и сильнѣе, чѣмъ потребности внѣшней торговли, что́ строго соотвѣтствовало взаимнымъ отношеніямъ двухъ основныхъ въ то время отраслей промышленности, деревенской добывающей промышленности, какъ главной, и городской торговли, какъ второстепенной вѣтви народной производительности.

На предшествующихъ страницахъ изложены, разумѣется, въ самыхъ краткихъ чертахъ, общіе признаки, характеризующіе значеніе города и деревни въ хозяйственномъ, соціальномъ и политическомъ строѣ Кіевской Руси. При этомъ выяснилось что господствующая отрасль промышленности была главнымъ занятіемъ деревенскаго населенія, смердовъ; преобладаніемъ добывающей сельской промышленности объясняются, какъ мы видѣли, и формы землевладѣнія и хозяйства, и система послѣдняго, и господство смердовъ, какъ общественнаго класса, и, наконецъ, политическій перевѣсъ вѣча и образованіе варяжскаго княжества. Такъ, изъ одного основного хозяйственнаго явленія послѣдовательно выводятся всѣ другія характеристическія черты хозяйства, общества и государства. Вліяніе второстепеннаго экономическаго фактора—внѣшней торговли—было несравненно поверхностнѣе: оно замѣтнѣе лишь въ области формъ землевладѣнія и хозяйства, такъ какъ начавшимся вслѣдствіе появленія внѣшней торговли раздѣленіемъ труда обусловливались зарожденіе княжеской и боярской вотчины и нѣкоторое развитіе несвободнаго и полусвободнаго труда; въ политической сферѣ вліяніе городской торговли не шло въ разрѣзъ съ дѣйствіемъ условій деревенской жизни, а напротивъ, объ силы дѣйствовали въ одномъ направленіи. Говоря вообще, можно такимъ образомъ признать, что деревня была первостепеннымъ по значенію элементомъ древнѣйшей русской жизни. Только эта деревня была не наша земледѣльческая деревня, а поселеніе, обитатели котораго существовали почти исключительно добывающей промышленностью.

Н. Рожковъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

САМОУБІЙСТВО СРЕДИ ДѢТЕЙ.

«L'étude du suicide touche aux grandes questions sociales de notre époque: liberté, éducation, paupérisme, travail, salaire, famille, propriété, avenir de la société» . *Brièrre de Boismont.*

«Мы не можемъ уничтожить самоубійствъ, но отъ насъ зависитъ уменьшить число тѣхъ несчастныхъ, для которыхъ самоубійство является не правомъ, но печальной необходимостью и которыхъ убиваемъ мы...»

Лихачевъ.

Самоубійства среди дѣтей стали лишь очень недавно обращать на себя вниманіе общества и отдѣльныхъ изслѣдователей. Дѣти-самоубійцы встрѣчались, конечно, и раньше, но такъ рѣдко, что представляли собой изъ ряда вонъ выходящія исключенія. Но въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій они стали попадаться все чаще и чаще и теперь сдѣлались совершенно заурядными явленіемъ. Доказано это какъ изслѣдованіями такихъ выдающихся ученыхъ, какъ Брієрръ де-Буамонъ, Морзелли, Кетлэ и др., такъ въ особенности статистическими данными, добытыми др-ами Мангеймеромъ, Перье, Принцингомъ и А. Беромъ, брошюрой котораго «Der Selbstmord im kindlichen Lebensalter», недавно вышедшей въ свѣтъ, мы пользовались при составленіи настоящей статьи.

Во Франціи по изслѣдованіямъ Дюранъ-Фарделя, за 10-лѣтній періодъ времени, съ 1835 по 1844 годъ, на 25.760 самоубійствъ было среди дѣтей до 16-лѣтняго возраста всего 192 самоубійства, то-есть на каждый годъ приходилось по 19 случаевъ и на каждые 134 самоубійства среди взрослыхъ приходилось 1—среди дѣтей. Еще болѣе поразительныя цифры приводитъ Брієрръ де-Буамонъ. По его даннымъ, въ Парижѣ, въ теченіе 1834—1843 гг., на 4.595 самоубійствъ было среди дѣтей моложе 14 лѣтъ цѣлыхъ 77 случаевъ, то-есть на каждые 59 взрослыхъ самоубійцъ приходился одинъ ребенокъ. Морзелли приводитъ изъ оффиціальной французской статистики 240 случаевъ самоубійствъ среди дѣтей, имѣвшихъ мѣсто въ теченіе 1866—1875 гг.

Digitized by Google

и приходившихся на 49.950 самоубійствъ взрослыхъ. Такимъ образомъ, по его вычисленію, во Франціи одинъ ребенокъ-самоубійца приходится на 208 взрослыхъ самоубійцъ. Эттингенъ также пришелъ къ заключенію на основаніи своихъ наблюденій, что количество самоубійцъ среди дѣтей во Франціи растетъ по мѣрѣ того, какъ увеличивается число взрослыхъ самоубійцъ. Такъ, послѣднихъ было во Франціи въ 1890 году 6.638, въ 1891 г.—8.884 и въ 1892—9.285, а юныхъ самоубійцъ было: въ возрастѣ до 16 лѣтъ: въ 1880 г.—55, а въ 1892—87 и въ возрастѣ старше 16 лѣтъ: въ 1880 г.—267, въ 1890—358 и въ 1892 г. цѣлыхъ—475! Д-ръ Мангеймеръ также находитъ, что самоубійства дѣтей, бывшія нѣкогда очень рѣдкимъ явленіемъ во Франціи,—хотя уже Монтэнь—говоритъ онъ—усматривалъ въ нихъ печальное знаменіе времени,—постоянно возрастаютъ. По его даннымъ, обнимающимъ 15-тилѣтній періодъ времени и касающимся 175 случаевъ, оказывается, что въ 1881 г. число малютокъ-самоубійцъ было 61, а въ 1895 г. оно достигло уже цифры 90. Два года тому назадъ д-ръ Перье опубликовалъ свой статистическій матеріалъ и на основаніи его также пришелъ къ заключенію, что самоубійства среди дѣтей и юношей во Франціи въ послѣдніе годы возросли въ ужасающей прогрессіи. «Чѣмъ объяснить,—спрашиваетъ онъ,—эту грозную прогрессію? Тѣмъ ли, что мы вырождаемся, что успѣхъ нашей цивилизаціи дѣйствуетъ разрушительно на дѣтскій мозгъ или чѣмъ-нибудь инымъ, я не знаю—но фактъ остается фактомъ».

Въ Пруссіи докторъ Касперъ первый обратилъ вниманіе на самоубійства среди дѣтей. «Нигдѣ,—писалъ онъ въ своей «Медицинской Статистикѣ»,—не выступаетъ такъ ярко оборотная сторона цивилизаціи, какъ въ вопросѣ о самоубійствахъ среди дѣтей; на нихъ я обращаю вниманіе всѣхъ тѣхъ, кому дорого благо человѣчества». По статистикѣ д-ра Каспера, въ теченіе 10 лѣтъ съ 1788 по 1797 годъ во всей Пруссіи былъ зарегистрированъ только одинъ юный самоубійца, въ 1798—1807 гг. дѣтей-самоубійцъ было уже—3, а въ десятилѣтній періодъ съ 1812 по 1821 годъ ихъ было уже цѣлыхъ—31. По подсчету, сдѣланному д-ромъ Рейфишемъ дѣтскія самоубійства составляютъ приблизительно 1% общаго числа самоубійствъ въ современной Германіи. Д-ръ Зигертъ, особенно много занимавшійся статистикой самоубійствъ, называетъ Пруссію «классической страной самоубійства», а наши дни «печальнымъ временемъ все болѣе и болѣе учащающихся случаевъ самоубійства среди дѣтей». По даннымъ прусской оффиціальной статистики, обнимающей 30-лѣтній періодъ съ 1869 по 1898 годъ, оказывается, что за все это время въ Пруссіи покончило самоубійствомъ 1.708 дѣтей разнаго возраста, что составляетъ почти 57 случаевъ въ годъ. Разсматривая цифры самоубійцъ отдѣльно по годамъ, мы можемъ убѣдиться, что онѣ колеблются въ довольно широкихъ размѣрахъ, постепенно возрастая съ 38 до 65 въ годъ, что составляетъ 1 само-

Digitized by Google

убійство на 660 тысячъ населенія, какъ это было въ 1869—1873 гг. и на 490 тысячъ, какъ это было въ 1894—1898 гг.

Къ такому же печальному выводу относительно дѣтскихъ самоубійствъ пришли и *англійскіе* изслѣдователи, изъ которыхъ мы назовемъ Гризингера и д-ра Ирленда, равно какъ и *швейцарскіе*, и *итальянскіе* ученые, занимавшіеся этимъ вопросомъ.

Что касается *Россіи*, то у насъ первый обратилъ вниманіе на самоубійства дѣтей, если я не ошибаюсь, академикъ К. С. Веселовскій, который въ своей «Нравственной статистикѣ Россіи», напечатанной въ «Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ» 1847 г. (ч. XVIII, стр. 221) сообщаетъ 12 случаевъ самоубійствъ дѣтей въ возрастѣ 10—14 лѣтъ, имѣвшихъ мѣсто въ Петербургѣ и Москвѣ въ теченіе 1837—44 годовъ. П. Ѳ. Булацель, изучившій исторію самоубійства съ древнѣйшихъ временъ, констатируетъ фактъ, что «дѣтскія самоубійства стали въ наше время замѣтно учащаться» («Самоубійство съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней», стр. 183). Другой изслѣдователь, Невзоровъ, въ своемъ сочиненіи «О самоубійствѣ», опредѣляя число ежегодныхъ самоубійствъ въ Европѣ въ 50.000 человѣкъ среди взрослыхъ и въ 2.000—среди дѣтей, замѣчаетъ при этомъ, что «цифры эти постоянно растутъ» (стр. 1, примѣч.). Точно такъ же высказывается и Дзѣдушицкій. «Въ наше время,—говоритъ онъ,—стали часты самоубійства и среди дѣтей и юношей. Ихъ не удерживаетъ ни прелесть молодости, ни надежды, ни свойственныя веснѣ жизни мечты... Тяжело видѣть въ рубрикѣ самоубійцъ дѣтей въ возрастѣ 9—16 лѣтъ» («Самоубійство», 1877 г., стр. 133). С. Д. въ статьѣ «Наши самоубійцы» («Недѣля» 1901 г., № 12) также находитъ, что «самоубійства дѣтей у насъ въ Россіи въ настоящее время далеко не рѣдкость» и что въ теченіе 1869—78 гг. только въ Петербургѣ и Москвѣ покончило съ собой 97 дѣтей въ возрастѣ 8—16 лѣтъ. Лихачевъ, самый основательный изслѣдователь вопроса о самоубійствѣ, въ своемъ обширномъ трудѣ «Самоубійство въ Западной Европѣ и въ Европейской Россіи» замѣчаетъ, что «случаи учащенія самоубійствъ среди дѣтей не подлежатъ сомнѣнію» (стр. 105). Такой же взглядъ высказываетъ въ своей брошюрѣ «Самоубійство въ Одессѣ» и д-ръ И. С. Фалькнеръ, нашедшій, что «число самоубійствъ среди дѣтей города Одессы стало въ послѣдніе годы замѣтно учащаться» (стр. 15 и слѣд.). Наконецъ, недавно, именно 3-го октября с. г. Б. Ф. Пашуканисъ сдѣлалъ въ засѣданіи отдѣленія Московскаго Педагогическаго Общества докладъ, въ которомъ также пришелъ къ заключенію, что «самоубійство среди дѣтей прогрессивно возростаетъ, превращаясь изъ исключительнаго явленія былого времени въ обычный фактъ современности» («Русск. Вѣдом.», № 286, отъ 16-го октября с. г.).

Такимъ образомъ мы видимъ, что русскіе изслѣдователи, какъ и иностранные, приходятъ всѣ къ одному и тому же выводу, что число

Digitized by Google

дѣтскихъ самоубійствъ постоянно увеличивается изъ года въ годъ. Каковы же *причины* этого поистинѣ печальнаго явленія?

Мы дѣлимъ причины самоубійствъ дѣтей на индивидуальныя и общія, а послѣднія на такія, которыя свойственны всѣмъ людямъ вообще и спеціально только дѣтскому возрасту.

Мы начинаемъ наше описаніе съ индивидуальныхъ причинъ и въ числѣ ихъ отмѣтимъ, прежде всего, *душевныя болѣзни*. Нѣкогда, съ легкой руки Эскироля, полагали, что всякій самоубійца непремѣнно психически больной человѣкъ, но теперь такой взглядъ уже всѣми оставленъ *). Доказано, что среди самоубійцъ встрѣчается душевно-больныхъ у мужчинъ приблизительно 1/4 часть, а у женщинъ—2/3 всѣхъ случаевъ. С. П. Яковлевъ и П. Ф. Филатовъ въ своей статьѣ «Самоубійство въ Симбирской губерніи» приводятъ слѣдующія цифры: въ Норвегіи на 1.000 самоубійцъ приходится 347 сумасшедшихъ, въ Швеціи—517, а въ иныхъ государствахъ этотъ процентъ доходитъ почти до 40» («Вѣстн. обществ. гигіены, судебной и практич. медицины», октябрь, 1892 г., стр. 20). Что касается дѣтей, то относительно ихъ мы не располагаемъ даже такими приблизительными цифрами, такъ какъ у нихъ сплошь да рядомъ очень трудно констатировать наличность того или другого психическаго дефекта, но мы должны имѣть его въ виду всюду, гдѣ наталкиваемся на тѣ или другія странности въ характерѣ ребенка и ненормальности въ его поведеніи. Въ Пруссіи, по свидѣтельству оффиціальной статистики, на каждые 1.000 душевно-больныхъ приходится около 40 дѣтей. По словамъ д-ра Бера, изъ 979 дѣтей-самоубійцъ, покончившихъ съ собой въ теченіе 15 лѣтъ съ 1884 по 1898 годъ психически больныхъ зарегистрировано было всего 79, т.-е. 8,07%. Но въ это число—замѣчаетъ Беръ—не вошли всѣ тѣ случаи самоубійства, гдѣ мотивы его остались неизвѣстными; если включить и ихъ сюда, то вышеназванная цифра нѣсколько увеличится и будетъ болѣе соотвѣтствовать истинѣ. Къ сожалѣнію, мы совершенно лишены возможности судить о самоубійствѣ душевно-больныхъ дѣтей въ другихъ странахъ, такъ какъ не располагаемъ на этотъ счетъ никакими данными.

Затѣмъ огромное вліяніе на самоубійство дѣтей оказываетъ *порочная наслѣдственность*. Извѣстны цѣлыя семьи, въ которыхъ многіе члены кончили жизнь самоубійствомъ. Особенно рѣзко сказывается вліяніе наслѣдственности при *алкоголизмѣ* родителей. Алкоголь, какъ извѣстно, является однимъ изъ самыхъ сильныхъ ядовъ нашей нервной системы. Подъ его вліяніемъ человѣкъ вырождается: утрачиваетъ

*) Его придерживается одинъ только проф. И. Гвоздевъ, который категорически выражается на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ: «Самоубійство совершается умопомѣшанными, то-есть больными людьми, а потому налагать за него наказаніе—значитъ возвратиться къ воззрѣніямъ давно минувшихъ дней» («О самоубійствѣ съ соціальной и медицинской точекъ врѣнія», стр. 45).

Digitized by Google

свои лучшія умственныя и нравственныя качества, дѣлается грубымъ, циничнымъ, тупымъ. Его нервная система приходитъ, выражаясь научно, въ состояніе «раздражительной слабости», которую онъ и передаетъ своему потомству. Дѣти пьяницъ являются на свѣтъ слабыми, болѣзненными, съ зачатками всевозможныхъ психическихъ и нервныхъ разстройствъ. Большинство изъ нихъ, страдающихъ врожденнымъ идіотизмомъ и тупоуміемъ, обязано этимъ своимъ родителямъ-алкоголикамъ. Въ самое послѣднее время англійскій врачъ Бетеманъ доказалъ, что пьяница передаетъ порочную организацію своему потомству даже въ то время, когда въ немъ самомъ никакихъ отклоненій отъ нормы, повидимому, еще не замѣчается. Въ настоящее время точно установленъ фактъ, что громадное большинство самоубійствъ совершается взрослыми подъ вліяніемъ алкоголя. Значеніе послѣдняго въ этомъ отношеніи до того велико, что можно смѣло сказать, что чѣмъ распространеннѣе въ какой-либо мѣстности употребленіе спиртныхъ напитковъ, тѣмъ болѣе часты тамъ и случаи самоубійствъ. И вотъ это-то предрасположеніе къ самоубійству, эту «monomanie homicide-suicide», какъ выражаются французы, дѣти пьяницъ роковымъ образомъ наслѣдуютъ отъ своихъ родителей!

Далѣе огромный % самоубійствъ дѣтей зависитъ отъ особенности ихъ натуры легко приходить въ возбужденное состояніе, впадать въ *аффектъ*. Дѣти съ такой нервной организаціей обнаруживаютъ много странностей въ своемъ характерѣ и отличаются особымъ непостоянствомъ въ настроеніи духа: они кажутся то черезчуръ веселыми, то слишкомъ печальными, производятъ впечатлѣніе то способныхъ, то тупицъ. У нихъ-то особенно развита эта болѣзненная чувствительность, благодаря которой они такъ часто находятъ въ окружающей жизни мотивы для самоубійства. То, на что здоровыя дѣти едва обращаютъ вниманіе, для такихъ дѣтей является дѣломъ первостепенной важности. «Чувствительныя души подобныхъ дѣтей,—говоритъ д-ръ Старкъ,—реагируютъ вдвое сильнѣе на каждую обиду, на каждое страданіе». У нихъ состояніе аффекта можетъ быть вызвано самыми разнообразными причинами, напр., физическими страданіями, обусловленными какой-либо болѣзнью, муками голода, ожиданіемъ наказанія за совершенный проступокъ, раскаяніемъ, стыдомъ и т. д. По словамъ д-ра Бера, изъ 979 дѣтей-самоубійцъ, зарегистрированныхъ прусской оффиціальной статистикой въ теченіе 1884—1898 гг., 410 кончили жизнь въ состояніи именно подобнаго аффекта, въ который ребенокъ тѣмъ легче впадаетъ, чѣмъ онъ моложе. По его наблюденіямъ, дѣти до 10-лѣтняго возраста почти всѣ налагаютъ на себя руки подъ вліяніемъ аффекта.

Но въ силу всѣхъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ нами причинъ погибаетъ въ общемъ только меньше половины дѣтей-самоубійцъ; дру-

Digitized by Google

гая-же бо́льшая половина ихъ кончаетъ съ собою подъ вліяніемъ общихъ причинъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и перейдемъ.

Въ ряду ихъ первое мѣсто занимаютъ тяжелыя *матеріальныя условія*, среди которыхъ живетъ большинство дѣтей средняго и особенно низшаго городского населенія. Жизнь въ большихъ городахъ настолько дорога, требуетъ отъ каждаго такой огромной затраты его силъ и способностей, что это не можетъ не отразиться на ребенкѣ. Теперь дѣти, особенно въ бѣдныхъ семьяхъ, созрѣваютъ такъ преждевременно, такъ рано становятся участниками въ борьбѣ за существованіе, что съ полнымъ правомъ можно сказать, что дѣтей теперь нѣтъ. Посмотрите на эту армію маленькихъ работниковъ 15, 12, даже 10-ти лѣтъ, работающихъ на фабрикахъ, заводахъ и въ различныхъ мастерскихъ тяжелымъ, подчасъ изнурящимъ трудомъ, въ потѣ лица своего зарабатывающихъ свой кусокъ хлѣба—развѣ это дѣти? Какихъ невзгодъ, лишеній, а подчасъ и страданій полна ихъ жизнь! Какой тяжелый путь приходится имъ пройти, прежде чѣмъ они выростутъ и завоюютъ себѣ болѣе или менѣе самостоятельное, обезпеченное положеніе! Особенно тяжело положеніе сиротъ или дѣтей, брошенныхъ на произволъ судьбы ихъ родителями, ожесточенными нищетой и горемъ. Въ возрастѣ, когда счастливые товарищи ихъ думаютъ только объ удовольствіяхъ и играхъ, они должны уже задумываться о завтрашнемъ днѣ, ибо, если они этого не сдѣлаютъ, то могутъ очутиться на голой мостовой безъ куска хлѣба и безъ крова. Но не лучше и многимъ дѣтямъ, живущимъ въ своихъ семьяхъ. Нужда заставляетъ ихъ уже въ самомъ нѣжномъ возрастѣ заботиться о серьезной помощи своимъ родителямъ, которые въ большинствѣ случаевъ сами требуютъ ея, обращаясь съ ними жестоко и заставляя ихъ работать сверхъ силъ. Такая жизнь уже рано накладываетъ на этихъ дѣтей свою печать: они выглядятъ не по лѣтамъ серьезными и апатичными, вяло, почти безучастно относятся къ окружающему, не обнаруживая и слѣда той живости, которая такъ свойственна дѣтскому возрасту. И вотъ, подъ вліяніемъ всего этого, у такихъ маленькихъ страдальцевъ часто появляется неотразимое желаніе избавиться какъ-нибудь отъ мученій, которыми полна ихъ жизнь; въ ихъ головкахъ естественно рождается мысль о самоубійствѣ, какъ о возможности прекратить эту невыносимую жизнь, которая не имѣетъ для нихъ ничего отраднаго въ настоящемъ и ничего привлекательнаго въ будущемъ. Соотвѣтственно этому, дѣтскія самоубійства особенно часты въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ съ болѣе или менѣе значительнымъ фабричнымъ населеніемъ, какъ, наприм., въ Лондонѣ, Нью-Іоркѣ, Берлинѣ и другихъ подобныхъ городахъ. Въ послѣднемъ изъ нихъ, какъ вычислилъ д-ръ Беръ, теперь процентъ юныхъ самоубійцъ удесятерился противъ того, что было 60 лѣтъ тому назадъ. Еще болѣе подавляющая цифра получается относительно Лондона. Можно съ положительностью сказать, что чѣмъ промышленнѣе городъ, чѣмъ интенсивнѣе въ немъ фабричное и

Digitized by Google

мѣсленное населеніе, тѣмъ болѣе часты въ немъ и дѣтскія самоубійства. Тяжела доля фабричнаго рабочаго въ такомъ городѣ: заработокъ его въ большинствѣ случаевъ такъ малъ, что его рѣшительно не хватаетъ на прокормленіе семьи, даже если она и не особенно велика. Если же рабочій при этомъ еще пьетъ, то легко представить себѣ тѣ лишенія, ту крайнюю нужду, которую приходится испытывать его семьѣ. Здѣсь разыгрываются иной разъ драмы, которыя трудно представить себѣ. Для примѣра сообщу случай, который приводитъ Вуазенъ. Не могу удержаться, чтобы не передать его цѣликомъ. «Въ Парижѣ,—разсказываетъ Вуазенъ,—проживалъ съ семьей фабричный рабочій Б., впавшій въ крайнюю нищету. 12 лѣтняя дочь его очень страдала при видѣ тѣхъ лишеній, которыя приходилось переносить ея родителямъ. Она часто отказывалась отъ ѣды подъ видомъ будто бы отсутствія аппетита, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы оставить имъ лишній кусокъ. Мало-по-малу у нея созрѣла и укрѣпилась мысль, что родителямъ ея стало бы хоть немного легче жить, еслибъ ея не было на свѣтѣ. Однажды вечеромъ ее послали за чѣмъ-то изъ дому. Она очень нѣжно попрощалась съ отцомъ и матерью, ушла и бросилась въ Сену. Ее спасли...» Ребенокъ, который голодаетъ для того, чтобы оставить лишній кусокъ хлѣба своимъ родителямъ и лишаетъ себя жизни въ надеждѣ, что смерть его хоть немного облегчитъ ихъ положеніе—что можетъ быть трогательнѣе и ужаснѣе подобнаго факта!

Теперь займемся разсмотрѣніемъ *спеціальныхъ причинъ* самоубійства среди дѣтей и прежде всего остановимся на *воспитаніи* ихъ. Воспитаніе ребенка—это одна изъ самыхъ великихъ и трудныхъ задачъ семьи, и кто не знаетъ, какъ дурно ведется оно у насъ въ общемъ. На этотъ счетъ написаны цѣлые томы, и тотъ, кто интересуется даннымъ вопросомъ, найдетъ обильный матеріалъ о немъ не только въ спеціальныхъ педагогическихъ журналахъ, но и въ общей періодической прессѣ, равно какъ и въ ежедневной печати. Здѣсь не мѣсто распространяться о тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ недостаткахъ современнаго воспитанія дѣтей; поэтому мы ограничимся лишь тѣмъ, что отмѣтимъ только самый крупный изъ нихъ, именно недостаточное воспитаніе *воли* и *характера* въ нашемъ подростающемъ поколѣніи. Мы снабжаемъ нашихъ дѣтей массой всякихъ, порой совершенно безполезныхъ имъ знаній, обучаемъ ихъ манерамъ, умѣнью держаться въ обществѣ, преподаемъ имъ уроки необходимаго savoir vivre, не забывая при этомъ ни одной мелочи, но совершенно упускаемъ изъ виду волю, которой нисколько не развиваемъ и не воспитываемъ въ нихъ. Оттого наши дѣти растутъ безхарактерными, неустойчивыми, и самыхъ небольшихъ препятствій, встрѣчаемыхъ ими въ жизни, оказывается обыкновенно достаточно для того, чтобы заставить ихъ искать въ самоубійствѣ единственнаго выхода изъ того или другого положенія. Это отмѣчаетъ и А. Н. Острогорскій, изслѣдовавшій вопросъ о самоубійствѣ дѣтей и юношей пре-

Digitized by Google

имущественно съ психологической точки зрѣнія. «Писатели, говорившіе о самоубійствѣ, особенно среди молодежи,—пишетъ онъ,—чаще всего и главнѣе всего обращаютъ вниманіе именно на тѣ недостатки нашего воспитанія, которые приводятъ юношество къ неспособности и неумѣнію бороться съ жизнью». («Самоубійство, какъ психологическая проблема». Педагогическій Сборникъ 1893 г., февраль, стр. 150). Аналогичныя мысли высказываетъ по этому поводу П. Каптеревъ въ своей статьѣ «О дѣтской лжи» («Русская Школа» 1900 г., № 12, стр. 89), въ которой онъ говоритъ о недостаткахъ современнаго нравственнаго воспитанія дѣтей. «Что касается насажденія въ дѣтяхъ нравственнаго мужества—говоритъ онъ,—то нужно сознаться, что заботы объ этомъ весьма слабы въ современныхъ семьяхъ. О знаніяхъ дѣтей заботятся много, особенно о знаніяхъ языковъ, о дѣтскомъ здоровьѣ хлопочутъ меньше—оно само собой придетъ; о развитіи же нравственнаго мужества почти совсѣмъ не заботятся, даже плохо сознаютъ потребность въ немъ, его важность для нравственнаго всесторонняго развитія дѣтской личности». Вопроса о неудовлетворительности современнаго воспитанія дѣтей, какъ причины многочисленныхъ самоубійствъ среди нихъ, подробно касались многіе изслѣдователи. Такъ Невзоровъ въ своей книгѣ «О самоубійствѣ» говоритъ по этому поводу слѣдующее: «Многимъ нѣкоторыя самоубійства дѣтей кажутся загадочными и непонятными. Но кто правильно смотритъ на дѣло воспитанія молодого поколѣнія и вникаетъ въ характеръ его, тотъ едва ли усмотритъ для себя что-либо непонятное въ такого рода самоубійствахъ. Современная система воспитанія въ большинствѣ случаевъ направлена къ образованію ложнаго взгляда на жизнь. Наше молодое поколѣніе воспитывается такъ, будто жизнь есть храмъ счастія, удовольствія и наслажденій. Дѣтей балуютъ, нѣжатъ, обставляютъ всевозможными удобствами, исполняютъ всѣ ихъ капризы и прихоти, какъ бы безразсудны они ни были. Когда ребенокъ начинаетъ подростать, его начинаютъ обучать разнымъ, нерѣдко глупымъ и смѣшнымъ приличіямъ. Родители радуются успѣхамъ своего дитяти, родные и знакомые предсказываютъ ему успѣхъ въ обществѣ. Но внушаются ли дѣтямъ высшіе принципы жизни, внушаются ли имъ понятія о нравственномъ долгѣ, о высшемъ назначеніи человѣка, о трудѣ его на пользу ближнихъ, о терпѣніи, уступчивости и проч.? Но что же бываетъ результатомъ такого воспитанія? То, что дѣти ростутъ неподготовленными къ борьбѣ съ житейскими невзгодами, гдѣ всего нужнѣе дѣятельная сила воли—сила души, а ужъ никакъ не красивая одежда, модныя слова, изученныя манеры и другіе плоды моднаго свѣтскаго воспитанія. При первой же встрѣчѣ съ суровой дѣйствительностью они впадаютъ въ малодушіе, обнаруживаютъ безхарактерность, слабость воли, легкомысліе и къ полной неожиданности своихъ заблуждавшихся родителей гибнутъ добровольно, оставляя иногда жалкую записку... Самоубійство дѣтей въ наше время

Digitized by Google

есть справедливый обличитель современнаго воспитанія и противъ этого обличенія не могутъ возвысить своего голоса ни родители, ни воспитатели, ибо дѣйствительная жизнь и ея печальныя явленія говорятъ сильнѣе и поучительнѣе всякаго слова» (стр. 83 и слѣд.). Брierръ де-Буамонъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи «Du suicide etc.» также объясняетъ многія самоубійства среди дѣтей дурнымъ воспитаніемъ, которое даютъ имъ. «Приводя ихъ смотрѣть новѣйшія драмы—говоритъ онъ,—дозволяя имъ читать газеты, разсказывая при нихъ исторіи самоубійствъ, полагаютъ въ ихъ сердца зародыши зла и при встрѣчѣ съ незначительными препятствіями они не задумываются умирать добровольно». (Невзоровъ. Op. cit., стр. 85). Другой французскій изслѣдователь Форэ, изучившій вопросъ о самоубійствѣ въ связи съ развитіемъ гипохондріи, также нападаетъ въ своей книгѣ «Du suicide et de l'hypochondrie etc.» на дурное воспитаніе дѣтей, какъ на причину ихъ изнѣженности, неуравновѣшенности и неудовлетворенности въ своихъ желаніяхъ. Онъ находитъ, что наши дѣти уже въ 15 лѣтъ притупляютъ вкусъ ко всему, и подобное слишкомъ раннее знакомство съ жизнью есть, по его мнѣнію, причина тѣхъ нравственныхъ и аффектныхъ пертурбацій, которыя такъ часто заканчиваются самоубійствомъ. «Эти маленькія существа—говоритъ онъ,—не будучи подготовлены къ превратностямъ жизни, при малѣйшемъ несчастіи, при малѣйшей неудачѣ, дѣлаются сумасшедшими или самоубійцами». (Цитир. по Невзорову, стр. 86). Извѣстный нѣмецкій психіатръ Краффтъ-Эбингъ, въ свою очередь, давно уже осудилъ современную систему воспитанія дѣтей и юношества. «Дурно воспитываемыхъ дѣтей,—говоритъ онъ («Нервность и неврастенія», 1900, стр. 14),—приходится особенно часто видѣть въ богатыхъ семьяхъ, гдѣ имъ слишкомъ рано даютъ возможность ознакомиться съ роскошью, театрами, цирками и прочими развлеченіями и удовольствіями. Нужно жить въ большомъ городѣ, чтобы видѣть роскошные дворцы богачей, присмотрѣться къ жизни ихъ обитателей, чтобы понять, какъ сильно нарушаются здѣсь элементарныя правила воспитанія. Посмотрите на этихъ сонныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ въ театрахъ во время представленій, на балахъ и вечерахъ, и у васъ невольно явится вопросъ: «да развѣ это дѣти?» Вышеприведенныхъ мнѣній различныхъ авторовъ достаточно, намъ кажется для того, чтобы всякаго убѣдить, что въ самоубійствѣ многихъ дѣтей виновно то воспитаніе, которое даютъ имъ, — воспитаніе, благодаря которому они растутъ изнѣженными растеніями, не могущими устоять даже противъ малѣйшаго вѣтерка.

Къ воспитанію ребенка въ семьѣ тѣсно примыкаетъ и *воспитаніе его въ школѣ*. Когда-то было распространено мнѣніе, что школа не должна воспитывать, а только обучать. Но тѣ, которые говорили это, забывали поразительную воспріимчивость юношеской и особенно дѣтской натуры даже къ самымъ ничтожнымъ вліяніямъ со стороны това-

Digitized by Google

рищей и учителей. Живая рѣчь послѣднихъ, въ которой не могутъ не отражаться хоть до извѣстной степени ихъ взгляды и убѣжденія, несмотря на то, какъ бы индифферентно они ни относились къ дѣлу воспитанія ввѣренныхъ имъ школьниковъ, примѣры со стороны товарищей, наконецъ, требованіе школы отъ своихъ воспитанниковъ соблюденія извѣстнаго, такъ сказать, нравственнаго кодекса — все это не можетъ не вліять на умъ и душу учащихся. Спрашивается, можно ли говорить послѣ этого объ отсутствіи воспитывающаго вліянія школы, въ стѣнахъ которой школьникъ проводитъ почти половину своей жизни въ извѣстномъ періодѣ ея? Школьный вопросъ, о которомъ у насъ теперь такъ много говорятъ и пишутъ, въ послѣднее время очень выросъ и сталъ вопросомъ, повидимому, первостепенной важности, хотя значеніе его было всѣмъ такъ же хорошо извѣстно прежде, какъ и теперь. Въ настоящее время всѣ уже согласны съ тѣмъ, что школа наша—я говорю исключительно о средней—предъявляетъ къ своимъ воспитанникамъ слишкомъ большія требованія и въ то же время относится къ нимъ сурово, а въ лучшемъ случаѣ индифферентно. Слѣдствіемъ такихъ чрезмѣрныхъ требованій ея является сплошь да рядомъ наблюдаемое переутомленіе и даже истощеніе учащихся, на почвѣ котораго у нихъ развиваются многочисленныя нервныя и психическія разстройства. Это засвидѣтельствовано наблюденіями и изслѣдованіями цѣлаго ряда врачей, какъ иностранныхъ, такъ и русскихъ. Неудивительно, что съ такой расшатанной нервной системой школьникъ способенъ на все и совсѣмъ немного нужно для того, чтобъ вывести его изъ состоянія равновѣсія и довести до самоубійства.

Въ газетахъ отъ времени до времени появляются коротенькія, но въ высшей степени грустныя сообщенія о такихъ безвременно погибшихъ юношахъ и дѣтяхъ, отравившихся, застрѣлившихся, бросившихся въ воду или подъ поѣздъ. Какое тяжелое чувство овладѣваетъ каждымъ при чтеніи этихъ газетныхъ сообщеній! Поражаешься, приходишь въ ужасъ, изъ-за чего только не гибнетъ иной разъ молодая жизнь школьника; изъ-за какой-нибудь неправильно рѣшенной задачи, плохо написаннаго сочиненія или двойки по греческому или латинскому языку. Особенно изъ-за древнихъ языковъ. Правда, теперь классицизму нанесенъ, повидимому, смертельный ударъ—и слава Богу, давно пора!—но измѣнится ли вслѣдствіе этого одного постановка дѣла въ нашей школѣ? Вѣдь переутомленіе учащагося можно вызвать не одними только древними языками.

Но не въ одномъ переутомленіи кроется все зло современной школы. Гораздо важнѣе отношеніе ея къ своимъ воспитанникамъ. Каково это отношеніе? Существуетъ ли между учащими и учащимися та тѣсная, духовная связь, которая должна быть между членами одной и той же семьи? Видятъ ли младшіе члены ея, ученики, въ старшихъ, въ своихъ учителяхъ, истинныхъ наставниковъ-друзей, къ которымъ можно обра-

Digitized by Google

титься за совѣтомъ и поддержкой въ трудную минуту жизни? Увы! Какъ далека отъ этого наша школа! Кто же не знаетъ, что въ ней между учителемъ и ученикомъ нѣтъ ничего общаго, что первому нѣтъ никакого дѣла до той внутренней жизни, какою живетъ второй. Требованіе извѣстныхъ знаній отъ учениковъ, взысканіе и наказаніе ихъ въ случаѣ нарушенія ими установленныхъ правилъ—вотъ къ чему сводится современная школа. И пока это будетъ длиться такъ, пока учащій не будетъ интересоваться хоть отчасти внутреннимъ міромъ учащагося—до тѣхъ поръ онъ будетъ относиться къ нему холодно, бездушно, до тѣхъ поръ будутъ обыденнымъ явленіемъ такіе печальные факты, какъ, напримѣръ, самоубійство гимназиста, которое приводитъ въ своей книгѣ Лихачевъ. Гимназистъ этотъ сидѣлъ уже 2 года въ одномъ и томъ же классѣ и снова не выдержалъ экзамена. Придя домой, онъ застрѣлился, оставивъ слѣдующую записку: «У С. и К. попался 13-й билетъ; начали спрашивать то, чего не проходили, я сказалъ, что этого не проходили. С. выразилъ удивленіе и объявилъ, что преподавателемъ онъ 7 лѣтъ и что всегда спрашивалъ. Обратились къ А. А. объявилъ, что не проходили. Положеніе С.: лгунъ. Тогда С. задалъ вопросъ, который я зналъ: о плотности пара. Видя по началу, что я знаю, не далъ окончить и поставилъ 2, что я видѣлъ. Пораженъ такъ, что, отвѣчая у А., былъ почти безъ ума и ничего не отвѣтилъ, въ году 4—это сущая правда, ни капли лжи. Прощайте папа, мама, прощайте, если былъ... я васъ очень люблю и буду молиться за васъ, если можно...» (Лихачевъ, Op. cit., стр. 237). Всякія комментаріи къ этой запискѣ, конечно, излишни. Но обратите вниманіе на педагога, который не вѣритъ ученику, что «этого не проходили», и называетъ его при всѣхъ публично лгуномъ, представьте себѣ жестокость этого человѣка, когда онъ не даетъ ему говорить о парѣ, «видя по началу, что онъ объ этомъ знаетъ». Что сказать о такомъ педагогѣ?.. Можетъ явиться мысль, не преувеличилъ ли несчастный юноша? возможенъ ли вообще подобный фактъ? Вы, читающіе эти строки, встрѣчали ли вы въ своей жизни такихъ педагоговъ? И если не встрѣчали, то слыхали ли о нихъ? Отвѣчайте, положа руку на сердце... Но намъ скажутъ, что это было давно, что теперь подобные факты не могутъ имѣть мѣста въ школѣ... Такъ ли это? Я позволю себѣ въ такомъ случаѣ сообщить то, что было недавно, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Черниговѣ. «Городъ Черниговъ—читаемъ мы въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ № 286 отъ 18-го октября прошлаго года,—взволнованъ печальнымъ событіемъ: застрѣлился воспитанникъ мѣстной классической гимназіи Маркелисъ, сынъ богача-еврея. Трупъ самоубійцы найденъ въ окрестностяхъ города. Разговорамъ по этому поводу нѣтъ конца. По отзывамъ товарищей, покойный отличался крайне болѣзненно-развитымъ самолюбіемъ, и поводомъ къ его смерти могло послужить оскорбленіе бранью, будто бы нанесенное покойному однимъ изъ

Digitized by Google

педагоговъ. Насколько такое объясненіе вѣрно — сказать трудно, но что нѣкоторые изъ черниговскихъ педагоговъ выражаютъ нерѣдко свое сердечное отношеніе къ учащимся бранью —это, къ сожалѣнію, печальный фактъ». Вотъ вамъ образчикъ «сердечнаго» отношенія къ учащемуся въ наши дни! Конечно, и здѣсь можетъ явиться предположеніе, что въ дѣйствительности дѣло происходило нѣсколько иначе, что печальный фактъ этотъ, быть можетъ, не болѣе, какъ «недоразумѣніе» и т. д. Но вѣдь это только предположеніе, а черниговскій педагогъ, отозвался ли онъ, разъяснилъ ли въ печати это «недоразумѣніе» и опровергъ ли возведенное на него обвиненіе?..

Итакъ, пока не начнется дѣйствительное обновленіе и перерожденіе нашей школы, пока она не перестанетъ быть по отношенію къ своимъ воспитанникамъ злой мачихой, какою была до сихъ поръ, до тѣхъ поръ она—увы—не перестанетъ служить одной изъ причинъ самоубійствъ среди дѣтей и юношей!

Относительно самоубійствъ учащихся у насъ въ Россіи мы находимъ нѣкоторыя весьма скудныя данныя у того же Лихачева (Op. cit.) По его вычисленіямъ (стр. 118), тенденція къ самоубійству учащихся равна за періодъ времени съ 1870 по 1879 г. 327 на 1 милліонъ населенія въ С.-Петербургѣ, и 133 въ Москвѣ. Такимъ образомъ, годовая средняя самоубійства среди учащихся, въ обѣихъ столицахъ вычисленная за 10 лѣтъ, равна 23,0 и значительно превосходитъ годовыя среднія цифры самоубійства среди дворянъ (16,9) и купцовъ (10,6), вычисленныя за то же число лѣтъ. Сравнивая въ этомъ отношеніи Россію съ Австріей, Лихачевъ приходитъ къ заключенію, что «тенденція къ самоубійству русской учащейся молодежи, а по ней надо судить именно по центрамъ просвѣщенія, очень высока и, вѣроятно, не уступитъ тенденціи учащейся молодежи вѣнской» (Стр. 118). Къ приведеннымъ имъ ужаснымъ цифрамъ нельзя, конечно, относиться безразлично, хотя ихъ и слишкомъ мало для того, чтобы сдѣланный изъ нихъ выводъ былъ вполнѣ доказателенъ. У нѣмцевъ статистику самоубійствъ учащихся разработалъ особенно Гутштадтъ. По его даннымъ, въ теченіе 6 лѣтъ съ 1883 по 1888 годъ включительно въ Пруссіи было всего 289 подобныхъ самоубійствъ, изъ числа которыхъ 207 приходится на среднюю и низшую школу, а 82—на высшую. Такимъ образомъ оказывается, что по числу самоубійствъ учащихся мы далеко опередили даже Пруссію, эту «классическую страну самоубійствъ».

Въ 1884 г. знаменитый нѣмецкій ученый Р. Вирховъ, 80-лѣтнюю годовщину со дня рожденія котораго недавно отпраздновалъ весь образованный міръ (кромѣ, впрочемъ, Петербурга), вмѣстѣ съ другимъ ученымъ, проф. Вестфалемъ, пришелъ въ своемъ докладѣ, представленномъ прусскому министерству внутреннихъ дѣлъ, къ заключенію, что число самоубійствъ среди дѣтей школьнаго возраста (10—15 лѣтъ) постоянно возрастаетъ и что оно болѣе чѣмъ удвоилось въ періодъ

Digitized by Google

времени съ 1869 по 1881 г. Сообщеніе это въ свое время надѣлало много шума, и защитники новой школьной реформы, обсуждавшейся въ рейхстагѣ (въ 1889—90 г.), много разъ основывались на данныхъ и выводахъ этихъ почтенныхъ ученыхъ.

Всѣ только что названные изслѣдователи одинаково согласны въ томъ, что самой частой причиной самоубійства дѣтей въ низшей школѣ является страхъ предъ наказаніемъ, а въ средней — невыдержанные экзамены. Значеніе экзаменовъ вообще теперь достаточно выяснено, особенно благодаря трудамъ д-ровъ Козинцева и Игнатьева, основательно изучившихъ вліяніе экзаменовъ на организмъ экзаменующихся. Послѣдній изъ этихъ врачей въ своей обстоятельной работѣ «Вліяніе экзаменовъ на вѣсъ тѣла», появившейся въ 1898 г. говоритъ (стр. 244), что уменьшеніе вѣса тѣла онъ нашелъ въ 79% всѣхъ экзаменующихся, причемъ каждый изъ нихъ терялъ въ среднемъ около 4 ф. По его словамъ, вліяніе экзаменовъ можно сравнить съ тяжелой болѣзнью, влекущей за собой значительное разстройство въ питаніи организма и въ дѣятельности центральной нервной системы. Обычнымъ послѣдствіемъ экзаменовъ д-ра Игнатьевъ и Козинцевъ отмѣчаютъ чрезмѣрное возбужденіе, безсонницу, потерю аппетита и общее безпокойство. При такомъ ненормальномъ состояніи своей нервной системы учащійся долженъ экзаменоваться, то-есть совершать трудъ, требующій максимальнаго напряженія его умственныхъ способностей. Ненормальность подобнаго порядка вещей была сознана только недавно и теперь мало-по-малу начинаютъ отмѣнять экзамены, какъ нѣчто неудовлетворительное въ педагогическомъ отношеніи и вредное съ медицинской точки зрѣнія. Пройдутъ года и можно будетъ доказать наглядно съ цифрами въ рукахъ, что число самоубійствъ среди учащихся уменьшится. Это будетъ служить самымъ краснорѣчивымъ и блестящимъ доказательствомъ въ пользу полнаго упраздненія экзаменовъ, какъ одной изъ причинъ самоубійствъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

Я перехожу къ *самой частой причинѣ* самоубійства дѣтей, именно, къ *дурному обращенію* съ ними. Эта причина является значительно преобладающей исключительно только у насъ въ Россіи, на Западѣ же она далеко не такъ часта, а по мнѣнію Пономарева, даже и совершенно неизвѣстна. Жертвами дурного, а подчасъ и жестокаго обращенія становятся преимущественно дѣти, находящіяся въ ученьи у разныхъ ремесленниковъ и торговцевъ, но нерѣдко и такія, которыя живутъ въ родныхъ семьяхъ. Большинство изъ этихъ дѣтей—сироты, очень рано лишившіяся своихъ родителей или же брошенныя ими на произволъ судьбы. Родственники, а за отсутствіемъ ихъ, и совершенно чужіе люди, напр., сосѣди, становятся въ такихъ случаяхъ распорядителями судебъ подобныхъ дѣтей. Они берутъ ихъ къ себѣ въ качествѣ даровой прислуги, но чаще пристраиваютъ въ какомъ-ни-

Digitized by Google

будь торговомъ заведеніи или отдаютъ въ науку какому-нибудь мастеру, совершенно не думая о судьбѣ ихъ, а стараясь какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ нихъ и сбыть ихъ съ рукъ. Такъ же поступаютъ и тѣ родители, у которыхъ дѣтей много и которые не имѣютъ возможности сами содержать ихъ. Они размѣщаютъ своихъ мальчиковъ и дѣвочекъ по разнымъ мастерскимъ и заведеніямъ, заботясь только объ одномъ, какъ бы избавиться скорѣе отъ лишнихъ ртовъ. Само собою разумѣется, что при этомъ имъ и въ голову не приходитъ думать объ условіяхъ содержанія и обученія своихъ дѣтей, которыя попадаютъ на много лѣтъ въ полное распоряженіе, въ кабалу къ своимъ хозяевамъ и отнынѣ вполнѣ зависитъ не только отъ нихъ, но и отъ произвола его грубыхъ, невѣжественныхъ, вѣчно пьяныхъ мастеровъ и подмастерьевъ. Кто не знакомъ съ тяжелымъ положеніемъ такихъ «учениковъ»? Кто не слыхалъ, какія драмы разыгрываются сплошь да рядомъ въ глухихъ подвалахъ, на чердакахъ и въ другихъ конурахъ, гдѣ ютится мелкій мастеровой людъ? Драмы эти иногда, довольно рѣдко, впрочемъ, становятся достояніемъ суда, и тогда предъ пораженной публикой проходятъ тяжелыя, мрачныя картины существованія такихъ учениковъ и ученицъ, которыхъ справедливѣе всего назвать «страстотерпцами». Загляните въ судебныя хроники, и вы придете въ ужасъ, чего, чего не продѣлываютъ надъ ними ихъ жестокіе хозяева-мучители: они ихъ бьютъ ужаснымъ боемъ, послѣ котораго дѣти по цѣлымъ мѣсяцамъ отлеживаются въ больницахъ, морятъ голодомъ, изнуряютъ самой тяжелой работой, не давая достаточно времени для отдыха и сна—словомъ, всячески истязаютъ ихъ, доводятъ до отчаянія, до бѣгства, до самоубійства! Случаи жестокаго обращенія и истязанія дѣтей, къ сожалѣнію, очень рѣдко доходитъ до суда и до свѣдѣнія Отдѣла Защиты ихъ. Мы говоримъ такъ потому, что объ этомъ Отдѣлѣ знаютъ даже далеко не всѣ изъ интеллигентнаго класса населенія, а что касается простыхъ людей, разныхъ мастеровыхъ и рабочихъ, то о нихъ и говорить нечего. Изъ членовъ этого Отдѣла была составлена въ 1898 году особая комиссія для надзора за положеніемъ малолѣтнихъ работниковъ и учениковъ въ торгово-промышленныхъ и ремесленныхъ заведеніяхъ. Комиссія эта представила Отдѣлу, какъ результатъ своихъ наблюденій, особый докладъ, въ которомъ пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ. «Большинство содержателей ремесленныхъ и торговыхъ заведеній,—читаемъ мы въ этомъ докладѣ (см. Отчетъ Отдѣл. Защит. дѣт.» за 1898 г.,стр. 22, 23 и 24),—руководясь исключительно грубыми личными интересами, большею частью относятся къ своимъ ученикамъ едва ли не какъ къ рабочему скоту, отданному въ ихъ безконтрольное распоряженіе... Къ малолѣтнимъ работникамъ предъявляются требованія, исполненіе которыхъ подъ силу развѣ здоровому взрослому человѣку. Сама статья 431 уст. о промыш., устанавливающая 10-часовой срокъ ежедневной работы, не дѣлаетъ различія между взрос-

Digitized by Google

лыми и дѣтьми; что же касается содержателей мастерскихъ, то почти никто изъ нихъ не соблюдаетъ, по отношенію къ малолѣтнимъ, даже этого, достаточно-таки большого для ребенка срока. Большинство хозяевъ признаетъ 10-часовой трудъ недостаточно для нихъ выгоднымъ и произвольно увеличиваетъ продолжительность дѣтской работы, лишая учениковъ указаннаго послѣобѣденнаго отдыха, какъ о томъ было заявлено членамъ коммиссіи содержателями разныхъ мастерскихъ. Кромѣ обремененія дѣтей работою сверхъ законнаго срока, въ большинствѣ ремесленныхъ заведеній пища малолѣтнихъ частью недостаточна, частью неудовлетворительна по качеству. Для ночлега рѣдко гдѣ можно встрѣтить надлежащія приспособленія; есть цѣлый рядъ ремесленныхъ заведеній, гдѣ дѣти спятъ на верстакахъ или на полу въ томъ же помѣщеніи, въ которомъ втеченіе дня производится работа. Заведенія, гдѣ ученики находятся въ полномъ распоряженіи нетрезвыхъ подмастерьевъ, не сдерживаемыхъ вмѣшательствомъ хозяевъ, не составляютъ рѣдкости, какъ не рѣдкость и то, что усталыхъ и плохо одѣтыхъ дѣтей посылаютъ на дальнія разстоянія съ непосильной ношей... Не лучше, если не хуже положеніе дѣвочекъ, работающихъ въ бѣлошвейныхъ, модныхъ и иныхъ женскихъ мастерскихъ. Тутъ, какъ и въ мужскихъ мастерскихъ, преобладаетъ взглядъ на дѣтей, какъ на дешевую рабочую силу, которую не стоитъ беречь, потому что взамѣнъ одного замореннаго и выбывшаго изъ строя ребенка всегда можно получить другого, свѣжаго... Дѣвочки обременяются работой даже въ бо́льшей степени, нежели мальчики». Вотъ въ какихъ условіяхъ живутъ эти несчастные «ремесленные» ученики и ученицы, которыхъ у насъ въ Петербургѣ насчитывается около 20—25 тысячъ! И это здѣсь, въ столицѣ, гдѣ существуетъ строгій полицейскій и санитарный надзоръ, гдѣ есть Отдѣлъ Защиты дѣтей! Что же дѣлается въ другихъ городахъ, въ глухихъ провинціальныхъ углахъ нашего обширнаго отечества? Кто сосчитаетъ хоть приблизительно эти сотни и тысячи замореннныхъ, забитыхъ дѣтей, которыя ежегодно вѣшаются, топятся, бросаются изъ оконъ на мостовую, чтобы избавиться отъ гнета и мученій, создаваемыхъ для нихъ людской дикостью и жестокостью!? Пономаревъ вычислилъ, что въ Петербургѣ 40% а къ Москвѣ 33% всѣхъ дѣтскихъ самоубійствъ, имѣвшихъ мѣсто въ обѣихъ столицахъ въ теченіе 1869—78 гг., произошли подъ вліяніемъ дурного обращенія.

Въ заключеніе я позволю себѣ привести описаніе слѣдующихъ четырехъ случаевъ, ярко рисующее безотрадное положеніе подобныхъ дѣтей. Первый изъ нихъ относится къ 7 лѣтнему мальчику, сыну Лужской мѣщанки Т. «Въ февралѣ мѣсяцѣ 1898 г.—читаемъ мы въ отчетѣ Отдѣла Защиты дѣтей за 1898 г. на 24 стр.—онъ былъ доставленъ въ Николаевскую дѣтскую больницу со слѣдами жестокихъ побоевъ на всемъ тѣлѣ: его шея, спина и бедра были покрыты широкими кровавыми полосами, а поясница—представляла одинъ сплош-

Digitized by Google

ной кровоподтекъ. Докторъ К., врачъ названной больницы, лечившій мальчика, говорилъ, что онъ не запомнитъ, чтобы видѣлъ когда-либо столь сильно избитаго ребенка. Несмотря на немедленно оказанную ему медицинскую помощь, мальчикъ былъ такъ слабъ и нервно потрясенъ, что отъ него долгое время не могли добиться никакихъ разъясненій. Разслѣдованіемъ, произведеннымъ участковымъ попечителемъ Отдѣла, раскрыта безотрадная картина существованія ребенка. Мать, уходя на цѣлые дни изъ дому на работу, оставляла сына всецѣло на попеченіе квартирной хозяйки и ея 20 л. сына, лицъ неинтеллигентныхъ, грубыхъ и крайне непріязненно относившихся къ ребенку. Трудно описать, какимъ истязаніямъ и мученіямъ подвергался въ эти часы отсутствія матери мальчикъ за малѣйшій проступокъ, за самую незначительную шалость».

А вотъ другая картинка въ томъ же родѣ. «Въ іюлѣ мѣсяцѣ — сказано въ отчетѣ за тотъ же годъ, стр. 29 — въ селѣ Мурзинкѣ по Шлиссельбургскому тракту, на глазахъ у нѣсколькихъ случайно находившихся лицъ, бросилась въ воду дѣвочка, съ цѣлью утопиться. Вытащенная изъ воды въ безсознательномъ состояніи и съ трудомъ возвращенная къ жизни, дѣвочка была доставлена въ полицію, дознаніемъ которой обнаружилось слѣдующее: 12-лѣтняя Наталія Ш... (такъ звали дѣвочку), круглая сирота, была привезена въ прошломъ году изъ деревни Олонецкой губ. односельчаниномъ для помѣщенія ее въ обученіе». Послѣ долгихъ мытарствъ она попала, наконецъ, къ портному С. Жизнь Наташи, какъ это видно изъ показаній свидѣтелей, оказалась здѣсь на столько тяжелой и безотрадной, что она бросилась въ воду съ цѣлью лишить себя жизни.

Третій случай заимствованъ мною у А. Н. Острогорскаго (Op. cit. Педагог. Сборн. 1893 г. янв. стр. 45 и слѣд.) и относится къ 11-лѣтнему мальчику, выбросившемуся на улицу изъ окна 4 этажа, причемъ онъ расшибъ себѣ голову и по дорогѣ въ больницу умеръ. «Нѣкоторыя обстоятельства—пишетъ Острогорскій—обнаружившіяся при этомъ несчастіи, вызвали слѣдствіе, и отецъ мальчика привлеченъ былъ къ отвѣтственности. На судѣ обнаружилась такая картина семейной жизни. Отецъ, имѣя двухъ дѣтей, женился на второй. Мачиха не взлюбила ихъ, особенно мальчика. Нерѣдко она морила ихъ голодомъ, часто доставались имъ побои и отъ нея, и отъ отца, которому она постоянно наговаривала на пасынка. По словамъ сосѣдей родители обращались съ дѣтьми очень жестоко, «по-звѣрски», «хуже, чѣмъ съ собакой». Былъ случай, когда мачиха такъ сильно била пасынка на улицѣ, что дежурный городовой возмутился и хотѣлъ арестовать ее. Видѣли, какъ отецъ, ведя сына домой по лѣстницѣ, толкалъ его ногой и тотъ падалъ лицомъ на каменныя ступени, а когда подымался, родитель повторялъ удары. Разъ, на крики ребенка, сосѣди ворвались въ квартиру и застали тамъ такую возмутительную картину тѣлеснаго истязанія, что послали за

Digitized by Google

полиціей. Въ день несчастья мачиха была недовольна обоими и мальчикомъ, и восьмилѣтней дѣвочкой. Когда она вела ихъ домой, слышали, что она угрожала пожаловаться на нихъ отцу. Обыкновенно передъ экзекуціей мальчика запирали всѣ окна, чтобы не слышно было криковъ пасынка—такъ сдѣлала она и въ этотъ разъ. Услыхавъ звонокъ у дверей, мальчикъ, какъ полагаетъ прокуратура, естественно подумалъ, что явился отецъ и сейчасъ начнетъ его сѣчь и истязать. Не долго думая, ребенокъ подбѣжалъ къ окну, открылъ его и выбросился на улицу. Сбѣжался народъ. Мачиха, выглядывая въ окно, сказала только: «убился, такъ убился». Отецъ же, возвращаясь съ дежурства, (звонилъ не онъ), прошелъ мимо лежащаго на троттуарѣ мальчика, какъ бы не замѣчая его, а по словамъ кого-то изъ стоявшихъ тутъ, сказалъ: «собакѣ—собачья и смерть». Судъ приговорилъ отца къ заключенію въ тюрьмѣ на 6 мѣсяцевъ.

Наконецъ четвертый случай, описаніе котораго я беру изъ «Петербургской Газеты», имѣлъ мѣсто совсѣмъ недавно». 12 ноября прошлаго года — читаемъ мы въ № 312 этой газеты отъ 13 ноября 1901 г.,—скамью подсудимыхъ С.-Петербургскаго окружнаго суда занимала крестьянка Овечкина, обвинявшаяся въ жестокомъ обращеніи съ сироткой, 9-лѣтней дѣвочкой Анисьей Ѳедоровой. Въ ноябрѣ прошлаго года, овдовѣвшій братъ Овечкиной Трофимъ Ѳедоровъ привезъ къ ней двухъ своихъ дѣтей: мальчика лѣтъ 11 и дѣвочку моложе его, прося сестру замѣнить имъ умершую ихъ мать. Дѣти и самъ Ѳедоровъ, бывшій безъ мѣста, поселились у Овечкиной, державшей угловыхъ жильцовъ. Жизнь бѣдныхъ сироткъ у тетки была не сладка. Особенно она не взлюбила маленькую Аню, которую постоянно била: кулаками, ногами, розгами, веревкой, не кормила ее, укладывала спать въ углу комнаты, на холодномъ полу, на тряпкахъ, никогда дѣвочку не мыла. Овечкина настолько безчеловѣчно обращалась съ сироткой, своей племянницей, что нѣкоторые жильцы не могли видѣть такого истязанія беззащитнаго ребенка и выѣхали отъ Овечкиной, но никто не рѣшался заявить объ этомъ, и только случайно открылось это преступленіе. Жившая въ одномъ домѣ съ Овечкиной крест. Гусева сжалилась надъ ребенкомъ и, сама не зная, что съ нею дѣлать, отвела Аню къ жившему въ томъ же домѣ своему знакомому артельщику Ягодину, который, оставивъ ее у себя, заявилъ полиціи. Дѣвочка была освидѣтельствована врачомъ, который констатировалъ цѣлый рядъ кровоподтековъ на тѣлѣ ребенка, ссадины на лицѣ; большая часть волосъ на головѣ была вырвана, а на затылкѣ гноящійся струпъ. На рубашкѣ же оказалось нѣсколько капель свѣжей засохшей крови. Врачъ пришелъ къ заключенію, что дѣвочка, вслѣдствіе плохого питанія, хила и худосочна, и что знаки побоевъ на тѣлѣ ея указываютъ на жестокое обращеніе съ ребенкомъ, которое повліяло и на ея психическое состояніе. Дѣвочка представляется запуганной, забитой и угнетен-

Digitized by Google

ной. Свидѣтели охарактеризовали на судѣ Овечкину женщиной злой, мстительной и къ тому же любившей выпить. Фактъ безчеловѣчнаго обращенія ея съ Аней установленъ ими безспорно. Подсудимая же Овечкина, не признавая себя виновной, говоритъ, что любила дѣвочку, иногда наказывала ее за непослушаніе, но ничуть не жестоко, и все, что говорятъ свидѣтели—ложь. Присяжные засѣдатели признали Овечкину виновной, и судъ приговорилъ ее къ лишенію правъ и къ заключенію въ тюрьму на 1 годъ и 6 мѣсяцевъ».

Я привелъ только четыре подобныхъ случая, а могъ бы привести ихъ цѣлые десятки. Но къ чему? Представьте себѣ этого крошечнаго 7-лѣтняго мальчика, до того избитаго, что д-ръ К., пользовавшій его въ больницѣ и видавшій уже на своемъ вѣку, должно быть, не мало подобныхъ случаевъ, заявилъ, что «онъ не запомнитъ, чтобы видѣлъ столь сильно избитаго ребенка»,—вообразите себѣ истязанія, которымъ подвергала жестокая мачиха своего 11-лѣтняго пасынка, задумайтесь, наконецъ, надъ жизнью обѣихъ несчастныхъ сиротокъ Наташи и Ани, которыхъ и били, и голодомъ морили, и всячески издѣвались надъ ними—и вамъ станетъ понятно, какъ часто подобные маленькіе страстотерпцы должны кончать самоубійствомъ, которое разомъ избавляетъ ихъ и отъ тяжелой доли, и отъ грубыхъ жестокихъ мучителей!

Наша статья была бы недостаточно полна, еслибъ мы не упомянули хоть вкратцѣ о томъ, что въ числѣ причинъ самоубійства дѣтей фигурируетъ также *подражаніе* и *внушеніе*. Извѣстно, что ребенокъ очень склоненъ къ подражанію: все, совершающееся вокругъ него, находитъ тотчасъ же живой откликъ въ его впечатлительной, воспріимчивой душѣ. Самоубійство кого-нибудь изъ родныхъ и знакомыхъ, особенно товарища по играмъ или школьной семьѣ, невольно направляетъ мысли ребенка въ извѣстную сторону, пріучаетъ его думать о самоубійствѣ, какъ о возможномъ исходѣ изъ всякаго затруднительнаго положенія въ жизни... Мы уже видѣли, какъ мало нужно иной разъ, чтобы ребенокъ перешелъ отъ мысли къ дѣлу. Такимъ образомъ, дѣти заражаются отъ окружающихъ самоубійствомъ такъ же, какъ они заражаются въ школѣ другъ отъ друга истеріей, пляской св. Витта и другими нервными болѣзнями. Интересный случай въ этомъ отношеніи сообщаетъ Вуазенъ, котораго мы цитировали уже раньше. Одинъ 11-лѣтній мальчикъ повѣсился, повидимому, безъ всякой причины, нарисовавъ передъ смертью на стѣнѣ 3 креста. Оказалось, что мѣсяцъ тому назадъ точно съ такими же подробностями повѣсился его дядя. Подобный же случай приводитъ и Дюранъ-Фардель. Онъ касается одного 12-лѣтняго мальчика, присутствовавшаго на похоронахъ другого мальчика, неизвѣстно по какой причинѣ повѣсившагося. Идя за гробомъ своего товарища, онъ нѣсколько разъ повторялъ одному изъ шедшихъ рядомъ съ нимъ мальчиковъ, что ему также при-

Digitized by Google

шла въ голову мысль повѣситься. И дѣйствительно, спустя 4 дня, онъ привелъ свое намѣреніе въ исполненіе.

Что касается самоубійствъ дѣтей подъ вліяніемъ внушенія, то они довольно рѣдки и въ происхожденіи ихъ большую роль играютъ, по мнѣнію проф. Шпейера, газеты, которыя безконечно повторяютъ исторіи самоубійцъ со всѣми мельчайшими подробностями ихъ, наталкивая такимъ образомъ ребенка, который слышитъ все это, на мысль о самоубійствѣ. Кромѣ этого, извѣстны случаи, когда дѣти лишали себя жизни подъ вліяніемъ непосредственнаго внушенія со стороны взрослыхъ. Такой случай сообщаетъ въ своей книгѣ «О самоубійствѣ» Невзоровъ. Въ Марсели одна бонна уморила себя голодомъ, уговоривъ къ той же насильственной смерти и свою 14-лѣтнюю воспитанницу (стр. 1) Ломброзо по поводу подобныхъ самоубійствъ говоритъ слѣдующее: «Особый видъ самоубійства женщинъ—это смерть матери одновременно съ ея дѣтьми подъ вліяніемъ нищеты или какого-нибудь крупнаго несчастья... Если ребенокъ слишкомъ юнъ, чтобы быть независимымъ отъ матери, но въ то же время настолько зрѣлъ, что можетъ подчиниться вліянію внушенія, то мать старается подговорить его умереть добровольно вмѣстѣ съ нею. Гарнье сообщилъ два случая, въ которыхъ матери двухъ мальчиковъ, 10 и 13-лѣтняго возраста, убѣдили ихъ покончить съ собою вмѣстѣ съ ними» («Женщина-преступница», стр. 391).

Наконецъ, мотивомъ самоубійствъ у дѣтей является въ очень рѣдкихъ случаяхъ желаніе *отомстить*, причинить огорченіе, непріятность своимъ окружающимъ за какое-нибудь несправедливое, по ихъ мнѣнію, наказаніе или обиду. Коллино сообщаетъ объ одномъ 12-лѣтнемъ воспитанникѣ школы, который повѣсился въ отместку своимъ родителямъ за то, что они наказали его, заставляя вернуться назадъ въ школу, чего онъ совсѣмъ не желалъ. Передъ смертью этотъ юный самоубійца оставилъ записку, въ которой подробно изложилъ причину, доведшую его до самоубійства. Другой мальчикъ, по словамъ того же автора, покончилъ съ собой потому, что родители черезчуръ сильно наказали его, желая непремѣнно заставить его попросить прощенія, чего юный упрямецъ ни за что не хотѣлъ сдѣлать. Поэтому, Коллино совѣтуетъ быть осторожнымъ въ выборѣ наказаній и никогда не доводить дѣтей до изступленія.

Таковы въ общихъ чертахъ причины, чаще всего доводящія дѣтей до самоубійства. Нѣкоторыя изъ этихъ причинъ лежатъ въ основѣ дѣтской натуры, другія являются продуктомъ цивилизаціи и тѣхъ тяжелыхъ условій, въ которыхъ живетъ большинство человѣчества. Но самая главная изъ нихъ кроется въ грубости и жестокости человѣческаго сердца!

Заканчивая настоящую статью, мы должны остановиться еще на слѣдующихъ вопросахъ: въ какомъ *возрастѣ* чаще всего совершаются

Digitized by Google

дѣтьми самоубійства? Для этого сопоставимъ данныя, добытыя Дюранъ-Фарделемъ и Морзелли *) во Франціи относительно 260 юныхъ самоубійцъ съ результатами изслѣдованій д-ра Мангеймера **) въ Германіи, касающимися 395 дѣтей и мы получимъ слѣдующую таблицу:

Возрастъ.	ЧИСЛО САМОУБІЙЦЪ: По Д.-Фарделю и Морзелли.	По Мангеймеру.
5 лѣтъ	1	—
7 »	8	2
8 »	3	6
9 »	6	5
10 »	8	13
11 »	16	20
12 »	17	41
13 »	44	61
14 »	63	106
15 »	94	141

По даннымъ англійской статистики, оказывается, что среди дѣтей было самоубійствъ на 1 милліонъ населенія:

Въ теченіе.	Въ возрастѣ до 10 лѣтъ.	Въ возрастѣ до 15 лѣтъ.
1861—70 гг. . . .	4	29
1871—80 » . . .	3	35
1881—90 » . . .	3	31

Изъ приведенной выше таблички (д-ръ Беръ, стр. 8), равно какъ изъ этихъ данныхъ слѣдуетъ, что число самоубійцъ растетъ съ ихъ возрастомъ и что наибольшія цифры даютъ дѣти 13—15 лѣтъ. Въ этомъ возрастѣ они начинаютъ жить болѣе самостоятельной, а стало быть, и болѣе тяжелой и отвѣтственной жизнью, которая даетъ имъ и больше мотивовъ для самоубійства. Нѣкоторые изслѣдователи отмѣчаютъ случаи самоубійства дѣтей 5—4-лѣтняго возраста, но такіе случаи врядъ ли можно назвать дѣйствительными самоубійствами въ смыслѣ намѣреннаго желанія прекратить свое существованіе. Д-ръ Беръ сообщаетъ даже случай покушенія на самоубійство со стороны ребенка 3½ лѣтъ, который въ отсутствіе своихъ родителей снялъ съ занавѣсъ шнурокъ и повѣсился на окнѣ. Ребенокъ былъ во время усмотрѣнъ и спасенъ. «Дитя это,—говоритъ онъ,—какъ-то выразилось, что повѣситься, должно быть, очень интересно и едва не совершило самоубійства конечно не сознавая того, что оно дѣлаетъ» (Op. cit, стр. 19).

Что касается того, какой *полъ*, мальчики или дѣвочки, чаще лишаетъ себя жизни, то по даннымъ прусской офиціальной статистики

*) «Обозрѣн. Психіатр.», янв. 1899 г. Статья д-ра Лебедева, «Случай самоубійства».

**) Д-ръ Беръ. Op. cit, стр. 8.

Digitized by Google

оказывается, что изъ 1.708 дѣтей, покончившихъ съ собою теченіе 1869—1878 гг., было: мальчиковъ—1.346, или 79% всѣхъ самоубійцъ, а дѣвочекъ—362, или 21%, т.-е. первыхъ было почти въ 4 раза болѣе, нежели вторыхъ. По наблюденіямъ д-ра Принцинга, въ Италіи на 50 юныхъ самоубійцъ приходилось въ 1870—1879 гг. мальчиковъ 41 и дѣвочекъ 9, а въ теченіе 1880—1888 гг. первыхъ 33 и вторыхъ 12, т.-е. мальчиковъ было также въ 4 раза больше, нежели дѣвочекъ. Нѣсколько иныя цифры добылъ для обоихъ половъ англійскій изслѣдователь Винъ - Вискоттъ, который нашелъ, что мальчики по частотѣ самоубійствъ только немногимъ превосходятъ дѣвочекъ и что отношеніе между тѣми и другими выражается отношеніемъ 5 : 4. Наконецъ, д-ръ Рейфишъ пришелъ даже къ противоположному заключенію, именно, что самоубійства среди дѣвочекъ встрѣчаются чаще, чѣмъ среди мальчиковъ и что отношеніе ихъ другъ къ другу выражается цифрами 110 : 100. Больше всего данныхъ по этому вопросу собралъ, повидимому, д-ръ Эммингаузъ, составившій слѣдующую таблицу, которая обнимаетъ различные періоды времени и гдѣ самоубійства дѣтей распредѣлены по отдѣльнымъ государствамъ. По этой таблицѣ оказывается, что на 1 милліонъ населенія приходилось дѣтей-самоубійцъ до 16-лѣтняго возраста:

		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.
Въ Швеціи	1847—55 гг.	3,5	0,9
» Даніи	1867—71 »	28,0	3,0
» Пруссіи	1869—72 »	10,8	2,0
» Пруссіи	1873—75 »	10,5	3,2
» Саксоніи	1847—58 »	9,6	2,4
» Бельгіи	1840—49 »	1,5	0,0
» Франціи	1835—44 »	2,2	1,2
» Франціи	1851—60 »	3,6	1,6
» Австріи	1852—54 »	3,7	0,3
» Италіи	1872—76 »	3,2	1,0
» Англіи	1861—70 »	4,0	3,0

(«Обозрѣн. Психіатріи», январь 1899 г.).

Мы видимъ отсюда, что наибольшія цифры дѣтскихъ самоубійствъ дали Данія, Пруссія и Саксонія и что отношенія между обоими полами колеблется въ различныхъ странахъ въ предѣлахъ отъ 1,3 : 1 до 9,3 : 1.

Въ заключеніе два слова о томъ, какой *родъ смерти* предпочтительно избираютъ юные самоубійцы. Оказывается, что въ этомъ отношеніи между мальчиками и дѣвочками существуетъ рѣзкая разница: въ то время, какъ у мальчиковъ, по даннымъ д-ра Бера, изъ 100 самоубійцъ:

вѣшаются около..... 60%
топятся около..... 16 »
бросаются съ высоты около.... 13 »
и стрѣляются около..... 11 »

Digitized by Google

у дѣвочекъ, напротивъ, утопленіе преобладаетъ надъ другими родами смерти, а за нимъ по частотѣ идутъ прыганье изъ оконъ на мостовую и самоповѣшеніе. Въ этомъ отчасти сказывается разница между характерами обоихъ половъ.

Мы кончили и спрашиваемъ себя, каковы тѣ выводы, къ которымъ мы можемъ придти на основаніи собранныхъ нами данныхъ? Что слѣдуетъ сдѣлать, чтобы остановить все болѣе и болѣе возрастающую прогрессію дѣтскихъ самоубійствъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ таковъ: самоубійства дѣтей уменьшатся: 1) когда уменьшится пьянство, благодаря которому потомство алкоголиковъ является на свѣтъ съ зачатками всевозможныхъ нервныхъ и душевныхъ болѣзней; 2) когда измѣнится система современнаго воспитанія дѣтей въ семьѣ и когда переродится наша школа, и 3) когда правительство и общество соединятся вмѣстѣ, чтобы оградить дѣтей отъ непосильнаго труда на фабрикахъ и заводахъ и особенно улучшить положеніе тѣхъ изъ нихъ, которыя находятся въ обученіи у различныхъ ремесленниковъ. Будемъ желать, чтобы скорѣе настали эти счастливыя времена, а пока пусть каждый изъ насъ проникнется состраданіемъ къ этимъ маленькимъ невиннымъ жертвамъ и пусть дѣлаетъ все, что онъ можетъ словомъ и дѣломъ для облегченія ихъ участи. Это нашъ священный долгъ передъ дѣтьми: подъ вліяніемъ какой бы причины они ни умирали, вѣдь въ сущности мы, взрослые, виновны въ ихъ смерти! Вы помните Гётевское письмо самоубійцы. Я перефразирую его и влагаю въ уста ребенка-самоубійцы слѣдующія слова: «Я иду къ моему Отцу и буду Ему жаловаться на то, что злые люди заставили меня наложить на себя руки. Мнѣ было такъ нехорошо, такъ тяжело жить съ ними! Но я буду молиться передъ престоломъ Всевышняго объ этихъ злыхъ людяхъ. Я буду просить Его, чтобъ Онъ смягчилъ ихъ сердца, чтобъ Онъ сдѣлалъ ихъ добрѣе и ласковѣе къ маленькимъ беззащитнымъ дѣтямъ...»

Д-ръ Григорій Гордонъ.

С.-Петербургъ.

Digitized by Google

ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ.

Съ польскаго.

Повѣсть Г. Даниловскаго.

Перев. А. И Я-ъ.

(*Продолженіе* *).

Вѣсть о возвращеніи молодой барыни и смерти «панича», какъ всегда называли Виктора, быстро разлетѣлась по Кленову и произвела не малое впечатлѣніе, въ особенности среди старшихъ изъ прислуги.

Янъ и панъ Боровскій были окончательно растроганы и припоминали все, что имъ въ свое время натворилъ ихъ любимецъ.

Ключница доказывала, что она уже давно предчувствовала такой конецъ, а въ особенности послѣ того, какъ въ шкафу доска треснула, она была убѣждена, что случится что-нибудь дурное, только не хотѣла говорить.

До дѣтей тоже дошло это извѣстіе черезъ Игнася, которому панна Флорентина, хотя и не знавшая Виктора, съ плачемъ, доходящимъ до спазмъ, торжественно сообщила о кончинѣ отца.

Игнась имѣлъ о сущности смерти немногимъ худшее понятіе, чѣмъ взрослые; зналъ, что это вещь необыкновенная, на которую не такъ легко собраться съ духомъ, и забытый за послѣднее время отецъ, благодаря этому необыкновенному шагу, выросъ въ его глазахъ до небывалыхъ размѣровъ.

Съ нѣкоторою гордостью подѣлился онъ этимъ необычайнымъ приключеніемъ отца съ Аврелей, которая приняла это извѣстіе съ надлежащимъ удивленіемъ.

И весь мракъ, невѣдомая печаль, которые запали въ душу Игнася при ближайшемъ столкновеніи со смертью, быстро были затканы мишурою честолюбиваго удовлетворенія, вызваннаго разницею въ положеніи его маленькой личности передъ остальными.

Причинъ этой разницы онъ не сознавалъ, также какъ и не могъ вполнѣ ясно понять, отчего это всѣ его лелѣютъ и называютъ полусироткой, но онъ догадывался, что все это находится въ тѣсной связи

*) См. «Міръ Божій», № 3, мартъ 1902 г.

Digitized by Google

съ послѣднимъ поступкомъ отца. И вмѣстѣ съ удивленіемъ передъ отцомъ родилось въ немъ несмѣлое чувство трогательной благодарности къ нему, нѣкоторое наивное благоговѣніе передъ его памятью.

Такимъ образомъ ребенокъ принялъ извѣстіе о смерти Виктора совершенно иначе, чѣмъ взрослые, съ благодарнымъ умиленіемъ и спокойно, въ то время какъ въ ихъ сожалѣніяхъ мелькала тѣнь какой-то особой обиды, точно онъ былъ виноватъ передъ ними, и если это не проявлялось открыто въ словахъ, или даже въ мысляхъ, то тѣмъ не менѣе существовало въ огорченномъ сердцѣ и давало соотвѣтствующій оттѣнокъ словамъ и мыслямъ.

— Ну, что-жъ дѣлать, такова воля Божья! Кто знаетъ, можетъ быть это и лучше...

— Конечно! — печально вздыхалъ панъ Игнатій, причемъ ему по временамъ было какъ-то не по себѣ, точно онъ стыдился и понималъ, что, говоря такъ, причиняетъ брату какое-то оскорбленіе.

И въ самомъ дѣлѣ, чтобы облегчить свое самочувствіе, оба уменьшали значеніе понесенной утраты, умаляя тѣмъ самымъ значеніе угасшаго существованія.

Чувства ихъ по отношенію къ смерти Виктора радикально отличались отъ чувствъ Игнася, въ глазахъ котораго смерть подняла личность отца на таинственную высоту, упрочила и, какъ благоухающій бальзамъ охраняетъ бренное тѣло, предохранила отъ разсѣянія въ прахъ всѣ обрывки воспоминаній, которые до сихъ поръ таились въ глубинѣ его души.

Вообще вѣсть, привезенная Марыней, была для обоихъ супруговъ ударомъ, не столько чувствительнымъ, сколько внезапнымъ и благодаря этому оглушительнымъ.

Послужили этому различныя обстоятельства. Прежде всего они въ теченіе двухъ лѣтъ не видѣли Виктора, и не смотря на это, пока существовали заботы и хлопоты о немъ, братняя привязанность не только не слабѣла, а даже укрѣплялась отъ волненій безпокойства.

Позднѣе, когда въ концѣ концовъ все рѣшилось, переболѣвъ испытанныя огорченія, они начали примиряться съ судьбою, жизненность чувствъ къ брату начала блѣднѣть въ ихъ сердцахъ, какъ въ глазахъ блекнутъ цвѣта удаляющагося предмета. Ихъ потрясалъ не ужасъ смерти, а только эхо его.

Они не видѣли ступеней страданія, по которымъ эта жизнь нисходила въ ничто, содрагаясь предъ нимъ, не видѣли синевы трупа, могильной ямы, быстраго мелканія лопатъ, торопливо засыпающихъ могилу; они не знали даже, какъ это произошло и когда именно.

Все это, безъ сомнѣнія, притупило остроту нежданнаго удара, хотя, съ другой стороны, отсутствіе всякихъ подробностей о смерти Виктора производило впечатлѣніе нѣкоторой неудовлетворенности, пробуждало въ чувствахъ жажду острой приправы къ омрачающей ихъ печали.

Digitized by Google

Они оба испытывали это, въ особенности Бэля, которая положительно теряла голову.

Деликатность не позволяла допрашивать Марыню, нужно было ждать пока она сама не разскажетъ; а она упорно молчала. Къ тому же во всемъ поведеніи Марыни было что-то не поддающееся опредѣленію, какая-то неприступность, которая разрушала всякую надежду на выясненіе подробностей.

На этомъ кончился ихъ первый разговоръ.

Къ обѣду снова всѣ собрались. Марыня заняла свое прежнее мѣсто у стола.

Въ ней незамѣтно было ничего особеннаго: она исхудала, какъ люди, потерявшіе почву подъ ногами, была немного небрежно причесана и черезчуръ спокойна. Ѣла, можетъ быть, даже больше, чѣмъ когда-либо, но какъ-то иначе: то медленно, машинально, точно въ разсѣянности, съ остановками, уставившись передъ собой, то снова при звукѣ тарелокъ, съ нервной торопливостью, оглядываясь въ ту сторону откуда раздавался звукъ.

Молчала, какъ, впрочемъ, и всѣ остальные, не исключая и дѣтей, живость которыхъ была парализована и тяжелымъ настроеніемъ старшихъ, и взглядами Бэли—суровыми, наказывающими каждую попытку къ шалости, и панны Флорентины—безнадежно-грустными.

И вотъ они сидѣли тихо, покачивая подъ столомъ нетерпѣливыми ножками и подражая старшимъ, удерживали одинъ другого жестами, строя серьезныя мины или упорно всматриваясь нѣсколько боязливыми глазами прямо въ лицо Марыни, которая относилась совершенно безразлично къ этимъ взглядамъ и всей сдержанности, господствовавшей главнымъ образомъ, изъ-за нея.

Бэля понимала, что хотя бы изъ-за одного присутствія прислуги, бонны и дѣтей за обѣдомъ ничего изъ разговора не выйдетъ, но зато она разсчитывала на послѣобѣденную бесѣду, которая обыкновенно происходила въ маленькой гостинной.

И когда они втроемъ очутились тамъ, ею овладѣло сильное волненіе; дрожащими руками разлила она чай и, минорно настроенная, со вздохомъ искренней печали усѣлась и ожидала.

Игнатій тоже безпокоился, была даже такая минута, когда ему хотѣлось убѣжать, но какая то посторонняя сила удержала его въ глубинѣ кресла.

Марыня между тѣмъ машинально мѣшала серебряной ложечкой въ стаканѣ, точно ей было страшно нужно, чтобы сахаръ скорѣе растаялъ, и, казалось была, погружена исключительно въ это занятіе.

Вскорѣ Бэля инстинктивно угадала, что и эта минута, такъ располагающая ко всевозможнымъ изліяніямъ, пройдетъ безрезультатно, что эта «непроницаемая мумія» ничего не видитъ кромѣ стакана чаю, который надо выпить, ибо онъ стоитъ уже давно передъ ней, и все

Digitized by Google

ея расположеніе, сочувствіе къ Марынѣ, которымъ она была преисполнена, рушилось подъ вліяніемъ остраго чувства враждебнаго раздраженія.

Въ то же время желаніе добиться своего достигло невѣроятныхъ размѣровъ. Бэля была готова насильно проникнуть въ душу Марыни, хотя еще ясно отдавала себѣ отчетъ, что это грубо и безчеловѣчно.

Съ горечью въ сердцѣ, пристыженная своимъ поведеніемъ, Бэля посидѣла для виду еще минуту, затѣмъ поспѣшно ушла...

Въ тотъ же день къ вечеру явился Постанскій.

Смерть Виктора, какъ оказалось, не была для него неожиданностью, а потому онъ принялъ это извѣстіе съ отталкивающимъ спокойствіемъ.

— Этого надо было ожидать,—говорилъ онъ,—онъ уѣхалъ отсюда уже достаточно подорванный. Должно быть, ему немного было нужно, если ужъ доктора взялись за него.

— Что онъ скоропостижно умеръ?—спросилъ Постанскій, подавляя жесткость тона, которая постепенно стала слышаться въ его голосѣ.

На лицѣ Бэли отразилось сильное смущеніе.

— Что, видишь!—точно съ упрекомъ обратилась она къ мужу.

— Вы спрашиваете, а мы и сами, какъ въ потьмахъ!

— Да, да, докторъ, даже непріятно сознаваться. что мы ничего не знаемъ, ничего, ни какъ, ни когда? ну ровно ничего, умеръ и баста! Хоть бы словечко промолвила, а то либо спитъ, либо шатается по угламъ, какъ тѣнь ходячая, или сидитъ и молчитъ, какъ пень!

— Бэля!—старался удержать жену Игнатій тономъ выговора.

Но она уже не могла удержатся.

— Отстань!—перебила она возбужденно.—Если она этого не понимаетъ, такъ это еще можно какъ-нибудь объяснить, но ты, кажется, долженъ былъ бы понять, что кто-кто другой, а мы то ужъ имѣемъ право, и даже обязаны требовать, чтобы насъ соблаговолили посвятить въ таинственную обстановку этого несчастья...—

Тутъ Бэля размашистымъ движеніемъ руки указала на дѣтвору, выбѣжавшую изъ-за кустовъ подстриженной акаціи: первымъ, изображая зайца, выскочилъ что было силъ коренастый Зыгмусь, за нимъ съ пискомъ, изображая преслѣдующихъ собакъ, выбѣжалъ потный, толстый Мечиславъ и Аврелія съ растрепанными локонами, волоча сзади за руку трехлѣтняго Апуся, а позади спѣшила большими шагами панна Флорентина въ сдвинутой на затылокъ шляпѣ, крича съ испуганнымъ лицомъ:

— Pas si vite, enfants! pas si vite!

— Où est Игнась?—спросила Бэля, подумавъ о немъ въ данную минуту.

Digitized by Google

— Madame lui change l'habit!—отвѣтила бонна, исчезая на поворотѣ аллеи.

— Такъ, значитъ, ребенкомъ все-таки занимается!—угрюмо пробормоталъ Постанскій, сердито нахмуривъ лобъ.

— Очевидно!—отвѣтила Бэля.—Хотя послѣ мѣсяца разлуки съ единственнымъ сыномъ...

— Двадцати двухъ дней только...—поправилъ Игнатій.

— А, ты всегда...—разбѣжалась было Бэля и умолкла, такъ какъ передъ верандой показался Игнась; на немъ были темные панталоны до колѣнъ и цвѣтная блузка съ матросскимъ воротникомъ; слегка покраснѣвшія вѣки и засморканный носъ свидѣтельствовали, что онъ недавно плакалъ.

— Тетя, гдѣ всѣ?—оживленно спросилъ Игнась, нетерпѣливо потирая выступающею косточкою одной ноги худую исцарапанную икру другой, и не дожидаясь отвѣта, услышавъ отдаленный шумъ, крикнулъ тоненькимъ дискантомъ:

— Гопъ, гопъ!—подскочилъ вверхъ и помчался во всю прыть въ ту сторону, высоко задирая маленькія грязныя пятки.

По близости раздался тихій, жалобно зовущій стонъ, точно упрекъ:

— Игнась!—и угасъ такъ же быстро, какъ и появился. Докторъ, Игнатій и Бэля, какъ по командѣ, обернулись въ ту сторону.

Это былъ голосъ Марыни.

Въ черномъ платьѣ, неровнымъ, заплетающимся шагомъ, точно задѣвая за невѣдомыя преграды, съ слабымъ румянцемъ на блѣдныхъ щекахъ, приблизилась она къ верандѣ и остановилась, окруженная свѣтло-зеленой рамой нѣжныхъ листьевъ вьющагося винограда.

Она положила тонкія руки на деревянную балюстраду, судорожно сжимая маленькіе вытянутые пальцы, которые казалось дрожали и костенѣли поперемѣнно.

Медленно поворачивая голову, она переносила поочередно съ лица на лицо свои огромные неподвижные глаза, измученные, какъ будто ушедшіе въ глубь ея самой, и подернутые мглою продолжительнаго жара, старательно приглядывалась къ каждому изъ присутствующихъ, точно видѣла ихъ всѣхъ въ первый разъ.

Наступила для всѣхъ невыносимо тяжелая минута: Игнатій не могъ вынести этого блуждающаго взгляда; Постанскій выдержалъ его до конца, но какъ только отвернулись эти глаза, его зрачки помутились и бѣлки налились кровью, точно отъ чрезмѣрнаго усилія; Бэля отступила сразу, опуская вѣки...—

Она вдругъ повернулась и пошла шатаясь въ садъ. Подъ облегающимъ ее лифомъ были видны вздрагивающія по временамъ лопатки, а среди гробовой тишины долетали не то рыданія, не то кашель, что-то вродѣ жалобнаго всхлипыванія раскричавшагося ребенка.

Она исчезла въ кустахъ, а на верандѣ все еще царило молчаніе.

Digitized by Google

Бэля блѣдная и чудно-прекрасная лежала въ садовомъ креслѣ съ полуоткрытымъ ртомъ и откинутой назадъ головой. Игнатій, опершись обѣими руками о скамейку, точно силясь встать съ мѣста, тяжело дышалъ.

Въ углу у столба, обвитаго толстой виноградной лозой, стоялъ безъ движенія, какъ статуя, громадный Постанскій...—

Въ этотъ страшный часъ въ сердцѣ Марыни дрогнули впервые роковые завитки навертывавшейся съ минуты смерти Виктора пружины страданія, и, хватаясь зубцами за зубцы, задвигались зубчатыя колеса безжалостной пытки.

Ея существо, насквозь проникнутое холодомъ, пахнувшимъ изъ этой могилы, вдругъ точно застыло, и все теченіе ея внутренней жизни остановилось на мѣстѣ.

Она доѣхала до Кленова точно въ летаргическомъ снѣ, а въ напряженномъ мракѣ ея души все время оставалось что-то непонятное, какъ будто неподвижное чудовище ночи, окоченѣвшее отъ ужаса, гипнотизировало всѣ силы ея разсудка монотоннымъ шопотомъ: «Викторъ умеръ»!

И вотъ вдругъ, подъ вліяніемъ мелкихъ на взглядъ побужденій, въ теплѣ знакомой среды, растаяла и лопнула кора окоченѣнія; душа Марыни содрогнулась до основанія, и все въ ней задвигалось, какъ ледъ во время оттепели.

Погруженныя во мракъ, застывшія впечатлѣнія растаяли и всплыли наружу въ формѣ картинъ еще болѣе пронизывающихъ, чѣмъ сама дѣйствительность, ибо каждую черту контура выдѣляла теперь до мельчайшихъ подробностей трепетная кисть обостреннаго сознанія, а яркость окраски насыщалась живой кровью наболѣвшаго чувства.

Викторъ умеръ,—эта мысль была какъ крестъ во главѣ вереницы страшныхъ видѣній,—крепа, гроба, печальныхъ жалобъ колокольнаго звона, миганія дымящихся свѣчей, мрачнаго стона requiescat. Медленно охвативъ всѣ ея мысли, погребальное шествіе начинало осторожно опускаться, шагъ за шагомъ—какъ въ катакомбы — въ подземелья ея души, глубже и глубже, наполняя угрюмымъ шумомъ и свѣтомъ эти самые таинственные закоулки человѣческаго существа, такіе чувствительные и робкіе, что эхо шопота вселяетъ уже тамъ тревогу, слабый отблескъ ранитъ, а блескъ разжигаетъ эти раны.

Наконецъ, гдѣ-то, передъ недоступной разсѣлиной все остановливалось, поворачивало назадъ и снова возвращалось.

И снова, и снова, въ сотый разъ потухали передъ глазами и покрывались остекливщимся блескомъ эти единственные зрачки; надъ выхваченнымъ изъ объятій дорогимъ тѣломъ на вѣки захлопывалась съ трескомъ гробовая доска, у подножія пропасти разверзалась земля и словно въ омутъ мученій, она сама бросалась внизъ, разбивая сердце объ этотъ гробъ.

Digitized by Google

Умеръ! — точно разбушевавшіяся струны арфы, разомъ тронутыя однимъ ударомъ, вздрагивали при этой мысли мельчайшія волокна ея мозга и разрѣшались такимъ потрясающимъ аккордомъ, что голова готова была каждую минуту разлетѣться на части.

И когда отчаяніе достигало наивысшихъ предѣловъ, приступъ ужасныхъ страданій понемногу терялъ свои силы.

Надъ всѣмъ ея моральнымъ существомъ распростерлась тяжелая, давящая какъ свинецъ печаль; душа ея наполнялась мертвящей тишиною, какая господствуетъ подъ мрачною сѣнью костела передъ Пасхой, когда угасаетъ вѣчная память жертвенной муки, алтарь любви низверженъ, а подъ нимъ лежитъ въ гробу снятый со креста, убитый Богъ, обнаженный и израненый.

Однако, среди этой таинственной тишины въ душѣ Марыни все время раздавался отдаленный гулъ глухой скорби, какой долго еще звучитъ въ большихъ трубахъ органа, хотя уже давно на немъ перестали играть, и бродило безпокойное предчувствіе, что въ этомъ глухомъ шумѣ таится какой-то ужасный звукъ, который только того и ждетъ, чтобы разразиться, какъ громъ, скрытый во мракѣ тучи.

И въ самомъ дѣлѣ, едва успѣвало появляться нѣжное волненіе, успокаивающее воспоминаніе, робкая мечта — въ отвѣтъ раздавалось: *нѣтъ* или *никогда* и все это разрушалось въ прахъ.

Тогда напрягались до крайнихъ предѣловъ всѣ инстинкты ея существа, чтобы оттолкнуть эти ужасныя слова, и всѣ силы разсудка, чтобы охватить и понять ихъ непостижимый смыслъ.

Но тщетны были эти попытки.

Не будучи въ силахъ ни поглотить, ни выбросить за предѣлы мыслей и чувствъ того, противъ чего возставало все ея существо, Марыня до тѣхъ поръ боролась сама съ собою, пока, послѣ тернистой дороги болѣзненно-горькихъ уступокъ, не заключила чего-то въ родѣ перемирія.

Сознавъ безплодность абсолютнаго сопротивленія, она допустила вторгнуться въ свою душу черезъ какую-то брешь разрушительнымъ началамъ, основаннымъ на убѣжденіи, что образъ, любимый всѣмъ пыломъ пламенной страсти, ужъ не живетъ, и съ болѣзненнымъ смиреніемъ чувствовала, какъ эти «нѣтъ» и «никогда», точно истребительный мечъ или огонь, пожирающій до тла, разрушаютъ обильный вертоградъ ея любви, который часто, въ ночи полныя ожиданій, вздымался къ этому единственному избраннику ея чувствъ.

И по мѣрѣ того, какъ исчезали физическіе элементы ея любви къ Виктору, тѣлесная оболочка его какъ-то затуманивалась въ ея воображеніи, теряла главное значеніе, отодвигаясь на задній планъ, зато все явственнѣе выдѣлялся его нравственный обликъ, становился все величественнѣе, и, въ концѣ концовъ, сталъ главнымъ предметомъ привязанностей и желаній утонченнѣйшихъ свойствъ ея души.

Digitized by Google

Марыня могла уже безъ отчаянія думать, что онъ не существуетъ, скорѣе даже перестать думать о томъ, существуетъ ли и гдѣ этотъ стройный образъ, эти глубокіе глаза, соболиныя брови, энергичное, полное доброты и трудового утомленія...—

И вотъ, почти на краю гибели, Марыня обрѣла, наконецъ, спасеніе въ вѣрѣ.

Однако, это отнюдь не была возвратная волна религіозныхъ вѣрованій, или хотя бы отдѣльныхъ ея догматовъ: безсмертія и воскресенія. Упованіе, возникшее въ ней, былъ чѣмъ-то совершенно новымъ. Она увѣровала въ возможность непосредственнаго общенія съ Викторомъ, какъ съ духомъ, съ нимъ однимъ только, и не сомнѣвалась, что въ силахъ при соотвѣтствующихъ условіяхъ получить отъ этого духа, съ которымъ она впредь будетъ въ неразрывной связи, извѣстный знакъ, даже видѣніе. И съ тѣхъ поръ для нея началась иная странная жизнь.

Все, что въ обыденной жизни считается за существенное и важное, вся реальная дѣйствительность сдѣлалась для нея чѣмъ то ничтожнымъ, совершенно постороннимъ, а временами даже прямо мучительнымъ своею грубой ощутимостью, которую она если и переносила, то только, какъ преходящее временное явленіе, точно длительный непріятный привалъ на отвратительномъ земномъ пути, передъ границами мистической страны, страны столь близкой, что хотя глазъ еще и ничего не видитъ, зато душа уже давно предчувствуетъ ея таинственныя вѣянія и вздрагиваетъ отъ священнаго трепета.

Часы дня сдѣлались для нея пустой формой времени, которое она старалась чѣмъ-нибудь заполнить, а такъ какъ все было ей равно противно, то она вернулась къ своимъ прежнимъ занятіямъ и такимъ образомъ снова вошла въ обычную колею жизни въ Кленовѣ.

Игнатій съ женой заключили по этому поводу, что Марыня, наконецъ, переболѣла ударъ, нанесенный внезапной смертью мужа, а нѣкоторыя не вполнѣ нормальныя проявленія съ ея стороны, какъ напримѣръ, приподнятое настроеніе съ приближеніемъ ночи, самоотверженіе, съ которымъ она исполняла безъ различія каждую порученную ей работу, не вникая въ ея важность и конечный результатъ, нѣкоторое чисто механическое упорство въ самомъ процессѣ работы и происходящая отсюда небрежность исполненія ея,—все это приписывали сильному разстройству нервовъ и были увѣрены, что со временемъ это пройдетъ само собой, какъ прошли и тѣ страшные припадки перваго отчаянія. Они радовались, видя перемѣну къ лучшему, немного безпокоилъ ихъ только наружный видъ Марыни, который, дѣйствительно, могъ внушать опасенія.

Всегда точеное личико ея, благодаря исхуданію, расширеннымъ глазамъ, окруженнымъ бархатной тѣнью, и еще большей мягкости чертъ, сдѣлалось теперь буквально чѣмъ-то сверхчувственнымъ, какимъ

Digitized by Google

то восхитительнымъ неземнымъ видѣніемъ, которое можетъ возникнуть въ головѣ артиста, но и въ ней остается, какъ идеальный образъ, не поддающійся воспроизведенію во всемъ совершенствѣ ни однимъ изъ средствъ искусства, такъ какъ и самыя тонкія, художественныя изъ нихъ будутъ черезчуръ грубыми.

Окружающіе не могли дать себѣ отчета въ выраженіи и красотѣ этого лица, такъ какъ рѣзецъ страданія накладывалъ свои черты постепенно и на глазахъ у нихъ, благодаря чему они имѣли достаточно времени, чтобы освоиться съ ними. Но на посторонникъ это лицо производило потрясающее впечатлѣніе, мужики даже боялись Марыни и говорили, что «младшая барыня глядитъ точно *мертвая* и *не отъ міра сего*».

И дѣйствительно, Марыня днемъ не жила, только присутствовала на аренѣ жизни, а съ заходомъ солнца переселялась въ иной міръ.

Такое распредѣленіе времени было слѣдствіемъ глубочайшаго убѣжденія, что духъ Виктора не можетъ появиться при острожъ дневномъ свѣтѣ, среди безсмысленнаго его шума, а только во мракѣ ночной тишины, хотя бы только ради того, чтобы дать знакъ, что онъ дѣлаетъ это исключительно для нея одной.

Поэтому, когда погасшіе огни и окружающая тишина свидѣтельствовали, что всѣ уже спятъ, Марыня срывалась съ постели, одѣвалась кое-какъ дрожащими отъ торопливости руками, въ темнотѣ, чтобы не разбудить спящаго въ сосѣдней комнатѣ Игнася, ощупью, осторожно спускалась она по лѣстницѣ, оглядываясь, не слѣдитъ ли кто за ней, тихонько отодвигала задвижки боковой двери и исчезала въ паркѣ.

Тамъ то и разыгрывался финалъ трагедіи.

Въ старомъ кленовскомъ паркѣ было много странныхъ и таинственныхъ закоулковъ, и каждый впечатлительный человѣкъ, очутившись тамъ ночью, чувствовалъ необъяснимое безпокойство.

Группировка деревьевъ и кустовъ въ этихъ закоулкахъ, въ особенности при свѣтѣ луны, создавала до такой степени фантастическую обстановку, что появленіе среди нея чего-нибудь необыкновеннаго не только казалось возможнымъ, а даже чуть ли не вполнѣ естественнымъ.

Марыня знала эти мѣста и раньше, но изъ боязни не ходила туда никогда, въ особенности подъ вечеръ. Теперь же, наоборотъ, она спѣшила къ этимъ уединеннымъ мѣстамъ съ стѣсненнымъ дыханіемъ, съ тревожно бьющимися сердцемъ, съ нѣжностью въ волнующейся груди, точно чистая, невѣдающая грѣха дѣвушка, идущая въ первый разъ на свиданіе съ воображаемымъ милымъ.

На одномъ изъ поворотовъ темной аллеи, гдѣ прерывался частый рядъ деревьевъ, она обыкновенно останавливалась.

Тутъ склонившіеся другъ къ другу грабы образовывали что-то вродѣ свода, откуда открывался видъ на полукруглую поляну, окружен-

Digitized by Google

ную кустами сирени, черемухи, калины и орѣшника, и покрытую густою травой и папоротникомъ.

Мѣсто это, не вполнѣ покрытое тѣнями отъ верхушекъ деревьевъ, блѣдно освѣщенное проникающими тамъ и сямъ лучами мѣсяца, производило впечатлѣніе какого то заколдованнаго грота, или мистическаго святилища. Таинственныя нѣдра его были наполнены одуряющимъ запахомъ сирени и ландышей, которыхъ много было вокругъ. Колеблющаяся листва издавала безпрестанный тревожный шорохъ, точно шопотъ невидимыхъ устъ. Качающіяся при дуновеніи ночи верхушки кустовъ то заслоняли, то открывали мелькающіе серебряные просвѣты между деревьями, вызывая такимъ образомъ фантастическую игру свѣтотѣни. И въ этихъ переливахъ луннаго освѣщенія вѣтви, листья, сучья, цѣлые кусты, пучки цвѣтовъ, все приходило въ движеніе, принимая развѣвающіяся, неуловимыя формы невѣдомыхъ чудовищъ.

Съ каждымъ дуновеніемъ вѣтерка картина мѣнялась, раздвигались кулисы, открывались новыя перспективы; какія то бездонныя пещеры, заколдованные корридоры, запутанные лабиринты; измѣнялась напряженность свѣта, аромата и шороха, слышались иныя нашептыванія, выплывали формы никогда невиданныхъ фигуръ; казалось, начинался новый актъ непонятной мистеріи. А иногда еще издали, какъ струна, звучащая для этого зрѣлища, доносилось рыдающее пѣніе соловья.

Марыня, объятая невѣдомымъ трепетомъ, упивалась этимъ очаровывающимъ настроеніемъ сверхъестественнаго, усматривала во всемъ глубокій, непостижимый смыслъ, котораго она не сознавала разумомъ, а охватывала истонченнымъ чувствомъ.

Все, что происходило передъ ней, производило на нее впечатлѣніе пролога къ тому, что еще будетъ, что *должно* быть, и сначала она терпѣливо ожидала. Но вскорѣ нарастающее въ огромной степени безпокойство и нервная торопливость побуждали ее къ дѣйствіямъ.

И тутъ начиналось настоящее вызываніе духовъ. Сначала это было только молчаливое внушеніе, потомъ присоединились робкія нашептыванія и просьбы, а въ концѣ концовъ, вытянувъ передъ собой умоляющія руки, она стонала изо всѣхъ силъ тоскующей души: «Викторъ! Викторъ!»—все болѣе страстно, съ такимъ страшнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ духовныхъ, точно вмѣстѣ съ этими мольбами она покидала земную оболочку и переливалась за предѣлы чувствъ самой коренной частью своего естества.

Въ такія-то минуты въ ней появлялось ясное, какъ сама дѣйствительность, ощущеніе, ничѣмъ непоколебимое убѣжденіе, что онъ тутъ, передъ нею, что еще одно самое маленькое усиліе съ ея стороны, и она удостоится видѣнія.

Digitized by Google

Но тутъ-то и наступалъ роковой предѣлъ.

На мгновеніе путемъ невѣроятныхъ усилій она удерживала себя въ этомъ настроеніи, но чувствуя, что слабѣетъ, бросалась прямо передъ собою на то мѣсто, гдѣ надѣялась увидѣть дорогое видѣніе.

И сразу разрушалось все очарованіе, все исчезало. Руки, протянутыя для объятія, калѣчась о вѣтви, скрещивались на переполненной рыданіями груди, расширившіеся зрачки узнавали въ обаятельныхъ видѣніяхъ обыкновенные листья и деревья. Выбившись окончательно изъ силъ, она падала, гдѣ придется, и горько рыдала, а въ слезахъ ея расплывалась та же безграничная печаль, что звучитъ въ дивныхъ словахъ библейской пѣсни:

«Отворила я моему милому; но милый мой уже ушелъ и миновалъ меня. Обмерла я при звукѣ голоса его; искала его и не нашла; звала его, но онъ не отозвался».

И вмѣстѣ съ тѣмъ страшная жалоба, какъ въ другой пѣснѣ:

«Встрѣтили меня сторожа, что ходятъ по городу; избили меня, изранили, взяли плащъ мой съ меня стражи стѣнъ городскихъ».

И дѣйствительно, какъ прежде, въ стремленіяхъ къ нему она разбивалась о реальныя, такъ теперь о невидимыя стѣны, не менѣе тщательно охраняемыя, чѣмъ первыя, столь же недоступныя и безжалостныя. Въ крови этихъ новыхъ ранъ разгорались давнишніе, затянувшіеся рубцы, потому что въ основѣ было то же самое отчаяніе, только болѣе тонкое, обработанное, точно толстый напильникъ, выкованный страданіемъ въ тонкій скальпель, проникалъ отточеннымъ лезніемъ въ самые нѣжные тайники души.

Пронизанная наскозь страданіемъ, лежала Марыня въ травѣ, покрытой росою, точно неживая, подолгу, а потомъ, разбитая, полная сухой, обидной горечи, какая остается послѣ отвергнутой чаши счастья, возвращалась домой, валилась на постель и впадала въ тотъ мертвый сонъ, котораго нельзя ни проспать, ни прервать.

Однако, на самомъ дѣлѣ Марыня только и жила этими минутами порывовъ, такъ какъ, несмотря на весь трагизмъ наступавшаго потомъ упадка силъ, онѣ однѣ поддерживали въ ней вѣру въ возможность переступить роковыя границы, вызвать желанное видѣніе,—что и стало ея единственною цѣлью.

Поэтому, особенно удрученной она чувствовала себя въ черныя пасмурныя ночи безъ луны и звѣздъ, когда непроницаемый мракъ, окутывая весь паркъ и лишая окружающіе предметы ихъ мистическаго очарованія, разрушалъ и въ ней настроеніе, склонное къ видѣніямъ.

Тогда, по мѣрѣ приближенія желаннаго момента, вмѣсто обычнаго возбужденія, въ ней пробуждалось такое чувство, точно въ ней существуетъ какая-то брешь, черезъ которую, какъ черезъ трещину въ разбитой посудѣ, уходитъ изъ нея капля по каплѣ жизненная сила.

Digitized by Google

Это было невыносимое состояніе, похожее на тѣ болѣзни, для которыхъ медицина не находитъ ни средствъ, ни подходящаго названія, когда не знаешь, гдѣ источникъ страданія, потому что въ одно и то же время и все болитъ, и ничего, и голодъ мучитъ, и аппетита нѣтъ; каждую минуту теряешь силы при полномъ сознаніи, чувствуешь тяжесть собственныхъ членовъ, точно бремя тѣлеснаго существованія, и плакать не можешь, и разсмѣяться трудно; ни жизнь, ни смерть, а только мысли и мысли безъ конца о томъ, что больнѣе всего.

И вотъ въ ней бродила какая-то тайная печаль, безконечная невѣдомая скорбь; текли гдѣ-то глубоко, глубоко, какъ подземныя рѣчки, невидимыя слезы, и гдѣ-то на днѣ мышленія, точно признакъ бури въ отдаленныхъ дремлющихъ безднахъ, мелькали слабыя зарницы неуловимыхъ понятій.

Потомъ, съ ощущеніемъ такимъ же рѣзкимъ, какъ царапанье щеткой по стеклу, медленно приподымалось зеркало сознанія, мысли вырисовывались яснѣе и одновременно съ этимъ съуживалась брешь, затягиваясь съ такой жгучею болью, какую производитъ засыхающая изнутри глубокая рана.

Марыня съ нѣкоторой дозой злобнаго раздраженія начинала трезво размышлять надъ своимъ несчастьемъ.

Почему именно до сихъ поръ не разорвалась эта завѣса между нимъ и ею, хотя она бывала уже такой тонкой, вотъ-вотъ готовой разорваться, такъ что ей казалось, что она слышитъ даже трескъ рвущихся нитей?

Почему его тѣнь, когда она уже такъ близка, что почти можно къ ней прикоснуться, именно въ эту минуту исчезаетъ?

Почему она не въ состояніи сдѣлать этого послѣдняго маленькаго усилія, чтобы преодолѣть препятствія и удостоиться видѣнія?

Этотъ послѣдній вопросъ мучилъ ее сильнѣе всего, такъ какъ съ нимъ вмѣстѣ прокрадывалось сомнѣніе, достойна ли она этого, не слишкомъ ли мало она его любила.

И тутъ же приходили ей въ голову мельчайшія непріятности, причиненныя ею Виктору при жизни, и возрастали до размѣровъ оскорбленій, страшныхъ по своей непоправимости, и одновременно съ этимъ всѣ муки, перенесенныя ею по смерти Виктора, падали въ ея глазахъ до степени ничтожной, пустой, пошлой, просто недостойной комедіи.

И тогда она предавалась горькой иронія.

Съ злобнымъ удовольствіемъ выискивала она всевозможные доводы и упреки и становилась къ позорному столбу съ дикимъ чувствомъ безстыдной гордости.

Она припоминала съ изумительной ясностью, какъ когда-то задыхалась отъ плача на улицѣ въ присутствіи толпы незнакомыхъ людей изъ-за трехъ рублей, недоданныхъ за работу платья.

Digitized by Google

Какъ она возмущалась и топала ногами, когда ее въ дѣтствѣ несправедливо наказывали.

— А теперь,—иронизировала она,—я выступила съ тѣми же ничтожными слезами, съ тѣмъ же возмущеніемъ, съ трехрублевымъ отчаяніемъ, чтобы достойно почтить потерю. Вотъ какъ я его любила!

И, пропитанная насквозь горечью и отвращеніемъ, она до тѣхъ поръ истязала свое очерствѣвшее сердце, пока оно, смягченное, не обливалось горячими слезами кровавой скорби.

Тогда только она начинала робко оправдывать себя искренностью сознанія своей вины и кровью этой скорби и чувствовала, что несмотря на все, она все-таки достойна прощенія и состраданія.

Понемногу раскаяніе проходило, и послѣдніе его отблески обращались къ Виктору въ формѣ легкаго упрека.

Почему онъ не приметъ во вниманіе ея слабости, не сжалится надъ нею настолько, чтобы поддержать ее въ рѣшительную минуту, когда она, выбившись изъ силъ, бросается всѣмъ страдающимъ сердцемъ къ его призраку?

И тотчасъ же ее охватывала волна нѣжнаго умиленія.

— А можетъ быть, есть препятствія, которыя и онъ старается преодолѣть?—думала она, съ грустью всматриваясь въ темноту ночи. Ибо она уже была увѣрена, что въ этомъ безконечномъ угрюмомъ морѣ бродитъ возлюбленная страждущая тѣнь, грустная, такъ какъ ея нѣтъ вмѣстѣ съ нею, тоскующая, какъ и она, и такъ же, какъ она, одинокая.

Она отворяла окно и тихимъ, умильнымъ плачемъ призывала его изъ темноты, хотя въ то же время ясно сознавала, что все это ни къ чему, что она даромъ тратитъ слезы среди этого глухого безконечнаго пространства, ибо ни онъ ихъ, ни онѣ его въ такую ночь не найдутъ.

Въ концѣ концовъ, совсѣмъ обезсиленная этимъ вихремъ противорѣчивыхъ волненій и мыслей, она возвращалась въ постель и засыпала обыкновенно до поздняго утра.

Иногда, однако, въ ней еще разъ подымался этотъ странный плачъ, точно чуждый ей, и она прислушивалась къ нему въ полуснѣ, какъ къ чужимъ голосамъ, рыдающимъ надъ неизвѣстной печалью.

Какъ-то, послѣ двухдневнаго ненастья, она проснулась утромъ отъ такого же плача; на этотъ разъ впечатлѣніе чего-то чуждаго было такъ сильно, что она даже приподнялась на кровати и оглядѣлась вокругъ.

— Ахъ, это я!—подумала она, придя въ себя.

— И зачѣмъ?—прибавила она, чувствуя, какъ быстро высыхаютъ слезы и нѣтъ даже и слѣдовъ какого бы то ни было волненія.

Она невольно взглянула въ открытое окно. Дождя уже не было; съ холодной струею воздуха проникали въ комнату косыя полосы пах-

Digitized by Google

вущаго сыростью свѣта, полныя кружащихся въ нихъ точекъ и золотыхъ пылинокъ.

Сквозь нихъ Марыня увидѣла вогнутый куполъ лазореваго неба, а на немъ жемчужное легкое облачко, которое понравилось ей своими легучими фантастическими очертаніями, и казалось знаменіемъ конца непогоды и надеждой на ясныя ночи.

Въ первый разъ за долгій промежутокъ времени, вмѣсто глухой печали по поводу пробужденія, она испытала подкрѣпляющее ощущеніе общей бодрости.

Она проворно встала и начала одѣваться менѣе лѣниво, чѣмъ обыкновенно.

— И зачѣмъ такъ рано? — пронеслось у нея въ головѣ, но такъ какъ она уже была готова къ выходу, то ей не хотѣлось измѣнять своего рѣшенія.

Во всемъ домѣ царствовала еще тишина; единственнымъ признакомъ приближающагося времени вставанія были стоящія въ сѣняхъ на каминѣ закопченные глиняные кофейники, въ которыхъ Янъ подогрѣвалъ кофе, отпертыя двери на крыльцо, кучка мусору на ступеняхъ и доносившійся изъ сада шумъ выколачиваемыхъ ковровъ.

Эти явленія, указывающія на присутствіе людей, какъ всегда, такъ и теперь, немного непріятно подѣйствовали на Марыню, она слегка отшатнулась и, быстро пройдя лѣстницу, поспѣшно направилась въ глубь парка. По мѣрѣ удаленія отъ дома въ ней возстановлялось равновѣсіе и вскорѣ она вполнѣ успокоилась, замедлила шаги и, машинально обходя оставшіяся еще въ ямахъ лужи, съ нѣкоторымъ удовольствіемъ ощущала подъ ногами упругость отсырѣвшей глины. Каждый разъ, какъ она задѣвала за какую-нибудь вѣтку, на нее брызгала холодная пыль росы; временами сыпались сверху лепестки отцвѣтающихъ, пахнущихъ увяданіемъ цвѣтовъ; она вздрагивала тогда всѣмъ тѣломъ, но это не было ей непріятно. Такимъ образомъ она совершенно машинально забрела въ самую отдаленную часть парка, которую уже давно не посѣщала. Въ одной изъ запущенныхъ и нерасчищенныхъ дорожекъ, желая обойти упавшую поперекъ сгнившую скамейку, она вдругъ повернула въ сторону и очутилась на такъ называемой «аллеѣ Марыни», ведущей къ «оврагу Виктора».

Это была широкая тропинка, та самая, которую Викторъ за время своего послѣдняго пребыванія въ Кленовѣ, самъ собственноручно и усердно мостилъ для нея.

Рыжеватые куски кирпича уже поразъѣхались, потрескались во многихъ мѣстахъ и разсыпались въ красноватую пыль. Въ каждой изъ этихъ трещинъ зеленѣла мелкая травка, и кое-гдѣ въ задержанныхъ потокахъ дождя играло солнце. При видѣ этого, бѣлая матовая кожа на лицѣ Марыни еще болѣе поблѣднѣла; съ затаеннымъ дыха-

Digitized by Google

мѣсяцъ смотрѣла она на эту «свою» дорожку, сердце задрожало въ ней, а за нимъ и все ея существо отъ нахлынувшихъ отовсюду горькихъ слезъ.

Нагнувшись немного впередъ, растроганная до глубины души, она начала осторожно ступать по кирпичамъ; старалась не сбойти ни одной изъ этихъ святынь, касаясь ихъ легко и нѣжно или ногой, или взглядомъ.

Изъ широко открытыхъ глазъ тихо катились слеза за слезою, большія и обильныя, и часто капали со щекъ прямо на землю, какъ роса, стряхиваемая при этомъ благоговѣйномъ шествіи съ листьевъ деревьевъ и кустовъ.

Такъ она дошла до конца дорожки и остановилась на краю глубокаго оврага, за которымъ внезапнымъ обрывомъ кончался паркъ и начинался огромный лугъ, идущій параллельно берегу Сниводы, точно развернутая длинная лента зелени, опушенная мелкой сверкающей алмазной пылью разбивающихся въ дребезги брызгъ. Вдали, въ концѣ луга виднѣлась растянутая линія бѣлыхъ фигуръ, которыя, казалось, покачивались на одномъ и томъ же мѣстѣ. Отъ времени до времени на уровнѣ головы какой-нибудь изъ нихъ блестѣла на солнцѣ кривая полоса и раздавался громкій рѣзкій звукъ. Этотъ внезапный блескъ и звукъ казался Марынѣ чѣмъ-то болѣзненнымъ. Она заслоняла отъ него густыми рѣсницами свои заплаканные глаза, взоръ ея блуждалъ по сплетшимся свѣшивающимся вѣтвямъ орѣшника, и такъ съ листка на листочекъ невольно опускались ея взгляды все ниже и ниже по бурымъ склонамъ обрыва, пока не упали на дно.

Тутъ вдругъ они застыли на мгновеніе...

Тамъ, во всей гнусности, лежала передъ нею отталкивающая, грубая смерть. На самомъ днѣ «оврага Виктора», въ грудѣ мокрыхъ истлѣвшихъ листьевъ валялся Ральфъ или скорѣе его разлагающійся трупъ.

Вздутое голое брюхо и полинявшіе бока, точно вытертые и вымокшіе до того, что порыжѣла шерсть, теряли уже свои контуры, превращаясь въ расползающуюся во всѣ стороны безформенную массу. Въ провалившейся ранѣ въ паху задней ноги кишѣлъ живой клубокъ бѣлыхъ червей, надъ провалившимся, потускнѣвшимъ, какъ пятно плѣсени, глазомъ, носились огромныя мухи зеленовато-стального, мѣняющагося цвѣта; изъ-подъ обвисшей безсильно губы, какъ черная зубчатая бахрома, торчалъ синій языкъ. Казалось, одна пасть жила еще, въ ней точно длились смертельныя, отчаянныя судороги бѣшеной ярости, зловѣще сверкалъ бѣлый клыкъ и пронизывалъ каждый нервъ Марыни.

Все ея существо болѣзненно сжалось отъ трепетнаго ужаса, она старалась углубиться въ самое себя, точно хотѣла съежиться и укрыться въ какой-то тьмѣ отъ этого зрѣлища.

Digitized by Google

Но оно преслѣдовало ее, бросалось за ней повсюду, неотразимое, страшное, отвратительное, истекающее гноемъ.

Все это длилось одну секунду, а Марынѣ казалось, что проходятъ цѣлые вѣка нечеловѣческой пытки.

Въ головѣ ея, точно тяжелый звонъ въ шатающемся куполѣ колокольни, объятой пламенемъ пожара, дрогнули огромныя глыбы металла, бѣшено задвигались и забили тревогу, неистовствовали, ворочали пудовыми сердцами въ красномъ заревѣ, среди тучъ, пепла и дыму.

И потомъ вдругъ оборвались, закружились съ продолжительнымъ воемъ и полетѣли въ бездонную пропасть, разрушая по пути всѣ препятствія.

Съ ихъ стономъ Марыня свалилась въ густую траву, побѣдивѣшимъ лицомъ кверху.

Прошло около часу, тяжелаго, мертваго; вѣки открылись и обнажили два большихъ сѣрыхъ глаза, мутныхъ, точно закопченныя зеркала. Смутно отражались въ нихъ шепчущіеся листочки молодой березки, подшитые матовымъ серебромъ, бѣлое облачко, пробѣжавшее въ эту минуту по небу, потомъ заглянула въ нихъ ясная синева неба, тускнѣя въ отраженіи, и снова вѣки сомкнулись отъ назойливаго солнечнаго луча.

Ужъ близко звонили острыя косы, когда вторично задвигались эти вѣки съ густыми рѣсницами, а за ними и все тѣло. Марыня встала и тѣмъ же путемъ, спотыкаясь о красноватый щебень и кирпичи, какъ о застарѣлые сгустки крови, лежащіе въ лужѣ слезъ, машинально побрела домой.

Отсутствіе Марыни за утреннимъ завтракомъ никого не удивило, такъ какъ она часто просыпалась около полудня, а по приказанію Бэли, считавшей сонъ лучшимъ средствомъ отъ всевозможныхъ физическихъ и нравственныхъ недуговъ, никто ея раньше не будилъ.

И только къ обѣду, посланный на развѣдки Игнась сообщилъ, что маночка спитъ, въ платьѣ и загрязненныхъ туфляхъ.

— Что спитъ, это хорошо! Но зачѣмъ же въ платьѣ и еще въ туфляхъ?—недоумѣвала Бэля, пожимая плечами.

— Однако, ее слѣдовало бы разбудить,—произнесъ, отпивая кофе, Игнатій,—продолжительный сонъ истощаетъ; ручаюсь тебѣ, что это одна изъ причинъ ея слабости, она худѣетъ съ каждымъ днемъ!

— Это тебѣ только такъ кажется,—запротестовала Бэля,—она всегда была худа, да съ такимъ канареечнымъ аппетитомъ и нельзя быть не худой! Во всякомъ случаѣ, я это разузнаю, отчего она все-таки въ платьѣ? Вотъ это, дѣйствительно, гибельно для здоровья! Оттого-то я и говорю тебѣ, не спи послѣ обѣда, а если ужъ хочется, такъ раздѣнься... Охъ, будетъ опять работа «Карлсбаду»!—произнесла она вслѣдъ

Digitized by Google

уходящему мужу, спрятала сахарницу въ буфетъ, приказала смести со стола крошки для воробьевъ и отправилась наверхъ.

Игнатій видѣлъ уже второй сонъ, когда вдругъ влетѣла въ кабинетъ Бэля и сразу заговорила сердито тономъ упрека:

— Такъ, такъ, ты себѣ тутъ валяешься, а я голову теряю!

— Что такое опять?

— Что? Марыня еле жива...

— А, вздоръ!—нехотя подымаясь, пробормоталъ себѣ подъ носъ Игнатій; онъ привыкъ къ тому, что Бэля, подъ впечатлѣніемъ минуты, всегда преувеличиваетъ.

— Бормочи, бормочи! Тебѣ хоть свѣтъ вверхъ дномъ переверни, только бы поспать дали,—продолжала Бэля тѣмъ же самымъ, только нѣсколько болѣе громкимъ тономъ.—Говорятъ тебѣ, прихожу я, а тамъ постель кверхъ ногами, и лежитъ она на мей головой въ подушку, туфли въ грязи, платье обтрепанное, мокрое до плечъ, въ волосахъ соръ, трава; должно быть, она гдѣ-нибудь бродила и упала, а можетъ быть, и еще что-нибудь? Руки—какъ ледъ, голова—какъ огонь.

— Ну, а все-таки цѣла и невредима? — нетерпѣливо перебилъ Игнатій.

— А тебѣ чего еще хотѣлось? Этого еще не доставало.

— Ну, такъ что-жъ тутъ особеннаго? Встала, вышла, скользко, упала, поднялась и вернулась въ кровать.

— Отлично, прекрасно! — протяжно произнесла Бэля, и ноздри ея раздулись. Она выхватила неожиданно ключи изъ-за пояса и кладя ихъ столь же демонстративно, сколь громко, на столъ, передразнивая мужа, начала:

— Пожалуйста, прошу покорно взять и пойти, помучиться, поухаживать за больными, а я тутъ буду спать, валяться въ кровати, пить «Карлсбадъ»!..

— Бэля!—съ упрекомъ и въ то же время умоляюще воскликнулъ Игнатій.

— Что, Игнась!..

— Я вѣдь ничего... я только хотѣлъ узнать, что съ ней?

— А тогда и спроси, если хочешь узнать!—строго отрѣзала Бэля, и сейчасъ же забывая о своей роли обиженной, начала обстоятельно разсказывать:

— Ни слова не могла отъ нея добиться; раздѣвали мы ее вдвоемъ съ Флорентиной, лежитъ, какъ автоматъ; даже глазъ не открыла; я ее тепло укрыла и лечу за липовымъ цвѣтомъ, а по дорогѣ къ тебѣ, чтобъ ты послалъ за Постанскимъ, а ты...

— Сейчасъ сажусь и пишу...—хватая перо и бумагу, поспѣшилъ предотвратить бурю Игнатій.

— Ну, такъ помни! — произнесла смягченная готовностью мужа Бэля, собрала ключи и ушла.

Digitized by Google

«Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь скверное?» думалъ Игнатій, дописывая письмо къ доктору.

— Надо, однако, раньше убѣдиться,—добавилъ онъ, заклеивая конвертъ,—а то старикъ за ложную тревогу готовъ обидѣться!—Игнатій всунулъ письмо въ карманъ и пошелъ наверхъ.

Въ корридорѣ ему загородили дорогу шкафчикъ и кровать, а потомъ Бэля, которая достаточно громко предостерегала прислугу, чтобы она вела себя тихо и осторожно переносила вещи.

— А это что еще?—спросилъ Игнатій.

— Игнася надо перевести внизъ, а то еще, можетъ быть, это какая-нибудь заразная болѣзнь!

— Ну, что же, какъ она?

— Спитъ! Написалъ?

— Написалъ, что очень прошу пріѣхать по важному дѣлу; о болѣзни ни слова, потому что можетъ еще отказать, въ особенности теперь,—онъ какъ-то настойчиво избѣгаетъ Марыни, я думаю, оттого онъ къ намъ теперь и не заглядываетъ.

— Да, это правда! А вѣдь какъ, кажется, онъ ее любитъ! Чудакъ!

— Можно къ ней?

— Только потише, не разбуди ее!

Игнатій, пройдя на цыпочкахъ опустѣвшую комнатку Игнася, остановился на порогѣ и, выгибаясь, заглянулъ въ сторону кровати Марыни, стоящей въ глубинѣ и наполовину закрытой отворенной половинкой двери.

Марыня лежала бокомъ, неподвижно, покрытая до шеи одѣяломъ и плэдомъ; на фонѣ подушекъ виднѣлись разбросанныя тѣни густыхъ волосъ, откинутыхъ немного назадъ; изъ-подъ нихъ выглядывалъ кусокъ лба, точно пластинка мрамора съ голубыми жилками; ниже—закрытый глазъ, окруженный сверху рѣзкой линіей бровей, а снизу синеватой тѣнью, походилъ на продолговатую жемчужную раковину, уходящую въ глубину; подъ нимъ, на бѣлой, какъ бумага, щекѣ горѣло маленькое красное пятнышко.

Общее впечатлѣніе было таково, что Игнатій повернулъ назадъ и на вопросъ жены: спитъ?—невольно отвѣтилъ:—кажется! и выбѣжалъ отдать поскорѣе письмо, торопливо погоняя посланнаго.

Несмотря на это, Постанскій явился только къ концу полевыхъ работъ и началъ сразу съ выговора:

— Что вы дѣлаете! Наконецъ-то погода установилась, тутъ бы сѣять, косить—у меня работы по горло, а тутъ у нихъ важныя дѣла!.. Что-жъ это за важное дѣло такое?

— Марыня больна,—съ удареніемъ произнесла Бэля.

— Ну такъ что-жъ, я объ этомъ давно знаю...

Но Бэля не дала ему докончить, живо и ярко описывая состояніе

Digitized by Google

Марыни, дѣлая различныя предположенія относительно причинъ болѣзни и т. д.

Постанскій, нахмурившись, терпѣливо выслушалъ все, а когда Бэля умолкла, сухо сказалъ:

— Ну, что-жъ я могу на все это сказать?

— Какъ, вѣдь вы докторъ!?

— А, въ этомъ смыслѣ,—сурово отвѣтилъ Постанскій,—ну, тогда отнять банки отъ мозга, съ сердца піявки, а если это все не поможетъ, тогда кровь пустить—и баста!—закончилъ онъ раздражительно.

— Что?—спросила, не понимая хорошенько въ чемъ дѣло, Бэля.

Докторъ еще разъ слово въ слово повторилъ съ нѣкоторою жестокостью свой рецептъ.

Наступила продолжительная пауза.

— Нѣтъ, докторъ,—началъ Игнатій,—я не спорю, что нравственныя перемѣны и потрясенія подорвали силы Марыни, но въ данномъ случаѣ обыкновенная простуда тоже весьма вѣроятна: этимъ нельзя пренебречь, правда! но и терять надежду...

— Я не теряю того, чего не имѣю,—пробурчалъ Постанскій,—а ужъ если хотите... Гдѣ она?

— У себя.

— Ну, такъ пойдемъ, Игнатій!—сухо произнесъ докторъ, и уже наверху добавилъ:—а впрочемъ, останься, я и одинъ!..

Игнатій остановился у дверей, а докторъ вошелъ въ комнату Марыни.

Окна этой комнаты выходили на востокъ, а потому въ ней господствовалъ уже такой мракъ, что надо было зажечь свѣчу. Рѣсницы Марыни, лежавшей навзничь, дрогнули отъ внезапнаго свѣта; красныя пятна на щекахъ нѣсколько увеличились. Постанскій дотронулся до ея руки, она была горяча, но не слишкомъ.

«Жару нѣтъ», подумалъ Постанскій и началъ всматриваться въ ея лицо. Мелкая морщинка посреди лба, острая линія носа, бороздка на блѣдныхъ анемичныхъ губахъ и слегка раздвоенный подбородокъ, казалось, дѣлили это мраморное лицо на двѣ симметричныя половины, страдающія каждая порознь; такое, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе вынесъ Постанскій, слѣдя за болѣзненно опущенными углами губъ, которыя все время попеременно нервно вздрагивали.

— Марыня!—прошепталъ докторъ, прикоснувшись рукою къ бѣлому разгоряченному лбу.

— Марыня, что съ тобой? Скажи, голубка!—повторилъ онъ еще разъ, наклоняясь надъ ней все ниже и ниже, точно собираясь поцѣловать ее.

Какъ вдругъ передъ нимъ приподнялись на минуту ея вѣки и показались огромные глаза, блестящіе фосфорическимъ свѣтомъ. Марыня быстро отвернулась къ стѣнѣ страдальческимъ и недовольнымъ движеніемъ, которое какъ бы говорило: «Ахъ, не трогайте!»

Digitized by Google

Постанскій отскочилъ, точно обожженный этимъ взглядомъ, вздрогнулъ, потушилъ свѣчу и вышелъ какъ можно тише изъ комнаты.

— Спитъ?—вполголоса спросилъ Игнатій.

Докторъ молча схватилъ его какъ клещами за локоть, потянулъ его отъ дверей, потомъ глубоко вздохнулъ и заговорилъ прерывающимся шопотомъ:

— Нѣтъ, не спитъ! Это какой-то рѣшительный кризисъ... почему? не знаю... что будетъ? также не знаю... Случится, что должно случиться... и никакое вмѣшательство тутъ не поможетъ...

Игнатій встревожился при словѣ кризисъ, и думая, что Постанскій по своему обыкновенію хочетъ отдѣлаться отъ лѣченія, началъ его просить и умолять... остаться на ночь.

— Я вамъ, докторъ, прикажу кровать поставить... все сейчасъ же!—напиралъ онъ все смѣлѣе, видя, что старикъ не только не возражаетъ, а даже какъ будто нѣсколько взволнованъ.

— Зачѣмъ кровать, довольно и кресла!..

— Нѣтъ, развѣ я смѣю... утруждать... нѣтъ, ни за что?

— Кресло, говорю!—раздраженно прошипѣлъ Постанскій.—Въ кровати я такъ кашляю, что мертвый проснется. Хотя, въ общемъ, къ чему весь вздоръ, когда все это ни къ чему и не имѣетъ никакого смысла.

Но Игнатій не слушалъ конца, и боясь, чтобы докторъ не измѣнилъ рѣшенія, выбѣжалъ отдать соотвѣтствующія распоряженія.

Вскорѣ принесли кресло, обитое клеенкой, древность на огромныхъ колесищахъ, такое большое, что человѣкъ средняго роста могъ въ немъ смѣло жить.

Докторъ снялъ сапоги, поставилъ кресло противъ окна и усаживаясь пробормоталъ:

— Удобное!

«Что-жъ она дѣлаетъ, если не спитъ, а что не спитъ, такъ это навѣрное!» подумалъ онъ и не ошибался.

Марыня не спала ни минуты, хотя на самомъ дѣлѣ, въ особенности вначалѣ, ея состояніе, благодаря полному отсутствію мыслей, впечатлѣній и притуплевію чувствъ, напоминало сонъ.

Послѣ продолжительнаго обморока съ ней сдѣлалось что-то похожее на то, что временами случается съ тонкимъ механизмомъ, подвергшимся сотрясенію. Онъ не разбился, на видъ ничего въ немъ не раздробилось, но зато все расшаталось: звенятъ гайки на истертыхъ винтахъ, вертятся колеса, но зубцы не попадаютъ въ зубцы; задѣваютъ другъ за друга обороты ослабѣвшей пружины, кружатся оси, каждая отдѣльно, потерявъ связь съ цѣлымъ; мѣрно качается разъединившійся маятникъ; стрѣлка стоитъ все время на одной и той же черной минутѣ, а сосредоточивающее все зеркальце, въ которомъ прежде отражалось стройное цѣлое механизма, робко мелькаетъ отъ этого безцѣльнаго

Digitized by Google

вращенія отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ ни одна уже не занимаетъ своего мѣста.

Въ Марынѣ также все время бродило ложное ощущеніе сдвинувшихся съ своего мѣста всѣхъ силъ ея души, замѣшательства во всемъ ея существѣ, распавшемся на какіе-то кусочки, не подходящіе одинъ къ другому. А потомъ ея личность точно раздвоилась на противоположные лагери, начавшіе борьбу между собою.

Съ одной стороны слѣпые природные инстинкты, жаждущіе во что бы то ни стало жизни, бросились на спасеніе существованія, которому угрожала опасность, силясь возстановить прежній порядокъ, теперь нарушенный; съ другой—пораженныя этой катастрофой, хотя и менѣе могущественныя, чѣмъ первыя, но все-таки болѣе сознательныя начала сопротивлялись этому изо всѣхъ силъ, уничтожая работу, начатую первыми, такъ какъ предчувствовали, что съ минуты, когда все войдетъ въ прежнюю колею, долженъ неизбѣжно пробить тотъ самый часъ, и тѣмъ же роковымъ голосомъ невысказанной скорби, и предпочитали погибнуть навсегда, нежели испытать вторично это потрясающее страданіе. И это былъ дѣйствительно какой то рѣшительный кризисъ, теченіе котораго зависѣло исключительно отъ склада внутреннихъ силъ Марыни; а этого отношенія Постанскій не зналъ, ни въ качествѣ человѣка, ни въ качествѣ доктора, и тѣмъ менѣе—могъ предупредить.

Докторъ чувствовалъ это интуитивно, и если остался, то сдѣлалъ это помимо воли, прямо изъ-за того, что упрашиванія Игнатія застигли его въ минуту упадка энергіи. Теперь онъ былъ даже золъ на себя за это и, навѣрное, ушелъ бы, если бы кресло не было такъ удобно, и не такъ болѣли руки и ноги отъ работы въ усадьбѣ; къ тому же было уже довольно поздно. Блѣдная, короткая іюньская ночь смѣняла уже день на небѣ; каждый разъ, какъ Постанскій направлялся въ комнату Марыни, черезъ открытыя двери виднѣлась звѣздочка за окномъ, тогда какъ его еще окружали сумерки: на горизонтѣ расползалась все еще розоватая заря заката, какъ будто солнце никогда не должно было скрыться.

Въ сладкой тишинѣ быстрымъ темпомъ квакали лягушки, а когда хоръ смолкалъ, раздавались отдѣльныя монотонныя кваканья. Постанскаго начало клонить ко сну, и ему припомнилась давнишняя ночь въ Венгріи. Онъ стоялъ одинъ на пикетѣ, далеко отъ лагеря; за нимъ на темной синевѣ небесъ разгорались золотистыя звѣзды, а передъ нимъ краснѣли отдаленныя зарева пылающихъ селеній. Было такъ же, какъ сегодня—тихо, только гдѣ-то въ болотѣ отзывались печальнымъ голосомъ лягушки.

И тотъ пейзажъ, въ особенности нѣкоторыя его подробности припомнили ему такъ живо Смутнинце и Цментарки, что ему казалось, что онъ находится среди родныхъ полей.

Страшная тоска охватила его; карабинъ потяжелѣлъ въ рукахъ,

Digitized by Google

а тоска желѣзнымъ обручемъ сдавила ему лобъ; сердце, какъ молотъ, застучало подъ мундиромъ, а грудь давили рыданія. Была минута, когда ему хотѣлось бросить оружіе и вернуться; но онъ не зналъ куда, за нимъ становилось все темнѣе и мрачнѣе, а впереди все кровавѣй и ближе разгорался полукругъ пожаровъ.

Въ глазахъ доктора все стало мѣшаться; казалось ему, что онъ въ сраженіи, но все совершается не такъ, какъ на самомъ дѣлѣ. Трещатъ барабаны, но такъ глухо, точно они обтянуты не кожей, а сукномъ, гранаты лопаются съ едва слышнымъ трескомъ; наконецъ, онъ бросается въ атаку безъ команды вмѣстѣ съ цѣлымъ отрядомъ; у него все время заплетались ноги, онъ нажималъ курокъ, но выстрѣлъ не раздавался. Вдругъ все разсѣялось и начали мелькать передъ нимъ, охваченныя паникой, блѣдныя лица, которыя превращались въ его глазахъ въ дорогія черты давно умершихъ людей. Его охватило отчаяніе, и выставивъ штыкъ, онъ одинъ ожидалъ тучу несущейся кавалеріи, летѣвшей на него по дрожавшей отъ конскаго топота землѣ.

Эта туча заслонила передъ нимъ все; у него потемнѣло въ глазахъ, какъ тогда, когда онъ получилъ тяжелую рану. Сѣдая голова склонилась на грудь, и докторъ захрапѣлъ. Когда онъ открылъ глаза, была уже ночь, но въ окнѣ Марыни бѣлѣлъ разсвѣтъ. Онъ насторожился, услышавъ какой-то шелестъ; ему казалось, что она повернулась на кровати. Но опять все затихло, а потому онъ только поправился въ креслѣ, поднялъ воротникъ пиджака отъ холода и задремалъ. Вскорѣ болѣе стремительное движеніе снова разбудило его. Теперь уже по рамѣ скользилъ блѣдно-желтый оттѣнокъ; темнота въ комнатѣ доктора также начала разсѣиваться, становясь сѣрой; выдѣлялись контуры ближайшихъ деревьевъ, качающихся отъ легкаго вѣтерка и раздалось чириканье просыпающихся птичекъ.

Постанскій, потянувшись, зѣвнулъ; шорохъ, раздавшійся изъ сосѣдней комнаты, отрезвилъ его окончательно. Онъ осторожно отодвинулъ кресло и задумался: что ему дѣлать?

Вдругъ сильнѣе скрипнули пружины кровати, треснула половая доска и, какъ призракъ, продвинулась въ одномъ бѣльѣ тонкая фигура Марыни, скрываясь за дверною нишей.

Постанскій застылъ на мѣстѣ и уставился огромными налитыми кровью глазами въ открытую дверь.

Щелкнулъ два раза замокъ, послышалось отодвиганіе тяжелаго ящика, и Постанскій увидѣлъ быстро мелькающія обнаженныя руки Марыни, которыя, какъ видно, что-то поспѣшно искали, выбрасывая изъ комода различныя вещи такъ стремительно, что онѣ даже разлетались во всѣ стороны. Вдругъ что-то блеснуло, описывая полукругъ въ воздухѣ и съ бряцаньемъ упало на полъ около самыхъ дверей.

Постанскій вздрогнулъ; онъ узналъ этотъ предметъ по формѣ и блеску. Это былъ кавказскій кинжалъ въ серебряной оправѣ, приве-

Digitized by Google

зенный однимъ изъ товарищей Виктора, прекрасное издѣліе, достоинства котораго докторъ не разъ хвалилъ и, какъ знатокъ оружія, успѣлъ оцѣнить.

Глядя на него старикъ невольно содрогнулся, а потомъ оробѣлъ: рукоятку судорожно сжимала маленькая ручка Марыни; клинокъ исчезъ у него изъ глазъ, и черезъ мгновеніе поперекъ полуотворенной двери промелькнула обратно бѣлая фигура. Короткій блескъ ея разгорѣвшихся глазъ поразилъ его на лету, какъ остріемъ. Докторъ почувствовалъ точно уколъ тысячи иголокъ на плечахъ и груди, онъ поднялся, какъ-бы схваченный за волосы посторонней силой, и хотѣлъ броситься въ ея комнату, но сейчасъ же, страшнымъ, быстрымъ, какъ молнія, усиліемъ воли удержалъ первое движеніе; зажимая ротъ, не дыша, точно стараясь скрыть свое присутствіе не только передъ нею, а даже и передъ самимъ собой, съ полузакрытыми глазами, пряча голову въ приподнятыя плечи, онъ началъ, осторожно ступая, удалиться къ выходу.

Какъ только онъ переступилъ черезъ порогъ, самообладаніе его покинуло; быстро, точно спасаясь, пробѣжалъ онъ коридорчикъ; трясущіяся руки, нащупавъ какую-то дверь, съ силой отворили ее, и Постанскій, очутившись въ маленькой комнаткѣ, бросился на выцвѣтшій диванчикъ, такъ что зазвенѣли его поломанныя пружины; тутъ онъ закрылъ встревоженное лицо, покрытое морщинами и шрамомъ, твердыми, огрубѣвшими отъ труда руками и началъ повторять: «Только бы сразу! только бы сразу!..» такимъ напряженнымъ шопотомъ, точно всѣми силами своей души старался внушить кому-то это свое желаніе.

Потомъ голосъ его оборвался, и онъ долго сидѣлъ молча. Опустились безсильно руки, сгорбились плечи, отвисли щеки, около глазъ и носа появились сѣтки безконечныхъ морщинокъ, и изъ почтеннаго великана старца выглянулъ сгорбленный дѣдъ.

Онъ немощно поднялся, приблизился къ продолговатому окну, онѣмѣвшими пальцами долго не могъ схватить задвижки, пока не открылъ ихъ, и толкнулъ, наконецъ, раму наружу.

Зазвенѣли стекла тѣмъ же звономъ, какъ и въ старое доброе время, закачались обветшалыя рамы, и, заскрипѣвъ на заржавѣвшихъ петляхъ, искривляясь немного, заняли предназначенное для нихъ мѣсто въ пространствѣ.

Докторъ оперся о косякъ и смотрѣлъ.

Невдалекѣ, немного выше окна, слегка покачивались густыя верхушки двухъ раскидистыхъ липъ, наполненныя радостнымъ щебетаньемъ птичекъ. Было уже свѣтло, хотя солнце еще не взошло. Надъ горизонтомъ сновали разбросанныя легкія облачки, точно маленькія лодки съ снѣжными парусами и яркими флажками, уносимыя вверхъ вздымающейся волною яркаго блѣдно-зеленаго цвѣта. Подъ ними на желтоватомъ фонѣ колеблющагося воздуха рдѣли розоватыя полосы,

Digitized by Google

которыя, казалось, подгоняли эту волну кверху, удѣляя ей часть своего цвѣта.

Въ свою очередь онѣ сами насыщались кровью невѣдомаго источника, который, должно быть, все приближался, ибо окраска ихъ сгущалась съ каждою минутою.

Постанскій машинально приглядывался къ этой игрѣ свѣта, и черты его лица хмурились, пріобрѣтая выраженіе угрюмой сосредоточенности. Въ концѣ концовъ, онъ вытянулся во весь ростъ и, устремивъ нахмуренный взглядъ въ восходящій край краснаго круга, проговорилъ съ угрозой въ голосѣ:

— А, ты всегда сверкаешь мнѣ... при кровопролитіи!

Въ это время огромный шаръ поднялся уже надъ горизонтомъ, и плывя все выше и выше, быстро уменьшался и блѣднѣлъ; потомъ превратился въ ярко блистающій брилліантъ, окруженный ореоломъ такого ослѣпительнаго блеска, что у доктора глаза наполнились слезами. Онъ отвернулся съ потухшимъ взоромъ и лицомъ, потемнѣвшимъ отъ дыма внутренней скорби.

— И не такіе виды видывали!—угрюмо проворчалъ онъ и направился къ выходу.

Передъ комнатой Марыни онъ пріостановился и, затаивъ дыханіе, долго и усердно прислушивался; тамъ царствовала страшная, мертвая тишина.

Докторъ намѣревался войти, но не чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ, а потому подошелъ къ дверямъ и снова вернулся въ корридорчикъ.

Внизу раздались чьи-то шаги.

— Кто тамъ?—спросилъ сдавленнымъ голосомъ Постанскій, перегибаясь черезъ узкія перила лѣстницы.

— Это я—Янъ!

— Господа встали?

— Пани встала.

— А панъ?

— Несу какъ разъ платье!

— Ну, неси, неси, да скажи, чтобы сейчасъ же сюда пришелъ.

Когда появился сильно еще заспанный Игнатій, докторъ выходилъ изъ комнаты Марыни.

— Ну что, какъ тамъ, лучше?—спросилъ Игнатій, обезпокоенный внезапнымъ призывомъ.

— Лучше!—прогремѣлъ отвѣтъ, но такой сухой и холодный, что Игнатій, вмѣсто того, чтобы обрадоваться, обезпокоился еще больше, всмотрѣлъ испытующе изъ-подъ очковъ на неподвижное лицо доктора, но ничего не могъ прочесть въ его загадочныхъ чертахъ и спросилъ:

— Кризисъ миновалъ благополучно?

— Миновалъ!—отвѣтилъ Постанскій прежнимъ тономъ.

— Ну вотъ, спасибо... большое спасибо!—съ непонятнымъ для

Digitized by Google

себя волненіемъ и замѣшательствомъ началъ бормотать Игнатій, протягивая доктору руку.

Но Постанскій, вмѣсто того, чтобъ протянуть свою, вытеръ ее о полу пиджака, и только тогда Игнатій замѣтилъ, что концы трехъ пальцевъ доктора смочены кровью.

— Что съ вами?—воскликнулъ онъ измѣнившимся голосомъ, нервно схватывая доктора за плечо.

— Ничего! Пусти... болванъ!—раздраженно обрѣзалъ докторъ.

Игнатій остолбенѣлъ на минуту, потомъ, пораженный страшнымъ предчувствіемъ, бросился къ дверямъ въ комнату Марыни.

Постанскій сдѣлалъ быстрое движеніе, какъ бы желая остановить его, махнулъ небрежно рукою и въ изнеможеніи опустился на кресло.

Черезъ мгновеніе раздался сдавленный крикъ «ахъ»! показался Игнатій блѣдный, какъ мертвецъ, безъ очковъ, съ испуганными мутными глазами, и закричавъ: «Воды! воды»!—выбѣжалъ изъ комнаты.

Постанскій бросился за нимъ, какъ угорѣлый:

— Что ты всю деревню хочешь сюда созвать?

Но Игнатій былъ уже внизу и хриплымъ голосомъ звалъ:

— Бэля! Янъ! воды! съ такимъ отчаяніемъ, что даже дѣти проснулись.

Первая сорвалась Аврэля и въ испугѣ начала сдергивать одѣяло съ спящей рядомъ панны Флорентины.

— Que veux-tu? laissemoi!... insupportable...—проговорила бонна и отвернулась къ стѣнѣ.

Тогда Аврэля, какъ была, въ одной рубашенкѣ, начала стучать въ сосѣднія двери!

— Игнась!

— Что такое?—раздался тоненькій голосокъ.

— Вставай, что-то случилось!

Выглянуло маленькое раскраснѣвшееся отъ сна личико.

— Что случилось?

— Не знаю, папа кричалъ—воды!

— Должно быть, пожаръ.

— Должно быть!

— Подожди, сейчасъ,—и Игнась началъ тормошить Зымуся повторяя:

— Динь, динь, динь—вставайте!—настоящій пожаръ!

— Гдѣ, что?—разспрашивали дѣти, наэлектризованные этимъ извѣстіемъ, потому что какъ разъ наканунѣ они играли въ «пожарную команду», разрушали и гасили бумажный пожаръ.

— Надо сейчасъ же, въ одну минуту одѣться—заявилъ Зыгмусь, который почерпнулъ идею подобной забавы изъ описаній быта пожарной команды.

— Dormez, enfants,—простонала изъ кровати панна Флорентина, разсерженная тѣмъ, что ее разбудили.

Но дѣти одѣвались съ быстротою молніи. Апусь началъ плакать,

Digitized by Google

такъ какъ у него запутались панталоны, а какъ младшій онъ и безъ того игралъ роль «копули» въ этой новой забавѣ.

Игнась выручилъ его изъ бѣды. Вскорѣ весь отрядъ былъ готовъ: Зыгмусь во главѣ съ трубою, Игнась съ деревяннымъ топорикомъ, Аврэля съ чашкой, Мечиславъ съ рюмкой, и въ хвостѣ Апусь съ черепкомъ—и очутился у дверей, ведущихъ въ корридоръ.

Тутъ только наступила минута, когда дѣти пришли въ себя и задумались.

— Гдѣ же пожаръ?—спросилъ предводитель.

— Да вотъ, Аврэля знаетъ,—поспѣшно заявилъ Игнась.

— Я не знаю... только папа кричалъ: воды!—смущенно отвѣтила Аврэля.

— Ну, такъ, какъ же быть? — разводя ручками и съ разочарованнымъ личикомъ, печально протянулъ Мечиславъ.

Но въ ту же минуту послышалось сверху отрывистое приказаніе Постанскаго:

— Не надо никого!.. Я одинъ съ Яномъ! Маршъ внизъ и не впускать ни одной собаки, въ особенности дѣтей!...

— Должно быть, наверху...—начала Аврэля.

Но никто уже не вѣрилъ, что въ домѣ пожаръ; въ то же время слова Постанскаго увѣрили дѣтей, что случилось дѣйствительно что-то необыкновенное, и, кромѣ того, дали понять, что надо дѣйствовать скрыто, какъ «индѣйцы», чтобы добиться истины.

Мгновенно топорикъ въ рукѣ Игнася превратился въ томагавкъ, всѣ остальные тоже соотвѣтственно преобразились, и дѣти, пріоткрывъ дверь, начали слѣдить въ щелку изъ засады за движеніями и намѣреніями «бѣлыхъ».

По корридору прошелъ Игнатій, за нимъ Бэля, оба дѣйствительно «бѣлые», въ особенности Бэля, блѣдная, какъ бумага.

Потомъ съ ведромъ воды и тряпкой прошелъ въ противоположную сторону Янъ. Скрипъ ступеней сообщилъ имъ, что старикъ отправился наверхъ.

Это показалось имъ страннымъ, потому что мытье половъ лежало на обязанности кухонныхъ дѣвокъ, но не настолько знаменательнымъ, чтобы заполнить промежутокъ абсолютной тишины, становившійся уже скучнымъ.

Для развлеченія попробовали татуировать Апуся, но мальчикъ своимъ пискомъ принудилъ встать панну Флорентину, которая помѣшала этой операціи.

Бонну дѣти вообще ни во что не ставили, а въ данномъ случаѣ прикрашенные фантазіей разсказы ихъ разожгли и ея любопытство до такой степени, что эта «блѣднолицая», «французскій жирафъ», какъ ее прозвалъ «черный мужъ» Игнась, приняла участіе въ засадѣ.

Digitized by Google

Вскорѣ заскрипѣли ступени и снова прошелъ старикъ Янъ со свертком ъ бѣлья, запятнаннаго кровью.

— Oh! le linge sanglant—простанала, подаваясь назадъ, панна Флорентина.

Дѣти оглянулись на нее и другъ на друга съ нѣкоторымъ безпокойствомъ.

Показался Янъ съ лоханкой воды.

— Что случилось, Янъ?—спросила его панна Флорентина, но старикъ даже не остановился. Бонна слегка пріотворила дверь и продвинулась впередъ, заслонивъ собою отъ дѣтей все происходящее.

Это обстоятельство и разсердило дѣтей, и возбудило склонность къ новымъ предположеніямъ.

Слѣдовало, безъ всякаго сомнѣнія, изгнать это «чужое и неблагодарное племя» изъ силой занятой позиціи.

Уговорили Апуся, чтобы онъ представился больнымъ. Его выбрали жертвой, во-первыхъ, потому, что онъ дѣйствительно часто страдалъ глистами, во-вторыхъ былъ самый младшій и къ тому же болѣе другихъ склоненъ къ самопожертвованію, благодаря чему исключительно и достигалъ немного болѣе почетнаго положенія.

И вотъ, надлежащимъ образомъ гримасничая, мальчикъ началъ пищать и вертѣться на постели, а остальныя дѣти довели до свѣдѣнія панны Флорентины, что Апуся страшно тошнитъ.

— У него такія длинныя глисты, какъ вашъ носъ!—добавилъ вполголоса Игнась вслѣдъ удаляющемуся хищнику, котораго выжили какъ разъ во время, такъ какъ въ корридорѣ началась оживленная суетня.

Пробѣжалъ два раза Янъ, потомъ Баля и Игнатій, который сейчасъ же вернулся и вмѣстѣ съ Яномъ направился, но уже не наверхъ, а куда-то дальше.

Послѣ короткаго промежутка времени они снова показались, перенося обитую клеенкой старую кушетку, стоявшую въ концѣ корридора безъ употребленія, такъ какъ она была такая твердая, что развѣ только изъ особаго удальства можно было заняться на ней кувыркальемъ. Кушетка исчезла въ гостиной, откуда вскорѣ донеслись звуки передвигаемой мебели; дѣти высыпали въ пустой корридоръ, но сейчасъ же предусмотрительно скрылись, заслышавъ новые шаги.

— Папа пошелъ наверхъ,—объявилъ Зыгмусь.

Наступила продолжительная пауза. Затрещали сильнѣе ступени. Неожиданно появился вдругъ Игнатій и, замѣтивъ прячущіяся головки, подбѣжалъ къ дверямъ, быстро захлопнулъ ихъ и заперъ на задвижку.

Всѣ дѣти отскочили отъ дверей, кромѣ Игнася, который, не теряя присутствія духа, приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ.

Лѣстница необыкновенно жалобно заскрипѣла; тетя Баля прошла

Digitized by Google

впередъ, шурша юбкой; раздались тяжелые шаги, и Игнась увидѣлъ сначала ногу, а потомъ и весь правый бокъ Постанскаго, несшаго что-то большое.

Съ плеча доктора безсильно свѣшивалась какая-то рука. Мальчикъ узналъ ее по точенымъ, бѣлымъ, какъ алебастръ, тонкимъ пальцамъ, промелькнувшимъ у него передъ глазами и дрогнувшимъ такъ же странно, какъ его дѣтское сердечко.

Что тамъ такое?—разспрашивали маленькіе товарищи.

Но Игнась молчалъ; тихо отстранился онъ отъ нихъ и забился въ уголокъ, съ поникнувшей черной головкой и жалобно опущенными углами рта.

Дѣти переглянулись между собой и также опечалились.

Прошло около часа, отодвинулась задвижка и въ дверяхъ показалась Бэля; на блѣдныхъ щекахъ ея пылали два красныхъ пятнышка, глаза были сухи, она приблизилась къ Игнасю и дотронулась до него рукой; изъ глазъ ея брызнули слезы.

— Нѣтъ у тебя больше мамочки!—прошептала она, съ плачемъ цѣлуя мальчика.

А потомъ, обратившись къ остальнымъ дѣтямъ, произнесла:

— Тетя Марыня умерла... она ужъ у Боженьки... пойдемте помолиться!..

И провела ихъ въ гостиную.

Дѣти невольно сбились въ кучку на порогѣ и смотрѣли удивленно и вмѣстѣ съ тѣмъ робко; одинъ Апусь не испытывалъ тревоги, а только разочарованіе, такъ какъ надѣялся увидѣть тетю у Боженьки, а не на кушеткѣ.

Тамъ въ черномъ платьѣ, окруженная цвѣтами лежала сильно вытянутая Марыня, съ головой, опирающейся на атласную подушку; темныя кудри волосъ, умышленно распущенныхъ около шеи, прикрывали рану, изъ которой вмѣстѣ съ кровью истекла ея страдальческая жизнь.

Въ худыхъ мраморныхъ пальцахъ, сложенныхъ ниже груди, лежалъ золоченый образокъ.

Бѣлое и прозрачное лицо съ удивительно тонкими чертами, поразительно прекрасное, имѣло выраженіе экзальтированнаго восхищенія. Однако, оно не производило впечатлѣнія ни жизни, ни смерти, ни даже сна, а скорѣе всего чуда искусства, которое не живетъ и не умираетъ, а только существуетъ и вѣряетъ справедливости грядущихъ поколѣній всю свою скорбь, всю боль своего страданія.

— Станьте на колѣни!—прошептала Бэля и начала читать молитву.

И едва она успѣла произнести первыя слова, раздалось тихое рыданіе, выходящее изъ маленькой груди Игнася, который, дрожа, какъ

Digitized by Google

листъ, не могъ ни опуститься на колѣни, ни оторвать блуждающаго взгляда отъ лица матери.

Замѣтивъ это, панъ Игнатій схватилъ мальчика на руки и вынесъ изъ комнаты; Бэля съ помощью панны Флорентины увела остальныхъ плачущихъ дѣтей.

Въ комнатѣ остался одинъ Постанскій. Опершись о стѣну, онъ стоялъ все время съ неподвижнымъ лицомъ, точно высѣченнымъ изъ сѣраго песчаника; онъ вздрогнулъ слегка при звукахъ плача Игнася и снова застылъ, уставившись огромными блуждающими глазами, покрытыми цѣлой сѣтью кровавыхъ жилокъ, въ лицо умершей.

Когда всѣ вышли, онъ приблизился, нагнулся надъ Марыней, прикоснулся губами къ холодному лбу и прошепталъ:

— Можетъ быть, теперь тебѣ лучше!

Выходя, онъ еще разъ окинулъ этотъ чудный образъ такимъ взглядомъ, какимъ прощаются навсегда съ художественной урной, гдѣ заключенъ пепелъ сгорѣвшаго сердца.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ИЗЪ ПѢСЕНЪ ТРУДА.

У КОТЛА.

Съ легкой, острой косой,
Надъ зеленой травой
Мнѣ ужъ больше, должно, не гулять...
И родной полосой,
Съ клячей-сивкой, сохой
Борозды по веснѣ не взрывать...
Подъ степнымъ вѣтеркомъ
На току за гумномъ
Рожь въ снопахъ мнѣ цѣпами не бить...
На крестьянскомъ міру,
На мужичьемъ пиру,
Ни рѣчей, ни пѣснѣй не водить...
На заводѣ большомъ,
Надъ котломъ съ молоткомъ,
Среди чаду и шума паровъ
День-деньской я стою;
Потъ надъ клепкою лью
Подъ удары стальныхъ молотковъ...

Digitized by Google

Лѣто, осень... весь годъ,
Жизнь въ работѣ идетъ
Среди шума и лязга машинъ...
Зевъ громовый гудка,
Что реветъ въ облака,
Надо мною теперь господинъ...
Онъ—большой-тановой,
Онъ и староста мой,—
Только рявкнетъ, а ты ужъ идешь...
И съ большимъ молоткомъ
Надъ огромнымъ котломъ
Потъ горячій надъ клепкою льешь...
И подъ грохотъ станковъ,
Подъ шипѣнье паровъ
Забываешь про родину-мать;
Про покосы луговъ,
Про уборку стоговъ,
И не думаешь: „время-ль пахать?“
Ни мольбы о дождѣ
На сухой бороздѣ,
Ни восторговъ надъ зрѣлымъ зерномъ
Не почуешь въ груди...
День за днемъ впереди
Потекутъ надъ желѣзнымъ котломъ...
Да, не пахарь ужъ я:
Молотъ—пашня моя,
А зубило стальное—коса...
Міръ—питейный трактиръ,
Сороковка—мой пиръ,
А огромный заводъ—полоса!..

Ф. Поступаевъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

РОДБЕРТУСЪ.

Digitized by Google

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

(*Продолженіе*) *).

Если мы обратимся къ хозяйственному строю, предшествовавшему капиталистическому, напр., къ хозяйственному строю античнаго міра или среднихъ вѣковъ, то мы не найдемъ этого распаденія ренты. Возьмемъ, напр., хозяйство римскаго патриція. Онъ былъ собственникомъ земли, средствъ производства и рабочихъ. Рабы не только добывали сырье, но и превращали его въ окончательный продуктъ. Весь этотъ продуктъ, за вычетомъ содержанія рабовъ и расходовъ по возмѣщенію уничтожившихся въ процессѣ работы средствъ производства, составлялъ доходъ патриція, очевидно не имѣвшаго ни повода, ни возможности различать въ своемъ доходѣ долю прибыли на капиталъ и долю земельной ренты. Къ тому же этотъ доходъ имѣлъ натуральную форму, благодаря чему строгая расцѣнка его была вообще неосуществима. Съ точки зрѣнія патриція, источникомъ дохода было имущество, въ дѣйствительности же создателями этого дохода были рабы.

При такомъ положеніи вещей, даже самое понятіе капитала и прибыли на капиталъ не можетъ достигнуть ясности. Только одна категорія капитала консолидируется и пріобрѣтаетъ опредѣленность уже въ античномъ мірѣ—это денежный капиталъ. Такъ какъ и при господствѣ натуральнаго хозяйства обмѣнъ не совершенно исключенъ, и потребность въ деньгахъ существуетъ—иногда даже очень интенсивная, благодаря тому, что денегъ мало,—то и на самыхъ раннихъ стадіяхъ хозяйства мы замѣчаемъ существованіе ростовщическаго денежнаго капитала. Ростовщическій денежный процентъ есть почти единственно извѣстная въ античномъ мірѣ форма прибыли на капиталъ. Но размѣръ этой прибыли—ростовщическаго процента—не находится ни въ какой зависимости отъ дохода промышленнаго предпріятія, такъ какъ высота процента устанавливается при этихъ условіяхъ, исключительно нуждой заемщика, почему и процентъ можетъ достигать чудовищныхъ размѣровъ. Благодаря этому, общественное мнѣніе древ-

*) См. «Міръ Божій», мартъ 1902 г., № 2.

Digitized by Google

няго міра не признавало процентъ правомѣрнымъ, нормальнымъ видомъ народнаго дохода и видѣло въ немъ нѣчто противоестественное и заслуживающее порицанія.

Современное хозяйство имѣетъ совершенно иной характеръ. Вмѣсто натуральнаго производства для собственнаго потребленія въ немъ господствуетъ и даетъ типъ экономической жизни производство для сбыта на продажу. Отсюду вытекаетъ необходимость строгой расцѣнки всѣхъ предметовъ хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, первоначальное недѣлимое производство продукта съ начала до конца въ одномъ и томъ же хозяйствѣ распадается на двѣ основныхъ ступени. На одной ступени изготовляется сырье, на другой—сырье превращается въ фабрикатъ. Изготовленіе и обработка сырья принадлежатъ различнымъ предпріятіямъ.

Первоначальная единая рента должна теперь распасться на двѣ части, такъ какъ и производители сырья, и фабриканты должны получить свою долю. Какой же принципъ управляетъ раздѣленіемъ ренты? Принципъ трудовой цѣнности, создаваемой на каждой ступени производства—отвѣчаетъ Родбертусъ: «Я исхожу изъ предположенія,— говоритъ нашъ авторъ, — что мѣновая цѣнность каждаго готоваго продукта, какъ и на каждой ступени изготовленія продукта, равна соотвѣтствующей трудовой затратѣ, такъ что не только готовые продукты, но и сырье, и фабрикатъ по отношенію другъ къ другу обмѣниваются пропорціонально своимъ трудовымъ стоимостямъ; если, напр., изготовленіе сырья потребовало столько же труда, какъ и превращеніе его въ фабрикатъ, то готовый фабрикатъ будетъ расцѣниваться вдвое выше сырья». При этомъ условіи очевидно, что рента должна распредѣлиться между собственниками сырья и фабрикатовъ пропорціонально трудовой затратѣ, на каждой ступени производства, ибо рента есть доля цѣнности продукта, и если цѣнность пропорціональна труду, то и рента должно быть пропорціональна труду.

Итакъ, если производство сырья стоило такого же труда, какъ и превращеніе сырья въ фабрикатъ, то сумма ренты на первой ступени производства должна быть равна суммѣ ренты на второй ступени. Но *капиталъ*, на который начисляется рента на второй ступени, неизбѣжно долженъ быть больше, чѣмъ на первой ступени, такъ какъ на первой ступени *въ расходы производства не входитъ сырье, а на второй ступени сырье есть необходимая составная часть этихъ расходовъ.*

Отсюда слѣдуетъ, что *процентъ прибыли въ производствѣ сырья долженъ бы быть выше (ибо капиталъ, на который начисляется процентъ, меньше), чѣмъ въ производствѣ фабрикатовъ.*

Совмѣстимо ли, однако, съ законами капиталистической конкуренціи существованіе въ двухъ основныхъ отдѣлахъ національнаго производства, двухъ различныхъ процентовъ прибыли? Конечно, нѣтъ.

Digitized by Google

Избыточная прибыль, извлекаемая изъ производства сырья и въ частности изъ сельскаго хозяйства, не можетъ достаться капиталисту. Согласно закону равенства прибыли, на сельскохозяйственный капиталъ долженъ начисляться лишь такой же процентъ прибыли, какъ и на промышленный капиталъ. Кому же достанется избыточная прибыль въ земледѣльческомъ производствѣ? Очевидно, *землевладѣльцу*, собственнику естественныхъ силъ, безъ помощи которыхъ невозможно производство сырья. Эта избыточная прибыль и образуетъ земельную ренту, доходъ землевладѣльца. И земельная рента, и прибыль суть составная доли ренты вообще присвоенной собственниками части трудового продукта, которая въ предшествовавшія историческія эпохи поступала собственнику въ нераздѣленномъ видѣ, а затѣмъ, вслѣдствіе дифференціаціи земельной и капитальной собственности, стала распредѣляться, согласно закону трудовой стоимости, между землевладѣльцами и капиталистами и получила названіе земельной ренты и прибыли на капиталъ.

Легко понять различіе этой теоріи земельной ренты отъ теоріи Рикардо. По Рикардо рента зависитъ лишь отъ различія естественнаго плодородія земельныхъ участковъ или отъ различія производительности послѣдовательныхъ затратъ земледѣльческаго капитала. Родбертусъ нисколько не отрицаетъ очевиднаго факта, что земельная рента должна быть тѣмъ выше, чѣмъ участокъ плодороднѣе, точно также какъ и того, что рента повышается при большей интенсивности сельскаго хозяйства. Такую земельную ренту, возникающую благодаря *различію* условій земледѣльческаго производства на разныхъ пунктахъ, Родбертусъ называетъ *дифференціальной* рентой. Законы дифференціальной ренты выяснены Рикардо. Но, въ противность послѣднему, Родбертусъ утверждаетъ, что, кромѣ дифференціальной ренты, существуетъ и абсолютная земельная рента, совершенно не зависящая отъ указанныхъ различій и неизбѣжно возникающая въ сельскомъ хозяйствѣ непосредственно въ силу того, что сельское хозяйство, производя сырье, требуетъ меньшей затраты капитала, чѣмъ обрабатывающая промышленность, въ составъ капитала которой входитъ это самое сырье. Поэтому, не только болѣе плодородные участки земли даютъ ренту, но и наименѣе плодородная земля, если только она обрабатывается, не можетъ не приносить ренты.

Кто же изъ двоихъ правъ—Рикардо или Родбертусъ? Замѣтимъ прежде всего, что если бы даже теорія Рикардо была недостаточна для объясненія явленія земельной ренты во всемъ его объемѣ, отсюда еще не слѣдовала бы справедливость теоріи Родбертуса. Теорія Рикардо, дѣйствительно, недостаточна. Такъ, Рикардо вскользь упоминаетъ, что земельная рента зависитъ также и отъ удаленности земельныхъ участковъ отъ мѣста сбыта: чѣмъ ближе участокъ къ мѣсту сбыта, тѣмъ ниже расходы перевозки земледѣльческихъ продук-

Digitized by Google

товъ и, слѣдовательно, тѣмъ выше доходность участка, а слѣдовательно и его рента. Но мѣстоположеніе участка играетъ, на самомъ дѣлѣ, несравненно болѣе важную роль, чѣмъ различіе естественнаго плодородія земли. Огромныя различія въ высотѣ земельной ренты, которыя наблюдаются въ разныхъ странахъ, почти всецѣло опредѣляются этимъ моментомъ. Въ приамурскомъ краѣ земля, быть можетъ, не менѣе плодородна, чѣмъ въ Англіи или Бельгіи. Тѣмъ не менѣе, приамурскій край почти не знаетъ капиталистическаго землевладѣнія—земля нерѣдко не даетъ въ томъ краѣ никакой ренты, благодаря огромнымъ расходамъ доставки хлѣба на рынки сбыта. Колоссальная рента и огромная цѣна земли въ густонаселенныхъ странахъ Западной Европы всецѣло зависитъ отъ непосредственной близости въ этихъ странахъ земледѣльческаго производителя къ потребительнымъ центрамъ. Все это теорія Рикардо оставляетъ совершенно въ тѣни.

Далѣе, трудно допустить, вопреки мнѣнію Рикардо, чтобы на земельную ренту не вліялъ и самый фактъ земельной собственности. Кромѣ дифференціальной ренты (пользуясь удачнымъ терминомъ Родбертуса), должна существовать и абсолютная рента, какъ слѣдствіе земельной монополіи. Собственникъ земли имѣетъ возможность не допустить никакое постороннее лицо до пользованія его земельнымъ участкомъ; это монопольное право, само по себѣ, можетъ служить для него средствомъ извлеченія дохода. Такъ, напр., въ Соединенныхъ Штатахъ еще не такъ давно имѣлась огромная площадь вполнѣ плодородной и пригодной для обработки свободной государственной земли; эта государственная земля отдавалась желающимъ не даромъ, но за извѣстную небольшую плату. Земельная рента вытекала въ этомъ случаѣ всецѣло изъ самаго факта земельной собственности, а отнюдь не изъ недостатка хорошей земли, такъ какъ свободная хорошая земля имѣлась въ изобиліи.

Всѣ эти дополненія и ограниченія теоріи Рикардо отнюдь не уничтожаютъ ея научнаго значенія. Законы дифференціальной ренты поняты Рикардо вполнѣ правильно и должны быть положены въ основу всякой научной теоріи земельной ренты.

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о теоріи Родбертуса. Несмотря на многія вѣрныя частности и замѣчательно глубокое соціологическое освѣщеніе вопроса о происхожденіи землевладѣльческаго дохода, вся теорія въ цѣломъ, безусловно, несостоятельна. Ея основная посылка ложна и опровергнута самимъ Родбертусомъ. Теорія построена на предположеніи, что цѣна продукта зависитъ *не отъ издержекъ производства*, а отъ трудовой стоимости. Но самъ Родбертусъ призналъ въ четвертомъ «Соціальномъ письмѣ» ошибочность этой точки зрѣнія. Центромъ тяготѣнія среднихъ цѣнъ является въ современномъ хозяйствѣ не трудовая стоимость, а издержки производства.

Digitized by Google

Если же такъ, то все ученіе о земельной рентѣ Родбертуса падаетъ въ прахъ. Можно согласиться, что въ земледѣльческомъ производствѣ отсутствуютъ затраты на сырье, между тѣмъ какъ эти затраты входятъ въ составъ издержекъ производства въ обрабатывающей промышленности. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Большая прибыльность земледѣльческаго производства, какъ думаетъ Родбертусъ? Отнюдь нѣтъ. Большая прибыльность получилась бы въ томъ случаѣ, если бы цѣны сырья и фабриката устанавливались на основѣ трудовыхъ затратъ. А такъ какъ этого нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ цѣны въ капиталистическомъ хозяйствѣ управляются не затратами труда, а затратами капитала, издержками производства, то сравнительно болѣе высокія затраты капитала на производство фабрикатовъ приведутъ лишь къ болѣе высокимъ цѣнамъ послѣднихъ. Если фабрикатъ имѣетъ вдвое высшую трудовую стоимость, чѣмъ сырье, то цѣна его будетъ болѣе чѣмъ вдвое превышать цѣну сырья, благодаря тому, что издержки производства фабриката, какъ показалъ Родбертусъ, должны въ этомъ случаѣ болѣе чѣмъ вдвое превышать издержки производства сырья. Указанное Родбертусомъ обстоятельство (относительно меньшей затраты капитала въ производствѣ сырья сравнительно съ производствомъ фабрикатовъ) ведетъ не къ образованію земельной ренты, а къ отклоненію среднихъ товарныхъ цѣнъ отъ трудовыхъ стоимостей.

Такимъ образомъ, желая опровергнуть теорію ренты Рикардо, Родбертусъ опровергъ трудовую теорію цѣнности въ ея абсолютной формѣ. Нашъ остроумный авторъ совершенно правъ, утверждая, что его теорія земельной ренты есть безусловно необходимый логическій выводъ изъ признанія труда единственнымъ факторомъ цѣнности. «Слѣдовательно, моя теорія ренты вѣрна», сказалъ бы Родбертусъ; слѣдовательно, абсолютная трудовая теорія цѣнности невѣрна—скажемъ мы, ибо легко показать, что теорія земельной ренты Родбертуса есть экономическая нелѣпость. Въ самомъ дѣлѣ, согласно этой теоріи, первыя ступени производства должны давать большій процентъ прибыли сравнительно съ послѣдующими. Родбертусъ дѣлитъ въ данномъ случаѣ, весь процессъ производства продукта на двѣ ступени—производство сырья и производство фабриката. Но, конечно (какъ указываетъ въ другомъ мѣстѣ и самъ авторъ), ступеней производства въ дѣйствительности гораздо больше. Такъ, хлопокъ, раньше чѣмъ превратиться въ предметъ одежды, долженъ подвергнуться цѣлому ряду промежуточныхъ производствъ, каждое изъ которыхъ можетъ быть предметомъ независимаго промышленнаго предпріятія (производство хлопка, пряденье, ткачество, окраска и набивка, фабрикація предметовъ одежды). Изъ теоріи Родбертуса вытекаетъ, что каждая предшествующая ступень производства должна давать избыточную прибыль сравнительно съ послѣдующей, ибо по мѣрѣ того, какъ продуктъ поднимается по ступенямъ производства

Digitized by Google

цѣнность его растетъ, а слѣдовательно, и растутъ затраты капитала на пріобрѣтеніе матеріала для обработки. Если бы разсматриваемая теорія была справедлива, то красильщикъ получалъ бы избыточный доходъ сравнительно съ портнымъ, ткачъ сравнительно съ красильщикомъ, прядильщикъ сравнительно съ ткачемъ и т. д. На каждой ступени производства процентъ прибыли былъ бы различенъ, и чѣмъ выше, чѣмъ ближе эта ступень къ началу производства—изготовленію сырья. Нечего и говорить, что ничего этого не бываетъ въ дѣйствительности и быть не можетъ, ибо признаваемый Родбертусомъ законъ равенства прибылей приводитъ цѣны продукта на всѣхъ ступеняхъ производства къ соотвѣтствію съ издержками производства.

Поэтому, теорія земельной ренты Родбертуса безусловно и безъ всякихъ ограниченій невѣрна. Что касается до его общаго ученія о рентѣ, какъ о нетрудовомъ доходѣ, то критическую оцѣнку этого ученія мы отлагаемъ до слѣдующаго «очерка», посвященнаго Марксу, ибо по данному пункту взгляды обоихъ великихъ экономистовъ вполнѣ совпадаютъ. Замѣтимъ только, что теорія ренты Родбертуса возникла, повидимому, подъ непосредственнымъ вліяніемъ сенъ-симонистовъ и Прудона. Самый терминъ «рента», для общаго обозначенія всякаго нетрудового дохода, заимствованъ Родбертусомъ, какъ убѣдительно доказываетъ Антонъ Менгеръ, авторъ превосходной книги «Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag», у сенъ-симонистовъ.

Весьма своеобразную позицію занимаетъ Родбертусъ по отношенію къ центральному вопросу въ соціально-политическомъ отношеніи правомѣрности дохода, вытекающаго изъ права собственности. Мы видѣли, что авторъ «соціальныхъ писемъ» отнюдь не склоненъ прикрывать вуалью разнаго рода грустныя или позорныя для современной цивилизаціи истины, отъ которыхъ стыдливо отворачиваются буржуазные писатели. Его критическій ножъ рѣжетъ смѣло и глубоко, вскрывая самыя основы современнаго соціальнаго строя. Родбертусъ менѣе всего склоненъ замалчивать или отрицать, что доходъ, вытекающій изъ права собственности на средства производства, покоится всецѣло на правѣ силы, и что всѣ попытки подыскать для этого дохода какое-нибудь иное основаніе, болѣе согласное съ этическими возрѣніями нашего времени, должны остаться по необходимости безуспѣшны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Родбертусъ отнюдь не считаетъ права собственности на землю и капиталъ неустранимымъ условіемъ великой хозяйственной дѣятельности. Даже больше—нашъ авторъ выработалъ чрезвычайно интересный планъ организаціи общественнаго хозяйства при отсутствіи частной собственности на средства производства. И въ то же время, Родбертусъ, какъ мы видѣли выше, выступалъ убѣжденнымъ защитникомъ классовыхъ интересовъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Какимъ образомъ согласовать это кажущееся противорѣчіе?

Для Родбертуса тутъ никакого противорѣчія нѣтъ. Капиталистиче-

Digitized by Google

скій хозяйственный строй, въ глазахъ Родбертуса, есть историческая форма хозяйства, подлежащая дальнѣйшему развитію, долженствующему привести къ замѣнѣ существующей стихійной свободы частнохозяйственнаго предпринимательства планомѣрной организаціей всего національнаго производства подъ руководствомъ общественной власти; но для даннаго историческаго момента частнохозяйственное предпринимательство необходимо. «Хотя я думаю—писалъ Родбертусъ въ «Капиталѣ»,—что современное общество уже цѣликомъ попало въ коллективистическій потокъ, все же я отнюдь не разсчитываю на уничтоженіе земельной и капитальной собственности въ ближайшемъ будущемъ. Противоположныя экономическія и правовыя убѣжденія, могущество интересовъ, связанныхъ съ земельной и капитальной собственностью, интеллектуальное и моральное состояніе какъ господствующихъ классовъ собственниковъ, такъ и подчиненныхъ рабочихъ классовъ, дѣлаетъ невозможнымъ еще на много десятковъ лѣтъ крушенія столь глубоко коренящихся соціальныхъ институтовъ. Я не думаю также, чтобы «свободный трудъ» достаточно обезпечивалъ сохраненіе науки и искусства, и большинства другихъ высшихъ благъ цивилизаціи. Ибо, чтобы ни утверждали индивидуалисты, теперь и на все время, пока будетъ существовать наличная собственность на средства производства, трудъ не можетъ быть названъ свободнымъ. Общество *принуждается* въ настоящее время къ тому, чтобы исполнять прибавочную работу, благодаря которой процвѣтаютъ искусства и науки. Оно принуждается къ этому, благодаря тому, что матеріальныя средства для удовлетворенія высшихъ потребностей отвлекаются, путемъ ренты, отъ содержанія рабочихъ, принужденныхъ въ силу этого работать избыточное время. Общество принуждается къ тому, какъ и всегда принуждалось, и частная собственность на землю и капиталы есть только послѣдняя историческая форма этого принужденія. Прекрасно было бы, если бы общество уже переросло это принужденіе! Прекрасно было бы, если бы воспитаніе человѣческаго рода... уже закончилось, такъ что индивидъ могъ бы добровольно и по собственной иниціативѣ исполнять прибавочную работу... Но съ того времени, какъ лучшіе умы признали неправомѣрность рабства, потребовалось тысячелѣтіе, чтобы даже въ цивилизованныхъ странахъ Европы изгладились послѣдніе слѣды рабства. И хотя теперь исторія движется быстрѣе, за то и собственность на землю и капиталъ гораздо прочнѣе срослась съ обществомъ».

Современный хозяйственный строй можетъ поэтому, по мнѣнію Родбертуса, съ увѣренностью разсчитывать на нѣсколько столѣтій существованія. Собственность *пока* необходима въ высшихъ интересахъ человѣчества. Собственники земли и капитала, въ качествѣ руководителей національнаго производства, исполняютъ, въ глазахъ автора «соціальныхъ писемъ», чрезвычайно важную хозяйственную функцію. Безъ

Digitized by Google

упорной работы ума частнаго предпринимателя не могъ бы функціонировать хозяйственный механизмъ нашего времени.

«Для того, чтобы съ успѣхомъ руководить производствомъ при господствѣ раздѣленія труда, требуются не только познанія, но и моральная сила и энергія. Тѣ же свойства необходимы и для того, чтобы слѣдить за потребностями рынка, соотвѣтственно направлять производство и быстро удовлетворять общественную потребность. Рѣдко бываетъ, чтобы капиталистъ или землевладѣлецъ, такъ или иначе, не дѣйствовалъ въ этомъ смыслѣ. Дѣятельности этого рода рабочій не исполняетъ и не можетъ исполнять по самому характеру своего занятія. Однако, она абсолютно необходима въ національномъ производствѣ. Поэтому, поскольку всякая общеполезная дѣятельность въ правѣ ожидать оплаты, нельзя сомнѣваться, что капиталисты и землевладѣльцы, предприниматели и руководители предпріятій, имѣютъ полное право требовать отъ общества оплаты своей вышеуказанной дѣятельности. Они имѣютъ на это такое же право, какъ и министръ торговли и путей сообщенія, если только онъ исполняетъ свои обязанности хорошо. Вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, что указанная дѣятельность, какъ и дѣятельность судьи, школьнаго учителя, врача и т. д., можетъ быть оплачена только путемъ вычета изъ трудового продукта рабочихъ—ибо нѣтъ другого источника матеріальнаго богатства» (Третье «соціальное письми»).

Принадлежащее Родбертусу сравненіе собственниковъ съ наслѣдственными должностными лицами общество еще ярче поясняетъ его мысль. Капиталисты и землевладѣльцы, въ совокупности, какъ классъ (но отнюдь не всѣ отдѣльные члены этого класса), исполняютъ весьма важныя общественныя и хозяйственныя функціи. Не нужно только забывать, что вознагражденіе, получаемое собственниками средствъ производства, совершенно не зависятъ отъ полезности этихъ функцій, а всецѣло вытекаютъ изъ самаго факта собственности. «Землевладѣльцы и капиталисты непосредственно владѣютъ рабочимъ продуктомъ и лишаютъ части его рабочихъ въ силу права собственности на землю и капиталъ—благодаря экономическимъ законамъ, дѣйствующимъ въ полномъ противорѣчіи съ принципами справедливаго распредѣленія».

Такова картина существующаго экономическаго строя, съ чрезвычайнымъ логическимъ изяществомъ обрисовываемая Родбертусомъ. Но для полноты ея не хватаетъ нѣкоторыхъ чертъ, весьма характерныхъ для общей соціальной концепціи великаго мыслителя.

Вмѣстѣ со всѣми экономистами, соціальное міровоззрѣніе которыхъ сложилось во вторую четверть закончившагося вѣка—въ періодъ паденія заработной платы и повсемѣстнаго роста пауперизма—Родбертусъ раздѣляетъ пессимистическое ученіе о тяготѣніи заработной платы къ минимуму средствъ существованія.

«Распредѣленіе національнаго продукта,—говоритъ онъ,—подчиняю-

Digitized by Google

щееся «естественнымъ» законамъ обращенія, приводитъ къ тому, что при растущей производительности труда заработная плата составляетъ все меньшую долю продукта; ибо сколько бы ни произвелъ рабочій, жестокіе законы обмѣна принуждаютъ его довольствоваться одной и той же скромной суммой средствъ существованія, безусловно необходимыхъ для жизни. А такъ какъ при большей производительности труда то же абсолютное количество продуктовъ должно имѣть меньшую трудовую стоимость, то слѣдовательно рабочій, получая, несмотря на всѣ успѣхи промышленности, одно и то же количество предметовъ истребленія, отдаетъ въ пользу владѣющихъ классовъ все большую долю своего трудового продукта»... «Чѣмъ населеннѣе страна, чѣмъ производительнѣе, поэтому, трудъ, чѣмъ больше личная свобода, тѣмъ болѣе принуждены рабочіе, при господствѣ законовъ обращенія, предоставленнаго самому себѣ, работать за минимальную плату, ибо трудъ тѣмъ ближе приравнивается къ товару, подчиненному законамъ конкуренціи, и притомъ конкуренціи, убыточной для продавца, тѣмъ большую возможность получаютъ предприниматели давать работу лишь наименѣе требовательнымъ рабочимъ». Въ этомъ тяготѣніи заработной платы къ минимуму средствъ существованія Родбертусъ находитъ объясненіе роста пауперизма, замѣчаемому именно въ наиболѣе прогрессирующихъ странахъ.

Но этотъ же законъ объясняетъ, по мнѣнію нашего автора, и другую, не менѣе характерную черту господствующаго хозяйственнаго строя—постоянное возвращеніе промышленныхъ кризисовъ, отъ которыхъ такъ жестоко страдаютъ передовыя страны. «Пауперизмъ и промышленные кризисы,—читаемъ во второмъ «соціальномъ» письмѣ,—вызываются одной и той же причиной; одно и то же свойство современнаго товарнаго обращенія создаетъ оба эти величайшія препятствія равномѣрному и непрерывному общественному прогрессу».

Представимъ себѣ, что производительность труда возрасла. Это значитъ, что одинаковое количество труда создаетъ теперь большее количество товаровъ, поступающихъ на рынокъ. Если бы рабочіе классы имѣли возможность закупить это возросшее количество товаровъ, то, очевидно, спросъ на товары соотвѣтствовалъ бы предложенію. Но, согласно ученію, принимаемому Родбетурсомъ, *реальная* заработная плата остается неизмѣнной. Если количество производимыхъ рабочими продуктовъ возрастаетъ и цѣна продуктовъ соотвѣтственно падаетъ, то законы обращенія приводятъ къ соотвѣтствующему пониженію *денежной* заработной платы. При этомъ условіи очевидно, что при каждомъ успѣхѣ промышленной техники рабочіе классы должны представлять спросъ все на меньшую *долю* національнаго продукта. Слѣдствіемъ этого должна явиться невозможность сбыть рабочимъ возросшее количество товаровъ—иначе говоря: должно получиться перепроизводство всѣхъ товаровъ, предназначенныхъ для потребленія низшихъ классовъ

Digitized by Google

населенія; а такъ какъ главная масса товаровъ, обращающихся на рынокъ, относится именно къ этой категоріи, то переполненіе рынка товарами приметъ форму общаго промышленнаго кризиса. «Покупательная сила большей части общества уменьшается по мѣрѣ возрастанія производительности труда, и слѣдствіемъ этого является производство потребительныхъ цѣнностей, не имѣющихъ рыночной цѣны и покупательной силы, несмотря на то, что потребности въ нихъ большинства населенія не удовлетворены.

Такимъ образомъ, кризисы вызываются, по мнѣнію Родбертуса, сокращеніемъ, по мѣрѣ возрастанія производительности труда, доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ. При этомъ важно имѣть въ виду, что Родбертусъ рѣшительно отрицаетъ, чтобы, кризисы были въ какой бы то ни было связи съ абсолютнымъ размѣромъ заработной платы. «Я утверждаю,—говоритъ онъ,—что причина промышленныхъ кризисовъ заключается не въ недостаточности доли рабочихъ въ общемъ продуктѣ, но въ паденіи этой доли по мѣрѣ успѣховъ техники, и также утверждаю, что кризисы не могли бы наступить, если бы эта доля была столь же мала, какъ и нынѣ, но не измѣнялась бы при повышеніи производительности труда, и далѣе, что кризисы будутъ происходить, какъ бы ни была велика эта доля, если только она будетъ падать при ростѣ производительности труда».

Мы уже говорили выше (въ «очеркѣ», посвященномъ Сисмонди), что теорія кризисовъ Родбертуса есть лишь одинъ изъ варіантовъ теоріи Сисмонди. Различіе этихъ теорій въ томъ, что для Сисмонди причина кризисовъ заключается въ абсолютно низкомъ уровнѣ заработной платы, въ *недостаточности* покупательной силы у массы населенія для пріобрѣтенія товаровъ, имѣющихся на рынкѣ, а для Родбертуса причина кризиса лежитъ въ относительномъ *паденіи* этой покупательной силы по мѣрѣ успѣховъ промышленности (впрочемъ, и это послѣднее объясненіе кризисовъ имѣется въ неразвитомъ видѣ, у Сисмонди). Мы указали, что теорія Сисмонди покоится на неправильномъ пониманіи законовъ реализаціи продукта въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Эти выраженія непримѣнимы къ теоріи Родбертуса. Нашъ авторъ прекрасно понимаетъ, что товары обмѣниваются на товары и что при пропорціональномъ распредѣленіи производства предложеніе товаровъ не можетъ превзойти спроса. Промышленный кризисъ возникаетъ, по мнѣнію нашего автора, не вслѣдствіе абсолютнаго превышенія національнаго спроса національнымъ предложеніемъ товаровъ (какъ ошибочно утверждалъ Сисмонди), а вслѣдствіе непропорціональнаго распредѣленія національнаго производства, благодаря тому, что національное производство не успѣваетъ приспособляться къ автоматически слѣдующему за успѣхами производительности труда паденію спроса со стороны рабочихъ классовъ.

Теорія Родбертуса была бы правильна, если бы его большая по-

Digitized by Google

сылка соотвѣтствовала дѣйствительно. Если бы доля рабочихъ классовъ въ національномъ продуктѣ падала при каждомъ успѣхѣ промышленности, то перепроизводство предметовъ потребленія рабочихъ массъ, а, слѣдовательно, и общій промышленный кризисъ были бы неизбѣжны. Но въ томъ-то и дѣло, что эта посылка совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Можно признавать или отрицать фактъ повышенія реальной заработной платы за продолжительные историческіе періоды, но одно несомнѣнно: для небольшихъ періодовъ времени денежная заработная плата гораздо устойчивѣе реальной. Вся теорія кризисовъ Родбертуса построена на предположеніи, что сокращеніе доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ происходитъ настолько быстро и внезапно, что національное производство не успѣваетъ приспособиться къ измѣнившемуся спросу и капиталы, не успѣваютъ перейти отъ производства предметовъ потребленія рабочихъ къ производству предметовъ потребленія господствующихъ общественныхъ классовъ (доля которыхъ въ національномъ продуктѣ возросла). Всего этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ: прогрессъ техники идетъ не скачками, одновременно во многихъ отрасляхъ производства, а постепенно и понемногу, и въ разное время въ различныхъ отрасляхъ труда. Промышленные кризисы, отнюдь не вызываются промышленными изобрѣтеніями; наоборотъ, крупные изобрѣтенія дѣлаются и входятъ въ общее употребленіе обыкновенно *послѣ* промышленныхъ кризисовъ, въ періоды застоя, когда низкая прибыль побуждаетъ фабрикантовъ принимать мѣры для пониженія издержекъ производства. Періоды торговаго и промышленнаго оживленія, предшествующіе кризисамъ и непосредственно вызывающіе ихъ, характеризуются не ускореніемъ техническаго прогресса и удешевленіемъ фабрикатовъ, а, наоборотъ, *замедленіемъ техническаго прогресса и повышеніемъ цѣнъ фабрикатовъ*. Денежная заработная плата *не понижается въ періоды, предшествующіе кризисамъ, а, наоборотъ, повышается*.

Такимъ образомъ, вся теорія кризисовъ великаго экономиста, при своей логической стройности построена въ полномъ противорѣчіи съ дѣйствительными фактами. Любопытно, что самъ Родбертусъ при описаніи въ первомъ «соціальномъ письмѣ» исторіи англійскихъ кризисовъ какъ бы совершенно забываетъ свою теорію и даже не пытается доказать, что въ періоды промышленнаго оживленія, предшествующіе кризисамъ, доля рабочихъ классовъ въ общемъ національномъ продуктѣ уменьшается вслѣдствіе повышенія производительности труда. Онъ указываетъ на то, что расширеніе производства и оживленіе торговли неизмѣнно предшествуютъ каждому кризису; этого никто, разумѣется, не думаетъ отрицать, но расширеніе производства еще не значитъ повышеніе производительности труда; а по теоріи Ротбертуса кризисы вызываются не только этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, но и сопровождающимъ его паденіемъ доли рабочихъ въ

Digitized by Google

національномъ продуктѣ. Ничего этого Родбертусъ въ своей исторіи англійскихъ кризисовъ не показалъ, да и не могъ показать, ибо его теорія, какъ сказано, не находитъ себѣ ни малѣйшей опоры въ дѣйствительности.

Несмотря на это, самъ авторъ придавалъ ей такое значеніе, что положилъ ее въ основаніе своихъ практическихъ, соціально-политическихъ предложеній. Исходя изъ мысли, что главное зло существующаго хозяйственнаго строя заключается не столько въ недостаточности доли рабочихъ въ національномъ продуктѣ, сколько въ ея непрерывномъ паденіи по мѣрѣ прогресса техники, Родбертусъ предлагаетъ рядъ мѣръ, долженствующихъ предотвратить это зло. Въ «Письмѣ къ конгрессу рабочихъ при всемірной выставкѣ въ Лондонѣ (1862)» Родбертусъ совѣтуетъ рабочимъ выработать нормальный рабочій день, долженствующій выражать нормальное и среднее количество рабочихъ часовъ въ сутки, соотвѣтствующее силамъ рабочаго и его интересамъ, какъ человѣка и члена общества. Когда этотъ нормальный рабочій день будетъ установленъ, слѣдуетъ опредѣлить, смотря по тягостности и утомительности труда въ разныхъ занятіяхъ, сколько часовъ труда въ каждомъ изъ этихъ занятій соотвѣтствуетъ нормальному рабочему дню; это дастъ норму для рабочаго дня въ различныхъ родахъ труда. Затѣмъ, нужно выяснить средній трудовой продуктъ нормальнаго рабочаго дня для каждаго производства въ отдѣльности. Такимъ образомъ опредѣлится нормальная производительность труда. Исходя изъ этихъ данныхъ, можно выработать, примѣнительно къ господствующимъ условіяхъ жизни рабочихъ въ разныхъ странахъ, нормальную заработную плату (т.-е. плату, пропорціональную производительности труда, но отнюдь не равняющуюся всему трудовому продукту). Дѣло рабочихъ настоять на принятіи предпринимателями этихъ нормальныхъ расцѣнокъ труда, которыя должны каждыя десять лѣтъ пересматриваться и измѣняться соотвѣтственно происшедшимъ перемѣнамъ производительности труда. Такимъ образомъ удастся достигнуть устойчивости доли рабочихъ классовъ въ національномъ продуктѣ и предотвратить пониженіе этой доли.

Въ этомъ направленіи, по мнѣнію Родбертуса, должно работать наше время, чтобы путемъ компромисса уменьшить бѣдствія, создаваемыя свободой товарнаго хозяйства, превращающей самого человѣка въ такой же товаръ, какъ и предметы человѣческаго потребленія.

Родбертусъ рѣшительно отрицалъ, чтобы выдвинутыя Лассалемъ, въ пылу агитаціи, производительныя ассоціаціи рабочихъ съ государственною помощью были пригоднымъ средствомъ для улучшенія положенія рабочихъ. Но его собственный проектъ соціальной реформы—установленіе нормальной заработной платы—былъ еще ниже лассалевскаго плана, который, по крайней мѣрѣ, обѣщалъ нѣчто реальное, между тѣмъ какъ проектъ Родбертуса оставляетъ невыясненнымъ самое

Digitized by Google

главное, какимъ образомъ рабочіе могутъ принудить предпринимателей улучшить условія рабочаго договора. Сверхъ того, непонятно, изъ какихъ основаній слѣдуетъ исходить при установленіи «нормальной» заработной платы, какую долю трудового продукта сдѣдуетъ считать «нормальной» долей рабочаго класса, а въ высотѣ этой доли и заключается, вопреки мнѣнію Родбертуса, самое важное.

Большею выработанностью отличается другой планъ соціальной реформы, изложенный Родбертусомъ въ 1871 г. въ статьѣ «Ueber den Normalarbeitstag» Какъ выше указано, Родбертусъ признавалъ неизбѣжнымъ и желательнымъ еще въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій сохраненіе частной собственности на землю и капиталъ. Реформа-компромиссъ, которую онъ предлагалъ, имѣла своею цѣлью улучшить положеніе рабочихъ классовъ въ ближайшемъ будущемъ безъ всякаго ущерба для капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Чтобы достигнуть этого, достаточно, путемъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій, побѣдить роковую тенденцію современнаго хозяйственнаго развитія—низводить заработную плату все къ меньшей и меньшей долѣ національнаго продукта. Если рабочимъ классамъ будетъ прочно обезпечена хотя бы получаемая ими въ настоящее время доля общественнаго дохода, то, благодаря непрерывно совершающимся успѣхамъ промышленной техники, доля эта будетъ гарантировать рабочему все возрастающее благосостояніе.

Мѣропріятія, намѣчаемыя Ротбертусомъ, заключаются въ слѣдующемъ. Государство должно взять въ свои руки установленіе цѣнъ товаровъ и заработной платы. Цѣны эти должны быть обозначаемы не въ металлическихъ деньгахъ, какъ нынѣ, а въ рабочихъ деньгахъ, выражающихъ среднее количество общественнаго труда, заключеннаго въ данномъ продуктѣ. Такъ какъ Родбертусъ отнюдь не имѣетъ въ виду упраздненіе не трудового дохода, ренты, то рабочіе, очевидно, не могутъ получать всей создаваемой ими трудовой цѣнности. Чтобы не обидѣть капиталистовъ и землевладѣльцевъ, нашъ мыслитель предлагаетъ слѣдующимъ образомъ дѣлить трудовой продуктъ: государству рабочій долженъ удѣлять $^{1}/_{10}$ своего продукта, землевладѣльцамъ и капиталистамъ $^{6}/_{10}$, а самому удовольствоваться скромной долей въ $^{3}/_{10}$. Эти $^{3}/_{10}$ трудовой цѣнности рабочій долженъ получать рабочими деньгами, какъ свою заработную плату.

Государство должно сохранять за собой монополію выпуска рабочихъ денегъ, открывать предпринимателямъ кредитъ этими рабочими деньгами, содержать государственные магазины, въ которыхъ должны продаваться товары, поступающіе отъ предпринимателей въ уплату ихъ долговъ государству и вообще регулировать хозяйственный процессъ.

Преимущества такой хозяйственной организаціи, сравнительно съ существующей теперь, заключались бы, по мнѣнію Родбертуса, въ томъ, что она прекратила бы тенденцію къ паденію заработной платы, какъ доли общественнаго продукта. Естественные жестокіе законы свобод-

Digitized by Google

наго обращенія были бы побѣждены разумомъ человѣка въ интересахъ рабочаго класса и всего общества, такъ какъ новая организація народнаго хозяйства прекратила бы не только пауперизма, но и промышленные кризисы.

Таковъ планъ соціальной реформы, рекомендуемый Родбертусомъ для ближайшаго будущаго. Но нечего и говорить, что эта реформа всего менѣе можетъ считаться реформой-компромиссомъ, переходной мѣрой къ осуществленію новаго общественнаго строя. Она требуетъ такихъ глубокихъ перемѣнъ существующаго, что равносильна совершенному упраздненію капиталистической организаціи хозяйства. Непонятно, что будутъ дѣлать частные предприниматели, когда всѣ цѣны будутъ устанавливаемы государствомъ. Съ другой стороны, Родбертусъ обнаруживаетъ большую наивность, разсчитывая, что рабочіе удовлетворятся скромной долей трудового продукта, которую онъ имъ великодушно предоставляетъ. Въ итогѣ, планъ Родбертуса не удовлетворяетъ какъ требованіямъ практичности ясной осуществимости—для этого реформа слишкомъ глубока—такъ и требованіямъ, предъявляемымъ къ соціальной утопіи—для послѣдняго реформа слишкомъ близка, по отношенію къ условіямъ распредѣленія народнаго дохода, къ существующему порядку вещей.

Въ одномъ изъ позднѣйшихъ сочиненій Родбертуса, изданномъ послѣ его смерти, во второй части «Zur Beleuchtung der sozialen Frage», содержится интересная попытка статистическаго освѣщенія законовъ распредѣленія народнаго дохода въ капиталистическомъ обществѣ по даннымъ англійской статистики подоходнаго налога. Родбертусъ пользуется работой англійскаго статистика Бакстера, графически изобразившаго соціальное сложеніе англійскаго общества въ началѣ 60 хъ годовъ. Пьедесталъ «общественной пирамиды» образуетъ многочисленный классъ рабочихъ, охватывающій около 77% населенія, но владѣющій только 40% національнаго дохода; на этомъ пьедесталѣ возвышается пирамида достаточныхъ классовъ, вершину которой образуетъ небольшая кучка очень богатыхъ лицъ, не достигающая и $^1/_{1000}$ части населенія, но сосредоточивающая въ своихъ рукахъ около 14% національнаго дохода; средній ежегодный доходъ лицъ этого класса достигаетъ 15.000 ф. с. (около 150.000 р). Средніе классы общества по своей численности играютъ совершенно ничтожную роль сравнительно съ рабочими, а по общей суммѣ дохода далеко уступаютъ общественной вершинѣ—классу милліонеровъ.

Но эти данныя, достаточно ярко характеризующія распредѣленіе англійскаго національнаго дохода въ опредѣленный историческій моментъ, ничего не говорятъ о тенденціяхъ историческаго *развитія*, объ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ общественной пирамидой подъ вліяніемъ роста капиталистическаго хозяйства. Для этой послѣдней цѣли необходимо сравнить распредѣленіе національнаго дохода въ одной и той же

Digitized by Google

странѣ въ различные моменты времени. Родбертусъ пользуется для сравненія данными Колькуна, относящимися къ британскому королевству въ 1812 г. Результаты сравненія данныхъ Бакстера съ данными Колькуна Родбертусъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ:

«Національный доходъ (Великобританіи и Ирландіи) возросъ съ 383 до 814 милліоновъ ф. с., т.-е., приблизительно, на 112%.

«Населеніе возросло съ 17 мил. до 30 мил., т.-е. на 86%.

«Численность рабочаго класса *возросла* съ 50% населенія до 77% населенія.

«Численность класса собственниковъ *упала* съ 40% до 20% населенія.

«Въ предѣлахъ класса собственниковъ болѣе богатыя группы, охватывавшія въ 1812 г. $^1/_{1000}$ населенія и сосредоточивавшія въ своихъ рукахъ около 10% національнаго дохода, возросли въ 1867 г. до $^1/_2$% населенія и сосредоточили въ своихъ рукахъ до 25% національнаго дохода.

«Что касается до среднихъ классовъ, то они упали отъ 25% до 10% населенія.

«Въ рукахъ этихъ классовъ сосредоточивалось во время Колькуна 60% національнаго дохода; во время Бакстера только 30% дохода.

«Реальный доходъ рабочихъ—количество хлѣба, мяса и пр. предметовъ потребленія, получаемыхъ рабочими,—не измѣнился со времени 1812 г. Слѣдовательно, доходъ рабочаго сталъ образовывать меньшую долю производимаго имъ продукта и по отношенію ко всему національному доходу у насъ.

«Очевидно,—заключаетъ Родбертусъ,—что общество все болѣе и болѣе развивается въ противоположныхъ направленіяхъ. Все возрастающая неимущая масса снизу! Все болѣе накопляющая огромныя богатства относительно сокращающаяся небольшая группа наверху! Соединяющіе эти противоположности, промежуточные, примиряющіе классы въ быстромъ паденіи и по своей численности, и по своему доходу!»

И Родбертусъ даетъ свой рисунокъ соціальнаго сложенія капиталистическаго общества. Внизу, на самыхъ низахъ, залегаетъ какъ бы придавленный тяжестью соціальнаго зданія толстый пластъ пауперовъ, нищихъ, безполезныхъ для общества и содержимыхъ на его счетъ въ состояніи крайней скудости и нужды. Затѣмъ, возвышается мощный фундаментъ, въ которомъ сосредоточена истинная сила націи—классъ рабочихъ, которыхъ Родбертусъ изображаетъ трудолюбивыми муравьями, питающими всѣ остальные классы общества и воздвигающими своимъ трудомъ національное зданіе. На рабочемъ фундаментѣ покоится узкая подставка—средніе классы общества — поддерживающая богатые классы — огромный денежный мѣшокъ, вѣнчающій всю постройку...

Рисунокъ Родбертуса очень остроуменъ и изобразителенъ. Жаль

Digitized by Google

только, что статистическія данныя, изъ которыхъ исходитъ нашъ авторъ, частью мало надежны, а частью и несомнѣнно невѣрны—какъ, напр., данныя Колькуна. Эти данныя несомнѣнно несравнимы съ данными Бакстера; изъ нихъ слѣдуетъ, напр., что національное богатство Англіи возросло за полстолѣтія только немногимъ больше населеніе, т.-е. очевидная несообразность...

Поэтому, приведенныя статистическія разсужденія Родбертуса собственно статистическаго значенія не имѣютъ; весьма возможно, что движеніе національнаго дохода въ Англіи за разсматриваемое время шло въ направленіи, указанномъ Родбертусомъ, т.-е. общество—все рѣзче раскалывалось на богатыхъ и бѣдняковъ, а средніе классы теряли почву. Но доказать этого статистическимъ путемъ Родбертусу не удалось. И потому его статистическія сопоставленія слѣдуетъ считать лишь произвольной цифровой иллюстраціей вѣроятнаго направленія общественнаго развитія.

Родбертусъ былъ нетолько экономистомъ, но и замѣчательнымъ историкомъ. Его изслѣдованія хозяйственной исторіи Рима составили эпоху въ изученіи исторіи классическаго міра. Но изслѣдованія эти важны не только для пониманія *прошлаго*; одновременно съ этимъ, они подкрѣпляютъ и глубже обосновываютъ геніальныя обобщенія Родбертуса относительно *настоящаго* и *будущаго* нашего хозяйственнаго развитія. Въ противоположность экономистамъ такъ называемой исторической школы, совершенно не сумѣвшимъ связать въ одно цѣлое экономическую *исторію* и экономическую *теорію*, воспользоваться историческими обобщеніями для установленія новыхъ теоретическихъ посылокъ, Родбертусъ даетъ грандіозную картину историческаго развитія народнаго хозяйства, которая проливаетъ новый и яркій свѣтъ на экономическую теорію вообще. Мы уже указывали на своеобразный методъ великаго экономиста — для пониманія *настоящаго* сравнивать его не только съ *прошедшимъ*, но и съ вѣроятнымъ *будущимъ*. Это и есть истинный историческій методъ, о которомъ такъ многословно и такъ безплодно разсуждали экономисты исторической школы. Одно знаніе прошлаго, безъ предвидѣнія будущаго, не можетъ дать что-либо существенно цѣнное для пониманія настоящаго; лучшимъ доказательствомъ этого является полная теоретическая безрезультатность работъ всей многочисленной, «славной» плеяды экономистовъ - историковъ, признающихъ своимъ духовнымъ отцомъ Вильгельма Рошера. Оцѣнивая теоретическіе плоды многолѣтнихъ усилій этой сѣрой толпы научныхъ труженниковъ, лишенныхъ творческой фантазіи и потому рабски прикованныхъ къ землѣ, невольно вспоминаешь арабскую пословицу: «Сто зайцевъ не составятъ одного льва!» Историкъ легко подпадалъ искушенію искать въ настоящемъ прошедшее; поэтому, историческое направленіе нерѣдко соединяется съ реакціонными симпатіями, съ стремленіемъ воскресить навсегда сошедшую со сцены старину. Исто-

Digitized by Google

рическій потокъ течетъ отъ начала вѣковъ непрерывно въ безконечную даль; каждое мгновеніе единственно реальное настоящее гаснетъ, исчезаетъ и навсегда уходитъ въ прошедшее, а изъ темной пропасти несуществующаго будущаго выплываютъ новые моменты живой дѣйствительности. Кто будетъ обращать свой взоръ только на это, тотъ никогда не разгадаетъ настоящаго—таинственнаго моста, соединяющаго двѣ пропасти—прошлаго и будущаго—того, чего *уже* нѣтъ, съ тѣмъ, что *еще* не наступило. Исторія не повторяется — и потому не можетъ быть ничего ненаучнѣе грубыхъ историческихъ аналогій, къ которымъ любятъ прибѣгать посредственные историки.

Историческій методъ Родбертуса совершенно иного рода. Въ настоящемъ онъ ищетъ зачаточныхъ элементовъ будущаго; въ прошломъ онъ видитъ зародышъ, изъ котораго развилось настоящее. Но такъ какъ исторія заключается въ непрерывномъ творчествѣ новыхъ соціальныхъ формъ, то Родбертусъ чуждъ нерѣдкой ошибки историковъ—конструировать соціальныя формы одной исторической эпохи по формамъ другой. Напротивъ, великая заслуга Родбертуса въ томъ и заключается, что онъ съ чрезвычайною рѣзкостью и отчетливостью противопоставилъ другъ другу три основныхъ формы хозяйственнаго устройства—«ойкоснаго» хозяйства древности, современнаго капиталистическаго мѣнового хозяйства и коллективнаго хозяйства будущаго.

Соціальный строй древняго міра покоился на натуральномъ хозяйствѣ, картину котораго Родбертусъ возсоздаетъ съ неподражаемымъ искусствомъ. Хозяйственной единицей былъ *ойкосъ*,—античная семья, владѣвшая болѣе или менѣе обширнымъ участкомъ земли, орудіями труда и рабами, исполнявшими хозяйственныя операціи. И земледѣліе, и обработка сырья сосредоточивались въ ойкосѣ. «Благоустроенный ойкосъ самъ удовлетворялъ всѣмъ потребностямъ своей обширной домохозяйственной сферы, и потому настолько обезпечивалъ ей автократію, самообезпеченность, что владыка ойкоса, глава семьи, первоначально бывшій единственнымъ полноправнымъ гражданиномъ, могъ всецѣло и безкорыстно посвящать себя служенію государству». «Не было никакой нужды въ деньгахъ для того, чтобы подымать національный продуктъ со ступени на ступень во время процесса производства, потому что въ теченіе всего этого процесса продуктъ не мѣнялъ владѣльца. Достаточно было воли господина ойкоса, приказывавшаго своимъ рабамъ-ремесленникамъ продолжать работу надъ произведеніями рабовъ-земледѣльцевъ. Въ распредѣленіи національнаго дохода деньги принимали ничтожное участіе. Рабочаго класса не было на рынкѣ, такъ какъ въ ойкосномъ хозяйствѣ рабочій получалъ содержаніе натурой. Не имѣло мѣста и дѣленіе ренты между землевладѣльцемъ и капиталистомъ» (такъ какъ одно и то же лицо совмѣщало въ себѣ владѣніе капиталомъ и землей). Деньги существовали, но играли совершенно второстепенную роль въ хозяйствѣ ойкоса: онѣ служили лишь для обмѣна избыточныхъ

Digitized by Google

продуктовъ, остававшихся за покрытіемъ потребностей ойкоса, и обращались въ международной торговлѣ, значеніе которой также было весьма ограниченно. Рабочаго вопроса общество не знало, такъ какъ не было класса свободныхъ рабочихъ. Общество распадалось только на богатыхъ и бѣдныхъ, причемъ богатство зависѣло, главнымъ образомъ, отъ размѣра землевладѣнія. Не имѣвшій земли былъ бѣднякомъ и пролетаріемъ. Ему противостоялъ богатый землевладѣлецъ, владѣвшій множествомъ рабовъ, благодаря чему античная культура достигла высокой степени матеріальнаго совершенства. Рабы, среди которыхъ были искусно и даже художественно обученные рабочіе, создавали ту обстановку неслыханной роскоши, удовлетворявшую самому утонченному, изысканному вкусу, среди которой, напр., жилъ богатый римскій патрицій.

Ойкосъ былъ ячейкой античнаго государства. Разложеніе ойкоса повлекло за собой гибель и античнаго государства. Въ эпоху Римской имперіи разложеніе античнаго соціальнаго строя идетъ быстрыми шагами и на развалинахъ ойкоса выростаетъ новая хозяйственная организація. Рабство превращается сначала въ колонатъ—въ систему прикрѣпленія земледѣльческаго рабочаго къ землѣ—крѣпостное состояніе. Изъ колоновъ образовался мало-по-малу классъ свободныхъ крестьянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ классъ прежнихъ собственниковъ-рабовладѣльцевъ дифференцируется и раскалывается на два класса—землевладѣльцевъ и капиталистовъ; возникаетъ классъ свободныхъ рабочихъ. Денежное хозяйство пріобрѣтаетъ все больше значенія и такимъ образомъ создаются начатки соціальнаго строя нашего времени.

Все это изложено Родбертусомъ съ удивительнымъ мастерствомъ и на основаніи самаго детальнаго изученія первоисточниковъ; его схема эволюціи античнаго хозяйства не априорное построеніе дилетанта-историка, а строгая фактическая, документальная исторія спеціалиста. Но въ то же время—что такъ рѣдко бываетъ въ подобныхъ работахъ—она вся освѣщена и проникнута теоретическою мыслью. Въ центрѣ ея лежитъ теорія ойкоса, какъ основной ячейки античнаго соціальнаго строя. Теорія эта является въ настоящее время почти общепринятой не только среди экономистовъ, но, въ значительной мѣрѣ, и историковъ древности.

Родбертусъ принадлежитъ къ числу тѣхъ истинно великихъ мыслителей, вліяніе которыхъ на потомство гораздо сильнѣе вліянія ихъ на современниковъ. При жизни онъ стоялъ въ сторонѣ отъ широкой дороги общественной жизни. Въ политической борьбѣ онъ не могъ принимать участіе, благодаря своей противорѣчивой соціально-политической программѣ. Крупный землевладѣлецъ, защитникъ аграрныхъ интересовъ, онъ не могъ стать во главѣ рабочаго движенія; радикально-консервативная партія—радикальная въ соціальныхъ вопросахъ и консервативная въ политическихъ—образованія которой желалъ Родбертусъ,

Digitized by Google

есть несомнѣнная политическая нелѣпость. Если бы Родбертусъ былъ сколько-нибудь политикомъ, онъ быстро разочаровался бы въ своихъ соціально-политическихъ планахъ. Но въ томъ-то и дѣло, что уединенный мыслитель Ягецова былъ всего менѣе политикомъ. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ и глубокихъ соціальныхъ философовъ новаго времени; уже по одному тому, онъ не могъ имѣть быстраго успѣха, слабость его соціально-политической программы должна была еще болѣе препятствовать вліянію его идей на умы современниковъ.

Однимъ изъ первыхъ, оцѣнившихъ великое значеніе «соціальныхъ писемъ», былъ Фердинандъ Лассаль. Въ концѣ жизни Родбертусъ уже пользовался большимъ признаніемъ; но настоящая его извѣстность начинается лишь послѣ его смерти. Правда, и донынѣ Родбертусъ болѣе популяренъ среди представителей такъ называемой буржуазной науки, чѣмъ въ противоположномъ лагерѣ. Объясняется это не только соціально-политической программой великаго экономиста, но также и другимъ обстоятельствомъ болѣе случайнаго свойства. Дѣло въ томъ, что духовный глава современнаго соціализма, Карлъ Марксъ, удивительно сошелся въ существенныхъ частяхъ своей экономической теоріи съ Родбертусомъ. А такъ какъ Родбертусъ высказалъ соотвѣтствующіе взгляды значительно раньше Маркса — уже въ своей первой работѣ «Zur Erkenntniss unserer staatswirtschaftlichen Zustände», вышедшей въ 1842 г.,—то Родбертусъ счелъ себя въ правѣ обвинить Маркса въ плагіатѣ. Конечно, марксисты не остались въ долгу, и уже послѣ смерти обоихъ великихъ мыслителей между ихъ приверженцами загорѣлся жаркій споръ о степени оригинальности Маркса. Вѣрный другъ Маркса Энгельсъ сдѣлалъ все возможное, чтобы скомпрометировать научное значеніе Родбертуса и уронить его авторитетъ. Ядовитая, но крайне слабая и не убѣдительная критика Энгельса не могла оказать вліянія на людей съ самостоятельною мыслью; но такъ какъ таковыхъ крайне мало, а огромное большинство, чувствуя свою духовную скудость, всегда ищетъ вождя и руководителя, на котораго можно было бы опереться и затѣмъ можно было бы слѣпо идти, и такъ какъ далѣе такимъ вождемъ въ настоящее время для большинства рабочей интеллигенціи Запада является Марксъ, то не удивительно, что Энгельсъ вполнѣ достигъ въ средѣ рабочаго класса своей цѣли—умаленія Родбертуса, какъ теоретическаго мыслителя. Для правовѣрнаго марксиста нашего времени Родбертусъ не болѣе, какъ наивный буржуазный утопистъ.

Напротивъ, безпристрастный изслѣдователь не можетъ не признать безусловно справедливымъ утвержденіе Родбертуса, что онъ далъ въ 3-мъ соціальномъ письмѣ такое же объясненіе происхожденія прибавочной цѣнности капиталиста, какъ и Марксъ, «только гораздо болѣе короткое и ясное». Изъ этого, однако, еще не слѣдуетъ, что Марксъ совершилъ плагіатъ у Родбертуса. Нѣтъ основанія не довѣрять Энгельсу, категорически отрицающему возможность заимствованій Маркса у Родбертуса,

Digitized by Google

благодаря незнакомству Маркса съ работами Родбертуса. Сходство воззрѣній того и другого объясняется, повидимому, тѣмъ, что оба они строили свою теорію распредѣленія на базисѣ одной и той же трудовой теоріи цѣнности, и потому неудивительно, что оба пришли къ сходнымъ результатамъ. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что теорія присвоенія собственникомъ трудоваго продукта нашла себѣ литературное выраженіе задолго до Родбертуса и Маркса въ работахъ англійскихъ и французскихъ соціалистовъ.

Заслуга обоихъ великихъ экономистовъ заключалась не въ построеніи новой теоріи нетрудового дохода, а лишь въ усовершенствованіи старой теоріи, которой они придали болѣе ясную и логически законченную форму. И это дѣло Родбертусъ исполнилъ не только *раньше* Маркса (что большого значенія не имѣетъ), но и *лучше* Марса (что уже очень важна). Родбертусу требуется нѣсколько страницъ для выраженія того, что Марксъ излагаетъ на десяткахъ и сотняхъ страницъ. Несмотря на свою сжатость и краткость, на свой лапидарный стиль, теорія ренты автора «соціальныхъ писемъ» глубже и богаче содержаніемъ всего того, что написалъ по тому же вопросу Марксъ. Вообще, въ области абстрактной экономической теоріи Родбертусъ оригинальнѣе и выше Маркса, далеко уступая послѣднему въ болѣе широкой сферѣ соціологическихъ обобщеній. Что касается до значенія обоихъ мыслителей, какъ политиковъ, то въ этомъ отношеніи ихъ нельзя, конечно, и сравнивать. Померанскій помѣщикъ Родбертусъ совсѣмъ не понималъ политической жизни и не пошелъ дальше совершенно несбыточной и не имѣющей никакого практическаго значенія утопіи «соціальной монархіи»; а Марксъ былъ и остается вдохновителемъ и духовнымъ главой величайшаго соціальнаго движенія новаго времени.

М. Туганъ-Барановскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

НИКОЛАЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОГОЛЬ. 1829—1842 гг.

(*Продолженіе* *).

VI.

Народная старина и народный бытъ въ памятникахъ словесности. — Повѣсти Погодина.—«Вечера на Хуторѣ»; смѣшеніе въ нихъ романтизма съ реализмомъ.—Отступленія отъ бытовой правды; фантастическое; идеализація.—Отзывы критики о «Вечерахъ».—Автобіографическое значеніе этихъ повѣстей.

Среди различныхъ путей, какими писатель того времени шелъ на розыски настоящей «народности», былъ, какъ мы знаемъ, одинъ путь, повидимому, самый прямой и удобный. Народная жизнь въ ея далекомъ прошломъ, съ ея миѳами, преданіями и обрядами, съ ея историческими воспоминаніями, давала художнику сразу обильнѣйшій матеріалъ для литературнаго сюжета и готовые образы для внѣшней его отдѣлки. Писатель могъ воспользоваться также и тѣмъ матеріаломъ, который онъ находилъ въ современной ему жизни простонародья, въ міросозерцаніи котораго были еще такъ живы традиціи и воспоминанія старины. Въ обоихъ случаяхъ онъ стоялъ у самаго источника «народности», понятой, правда въ нѣсколько узкомъ смыслѣ, но, во всякомъ случаѣ, неподдѣльной. Эти богатства, таящіяся въ жизни народной массы, были къ тридцатымъ годамъ уже достаточно разработаны, и мы знаемъ, что критика такую разработку очень поощряла. Но и помимо критики на эту же сторону народной жизни обратила тогда свое вниманіе и наука, еще очень не совершенная, но, тѣмъ не менѣе, авторитетная въ глазахъ общества.

Изслѣдованіе народной старины, начавшееся еще въ XVIII вѣкѣ, подвигалось успѣшно и быстро. Если пріемы этого изслѣдованія были мало научны, то результаты его оказались все-таки плодотворны. Старина воскресала подъ перомъ историковъ, юристовъ, издателей старинныхъ памятниковъ, въ особенности собирателей народныхъ пѣсенъ, повѣрій и обрядовъ. Къ тридцатымъ годамъ запасъ такихъ археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ мате-

*) См. «Міръ Божій», мартъ 1902 г.

Digitized by Google

ріаловъ былъ достаточно обширенъ и богатъ, и писатель-художникъ могъ имъ легко воспользоваться. Пользовались имъ, какъ извѣстно, и Жуковскій, и Пушкинъ, и Гоголь — Гоголь въ особенности — и такая разработка старины иной разъ обогащала нашу изящную словесность; но, какъ уже было замѣчено, литература могла и пострадать отъ неумѣлаго стремленія писателя поддѣлаться подъ эту старину и отъ неизбѣжной въ такихъ случаяхъ фальсификаціи «народности». И, дѣйствительно, въ нашей словесности тѣхъ годовъ существовали всѣ эти три вида разработки народныхъ древностей—и простое, весьма цѣнное, собираніе самихъ памятниковъ старины, и художественная переработка ихъ и, наконецъ, поддѣлка подъ старое—въ большинствѣ случаевъ неудачная его фальсификація. Рѣдко, очень рѣдко удавалось художнику реставрировать старину настолько правдоподобно, чтобы она казалась истинно народной и старинной. Пушкинъ въ своихъ «Сказкахъ» и въ своемъ «Борисѣ» подходилъ къ этому идеалу довольно близко, подходилъ и Жуковскій также въ своихъ «Сказкахъ»—но это были исключенія. Обыкновенно въ произведеніяхъ съ такимъ народнымъ и археологическимъ колоритомъ царило полное смѣшеніе стараго съ новымъ, русскаго съ иноземнымъ, и въ лучшемъ смыслѣ получалась та амальгама, та мозаичная работа съ подборомъ старинныхъ образовъ и романтически-сентиментальныхъ положеній, какая намъ дана, напр., въ сочиненіяхъ Катенина—тогда достаточно популярнаго писателя.

Не лучше, если не хуже, обстояло дѣло съ попытками нашихъ писателей изображать не историческую, а современную имъ жизнь простонародья. Изъ краткаго обзора нашихъ повѣстей и романовъ того времени мы могли видѣть, что писатель не избѣгалъ этой темы и всегда охотно приплеталъ ее къ своему разсказу. Но онъ дѣлалъ это почти всегда съ цѣлью обличительной и потому въ картинахъ народнаго современнаго быта его вниманіе было сосредоточено, главнымъ образомъ, на одной сторонѣ этой жизни, именно на столкновеніи крестьянина съ помѣщикомъ. Пересказывая эту эпопею всевозможныхъ насилій, писатель иной разъ улавливалъ ту или другую бытовую черту въ жизни простонародья, но сама психологія народа, его міровоззрѣніе и размахъ его фантазіи оставались не разъясненными. Если же писатель хотѣлъ, никого не обличая, расположить читателя въ пользу униженнаго и обездоленнаго, то онъ идеализировалъ крестьянина и писалъ съ него портретъ по старому сентиментальному шаблону; изъ сатирика онъ превращался въ идиллика. Лицевая сторона крестьянской жизни выступала тогда подмалеванная наружу, а все мрачное или даже сѣрое—пряталось. Никакой «народности» въ этихъ идиллiяхъ и буколикахъ, конечно, не было, была лишь невинная благомыслящая ложь. Для истиннаго пониманія народной жизни мрачныя страницы обличительныхъ и сатирическихъ романовъ давали, во всякомъ случаѣ, больше. Но если изъ этихъ романовъ читатель узнавалъ, какъ велико было горе народа,

Digitized by Google

то онъ все-таки не зналъ, какъ этотъ народъ чувствуетъ и что онъ думаетъ. Для того, чтобы узнать это необходимо было либо изучать народную жизнь на мѣстѣ,—что и стали дѣлать наши писатели, но только значительно позже, уже послѣ освобожденія крестьянъ,—либо попытаться проникнуть въ народную душу не путемъ прямого наблюденія надъ ней, а путемъ изученія тѣхъ старыхъ памятниковъ народнаго быта, которые, какъ мы сказали, къ тому времени были уже въ достаточномъ количествѣ собраны. При отсутствіи непосредственнаго знакомства съ народной жизнью, такой окольный путь къ его разумѣнію былъ, конечно, наиболѣе удобный. Народный миѣ все-таки элементарная форма народной философіи, равно какъ и народный обрядъ—хорошее отраженіе того круга чувствъ и понятій, которымъ живетъ народъ или жилъ долгое время.

До появленія повѣстей Гоголя, въ которыхъ эта трудная задача возсозданія народнаго быта по остаткамъ старины и по наблюденіямъ надъ жизнью дѣйствительной была рѣшена относительно удачно—въ русской литературѣ, за исключеніемъ развѣ комедіи-фарса, было очень мало памятниковъ, которые, удовлетворяя хоть нѣсколько художественной правдѣ, сближали жизнь простонародья съ искусствомъ.

Ей—этой простонародной жизни—пришлось долго ждать настоящаго бытописателя, который освѣтилъ бы ее въ неподдѣльныхъ краскахъ одинаково съ ея печальной и радостной стороны. Въ тѣ юные годы нашей словесности, о которыхъ говоримъ мы, нельзя было и разсчитывать на такое широкое пониманіе и знаніе народнаго быта у нашего еще малоопытнаго художника. Но всетаки въ этомъ направленіи были и тогда уже сдѣланы первыя попытки и среди нихъ самой удачной или, вѣрнѣе, самой поэтичной, были «Вечера на Хуторѣ». Въ русской литературѣ эти повѣсти прямыхъ предшественниковъ неимѣли, хотя, конечно, ихъ фантастическій, историческій и внѣшній бытовой элементъ, порознь взятый, не былъ новинкой. Новизна заключалась лишь во внутреннемъ бытовомъ содержаніи этихъ разсказовъ т.-е. въ попыткѣ изобразить народъ дѣйствующимъ, чувствующимъ и мыслящимъ. Какія бы натяжки въ этомъ изображеніи ни допустилъ Гоголь—онъ всетаки эту трудную задачу рѣшилъ удачнѣе своихъ современниковъ.

Изъ этихъ современниковъ работали тогда надъ той же задачей—Даль и Погодинъ. Но казакъ Луганскій [Даль] въ началѣ тридцатыхъ годовъ только выступалъ съ первыми своими разсказами, растянутыми, блѣдными и вялыми, въ которыхъ къ тому же о простомъ народѣ пока говорилось мало *). Но и позднѣе, когда Даль сталъ перелицовывать старыя сказки и набрасывать народныя сценки, онъ не пошелъ дальше внѣшняго описанія народнаго быта или инкрустаціи народныхъ оборотовъ рѣчи, пословицъ и поговорокъ въ довольно незначительные

*) «Были и небылицы казака Владиміра Луганскаго» Книжка первая. Спб. 1833.

Digitized by Google

разсказы. Погодинъ въ данномъ случаѣ—литературная сила болѣе замѣтная.

Въ 1832 году Погодинъ издалъ полное собраніе своихъ повѣстей *), къ которымъ онъ—тогда уже извѣстный ученый и профессоръ—былъ очень неравнодушенъ. Содержаніе сборника довольно пестрое. Сюда вошли повѣсти, имѣющія чисто автобіографическое значеніе, писанныя Погодинымъ на зарѣ его юности, въ моменты сердечныхъ увлеченій, а потому—восторженно сентиментальныя, съ примѣсью нѣмецкой мечтательности, столь обычной въ московскомъ университетскомъ кружкѣ двадцатыхъ годовъ. Но уже въ этихъ сентиментальныхъ повѣстяхъ Погодинъ обнаружилъ талантъ наблюдателя и хорошаго психолога. Въ другихъ разсказахъ—гдѣ лиризма было меньше—этотъ даръ давалъ себя еще больше чувствовать, несмотря на романтическую канву повѣсти. Изъ числа нашихъ раннихъ реалистовъ—а Погодина должно зачислить въ ихъ группу—нашъ ученый повѣствователь былъ одинъ изъ первыхъ, который попытался въ «картину нравовъ» включить описаніе быта низшихъ слоевъ нашего общества. Онъ сдѣлалъ больше: онъ не только описывалъ, но изображалъ этихъ намъ тогда малознакомыхъ людей, изображалъ ихъ чувствующими и думающими, а также разговаривающими и притомъ довольно естественной рѣчью. Содержаніе повѣстей оставалось въ большинствѣ случаевъ романтическимъ, но въ выполненіи проступалъ наружу довольно откровенный реализмъ.

Галлерея типовъ, набросанныхъ Погодинымъ, довольно характерна: избитыхъ типовъ нѣтъ и нашъ авторъ беретъ свои образы изъ малообслѣдованныхъ общественныхъ круговъ—изъ круга купеческаго, мѣщанскаго и, наконецъ, крестьянскаго; иногда онъ знакомитъ насъ и съ той сѣрой массой, которая вербуется изъ самыхъ различныхъ слоевъ и составляетъ въ обществѣ такъ называемые «поддонки».

Нельзя было, конечно, ожидать, что Погодинъ вполнѣ удачно справится съ такой новой и трудной задачей. Но всѣ недостатки литературной условности въ его повѣстяхъ искупаются обиліемъ вѣрно подмѣченныхъ и схваченныхъ бытовыхъ чертъ, а въ иныхъ случаяхъ и серьезностью основной идеи. Авторъ иллюстрируетъ иногда свою тему народными повѣріями, пѣснями и обрядами, какъ, напр., въ трогательномъ разсказѣ о любви бѣднаго приказчика, забитаго и скромнаго Ивана Гостинцева къ дочери богатаго купца Чужого—этой сентиментальной повѣсти, очень напоминающей излюбленныя драматическія положенія Островскаго («Суженый»). Авторъ вводитъ насъ также въ кругъ мелкопомѣстной провинціальной жизни, подробно описываетъ ее и съ большимъ юморомъ разсказываетъ намъ о столь обычномъ, трагикомическомъ положеніи подросшей дѣвицы, сидящей въ ожиданіи жени-

*) «Повѣсти Михаила Погодина». 3 части. Москва. 1832.

Digitized by Google

ха, который и является во образѣ настоящаго Хлестакова («Невѣста на ярмаркѣ»). Особенно много красокъ и драматизма въ повѣсти «Черная немочь»—одной изъ самыхъ идейныхъ въ сборникѣ Погодина. Это печальная исторія о томъ, какъ одинъ купеческій сынъ восчувствовалъ тяготѣніе къ знанію и наукѣ и какъ онъ тщетно рвался изъ своей среды на волю. Типъ купца-старика, который думаетъ, что женитьба исцѣлитъ его сына отъ «дури», отъ этой «немочи», отъ жажды знанія и стремленія къ какой-то философіи; старушка мать—безгласная передъ отцомъ, безумно любящая сына и ищущая опоры и утѣшенія у священника и матушки; сваха, достаточно циничная, рабольпная и хитрая, которая устраиваетъ смотрины; чучело-невѣста и рядомъ съ нею этотъ задумчивый, неизвѣстно какъ въ этотъ кругъ попавшій, молодой человѣкъ, «изъ котораго могъ бы выйдти Гердеръ или Ломоносовъ»; наконецъ, смерть этого несчастнаго, его самоубійство—всѣ эти типы и положенія—первый лучъ, который заронилъ въ наше темное царство наблюдательный писатель. Погодинъ попытался освѣтить и другой темный уголокъ нашей жизни. Въ повѣсти «Счастье въ несчастьи» онъ описалъ вертепъ нищихъ, воровъ и мошенниковъ, описалъ не ради обличенія или дешевой проповѣди, какъ дѣлало большинство его современниковъ, а ради возбужденія въ насъ чувства состраданія къ несчастнымъ, которые все-таки люди съ неугасшей Божьей искрой въ ихъ темномъ сердцѣ. Коснулся Погодинъ также и жизни крестьянской. И въ этой попыткѣ изобразить народный бытъ, уловить міросозерцаніе народа и раскрыть его психику, нашъ авторъ, конечно, не избѣгъ сентиментальныхъ и романтическихъ условностей, но этотъ романтизмъ въ сюжетахъ искупался реализмомъ въ обрисовкѣ психическихъ движеній. Нѣкоторыя положенія очень трогательны. Такова, напр., идиллія изъ малороссійской жизни—разсказъ о томъ, какъ Петрусь любилъ несчастную Наталку, которую отецъ не хотѣлъ выдать за бѣдняка и выдалъ за богатаго; какъ бѣдный Петрусь ушелъ копить деньгу; какъ возвратился и засталъ свою невѣсту замужемъ за другимъ, засталъ больную и разоренную; какъ онъ отдалъ имъ всѣ свои накопленныя деньги. (Петрусь).

Полна драматическаго движенія и разбойничья сказка, въ которой мимоходомъ оттѣнены благородные порывы крестьянскаго сердца. Есть въ сборникѣ также жизнеописаніе одного нищаго—повѣсть съ опредѣленнымъ соціальнымъ смысломъ. Авторъ разсказываетъ, какъ помѣщикъ укралъ у своего крѣпостного его невѣсту, какъ его—мирнаго крестьянина — онъ этимъ насильемъ чуть-чуть не подбилъ на убійство, какъ за покушеніе на жизнь помѣщика его отдали въ солдаты, какъ онъ страдалъ и терпѣлъ и какъ, наконецъ, на старости пошелъ просить милостыню. (Нищій).

Изложеніе содержанія всѣхъ этихъ повѣстей не даетъ, конечно, понятія объ ихъ литературной стоимости и, если, ознакомившись съ ними,

Digitized by Google

читатель поставить автору въ вину смѣшеніе романтизма и сентиментализма въ замыслѣ съ реальной обрисовкой быта и психическихъ движеній, то этотъ недостатокъ не умаляетъ значенія повѣстей Погодина въ исторіи развитія нашей реальной повѣсти. Этотъ обычный для того времени недостатокъ дѣлитъ съ Погодинымъ и Гоголь.

Въ «Вечерахъ на Хуторѣ близъ Диканьки» смѣшеніе реальнаго элемента съ романтическимъ составляетъ, дѣйствительно, отличительную черту всего замысла художника. Впрочемъ, былъ ли у Гоголя замыселъ, когда онъ сочинялъ эти повѣсти? Мы знаемъ, какъ случайно онѣ возникли: авторъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ ихъ художественномъ значеніи, онъ писалъ ихъ отчасти скуки ради, отчасти имѣя въ виду матеріальную выгоду, а главное писалъ ихъ потому, что часто вспоминалъ о своей Малороссіи и находилъ отраду въ этихъ воспоминаніяхъ. Быть можетъ, эти разсказы и вышли такъ непринужденно естественны и такъ разнообразны потому, что авторъ при ихъ созданіи не преслѣдовалъ никакой опредѣленной цѣли, ни назидательной, ни литературной. Смѣшеніе же романтическихъ образовъ съ чисто бытовыми картинами произошло также невольно и неумышленно. Въ Гоголѣ романтическій лиризмъ всегда боролся съ зоркостью наблюдателя-жанриста и по этому первому, самостоятельному и относительно зрѣлому произведенію никакъ нельзя было рѣшить куда клонятся симпатіи автора—къ реальному ли изображенію жизни или къ символизаціи ея въ романтическихъ образахъ. И то, и другое въ «Вечерахъ» смѣшано и слито.

Передъ нами рядъ фантастическихъ легендъ самаго опредѣленнаго романтическаго характера, съ совсѣмъ воздушными образами вмѣсто живыхъ людей и съ большой примѣсью суевѣрія. Рядомъ съ этими легендами—много жанровыхъ картинъ, съ реальными аксессуарами, съ относительно естественной композиціей и даже одинъ разсказъ о Шпонькѣ и его тетушкѣ, выдержанный весь, безъ малѣйшаго отклоненія, въ стилѣ строжайшаго реализма. Такое совмѣщеніе въ душѣ художника двухъ противуположныхъ пріемовъ и направленій творчества тѣмъ болѣе оригинально, что почти всегда эти направленія смѣшиваются или идутъ параллельно въ одномъ и томъ же разсказѣ. Такъ уже въ «Сорочинской ярмаркѣ» въ реальную жизнь начинаетъ вторгаться легенда. Въ разсказъ объ «Ивановой ночи», полный ужаса и романтическихъ страстей, вставлены живые, съ натуры списанные, портреты. Въ «Майской ночи» сельская идиллія, веселая и живая, сплетена даже неестественно съ печальной легендой. Въ фантастическое сказаніе о «Страшной мести» введенъ цѣлый рядъ эпизодовъ изъ казацкой жизни, нарисованныхъ необычайно правдиво и реально; Въ «Ночи передъ Рождествомъ» фантастика совсѣмъ переплелась съ дѣйствительностью, какъ и въ «Пропавшей грамотѣ» и въ «Заколдованномъ мѣстѣ». Въ одной только «повѣсти о Шпонькѣ»—какъ мы

Digitized by Google

замѣтили—реализмъ въ искусствѣ проявился безъ всякой примѣси романтической грезы или мечты, и авторъ далъ намъ первый примѣръ истинно художественной юмористической повѣсти. Во всѣхъ остальныхъ разсказахъ онъ одновременно и юмористъ-бытописатель, и сентиментальный романтикъ.

«Вечера на Хуторѣ» стояли, такимъ образомъ, на распутьи двухъ литературныхъ теченій, стараго—романтическаго и новаго—реальнаго и скорѣе принадлежали прошлому, чѣмъ открывали дорогу новому.

Романтика въ нихъ преобладала. Она проявлялась прежде всего въ обиліи фантастическаго элемента, которымъ большинство этихъ повѣстей было насквозь пропитано. Эта фантастика была тогда очень распространена въ нашей словесности. Богатѣйшій родникъ ея нашли мы въ нашихъ собственныхъ народныхъ преданіяхъ и сказкахъ; кромѣ того, многое перенесено было къ намъ съ Запада. Изъ дебрей преимущественно нѣмецкаго романтизма перелетали на русскую землю вѣдьмы, лѣшіе, оборотни и всякая нечисть. Повѣсти Тика, напр., читались охотно, и самъ Гоголь заимствовалъ у него завязку своего «Вечера наканунѣ Ивана Купалы». Чудесное приходило къ намъ и съ Востока, съ горъ Кавказа. Правда, повѣсти Гоголя вносили нѣчто свое въ эту чертовщину, а именно, тотъ же малороссійскій юморъ, который по репликамъ вѣдьмъ и чертей заставлялъ всѣхъ догадываться, что они проживаютъ не въ ущельяхъ финскихъ горъ, не въ дремучихъ лѣсахъ Муромскихъ, а на Лысой горѣ подъ Кіевомъ. Но это этнографическое отличіе ничуть не мѣняло ихъ роли и ихъ участія въ людской жизни.

Читатель, еще задолго до этихъ «Вечеровъ», любилъ, какъ мы въ нашемъ дѣтствѣ, чтобы съ героемъ повѣсти случалось непремѣнно что-нибудь необыкновенное, чтобы въ жизнь его вмѣшивались свѣтлые и темные духи—именно потому, что русскій читатель тогда былъ еще ребенокъ.

Повѣсти Гоголя въ этомъ смыслѣ вполнѣ отвѣчали господствующему вкусу. Но это чудесное, подсказанное народными легендами, интересовало Гоголя не только какъ извѣстный рычагъ дѣйствія: оно совпадало съ одной очень важной стороной его собственнаго міросозерцанія. Зародыши суевѣрія и наивной вѣры съ дѣтства таились въ Гоголѣ; съ годами они окрѣпли. Эти малороссійскіе черти и вѣдьмы превратились со временемъ въ настоящаго чорта, въ существованіе котораго Гоголь вѣрилъ и отъ котораго предостерегалъ Аксакова; старые народные мрачные духи, подъ вліяніемъ религіи, отожествились тогда въ его пониманіи съ принципомъ зла и, конечно, о комическомъ ихъ вторженіи въ жизнь человѣка не могло быть и рѣчи.

Но помимо этой существенной роли, какую чудесное играло въ міросозерцаніи нашего автора, міръ призраковъ удовлетворялъ во дни его юности и другой потребности его духа, именно—жаждѣ свободы. Вы-

Digitized by Google

воротить человѣческую жизнь на изнанку, поставивъ въ ней все вверхъ дномъ, сдѣлать ее рядомъ неожиданностей, пока въ большинствѣ случаевъ очень пріятныхъ для человѣка, значило тогда для скромнаго и нуждающагося мелкаго чиновника—испытать хоть въ мечтахъ свободный размахъ своей энергіи и воли, которая такъ была стѣснена въ жизни. Очень часто, когда обстоятельства слагаются не весело, охотно мечтаешь о томъ, какъ бы хорошо было, если бы они вдругъ, по щучьему велѣнію, какъ говорятъ, перемѣнились. Такъ могло быть и съ Гоголемъ.

Таившееся въ немъ суевѣріе и страхъ передъ зломъ въ мірѣ нашло себѣ выраженіе въ такихъ повѣстяхъ, какъ «Вечеръ наканунѣ Ивана Купалы» и «Страшная месть», а невинная мечта о благосклонномъ вмѣшательствѣ этихъ силъ въ жизнь человѣка отразилась въ «Майской ночи» и въ особенности въ «Ночи передъ Рождествомъ».

Но помимо чудеснаго, которое придаетъ этимъ повѣстямъ такой романтическій характеръ, само изображеніе малороссійскаго быта грѣшитъ нерѣдко излишней романтической красотой. Конечно, сравнительно со всѣми прежними опытами въ этомъ родѣ, «Вечера на Хуторѣ» могутъ быть названы первой правдивой картиной южно-русскаго быта, написанной безъ всякой тенденціи дидактической или сентиментальной. Но это отсутствіе тенденціи и даже обиліе вѣрно схваченныхъ и правдиво изображенныхъ типовъ не спасаютъ «Вечера на Хуторѣ» отъ упрека въ идеализаціи и въ не совсѣмъ правдоподобной компановкѣ разсказа. Одно время критика очень придирчиво высчитывала разныя ошибки, которыя Гоголь допустилъ въ обрисовкѣ малорусскаго народнаго характера и въ описаніи различныхъ народныхъ обрядовъ *); она оказалась, однако, неправой: почти все, что Гоголь говорилъ о малорусской жизни, были фактически вѣрно; онъ ничего не измыслилъ и не исказилъ; но вопросъ не въ этомъ—вѣрно ли онъ срисовалъ детали. Онѣ могли быть всѣ списаны съ натуры или взяты изъ народныхъ пѣсенъ. Если Гоголь въ чемъ погрѣшилъ противъ правды, такъ это въ компановкѣ этихъ деталей и въ привычкѣ слишкомъ оттѣнять красивую и яркую сторону изображаемой имъ жизни.

Въ компановкѣ повѣстей допущены, дѣйствительно, нѣкоторыя странности, съ реализмомъ не вполнѣ согласныя. Могла ли свадьба устроиться такъ быстро, какъ она устроилась на ярмаркѣ въ Сорочинцахъ, и могъ ли цыганъ такъ хитро спрятать всѣ нити своей интриги и своего «чудеснаго» вмѣшательства въ ходъ сватовства парубка—

*) См. объ этомъ статьи *Кулиша* («Основа», 1861, кн. 4, 5 и 9); отвѣтъ *Максимовича* («День», 1861 № 3, 5, 7 и 9); *Пыпинъ*. «Исторія русской этнографіи» III, 209. «Малороссійскій писатель Гоголь по гг. Кулишу и Максимовичу», «Время», 1852, I. *Н. И. Коробка*, «Кулишъ объ украинскихъ повѣстяхъ Гоголя». «Литературный Вѣстникъ», 1902, I.

Digitized by Google

это остается на совѣсти автора; могла ли майская ночь пройти такъ безумно весело съ такимъ импровизированнымъ крестьянскимъ маскарадомъ, съ такой правильно организованной остроумной уличной демонстраціей хлопцовъ противъ начальства—это также сомнительно; какимъ образомъ вся ночь передъ Рождествомъ обратилась въ сплошную буффонаду, невѣроятно запутанную и невѣроятно смѣшную, какимъ образомъ всѣ дѣйствующія лица этого фарса могли позволить случайностямъ такъ играть съ собой—тоже мало понятно. Впрочемъ, можетъ быть, въ этой малопонятливости и заключался умыселъ художника; но, во всякомъ случаѣ, въ его планы отнюдь не входило заставлять своихъ крестьянъ иной разъ говорить совсѣмъ городской выхоленной рѣчью, а въ «Вечерахъ» такая рѣчь въ устахъ парубковъ и дѣвчатъ совсѣмъ не рѣдкость. Послушать ихъ любовныя разговоры—и въ нихъ даже не замѣтно поддѣлки подъ народную рѣчь, до того ихъ слова отборны и литературны...

Помимо этихъ довольно явныхъ отступленій отъ реализма и житейской правды, нельзя не указать и на описанія природы, какъ на образецъ художественной, но никакъ не реальной пейзажной живописи. Мы съ дѣтства привыкли благоговѣть передъ этими описаніями и учимъ ихъ наизусть; но едва ли, созерцая настоящую природу Малороссіи, мы о нихъ когда-либо вспомнимъ. Конечно, тѣ страницы «Вечеровъ», гдѣ насъ спрашиваютъ—«знаемъ ли мы украинскую ночь» и гдѣ намъ говорятъ, какъ «чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ»—эти страницы ослѣпительны по блеску метафоръ, красотѣ образовъ и торжественному настроенію созерцателя, но это не описанія того, что видишь и что желалъ бы другого заставить видѣть, это—восторгъ по поводу видѣннаго и, какъ таковой, онъ субъективенъ въ крайней степени.

Нельзя назвать реальной живописью и тѣ портреты, преимущественно женскіе, которые нерѣдко авторъ вставляетъ въ свои разсказы. Въ нихъ очень много красоты, но жизни мало. Когда видишь, какъ на возу сидитъ хорошенькая дочка Солопія Черевика—«съ круглымъ личикомъ, съ черными бровями, ровными дугами поднявшимися надъ свѣтлыми карими глазами, съ безпечно улыбающимися розовыми губками, съ повязанными на головѣ красными и синими лентами, которыя вмѣстѣ съ длинными косами и пучкомъ полевыхъ цвѣтовъ богатою короною покоятся на ея очаровательной головкѣ», то такому портрету вѣришь, хотя и не узнаешь въ немъ крестьянки. Но когда затѣмъ читаешь про дочку Коржа, какъ «ея щеки были свѣжи и ярки, какъ макъ самаго тонкаго розоваго цвѣта, когда, умывшись Божьей росою, — горитъ онъ, распрямляетъ листики и охорашивается передъ только что поднявшимся солнышкомъ; какъ брови ея, словно черные шнурочки, ровно нагнувшись, какъ будто глядятся въ ясныя очи; какъ ротикъ ея кажись на то и созданъ, чтобы выводить соловьиныя пѣсни, какъ во-

Digitized by Google

лосы ея черны какъ крылья ворона, и мягки, какъ молодой ленъ»:— то такому портрету уже не вѣришь, хотя и любуешься имъ, какъ любуешься и на первый выходъ Ганны, когда она «на порѣ семнадцатой весны, обвитая сумерками, робко оглядываясь и не выпуская ручки двери переступаетъ черезъ порогъ; когда въ полуясномъ мракѣ горятъ привѣтно, будто звѣздочки, ея ясныя очи»...

Всѣ эти женскіе портреты—типичные образцы ходячей красоты, символы женскаго внѣшняго совершенства и убранства. Эти деревенскія красавицы не хрупки, не блѣдны, не воздушны какъ дѣвы тогдашней романтики; онѣ не расѣиваются въ туманѣ, напротивъ того, онѣ всѣ очень здоровы, румяны, какъ былинныя красавицы, но онѣ все-таки сродни своимъ блѣднымъ сестрамъ, онѣ также съ реальной жизнью имѣютъ мало общаго, хотя и носятъ на себѣ отпечатокъ здоровья.

Такъ же точно и любовныя рѣчи этихъ красавицъ и ихъ обожателей едва ли подслушаны Гоголемъ; вѣрнѣе, что они отзвукъ народныхъ малороссійскихъ пѣсенъ *).

Такая идеализація типовъ—явленіе, однако, не постоянное. Подкрашены въ большинствѣ случаевъ только молодые типы—тѣ, вокругъ которыхъ сплетается любовная романтическая завязка. Чѣмъ дѣйствующее лицо старше—тѣмъ оно реальнѣе обрисовано. Старики и старухи иногда даже смахиваютъ на карикатуры — такъ усердно авторъ при изображеніи ихъ не соблюдая мѣры, гнался за реализмомъ.

Такимъ образомъ, «Вечера на Хуторѣ», при многихъ вѣрныхъ бытовыхъ деталяхъ, при относительно естественномъ языкѣ, какимъ говорятъ дѣйствующія лица, наконецъ, при безспорно «народныхъ» сюжетахъ историческихъ, легендарныхъ и бытовыхъ, были все-таки произведеніемъ, созданнымъ скорѣе въ старомъ стилѣ, сентиментально-романтическомъ, чѣмъ въ стилѣ новомъ, который требовалъ тѣсной связи искусства и жизни. Одна только повѣсть «объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Шпонькѣ и его тетушкѣ» давала понять, что авторъ способенъ создать въ этомъ новомъ реальномъ стилѣ. Но эта повѣсть осталась неоконченной и застѣнчивый Иванъ Ѳедоровичъ—родственникъ Подколесина, его тетушка-амазонка и ея дворня, Григорій Григорьевичъ, хитрый плутъ, и его благонравныя сестрицы промелькнули передъ нами и исчезли, чтобы появиться, однако, вновь въ «Женитьбѣ», «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ Душахъ».

Смѣшеніе въ «Вечерахъ» двухъ пріемовъ творчества было въ тѣ еще годы отмѣчено критикой.

Успѣхъ книги въ общемъ былъ большой: и не только интересъ публики, но и симпатіи большинства судей были на ея сторонѣ. Разногласіе критиковъ произошло отъ того, что они не хотѣли разсмотрѣть книгу въ ея цѣломъ: одинъ заинтересовался больше бытовыми чер-

*) *В. И. Шенрокъ* «Матерьялы для біографіи Гоголя», I, 270.

Digitized by Google

тами, которыя находилъ въ ней, другой обратилъ вниманіе на ея романтическій колоритъ, третьяго поразилъ больше всего ея веселый и смѣшливый тонъ. Каждый изъ критиковъ далъ, поэтому, оцѣнку нѣсколько одностороннюю и въ этомъ отчасти былъ виноватъ самъ авторъ.

Кто дорожилъ житейской правдой, тотъ остался недоволенъ отступленіями отъ нея. «Нарѣжный и Погорѣльскій — разсуждалъ одинъ критикъ—стояли къ жизни ближе, чѣмъ таинственный Рудый Панько. Онъ допустилъ слишкомъ много высокопаренія въ своемъ стилѣ, въ своихъ описаніяхъ лицъ и природы. Съ другой стороны, онъ изобразилъ малороссійскую жизнь слишкомъ грубо: грубы, напр., многія выраженія въ «Сорочинской ярмаркѣ», гдѣ парни ведутъ себя совсѣмъ какъ невѣжи и олухи. Въ разсказахъ допущены также ошибки историческія, какъ, напр., въ «Пропавшей грамотѣ», и въ особенности непріятно поражаютъ въ разговорахъ—совсѣмъ ненародные обороты рѣчи» *).

Такъ же неодобрительно, какъ этотъ неизвѣстный критикъ, отнесся къ «Вечерамъ» и Полевой — знакомый намъ строгій гонитель всякой поддѣлки подъ народность. Полевой заподозрилъ нашего разсказчика въ настоящей мистификаціи. Повѣсти эти — говорилъ онъ—написаны самозванцемъ пасичникомъ; этотъ пасичникъ—москаль и притомъ горожанинъ; онъ неискусно воспользовался кладомъ преданій; сказки его несвязны; желаніе поддѣлаться подъ малоруссизмъ спутало его языкъ; взялъ бы онъ примѣръ съ Вальтеръ-Скотта, какъ тотъ умѣетъ просто разсказывать... У Гоголя и въ шуткахъ нѣтъ ловкости, а главное — нѣтъ настоящаго мѣстнаго колорита; куда напр., выше его Марлинскій, который въ своей повѣсти «Лейтенантъ Бѣлозоръ» съумѣлъ дать столь яркіе типы изъ голландской жизни. Въ заключеніе Полевой совѣтывалъ Гоголю исправить непріятное впечатлѣніе, какое получилось отъ плохого употребленія хорошихъ матеріаловъ **). Давая отчетъ о второй части «Вечеровъ», Полевой впрочемъ нѣсколько смягчилъ свой отзывъ. Онъ въ авторѣ уже призналъ малороссіянина и хвалилъ его юморъ и веселость, но отмѣтилъ въ повѣстяхъ отсутствіе глубины замысла. Это—плясовая музыка, говорилъ онъ, которая ласкаетъ нашъ слухъ, но быстро исчезаетъ. Отмѣчалъ онъ также и скудость изобрѣтенія и воображенія и опять подчеркивалъ неопытности въ языкѣ и высокопарность слога ***).

---

*) *Андрій Царинный.* «Мысли малороссіянина по прочтеніи повѣстей пасичьника Рудаго Панька, изданныхъ имъ въ книжкѣ подъ заглавіемъ «Вечера на хуторѣ близъ Диканьки» и рецензій на оныя», «Сынъ Отечества», 1832, т. 147, 41—49, 101—115, 159—164, 223—242, 288—312.

**) «Московскій Телеграфъ». Часть XLI, 1831, 94—95.

***) «Московскій Телеграфъ». Часть XLIV, 1832, 262—267.

Digitized by Google

Сенковскій—редакторъ вновь возникшаго журнала «Библіотека для Чтенія», обозвавъ Гоголя при случаѣ русскимъ Поль-де-Кокомъ, и сказавъ, что предметы его грязны и лица взяты изъ дурного общества [1]), отнесся, однако, достаточно милостиво къ «Вечерамъ», когда они вышли вторымъ изданіемъ; онъ заявилъ только, что украинское забавничанье и насмѣшку не должно смѣшивать съ настоящимъ остроуміемъ и серьезнымъ юморомъ [2]).

Вѣрнѣе всѣхъ понялъ Гоголя журналъ Надеждина. Критикъ очень хвалилъ автора за печать «мѣстности», которая лежитъ на всѣхъ разсказахъ. Прежніе писатели, какъ, напр., Нарѣжный, либо сглаживали совершенно всѣ мѣстные идіотизмы украинскаго нарѣчія, либо сохраняли ихъ совершенно неприкосновенными. Гоголь съумѣлъ избѣгнуть этихъ крайностей, и повѣсти его и литературны, и естественны [3]). Эти же достоинства, т.-е. отсутствіе вычурности и хитрости, естественность дѣйствующихъ лицъ и положеній, неподдѣльную веселость и не выкраденное остроуміе—оттѣнялъ въ этихъ повѣстяхъ и критикъ «Литературныхъ прибавленій къ «Русскому Инвалиду» (Л. Якубовичъ) [4]).

Хвалилъ ихъ также очень Булгаринъ, называя ихъ «лучшими народными повѣстями» и предлагая эти «хорошіе» повѣсти поставить выше чужеземнаго «превосходнаго». Въ лицѣ Гоголя — такъ говорилъ Булгаринъ—малороссійская литература оставила мѣстную цѣль и обратилась къ болѣе глубокой мысли—удерживать только характерное отличіе своего нарѣчія, чтобы раскрыть народность. Русскую народность пока еще не уловили и у насъ еще нѣтъ ничего равнаго «Вечерамъ»; мы еще пока учено стремимся къ народности, а не самосознательно. У Гоголя національность проявляется естественно, не такъ, какъ, напр., у Погодина, который думаетъ, что рѣшительное уклоненіе къ провинціализму и любовь къ старымъ формамъ языка есть приближеніе къ національному, или, какъ, напр., у Загоскина, которому патріотизмъ мѣшаетъ быть правдивымъ. Гоголю не достаетъ только иногда творческой фантазіи, хотя нѣкоторыя мѣста въ его повѣстяхъ и дышатъ поэтическимъ вдохновеніемъ. Онъ въ описаніяхъ менѣе смѣлъ, чѣмъ Марлинскій, но и онъ достигаетъ иногда большого совершенства. Булгарину въ особенности нравится «пергаментная» простота въ повѣсти «Ночь наканунѣ Ивана Купала», которую можно сравнить развѣ только съ «Борисомъ Годуновымъ» [5]).

Такъ разсуждала критика, смутно улавливая достоинства этихъ разсказовъ и не сходясь во мнѣніи о томъ, насколько истинная «народность» въ нихъ схвачена и вѣрно изображена. Разногласіе въ оцѣнкѣ

[1]) «Библіотека для Чтенія», томъ III, 1834. «Критика», 31—32.
[2]) «Библіотека для Чтенія», томъ XV, 1836. «Литературная Лѣтопись».
[3]) «Телескопъ», 1831, часть V, 558—563.
[4]) «Литературныя прибавленія къ «Русскому Инвалиду», 1831, № 79.
[5]) «Сѣверная Пчела», 1831, №№ 219, 220; 1832, № 59; 1836, № 26.

Digitized by Google

было неизбѣжно. Бытописатель-реалистъ и романтикъ спорили въ душѣ самого автора, и критика свои симпатіи между ними подѣлила. Романтикъ Полевой боялся, какъ бы Гоголь не началъ поддѣлываться подъ народность и не сталъ фальшивить, а врагъ романтизма Надеждинъ привѣтствовалъ Гоголя именно за обиліе мѣстныхъ красокъ въ его разсказахъ. На одномъ, впрочемъ, сошлись, кажется, симпатіи всѣхъ читателей. Всѣхъ увлекла неподдѣльная веселость разсказчика.

«Книга понравилась здѣсь всѣмъ, начиная съ государыни»—писалъ Гоголь своей матери, посылая ей первый томъ «Вечеровъ»; и слово «всѣмъ» не было преувеличеніемъ. Самъ Гоголь разсказывалъ, напр., Пушкину о впечатлѣніи, какое эта книга произвела на наборщиковъ. «Любопытнѣе всего было мое свиданіе съ типографіей — писалъ онъ *). Только что я просунулся въ двери, наборщики, завидя меня, давай каждый фыркать и прыскать себѣ въ руку, отворотившись къ стѣнкѣ. Это меня нѣсколько удивило; я къ фактору, и онъ, послѣ нѣкоторыхъ ловкихъ уклоненій, наконецъ сказалъ, что *штучки, которыя изволили прислать изъ Павловска для печатанія, очень до чрезвычайности забавны и наборщикамъ принесли большую забаву*. Изъ этого я заключилъ, что я писатель совершенно во вкусѣ черни». Но и самъ Пушкинъ раздѣлялъ смѣхъ этой черни. «Сейчасъ прочелъ «Вечера близъ Диканьки»,—писалъ онъ А. Ѳ. Воейкову **). Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился. Поздравляю публику съ истинно веселою книгою...»

Но были ли эти повѣсти на самомъ дѣлѣ такъ непринужденно веселы? Мѣстами, конечно, да. Въ нихъ было много смѣшного, больше, чѣмъ грустнаго, но иной разъ грусть все-таки врывалась въ этотъ веселый разсказъ—и не потому, что тема разсказа была печальна, а потому, что печаленъ былъ самъ авторъ.

Сорочинская ярмарка, игривая буффонада, кончалась, напр., такими совсѣмъ неожиданными и какъ будто лишними строками:

«Смычокъ умиралъ. Неясные звуки терялись въ пустотѣ воздуха. Не такъ ли и радость, прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ. И напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье! Въ собственномъ эхѣ слышитъ онъ уже грусть и пустыню и дико внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности по одиночкѣ одинъ за другимъ теряются по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного старшаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и нечѣмъ помочь ему».

Гоголь признавался въ своей «Авторской Исповѣди», что на него

*) «Письма Н. В. Гоголя». I, 185.

**) «Сочиненія А. С. Пушкина». Изданіе литературнаго фонда, VII, 287.

Digitized by Google

находили припадки тоски, ему самому необъяснимой, которые происходили, можетъ быть, отъ его болѣзненнаго состоянія. «Чтобы развлекать самого себя—говорилъ онъ—я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать. Выдумывалъ цѣликомъ смѣшныя лица и характеры, поставлялъ ихъ мысленно въ самыя смѣшныя положенія, вовсе не заботясь о томъ, зачѣмъ это, для чего и кому отъ этого выйдетъ какая польза. Эти повѣсти однихъ заставляли смѣяться также беззаботно и безотчетно, какъ и меня самого, а другихъ приводили въ недоумѣніе рѣшить, какъ могли человѣку умному приходить въ голову такія глупости».

Пришли же всѣ эти «глупости» ему въ голову путемъ очень естественнымъ. Они были плодомъ его примиряющей фантазіи.

Мы знаемъ, что въ первый періодъ петербургской жизни ему жилось далеко не весело, мы помнимъ, какъ тревожно было настроеніе его духа, какая борьба надеждъ и сомнѣній происходила въ его сердцѣ. Все это нашло себѣ отраженіе и въ «Вечерахъ на хуторѣ», но только отраженіе въ обратную сторону. Мечта восполняла дѣйствительность, и Гоголь бредилъ тѣмъ, чего не доставало въ жизни.

Во-первыхъ, — Малороссіей; онъ по ней тосковалъ и потому разукрашалъ и подогрѣвалъ о ней свои воспоминанія. Изъ нихъ вышли эти дивные пейзажи, совсѣмъ не реальные, выкованные въ метафоры и вырисованные съ такимъ лирическимъ подъемомъ духа.

Бредилъ нашъ писатель и покоемъ, весельемъ и счастьемъ прежней привольной жизни, о которой такъ часто приходилось думать въ дѣловомъ, скучномъ и непривѣтливомъ Петербургѣ; ему хотѣлось быть веселымъ и потому въ его разсказахъ такъ много свѣта—наперекоръ тому мраку, который въ дѣйствительности, конечно, тяготѣлъ надъ крѣпостной малороссійской деревней; поэту хотѣлось, наконецъ, за поэтической сказкой и преданіемъ совсѣмъ забыть о гнетущей прозѣ минуты—но именно это и не удалось ему.

Онъ былъ не въ состояніи забыться; и разладъ между сѣрой дѣйствительностью и приподнятымъ восторженнымъ лиризмомъ автора сказывался на тѣхъ «лирическихъ мѣстахъ», въ родѣ вышеприведеннаго которыя нарушали веселый тонъ его повѣстей. Странное неопредѣленно-грустное настроеніе, подъ властью котораго находился Гоголь въ первые годы своей петербургской жизни, прорывалось наружу даже тогда, когда онъ хотѣлъ шутить и смѣяться. Съ этимъ единоборствомъ смѣха и грусти мы будемъ встрѣчаться и во всѣ послѣдующіе годы его жизни.

Итакъ, въ исторіи жизни и творчества Гоголя «Вечерамъ на Хуторѣ близъ Диканьки» должно быть отведено, несмотря на незатѣйливость ихъ содержанія, мѣсто очень видное. Эти повѣсти были первымъ оригинальнымъ произведеніемъ нашего автора, въ которомъ «народность», понимаемая не въ широкомъ, а въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, нашла себѣ художественное воплощеніе. Гоголь являлся передъ

Digitized by Google

нами, и какъ бытописатель современной ему простонародной малороссійской жизни и какъ романтикъ, творчески пересоздающій старыя преданія и легенды. Онъ сѣшивалъ въ своемъ произведеніи оба стиля, отдавая пока предпочтеніе романтическому, въ которомъ онъ выдерживалъ даже описанія природы и характеристику многихъ дѣйствующихъ лицъ,—что не мѣшало ему изображать другія лица и иныя положенія съ неподдѣльной простотой и трезвостью истиннаго реалиста. Въ этомъ смѣшеніи двухъ стилей, равно какъ и въ чередованіи веселья и грусти, смѣха и слезъ, сказывалось не только неустановившееся пока направленіе его творчества, но также та внутренняя борьба, которая происходила въ самомъ авторѣ: идеализмъ романтика никакъ не могъ ужиться со способностью реалиста видѣть насквозь всю пошлость и грязь той дѣйствительности, которую хотѣлось бы понять и истолковать въ иномъ, возвышенномъ и идеальномъ смыслѣ.

Послѣ юношескаго мечтательнаго сентиментализма, какъ онъ выразился съ «Ганцѣ» и отчасти въ «Вечерахъ на Хуторѣ», художникъ вступалъ теперь въ новый фазисъ своего духовнаго развитія; въ немъ, послѣ упорной борьбы, крѣпъ все болѣе и болѣе трезвый, юмористическій взглядъ на окружающую его дѣйствительность, который и достигъ своего полнаго выраженія въ комедіяхъ и въ «Мертвыхъ Душахъ».

На этой ступени художественнаго созерцанія жизни Гоголь однако не устоялъ. Неудовлетворенный однимъ созерцаніемъ, онъ сталъ упорно доискиваться ея религіозно нравственнаго смысла, и вновь романтикъ восторжествовалъ надъ реалистомъ. Художникъ произнесъ тогда осужденіе всему тому, что онъ успѣлъ надумать и высказать, и онъ захотѣлъ все это передумать и пересказать по новому.

Попытаемся же теперь освѣтить эту важную эпоху въ жизни нашего писателя, когда въ творчествѣ его, послѣ упорной борьбы между враждебными настроеніями и послѣ частыхъ ихъ колебаній—зоркость наблюдателя и бытописателя одержала временно верхъ надъ сентиментальной и романтической идеализаціей жизни. Эта знаменательная эпоха въ жизни Гоголя падаетъ въ промежутокъ времени отъ 1832 до 1842 года.

VII.

Семь лѣтъ жизни въ Петербургѣ (1829—1836).—Религіозное настроеніе Гоголя и мысли о своемъ призваніи.—Отношеніе къ людямъ.—Гоголь на поприщѣ службы: учительство и профессура.—Колебанія въ пріемахъ творчества.—Романтикъ энтузіастъ въ борьбѣ съ бытописателемъ-юмористомъ.—Гоголь въ кружкѣ Пушкина.

Гоголь провелъ въ Петербургѣ около семи лѣтъ (1829—1836)—лучшую пору своей молодости. Въ эти семь лѣтъ онъ создалъ почти всѣ свои произведенія; онъ написалъ «Вечера на Хуторѣ», «Арабески» и «Миргородъ», «Носъ» и «Коляску», «Женитьбу», всѣ драматическіе отрывки, поставилъ на сцену «Ревизора» и задумалъ

Digitized by Google

«Мертвыя Души»—однимъ словомъ въ 27 лѣтъ нашъ писатель высказалъ почти все, что онъ имѣлъ сказать, и затѣмъ только передѣлывалъ, передумывалъ и дополнялъ сказанное или задуманное раньше.

Годы, проведенные Гоголемъ въ Петербургѣ,—одинъ изъ самыхъ важныхъ періодовъ въ исторіи его творчества и его жизни.

Съ внѣшней стороны эта будничная жизнь испытала нѣсколько значительныхъ перемѣнъ. Гоголь скоро бросилъ свою скучную департаментскую службу, изъ чиновника превратился въ педагога, получилъ мѣсто преподавателя исторіи въ Патріотическомъ Институтѣ, затѣмъ, былъ назначенъ профессоромъ петербургскаго университета и дважды (въ 1832 и 1835 году) съѣздилъ къ себѣ на югъ, на родину. Всѣ эти перемѣны внесли извѣстное движеніе въ его жизнь и она текла въ общемъ совсѣмъ не скучно, даже весело, если принять во вниманіе, что кругъ знакомыхъ Гоголя значительно расширился и онъ — уже признанный писатель—сталъ членомъ самаго избраннаго литературнаго круга.

Странное, однако, впечатлѣніе производятъ письма Гоголя за этотъ періодъ его литературной дѣятельности (1831 — 1836). Нельзя сказать, чтобы эти письма были грустны; въ нихъ очень много подъема духа, много пафоса, много вспышекъ самыхъ розовыхъ неумѣренныхъ надеждъ на будущее; но во всѣхъ этихъ порывахъ души замѣтна все-таки какая-то скрытая, очень серьезная, порой даже грустная дума. Замѣтка въ нихъ также сильная тревога духа, но о тайной причинѣ этой тревоги приходится догадываться лишь по намекамъ, которые разсѣяны въ интимныхъ письмахъ поэта и въ общемъ смыслѣ его произведеній. Жизнь складывалась однако такъ, что должна была возбуждать въ нашемъ писателѣ одно лишь довольство настоящимъ и полную увѣренность въ будущемъ: совсѣмъ еще молодой человѣкъ, безъ особаго труда и быстро съумѣлъ пройти въ первые ряды нашего тогдашняго интеллигентнаго общества; его первый литературный опытъ принятъ былъ не на правахъ опыта, а былъ сразу признанъ крупной литературной побѣдой и создалъ автору имя; этого автора приласкали самые выдающіеся по уму и таланту люди; какъ близкій другъ вошелъ онъ въ общество Жуковскаго и Пушкина и сознавалъ въ себѣ силу отплатить достойнымъ образомъ за эту дружбу. Порывъ къ творчеству также не покидалъ его за все это время: былъ, правда, какъ-то годъ, когда ему не писалось, но въ общемъ, кто же въ такой короткій промежутокъ времени успѣлъ создать столько, сколько онъ создалъ? Одинъ литературный планъ смѣялся въ его головѣ быстро другимъ, и всѣ эти планы, хоть съ перерывами, но близились къ осуществленію. Поѣздка въ Москву въ 1832 году расширила кругъ его знакомствъ и Гоголь встрѣтилъ въ московскихъ литературныхъ кружкахъ не меньшее радушіе, чѣмъ въ петербургскихъ. Странная, не сразу понятная прихоть писателя стать ученымъ историкомъ и профессоромъ также нашла себѣ удовлетворе-

Digitized by Google

ніе, и Гоголь получилъ, вопреки всѣмъ правамъ, [illegible] ность поучать съ университетской каѳедры. Наконецъ въ послѣдній годъ его петербургской жизни, несмотря на всѣ препятствія, «Ревизоръ» былъ сыгранъ, и впечатлѣніе произведенное этой комедіей, показало автору наглядно, какая въ немъ таилась сила; если онъ смутно ощущалъ ее въ себѣ прежде, теперь онъ могъ воочію въ ней убѣдиться. Однимъ словомъ жизнь была полна движенія полна борьбы, и борьба приводила къ побѣдѣ. Не было ни одной мысли, ни одного плана, передъ которымъ бы Гоголь въ растерянности остановился; если нѣкоторые изъ этихъ плановъ не осуществлялись такъ, какъ ему этого хотѣлось, то такая неудача вознаграждалась общимъ сознаніемъ своего все болѣе и болѣе зрѣющаго таланта.

А между тѣмъ послѣ семи лѣтъ такой побѣдоносной литературной дѣятельности, Гоголь въ 1836 г. покидалъ Россію въ самомъ тревожномъ состояніи духа, неудовлетворенный собой до крайней степени, недовольный всѣмъ, что онъ создалъ, и съ твердымъ намѣреніемъ начать передѣлывать все сызнова.

Мы знаемъ, съ какими неясными планами Гоголь въ Петербургъ пріѣхалъ. Сентименталистъ и мечтатель, онъ все носился съ мыслью такъ или иначе облагодѣтельствовать ближнихъ, мнилъ себя призваннымъ свершить нѣчто великое, пріучалъ себя смотрѣть на людей покровительственно-любовно и все думалъ, что «служба» вѣрнѣйшій путь къ движенію всѣхъ этихъ возвышенныхъ цѣлей; мы знаемъ также какъ скоро во всемъ пришлось разочароваться и какъ, послѣ неудачной попытки сказать свое первое слово, пришлось даже бѣжать съ поля битвы, съ тѣмъ однако чтобы сейчасъ же возвратиться. Это смутное состояніе духа не покидало Гоголя и въ тѣ годы, о которыхъ теперь идетъ рѣчь.

Мысль о призваніи свершить нѣчто для ближнихъ очень важное, спасительное для ихъ духа и жизни, попрежнему прорывается въ интимныхъ рѣчахъ Гоголя. «Какъ благодарю я Вышнюю десницу за тѣ непріятности и неудачи, которыя довелось испытать мнѣ!—пишетъ онъ матери въ началѣ 1831 года. Ни на какія драгоцѣнности въ мірѣ не промѣнялъ бы я ихъ. Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого я думаю, рѣдкій царь могъ имѣть! Зато какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ! какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей! Неугасимо горитъ во мнѣ стремленіе, но это стремленіе — польза. Мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства» *). Въ 1833 году онъ опять пишетъ матери: «Я вижу яснѣе и лучше многое, нежели другіе... Я изслѣдовалъ человѣка отъ его колыбели до конца, и отъ этого ничуть не счастливѣе. У меня болитъ сердце, когда я вижу, какъ заблуждаются люди. Толкуютъ о добродѣтели, о Богѣ, и между тѣмъ, не дѣлаютъ ничего. Хотѣлъ бы, кажется, помочь имъ, но рѣдкіе,

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 171—172.

Digitized by Google

рѣдкіе изъ вс[illegible]имѣютъ свѣтлый природный умъ, чтобы увидѣть истину моихъ словъ»[1]).

Быть можетъ Гоголь нѣсколько умышленно повышалъ свой пророческій тонъ, когда говорилъ съ Маріей Ивановной, которая намеки понимала туго, но именно съ ней онъ и говорилъ всего откровеннѣе. Не менѣе откровенно писалъ онъ, впрочемъ, и своему другу Погодину въ 1836 году, когда, раздосадованный Петербургомъ за пріемъ «Ревизора», покидалъ Россію: «Прощай—писалъ онъ—ѣду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторскія, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ, вѣрно, освѣженный и обновленный. Все, что ни дѣлалось со мною, все было спасительно для меня. Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе, и нынѣ я чувствую, что не земная воля направляетъ путь мой. Онъ, вѣрно, необходимъ для меня» [2]).

Эта мысль объ опекѣ Провидѣнія, избравшаго его предметомъ особыхъ своихъ попеченій,—для насъ также не новость; мы знаемъ, что она была тѣсно связана съ представленіемъ, какое Гоголь съ дѣтскихъ лѣтъ имѣлъ о своей чрезвычайной миссіи. Въ періодъ его петербургской жизни эта связь религіозной идеи съ мыслью о собственномъ призваніи не нарушается. Гоголь остается попрежнему религіозенъ. Всякое испытаніе—думаетъ онъ—посылается по чудной волѣ высшей. Все дѣлается единственно для того, чтобы мы болѣе поняли послѣ свое счастье [3]). Самыя простыя житейскія случайности онъ готовъ истолковать Божьимъ вмѣшательствомъ [4]). «Я испыталъ многое на себѣ—пишетъ онъ матери въ 1834 году. Во всемъ, чѣмъ я только займусь съ большею осмотрительностью, хорошенько обсужу дѣло, поведу съ величайшею аккуратностью и порядкомъ, не занимаясь мечтами о будущемъ, во всемъ этомъ я вижу ясно Божью помощь» [5]).

Одно признаніе Гоголя въ данномъ случаѣ въ особенности характерно: Гоголь благодаритъ свою мать за то, что она первая разбудила въ немъ религіозную мысль картиной страшнаго суда—того суда, мысль о которомъ въ послѣдніе годы жизни была для нашего писателя источникомъ такихъ страшныхъ душевныхъ мученій. «Одинъ разъ—напоминаетъ онъ матери—я просилъ васъ разсказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно разсказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствитель-

---

[1]) «Письма Н. В. Гоголя», I, 261.
[2]) «Письма Н. В. Гоголя», I, 378.
[3]) «Письма Н. В. Гоголя», I, 172.
[4]) «Письма Н. В. Гоголя» I, 193.
[5]) «Письма Н. В. Гоголя», I, 311.

Digitized by Google

ность, это заронило и произвело впослѣдствіи во мнѣ самыя высокія мысли» *). Такъ продолжала жить въ его сердцѣ религіозная мысль или, вѣрнѣе, религіозная «чувствительность»—въ эти годы пока затаенная, немногимъ извѣстная, но затѣмъ, къ концу его жизни, покорившая всѣ его чувства и думы.

Не измѣнилось, кажется, за это время и прежнее горделивое отношеніе Гоголя къ людямъ—не къ отвлеченной идеѣ человѣчества, ради которой, если вѣрить его словамъ, онъ готовъ былъ претерпѣть всякія униженія и страданія, а къ людямъ вообще, которые его окружали. Гоголь въ своихъ отношеніяхъ продолжалъ сохранять ту степень осторожности и независимости, которая вообще отличала всѣ его связи. Къ чувству дружбы или вообще къ чувству расположенія онъ примѣшивалъ и теперь не мало хитрости и разсчета, а также иногда и сознанія своего превосходства. Быть можетъ, передъ Пушкинымъ и Жуковскимъ склонялся онъ съ искреннимъ признаніемъ ихъ силы и власти надъ собой,—съ другими онъ былъ болѣе чѣмъ независимъ. За эти годы онъ завязалъ нѣсколько новыхъ знакомствъ—съ Погодинымъ, Плетневымъ, Одоевскимъ, Россетъ, Максимовичемъ, Аксаковымъ, Щепкинымъ—съ цвѣтомъ тогдашней интеллигенціи; и въ письмахъ, которыя онъ писалъ этимъ лицамъ, онъ всегда умѣлъ сохранить независимый тонъ, который въ перепискѣ съ людьми болѣе близкими готовъ былъ перейти даже въ наставническій (напр. въ письмахъ къ матери). Этотъ тонъ, кромѣ того былъ попрежнему самоувѣренъ и мѣстами вызывающе-гордъ, въ особенности когда рѣчь заходила о себѣ самомъ, о своей работѣ, своихъ планахъ или видахъ на будущее. Передъ нами и теперь все тотъ же самовлюбленный человѣкъ, какимъ онъ былъ въ его школьныхъ письмахъ—въ настоящую минуту даже еще болѣе гордый въ виду своихъ успѣховъ и своихъ связей съ первыми литературными знаменитостями. Какого иногда онъ былъ о себѣ мнѣнія—можно видѣть по одному очень характерному признанію. Въ одномъ письмѣ къ матери онъ, выговаривая ей за то, что она посылаетъ его на поклонъ къ человѣку, съ нимъ незнакомому, говоритъ: «Признаюсь, не знаю такого добра, которое бы могъ мнѣ сдѣлать человѣкъ... Добра я желаю отъ Бога...» **).

Не покидалъ Гоголь и своей мечты о «службѣ», которая такъ манила его издали въ годы ранней юности. При его стѣсненномъ матеріальномъ положеніи—тяготу котораго онъ испытывалъ впродолженіи всей своей петербургской жизни—имѣть постоянное служебное мѣсто было необходимо, и потому не будемъ удивляться, если въ его перепискѣ мы встрѣтимся съ частыми размышленіями на эту прозаическую тему. Но при всемъ своемъ прозаическомъ и практическомъ взглядѣ на

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 260.
**) «Письма Н. В. Гоголя» I, 205.

Digitized by Google

этотъ вопросъ, Гоголь всетаки не переставалъ придавать понятію о «службѣ» прежнее идейное и даже романтическое содержаніе.

Отъ службы въ департаментѣ онъ очень скоро отказался и былъ, конечно, радъ, что могъ бросить эти «ничтожныя» занятія. «Путь у меня другой, дорога прямѣе и въ душѣ болѣе силы идти твердымъ шагомъ», писалъ онъ матери, извѣщая ее о томъ, что поступилъ учителемъ въ Патріотическій Институтъ (въ мартѣ 1831 г.). Здѣсь, на учительской каѳедрѣ, на этомъ новомъ мѣстѣ служенія онъ чувствовалъ себя хорошо и признавался, что его занятія «составляютъ для его души неизъяснимыя удовольствія». Этому показанію легко можно повѣрить; Гоголь, дѣйствительно, на первыхъ порахъ очень увлекся своими занятіями и, конечно, не потому, что былъ прирожденнымъ педагогомъ. Онъ обладалъ, правда, извѣстнымъ педагогическимъ опытомъ, который онъ пріобрѣлъ, зарабатывая деньги на частныхъ урокахъ, но если онъ такъ увлекся уроками въ институтѣ, то потому, что и на этотъ родъ прозаической «службы» взглянулъ со свойственнымъ ему преувеличеніемъ. А такое преувеличеніе было—на что указываетъ, между прочимъ, его желаніе написать въ двухъ или даже въ трехъ томахъ цѣлый курсъ всеобщей исторіи и географіи, для котораго онъ подобралъ уже заглавіе «Земля и люди». Этотъ курсъ долженъ былъ составиться изъ его чтеній, которыя записывались институтками. Гоголь принялся за выполненіе этого плана очень ретиво; если вѣрить одному его письму къ Погодину, то даже приступилъ къ его напечатанію, но вслѣдствіе налетѣвшей на него тоски, корректурный листъ выпалъ изъ его рукъ, и работа была брошена. Гоголь продолжалъ, однако, служить, и еще въ 1835 г. увѣрялъ Жуковскаго, что считаетъ преподаваніе для себя дѣломъ роднымъ и близкимъ.

Съ 1838 года Гоголь сталъ помышлять о новой службѣ; и только—думается намъ—его взглядами на святость службы и можно объяснить то упорство, съ какимъ онъ сталъ добиваться профессуры сначала въ Кіевѣ, а затѣмъ въ Петербургѣ. Что въ Гоголѣ могъ проявиться большой интересъ къ научнымъ занятіямъ, и онъ одно время могъ думать, что онъ призванъ быть именно ученымъ—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но что онъ пожелалъ непремѣнно стать профессоромъ, не имѣя на то никакихъ правъ—то это нескромное желаніе, помимо матеріальнаго разсчета, который несомнѣнно былъ у Гоголя, можетъ быть объяснено только необычайно высокимъ понятіемъ о профессорской дѣятельности, о профессорской «службѣ», какое себѣ составилъ нашъ искатель великаго дѣла. Гоголь шелъ на большой рискъ, становясь въ ряды университетскихъ «дѣятелей», но онъ одно время, дѣйствительно, искренно думалъ, что профессура и есть его настоящее призваніе, что на каѳедрѣ онъ можетъ сдѣлать всего больше добра и блага.

Digitized by Google

Этотъ трагикомическій эпизодъ съ профессурой, на которомъ стоитъ остановиться, очень характеренъ для поясненія того лирическаго и приподнятаго настроенія, въ какомъ находился нашъ художникъ все еще не увѣренный въ томъ, что роль писателя и служеніе искусству — его призваніе и все еще помышляющій о какой-нибудь обществомъ признанной опредѣленной службѣ.

Интересъ къ старинѣ проснулся въ Гоголѣ очень рано—еще тогда, когда онъ приступилъ къ собиранію матеріаловъ для своихъ украинскихъ повѣстей. Въ 1832 году исторія стала уже его «любимой» наукой — какъ видно изъ одного его письма къ Погодину. Быть можетъ, что и дружба съ Погодинымъ, закрѣпленная въ этомъ году, оказала свое вліяніе на направленіе научныхъ симпатій Гоголя. «Главное дѣло—всеобщая исторія писалъ онъ своему другу *), а прочее стороннее» и, кажется, что въ эти годы (1832—1833) для Гоголя, дѣйствительно, все кромѣ исторіи, стало дѣломъ стороннимъ.

Какъ видно изъ его тетрадокъ и записокъ, онъ принялся на чтеніе, и въ самомъ дѣлѣ, читалъ много. Въ концѣ 1833 года онъ сообщаетъ своему другу Максимовичу, «что онъ принялся за исторію бѣдной Украйны». «Ничто такъ не успокаиваетъ—пишетъ онъ **)— какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ кажется, что я напишу ее (т. е. исторію Малороссіи), что я скажу много того, чего до меня не говорили».

Въ это же время, т. е. въ концѣ 1833 года у Гоголя зарождается и мысль о томъ, какъ хорошо было бы занять каѳедру исторіи въ Кіевѣ. Ему надоѣлъ Петербургъ; ему хочется въ древній прекрасный Кіевъ. Тамъ можно обновиться всѣми силами и много тамъ можно надѣлать добра. О своихъ правахъ на эту каѳедру Гоголь такие уже подумалъ: эти права въ его работѣ и стараніяхъ, но главное въ томъ, что онъ истинно-просвѣщенный человѣкъ, человѣкъ чистый и добрый— такъ, по крайней мѣрѣ, онъ аттестуетъ себя въ письмѣ къ Максимовичу, который, кажется, и подалъ ему первую мысль о кіевской профессурѣ ***).

Гоголь спѣшитъ набросать свои мысли и планъ преподаванія на бумагу, чтобы представить его министру просвѣщенія Уварову, и онъ надѣется, что Уваровъ отличитъ его отъ толпы «вялыхъ» профессоровъ, которыми набиты университеты. Онъ вполнѣ можетъ разсчитывать на кіевскую каѳедру, такъ какъ три года тому назадъ (1831?) ему уже предлагали каѳедру въ Москвѣ (??)—такъ по крайней мѣрѣ говоритъ онъ Пушкину и слова его остаются, конечно, на его совѣсти. Въ надеждѣ на поддержку Пушкина, онъ довѣряетъ ему и всѣ свои надежды: «Какъ закипятъ труды мои въ

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 234.
**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 263.
***) «Письма Н. В. Гоголя». I, 268.

Digitized by Google

Кіевѣ — пишетъ онъ *). Тамъ кончу я исторію Украйны и вслѣдъ Россіи и напишу всеобщую исторію, которой, въ настоящемъ видѣ ея, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не только на Руси, но даже и въ Европѣ нѣтъ». «Какъ только въ Кіевъ — лѣнь къ чорту! чтобъ и духъ ея не пахъ. Да превратится онъ въ русскіе Аѳины, богоспасаемый нашъ городъ». И Гоголь, если вѣритъ ему, дѣйствительно, отрекается отъ лѣни. Онъ спокоенъ духомъ, и малороссійская и всемірная исторія начинаютъ у него «двигаться»; ему приходятъ въ голову крупныя, полныя, свѣжія мысли; ему кажется, что онъ сдѣлаетъ во всеобщей исторіи что-то не-общее. Малороссійская его исторія бѣшена, слогъ въ ней горитъ, онъ 'исторически жгучъ и живъ... Гоголь пишетъ эту исторію отъ начала до конца и уже разсчиталъ, что она займетъ шесть малыхъ или четыре большихъ тома... Но, кажется, что все это были мечты потому, что когда Надеждинъ попросилъ у него отрывокъ изъ этой исторіи для напечатанія, Гоголь признался Погодину, что онъ не можетъ его прислать, такъ какъ эта исторія у него въ такомъ забытьи и такой облечена пылью, что онъ боится подступить къ ней **). Тѣмъ не менѣе, онъ продолжаетъ энергично хлопотать о кіевской каѳедрѣ.

Въ 1834 году Гоголя очень обезпокоило извѣстіе, что у него есть конкурентъ; онъ не понимаетъ, какъ это могло случиться, когда министръ ему обѣщалъ это мѣсто и даже требовалъ, чтобы онъ подавалъ прошеніе, которое онъ только потому не подалъ, что хотѣлъ быть сразу ординарнымъ, а ему предлагали только адъюнкта. Онъ проситъ Максимовича похлопотать у кіевскаго попечителя за него, проситъ его намекнуть попечителю, что онъ, Максимовичъ, не знаетъ человѣка, который имѣлъ бы такія глубокія историческія свѣдѣнія и такъ бы владѣлъ языкомъ преподаванія, какъ Гоголь. Съ той же просьбой обращается Гоголь и къ Пушкину, прося его налечь на министра. Министръ—какъ онъ утверждаетъ — готовъ ему дать экстраординарнаго профессора, но всетолько кормитъ его словами и обѣщаніями; между тѣмъ, кіевскій попечитель предлагаетъ ему занять вмѣсто каѳедры всеобщей исторіи, каѳедру русской, чего Гоголь совсѣмъ не желаетъ... онъ готовъ скорѣе все бросить и откланяться, чѣмъ читать исторію русскую.

Вся эта волокита не привела, однако, ни къ чему: кіевскую каѳедру получилъ его конкурентъ, но зато въ іюлѣ 1834 г. Гоголь былъ назначенъ профессоромъ с.-петербургскаго университета по каѳедрѣ всеобщей исторіи. Съ мечтой преобразовать Кіевъ въ Аѳины пришлось проститься. Гоголь, не желая показать своего раздраженія, сталъ теперь утверждать, что онъ только ради здоровья добивался профессуры на

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 270—271.
**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 285.

Digitized by Google

югѣ, профессуры, «которая, если бы не у насъ на Руси, то была бы самое благородное званіе» *).

Пришлось остаться въ Петербургѣ, но Гоголь продолжалъ думать о Кіевѣ. По крайней мѣрѣ, уже послѣ назначенія своего профессоромъ, онъ писалъ Максимовичу, что онъ рѣшился принять предложеніе остаться на годъ въ петербургскомъ университетѣ, лишь затѣмъ, чтобы имѣть больше правъ занять каѳедру въ Кіевѣ. Онъ даже просилъ своего друга присмотрѣть въ Кіевѣ для него домикъ, если можно, съ садикомъ, гдѣ-нибудь на горѣ, чтобы хоть кусочекъ Днѣпра былъ видѣнъ.

Какъ бы то ни было, но Гоголь своего добился: на каѳедру онъ взошелъ. При разборѣ его историческихъ статей мы увидимъ, какъ онъ понималъ свою задачу. Отмѣтимъ пока лишь, что онъ работалъ, и работалъ много—самостоятельно или не самостоятельно, это иной вопросъ, но доброе желаніе у него, безспорно, было. Онъ приступилъ теперь къ писанію исторіи среднихъ вѣковъ, которую онъ разсчиталъ томовъ на восемь или на девять. Даже на лѣтнихъ каникулахъ онъ не прерывалъ своей ученой работы. Онъ продолжалъ въ себя вѣрить, и въ оцѣнкѣ роли профессора, все подчеркивалъ необходимость «благородныхъ» качествъ души **).

Но ихъ оказалось недостаточно для того, чтобы устоять на такомъ отвѣтственномъ посту. Профессура готовила Гоголю жестокое разочарованіе.

Сопоставимъ нѣсколько показаній современниковъ о томъ, какъ нашъ художникъ велъ себя на этомъ мѣстѣ «служенія».

О первой его лекціи мы имѣемъ свидѣтельство одного изъ его слушателей—Иваницкаго ***). «Гоголь вошелъ въ аудиторію—разсказываетъ онъ—и въ ожиданіи ректора началъ о чемъ-то говорить съ инспекторомъ, стоя у окна. Замѣтно было, что онъ находился въ тревожномъ состояніи духа: вертѣлъ въ рукахъ шляпу, мялъ перчатку и какъ-то недовѣрчиво посматривалъ на насъ. Наконецъ, подошелъ къ каѳедрѣ и, обратясь къ намъ, началъ объяснять, о чемъ намѣренъ онъ читать сегодня лекцію. Впродолженіи этой коротенькой рѣчи, онъ постепенно входилъ по ступенямъ каѳедры: сперва всталъ на первую ступеньку, потомъ на вторую, потомъ на третью. Ясно, что онъ не довѣрялъ самъ себѣ и хотѣлъ сначала попробовать, какъ-то онъ будетъ читать? Мнѣ кажется, однако жъ, что волненіе его происходило не отъ недостатка присутствія духа, а просто отъ слабости нервовъ, потому что въ то время, какъ лицо его непріятно блѣднѣло и принимало болѣзненное выраженіе, мысль, высказываемая имъ, раз-

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 305.

**) «Письма Н. В. Гоголя», I, 340.

***) Перепечатано у *В. И. Шенрока*. «Матеріалы для біографіи Гоголя», II, 228—230.

Digitized by Google

вивалась совершенно логически и въ самыхъ блестящихъ формахъ. Къ концу рѣчи Гоголь стоялъ уже на самой верхней ступенькѣ каѳедры и замѣтно одушевился... Не знаю, прошло ли и пять минутъ, какъ ужъ Гоголь овладѣлъ совершенно вниманіемъ слушателей. Невозможно было спокойно слѣдить за его мыслью, которая летѣла и преломлялась, какъ молнія, освѣщая безпрестанно картину за картиной въ этомъ мракѣ средневѣковой исторіи. Впрочемъ, вся эта лекція изъ слова въ слово напечатана въ «Арабескахъ». Ясно, что и въ этомъ случаѣ, не довѣряя самъ себѣ, Гоголь выучилъ наизусть предварительно написанную лекцію, и хотя во время чтенія одушевился и говорилъ совершенно свободно, но ужъ не могъ оторваться отъ затверженныхъ фразъ и потому не прибавилъ къ нимъ ни одного слова».

Съ этимъ свидѣтельствомъ очевидца несовсѣмъ согласно показаніе другого. «На первую лекцію—разсказываетъ профессоръ Васильевъ*)—навалили къ Гоголю въ аудиторію всѣ факультеты. Изъ посторонникъ посѣтителей явились и Пушкинъ, и, кажется, Жуковскій. Сконфузился нашъ пасѣчникъ, читалъ плохо и произвелъ весьма невыгодный для себя эффектъ. Этого впечатлѣнія не поправилъ онъ и на слѣдующихъ лекціяхъ. Иначе, впрочемъ, и быть не могло. Образованіемъ своимъ въ нѣжинскомъ лицеѣ и дальнѣйшими потомъ занятіями Гоголь нисколько не былъ приготовленъ читать университетскія лекціи исторіи; у него не было для этого ни истиннаго призванія, ни достаточной начитанности, ни даже средствъ пріобрѣсти ее, не говоря уже о совершенномъ отсутствіи ученыхъ пріемовъ и соотвѣтственнаго времени взгляда на науку».

«Какъ ни плохи были вообще слушатели Гоголя—продолжаетъ Васильевъ—однако же сразу поняли его несостоятельность. Въ такомъ положеніи оставался ему одинъ исходъ—удивить фразами, заговорить; но это было не въ натурѣ Гоголя, который нисколько не владѣлъ даромъ слова и выражался весьма вяло. Вышло то, что послѣ трехъ-четырехъ лекцій студенты ходили въ аудиторію къ нему только для того ужъ, чтобы позабавиться надъ «маленько-сказочнымъ» языкомъ преподавателя. Гоголь не могъ того не видѣть, самъ тотчасъ же созналъ свою неспособность, охладѣлъ къ дѣлу и еле-еле дотянулъ до окончанія учебнаго года, то являясь на лекцію съ повязанной щекою въ свидѣтельство зубной боли, то пропуская ихъ за тою же болью. На годичный экзаменъ Гоголь также пришелъ съ окутанной косынками головою, предоставилъ экзаменовать слушателей декану и ассистентамъ, а самъ молчалъ все время. Студенты, зная, какъ не твердъ онъ въ своемъ предметѣ, объяснили это молчаніе страхомъ его обнаружить въ чемъ-нибудь свое незнаніе».

Съ этимъ суровымъ отзывомъ согласны отзывы и другихъ лицъ.

---

*) *В. И. Шенрокъ.* «Матеріалы для біографіи Гоголя» II, 231—233.

Digitized by Google

«Гоголь—разсказываетъ И. С. Тургеневъ—изъ трехъ лекцій непремѣнно пропускалъ двѣ; когда онъ появлялся на каѳедрѣ, онъ не говорилъ, а шепталъ что-то весьма несвязное, показывая намъ маленькія гравюры на стали, изображавшія виды Палестины и другихъ восточныхъ странъ, и все время ужасно конфузился. Мы всѣ были убѣждены, что онъ ничего не смыслитъ въ исторіи. На выпускномъ экзаменѣ изъ своего предмета онъ сидѣлъ подвязанный платкомъ якобы отъ зубной боли съ совершенно убитой физіономіей—и не разѣвалъ рта. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ самъ хорошо понималъ весь комизмъ и всю неловкость своего положенія».

Еще строже высказывался одинъ изъ его товарищей—А. В. Никитенко. «Гоголь такъ дурно читаетъ лекціи въ университетѣ—записываетъ онъ въ своемъ дневникѣ—что сдѣлался посмѣшищемъ для студентовъ. Начальство боится, чтобы они не выкинули надъ нимъ какой-нибудь шалости, обыкновенной въ такихъ случаяхъ, но непріятной по послѣдствіямъ».

Самъ ли Гоголь догадался, что онъ взялся не за свое дѣло, или ему дали понять это, но только въ концѣ 1835 года онъ университетъ покинулъ. Съ нѣкоторымъ ухарствомъ и съ большимъ самомнѣніемъ писалъ онъ по этому поводу Погодину: «Я расплевался съ университетомъ, и черезъ мѣсяцъ опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на каѳедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти полтора года—годы моего безсланія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся,—въ эти полтора года я много вынесъ оттуда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, но высокія, исполненныя истины и ужасающаго величія мысли волновали меня... Миръ вамъ, мои небесныя гостьи, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку: васъ никто не знаетъ, васъ вновь опускаю на дно души до новаго пробужденія; когда вы исторгнетесь съ бо́льшею силою, не посмѣетъ устоять безстыдная дерзость ученаго невѣжи, ученая и неученая черни, всегда соглашающаяся публика»... *)

Такой печальной думой закончились всѣ недавніе восторги. А Гоголь, кажется, не допускалъ сомнѣнія въ томъ, что его устами глаголетъ истина, хотя, послѣ первыхъ же лекцій, онъ могъ увидать, что его перестали слушать.

«Знаешь ли ты — писалъ онъ Погодину въ концѣ 1834 года—что значитъ не встрѣтить сочувствія, что значитъ не встрѣтить отзыва? Я читаю одинъ, рѣшительно одинъ, въ здѣшнемъ университетѣ. Никто меня не слушаетъ и ни на одномъ лицѣ ни разу не встрѣтилъ я, чтобы поразила его яркая истина. Хотя бы одно студенческое суще-

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 357.

Digitized by Google

ство понимало меня! Это народъ безцвѣтный, какъ Петербургъ». А между тѣмъ, если бы онъ могъ заглянуть въ будущее, онъ сталъ бы вглядываться внимательно въ лица двухъ слушателей:—передъ нимъ на студенческой скамьѣ сидѣли Тургеневъ и Грановскій.

Вся эта печальная исторія съ прогрессурой, отозвавшаяся очень больно на Гоголѣ, не была слѣдствіемъ лишь минутнаго налетѣвшаго на него вдругъ каприза. Если матеріальныя соображенія могли входить въ его разсчеты, то все-таки они не были главнымъ мотивомъ его упорства. Это была снова мечта, мечта о служеніи ближнимъ, обманувшая нашего легковѣрнаго романтика. Ему вдругъ показалось, что онъ можетъ обозрѣть все прошлое духовнымъ окомъ, — и сказать свое слово о судьбахъ человѣчества.

Съ выходомъ изъ университета Гоголь прощался съ послѣдней надеждой на «службу». Онъ становился, дѣйствительно, вольнымъ казакомъ. Можно удивляться, что онъ не захотѣлъ стать имъ раньше и такъ долго носился съ мыслью пристроить себя къ какому-нибудь оффиціальному «дѣлу». Очевидно, что вѣра въ себя, какъ въ писателя только, какъ въ художника по преимуществу, все еще недостаточно была крѣпка въ немъ. Онъ все еще не рѣшался сказать самому себѣ, что служеніе искусству его истинное, единственное призваніе.

Это тѣмъ болѣе странно, что какъ разъ въ тѣ годы, когда онъ такъ упорно стремился выработать изъ себя ученаго и профессора, онъ, какъ художникъ, обнаружилъ рѣдкую по силѣ и быстротѣ производительность. Замѣтимъ кстати, что онъ совсѣмъ не хладнокровно относился въ это время къ своей литературной работѣ. Когда въ концѣ 1832 года и въ 1833 году эта дѣятельность временно какъ будто начала ослабѣвать, Гоголь очень былъ обезпокоенъ такимъ застоемъ въ работѣ. Онъ досадовалъ, что творческая сила его не посѣщаетъ; онъ презрительно отзывался о своихъ «Вечерахъ на Хуторѣ»: «Да обрекутся они неизвѣстности—писалъ онъ—покамѣсть что-нибудь увѣсистое, великое, художническое не изыдетъ изъ меня!». Бездѣйствіе и неподвижность въ творчествѣ его бѣсили. «Мелкаго не хочется, великое не выдумывается». Онъ испытывалъ за это время настоящія муки творчества. «Еслибы вы знали—писалъ онъ Максимовичу—какіе со мной происходили странные перевороты, какъ сильно растерзано все внутри меня! Боже сколько я *пережегъ*, сколько перестрадалъ!» *).

Тревоги Гоголя были, конечно, напрасны. Творческая способность его не покидала, но, наоборотъ, развертывалась съ полной силой. Въ 1835 году были напечатаны «Арабески» и «Миргородъ», съ 1832 года началась работа надъ комедіями и всѣ «отрывки», «Женитьба» и «Ревизоръ» были къ 1836 году закончены въ первоначальныхъ редак

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 227, 237, 263.

Digitized by Google

ціяхъ. Въ концѣ 1835 года Гоголь началъ писать «Мертвыя Души»—однимъ словомъ, работа кипѣла, и странно, какъ мы сказали, что при этой кипучей литературной работѣ, онъ все никакъ не хотѣлъ разстаться съ работой ученой. Но послѣ университетскаго фіаско—сомнѣній уже не могло быть.

«Мимо, мимо все это!—писалъ Гоголь Погодину. Теперь вышелъ я на свѣжій воздухъ. Это освѣженіе нужно въ жизни, какъ цвѣтамъ дождь, какъ засидѣвшемуся въ кабинетѣ—прогулка. Смѣяться, смѣяться давай теперь побольше. Да здравствуетъ комедія!» *)

Настоящая дорога была, наконецъ, найдена.

Итакъ, если сравнить того Гоголя, съ которымъ мы познакомились въ первый годъ его жизни въ Петербургѣ съ тѣмъ уже видимымъ писателемъ, который теперь передъ нами, то никакой почти перемѣны не замѣтимъ мы ни въ его характерѣ, ни въ образѣ его мыслей. Та же замкнутость и самомнѣніе; тѣ же мечты о великомъ своемъ призваніи, та же религіозность. Тѣ же мысли о томъ, какъ бы найти поскорѣе истинное дѣло, свершая которое онъ могъ бы служить людямъ, творить имъ добро, вѣщать имъ истину—людямъ, которыхъ онъ любитъ какъ идею или мечту и съ которыми туго сближается въ жизни. Наконецъ, и прежняя грусть, и тревога духа не покинули Гоголя въ эти болѣе зрѣлые годы: старый разладъ между мечтой и жизнью, между идеаломъ, къ которому тяготѣла душа поэта и житейской грязью, къ которой онъ теперь сталъ присматриваться, давалъ себя чувствовать попрежнему тяжело и настойчиво. Иначе и быть не могло, такъ какъ за этотъ періодъ времени, отъ 1832 до 1836 года, обѣ основныхъ и главныхъ силы его духа: и романтическій лиризмъ его сердца, и трезвый взглядъ реалиста-художника, вступили въ первую рѣшительную борьбу между собой—борьбу, которая на этотъ разъ должна была кончиться побѣдой художника реалиста надъ романтикомъ и моралистомъ.

Обѣ эти основныхъ силы крѣпли въ немъ и росли быстро.

Способность приматриваться къ мелочамъ жизни, способность анализировать ее безпощадно, срывая съ нея иногда всѣ романтическіе покровы, талантъ трезваго бытописателя, для котораго изображеніе жизни важнѣе затаеннаго въ ней смысла, — этотъ даръ продолжалъ развиваться и достигъ своего наибольшаго разцвѣта какъ разъ къ началу сороковыхъ годовъ. Уже въ «Вечерахъ на Хуторѣ» онъ былъ достаточно замѣтенъ и затѣмъ съ каждымъ годомъ это дарованіе реалиста стало сказываться все опредѣленнѣе и рѣзче. Въ 1831 году была написана «повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ». Въ 1832 году начата была комедія «Владиміръ 3-ей степени», набросано «Утро дѣлового чело-

---

*) «Письма Н. В. Гоголя», I, 357.

Digitized by Google

вѣка» и написаны «Старосвѣтскіе помѣщики». Въ 1833 г. начата «Женитьба»; въ 1834 году написаны «Невскій проспектъ», «Записки сумасшедшаго» и начатъ «Ревизоръ»; въ 1835 году начаты «Мертвыя Души», написана «Коляска»; въ 1836 г. законченъ «Ревизоръ» и написанъ «Носъ». Затѣмъ отъ 1836 до 1842 года тянулась работа надъ первой и второй частью «Мертвыхъ Душъ».

Но и тяготѣніе къ романтическому міропониманію и къ лирическимъ изліяніямъ по поводу того, что приходилось наблюдать и видѣть, отнюдь не замерло въ душѣ художника за этотъ періодъ времени. Наоборотъ, оно отстаивало свою власть надъ его сердцемъ очень упорно. Проявлялось оно въ повышенномъ патетическомъ настроеніи духа, въ восторгахъ передъ таинственнымъ смысломъ жизни вообще и передъ красотой въ мірѣ въ частности; сказывалось оно также въ любви къ фантастическому, чудесному и религіозному, наконецъ, въ увлеченіи старинной легендарной и исторической.

Съ только что поименованнымъ рядомъ памятниковъ, въ которыхъ Гоголь являлся трезвымъ реалистомъ, можно сопоставить такой же рядъ произведеній, обличающихъ въ писателѣ сентименталиста и романтика. Мы знаемъ, какъ много такого сентиментализма и романтизма было въ «Вечерахъ на Хуторѣ». Съ 1830 года эти вкусы сказываются во всѣхъ отрывкахъ изъ историческихъ романовъ, во всѣхъ статьяхъ съ историческимъ содержаніемъ, во всѣхъ стихотвореніяхъ въ прозѣ, которыя озаглавлены «Женщина» (1830) «Борисъ Годуновъ» (1830), «Живопись, скульптура и музыка» 1831), «1834 годъ» (1833), «Жизнь» (1834). Этимъ же романтизмомъ окрашены и повѣсти «Вій» (1834), «Тарасъ Бульба» (1834) и «Портретъ» (1835).

При такой постоянной перемѣнѣ настроенія и смѣнѣ въ пріемахъ творчества работалъ Гоголь въ эти знаменательные годы своей жизни. Состояніе его духа было неспокойное и смутное. Все настойчивѣе начиналъ его тревожить вопросъ — съ какой же стороны художнику подходить къ жизни? Призванъ ли художникъ вычитывать изъ этой жизни ея таинственный смыслъ, напоминать этой жизни объ ея идеалѣ и быть для людей маякомъ, который, возвышаясь надъ взволнованнымъ житейскимъ моремъ, ведетъ ихъ къ вѣрной пристани; или онъ долженъ быть для нихъ простымъ зоркимъ спутникомъ, призваннымъ открыть имъ глаза на опасность? Этотъ не совсѣмъ правильно поставленный вопросъ возникъ во всей его строгости передъ Гоголемъ и сталъ для него источникомъ великихъ мученій. Поэтъ никакъ не могъ рѣшить, въ чемъ его обязанность передъ людьми: въ томъ ли, чтобы только выворачивать передъ ними всю ихъ грѣшную и грязную душу, или въ томъ, чтобы, выворотивъ ее, указать имъ путь спасенія. Этотъ вопросъ долженъ былъ измучить Гоголя, уже по одному тому что въ умѣ нашего поэта съ дѣтскихъ лѣтъ крѣпко засѣла мысль объ особенной миссіи, которая именно на него возложена.

Digitized by Google

На эти же мысли о призваніи поэта и на его отношеніе къ міраmъ идеальному и реальному наводило Гоголя, кромѣ того, одно весьма важное обстоятельство его петербургской жизни. Это были его близкія связи съ кружкомъ Пушкина.

Съ Жуковскимъ Гоголь познакомился въ концѣ 1830 г., съ Пушкинымъ въ 1831 г. Отношенія установились сразу очень хорошія, несмотря на неравенство лѣтъ и положенія. Въ кабинетѣ Пушкина, у Жуковскаго, Одоевскаго, Вьельгорскаго, въ салонѣ фрейлины Россетъ протекали эти счастливыя для Гоголя минуты, когда онъ чувствовалъ себя въ сосѣдствѣ съ геніемъ, добромъ и красотой—съ этими тремя дарами, которые онъ цѣнилъ выше всего въ жизни человѣка.

Совершенно особаго рода вліяніе оказалъ этотъ кружокъ Пушкина на Гоголя. Онъ не нанесъ никакого ущерба его самостоятельности, но усилилъ въ немъ одну склонность, которая и безъ того была сильна въ немъ, а именно, его любовь къ отрѣшенному отъ дѣйствительности и просвѣтленному представленію о жизни и человѣкѣ.

Атмосфера пушкинскаго кружка заставила сердце Гоголя романтичнѣе и возвышеннѣе чувствовать, и пропасть между дѣйствительностью и идеальнымъ представленіемъ о ней стала нашему художнику казаться еще шире. Люди, которые теперь его окружали, противопоставляли житейской грязи и пошлости, которая всегда такъ бросалась въ глаза нашему поэту—тотъ горній міръ красоты, въ которомъ жила ихъ богато одаренная фантазія. Отъ будничныхъ волненій они стремились стать подальше. Въ своей борьбѣ за доброе начало въ жизни, они могли сравнить себя съ тѣмъ ветхозавѣтнымъ вождемъ, который въ разгарѣ битвы Израиля со врагомъ стоялъ на горѣ съ поднятыми къ небу руками: пока они были подняты, Израиль побѣждалъ, и потому надо было только высоко держать ихъ, не оглядываясь и не заботясь объ остальномъ. На такой горѣ стояли Пушкинъ и его друзья.

Пушкинъ былъ главный чародѣй этого заколдованнаго царства; и Гоголь восторженно поклонялся въ немъ удивительному полету его вдохновенія, которое умѣло надъ міромъ прозы поставить свой чудесный міръ мечты и торжествовать свою полную побѣду надъ дѣйствительностью. Это вдохновеніе было необычайно спокойно и ясно, носило въ себѣ сознаніе своей облагораживающей и возвышающей силы.

Этой силы не было въ поэзіи Жуковскаго, но зато она намекала человѣку на таинственную загробную даль, ласкала наши упованія и нашу вѣру въ Промыселъ, который допускаетъ зло на землѣ, лишь какъ временное испытаніе, и въ этой поэтичной вѣрѣ для Гоголя дано было великое утѣшеніе.

Все въ кружкѣ Пушкина говорило объ особомъ свѣтломъ мірѣ, куда доступъ былъ открытъ только избраннымъ, и Гоголь чувствовалъ, что онъ въ числѣ ихъ. Въ этомъ кружкѣ, который такъ высоко поднимался надъ жизнью, который не вступалъ съ ней въ споръ, а только ука-

Digitized by Google

зывалъ ей на ея просвѣтленный образъ,—въ этомъ кружкѣ нѣкоторыя мысли и чувства Гоголя получили особое подтвержденіе. Въ немъ укрѣпилось убѣжденіе, что поэтъ есть истинный избранникъ Божій, которому не только дана сила возсоздать жизнь въ образѣ, но сила руководить ею во всѣхъ даже детальныхъ ея вопросахъ единственно по праву вдохновенія. Понятіе о художникѣ въ его представленіи слилось съ понятіемъ о прорицателѣ, о непосредственномъ слугѣ Божіемъ, одаренномъ свыше чуть ли не чудесной силою прозрѣнія для блага и счастья ближнихъ.

Самъ Пушкинъ и его друзья понимали призваніе поэта, быть можетъ, и не въ столь мистическомъ смыслѣ, но обаяніе ихъ личности и творчества придали въ глазахъ Гоголя именно такой мистическій смыслъ вдохновенію.

Тяжело было жить Гоголю съ такимъ непомѣрно-высокимъ мнѣніемъ о своемъ назначеніи въ мірѣ; ему, въ которомъ талантъ бытописателя и реалиста крѣпъ съ каждымъ годомъ, въ которомъ тоска по гармоніи идеала и жизни должна была усиливаться по мѣрѣ того, какъ этотъ талантъ развивался и все болѣе и болѣе сводилъ поэта съ высотъ лиризма, приближая его къ прозаической злобѣ дня.

Эта борьба лиризма и романтическихъ чувствъ съ трезвой наблюдательностью реалиста оставила свой ясный слѣдъ на произведеніяхъ Гоголя за этотъ періодъ его дѣятельности. Въ томъ, что онъ говорилъ въ «Арабескахъ», въ «Миргородѣ» и въ другихъ своихъ повѣстяхъ, статьяхъ и замѣткахъ мы находимъ своеобразное рѣшеніе волновавшихъ его вопросовъ, а также и прямое отраженіе чередующихся въ немъ настроеній романтика-энтузіаста и бытописателя-юмориста.

Гоголя прежде всего тревожитъ вопросъ о назначеніи искусства въ жизни. Поэтъ художникъ — кто онъ? Для чего онъ посланъ въ міръ? Какое соотношеніе существуетъ между міромъ реальнымъ, къ которому мы прикованы, и міромъ идеала, о которомъ тоскуемъ? Какое положеніе среди этихъ двухъ спорящихъ міровъ долженъ занять художникъ? Эти вѣчные вопросы явятся сейчасъ передъ нами, символически преображенные въ образахъ.

И нашъ писатель одновременно начнетъ развертывать передъ нами обѣ стороны своего таланта: онъ, какъ романтикъ, эстетикъ и историкъ, будетъ доискиваться въ жизни ея символическаго смысла, будетъ любоваться на ея красоту и будетъ пытаться возсоздать ея прошлое: какъ реалистъ и бытописатель, онъ станетъ приглядываться къ ея прозаическимъ деталямъ, начнетъ выискивать въ ней и пошлое, и смѣшное. Зачѣмъ? Пока лишь затѣмъ, чтобы отъ души посмѣяться.

Н. Котляревскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

ЛЕБЕДИНОЕ ГНѢЗДО.

(Елизаветы Броунингъ).

Элли сѣла на траву;
Тамъ подъ буковою сѣнью
Вьется рѣчка въ тростникѣ.
Лучъ пробился сквозь листву,
Онъ играетъ свѣтотѣнью
У малютки на щекѣ.

—

Шляпку сбросила свою
Элли между тростниками,
Ноги въ воду опустивъ
Въ серебристую струю,
И качается—руками
Ихъ съ улыбкой обхвативъ.

—

У рѣки—она одна;
Вмѣсто словъ—улыбкой ясной,
Частой гостьей на устахъ—
Тишина оживлена.
Міръ таинственно прекрасный
Ей рисуется въ мечтахъ.

—

Элли грезитъ:—Конь коней
У того, кого здѣсь жду я...
Съ нимъ кто станетъ на ряду?
Мой избранникъ—всѣхъ славнѣй,
И за то его сведу я
Къ лебединому гнѣзду.

—

Digitized by Google

Золотистъ—его скакунъ,
Мой избранникъ—родомъ знатенъ,
Взоръ его горитъ огнемъ;
Поражаетъ звономъ струнъ
Онъ красавецъ, юнъ и статенъ,
А мужей—разитъ мечемъ.

—

Въ серебро разубранъ конь,
Грива по вѣтру развита...
На скаку изъ подъ копытъ
Словно сыплется огонь.
Отбиваютъ тактъ копыта
И, дивясь, пастухъ глядитъ.

—

Но едва лишь встрѣчусь я—
Мой избранникъ всѣ отрады
Позабудетъ для меня.
Молвитъ онъ:—Краса моя,
Жизнь даруютъ эти взгляды,
Жду, колѣна преклоня!

—

Онъ падетъ къ моимъ ногамъ,
(Конь его, привязанъ рядомъ,
Словно слушая, глядитъ).
„Тотъ, кому любовь отдамъ“,—
Я отвѣчу съ гордымъ взглядомъ:
„Долженъ славой быть покрытъ!“

—

Онъ поднимется тогда,
Поблѣднѣвшій отъ волненья.
Съ губъ дрожащихъ у меня
Такъ и рвется слово:—„Да“!
Но скажу черезъ мгновенье:
„Завтра въ путь съ зарею дня!“

—

И вскочивъ съ зарей въ сѣдло,
Вдаль поѣдетъ онъ за славой,
Черезъ рѣку, въ Божій міръ—

Digitized by Google

Побѣждать порокъ и зло,
Помогая въ битвѣ правой,
Водворяя всюду миръ.

—

Трижды пажъ переплыветъ
Предо мной рѣки стремнину
И падетъ у этихъ ногъ.
— Даръ любви мнѣ рыцарь шлетъ;
Лэди, что же господину
Я свезу? Какой залогъ?

—

Въ первый разъ вручу пажу
Я цвѣтокъ, затѣмъ въ награду
Дамъ перчатку, въ третій разъ—
Гнѣвъ на милость положу.
„Пусть, надѣясь на пощаду,
Онъ вернется въ добрый часъ!"

—

Передастъ отвѣтъ гонецъ.
На конѣ въ пути усталомъ
Онъ примчится къ намъ въ страну.
— Гордый герцогъ—мнѣ отецъ,
Счета нѣтъ моимъ вассаламъ,
Но люблю тебя одну!

—

Тутъ обниметъ онъ меня,
И меня народъ, ликуя,
Съ нимъ прославитъ на ряду,
И тогда съ зарею дня
Въ камыши его сведу я
Къ лебединому гнѣзду!

—

Элли шляпку подняла
И обулась. По привычкѣ
Посмотрѣть хотѣлось ей
(И въ обходъ она пошла)—
Есть ли новыя яички
Тамъ въ гнѣздѣ у лебедей?

—

Digitized by Google

Вотъ гнѣздо въ рѣчной глуши,
Межъ кустовъ въ концѣ тропинки.
Трепетъ Элли овладѣлъ,
Отстранившей камыши:
Крысой сглоданы тростинки,
Дикій лебедь улетѣлъ!

—

Элли шла въ нѣмой тоскѣ.
Рыцарь, конь съ чудесной мастью
Будутъ, нѣтъ ли — никогда,
О, навѣрно, въ тростникѣ
Не увидѣть имъ, къ несчастью,
Лебединаго гнѣзда!

О. Чюмина.

Digitized by Google

НА РАСТИТЕЛЬНОЙ ПИЩѢ.

Разсказъ*).

Полдневная зимняя заря разгоралась на южной сторонѣ неба, медленно передвигаясь направо. Пропадинсъ, казалось, оцѣпенѣлъ отъ жестокаго мороза, заставлявшаго дыханіе выходить изъ груди съ шероховатымъ свистомъ и окутывавшаго сѣрымъ паромъ каждое живое существо, осмѣлившееся появиться подъ открытымъ небомъ.

Впрочемъ, на единственной улицѣ города было пустынно и тихо. Изрѣдка человѣческая фигура, смутно мелькнувъ въ сумеречномъ свѣтѣ полярнаго полудня, выскакивала изъ дверей и, подхвативъ ношу мелко нарубленныхъ дровъ, сложенныхъ у порога, торопливо скрывалась обратно. Даже выносливыя полярныя собаки забились въ конуры и другія укромныя мѣста и неподвижно лежали, свернувшись калачикомъ и покрывъ голову пушистымъ хвостомъ, какъ одѣяломъ. Зато изо всѣхъ трубъ поднимались высокіе столбы густого дыма, гдѣ проскакивали багровыя искры, таявшія въ полумракѣ, какъ падучія звѣзды. Жители отсиживались въ избахъ, какъ въ крѣпостяхъ, и защищались отъ мороза самымъ лучшимъ и надежнымъ орудіемъ—огнемъ, тѣмъ болѣе, что дрова были тутъ же подъ бокомъ.

Лѣсъ начинался среди города прямо отъ церкви. Тамъ было тихо, какъ на кладбищѣ. Широкія вѣтви лиственницъ, отягощенныя бѣлыми хлопьями, простирались въ стороны, какъ неподвижныя руки мертвецовъ, окутанныя складками бѣлаго савана. Ни одна талинка не смѣла шевельнуться, чтобъ стряхнуть густой бѣлый пухъ, обильно осѣвшій на ея тонкіе побѣги. Снѣгъ, покрывавшій землю до половины человѣческаго роста, пышный и пушистый, защищенный деревьями отъ безпокойнаго вѣтра, тоже какъ будто спалъ, изнемогая подъ бременемъ холода, плотнаго и тяжелаго, какъ свинецъ.

Бѣлая куропатка, сидѣвшая на нижней вѣтви тальничнаго

*) См. разсказъ того же автора «На каникулахъ», «М. В.», 1900 г., іюнь.

Digitized by Google

куста и тоже похожая на комъ снѣга, вздрогнула и перепорхнула на сажень подальше. Съ противоположной стороны послышались шаги, медленно и неровно смѣнявшіе другъ друга. Шедшій человѣкъ, очевидно, проваливался въ снѣгъ и каждый разъ съ усиліемъ выдергивалъ то лѣвую, то правую ногу, хватаясь руками за вѣтви для лучшей опоры. Онъ былъ совсѣмъ близко, если даже куропатка, эта почти домашняя птица сѣвернаго лѣса, рѣшила побезпокоиться ради его прихода. Дѣйствительно, черезъ минуту кусты раздвинулись, и человѣкъ показался на небольшой полянкѣ, гдѣ нѣсколько крупныхъ лиственницъ были довольно давно срублены на постройку. Куропатка, сидя на новой вѣткѣ, принялась лѣниво разсматривать его своими красными глазками. Это былъ, конечно, чужестранецъ, ибо вмѣсто оленьяго мѣха, плотно облегающаго тѣло туземцевъ, его высокая фигура была закутана совсѣмъ въ другую одежду. Сермяжный халатъ, надѣтый сверхъ короткаго полушубка и подпоясанный кушакомъ, безпомощно оттопыривался на груди, открывая холоду совершенно свободный проходъ; на рукахъ были желтыя кожаныя рукавицы съ варегами, столь же мало пригодныя для этого холода и этого лѣса. Неуклюжіе валеные сапоги, подшитые кожей и широкіе, какъ лыжи, на каждомъ шагу проваливались въ снѣгъ и оставляли странныя дыры, круглыя и глубокія, какъ устье лисьей норы. За поясомъ у человѣка былъ заткнутъ плотничій топоръ съ короткой ручкой, а на спинѣ былъ привязанъ *сукоръ*, т.-е. носилки особой формы, похожія на скамейку каменьщиковъ и употребляемыя на сѣверѣ преимущественно для переноски дровъ.

Сѣрый суконный шлыкъ страннаго, очевидно, самодѣльнаго покроя все сползалъ на затылокъ, открывая густые бѣлокурые волосы, соединявшіеся внизу съ такой же бѣлокурой бородой. Свѣтлые волосы бороды были перевиты бѣлыми нитями, гдѣ иней соперничалъ съ сѣдиной, но лицо человѣка горѣло отъ мороза и ходьбы. Онъ уже давно ковылялъ въ снѣгу, какъ большая нерпа, вышедшая на тинистый берегъ, и, несмотря на 50 градусовъ ниже нуля, ему было скорѣе жарко, чѣмъ холодно.

Сдѣлавъ еще нѣсколько дыръ въ снѣгу, человѣкъ приблизился къ первому сухому пню и, вытащивъ изъ-за пояса топоръ, принялся отщепливать одно за другимъ мелкія полѣнья. Нельзя сказать, что бы дѣло подвигалось у него особенно успѣшно. Ручка топора была коротка, а лезвее слишкомъ широко и тонко для этой работы. Топоръ поперемѣнно то выскакивалъ изъ рукъ, то вонзался такъ глубоко въ узловатое дерево, что вытащить его можно было только съ большими усиліями и съ рискомъ переломить желѣзо пополамъ. Но человѣкъ не унывалъ и продолжалъ тюкать, какъ дятелъ, складывая на свои носилки каждый

Digitized by Google

даже самый маленькій деревянный осколокъ. Отъ одного пня онъ перешелъ къ другому, потомъ къ третьему, и черезъ два часа этого каторжнаго труда ноша была готова. Взваливъ ее съ усиліемъ на плечи и подтянувъ поперекъ пояса нижніе ремни, человѣкъ пустился въ обратный путь.

Теперь идти ему было труднѣе, и онъ спотыкался еще чаще прежняго, напрасно стараясь попадать ногами въ старые слѣды. Ноша, опутанная со всѣхъ сторонъ веревками, застрѣвала въ тальникѣ и угрожала развалиться; суконный шлыкъ съѣзжалъ на глаза въ самыя неудобныя минуты, рукавицы спадали съ рукъ, и онъ доставалъ ихъ, присѣдая въ снѣгу, какъ заяцъ, и изо всѣхъ силъ балансируя спиной, чтобы ноша не свалилась черезъ голову. Несмотря на морозъ, потъ катился съ него градомъ и залѣплялъ ему глаза, борода и волосы окончательно побѣлѣли, и даже на бровяхъ и рѣсницахъ повисли ледяныя сосульки. Дыханіе съ шумомъ и усиліемъ вырывалось изъ его груди и немедленно замерзало, обращаясь въ мелкій иней. Усталость, быстро приходящая при движеніи на сильномъ морозѣ, наклоняла его спину и дрожала мелкой дрожью въ бокахъ, подымавшихся и опускавшихся, какъ у загнанной лошади, но онъ не унывалъ и упорно подвигался впередъ, стараясь выбраться на твердую дорогу, натоптанную ногами пропадинскихъ вдовъ и нищихъ старухъ, которыя, не имѣя собакъ, тоже должны были отправляться въ лѣсъ пѣшкомъ съ носилками за спиной.

Наконецъ, на опушкѣ лѣса забѣлѣлась поляна, гдѣ пріютилась одинокая юрта, отбившаяся отъ другихъ домовъ на самый край узкой и обрывистой рѣчки Сосновки, которая теперь промерзла до дна и была завалена снѣгомъ до верхней межи своихъ крутыхъ береговъ.

Небольшая квадратная дверь, обитая рваной оленьей шкурой и лежавшая, какъ опускной люкъ на сильно скошенной стѣнѣ, не была ничѣмъ приперта. Человѣкъ въ валенкахъ открылъ дверь и сбросилъ дрова въ избу прямо черезъ голову, потомъ съ усиліемъ протиснулъ въ узкое отверстіе свое длинное тѣло. Въ юртѣ было грязно и темно, какъ въ логовищѣ звѣря. Косыя стѣны изъ тонкихъ бревенъ, прислоненныхъ стоймя къ бревенчатой рамѣ вверху и ничѣмъ не скрѣпленныхъ между собой, были хуже стѣнъ любого ярмарочнаго балагана, сколоченнаго на скорую руку. Для тепла хозяинъ обилъ ихъ травяными матами собственной работы, но эти грубые травяные ковры примерзли къ дереву и почти совершенно исчезли подъ толстымъ слоемъ льда, налипшаго снаружи. Всѣ углы были наполнены толстыми ледяными сталактитами, подпиравшими крышу, какъ колонны. Каждая щель на потолкѣ была опушена изморозью, вплоть до неуклюжаго ка-

Digitized by Google

мелька, наклонившаго впередъ свое разверстое чело. Изъ трехъ оконъ юрты два были заглушены для тепла и наполнены связками травы, тоже оледянѣвшими и сросшимися вмѣстѣ. Въ третьемъ окнѣ тускло поблескивала льдина, замѣнявшая стекло и запорошенная снаружи снѣгомъ. Въ общемъ это былъ настоящій ледяной домъ, и казалось, что деревянная оболочка его совершенно не нужна и могла бы отвалиться долой безъ всякаго ущерба для крѣпости и тепла, если бы доски и жерди не вросли такъ крѣпко въ ледъ.

Впрочемъ хозяинъ юрты слишкомъ привыкъ къ ея внутреннему виду и убранству, чтобы обращать на него вниманіе. Онъ поспѣшно поставилъ дровъ въ каминъ и принялся растапливать огонь. Потомъ онъ отряхнулъ снѣгъ съ одежды, сложилъ остальныя дрова въ темномъ углу за каминомъ и по пути вымелъ полъ. Когда онъ въ послѣдній разъ заглянулъ въ уголъ, по лицу его пробѣжало выраженіе удовлетворенія. Трудное это было дѣло, таскать каждый день дрова изъ лѣсу, но онъ исполнялъ его неукоснительно, не обращая вниманія на холодъ и непогоду. Пришельцы въ Пропадинскѣ, не имѣя собственныхъ собакъ, покупали дрова у туземцевъ, но онъ не считалъ возможнымъ покупать за деньги чужой трудъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ и проводилъ свое убѣжденіе въ жизнь съ неноколебимымъ упорствомъ, не взирая на морозы и грубые мозоли, набѣгавшіе на его тонкихъ ладоняхъ.

Растопивъ огонь, онъ принялся за приготовленіе обѣда. Если бы какой-нибудь туземецъ могъ видѣть продукты, которыми онъ обходился, то удивленіе, которое они питали къ этому странному человѣку, усилилось бы вдвое. Среди безхлѣбной страны, питающейся исключительно мясомъ убитыхъ тварей, на этомъ одномъ столѣ не было ни мяса, ни рыбы. Хозяинъ юрты издавна былъ вегетаріанцемъ и былъ такъ же неспособенъ измѣнить свои взгляды и вкусы и начать питаться мясомъ, какъ неспособны на это лебедь или лань. Въ первый мѣсяцъ послѣ своего пріѣзда, подъ вліяніемъ унынія, возбужденнаго разсказами старожиловъ, онъ сдѣлалъ одну или двѣ попытки надъ животной пищей, но мысль о томъ, что для его существованія уничтожена жизнь, привела его въ ужасъ, и послѣ перваго обѣда онъ слегъ въ постель, поплатившись лихорадкой и разстройствомъ пищеваренія.

Самый воздухъ на Пропадѣ былъ пропитанъ убійствомъ. Куропатокъ стрѣляли у порога, оленей закалывали на льду рѣки, коровъ глушили обухомъ прямо на улицѣ. Но Веревцовъ съ дѣтства не могъ выносить вида и запаха крови и теперь, окруженный этой охотничьей атмосферой, чувствовалъ, что его отвращеніе къ ней возросло въ сто разъ больше прежняго.

Digitized by Google

Тѣмъ не менѣе, послѣ своей неудачной попытки ассимилироваться, онъ сталъ утверждать, что дѣло не въ вегетаріанскихъ убѣжденіяхъ, а просто его организмъ не выноситъ животной пищи. Другіе пришельцы всецѣло приняли туземную пищу и обходились безъ дорогого хлѣба, и ему казалось, что онъ оскорбитъ ихъ, настаивая на своемъ вегетаріанствѣ. Но про себя онъ не могъ безъ дрожи вспомнить день своей несчастной попытки и даже до сихъ поръ чувствовалъ на себѣ пятно отъ этого неудачнаго желанія имѣть свою долю въ общей цѣпи истребленія.

За отсутствіемъ мясныхъ продуктовъ, пища его отличалась спартанской простотой; онъ насыпалъ въ горшокъ гречневой крупы и долилъ его водой. Потомъ принесъ изъ амбара кусокъ замороженнаго тѣста, которое онъ умудрялся печь надъ горячими угольями въ жестяной коробкѣ, передѣланной изъ керосиновой банки. Хлѣбъ и каша почти исключительно составляли его пищу, ибо въ этомъ заброшенномъ краѣ нельзя было найти даже самыхъ жалкихъ овощей для пополненія этого скуднаго стола. Даже такая пища была втрое дороже животной, и бѣдному вегетаріанцу удавалось сводить концы съ концами только благодаря тому, что всѣ другія траты онъ замѣнялъ своимъ трудомъ.

Нельзя сказать, что бы при такой пищѣ у Веревцова было много силъ и здоровья. Руки его оставались слишкомъ тонкими, плечи поднимались вверхъ острыми и узкими углами, но онъ скрипѣлъ да скрипѣлъ, какъ ива, сгибаемая вѣтромъ, и до сихъ поръ удачно справлялся съ мелкими недугами, время отъ времени выпадавшими ему на долю.

Поставивъ на уголья горшокъ съ кашей и чайникъ для кипятка, Веревцовъ усѣлся передъ каминомъ и сталъ смотрѣть въ огонь. Съ ранняго утра до поздней ночи весь день его былъ наполненъ трудомъ. Онъ медленно справлялся съ своими дѣлами и подводилъ свой дневной балансъ только послѣ двѣнадцатичасового рабочаго дня, но время, когда въ каминѣ топился огонь, составляло для него отдыхъ. Среди этой мертвой страны огонь былъ источникомъ жизни и движенія, туземцы обоготворяли его, и даже далекимъ русскимъ пришельцамъ казалось, что въ яркомъ шипящемъ и прыгающемъ пламени колышется и мелькаетъ какое-то неукротимое, вѣчно безпокойное, то разрушительное, то творческое начало. И Веревцову, когда онъ растапливалъ каминъ, казалось, что онъ не одинъ въ юртѣ, что яркій огонь заглядываетъ ему въ глаза и разговариваетъ съ нимъ своимъ трескучимъ голосомъ и киваетъ ему своей косматой багровой гривой. И эти разговоры огня настраивали его всегда въ особомъ мечтательномъ, почти разнѣженномъ тонѣ. Онъ садился на скамью противъ яркаго друга своихъ зимнихъ ночей и принимался вспоминать свою

Digitized by Google

прошлую жизнь, и эти воспоминанія, трагическія и однообразныя, были окружены ореоломъ, какъ деревья чернаго лѣса, выступившія внезапно на яркомъ фонѣ багроваго заката. Еще чаще онъ мечталъ, и мечты его были ясны и наивны, какъ мечты первыхъ христіанъ, духовнымъ потомкомъ которыхъ онъ являлся въ своемъ закаленномъ и мужественномъ беззлобіи. Будущій золотой вѣкъ представлялся ему такъ реально, какъ будто онъ самъ собирался въ немъ жить.

Мечи перекуютъ въ орала и пушки въ земледѣльческія машины, всѣ люди будутъ любить другъ друга, угнетенные прозрѣютъ, и угнетатели станутъ ихъ братьями, и рабы и господа будутъ трудиться на одной нивѣ. И наука покоритъ болѣзнь и старость, рожденіе и самую смерть. Тогда царство небесное настанетъ на землѣ...

Длинная черная головешка, перегорѣвъ посрединѣ, упала прямо въ горшокъ. Вода забурлила и перелилась черезъ край. Василій Андреичъ очнулся отъ своихъ мечтаній и, доставъ изъ-за камелька короткій полуобгорѣвшій *ожигъ* принялся перемѣшивать дрова. Онъ тщательно околотилъ всѣ крупныя головни и, дѣйствуя ожигомъ, какъ рычагомъ, установилъ ихъ рядомъ въ глубинѣ очага; цѣлую груду крупныхъ углей, пылавшихъ струйчатымъ ярко-малиновымъ жаромъ, онъ выгребъ впередъ на край шестка, чтобы они отдали свое тепло плохо нагрѣвавшейся юртѣ. Отдѣльные угли падали на полъ, онъ подбиралъ ихъ руками и торопливо бросалъ назадъ, обдувая себѣ пальцы, если горячій уголь успѣлъ прихватить кожу. Онъ умудрился также задѣть себя по лицу обгорѣлымъ концомъ ожига, и на его правой щекѣ легла черная полоса, протянувшаяся и черезъ носъ. Наконецъ, головешки перегорѣли. Василій Андреичъ сгребъ угли въ кучу, присыпалъ ихъ золою изъ корыта, стоявшаго въ углу, и, поставивъ латку съ тѣстомъ на обычное мѣсто въ углубленіи шестка, поспѣшилъ закрыть трубу, хотя въ угляхъ еще перебѣгали послѣдніе синіе огоньки угара. Но юрта была такъ холодна, что никакой угаръ не могъ держаться въ ея промерзлыхъ стѣнкахъ. Однако, жаръ, струившійся изъ широкаго жерла камина, отогрѣлъ, наконецъ, эту мерзлую берлогу. Иней, густо насѣвшій на льдинѣ единственнаго окна, растаялъ и скатился внизъ легкими и мелкими слезами, и она яснѣла теперь, какъ толстое зеркальное стекло. Въ переднемъ углу капля за каплей сталъ сочиться одинъ изъ ледяныхъ сталактитовъ, и въ воздухѣ пріятно запахло печонымъ хлѣбомъ. Это былъ промежутокъ въ ледниковомъ періодѣ, который царилъ здѣсь всю зиму, каждую ночь достигая апогея.

Василій Андреичъ испытующимъ взоромъ посмотрѣлъ на горшокъ и, закрывъ его листкомъ покоробленной жести, подвинулъ

Digitized by Google

поближе къ огню. Ему не на шутку хотѣлось ѣсть, но голодъ страннымъ образомъ всегда повышалъ его работоспособность, и никогда ему такъ не работалось, какъ въ послѣдніе полчаса, когда поспѣвала его ѣда.

Онъ постоялъ немного въ раздумьи, потомъ, оттащивъ отъ кровати длинное и толстое бревно, выкатилъ его на середину избы. Бревно во всю длину было полое, выдолбленное въ видѣ трубы, какъ колода, изъ которой поятъ лошадей. Василій Андреичъ усѣлся на бревно верхомъ и при помощи тяпки и крѣпкаго ножа принялся углублять и выравнивать круглую вырѣзку. Онъ точилъ дерево, какъ червякъ, отрывая его щепками и маленькими кусочками, и занятіе это было похоже даже не на работу, а на какую-то тихую непонятную игру, но стѣнки колоды становились тоньше и тоньше, а вся колода легче и помѣстительнѣе.

Наконецъ, когда деревянныя стѣнки колоды стали звенѣть подъ ударами, и долбить дальше было уже опасно, Василій Андреичъ схватилъ колоду за тонкій конецъ и потащилъ къ выходу. Въ юртѣ было тѣсно, и на смѣну готовому бревну должно было поступить другое, новое, для того, чтобы тоже быть вырубленнымъ и выстроганнымъ изнутри. Василій Андреичъ складывалъ готовыя колоды на плоскую крышу сѣней юрты, такъ какъ амбара у него не было, и онъ держалъ свои припасы въ деревянномъ ларѣ, въ глубинѣ холоднаго угла за каминомъ. Но когда, приподнявъ широкій конецъ выдолбленнаго бревна, онъ готовился продвинуть его на крышу, сзади неожиданно раздался выстрѣлъ. Онъ вздрогнулъ, уронилъ колоду на землю и быстро обернулся.

Большая бѣлая куропатка, безпечно сидѣвшая на одномъ изъ кустовъ опушки, наклонилась головой впередъ, нѣсколько секундъ какъ будто подумала, потомъ мягко упала на снѣгъ. Ноги ея судорожно дергались, крупная капля крови выступила изъ клюва.

Съ лѣвой стороны, изъ-за грубой изгороди, защищавшей владѣнія одного изъ мѣстныхъ купцовъ, показалась плотная фигура съ широкой сѣдой бородой и ружьемъ въ рукахъ. Новый пришлецъ былъ одѣтъ совсѣмъ не по сезону, въ короткій открытый пиджакъ и круглую касторовую шапочку, сильно поношенную и пробитую спереди. Онъ прошелъ мимо юрты, поднявъ убитую птицу, все еще трепетавшую въ конвульсіяхъ, и, скрутивъ ей головку, съ улыбкой потрясъ ею въ воздухѣ.

— Зачѣмъ вы ее убили, Ястребовъ? — съ упрекомъ сказалъ Василій Андреичъ.

— Какъ зачѣмъ?—переспросилъ Ястребовъ.—Ѣсть буду! Посмотрите, какая жирная!..

И онъ опять потрясъ птицей предъ лицомъ собесѣдника.

Веревцовъ содрогнулся и отвернулъ голову, но не сказалъ ни

Digitized by Google

слова. Длиннобородый Ястребовъ жилъ продуктами собственной охоты, главнымъ образомъ куропатками и зайцами, которые не переводились около Пропадинска всю зиму. Въ противоположность Веревцову, онъ питался исключительно мясомъ, презирая растительную пищу, и даже хлѣбъ цѣлыми мѣсяцами не являлся на его столѣ.

— Заходите, Ястребовъ!—привѣтливо пригласилъ Веревцовъ, оставивъ колоду въ покоѣ и приготовляясь открыть свою опускную дверь.—Погрѣетесь.

— Мнѣ не холодно!—возразилъ Ястребовъ басомъ.

Василій Андреичъ отличался гостепріимствомъ, и, кажется, ничто не доставляло ему такого удовольствія, какъ посѣщеніе его жилища пріятелями. Онъ даже завелъ у себя пріемы по четнымъ воскресеньямъ, и къ нему правильно сходилось все небольшое общество, случайно собранное въ Пропадинскѣ. Наканунѣ такого дня онъ весь съ головой уходилъ въ приготовленія, дѣятельно мылъ и скребъ столъ и горшки и приготовлялъ въ каминѣ разныя экстренныя, иногда совсѣмъ неожиданныя блюда. Общее мнѣніе считало эти пріемы очень пріятными, благодаря радушію хозяина, и гости, наѣвшись и напившись вволю, приходили въ хорошее настроеніе духа, занимались легкимъ разговоромъ и даже пѣли.

Но въ обычные будничные дни, по общему молчаливому соглашенію, къ Веревцову заходили только за дѣломъ. Онъ былъ вѣчно занятъ, и жаль было отнимать у него время. Но и при каждомъ случайномъ посѣщеніи онъ немедленно поднималъ гостепріимную суету, принимался топить каминъ и стряпать, вдобавокъ серьезно обижаясь, если гость брался за топоръ, чтобы наколоть дровъ. Гостю приходилось сидѣть на мѣстѣ и съ вытаращенными глазами ожидать „пріема“.

— Заходите!—продолжалъ приглашать Василій Андреичъ.—Пообѣдаемъ!..

— Каша, небось!—буркнулъ Ястребовъ.—Слуга покорный!..

— Хотите, куропатокъ изжаримъ? — насмѣшливо прибавилъ онъ.—Жирныя!..

И онъ положилъ руку на связку бѣлыхъ птицъ, привязанныхъ къ его поясу.

Василій Андреичъ смущенно заморгалъ глазами. Ему было трудно сказать: нѣтъ! кому бы то ни было, тѣмъ болѣе товарищу.

— Или хотите,—безжалостно продолжалъ Ястребовъ,—я ихъ оставлю вамъ для пирога воскреснаго?..

Для Ястребова не было ничего святого. Когда у Марьи Николаевны Головинской, составлявшей украшеніе пропадинскаго

Digitized by Google

общества, родился первый сынъ, Ястребовъ, замѣнявшій акушера, заявилъ, что ребенокъ очень похожъ на обезьяну. Положимъ, Витька уже третій годъ мстилъ за оскорбленіе, вырывая при каждой встрѣчѣ своими цѣпкими ручонками цѣлыя горсти волосъ изъ мохнатой бороды стараго охотника, но репутація злого языка такъ прочно установилась за Ястребовымъ, что даже Ратиновичъ, человѣкъ, для котораго тоже не было ничего святого, и который вообще рекомендовалъ старшимъ наслоеніямъ пропадинской колоніи проситься въ богадѣльню, побаивался этого угрюмаго старика и оставлялъ его въ покоѣ. Связаться съ Ястребовымъ было тѣмъ болѣе не безопасно, что онъ былъ охотникъ переводить шутки на дѣло и только съ мѣсяцъ тому назадъ наглухо заледенилъ единственный выходъ изъ квартиры доктора колоніи Кранца, т.-е. притащилъ ночью ушатъ воды и забросалъ дверь толстымъ слоемъ мокраго снѣга, который тотчасъ же отвердѣлъ, какъ мраморъ. Кранцъ принужденъ былъ просидѣть въ плѣну почти до обѣда, пока сосѣди замѣтили его бѣду и разрушили укрѣпленіе.

— А это что?—продолжалъ Ястребовъ.—Опять дудка?..

Онъ подхватилъ колоду и однимъ широкимъ взмахомъ забросилъ ее высоко на крышу.

— Которая это?—спросилъ онъ болѣе дружелюбнымъ тономъ.

— Пятая!—сказалъ Веревцовъ съ невольнымъ вздохомъ.

— Нужно еще десять!..

Долбить колоды было такъ трудно, что онъ опасался, что не успѣетъ приготовить достаточнаго количества къ наступленію лѣта. Вдобавокъ лѣсъ для колодъ попался ему дурной; онъ собралъ его въ половодье на рѣчкѣ, протекавшей мимо его владѣній, но на верховьяхъ ея росли деревья съ витыми стволами, твердыми, какъ желѣзо, и склонными отъ высыханія раскалываться по спирали.

— Слушайте!—сказалъ вдругъ Ястребовъ.—Вонъ въ той лощинкѣ—и онъ указалъ рукой на неровный спускъ дороги отъ юрты къ рѣчкѣ,—лежатъ колоды!..

— Какія колоды? — съ удивленіемъ спросилъ Веревцовъ.— Я вечеромъ ходилъ за льдомъ, тамъ ничего не было!..

— А теперь есть!—спокойно возразилъ Ястребовъ.—Я думаю, онѣ вамъ пригодятся.

— Кто же ихъ принесъ?—недоумѣвалъ Веревцовъ.

— Я почемъ знаю!—проворчалъ Ястребовъ. — Вы ихъ посмотрите, онѣ долбленыя!..

Лицо Веревцова внезапно вспыхнуло отъ смущенія. Даже бѣлый лобъ и маленькія уши покраснѣли. Онъ, наконецъ, догадался, кто принесъ загадочныя колоды.

Digitized by Google

— Спа-па-сибо!—сказалъ онъ, заикаясь отъ волненія. Но я мо-могу принять вашу по-помощь только съ дѣлежомъ... изъ пополовины!..

Несмотря на почтенный возрастъ и экстраординарный cirriculum vitae Веревцовъ сохранилъ способность смущаться, какъ молодая дѣвушка. Вдобавокъ долголѣтнее молчаніе такъ отразилось на его привычкахъ, что въ экстренныхъ случаяхъ онъ нерѣдко совсѣмъ лишался употребленія языка.

— Хорошо!—спокойно согласился Ястребовъ.—Мы съ вами подѣлимся, какъ мужикъ съ медвѣдемъ: вамъ корешки, мнѣ вершки.

Оба они были изобрѣтатели и пытались измѣнить условія жизни въ полярной пустынѣ и приспособить ихъ къ своимъ желаніямъ, но затѣи Ястребова носили фантастическій характеръ. Онъ захотѣлъ, напр., построить судно, не имѣя ни малѣйшаго понятія о судостроеніи, и возился надъ нимъ цѣлый годъ съ нечеловѣческимъ упорствомъ. Въ концѣ концовъ, вышла круглая барка, по формѣ похожая на поповку, которая при первой же поѣздкѣ безнадежно сѣла на мель въ одномъ изъ протоковъ Пропады. Онъ изобрѣлъ усовершенствованную уду, на которую не хотѣла клевать рыба, пробовалъ варить мыло изъ сала и древесной золы, дубилъ кожи тальничной корой, измѣнилъ собачью упряжь къ великому ущербу для упряжныхъ животныхъ.

Новая затѣя Веревцова была, быть можетъ, столь же мало исполнима, какъ постройка фантастическаго корабля, но вытекала изъ насущной потребности.

Нуждаясь въ растительной пищѣ, онъ затѣялъ развести вокругъ юрты огородъ и устроить большой парникъ для болѣе нѣжныхъ овощей. Онъ научился огородничеству въ довольно необычныхъ условіяхъ, но все-таки у него были и познанія, и опытъ, хотя и не для такого суроваго климата. Сѣмена онъ привезъ съ собою, даже держалъ всю дорогу картофель и лукъ за пазухою, чтобы сохранить ихъ отъ мороза. Конечно, и того, и другого было мало, всего по нѣсколько штукъ, но Робинзонъ Крузо, какъ извѣстно, развелъ изъ единственнаго зерна цѣлое хлѣбное поле, и Веревцовъ тоже не терялъ бодрости со своими четырьмя картофелинами и шестью луковицами. Гораздо важнѣе было то, что онъ привезъ съ собою два большихъ ящика стеколъ, хотя одному Богу было извѣстно, почему они не разбились по дорогѣ. Кстати сказать, на эти стекла было много охотниковъ, и самые видные изъ обитателей города предлагали за каждое стекло хорошую плату пищей или мѣхами, ибо въ Пропадинскѣ стеколъ было мало, и они замѣнялись лѣтомъ промасленной бумагой или тряпкой, а зимою попросту четыреугольнымъ кускомъ свѣтлой и

Digitized by Google

толстой льдины. Но Веревцовъ крѣпился, и только Марьѣ Николаевнѣ подарилъ два стекла для окна ея спальни. Марья Николаевна, впрочемъ, въ тотъ же день отослала стекла обратно.

— Мои окна обращены на югъ и даютъ много свѣта и безъ стеколъ,—писала она,—было бы грѣшно уменьшать *наши* парники!..

Но Веревцовъ остался твердъ и отправилъ ей стекла во второй разъ. Такъ они пересылались цѣлый день безъ всякаго опредѣленнаго результата, пока Ястребовъ, завернувшій посмотрѣть на Витьку, не погрозилъ Марьѣ Николаевнѣ, что возметъ стекла себѣ, и только послѣ этого они водворились на предназначенномъ имъ мѣстѣ.

Тѣмъ не менѣе устроить огородъ и парники въ Пропадинскѣ оказалось мудренѣе, чѣмъ можно было ожидать. Исправникъ и попъ каждое лѣто пробовали разводить овощи, но картофель у нихъ родился меньше лѣсного орѣха, а капустные вилки даже не начинали завиваться. Поэтому на пропадинскихъ званыхъ обѣдахъ подавали вареный картофель, протертый вмѣстѣ съ шелухой, а щи варили вродѣ коровьяго пойла изъ зеленыхъ капустныхъ листьевъ, заквашенныхъ пополамъ съ мукой.

Изъ мерзлой подпочвы даже лѣтомъ струился вѣчный холодъ, и подъ гряды парника нужно было подстилать толстый слой удобренія даже въ іюнѣ и іюлѣ, чтобы перегораніе навоза спасало ихъ отъ стужи. Скота было мало и приходилось изо дня въ день тщательно наблюдать за поведеніемъ лошадей и коровъ на подножномъ кормѣ, чтобъ собрать сколько-нибудь значительное количество навоза. Вдобавокъ удобныя мѣста для огородовъ были только на откосахъ холмовъ, ибо пониже лежало сплошное болото.

На холмѣ былъ недостатокъ въ водѣ, которую приходилось таскать съ рѣки ведрами на собственныхъ плечахъ по крутымъ и неудобнымъ для ходьбы косогорамъ. Веревцовъ задумалъ устроить очепъ вродѣ колодезнаго, который, поднимая воду бадьей, разливалъ бы ее по деревяннымъ трубамъ на его владѣнія. Именно для этой цѣли онъ такъ усердно долбилъ свои колоды, которыя должны были соединиться въ видѣ импровизированнаго водопровода.

Еще въ прошлое лѣто Веревцовъ засадилъ нѣсколько грядъ и устроилъ небольшой парникъ. Жатва его была не велика, но разнообразна, ибо онъ высѣялъ на гряды и въ горшки всѣ свои сѣмена, не исключая табака и горчицы. Другіе члены колоніи, заинтересованные опытомъ, помогали, чѣмъ могли, и послѣ уборки Веревцовъ, отобравъ сѣмена на будущій годъ взялъ да и устроилъ изъ всѣхъ овощей безпроигрышную лотерею для всѣхъ членовъ общества. Никакія отговорки не помогали, и Веревцовъ,

Digitized by Google

послѣ всѣхъ лѣтнихъ хлопотъ остался на гречневой кашѣ на всю зиму. Положимъ, что это былъ первый опытъ, и Веревцовъ надѣялся его расширить, но теперь добровольные помощники уже не были такъ настойчивы. Сѣмянъ все еще было мало, и, несмотря на всю заманчивость свѣжихъ овощей, никто не желалъ еще разъ отнять у Веревцова его „корешки или вершки". Только упрямый Ястребовъ былъ совершенно чуждъ этой деликатности и продолжалъ вмѣшиваться въ работы по устройству будущаго огорода. Овощи, впрочемъ, онъ презиралъ отъ всего сердца и во время вышеупомянутой лотереи, послѣ короткой, но настойчивой попытки вернуть свою долю Веревцову, онъ вынесъ ее на дворъ и раскрошилъ на куропаточьей тропѣ птицамъ.

— Чтобы онѣ были пожирнѣе!—пояснилъ онъ.

Онъ былъ убѣжденъ, что послѣ этого даже Веревцовъ не будетъ такъ настоятельно навязывать ему этотъ „свиной кормъ", какъ онъ презрительно называлъ про себя огородные продукты. Въ эту зиму онъ рѣшилъ приготовить колоды для водопровода и въ одну недѣлю выдолбилъ десятокъ длинныхъ бревенъ, ибо работа топоромъ давалась ему гораздо лучше, чѣмъ Василію Андреичу. Ему помогали, впрочемъ, многіе изъ досужихъ молодыхъ людей, которые были рады укрыться подъ эгидой широкой бороды Ястребова отъ уравнительнаго распредѣленія, которое пытался осуществить Василій Андреичъ. Однако идея, перенести готовыя колоды въ ложбину около юрты и потомъ сообщить о нихъ Веревцову, принадлежала собственно Ястребову, и онъ стоялъ теперь передъ дверью юрты, по своему наслаждаясь смущеніемъ ея хозяина.

На другой день было воскресенье, и Веревцовъ рано проснулся, чтобы поскорѣе освободиться отъ обычныхъ домашнихъ работъ и имѣть хоть полдня свободныхъ. Онъ былъ ревностнымъ поклонникомъ воскреснаго отдыха и никогда не позволялъ себѣ въ этотъ день заниматься какимъ-нибудь постороннимъ дѣломъ, кромѣ хозяйства. Даже дрова и воду онъ приготовлялъ съ вечера, чтобы поменьше возиться поутру. Воскресное время онъ старался проводить по праздничному, ложился спать послѣ обѣда или бралъ за книгу, методически отыскивая мѣсто, заложенное еще съ прошлаго воскресенья. Чаще всего, особенно, если погода была благопріятная, онъ отправлялся визитировать и, обойдя одну за другою всѣ квартиры колоніи, возвращался домой уже поздно вечеромъ съ сознаніемъ весело и счастливо проведеннаго дня. Угощенья онъ не признавалъ, ибо не потреблялъ обычной пищи пропадинскаго стола; въ спорахъ различныхъ пропадинскихъ партій онъ тоже не участвовалъ, но спокойно сидѣлъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ и съ видомъ большой любознательности выслушивалъ всѣ *pro* и

Digitized by Google

contra, но когда его просили высказать свое мнѣніе, онъ конфузился по своей неизмѣнной привычкѣ и заявлялъ, что у него слишкомъ мало матеріаловъ для сужденія, такъ что онъ все еще не можетъ составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія объ этомъ предметѣ.

Наконецъ каминъ натопился, и такой же немудренный обѣдъ или, если угодно, завтракъ, что и вчера, поспѣлъ и былъ съѣденъ. Но, когда Василій Андреичъ готовъ былъ взяться за шапку, въ сѣняхъ послышался шорохъ.

— П-шолъ!—крикнулъ Веревцовъ, думая, что это собаки.

Вороватыя пропадинскія собаки осаждали юрту лѣтомъ и зимою, ибо раньше въ ней жилъ Ястребовъ, постоянно выбрасывавшій на дворъ заячьи и птичьи кости. У Веревцова, разумѣется, во всемъ жилищѣ не было ни единой косточки, но собаки не отставали и неутомимо подрывались подъ стѣну, очевидно не желая вѣрить вегетаріанству новаго хозяина. Кромѣ того по ночамъ онѣ устраивали собранія на плоской крышѣ юрты и нерѣдко даже давали тамъ свои оглушительные зимніе концерты.

На этотъ разъ, однако, шорохъ происходилъ не отъ собакъ.

— Это я! — послышалось изъ двери, и нетерпѣливая рука стала возиться съ ремнемъ, замѣнявшимъ ручку двери.

Для того, чтобы поднять люкъ, нужна была нѣкоторая сноровка. Наконецъ, струя бѣлыхъ клубовъ холода хлынула съ порога и застлала весь полъ въ знакъ того, что усилія новаго гостя увѣнчались успѣхомъ.

Бѣлая фигура торопливо перетащилась черезъ несоразмѣрно высокій порогъ. Слишкомъ рано отпущенная дверь тотчасъ же тяжело упала на мѣсто, давъ пришельцу такого крѣпкаго и неожиданнаго туза сзади, что онъ немедленно вылетѣлъ на средину комнаты.

— Чортъ! — крикнулъ гость, оборачиваясь назадъ и грозя кулакомъ двери. Губы его перекосились и даже слегка приподнялись вверхъ, глаза сверкнули свирѣпымъ огнемъ.

— Здравствуйте, Алексѣевъ!—спокойно сказалъ Веревцовъ, откладывая шапку въ сторону.—Откуда Богъ несетъ!

— Здравствуйте и вы!—успокоился Алексѣевъ такъ же быстро, какъ и разсердился.

Онъ былъ одѣтъ въ длинную рубаху изъ грубаго бѣлаго сукна, такіе же штаны и бѣлые мѣховые сапоги, и весь видъ его напоминалъ бѣглеца изъ больницы или изъ сумасшедшаго дома. Шапки на немъ не было, но огромная грива каштановыхъ, мелко-курчавыхъ волосъ, свалявшихся въ войлокъ, стояла дыбомъ, какъ негритянская прическа. Глаза его были маленькіе, живые, чрезвычайно

Digitized by Google

быстрые. Они все время бѣгали по сторонамъ, но когда Алексѣевъ сердился, останавливались и загорались злостью.

— Я сейчасъ заварю чай!—засуетился Веревцовъ. И, окончательно отложивъ шапку въ сторону, онъ принялся хлопотать у камина.

— Не надо мнѣ чаю!—сказалъ Алексѣевъ угрюмо.—Слушайте, Василій Андреичъ, я сяду, я усталъ!..

— Конечно, садитесь!—поспѣшно воскликнулъ Веревцовъ.—Садитесь, пожалуйста!—И онъ подвинулъ ему гладкій обрубокъ дерева, игравшій роль табурета.—Извините, ради Бога! Я не замѣтилъ, что вы устали!..

— *Они* меня со свѣту сживаютъ!..—съ дрожью въ голосѣ вдругъ объявилъ Алексѣевъ.—Мочи моей нѣтъ!..

Глаза опять остановились и сверкнули.

— Полноте!..—возразилъ Веревцовъ очень просто и спокойно.—Вотъ лучше я вамъ чаю налью!..

— Темно!.. солнца нѣтъ!..—продолжалъ Алексѣевъ съ отчаяньемъ въ голосѣ.—Когда будетъ весна?.. Я не могу жить безъ солнца!

— Черезъ двѣ недѣли появится солнце!—терпѣливо утѣшалъ его Веревцовъ.—Потерпите немного.

— А они зачѣмъ по ночамъ ходятъ?—настаивалъ Алексѣевъ.—Развѣ я не знаю?.. Любо имъ, что теперь солнца нѣтъ!.. Поговори-ка съ ними днемъ,—продолжалъ онъ сердито.—Сладкіе такіе, медовые! Только свѣчку погашу, они ужъ опять тутъ!..

— Господи, что я имъ сдѣлалъ?—прибавилъ онъ почти со стономъ.

Алексѣевъ страдалъ маніей преслѣдованія, которая состояла въ томъ, что люди, которыхъ онъ видѣлъ днемъ, представлялись ему по ночамъ въ видѣ призраковъ агрессивнаго характера. Это было нѣчто вродѣ сновъ на яву. Жизнь была такъ усыпительно однообразна, что притупленное воображеніе не въ силахъ было создать никакихъ фантастическихъ картинъ и только отражало окружающую дѣйствительность въ уродливо искаженномъ видѣ, какъ кривое зеркало. Ему представлялось обыкновенно, что товарищи, съ которыми онъ днемъ разговаривалъ или работалъ вмѣстѣ, подкрадываются къ нему въ темнотѣ сзади и внезапно начинаютъ его душить или кусать.

Болѣзнь началась кошмарами и тяжелыми снами и развивалась довольно постепенно, но теперь Алексѣевъ почти совсѣмъ утратилъ различіе между призраками и дѣйствительностью и доставлялъ много огорченій и заботъ другимъ членамъ колоніи. Хуже всего было то, что онъ постоянно жилъ одинъ и упрямо отвергалъ всякія предложенія сожительства, подозрѣвая за ними

Digitized by Google

коварныя покушенія на его свободу. Только къ Веревцову, съ самаго его пріѣзда, онъ относился довѣрчивѣе, чѣмъ къ другимъ, и иногда въ самомъ остромъ пароксизмѣ раздражительности внезапно приносилъ ему цѣлый ворохъ жалобъ, какъ будто инстинктивно стремясь добыть себѣ хоть немного спокойствія подъ сѣнью этой широкой и непоколебимой доброты.

Василій Андреичъ держалъ себя съ нимъ очень просто, нерѣдко даже сердился и принимался стыдить его за подозрительность, но даже выговоры изъ его устъ дѣйствовали успокаивающе на больного.

— Когда придетъ солнце? — болѣзненно повторилъ Алексѣевъ,—Темно, холодно!..

— Василій Андреичъ, я затоплю каминъ! — прибавилъ онъ болѣе спокойнымъ тономъ.

— Я самъ затоплю!—суетливо возразилъ Веревцовъ, принимаясь разгребать загнету.

— Нѣтъ, я! Сидите, сидите!.. настойчиво повторилъ Алексѣевъ. Не обращая вниманія на протесты хозяина, онъ проворно отворилъ каминъ, поставилъ въ него охапку полѣньевъ и раздулъ горящіе угли. Онъ былъ ловокъ на всякую ручную работу, и домашнія хлопоты отнимали у него только минимумъ необходимаго времени.

— Какъ хорошо! — сказалъ онъ, когда дрова разгорѣлись яснымъ пламенемъ.—У васъ и дрова добрыя! — прибавилъ онъ, съ благодарностью взглянувъ на Василія Андреича.—А мои злыя, тонкія такія, длинныя!.. Трещатъ, брызжутся углями прямо въ лицо. А я у васъ останусь!— прибавилъ онъ, помѣшивая палкой въ каминѣ. — Можно?

— Милости просимъ!—сказалъ Веревцовъ, радостно оживляясь.

Собственно говоря, онъ такъ привыкъ къ одиночеству, что всякое сожительство тяготило его, но теперь ему казалось, что Алексѣевъ для него самый подходящій товарищъ.

— Я сейчасъ отъ Горскаго,—началъ разсказывать Алексѣевъ, подвигая свой чурбанъ поближе къ пламени.—Знаете, онъ меня ночью задушить хотѣлъ.—пояснилъ онъ мимоходомъ.—Ужъ я же ему и напѣлъ. „Днемъ, говорю, ты товарищъ, а ночью ты вампиръ... Тебя, говорю, на кострѣ бы сжечь слѣдовало...“

— Какой вампиръ, какой костеръ?—съ неудовольствіемъ сказалъ Василій Андреичъ. — Ерунда это все... Вотъ, скажите, пожалуйста, вы запираете двери на ночь?..

— Конечно, запираю!—съ живостью подтвердилъ Алексѣевъ.— Засовы изнутри сдѣлалъ желѣзные...

— Ну, какъ же живой человѣкъ можетъ пройти сквозь запертыя двери?..

Digitized by Google

— А Рентгеновскіе лучи проходятъ!—возразилъ Алексѣевъ, дико и лукаво усмѣхаясь.—Ну, и эти такъ-же!..

— Какъ же мы съ вами будемъ жить?—спросилъ Алексѣевъ черезъ минуту.

— А я вамъ тутъ кровать поставлю! А верстакъ вытащимъ вонъ!—сказалъ Веревцовъ, указывая на переднее мѣсто.

— А это окно можно открыть?—спросилъ Алексѣевъ, указывая на одинъ изъ травяныхъ матовъ, покрытый бѣлой ледяной инкрустаціей.—Здѣсь слишкомъ темно!.. Я люблю свѣтъ!..

— Не знаю!—сомнительнымъ тономъ сказалъ Веревцовъ.—Холодно будетъ!..

— Мы будемъ топить!—увѣрялъ Алексѣевъ.—Вотъ увидите.

— Я открою!—просительно сказалъ онъ.

— Ну, какъ хотите!—нерѣшительно согласился Веревцовъ. Онъ посмотрѣлъ кругомъ себя, и ему дѣйствительно показалось, что въ юртѣ очень темно.

Алексѣевъ вооружился топоромъ и принялся очень искусно отбивать ледяныя наслоенія на окнѣ, стараясь не потревожить льдины, наложенной снаружи. Раздражительное состояніе его замѣтно утихало.

— Скажите, голубчикъ,—сказалъ онъ, останавливаясь на минуту и поворачиваясь къ Веревцову.—Они вѣдь не ходятъ къ вамъ ночью?..

— Ночью всѣ спятъ! — возразилъ Веревцовъ. — Никто не ходитъ!..

— А если придутъ, такъ вы ихъ не пустите? — настаивалъ Алексѣевъ.— Не пустите, да?..

— Никто не придетъ ночью!—повторилъ Василій Андреичъ.— Ночью всѣ спятъ...

— Ну, такъ мы съ вами заживемъ!—заговорилъ Алексѣевъ уже весело, опять принимаясь за топоръ.—Вотъ увидите!.. Я буду вамъ помогать. Я умѣю работать!.. Вы что теперь работаете, Василій Андреичъ?

— Хорошо!—одобрительно сказалъ Веревцовъ.—Вотъ, теплѣе станетъ, будемъ водопроводъ устраивать...

— Водопроводъ!.. Чудесно!—воскликнулъ Алексѣевъ.—Проведемъ домой воду и не нужно будетъ ходить на рѣку...

Въ борьбѣ съ призраками онъ пересталъ обращать вниманіе на дѣйствительность, и предпріятіе Веревцова, давно извѣстное всему городу, представлялось ему, какъ совершенно новое.

— Не для этого,—возразилъ Веревцовъ,—а для того, чтобы огородъ поливать.

— А, это еще лучше!—съ искреннимъ восхищеніемъ воскликнулъ Алексѣевъ.—Огородъ разведемъ, садъ, цвѣтники... водопро-

Digitized by Google

воды собственные устроимъ. Пусть они увидятъ, какъ мы умѣемъ жить!..

— Знаете что, голубчикъ?—прибавилъ онъ, управившись съ окномъ и критическимъ взглядомъ окидывая убранство юрты.—Надо бы здѣсь убрать немножко!..

— Что убрать?—удивился, въ свою очередь, Веревцовъ. Ему казалось, что чистота и порядокъ въ юртѣ совершенно удовлетворительны.

— Мало ли что?—отвѣтилъ Алексѣевъ осторожно.—Полъ вымыть, стѣны выскоблить... Вотъ, этимъ вещамъ свое мѣсто найти!..

Онъ указалъ на кучку разрозненныхъ столярныхъ и слесарныхъ инструментовъ, сложенныхъ въ полуизломанномъ деревянномъ ящикѣ у изголовья кровати.

— Вотъ, вы увидите!—продолжалъ онъ.

— Мы здѣсь зеркало повѣсимъ,—указалъ онъ мѣсто на стѣнѣ.—У меня есть зеркало. А здѣсь календарь. У васъ есть календарь, Василій Андреичъ?..

— Вотъ календарь!—указалъ Веревцовъ на маленькій пакетъ грязныхъ бумажекъ, прибитый надъ изголовьемъ постели—Только очень маленькій.

— Ничего!—успокоительно сказалъ Алексѣевъ.—А какой сегодня день? Воскресенье?..—спросилъ онъ, приглядываясь къ календарю.

— Да, воскресенье!—подтвердилъ Веревцовъ.—День воскресный!..

— А къ вамъ не придутъ гости?—спросилъ Алексѣевъ, внезапно припоминая.—Они къ вамъ ходятъ, кажется, по воскресеньямъ... Сегодня тоже придутъ, да?..

— Не знаю!—правдиво возразилъ Веревцовъ.—Можетъ быть, и придутъ.

— Зачѣмъ?—заговорилъ Алексѣевъ, снова приходя въ возбужденное состояніе.—Не нужно!..

— Голубчикъ!—прибавилъ онъ просительно, немного успокоившись.—Пойдите къ нимъ и скажите, пусть они не ходятъ. Намъ ихъ не нужно!.. Пожалуйста, пойдите!..

— Какъ же я оставлю васъ одного?—нерѣшительно спросилъ Веревцовъ. Съ самаго утра онъ думалъ о томъ, что не успѣлъ поблагодарить Ястребова за его колоды.

— Одного?..—повторилъ съ удивленіемъ Алексѣевъ.—Одному мнѣ хорошо. Лишь бы *тѣ* не приходили. Пойдите, голубчикъ, удержите ихъ, пожалуйста!..

— А я, пока вы ходите, приберу немного!—прибавилъ онъ вкрадчиво.—Увидите, какъ хорошо будетъ!.. Только вы пойдите...

Digitized by Google

Онъ самъ подалъ шапку Веревцову и тихонько толкнулъ его къ двери.

Дневная заря стала уже склоняться къ западу,—знакъ, что послѣ полудня прошло два или три часа. Морозъ былъ гораздо слабѣе вчерашняго, ибо по небу съ западной стороны стлались легкія перистыя облака, располагаясь вѣнцомъ, какъ лучи сіянія. На рѣкѣ помаленьку начинался вѣтеръ. Оттуда налетали первые слабые порывы, принося съ собой струйки сухого снѣга, сорванныя съ отвердѣлыхъ сугробовъ и рѣчныхъ застругъ.

Ястребовъ жилъ по другую сторону изгороди на такъ называемомъ «Голодномъ концѣ». Это была небольшая слободка паріевъ, обособившаяся отъ города. Въ центрѣ ея стояла больница въ видѣ безобразной юрты, на половину вросшей въ землю. Порядки этой больницы были еще уродливѣе ея наружности. Въ нее принимались только самые тяжкіе больные, насквозь изъѣденные *дурной болѣзнью* или проказой и брошенные родными на произволъ судьбы. Избушки, окружавшія больницу, относились къ ней, какъ подготовительная ступень, но пока человѣкъ имѣлъ силу ходить на ногахъ и вылавливать немного рыбы на пропитаніе, онъ считался здоровымъ.

Веревцову пришлось проходить мимо больницы по дорогѣ къ Ястребову. Больничный служитель Ермолай—съ перекошеннымъ лицомъ и глазами безъ рѣсницъ—разговаривалъ съ человѣческой головой, слегка высунувшейся изъ-за полуоткрытой двери. Голова была вся обмотана тряпками; только огромные глаза сверкали, какъ изъ подъ маски, лихорадочно воспаленнымъ блескомъ.

— Скажи вахтеру,—шипѣла голова чуть слышнымъ, слегка клокочущимъ шопотомъ,—третій день не ѣвши... Съ голоду помираемъ...

— Вахтеръ ѣду себѣ забралъ!—объяснялъ Ермолай съ эпическимъ спокойствіемъ.—«Больнымъ, говоритъ, подаяніе носятъ... Будетъ съ нихъ!..»

Голосъ Ермолая былъ тонкій, дребезжащій и напоминалъ жужжаніе мухи въ стекляномъ стаканѣ. Онъ составлялъ предметъ постояннаго любопытства для пропадинскихъ ребятишекъ, и даже въ эту самую минуту хороводъ маленькихъ дѣвочекъ, черныхъ, какъ галчата, и одѣтыхъ въ рваныя лохмотья, весело прискакивалъ за спиной Ермолая, подъ предводительствомъ его собственной дочери Стрѣлы, припѣвая извѣстную на Пропадѣ пѣсенку:

У Ермошки, у Ермошки
Гудятъ въ носу мошки.

— Кышъ, проклятыя!—огрызнулся Ермолай.

— Подаяніемъ, молъ, живете!—прожужжалъ онъ еще разъ.

— Мало!—шипѣла голова.—Двѣнадцать человѣкъ больныхъ-

Digitized by Google

то. Скажи вахтеру, пускай по рыбѣ пришлетъ!.. Пополземъ, мотри, по городу, опять худо будетъ!..

Въ прошломъ году больные, побуждаемые голодомъ, въ видѣ экстренной мѣры отправились изъ дома въ домъ просить милостыню. Необыкновенный кортежъ подѣйствовалъ даже на закаленные пропадинскіе нервы, но мѣра эта была обоюдуострая, ибо жители боялись проказы, какъ огня, и готовы были перестрѣлять всѣхъ больныхъ чтобъ избѣжать соприкосновенія съ ними.

Ястребовъ жилъ на самомъ краю слободки въ избушкѣ, передѣланной изъ стараго амбара и съ виду совершенно непригодной для человѣческаго жилья. Онъ завалилъ ее землей и снѣгомъ до самой кровли, и только одно маленькое оконце чернѣло, какъ амбразура, изъ подъ бѣлаго снѣжнаго окопа. Вмѣсто льдины окно было затянуто тряпкой. Маленькая дверь, толсто обитая обрывками шкуръ, походила скорѣе на тюфякъ. Иногда она такъ плотно примерзала къ косякамъ, что отворить ее можно было только при помощи топора.

Подойдя къ этому своеобразному жилищу, Веревцовъ нерѣшительно остановился. Дверь была плотно закрыта и раздулась, какъ отъ водянки, но изъ каминной трубы поднималась тонкая струя дрожащаго воздуха въ знакъ того, что топка давно окончена, и послѣднее тепло улетаетъ наружу.

— Дома, должно быть!—подумалъ Василій Андреичъ и постучался сперва деликатно, потомъ довольно громко, но также безрезультатно. Онъ постоялъ еще нѣсколько секундъ, поглядѣлъ на струйку тепла, трепетавшую надъ трубой, и, внезапно схватившись за ручку двери, изо всѣхъ силъ потянулъ ее къ себѣ. Члены пропадинской колоніи сторожили другъ друга и недовѣрчиво относились къ запертымъ дверямъ, не подававшимъ голоса.

Дверь щелкнула, какъ изъ пистолета, и распахнулась настежь. Въ глубинѣ избушки обрисовалась крупная фигура Ястребова, сидѣвшая поперекъ кровати. Опасаясь окончательно остудить избу, Веревцовъ протиснулся внутрь и закрылъ за собою дверь.

Внутри было темно, какъ въ погребѣ. Свѣтъ проходилъ только сверху, сквозь отверстіе трубы, ибо тряпичное окно совершенно заросло инеемъ. Ястребовъ сидѣлъ, опустивъ ноги на полъ и опираясь руками въ колѣни, такъ какъ кровать была слишкомъ низка; глаза его были устремлены на противоположную стѣну. При входѣ Веревцова, онъ даже не пошевельнулся.

— Что вы дѣлаете?—сказалъ Веревцовъ не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ. Никогда нельзя было знать, чего можно ожидать отъ Ястребова даже въ его лучшія минуты.

Отвѣта, однако, не было. Только широкая сѣрая борода Ястребова внезапно дрогнула и какъ-то еще больше расширилась.

Digitized by Google

— Пойдемте въ гости! — настаивалъ Веревцовъ, не желая отступить.

Ястребовъ опять не отвѣтилъ. Время отъ времени на него находило странное состояніе, похожее на столбнякъ, и онъ просиживалъ цѣлые дни на одномъ и томъ же мѣстѣ, не дѣлая движеній и не говоря ни слова. Сознаніе, однако, его не покидало, и въ сущности это былъ не столбнякъ, а скорѣе преддверіе нирваны, въ видѣ непобѣдимаго равнодушія ко всѣмъ внѣшнимъ и внутреннимъ проявленіямъ жизни.

— Ну же, вставайте!—не унимался Веревцовъ. Онъ даже взялъ Ястребова за руку и сдѣлалъ попытку стащить его съ мѣста.

Сѣдобородый охотникъ вдругъ поднялся на ноги и, отодвинувъ Веревцова въ сторону, вышелъ изъ избы. Василій Андреичъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что на поясѣ его еще болтаются вчерашнія куропатки. Нѣсколько штукъ было разбросано по постели, и одна оказалась совершенно сплющенной. Столбнякъ, очевидно, нашелъ на Ястребова еще вчера, тотчасъ же по возвращеніи изъ лѣсу, и онъ просидѣлъ на кровати цѣлыя сутки.

— Поѣшьте что-нибудь!—воскликнулъ Веревцовъ, выскакивая вслѣдъ за пріятелемъ.

Онъ соображалъ, что Ястребовъ не принималъ пищи со вчерашняго дня, и въ то же время опасался, что онъ опять уйдетъ въ лѣсъ.

Ястребовъ даже не обернулся. Онъ уходилъ крупными шагами по дорогѣ, которая вела на другую сторону рѣчки въ лучшую часть города. Веревцову ничего не оставалось, какъ послѣдовать сзади.

Охотникъ перешелъ черезъ мостъ и, пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ, свернулъ къ большой избѣ, въ окнахъ которой, несмотря на ранній часъ, уже свѣтился огонь.

Къ новому удивленію Веревцова, это былъ именно тотъ домъ, который и онъ собирался посѣтить. Однако, вмѣсто того, чтобы тотчасъ же зайти, онъ медленно прошелъ до самаго конца улицы и также медленно вернулся, какъ будто дѣлая прогулку. Ему почему-то хотѣлось, чтобы Ястребовъ прежде обсидѣлся и пришелъ въ болѣе нормальное состояніе.

Обширная изба выглядѣла сравнительно съ жалкими логовищами Веревцова или Ястребова, какъ настоящій дворецъ. Гладко оструганныя стѣны были даже украшены олеографіями „Нивы“ въ простыхъ деревянныхъ рамкахъ. Въ лѣвомъ углу стоялъ верстакъ, и весь уголъ былъ обвѣшанъ столярными инструментами. Посрединѣ стоялъ большой деревянный столъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ, и горѣли двѣ сальныя свѣчи.

Digitized by Google

Огромныя льдины оконъ весело играли, отражая лучи этого свѣта. Широкая кровать скрывалась за ситцевой занавѣсью, а въ глубинѣ комнаты, въ красномъ углу стоялъ еще столъ. У этого стола сидѣлъ Ястребовъ и, какъ ни въ чемъ не бывало, пилъ чай. За столомъ хозяйничала молодая и очень миловидная женщина, съ быстрыми черными глазами и нѣжнымъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ цвѣта дозрѣвающей сливы. Тонкія брови ея были слегка приподняты наружнымъ угломъ. Руки были малы и красивы, просторная ситцевая блуза не скрывала крѣпкихъ и стройныхъ формъ. Когда она разливала чай и разносила его гостямъ, каждое движеніе ея было исполнено свободы и граціи.

Рядомъ съ ней сидѣлъ еще молодой человѣкъ съ меланхолически-задумчивымъ лицомъ и каштановыми кудрями, ниспадавшими до плечъ. Онъ сидѣлъ, нѣсколько пригнувшись къ столу, и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ пилилъ большимъ подпилкомъ какую-то желѣзную штучку, закрѣпленную въ столовой доскѣ. Подпилокъ оглушительно визжалъ, но никто не обращалъ на это вниманія, и гости такъ непринужденно разговаривали, какъ будто въ комнатѣ царила полная тишина.

Молодой человѣкъ съ подпилкомъ нѣкогда изучалъ филологическія науки въ спеціальномъ заведеніи и даже избралъ было своей спеціальностью латинскій языкъ. Быть можетъ, поэтому въ настоящее время въ силу закона противоположностей онъ былъ лучшимъ и, можно сказать, универсальнымъ ремесленникомъ въ Пропадинскѣ. Разнообразіе его занятій совершенно не поддавалось описанію; онъ обжигалъ кирпичи и чистилъ стѣнные часы, запаивалъ старые чайники и дѣлалъ выкройки для дамскихъ платьевъ. Спросъ на его работу былъ неслыханный, мѣстные обыватели считали его всезнающимъ и не давали ему покоя, да онъ и самъ не хотѣлъ имѣть покоя и даже за обѣдомъ не выпускалъ изъ рукъ подпилка или стамески. Плату онъ получалъ по преимуществу продуктами, и въ его квартирѣ было нѣчто въ родѣ постояннаго безплатнаго табльдота для всѣхъ желающихъ.

Онъ женился почти тотчасъ же по пріѣздѣ на Пропаду, во время случайной поѣздки по округу, и необыкновенно счастливо, хотя его будущая жена знала только тайгу и тундру и до замужества даже никогда не была въ Пропадинскѣ. Но молодая якутка такъ быстро научилась говорить по-русски и освоилась со своимъ новымъ положеніемъ, что уже черезъ шесть мѣсяцевъ могла сдѣлать свой домъ притягательнымъ пунктомъ для всѣхъ членовъ колоніи. Изъ нея, между прочимъ, вышла хорошая хозяйка, и она научилась даже удачно приготовлять невиданныя русскія блюда, насколько хватало припасовъ на Пропадѣ.

Рядомъ съ нею съ обѣихъ сторонъ стола сидѣли двѣ пары

Digitized by Google

гостей, такъ что два человѣка, сидѣвшіе другъ противъ друга, составляли пару. Эти пары, видимо, обособились и даже раздвинулись, насколько позволяло мѣсто. Первая пара играла въ дураки, перебрасывая черезъ столъ ужасныя карты, закругленныя, какъ эллипсъ. Справа сидѣлъ Полозовъ, огромный человѣкъ, съ волосатыми руками и большой круглой головой, крѣпкой, какъ голова тарана. Верхняя часть его фигуры, возвышавшаяся надъ столомъ, имѣла въ себѣ что-то слоновье. Когда, увлекаясь игрой, онъ перемѣщался на стулѣ и, чтобы сдѣлать свою позу удобнѣе, поднималъ и ставилъ ногу на новое мѣсто, изъ-подъ стола раздавался стукъ каблука, подбитаго желѣзной подковой, широкаго и крѣпкаго, какъ копыто.

Партнеръ, сидѣвшій слѣва, былъ, напротивъ, такъ малъ, что голова его насилу поднималась надъ столомъ. Это была тоже большая голова съ растрепанными черными волосами, маленькими черными глазами, подозрительно глядѣвшими изъ-подъ косматыхъ бровей, и длинной бородой, конецъ которой уходилъ подъ столъ. Она заслужила своему обладателю имя Черномора, которое пристало такъ крѣпко, что многіе пріятели совсѣмъ забыли его настоящее имя. Тузенцы сдѣлали изъ этого имени фамилію и называли маленькаго человѣка съ большой бородой Черноморовъ. Ему пока везло, и онъ горячился и съ азартомъ бросалъ карты на столъ, каждый разъ высоко приподнимая руки, чтобы не стукнуться локтемъ о столъ.

— Ходи, ходи, Семенъ! — нетерпѣливо покрикивалъ онъ на своего огромнаго противника, который, дѣйствительно, какъ-то мѣшковато справлялся съ картами. Повидимому, для того чтобы приводить въ дѣйствіе такую тяжелую машину, каждый разъ требовалось нѣсколько лишнихъ секундъ противъ обыкновеннаго.

Вторая пара гостей вела теоретическій споръ и такъ погрузилась въ него, что не обращала никакого вниманія не только на присутствующихъ, но даже и на совершенно остывшій чай, стоявшій передъ ними на столѣ. Они судили умирающій девятнадцатый вѣкъ и тщательно разбирали его подвиги и преступленія, чтобы произнести окончательное рѣшеніе. Банерманъ, маленькій бойкій, съ задорными сѣрыми глазками и клочковатой мочальной бородкой, былъ обвинителелемъ и перечислялъ завоевательныя войны и междуусобныя распри. При каждомъ новомъ фактѣ онъ весь подскакивалъ на скамьѣ и размахивалъ рукой, какъ-будто бросая въ противника метательное оружіе.

Колнышевскій, съ красивымъ, но усталымъ лицомъ, большими блѣдноголубыми глазами и окладистой русой бородой, защищалъ обвиняемый вѣкъ на статистической почвѣ. Статистика была его страстью. Онъ запоминалъ цѣлыя груды цифръ, даже самыхъ не-

Digitized by Google

нужныхъ, по преимуществу изъ календарей, такъ какъ другія статистическія изданія не доходили до Пропадинска. Спорить съ нимъ было трудно, такъ какъ онъ быстро переводилъ вопросъ на почву подсчетовъ и забрасывалъ противника числовыми данными. Онъ могъ сообщить точные размѣры земледѣлія и промышленныхъ производствъ даже въ вассальныхъ княжествахъ Индіи и въ мелкихъ султанствахъ Борнео. Онъ заставилъ Банермана перебрать государство за государствомъ и уже успѣлъ оттѣснить его въ Испанію на крайній югозападъ Европы, но Банерманъ ни за что не хотѣлъ сдаваться.

— Что такое Испанія?..—настаивалъ онъ.—У ней даже колоній почти не осталось,—только Куба и Филиппинскіе *калачи*!..

— Какіе калачи?—съ любопытствомъ спросилъ Черноморъ, сдававшій карты.—Филипповскіе?

Онъ не слушалъ спора, но долетѣвшія слова невольно привлекли его вниманіе.

— Филиппинскіе острова!—поправился Банерманъ со сконфуженнымъ лицомъ. Онъ страдалъ признаками афазіи, въ особенности неожиданныя ассоціаціи идей заставляли его произносить совсѣмъ не тѣ слова.

— Го-го-го!—пустилъ Полозовъ густо и громко.—Опять банермапизмъ!.. Это еще лучше сегодняшней бороны!..

Полозовъ жилъ въ одной избѣ съ Банерманомъ и не дальше какъ сегодня утромъ Банерманъ, желая попросить гребенку, чтобы расчесать бороду, попросилъ у него кратко „борону".

— Молчи, дурило!—огрызнулся Банерманъ.—Сапожникъ, знай свои колодки!—прибавилъ онъ не безъ язвительности, указывая на карты, разбросанныя по столу.

— Ахъ ты, образина!—возразилъ Полозовъ, протягивая мохнатую десницу и дѣлая видъ, что хочетъ схватить сожителя за шиворотъ.—Нахалище ты этакій!

Даже отъ словъ онъ любилъ употреблять увеличительныя формы.

Банерманъ схватилъ вилку и безъ дальнихъ церемоній тянулъ ею въ протянутую руку.

— Не лѣзь!—угрожающе предупредилъ онъ.—Ты, Мишанька!

— Дурилище ты этакій!—прибавилъ онъ въ тонъ Полозову.—Отвяжись безъ грѣха.

Черноморъ сразу пошелъ пятью картами.

— Ты—дуракъ!—воскликнулъ онъ торжествующимъ голосомъ.—Я выигралъ!..

Эта была первая игра, выигранная имъ за этотъ вечеръ.

Полозовъ нахмурился и зѣвнулъ.

— Ну довольно!—сказалъ онъ, отодвигая скамью и вытягивая

Digitized by Google

свои длинныя ноги изъ-подъ стола.—Сколько за тобой коновъ, Черноморище?

— 1720!—полумашинально вставилъ Колнышевскій въ самую средину испанскихъ статистическихъ цифръ.

— 1720 игръ!—повторилъ онъ, видя, что собесѣдники не понимаютъ и принимаютъ эту новую цифру тоже за испанскую.

Игроки, по его предложенію, вели точный счетъ выигранныхъ и проигранныхъ партіямъ, но и здѣсь онъ помнилъ итоги лучше всѣхъ.

Маленькій человѣкъ сдѣлалъ кислое лицо.

— Одну отыгралъ!—сказалъ онъ не безъ задора.—Потомъ еще отыграю...

— Никогда ты не отыграешь!—смѣялся Полозовъ.—Помни: хотя по пятаку за штуку—это сто рублей.

— Меньше ста рублей,—поправилъ Колнышевскій.

— 85 рублей 95 копѣекъ—прибавилъ онъ, подумавъ съ минуту.

Игра была безденежная, но, чтобы уязвить Черномора, требовалось такъ или иначе перевести проигрышъ на деньги.

Хозяйка усадила Веревцова на лучшее мѣсто у самовара и тщетно старалась заставить его что-нибудь съѣсть. Но Василій Андреичъ былъ непоколебимъ.

— Я пообѣдалъ дома!—повторялъ онъ на всѣ соблазны.—Дайте лучше Полозову!..

Огромный Мишанька на скудной пропадинской пищѣ вѣчно чувствовалъ себя впроголодь, но онъ скрывалъ свою прожорливость, какъ порокъ, и никогда не позволялъ себѣ переходить общую норму.

Онъ посмотрѣлъ на Веревцова съ упрекомъ и, отрицательно мотнувъ головою, отошелъ къ камину и принялся грѣть руки у огня.

— Отчего такъ поздно?—сказалъ Колнышевскій.

Посѣщенія Веревцова цѣнились, и, если его долго не было въ урочное воскресенье, всей кампаніи какъ будто не хватало чего-то...

— У меня Алексѣевъ!—кратко объяснилъ Василій Андреичъ.—Въ юртѣ остался, не хочетъ въ гости идти...

Наступило непродолжительное молчаніе.

— Онъ мнѣ сегодня чуть голову не разбилъ!—объяснилъ хозяинъ такъ спокойно, какъ будто цѣнилъ свою голову не дороже яичной скорлупы.—Миской швырнулъ...

— Хорошо, что я отскочилъ,—прибавилъ онъ, принимаясь опять за подпилокъ.—Миска-то мѣдная, край такой острый, на косякъ налетѣла, дерево, какъ ножомъ, взрѣзала.

— Я его покормить хотѣла!—пояснила хозяйка.—А онъ всеё

Digitized by Google

миску, да и съ супомъ, Николаю Ивановичу въ голову бросилъ... Такъ ничего и не поѣлъ!—прибавила она со вздохомъ.

Повидимому, она больше всего жалѣла о томъ, что Алексѣевъ остался безъ супу.

— Всѐ отъ бездѣлья!—сказалъ Банерманъ сентенціозно.—Живетъ одинъ, занятій нѣту... Вотъ и отыскиваетъ себѣ что-нибудь, чтобы вниманіе занять.

— Пускай онъ у меня поживетъ!—кротко сказалъ Веревцовъ.—Можетъ, научится и въ обществѣ жить!..

— Бѣдняжка!—сказала хозяйка.—Пускай хоть отдохнетъ! Совсѣмъ измаялся.

— Только знаете,—сказалъ Веревцовъ, застѣнчиво улыбаясь.—Онъ проситъ, чтобы гости не ходили. Въ воскресенье, значитъ, у меня нельзя!..

— Это жаль!—сказалъ Банерманъ.—Мы привыкли уже у васъ!..

— Ну что-жъ дѣлать!—задумчиво возразилъ Колышевскій.—Нельзя такъ и нельзя!..

— Мнѣ дьяконица говорила,—сказала вдругъ хозяйка:—„найдите шамана, пусть отколдуетъ его,—напущено на него по злобѣ!“ Пустое это!—поспѣшно прибавила она, видя неудовольствіе на лицѣ мужа.

— При чемъ тутъ дьяконица?—неохотно проворчалъ Николай Ивановичъ.

— Онъ вѣдь у нихъ сегодня ночевалъ,—сказала хозяйка.—Ночью стукъ поднялъ.—„У меня, говоритъ, дома нехорошо...“

— Женить бы его слѣдовало!—замѣтилъ Банерманъ.—Все бы рукой сняло.

— Ну, я пойду!—сказалъ Веревцовъ, поднимаясь.

— Такъ скоро?—возразила хозяйка.

— Къ Головинскимъ зайти надо—сказалъ Веревцовъ.—Младенца посмотрѣть.

Двухлѣтній Витька, истинный хозяинъ второго семейнаго дома, былъ въ настоящее время единственнымъ отпрыскомъ молодого поколѣнія колоніи. Онъ былъ извѣстенъ въ просторѣчіи подъ именемъ „младенца“ или распространеннѣе „государственнаго младенца“.

На дворѣ давно было темно. Небо затянулось тучами. Внезапная мятель разыгрывалась все сильнѣе. Струйки снѣжной пыли уже неслись вдоль улицы, затемняя воздухъ и мѣшая находить тропу, протоптанную пѣшеходами. Съ рѣки, которая разстилалась вдоль всего города, какъ широкая ледяная пустыня, уже доносился пронзительный свистъ вихря.

Дорога къ Головинскимъ шла по единственной улицѣ города,

Digitized by Google

потомъ спускалась по крутому и скользкому откосу къ утлому мосту, перекинутому черезъ устье Сосновки. Веревцовъ шелъ среди улицы, то и дѣло спотыкаясь на горкахъ снѣжной пыли, наметенныхъ поперекъ дороги, какъ неожиданныя ступеньки. Вѣтеръ дулъ ему въ лицо, и онъ невольно отворачивался и двигался впередъ бокомъ, осторожно выбирая шаги. На спускѣ стало еще хуже. Вѣтеръ намелъ сугробы во всѣхъ ложбинахъ и извилинахъ покатой тропы, особенно съ лѣвой подгорной стороны. Сдѣлавъ неосторожный шагъ, Веревцовъ провалился до колѣнъ и набралъ полныя валенки снѣга.

Кое-какъ выбравшись на болѣе твердое мѣсто, онъ полуинстинктивно сталъ забирать вправо, гдѣ на выпукломъ ребрѣ откоса снѣгъ проносило мимо. Благополучно спустившись на нѣсколько десятковъ саженей, онъ опять попытался свернуть влѣво къ мосту и опять попалъ въ сугробъ. Поневолѣ пришлось держаться правой стороны, гдѣ все время была твердая дорога. Было совершенно темно. Вѣтеръ продолжалъ дуть Веревцову въ лицо, и онъ былъ, поэтому, увѣренъ, что идетъ, куда нужно.

Но дорога вдругъ перестала спускаться, стала ниже и неожиданно свернула влѣво. Вѣтеръ сталъ дуть Веревцову съ правой стороны. Сбитый съ толку, Василій Андреичъ попробовалъ по инерціи отклониться вправо и попалъ въ сугробъ, еще болѣе глубокій, чѣмъ нѣсколько минутъ назадъ. Приходилось не мудрствовать и слѣпо покоряться колеѣ, благо она еще ощущалась подъ ногами. Саженей тридцать прошли безъ приключеній, потомъ дорога еще свернула влѣво и стала круто подниматься въ гору. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Василій Андреичъ почувствовалъ, что это былъ тотъ же выпуклый откосъ, по которому онъ только что спустился внизъ, и внезапно сообразилъ, въ чемъ дѣло. Онъ сбился на одну изъ встрѣчныхъ дорожекъ и поднимался назадъ въ городъ. Вѣтеръ кстати дулъ ему въ спину, онъ поднимался вверхъ довольно бодро и рѣшалъ въ умѣ, попытаться ли снова отыскать мостъ, или лучше вернуться къ Горскимъ и переждать метель.

Однако, дорога, вмѣсто того, чтобы вернуться на улицу, превратилась въ узкую тропинку. Пройдя еще нѣсколько шаговъ, Василій Андреичъ съ размаху наткнулся на дерево. Это его очень смутило, ибо на этой сторонѣ Сосновки не было никакого лѣса, и онъ напрасно старался понять, откуда взялось дерево. Тропинка углубилась въ лѣсъ. Здѣсь вѣтеръ былъ легче, но на каждомъ шагу онъ натыкался на деревья. Чрезъ нѣсколько минутъ всѣ слѣды тропинки исчезли, и ему пришлось пробираться впередъ уже въ глубокомъ снѣгу сквозь густыя тальничныя заросли. Теперь онъ былъ въ полномъ недоумѣніи, ибо такого гу-

Digitized by Google

стого тальника вообще не было въ окрестностяхъ Пропадинска. Онъ какъ будто попалъ въ незнакомую лѣсную глушь и уже исцарапалъ себѣ руки и лицо въ борьбѣ съ упрямыми вѣтвями, хлеставшими ему въ глаза.

Однако, черезъ десять или пятнадцать минутъ эта фантастическая тайга исчезла такъ же быстро, какъ и появилась, и Веревцовъ опять вышелъ на тропинку. Она была узко протоптана и уходила и вправо, и влѣво. Теперь онъ положительно не понималъ, гдѣ находится, но, подумавъ съ минуту, свернулъ на удалую влѣво.

Онъ шелъ чрезвычайно осторожно, постоянно ощупывая землю ногами, чтобы не сбиться съ колеи. Но чрезъ нѣсколько минутъ тропинка опять исчезла, онъ очутился въ ложбинѣ, наполненной до верху снѣгомъ, и опять сталъ на каждомъ шагу проваливаться по поясъ; наконецъ, неловко ступивъ, попалъ въ какую-то яму и провалился уже по шею. Мокрый снѣгъ набился ему комьями въ рукава и за воротникъ. Ему стало очень холодно, несмотря на усиленное движеніе. Онъ сталъ карабкаться изъ ямы, но вездѣ кругомъ былъ такой же мягкій и глубокій снѣгъ. Онъ обмялъ вокругъ себя возможно болѣе широкое пространство и сталъ очищать одежду отъ снѣга. Сюда въ ложбину, подъ защитой лѣса, вѣтеръ совсѣмъ не долеталъ, и совершенно сбитый съ толку Веревцовъ сталъ подумывать, чтобы дождаться здѣсь утра. Снѣгъ, однако, валилъ такими густыми и мокрыми хлопьями, что ежеминутно нужно было отряхиваться, чтобы сохранить сухость одежды. Вдругъ прямо передъ собой онъ увидѣлъ какой-то странный свѣтъ, смутный и мелькающій, похожій на лучъ, падающій изъ освѣщеннаго окна на дорогу. Свѣтъ былъ, однако, совсѣмъ вверху, такъ высоко, что, если бы не тучи, покрывавшія небо, его можно было бы принять за звѣзду.

— Го-го!—вдругъ закричалъ Веревцовъ во всю силу голоса, вытягивая голову по направленію къ свѣту.

— Го! — донеслось черезъ минуту совершенно явственно. Тамъ былъ, очевидно, не только свѣтъ, но и живой человѣкъ. Веревцовъ съ неожиданной легкостью вскарабкался вверхъ по направленію къ призыву и очутился на пригоркѣ, Подъ ногами его въ третій разъ оказалась тропинка. Черезъ минуту онъ наткнулся грудью на изгородь, за которой бѣлѣла неясная четвероугольная масса человѣческаго жилища. Вся эта мѣстность показалась Веревцову до чрезвычайности знакомой. Сдѣлавъ еще два шага, онъ окончательно узналъ свою собственную юрту. Недоумѣніе его, конечно, не уменьшилось, ибо онъ не могъ понять даже, какимъ образомъ онъ попалъ на эту сторону рѣки. Во

Digitized by Google

всякомъ случаѣ теплое жилье было передъ нимъ, и это было лучше всего.

Алексѣевъ стоялъ на крышѣ въ косматой кабардинской буркѣ, которую привезъ съ собою пять лѣтъ тому назадъ. Свѣтъ оказался большимъ фонаремъ, укрѣпленнымъ на длинной палкѣ, которую онъ прислонилъ къ высокой трубѣ, выведенной надъ каминомъ. Импровизированный маякъ и его сторожъ были совсѣмъ подъ стать сумасшедшему ненастью, бушевавшему на дворѣ.

— Славная ночь!—со смѣхомъ сказалъ Алексѣевъ, соскакивая съ крыши и торопливо открывая дверь предъ Веревцовымъ.— Отличная ночь!..

Лицо его сіяло дикой радостью. Косматая голова, торчавшая изъ такой же косматой бурки и полузанесенная снѣгомъ, давала ему видъ какого-то фантастическаго лѣшаго, которому мѣсто въ глубинѣ тайги, а не въ человѣческомъ домѣ.

— Они не пришли сюда!—продолжалъ онъ съ торжествомъ въ голосѣ, помогая озябшему Веревцову перебраться черезъ порогъ.—У васъ славный домъ... Далеко, глухо!.. Кругомъ лѣсъ... Я думаю, они совсѣмъ не будутъ сюда ходить... Какъ вы думаете?..

Веревцовъ съ изумленіемъ смотрѣлъ вокругъ себя; онъ не узнавалъ своего жилища. Его новый товарищъ успѣлъ за нѣсколько часовъ передѣлать невѣроятное множество дѣла. Полъ былъ чисто выскобленъ и вымытъ. Всѣ окна освобождены изъ подъ травяной покрышки, и оконныя льдины оскоблены отъ инея. Даже кровать Веревцова была тщательно выскоблена и вытерта тряпкой.

Вмѣсто верстака стояло другое ложе, сбитое изъ деревянныхъ плахъ, но живописно задрапированное одѣяломъ. Столъ былъ застланъ скатертью, и на немъ горѣли двѣ стеариновыя свѣчи. Даже каминъ былъ выбѣленъ мѣломъ. Въ глубинѣ его передъ огромной загнетой горячихъ углей стоялъ готовый чайникъ съ чаемъ и три горшка съ различными снѣдями.

— Каково?—спросилъ Алексѣевъ съ наивнымъ торжествомъ. Видите, какой я проворный!.. Уже домой сбѣгалъ и вещи привезъ, да и салазки вмѣстѣ, пускай тутъ стоятъ!..

Онъ проворно разгребъ загнету и затопилъ каминъ.

— И фонарь я тоже склеилъ,—продолжалъ онъ,—изъ рыбьей кожи. Думаю, нужно маякъ устроить, а то Василій Андреичъ дорогу не найдетъ.

А дровъ у меня много,—прибавилъ онъ, помѣшивая въ каминѣ,—мы ихъ перевеземъ на салазкахъ. Во всю зиму не истопимъ.

— Теперь садитесь, угощайтесь!..

Онъ стащилъ съ Веревцова куртку и усадилъ его на мѣсто

Digitized by Google

съ такой осторожностью, какъ будто Василій Андреичъ былъ разслабленный.

— Видите, я ужинъ сварилъ! — указалъ онъ на горшки.— Супъ съ грибами, каша. На обоихъ хватитъ... Я тоже не буду ѣсть мяса, какъ вы. Я хочу жить, какъ вы живете.

Василій Андреичъ слушалъ съ удивленіемъ, не совсѣмъ довѣряя превращенію своего гостя, но Алексѣевъ тотчасъ же угадалъ его мысли.

— Мы съ вами все такъ жить будемъ,—сказалъ онъ,—вы не думайте. Лишь бы они не ходили... Будемъ жить, какъ въ бракѣ. Я буду мужъ, а вы будете жена, или, если хотите, вы будете мужъ, а я буду жена. Или будемъ два мужа, или двѣ жены, какъ вамъ угодно.

Настроеніе его было нѣсколько шумно, но онъ весь сіялъ отъ радости.

— Лишь бы они не ходили сюда!—повторялъ онъ. — Вотъ увидите, что мы надѣлаемъ. Лишь бы въ покоѣ насъ оставили!..

Онъ былъ такъ возбужденъ своими новыми надеждами, что послѣ того, какъ свѣчи были погашены, и они улеглись спать, еще неоднократно окликалъ Веревцова.

— Видите, видите!—повторялъ онъ.—Ихъ нѣтъ. Вы запретили имъ ходить... Пускай же они не ходятъ! Увидите, какъ мы будемъ жить!..

Утомленный Веревцовъ не слушалъ и заснулъ; но и во снѣ ему мерещилась оригинальная фигура, полузанесенная снѣгомъ и похожая на лѣшаго, стоявшая на крышѣ съ фонаремъ на длинной палкѣ и бормотавшая, какъ заклинаніе:

— Пускай они не ходятъ! Не надо ихъ! Пускай они не ходятъ!

Снѣгъ въ этомъ году сошелъ довольно рано, но рѣка все не могла вскрыться. Днемъ солнце пригрѣвало, мерзлая земля оттаивала и раскисала на припекѣ, но къ полудню опять становилась твердою, какъ камень. Трехаршинный ледъ такъ крѣпко примерзъ закраинами къ тинистому берегу, что даже неустанная сила бѣгущей воды все еще не могла оторвать его долой и унести съ собою. Веревцовъ и Алексѣевъ возились съ утра до вечера, обстраивая будущіе огороды. Длинныя рамы парника уже стояли на южной сторонѣ юрты, поблескивая на солнцѣ новыми стеклами. Многія стекла разбились, но Алексѣевъ искусно склеилъ ихъ замазкой собственнаго изобрѣтенія изъ творогу, смѣшаннаго съ пескомъ и рыбьимъ жиромъ, и они дѣйствовали какъ ни въ чемъ не бывало. За парникомъ тянулись гряды, окруженныя заборомъ; нѣкоторыя были даже вскопаны, несмотря на ночные заморозки. Сѣмена были высажены въ горшки и деревянныя латки.

Digitized by Google

Къ полудню ихъ выносили на дворъ и разставляли на крышѣ длинными рядами, а къ вечеру убирали въ юрту. Теперь юрта имѣла болѣе веселый видъ. Сталактиты давно оттаяли, и нѣсколько времени тому назадъ Алексѣевъ дошелъ до такой предпріимчивости, что заново оклеилъ всѣ стѣны газетной бумагой къ великому ущербу куля съ мукой, стоявшаго за печкой, изъ котораго онъ бралъ муку для клейстера. Съ самаго своего переселенія къ Веревцеву, онъ тоже сталъ вегетаріанцемъ, и перемѣна пищи, повидимому, благотворно повліяла на его здоровье. Кошмары почти совершенно исчезли, особенно съ наступленіемъ весны, и въ настоящее время онъ равнодушно относился къ тому, ходятъ или не ходятъ гости въ юрту. Заинтересоваться опять общеніемъ съ другими онъ не могъ, ибо его общественные интересы были убиты зимними невзгодами.

Однако онъ ревностно участвовалъ въ приготовленіяхъ къ праздникамъ и особенно тщательно очищалъ косяки и полы, желая, чтобы старое жилище выглядѣло попривлекательнѣе. Но въ послѣднія недѣли ему пришлось забросить чистоту. Горшки и фляги съ разсадой къ вечеру до такой степени наполняли юрту, что негдѣ было пройти. Пріятели убрали столы и кровати и спали въ темномъ углу, гдѣ раньше стоялъ ушатъ съ водой и хранилась грязная посуда. Колоды и стойки для водопровода тоже были готовы, но все еще лежали на крышѣ, такъ какъ можно было опасаться, что половодье затопитъ все мѣсто, кромѣ холма, на которомъ стояла юрта. Наконецъ, въ одно утро товарищи, выйдя на дворъ, неожиданно увидали воду рѣчки у самой своей двери. Ночью начался ледоходъ, и всѣ протоки Пропады мгновенно переполнились и вышли изъ береговъ. Ледъ шелъ по рѣкѣ густой массой, спираясь и громоздясь вверхъ огромными глыбами и надвигаясь на берегъ, прорывалъ глубокія борозды въ прибрежной галькѣ и срывалъ цѣлые куски яровъ съ растущими на нихъ деревьями. Къ полудню пониже города ледоходъ совсѣмъ остановился; вода стала подниматься и затопила городъ. Наступила обычная весенняя картина. Всѣ низкія мѣста обратились въ озера. Амбары и лодки, стоявшія пониже, были унесены, или изломаны въ щепье. Въ половинѣ домовъ было наводненіе; жители переселились на крыши или перебрались въ лодки, привязанныя къ столбамъ полузатопленныхъ оградъ. Многіе спаслись въ церковь, стоявшую на высокомъ холмѣ среди города.

Юрта, построенная въ сторонѣ, составляла уединенный островъ, и обитатели ея были совершенно отрѣзаны.

Къ счастью вода не добралась до парника, устроеннаго на склонѣ холма; гряды были затоплены, но это не могло принести имъ вреда. Къ вечеру заторъ разорвался, и вода спала. Въ те—

Digitized by Google

ченіе слѣдующихъ дней было еще два или три затора, хотя и не такихъ большихъ. Наконецъ главную массу льда пронесло внизъ; рѣка очистилась, и настало лѣто. На другой день земля какъ по волшебству покрылась зеленымъ ковромъ, на всѣхъ деревьяхъ развернулись почки.

Еще черезъ два дня въ травѣ появились головки ландышей, и на вѣтвяхъ тальника стали завиваться барашки. Всевозможныя птицы съ непрерывнымъ гамомъ и стрекотаньемъ летѣли вдоль рѣки на сѣверъ. Воздухъ наполнился пріятнымъ смолистымъ запахомъ лиственницы и ползучаго кедра. Природа торопилась, ибо ей нужно было начать и окончить цѣлую вереницу мелкихъ и крупныхъ дѣлъ за два короткихъ мѣсяца праздничнаго лѣтняго приволья.

Цвѣтоводство и огородничество Веревцова и Алексѣева было въ полномъ разгарѣ работъ, какъ свидѣтельствовала даже вывѣска, тайно нарисованная Банерманомъ и повѣшенная ночью на деревѣ, чтобы сдѣлать Василію Андреичу сюрпризъ. На вывѣскѣ была изображена чудовищная телѣга, нагруженная до верху различными произведеніями сельской природы, а Веревцовъ въ позѣ Цинцинната стоялъ возлѣ, опираясь ногою на заступъ и безмолвно предлагалъ прохожимъ свои дары.

Картофель, капуста и брюква были пересажены въ грядки, а огурцы и цвѣты въ парникъ. Обыватели каждый день приходили къ юртѣ полюбоваться на невиданное зрѣлище, такъ какъ парника и водопровода никогда еще не было въ Пропадинскѣ. Лужайка передъ юртой сдѣлалась любимымъ мѣстомъ собранія для городскихъ мальчишекъ, которые въ особенности любили наблюдать, какъ длинный очепъ спускается и подымается надъ рѣкой, точно долговязая шея огромной птицы, пьющей воду. Мальчишки впрочемъ держались на почтительномъ разстояніи. Длинныя ноги Веревцова и косматая голова Алексѣева внушали имъ робость. Въ городѣ къ тому же ходили смутные слухи, что въ невиданной затѣѣ пришлыхъ людей не обошлось безъ лѣшаго, который именно и перетаскалъ изъ лѣсу всѣ эти огромныя колоды.

Лѣто быстро подвигалось впередъ. Посѣвы поднялись на славу. Огородъ покрылся широкой и плотной зеленью. Первые тонкіе листочки будущихъ капустныхъ вилковъ стали курчавиться и свиваться вмѣстѣ. Желтые цвѣточки огурцовъ отцвѣтали въ парникѣ и мѣстами зеленое донышко цвѣточной чашки уже стало удлиняться, принимая характерную овальную форму. Большая часть колоніи разъѣхалась по рыболовнымъ заимкахъ, городъ опустѣлъ, остались только нѣсколько нищихъ старухъ на Голодномъ Концѣ, больные въ больницѣ, два попа пропадинской церкви, да цѣлое стадо бродячихъ собакъ, отпущенныхъ до осени на волю.

Digitized by Google

Собаки, однако, приносили Веревцову больше испытаній, чѣмъ люди. Онѣ разсматривали межи между огородными грядами, какъ мѣсто, спеціально назначенное для бѣга взапуски и всевозможныхъ ристалищъ. Изгородь, устроенная Веревцовымъ вокругъ посѣвовъ, еще ухудшила дѣло. Собаки каждую ночь продѣлывали новую лазейку, но въ рѣшительную минуту забывали все и, преслѣдуемыя хозяевами, метались изъ стороны въ сторону, каждымъ прыжкомъ уничтожая юную редиску или полную свѣжаго сока рѣпу. Впрочемъ, онѣ слишкомъ привыкли къ ударамъ, чтобы обращать на нихъ вниманіе. Лѣто было для нихъ праздникомъ, такъ какъ лѣтомъ не было запряжки, и онѣ старались насладиться по своему свободой и теплomъ.

Веревцовъ и Алексѣевъ не отлучались отъ огорода и сторожили свои работы. Веревцовъ сплелъ травяные маты во всю ширину огорода, чтобы закрывать гряды при ночныхъ морозахъ, которые должны были начаться со дня на день. Съ парникомъ онъ возился, какъ съ больнымъ ребенкомъ, то открывая его, чтобы огурцы погрѣлись на солнцѣ, то поспѣшно закрывая опять при первомъ намекѣ на охлажденіе воздуха. Цвѣты расцвѣли и отцвѣли, но ему некому было дарить букеты, ибо ни одной дамы не было въ городѣ, и, въ концѣ концовъ, онъ сосредоточилъ всѣ свои упованія на прозаическихъ, но болѣе полезныхъ дарахъ огородной Помоны.

Вечерняя заря снова оторвалась отъ утренней, и темный промежутокъ становился все длиннѣе. Комаръ, мошка, всяческій гнусъ первой половины лѣта ослабѣли и стали безвредны, настало самое лучшее время полярнаго года. Днемъ было тихо и тепло, но въ полночь если небо было ясно, холодъ давалъ себя знать. Работы около огорода было совсѣмъ мало. Алексѣевъ сталъ ставить сѣти по рѣчкѣ въ трехъ верстахъ отъ ихъ усадьбы. У нихъ теперь была своя небольшая лодка, и они ѣздили вдвоемъ на высмотръ рыбы. По берегамъ рѣчки они начали заодно собирать въ груды сухой лѣсъ, намѣреваясь вывозить его зимою по санной дорогѣ. Веревцовъ снова затѣялъ сплавить плотъ, и вчерашній день до поздняго вечера компаньоны сгруживали бревна на вольной водѣ и связывали ихъ вмѣстѣ гибкими тальничными вѣтвями.

Солнце только что взошло, и густая роса, осѣвшая за ночь на траву, поднималась ему навстрѣчу бѣлыми клубами тумана. На дворѣ было сыро и довольно прохладно, но въ юртѣ, гдѣ каминъ топился ежедневно, было сухо и тепло. Компаньоны устали вчера отъ мокрой работы и разоспались на славу. Алексѣевъ вообще теперь спалъ очень крѣпко, какъ будто хотѣлъ вознаградить себя за зимніе страхи и безсонницы. Вдругъ со двора

Digitized by Google

долетѣлъ жалобный звонъ разбитаго стекла. Веревцовъ поднялъ голову, посмотрѣлъ вокругъ себя и сѣлъ на постели; онъ, очевидно, не могъ понять, въ чемъ дѣло. Звонъ повторился, сопровождаемый собачьимъ визгомъ. Веревцовъ сорвался съ постели и, какъ былъ, безъ сапогъ и въ одномъ бѣльѣ, выбѣжалъ на дворъ. Зрѣлище, представившееся ему, чуть не заставило подняться его волосы дыбомъ.

Какой-то предпріимчивый щенокъ, перебравшись черезъ ограду вздумалъ выбрать себѣ бѣговой ареной стеклянную крышу парника и до тѣхъ поръ бѣгалъ взадъ и впередъ, пока одно стекло, не крѣпко державшееся, раскололось пополамъ и, половина упала внизъ. Щенокъ былъ настолько неловокъ, что провалился въ отверстіе, но уцѣпился передними лапами за деревянную раму и, стараясь выкарабкаться, сломалъ остатокъ стекла. Онъ очевидно обрѣзалъ себѣ лапу, ибо подошва была въ крови, которая испачкала также косякъ рамы и упала нѣсколькими розовыми капельками на гладкую поверхность стекла. Онъ бился и царапалъ когтями раму и все балансировалъ, отказываясь свалиться внизъ и не имѣя достаточно опоры, чтобы вылѣзть наружу.

— Что ты дѣлаешь?—воскликнулъ Веревцовъ, обращаясь къ щенку, какъ къ человѣку.

При видѣ набѣгающаго врага щенокъ взвизгнулъ и усиленно рванулся изъ стеклянной западни.

— Пошелъ, пошелъ!—отчаяннымъ голосомъ кричалъ Веревцовъ.—Огурцы потопчешь!..

Щенокъ сдѣлалъ послѣднее усиліе и, выскочивъ изъ парника, пустился прыгать по капустнымъ грядамъ. Веревцовъ вдругъ схватилъ обломокъ жерди, валявшійся на землѣ.

— Я буду защищаться!—крикнулъ онъ еще громче прежняго и, размахивая оружіемъ, пустился въ погоню за четвероногимъ непріятелемъ.

Двѣ другія собаки появились неизвѣстно откуда, какъ будто выросли изъ-подъ земли и принялись метаться взадъ и впередъ, увеличивая суматоху. Алексѣевъ выскочилъ изъ юрты тоже съ палкой и сдѣлалъ на собакъ такое стремительное и удачное нападеніе, что онѣ сразу перескочили черезъ изгородь въ томъ мѣстѣ, гдѣ она была пониже. Въ лѣвомъ углу огорода онъ отыскалъ подкопъ и сталъ тщательно разгребать землю, увеличивая лазейку.

— Что вы дѣлаете?—удивленно спросилъ Веревцовъ.—Онъ совсѣмъ запыхался не столько отъ бѣготни, сколько отъ волненія; это было его первое сраженіе съ живыми существами.

— Петлю наставляю! — свирѣпо объяснилъ Алексѣевъ. — Пусть хоть одна попадетъ. Надо ихъ проучить.

Digitized by Google

Онъ приладилъ въ отверстіи подкопа крѣпкую веревочную петлю съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы она соскользнула на шею перваго дерзкаго животнаго, которое попытается пробраться въ ограду.

— Вяжите покрѣпче!—поддерживалъ его Веревцовъ.—Пусть попадутъ!.. Онѣ нападаютъ, мы будемъ защищаться.

Воинственныя страсти, которыя дремлютъ въ каждой, даже самой мирной груди, проснулись и у Веревцова, и онъ готовъ былъ защищать свои посадки отъ всего свѣта.

Однако, драгоцѣнные огурцы были совершенно невредимы.

Только двухъ стеколъ не хватало въ парникѣ, но Алексѣевъ придумалъ замѣнить ихъ налимьей кожей, изъ которой туземцы сшиваютъ волоковыя окна.

Небо хмурилось, какъ бы сочувствуя огорченію двухъ товарищей. Подулъ холодный сѣверный вѣтеръ. Несмотря на приближеніе полудня, воздухъ становился холоднѣе. Тучи были какого-то страннаго свѣтло-кофейнаго, почти желтоватаго цвѣта.

— Будетъ снѣгъ! — сказалъ Алексѣевъ, внимательно посмотрѣвъ на западъ.

— Какой снѣгъ! — протестовалъ Веревкинъ. — Теперь вѣдь лѣто!..

— Въ позапрошломъ году выпалъ снѣгъ по колѣно, — сказалъ Алексѣевъ,—въ іюлѣ, въ концѣ. Мы думали, рѣка станетъ.

— Да, вотъ, онъ идетъ!—прибавилъ Алексѣевъ, указывая на нѣсколько бѣлыхъ пушинокъ, промелькнувшихъ въ воздухѣ. — Легокъ на поминѣ...

Компаньоны бросились закрывать гряды циновками. Снѣгъ тотчасъ же пересталъ, но температура упорно понижалась. Вѣтеръ становился крѣпче и пригонялъ съ сѣвера все новыя тучи свѣтло-кофейныхъ облаковъ. Первый августовскій утренникъ готовился на славу.

Къ ночи облака порѣдѣли и разорвались клочьями, солнце зашло въ ярко-багровомъ заревѣ. Стало такъ холодно, что земля сразу окостенѣла и звенѣла подъ ногами, какъ осенью. Лужи покрылись тонкимъ ледянымъ саломъ, даже въ колодѣ водопровода вода подернулась льдомъ.

Компаньоны покрыли парникъ всѣми циновками и тряпками, какія нашлись въ юртѣ. Даже одѣяла съ постелей пошли въ ходъ, хотя и въ юртѣ съ непривычки стало холодно. Но Алексѣевъ топилъ каминъ, какъ зимою.

Къ полночи насталъ настоящій морозъ. Компаньоны двадцать разъ выходили провѣдывать огородъ, но на дворѣ было темно, только холодный вѣтеръ щипалъ уши и щеки. Противъ этого холода нельзя было ничего сдѣлать, развѣ только втащить парникъ и всѣ гряды въ домъ.

Digitized by Google

Наконецъ вернувшись со двора въ десятый разъ, Веревцовъ улегся на кровать и повернулся къ стѣнѣ, демонстративно дѣлая видъ, что хочетъ заснуть. Алексѣевъ опять поставилъ дровъ въ каминъ и сталъ варить себѣ чай, но и онъ больше не выходилъ на дворъ.

Съ утра стало теплѣе; вѣтеръ сошелъ на западъ, тучи опять сгустились, и пошелъ дождь. Теперь можно было открыть и осмотрѣть гряды. Оказалось, что капуста, лукъ и картофель, выращенныя на вольномъ воздухѣ, сумѣли выдержать холодъ и мало пострадали. Но бѣдные огурцы окостенѣли въ своей деревянной коробкѣ. Самые крупные листья свернулись, точно отъ огня, и большая половина стеблей наклонила голову внизъ, какъ бы признавая себя побѣжденными.

Веревцовъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на маленькіе зеленые огурчики, которымъ уже не суждено было вырости, и вдругъ погрозилъ тучамъ кулакомъ. Въ защиту своего огорода онъ былъ готовъ на борьбу даже съ небесами, но этотъ врагъ былъ слишкомъ могущественъ, и противъ него не помогали ни палки, ни петли.

Послѣ перваго утренника опять настала ясная и теплая погода. Первый приступъ осенней ярости истощился сразу и снова далъ передышку испуганной природѣ. Парникъ наполовину увялъ, но огородныя гряды процвѣтали какъ нельзя лучше. Картофель и рѣпа были въ землѣ, но капустные вилки побѣлѣли, завивались все крѣпче и крѣпче и лежали на землѣ, какъ большія свѣтло-зеленыя ядра. Жители туземные и пришлые стали съѣзжаться. Около юрты каждый день опять являлись любопытные посѣтители. Капуста завилась въ Пропадинскѣ въ первый разъ. Попъ и исправникъ прислали просьбу продать имъ часть капусты. Они тоже питались рыбой, какъ и всѣ остальные жители, и свѣжіе овощи были для нихъ новинкой.

Наконецъ, наступилъ апофеозъ. Всѣ наличные члены колоніи собрались въ огородъ. Мальчишки со всего города тоже сбѣжались любоваться, какъ русскіе люди дѣлятъ земляную ѣду.

Овощи были выдерганы, срѣзаны и сложены въ кучу. Луку и картофелю было мало, но рѣдька, рѣпа и морковь лежали грудою; главное же украшеніе составляли двѣсти большихъ вилковъ капусты, сложенныхъ вмѣстѣ въ большой бѣлый холмъ. На этотъ разъ Веревцовъ не сталъ устраивать лотереи. Онъ взялъ себѣ съ Алексѣевымъ пятую часть сбора, а остальное подѣлилъ поровну между всѣми.

Никакія отговорки не помогали.

— Я даже исправнику послалъ, — сурово возражалъ Веревцовъ, — и попамъ. И они взяли. Тѣмъ болѣе вы!.. А намъ вдвоемъ сорокъ кочней довольно за глаза...

Digitized by Google

Въ концѣ концовъ, на свѣжемъ воздухѣ около юрты устроился импровизированный праздникъ. Дамы сварили обѣдъ со свѣжими овощами. Горскій сходилъ въ городъ и досталъ у одного изъ своихъ многочисленныхъ кліентовъ двѣ бутылки наливки, а Полозовъ принесъ спирту изъ кабака.

Послѣ обѣда на гладкой площадкѣ передъ водопроводомъ устроились даже танцы.

Банерманъ такъ разошелся, что сказалъ Веревцову рѣчь.

— Ты!— сказалъ онъ — Ты!.. Великій ты!.. Ты открылъ въ Пропадинскѣ новую земледѣльческую эру. Остается только измѣнить климатъ и уничтожить мерзлоту почвы, и вокругъ Голоднаго Конца будетъ процвѣтать даже пшеница.

Гдѣ прежде въ Капитоліи судилися цари,—

затянулъ Черноморъ тонкой фистулой. Маленькій человѣкъ очень любилъ пѣніе и всегда бралъ на себя роль запѣвалы.

Тамъ въ наши времена сидятъ пономари,—

отвѣчалъ Полозовъ грубымъ, какъ бы даже одутловатымъ басомъ.

Гдѣ прежде процвѣтала троянская столица,
Тамъ въ наши времена посѣяна пшеница!

Банерманъ досталъ гребенку и папиросной бумаги и подыгривалъ съ большимъ искусствомъ, Ястребовъ трубилъ въ трубу, свернутую изъ двухъ газетныхъ листовъ.

Ковзаріумъ, ковзаріумъ,
Три бомъ-бомъ-бомъ, три бомъ-бомъ-бомъ!..

Далеко разносился припѣвъ, знаменуя наступленіе новой земледѣльческой эры на рѣкѣ Пропадѣ.

Танъ.

Digitized by Google

КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СКУЛЬПТОРОМЪ.

(Изъ моихъ воспоминаній *).

Мнѣ было десять лѣтъ, когда я сталъ вырѣзывать изъ камня разныя вещицы. Камень, изъ котораго я работалъ, довольно твердый, его дома употребляли для точенія ножей. Орудіемъ для вырѣзыванія служилъ мнѣ перочинный ножикъ и заостренные гвозди отъ подковъ: гвозди эти я находилъ на улицѣ и на порогѣ ихъ оттачивалъ. Помню, первая моя вещь была—старинный шкафъ, открытый; въ немъ книги и другія вещи лежали въ безпорядкѣ на разныхъ полкахъ. Затѣмъ я сдѣлалъ многоэтажный домъ съ черепичной крышей, трубами, окнами, балконами, воротами и всѣми прочими деталями; ничего не было пропущено. Наконецъ, я вырѣзалъ человѣческую фигуру: стараго еврея, собирающаго милостыню.

Не помню, что дало мнѣ толчокъ къ этому занятію. Въ городѣ Вильнѣ я никогда не видалъ никакого художественнаго произведенія: у евреевъ скульптурныя изображенія запрещены религіей. Не только въ синагогѣ, но и въ домѣ набожнаго еврея, не должно существовать изображенія человѣка или животнаго. Рожки нашей люстры были всегда залѣплены воскомъ, потому что на нихъ были изображены человѣческія лица. И въ городѣ тогда не было никакого памятника, никакой

*) Авторъ этихъ записокъ—Илья Яковлевичъ Гинцбургъ—скульпторъ-жанристъ; лѣпитъ преимущественно сцены изъ дѣтской жизни (больше 20 дѣтскихъ группъ и статуй). *Группы*: «Интересная сказка» (музей Императорской академіи художествъ), «Послѣ купанья», «Масло жмутъ», «Подсказываетъ» и др. *Статуи*: «Мальчикъ спускающійся въ воду», «Маленькій музыкантъ» (музей Императора Александра III), «Со звѣздою», «Дѣвочка съ хлѣбомъ и молокомъ», «Послѣ урока», Наказанный», «Эквилибристъ» и др. *Портретныя статуэтки* съ натуры замѣчательныхъ русскихъ людей (около 20 статуэтокъ): Графъ Л. Н. Толстой, Чайковскій, Рубинштейнъ, Стасовъ, Менделѣевъ, Рѣпинъ, Верещагинъ, Антокольскій, Айвазовскій, Кони и др. *Историческая жанровая группа*: «Донъ-Кихотъ и Санхо-Пансо». *Бюсты*: Графа Л. Н. Толстого, Менделѣева, Бутлерова, Зинина, Спасовича, Гаршина, Боткина и др. Работы эти были на выставкахъ въ Петербургѣ и за границей. (Золотая медаль на послѣдней всемірной выставкѣ въ Парижѣ).

Біографическія свѣдѣнія до 1889 года смотри у Булгакова «Наши художники».

Ред.

Digitized by Google

статуи. Единственная скульптура, это были извѣстные «Болваны Тышкевича»—такъ назывались каріатиды на домѣ графа Тышкевича. Изъ камня многіе молодые евреи дѣлали печатки, которымъ иногда придавался видъ греческой колонки или тумбочки, украшенной орнаментами, плетушками. Но фигуры человѣческой я не видалъ, орнаментовъ я не любилъ; также не заботился я о томъ, чтобы работа моя имѣла практическое примѣненіе.

Моя мать (отца не было въ живыхъ; онъ умеръ, когда мнѣ было три года) очень непріязненно относилась къ моей работѣ, въ которой видѣла отвлеченіе отъ ученія Талмуда. Я тогда еще учился въ хедерѣ (еврейская школа) и оказывалъ такіе успѣхи, что несмотря на мою молодость, мнѣ хотѣли предоставить самостоятельно заниматься наравнѣ со взрослыми въ синагогѣ. Какъ и другихъ братьевъ, меня прочили въ раввины, и находили, что у меня недюжинныя способности къ Талмуду.

Мое «баловство», такъ называла мать занятія мои скульптурой, часто преслѣдовалось, и нерѣдко работы мои вмѣстѣ съ инструментами мать выбрасывала въ окно на улицу. Это заставило меня скрывать отъ нея работу, и я выбиралъ безопасное мѣсто и время для занятія любимымъ дѣломъ. Готовую работу я показывалъ охотно сестрамъ, которыя сочувственно ко мнѣ относились и даже ободряли меня. Онѣ втихомолку почитывали нѣмецкихъ классиковъ и романы, и знали, что мое занятіе не баловство, а искусство, которое почитается. Также часто похваливалъ мою работу старикъ-рѣзчикъ печатей Гриллихесъ. Его сынъ учился медальерному искусству въ Академіи, и потому его замѣчанія и разсказы объ искусствѣ имѣли для меня особенный вѣсъ. Отъ него же впервые услыхалъ я имя Антокольскаго.

Случилось такъ, что моя мать по дѣламъ уѣхала въ Петербургъ. Въ это время пріѣхалъ въ Вильно Антокольскій. Это было въ іюнѣ 1870 г. Старикъ Гриллихесъ прибѣжалъ сказать, что знаменитый Антокольскій хочетъ видѣть мои работы, и чтобы я принесъ ихъ показать. И вотъ, на слѣдующій же день, причесанный и умытый, я отправился съ сильнѣйшимъ біеніемъ сердца, неся въ самодѣльной коробкѣ свои грѣхи, а можетъ быть и свои трофеи.

Помню какъ теперь свѣтлый, красивый магазинъ рѣзчика Гриллихеса. На обширномъ столѣ разбросано безчисленное множество инструментовъ, не то что мои гвозди, а удобные, красивые, о которыхъ я всегда мечталъ. На самомъ окнѣ красовались разныхъ цвѣтовъ блестящія печатки, предметы моего постояннаго любопытства. Самъ Гриллихесъ, бѣлый, какъ праотецъ, съ безконечной, длинной бородой, о которой говорили, что она была спрятана подъ его платьемъ, ибо ея конецъ достигалъ до пола, сидѣлъ, углубившись въ свою работу, а рядомъ съ нимъ, на креслѣ сидѣлъ онъ, мой знаменитый судья.

Всегда въ моемъ воображеніи великій скульпторъ представлялся мнѣ большого роста, просто одѣтымъ и добродушнымъ. Но увидѣлъ я

Digitized by Google

щегольски одѣтую небольшую фигуру, на плечахъ небрежно наброшенъ коричневый плэдъ и на одной рукѣ перчатка. Бросился мнѣ въ глаза красивый, выпуклый, бѣлый лобъ, надъ которымъ подымалась шапка курчавыхъ черныхъ волосъ. Глубоко сидящіе черные глаза пронзительно на меня посмотрѣли.

Я оробѣлъ. Лицо показалось мнѣ суровымъ, строгимъ. Особенную суровость придавали крѣпкіе, прямые волосы на бородѣ и на усахъ. Все лицо дышало энергіей, и въ то же время какое-то недовольство выражали нѣкоторыя черты лица.

Внимательно осмотрѣвъ работы, Антокольскій взялъ меня между колѣнъ, и, стараясь поднять упорно опущенную голову мою, спросилъ:

— А хочешь со мной поѣхать въ Петербургъ? Тамъ будешь у меня заниматься. Хочешь?—Но вѣроятно по выраженію моего лица трудно было ожидать отвѣта, и потому онъ прибавилъ. Приходи завтра съ твоимъ старшимъ братомъ; съ нимъ поговорю. Кстати, принеси инструменты, которыми работаешь.

Въ страшномъ волненіи, не помня себя отъ радости, я выбѣжалъ на улицу и влетѣлъ въ домъ весь сіяющій и торжествующій. Долго не могли сестры добиться отъ меня толковаго разсказа о случившемся. Разсказывая, я все всхлипывалъ, путалъ слова, а когда я дошелъ до предложенія Антокольскаго поѣхать съ нимъ въ Петербургъ, то разразился долгимъ рыданіемъ. Сталъ я всѣхъ упрекать, что мною, какъ младшимъ въ семьѣ, только распоряжаются для домашнихъ услугъ, но судьбой моей никто не интересуется.

Сестры не ожидали такого успѣха; не думали онѣ, что знаменитый Антокольскій одобритъ мою работу. Представилось имъ, что я уже въ Петербургѣ и дѣлаюсь знаменитымъ художникомъ; вспомнились имъ разсказы о художникахъ, которые происходили изъ бѣдныхъ семей, какъ потомъ о нихъ говорили. Вспомнилась имъ и собственная жизнь: какъ онѣ еще съ дѣтства мечтали объ образованіи, но по бѣдности приходилось имъ самоучкой научиться читать и писать по-русски и по-нѣмецки, какъ онѣ потомъ набросились на чтеніе, и какъ мать была недовольна тѣмъ, что онѣ читаютъ свѣтскія книги, а не религіозныя. Теперь, думали онѣ, хоть бы ему удалось достичь того, къ чему онъ стремится.

Съ нетерпѣніемъ дождались мы брата, и тутъ повторилась та же сцена, только вмѣсто одного моего безтолковаго разсказа получилось три: мы всѣ перебивали другъ друга, больше нападали на брата за его постоянное непониманіе искусства, за его равнодушіе къ судьбѣ будущаго художника. И на брата произвело глубокое впечатлѣніе то, что чужой человѣкъ хочетъ меня взять къ себѣ и учить. Воспитанный въ духѣ глубоко-религіозномъ, братъ мой, какъ почти всѣ другіе братья (насъ было пять братьевъ и три сестры), готовился въ раввины, окончилъ раввинское училище и слылъ за хорошаго талмудиста. Въ

Digitized by Google

послѣднее время онъ увлекался математикой и мечталъ получить высшее образованіе. Стали совѣщаться и порѣшили немедленно написать объ всемъ матери, и просить отпустить меня въ Петербургъ.

На слѣдующій день я пошелъ съ братомъ въ магазинъ Гриллихеса. Антокольскій тамъ насъ ждалъ. Онъ тщательно осмотрѣлъ мои инструменты, разспрашивалъ, какъ ихъ сдѣлалъ, и еще настойчивѣе сталъ упрашивать брата отпустить меня съ нимъ въ Петербургъ.

Братъ отвѣтилъ, что все зависитъ отъ матери, которой уже послано письмо. Отвѣтъ отъ матери получился неблагопріятный: она въ самыхъ строгихъ выраженіяхъ запретила мнѣ пріѣхать подъ страхомъ немедленной отправки домой. Мотивировала она свой отказъ тѣмъ, что не могла дозволить сыну своего благочестивѣйшаго мужа (отецъ мой былъ раввинъ и писатель) жить въ Петербургѣ, гдѣ порядочный еврей не въ состояніи вести жизнь въ духѣ благочестія и набожности.

Я былъ въ отчаяніи, сестры также; братъ долженъ былъ этотъ отвѣтъ передать Антокольскому. Слухъ о предложеніи Антокольскаго взять меня въ Петербургъ и отказъ матери распространился среди всѣхъ нашихъ родственниковъ и знакомыхъ. Всѣ обсуждали этотъ вопросъ; мнѣ сочувствовали и меня жалѣли. Наконецъ, когда Антокольскій объявилъ брату, что черезъ три дня онъ уѣзжаетъ и и потому просилъ рѣшительнаго отвѣта, мы всѣ переполошились: боялись упустить моментъ. Антокольскій сказалъ:

— Совѣтую хорошенько подумать, ибо если теперь не отпустите его, то потомъ мнѣ не представится другого случая и возможности взять его съ собой.

Стали всѣ думать, какъ рѣшить, и подъ давленіемъ знакомыхъ, а главное—сестеръ, братъ придумалъ слѣдующее: онъ передастъ рѣшеніе этого дѣла дѣдушкѣ, въ совѣщаніи съ другими набожными евреями. Это совѣщаніе или судъ долженъ былъ имѣть рѣшающее значеніе для матери, ибо она обожала дѣдушку, который былъ извѣстенъ во всемъ городѣ какъ набожный и честнѣйшій человѣкъ. Къ нему часто обращались за совѣтами по разнымъ дѣламъ, и нерѣдко онъ бывалъ третейскимъ судьей. Его почитали какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ набожные, такъ и ненабожные евреи. Съ другой стороны, этимъ способомъ братъ слагалъ съ себя отвѣтственность въ случаѣ, если бы рѣшеніе дѣдушки противорѣчило рѣшенію матери.

И вотъ, вторично предсталъ я передъ судомъ, но болѣе страшнымъ и неумолимымъ. Сердце мое еще сильнѣе бьется, ибо теперь я былъ убѣжденъ, что работа моя одобрена великимъ авторитетомъ, а все зависѣло отъ приговора старыхъ людей, никогда не видавшихъ ничего художественнаго и по религіознымъ взглядамъ своимъ осуждавшихъ скульптуру. Предварительно братъ разсказалъ дѣдушкѣ объ Антокольскомъ, о моихъ работахъ. Дѣдушка удивился, что раньше мать ему ничего не говорила о моихъ бездѣлушкахъ (мать боялась этимъ огорчить его); и

Digitized by Google

вотъ я съ трепетомъ показываю свои камешки. Бабушка, вѣчно живая, суетливая, первая полюбопытствовала, и увидавъ ихъ, всплеснула руками и воскликнула:

— Да вѣдь это идолы! Даже грѣшно смотрѣть. Это погано для еврейскаго глаза.

Дѣло мое пропало, подумалъ я, провалился, я, несчастный. Но смотрю: дѣдушка держитъ крѣпко въ рукахъ мои идолы. Онъ тщательно ихъ разсматриваетъ, улыбается, качаетъ головою, гладитъ меня по головѣ, приговаривая:

— Какой ты искусникъ, какъ все у тебя точно, вѣрно! Ничего ты не пропустилъ!

И это говоритъ семидесятипятилѣтній святой старецъ, никогда въ жизни не видавшій ни одного скульптурнаго изображенія. Не даромъ я всегда обожалъ его больше всѣхъ на свѣтѣ, и неоднократно мечталъ бросить все, всѣ шалости и работы, и сдѣлаться такимъ, какъ онъ, бѣднымъ и святымъ.

Рѣшеніе дѣдушки было таково: слишкомъ важно то обстоятельство, что человѣкъ чужой хочетъ принять близкое участіе въ судьбѣ мальчика; вѣроятно, очень важно значеніе, которое придается этой работѣ. Съ другой стороны слишкомъ велико имя отца мальчика, велики заслуги его въ еврействѣ, чтобы на томъ свѣтѣ онъ не отстаивалъ сына передъ всякими соблазнами, чтобы вездѣ, гдѣ бы сынъ ни былъ, не сохранилъ бы его отъ всякаго супостата. Съ этимъ всѣ согласились и рѣшили отпустить меня въ Петербургъ.

Заручившись этимъ рѣшеніемъ, братъ передалъ меня Антокольскому, а матери написалъ о всемъ происходившемъ, прося поскорѣе вторичнаго отвѣта. Для того же, чтобы отрицательный отвѣтъ матери не могъ помѣшать моему отъѣзду, онъ послалъ письмо въ самый день отъѣзда, такъ, чтобъ я прибылъ въ Петербургъ одновременно съ письмомъ.

Идея учиться скульптурѣ была для меня такъ привлекательна, что я отъ восторга сгоралъ нетерпѣніемъ скорѣе уѣхать, и послѣдніе дни плохо ѣлъ и мало спалъ. Никого и ничего не было мнѣ жаль, и, никогда не отлучавшись изъ родного дома, я съ легкимъ сердцемъ разставался съ родными, со знакомыми, стремясь къ новой жизни, точно уѣзжаю на кратковременную прогулку. Только когда бабушка одѣвала меня въ дорогу, я расплакался, но то были скорѣе слезы радости, что сбудутся мои мечты, чѣмъ страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ. На вокзалъ всѣ меня провожали и я весело простился съ братьями и сестрами. Я чувствовалъ, что они мнѣ завидуютъ: и имъ бы хотѣлось вырваться изъ дому, гдѣ послѣ смерти отца насъ осталось восемь человѣкъ, и мы все терпѣли нужду и бѣдность. Мнѣ посчастливилось, хоть я и не первый ушелъ изъ дому. Еще за много лѣтъ до меня братъ мой уѣхалъ безъ вѣдома матери за границу и тамъ устроился:

Digitized by Google

онъ сдѣлался лѣпщикомъ-позолотчикомъ. Но это былъ простой работникъ, а отъ меня ждали чего-то бо́льшаго.

По желѣзной дорогѣ я ѣхалъ въ первый разъ. Я, конечно, тотчасъ устремился къ окну и отъ него не отходилъ: все смотрѣлъ на убѣгающіе виды. Казалось мнѣ, что для того, чтобы достигнуть счастья, хорошаго будущаго, надо летѣть за много, много верстъ; какъ въ сказкѣ «Волшебная лампочка» старикъ понесъ Аладдина черезъ моря и лѣса къ мѣсту счастья, такъ и меня мой чудный незнакомецъ увозилъ куда-то далеко. И день, и ночь простоялъ я у окна, спать не хотѣлось, боялся забыться во снѣ. Пріятно мнѣ было чувствовать, что отъ чего-то убѣгаю.

Не помню, почему, въ эту ночь Антокольскій былъ въ другомъ вагонѣ. Утромъ, зайдя комнѣ, онъ меня спросилъ: «Помолился-ты?» Я поспѣшилъ отвѣтить: «да». Къ этой неправдѣ я привыкъ: и дома я не любилъ молиться; даже тогда, когда долженъ былъ стоять вмѣстѣ съ братьями въ синагогѣ, на молитвѣ, я, бывало, вмѣсто молитвы бормочу несвязныя слова, а самъ думаю о другомъ.

Вообще, въ дѣтствѣ у меня не было никакого желанія соблюдать религіозные обряды. Ни страхъ передъ Богомъ, ни розги на томъ свѣтѣ не пугали меня. И въ субботу, и въ праздники, я часто нарушалъ предписанія религіи, но не чувствуя никакого влеченія къ соблюденію обрядностей, я, однако же, глубоко благоговѣлъ передъ набожностью дѣдушки. Казалось мнѣ, одно изъ двухъ: или быть такимъ цѣльнымъ какъ дѣдушка, или совсѣмъ ничего не соблюдать. Но за нѣсколько лѣтъ до того у меня чуть не случился поворотъ къ религіозному мистицизму. Подъ вліяніемъ разсказовъ въ долгіе зимніе вечера въ хедерѣ, а иногда въ синагогѣ, о мертвецахъ, о чудесахъ, о молодыхъ праведникахъ, ушедшихъ ради религіи изъ дому, я вдругъ задумалъ перемѣнить свой образъ жизни, сдѣлаться праведникомъ въ духѣ обожаемаго дѣдушки. Я долго носился съ этою мыслью, и наконецъ назначилъ день, въ который должно совершиться мое превращеніе. Но случилось такъ, что какъ разъ въ этотъ день утромъ пріѣхалъ дядюшка и подарилъ мнѣ пятачекъ на гостинцы. Желаніе полакомиться взяло верхъ, и я порѣшилъ отложить свой обѣтъ на два дня. Дѣйствительно, черезъ два дня я сдержалъ свое обѣщаніе: съ утра я преобразился, помолился отъ всего сердца, громко, ничего не пропустивъ; сталъ вдругъ послушнымъ, добрымъ, бросилъ шалости и сдѣлался такимъ сосредоточеннымъ, грустнымъ, что всѣ домашніе скоро замѣтили перемѣну во мнѣ.

— Что съ нимъ сталось?—говорили братья.—Какую-то новую шалость задумалъ онъ, или напроказничалъ уже очень.

— Лучше сознайся,—говорили сестры,—вѣроятно, на улицѣ кого-нибудь поколотилъ, или, можетъ быть, въ шкафу чѣмъ-нибудь полакомился?

Digitized by Google

Но я боялся разспросовъ, разговоровъ, сталъ прятаться отъ всѣхъ. Мнѣ больно было, что меня не хотятъ понять; а если поймутъ, то еще, пожалуй, больше смѣяться станутъ. Видя, что я не отвѣчаю, братья стали надѣваться надо мною.

— Онъ просто задумалъ въ Америку бѣжать,—говорили они, намекая на то, что я любилъ слушать разсказы о путешественникахъ.

Скоро это дѣло дошло до матери.

— Я выгоню эту дурь изъ головы,—сказала она.

Нѣсколько дней продолжалось это преслѣдованіе. Съ другой стороны я такъ утомился отъ соблюденія строгаго режима, что не выдержалъ, и отложилъ свое намѣреніе сдѣлаться благочестивымъ, еще на нѣсколько недѣль, а тамъ скоро и совсѣмъ забылъ о немъ.

Теперь, въ вагонѣ, усталый отъ безсонной ночи, я отчего-то припомнилъ все это со всѣми подробностями. Именно теперь, въ этотъ рѣшительный моментъ моей жизни я чувствовалъ, что тогдашнее мое настроеніе было самое важное и возвышенное. Все же остальное въ моемъ прошломъ казалось мнѣ ничтожнымъ и жалкимъ, и потому я не жалѣлъ, что отъ него убѣгаю.

Антокольскій высадилъ меня въ Петербургѣ на Вознесенскомъ проспектѣ, у подъѣзда временной синагоги, гдѣ остановилась моя мать, а самъ уѣхалъ къ себѣ, давъ мнѣ свой адресъ и сказавъ, чтобъ я пришелъ къ нему въ воскресенье, вмѣстѣ съ матерью. Матери не было дома, но меня любезно приняли хозяева квартиры. Это были кастелланъ синагоги и его жена, очень хорошіе друзья моей матери. Они меня, запуганнаго и усталаго, обласкали и успокоили. Но вотъ звонокъ—приходитъ мать. Увидавъ меня, она расплакалась, разсердилась, что ея не послушались и прислали меня; но потомъ, успокоившись, она сказала:

— Сегодня канунъ субботы; побудешь со мною, отдохнешь, а тамъ въ воскресенье я отправлю тебя обратно домой.

За обѣдомъ хозяева и гости стали уговаривать мать, оставить меня въ Петербургѣ, а на слѣдующій день, когда самъ раввинъ, хорошо знавшій моего покойнаго отца, и потому пользовавшійся особеннымъ уваженіемъ матери, подтвердилъ мнѣніе всѣхъ, что слѣдуетъ полагаться на Антокольскаго и у него учиться скульптурѣ, мать стала колебаться, и въ воскресенье, въ назначенный часъ, повезла меня къ Антокольскому.

Антокольскій жилъ тогда противъ Академіи, въ домѣ Воронина, въ четвертомъ этажѣ. Это было въ большой, но не высокой комнатѣ, обставленной по-студенчески. Бросились мнѣ въ глаза его работы: прекрасный этюдъ опрокинутаго стола, съ котораго падаетъ скатерть. Это—для задуманной имъ композиціи «Инквизиціи». Пальцемъ дотронулся я до скатерти, чтобъ убѣдиться, не настоящая ли она. Также понравилась мнѣ пишущая рука, небольшая скульптура изъ дерева.

Антокольскій, показавшійся мнѣ тутъ добрѣе и мягче, чѣмъ въ

Digitized by Google

Вильнѣ, сказалъ матери, что беретъ меня пока на испытаніе, и въ теченіе недѣли скажетъ, оставляетъ ли онъ меня навсегда у себя. Пока я долженъ былъ приходить къ нему каждый день работать.

И вотъ, начинается для меня каждый день путешествіе на Васильевскій Островъ. Это путешествіе сильно врѣзалось мнѣ въ память. Въ особенности памятно мнѣ мое первое знакомство со столицей. Все было для меня ново и необыкновенно; вездѣ я останавливался и на все долго смотрѣлъ. На Вознесенскомъ проспектѣ мое вниманіе привлекали вывѣски мелочныхъ лавочекъ; эти огромные фрукты, виноградъ, румяныя яблоки казались мнѣ верхомъ совершенства въ живописи, и думалъ я: буду ли когда-нибудь въ состояніи такъ рисовать? Казались мнѣ живыми коровы и овцы на вывѣскахъ мясныхъ лавокъ. Долго я любовался у каждой лавки вывѣсками, и не замѣчалъ, какъ лавочники и мальчишки меня окружали, хохотали, что-то говорили, показывая мнѣ часть полы. Русскаго языка я тогда не зналъ и потому въ недоумѣніи смотрѣлъ на нихъ, не зная, чего отъ меня хотятъ. Въ голову мнѣ не приходило, что меня дразнятъ, что надо мною издѣваются. Тогда у меня были очень длинные волосы и весь костюмъ мой изобличалъ во мнѣ провинціальнаго еврея. Часто мое равнодушіе выводило мальчишекъ изъ терпѣнія. Меня стали бить и гнать. Я убѣгалъ, запутываясь въ своемъ длинномъ капотѣ, падалъ, и тогда вся улица хохотала. Мои преслѣдованія прекращались, когда я достигалъ Синяго моста. Памятникъ Императора Николая I меня поразилъ, но я не понималъ, почему фигура и лошадь поставлены на такую высокую тумбу. За то очень ужъ курьезной показалась мнѣ неподвижная фигура часового гренадера: думалъ, что это статуя, и подошелъ, чтобы разсмотрѣть ее поближе, но фигура вдругъ зашевелилась, и я отскочилъ испуганный, и долго не могъ придти въ себя, и ужъ все наблюдалъ издали за движеніями этого гиганта. На Николаевскомъ мосту я не мало времени потратилъ, слѣдя за движеніями судовъ и пароходовъ, о которыхъ раньше понятія не имѣлъ.

Прошло нѣсколько часовъ, пока добрался я до Васильевскаго Острова. Антокольскій свелъ меня въ мастерскую. Онъ тогда временно занималъ скульптурный классъ (теперь педагогическіе классы), перегороженный на двѣ части: въ первой работалъ живописецъ Савицкій, а во второй онъ. По сторонамъ класса стояли огромныя гипсовыя статуи. Онѣ мнѣ напоминали «Болвановъ Тышкевича», и я мало обратилъ на нихъ вниманія, до того показались онѣ мнѣ мало выразительными и похожими другъ на друга. Зато я въ восхищеніи былъ отъ картины Савицкаго: это была первая картина, которую я видѣлъ и понялъ. Тутъ мнѣ нравилось все: и больной, разсказывающій о госпиталѣ, и сердобольная мать, и солдатъ отецъ.

Антокольскій тогда только что началъ «Іоанна Грознаго». Онъ помѣстилъ меня за перегородкой, позади себя, далъ мнѣ кусокъ глины, гип-

Digitized by Google

совый кулакъ и сказалъ: «Копируй». Никогда я не держалъ глины въ рукахъ; еще менѣе зналъ я, какъ надо обращаться со стеками. И вотъ, тихонько раздвинувъ занавѣсъ, я сталъ смотрѣть, какъ работаетъ мой великій учитель, и его смѣлость въ обращеніи съ глиною и стеками меня воодушевила, и я бросился къ своей глинѣ. До того я еще сознавалъ важность испытанія, отъ котораго зависитъ, можетъ быть, моя судьба. Но теперь, начавъ работать, я все забылъ. Нѣсколько часовъ пробѣжало въ работѣ для меня незамѣтно. Я бы продолжалъ такъ работать до вечера, но отходя отъ работы, я наткнулся на самого Антокольскаго: оказалось, онъ сзади стоялъ и смотрѣлъ. Ноги у меня подкосились. «Онъ все видѣлъ, а я, можетъ быть, не такъ лѣпилъ», подумалъ я, и кровь бросилась мнѣ въ голову. Но, точно угадавъ мое состояніе, Антокольскій поторопился сказать:

— Молодецъ! Не ожидалъ я, что такъ скоро вылѣпишь. Ты почти кончилъ. Завтра я тебѣ дамъ другое, болѣе трудное.

«Все рѣшено», подумалъ я, и глубоко вздохнулъ. Я сталъ еще смѣлѣе работать, и черезъ нѣсколько дней, когда у меня была готова «Геркулесова нога», Антокольскій сказалъ:

— Возьми свои работы и пойдемъ къ барону Гинцбургу. Надѣюсь, мнѣ удастся для тебя что-нибудь сдѣлать.

Въ богатомъ домѣ барона я былъ ослѣпленъ роскошью и блескомъ, о которыхъ раньше никогда не имѣлъ понятія. Я оробѣлъ, но добрый баронъ меня приласкалъ, потрепалъ меня по щекѣ и сказалъ:

— Ужъ очень онъ маленькій и худенькій.

По выходѣ отъ барона, Антокольскій сказалъ:

— Поздравляю тебя: теперь ты обезпеченъ, баронъ даетъ тебѣ стипендію.

Признаться, я не понялъ, что это значитъ «стипендія», и для чего она. Мать, между тѣмъ, собиралась уѣхать изъ Петербурга и пришла прощаться съ Антокольскимъ. Онъ ей сказалъ, что оставляетъ меня у себя, и въ видѣ радости сообщилъ о стипендіи, назначенной барономъ. Но мать, вмѣсто благодарности, заплакала:

— Бѣдный мой сынъ!—сказала она.—Онъ долженъ прибѣгать къ милостынѣ.

На прощанье мать просила Антокольскаго слѣдить за тѣмъ, чтобы я соблюдалъ религіозные обряды, молился бы ежедневно и чтобы по нѣскольку главъ читалъ изъ Талмуда. Я совсѣмъ переселился къ Антокольскому, а столовался у портного-еврея Сагалова, жившаго въ Пажескомъ корпусѣ.

Началась у меня жизнь новая, необыкновенная. Утромъ я уходилъ въ мастерскую, гдѣ копировалъ уже болѣе сложныя вещи, затѣмъ обѣдалъ у Сагалова, а днемъ проводилъ нѣсколько часовъ у товарищей Антокольскаго, художниковъ Рѣпина и Савицкаго. Жена Савицкаго давала мнѣ уроки русскаго языка, учила чтенію и письму. Она была очень

Digitized by Google

красивая, умная и любезная женщина, и чрезвычайно мнѣ нравилась. Я старался изо всѣхъ силъ хорошо учиться, но много мѣшало мнѣ то обстоятельство, что во время уроковъ всегда кто-нибудь изъ знакомыхъ художниковъ сидѣлъ и разговаривалъ съ учительницей.

Я сталъ понимать по-русски и ко всему прислушивался. Это принесло мнѣ пользу при изученіи языка, но на урокахъ я сталъ мало внимателенъ. Воображали, что я ничего не понимаю, потому что не говорю, при томъ мой ростъ и моя наружность внушали убѣжденіе, что я еще ребенокъ. При мнѣ не стѣснялись говорить обо всемъ; на самомъ же дѣлѣ я тогда былъ настолько уже развитъ, что все меня интересовало, и умъ у меня постоянно работалъ.

Разъ былъ такой случай. На урокѣ чтенія присутствовалъ Антокольскій. Онъ разсказывалъ о томъ, какъ ему понравилась какая-то красавица. Я навострилъ уши и сталъ медленнѣе читать.

— Я просто влюбленъ,—говоритъ съ жаромъ мой великій благодѣтель и учитель.

— Хотѣли бы на ней жениться?—спрашиваетъ его моя наставница.

Молчаніе. Я пріостанавливаю чтеніе и жду.

— Что-жъ не отвѣчаете? — вопрошаетъ учительница, въ то же время стучитъ карандашомъ по моей книгѣ, приговаривая: «дальше».

— Что-жъ не отвѣчаете?—въ нетерпѣніи вторю ей я.

Эффектъ былъ необычайный. Всѣ переглянулись, засмѣялись и съ тѣхъ поръ разговоры велись урывками и не такъ понятно для меня.

Вообще моя природная любознательность находила огромный матеріалъ: все было для меня ново. Казалось, я попалъ на другую планету: и люди такіе, какихъ раньше у себя дома не видалъ, и интересы у этихъ людей другіе, и образъ жизни совсѣмъ другой. Ко всему я присматривался и старался во все вникнуть. У Антокольскаго тогда работа кипѣла; статуя близилась къ концу. Многіе стали посѣщать его мастерскую и съ каждымъ днемъ кругъ его знакомыхъ все увеличивался. Онъ поручилъ мнѣ выгѣпить барельефы по рисункамъ Солнцева на кресло Іоанна Грознаго. Работа эта была для меня лестная и пріятная; я ревностно работалъ; всѣ видѣли, какъ я лѣплю, и меня хвалили. «Помогаетъ Антокольскому», говорилъ служитель, когда его спрашивали, что я дѣлаю. «Это будущій Антокольскій», говорили нѣкоторые посѣтители. «Позвольте, Маркъ Матвѣевичъ, вашего милаго ученика поцѣловать», говорили другія посѣтительницы.

Антокольскій сталъ брать меня съ собой къ своимъ знакомымъ. Такъ я сталъ бывать у Сѣрова. Валентина Семеновна Сѣрова любила меня, какъ своего сына Валентина, съ которымъ я проводилъ цѣлыя вечера въ его дѣтской. Бывало, я присутствовалъ на музыкѣ въ залѣ. Тогда у Сѣрова собирался весь театральный міръ. Тамъ впервые увидѣлъ я Ивана Сергѣевича Тургенева, гиганта въ бархатной визиткѣ. Онъ производилъ на меня впечатлѣніе красиваго богатаго купца. Самъ

Digitized by Google

Сѣровъ коротенькой своей фигурой казался мнѣ смѣшнымъ; онъ всегда носилъ очень широкія сѣрые брюки, широкій пиджакъ, сѣдые густые мягкіе волосы падали на плечи и окаймляли бритое бѣлое лицо; черты лица были мягкія, женственныя; думалось мнѣ, что именно такъ долженъ выглядѣть композиторъ. Онъ нерѣдко игралъ еще не поставленную оперу свою «Вражья Сила». Всѣ съ затаеннымъ дыханіемъ слушали новое произведеніе композитора. Атмосфера была полна благоговѣнія къ творцу и искусству, и я, не понимая музыки, прислушивался къ тому настроенію, которымъ было проникнуто общество.

Иногда я хаживалъ къ Николаю Николаевичу Ге. У него я любилъ смотрѣть безчисленные итальянскіе этюды, развѣшанные по всѣмъ стѣнамъ квартиры. Жгучимъ солнцемъ, какимъ-то огнемъ вѣяло отъ этихъ прекрасныхъ этюдовъ, а при видѣ ихъ меня невольно тянуло на югъ. Самъ Н. Н., высокій, красивый старикъ, чрезвычайно нравился мнѣ своей откровенностью, веселостью и остроуміемъ. Частенько сиживалъ я у его сыновей, Петра и Николая. Они уже учились въ гимназіи, но помимо того занимались дома ремеслами: Николай столярнымъ, а Петръ переплетнымъ. Съ особеннымъ любопытствомъ я слѣдилъ за ихъ работой и завидовалъ имъ.

По воскресеньямъ я сталъ бывать у Стасовыхъ. Тамъ я встрѣчалъ совсѣмъ другой кругъ людей. Тутъ были не одни художники: бывали литераторы, музыканты и люди разныхъ профессій. Сами братья Стасовы, внѣ дома, жили и работали въ разныхъ сферахъ: одинъ, служащій въ Публичной Библіотекѣ, больше всего зналъ съ художниками, литераторами и музыкантами; другой былъ военный, а третій, очень начитанный, имѣлъ большой кругъ знакомыхъ въ мірѣ общественныхъ дѣятелей; четвертый—адвокатъ. Все, что происходило въ городѣ, тутъ сообщалось, всякій приносилъ свои свѣдѣнія и все обсуждалось сообща. Жизнь тутъ кипѣла во всѣхъ широкихъ и хорошихъ проявленіяхъ своихъ. Послѣ замкнутаго міра художниковъ тутъ казалось мнѣ все шире. Кругозоръ мой сталъ расширяться, и я болѣе сталъ интересоваться всѣмъ окружающимъ. За столомъ я сидѣлъ обыкновенно рядомъ съ Владиміромъ Васильевичемъ, который былъ центромъ всего, съ его гигантскимъ ростомъ, громкимъ голосомъ, широкою непоколебимою стойкостью своихъ взглядовъ. Онъ больше всѣхъ говорилъ и больше всѣхъ горячился. Тогда я былъ очень робокъ, и меня вначалѣ поражалъ этотъ необычайный шумъ за столомъ, этотъ горячій споръ. Особенной горячностью отличался Владиміръ Васильевичъ. Онъ, бывало, споритъ съ десятью заразъ, и иногда, бывало, онъ такъ нападаетъ на сосѣда, что мнѣ жалко бывало его противника. Бѣдный, думалъ я, вѣроятно ему неловко, что его такъ отдѣлываютъ, да при всѣхъ еще. Я на его мѣстѣ обидѣлся бы. Съ участіемъ смотрю на него; но противникъ точно угадалъ мои мысли. Онъ ко мнѣ нагибается и на ухо говоритъ:

— Вы не думайте, что онъ сердится; не пугайтесь его. Это добрѣй-

Digitized by Google

ній человѣкъ; онъ мухи не обидитъ. Я съ нимъ не согласенъ, но его очень люблю.

И дѣйствительно, только кончился споръ, какъ Владиміръ Васильевичъ уже добродушно смѣется, шутитъ и остритъ. Онъ вилкой пихаетъ мнѣ въ ротъ кусокъ мяса съ своей тарелки, приговаривая: «Ѣшьте, вы маленькій, худенькій; вамъ надо побольше мяса ѣсть». Я противлюсь, но онъ настаиваетъ: «Ну, да ну», и я ѣмъ, а всѣ смѣются.

— Бѣдный мальчикъ,—говоритъ съ другого конца стола добрѣйшая, сердечнѣйшая невѣстка Стасовыхъ, Маргарита Матвѣевна,—зачѣмъ его туда посадили; вѣдь Вольдемаръ его замучитъ.

Но я счастливъ, что сижу у самаго центра и слышу все, о чемъ говорятъ. На другомъ концѣ стола все группируется кругомъ другого центра, Надежды Васильевны Стасовой. Она на видъ совершенная противоположность брату своему: ростомъ маленькая, сгорбленная, близорукая; она говорила тихимъ голосомъ и только изрѣдка спорила; но по характеру своему она больше всѣхъ походила на брата: тотъ же огонь таился подъ этой тихой, скромной оболочкой, то же человѣколюбіе въ самомъ широкомъ, свѣтломъ смыслѣ, та же безпредѣльная любовь къ свободѣ, къ свѣту, то же состраданіе къ угнетеннымъ и то же страстное негодованіе противъ несправедливости и фальши. Мое знакомство съ этимъ семействомъ настолько связано съ моимъ развитіемъ, съ моимъ воспитаніемъ (слишкомъ 30 лѣтъ я не переставалъ бывать у нихъ), что я, описывая свое прошлое, еще не разъ вернусь къ нему. Но, помимо моихъ личныхъ отношеній, долженъ сказать, что за 30 лѣтъ люди эти и ихъ друзья не отступали отъ своихъ взглядовъ, и какъ теперь, такъ и тогда, были неизмѣнными выразителями идей и стремленій лучшей части русскаго общества.

А тогда было время общаго подъема духа интеллигентнаго общества. Всѣ были дружны между собою, все свѣтлое, хорошее подхватывалось, превозносилось. Еврей, малороссъ, полякъ—всѣ были равны, у всѣхъ была одна задача, одна цѣль: общее просвѣщеніе и любовь къ наукѣ и къ искусству. Часто у Антокольскаго собирались товарищи-художники, спорили объ искусствѣ, о задачахъ художника. Ихъ споры бывали искренни, увлекательны. Самъ хозяинъ—еврей, полякъ Семирадскій, малороссъ Рѣпинъ и великороссъ Максимовъ,—всѣ были искренніе товарищи и никакой національный вопросъ не растравлялъ ихъ отношеній. Цѣлые вечера они просиживали вмѣстѣ за скромнымъ чайнымъ столикомъ и говорили до поздняго вечера объ искусствѣ. Иногда между ними сидѣлъ вѣчно юный В. В. Стасовъ, этотъ истинный поклонникъ молодыхъ, оригинальныхъ талантовъ. Я, сидя за отдѣльнымъ столомъ и приготовляя уроки, прислушивался къ разговорамъ, и хотя многаго не понималъ, но чувствовалъ, что люди эти воодушевлены общимъ любимымъ дѣломъ, вѣрятъ въ свое дѣло, и потому любятъ другъ друга. И частенько я думалъ о томъ, какъ я счастливъ,

Digitized by Google

что живу среди этихъ счастливцевъ и что когда-нибудь сдѣлаюсь такимъ же полезнымъ (тогда, казалось мнѣ, всѣ вѣрили въ полезность просвѣщенія и искусствъ) и хорошимъ дѣятелемъ.

Въ январѣ Антокольскій совершенно закончилъ статую Іоанна Грознаго. Императоръ Александръ II поднялся на четвертый этажъ, чтобы посмотрѣть статую, и пріобрѣлъ ее. Академія удостоила Антокольскаго званіемъ академика. Всѣ заговорили о статуѣ; мастерская весь день была полна народу. Имя Антокольскаго еще болѣе загремѣло, когда Стасовъ и Тургеневъ написали о немъ хвалебныя статьи. Со всѣхъ сторонъ стали Антокольскаго приглашать. Онъ рѣдко бывалъ дома, и мнѣ часто случалось оставаться одному въ комнатѣ. Изъ многихъ привычекъ, оставшихся у меня отъ прежней жизни, была боязнь оставаться одному вечеромъ въ комнатѣ. Бывало, до двухъ часовъ утра сижу и жду прихода Антокольскаго, но когда услышу звонокъ, тотчасъ гашу лампу и ложусь, притворяясь, что сплю. Антокольскій, бывало, подходитъ къ моей кровати, смотритъ, сплю ли я, и иногда меня цѣлуетъ. Это ужасно меня трогало. Я чувствовалъ, что онъ меня любитъ, я все болѣе, и болѣе привязывался къ нему, старался во всемъ слушаться его, угождать и быть ему полезнымъ. И дѣйствительно, наши отношенія были наилучшія, и только разъ вышла большая непріятность. Онъ вернулся ранѣе обыкновеннаго домой и спросилъ меня, отлучался ли я куда-нибудь изъ дому. Дѣйствительно, въ этотъ вечеръ я уходилъ къ Сагалову и тамъ провелъ нѣсколько часовъ. «Нѣтъ», отвѣчаю я беззастѣнчиво, желая порисоваться своимъ одиночествомъ и показать, что безъ него я ничего не предпринимаю.—«А почему ты врешь!» вскрикнулъ онъ, весь вспыливъ. На слѣдующій день, когда m-me Савицкая похвалила меня за успѣхи по русскому языку, Антокольскій сказалъ: «Да хорошъ-то хорошъ, но у него страшный недостатокъ—онъ лжетъ». Всѣ изумились, закачали головой, и мнѣ такъ стало стыдно, что я порѣшилъ—больше ему не врать.

Работа моя по лѣпкѣ пріостановилась. Антокольскому некогда было смотрѣть за мной, да, кромѣ того, я не могъ больше работать въ мастерской, которая была и тѣсна, и всегда полна народу. Я сталъ рисовать то у Рѣпина, то у Семирадскаго. Рисованіе давалось мнѣ съ трудомъ. Я очень не любилъ огромныхъ гипсовыхъ головъ: онѣ казались мнѣ скучными и безхарактерными, и я часто, бывало, засыпалъ надъ рисункомъ. Огромное значеніе для меня имѣло то, что я видѣлъ, какъ работали талантливые, тогда опытные уже художники: Рѣпинъ, Семирадскій и Савицкій. Постоянно присматривался я къ ихъ безчисленнымъ этюдамъ и талантливымъ наброскамъ. Помимо программы, нѣкоторые писали картины на собственную тему. Рѣпинъ тогда писалъ «Бурлаковъ». Часами я смотрѣлъ, бывало, на эту безподобную, правдивую картину. Искренностью и самобытностью вѣяло отъ волжскихъ этюдовъ, писанныхъ для этой картины. Нравились мнѣ и картины

Digitized by Google

Семирадскаго и Ковалевскаго, но, не будучи знакомъ съ исторіей, я только восхищался красками и умѣньемъ рисовать. Семирадскому и Урлаубу я позировалъ для ихъ программы. Почти безотлучно я находился въ верхнихъ корридорахъ Академіи (мастерскія конкурентовъ), гдѣ, какъ монахи въ кельяхъ, молодые труженики работали съ утра до вечера. Слѣдилъ я за ходомъ работъ у всякаго художника и мнѣ доставляло удовольствіе сравнивать ихъ работы. Хотя я числился ученикомъ Антокольскаго, но какъ будто былъ ученикомъ всѣхъ. Какъ дочь полка, я былъ ученикомъ конкурентовъ и былъ всѣмъ извѣстенъ подъ названіемъ «маленькій Эліасъ». Бывалъ я у всѣхъ, но чаще всего у Рѣпина, тогда лучшаго друга Антокольскаго. Въ то время Антокольскій лѣпилъ бюстъ Стасова въ мастерской Рѣпина. Я присутствовалъ при сеансахъ. Много говорили объ искусствѣ. Стасовъ поднялъ вопросъ о раскраскѣ скульптуры и Рѣпинъ сталъ раскрашивать бюстъ Стасова. Все новое въ искусствѣ обсуждалось и обо всемъ свободно высказывалось свое мнѣніе. Не только въ Академіи, но и дома у себя, въ свободныя минуты вечеромъ всѣ рисовали. Иногда собиралось нѣсколько художниковъ вмѣстѣ: одинъ читалъ, а другіе рисовали. И по праздникамъ свободное время посвящалось искусству. Бывало, Рѣпинъ, Савицкій, Максимовъ и др. отправлялись на Петровскій или Крестовскій островъ, тамъ усаживались на берегу, на травкѣ и рисовали, кто лодочку на солнцѣ, кто кустъ, а кто Неву съ барками. Все дѣлалось не кое-какъ, а серьезно и старательно. Зависти ни у кого не было, и всякій дѣлалъ замѣчанія товарищу о рисункѣ.

До чего любовь къ работѣ была тогда велика, я могу привести слѣдующій курьезъ: разъ захожу въ мастерскую къ Рѣпину. Это было въ одиннадцать часовъ утра. Рѣпинъ стоитъ во фракѣ и въ бѣломъ галстукѣ и пишетъ картину.

— Что съ вами, Илья Ефимовичъ?—говорю я,—въ какомъ вы необыкновенномъ видѣ. Я васъ такимъ никогда не видалъ.

— Да,—многозначительно кивнулъ головой Илья Ефимовичъ,—черезъ часъ я долженъ идти въ церковь, вѣнчаюсь. А жалко, въ часъ не успѣю нарисовать драпировку.

Да, тогда вся эта плеяда молодыхъ художниковъ, кто съ большимъ, кто съ меньшимъ талантомъ, всѣ вѣрили въ идеалъ искусства, всѣ любили работу свою, и потому всѣ свои силы, всѣ помышленія посвящали искусству. Иногда я рисовалъ у И. Н. Крамскаго; подъ его руководствомъ я рисовалъ акварелью, но не столько самъ работалъ, сколько смотрѣлъ, какъ работаетъ этотъ магъ и волшебникъ, какъ изумительно рисовалъ онъ портреты. Бывало, при мнѣ начнетъ и такъ, шутя, въ веселомъ разговорѣ, почти безъ всякихъ помарокъ, вѣрно схватываетъ сходство и рисунокъ. Никто съ такой легкостью, казалось мнѣ, не работалъ. Художники относились къ нему съ особеннымъ

Digitized by Google

уваженіемъ; его почитали за его выдающійся умъ и за его товарищескія отношенія ко всѣмъ даровитымъ художникамъ.

Небольшого роста, но довольно крѣпкаго сложенія, онъ казался особенно интереснымъ при бесѣдахъ и спорахъ. Его умные выразительные глаза, выпуклый лобъ говорили о его проницательномъ живомъ умѣ, не замѣчались некрасивыя другія черты лица. Говорилъ онъ очень убѣжденно, но выражался обдуманно, какъ будто боялся, что не то скажетъ.

Но ближе всего и выше всего казалась мнѣ тогда работа учителя моего, Антокольскаго. Въ особенности не могъ я оторваться отъ «Инквизиціи». Бывало, цѣлыми днями смотрю на эту удивительно-талантливую вещь. И вотъ, прошло ужъ слишкомъ 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ, а я все еще не могу забыть того глубокаго впечатлѣнія, какое производила эта изъ ряду выходящая работа на всѣхъ видѣвшихъ ее. И какая иногда бываетъ судьба художественнаго творенія! Эта геніальная работа заброшена самимъ художникомъ; почти всѣ ее забыли, и неизвѣстно, выплыветъ ли она когда-нибудь на свѣтъ.

Въ этой работѣ, казалось мнѣ, заключались и глубокая мысль, и оригинальность исполненія. Представленъ въ видѣ горельфа подвалъ, со старинными каменными сводами. Общее впечатлѣніе при первомъ взглядѣ такое, что чувствуется въ этомъ подземельѣ нѣчто ужасное, опрокинутъ столъ — скатерть, тарелки, подсвѣчники, все на полу. Въ паническомъ страхѣ всѣ бѣгутъ, прячутся въ огромную печь, нѣкоторые захватили съ собою молитвенники. Тутъ толпятся старики, женщины съ дѣтьми и молодые. Остались только двое: одинъ типичный, убѣжденный, закаленный въ вѣрѣ старикъ; на него точно столбнякъ нашелъ; другой, помоложе, испуганный, смотритъ, откуда шаги. По круглой каменной лѣстницѣ спускается жирный инквизиторъ, рядомъ съ нимъ идетъ привратникъ, который освѣщаетъ ступеньки, сзади видны воины съ алебардами и цѣпями. Ужасъ охватываетъ, когда смотришь на эту интересную драму, которая до сихъ поръ, кажется, не вполнѣ отошла въ вѣчность. Но въ то же время испытываешь особенное наслажденіе отъ талантливаго исполненія этой работы.

Въ концѣ января Антокольскій заболѣлъ: у него заболѣло горло. Знаменитый докторъ С. П. Боткинъ нашелъ болѣзнь серьезной и опасной. Меня очень огорчала болѣзнь любимаго человѣка. Я ухаживалъ за нимъ, какъ только могъ, помогалъ ставить компрессы, и ночью, бывало, плохо спалъ, все прислушиваясь къ его дыханію. Болѣзнь обострилась, и докторъ велѣлъ скорѣе уѣхать въ Италію. Сталъ онъ торопиться къ отъѣзду, пришлось подумать и обо мнѣ: куда меня дѣвать? Но, видно, ему трудно было разстаться со мной. Онъ привыкъ ко мнѣ, да и я ужъ очень былъ привязанъ къ нему. И вотъ, разъ вечеромъ, незадолго до отъѣзда, когда собрались у него товарищи-художники, онъ сталъ говорить о своемъ отъѣздѣ и о томъ, что жалко

Digitized by Google

меня оставить здѣсь. Между прочимъ, онъ показывалъ имъ мою новую работу, маленькій набросокъ изъ воску. Это была сценка изъ еврейской жизни: еврейка совершаетъ, наканунѣ субботы, обрядъ освященія свѣчей, а мужъ ея и дѣти собираются въ синагогу. «Что скажете на это?» спрашиваетъ Антокольскій товарищей. «А вотъ что мы скажемъ: ты за эту работу, Маркъ, возьми его съ собой въ Италію», отвѣтили всѣ въ одинъ голосъ. Точно такого отвѣта хотѣлъ и самъ Антокольскій, и черезъ нѣсколько дней мы вмѣстѣ уѣхали въ Италію.

Какъ 8 мѣсяцевъ тому назадъ я перенесенъ былъ въ столицу, увидѣлъ новую жизнь, новыхъ людей, такъ теперь, послѣ трехдневнаго путешествія, попалъ я въ новую страну, отъ зимы къ лѣту, отъ снѣга въ роскошную природу, увидѣлъ новые, чудные города. Венеція показалась мнѣ волшебнымъ городомъ. Я припоминалъ разсказы сестры о Венеціи, и все, что напоминало эти разсказы, производило на меня впечатлѣніе. Старые дома, стоящіе въ водѣ, показались мнѣ таинственными. Въ каждомъ домѣ, казалось мнѣ, совершается убійство или драма. Сидя въ гондолѣ, я прижался къ Антокольскому отъ страху, что гондольеръ нарочно опрокинетъ насъ. Очень таинственными казались мнѣ мостики; на площада, думалось мнѣ, стоятъ наемные убійцы. Объ исторіи, о времени, я тогда понятія не имѣлъ. Единственнымъ мѣриломъ для этого новаго міра были книги сестры; въ нихъ я вѣрилъ. Бывало, послѣ разсказовъ сестры, я цѣлыми днями мечталъ и фантазировалъ, представляя себѣ дѣйствительность, такъ что, увидавъ потомъ дѣйствительность, я только припоминалъ образы, созданные воображеніемъ. Но больше всего меня волновало посѣщеніе палаццо дожей и склеповъ инквизиціи. Темные подземные ходы, освѣщенные факеломъ, внушали мнѣ страхъ; казалось мнѣ, тутъ недавно совершались мученія. Ничего, что я не понималъ, что говоритъ провожатый,—я ясно себѣ все представлялъ: вотъ углубленіе—значитъ тутъ замуравили человѣка; тамъ отверстіе—оттуда бросали его въ воду; а вотъ кусокъ дерева—остатокъ орудія пытки. Весь день потомъ я былъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ кошмара и ночью плохо спалъ.

Зато Флоренція произвела на меня впечатлѣніе противоположнаго свойства: тутъ все живутъ люди добрые, точно ангелы. По разсказамъ сестры, это городъ процессій, городъ Рафаэлей и добрыхъ покровителей Медичисовъ. Мнѣ нравилось здѣсь все: и зданія, и сады, и церкви. Здѣсь мы нашли нѣсколько русскихъ художниковъ. Часто бывали у Каменскаго. Нѣкоторыя его работы мнѣ чрезвычайно нравились; я мечталъ о такомъ жанрѣ скульптуры. Его «Мальчикъ-скульпторъ» показался мнѣ прекраснымъ, но «Первый шагъ» меня не совсѣмъ удовлетворялъ. Бывали мы въ мастерской Забелло; онъ тогда лѣпилъ превосходную статую Герцена.

Нѣсколько дней прожили мы во Флоренціи очень пріятно. Ко многому, слышанному мною о Римѣ, прибавилось еще то, что городъ этотъ

Digitized by Google

взятъ королемъ у папы, и это случилось за мѣсяцъ до нашего пріѣзда. По дорогѣ я слышалъ разговоры, какъ войска Виктора-Эммануила вошли въ Римъ и тамъ стрѣляли. Представилъ я себѣ городъ въ развалинахъ; но когда мы пріѣхали въ Римъ, я напрасно искалъ слѣдовъ завоеванія, и скоро совсѣмъ забылъ, кому онъ принадлежитъ. Въ общемъ, Римъ отчего-то мало мнѣ понравился. Больше всего меня поразилъ Колизей и нѣкоторыя другія развалины. Соборъ «Святого Петра» и «Ватиканъ» я не понялъ; Эрмитажъ казался мнѣ красивѣе.

Но зато тутъ было большое общество русскихъ. Съ русскими мы проводили всѣ вечера, вмѣстѣ обѣдали и затѣмъ долго сиживали въ Café Greco. Разъ мы сидѣли цѣлой компаніей художниковъ. Какой-то торговецъ-итальянецъ предлагаетъ купить бумагу и конверты. «Смотри, Эліасъ», говоритъ Антокольскій, «это непремѣнно еврей. Даже похожъ на нашего польскаго еврея». Боткинъ спрашиваетъ торговца, кто онъ, но тотъ по-итальянски отвѣчаетъ, что онъ правовѣрный католикъ. «Это неправда», прибавляетъ Боткинъ, «онъ изъ боязни, чтобъ его не дразнили, скрываетъ свое еврейство». Тогда Антокольскій обращается къ торговцу и говоритъ по древне-еврейски: «Іегудо онойхи» (я еврей). Торговецъ весь просіялъ и сказалъ: «Махаръ шво атъ» (завтра Пятидесятница). Меня очень обрадовало это, и Антокольскій предложилъ мнѣ провести завтрашній день у этихъ евреевъ. Я охотно согласился, и еврей за извѣстную плату свезъ меня въ гетто.

Тамъ меня водили къ раввину, какому-то именитому еврею; вездѣ меня угощали, но не могли со мной объясняться, и только къ вечеру достали переводчика нѣмца. Меня поразила страшная бѣдность въ гетто: такая же точно, какъ въ Вильнѣ. Что касается до религіозныхъ обрядовъ и до молитвъ въ синагогѣ, то они ничѣмъ не отличались отъ нашихъ.

Наступила жара невыносимая; я утомился и часто сталъ отказываться отъ прогулокъ, отъ посѣщенія музеевъ. Антокольскій уходилъ на весь день, оставляя меня одного въ квартирѣ, и тогда я углублялся въ чтеніе повѣстей и разсказовъ. Я сталъ скучать по петербургскимъ знакомымъ, а главное—слѣдовало подумать и о своемъ образованіи. Въ Италіи мнѣ трудно было оставаться, и рѣшено было отправить меня учиться въ Петербургъ. Но какъ? Языковъ я не зналъ, и ѣхать одному было немыслимо. И вотъ кстати получается извѣстіе изъ Флоренціи, что тамъ проѣздомъ изъ Швейцаріи остановилась дама, которая ѣдетъ въ Петербургъ. Я немедленно отправился во Флоренцію, и художникъ Каменскій познакомилъ меня съ этой дамой. Это была еще очень молодая, на видъ 18 лѣтъ, вдова Мордвинова, урожденная кн. Оболенская (впослѣдствіи она вышла замужъ за С. П. Боткина). Ее сопровождала другая дама, постарше, компаньонка ея. Онѣ чрезвычайно мнѣ понравились своей простотой и любезностью, и я, не стѣсняясь тѣмъ, что плохо говорилъ по-русски, всю дорогу разсказывалъ имъ, какъ жилъ въ про-

Digitized by Google

винціи, какъ учился въ еврейской школѣ и какъ началъ работать. Но больше всего распространялся я о петербургскихъ знакомыхъ, какіе они добрые и какъ всѣ меня любили. «Чудесные люди въ Петербургѣ — говорилъ я,—всѣ такіе добрые и любезные».—«Ну нѣтъ, не всѣ», возразила мнѣ молодая, но ужъ нѣсколько разочарованная вдова. «Поживете тамъ, увидите, сколько злыхъ; да и злыхъ-то неизмѣримо больше, чѣмъ добрыхъ».

Подъѣзжая къ Вильнѣ, Е. А. сказала: «Здѣсь будутъ ждать меня родственники, у которыхъ я останусь нѣсколько дней. Вотъ мой петербургскій адресъ (у графа Сумарокова); приходите ко мнѣ туда: буду вамъ давать уроки».

Когда поѣздъ остановился, къ намъ въ купэ вошло много военныхъ; всѣ засуетились, послышалось: Посторонитесь! Генералъ-губернаторъ идетъ! Меня оттиснули въ уголъ; я испугался, и въ общей суматохѣ, не простившись съ моими любезными спутницами, схватилъ свой чемоданчикъ, выскочилъ на улицу и поѣхалъ къ бабушкѣ. Потомъ я узналъ, что Е. А. долго меня искала, что губернаторъ—ея дядюшка и что посылали деньщика искать мою бабушку, которую, конечно, не нашли, ибо она жила на еврейской улицѣ, чуть-ли не на чердакѣ и, какъ водится у бѣдныхъ евреевъ, по фамиліи не называлась. Кромѣ бабушки, у меня въ Вильнѣ тогда никого изъ родныхъ не оказалось. Мать съ братьями и сестрами послѣ смерти дѣдушки переѣхали въ другой городъ. Но я охотно жилъ у бабушки, вспоминая прежнюю жизнь.

Передъ отъѣздомъ бабушка свела меня на могилу дѣдушки и отца. Войдя въ часовню дѣдушки, бабушка нагнулась близко къ могилѣ и громко сказала: «Здравствуй, Гиршъ, пришла твоя жена Ривка, привела твоего внука Эліе». Взявъ меня за руку, она наклонила мою голову къ могилѣ, затѣмъ стала разсказывать о своихъ дѣлахъ, о всемъ, что дѣлаетъ и о чемъ думаетъ. Передъ уходомъ она обратилась въ сторону къ другимъ могиламъ и сказала: «Сосѣди, можетъ быть, мой мужъ ушелъ, или занятъ. Скажите ему, что была жена Ривка привела внука» и т. д. Эта же сцена повторилась на могилѣ моего отца; только тутъ она обратилась ко мнѣ съ упрекомъ: «Что же не плачешь? Поплачь!» Но я стоялъ какъ виноватый, моргалъ глазами, хотѣлъ хоть искусственно вызвать слезы, ущипнувъ пребольно свой палецъ, — но слезы все не шли. Мнѣ досадно стало. Сталъ я припоминать любимаго дѣдушку (отца я совсѣмъ не зналъ), и вспомнилъ я разсказы сестеръ, какъ онъ умеръ. Это было такъ необыкновенно: съ утра онъ объявилъ, что умираетъ, самъ переодѣлся въ чистое бѣлье, велѣлъ зажечь свѣчи и легъ, позвалъ дѣтей и внуковъ и сталъ всѣхъ благословлять. Бабушка хлопотала, суетилась, убирала комнату, точно собиралась къ празднику Іомъ-кипуръ. Похороны были многолюдны, и въ этотъ день бабушка обѣдала у насъ.

Digitized by Google

Собравъ остатки кушанья, она сказала: «Это я снесу Гиршу». И дома она долго не могла привыкнуть къ одиночеству, все готовила обѣдъ для двухъ. Для нея онъ не могъ умереть: слишкомъ 60 лѣтъ они жили вмѣстѣ. Разговоры бабушки на кладбищѣ показались мнѣ смѣшными, но на на меня тогда уже произвела глубокое впечатлѣніе эта искренняя вѣра въ безсмертіе.

Въ Петербургъ я пріѣхалъ лѣтомъ, когда всѣ еще были на дачахъ. Я пожалѣлъ, что такъ скоро уѣхалъ изъ Италіи; и принялся за ученіе. Меня учила грамотѣ Софья Владиміровна Сербина. Русскій языкъ я все еще плохо зналъ, и потому о гимназіи нечего было и думать. Кромѣ того, по лѣтамъ я ужъ не могъ поступить въ низшій классъ.

Мнѣ былъ тринадцатый годъ и я еще грамоты не зналъ. Въ хедерѣ я только обучался Библіи и Талмуду: ничему другому тамъ не учили, да и некому было учить: меламедъ (учитель)—это набожный, честнѣйшій еврей, занимающійся преподаваніемъ только по бѣдности; ни на что другое онъ неспособенъ. Въ общежитіи евреевъ, меламедъ—синонимъ непрактичности и забитости. Никакой системы, никакой программы въ ученіи нѣтъ, и каждый реббе (также учитель) учитъ какъ знаетъ и умѣетъ. Мой послѣдній реббе былъ старикъ, сгорбленный, подслѣповатый, очень добрый и мягкосердечный. Его единственною страстью былъ нюхательный табакъ, которымъ всегда набитъ былъ его распухшій носъ. Онъ занималъ полкомнаты у портного; рядомъ жилъ сапожникъ, а въ маленькой передней—бондарь. У всѣхъ было многочисленное семейство, но шумъ ребятишекъ, стукъ бондаря намъ не мѣшали: мы читали Талмудъ громко, нараспѣвъ, такъ что наши голоса слышны были на другой улицѣ. Насъ, учениковъ, было шесть мальчиковъ, все дѣти бѣдныхъ евреевъ, которые съ трудомъ платили реббе за ученіе. Моя мать въ послѣдніе два года по бѣдности совсѣмъ не платила за меня, но реббе мною дорожилъ: я такъ хорошо учился, что служилъ примѣромъ для другихъ, и иногда реббе поручалъ мнѣ объяснять трудныя мѣста Талмуда своимъ товарищамъ. Шалуны мы были отчаянные. Иногда, пользуясь близорукостью реббе, мы разбѣгаемся и прячемся въ одной изъ бричекъ, стоявшихъ на дворѣ. Бывало, реббе бѣжитъ по двору, насъ ищетъ, заглядываетъ то въ одну, то въ другую бричку; мы его видимъ, но, затаивъ дыханіе, ждемъ, и наконецъ, когда онъ насъ накрываетъ, то врассыпную бѣжимъ отъ него въ разныя стороны. Перваго попавшагося ему подъ руку онъ тащитъ за ухо къ себѣ. Я рѣдко попадался ему, ибо быстро бѣгалъ и всегда во-время его замѣчалъ. Въ зимніе холодные вечера, въ то время, когда реббе [послѣ обѣда спалъ, мы всѣ садились на печь и разсказывали другъ другу страшныя сказки. Иногда, бывало, мы присаживаемся къ слѣпой старухѣ, матери портного, и она намъ разсказываетъ о еврейскихъ праведникахъ и о чудесахъ. Хотя я хорошо учился, но Талмудъ меня не занималъ; кромѣ анекдотовъ, въ немъ иногда встрѣ-

Digitized by Google

чающихся, все было совершенно чуждо моей дѣтской натурѣ. Но зато дома я ужасно увлекался разсказами сестры. Этими разсказами я жилъ и о нихъ постоянно думалъ. Въ особенности мастерица разсказывать была вторая сестра моя, Двойра. Еврейскія дѣвочки набожныхъ, и въ особенности бѣдныхъ, родителей находятся въ особенныхъ условіяхъ: ихъ не обучаютъ ничему тому, чему учатся мальчики. Имъ не обязательны молитвы въ синагогѣ и многія другія обрядности. Вообще, еврейки по отношенію религіозныхъ обрядностей считаются также неправоспособными, какъ и мальчики, не достигшіе 13-лѣтняго возраста. Оттого еврейскія дѣвочки болѣе чѣмъ мальчики имѣютъ возможности учиться свѣтскимъ наукамъ, т.-е. читать и писать на другихъ языкахъ. Страсть ихъ къ ученію такъ велика, что нѣкоторыя дѣти не останавливаются ни передъ чѣмъ, лишь бы научиться грамотѣ. Моя сестра Берта зимою, въ морозъ, въ одномъ платьицѣ бѣгала тайкомъ отъ матери къ подругѣ-гимназисткѣ, и тамъ училась грамотѣ. Она брала также уроки русскаго языка у стараго спившагося отставного полковника, сжалившагося надъ жаждущей знанія дѣвочкой. Такимъ образомъ научились мои сестры рано читать и писать по-нѣмецки и по-русски. Онѣ проглатывали неимовѣрное количество книгъ, иногда читая книгу всю ночь на пролетъ, чтобы избѣжать неудовольствія матери. Читалось все безъ разбору, что имѣлось въ убогой библіотекѣ, гдѣ книги пріобрѣтались на пудъ: старые нѣмецкіе романы конца XVIII вѣка, «Три мушкатера», «Тайны Мадридскаго двора», и тутъ же Шиллеръ, Гете, Вальтеръ-Скоттъ; все это читалось безъ всякаго порядка. Въ свободное время, вечеромъ, сестра, бывало, разсказываетъ содержаніе прочитаннаго и съ особеннымъ увлеченіемъ. Я всегда умолялъ, просилъ, чтобы меня допускали къ слушанію этихъ разсказовъ, охотно исполнялъ всѣ порученія сестры, во всемъ слушался, лишь бы не быть лишеннымъ этого удовольствія. Всѣмъ существомъ я проникался этими вымыслами, и цѣлыми днями о нихъ думалъ и ими бредилъ. Такимъ образомъ, съ одной стороны чуждые моему пониманію, моей дѣтской жизни трактаты Талмуда развивали мою память и изощряли мой умъ, съ другой стороны увлекательные разсказы о чуждыхъ мнѣ людяхъ, о невѣдомыхъ странахъ дѣйствовали на мою фантазію и развивали во мнѣ мечтательность. Знаній же я никакихъ тогда не получалъ, и потому поздно пришлось приступить къ настоящей грамотѣ.

Въ Петербургѣ я поступилъ въ частный пансіонъ англичанина Гирса. Плата за ученіе была тамъ высокая и учились тамъ дѣти богатыхъ родителей, но дѣти избалованныя, ничему не выучившіяся дома. Изъ-за русскаго языка меня приняли въ приготовительный классъ, но черезъ два мѣсяца перевели въ первый. Учителя были порядочные, и я охотно учился, но много терпѣлъ отъ товарищей: меня преслѣдовали за мое еврейство, бросали въ мои густые волосы перья, смѣялись надъ моимъ произно-

Digitized by Google

шеніемъ, хотя товарищи англичане не лучше меня произносили русскія слова. Во время рекреацій, бывало, меня окружатъ, притиснутъ въ уголъ; одни держатъ меня за руки, другіе за голову, третьи суютъ мнѣ въ ротъ крестъ, приговаривая: «Цѣлуй!» Я себя спрашивалъ: за что это меня такъ мучаютъ? Куда дѣлись тѣ добрые люди, которые меня зимой такъ ласкали? Знали бы всѣ тутъ, какіе у меня были знакомые, о чемъ говорили! Знали бы, что я художникъ,—счастливѣе ихъ всѣхъ. Но сказать этого я не могъ: не повѣрятъ, да и не поймутъ. Въ особенности мнѣ ужасно доставалось отъ учениковъ старшаго класса. То были взрослые мальчики, отчаянные шалуны, которымъ не повезло въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и здѣсь, какъ послѣднее средство, ихъ приготовляли къ кадетскому корпусу. Бывало, меня поймаютъ и начнутъ дразнить: «Это ты распялъ Христа». И такъ пристанутъ, что я кричу: «Да, я распялъ!»—«Бей его», кричатъ товарищи. Я вскакиваю на столъ, со стола на скамейку, обѣгаю весь классъ, и ловко выворачиваюсь отъ преслѣдователей. Но меня за ногу ловятъ и немилосердно бьютъ. Случалось, домой возвращаюсь съ синяками на лицѣ. Разъ директоръ случайно зашелъ въ классъ въ то время, какъ я, стоя на столѣ, отмахивался отъ преслѣдователей линейкой. Начался строжайшій допросъ. Товарищей я не выдалъ, сказалъ, что мы только такъ, играли. Съ тѣхъ поръ многіе оставили меня въ покоѣ.

Въ пансіонѣ я учился годъ, дальше тамъ оставаться не имѣло для меня смысла. Во-первыхъ, слишкомъ дорого стоило ученіе, при томъ это заведеніе, по окончаніи, не давало правъ. Мнѣ всѣ совѣтовали поступить въ казенное заведеніе и тамъ кончить курсъ. «Надо сперва быть образованнымъ человѣкомъ», говорили мнѣ всѣ хорошіе знакомые. Антокольскій тогда писалъ мнѣ изъ Италіи: «Я постоянно виню себя въ томъ, что не учился, постоянно чувствую неудобство отъ того, что не получилъ систематическаго образованія. Ты не долженъ повторить мою ошибку, и хотя въ Академіи для поступленія требуются 4 класса, но ты кончай весь гимназическій курсъ. Кто образованъ, тотъ сознательнѣе работаетъ. Если у тебя способности есть, ты ихъ и черезъ нѣсколько лѣтъ не потеряешь».

Какъ мнѣ было не слушаться такихъ совѣтовъ, и, позанявшись серьезно цѣлое лѣто (меня учила Екатерина Алексѣевна Мордвинова), я приготовился къ 3-му классу и осенью поступилъ во 2-е реальное училище. Оно было только что основано; туда трудно было попасть, но у меня было рекомендательное письмо къ директору. Тогда директоромъ былъ Р., человѣкъ въ высшей степени педантичный, педагогъ въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова. Послѣ распущенности пансіона, здѣсь поражалъ порядокъ и дисциплина. Цѣлые дни тратились на объясненіе порядка и формы послушанія. Большая часть урока уходила на разсматриваніе дневниковъ, какъ записывать уроки и какія обязанности у ученика. Съ одной стороны я былъ радъ, что товарищи здѣсь

Digitized by Google

меня не дразнили, а о преслѣдованіи не было и рѣчи. Всякое движеніе, всякое слово, сказанное товарищу, было подмѣчаемо и все находилось подъ бдительнымъ окомъ надзирателя. Но зато чувствовалось и полное одиночество и тоскливость. Всѣ были заняты собою, всякій жилъ подъ страхомъ, не забылъ ли онъ какой нибудь обязанности, исполнилъ ли онъ всѣ предписанія. Учителя были въ томъ же положеніи. Они боялись директора, и ихъ не столько занималъ урокъ, сколько порядки и рамки уроковъ.

Началось настоящее ученіе, и не успѣлъ я познакомиться съ интересующими меня предметами, какъ явилось томленіе и тоска. Все преподавалось въ такихъ дозахъ, такъ сухо, безъ всякой связи, что скоро, вмѣсто того, чтобы учиться для удовлетворенія своей любознательности, я сталъ автоматически «приготовлять уроки» и зубрить, и такъ продолжалъ заниматься до конца курса. Соблюденіе ненужныхъ мелочей (подъ кличкою порядка) внушалось не только во время уроковъ, но и внѣ ихъ; во время отдыха, во время гимнастики и гулянья преслѣдовалась одна цѣль: вытравить личность мальчика и взамѣнъ того вселить въ него какой-то мертвый шаблонъ. Въ особенности несносны мнѣ были требованія точныхъ отвѣтовъ. Я бѣгу по лѣстницѣ; внизу наталкиваюсь на самого директора. «Что ты сейчасъ, голубчикъ, дѣлалъ?» вопрошаетъ страшный судья.—«Шелъ по лѣстницѣ».—«Надо сказать: спускаться». — «Спускался». — «Нѣтъ, не спускался, а бѣжалъ».—«Бѣжалъ».—«А что надо дѣлать?»—«Ходить».—«Нѣтъ, спускаться».—«Спускался». И вотъ подобные вопросы и отвѣты постоянно слышались во всѣхъ корридорахъ, классахъ, а иногда, при экстренныхъ случаяхъ, въ кабинетѣ самого директора.

Тотъ же методъ употреблялся учителемъ и на урокахъ: не позволялось передавать свободно своими словами то, что заучивалось по книжкѣ, и часто бывало, что ясный отвѣтъ ученика бракуется, и на его мѣсто рекомендуются ходульныя слова. Но все-таки многіе учителя сглаживали и уменьшали ту нелѣпость и вздорность, которыми наполнены были учебники, обязательные для всѣхъ учащихся. Въ учебникѣ географіи Смирнова мы охотно заучивали наизусть всякій вздоръ и преподносили его учителю—это насъ забавляло. Городъ Прага: «Знаменитъ мостомъ святого Непомука. Этотъ священникъ на одной исповѣди не хотѣлъ выдать важной тайны». Неаполь: «Взгляни на Неаполь и умри» и больше ничего. Брёкъ (Голландіи): «Знаменитъ тѣмъ, что тамъ хвосты коровъ привязываютъ къ стойлу, чтобы не пачкать полъ».—Больше ничего. Венеція: «Городъ; вмѣсто улицъ—каналы, вмѣсто каретъ—гондолы» и т. д. Это только при названіяхъ; но тамъ, гдѣ надо было охарактеризовать мѣстность, народность или сдѣлать обобщеніе, тутъ мы заучивали цѣлыя фразы, не понимая ихъ смысла. Исторія (учебникъ Бѣляминова) была и того хуже. У насъ составилось убѣжденіе, что все, что написано крупнымъ шрифтомъ, обязательно для уче-

Digitized by Google

нія, но неинтересно; гораздо болѣе интересовало насъ то, что написано мелкимъ шрифтомъ; но по лѣности, чтобы меньше учиться, мы ограничивались однимъ крупнымъ шрифтомъ. Нѣкоторые анекдоты по ничтожеству своему не уступаютъ «привязыванію хвостовъ къ стойлу». Въ исторіи намъ представились порядки нашего же училища: точно мы попарно отправляемся на гимнастику,—такъ отправляются люди на войну, и какъ наши дневники сохранялись въ порядкѣ, такъ и хронологія была нарочно пріурочена къ ученію: никакой связи, никакой жизненной правды не было. Заучивалось многое такое, что должно было повліять на самолюбіе и нѣкоторые инстинкты мальчика. Не лучше казалось мнѣ преподаваніе русскаго языка и словесности, этого самаго важнаго предмета, и въ особенности рутинное преподаваніе синтаксиса и логики. Не зная и не чувствуя русскаго языка, я бы долженъ былъ хуже всѣхъ учиться, но на самомъ дѣлѣ, благодаря тому, что предметъ этотъ имѣлъ сходство съ знакомымъ мнѣ схоластическимъ Талмудомъ, я получалъ лучше отмѣтки, чѣмъ другіе. Еще когда дѣло шло о правописаніи и этимологіи, кое-какая польза получалась. Но при преподаваніи логики всякій смыслъ терялся, и чѣмъ больше усваивали этотъ катехизисъ слова именуемый синтаксисомъ, тѣмъ хуже начинали понимать истинный духъ языка.

Впрочемъ, случалось, что личная инициатива учителя вносила живую струю, но это совершалось келейно, секретно отъ директора. Учитель русскаго языка, С., иногда спрашивалъ, какія книги читаются дома, и нѣкоторыхъ просилъ изложить вкратцѣ прочитанное. Учитель естественной исторіи также оживлялъ свой предметъ устными разсказами. Обхожденіе учителей съ учениками было всегда безучастное, холодное, но не злое. Но было одно исключеніе въ этомъ мірѣ порядка и законности, кажется, единственный примѣръ въ Петербургѣ: это учитель географіи Владимірскій. Рыжій, высокій, плечистый; при разговорѣ мигалъ и закатывалъ глаза наверхъ, ноздри у него раздувались и онъ втягивалъ въ нихъ воздухъ, точно обнюхивалъ ученика, чтобы все отъ него развѣдать. Онъ иногда на урокѣ таскалъ ученика за уши и пребольно трепалъ по щекѣ. Меня онъ вызывалъ къ доскѣ не иначе, какъ, «Жидъ, поди сюда!» и показывая на карту, спрашивалъ: «Гдѣ жиды живутъ? Что, теплый народецъ?» Товарищъ мой, другой еврей, возмутился этимъ, пожаловался отцу, а тотъ директору. Но черезъ два мѣсяца несчастный ученикъ долженъ былъ выйти изъ училища, ибо онъ получалъ круглые нули. Курьезно то, что этотъ учитель, наводившій страхъ на весь классъ своею грубостью, былъ въ большомъ почетѣ у директора. Онъ былъ библіотекаремъ и класснымъ наставникомъ. Узнавъ, что я лѣплю, онъ заставилъ меня лѣпить карты. Я всѣ уроки забросилъ и работалъ только для него. Карты оставлялись въ училищѣ; я, правда, получалъ за нихъ

Digitized by Google

награды, но «предметы» и географію въ особенности меньше всего зналъ.

Но нѣтъ худа безъ добра: безучастно относясь къ занятіямъ въ классѣ, я дома удовлетворялъ свою любознательность чтеніемъ, прочелъ многихъ русскихъ писателей и нѣкоторыхъ классиковъ. Въ книгахъ я искалъ не только свѣдѣній научныхъ, но хотѣлось мнѣ примирить нѣкоторыя противорѣчія, которыя меня мучили. Въ особенности хотѣлось мнѣ разобрать, почему существуетъ такой разладъ въ обращеніи со мной, какъ съ евреемъ. Съ одной стороны, Владимірскій съ его грубыми выходками, съ другой стороны—русскіе хорошіе знакомые, очень образованные и толерантные люди. Сталъ я знакомиться съ другими существующими религіями, прочелъ Евангеліе, прочелъ весь Коранъ и исторію евреевъ. Эти религіозные вопросы бродили у меня въ головѣ нѣсколько лѣтъ, и въ концѣ концовъ создали такой хаосъ понятій, что я долженъ былъ ихъ оставить, не узнавъ ничего существеннаго касательно мучившаго меня вопроса. Въ одномъ только я убѣдился тогда же: что Владимірскіе и ихъ дѣти совершенно невѣжественны въ вопросахъ о національности и о религіи, но по инстинктамъ своимъ они сходны съ тѣми лавочниками, которые на Вознесенскомъ проспектѣ показывали мнѣ свиное ухо, или съ тѣми шалунами въ пансіонѣ, которые совали мнѣ крестъ въ ротъ.

Кончилъ я реальное училище, сдалъ 22 экзамена, устныхъ и письменныхъ, на-чисто и въ брульонахъ. Я зналъ наизустъ какіе-то параграфы, правила, формулы и числа; все это бродило у меня въ головѣ безъ связи, безъ всякой нужды. Зато получилъ аттестатъ, дающій мнѣ права. Теперь могу поступить въ Академію, куда такъ стремился и для чего потратилъ столько лѣтъ и пріобрѣлъ столько знаній.

Во все время нахожденія въ училищѣ, я скульптуру забросилъ, да и некогда было искусствомъ заниматься. Рисованіе, которое преподавалось въ училищѣ, мало подвинуло меня впередъ. Правда, мнѣ давали рисовать вещи внѣ программы, но учитель всегда требовалъ чистаго исполненія и штриховки, и за это я получалъ награды и былъ даже освобожденъ отъ платы. И отъ міра художниковъ я отсталъ за это время: многіе разъѣхались, а къ другимъ некогда было ходить.

Воскресныя мои посѣщенія Стасовыхъ были единственнымъ моимъ отдыхомъ и развлеченіемъ. Тамъ я слышалъ разговоры о томъ, что происходитъ въ столь интересующемъ меня мірѣ художниковъ, слушалъ часто музыку и чтеніе новыхъ литературныхъ произведеній. Бывало, иногда послѣ обѣда, Надежда Васильевна Стасова садится возлѣ меня и начинаетъ меня разспрашивать, какъ живу, что подѣлываю, не нуждаюсь ли въ чемъ-нибудь, не притѣсняютъ ли меня, какъ еврея? При этомъ она сама разсказывала, какъ ей приходится видѣть много горя, какъ еврейки, пріѣзжающія учиться, терпятъ нужду и съ ка-

Digitized by Google

кимъ трудомъ онѣ поступаютъ въ учебныя заведенія. Въ то время моя сестра Берта была уже въ Петербургѣ. Послѣ моего отъѣзда изъ Вильны, двое изъ семьи послѣдовали моему примѣру и уѣхали учиться: старшій братъ, который раньше хлопоталъ о моемъ отъѣздѣ, самоучкой въ 2 года приготовился въ послѣдній классъ гимназіи черезъ годъ, сдалъ всѣ экзамены и поступилъ въ Петербургѣ въ институтъ путей сообщенія; другая сестра поступила въ женскую гимназію. Ей нечѣмъ было жить, и добрая Надежда Васильевна поселила ее въ домѣ «Дешевыхъ квартиръ». Здѣсь она и жила на очень скудныя средства. Разговоры съ Надеждой Васильевной всегда были для меня очень пріятны. Она затрагивала тѣ стороны моей жизни, о которыхъ съ другими я стѣснялся говорить. Владиміръ Васильевичъ разспрашивалъ всегда, какъ учусь, что читаю, и давалъ мнѣ книги для чтенія на всю недѣлю. Я оставался у Стасовыхъ всегда очень поздно.

Иногда я также захаживалъ къ А. В. Прахову. Онъ тогда стоялъ во главѣ изданія журнала «Пчела». У него бывало всегда шумное общество, все люди разныхъ профессій и разнаго характера: бывали профессора, художники, студенты и люди совсѣмъ мнѣ неизвѣстные. Скульпторъ Микѣшинъ, со своей представительной фигурой, импонировалъ красивыми рѣчами. Всѣ его слушали съ подобострастіемъ. «Это геніальный художникъ, будущность Россіи», говорили нѣкоторые студенты. Часто Праховъ читалъ свои статьи и объ искусствѣ. Много спорили и говорили о полемикѣ, игравшей тогда большую роль въ журналистикѣ. Иногда умнѣйшій, талантливый Кони увлекательно разсказывалъ, и всѣ слушали его съ восторгомъ. Самъ Адріанъ Викторовичъ обладая способностями къ рисованію, часто затѣвалъ приготовленіе рисунковъ для своихъ лекцій или для изданія, и тогда многіе принимали участіе въ этой общей работѣ. Молодые и старые—всѣ чувствовали себя тутъ хорошо; всѣ веселились.

Итакъ, окончивъ реальное училище и получивъ аттестатъ, я о своей радости написалъ Антокольскому, находившемуся тогда въ Парижѣ. Это было въ 1878 году. Въ это время въ Парижѣ была всемірная выставка. Антокольскій получилъ médaille d'honneur, орденъ и большіе заказы. Онъ былъ счастливъ; вспомнилъ обо мнѣ и послалъ мнѣ деньги, чтобы я пріѣхалъ въ Парижъ, съ нимъ повидаться и выставку посмотрѣть. Я въ восторгѣ, собираюсь къ отъѣзду, но задержка съ паспортомъ: не хватаетъ документа о приписке къ воинской повинности. Мнѣ совѣтуютъ поѣхать въ Гродно, откуда мои бумаги: тамъ приписаться и тамъ же взять заграничный паспортъ.

Въ Гроднѣ заѣзжаю къ моему дядюшкѣ, и отъ него узнаю, что всѣ мои документы были сфабрикованы имъ же, что онъ, состоя чѣмъ-то при еврейской общинѣ, изъ любви къ намъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ устраивалъ наши дѣла. Мое метрическое свидѣ-

Digitized by Google

тельство затерялось еще въ дѣтствѣ, и когда мнѣ надо было поступить въ училище, то онъ мнѣ прислалъ нѣчто замѣняющее метрическое. Когда же я достигъ возраста, и надо было приписаться къ призывному участку, то онъ сталъ сбавлять мнѣ года, и чѣмъ старше я становился, тѣмъ моложе значился въ книгахъ. Эти свѣдѣнія меня ужасно опечалили. Я пробовалъ безъ дядюшки хлопотать въ Думѣ и въ участкѣ, но со мной такъ грубо обращались, что я опять прибѣгнулъ къ этому же дядюшкѣ. Тутъ я впервые столкнулся съ жизнью провинціальныхъ учрежденій. Мнѣ больно было видѣть, какъ дядюшка низкопоклонничаетъ передъ мелкими чиновниками. Не стѣсняясь, въ присутствіи всѣхъ, онъ давалъ взятки мѣдными пятаками. По правиламъ, возрастъ еврея, у котораго нѣтъ вѣрнаго документа о рожденіи, опредѣляется по наружному виду приставомъ.

Усталый отъ всѣхъ хлопотъ, убитый, прихожу въ участокъ. Приставъ останавливаетъ меня на порогѣ.

— Стой тутъ. Это тебѣ, жидъ, надо возрастъ опредѣлить? Сколько тебѣ лѣтъ?—уставивъ на меня красные глаза, вопрошаетъ начальникъ.

— Девятнадцать,—говорю я робко.

— Неправда! Ишь глазища какія! Тебѣ 21 годъ.

Пробую я протестовать, говорю, что мать сказала.

— Что знаетъ твоя мать! Можешь уходить,—говоритъ сердито приставъ, и велитъ помощнику писать: 21 годъ.

Оскорбленный, грустный, вышелъ я на улицу. «Почему это такъ унижаютъ меня? Какое обращеніе! Вѣдь я кончилъ реальное училище, находился между хорошими людьми. Неужели меня, какъ еврея, всегда будутъ ругать и на порогъ не пускать?»

Послѣдствія постановленія пристава были печальны: во-первыхъ, ввиду того, что я оказался 21 года, меня привлекли къ суду за то, что до 21 года не приписался къ участку. Судили меня, впрочемъ, не строго: я заплатилъ штрафу всего 1 рубль. Затѣмъ, выдавъ мнѣ свидѣтельство о припискѣ, приставъ мнѣ сообщилъ, что ввиду того, что мнѣ 21 годъ (по его-же опредѣленію), онъ не выдастъ мнѣ свидѣтельства для паспорта. Это какъ ударъ грома поразило меня. Изъ-за этого паспорта я пріѣхалъ, изъ-за него терпѣлъ столько униженій и непріятностей! Я былъ въ отчаяніи, просилъ, но приставъ былъ неумолимъ. Видно, мое горе было очень велико, если письмоводитель канцеляріи обратился ко мнѣ съ совѣтомъ.

— Охота вамъ хлопотать! Достаньте себѣ маленькій паспортъ и поѣзжайте съ Богомъ

— Какой маленькій паспортъ? — спрашиваю я, обрадовавшись, что есть надежда.

— Чудакъ вы, — отвѣчаетъ чиновникъ при общемъ смѣхѣ всей канцеляріи, — точно вы не знаете, что можно достать у мѣстныхъ

Digitized by Google

евреевъ паспортъ за 5 рублей. Оно дешевле, да и охота вамъ къ намъ ѣхать.

Посовѣтовали мнѣ также пойти къ губернатору, но и тамъ въ канцеляріи сказали, что паспортъ мой затянется на мѣсяца, пока получится разрѣшеніе отъ министра; но можно и раньше—тогда это будетъ стоить 10 р. лишнихъ.

Мнѣ это все такъ надоѣло, я былъ такъ измученъ физически и морально, что бросилъ все, написалъ Антокольскому, что не могу пріѣхать, а самъ вернулся въ Петербургъ, гдѣ все-таки чувствовалъ себя подъ защитой нѣкоторыхъ добрыхъ людей. Исторія съ паспортомъ была только началомъ цѣлаго ряда непріятностей, и зимой этого же года началась настоящая моя одиссея по отбыванію воинской повинности. Исторію эту разскажу я потомъ со всѣми подробностями.

Илья Гинцбургъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

БЕЗСОННИЦА.

Сердца стукъ гонитъ сонъ... Мутно-черныя крылья раскрывъ,
Ночь нависла надъ міромъ, какъ злая, летучая мышь...
Дрогнулъ колоколъ, золотомъ звона зарю возвѣстивъ,
Мысли зыблятся тихо, какъ тронутый вѣтромъ камышъ.

Сердца стукъ, бой часовъ... Я безвластно, глубоко одинъ,
Сны пугливо снуютъ, разбѣгаясь по темнымъ угламъ,
На просвѣтѣ окна выступаютъ узоры гардинъ,
Это ночь поблѣднѣла на встрѣчу разсвѣтнымъ лучамъ.

Я усталъ, но въ душѣ, какъ на небѣ, свѣтлѣй и свѣтлѣй,
Тьма уходитъ, дрожитъ... Не безрадостенъ путь впереди...
Тихій свѣтъ Свой, Господь, въ мое сердце больное пролей,
Я спасенія жду... Приходи, юный день, приходи!

П. Соловьева (Allegro).

Digitized by Google

НАУКА И ЖИЗНЬ.

Естественныя науки въ средней школѣ.

Задачи реформы: «коренной пересмотръ и исправленіе нашего учебнаго строя, обновленіе и устроительство русской школы и внесеніе въ дѣло воспитанія русскаго юношества разума и сердечнаго о немъ попеченія».
(Прик. мин. нар. просв. 2-го Апр. 1901 г.).

«Наука учитъ человѣчество, что самый высшій апелляціонный судъ есть наблюденіе и опытъ, а не авторитетъ; она учитъ насъ уважать значеніе очевидныхъ доказательствъ...

Физическія науки, ихъ методы, проблемы и трудности встрѣтятся на каждомъ шагу самому бѣдному ребенку; и однако мы воспитываемъ его такъ, что онъ вступаетъ въ жизнь съ такимъ же невѣжествомъ относительно существованія методовъ и фактовъ науки, какое онъ обнаруживалъ и въ день своего рожденія».
(Гёксли. «О методѣ изученія зоологіи». 1866).

Средняя школа въ Россіи—созданіе правительства. Прямое вліяніе жизни на школу у насъ еще досель крайне незначительно и выразилось сильнѣе въ низшей школѣ, которая, была предоставлена правительствомъ, за другими болѣе неотложными дѣлами, земству и городамъ. Впрочемъ, въ послѣдніе годы поддержка церковно-приходскихъ школъ и все усиливающійся правительственный контроль надъ всѣми низшими школами показываетъ, что русская государственная власть признаетъ нынѣ и народную школу достойной своего попеченія. Средняя же школа представляла уже съ давнихъ поръ предметъ особыхъ заботъ нашего правительства, и потому тѣ реформы, которыя пришлось претерпѣть этой школѣ въ Россіи, непосредственно зависѣли отъ измѣненія взглядовъ правительства на образованіе и воспитаніе россійскаго юношества.

Конечно, эти измѣненія имѣли нѣкоторую связь съ общественной жизнью; иногда даже перемѣна лицъ, завѣдующихъ просвѣщеніемъ происходила не безъ вліянія того неопредѣленнаго нѣчто, что у насъ называютъ общественнымъ мнѣніемъ. Но никогда нельзя было предвидѣть, какой результатъ получится при этомъ. Трудно угадать, какъ отразятся запросы жизни въ мозгу, часто совершенно чуждомъ этимъ запросамъ.

Digitized by Google

Поэтому въ исторіи русской средней школы нельзя подмѣтить и намека на какую-либо закономѣрность.

Такъ, по уставу 1804 г. цѣли учрежденія гимназій опредѣлялись слѣдующимъ образомъ: 1) Приготовить къ слушанію университетскихъ наукъ; 2) преподать свѣдѣнія, необходимыя для благовоспитаннаго человѣка, и. 3) приготовить желающихъ къ учительскому званію въ уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ низшихъ училищахъ. Для этихъ цѣлей считали необходимымъ преподавать математику, опытную физику, исторію, географію, статистику, философію, изящныя науки, политическую экономію, естественную исторію, технологію, коммерческія науки, языки—латинскій, нѣмецкій и французскій и рисованіе. Курсъ былъ четырехгодичный.

Право, для начала XIX-го столѣтія понятіе о «благовоспитанности» у тѣхъ, кому ее вѣдать надлежитъ, было совсѣмъ недурное. Въ 1828 г. произошла первая реформа. Цѣли гимназій остались тѣ же: приготовить къ университету и «доставить способы приличнаго воспитанія», но «приличное воспитаніе» понимали уже иначе. Курсъ сталъ семилѣтнимъ, введены тѣлесныя наказанія (впослѣдствіи замѣнены розгами, какъ болѣе «пристойными»), инспекторъ и комнатные надзиратели, главными предметами дѣланы древніе языки и математика; первые—«какъ надежнѣйшее основаніе учености и какъ лучшій способъ къ возвышенію и укрѣпленію душевныхъ силъ юношей», математика-же, «какъ служащая въ особенности къ изощренію ясности въ мысляхъ, ихъ образованію, проницательности и силѣ размышленія». Естествознаніе изгнано. Черезъ нѣсколько лѣтъ введены аттестаты и отмѣтки, гимназіи изъяты изъ вѣдѣнія университетовъ и переданы попечителямъ учебныхъ округовъ (1835). Этотъ уставъ просуществовалъ до 1849 года.

Послѣ 1848 г. древніе языки уже перестаютъ считаться «лучшимъ способомъ къ возвышенію и укрѣпленію душевныхъ силъ юношей»; стали утверждать, что изученіе писателей республиканскаго античнаго міра дурно вліяетъ на благонадежность учениковъ.

Начинаются колебанія между классицизмомъ и реализмомъ (гимназіи съ древними языками, гимназіи съ естественной исторіей и законовѣдѣніемъ, гимназіи съ однимъ законовѣдѣніемъ). Только съ появленіемъ графа Д. А. Толстого классицизмъ восторжествовалъ окончательно. Естествознаніе изгнано и предоставлено плебсу—особымъ «реальнымъ училищамъ».

Мы всѣ, увы, слишкомъ хорошо знакомы съ «системой» графа Толстого. Мы сами ее выстрадали и она проклятіемъ лежала еще на нашихъ дѣтяхъ. Что она воспитывала? Злобу, лицемѣріе, трусость, лѣнь и рабство мысли. Какія знанія давала? Жалкія обрывки латинскихъ и греческихъ исключеній, географическихъ именъ, хронологическихъ таблицъ и славянской грамматики. Все, что можно было

Digitized by Google

испортить, было испорчено. Одинъ изъ моихъ товарищей, считавшійся въ числѣ лучшихъ учениковъ, на выпускномъ экзаменѣ путалъ Чацкаго съ Хлестаковымъ, преподаватель словесности проповѣдывалъ намъ въ серьезъ мораль Фамусова и откровенно сознавался, что не читалъ Достоевскаго. Математику совершенно испортить трудно, но и ту преподавали удивительно сухо и механически...

Съ IV—V-го класса пьянствовала и развратничала половина учениковъ, съ VI-го—почти всѣ. Извѣстный порокъ былъ распространенъ почти поголовно.

Въ итогѣ—поколѣніе дряблое, озлобленное, нюнящее и безталанное. Какъ мало теперь среди людей 30—40-лѣтняго возраста людей здоровыхъ и талантливыхъ. Придаютъ еще нѣкоторую красочность русской современной жизни, съ одной стороны, молодежь, съ другой—50—60 лѣтніе «мужи». Причинъ этому много, но одной изъ самыхъ важныхъ и ближайшихъ—умирающая нынѣ «классическая система».

Передо мной лежитъ настоящій человѣческій документъ. Передовая статья гимназическаго журнала, писанная ученикомъ VI-го класса гимназіи.

Читая ее, невольно улыбнешься надъ дѣтской наивностью и пламенемъ автора—мальчика, но улыбнешься сквозь слезы: вспомнятся загубленные годы и страданія маленькихъ человѣчковъ—твоихъ пріятелей, и твои собственные.

Считаю далеко не безъинтереснымъ привести здѣсь одно мѣсто изъ этой статьи.

«Всѣ мы, гимназисты, хорошо знаемъ,—пишетъ шестнадцатилѣтній авторъ,—какія отношенія существуютъ между нами и нашими наставниками. Стараніе облегчить другъ другу трудъ, обмѣнъ мыслей?

«Ничуть не бывало! Какая-то непріязнь, какое-то недовѣріе другъ къ другу царитъ между ними; за искусство съ обѣихъ сторонъ считается, какъ бы больше другъ другу напакостить. Кто жъ виноватъ? Иные скажутъ: «ученики озлобили учителя». Но вѣдь это же глупо: учитель всегда можетъ, да и долженъ, перемѣнить методу или обращеніе, видя, что прежнія не прививаются къ классу, не подходятъ подъ уровень развитія учениковъ, а онъ озлобляется. Я же, съ своей стороны, отвѣчу—отнюдь не ученикъ виновенъ. Насъ вѣдь 9-ти-лѣтними отдаютъ въ гимназіи, гдѣ-жъ намъ озлобленности набраться, гдѣ къ намъ могла привиться враждебность, какъ не въ гимназіи?

«Посмотримъ, какъ зарождаются такія отношенія между учениками и воспитателемъ. Съ самаго начала начинается эта проклятая система запугиванія: сидите смирно, а то я вамъ единицу поставлю. И дрожитъ мальчушка, боясь, какъ призрака, этого наказанія; но подъ конецъ онъ обживается—дышать въ этой атмосферѣ привыкаетъ, видитъ что не всѣ дрожатъ, иные смѣло смотрятъ на страшныя единицы и записи, какъ грибы, выростающія въ журналѣ. Большинство боится

Digitized by Google

еще, но прибѣгаетъ къ другому оружію—къ хитрости; постепенно изучаетъ характеры учителей, ихъ слабыя стороны, поддѣлывается къ нимъ и, наконецъ, вполнѣ постигаетъ эту пошлую науку. Вы знаете, что появляются даже герои этого искусства, какъ надуть учителя или родителей, отвертѣться отъ наказанія или выкинуть какую-нибудь штуку—все это они понимаютъ въ совершенствѣ, все это они вѣдь сами испытали, всѣ послѣдствія этого они выстрадали и выплакали! Нигдѣ не нашли они отклика на свои страданія и понятно, что подъ конецъ ожесточились. А говорятъ, что-де ученики озлобили учителя. Но это озлобленіе отяжелѣвшихъ мозговъ, что выводятъ ихъ изъ спокойнаго флегматическаго состоянія, наше же ожесточеніе болѣзненное, инстинктивное, оно вызвано цѣлою системой угнетеній и приневоливанія мысли.

«Возьмемъ даже лучшее отношеніе учителя къ ученику, что встрѣчается еще въ старшихъ классахъ, и то, развѣ учитель учитъ—нѣтъ, онъ оцѣниваетъ, пробу ставитъ, да и не знанія оцѣниваетъ, а опять-таки способность ученика подладиться подъ его систему, часто даже подъ его характеръ. Ученикъ, въ свою очередь, старается залучить лучшій баллъ. Въ этой борьбѣ проходитъ вся жизнь большинства гимназистовъ съ различными только видоизмѣненіями. Въ младшихъ классахъ одни вдаются въ повальную лѣнь, другіе—въ тысячу мелкихъ обмановъ и надувательствъ, третьи,—такъ называемые первые ученики, безъ разсужденія слѣдуютъ системѣ учителя и, не интересуясь ничѣмъ постороннимъ, идутъ по проторенной дорожкѣ. Они самые счастливые. И это образованіе ума! Въ этой сферѣ складываются характеры!

«Въ старшихъ же классахъ большинство учениковъ такъ уже сживается съ этой душной обстановкой, что они и жизни другой не могутъ себѣ представить, какъ ходить въ гимназію, слушать съ подобострастнымъ вниманіемъ учителя, готовить уроки, да, только уроки; пристраститься къ какому-нибудь предмету, заняться имъ самостоятельно они не въ силахъ. Это лучшіе, смирные, какъ ихъ называетъ начальство, ученики. Другіе же, понявъ всю приниженность такого положенія и махнувъ рукой, перестаютъ работать не только по предметамъ, гнетущимъ своимъ безцѣльнымъ зазубриваніемъ, но даже и по тѣмъ наукамъ, которыя могли бы расширить нашъ умственный кругозоръ и дали бы возможность самому себѣ выяснить свое призваніе. Эти гимназисты положили себѣ въ основу науку получать баллы... Фраза: «меня сегодня не спросятъ, вчера спрашивали»—вполнѣ типичная фраза. Большинство изъ насъ понимаютъ ненормальность такой жизни, но какъ всегда, борятся противъ отдѣльныхъ личностей!.. «Вы мнѣ единицу неправильно поставили», «вы его ни за что записали», кричатъ смѣльчаки...

«Вотъ наступаютъ экзамены и съ ними то страдное время, когда

Digitized by Google

всѣ нервы ученика напряжены, когда всѣ его способности направлены опять-таки къ этой пошлой цѣли: получить лучшій баллъ... Не никакія хитрости и уловки не помогли—учитель побѣждаетъ, ученикъ остается въ классѣ. Старые товарищи смотрятъ на него не то съ презрѣніемъ, не то съ сожалѣніемъ — онъ отъ нихъ отворачивается, новые, навязанные ему, дичатся, онъ ихъ презираетъ! И вотъ *дружба*—самое чистое чувство, рушится еще въ основаніи; у второгодника нѣтъ уже товарищей, у него—*одноклассники*.

«По какому же праву разбили сильные люди всю нашу жизнь, подавили въ насъ чувство дружбы, довели до такого рабскаго подчиненія мысли ихъ мудрствованіямъ, что мы не признаемъ и возможности мыслить иначе. Намъ говорятъ: «вѣрно, вѣрно, но только вѣдь я вамъ не такъ объяснялъ». Намъ приказываютъ—не вводить въ сочиненія «своихъ мыслей». И послѣ этого у нихъ хватаетъ наглости и тупоумія съ пафосомъ, сострадательно восклицать: «вѣдь вы способный, а такъ учитесь, каково родителямъ-то». И не понимаютъ они, что этой фразой кидаютъ самое грозное обвиненіе самимъ себѣ!

«Какъ же вы, воспитатели душъ человѣческихъ, сознавъ, что ученикъ способный, не могли привлечь его къ занятіямъ?! Значитъ, эти занятія не удовлетворяютъ способныхъ, а только годятся для тупицъ, что вы съ грубой откровенностью сейчасъ же и высказываете, говоря другому: «ну, да, вы занимаетесь; я знаю—вамъ трудно, но успокойтесь, я скорѣе идіотовъ переведу, чѣмъ лѣнтяевъ!» Это въ глаза-то ученику... и тотъ ничего, ухмыляется, до того оболванили его разсудокъ и убили самолюбіе, что за похвалу считаетъ онъ эту грубую выходку...»

Далѣе въ этой статьѣ слѣдуетъ программа ученическаго журнала и проектъ организаціи гимназическаго союза для борьбы съ учителями. Журналъ былъ осуществленъ и редакторы были заперты на масляницу въ карцеръ; проектъ же даже самимъ гимназистамъ показался слишкомъ фантастичнымъ. Но дѣло, конечно, не въ незрѣлости мысли и фантазіяхъ. Чего же и ждать отъ шестнадцатилѣтняго мальчика. Поражаетъ здѣсь то ѣдкое озлобленіе, которымъ проникнута вся статья, то глубокое чувство ненависти, которое питаетъ гимназистъ къ своимъ воспитателямъ. Какая ужъ тутъ наука и воспитаніе при такихъ отношеніяхъ!

Эта гимназическая статья писана много лѣтъ тому назадъ; можетъ быть, теперь отношенія между учащими и учащимися стали нѣсколько нормальнѣе, но въ наше время (конецъ 70-хъ и начало 80-хъ годовъ) гимназія, дѣйствительно, представляла собою два враждебныхъ лагеря—учениковъ и начальство, которые вели между собой непрестанную войну и глубоко ненавидѣли другъ друга. Я убѣжденъ, что для большинства моихъ сверстниковъ, учившихся въ классическихъ гимназіяхъ, гимназическіе годы—самое ужасное время ихъ жизни.

Digitized by Google

Теперь мы снова въ реформѣ. Идетъ коренная ломка системы графа Д. А. Толстого. За родителями признано не только право, но имъ даже вмѣняется въ обязанность «пещись о своихъ дѣтяхъ», рекомендуется «внести въ дѣло воспитанія русскаго юношества разумъ и сердечное попеченіе»; ослабляется, если не уничтожается окончательно, преподаваніе древнихъ языковъ, вводится естествознаніе. Цѣлый потокъ докладовъ, статей, очерковъ и даже повѣстей, посвященныхъ предстоящей реформѣ или гимназической жизни. Общество, отцы, матери начинаютъ питать надежды, что ихъ дѣти будутъ ходить въ школу безъ ужаса и отчаянія и школа вернетъ имъ юношей здоровыхъ, бодрыхъ и развитыхъ... Но не нужно забывать того, съ чего мы начали нашу статью: учебныя реформы въ Россіи носятъ случайный характеръ и даже древніе языки послѣ фавора обвинялись въ неблагонадежности. Впрочемъ, мнѣ кажется, на этотъ разъ есть нѣкоторыя основанія думать, что наша средняя школа станетъ все же лучше и нормальнѣе. Вѣдь дальше, чѣмъ классическая система графа Толстого, идти нельзя. Предѣлъ достигнутъ. Нельзя еще болѣе обезличить ребенка и юношу, нельзя заставить тратить ихъ время еще болѣе непроизводительно, нельзя создать еще болѣе враждебныхъ отношеній между учителями и учениками. А между тѣмъ стало ясно, что надо куда-то повернуть. Назадъ некуда, значитъ впередъ.

Однимъ изъ симптомовъ этого «впередъ» будетъ побѣда естествознанія надъ классицизмомъ.

Въ обществѣ эта побѣда уже одержана. Развѣ часто встрѣтите у насъ защитниковъ классицизма, кромѣ учителей древнихъ языковъ? Такого рода защита, какъ статья А. А. Кирѣева «О предстоящей реформѣ нашего образованія» *) пахнетъ тридцатыми и сороковыми годами. Особенный интересъ представляетъ слѣдующая цитата **).

«Неоспоримое преимущество изученія классическихъ языковъ предъ изученіемъ наукъ реальныхъ,—говоритъ г. Кирѣевъ,—состоитъ въ томъ, что оно требуетъ сосредоточеннаго и притомъ постоянно усиливающагося вниманія ученика, постояннаго углубленія его мысли, причемъ собственно память, то-есть та способность, которою могутъ, и даже въ значительной степени, обладать люди, въ другихъ отношеніяхъ очень ограниченные, играетъ лишь второстепенную роль... Притомъ при изученіи классическихъ языковъ и литературъ мысль ученика вынуждена постоянно болѣе и болѣе углубляться въ мысль все труднѣйшихъ и труднѣйшихъ авторовъ, должна дѣлать все бо́льшія и бо́льшія усилія, что, конечно, служитъ къ укрѣпленію и развитію способностей. Въ этомъ состоитъ главнѣйшее педагогическое значеніе древнихъ языковъ... Такой концентрированной постепенности въ напряженіи умственныхъ способностей мы не находимъ въ изученіи естественныхъ наукъ... Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что умъ, подготовленный классическимъ образованіемъ, способенъ работать въ какой угодно сферѣ и въ какомъ угодно направленіи, подобно тому какъ человѣкъ, основательно занимавшійся гимнастикой,

*) «Русск. Вѣстн.», январь, 1902.

**) Цитируемъ по статьѣ проф. Н. Умова. «Р. Вѣд.», 18-ое янв. 1902 г.

Digitized by Google

развившій правильно и систематично всѣ свои мускулы, способенъ на всякую физическую работу».

Здѣсь все хорошо, и увѣренный тонъ, и языкъ плохого подстрочника (концентрированная постепенность въ напряженіи умственной способности), и мысли «временъ очаковскихъ и покоренія Крыма». Просто жалко проф. Умова, когда онъ стремится выяснить г. Кирѣеву, что память менѣе нужна при изученіи физики, чѣмъ древнихъ языковъ, и что при этомъ «умственная работа ученика никоимъ образомъ не будетъ слабѣе, чѣмъ при изученіи древнихъ авторовъ». Проф. Умовъ, наоборотъ, утверждаетъ, что

«Классическое образованіе, какъ исключительно гуманитарное, держитъ мысль ученика въ сферѣ человѣческаго міра, и въ этомъ отношеніи духовный кругозоръ юноши значительно суживается. Ему остаются чуждыми пріемы исканія истины и критеріи для оцѣнки правильности сужденій, потому что въ этой области истинное познается или непосредственнымъ чувствомъ, или же какъ фактъ исторіи. Ускользаетъ также различіе между тѣмъ, что относится только къ ходу процесса и что можетъ быть измѣняемо, и тѣмъ, что связано съ природою вещей и остается неизмѣннымъ. Вотъ эти пробѣлы могутъ быть пополнены только естествознаніемъ. Изученіе природы можетъ послужить и къ расширенію здороваго, а не мечтательнаго идеализма. Исключая естествознаніе изъ курса общеобразовательныхъ предметовъ или обезцѣнивая его, школа будетъ выпускать людей съ доминирующими человѣческими интересами. Идеальная черта естествознанія въ томъ, что оно выводитъ мысль за предѣлы человѣческаго, въ тотъ міръ, который есть первоисточникъ всякой истины».

По правдѣ сказать, не очень намъ нравится такая контръ-защита. Неужели для своего оправданія естественныя науки нуждаются въ ссылкахъ на «природу вещей», на «міръ—первоисточникъ истинъ», на «здоровый идеализмъ» (какой?) и пр. Мы къ этому еще вернемся, теперь же намъ хочется остановиться на слѣдующемъ.

Велика прогрессивная сила науки вообще и естествознанія въ частности, во многомъ на нихъ можно положиться, многое они обѣщаютъ,—но нельзя думать, что сила эта безгранична, и нельзя наукѣ предъявлять задачъ, которыя рѣшаются самою жизнью. Такъ можно успокоить свои порывы и придти къ квіэтизму. Въ цитированной выше статьѣ у г. Кирѣева встрѣчаются слѣдующія строки:

«Есть такія минуты въ жизни государственной, когда молчаніе преступно, и вотъ такую минуту мы переживаемъ, да, кажется, и не только въ отношеніи нашего образованія».

«Строки глубоко правдивыя—отвѣчаетъ проф. Умовъ,—онѣ могутъ быть продолжены такъ: въ такія минуты особенно тягостно, когда молчаніе вмѣняется въ обязанность, когда человѣкъ вынуждается глушить въ себѣ чувства гражданина. Изобрѣтатель телеграфа безъ проводовъ А. С. Поповъ, конечно, не подозрѣвалъ, какая громадная услуга оказана имъ человѣчеству тѣмъ, что не такъ далеко уже время, когда подобныя тягостныя чувства станутъ анахронизмомъ. Когда аппараты изобрѣтеннаго телеграфа станутъ принадлежностью домашняго обихода, гражданинъ изъ своего кабинета скажетъ свои мысли всей Москвѣ! Хотя это время и не близко, но это—не фантазія!.. Такимъ образомъ знаніе даетъ людямъ духовныя цѣнности тѣмъ, что убираетъ почву изъ-подъ ногъ разныхъ запретовъ. Каждый духовный

Digitized by Google

актъ—личный, общественный, государственный—имѣетъ свою матеріальную, техническую сторону: и здѣсь то всегда лежитъ его ахиллесова пята. Отсюда вытекаетъ то нравоученіе, что для рѣшенія вопроса о томъ, какими духовными цѣнностями должны обладать люди, нѣтъ надобности восходить или апеллировать къ естественному праву. Мы съ достовѣрностью можемъ сказать, что тѣ обязанности и тѣ государственныя мѣропріятія, которыя приведутся къ нелѣпости развитіемъ естествознанія и техники,—неестественны, и наоборотъ. *Reductio ad absurdum* и есть могущественное политическое орудіе техники».

Плохое утѣшеніе, котораго нужно ждать чуть не сто лѣтъ. Къ счастью, «естественное право» еще долго, если не навсегда, останется могучимъ двигателемъ, побуждающимъ человѣка къ борьбѣ за лучшее будущее, безпроволочные же телеграфы прежде всего примѣнены въ англо-бурской войнѣ. Для того, чтобы сказать свои мысли всей Москвѣ, не безпроволочный телеграфъ нуженъ, нужны, прежде всего, мысли, Москвѣ интересныя и важныя, а затѣмъ то, что карась-идеалистъ называлъ «добродѣтелью» и что гораздо больше имѣетъ связи съ естественнымъ правомъ, нежели съ опытами Попова и Маркони. Роль естествознанія и техники въ «reductio ad absurdum» надо отнести въ будущее, когда, вѣроятно, и нужды уже въ этомъ не будетъ, а пока остается одно: мужественно мыслить, мужественно работать и мужественно жить.

Читатель извинитъ это маленькое отступленіе, въ которое насъ вовлекала излишняя переоцѣнка силъ и задачъ естествознанія, сдѣланная проф. Умовымъ. Перейдемъ снова къ естествознанію въ средней школѣ.

Мы видѣли, какъ защищаетъ, какое педагогическое значеніе придаетъ естествознанію физикъ, обратимся теперь къ «біологу».

Это тѣмъ болѣе интересно, что мнѣніе этого біолога-профессора Кайгородова имѣетъ теперь большое практическое значеніе. Какъ, вѣроятно, извѣстно нашимъ читателямъ, почтенный профессоръ состоитъ предсѣдателемъ коммиссіи, завѣдующей выработкой программъ по естествовѣдѣнію для гимназій. Собственная программа профессора Кайгородова основана на слѣдующей мысли. *) Въ средней школѣ нужно преподавать не ботанику, зоологію и минералогію, а единое природовѣдѣніе, учить дѣтей «вѣдать природу»,

«Вѣдать природу,—продолжаетъ говорить проф. Кайгородовъ,—значитъ умѣть ее наблюдать, понимать, у нея учиться, а ученье это даетъ пищу не только для ума, но и для души. Именно очень много даетъ для души—это надо помнить... Кажется, нѣтъ двухъ разныхъ мнѣній въ вопросѣ о томъ, нужно ли ввести природу въ будущую реформированную русскую школу. Всѣ сходятся въ томъ, что нужно. Да и какъ не сойтись: вѣдь это было какое-то громаднѣйшее недоразумѣніе—изгнаніе природы изъ школы,—недоразумѣніе, передъ которымъ наши потомки будутъ только руками разводить... Такъ вотъ, въ виду приближенія давно желаннаго времени, когда двери русской школы раскроются передъ природой, пишущаго эти строки—стараго друга

*) См. Д. Кайгородовъ. «На разныя темы, преимущественно педагогическія».

Digitized by Google

и поклонника природы—въ послѣднее время все чаще и чаще сталъ безповоить вопросъ: какъ-то встрѣтитъ и приметъ ее реформированная школа? Приметъ ли она ее, какъ богатую, умную, красивую, дорогую и долго отсутствовавшую гостью, которую посадитъ въ красный уголъ и окружитъ подобающимъ почетомъ и вниманіемъ, или же встрѣтитъ съ ножами, бритвами и скальпелями, безжалостно разрѣжетъ на куски, расчленитъ, заспиртуетъ, засушитъ и распихаетъ по шкафамъ, полкамъ и ящикамъ, откуда по временамъ будетъ вынимать и показывать скучающимъ ученикамъ».

Хорошо пишутъ нынче профессора лѣсной технологіи. Просто стихотвореніе въ прозѣ. Бѣдная природа!

Вообще же почтенный лѣсовѣдъ главною цѣлью изученія естественныхъ наукъ *) считаетъ развитіе «чувства природы» и вооружается противъ всякой системы. Погоня за системой и «научностью» преподаванія естествознанія въ средней школѣ привела, по мнѣнію проф. Кайгородова, къ тому, что этотъ предметъ превратился въ какую-то невозможно-сухую матерію, пригодную, можетъ быть, только для гимнастики ума. «Уродуя безъ разбора бритвой и иглой красоту природы, заслоняя системой отъ глазъ учащихся дивную гармонію природы, современное преподаваніе естествознанія въ средней школѣ не только не привлекаетъ къ природѣ, но напротивъ, нерѣдко даже отвращаетъ отъ нея или, въ лучшемъ случаѣ, оставляетъ совершенно равнодушнымъ».

Проф. Кайгородовъ предлагаетъ вести ознакомленіе учениковъ съ природой «во всей ея цѣлокупности по ея естественнымъ составнымъ частямъ—общежитіямъ тѣхъ или другихъ растеній и животныхъ съ ихъ разнообразнымъ взаимодѣйствіемъ другъ на друга, въ связи съ неорганической природой и въ связи съ временами года». Онъ предлагаетъ для изученія во время экскурсій слѣдующія общежитія: лѣсъ, краснолѣсье садъ, поле, лугъ, прудъ, рѣка. Такого рода преподаваніе, по его мнѣнію, во-первыхъ, покажетъ дѣтямъ и юношамъ, что въ природѣ «чуть не на каждомъ шагу встрѣчаются сообщества и сожительства, на подкладкѣ взаимопомощи, содружества, любовь и альтруизмъ», во-вторыхъ, вызоветъ у учениковъ вопросы «для чего, почему и зачѣмъ» и такимъ путемъ выяснитъ законъ «изумительной цѣлесообразности въ природѣ и того Великаго Разума, которымъ все созидается и управляется въ природѣ и во всей вселенной» **). Такіе вопросы, напр., зачѣмъ нужны

*) Проф. Кайгородовъ считаетъ названія «естественныя науки» крайне неудачнымъ, какъ будто существуютъ какія-то неестественныя науки, замѣчаетъ онъ, и предлагаетъ замѣнить это названіе словомъ «природовѣдѣніе».

**) Въ 1865 г. Писаревъ въ статьѣ «Школа и жизнь» писалъ слѣдующее: «Преподавая малолѣтнимъ ребятамъ жалкія лохмотья великой науки, учитель въ большей части случаевъ будетъ еще располагать и подкрашивать эти лохмотья такъ, чтобы они дѣйствовали на чувство и на воображеніе учениковъ именно съ той стороны, съ которой желательно на нихъ подѣйствовать. То, что должно было по буквѣ устава быть изученіемъ природы, превратится такимъ образомъ въ шатобріановскія

Digitized by Google

растенію колючки?» «Для чего румянитъ дерево осенью свои листья?» «Для чего бродятъ синицы по нашимъ садамъ?» вводятъ по мнѣнію профессора Кайгородова, въ область наблюденій и образуютъ наблюдателя. Считая одной изъ цѣлей преподаванія естествознанія развитіе въ ученикахъ наблюдательности, профессоръ не признаетъ все же служебной роли «природовѣдѣнія» для цѣлей умственнаго развитія. «Развѣ мало имѣется въ распоряженіи школы разныхъ другихъ учебныхъ предметовъ, служащихъ цѣлямъ умственнаго развитія, чтобы для этихъ же цѣлей нужно было еще приносить въ жертву и живую природу—съ пафосомъ восклицаетъ проф. Кайгородовъ.—Нѣтъ! Не для гимнастики ума, а также и не для практическихъ только цѣлей должна занимать природа мѣсто въ школѣ, но для цѣлей болѣе высокихъ—для духовно нравственнаго и физическаго оздоровленія нарастающихъ поколѣній, путемъ пріобщенія ихъ къ природѣ. Успѣхъ разныхъ растлѣвающихъ душу новѣйшихъ философій могъ развиться только на почвѣ всеобщей оторванности отъ природы».

Мы не сомнѣваемся теперь, что послѣ такой рекомендаціи «стараго друга и поклонника», «богатую, умную, красивую, дорогую и долго отсутствовавшую гостью» посадятъ наконецъ въ «красный уголъ» и будетъ она оттуда читать нашимъ дѣтямъ прописи и пѣть съ ними кантаты...

Программа проф. Кайгородова обсуждалась и въ печати и въ многочисленныхъ собраніяхъ педагоговъ; между прочимъ, какъ мы упоминали уже въ первой нашей статьѣ *), и на собраніяхъ во время XI съѣзда естество испытателей въ Петербургѣ.

Изъ цѣлаго ряда докладовъ и дебатовъ по поводу этой программы, выяснилось, что подавляющее большинство преподавателей естествознанія относится отрицательно къ программѣ проф. Кайгородова Одни указывали на практическую ея неосуществимость: при обычной для нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній многочисленности учениковъ, при часовой, много $1^1/_2$ часовой экскурсіи, при относительно небольшомъ числѣ ихъ, невозможно ознакомить учениковъ съ такой громадой сложныхъ явленій, которыя представляетъ собою какое-либо «общежитіе». Другіе смотрѣли глубже и утверждали, что даже при самыхъ идеальныхъ условіяхъ нельзя *въ основу* преподаванія класть экскурсіи и общежитія, такъ какъ всякое преподаваніе требуетъ плана и систематизаціи; третьи обвиняли г. Кайгородова въ томъ, что онъ все возлагаетъ на наблюденіе и совершенно забываетъ объ опытѣ.

и ламартиновскія сахарно-слезливыя медитаціи. Образовательнаго вліянія нечего ожидать отъ этихъ медитацій, потому что, какъ бы они ни были умилительны, однако можно поручиться за то, что ученики отнесутся къ нимъ недовѣрчиво и насмѣшливо,—такъ, какъ обыкновенно относятся дѣти ко всякой хитрой и замысловатой мистификаціи, направляемой противъ нихъ тенденціонной педагогикой».

*) «М. Б.» февраль. «Наука и Жизнь».

Digitized by Google

Въ противовѣсъ программѣ проф. Кайгородова было представлено нѣсколько другихъ, изъ которыхъ укажемъ, напр., на разработанную программу г. Севрука; онъ стоитъ за опытно-демонстративное преподаваніе естественныхъ наукъ, за то, чтобы ученикъ учился не только созерцать и наблюдать, но и мыслить при посредствѣ опыта. Севрукъ въ своей программѣ придерживается обычной системы начинать съ неорганизованнаго міра и идти все къ болѣе и болѣе сложному—къ растеніямъ, животному и человѣку.

Проф. *Фаусекъ*, давшій въ общей печати *) наиболѣе полный разборъ программы проф. Кайгородова, не оспариваетъ нападокъ послѣдняго на сухость и схоластичность преподаванія естественныхъ наукъ въ нашей средней школѣ и «согласенъ, что погоня за излишней научностью и систематичностью вредитъ дѣлу». «Система, по его мнѣнію, должна явиться въ концѣ изученія, какъ его результатъ, а не въ началѣ», но въ тоже время почтенный зоологъ отвергаетъ всю положительную часть этой программы.

«Въ основѣ изученія естественныхъ наукъ въ школѣ,—говоритъ проф. Фаусекъ,—всегда будетъ лежать точное сравненіе. Умѣнье точно описать, возможно точно сравнить во всѣхъ признакахъ два камня, два животныхъ, два растенія—вотъ исходная точка, изъ которой развилось все огромное дерево естествознанія, и изъ котораго развивается естественноисторическое образованіе каждаго отдѣльнаго человѣка. Въ этомъ отношеніи предлагаемый проф. Кайгородовымъ «экскурсіонный» методъ изученія природы не выдерживаетъ никакого сравненія съ старымъ, комнатнымъ или лабораторнымъ. Во время экскурсій нельзя дѣлать точныхъ сравненій,—можно только глядѣть; то, что проф. Кайгородовъ называетъ наблюденіями въ природѣ, есть только ея осмотръ. Для правильнаго наблюденія нужны сравнимые ряды наблюденій. А если, изучая по Кайгородову «прудъ, какъ общежитіе», мы будемъ одновременно знакомиться съ плавунцами, водолюбами и т. д., съ испареніемъ и замерзаніемъ воды, и изслѣдовать *составъ* дна «коломъ и лопатой»—и все это именно въ природѣ, а не въ лабораторіи,—то какія же это будутъ наблюденія? Въ самомъ лучшемъ случаѣ это могъ бы быть только разсказъ учителя о разныхъ предметахъ, сопровождаемый демонстраціями.

Ограниченіе программы природовѣдѣнія исключительно родной природой, полное исключеніе изъ элементарнаго школьнаго курса всякаго знакомства съ животными или растеніями другихъ странъ—было бы тоже не только не научно, но и въ высшей степени не психологично, такъ какъ шло бы въ разрѣзъ съ умственной дѣятельностью ребенка, съ требованіями дѣтской любознательности».

Такимъ образомъ, отношеніе профессора зоологіи къ программѣ профессора лѣсной технологіи совершенно отрицательное.

Были, впрочемъ, и защитники у проф. Кайгородова. Такъ, г. Акинфіевъ на одномъ изъ соединенныхъ засѣданій членовъ XI-го съѣзда и преподавателей естественныхъ наукъ сдѣлалъ докладъ подъ заглавіемъ «Полугодовой опытъ выполненія программы проф. Кайгородова». Возставая противъ книжнаго схоластическаго преподаванія естественныхъ наукъ, докладчикъ предлагалъ вносить въ преподаваніе воз-

*) «Россія» 14-го Декабря 1901 г.

Digitized by Google

можно больше біологическаго элемента, чему, по его мнѣнію, вполнѣ соотвѣтствуетъ программа г. Кайгородова. Возражавшіе на докладъ г. Акинфіева доказывали, что выполняемая имъ программа, о которой онъ говорилъ еще пять лѣтъ тому назадъ, имѣетъ очень мало общаго съ программой г. Кайгородова и что никто не отрицаетъ пользы экскурсій, но спорятъ только противъ того, чтобы класть ихъ въ основу всего преподаванія естественныхъ наукъ.

«Возражая своимъ оппонентамъ,—читаемъ въ «Русск. Вѣд.»,—проф. Кайгородовъ приводилъ весьма слабые аргументы. Онъ говорилъ о любви къ природѣ, о томъ, что надо понимать ее, о томъ, что его программа отвѣчаетъ желаніямъ всей Россіи (!?), такъ какъ имъ ежегодно получается отъ 1.500 до 2.000 писемъ отовсюду, гдѣ выражается то направленіе, въ какомъ желательно изученіе природы, и т. п. Ничего же существеннаго въ защиту своего метода отъ вполнѣ основательныхъ нападокъ проф. Кайгородовъ не сказалъ».

Des chocs des opinions jallit la vérité *). Къ сожалѣнію, эта французская пословица обыкновенно переводится на русскій языкъ совсѣмъ вольно: «Чѣмъ бы дитя ни тѣшилось, лишь бы не плакало».

По неволѣ, часто задаешь себѣ горькій вопросъ: стóитъ ли и сталкиваться различнымъ мнѣніямъ, когда изъ этого рождается не «истина», а чувство безсильной злобы? Зачѣмъ намъ истина, если она отцвѣтаетъ, не успѣвши расцвѣсть?!

«Ничего существеннаго въ защиту своего метода проф. Кайгородовъ не сказалъ», но сдѣлалъ очень много: онъ сталъ предсѣдателемъ комиссіи по выработкѣ программы естествознанія для средней школы.

«Вотъ они, наши россійскіе споры».

Мы вмѣстѣ съ Щедринскимъ ершомъ признаемъ, конечно, всю трагикомичность этихъ споровъ... и все-таки споримъ. Иначе, вѣдь, и дышать нельзя было бы. Нуженъ же хоть призракъ жизни.

Кромѣ того, выступаетъ и слѣдующее соображеніе. Разъ случай царитъ въ нашей жизни, то надежда, что онъ повернетъ въ твою сторону, логикой не возбраняется. «Авось» — вотъ оно единственное оправданіе нашихъ упованій.

Кто бы, напримѣръ, два года тому назадъ могъ предполагать, что система графа Толстого обречена, что въ нашемъ учебномъ строѣ будутъ найдены «существенные недостатки», что будетъ «признано благовременнымъ безотлагательно приступить къ коренному его пересмотру и исправленію». А между тѣмъ, теперь это свершившійся фактъ. Такъ же и по отношенію къ программѣ профессора Кайгородова. Вѣроятно, она уже прошла по всѣмъ канцеляріямъ, какія требовалось, и вскорѣ наши дѣти будутъ «изслѣдовать характеръ и составъ дна пруда коломъ и лопатой», а также заниматься рѣшеніемъ такихъ глубокомысленныхъ

*) При столкновеніи различныхъ мнѣній рождается истина.

Digitized by Google

вопросовъ, какъ «для чего бродятъ синицы по нашимъ садамъ», но кто знаетъ, можетъ и подвернется какое-нибудь «авось», и программа естествознанія въ средней школѣ будетъ иная. Послѣднее предположеніе, конечно, гораздо менѣе вѣроятно, чѣмъ первое,—но все же это даетъ намъ нѣкоторое основаніе толковать и спорить о преподаваніи естественныхъ наукъ въ гимназіяхъ.

Мы видѣли, какіе различные взгляды по этому поводу высказывали различные профессора.

Господина Кирѣева мы оставимъ въ сторонѣ, такъ какъ кто же ему повѣритъ, что «концентрированная постепенность въ напряженіи умственныхъ способностей» составляетъ преимущество преподаванія древнихъ языковъ надъ преподаваніемъ естественныхъ наукъ. А если бы и повѣрили, то языки эти можно было бы съ успѣхомъ замѣнить рѣшеніемъ шахматныхъ задачъ, постепенно все болѣе сложныхъ. И въ школѣ было бы тихо, и учителямъ спокойно, и ученикамъ интересно. Впрочемъ, до подобной замѣны гимназисты часто своимъ умомъ доходили и во время интереснаго урока греческой или латинской грамматики, требовавшаго «напряженія умственныхъ способностей», «рѣзались» въ шашки и даже въ карты.

Нельзя же въ самомъ дѣлѣ серьезно говорить о какой-то гимнастикѣ ума, производимой, къ тому же, при помощи грамматики Кюнера и географіи Смирнова. Аналогія между развитіемъ личности и развитіемъ мускула—жалкая аналогія. Если и мускулъ заставлять только работать и не питать его, то и мускулъ не только перестанетъ развиваться, но откажется и работать. Какъ же можетъ развиваться личность, если ребенка лишать единственно доступной ему пищи—его собственныхъ ощущеній и мыслей и въ то же время заставлять его несложившійся «мозгъ» работать надъ безцѣльнымъ комбинированіемъ словъ. Ясно, что при такой «гимнастикѣ» ростъ личности остановится и мозгъ начнетъ сохнуть.

Наше общество пережило уже эпоху подобныхъ споровъ въ 60-ые годы, а теперь даже проф. Кайгородовъ, столь склонный къ поэзіи, эстетикѣ и «идеализму», утверждаетъ, что «изгнаніе природы изъ школы—недоразумѣніе, передъ которымъ наши потомки только руками будутъ разводить».

Можетъ быть, мнѣ возразятъ, что уничтоженіе въ средней школѣ древнихъ языковъ не ведетъ еще неизбѣжно за собой введеніе естественныхъ наукъ и напомнятъ статью Писарева, котораго, конечно, никто не заподозритъ въ нелюбви къ естественнымъ наукамъ.

Дѣйствительно, Писаревъ въ своей программѣ средней школы исключаетъ и естествознаніе, и географію, и исторію, оставлены у него только — Законъ Божій, математика, русскій яз., новые языки, чистописаніе, физика и космографія. Основанія такого сокращенія числа предметовъ средней школы у нашего знаменитаго «реалиста» были,

Digitized by Google

главнымъ образомъ, гигіеническія: нельзя дѣтей и юношей заставлять работать по 24—27 часовъ въ недѣлю *), помимо приготовленія уроковъ.

«Съ одной стороны,—писалъ Писаревъ **),—гигіена запрещаетъ школѣ обременять дѣтей непосильными учебными занятіями; съ другой стороны, общество совершенно справедливо требуетъ отъ школы, чтобы она выпускала въ жизнь не олуховъ, а образованныхъ и развитыхъ людей, способныхъ и желающихъ сдѣлаться полезными работниками. Школа, разумѣется, обязана мирить требованія общества съ предписаніями гигіены; это—задача очень трудная; но нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать эту задачу неисполнимой».

Школа угождала обществу и забывала о гигіенѣ. Писаревъ выдвигаетъ на первый планъ гигіену и въ этомъ, конечно, глубоко правъ. Естественныя науки онъ исключаетъ изъ своей программы, такъ какъ считаетъ, что «образовательное вліяніе ихъ и состоитъ исключительно въ томъ, что онѣ укореняютъ въ человѣкѣ понятіе о вѣчныхъ и незыблемыхъ законахъ, управляющихъ всѣмъ мірозданіемъ и господствующихъ съ одинаковой силой надъ всѣми явленіями, доступными нашему изученію, начиная отъ самыхъ простыхъ и кончая самыми сложными», а это, по мнѣнію Писарева, можетъ имѣть интересъ только для зрѣлаго или созрѣвающаго человѣка.

Но такъ ли это?

Еще Гексли, который, безспорно, оказалъ вліяніе на Писарева даже и въ вышеприведенномъ взглядѣ на естественныя науки, цѣлью первоначальнаго умственнаго воспитанія, прежде всего, ставилъ—«научить употребленію тѣхъ орудій, которыми человѣкъ извлекаетъ знаніе изъ непрестанной смѣны явленій», и затѣмъ только уже слѣдовало знаніе основныхъ законовъ.

Нынѣ мы уже не смотримъ на «законы природы» съ такой вѣрой въ ихъ вѣчную непоколебимость, какъ во времена Гексли и Писарева. Мы знаемъ, что законы не есть что-то внѣ насъ существующее, мы знаемъ, что это символы, въ которые человѣчество заключаетъ міровой опытъ и которые могутъ измѣняться и измѣняются по мѣрѣ накопленія новаго опыта. Наука—совокупность міроваго опыта, выраженная въ символахъ, начиная съ наиболѣе общихъ—«законовъ» и кончая простымъ описаніемъ; послѣднее отличается отъ закона только качественно: оно охватываетъ неизмѣримо меньшую совокупность ощущеній, и потому «законно» только для этой совокупности. Цѣль науки, съ одной стороны, охватить все нарастающій міровой опытъ, съ другой—придать ему все болѣе и болѣе общіе символы. Въ концѣ кон-

*) Писаревъ бралъ росписаніе современныхъ ему реальныхъ гимназій. Въ классическихъ же гимназіяхъ по плану 1890 г. уроковъ больше: отъ 28—29 часовъ въ недѣлю.

**) «Школа и Жизнь» Собран. соч. т. III, стр. 535.

Digitized by Google

цовъ, та и другая цѣли сливаются, такъ какъ чѣмъ больше такихъ общихъ символовъ, тѣмъ легче улавливается и опытъ даннаго момента.

Основа всего нашего знанія—ощущенія, и наука начинается съ момента сознательной систематизаціи ихъ, возможной только при помощи сравненія. Наиболѣе часто встрѣчающіяся ощущенія отпечатлѣваются сильнѣе и рѣзче и потому науку можно назвать типовой фотографіей—человѣчества.

Естествознаніе (включая сюда и математику, и физику) и является той частью науки, которая запечатлѣла наиболѣе частыя ощущенія, легче поддающіяся систематизаціи, и потому оно выражено въ болѣе общихъ символахъ—«вѣчныхъ и незыблемыхъ законахъ» добраго стараго времени.

Вводить ли ребенка и юношу въ эту область науки?

Да дѣло въ томъ, что ихъ нельзя оттуда вывести, они непрерывно находятся въ мірѣ этихъ могучихъ ощущеній, которыя складываютъ у нихъ представленія о времени и пространствѣ, о «я» и окружающемъ мірѣ, о живомъ и мертвомъ, растеніи и животномъ и камнѣ. Дѣти подавлены именно *этими* ощущеніями и сами страстно ищутъ какъ-нибудь въ нихъ разобраться, какъ нибудь систематизировать. Отсюда и потокъ вопросовъ, которыми засыпаютъ васъ дѣти и ихъ любопытство, и ихъ любовь къ животнымъ. Около 40 лѣтъ тому назадъ Гексли говорилъ иными словами и съ иной точки зрѣнія, но почти то же: «физическія науки, ихъ методы, проблемы и трудности встрѣтятся на каждомъ шагу самому бѣдному ребенку, и все же мы воспитываемъ его такъ, что онъ вступаетъ въ жизнь съ такимъ же невѣжествомъ относительно существованія методовъ и фактовъ науки, какое онъ обнаруживаетъ и въ день своего рожденія».

Неужели и мы насильно будемъ оттаскивать нашихъ дѣтей отъ богатой сокровищницы мірового опыта и предоставимъ имъ складывать свои представленія изъ ничтожнаго количества только личныхъ ощущеній и опыта нянекъ и сверстниковъ?

Нѣтъ! пусть съ дѣтства человѣкъ привыкаетъ мыслить и жить все въ болѣе и болѣе широкой міровой атмосферѣ, пусть для него не будутъ потеряны прожитыя людьми тысячелѣтія и онъ используетъ ихъ какъ можно полнѣе. Только тогда и онъ самъ не будетъ потерянъ почти безслѣдно, какъ пропадаютъ милліарды споръ и сѣмянъ, а внесетъ свою лепту въ общую жизнь. Естествознаніе должно быть введено въ среднюю школу, конечно, не для гимнастики ума, но и не для развитія чувства природы и эстетическихъ наслажденій, оно должно быть введено, чтобы оттуда выходили люди, способные самостоятельно мыслить и работать. Для этого же нужно, чтобы уже въ юношескомъ возрастѣ: 1) было закончено предварительное знакомство съ пріобрѣтеніями человѣческой мысли, выраженными въ основныхъ положеніяхъ естествознанія, и 2) получилась привычка и свои ощущенія не ле-

Digitized by Google

лѣять и смаковать, а связывать съ символами человѣчества, т.-е. привычка наблюдать, ставить опытъ и сравнивать.

Такой юноша можетъ входить въ жизнь самостоятельнымъ работникомъ, такъ какъ ему не нужно будетъ тратить время на открытіе Америкъ, онъ скорѣе классика и эстета найдетъ наиболѣе выгодную позицію для своихъ способностей. И эта позиція будетъ въ то же время и наиболѣе «идеальной».

Я думаю, что теперь не можетъ уже являться вопроса, какъ преподавать естествознаніе, расчленять на части природу или «сажать богатую гостью въ красный уголъ». Не въ XVIII-мъ же столѣтіи мы живемъ въ самомъ дѣлѣ, чтобы серьезно говорить о какой-то нерасчленимой природѣ, о «дивной гармоніи» природы, какъ о чемъ-то внѣ насъ находящемся.

Въ частности изученіе естествознанія по общежитіямъ относится къ той области, которую Писаревъ такъ неделикатно называлъ «сахарно-слезливыми медитаціями».

Гораздо серьезнѣе вопросъ о системѣ *).

Вся наука есть, собственно говоря, систематизація опыта и потому, конечно, безразсудны и прямо-таки неосуществимы и безцѣльны были бы попытки отказаться отъ системы при преподаваніи.

Мы не намѣрены здѣсь давать подробной программы, мы хотимъ только намѣтить общіе принципы системы преподаванія естествознанія, по нашему мнѣнію, наиболѣе экономные и наиболѣе справедливые.

Почему, несмотря на далеко не идеальные программы и порядки школъ въ Англіи, особенно еще лѣтъ 30—40 тому назадъ, эта страна давала и даетъ столько талантливыхъ, нужныхъ, смѣлыхъ и гордыхъ людей на всѣхъ поприщахъ жизни. Наши «программы» не хуже, а, между тѣмъ, нужныхъ людей мы выписываемъ изъ-за границы и пріучаемся обходиться безъ талантливости и гордости. Развѣ вдругъ изъ нѣдръ выскочитъ талантливый и оригинальный человѣкъ, и какъ искренно начинаемъ мы тогда удивляться, что можетъ «собственныхъ Ньютоновъ и быстрыхъ разумомъ Платоновъ россійская земля рождать». Почему? Причинъ, конечно, много. Но главная та, что въ Англіи и ребенокъ, и юноша гораздо больше, чѣмъ у насъ, живетъ самостоятельною жизнью; тамъ все же признаютъ и за дѣтьми и юношами право жить, а не только готовиться къ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, по какому праву завалили мы всю жизнь «малыхъ сихъ» непосильной работой изъ-за нашихъ эгоистическихъ и близорукихъ разсчетовъ?! Вѣдь въ нашемъ, такъ называемомъ, образованномъ обществѣ ребенокъ и юноша работаютъ, въ общемъ, гораздо больше взрослаго и работаютъ, къ тому же, не заинтересованные этой работой непосредственно. По какому праву цѣли нашего возраста мы приняли за ко-

*) Систему, конечно, не нужно, сравнивать съ систематикой.

Digitized by Google

нечныя, безспорныя и обязательныя для ребенка?! Единственный отвѣтъ—по праву сильнаго и вслѣдствіе близорукаго разсчета...

У русскихъ, какъ у неофитовъ, это сказывается сильнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было: почти всегда наши программы самыя обширныя, наши учителя самые безталанные и педантичные изъ всѣхъ чиновниковъ всего міра. Отсюда та глубокая ненависть, которую питали, а можетъ быть, и питаютъ у насъ гимназисты къ своему начальству. Но къ тому же въ Англіи, въ Америкѣ, въ Швейцаріи, да, вѣроятно, и въ другихъ странахъ ребенокъ гораздо самостоятельнѣе въ школѣ и гораздо свободнѣе дома; онъ развивается подъ могучимъ вліяніемъ общественной жизни и *вопреки* всякимъ программамъ. У насъ же и жизнь не выше школы, и дома «ужасъ папенька сердитъ, въ страхѣ маменька сидитъ, ничего не говоритъ».

Понятно, что въ Россіи талантливый человѣкъ больше изъ нѣдръ идетъ, гдѣ нѣтъ школы, но зато есть жизнь, полная горя и отчаянія, но въ то же время и своихъ собственныхъ ощущеній, своихъ собственныхъ мыслей.

И ребенокъ долженъ жить собственною жизнью, его ощущенія не только такъ же «законны», какъ и наши, но это единственный фундаментъ, на которомъ можетъ создаваться дѣйствительное, а не формальное знаніе.

Для этого прежде всего нужно, чтобы было физическое здоровье, чтобы воспринимающій аппаратъ былъ исправенъ; это нужно гораздо больше, чѣмъ для взрослаго, такъ какъ «психическая» дѣятельность ребенка и даже юноши преимущественно собирающая, накапливающая запасы ощущеній, какъ бы стягивающая свою индивидуальность.

Поэтому, ребенку такъ хочется двигаться, юношѣ поборать препятствія: въ этомъ столкновеніи съ окружающимъ міромъ они создаютъ самихъ себя. И это надо предоставить имъ вполную, а не привязывать къ стулу или къ книгѣ и не пріучать играть въ взрослаго.

Когда наступаетъ періодъ вопросовъ—какъ и почему,—значитъ у ребенка уже накопился достаточный личный опытъ и онъ безсознательно ищетъ уже символовъ для того, чтобы облегчить себѣ дальнѣйшую работу.

Здѣсь на помощь долженъ придти міровой опытъ въ лицѣ взрослаго—отца, матери, учителя, здѣсь начинается уже преподаваніе естественныхъ наукъ.

Къ сожалѣнію, въ большинствѣ случаевъ отцы и матери, питомцы классическихъ гимназій и институтовъ, сами невѣжественны въ этомъ еще больше своихъ дѣтей, больше, такъ какъ они не чувствуютъ уже и потребности въ этихъ вопросахъ. Непосредственная жажда знанія ребенка и юноши исчезла, утоленная различными суррогатами въ видѣ винта, сплетни и чичиковскихъ исканій поживы.

Поэтому у насъ въ Россіи средняя школа должна играть особенно

Digitized by Google

важную роль, должна быть выше жизни, должна вводить нашихъ дѣтей въ сферу мірового опыта, пока они сами еще инстинктивно тянутся къ нему,—поэтому въ наши гимназіи должно быть введено естествознаніе. Система преподаванія естественныхъ наукъ въ средней школѣ, по нашему мнѣнію, должна быть психологической.

Надо опираться на ощущенія ребенка и, отвѣчая на его вопросы, удовлетворять его стремленію символизировать эти ощущенія. Въ связи съ этимъ пойдетъ и пріобщеніе его къ міровому опыту. Противъ такой системы не будетъ протестовать ни ребенокъ, ни юноша, такъ какъ она идетъ навстрѣчу его потребностямъ и не выходитъ изъ сферы ихъ собственной жизни. Они будутъ учиться для себя, а не для тѣхъ соображеній о будущей карьерѣ, которыми руководствуются взрослые, обучая ребенка, и «полезности» которыхъ никакъ не могутъ понять живыя и талантливыя дѣти.

«Странное дѣло,—говорилъ одинъ старый директоръ классической гимназіи, часто лучшіе гимназисты оказываются посредственными въ университетѣ, и наоборотъ, совершеннѣйшіе шелопаи, даже гимназіи не кончатъ, а попадутъ въ университетъ—учеными дѣлаются, профессорами!» И посѣдѣвшій въ сорокалѣтней борьбѣ съ учениками педагогъ въ недоумѣніи качалъ головою. Ему это было странно, навѣрное, онъ былъ убѣжденъ, что въ университетѣ чего-нибудь не досмотрѣли въ этихъ шелопаяхъ: онъ-то, вѣдь, ихъ такъ ужъ знаетъ...

Систему, которая была бы основана на развиваемомъ мною принципѣ, выработать, конечно, гораздо труднѣе, чѣмъ предложить гимназистамъ сокращенную программу естественнаго факультета университета: физика и химія, минералогія, систематика растеній и животныхъ, затѣмъ сравнительная анатомія и физіологія; все въ строгой послѣдовательности, идя отъ простого къ сложному, отъ низшаго къ высшему. Но дѣло въ томъ, что «простое» и «сложное», «высшее» и «низшее»—продукты долгой обобщающей работы нашего ума и вовсе не являются таковыми съ психологической точки зрѣнія. И я напр., вполнѣ согласенъ съ проф. Фаусекомъ, что нельзя въ средней школѣ начинать преподаваніе зоологіи съ низшихъ организмовъ. Дѣйствительно, ребенокъ, только что собравшій основу своего «я» поетъ ему побѣдную пѣснь, онъ все центрируетъ вокругъ этого я; въ это время дѣти—истинные, наиболѣе полные эгоисты; ихъ способности устремлены на ближайшее, наиболѣе похожее на нихъ самихъ, здѣсь они наблюдаютъ и сравниваютъ болѣе детально и болѣе внимательно, все остальное, хотя бы и «простое», для нихъ еще слишкомъ чуждо и не интересно, чтобъ искать въ немъ черты различія и сходства,—это просто «не я». Поэтому, мы начинали бы ознакомленіе съ организованнымъ міромъ съ человѣка—здѣсь наблюдательность ребенка пристальнѣе и мы не выводимъ его изъ сферы его собственныхъ интересовъ. Пусть здѣсь онъ научится научно наблюдать, взвѣшивать, измѣрять, сравнивать и описывать; личныя впе-

Digitized by Google

чатлѣнія нужно дополнить міровыми—описаніями другихъ племенъ. Затѣмъ можно перейти къ высшимъ животнымъ и растеніямъ. Тутъ тоже начинаютъ обыкновенно съ морфологіи и систематики. Мнѣ кажется, надо начинать съ біологіи, съ процессовъ жизни, и къ нимъ уже приспособлять морфологію; систематику же предоставить личной любознательности дѣтей. Вообще, на этомъ принципѣ пришлось бы перестроить все преподаваніе въ средней школѣ. Что представляютъ собою современныя программы среднихъ школъ? Какой-то винигретъ различныхъ ненужностей, которыя не имѣютъ другъ съ другомъ никакой связи и, къ счастью еще, забываются начисто. Преподаваніе и воспитаніе не отдѣлимы другъ отъ друга; дѣленіе это — схоластическій пережитокъ, наслѣдье тѣхъ временъ, когда серьезно вѣрили, что «мораль» можно внѣдрять сентенціями и розгами, а науку зубреніемъ. И преподаваніе, и воспитаніе въ идеалѣ должны стремиться къ одному: къ наиболѣе полному развитію личности, къ наиболѣе полному слiянію ея съ человѣчествомъ. «Человѣкъ есмь и ничто человѣческое мнѣ не чуждо».

Разработать такую систему *развитія*, конечно, дѣло нелегкое, но мы убѣждены, что въ культурныхъ странахъ оно неизбѣжно будетъ сдѣлано въ теченіе первыхъ десятилѣтій текущаго столѣтія, потому что только система, основанная на удовлетвореніи потребностей развивающейся индивидуальности, будетъ наиболѣе экономной и наиболѣе справедливой.

Передать ученику всю совокупность знанія немыслимо не только въ школѣ, но и въ университетѣ, и не къ недостижимой полнотѣ должно стремиться преподаваніе естественныхъ наукъ въ гимназіяхъ. Нужно ознакомить юношу только съ главными чертами работы человѣчества, нужно научить его искать при помощи наблюденія, опыта и сравненія отвѣтовъ на возникающіе въ немъ запросы мысли въ *наукѣ*, нужно поддержать въ немъ жажду знанія и развить потребность въ самообразованіи. Бо́льшаго нельзя и требовать отъ естествознанія въ средней школѣ.

В. Агафоновъ.

Digitized by Google

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Исповѣдники», повѣсть г. Боборыкина.—Новыя теченія, наблюдаемыя авторомъ.—Разные ихъ представители.—Исповѣдники изъ интеллигенціи и народной среды.—Цѣльность послѣднихъ типовъ.—Здоровое религіозное чувство и болѣзненный мистицизмъ, отмѣчаемые авторомъ.—Памяти Александры Аркадіевны Давыдовой.—Ея общественная дѣятельность, какъ издательницы и руководительницы большого литературнаго предпріятія.—Ея организаторскій талантъ и значеніе, какъ редактора.

«Пускай каждый ищетъ своего Бога, создаетъ себѣ свою вѣру и защищаетъ свободу своей совѣсти», говоритъ Булашовъ, главное центральное лицо новой повѣсти г. Боборыкина «Исповѣдники», напечатанной въ первыхъ четырехъ книжкахъ «Вѣстника Европы». Въ этихъ словахъ Булашова заключается сущность всего произведенія почтеннаго автора, который со свойственной ему чуткостью уловилъ то новое, что отмѣчается пока въ общественномъ настроеніи. Возрожденіе религіознаго чувства въ извѣстной части нашей интеллигенціи, оживленіе интереса къ вопросамъ вѣры и даже чисто богословскимъ, стремленіе разобраться въ смутныхъ вопросахъ, возникшихъ въ концѣ прошлаго вѣка,—подмѣчено авторомъ и выражено въ различныхъ представителяхъ этихъ перекрещивающихся теченій. Какъ всегда, маститый художникъ набрасываетъ рядъ легкихъ силуэтовъ изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ, начиная съ представителей стараго родовитаго барства и до народныхъ типовъ изъ молоканъ и вновь объявившихся «евангеликовъ», давая въ общемъ сложную и очень интересную картину различныхъ оттѣнковъ религіознаго настроенія въ обществѣ и народной средѣ. Можетъ быть, благодаря такому разнообразію и широтѣ картины, страдаетъ глубина художественнаго изображенія, нѣтъ яркихъ, вполнѣ опредѣленныхъ живыхъ типовъ, а скорѣе рядъ бѣглыхъ фотографическихъ снимковъ, напоминающихъ быстро смѣняющіяся фигуры кинематографа. Зато повѣсть выигрываетъ въ несомнѣнной живости, и читатель все время заинтересовывается новымъ и новымъ матеріаломъ, который щедро расточаетъ предъ нимъ почтенный авторъ.

Центральнымъ лицомъ повѣсти, какъ мы уже сказали, выступаетъ представитель и проповѣдникъ свободы совѣсти Булашовъ, сынъ извѣстнаго піетиста, который положилъ всю свою душу на дѣло проповѣди своей вѣры, лишился свободы и умеръ въ изгнаніи. Булашовъ не раздѣляетъ его піетизма, но унаслѣдовалъ отъ отца основной принципъ его вѣры—не насиловать ничьей

Digitized by Google

духовной свободы. По происхожденію родовитый баринъ, болѣе чѣмъ обезпеченный въ средствахъ, онъ живетъ свободнымъ человѣкомъ, преданнымъ всецѣло своей идеѣ—служить, чѣмъ можетъ, духовнымъ интересамъ народа. Онъ меньше всего сектантъ, и его идея объемлетъ всѣ толки, всѣ секты, такъ какъ для всѣхъ, по его мнѣнію, главное—это свобода совѣсти, которой онъ всѣмъ желаетъ, какъ самаго неоцѣненнаго и существеннѣйшаго блага. Въ то же время онъ отнюдь не стоитъ за индифферентизмъ въ дѣлѣ вѣры. Напротивъ, его еще въ молодости, на студенческой скамьѣ, по словамъ его друга Костровина, возмущало, «что у насъ въ интеллигенціи—постыдное равнодушіе къ самымъ коренным[illegible] устоямъ духовной жизни, къ вопросу о совѣсти, о свободѣ, а главное къ тому, что безъ какого бы то ни было исповѣданія нельзя жить, другими словами: безъ Бога». Теперь онъ съ неменьшей страстностью относится къ этимъ же вопросамъ, но во главу угла полагаетъ свободу для всякаго вѣрованія. Самъ онъ только «взыскующій града» и не знаетъ, къ чему еще придетъ, но,—твердо заявляетъ онъ, «если намъ интеллигентамъ, нельзя жить безъ высшаго удѣла, то народу и подавно. И вотъ для этого народа я всѣми силами души моей желаю полнѣйшей свободы его совѣсти». На дѣло онъ смотритъ съ тѣмъ трезвымъ спокойствіемъ, которое не даетъ ему увлечься несбыточными мечтами, зато помогаетъ ему всѣми средствами проводить эту идею, гдѣ можно, и помогать всѣмъ, кто страдаетъ. Онъ никого не совращаетъ, новыхъ вѣрованій не распространяетъ и потому считаетъ себя вполнѣ въ своемъ правѣ служить другимъ. «Я—простой обыватель, занимаюсь своимъ частнымъ дѣломъ. Сегодня здѣсь, завтра на Волгѣ или на Кавказѣ, или въ Сибири». Большія средства, обширныя знакомства, полная свобода въ дѣйствіяхъ дѣлаютъ его въ глазахъ всѣхъ отстаивающихъ свободу своихъ вѣрованій цѣннымъ и нужнымъ человѣкомъ.

Рядомъ съ этимъ оригинальнымъ и интереснымъ представителемъ лучшаго стараго дворянства стоитъ его ближайшій другъ и одногодокъ по школьнымъ годамъ, московскій богачъ Костровинъ, типъ совсѣмъ отъ него отличный, одинъ изъ многочисленной рати развинченныхъ интеллигентовъ, не пристающихъ ни къ какому берегу и тупо влачащихъ безцѣльные и безотрадные дни. Слишкомъ богатый, чтобы работать, слишкомъ избалованный, чтобы легко удовлетворяться, слишкомъ безхарактерный и неопредѣленный, чтобы сдѣлать свою особу центромъ міра,—Костровинъ одинъ изъ порожденій нашей душной общественной атмосферы. Ему не достаетъ опредѣленныхъ желаній, живетъ онъ больше смутными настроеніями, влекущими его къ какимъ-то мистическимъ мечтаніямъ, въ которыхъ онъ меньше всего отдаетъ себѣ отчетъ. Себя онъ опредѣляетъ, «какъ вырожденца» одной изъ родовитыхъ купеческихъ династій. «Поразительно быстрое вырожденіе!—жалуется онъ Булашову.—Казалось бы, они-то и должны были влить свѣжую кровь, животворные соки. Анъ выходитъ наоборотъ. У дворянъ—оскудѣніе, но больше матеріальное. Ну, разумѣется, и физіологическое, отчасти и духовное. Но не такое быстрое. По отцу я бы долженъ быть богатыремъ. Онъ былъ настоящій отставной кавалеристъ, покучивалъ, ѣздилъ въ клубъ, ходилъ на охоту, умеръ ударомъ, такъ

Digitized by Google

какъ и его отецъ. А вѣдь родъ-то служилыхъ людей Костровиныхъ извѣстенъ даже документально съ четырнадцатаго вѣка, вотъ когда еще Москва была деревянымъ поселкомъ, и гдѣ теперь Боровицкія ворота—былъ *боръ*, лѣсная чаща, и въ ней срубили первую церквушку—Спаса-на-бору. Сообрази: пятьсотъ слишкомъ лѣтъ они несли службу, ломали походы, пьянствовали, обжирались, и все—ничего! А тутъ въ два какихъ-нибудь поколѣнія—и распадъ! Матушка моя по себѣ Воротилина. Начальникъ ихъ рода пришелъ на Москву мужичкомъ, былъ сначала простымъ прядильщикомъ, кончилъ милліонами, основалъ династію... И что же! Въ главной, прямой линіи сынъ его выказывалъ уже признаки вырожденія. Дожилъ до старости, но съ особымъ норовомъ. Запирался у себя, и такъ, что никто въ домѣ не зналъ, что съ нимъ. А съ нимъ были припадки мрачной меланхоліи. Никого не допускалъ къ себѣ, даже жену... А въ послѣдней генераціи—уже полное вырожденіе... Это дѣлая трагедія», печально заканчиваетъ Костровинъ, объясняя свое равнодушіе ко всему, бодѣзненной апатіей, какъ признакомъ тоже вырожденія. Его жена, представительница столь распространеннаго теперь типа «модернисткъ», прикрывающихъ пустоту души и чисто животный агонизмъ натуры яко бы самыми современными стремленіями къ красотѣ,—считаетъ его способнымъ къ фанатической преданности какому-либо догмату, строго опредѣленному и ясному. Ему надо стать чѣмъ-нибудь: «піетистомъ или ревностнымъ сыномъ господствующей церкви, или сектантомъ, но ему нуженъ исходъ для того, что въ немъ бродитъ и проситъ выхода». Сама она уже достигла своего «исповѣданія вѣры». «Я уразумѣла только недавно,—торжественно заявляетъ она,—что такое истинная мистика, не связанная ни съ какимъ клерикализмомъ. Прежней вѣры во мнѣ нѣтъ, да я и не хочу вставлять себя въ рамки какихъ бы то ни было неподвижныхъ догматовъ, уставовъ, благословеній, проклятій. Но что такое мое «я»? Что оно предъ чѣмъ-то безконечнымъ, что окружаетъ насъ предвѣчной тайной? И въ ней—вся поэзія и весь высшій смыслъ нашей жизни. Безъ нея нѣтъ творчества, нѣтъ поэзіи! И кто этого лишенъ—не будетъ ни писателемъ-художникомъ, ни живописцемъ, ни музыкантомъ». Сама она, конечно, ни то, ни другое, ни третье, и «высшая тайна» нужна ей, какъ пикантная приправа къ довольно обыденнымъ адюльтернымъ похожденіямъ, о чемъ придется говорить дальше.

Таковы три центральныхъ лица, около которыхъ почтенный авторъ искусно группируетъ массу интереснѣйшаго бытового матеріала, поражающаго разнообразіемъ наблюденій и типовъ, выхваченныхъ неутомимымъ художникомъ изъ жизни. Предъ нами проходятъ безконечной вереницей различные представители религіозныхъ исканій въ различной обстановкѣ и въ самыхъ разнообразныхъ мѣстахъ. Балашовъ сначала знакомитъ своего пріятеля Костровина, которымъ онъ взялся руководить въ дѣлѣ исканія вѣры, съ московскими «толками», и авторъ вводитъ насъ въ невзрачную лавчонку одного изъ чтителей «древляго благочестія», знатока древней иконописи и рукописнаго матеріала, столь цѣнимаго старообрядцами и раскольниками. Хозяинъ лавчонки не представляетъ чего-либо новаго, оригинальнаго, и нуженъ автору для кон-

Digitized by Google

траста: онъ и его толкъ, несмотря на замкнутость и отсталость, все же съумѣли отстоять дорогой для нихъ принципъ свободы совѣсти, чего не знаетъ равнодушная къ этому вопросу интеллигенція. Онъ, простой начетчикъ и антикваристъ, крѣпко держится за него, что и даетъ ему огромное преимущество предъ дрябльмъ, расшатаннымъ Костровинымъ. Но антикваристъ-старообрядецъ это старый, вѣками выработанный типъ, хорошо намъ знакомый, и потому обрисованный авторомъ рѣзкими стереотипными чертами. Совсѣмъ иными выступаютъ новые борцы за ту же свободу совѣсти. Таковъ петербургскій ремесленникъ Суздальцевъ, по мастерству столяръ, получившій толчокъ къ развитію еще на религіозныхъ собраніяхъ у отца Булашова. Это—уже раціоналистъ, требующій полной свободы для своихъ религіозныхъ влеченій, не желающій подчиняться старинному «тако вѣруемъ, какъ отцы наши и дѣды». Какъ только онъ почувствовалъ сомнѣніе въ основномъ догматѣ, проповѣдуемомъ послѣдователями отца Булашова относительно «благодати», онъ страстно сталъ разрабатывать его самъ, на свой страхъ, и пришелъ къ своему, личному выводу, на которомъ и утвердился. «Моя совѣсть оставалась чистой и передъ Господомъ, и передъ людьми. Но во мнѣ-то самомъ начало подниматься сомнѣніе. Я не обращался вспять. И теперь я знаю одну благую вѣсть, которую Господь возвѣстилъ ученикамъ своимъ и всему роду человѣческому. Никакой личины я ни въ ту, ни въ другую сторону не ношу. А только самая то суть ученія стала мнѣ представляться по другому». И этого было для него достаточно, чтобы идти своимъ путемъ, не прибѣгая къ чужому толкованію, разъ оно не встрѣчало отклика въ его душѣ. Онъ беретъ у другихъ то, что отвѣчаетъ его личному взгляду, и отметаетъ все, что не выдерживаетъ критики его разума и сердца.

Еще глубже и искреннѣе преданы такому же «исканію» новые «евангелики», съ которыми авторъ знакомитъ насъ въ деревнѣ, куда Булашовъ увозитъ Костровина для работы въ дѣлѣ организаціи помощи голодающимъ. Зоветъ ихъ обоихъ туда нѣкто Топорковъ, тоже любопытный типъ интеллигентнаго труженика, стремящагося устроить свою жизнь по новому. Онъ писатель, но устроился въ деревнѣ, живетъ вегетаріанцемъ, работаетъ самъ въ деревнѣ, не покидая писательства, и какъ подспорья, и какъ отдыха для души. Съ сосѣдями-сектантами онъ поддерживаетъ самыя тѣсныя сношенія, но ни онъ на нихъ, ни они на него не оказываютъ духовнаго давленія. Въ нихъ онъ цѣнитъ необыкновенную воспріимчивость ко всему, въ чемъ сказываются высшія потребности души. «Разумѣется,—поясняетъ онъ,—и ихъ забираетъ «князь міра». Есть скопидомы, есть и слабые люди, способные на сдѣлки съ совѣстью. Но—сколько я входилъ въ ихъ бытъ—они составляютъ исключеніе сравнительно съ нашими. Въ молоканахъ все уже улеглось, ихъ не преслѣдуютъ; а кто перешелъ въ баптисты—у тѣхъ сильнѣе подъемъ религіознаго чувства. Вотъ присмотритесь къ Науму Степанову. Этотъ весь полонъ жажды подвига».

Этого Наума, между прочимъ, обвиняютъ въ совращеніи и противъ него возбуждено дѣло, ради котораго отчасти Булашовъ рѣшилъ лично познакомиться съ ними, чтобы яснѣе можно было при случаѣ представить его дѣло

Digitized by Google

тѣмъ, отъ кого въ конечной инстанціи будетъ зависѣть судьба Наума. Здѣсь Булашовъ видитъ разныхъ представителей, но у всѣхъ одинъ общій принципъ свободы совѣсти, который очень откровенно проводится ими. На молитвенномъ собраніи мужикъ Василій ясно выражаетъ его, обращаясь къ окружающимъ съ разъясненіемъ, почему пріѣзжіе господа желаютъ поближе узнать разные ихъ «толки». «Извѣстное дѣло. Всѣ одного ищутъ. А чей путь самый правый? Вотъ они,—онъ указалъ рукой на Костровина,—къ нашимъ бывшимъ единовѣрцамъ желаютъ зайти въ часъ ихъ собранія. И съ ними, и съ нами они въ дружествѣ. Такъ-то, небось, лучше. А судить можетъ кто правъ, кто нѣтъ—только Тотъ, Кто сказалъ іудеямъ: «вы-де отъ нижнихъ, Я—отъ высшихъ, вы—отъ міра сего, Я—не отъ сего міра».—Какъ далеко это отъ старой нетерпимости, воспрещающей всякое общеніе съ «не-нашими».

На собраніи у Наума, являющагося «отщепенцемъ» отъ прежнихъ собратій по вѣрѣ, гостей встрѣчаетъ тоже довѣріе и дружеское желаніе ввести ихъ въ свой кругозоръ, дать имъ возможность самимъ заглянуть въ своя «святая святыхъ». Это собраніе у Наума представляетъ лучшую страницу романа. «Только что они (Булашовъ и компанія) переѣхали оврагъ и поднялись на пригорокъ, изъ-за угла дома Наума Степановича гулко донеслось пѣніе. Они переглянулись, можно было даже различить ритмъ хорала, въ двѣ-четверти. А со стороны другого поселка вдругъ заблаговѣстили къ «достойной», въ той церкви съ зеленой крышей, мимо которой они ѣхали на дняхъ со станціи.

— «Чудно!—промолвилъ Костровинъ.—Вездѣ славятъ Бога. Оттуда побѣдно несется гулъ колокола. Тамъ, у Василія Егорова только что пѣли, и будутъ еще пѣть, не боясь никакого вторженія.

— «А тутъ мы съ вами легко можемъ попасть въ протоколъ.

«Дверь немного примерзла и отворилась съ трудомъ. Шумъ ея прервалъ пѣніе. Женщины, сидѣвшія и тутъ поодаль, около двери, оглянулись съ замѣтной тревогой. Наумъ Степановъ увидалъ ихъ со своего мѣста и приподнялся.

— «Свои!—сказалъ Топорковъ, пропуская впередъ Костровина, которому и тутъ сдѣлалось неловко.

— «Пожалуйста!—пригласилъ ихъ Наумъ сѣсть у окна, справа отъ себя.

«Другіе потѣснились. Народу было гораздо меньше, чѣмъ у молоканъ. Мужчины смотрѣли больше мастеровыми и мелкими лавочниками, чѣмъ крестьянами-хлѣбопашцами. Двое въ пиджакахъ и галстукахъ. У женщинъ также менѣе деревенскій видъ. Всѣ держали книжки, больше по одной на двоихъ. Когда Наумъ сказалъ, что будутъ пѣть,—онъ подложилъ книжку гостямъ. Костровинъ не видалъ этого изданія. Стихи показались ему переведенными съ нѣмецкаго. Были и переложенія псалмовъ. Тотъ хоралъ, что запѣли при нихъ, былъ пріятнаго напѣва—не русскаго, но пѣлся онъ уже съ оттѣнкомъ русской грусти, хотя ритмъ былъ короткій, и напѣвъ скорѣе мажорный.

«Все время Костровинъ смотрѣлъ на Наума, на его лицо и выраженіе глазъ. Тотъ весь ушелъ въ молитвенныя слова, и его голосъ отдѣлялся отъ остальныхъ особенной вибраціей. На столѣ передъ нимъ лежала Библія—въ дорогомъ сафьяновомъ переплетѣ, печатанная гражданскимъ шрифтомъ, а не

Digitized by Google

кириллицей. Кажется, на стѣнахъ было еще нѣсколько темныхъ картоновъ съ серебряными словами евангельскаго текста. И больше никакихъ украшеній или чего-нибудь напоминающаго символическій обрядъ или приготовленіе къ нему.

«Пропѣли еще одинъ номеръ. Послѣ того Наумъ развернулъ Библію и прочелъ то мѣсто изъ евангелиста, гдѣ говорится о мытарѣ Закхеѣ. Читалъ онъ гораздо болѣе нароспѣвъ, чѣмъ Василій Егоровъ, и съ какимъ-то придыханіемъ въ концѣ каждаго стиха, закрывъ на нѣсколько секундъ глаза, онъ сталъ давать толкованіе евангельскаго текста о томъ что такое горячая вѣра и какъ всѣмъ слѣдуетъ подражать примѣру мытаря, который по малому росту не могъ видѣть Христа и взобрался на дерево.

«Говорилъ Наумъ очень свободно, почти такимъ же тономъ, какъ и читалъ вслухъ, дѣлая короткія движенія обѣими ладонями отъ себя и къ себѣ и немного качая головой.

«Костровинъ зналъ, что это еще не все, что Наумъ, какъ духовный руководитель, произнесетъ еще особое молитвенное обращеніе, помимо толкованія евангельскаго текста.

«Спѣли еще одинъ номеръ. Сидѣвшій рядомъ съ Костровинымъ плотный мужчина, рыжеватый и курчавый, съ бородой, въ пиджакѣ и съ серьгой въ ухѣ—предложилъ прослушать еще притчу о Сѣятелѣ. Прочелъ онъ ее толково, но безъ того внутренняго умиленія, какое слышалось во всемъ, что произносилъ или пѣлъ Наумъ. И отъ себя рыжеватый человѣкъ въ пиджакѣ сказалъ нѣсколько словъ въ поучительномъ тонѣ, но безъ особой рѣчистости, опять, можетъ быть, стѣсняясь присутствіемъ гостей.

«Послѣ того Наумъ спросилъ, не желаетъ ли еще кто-нибудь предложить прочтеніе какого-нибудь мѣста? Никто больше не пожелалъ. Протянулось молчаніе. Наумъ полу закрылъ глаза и, наклонивъ голову, положилъ ладони на Библію. Такъ пробылъ онъ нѣсколько секундъ.

«И когда поднялъ голову и раскрылъ глаза, весь выпрямился и взглядъ получилъ восторженное, умиленное выраженіе. Одну руку—лѣвую, онъ приложилъ къ груди, другую—слегка приподнялъ. Это была настоящая молитва, безъ изреченій и цитатъ, вполнѣ своими словами. Онъ взывалъ къ Богочеловѣку и обращался къ Нему, какъ къ милосердому посреднику, принявшему на себя все бремя людского грѣха.

«Возгласъ «Господи» повторялся все чаще и чаще, по мѣрѣ того, какъ онъ ускорялъ темпъ своей рѣчи. Этотъ возгласъ раздавался среди большой тишины и, видимо, дѣйствовалъ на слушателей. Въ него Наумъ вкладывалъ всю свою тихую страсть и трепетное упованіе въ заступничество Того, Кто умиралъ на крестѣ.

«И не было тутъ того упиранія въ одну точку, въ ученіе о благодати, которое Костровинъ слышалъ въ Петербургѣ. Потребность добра, дѣятельной любви, дѣлъ слышалось въ молитвенныхъ призывахъ. Тутъ опять таки сказывался народный духъ проповѣди подвиговъ милосердія и всепрощенія ближнему,—нужды нѣтъ, что самый ритуалъ собранія былъ не русскаго происхожденія.

Однако, Костровинъ, котораго поучаютъ такими собраніями Булашовъ, далеко не то выноситъ изъ нихъ, на что надѣялся его руководитель. Онъ не въ силахъ вникнуть и поддаться настроенію свободныхъ сектантовъ. Жажда вѣры въ немъ есть, но настолько осложненная и традиціями, и воспитаніемъ, и личными особенностями, что въ душѣ его получается настоящій хаосъ, который разрѣшается совершенно на свой ладъ, ничего общаго не имѣя ни съ свободой совѣсти, ни съ чистой вѣрой. Модернизированная дамочка, жена Костровина, тоже не теряла времени, пока ея развинченный мужъ искалъ «града». Вернувшись однажды нечаянно домой, Костровинъ застаетъ жену въ такомъ интимномъ единеніи съ новомоднымъ проповѣдникомъ мистической красоты, что все его стремленіе къ вѣрѣ и прочимъ высокимъ матеріямъ отлетаетъ и замѣняется мучительнымъ вопросомъ объ измѣнѣ жены. Все перепутывается въ больной головѣ Костровина и разрѣшается сугубо-мистическимъ ученіемъ о мірѣ зла, въ которомъ все безнадежно и безповоротно погружено. Повидимому, онъ на порогѣ или окончательнаго сумасшествія, или самоубійства, но что бы съ нимъ ни произошло, онъ теряетъ для читателя дальнѣйшій интересъ. Эта бѣдная больная голова не въ силахъ вынести никакого строгаго ученія, никакого сильнаго чувства, и не будь неожиданнаго для Костровина пассажа съ женой, онъ все-таки свихнулся бы на чемъ-нибудь другомъ. Самъ по себѣ онъ не интересенъ и не типиченъ, но, несомнѣнно, авторъ въ лицѣ его подмѣтилъ кое-какія общія современной интеллигенціи черты. Нѣкоторая усталость и равнодушіе къ общественнымъ интересамъ, излишнее копаніе въ мельчайшихъ оттѣнкахъ собственной особы, скрытый эгоизмъ и черствость къ другимъ, безволіе и апатія,—всѣ эти черты Костровина разсѣяны во многихъ; можетъ быть, безъ его жажды вѣры, которая является достояніемъ скорѣе избранныхъ. Неудачность фигуры Костровина въ художественномъ отношеніи заключается въ обычномъ недостаткѣ творчества г. Боборыкина. Онъ обрисованъ скорѣе только извнѣ, хотя авторъ и дѣлаетъ попытки возможно глубже представить его душевную жизнь. Но для этого у него не хватаетъ художественнаго проникновенія въ эту темную область, открытую только для величайшихъ творцовъ.

Также поверхностно схвачены, чисто фотографически, черты и другого главнаго героя, Булашова, который суетливо мелькаетъ чуть не на каждой страницѣ, въ роли нѣсколько напоминающей коми-вояжера, только не по торговымъ дѣламъ той или иной фирмы, а по дѣламъ совѣсти. Но самъ-то онъ что такое? Во что онъ-то вѣритъ, какова цѣль его личныхъ стремленій? Онъ постоянно съ назойливой поспѣшностью всѣмъ и всякому аттестуетъ себя, какъ человѣка, готоваго содѣйствовать свободѣ чужой совѣсти. Ну, а своя-то у него въ какомъ состояніи обрѣтается? Мы этого рѣшительно не видимъ. Онъ съ беззаботностью, мало отвѣчающей серьезности его задачи, порхаетъ по всѣмъ направленіямъ, отъ сектантовъ къ сановникамъ, оттуда въ камеру земскаго начальника, гдѣ судятъ сектантовъ за оказательство, и всюду чувствуетъ себя, какъ дома. По дорогѣ, между двумя визитами, онъ не прочь позабавиться нѣкоторымъ флиртомъ съ великосвѣтской дѣвицей, исповѣдующей феминизмъ, которая «уколола» его мужское достоинство. Дѣвица сія, графиня Бурина, острого

держитъ себя и не подаглива ни на какія изліянія чувствъ, къ которымъ большой охотникъ самъ Булашовъ. Она рѣзко отклоняетъ всякую попытку въ этомъ направленіи. Эпизоды съ дѣвицей, впрочемъ, не играютъ существенной роли и пристегнуты къ повѣсти, главнымъ образомъ, для полноты дѣйствія, что такъ любитъ г. Боборыкинъ, полагающій, что чѣмъ больше навертѣть на одинъ клубокъ, тѣмъ ярче предстанетъ образъ предъ читателемъ, что въ сущности глубоко невѣрно. Отсюда у автора его безконечныя подчеркиванія, масса якобы характерныхъ, а въ сущности нудныхъ подробностей. Сколько онъ ни вертитъ своимъ Булашовымъ въ разныя стороны, личность его не уясняется, что и составляетъ не малый недостатокъ повѣсти.

Интересъ ея,въ концѣ концовъ, сводится къ бытовому матеріалу, образчики котораго мы проводили, и къ тому проявленію религіозности, которое авторъ съумѣлъ подмѣтить. Онъ вѣрно отмѣчаетъ безразличіе и равнодушіе интеллигенціи къ вопросамъ вѣры и тотъ пока смутный проблескъ новаго отношенія къ нимъ, хотя и тутъ авторъ дѣлаетъ странную ошибку. Своего Костровина онъ водитъ по разнымъ сектантамъ и проч. Едва ли, однако, въ жизни это такъ. Если вѣрно, что въ интеллигенціи замѣчается возбужденіе религіозныхъ чувствъ, то напередъ можно сказать, что за удовлетвореніемъ ихъ она врядъ ли пойдетъ туда, куда Булашовъ таскаетъ Костровина. Въ чемъ найдетъ она разрѣшеніе своихъ стремленій въ этомъ направленіи, мы не знаемъ.

Позволимъ себѣ сдѣлать маленькое отступленіе. Въ только что вышедшей книгѣ разсказовъ г. Тана есть прелестный разсказъ «На сѣверѣ дальнемъ», въ которомъ авторъ выводитъ американскаго миссіонера среди чукчей, мистера Лерриго. Это, по словамъ автора, «интеллигентъ, рыцарь или, если угодно, фантастъ духа, типъ извѣстный и любимый для русскаго сердца». Съ нимъ происходитъ у автора разговоръ о душѣ и вѣрѣ, имѣющій косвенное отношеніе и къ нашимъ «Исповѣдникамъ».

«— Вы все говорите—вѣра!—сказалъ я.—Скажите, пожалуйста, опредѣленно, во что именно вы вѣрите?

«Докторъ Лерриго протянулъ руку къ полкѣ и снялъ маленькое, сильно растрепанное Евангеліе.

«— Я вѣрю въ эту книгу!—сказалъ онъ просто, но очень твердо.—Я вѣрю въ то, что Господь создалъ міръ изъ своего слова и что Іисусъ Христосъ пришелъ въ міръ, чтобы спасти мою душу!..

«— И въ чудеса вѣрите?—настаивалъ я.

«— Въ каждую букву, которая написана въ книгѣ,—непоколебимо отвѣтилъ докторъ.—Мой Богъ—Богъ славы. Онъ можетъ творить чудеса!.. Credo, quia absurdum... Если бы все было просто, была бы не вѣра, а знаніе!..

«— Я не могу сказать: credo quia absurdum!—медленно проговорилъ я.

«— Какъ хотите!—сказалъ докторъ Лерриго нѣсколько обиженно.—Но такая вѣра составляетъ единственный исходъ для того, кто живетъ и мыслитъ. Если у васъ нѣтъ вѣры, то скажите мнѣ, какой у васъ останется исходъ предъ лицомъ жизни и смерти?

«Я подумалъ нѣсколько секундъ, прежде чѣмъ отвѣтить ему.

Digitized by Google

«—У современнаго человѣка, того, «кто живетъ и мыслитъ», не одна, а цѣлыхъ двѣ вѣры. Одна съ евангеліемъ мира и человѣчности, вѣра освобожденнаго Прометея, молодая и свѣтлая, какъ заря, смотритъ впередъ и живетъ будущимъ. Это—вѣра молодыхъ людей. Для нея нужно или очень чистое, или очень счастливое сердце, но нечѣмъ ей залечивать глубокія раны жизни, ибо она перестала сулить награды и воздаянія. И есть еще другая вѣра, какъ черная вѣра поклонниковъ дьявола, но ею мучился еще Каинъ и Іовъ на гноищѣ. Ею мучится всякій, кто чувствуетъ и мыслитъ, но—проливаетъ злыя слезы и свою или чужую кровь...

«—Какой остается у васъ исходъ безъ вѣры?—повторилъ докторъ Лерриго.

«—Протестъ!—отвѣчалъ я.—Вотъ мой исходъ. Это значитъ, что нѣтъ исхода, и я знаю, что нѣтъ исхода и не можетъ быть, и потому не хочу искать его.

«—Это отъ лукаваго... Только злой внушаетъ такія гордыя мысли!...—съ огорченіемъ сказалъ докторъ Лерриго.

«—Правда!—согласился я.—Въ томъ и исходъ, чтобы быть гордымъ!... Если я сотворенъ несчастнымъ, не стану просить пощады... Предъ опасностью и бѣдою не склоню головы!... Предъ неизбѣжною казнью смерти не хочу завязывать глазъ повязкою вѣры!...»

Въ этихъ словахъ нѣтъ отвѣта на поставленный вопросъ, но мы хотѣли только намекнуть, что не къ сектантамъ направитъ интеллигенція свои исканія вѣры. Нельзя перестать быть самимъ собою, это прежде всего, и кто перешагнулъ за извѣстный порогъ, тому уже нѣтъ возврата назадъ. Сколько угодно можно жалѣть о потерѣ сладостной наивности дѣтства и невинной чистоты сердца, отличающей доктора Лерриго, нашихъ сектантовъ и другихъ вѣрующихъ въ этомъ смыслѣ, но дѣло свершено и послѣдствія его непоправимы.

Скорѣе правъ окажется профессоръ, который въ началѣ повѣсти г. Боборыкина жалуется на пренебреженіе къ положительной наукѣ, какое проявляется къ ней нерѣдко теперь съ разныхъ сторонъ. «Когда набьете себѣ оскомину отъ всякихъ теперешнихъ вѣяній и юродствъ—загляните въ ту строгую обитель,—«гдѣ на высотахъ, тишина и студеный воздухъ, и куда не доходитъ ничего снизу, изъ людского муравейника»,—съ которою вы сравнили науку. Вы найдете въ ней отраду и успокоеніе. Она не обманетъ!...»

Смерть основательницы нашего журнала, Александры Аркадіевны Давыдовой, въ полной силѣ ея необыкновенныхъ способностей, рѣдкаго ума и организаторскаго таланта, явилась тѣмъ неожиданнымъ, роковымъ событіемъ, которое поражаетъ людей своей нелѣпостью, чудовищной несправедливостью и непоправимымъ зломъ. Зачѣмъ? Почему? Неужели больше нѣтъ этого удивительнаго по уму и сердцу человѣка, такого обаятельнаго и неотразимо милаго?.. Когда мѣсяца два тому назадъ мнѣ пришлось съ глубокой скорбью писать о безвременной кончинѣ Мушкетова, какъ я далекъ былъ отъ мысли, что въ ближайшемъ будущемъ придется говорить и о ней:—«не стало»...

Быть можетъ, тяжелѣе, чѣмъ кому-либо другому, писать о ней именно мнѣ. Семь слишкомъ лѣтъ совмѣстной работы, изо дня въ день, связали насъ

Digitized by Google

тѣми неразрывными нитями нравственнаго общенія, надъ которыми безсильна даже смерть. И въ эту минуту мнѣ кажется, будто я снова говорю съ ней, о журналѣ, о нашихъ планахъ, о будущихъ трудахъ, и она съ обычной бодростью и вѣрой въ себя и людей придумываетъ тысячи путей и средствъ для дальнѣйшей борьбы за любимое дѣло, какимъ сталъ для нея журналъ съ перваго дня его основанія и оставался въ буквальномъ смыслѣ до послѣдней минуты, когда закрылись на вѣки эти удивительные, проницательные и ясные глаза.

Вступивъ въ редакцію въ декабрѣ 1894 г., я засталъ журнальную дѣятельность Александры Аркадіевны уже въ тотъ періодъ, когда ея взгляды на журналъ и его задачи вполнѣ опредѣлились. Первые робкіе шаги уже были сдѣланы, кругъ интересовъ журнала наметился, главнѣйшіе сотрудники уже были привлечены и работали такъ, какъ умѣла заставлять работать эта замѣчательная работница. Въ дальнѣйшемъ, въ теченіе истекшихъ съ тѣхъ поръ лѣтъ, шло расширеніе и усовершенствованіе первоначальнаго плана, причемъ вся иниціатива и энергія принадлежали всецѣло ей. Мы, остальные ближайшіе сотрудники ея, являлись только болѣе или менѣе удачными исполнителями ея плановъ, надеждъ, упованій и желаній, которыми кипѣла эта неутомимая и неистощимая душа.

Начавъ съ небольшого изданія, которое должно было, по ея плану, заполнить пробѣлъ между журналами, назначенными для интеллигентной публики въ высшемъ значеніи этого слова, и тѣми изданіями, которыми пробавляется малоинтеллигентный читатель, Александра Аркадіевна очень строго и неуклонно проводила эту программу, лишь постепенно и съ крайней осторожностью расширяя задачи журнала. Она была принципіальнымъ противникомъ всякихъ неожиданныхъ расширеній дѣла, не вытекающихъ непосредственно изъ существа его. Зато она смѣло принималась за все, что само собой являлось необходимымъ и требовало осуществленія, хотя и было сопряжено съ несомнѣннымъ рискомъ, какъ новинка, и потому могло встрѣтить неодобреніе. Въ этихъ случаяхъ съ необычайной яркостью проявлялся ея тактъ и талантъ, какъ руководителя цѣлаго предпріятія. Поставивъ себѣ задачу создать широкій популярно-научный журналъ, въ которомъ всѣ отрасли знанія должны имѣть мѣсто, она требовала неизмѣнно одного, чтобы все было доступно для широкой публики. Тутъ не играли никакой роли въ ея глазахъ ни громкія имена, ни заманчивыя названія, а значеніе придавалось только одному—талантливому изложенію и общедоступности. Неуклонно преслѣдуя эту цѣль, она соединила въ теченіе десяти лѣтъ рядъ лучшихъ именъ въ нашей научной литературѣ, незамѣтно приспособивъ каждаго къ той же широкой задачѣ—популяризаціи знаній.

Незадолго передъ смертью, просматривая изданное за десятилѣтіе содержаніе журнала, она говорила съ справедливымъ удовлетвореніемъ, что «тутъ поработано не мало». И дѣйствительно, ея личный трудъ въ этомъ дѣлѣ былъ поистинѣ громаденъ, хотя только мнѣ и немногимъ ближайшимъ сотрудникамъ было извѣстно, каково ея личное участіе въ общей работѣ. За все время ни одна строчка, напечатанная въ журналѣ, не проходила безъ ея дѣятельнаго

Digitized by Google

участія. Она читала *все*, печатавшееся въ журналѣ, иногда по два-три раза: сначала въ рукописи, когда статья принималась еще, и обсуждала съ авторомъ и членами редакціи, годится ли это для «моего читателя», или нѣтъ, потомъ читала въ корректурѣ, когда статья печаталась, не довѣряя ни одной сколько-нибудь отвѣтственной статьи никому, и читала по-редакторски, съ карандашомъ въ рукахъ, отмѣчая все неясное, запутанное или неудачно выраженное, тутъ же исправляя, а подчасъ деспотически вычеркивая. Часто авторъ сопротивлялся, приводилъ доводы, даже взывалъ «къ великодушію», но она, съ свойственной ей настойчивостью и чарующей манерой обращенія, убѣждала его: «Повѣрьте, дорогой мой, такъ будетъ лучше!» И я не запомню случая, чтобы авторъ обижался, такъ какъ въ душѣ долженъ былъ сознаться, что «такъ» выходило, дѣйствительно, лучше.

Происходило это отъ того, что покойная обладала удивительно развитымъ и изощреннымъ вкусомъ и чуткостью въ общественномъ пониманіи того, что можно и должно сказать въ данный моментъ, и какъ сказать. На обычный вопросъ, можно ли писать въ журналѣ о такомъ-то вопросѣ, у нея былъ всегда одинъ отвѣтъ, — «можно, но имѣйте въ виду прежде всего *какъ*». И въ этомъ отношеніи она была поразительно чутка, являясь идеальнымъ редакторомъ, всякій совѣтъ и указаніе котораго даже для очень опытныхъ писателей оказывались всегда вѣрными. Въ особенности это было справедливо въ вопросахъ полемическаго характера. Надо сказать, что полемики она вообще не любила и крайне неохотно допускала ее. «Полемика у насъ обыкновенно ведется такъ, что больше интересуетъ самихъ полемистовъ, чѣмъ читателей. Въ увлеченіи противники забываютъ, что они пишутъ не для себя, а для читателей, которымъ рѣшительно нѣтъ дѣла до «личностей», очень живо затрогивающихъ господъ полемистовъ», говорила она и безпощадно вычеркивала все личное, непринципіальное, хотя бы отъ такихъ поправокъ статьи теряли въ живости. Не допускала она вообще обостренія вопроса въ полемикѣ. «Ну, высказались и довольно», такимъ категорическимъ рѣшеніемъ обрывалась обыкновенно полемика, грозившая затянуться надолго. «Нашъ журналъ не партійный, не боевой, — онъ долженъ знакомить читателей со всѣмъ, что происходитъ въ мірѣ Божьемъ, чтобы читатели были всегда хорошо освѣдомлены съ каждымъ движеніемъ въ мірѣ идей и науки. Но становиться рѣшительно на одну сторону и ничего не видѣть хорошаго въ противной, значитъ впадать въ слѣпую односторонность. Я этого не могу допустить во имя интересовъ моего читателя, который, какъ и я сама, хочетъ все знать и обо всемъ имѣть свое мнѣніе».

Это требованіе терпимости и объективности отнюдь не дѣлало ее безразличной, особенно въ вопросахъ общественныхъ. Тутъ она была неумолима и не допускала никакихъ компромиссовъ. «Никакихъ съ одной стороны — съ другой стороны, я этого не понимаю. Или одно, или другое, чего бы это намъ ни стоило», говорила она обыкновенно въ тяжелыя минуты, когда условія веденія дѣла вдругъ усложнялись и приходилось быть сугубо осторожнымъ. «Въ крайнемъ случаѣ лучше полное молчаніе, чѣмъ суетливыя попытки сказать свое слово, когда его нельзя сказать съ полной искренностью». Въ одинъ изъ такихъ

Digitized by Google

тягостныхъ моментовъ, взвѣсивъ всѣ затрудненія и средства для борьбы съ ними, она спокойно, но твердо заявила, что предпочитаетъ смерть журнала, чѣмъ перемѣну его направленія, которое выработалось годами и считается его вѣрнымъ.

Такія минуты неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ тягостно отражались на ея здоровьи. Принимая къ сердцу всѣ неудачи съ истинно женской страстностью, она страдала чисто физически по поводу каждой книги, появлявшейся съ урономъ или не по тому плану, какой былъ задуманъ. «Право, нерѣдко говорила она,—каждая женщина въ худшемъ случаѣ можетъ рожать только разъ въ годъ, а я—двѣнадцать, и каждые такіе роды,—я чувствую это всѣмъ существомъ,—уносятъ добрую часть меня. Эдакъ не надолго хватитъ самаго могучаго организма!»

Тѣмъ не менѣе, до послѣдней минуты она не могла привыкнуть къ столь обычнымъ въ журнальномъ дѣлѣ прорѣхамъ и «изъятьямъ». Казалось, она страдаетъ отъ этого больше, чѣмъ авторы. «Каждый изъ нихъ за себя только страдаетъ, а я за всѣхъ ихъ», объясняла она, и не было предѣла ея стараніямъ смягчить эти непріятности для авторовъ. Она нянчилась съ ними, какъ любящая мать, и ободряла, и уговаривала, и высмѣивала ихъ нервозность и пыталась остроумной шуткой подбодрить упавшаго духомъ. Хотя для опечаленнаго неудачей автора было не легче отъ этого, но устанавливался именно въ такія тяжелыя минуты тотъ сердечный тонъ, при которомъ взаимное пониманіе укрѣплялось навсегда, что и придавало ея отношеніямъ къ сотрудникамъ и послѣднихъ къ журналу особую дружескую теплоту и близость.

Въ сотрудникахъ она видѣла всю силу журнала, и даже самымъ незначительнымъ изъ нихъ дорожила и старалась привязать его къ дѣлу. Она достигала этого своей страстной любовью къ литературѣ и журналу, на который никогда не смотрѣла, какъ на средство для достиженія личныхъ цѣлей. Для нея весь смыслъ журнала заключался только въ его общественномъ значеніи. «Мой журналъ лишь постольку дорогъ мнѣ, поскольку онъ нуженъ другимъ», говорила она обыкновенно. Отсюда вытекала ея неутолимая жажда давать возможно больше новыхъ статей, ея огорченіе въ случаѣ, если эти статьи были тяжелы, неудобочитаемы или плохо написаны. «Кому это нужно? — говорила она.—Это мертвый матеріалъ»,—огорчалась она по поводу той или иной статьи, которую мы, ея ближайшіе сотрудники, подчасъ навязывали журналу по разнымъ, болѣе или менѣе важнымъ соображеніямъ. Съ этими «соображеніями» она никогда не уставала воевать. «Повѣрьте, мы никогда не достигнемъ того, чтобы не было скучныхъ статей: онѣ неизбѣжны, и я это не хуже васъ понимаю. Но мы должны ставить, какъ идеальное требованіе,—никакихъ тяжелыхъ, скучныхъ статей, а не ваши «соображенія», какъ бы они ни казались существенны». Скучныя статьи, конечно, проскакивали въ журналъ и подчасъ въ изобиліи, что огорчало покойную до слезъ, и когда мнѣ становилось досадно, я укорялъ ее, что это «совсѣмъ по-дамски плакать изъ-за того, что N.N. написалъ скучную статью». На это она язвительно отвѣчала всегда, что это, конечно, «чисто мужская черта—писать скучно и хладнокровно не-

Digitized by Google

чатать скучныя вещи». «Вы про читателя забываете, вотъ въ чемъ суть,— волновалась она.—Пусть это и важно, и умно, и даже нужно. Но что изъ того, если изъ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ читателей вашу «умную» статью прочтутъ только два-три спеціалиста и похвалятъ? Вѣдь спеціалисты нашего журнала не читаютъ, у нихъ свои журналы есть. А читатель, тотъ настоящій массовой читатель, что онъ скажетъ, если статья ему не по силамъ?»

Ея идеаломъ было создать такой журналъ, который былъ бы доступенъ для возможно большаго числа читателей и въ тоже время съ вполнѣ опредѣленнымъ общественнымъ направленіемъ. Для достиженія этого идеала она не жалѣла средствъ и не щадила себя, выбирая матеріалъ изъ массы иностранныхъ изданій и ведя поистинѣ изумительную переписку съ массой сотрудниковъ. Она сама намѣчала темы, указывала источники, слѣдила по многочисленнымъ библіографическимъ изданіямъ за новыми книгами, въ которыхъ отмѣчала все, что при случаѣ могло пригодиться для журнала. Ея рабочая способность была поразительна. Съ ранняго утра она усаживалась за свою любимую работу— просмотръ иностранныхъ изданій и готовыхъ корректуръ, въ которыхъ исправляла, какъ редакторъ, цѣлые абзацы, вычеркивала и правила неловкій оборотъ, неудачное выраженіе или переводила всѣ цитаты съ иностраннаго, которыми иногда такъ любятъ щеголять иные писатели. «Мой читатель не знаетъ иностранныхъ языковъ,—сердилась она за эти цитаты,—ему надо облегчать доступъ къ знанію, а не затруднять непонятными фразами». Читала она бездну книгъ, выходящихъ на всѣхъ языкахъ, и въ то же время внимательно и чутко слѣдила за всѣмъ, что происходитъ въ родной литературѣ и журналистикѣ. Каждая новая книга журнала или новаго автора прочитывалась ею съ карандашомъ въ рукахъ и испещрялась массой помѣтокъ, подчеркиваній, выписокъ на поляхъ, иногда цѣлыми характеристиками автора или его мысли. Благодаря рѣдкому врожденному уму, изощренному многолѣтнимъ общеніемъ съ лучшими нашими литературными и научными силами, она тонко разбиралась въ самыхъ сложныхъ общественныхъ вопросахъ и въ особенности въ нашихъ такъ называемыхъ направленіяхъ. Въ первые годы изданія журнала она избѣгала давать ему болѣе или менѣе опредѣленную окраску. Это были годы исканія, когда журналъ еще слагался. Къ тому же, начало 90-ыхъ годовъ, когда она приступила къ изданію, было временемъ броженія общественной мысли, новое только еще намѣчалось, старое казалось еще въ силѣ, хотя уже утрачивало постепенно свое обаяніе. Такъ и пониманіе ею общественнаго настроенія въ то время именно сказалось въ томъ, что журналъ сохранилъ полную свободу дѣйствія, не связавъ себя ни съ какимъ опредѣленнымъ теченіемъ. И лишь по мѣрѣ развитія и выясненія новыхъ настроеній, она постепенно придавала журналу тотъ характеръ, какимъ онъ отличался потомъ въ ряду другихъ изданій. Какъ «кормщикъ умный», она была далека отъ всякихъ временныхъ увлеченій и направляла свой «грузный челнъ» въ ту или иную сторону послѣ глубокаго обдумыванія и напряженнаго изученія перекрещивающихся общественныхъ теченій. Правиленъ ли былъ взятый его курсъ, или нѣтъ, не мнѣ судить, но это было ея искреннимъ убѣжденіемъ... Въ дальнѣйшемъ ея роль,

Digitized by Google

какъ редактора, была умѣренною, какъ я говорилъ раньше, и въ минуты особенно ожесточенныхъ споровъ она не позволяла въ своемъ журналѣ ничего личнаго, непринципіальнаго, и если что-либо подобное и проскальзывало, это огорчало ее больше, быть можетъ, чѣмъ тѣхъ, кого это непосредственно затрогивало. Наслѣдство ея натуры не выносило ничего рѣзкаго, грубаго, ее просто коробило отъ полемическихъ выходокъ, направленныхъ противъ личности противника, и она не уставала никогда бороться съ проявленіями некорректности и нетерпимости въ полемикѣ. Надъ натискомъ своихъ болѣе молодыхъ и пылкихъ сотрудниковъ она уступала крайне неохотно и всегда оставляла за собой послѣднее слово: «Вы сами пожалѣете объ этомъ впослѣдствіи»,—и была права въ большинствѣ случаевъ....

Такая напряженная работа изо дня въ день, въ теченіе десятка лѣтъ, работа всѣми силами души, всѣми нервами, могла бы, въ концѣ концовъ, салить и гиганта. Что удивительнаго, если, наконецъ, ея сердце не выдержало и разбилось? Самый успѣхъ журнала уже не радовалъ ея,—онъ былъ достигнутъ слишкомъ дорогой цѣной, а усталость, дававшая себя чувствовать все чаще, вызывала ощущеніе горечи, которая проскальзывала въ ея отношеніи къ дѣлу и людямъ. «Да,—говорила она, глядя на редакціонныя полки, на которыхъ покоились сто двадцать «рожденныхъ» ею книгъ,—тутъ вложено много труда, таланта, знанія, но нужно ли это кому? Не самообманъ ли это, и стоило ли затрачивать столько усилій?...» Тѣмъ не менѣе, до послѣдней минуты она продолжала свою работу и умерла, какъ солдатъ на посту. За четыре дня до смерти она составляла программу апрѣльской книги и разсматривала новыя иностранныя изданія, выбирая нужныя статьи для перевода. Почти наканунѣ смерти она сдѣлала необходимыя распоряженія по выпуску мартовской книги. «А то, боюсь, по случаю моей смерти книга запоздаетъ. Подписчикамъ нѣтъ дѣла до того, жива я или нѣтъ, а книгу они должны получить во время». Сама продиктовала объявленіе для газетъ о своей смерти. «Чтобы поменьше всякихъ жалкихъ словъ. Терпѣть не могу этой показной казенной скорби...»

Эта славная смерть, спокойная и безстрашная, блестяще завершила эту чудную жизнь, богатую впечатлѣніями, полную труда, преданную общественнымъ интересамъ. Умирая въ полномъ разгарѣ своей дѣятельности, Александра Аркадіевна могла съ гордымъ самоудовлетвореніемъ глядѣть на дѣло своей жизни, оставляя его въ цвѣтущемъ и развивающемся видѣ. «Мой журналъ», какъ съ полнымъ правомъ называла она «Міръ Божій», превзошелъ самыя смѣлыя ея ожиданія, и достигла она этого только однимъ — честнымъ, бескорыстнымъ, самоотверженнымъ трудомъ, любовью къ дѣлу и людямъ и правдой, которую одну лишь преслѣдовала покойная, ею руководствовалась и ей служила. «Только правдой можно укрѣпить дѣло и завоевать людей. Все остальное приложится», было ея любимой поговоркой.

Какъ человѣкъ глубоко-религіозный,—не той показной религіозностью, которая состоитъ въ исполненіи обрядовъ (обрядовъ она не исполняла никакихъ),—она вѣрила, что духъ ея не умретъ. И мы вполнѣ раздѣляемъ ея

Digitized by Google

вѣру. Онъ не умретъ прежде всего въ памяти тѣхъ, кто имѣлъ счастье знать ее и работать вмѣстѣ съ нею, не умретъ и въ томъ дѣлѣ, которое она создала, которое оживляла и которому оставила завѣтъ: служить правдѣ, какъ служила она...

А. Богдановичъ.

Памяти Александры Аркадьевны Давыдовой.

Природа наградила ее тѣмъ тонкимъ, неудовимымъ талантомъ, который французы опредѣляютъ словомъ charme. Уже не молодая, никогда не молодящаяся, — напротивъ, умышленно подчеркивая свои годы, она часто называла себя старухой, — Александра Аркадьевна до послѣднихъ дней жизни умѣла очаровывать, привлекать къ себѣ людей самыхъ различныхъ взглядовъ, положеній и возраста. И въ этомъ очарованіи была большая доля властности.

— Такъ вы это сдѣлаете, голубчикъ? — говорила Александра Аркадьевна мягкимъ, ласковымъ голосомъ, клала свою маленькую, все еще красивую руку на рукавъ собесѣдника, и почти всегда то, о чемъ она просила, бывало исполнено.

Какъ и большинство живыхъ дѣятельныхъ натуръ, она была властолюбива, но, подчиняя себѣ окружающихъ, она пользовалась ими не для удовлетворенія своихъ мелкихъ желаній, а для *дѣла*. Послѣднія десять лѣтъ, когда интересы издаваемаго ею журнала такъ всецѣло поглотили ее, эти дѣла почти всегда имѣли чисто литературный характеръ. Она любила свой журналъ и какъ важное общественное предпріятіе, и просто какъ свое созданіе, стоившее ей такого упорства и выдержки, столькихъ тревогъ и волненій. Любила его съ пылкостью цѣльнаго и сильнаго человѣка и одинаково страстно относилась, какъ къ его достоинствамъ, такъ и къ неизбѣжнымъ недостаткамъ.

Получивъ удачную статью или разсказъ, новаго автора, Александра Аркадьевна съ увлеченіемъ повторяла:

— Нѣтъ, вы прочтите какая прелесть! Ужъ изъ этого, навѣрное, что-нибудь да выработается.

Ея живые, черные глаза блестѣли тогда чисто молодымъ блескомъ, и она спѣшила познакомиться лично, или письменно, съ начинающимъ писателемъ, узнавала продолжаетъ ли онъ писать, нѣтъ ли у него еще чего-нибудь готоваго.

И какъ искренно, опять-таки горячо, огорчалась и сердилась она, когда ея новая надежда дарила ее какой-нибудь сѣрой или скучной вещью.

— Посмотрите-ка, чего онъ тутъ намазалъ. Вѣдь уже хуже не могъ написать! — говорила она съ такимъ раздраженіемъ, точно злополучный «онъ» нанесъ ей личную обиду. Потомъ, съ своимъ своеобразнымъ юморомъ, высмѣивала и себя, за эту неостывающую способность увлекаться нарождающимися талантами, и предметъ своего увлеченія.

Иногда, прочитывая въ рукописи сухую, нескладную статью о какомъ-нибудь интересномъ вопросѣ, она сердито ворчала:

Digitized by Google

— Разведутъ же такую скучищу! Вѣдь ни одна кошка этого читать не станетъ! А напиши это же самое иначе...

Какъ редакторъ-издательница, она обладала большимъ чутьемъ относительно того, что нравится, что интересуетъ широкій кругъ читателей.

— Вѣдь я сама средній читатель, оттого я и знаю,—поясняла она.

Но это была скромность выдающагося человѣка, несправедливаго къ себѣ.

Въ ней совсѣмъ не было тщеславія. Она никогда не выдвигалась впередъ, не старалась обратить на себя вниманіе, подчеркнуть свое вліяніе или значеніе. Да ей это и не нужно было. И безъ ея стараній судьба всегда выдвигала ее изъ толпы сѣрыхъ, рядовыхъ обывателей. Красивая, и сверхъ того обаятельная, Александра Аркадьевна шестнадцати лѣтъ вышла замужъ и, благодаря своему мужу, сразу попала въ тотъ блестящій кругъ выдающихся артистовъ и художниковъ, попасть въ который составляетъ предметъ недостижимыхъ мечтаній для многихъ людей. И въ этомъ кругу она съумѣла занять видное мѣсто, не только какъ жена своего мужа, но и по праву своей даровитости.

Ея жизнь была богата встрѣчами и впечатлѣніями, и это обострило ея врожденную наблюдательность, выработало изъ нея настоящаго психолога.

Когда Александра Аркадьевна бывала въ духѣ и начинала разсказывать о Рубинштейнѣ или Чайковскомъ, о Гаршинѣ или Гончаровѣ, всѣ они проходили передъ вами какъ живые. Нѣсколькими словами, интонаціей, характерной подробностью, юмористическимъ, или трогательнымъ фактомъ она такъ ярко и выпукло умѣла обрисовать фигуры этихъ крупныхъ людей, что въ ея бѣглыхъ очеркахъ они выходили жизненнѣе, чѣмъ въ длинныхъ, подробныхъ біографіяхъ.

— Хоть бы вы, Александра Аркадьевна, записки написали,—часто говорили ей друзья, заслушавшись ея талантливыхъ разсказовъ.

Но, къ сожалѣнью, она не исполнила ихъ просьбы. Диктовать ей не хотѣлось, да и некогда было, а сама она не писала. Можетъ быть, дѣйствительно, она владѣла только талантомъ рѣчи, но не письма.

По крайней мѣрѣ, она никогда не написала ни строчки для своего журнала. Незадолго до послѣдней болѣзни, увлеченная какимъ-то религіознымъ разсказомъ, она хотѣла сама перевести его, но со страхомъ прибавляла:

— Только не знаю, съумѣю-ли?

Но, если въ ней не было литературнаго дарованія, зато былъ талантъ организатора. Руководя такимъ сложнымъ и шаткимъ дѣломъ, какъ журналъ, Александра Аркадьевна пускала въ ходъ всю свою опытность, все знанье людей, всю свою рѣдкую практичность. Но всѣхъ этихъ качествъ было бы мало, безъ ея необычайной способности понимать людей. И внѣшнія условія нашихъ литературныхъ предпріятій, и внутреннія сношенія съ цѣлымъ батальономъ сотрудниковъ, постоянно требовали напряженія ея дипломатическихъ способностей. У большинства писателей самолюбіе почти всегда находится въ состояніи неустойчиваго равновѣсія. Точно въ душѣ ихъ ноетъ незаживающая болячка горделивой обидчивости, и одного прикосновенія къ ней, иногда даже мнимаго, достаточно, чтобы вызвать цѣлую бурю. Это одна изъ трудныхъ и темныхъ сторонъ писа-

Digitized by Google

тельской психологіи, но Александра Аркадьевна, съ рѣдкимъ тактомъ и умѣньемъ, обходила ее, не задѣвая и не обижая никого.

Тутъ опять-таки она ставила интересы дѣла, журнала, выше своего личнаго тщеславія или мелкаго самолюбія и, пользуясь своимъ charm'омъ, быстро и мягко улаживала возникающія недоразумѣнія и столкновенія. Сдѣлавъ изъ этого журнала центръ своей жизни, она и въ сотрудникахъ цѣнила преданность своему любимому дѣлу и, если говорили о ихъ недостаткахъ, часто отвѣчала:

— Но вы не знаете, какъ такой-то, (или такая-то), преданъ нашему журналу.

Этимъ ее можно было совсѣмъ купить. И она сама часто шутила надъ этой своей слабостью.

Шутить она умѣла такъ же хорошо, какъ и разсказывать. Ея мѣткій, иногда умышленно грубоватый, юморъ поражалъ неожиданностью и какой-то особой, граціозной откровенностью. Александра Аркадьевна никогда не боялась высказать свое мнѣніе, все равно, сходилось ли оно съ ходячими взглядами, или расходилось.

— Это не то... Это не настоящее...—Говорила она о чемъ-нибудь, или о комъ-нибудь, кто былъ въ модѣ, или въ славѣ, но почему-либо не удовлетворялъ ея требованьями.

Понятіе о настоящихъ и не настоящихъ людяхъ у нея было тоже своеобразное. Живя постоянно въ кругу артистовъ,—музыкантовъ, композиторовъ, писателей,—она научилась не прилагать къ людямъ обычной мѣрки шаблонныхъ добродѣтелей и пороковъ, а цѣнила въ нихъ выше всего умъ, доброту, даровитость. Сама занятая съ утра до вечера, она не выносила лѣнтяевъ.

— Бездѣльникъ!—презрительно говорила она, и на ея подвижномъ лицѣ выражалось чуть ли не отвращенье.

Раздражало ее тоже въ людяхъ мотовство и неразсчетливость.

— И какъ это они не понимаютъ, что это просто неприлично, такъ деньгами сорить,—досадливо говорила она.—Сколько можно на эти деньги хорошаго сдѣлать.

Въ своихъ личныхъ расходахъ она была разсчетлива, почти до скупости, откладывая и уменьшая до послѣдней возможности каждую трату. Сколько разъ ворчала она на своихъ сотрудниковъ за ихъ, ненавистную для русскаго литератора, привычку брать авансы и убѣдительно доказывала имъ, что это все происходитъ отъ распущенности и невыдержки, и что нельзя же рабочему человѣку не умѣть считать деньги? Но эта, болѣе или менѣе добродушная, воркотня не мѣшала ей, конечно, давать авансы.

Также какъ умѣнье хорошо считать деньги не мѣшало ей оказывать щедрую денежную помощь тѣмъ, кто почему-либо попадалъ въ тяжелыя условія. И она дѣлала это совершенно незамѣтно и безшумно, такъ что многіе, зная ея разсчетливость, и не подозрѣвали въ ней способности быть щедрой для другихъ.

Впрочемъ, Александру Аркадьевну вообще не легко было узнать. Въ ней

Digitized by Google

была такая смѣсь скрытности и откровенности, прямоты и тактичности, устойчивости и непостоянства, что часто она поражала даже близкихъ людей неожиданностью мнѣній или поступковъ. Но эта перемѣнчивость была чисто внѣшняя, отражалась только на мелочахъ. Въ главномъ, въ достиженіи намѣченной цѣли, она всегда была послѣдовательна и упорна.

Когда Александра Аркадьевна колебалась, не могла ни на чемъ остановиться и нѣсколько разъ мѣняла рѣшеніе, то, въ сущности, это было вызвано не столько нерѣшительностью, сколько привычкой вслухъ высказывать свои соображенія и тоже заставлять другихъ высказываться. Она отлично умѣла изъ каждаго мнѣнія взять то, что въ немъ было разумнаго и практичнаго, и примѣнить все это къ дѣлу. Эта способность особенно пригодилась ей въ первые годы веденья журнала, когда, совсѣмъ неопытная въ этомъ, она старалась совѣтываться съ уже испытанными журналистами и принимала ихъ совѣты къ свѣдѣнію.

Вообще Александра Аркадьевна умѣла слушать, а когда нужно было, такъ и слушаться. Очень женственная по складу натуры, она была совсѣмъ лишена одной изъ самыхъ скверныхъ женскихъ особенностей—безтолковаго, неразумнаго упрямства. Ея капризы,—а она, какъ и всякая женщина, а тѣмъ болѣе баованная, подчасъ капризничала,—носили всегда очень безобидный, несущественный характеръ. Тѣмъ болѣе, что она умѣла съ такимъ забавнымъ остроуміемъ требовать ихъ выполненія, что даже досадывать на нее долго было трудно.

Это остроуміе, вмѣстѣ съ умѣніемъ слушать, придавало большую прелесть разговору съ ней. Умная и чуткая, она удивительно быстро и тонко, безъ словъ понимала чужое настроеніе, схватывала съ одного намека чужую мысль. Оттого съ ней никогда не было скучно. Систематическаго образованія она не получила, но ея живой, быстрый умъ на все отзывался и сразу улавливалъ сущность вопроса.

Но иногда, когда какой-нибудь вопросъ, или книга, казались ей слишкомъ научно-скучными, она, конечно не безъ кокетства, говорила:

— Ну, я этого даже и понять не пробую...

И улыбалась своей милой, лукавой улыбкой. Впрочемъ улыбка, у нея была не одна, а цѣлый арсеналъ ихъ. Мало знакомые люди чаще всего видѣли ея привѣтливую, любезную улыбку. А любезной она умѣла быть, точно маркиза XVIII столѣтія, что не мѣшало ей, улыбаясь, говорить порой безпощадно правдивыя и колкія слова.

Но въ послѣдній годъ она гораздо чаще плакала, чѣмъ смѣялась. Смерть дочери, Лидіи Карловны Туганъ-Барановской, была той безпощадной, ненужной и возмутительной жестокостью судьбы, которая сразу убила въ жизнеспособной и дѣятельной, еще далеко не старой Александрѣ Аркадьевнѣ всѣ интересы стремленія. Правда, въ дочери она потеряла сразу и друга, и помощницу. Туганъ-Барановская унаслѣдовала отъ матери и выдающійся умъ, и дѣятельный характеръ, и тотъ же подкупающій юморъ, только у нея онъ всегда имѣлъ болѣе безобидный характеръ, чѣмъ у матери. Безко-

Digitized by Google

нечно-добрая, отзывчивая, деликатная, она всегда боялась задѣть, сдѣлать больно кому-нибудь. Въ ея шутливой веселости было что-то дѣтски-подкупающее, въ ней чувствовалась чистота человѣка, съумѣвшаго, при всей наблюдательности и проницательности, сохранить душевную свѣжесть и нетронутость, особенно поражающую въ литературномъ, все анализирующемъ кругу. У нея былъ совершенно особенный талантъ общественности, вытекающій изъ ея ненасытной любви къ людямъ и къ жизни.

И смерть ея была тяжелой, незамѣнимой утратой не только для тѣхъ, кто имѣлъ счастье считать себя въ числѣ ея друзей, но и для большого круга знакомыхъ. Но нечего и говорить, что, какъ бы сильно ни было горе другихъ близкихъ, никто не ощутилъ весь ужасъ этой потери съ такой жгучей, не заживающей болью, какъ мать. И эта же боль свела ее въ могилу. Сердце не выдержало не ослабѣвающаго напряженія тоски и отчаянія.

Да и въ сущности весь послѣдній годъ жизни Александры Аркадьевны былъ только мучительной агоніей. Дѣятельная натура толкала ее къ работѣ, она умомъ отлично сознавала, что на ней лежатъ извѣстныя обязанности, что она для многихъ еще можетъ быть полезна и нужна. И она автоматически, по привычкѣ, продолжала работать и заниматься, но во всемъ этомъ уже не было и слѣда прежней горячности и увлеченія. Точно вмѣстѣ съ дочерью что-то погибло, умерло въ ея душѣ...

А. Вергежскій.

Digitized by Google

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Подъ бременемъ визитной карточки. Почтово-телеграфное дѣло, сдѣлавшееся одной изъ видныхъ доходныхъ статей въ нашемъ государственномъ бюджетѣ, слишкомъ мало считается съ интересами населенія съ одной стороны и съ интересами многочисленныхъ, но все еще далеко не достигающихъ самой скромной нормы почтово-телеграфныхъ работниковъ съ другой. Высокіе тарифы на пересылку писемъ и еще болѣе произведеній печати, а вмѣстѣ съ тѣмъ тяжелый, часто совершенно непосильный трудъ служащихъ,—таковы основные недостатки почтово-телеграфнаго дѣла, недостатки, настоятельно требующіе его полной реорганизаціи. Весьма характерной иллюстраціей того положенія, въ какое ставитъ служащихъ тяжелая почтовая работа, является только что разобранное саратовской судебной палатой дѣло самарскихъ почтальоновъ, павшихъ подъ непосильнымъ бременемъ праздничной корреспонденціи, состоявшей главнымъ образомъ изъ визитныхъ карточекъ. Передаемъ сущность этого процесса со словъ «Самарской Газеты».

На пятый день Пасхи прошлаго года самарскіе ребятишки, удившіе рыбу на берегу Волги, вытащили изъ воды свертокъ, который состоялъ изъ сотни почтовыхъ отправленій, въ томъ числѣ около 90 бандеролей съ поздравительными карточками и нѣсколько писемъ. Когда онъ былъ доставленъ въ самарскую почтовую контору, мѣстныя власти тотчасъ же опредѣлили по адресамъ, что всѣ корреспонденціи подлежали раздачѣ въ VII почтальонскомъ участкѣ, который былъ порученъ Андрею Краснову и помощнику его Дмитрію Комиссарову. Будучи допрошены начальникомъ, оба они не только чистосердечно сознались, что наканунѣ, 4 апрѣля, бросили найденный теперь пакетъ въ рѣку, но также добавили, что 2 апрѣля они тѣмъ же путемъ освободились отъ другого пакета, въ которомъ находилось приблизительно столько же поздравительныхъ бандеролей.

По объясненію обвиняемыхъ, Красновъ, опытный почтальонъ, только что былъ назначенъ въ участокъ и не успѣлъ еще изучить его, чтобы имѣть возможность находить адресатовъ безъ посторонней помощи. Комиссаровъ, командированный къ нему въ виду значительнаго протяженія участка (въ

Digitized by Google

него входили 34 квартала), не могъ оказать ему большого содѣйствія, такъ какъ не зналъ ни участка, ни почтовой службы. Между тѣмъ, въ послѣдніе дни передъ Пасхой пришлось усиленно работать съ разборкой писемъ, а начиная съ Свѣтлаго Воскресенья приходилось ежедневно разносить около 5.000 отправленій. Ложились въ 12 час., въ 2 час. будили, нужно было сидѣть за разборкой до 6 часовъ, затѣмъ съ 6 час. утра до 11 вечера разноска, отъ 11—12 час. вечера опять разборка. Итакъ дней семь подрядъ безъ всякой передышки; даже ѣсть приходилось не дома, а въ конторѣ, между дѣломъ. По шагомѣру, который заводился и замыкался завѣдующимъ разноскою, каждый изъ обвиняемыхъ проходилъ по 30 верстъ въ среднемъ, считая всѣ лѣстницы, чердаки и подвалы.

Какъ то Красновъ принесъ обратно нѣсколько писемъ и былъ за это оштрафованъ 2 рублями (изъ 17 р. жалованья!) съ предупрежденіемъ, что при повтореніи проступка онъ, несмотря на свою 5-лѣтнюю безпорочную службу, будетъ вынужденъ подать въ отставку. И Красновъ, и Комиссаровъ—люди семейные. Когда съ перваго же дня Пасхи осталась залежь, они, боясь вернуться съ ней въ контору, оставили у знакомой, чтобы разнести ее поутру, но къ вечеру второго дня нерозданныхъ отправленій оказалось вдвое больше. Тогда они, сговорившись между собою, бросили оставшіяся отправленія въ Волгу. На третій и четвертый день повторилась та же исторія; къ тому же, Красновъ мучился лихорадкой, но его некѣмъ было замѣнить, и онъ, больной, ходилъ по городу.

Судъ, очевидно, довѣряя подсудимымъ, рѣшилъ не провѣрять ихъ показаній допросомъ свидѣтелей.

Товарищъ прокурора въ своей обвинительной рѣчи исходилъ изъ мысли, что разъ человѣкъ далъ присягу, онъ долженъ исполнить свой служебный долгъ во чтобы то ни стало. Конечно, работа почтальона чрезвычайно тяжела, однако, не превышаетъ силы человѣка, что видно хотя бы изъ числа подсудимыхъ: ихъ не 12, а только двое. Само собою разумѣется, тяжкое положеніе подсудимыхъ можетъ служить обстоятельствомъ, смягчающимъ ихъ вину, и даже въ путяхъ Монаршаго милосердія—повести къ пониженію наказанія сравнительно съ низшимъ размѣромъ его по закону.

Защитникъ О. Г. Гиршфельдъ, имѣя въ виду, что все направленіе нашего фабричнаго законодательства ведетъ къ ограниченію работы 8 часами,—промежуткомъ, не истощающимъ силъ человѣка, указывалъ, что 22 часовая работа въ теченіе нѣсколькихъ дней подъ рядъ—явленіе совершенно ненормальное; которое должно привести трудящагося къ полной нравственной подавленности, въ такомъ состояніи человѣкъ уже не управляетъ своими дѣйствіями и не въ силахъ предвидѣть всѣхъ ихъ послѣдствій. Говорятъ, что другіе почтальоны справлялись же со своей задачей... Однако, необходимо помнить, что участокъ Краснова былъ особенно великъ, что именно поэтому начальство командировало въ помощь ему Комиссарова; помощь, впрочемъ, оказалась незначительной; что вскорѣ послѣ Пасхи число почтальонскихъ участковъ въ городѣ увеличено съ 12 до 14. Если на скамьѣ подсудимыхъ только двое, то это значитъ лишь,

Digitized by Google

что противъ остальныхъ почтальоновъ не имѣется уликъ. Защитникъ проситъ примѣнить ст. 96, говорящую о невмѣненіи въ вину дѣяній, совершенныхъ въ состояніи умопомраченія или совершеннаго безпамятства, если же палата не найдетъ этого возможнымъ, то ходатайствовать передъ Государемъ о помилованіи.

На основаніи ст. 1.100 улож., палата приговорила обоихъ обвиняемыхъ лишить всѣхъ особенныхъ правъ и заключить въ тюрьму на восемь мѣсяцевъ каждаго.

Производительность труда на русскихъ и англійскихъ фабрикахъ. Незначительное, съ 24-хъ до $21^1/_2$ часа въ сутки, сокращеніе рабочаго времени, установленное на нашихъ фабрикахъ закономъ 1898 г., хотя и вызвало замѣтное повышеніе производительности труда, но и теперь еще въ этомъ отношеніи русскій рабочій остается далеко позади своего европейскаго собрата. Въ области ткацкаго производства г. Д. Ф. приводитъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», для сравненія успѣшности работы нашихъ фабрикъ съ англійскими слѣдующія числовыя данныя полезной работы въ единицу времени выраженныя въ процентахъ:

Названіе товара.	% полезной работы. Для нашихъ работъ.	Для англійскихъ.
Миткаль 1	78	83—93
» 3	76	84—94
Молескинъ	84	88—95
Жекардъ	83	83—92
Бязь	79	90—94
Деминотонъ	81	90—94

Для Россіи г. Д. Ф. взялъ данныя одной изъ лучшихъ фабрикъ. Данныя для англійскихъ фабрикъ сообщены автору компетентнымъ лицомъ, причемъ меньшія цифры въ первомъ столбцѣ относятся къ старымъ фабрикамъ, а большія во второмъ столбцѣ къ новымъ и къ тѣмъ, гдѣ большинство рабочихъ заинтересовано въ предпріятіи. Итакъ, если въ извѣстное время русскій ткачъ *при всѣхъ техническихъ улучшеніяхъ* сработаетъ 78 арш. миткаля, то англійскій ткачъ въ то же время успѣваетъ сработать больше отъ 5 до 15 аршинъ. Для уясненія причинъ, понижающихъ производительность работы русскихъ ткацкихъ фабрикъ съ прекрасными техническими улучшеніями даже со старыми англійскими фабриками, г. Д. Ф. сравниваетъ тѣ условія, которыя вліяютъ на производительность труда.

Рабочее время. Англійскій ткачъ работаетъ въ недѣлю 56 часовъ, русскій $\frac{27,5}{2}$. Распредѣленіе рабочаго времени англійскаго ткача ежедневно отъ 7-ми до $8^1/_2$, 9—1, 2—7-ми часовъ, всего $10^1/_2$ часовъ. Въ субботу кончается работа въ 12 часовъ, а начинается въ понедѣльникъ въ 9 часовъ. На тѣхъ русскихъ фабрикахъ, гдѣ строго придерживаются законнаго времени, денные ткачи работаютъ отъ 6-ти до 12-ти и съ 2-хъ до $7^1/_2$ часовъ, всего 11,5 часовъ въ день, а въ недѣлю 69 часовъ. Смѣнные ткачи работаютъ $21^1/_2$ часъ въ день, а въ субботу 20 часовъ.

Digitized by Google

Время распредѣляется слѣдующимъ образомъ.

Первая женская смѣна: отъ 4-хъ утра до 10-ти час. дня и съ 4-хъ час. дня до $9^1/_2$ вечера, всего 11,5 часовъ, въ субботу только не до $9^1/_2$, а до 8-ми час. Въ недѣлю—67,5 часа.

Вторая мужская смѣна: отъ 10-ти час. дня до 4-хъ час. дня и отъ $9^2/_2$ вечера до $1^1/_2$ час. ночи. Въ субботу до 12-ти час. ночи, а не до $1^1/_2$ час. Всего въ недѣлю 60 часовъ. Въ самомъ благопріятномъ условіи по количеству рабочаго времени въ недѣлю находится мужская смѣна, такъ какъ работаетъ въ недѣлю всего 60 часовъ, а на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ работа оканчивается въ 6 часовъ по субботамъ, число часовъ работы въ недѣлю = 57-ми часамъ. Къ неблагопріятному времени работы мужской смѣны для бо́льшей производительности можно отнести время ея работы отъ $9^1/_2$ до $1^1/_2$ часа ночи и, главнымъ образомъ, время отъ $11^1/_2$ до $1^1/_2$ часа. Въ неблагопріятныхъ условіяхъ по количеству рабочаго времени=69-ти час. и въ благопріятныхъ условіяхъ по распредѣленію времени работы находятся денные ткачи, такъ какъ бо́льшая часть времени работы происходитъ при денномъ свѣтѣ. Хотя число часовъ работы денныхъ ткачей превышаетъ число часовъ англійскихъ ткачей на 13 въ недѣлю, чѣмъ понижается интенсивность труда, но зато денные рабочіе могутъ при благопріятныхъ условіяхъ домашней жизни вести свою жизнь бо́лѣе нормально.

Въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ находятся рабочіе первой смѣны, которая почти исключительно состоитъ изъ женщинъ. Всего часовъ работы, какъ было указано выше,—67,5 часовъ, что̀ превышаетъ число часовъ работы ткачей въ Англіи на $11^1/_2$, а поэтому интенсивность труда, конечно, понижается. Сравнивая время работы англійскихъ ткачей съ русскими первой смѣны, мы видимъ, что русскіе работаютъ отъ 4 хъ до 7-ми и отъ 7-ми до $9^1/_2$ часовъ—время, которое не можетъ быть (по времени дня) столь продуктивнымъ, какъ время работы англійскихъ ткачей отъ 2-хъ до 7-ми часовъ вечера. Слѣдовательно, продуктивность русскихъ ткачей отъ количества часовъ работы и отъ распредѣленія времени работы. Отъ времени работы зависитъ образъ жизни рабочаго, а отъ образа жизни рабочаго зависитъ его трудоспособность.

На образъ жизни рабочаго вліяетъ устройство его жилища. Въ Англіи каждое рабочее семейство имѣетъ свою квартирку, состоящую изъ четырехъ комнатъ, расположенныхъ въ двухъ этажахъ. Квартирки зажиточныхъ рабочихъ отъ болѣе бѣдныхъ отличаются только нѣкоторымъ размѣромъ комнатъ, маленькой пристройкой для кухни и для ванной комнаты во второмъ этажѣ и убранствомъ самихъ комнатъ. Передъ квартиркой — всегда почти маленькій садикъ, а сзади дворикъ съ сарайчикомъ. Размѣръ комнатъ 13×13 футовъ, а вышина 9,5 фута. Первая комната гостиная, вторая — столовая и кухня, а наверху спальни. Число спаленъ увеличивается перегородками. Отопленіе или газовое или угленъ. Освѣщеніе—газовое. Если семейство состоитъ изъ двухъ членовъ, то оно поселяется часто у родныхъ, чтобы не вести своего хозяйства и обоимъ работать. При большомъ семействѣ, какъ въ 5—6 человѣкъ, хо-

Digitized by Google

зяйка не работаетъ на фабрикѣ, или же въ домъ приглашается родственница за плату для веденія хозяйства. Утромъ все семейство встаетъ въ одно время, и почти всѣ уходятъ на работу; но если дѣти еще малы, то они отправляются въ школы. Обѣдаютъ (завтракаютъ) всѣ въ одно время. Пища, конечно, питательнѣе постной пищи, которая сильно изнуряетъ организмъ нашихъ рабочихъ. Вечеромъ всѣ въ одно время ужинаютъ (обѣдаютъ), а затѣмъ рабочіе или занимаются своими домашними дѣлами, или идутъ въ рабочій клубъ, или же въ театръ. Въ 10—11 часовъ всѣ ложатся обыкновенно спать. Если предположимъ даже, что семейство состоитъ изъ десяти членовъ, то воздуха въ четырехъ комнатахъ по $13 \times 13 \times 9{,}5 = 1605{,}5$ кубическихъ футовъ, всего 6,422 кубическихъ футовъ, такъ что на каждаго человѣка приходится 642,2 кубическихъ футовъ; но въ среднемъ можно считать 1,000 куб. футовъ на человѣка, что̀ составляетъ въ 4—5 разъ больше, чѣмъ приходится воздуха для нашего рабочаго. Слѣдовательно, англійскій рабочій послѣ утомительной работы приходитъ домой, гдѣ чистый воздухъ, гдѣ онъ одинъ со своимъ семействомъ и можетъ дѣлать все, что̀ ему угодно. Совсѣмъ другую картину представляетъ жизнь нашихъ рабочихъ. Обыкновенно въ одной комнатѣ въ одно окно помѣщаются два семейства; въ комнатѣ въ два окна помѣщаются четыре семейства, и въ этомъ случаѣ число лицъ равняется 8-ми человѣкамъ, а черезъ нѣкоторое время оно достигаетъ и двѣнадцати, такъ какъ при фабрикахъ чувствуется большой недостатокъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ, и все бо̀льшее число людей помѣщается въ каждое жилое помѣщеніе. Въ четвертомъ часу утра женщины встаютъ, чтобы идти работать, но предварительно несутъ въ печи горшки съ кашей и супомъ. Вставаніе и приготовленіе пищи нарушаетъ сонъ остающихся. Впродолженіи всего дня одна часть рабочихъ уходитъ на работу, а другая приходитъ; впродолженіи всего дня по очереди ѣдятъ, а ночью, когда оставшіеся уже спятъ, въ $1^1/_2$ час. приходитъ послѣдняя смѣна и нарушаетъ тишину. При такихъ условіяхъ русскій ткачъ не имѣетъ спокойнаго сна, не имѣетъ мѣста для отдыха. Еще въ худшемъ положеніи находятся тѣ, которымъ не достаюсь хозяйскаго помѣщенія. Послѣднимъ приходится нанимать часто за 3—5 рублей уголъ, т.-е. часть комнаты. Въ этомъ случаѣ родители спятъ на постели, а дѣти подъ постелью. Въ хозяйскомъ помѣщеніи есть коридоры, кухни, гдѣ могутъ играть дѣти, а въ наемныхъ квартирахъ дѣти живутъ безъ опредѣленнаго мѣста. Въ самомъ худшемъ положеніи находится женщина-ткачиха, такъ какъ она по несчастной случайности должна работать не 10 часовъ въ день, какъ мужчина, а $11^1/_2$ часовъ, а заработокъ дѣлить пополамъ съ мужчиной. Все хозяйство, а слѣдовательно, и столкновенія съ другими жильцами комнаты приходятся на долю женщины. Мытье бѣлья, уходъ за дѣтьми и шитье, все приходится на долю женщины. Если къ этому прибавить, что на нѣкоторыхъ фабрикахъ въ больницахъ, въ баняхъ, въ лавкахъ и прачечныхъ приходится ждать очереди цѣлыми часами, то понятно будетъ, что продуктивность работы русской ткачихи стоитъ гораздо ниже англійской.

Теперь приходится затронуть еще вопросы о техническихъ усовершенство-

Digitized by Google

ваніяхъ и способѣ оцѣнки труда. Пряжа, употребляемая у насъ на тѣ же сорта тканей, которые работаются въ Англіи, гораздо крѣпче и чище. Наши благоустроенныя фабрики не уступаютъ новымъ англійскимъ фабрикамъ, но зато наши старыя фабрики, которыя по 20—25 лѣтъ не мѣняютъ машинъ и скупятся на ремонтъ машинъ, далеко отстаютъ отъ англійскихъ. Качество англійскаго товара для колоній стоитъ ниже нашего товара для Юга и Сибири. Что же касается оцѣнки труда, то она совершается въ Англіи по строго установленной формѣ. Форма оцѣнки устанавливается союзами рабочихъ, цѣна же за единицу труда измѣняется и устанавливается въ зависимости отъ рынка предпринимателемъ и союзомъ рабочихъ. У насъ же нѣтъ строгой оцѣнки труда, а цѣны измѣняются черезъ годъ, полгода и даже черезъ двѣ недѣли. Каждый рабочій знаетъ, что если онъ слишкомъ станетъ поднимать выработку, то скоро послѣдуетъ убавка цѣны безъ всякихъ на то внѣшнихъ причинъ, а это, въ свою очередь, понижаетъ интенсивность труда.

Таковы причины, имѣющія вліяніе на производительность труда на русскихъ фабрикахъ.

Изъ прошлаго. «Саратовскій Дневникъ» извлекаетъ изъ только что вышедшаго третьяго тома «Литературы и просвѣщенія въ Россіи XIX вѣка» (прилож. къ «Ученымъ запискамъ» казанскаго университета) собранныя проф. Бобровымъ интересные матеріалы о Платонѣ Степановичѣ Нахимовѣ, бывшемъ инспекторомъ студентовъ московскаго университета въ періодъ съ 1834 по 1848 годъ.

П. С. Нахимовъ, братъ знаменитаго адмирала и самъ морякъ, оставилъ по болѣзни службу во флотѣ и вышелъ въ 1827 г. въ отставку капитаномъ 2-го ранга. Онъ былъ человѣкомъ необычайно добрымъ, и проф. Бобровъ приводитъ два факта, которые ярко рисуютъ отношенія Платона Степановича къ студентамъ.

1) «Во время революціи 1848 года университетъ былъ сильно возбужденъ. Это было первое начало, когда въ эпоху 40-хъ годовъ въ массѣ студентовъ зародился интересъ къ соціальнымъ вопросамъ. Устроился студенческій клубъ. Нанята была особая квартира, гдѣ и собиралось до 400 человѣкъ, доставали всѣ иностранныя газеты и брошюры, шли оживленные толки. Вдругъ въ самомъ разгарѣ Платонъ Степановичъ прислалъ за вожаками клуба, которыхъ онъ безошибочно угадалъ, потому что вообще зналъ чуть не каждаго студента, а почему-либо выдающихся—очень коротко.

«Платонъ Степановичъ вышелъ нѣсколько озабоченный и болѣе серьезный, чѣмъ обыкновенно.

«У васъ тамъ клубъ господа?»—«Да, есть, Платонъ Степановичъ».—«И, конечно, есть всякаго рода запрещенныя изданія?»—«Есть, Платонъ Степановичъ».—«Ну, такъ вотъ что я вамъ скажу, господа! Все это дошло до жандармскаго начальства; не сегодня—завтра у васъ сдѣлаютъ обыскъ: такъ вы клубъ этотъ немедленно закройте; все, что есть запрещеннаго, пришлите ко мнѣ, да не забудьте въ каждое такое сочиненіе вложить закладку, кому оно принадлежитъ: уляжется все—стану раздавать, такъ, пожалуй, перемѣшаю.

Digitized by Google

Да, пожалуйста, ведите себя поосторожнѣй! Вѣдь ни за грошъ пропадете. Послѣ одумаетесь, чушь эта сама изъ головы выпадетъ, а ушлютъ кого-нибудь, погубятъ ни за грошъ—и на себя послѣ пенять станете, да и меня нехорошимъ словомъ помянете: вотъ, скажете, старикъ-ротозѣй не умѣлъ во время предупредить».

«И, дѣйствительно, клубъ мы закрыли, запрещенныя изданія съ закладками снесли къ Платону Степановичу, а онъ, когда все улеглось, возвращая ихъ назадъ, не перемѣшалъ».

2) «Когда казенные студенты обѣдали въ столовой, Платонъ Степановичъ никогда не ходилъ; вдругъ онъ явился туда, къ общему изумленію. Добродушно переходилъ онъ отъ стола къ столу и разговаривалъ со студентами; отходя отъ одного изъ столовъ, онъ снова обернулся и сказалъ: «Ахъ, господа! Я забылъ вамъ еще сказать вотъ что: когда вамъ нужно у себя въ номерѣ что-нибудь такое, что вы не хотите, чтобы до меня дошло, дѣлайте это, когда господинъ Р. ушелъ».

«Затѣмъ Платонъ Степановичъ ушелъ. Р. былъ казенный студентъ изъ семинаристовъ; привыкнувъ наушничать отцу-ректору, онъ хотѣлъ примѣнить эту систему и къ Платону Степановичу, но не ожидалъ, конечно, такого исхода» (Колюпановъ, стр. 538).

Проф. Бобровъ заимствуетъ нѣсколько страницъ изъ Писемскаго, который, изображая московское студенчество въ своемъ романѣ «Взбаломученное море», далъ портретъ Платона Степановича,— по словамъ проф. Боброва,— исторически вѣрный и подтверждаемый другими свидѣтелями.

Ирбейское дѣло. Корреспонденту «Сибирской Жизни» случилось встрѣтиться съ людьми, проживающими въ Ирбейской волости, гдѣ въ прошломъ году произошло страшное избіеніе крестьянами татаръ-конокрадовъ. Естественно, разговоръ шелъ почти исключительно объ этихъ событіяхъ, на которыя собесѣдники корреспондента пролили новый свѣтъ.

Въ Ирбейской волости прочно основывались татары-конокрады. Это были своего рода коммерсанты, они воровали лошадей и требовали съ потерпѣвшихъ дани за возвратъ украденныхъ лошадей. Такой данью были обложены всѣ крестьяне Ирбейской волости. Татары жили безбѣдно своимъ промысломъ, а крестьяне должны были работать и на себя, и на татаръ, обложившихъ ихъ данью.

Конечно, при энергическомъ вмѣшательствѣ властей можно было бы постепенно уничтожить такой въ высшей степени ненормальный порядокъ вещей. Но власти относились пассивно, а крестьяне не были достаточно сплочены, чтобы бороться на легальной почвѣ съ этими новыми «баскаками».

Вспышка нередней злобы вызвана была слѣдующимъ событіемъ.

У одного крестьянина украли лошадей, въ томъ числѣ одну очень хорошую. За возвращеніе лошадей конокрады-татары потребовали 50 рублей, а потомъ уступили изъ этой суммы 20 руб.

Крестьянинъ обратился къ начальству; но послѣднее, при недостаткѣ доказательствъ, не могло помочь его горю. Крестьяне рѣшили сдѣлать мѣтки на

Digitized by Google

кредитныхъ бумажкахъ, которыя потерпѣвшій отдалъ конокрадамъ. По этимъ мѣткамъ конокрады были уличены и арестованы. Но ихъ единомышленники не дремали и рѣшили отомстить смѣльчаку, рѣшившему сбросить съ себя это своеобразное «татарское иго». Они ночью забрались во дворъ смѣльчака и зарѣзали весь скотъ; пораспарывали животы коровамъ и такъ оставили во дворѣ.

Это было каплей, переполнившей сосудъ.

Крестьяне смежныхъ деревень сговорились бить татаръ и не давать имъ пріюта у себя, если они будутъ перебѣгать изъ деревни въ деревню.

Расправа крестьянъ съ татарами была въ высшей степени жестока. Татаръ убивали въ домахъ. Одна дѣвочка, лѣтъ 12, побѣжала на рѣку Канъ во время ледохода. Ее замѣтили и устроили на нее облаву, какъ на звѣря, засыпая градомъ пуль и, наконецъ, добрались на лодкѣ до нея и веслами спихнули въ воду. Она молила палачей оставить ей жизнь, обѣщая креститься, но они отвѣтили: «не надо намъ тебя!»

Разбѣжавшихся по тайгѣ татаръ добивали на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ встрѣчали. Пощажена была лишь одна семья татаръ, не занимавшаяся конокрадствомъ и не якшавшаяся съ конокрадами. Разсвирѣпѣвшая толпа хотѣла убить одного коренного крестьянина, слывшаго за коновода конокрадовъ. Пріѣхавшія власти спасли его отъ смерти, въ тотъ же моментъ, когда крестьяне дрекольями поднимали амбаръ (на стойкахъ), чтобы задавить имъ скрывшагося тамъ атамана конокрадовъ.

Несомнѣнно, замѣчаетъ корреспондентъ, что за всѣ эти жестокости придется поплатиться крестьянамъ не дешево. Но невольно возникаетъ вопросъ,— нельзя ли было предотвратить катастрофу болѣе энергичными мѣрами по отношенію къ конокрадамъ? На этотъ вопросъ не можетъ быть иного отвѣта, кромѣ утвердительнаго, тѣмъ болѣе, что въ мѣстной печати задолго до прискорбнаго случая появлялись сообщенія о могущей быть катастрофѣ.

Изъ жизни сибирскаго духовенства. Изъ-за Байкала въ «С.-Петербургскія Вѣдомости» пишутъ на старую, но, къ сожалѣнію, далеко не устарѣвшую тему о низкомъ уровнѣ просвѣщенности нашихъ служителей церкви, въ особенности въ Сибири, гдѣ священникъ, при отсутствіи культурной среды на мѣстѣ служенія, быстро отрѣшается и отъ того немногаго, что онъ вынесъ изъ семинаріи? Гдѣ-нибудь въ глуши,—а глушь въ Сибири преобладаетъ,— онъ оказывается вполнѣ безсильнымъ противостоять одичанію среди инородческаго или полуинородческаго населенія. «Мы,—говоритъ корреспондентъ,—знаемъ факты обращенія лицъ духовнаго званія къ шаманамъ; знали одного дьякона (потомъ священника), который, пуская бумажнаго змѣя, увѣрялъ инородцевъ, что это—пакетъ, посылаемый имъ въ небесную канцелярію съ запросомъ насчетъ размѣра платы за требы. Положимъ, это было давно: лѣтъ 10—12 тому назадъ. Но вотъ вамъ факты животрепещущей дѣйствительности.

«Миссіонеръ провѣдалъ, что нѣкая крещеная имъ бурятка Хамбаева, хотя и не уклоняется отъ исповѣди и причастія, но продолжаетъ поклоняться бурханамъ.

Digitized by Google

«Однажды онъ неожиданно нагрянулъ въ ея юрту и дѣйствительно увидѣлъ на полкѣ рядомъ съ иконой буддійскаго божка. Миссіонеръ возбуждаетъ дѣло, и Хамбаева за отступничество отъ православія предается окружному суду. На процессѣ выясняется, что бурятка была крещена 14 лѣтъ. По-русски она рѣшительно ничего не понимаетъ. Миссіонеръ заявляетъ, что онъ долго увѣщевалъ ее, но всѣ его усилія были напрасны.

«— На какомъ языкѣ вы объяснялись съ ней?—спрашиваетъ защитникъ.

«— На бурятскомъ.

«— Вы хорошо говорите по-бурятски?

«— Ми... да, болѣе или менѣе.

«На просьбу защитника произнести нѣсколько фразъ по-бурятски, миссіонеръ забормоталъ что-то, но на такомъ языкѣ, на которомъ ни одинъ народъ на земномъ шарѣ не говоритъ. Ясно было, что самыя краснорѣчивыя увѣщанія, произносимыя на этомъ діалектѣ, оставались для Хамбаевой совершенно непонятными. На вопросъ предсѣдателя (черезъ переводчика) о виновности, подсудимая выражаетъ изумленіе: она никого не убила и никогда ничего не украла. Предсѣдатель формулируетъ вопросъ иначе. Онъ спрашиваетъ: кому она молится? Бурятка cum sancta simplicitate отвѣчаетъ: «Христу и бурхану». Судъ отнесся снисходительно къ этой наивной «преступницѣ» и приговорилъ ее къ отдачѣ на увѣщаніе. Нужно было видѣть смущеніе о. миссіонера. «Опять увѣщевать!»—не удержался онъ, чтобъ не воскликнуть. И въ самомъ дѣлѣ, есть отъ чего придти въ отчаяніе! Извольте объясняться съ глупой буряткой на невѣдомомъ никому какомъ-то волапюкѣ! При такихъ условіяхъ, несомнѣнно, гораздо проще и для самой подсудимой вразумительнѣе предоставить дѣло свѣтской власти...

Въ Финляндіи. Въ «Финляндской Газетѣ» напечатано: «Происшествія, сопровождавшія объявленіе Высочайшаго манифеста 29-го іюня 1901 года въ двухъ гельсингфорскихъ лютеранскихъ церквахъ 3-го и 10-го февраля, вызвали много разныхъ противорѣчивыхъ толковъ. Въ виду сего редакція «Финляндской Газеты» даетъ мѣсто послѣдовательному изложенію какъ самыхъ происшествій, такъ и подготовившей ихъ агитаціи.

«Высочайшимъ манифестомъ отъ 29-го іюня (12 іюля) 1901 г. объявлено было объ изданіи Высочайше утвержденнаго для Великаго Княжества Финляндскаго новаго устава о воинской повинности. Вскорѣ послѣ этого въ г. Гельсингфорсъ начали съѣзжаться многіе депутаты чрезвычайнаго сейма 1899 года и другія лица, извѣстныя своею политическою дѣятельностью.

«Послѣ нѣсколькихъ частныхъ сходокъ, главнымъ образомъ на квартирѣ извѣстнаго политическаго дѣятеля Мехелина, всѣ вышеупомянутыя лица и многія другія собрались 4-го (17 го) августа на островѣ Тургольмъ (близъ г. Гельсингфорса), гдѣ и выработали прокламацію къ пасторамъ, въ коей обращались къ духовнымъ пастырямъ народа, чтобы они личнымъ примѣромъ неподчиненія названному Высочайшему повелѣнію повлекли бы къ тому же своихъ прихожанъ и отнюдь не объявляли бы, какъ то требуется закономъ, съ церковныхъ

Digitized by Google

каѳедръ Высочайшаго манифеста о воинской повинности, «дабы тѣмъ не дать новому постановленію даже тѣни закона *)».

«Вслѣдъ за этой прокламаціей среди населенія начала распространяться другая, подъ заглавіемъ «Какъ слѣдуетъ поступать въ дѣлѣ воинской повинности» и подписанная: «Нѣкоторые сеймовые депутаты».

«Въ послѣдней прокламаціи, обращенной «къ почтеннымъ гражданамъ», рекомендуется прихожанамъ обратиться черезъ депутацію къ пасторамъ съ просьбами не объявлять Высочайшаго манифеста, а если послѣдніе не дадутъ рѣшительнаго отвѣта, то заявить въ церкви дружный протестъ, лишь только пасторъ начнетъ чтеніе, не останавливаясь даже передъ самыми энергичными мѣрами для его прерванія, послѣ чего безотлагательно всѣмъ выходить изъ церкви.

«Кромѣ этихъ прокламацій, въ краѣ появилось громадное количество всевозможныхъ брошюръ и листковъ, помѣченныхъ главнымъ образомъ Стокгольмомъ и Штетиномъ, въ коихъ народу представлялся въ самомъ извращенномъ видѣ новый уставъ о воинской повинности. Слѣдуя намѣченной въ вышеприведенныхъ прокламаціяхъ программѣ, пасторы во многихъ церквахъ отказались, какъ извѣстно, отъ объявленія Высочайшаго манифеста,—нѣкоторые войдя съ ходатайствомъ въ Императорскій финляндскій сенатъ объ избавленіи ихъ отъ такой обязанности, другіе же подавъ весьма рѣзкіе отзывы, въ коихъ заявляли, что «не могутъ признавать за Высочайшимъ манифестомъ силы и значенія закона», а потому «по долгу совѣсти и не могутъ объявить ихъ народу, какъ законъ безъ содѣйствія тѣмъ правонарушенію и измѣны принятой ими присягѣ». Однако Императорскій финляндскій сенатъ отказалъ во всѣхъ ходатайствахъ пасторовъ и предписалъ консисторіямъ принять соотвѣтственныя мѣры къ скорѣйшему обнародованію новаго закона.

«Временемъ, потребнымъ для разсылки по всей финляндской окраинѣ «Сборника постановленій», содержащаго Высочайшій манифестъ о воинской повинности, а также задержкою нѣкоторыми магистратами передачи означеннаго «сборника постановленій» въ надлежащія пасторскія управленія, причемъ нюстадскій магистратъ даже не передалъ его вовсе, основываясь на томъ, что «новый уставъ не можетъ имѣть въ Финляндіи силы закона», — усердно воспользовалась преступная агитація, подготовивъ къ противодѣйствію вліятельную интеллигенцію, а въ нѣкоторыхъ немногихъ общинахъ—и самый народъ.

«При началѣ чтенія Высочайшаго манифеста въ иныхъ церквахъ отдѣльныя личности, главнымъ образомъ изъ интеллигентовъ, обращались къ пастору съ заявленіемъ будто бы отъ имени прихожанъ «не читать документовъ, состоявшихся въ порядкѣ, не установленномъ основными законами», въ другихъ пре-

*) Объявленіе въ церквахъ производится частью въ силу положительнаго закона, отчасти по установившемуся обычаю и произвольно. Къ перваго рода объявленіямъ относятся узаконенія, помѣщаемыя въ «Сборникѣ постановленій» съ пометкой «публиковать въ церквахъ», причемъ многія узаконенія, помѣщаемыя въ семъ «Сборникѣ», не имѣютъ таковой пометки, но равно съ первыми пріобрѣтаютъ силу закона.

Digitized by Google

рывали чтеніе пѣніемъ псалма «Господь наша могучая защита» или шумно выходили изъ церкви».

«Въ сиббоской же церкви (Нюландской губ.) нѣкоторыя интеллигентныя лица позволили себѣ насильно удалять желавшихъ слушать чтеніе Высочайшаго манифеста, а при выходѣ пастора изъ церкви—вырвать у него документы, толкать и давать пинки.

«Обращавшіеся къ пасторамъ съ приведенными заявленіями и призывавшіе прихожанъ начинать пѣніе псалма, не назначеннаго, какъ то требуется § 24-мъ церковнаго уложенія, пасторомъ на этотъ день, были привлекаемы къ судебной отвѣтственности, но оправдываемы мѣстными судами».

«Несмотря на категорическое указаніе сената и епископовъ, нѣкоторые пасторы все-таки не приступили къ чтенію Высочайшаго манифеста о воинской повинности, за что и привлечены къ подлежащей отвѣтственности; для объявленія же съ церковныхъ каѳедръ новаго закона были вмѣсто нихъ командированы не имѣющіе приходовъ пасторы, изъ коихъ пасторъ Хальме приступилъ къ чтенію Высочайшаго манифеста въ гельсингфорскихъ церквахъ: 3-го (16-го)—въ Николаевской и 10-го (13-го) февраля въ Новой церкви».

«Лишь только названный пасторъ началъ чтеніе Высочайшаго манифеста въ Николаевской церкви, тотчасъ же около него образовалась группа лицъ, предводительствуемая бывшимъ редакторомъ газеты Pälvälehti Эро Эркко, который заявилъ: «Отъ имени финскаго народа мы просимъ васъ прекратить чтеніе постановленія о воинской повинности и сойти съ каѳедры», причемъ вокругъ послышались голоса: «Мы присоединяемся!» Вслѣдъ за симъ начали пѣть псаломъ «Господь наша могучая защита», почему пасторъ вынужденъ былъ прекратить чтеніе.

«Участники демонстраціи были приглашены полицейскимъ комиссаромъ въ участокъ для составленія протокола, причемъ сначала они желали уклониться отъ выполненія требованія комиссара, но по приближеніи нѣсколькихъ констаблей повиновались.

«При допросѣ всѣ задержанные, въ числѣ коихъ былъ, между прочимъ недавно отрѣшенный сенатомъ отъ должности ректоръ шведскаго нормальнаго лицея фонъ-Бонсдорфъ, состоящій нынѣ тамъ же преподавателемъ, адвокаты вице городсгевдинги фонъ-Гартманъ и Эмиль Валлинъ и другіе, желали отвѣчать всѣ разомъ, удаленные же въ другую комнату, сдѣлали попытку скрыться, но были остановлены.

«По составленіи протокола всѣ задержанные были освобождены.

«Въ слѣдующее воскресенье, 10-го (23-го) февраля, приступивъ послѣ окончанія службы къ чтенію Высочайшаго манифеста въ новой церкви, пасторъ Хальме былъ остановленъ громкимъ возгласомъ вышеупомянутаго г. фонъ-Бонсдорфа: «Пастору нельзя читать постановленіе о воинской повинности, такъ какъ оно незаконное и явилось незаконнымъ путемъ, и мы протестуемъ противъ чтенія».

«Вслѣдъ за симъ докторъ Іоганъ-Вильгельмъ Цилліакусъ и другіе окружавшіе г. фонъ-Бонсдорфа, а также и многіе прихожане кричали: «Нельзя читать по-

Digitized by Google

добное» и тотчасъ же начали пѣть псаломъ «Господь наша могучая защита», къ каковому пѣнію присоединились всѣ находившіеся въ церкви, чѣмъ и заставили настора Хальме прекратить чтеніе Высочайшаго манифеста.

«При выходѣ изъ церкви, на паперти, лица, участвовавшія въ безпорядкахъ, были приглашены полиціей въ полицейскій участокъ для составленія протокола Несмотря на неоднократныя просьбы полиціи разойтись, огромная толпа сопровождала задержанныхъ до полицейскаго участка, передъ которымъ и осталась ждать, запрудивъ прилегающія улицы».

«На всѣ приглашенія полиціи разойтись толпа отвѣчала крикомъ «ура», почему были вызваны конные полицейскіе и имѣвшійся пѣшій нарядъ, которые и разсѣяли толпу, причемъ нѣсколько сопротивлявшихся были задержаны.

«Въ числѣ приглашенныхъ въ полицейскій участокъ для составленія протокола между прочими были: отрѣшенный отъ должности вице-ландскамеринъ нюландскаго губернскаго правленія Вернеръ Гольмбергъ, бывшій ректоръ фонъ-Бонсдорфъ, магистры философіи Гуго-Вильгельмъ Блуквистъ и Генрихъ Стель, протокольный секретарь сената Эмиль Фругельмъ, позволившій себѣ ударить палкой полицейскаго комиссара, нѣсколько человѣкъ изъ учащейся молодежи и другіе.

«Всѣ протоколы по сему дѣлу переданы городскому фискалу для привлеченія виновныхъ къ судебной отвѣтственности».

За мѣсяцъ. Истекшій мѣсяцъ ознаменовался рядомъ оффиціальныхъ сообщеній о происходившихъ въ разныхъ городахъ безпорядкахъ и о понесенныхъ участниками этихъ послѣднихъ наказаніяхъ.

Въ кіевскихъ газетахъ напечатано слѣдующее сообщеніе начальника края о безпорядкахъ *въ Кіевѣ*.

«2-го февраля, въ 12 час. 40 мин. дня, на Крещатикѣ, противъ Пассажа, изъ числа многочисленной, по случаю праздничнаго дня, гулявшей по тротуарамъ публики, выскочили на средину улицы человѣкъ 50—60 студентовъ и мастеровыхъ и съ крикомъ «ура» подняли нѣсколько красныхъ флаговъ. Будучи окружены полицейскими чинами, манифестанты оказали полиціи сопротивленіе, причемъ нанесли палкой два тяжелыхъ удара по головѣ приставу Закусилову и болѣе легкіе удары нѣсколькимъ околоточнымъ надзирателямъ и нижнимъ полицейскимъ чинамъ. Приставъ Закусиловъ, обливаясь кровью, упалъ на мостовую, а нанесшій ему одинъ изъ ударовъ студентъ политехническаго института Вольскій, получивъ, въ свою очередь, ударъ ножнами шашки отъ полицейскаго чина, потерялъ сознаніе и былъ доставленъ въ аптеку Филиповича, откуда, по оказаніи ему медицинской помощи, уѣхалъ домой. Затѣмъ, въ теченіе 2 и 3-го февраля въ разныхъ мѣстахъ города изъ числа гуляющей публики выходили на улицу небольшія группы демонстрантовъ, собирали вокругъ себя толпу, которая, однако, полиціей и войсками была немедленно разсѣиваема. При удаленіи толпы на Бибиковскомъ бульварѣ, мѣщанинъ г. Мглина, Черниговской губерніи, Хаскель Ароновъ, ударившій казака и стащившій его съ лошади, получилъ во время свалки ушибы и отправленъ былъ въ Александровскую

Digitized by Google

больницу. Распространившіеся по городу слухи о томъ, что во время прекращенія безпорядковъ 2 и 3-го февраля, будто было убито и ранено много студентовъ, оказываются, такимъ образомъ, совершенно невѣрными, такъ какъ убитыхъ совсѣмъ не было, а раненыхъ изъ числа задержанныхъ манифестантовъ оказалось всего двое; возможно, что число ихъ было и больше, но они остались не обнаруженными. Лица, задержанныя во время уличныхъ безпорядковъ и признанныя виновными въ нарушеніи обязательнаго постановленія о воспрещеніи уличныхъ сборищъ, по распоряженію генералъ-губернатора, подвергнуты слѣдующимъ взысканіямъ: аресту на три мѣсяца 27 человѣкъ, аресту на два мѣсяца 56 человѣкъ, аресту на одинъ мѣсяцъ 16 человѣкъ и аресту на двѣ недѣли 13 человѣкъ».

Министромъ финансовъ, въ виду прекращенія студентами кіевскаго политехническаго института занятій, не возобновлявшихся вплоть до 5-го марта, сдѣлано распоряженіе о временномъ, до конца учебнаго года, закрытіи института. Въ своемъ сообщеніи о закрытіи института министръ финансовъ замѣчаетъ, между прочимъ: «Къ чести студентовъ кіевскаго политехническаго института слѣдуетъ отнести, что во все время прекращенія занятій они не нарушали порядка въ стѣнахъ заведенія и относились съ должнымъ уваженіемъ къ профессорамъ, которые съ своей стороны употребляли всѣ усилія къ благотворному воздѣйствію на учащуюся молодежь. При такихъ взаимныхъ отношеніяхъ учебнаго персонала и студентовъ и при полной заботливости о нихъ начальства не было никакихъ внутреннихъ причинъ къ прекращенію занятій. Причины эти слѣдуетъ считать навѣянными извнѣ».

«Вѣдомости Одесскаго Градоначальства», что *въ Одессѣ* 23-го февраля небольшой группой лицъ былъ произведенъ на углу Екатерининской и Дерибасовской улицъ безпорядокъ съ попыткой къ демонстраціи. Задержанныя при этомъ 54 лица, какъ нарушившія обязательныя постановленія, дѣйствующія въ одесскомъ градоначальствѣ, подвергнуты и д. градоначальника, независимо той отвѣтственности, коей они могутъ подлежать въ общемъ порядкѣ, аресту при полиціи 32 на 3 мѣсяца, 15—на 2 мѣсяца и 7—на 1 мѣсяцъ. Среди арестованныхъ одинъ студентъ, двое бывшихъ студентовъ, остальные—рабочіе и ремесленники.

6-го марта въ «Вѣдомостяхъ Спб. Градоначальства опубликованъ приказъ с.-петербургскаго градоначальства слѣдующаго содержанія: «3-го марта, въ 12½ час. дня, на Невскомъ проспектѣ, между улицами Садовой и Казанской, среди собравшейся въ усиленномъ составѣ публики, наблюдаемой въ праздничные дни въ этомъ районѣ города, группою молодыхъ людей, преимущественно студентовъ, были сдѣланы три попытки произвести уличные безпорядки, причемъ нѣкоторыми лицами были развернуты красные флаги съ преступными надписями. Попытки эти въ самомъ началѣ были прекращены мѣрами полиціи, всѣ флаги отобраны, и выкинувшія ихъ лица, а равно и большинство участниковъ безпорядковъ задержаны». Въ приказѣ сообщенъ списокъ арестованныхъ на три мѣсяца лицъ, въ томъ числѣ студентовъ: с.-петербургскаго университета—21 чел., горнаго института императрицы Екатерины II—5, инсти-

Digitized by Google

тута гражданскихъ инженеровъ императора Николая I—2, с.-петербургскаго технологическаго института императора Николая I—4, института инженеровъ путей сообщенія императора Александра I—4, Императорской Военно-Медицинской академіи—2, слушательницъ Высшихъ женскихъ курсовъ—2, слушательницъ Женскаго медицинскаго института—2 и частныхъ лицъ обоего пола разныхъ званій—44 чел. (Всѣ перечисленныя лица, независимо отъ ареста, наложеннаго на нихъ градоначальникомъ, подлежатъ привлеченію къ отвѣтственности въ общемъ порядкѣ. Аресту-же на три мѣсяца подвергнутъ студентъ с.-петербургскаго университета Левъ Плюсninъ, 9-го марта выписавшійся изъ клиническаго госпиталя, куда онъ былъ доставленъ 3-го марта, получивъ во время демонстраціи осадину въ область правой теменной кости съ небольшимъ кровоподтекомъ).

Что касается участниковъ безпорядковъ въ *Москвѣ*, имѣвшихъ мѣсто 9, 10 и 17-го февраля, то помимо взысканій, коимъ они были подвергнуты московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ (арестъ) и министромъ народнаго просвѣщенія (исключеніе участвовавшихъ въ безпорядкахъ учащихся изъ учебныхъ заведеній), о нихъ состоялось слѣдующее распоряженіе:

«Происходившія въ послѣдніе годы волненія среди нѣкоторой части молодежи высшихъ учебныхъ заведеній Имперіи приняли въ концѣ минувшаго 1901 года явно противоправительственный характеръ. Не ограничиваясь, какъ раньше, предъявленіемъ различныхъ требованій измѣненія академическаго строя, руководители студенческаго движенія, какъ въ рѣчахъ на недозволенныхъ сходкахъ въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, такъ и въ многочисленныхъ подпольныхъ воззваніяхъ и прокламаціяхъ, пытались увлечь учащуюся молодежь на путь политическаго движенія, открыто заявляя о необходимости измѣненія формъ существующаго образа правленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сознавая безсиліе учащейся молодежи для непосредственнаго осуществленія такихъ стремленій, руководители этого движенія, въ тѣсномъ общеніи съ существующими революціонными группами и кружками, вели въ томъ же духѣ преступную пропаганду среди общества и рабочихъ большихъ городовъ, какъ устнымъ путемъ, такъ и распространеніемъ преступныхъ изданій. Однимъ изъ ближайшихъ способовъ заявленія своихъ стремленій агитаторы признавали устройство уличныхъ демонстрацій, къ чему и были сдѣланы попытки въ разныхъ городахъ.

«Для устройства подобной же уличной демонстраціи въ Москвѣ было избрано 9-е февраля сего года. По распоряженію мѣстной власти, получившей объ этомъ свѣдѣнія, были арестованы, до указаннаго дня, въ числѣ 47 лицъ, наиболѣе дѣятельные подстрекатели устройства предположенной демонстраціи и возможные ея руководители, выработавшіе между прочимъ, и подробную ея программу на одной изъ тайныхъ сходокъ. Мѣра эта, оказавшая несомнѣнно вліяніе на интенсивность послѣдовавшихъ безпорядковъ, для полнаго ихъ предупрежденія оказалась, однако, недостаточною, такъ какъ 9-го февраля въ московскомъ университетѣ, избранномъ исходной точкой для предполагавшейся демонстраціи, произошли событія, изложенныя въ приказѣ министра народнаго просвѣщенія отъ 14-го февраля 1902 г. № 1 «Правит. Вѣстн.» за № 38.

Digitized by Google

«Вслѣдъ за тѣмъ, возваніемъ отъ 15-го февраля сего года, группа, студентовъ московскаго техническаго училища, присвоившая себѣ наименованіе «Исполнительнаго Комитета» этого училища, обратилась съ приглашеніемъ ко всѣмъ желающимъ выразить протестъ—явиться 17-го февраля къ 2 часамъ дня къ памятнику Пушкина для устройства уличной демонстраціи. Въ назначенный день въ указанное мѣсто собрались нѣсколько студентовъ этого училища и, соединившись группой, приступили къ совѣщанію о начатіи шествія; при первой же ихъ попыткѣ двинуться демонстративно по бульвару къ Никитскимъ воротамъ они тотчасъ же были оцѣплены полиціей, причемъ задержано 11 человѣкъ; при коихъ оказался флагъ съ преступною надписью.

«При разсмотрѣніи вопроса о виновности лицъ, участвовавшихъ въ этихъ безпорядкахъ, приняты были во вниманіе, какъ характеръ изложенныхъ событій, такъ и необходимость, для предупрежденія дальнѣйшаго вліянія главныхъ виновныхъ на окружающую среду, поставить ихъ въ условія, наименѣе благопріятныя для дальнѣйшаго проявленія революціонной дѣятельности, и, въ сихъ видахъ, всѣ виновные были предположены къ водворенію подъ надзоръ полиціи въ разныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Имперіи на болѣе или менѣе продолжительные сроки. По доведеніи этого предположенія до Высочайшаго свѣдѣнія, Государю Императору благоугодно было Всемилостивѣйше повелѣть сохранить мѣру высылки въ предѣлы иркутскаго генералъ-губернатора лишь въ отношеніи главныхъ виновныхъ; прочихъ же участниковъ подвергнуть тюремному заключенію на сроки отъ 3-хъ до 6-ти мѣсяцевъ.

«Министромъ внутреннихъ дѣлъ утверждены 7-го сего марта журналы особаго совѣщанія, образованнаго на основаніи 34 статьи положенія о государственной охранѣ, разсматривавшаго дѣло о 682 участникахъ безпорядковъ въ Москвѣ 9-го и 17-го февраля, причемъ лица, изобличенныя въ политической неблагонадежности, подготовленіи демонстраціи и сознательномъ участіи въ оныхъ, въ числѣ 95 лицъ, высылаются подъ надзоръ полиціи въ предѣлы иркутскаго генералъ-губернаторства на сроки отъ 2 до 5 лѣтъ, 567 лицъ подвергаются тюремному заключенію на сроки отъ 3 до 6 мѣсяцевъ и 6 лицъ подчиняются надзору полиціи на 1 годъ въ мѣстѣ жительства родителей или родственниковъ; въ отношеніи 14 лицъ дѣло прекращено.

«По учебнымъ заведеніямъ лица эти распредѣляются слѣдующимъ образомъ: студентовъ московскаго университета—537, московскаго техническаго училища—32, московскаго сельскохозяйственнаго института—13, московскаго инженернаго училища—3, студентовъ лазаревскаго института—1, студентовъ межевого института—7, слушательницъ разныхъ курсовъ—55, разночинцевъ мужчинъ и женщинъ—34.

«Главнымъ мѣстомъ отбытія тюремнаго заключенія лицами, подвергнутыми таковому назначена временная архангельская тюрьма».

Въ Казани опубликовано слѣдующее объявленіе казанскаго губернатора: «За послѣднее время въ Казани распространяются слухи о допущенномъ чинами полиціи жестокомъ обращеніи съ учащеюся молодежью, послѣдствіемъ чего были будто бы даже увѣчья: у одного сломана рука, у другого вышибленъ

Digitized by Google

клавъ и т. п. Считаю долгомъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что ни одного подобнаго случая въ дѣйствительности не было; слухи эти совершенно ложны и распространяются злонамѣренными людьми съ цѣлью тревожить общественное мнѣніе».

— «Русскій Инвалидъ» сообщаетъ, что распоряженіемъ командующаго войсками *Варшавскаго* военнаго округа 20-го февраля арестованъ старшій адъютантъ инспекторскаго отдѣленія окружного штаба, числящійся по армейской пѣхотѣ, подполковникъ Гриммъ, за государственное преступленіе служебнаго характера, въ чемъ онъ и сознался.

— Постановленіемъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода 20-го февраля совершенно прекращено изданіе газеты «Россія».

— 21-го февраля въ соединенномъ засѣданіи отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской академіи наукъ и разряда изящной словесности избраны были *въ почетные академики* А. В. Сухово-Кобылинъ и А. М. Пѣшковъ (*Максимъ Горькій*), а затѣмъ, спустя три недѣли, «отъ Императорской Академіи Наукъ» объявлено: «Въ виду обстоятельствъ, которыя не были извѣстны соединенному собранію отдѣленія русскаго языка и словесности и разряда изящной словесности Императорской академіи наукъ,—выборы въ почетные академики Алексѣя Максимовича Пѣшкова (псевдонимъ «Максимъ Горькій»), привлеченнаго къ дознанію въ порядкѣ ст. 1035 устава уголовнаго судопроизводства—объявляются недѣйствительными».

Статья 1035 устава уголовнаго судопроизводства, о которой говорится въ объявленіи «отъ Императорской Академіи Наукъ», находится во второмъ раздѣлѣ кн. 3 устава, трактующемъ «о судопроизводствѣ по государственнымъ преступленіямъ», и гласитъ слѣдующее:

«О всякомъ злоумышленіи, заключающемъ въ себѣ признаки государственнаго преступленія, сообщается прокурору судебной палаты, когда злоумышленіе обнаружилось въ мѣстѣ его пребыванія, а въ противномъ случаѣ мѣстному прокурору окружного суда или его товарищу, или же полиціи для донесенія о томъ немедленно прокурору судебной палаты».

Сельскохозяйственные симптомы современной деревни.

Въ настоящее время происходитъ любопытный процессъ въ области крестьянскаго земледѣлія. Съ одной стороны, все растущее малоземелье, съ другой—ростъ денежныхъ расходовъ на удовлетвореніе всевозможныхъ потребностей и несоотвѣтствіе доходности земли съ падающими на нее размѣрами платежей побуждаютъ населеніе все болѣе и болѣе расширять кругъ своей дѣятельности за предѣлы земледѣльческой промышленности. Въ этихъ условіяхъ и кроется причина отслоенія одной части населенія отъ общиннаго организма. Если въ годъ статистическаго изслѣдованія Тверской, напр., губерніи въ 80-хъ

Digitized by Google

годахъ платежей падало на десятину крестьянской надѣльной земли 1 р. 52 к., въ 1893 г.—1 р. 92 к., то въ 1900 г. ихъ падаетъ уже 2 р. 50 к. Потребности населенія и налоговое бремя все растутъ, а уровень знаній его не повышается. Найденный населеніемъ выходъ изъ своего положенія заключается въ интенсивной культурѣ при общинной формѣ землевладѣнія, разсчитанной на внѣшній сбытъ сырья. Такая примитивная интенсивная культура была извѣстна народамъ еще во времена варварства Европы. Въ VI и VII вѣкахъ нашей эры обремененіе земельной податью западно-европейскихъ провинцій заставило населеніе перейти къ болѣе интенсивнымъ, разсчитаннымъ на внѣшній сбытъ порядкамъ обработки *). Въ этой интенсификаціи хозяйства ищетъ выхода и населеніе Тверской губерніи. Въ уѣздахъ: Кашинскомъ, Бѣжецкомъ, Зубцовскомъ, Ржевскомъ и Старицкомъ въ послѣднее пятилѣтіе все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ развиваться травосѣяніе. Въ 1900 году было засѣяно клеверомъ и другими кормовыми растеніями 19,379 десятинъ, что составитъ 2,2% общей кормовой площади. Но дальнѣйшему сплошному развитію травосѣянія по территоріи губерніи въ сильной степени препятствуетъ недостатокъ, а въ нѣкоторыхъ обществахъ и совершенное отсутствіе пастбищныхъ угодій, вслѣдствіе чего населеніе вынуждено снимать съ своихъ полей одинъ и никакъ не болѣе двухъ клеверовъ; въ массѣ селеній въ первый же годъ по снятіи клевера по клеверной отавѣ пасется скотъ, который почти совершенно вытаптываетъ и выбиваетъ его. Во многихъ селеніяхъ клеверъ опутывается паразитирующей повиликой, отъ которой онъ задыхается и сохнетъ. Слѣдовательно, кормовыя нормы для скота въ сущности мало измѣнятся отъ введенія травосѣянія, тѣмъ болѣе, что клеверъ въ большинствѣ случаевъ, въ силу необходимости, не скармливается на мѣстѣ, а вывозится на рынокъ.

Агрономамъ извѣстно, что клеверъ и другія родственныя ему травы полезны именно тѣмъ, что въ полѣ, засѣянномъ этими травами, хорошо сохраняется та влага, которая необходима для успѣшнаго роста нѣкоторыхъ культурныхъ растеній, напр., льна, что травы эти предохраняютъ поле отъ распространенія сорныхъ травъ. Длинные корни клевера, выворачиваясь при вспашкѣ изъ почвы, производятъ разрыхленіе ея, а ленъ именно и пользуется хорошо разрыхленной почвой. Отсюда становится понятнымъ, почему именно въ уѣздахъ съ развитымъ травосѣяніемъ развито въ то же время и льноводство. Культура воздѣлыванія клевера необходимо обусловливаетъ, или лучше—вызываетъ культуру льна; отсюда понятно также и то, почему арендная цѣна за десятину частновладѣльческой земли изъ-подъ клевера для посѣва льна достигаетъ 50—60 р. и выше. Въ Тверской губерніи крестьянская льняная площадь занимаетъ 80 тысячъ десятинъ, слѣдовательно, вчетверо болѣе клеверной. Если населеніе не сѣющихъ клевера уѣздовъ большую часть льняныхъ продуктовъ потребляетъ на мѣстѣ: сѣмена въ видѣ масла, жмыховъ, волокно на собственную одежду и бѣлье, то клеверосѣющіе уѣзды, наоборотъ, то и другое почти все безъ остатка вывозятъ на рынокъ. Такъ какъ ленъ высѣ-

*) *М. М. Ковалевскій.* «Экономич. ростъ Европы».

Digitized by Google

вается черезъ два года на третій, то это, по выраженію ржевскаго земскаго агронома, «неминуемо должно привести къ истощенію земли и обнищанію населенія, которое очутится на попеченіи земствъ и правительства» *). Во всякомъ случаѣ, съ каждымъ годомъ усиливающійся вывозъ на рынокъ льняного сырья свидѣтельствуетъ о регрессивной эволюціи въ этой отрасли промышленности. Волокно скупается у крестьянъ мелкими прасолами, которые перепродаютъ его крупнымъ торговцамъ, а эти послѣдніе перевозятъ его фабрикантамъ въ Петербургъ, Ревель, Кёнигсбергъ. Волокно продавалось въ 1900 г. по 5 р. за пудъ, поднимаясь мѣстами до 6 р. 50 к., а крупные торговцы доставляли его на заграничные рынки по 8 и 9 р., такъ что потери крестьянъ, по статистическимъ даннымъ, на сѣмени и волокнѣ составляютъ не менѣе 2 милліоновъ рублей.

«Нашъ ленъ доходитъ до пряжи № 70,—говоритъ г. К. Веберъ,—тогда какъ изъ заграничнаго льна, напр., ирландскаго и итальянскаго, добывается пряжа № 100, изъ бельгійскаго № 100 и выше. Къ сожалѣнію, и такого льна (т.-е. № 70) у насъ производятъ мало, и появленіе этого сорта на рынкѣ встрѣчается все рѣже и рѣже».

Въ то же время замѣчается ухудшеніе сельскохозяйственной культуры въ другомъ отношеніи. Изъ сѣвооборота выводится воздѣлываніе такого краснаго хлѣба, какъ ячмень, который все болѣе и болѣе замѣняется посѣвами картофеля. Такъ, высѣвалось въ 1894 г. ячменя 68.548 десятинъ, картофеля 36.875 десятинъ, въ 1900 г. ячменя 44.819 десят., картофеля 41.199 дес.

Слѣдовательно ячменная площадь за шестилѣтіе сократилась на 35,5%, а картофельная въ то же время увеличилась на 11,7%.

Очевидно, невозможность выполнить всѣ дефициты въ хозяйственной жизни населенія и является причиною громаднаго его отхода на сторонніе заработки. Въ 1893 году число лицъ, уходившихъ на сторонніе заработки, простиралось въ Тверской губерніи до 309.150 человѣкъ, въ 1900 г. оно достигло 361.302 чел. И въ области отхода замѣчается извѣстный эволюціонный процессъ: первоначально населеніе уходило по краткосрочнымъ билетамъ, затѣмъ по годовымъ индивидуальнымъ паспортамъ, наконецъ, въ послѣдней стадіи уходъ практикуется уже цѣлыми семьями. Такъ, уходило на сторону:

	Семей.	Въ нихъ лицъ об. пола.	% муж. работник. ушедшихъ одиночками на цѣлый годъ.
Въ 1894 г.	16.969	45.732	24,0
» 1896 »	17.946	52.079	27,2
» 1899 »	19.862	59.787	86,5
» 1900 »	20.176	60.528	88,8

Для всѣхъ этихъ порвавшихъ хозяйственныя связи съ деревней 20 тысячъ семей, а также и для массы уходящихъ на цѣлый годъ одиночекъ, процессъ отдѣленія рабочаго отъ земли можно считать уже совершившимся.

*) Докладъ ржевской земской управы 1900 г.

Digitized by Google

Слѣдовательно, усиленіе отхода на продолжительное время само собою указываетъ на невозможность совмѣщенія отхожихъ промысловъ съ земледѣльческимъ занятіемъ, не можетъ служить и подспорьемъ одно другому. Аналогичный процессъ отдѣленія рабочаго отъ земли совершается и въ другихъ губерніяхъ промышленнаго района: Московсковской, Ярославской, Владимірской и др.

Уходя на сторону цѣлыми семьями, большею частью весной, крестьяне заколачиваютъ досками двери и окна своихъ избъ; въ нѣкоторыхъ деревняхъ заколоченныя избы составляютъ половину общаго ихъ количества. У этихъ семей, по выраженію крестьянъ, «совсѣмъ нарушено хозяйство», т.-е. у нихъ не существуетъ ни живого, ни мертваго инвентаря. Уходъ на сторону цѣлой семьи вызываетъ необходимость сдачи надѣловъ однообщественникамъ исключительно изъ-за уплаты однихъ податей, или же возвратъ ихъ въ міръ, который уже самъ распредѣляетъ ихъ поровну между оставшимися членами общины. Но нерѣдко случается, что уходящія семьи просто оставляютъ свои надѣлы пустующими, не засѣянными, такъ какъ по невыгодности веденія хозяйства ихъ никто не беретъ и въ такомъ случаѣ, выражаясь языкомъ писцовыхъ книгъ, владѣльцы ихъ «платятъ подати спуста». Такъ было всегда. Въ XVII и XVIII вѣкахъ за опустѣвшіе дворы крестьяне несли платежи и въ томъ случаѣ, если покинутыми пашенными землями и сѣнными покосами никто не владѣлъ, и онѣ лежали въ пустѣ *). Слѣдовательно, всегда крестьяне несли подати и за тѣ земли, которыми фактически никто не пользовался за негодностью.

Еще въ моментъ статистическаго изслѣдованія губерніи въ 80-хъ годахъ земскихъ статистиковъ поразилъ фактъ запущенія въ поляхъ массы крестьянской пашни, которой было зарегистровано ими 3.443 надѣла, заключающихъ въ себѣ 14.000 десятинъ. Статистики объясняли это явленіе невыгодностью веденія хозяйства на малыхъ надѣлахъ и при сравнительно высокихъ платежахъ. Что именно малые размѣры надѣла побуждали крестьянъ бросать землю, показываетъ то, что количество пустующихъ надѣловъ обратно пропорціонально ихъ размѣрамъ. Такъ, пустующихъ надѣловъ было при размѣрѣ:

Менѣе 5 дес. на душу	2.693,9	надѣловъ.
» 6 » » »	374,1	»
» 7 » » »	224,6	»
» 8 » » »	72,5	»
» 9 » » »	22,5	»
» 10 » » »	29,5	»
Болѣе 10 » » »	23,0	»

Въ 1900 г. забрасыванье надѣловъ составляетъ массовое явленіе. Въ 1898 году количество надѣльныхъ домохозяевъ, не сѣявшихъ никакихъ хлѣбовъ, равнялось 2.940 съ 4.830 надѣлами, въ 1900 г. число первыхъ возросло до-

*) *В. Н. Семевскій*: «Крестьяне въ царств. имп. Екат. II», т. II, 5.

Digitized by Google

4.793, а послѣднихъ до 8.378, количество же пустующихъ надѣловъ равняется 4.836, заключающихъ въ себѣ 22.900 десятинъ, слѣдовательно за 10—15 лѣтъ количество пустующихъ надѣловъ увеличилось на 1.393 или на 40,4%.

Прошлымъ лѣтомъ (въ 1901 г.) мы лично имѣли возможность собрать на мѣстѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о пустующихъ надѣлахъ въ Тверской губерніи и выяснить причины этого ненормальнаго явленія. Приведемъ здѣсь нѣсколько типичныхъ примѣровъ. Будемъ обозначать селенія для краткости №№.

№ 1. «Въ селеніи съ 8 пустующихъ надѣловъ скашивается только трава; но въ аренду ихъ никто не беретъ,—не стоитъ. Подати за нихъ платятъ спуста».

№ 2. «Крестьяне сдаютъ свои надѣлы въ аренду съ приплатою отъ себя арендатору 10 р.: земля не окупаетъ платежей».

№ 3. «8 пустующихъ надѣловъ домохозяева сдаютъ въ аренду за право косьбы на нихъ травы, причемъ одну половину податей платитъ арендаторъ, другую владѣлецъ».

№ 4. «Съ 4 пустующихъ надѣловъ арендаторы косятъ траву за 3 р. 25 к. за надѣлъ, податей же всѣхъ сходитъ 6 р. съ надѣла».

№ 5. «Пустуетъ 4 надѣла, на которыхъ и трава не растетъ, такъ какъ земля подзолъ. Въ аренду никто не беретъ: мало скота и не стоитъ».

№ 6. «6 пустующихъ надѣловъ никто не беретъ, подати за нихъ платитъ міръ спуста. Только за сѣнокосъ платится 2 р. 50 к. за надѣлъ, всѣхъ же платежей сходитъ 10 р. 12 к. съ надѣла. Въ 1900 году міръ навалилъ было 4 пустующихъ надѣла на 4 домохозяевъ, но послѣдніе пожаловались земскому начальнику, который не велѣлъ навалпвать на нихъ надѣлы, если земля имъ въ тягость».

№ 7. «На пустующихъ вотъ уже въ теченіе 5 лѣтъ 6 надѣлахъ косится только трава за одну мірскую изгородь. Владѣльцы ихъ, живущіе на сторонѣ, высылаютъ за пустующіе надѣлы всѣ платежи».

№ 8. «Пустующихъ надѣловъ 22 съ 88 десятинами, на которыхъ арендаторы могутъ косить траву за уплату въ общество мірскихъ платежей, въ количествѣ 2 р. съ надѣла, окладные же платежи 5 р. 75 к. уплачиваютъ сами владѣльцы надѣловъ».

№ 9. «Пустуетъ 4 надѣла, за которые міръ уплачиваетъ всѣ платежи; ихъ никто не беретъ: мало скота и покосы съ нихъ плохіе».

№ 10. «4 надѣла пустуютъ уже 10 лѣтъ... никто не беретъ».

№ 11. Запущенныхъ надѣловъ 15 (75 десятинъ). Подати за нихъ высылаютъ со стороны сами владѣльцы, въ количествѣ 10 р. 37 к. за надѣлъ. На сторонѣ живутъ 50 домохозяевъ, а ихъ семьи обрабатываютъ землю наймомъ, такъ какъ у всѣхъ по одной коровѣ, но ни одной лошади».

№ 12. «10 лѣтъ тому назадъ запущенной пашни было въ селеніи 38 десятинъ, въ настоящее время 216 десятинъ или 1/4 общей пахатной площади. Пашня запущена по недостатку скота».

Анализъ приведенныхъ данныхъ приводитъ насъ къ заключенію, что запущеніе надѣловъ составляетъ результатъ невыгодности занятія земледѣліемъ при

Digitized by Google

существующихъ экономическихъ условіяхъ. Это было констатировано еще 10 лѣтъ тому назадъ В. Н. Покровскимъ. «Даже при очень благопріятныхъ условіяхъ,—говоритъ онъ,—производительность крестьянскаго надѣла недостаточна, чтобы за вознагражденіемъ труда семьи, сидящій на надѣлѣ, оставался какой нибудь чистый доходъ» *). Очень понятно, почему при существующемъ количествѣ рабочаго и рогатаго скота крестьянинъ не можетъ взять себѣ надѣловъ больше того, чѣмъ сколько ихъ имѣетъ, хотя бы ему и предлагали ихъ даромъ. Массовый отходъ мужского населенія въ рабочемъ возрастѣ долженъ былъ повлечь за собой, во-первыхъ, эксплуатацію женскаго труда, слѣдовательно пониженіе сельскохозяйственной культуры и господство паразитическаго хозяйства, во-вторыхъ, повышеніе дѣтской смертности, достигающей въ 1891 году въ возрастѣ отъ 1 до 5 лѣтъ 62—63%, въ настоящее время 65%. Въ 1900 году кашинское земское собраніе обратило вниманіе на крайній недостатокъ рабочихъ рукъ въ уѣздѣ, что отражается самымъ неблагопріятнымъ образомъ на условіяхъ хозяйства *). Это обстоятельство привело кашинское земство къ мысли «организовать выписку рабочихъ изъ другихъ мѣстностей; но на запросы по сему поводу, обращенные къ различнымъ уѣзднымъ управамъ, получено 17 отвѣтовъ, изъ которыхъ выяснилось, что тѣ уѣзды находятся въ такомъ же положеніи **)».

Фактъ массоваго отхода на сторону и забрасыванья надѣловъ замѣчается и въ другихъ губерніяхъ промышленнаго района. Въ *Мышкинскомъ* уѣздѣ, Ярославской губ. пустующей крестьянской пашни зарегистровано въ 1897 году 2.000 десятинъ; въ земледѣльческомъ *Маленковскомъ* уѣздѣ Владимірской губерніи 9.070 дес., или 8% къ общей культурной площади, въ *Вязниковскомъ* уѣздѣ 11% запущенной пашни, *Ковровскомъ*—20%.

«Запущеніе пашни съ каждымъ годомъ принимаетъ все большіе и большіе размѣры,—говоритъ владимірскій статистикъ г. Смирновъ ***), все чаще пестрятъ крестьянскія поля незасѣянными полосами... Подъѣзжая къ Шуѣ, Иваново-Вознесенску, Тейкову, наблюдатель прямо поражается печальнымъ видомъ полей, перерѣзанныхъ, какъ старый, вытертый никуда негодный коверъ, сѣрыми полосами пустырей». Очевидно, улучшенія экономическаго положенія населенія трудно ожидать, разъ налоги будутъ поглощать всю ренту съ крестьянскаго надѣла, а само земледѣльческое хозяйство, принимая все болѣе и болѣе паразитическій характеръ, будетъ ограничиваться производствомъ и сбытомъ одного сырья безъ фабричной его переработки на мѣстѣ. Слѣдовательно, и отходъ населенія на сторонніе заработки будетъ все возрастать, а съ нимъ вмѣстѣ и земельная пустота, такъ какъ отхожій промыселъ все болѣе и болѣе становится несовмѣстимымъ съ земледѣліемъ.

И. Красноперовъ.

---

*) Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій Тверской губ., 1893 г., 15.

**) Постановленія уѣзднаго земскаго собранія за 1900 г.

***) «Земледѣліе и земледѣлецъ центральн. промышлен. губерніи. «Русская Мысль», кн. VII, 1901 г.

Digitized by Google

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Вѣстникъ Всемірной Исторіи»—январь, февраль; «Русская Старина»—мартъ; «Историческій Вѣстникъ»—мартъ; «Вѣстникъ Европы»—мартъ; «Образованіе»—февраль).

О «Вѣстникѣ Всемірной Исторіи» намъ говорить приходится рѣдко. Не то, чтобы этотъ органъ печати не заслуживалъ совершенно вниманія публики, нѣтъ, въ немъ появлялись и интересныя статьи, но многое въ этомъ журналѣ носило и носитъ такой спеціальный «привкусъ», который не позволяетъ зачислить «Вѣстникъ» въ число серьезныхъ представителей нашей литературы. Читатели не позабыли, вѣроятно, обнаружившихся изъ газетъ «дѣяній» одного изъ бывшихъ до послѣдняго времени столповъ «Вѣстника» г. Головинскаго по части рекламированія журнала г. Сухонина, затѣмъ письма г. Головинскаго о томъ, что онъ временно прекращаетъ свои отношенія къ «Вѣстнику» и уѣзжаетъ за границу, письма г. Сухонина, извѣщающаго публику, что г. Головинскій прекратилъ отношенія къ журналу вовсе не временно, а получилъ, что называется, чистую отставку и т. д. Все это не могло, разумѣется, не отразиться на мнѣніи о «Вѣстникѣ» какъ другихъ органовъ печати, такъ и публики. Но и это еще не все. Намъ, профессіональнымъ журналистамъ, не можетъ не бросаться въ глаза несерьезность, чтобы не сказать болѣе, «Вѣстника» и въ другихъ отношеніяхъ, примѣры чему, разъ заговоривъ о данномъ журналѣ, мы сейчасъ же и приведемъ. Въ январьской книжкѣ «Вѣст. ника» помѣщена статья г. В. К—ва «Декабристъ Волконскій», представляющая собою изложеніе недавно появившихся въ печати извѣстныхъ «Записокъ» С. Г. Волконскаго. Ну, и излагалъ бы г. К—въ содержаніе очень поучительной книги,—дѣло весьма полезное,—нѣтъ, надо ему непремѣнно сказать что-нибудь и «отъ себя», хотя сказать ему, видимо, рѣшительно нечего. Съ этою цѣлью г. К—въ начинаетъ говорить и о другихъ декабристахъ, противопоставляя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ Волконскому «Пестеля, съ его натурой Кассія, фанатика Рылѣева, каждая строка котораго брыжжетъ негодованіемъ оскорбленнаго гражданина, и Батенкова, двадцать лѣтъ томившагося въ одиночномъ заключеніи, упорно отказываясь отъ всякой попытки смягчить свою участь». («Вѣстн. Всем. Ист.», январь, 1902, стр. 149). Всѣ эти характеристики Пестеля, Рылѣева и Батенкова г. К—въ и не думаетъ заключать въ ковычки и, тѣмъ болѣе, ссылаться на какой-нибудь источникъ, изъ котораго онъ ихъ заимствовалъ, такъ что не имѣющій спеціальнаго знакомства съ даннымъ предметомъ читатель остается въ полной увѣренности, что г. К—въ говоритъ «отъ себя». А между тѣмъ, это совсѣмъ не такъ. Кто пожелаетъ развернуть третій томъ «Критико-біографическаго словаря русскихъ писателей и ученыхъ» г. Венгерова, тотъ найдетъ тамъ противопоставленіе Александру Бестужеву-Марлинскому «Пестеля, съ его натурой Кассія, фанатика Рылѣева, вся поэзія котораго проникнута гражданскимъ духомъ, Батенкова, который высидѣлъ двадцать лѣтъ въ одиночномъ заключеніи, упорно отказываясь отъ

Digitized by Google

всякой попытки смягчить свою участь» и т. д. («Словарь», стр. 159). Теперь спрашивается: не лучше ли было бы г. К—ву не говорить ничего «отъ себя», чѣмъ почти буквально списывая характеристики изъ «словаря»?.. А вотъ примѣръ нѣсколько иного рода. Въ февральской книжкѣ «Вѣстника» за текущій годъ помѣщены «Воспоминанія украинскаго писателя объ И. С. Тургеневѣ». Воспоминанія эти заслуживаютъ, разумѣется, серьезнаго вниманія и не встрѣтили бы съ нашей стороны ничего, кромѣ полнаго одобренія, если бы въ концѣ статьи не стояли неизвѣстно зачѣмъ слова: «сообщилъ С. Сухонинъ». Съ такими помѣтками мы привыкли читать вещи, въ печати еще не бывавшія, никому, поэтому, неизвѣстныя и обязанныя своимъ появленіемъ или спеціальнымъ розысканіямъ ученыхъ или какой-либо счастливой случайности. Но такъ ли это въ данномъ случаѣ? Отнюдь нѣтъ, ибо «Воспоминанія малороссійскаго писателя» перепечатаны почти полностью, т.-е. лишь съ самыми небольшими, обусловленными вполнѣ понятными всякому журналисту и всей публикѣ, пропусками, изъ приложенія къ извѣстнымъ «Письмамъ К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева къ А. И. Герцену». При чемъ же тутъ «сообщеніе» г. Сухонина? Правда, «Письма Кавелина и Тургенева» появились первоначально за границею, но книга эта давно перестала быть въ общемъ «запретной». Не говоря о другихъ писателяхъ, письма эти воспроизводилъ очень подробно и именно на страницахъ «Вѣстника Всемірной Исторіи» г. В. П. Батуринскій въ его статьяхъ «Герценъ и Тургеневъ», причемъ воспроизводилъ, нисколько не скрывая источника, изъ котораго онъ заимствовалъ матеріалъ для своихъ статей, и оповѣщая объ этомъ публику въ такихъ, не лишенныхъ комизма, выраженіяхъ: «въ 1892 году письма эти были изданы въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ недавно умершимъ профессоромъ софійскаго университета М. П. Драгомановымъ. Къ сожалѣнію, какъ самое содержаніе нѣкоторыхъ писемъ, такъ равно и характеръ примѣчаній къ нимъ Драгоманова сдѣлали невозможнымъ свободное обращеніе этой книжки въ Россіи и, вслѣдствіе этого, высокоинтересныя «Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену» (Женева, 1892) остаются *совершенно неизвѣстными* (?!) не только большинству русской читающей публики, *но даже лицамъ, спеціально занимающимся изслѣдованіями по исторіи новѣйшей русской литературы* (sic!). Печатая въ настоящее время *въ обработанномъ видѣ* ту часть переписки двухъ замѣчательныхъ дѣятелей русской литературы, появленіе которой не можетъ встрѣтить препятствій, мы думаемъ, что доставимъ этимъ истинное наслажденіе всѣмъ тѣмъ, кому дорога личность одного изъ величайшихъ, если не величайшаго русскаго художника» («Вѣстн. Всем. Ист.», январь, 1900, стр. 34). Г. Батуринскій, конечно, очень хорошо сдѣлалъ, что путемъ перепечатки «писемъ» изъ книги покойнаго Драгоманова поспособствовалъ ознакомленію съ ними болѣе широкаго круга читателей; не сомнѣваемся и въ томъ, что *этою* стороною своихъ статей онъ доставилъ читателямъ «истинное наслажденіе», но думаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что наслажденіе было бы безъ примѣси разочарованія и досады, если бы г. Батуринскій ограничилъ свою «обработку» писемъ только исключеніемъ изъ книги Драгоманова всего того, что, по усло-

Digitized by Google

віямъ печати, не можетъ еще появиться въ нашей литературѣ. Но г. Батуринскій, этотъ спеціалистъ изъ спеціалистовъ, которому извѣстны книги, «совершенно неизвѣстныя даже лицамъ, спеціально занимающимся изслѣдованіями по исторіи новѣйшей русской литературы» (да проститъ ему Господь его смѣлость, ибо не вѣдаетъ бо, что пишетъ!), простеръ свою «обработку» гораздо далѣе и въ концѣ-концовъ такъ «обработалъ» переписку Герцена, что сильно понортилъ обѣщанное имъ «истинное наслажденіе». Ужъ какое тутъ безпримѣсное наслажденіе, когда г. Батуринскій помѣщаетъ, напр., въ число сотрудниковъ «Колокола» Ю. Ф. Самарина (Ibid., стр. 49), очевидно, даже и не подозрѣвая, что опроверженіе этого можно найти въ *частныхъ*, но уже опубликованныхъ, письмахъ къ Герцену самого Самарина. Но Богъ съ нимъ, съ г. Батуринскимъ; онъ сдѣлалъ все-таки хорошее дѣло, и объ этомъ писателѣ мы завели рѣчь лишь для напоминанія, что книга Драгоманова уже многократно цитировалась съ полными ссылками на источникъ на страницахъ «Вѣстника Всемірной Исторіи» и такимъ образомъ она перестала носить характеръ запретнаго плода. Но тогда спрашивается: какой же смыслъ при перепечаткѣ изъ нея же приложенія и при томъ приложенія совершенно невиннаго, такъ какъ всѣ (немногочисленныя и въ подлинникѣ, да и то бывшія въ свое время достояніемъ литературы въ родѣ предсмертныхъ словъ Тургенева, въ которыхъ онъ называлъ нѣкоторыхъ лицъ «великими людьми») мѣста иного характера, разумѣется, опущены,—прибавлять: «сообщилъ С. Сухонинъ»? Для чего это нужно? Для «красоты слога» или для внушенія вящаго уваженія читателей къ особѣ редактора-издателя «Вѣстника Всемірной Исторіи»? Или, можетъ быть, г. Сухонинъ повѣрилъ г. Батуринскому, что книга Драгоманова «совершенно неизвѣстна даже лицамъ, спеціально занимающимся изслѣдованіями по исторіи новѣйшей русской литературы», повѣрилъ на слово, не подумавъ о томъ, что рѣчи на этотъ счетъ г. Батуринскаго совсѣмъ легкомысленныя, ибо «Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену» цитировались въ нашей литературѣ неоднократно задолго до того, какъ стало извѣстно, что на свѣтѣ существуетъ г. Бобчинскій, то бишь... г. Батуринскій, повѣрилъ г. Сухонинъ и рѣшилъ: дай, молъ, и я «сообщу» нѣчто совершенно новое, никому невѣдомое... И «сообщилъ»... Такъ вотъ о какомъ «привкусѣ» въ «Вѣстникѣ Всемірной Исторіи» мы завели рѣчь.

Но довольно пока объ этомъ журналѣ.

Если мы обратимся теперь къ журналу, дѣйствительно, историческому и ведущемуся съ знаніемъ своего дѣла,—мы говоримъ о «Русской Старинѣ»,—то тамъ мы найдемъ «сообщенія», которыя не чета псевдо-сообщеніямъ г. Сухонина, а нѣчто представляющее, дѣйствительно, цѣнные вклады въ наши свѣдѣнія о прошломъ Россіи. Таково помѣщенное въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» сообщеніе И. А. Бычкова о неизданной главѣ изъ «жизни графа Сперанскаго» барона М. А. Корфа. Хотя глава эта,—говоритъ Бычковъ,—написана барономъ еще въ 1847 году, но, «несмотря на то, что съ тѣхъ поръ прошло уже слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ, она сообщаетъ совершенно новыя свѣдѣнія и въ настоящее время». И въ самомъ дѣлѣ, если имена

Digitized by Google

Балашова, Армфельда, Де-Санглена и др. участниковъ интриги, приведшей къ паденію и ссылкѣ Сперанскаго, болѣе или менѣе хорошо извѣстны, то роль того, какъ говорятъ нѣмцы, «высокаго мѣста», которую считаютъ обыкновенно въ такихъ дѣлахъ пассивною, все болѣе и болѣе вскрывается въ дѣлѣ Сперанскаго, совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Мы не будемъ излагать подробностей этого поучительнаго эпизода русской исторіи, отсылая для этого читателя къ подлиннику о которомъ у насъ идетъ рѣчь, но приведемъ сдѣланныя авторомъ, на основаніи тщательнѣйшаго изученія даннаго вопроса, характеристики нѣкоторыхъ дѣятелей и участниковъ въ паденіи Сперанскаго. «Балашовъ, возведенный на одну изъ высшихъ государственныхъ степеней, на степень гдѣ открывалась равная возможность дѣлать и много добра и много зла, представляетъ одно изъ самыхъ непригляднихъ явленій въ исторіи царствованія Александра; постыдное его лихоимство знала вся Россія. Онъ бралъ немилосердно, гдѣ только можно было: бралъ и какъ оберъ-полицеймейстеръ, и какъ военный губернаторъ, и какъ министръ. Страсть къ преступному любостяжанію не охладѣла въ немъ и тогда, черезъ второй бракъ свой въ 1808 году съ дѣвицею Бекетовою, двоюродною сестрою И. И. Дмитріева, онъ сдѣлался обладателемъ огромнаго богатства. Министерство его было не высокимъ по назначенію своему блюстительствомъ надъ общественными нравами, и полицейскою конторою, въ которой одной рукою брали, а другою рукою употребляли на шпіонство, вывѣдыванія и клеветы. Съ первой минуты своего образованія оно было уронено въ общемъ мнѣніи и потеряло всякое довѣріе публики. Самъ Балашовъ, пресмыкаясь, завидуя, всякому высшему, пристально вглядываясь въ царскія слабости, предательствуя и клевеща, изъ послушныхъ клевретовъ сдѣлался постепенно тайнымъ, но самымъ опаснымъ, самымъ дѣятельнымъ врагомъ неосторожнаго Сперанскаго, не столько изъ властолюбія и уже, конечно, не изъ патріотизма, сколько изъ духа интриги, желанія выслужиться и страха собственнаго обличенія. «Ввѣренное Балашову министерство полиціи, — писалъ Кочубей,—вскорѣ отдалилось отъ своей цѣли: — общаго надзора и главнымъ образомъ надзора законнаго. Балашовъ счелъ за нужное обратить его въ министерство шпіонства. Городъ закишѣлъ шпіонами всякаго рода: тутъ были и иностранные и русскіе шпіоны, состоявшіе на жалованьи, шпіоны добровольные, практиковалось постоянное переодѣваніе полицейскихъ офицеровъ; увѣряютъ даже, что самъ министръ прибѣгалъ къ переодѣванію. Эти агенты не ограничивались тѣмъ, что собирали свѣдѣнія и доставляли правительству возможность предупреждать преступленія, они старались возбуждать преступленія и подозрѣнія. Они входили въ довѣренность къ лицамъ разныхъ слоевъ общества, выражали неудовольствіе на ваше величество, порицая правительственныя мѣропріятія, прибѣгали къ выдумкамъ, чтобы вызвать откровенность со стороны этихъ лицъ или услышать отъ нихъ жалобы. Всему этому давалось потомъ направленіе, сообразное видамъ лицъ, руководившихъ этимъ дѣломъ». Таковъ былъ одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей интриги противъ реформаторскихъ плановъ Сперанскаго. Рядомъ съ нимъ стоитъ имя Армфельда,- котораго Корфъ характеризуетъ такими словами: «тонкій царедворецъ, прошедшій че-

Digitized by Google

резъ всѣ бури и невзгоды придворной и политической жизни, съ блестящею наружностью, съ такимъ же даромъ слова и перомъ и со всѣми формами высшаго общества и дворскими навыками, онъ былъ однимъ изъ самыхъ искусныхъ, самыхъ тонкихъ интригановъ своего времени. Какъ Балашовъ былъ способенъ ко всякой низости изъ любостяжанія, такъ Армфельдъ готовъ былъ на всякое предательство изъ любочестія». Если прибавить сюда сестру императора Александра Екатерину Павловну, бывшую въ замужествѣ за принцемъ Георгіемъ Ольденбургскимъ, неоднократно говорившую статсъ-секретарю Лубановскому: «mon frère est une tête et un caractère faible; quiconque parvient à mettre la main dessus l'a en son pouvoir. Speransky est un homme qui écorche l'état et le mène à sa ruine, un malfaiteur enfin, et mon frère ne s'en daute guère», и, наконецъ, самого принца, нерѣдко восклицавшаго про того же Сперанскаго: «можно ли такого злодѣя при себѣ держать», если прибавить, говоримъ, къ Балашову и Армфельду этихъ лицъ, то можно составить себѣ представленіе о тѣхъ препятствіяхъ, которыя надо было преодолѣвать Сперанскому на пути къ осуществленію его благородныхъ идей. Но и это еще не все. Противъ Сперанскаго былъ и самъ Александръ и былъ противъ не потому, что его настроили такъ Балашовы, Армфельды и К°, а въ силу особыхъ причинъ, крывшихся въ характерѣ личности Благословеннаго. Екатерина Павловна называла своего брата «une tête et un caractère faible», но на дѣлѣ вовсе не это было отличительною чертою личности Александра. Въ извѣстномъ капитальномъ трудѣ Шильдера можно найти массу матеріала для сужденія объ этомъ предметѣ. Въ дѣлѣ Сперанскаго Александръ былъ не пассивнымъ орудіемъ злокозненныхъ вліяній, а весьма активнымъ дѣйствующимъ лицомъ. «Александръ не довольствуясь доносами и надзоромъ министра полиціи, втайнѣ приблизилъ къ лицу своему и его правителя канцеляріи (извѣстнаго де Санглена), который, не смотря на маленькій свой чинъ коллежскаго совѣтника, бывалъ у государя наединѣ *почти каждый день* (курсивъ подлинника), оставался нерѣдко по нѣсколько часовъ и составлялъ въ нѣкоторомъ смыслѣ контръ-полицію Балашова. При всемъ томъ таково было омерзѣніе, внушенное извѣстными его обязанностями, что, какъ ни страшенъ, какъ ни опасенъ онъ могъ быть для каждаго, очень немногіе хотѣли ему кланяться и даже говорить съ нимъ». Этотъ то де-Сангленъ и явился покорнымъ орудіемъ плановъ Александра. Много лѣтъ спустя, когда не было уже въ живыхъ никого изъ дѣйствующихъ лицъ въ дѣлѣ Сперанскаго, переживший ихъ всѣхъ де-Сангленъ на просьбу сообщить истинныя причины разразившейся надъ Сперанскимъ опалы, писалъ такія строки: «изъ всѣхъ дѣйствующихъ остался въ живыхъ одинъ я. Императоръ, скрывая отъ всѣхъ сихъ лицъ настоящую причину своего неудовольствія на Сперанскаго, дозволилъ имъ тайное за нимъ наблюденіе, выслушивалъ ихъ донесенія и направлялъ все *къ своей цѣли, имъ неизвѣстной*, а между тѣмъ полной своей довѣренностью удостоилъ *меня одного* (курсивъ подлинника), поставилъ меня между партіями въ томъ убѣжденіи, что все, дѣлаемое за кулисами, отъ него не скроется. Тайна, повѣренная такимъ образомъ царемъ и соблюденная имъ до гроба, можетъ ли нарушена быть под-

Digitized by Google

данныхъ?» Написавши еще нѣсколько фразъ, де-Сангленъ кончалъ словами: «Болѣе объявлять не смѣю, ибо тайна, возложенная на меня,—почему, для чего и какъ?—соблюдена быть должна свято. Развязать уста можетъ единственно высшая власть». Корфъ сообщилъ это письмо де-Санглену графу А. Ѳ. Орлову, прося его войти съ представленіемъ по существу его къ императору Николаю, но послѣдній «глубоко презиралъ» де-Санглена и Корфъ не получилъ просимой санкціи. Пришлось воздѣйствовать на де-Сангленa инымъ путемъ, что и увѣнчалось полнымъ успѣхомъ. «Разсказъ де-Сангленa исполненъ остроумія, увлекательнаго интереса и заключаетъ въ себѣ многочисленныя черты въ характеристикѣ императора Александра». Этими словами и заканчивается чрезвычайно интересное сообщеніе А. И. Бычкова.

Среди статей, помѣщенныхъ въ мартовской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», останавливаетъ на себѣ вниманіе написанная г. Маліемъ «Страничка изъ біографіи Н. И. Пирогова», носящая названіе «Пироговъ и Булгаринъ». Странность сосѣдства этихъ двухъ именъ заставляетъ самого автора статьи съ первыхъ же строкъ ея вывести читателя изъ недоумѣнія указаніемъ на то, что—какъ и слѣдовало ожидать,—рѣчь, конечно, идетъ объ одной «гадости», сотворенной знаменитымъ «литературнымъ проходимцемъ» великому ученому. «Гадость» эта сама по себѣ мало интересна и не прибавляетъ ничего къ физіономіи одного изъ «охранителей» сороковыхъ годовъ, интереснѣе обстановка, обусловливающая возможность такого рода вещей. Пироговъ попалъ въ число профессоровъ медико-хирургической академіи путемъ перевода изъ Дерпта послѣ происшедшей въ академіи одной «исторіи», весьма характерной для «патріархальныхъ нравовъ» того «добраго стараго времени», о которомъ не могутъ безъ умиленія и теперь вспоминать наши охранители. Исторія состояла въ томъ, что студентъ Сочинскій бросился однажды съ перочиннымъ ножичкомъ на профессора химіи Нечаева. За это Сочинскій былъ наказанъ нѣсколькими тысячами ударовъ шпицрутенами, отъ которыхъ вскорѣ скончался, а самая академія была, по выраженію г. Малиса, «отдана въ солдаты», т.-е. «была передана изъ гражданскаго вѣдомства въ вѣдомство военнаго министерства и спеціально въ департаментъ военныхъ поселеній подъ властную руку ученика и «сподвижника» графа Аракчеева Петра Андреевича Клейнмихеля, достойнаго продолжателя жестокихъ дѣлъ графа». Начальникъ академіи зналъ, что «въ случаѣ чего не остановились бы и передъ закрытіемъ академіи, а студенты знали, что въ случаѣ чего, каждый изъ нихъ могъ попасть подъ красную шапку. Какое-либо не понравившееся ему представленіе конференціи Клейнмихель оставлялъ совершенно безъ отвѣта, помѣтивъ лишь на соотвѣтствующей бумагѣ кратко и выразительно: вздоръ. Къ студентамъ академіи Клейнмихель обращался на ты». Что такое былъ въ это время и чѣмъ долженъ былъ быть «Видокъ Фиглярина» дѣло извѣстное; достаточно напомнить, что, не занимая никакой оффиціальной должности, Булгаринъ «былъ употребляемъ по усмотрѣнію Бенкендорфа *по письменной части на пользу службы* и всѣ порученія исполнялъ съ отличнымъ усердіемъ». Передъ Дубельтомъ онъ благоговѣлъ, былъ къ нему весьма близокъ и въ письмахъ называлъ его «отцомъ и конан-

Digitized by Google

диромъ». Таковъ фонъ картины, а узоръ уже гораздо менѣе интересенъ. Прибавьте сюда извѣстную независимость характера Пирогова, съ одной стороны, открытыя взятки, которыя бралъ Булгаринъ съ купцовъ, грозя имъ въ противномъ случаѣ «разносомъ» въ знаменитой «Сѣверной Пчелѣ», съ другой стороны и всѣ условія для какой угодно «гадости» со стороны Булгарина Пирогову были на лицо. Былъ нѣкій «экстроординарный» профессоръ Шипулинскій, сильно домогавшійся попасть въ «ординарные» и, видимо, не брезгавшій для этой цѣли услугами такой твари, какъ Булгаринъ. Хвалебные фельетоны «Сѣверной Пчелы» въ честь Шипулинскаго заставили однажды Пирогова сказать въ конференціи академіи, что фельетоны эти инспирированы самимъ Шипулинскимъ. Это дошло черезъ услужливыхъ людей до свѣдѣнія Булгарина, а вѣдь, этого рода людямъ и нуженъ только предлогъ для самыхъ нечистоплотныхъ дѣйствій. Въ «Пчелѣ» появились статьи противъ Пирогова съ самыми гнусными инсинуаціями, словомъ, «пошла писать губернія» и дѣло едва не кончилось уходомъ Пирогова изъ академіи и потерею послѣдней величайшаго ученаго. Исторія кое-какъ была затушена военнымъ министромъ Чернышевымъ, который увидѣлъ прежде всего въ фактѣ сообщенія Булгарину свѣдѣній о томъ, что происходило въ академіи нарушеніе канцелярской тайны и приказывалъ попечителю Анненкову поставить на видъ членамъ конференціи, что подобные поступки «не только не совмѣстимы съ ихъ званіемъ, но и противны существующимъ узаконеніямъ и чтобы впредь не допускалось ни малѣйшей огласки. Въ противномъ случаѣ будетъ доведено до свѣдѣнія Его Императорскаго Величества». Да, есть чѣмъ помянуть доброе старое время!..

Обращаясь отъ журналовъ историческихъ къ журналамъ общаго характера, мы остановимся на помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Вѣстника Европы» статьѣ г. Рихтера «По вопросу объ обѣдненіи черноземнаго центра Россіи». Статья эта трактуетъ одинъ изъ нашихъ больныхъ вопросовъ, вопросъ объ «оскудѣніи центра» и составляетъ варіантъ доклада, читаннаго авторомъ на ту же тему на засѣданіи подсекціи статистики XI съѣзда русскихъ естествоиспытателей и врачей въ Петербургѣ. «Оскудѣніе центра» т.-е. страшное истощеніе экономическихъ силъ тѣхъ мѣстностей нашего отечества, которыя еще сравнительно недавно славились въ качествѣ «житницы Россіи», составляетъ теперь фактъ вполнѣ установленный и, иллюстрируя его цифрами и примѣрами, г. Рихтеръ только даетъ болѣе рельефную картину общеизвѣстнаго явленія. Какъ извѣстно, для изученія этого вопроса весною 1899 года было образовано нынѣшнимъ товарищемъ министра финансовъ «особое совѣщаніе, результаты работъ котораго были изложены однимъ изъ его членовъ А. Д. Полѣновымъ въ брошюрѣ «Изслѣдованіе экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній». На основаніи этого документа г. Рихтеръ и приводитъ главнѣйшіе выводы, къ которымъ пришло совѣщаніе. Они состоятъ въ слѣдующемъ:

«Недоимки *по окладнымъ сборамъ*, составлявшіе въ среднемъ за пятилѣтіе

Digitized by Google

1871—1875 гг. около 4 милліоновъ рублей или 10% всего оклада достигли въ 1898 году 55 милліоновъ рублей, что составляетъ уже *177% оклада*».

«Сборъ хлѣбовъ (и картофеля, считая три пуда послѣднихъ за одинъ пудъ хлѣба) въ отношеніи къ числу жителей сократился за 30 лѣтъ *на 33%*».

«Изъ данныхъ конскихъ переписей за 1888, 1891 и 1893 гг., за исключеніемъ западной части Россіи, *повсюду* замѣчается постепенная *убыль* количества лошадей, но нигдѣ эта убыль такъ не замѣтна, какъ въ обслѣдуемыхъ губерніяхъ, въ которыхъ она выражается цифрой въ 931 тысячу головъ, или *на 40%*».

«Въ результатѣ совѣщаніе пришло къ заключенію, что нѣкогда цвѣтущее состояніе средней черноземной полосы Европейской Россіи измѣнилось къ худшему, и это ухудшеніе захватило столько различныхъ явленій общественной жизни и выразилось и продолжаетъ выражаться съ такимъ постоянствомъ, что приписать его какимъ-либо случайнымъ и преходящимъ причинамъ становилось, очевидно, невозможнымъ».

Съ цѣлью выясненія того же вопроса образована въ настоящее время подъ руководствомъ товарища министра финансовъ В. Н. Коковцева новая комиссія, которая уже приступила къ своимъ работамъ. По поводу работъ этой-то комиссіи и высказываетъ г. Рихтеръ цѣлый рядъ пожеланій, заканчивающихся такими словами:

«Для того, чтобы предотвратить надвигающееся грозное явленіе, необходимо широко и всесторонне изучить какъ экономическія, такъ и естественно-историческія условія жизни страны. Работа министерской комиссіи, конечно, составляетъ частицу этого изслѣдованія—она можетъ многое дать, но далеко не исчерпать и не выяснить всего вопроса. Это послѣднее можетъ сдѣлать только рядъ изслѣдованій на мѣстѣ, и при томъ работа эта всего успѣшнѣе можетъ быть выполнена мѣстными общественными, наиболѣе заинтересованными органами, каковыми являются наши земства. Земства въ послѣднее время привлекаютъ къ своей работѣ разнообразныхъ спеціалистовъ: агрономовъ, почвовѣдовъ, метеорологовъ, врачей, статистиковъ и др. Всѣ эти силы должны быть привлечены къ изслѣдованію, о которомъ идетъ рѣчь и только при совмѣстномъ, дружномъ трудѣ этихъ научныхъ силъ съ земствомъ, по нашему мнѣнію, возможно освѣтить тотъ путь, по которому мы какъ бы въ потьмахъ идемъ,—возможно уяснить коренныя причины надвигающейся опасности, а слѣдовательно, тѣмъ самымъ, можетъ быть, и предотвратить ее отъ нашей родины...» Признаемся откровенно, что мы не понимаемъ, чего собственно желаетъ г. Рихтеръ. Работъ земствъ рука объ руку со спеціалистами для всесторонняго освѣщенія даннаго вопроса? Очень хорошо, ну, а затѣмъ,—что же дальше, какое употребленіе будетъ сдѣлано изъ этихъ изслѣдованій и,—что еще важнѣе—*какимъ способомъ* будутъ использованы эти изслѣдованія для мѣропріятій практическаго характера? Вѣдь самъ же г. Рихтеръ по поводу работъ комиссіи г. Коковцева замѣчаетъ, что ея программа «мало чѣмъ отличается отъ программы первоначальнаго обслѣдованія—тотъ же оффиціальный матеріалъ, правда, нѣсколько расширенный *рекомендаціей* пользоваться земскими

Digitized by Google

изданіями и другими источниками...» Такимъ образомъ, дѣло не въ отсутствіи у насъ по данному вопросу «земскихъ изданій и другихъ источниковъ», а въ томъ второстепенномъ, чтобы не сказать болѣе, мѣстѣ, которое занимаютъ онѣ при проведеніи тѣхъ или иныхъ мѣропріятій практическаго характера, въ томъ взглядѣ на эти изданія, который присущъ бюрократической средѣ и который не измѣнится до тѣхъ поръ, пока въ составѣ самихъ коммиссій не будетъ находиться людей, смотрящихъ на подобные вопросы подъ инымъ угломъ зрѣнія. Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, центръ вопроса, а не тамъ, гдѣ его видитъ г. Рихтеръ. Но намъ могутъ возразить, что въ работахъ коммиссій обыкновенно и принимаютъ участіе «свѣдущіе люди», приглашаемые для этой цѣли въ Петербургъ, какъ то имѣло мѣсто въ сельскохозяйственномъ совѣтѣ при министрѣ земледѣлія и государственныхъ имуществъ и какъ то предполагается сдѣлать, по слухамъ, и во время работъ недавно учрежденной подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ коммиссіи по вопросу о нуждахъ сельскаго хозяйства и т. д. Все это такъ, но противъ крайней неудовлетворительности постановки у насъ вопроса о самыхъ *способахъ* приглашенія въ Петербургъ «свѣдущихъ людей» раздавались и раздаются у насъ не мало голосовъ не только въ литературѣ, но и въ земскихъ и даже дворянскихъ собраніяхъ. Такъ, во время послѣдняго очереднаго дворянскаго собранія въ Курскѣ графомъ Доррером былъ внесенъ докладъ, въ которомъ предлагалось ходатайствовать предъ правительствомъ, чтобы вопросъ о приглашеніи свѣдущихъ лицъ въ разнаго рода коммиссіи, совѣты и т. д. былъ упорядоченъ, и для этого дворянскимъ собраніямъ было предоставлено право выбирать изъ своей среды такихъ людей, участіе которыхъ въ работахъ петербургскихъ коммиссій признается *самими собраніями* наиболѣе полезнымъ и отвѣчающимъ опредѣленной цѣли. Докладъ этотъ былъ принятъ курскимъ дворянствомъ очень сочувственно. Еще дальше пошелъ въ томъ же направленіи елецкій уѣздный предводитель дворянства А. А. Стаховичъ, только что предложившій экстреннаго орловскому губернскому земскому собранію ходатайствовать передъ министромъ финансовъ, какъ предсѣдателемъ особаго совѣщанія о нуждахъ сельской промышленности, о приглашеніи въ это совѣщаніе представителей земства, избранныхъ для этого земскимъ собраніемъ. Докладъ г. Стаховича настолько интересенъ, что мы приведемъ полностью имѣющуюся объ этомъ предметѣ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (отъ 4-го марта настоящаго года) корреспонденцію изъ Орла. Вотъ рѣчь по этому поводу А. А. Стаховича:

«23-го января состоялось Высочайшее повелѣніе объ образованіи особаго совѣщанія, подъ предсѣдательствомъ господина министра финансовъ, для выясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности и соображенія мѣръ, направленныхъ на пользу этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда. Чрезвычайное значеніе этого акта государственной власти не можетъ подлежать сомнѣнію. Упадокъ сельскохозяйственной промышленности, столь замѣтный въ послѣднее время, прямо или косвенно затрогиваетъ столь существенные интересы такихъ широкихъ круговъ населенія, что вполнѣ понятно то общее сочувствіе, съ которымъ было встрѣчено учрежденіе назван-

Digitized by Google

наго особаго совѣщанія. Для насъ, «земскихъ» людей, представителей «земли», всѣхъ сословій, занимающихся почти исключительно сельско-хозяйственнымъ промысломъ, этотъ государственный актъ имѣетъ, конечно, совершенно особое значеніе, и врядъ ли я ошибусь, сказавъ, что изъ всѣхъ проявленій государственной власти за два послѣднія десятилѣтія—это Высочайшее повелѣніе будетъ встрѣчено земскими людьми съ чувствомъ наибольшей надежды и благодарности. Въ силу статей II-й и III-й означеннаго Высочайшаго повелѣнія, учрежденное совѣщаніе имѣетъ возможность услышать голосъ людей, дѣйствительно и близко знакомыхъ съ современными нуждами сельскохозяйственной промышленности и неразрывно съ ними связаннаго «сельскаго состоянія», правовыми и бытовыми условіями, въ которыхъ приходится примѣнять свой трудъ чуть не 100 милліонамъ сельскаго населенія Россіи и тѣми язвами, которыя глубоко въѣлись въ наши сельскіе порядки и которыя палліативами излѣчить нельзя. Таковыми людьми являются, конечно, прежде всего, «земскіе люди»—представители и избранники земства».

Опытъ многихъ комиссій и совѣщаній послѣднихъ лѣтъ показалъ, какъ неудовлетворителенъ обыкновенно практикующійся у насъ способъ приглашенія «представителей» той или иной отрасли промышленности. Въ частности труднѣе всего сколько нибудь-сносно представить при помощи вызова интересы сельскаго хозяйства. Вызываютъ, болѣе или менѣе по-наслышкѣ, извѣстныхъ провинціальныхъ дѣятелей, но такого рода извѣстностью у насъ пользуются весьма немногіе представители дворянства, земскіе гласные или сельскіе хозяева, въ большинствѣ крупные землевладѣльцы. Но земледѣльческое населеніе страны распадается на нѣсколько слоевъ, интересы которыхъ вовсе не однородны и далеко не всегда и не во всемъ могутъ быть представлены крупными земельными собственниками. Чѣмъ ближе придетъ совѣщаніе въ непосредственное общеніе съ дѣйствительными представителями этихъ различныхъ слоевъ и интересовъ, тѣмъ, конечно, глубже будутъ изучены нужды сельскохозяйственной промышленности, тѣмъ вѣрнѣе, при остальныхъ равныхъ условіяхъ, отыскать средства къ удовлетворенію ихъ. Несомнѣнно, съ другой стороны, что на мѣстахъ найдется не мало людей, не уступающихъ въ знаніи мѣстныхъ нуждъ тѣмъ немногимъ дѣятелямъ, о которыхъ имѣются свѣдѣнія въ С.-Петербургѣ. И совѣщаніе, конечно, найдетъ этихъ людей, если обратится за указаніемъ къ мѣстнымъ общественнымъ всесословнымъ учрежденіямъ—земствамъ и организаціямъ—сельскохозяйственнымъ совѣтамъ, обществамъ сельскаго хозяйства. Нельзя при этомъ не имѣть въ виду, что въ существующемъ за послѣднее время порядкѣ и способѣ приглашенія «представителей» извѣстной промышленности, «свѣдущихъ людей» въ разнаго рода комиссіи и совѣщанія, чуть ли не единственнымъ руководящимъ принципомъ является случайное, часто по слухамъ, знакомство представителя вѣдомства и другихъ менѣе вліятельныхъ лицъ съ приглашаемымъ ими лицами, а часто и другія совершенно случайныя же обстоятельства, какъ напримѣръ, пребываніе даннаго лица въ столицѣ во время засѣданія комиссіи. Позволю себѣ привести два характерныхъ примѣра, мнѣ извѣстныхъ, ярко характеризующихъ систему подобныхъ приглашеній.

Digitized by Google

«1) Изъ 15 приглашенныхъ въ сельскохозяйственный совѣтъ весной 1898 года лицъ 4 были изъ нашей Орловской губерніи и 2 изъ нихъ изъ родного мнѣ Елецкаго уѣзда, 2) въ совѣщаніи, созванномъ министромъ финансовъ въ февралѣ 1899 г. по упорядоченію хлѣбной торговли, въ которомъ принимали участіе болѣе 100 лицъ, только отъ одного нашего Елецкаго уѣзда присутствовало 7 представителей, тогда какъ отъ очень многихъ губерній не было ни одного участника совѣщанія. Я очутился на этомъ совѣщаніи только потому, что наканунѣ его открытія, по земскимъ ходатайствамъ, бесѣдовалъ съ его предсѣдателемъ. И такихъ примѣровъ можно привести много. Безъ сомнѣнія, принципъ случайности занимаетъ преобладающее мѣсто въ руководящихъ основаніяхъ подобныхъ приглашеній.

«Земства могутъ оказать, кромѣ того, созываемому совѣщанію незамѣнимое содѣйствіе и своими отвѣтами на прямо обращенные къ нимъ запросы съ его стороны и своими ходатайствами по предметамъ относящимся къ компетенціи совѣщанія.

«Въ виду всего изложеннаго, имѣю честь предложить нынѣ собранному чрезвычайному орловскому губернскому собранію ходатайствовать передъ предсѣдателемъ означеннаго совѣщанія—г. министромъ финансовъ о приглашеніи имъ, въ силу II-й и III-й статей Высочайшаго повелѣнія 23-го января 1902 года представителей орловскаго губернскаго земства, избранныхъ для сего земскимъ собраніемъ.

«На случай удовлетворенія этого ходатайства предлагаю собранію наимѣтить теперь же своимъ избраніемъ, сколько оно найдетъ нужнымъ, кандидатовъ».

Орловское губернское земское собраніе *единогласно* приняло предложеніе А. А. Стаховича.

Намъ кажется, что мысли гр. Доррера и г. Стаховича о способахъ, какими слѣдуетъ приступить къ изслѣдованію, какъ вопроса объ «оскудѣніи центра», такъ и многихъ другихъ, съ нимъ связанныхъ, заключаютъ въ себѣ гораздо болѣе благихъ для нашей родины зиждительныхъ началъ, чѣмъ расплывчатыя пожеланія г. Рихтера...

Заговоривъ о земскихъ ходатайствахъ, мы хотимъ закончить наше обозрѣніе воспроизведеніемъ изъ напечатанной въ февральской книжкѣ «Образованія» замѣчательно сильной рѣчи, произнесенной въ воронежскомъ губернскомъ земскомъ собраніи губернскимъ гласнымъ этого земства, извѣстнымъ педагогомъ и общественнымъ дѣятелемъ Н. Ф. Бунаковымъ о значеніи недавно введенныхъ пресловутыхъ «школьныхъ кассъ». Упомянувъ о приближавшемся тогда пятидесятилѣтіи со дня смерти Гоголя, г. Бунаковъ продолжалъ свою рѣчь такъ:

«Какъ всѣмъ намъ извѣстно, Николай Васильевичъ Гоголь создавалъ свои безсмертные отрицательные типы, напр., Плюшкина, Чичикова, не съ тѣмъ, чтобы дать намъ идеалы, къ которымъ мы должны стремиться, а тѣмъ болѣе не для того, чтобы мы изъ своихъ дѣтей приготовляли новыхъ Плюшкиныхъ и новыхъ Чичиковыхъ. Нѣтъ, совершенно напротивъ. Я человѣкъ довольно много видавшій, довольно много пожившій, я имѣлъ возможность наблюдать,

Digitized by Google

какъ въ свое время при появленіи въ свѣтъ «Мертвыхъ душъ» дѣйствовали на тогдашнихъ русскихъ людей отрицательные типы Гоголя: они вызывали въ нашихъ душахъ свѣтлый идеальный образъ истиннаго человѣка, неутомимаго, безкорыстнаго, любящаго работника и честнаго гражданина. Надо сказать, что то время было жестокое время, одно воспоминаніе о которомъ приводитъ въ содраганіе. Это была одна изъ тѣхъ мрачныхъ эпохъ, когда уровень идеальныхъ представленій въ общемъ понижается ужасающимъ образомъ, когда на поверхность всплываютъ самые низменные идеалы и стремленія; но въ немногихъ личностяхъ сохраняется живой родникъ, который, наконецъ, прорывается наружу, бьетъ могучимъ ключомъ и въ своемъ широкомъ разливѣ захватываетъ задремавшее общество, пробуждая въ немъ чистыя человѣческія чувства и свѣтлые, идеальные образы. Въ этомъ смыслѣ я и понимаю, какъ два-три праведника т.-е. два-три человѣка съ возвышенными идеалами могутъ спасти отъ погибели цѣлый развращенный городъ т.-е. цѣлое общество съ низменными, пошлыми, ничтожными идеалами, къ числу такихъ праведниковъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ и Гоголь. Потому то даже въ то мрачное время все-таки были невозможны нѣкоторыя явленія, мимо которыхъ мы теперь проходимъ равнодушно и безмолвно. Приведу примѣръ. Мы собираемся чествовать Гоголя, давшаго отрицательные типы Чичикова и Плюшкина и въ это же время у насъ предлагаютъ открывать такъ называемыя школьныя кассы. Посредствомъ этихъ школьныхъ кассъ предполагается прививать нашимъ дѣтямъ и дѣтямъ нашего народа бережливость и предупреждать расточительность. Но съ нравственно-педагогической точки зрѣнія дѣло представляется нѣсколько иначе. Привьемъ ли мы нашимъ дѣтямъ разумную бережливость, искусственно пріучая ихъ копить копейки, пятачки, гривенники, рубли—это остается подъ большимъ сомнѣніемъ, но что этимъ путемъ мы можемъ привить дѣтямъ низменное стремленіе къ наживѣ, крохоборству, пріобрѣтенію безъ различія средствъ и путей, жадность, зависть и многое другое, о чемъ даже подумать страшно,—это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію. И вотъ, когда я подумаю, что будетъ съ этими дѣтьми, отроками, юношами, которымъ мы будемъ искусственно, съ самаго ранняго возраста въ школѣ прививать подъ видомъ бережливости вкусъ къ крохоборству, наживѣ, пріобрѣтенію,—мнѣ представляется самая безотрадная картина: мнѣ видится группа русскихъ дѣтей и отроковъ, которые совершенно поглощены идеею пріобрѣтенія и наживы. Они толкуютъ между собою не о Шиллерѣ, о славѣ и любви, какъ разговаривали сверстники Пушкина,—нѣтъ, они разговариваютъ о томъ, сколько рублей и копеекъ у кого скоплено и сколько причитается на эти деньги процентовъ. Потому что предполагается, что они будутъ откладывать свои копейки, пятачки, гривенники не въ простую копилку, а въ такую, гдѣ будутъ насчитываться на нихъ проценты. Мнѣ видится, что дѣти наши сперва откладываютъ только свои свободныя деньги, но потомъ, по мѣрѣ того, какъ ими овладѣваетъ стремленіе къ наживѣ и соперничество пріобрѣтенія, начинаютъ отказываться и отъ завтрака, и отъ наклонности помочь бѣдному товарищу, и отъ многаго необходимаго или хорошаго, лишь бы увеличить сумму своей наживы. Но этого мало. Жадность къ

Digitized by Google

наживѣ растетъ. Возбуждается усиленно зависть малоимущаго къ счастливцамъ, скопившимъ больше. Появляется изобрѣтательность какихъ-либо школьныхъ торговыхъ операцій, какія изобрѣталъ въ школѣ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Появляется и придумываніе наиболѣе безопасныхъ способовъ присвоить или похитить чужія деньги. Мнѣ представляются юноши, въ которыхъ убиты всякія свѣтлыя и честныя идеальныя стремленія,—все поглощено однимъ стремленіемъ,—высчитать тѣ проценты, которые наростутъ на ихъ накопленія... Какой ужасъ! Вѣдь, это юные Чичиковы и Плюшкины! Вотъ я и предлагаю почтить память Гоголя прямымъ, открытымъ, рѣшительнымъ заявленіемъ желательности, чтобы школьныя кассы были отмѣнены, какъ мѣропріятіе, которое грозитъ нашимъ дѣтямъ и дѣтямъ нашего народа худшей изъ бѣдъ—растлѣніемъ ихъ души».

Воронежское губернское земское собраніе присоединилось къ мнѣнію Н. Ф. Бунакова и постановило возбудить ходатайство о совершенной отмѣнѣ школьныхъ кассъ.

Въ своихъ опасеніяхъ г. Бунаковъ явился рѣшительно пророкомъ. Свою рѣчь онъ произнесъ въ декабрѣ 1901 года, а уже въ февралѣ 1902 года въ абсолютно чуждой всякаго «либерализма» газетѣ «Южный Край» появилась подтверждающая всѣ предсказанія г. Бунакова корреспонденція объ «успѣхѣ», который имѣютъ школьныя сберегательныя марки среди учащихся въ школахъ Харьковской губерніи. «Ученики очень часто отказываются даже отъ завтрака, а пріобрѣтаютъ на полученныя для его покупки отъ родителей деньги сберегательныя марки. Марки расходятся во многихъ учебныхъ заведеніяхъ до того быстро, что учебное начальство не успѣваетъ ихъ пріобрѣтать. Въ начальныхъ училищахъ каждый ученикъ старается пріобрѣсти ихъ хоть на нѣсколько копеекъ. Со стороны родителей приходится часто слышать жалобы на то, что дѣти у нихъ постоянно выпрашиваютъ хоть «пятачокъ», чтобы пріобрѣсти марокъ. Ученики разсказываютъ, что въ классахъ производится мѣновая торговля марками или ведутся различныя игры (въ перышки, крестики и т. п.) на марки».

Болѣе точнаго и болѣе быстраго осуществленія предсказанія того, что должно было произойти, чѣмъ въ данномъ случаѣ, трудно себѣ и представить. Разумѣется, и нравственныя послѣдствія для дѣтей будутъ именно тѣ, о которыхъ говорилъ въ своей рѣчи Н. Ф. Бунаковъ.

За границей.

Германская таможенная политика и женскій вопросъ. — Центръ тяжести внутренняго положенія Германіи въ данный моментъ составляетъ таможенная политика и агитація, вызванная проектомъ повышенія хлѣбныхъ пошлинъ,— «Хлѣбное ростовщичество», какъ называютъ этотъ законопроектъ оппозиціонныя партіи. Германское правительство выбивается изо всѣхъ силъ, стараясь вытащить на берегъ таможенный законопроектъ, который завязъ въ комиссіи рейхс-

Digitized by Google

тага. Въ самомъ дѣлѣ, комиссія засѣдала въ теченіе почти трехъ съ половиною мѣсяцевъ и изъ 946 параграфовъ законопроекта разсмотрѣно только 43, относительно которыхъ состоялось голосованіе. Этотъ «танецъ около хлѣбныхъ пошлинъ», какъ называетъ франкфуртская газета пренія комиссіи, грозитъ затянуться надолго и правительство, желая поощрить членовъ комиссіи, внесло даже предложеніе о назначеніи имъ вознагражденія, если они будутъ заниматься въ періодъ вакацій рейхстага. Предложеніе это вызвало сильный протестъ оппозиціи, которая требуетъ, чтобы въ такомъ случаѣ вообще всѣ члены парламента получали вознагражденіе во время парламентской сессіи. Вопросъ остается пока открытымъ, а въ данный моментъ рейхстагъ и комиссія прекратили свои работы по случаю приближенія пасхальныхъ вакацій.

Но засѣданія комиссіи, если даже они не были богаты практическими результатами, во всякомъ случаѣ много способствовали выясненію положенія. Прежде всего пренія обнаружили радикальныя разногласія, которыя существуютъ между правительствомъ и аграрными партіями, составляющими большинство въ комиссіи и вѣроятно въ рейхстагѣ. Впрочемъ это не ново. Трагикомическая исторія канала между Эльбою и Рейномъ, столь близкаго сердцу Вильгельма II, погубившая столько репутацій государственныхъ дѣятелей, должна была бы уже доказать не только чрезмѣрную протязательность и упорство, но также и силу юнкерской партіи въ Пруссіи, не стѣсняющейся даже вступать въ состязаніе съ Гогенцоллернами, не смотря на всѣ необыкновенно шумныя заявленія своей преданности и лойялизма.

Агитація, происходящая на почвѣ аграрной политики, отразилась недавно довольно курьезнымъ образомъ въ области женскаго вопроса: какъ извѣстно, прусскіе законы воспрещаютъ участіе женщинъ въ политическихъ собраніяхъ, между тѣмъ въ собраніе аграрной лиги, происходившемъ въ циркѣ Буша въ Берлинѣ, были допущены женщины въ большомъ числѣ, несмотря на то, что это собраніе носило спеціально агитаціонный характеръ. Разумѣется, оппозиція незамедлила подхватить этотъ фактъ и прускому министру внутреннихъ дѣлъ фонъ-Гаммерштейну былъ предъявленъ запросъ по этому поводу. Допущеніе женщинъ на собраніе лиги являлось какъ бы косвеннымъ признаніемъ ихъ права являться и въ другіе политическіе форейны. Можетъ ли г. министръ отвергать это право и было ли тутъ сдѣлано исключеніе только для аграрной лиги ради извѣстныхъ цѣлей? спрашивали оппозиціонные депутаты.

Министръ внутреннихъ дѣлъ чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, отвѣчая на настоятельныя запросы оппозиціи. Не могъ же онъ признать, что могущественная аграрная лига, желая привлечь женскіе элементы на свою сторону и сознавая ту пользу, которую могутъ ей принести женщины на почвѣ агитаціи, нарочно пригласила ихъ въ собраніе, не обращая вниманія на запретительный законъ! Поэтому, желая какъ нибудь извернуться, министръ сказалъ, что тутъ не было никакого нарушенія закона въ пользу аграріевъ, такъ какъ женщины были допущены только въ качествѣ «слушательницъ», да и то ихъ было не много! Министръ чувствовалъ вѣроятно, что вступилъ на скользкій путь и далъ оппозиціи новое оружіе въ руки. Дѣйстви

Digitized by Google

тельно, газеты тотчасъ же подхватили этотъ фактъ и объясненіе министра, «Vorwärts» иронически выразилъ благодарность аграрной лигѣ за то, что она помогла разрѣшить трудный вопросъ о политическихъ правахъ женщинъ. Вѣдь если женщины были официально допущены на засѣданія аграрной лиги, то значитъ и другіе политическіе ферейны могутъ воспользоваться этимъ и раскрыть двери женщинамъ, какъ своимъ помощницамъ. Въ печати началась полемика и снова на сцену были выдвинуты всѣ обычные аргументы за и противъ женской политической равноправности. Но, какъ и слѣдовало ожидать, вопросъ перешелъ на практическую почву и была сдѣлана проба, которая должна была доказать искренность заявленій Гаммерштейна. Соціалъ-демократическій ферейнъ въ Килѣ назначилъ собраніе и пренія по докладу о дѣятельности женщинъ въ политической жизни, при чемъ объявилъ, что въ собраніе допускаются женщины. На приглашеніе отозвались впрочемъ всего лишь 15 женщинъ, но когда предсѣдатель объявилъ собраніе открытымъ, къ нему подошелъ полицейскій комиссаръ, которому поручено было наблюдать за собраніемъ, и потребовалъ, чтобъ женщины немедленно оставили залу. Предсѣдатель сослался тогда на заявленіе министра внутреннихъ дѣлъ, сдѣланное въ палатѣ депутатовъ, но полицейскій и слушать не хотѣлъ: «Это меня не касается, сказалъ онъ предсѣдателю.—На основаніи закона я требую отъ васъ удаленія женщинъ».

— Я этого не сдѣлаю—возразилъ предсѣдатель.

— Въ такомъ случаѣ я закрываю засѣданіе.

Тотчасъ же явилось еще шесть полицейскихъ и моментально очистили залу, такъ какъ никто изъ присутствующихъ не выказалъ ни малѣйшаго сопротивленія и всѣ спокойно удалились. Цѣль была достигнута: заранѣе предвидя этотъ конецъ, соціалъ демократы хотѣли только демонстрировать различное отношеніе органовъ правительства къ аграріямъ и другимъ партіямъ и доказать, что то, что дозволительно аграрной лигѣ, не дозволяется другимъ ферейнамъ, носящимъ политическій характеръ и не угоднымъ правительству.

Германскому рейхстагу вообще въ послѣднее время приходилось не мало имѣть дѣла съ женскимъ вопросомъ и, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ ему придется еще болѣе подробно разсмотрѣть этотъ вопросъ. Въ рейхстагѣ было представлено множество петицій отъ разныхъ женскихъ ферейновъ и внесены предложенія нѣсколькихъ депутатовъ объ изданіи дополнительнаго закона объ ассоціаціяхъ, разрѣшающаго женщинамъ вступать въ соціально-политическіе ферейны и участвовать въ политическихъ собраніяхъ, на томъ основаніи, что почти во всѣхъ государствахъ германскаго союза женщины пользуются этими правами, и только одна Пруссія не признаетъ ихъ. Но женщины рѣшительно не могутъ пожаловаться на германскій парламентъ. Еще очень недавно въ рейхстагѣ число сочувствующихъ женскимъ притязаніямъ было очень невелико и они составляли лишь незначительную горсть. Теперь уже въ каждой парламентской партіи женщины имѣютъ много сторонниковъ и могутъ даже разсчитывать на большинство, которое будетъ поддерживать ихъ требованія въ рейхс-

Digitized by Google

тагѣ, разумѣется ,если только женщины въ своихъ требованіяхъ не перейдутъ извѣстныхъ границъ.

Оппозиціонныя партіи въ своемъ спорѣ съ правительствомъ по поводу таможеннаго вопроса выдвигаютъ, между прочимъ, на сцену послѣднія данныя статистики 1900 года, дѣйствительно опровергающей самымъ неожиданнымъ образомъ всѣ утвержденія аграріевъ о томъ, что безъ нихъ страна неминуемо должна погибнуть, такъ какъ они поставляютъ наибольшее число рекрутъ для государства, и благодаря имъ, въ города вливается потокъ свѣжихъ народныхъ силъ, потому что деревенская жизнь здоровѣе городской во всѣхъ отношеніяхъ и т. д., и т. д. Въ самомъ дѣлѣ, неподкупныя цифры указываютъ совсѣмъ иное положеніе дѣлъ; какъ разъ въ той области, которую прусскіе юнкера рисуютъ какимъ то Эльдорадо, смертность особенно велика, даже выше смертности въ промышленныхъ округахъ, и что еще болѣе, удивительно превосходитъ смертность въ Берлинѣ! Всѣ десять округовъ съ наиболѣе высокою смертностью лежатъ въ аграрныхъ восточныхъ провинціяхъ Пруссіи; наименьшая же смертность показана въ 15 промышленныхъ округахъ западной Пруссіи. Кромѣ того оффиціальная «Statistiche Correspondenz», издаваемая прусскимъ статистическимъ бюро, констатируетъ въ высшей степени печальное положеніе сельскихъ рабочихъ, выставляющее въ довольно некрасивомъ свѣтѣ юнкерское хозяйство, и эти разоблаченія приходятся очень не кстати для аграріевъ, теряющихъ въ нѣкоторой степени почву подъ своими ногами.

Германскій канцлеръ и женская депутація. Въ концѣ прошлаго мѣсяца, когда рейхстагъ закрылъ уже свои засѣданія по случаю наступленія пасхальныхъ вакацій, графъ Бюловъ принималъ въ залѣ конгресса въ канцлерскомъ дворцѣ, депутацію женскаго ферейна (Verein für Frauenstimmrecht), во главѣ которой находились предводительницы берлинскаго женскаго движенія, г-жи Аугсбургъ, Кауеръ, Лина Моргенштернъ, Елена Штёкеръ и затѣмъ представительницы Данцига, Гёрлица и Штральзунда—въ общемъ 20 человѣкъ. Депутація явилась съ цѣлью ходатайствовать объ отмѣнѣ постановленій, стѣсняющихъ дѣятельность женщинъ въ союзахъ, и объ уравненіи ихъ правъ во всѣхъ государствахъ германскаго союза какъ въ отношеніи участія въ собраніяхъ, такъ и въ отношеніи права поступленія въ высшія учебныя заведенія. Кромѣ того депутація выразила еще другія желанія, касающіяся женскаго образованія и приглашенія компетентныхъ женщинъ къ участію въ проектируемой реформѣ женскихъ гимназій въ Пруссіи.

Графъ Бюловъ очень любезно принялъ депутацію и, выслушавъ рѣчь г-жи Аугсбургъ, изложившей ему желанія женской депутаціи, отвѣчалъ.

«Благодарю васъ за дружественное обращеніе ко мнѣ и за то, что вы пришли и прошу васъ вѣрить, что я глубоко сознаю огромное и серьезное значеніе женскаго вопроса; что же касается указанныхъ вами пунктовъ, то вы вѣдь сами знаете, что какъ относительно постановленій закона, касающихся правъ собраній (Versammlungsrecht), такъ и относительно другихъ параграфовъ этого закона, давшихъ поводъ къ разнымъ непріятнымъ инцидентамъ, я

Digitized by Google

далеко не всесильнъ и все это зависитъ отъ рѣшеній законодательныхъ собраній. Вопросъ о женскомъ образованіи присоединенъ министромъ просвѣщенія къ вопросу о народномъ образованіи, и вамъ извѣстно, какъ онъ относится къ этому вопросу. Предполагается оказать существенную поддержку женскимъ школамъ со стороны министерства просвѣщенія и городской общины и посредствомъ введенія новыхъ программъ будутъ сдѣланы улучшенія въ системѣ преподаванія. Но съ другой стороны министерство просвѣщенія высказывается противъ учрежденія особенныхъ женскихъ гимназій, а также пріема женщинъ въ высшія учебныя заведенія, хотя все таки разрѣшено открыть въ видѣ пробы отдѣльные частные шестилѣтніе гимназическіе курсы; вѣроятно, будутъ сдѣланы и дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи. Что касается привлеченія компетентныхъ женщинъ къ участію въ совѣщаніяхъ по поводу реформы преподаванія, то я готовъ возбудить этотъ важный вопросъ и обсудить, возможно ли будетъ пригласить женщинъ. Во всякомъ случаѣ вы можете быть увѣрены въ моемъ сочувствіи вашимъ стремленіямъ. Я постараюсь, насколько это меня касается, выразить это въ рейхстагѣ и въ союзномъ сеймѣ».

По словамъ германскихъ газетъ депутація ушла очень довольная пріемомъ канцлера, который, во всякомъ случаѣ, указываетъ, что женскій вопросъ сдѣлалъ огромные успѣхи въ Германіи, гдѣ во времена Бисмарка ни такая депутація, ни такой пріемъ были бы немыслимы. Бывшія бисмарковскія газеты, такъ называемая «рептильная пресса», глубоко возмущены тѣмъ, что порогъ канцлерскаго дворца, гдѣ нѣкогда царилъ всесильный Бисмаркъ, переступила женская депутація съ требованіями какихъ-то правъ. «Это начало конца!» восклицаютъ онѣ.

Ирландскій призракъ; обезлюдѣніе Лондона; двухсотлѣтній юбилей. Совѣтъ англійскихъ министровъ во всѣхъ своихъ послѣднихъ засѣданіяхъ удѣлялъ особенно много вниманія ирландскимъ дѣламъ. Обсуждались, главнымъ образомъ, репрессивныя мѣропріятія, предложенныя съ цѣлью окончательно раздавить «Объединенную ирландскую лигу» (United Irish League), которая покрываетъ своими развѣтвленіями весь островъ и ведетъ теперь усиленную агитацію. На этихъ мѣропріятіяхъ и на возстановленіи пресловутаго «Crimes Act» 1887 г. настаиваетъ вице-король Ирландіи лордъ Кодогенъ, но министръ Ирландіи Уиндгэмъ, не участвующій обыкновенно въ засѣданіяхъ совѣта министровъ и приглашенный только по случаю обсужденія ирландскихъ дѣлъ, горячо возсталъ противъ репрессалій, и его мнѣніе взяло на этотъ разъ верхъ. Единственнымъ результатомъ этого совѣщанія была отмѣна королевскаго визита въ Ирландію, объявленная въ такихъ выраженіяхъ, изъ которыхъ ирландцы должны были бы вывести заключеніе, что они окончательно впали въ немилость у англійскаго правительства. Однако, врядъ ли при существующемъ настроеніи въ Ирландіи такая мѣра можетъ достигнуть своей цѣли. Отношенія между Англіей и Ирландіей обостряются; реорганизованная ирландская партія представляетъ въ парламентѣ единственную настоящую оппозицію, такъ какъ либеральная партія, вслѣдствіе происходящаго въ ней раскола и измѣнъ ея

Digitized by Google

ея прежнихъ дѣятелей, совершенно парализована и лишилась всякаго значенія. Несомнѣнно, что ирландскій призракъ снова встаетъ передъ Англіей и грозитъ повтореніемъ кризиса, который уже пришлось пережить Англіи въ 1841—43 и 48 годахъ и въ 1865 г. Такое мнѣніе высказываютъ и многіе изъ неослѣпленныхъ идеей имперіализма и безпристрастныхъ англійскихъ публицистовъ. Пока въ Ирландіи наростаетъ народное движеніе, въ парламентѣ происходятъ очень бурные дебаты, вызываемые ирландскими націоналистами по всякому удобному поводу и обыкновенно оканчивающіеся исключеніемъ ихъ изъ засѣданія палаты общинъ на извѣстный срокъ. Послѣдній разъ бурный инцидентъ произошелъ по поводу трансваальской войны, когда обсуждался въ третьемъ чтеніи законопроектъ о займѣ на покрытіе военныхъ расходовъ. Сэръ Кэмпбелль Баннерманъ воспользовался этимъ, чтобъ потребовать свѣдѣній отъ правительства о положеніи дѣлъ въ Южной Африкѣ, причемъ сказалъ слѣдующее: «Всякій разъ, когда какой-нибудь членъ оппозиціи обращается съ вопросомъ относительно войны, то сейчасъ же его называютъ пробуромъ и другомъ враговъ страны. Это все злобныя клеветы на оппозицію». Чэмберленъ, конечно, не замедлилъ рѣзко отвѣтить, замѣтивъ: «Достопочтенный джентльменъ какъ-то упоминалъ въ своей рѣчи о школѣ хорошихъ манеръ. Не знаю, былъ ли онъ самъ въ этой школѣ профессоромъ или ученикомъ, но если онъ былъ ученикомъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ, видимо, плохо воспользовался преподанными ему уроками». Въ доказательство своихъ словъ Чемберленъ указалъ на фразу о «злобной клеветѣ». Спикеръ тотчасъ же заявилъ, что это не парламентское выраженіе, и Кэмпбелль Баннерманъ взялъ его назадъ. «И я тоже беру назадъ свои слова», объявилъ Чэмберленъ, и въ палатѣ раздались апплодисменты и смѣхъ. Но этотъ веселенькій эпизодъ не замедлилъ смѣниться однимъ изъ самыхъ бурныхъ инцидентовъ, свидѣтелями которыхъ когда-либо бывали стѣны англійскаго парламента. Чэмберленъ, продолжая свою рѣчь, сказалъ: «Число буровъ, стоящихъ подъ ружьемъ, можно опредѣлить приблизительно въ 9.000. Правительство имѣетъ всѣ основанія думать, что буры пріобрѣли лишь немного рекрутъ послѣ своего вторичнаго нашествія на Капскую колонію. Вопросъ о замиреніи края и его будущности послѣ войны составляетъ главный предметъ заботъ правительства. Быть можетъ, я покажусь вамъ оптимистомъ, но я не думаю, чтобы расовыя чувства могли имѣть опасныя послѣдствія, послѣ того, какъ будетъ установлено англійское господство въ Южной Африкѣ. Бургеры сражались съ нами рядомъ и съ нами же брали въ плѣнъ вліятельныхъ генераловъ и бурскія команды. Достаточно указать на бывшаго бурскаго генерала Вилоніля, который, сдѣлавшись командиромъ англійскаго корпуса «National Leonts», написалъ своимъ бывшимъ товарищамъ по оружію, что истинные враги отечества—это тѣ, кто продолжаетъ борьбу!»

Ирландскій депутатъ Диллонъ прервалъ его восклицаніемъ: «Этотъ Вилоніль и тѣ, кто за нимъ послѣдовалъ,—измѣнники!» «Нѣтъ, милостивый государь,—возразилъ Чэмберленъ,—хотя, разумѣется, въ томъ, что касается измѣны, вы вполнѣ можете быть судьей».

Эта реплика Чэмберлена и чуть не прямое обвиненіе въ измѣнѣ, брошен-

Digitized by Google

ное въ лицо ирландскому депутату, вызвали неистовые восторги правительственнаго большинства и страшное негодованіе ирландцевъ. Диллонъ, весь блѣдный отъ волненія, всталъ съ своего мѣста и, стараясь говорить спокойно, обратился къ спикеру: «Я бы хотѣлъ знать, можно ли считать слова, сказанныя достопочтеннымъ джентльменомъ, парламентскимъ выраженіемъ»?

Ирландскіе депутаты присоединились къ нему, требуя, чтобы Чэмберленъ взялъ свои слова назадъ. Но спикеръ, который въ прежніе времена въ парламентѣ служилъ олицетвореніемъ полнѣйшаго безпристрастія по отношенію къ парламентскимъ партіямъ и считалъ несовмѣстимымъ со своимъ званіемъ президента палаты высказывать даже частнымъ образомъ свое сочувствіе тому или другому политическому направленію, теперь не могъ или не хотѣлъ оставаться безпристрастнымъ и, вспомнивъ о судѣ Соломона, высказалъ порицаніе Диллону за то, что онъ назвалъ «измѣнниками бургеровъ, сражающихся подъ англійскимъ знаменемъ», но осуждалъ также и отвѣтъ Чэмберлена, замѣтивъ, впрочемъ, что Диллонъ «первый» началъ эти пререканія.

Въ отвѣтъ на эти слова спикера Диллонъ еще разъ поднялся и убійственно холоднымъ тономъ, отчеканивая каждое слово, торжественно произнесъ:

— Хорошо! При такихъ условіяхъ, я считаю нужнымъ прибавить, что достопочтенный джентльменъ (Чэмберленъ)—проклятый лжецъ!

Поднялся страшный шумъ и, конечно, правительственное большинство потребовало лишенія Диллона права посѣщенія парламента въ теченіе восьми дней. Но волненіе не улеглось и послѣ этого, и стычки между ирландскою оппозиціей и правительствомъ происходятъ ежедневно; взаимное раздраженіе возрастаетъ и легко можетъ дойти до кульминаціоннаго пункта, что заставляетъ многихъ истинныхъ патріотовъ, понимающихъ, что Англія, вступившая на ложный путь, запутывается все больше, съ тревогою смотрѣть въ будущее. И какъ разъ въ такой моментъ двое политическихъ дѣятелей прежней великой либеральной партіи, лордъ Розберри и Асквитъ, сочли нужнымъ торжественно отречься отъ гомруля и отъ всей политики Гладстона, которой они были обязаны всею своею политическою карьерой, примкнувъ къ теперешней англійской политикѣ какъ въ Южной Африкѣ, такъ и въ Ирландіи.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій парламента опять чуть было не вышло серьезнаго столкновенія между Уиндэмомъ и ирландскими депутатами. Спикеръ нѣсколько разъ призывалъ къ порядку разгоряченныхъ ораторовъ и въ воздухѣ чувствовалась буря, когда вдругъ въ самый разгаръ рѣчи ирландскаго депутата Хили произошелъ слѣдующій инцидентъ. Хили распространялся о выселеніяхъ ирландскихъ фермеровъ и въ самыхъ мрачныхъ краскахъ изобразилъ ихъ положеніе. «Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ нельзя увидѣть ничего подобнаго!» воскликнулъ онъ.

— Ну-ка, посмотрѣли бы въ Уайтчэпелѣ (бѣднѣйшій кварталъ Лондона),— крикнулъ кто-то съ галлереи для публики.

Это неожиданное вмѣшательство отвлекло вниманіе публики. Стали разыскивать смѣльчака, который произнесъ его, напомнивъ парламенту о нравахъ столицы, но такъ и не нашли. Между тѣмъ, это разсѣяло настроеніе пуб-

Digitized by Google

лики, и засѣданіе, грозившее стать очень бурнымъ, закончилось сравнительно благополучно.

Лондонская печать заинтересована только что опубликованными результатами статистики послѣдней переписи въ Лондонѣ, что въ Сити Лондона населеніе уменьшается. Это не должно никого удивлять. Конторы, лавки, склады и магазины давно уже вытѣснили въ этой части города всѣ семейныя квартиры и на ночь тамъ остаются только хозяева и полицейскіе, да сторожа, охраняющіе склады и т. п. Въ 1892 г. въ Сити еще насчитывалось 37.702 жителя; въ 1901 г.—уже только 20.923. Въ церковной общинѣ «St. Alphage» насчитывается теперь только 29 членовъ, и пасторы въ Сити, по словамъ газетъ, находятся теперь въ затруднительномъ положеніи, такъ какъ некому посѣщать ихъ церкви.

Но дѣло въ томъ, что обезлюдѣніе Лондона замѣчается и въ другихъ его частяхъ, не только въ Сити. Статистика указываетъ уменьшеніе на 67.000 душъ въ пяти другихъ частяхъ города: Вестминстерѣ, Марилбонѣ, Финсбюри, Гольборнѣ и Шордичѣ. Такое же уменьшеніе населенія замѣчается и во всемъ лондонскомъ графствѣ, что происходитъ вслѣдствіе эмиграціи изъ Лондона въ мѣста по сосѣдству съ графствами Кентъ, Сюррей, Эссексъ и Гертфордъ. Въ Лондонѣ негдѣ жить, и рабочій лишь съ большимъ трудомъ можетъ найти для себя помѣщеніе въ центральныхъ частяхъ Лондона и поэтому-то и наблюдается теперь выселеніе въ болѣе отдаленныя мѣста лондонскаго графства, на самыя его окраины или даже за его границы. Но зато въ Лондонѣ возрастаетъ иностранный элементъ среди населенія. Такъ, напримѣръ, по послѣдней статистикѣ число русскихъ въ Лондонѣ достигаетъ 38.117; нѣмцевъ—27.427; французовъ—11.264; итальянцевъ—10.889.

Въ прошломъ мѣсяцѣ исполнилось 200 лѣтъ со времени появленія первой англійской ежедневной газеты «Daily Courant». Первый номеръ этой газеты вышелъ 11-го марта 1702 г. Англійская печать можетъ съ гордостью взглянуть на пройденный путь и на успѣхи, сдѣланные съ того времени англійскою журналистикою. Основатель «Daily Courant» сэръ Маллетъ поставилъ себѣ цѣлью знакомить англійскую публику ежедневно со всѣмъ, что дѣлается въ разныхъ странахъ, но чтобы не утомлять вниманіе читателей, онъ издавалъ маленькую газетку, состоящую, главнымъ образомъ, изъ перевода извѣстій, появившихся въ газетахъ европейскаго континента, причемъ однако добросовѣстный Маллетъ не выдавалъ эти извѣстія за собственныя корреспонденціи, а въ заголовкѣ всегда печаталъ названіе газеты, откуда взято извѣстіе. Это было все что предлагалось англійскимъ читателямъ ежедневной газеты двѣсти лѣтъ тому назадъ. Зато Маллетъ обѣщалъ своимъ читателямъ только «достовѣрныя новости», а при тогдашнихъ условіяхъ, когда новости доставлялись въ Англію при непосредствѣ парусныхъ судовъ, это было еще затруднительнѣе, чѣмъ теперь, такъ какъ провѣрять факты было трудно.

Ежедневная пресса почему-то не ознаменовала ничѣмъ своего двухсотлѣтняго юбилея, и лишь нѣкоторыя изъ газетъ напечатали по этому случаю краткій очеркъ исторіи журналистики и указали на ея многотрудный путь

Digitized by Google

и многочисленныя препятствія, которыми было обставлено ея первоначальное развитіе.

Американскій лицей и свобода программъ. Эквивалентомъ европейскаго лицея въ Соединенныхъ Штатахъ надо считать такъ называемую высшую школу «High School». Но эта школа безплатная и такъ сказать демократическая,—общинное учрежденіе, куда въ восточныхъ штатахъ, поступаютъ только дѣти бѣдняковъ, тогда какъ богачи посылаютъ своихъ дѣтей въ платныя частныя школы. Въ высшей школѣ бѣдняки получаютъ среднее и классическое образованіе уличные мальчишки, вступая туда, проходятъ тамъ весь необходимый курсъ и выходятъ оттуда студентами. Затѣмъ уже отъ нихъ зависитъ заработать себѣ средства для поступленія въ университетъ, но труда юные американцы не боятся и никакой трудъ не кажется имъ унизительнымъ. Въ Америкѣ не существуетъ того страха, который такъ часто высказывается въ Европѣ по поводу «перепроизводства университетовъ», «переполненія либеральныхъ профессій» и т. д. Американцы не боятся ученія, но умственный и физическій трудъ не представляютъ у нихъ двухъ полюсовъ и поэтому никто въ Америкѣ не удивится, если рабочій станетъ студентомъ или наоборотъ, студентъ превращается въ рабочаго.

Ученики въ «High School» происходятъ преимущественно изъ бѣднѣйшихъ классовъ и эта школа является такимъ образомъ продолженіемъ первоначальной школы. Программы у нея европейскія, но дисциплина американская, ученіе классическое, а воспитаніе гражданское. Учителя этой школы никогда не забываютъ, что они должны не столько обучать своихъ учениковъ, сколько воспитывать изъ нихъ будущихъ гражданъ великой американской республики. Они несутъ на себѣ отвѣтственность за нравственное развитіе учениковъ, которое у насъ возлагается на семью.

До сихъ поръ американскія школы раздѣлялись на четыре отдѣла: классическій, научный, либеральный и коммерческій. Но теперь это все измѣняется, такъ какъ по мнѣнію американцевъ, нѣтъ никакой надобности дѣлать особенныя различія между будущими учеными и будущими коммерсантами. Американскіе педагоги находятъ, что одинъ и тотъ же методъ воспитанія долженъ быть примѣненъ какъ къ тѣмъ, которые подготовляются къ либеральнымъ профессіямъ, такъ и къ тѣмъ, которыя выбираютъ практическую карьеру. Президентъ національной ассоціаціи Эліотъ высказалъ по поводу этого слѣдующее: «Нанимая юношу, только что вступающаго на почву практической дѣятельности, каждый хозяинъ, прежде всего, требуетъ отъ него не техническихъ знаній, которыя пріобрѣтаются на мѣстѣ, а 1) хорошую нравственность; 2) здоровье; 3) священный огонь; 4) способность къ сосредоточенію и ловкость. Не столько пріобрѣтенныя познанія важны, сколько важна способность человѣка усваивать и пріобрѣтать новыя знанія. Если пріобрѣтаются привычка и вкусъ къ ученію, то всему можно научиться».

Основная идея американскаго воспитанія,—что человѣческое существованіе не можетъ быть рѣзко раздѣлено на двѣ половины, причемъ въ одной онъ

Digitized by Google

получаетъ, а въ другой даетъ. И то, и другое соединяется вмѣстѣ и какъ никогда не бываетъ поздно учиться, такъ точно и нѣтъ слишкомъ ранняго возраста для дѣятельности. Теорія должна идти вмѣстѣ съ практикой и ученіе вмѣстѣ съ трудомъ и практическою дѣятельностью.

Въ нью-іоркскихъ школахъ классическое и коммерческія отдѣленія стремятся уже къ сліянію въ одно общее отдѣленіе, программа котораго настолько эластична, что допускаетъ всевозможныя комбинаціи. Обязательные предметы ограничиваются рисованіемъ, гимнастикой и музыкой, англійскимъ языкомъ, исторіей, небольшимъ курсомъ алгебры или физики, смотря по годамъ. Другіе предметы могутъ быть выбраны учениками по желанію. Въ первые два года имъ представляется выбрать два предмета, на третій годъ—три, на четвертый четыре. Къ этимъ «свободно избираемымъ» предметамъ преподаванія принадлежатъ: латинскій, греческій, французскій, нѣмецкій и испанскій языки; химія, алгебра, физика, геометрія въ пространствѣ и тригонометрія, затѣмъ пространный курсъ исторіи, англійскаго языка, политическая экономія, астрономія, психологія и этика. Исходя изъ того убѣжденія, что и въ среднемъ образованіи, подобно тому, какъ въ университетѣ, должна быть представлена нѣкоторая индивидуальная свобода, ученикамъ дается свобода выбора изъ общей программы тѣхъ предметовъ, которые они хотятъ изучить. Для каждаго предмета назначается одинаковое число часовъ въ недѣлю—четыре и допускается всякая учебная комбинація, лишь бы въ нее входили предметы, обозначенные въ программѣ. Разнообразіе программъ никого не пугаетъ и дѣйствительно ни въ одной странѣ нельзя найти такого необычайнаго разнообразія среднихъ школъ, представляющихъ массу разновидностей. Но въ одномъ онѣ всѣ сходятся между собою: каждая такая школа составляетъ достояніе народа и поэтому она открыта для всѣхъ, какъ музей или библіотека, и благодаря господствующей въ ней свободѣ преподаваній, она содѣйствуетъ развитію гораздо большихъ разновидностей ума и характера, чѣмъ такая школа, въ которой никому не позволяется отступить отъ разъ навсегда установленной программы.

Американцы, взявшіе сначала за образецъ европейскую систему раздѣленія средняго образованія, теперь все больше и больше отступаютъ отъ этой системы, такъ какъ ея узкія рамки не подходятъ къ духу американскаго народа и его широкимъ стремленіямъ къ индивидуальной свободѣ даже въ школѣ.

Выборная агитація. Общественная жизнь во Франціи. Французскія дѣла. Франція очень дѣятельно приготовляется къ предстоящимъ парламентскимъ выборамъ. Всѣ партіи энергично подготовляютъ свои кандидатуры, но всего больше волнуются и шумятъ націоналисты, газеты которыхъ заявляютъ: «Побѣда обезпечена!» На этотъ разъ особенно большое участіе въ выборной агитаціи принимаютъ дамы французской аристократіи, и благодаря имъ, въ кассу націоналистовъ деньги приплываютъ съ разныхъ сторонъ. Между прочимъ, и Эдмондъ Бланъ, арендаторъ игорнаго банка въ Монте-Карло, пожертвовалъ, какъ говорятъ, довольно изрядную сумму въ пользу націоналистовъ, — все это для спасенія Франціи! Антисемитская газета «Libre Parole» собрала у своихъ або-

Digitized by Google

центовъ 26.000 фр.,—однимъ словомъ, въ деньгахъ недостатка нѣтъ и такъ какъ они-то и составляютъ «нервъ войны», то надо полагать, что битва произойдетъ жестокая, потому что націоналисты мобилизуютъ всѣ свои силы и, не довольствуясь собираніемъ денегъ, они посылаютъ по всей странѣ своихъ ораторовъ. Жюль Леметръ произнесъ рѣчь въ Реймсѣ, откуда онъ отправился въ Шамбери, въ Тулонъ, въ Тулузу, въ Альби и Ліонъ. И вездѣ онъ потрясалъ стѣны своими патріотическими возгласами и призывомъ къ единенію ради спасенія Франціи. Генералъ Мерсье, стяжавшій такую извѣстность во времена дрейфусовскаго дѣла, тоже въ качествѣ «горячаго французскаго патріота» говорилъ рѣчи, обращаясь къ избирателямъ въ разныхъ городахъ. Въ Парижѣ ежедневно происходятъ націоналистскія собранія, въ которыхъ принимаютъ участіе выдающіеся вожди клерикальной партіи, графъ Мёнъ и др. Тема, которую развиваютъ всѣ эти ораторы въ своихъ рѣчахъ, всегда одна и та же: армія распадается, религія порабощается, а государство доводится до банкротства и т. д., и т. д. Франціи предрекается гибель, если она не обратится на тотъ путь, который ей указываютъ націоналисты. Не обходится дѣло и безъ бурныхъ инцидентовъ и даже драки, но все это становится уже настолько обычнымъ явленіемъ, что никто не придастъ серьезнаго значенія столкновеніямъ подобнаго рода.

Между тѣмъ, въ палатѣ депутатовъ все еще продолжается обсужденіе бюджета, которое никакъ не можетъ быть доведено до конца. Каждый изъ депутатовъ старается добиться какихъ-нибудь небольшихъ выгодъ для своего избирательнаго округа, проведенія вѣтви желѣзной дороги, открытія новой школы, учрежденія новаго гарнизона или проведенія канала и т. п., для того, чтобы имѣть право поднести это своимъ избирателямъ въ видѣ подарка. Однако, многіе друзья депутатовъ совѣтуютъ имъ торопиться, такъ какъ пока они тутъ возятся съ бюджетомъ и затягиваютъ пренія, ихъ противники разъѣзжаютъ по избирательнымъ округамъ и агитируютъ среди избирателей. Время выборовъ еще не назначено, но говорятъ, что Вальдекъ-Руссо желалъ бы назначить ихъ пораньше, чтобы не дать націоналистамъ слишкомъ много времени для агитаціи. Но до сихъ поръ палата не еще приступала къ обсужденію законопроектовъ, имѣющихъ отношеніе къ предстоящимъ выборамъ. Два законопроекта этого рода, которые вноситъ правительство, касаются наклейки избирательныхъ афишъ и подкупа избирателей. Въ послѣднее время въ этомъ отношеніи образовалось нѣчто вродѣ спорта: кандидаты старались наклеивать свои избирательные плакаты на плакаты своихъ противниковъ. Возникала борьба посредствомъ афишъ и одерживалъ побѣду, конечно, тотъ, у кого денегъ было больше; поэтому, правительство рѣшило воспретить этотъ видъ спорта и составило въ этомъ духѣ законопроектъ. Подкупъ избирателей также представляетъ зло, которое оказывается довольно распространеннымъ. Новый законопроектъ грозитъ продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ каждому, кто попытается пустить въ ходъ это средство на выборахъ.

Около 30-ти депутатовъ отказываются ставить вновь свою кандидатуру. Къ числу такихъ принадлежитъ Вильсонъ, знаменитый зять бывшаго прези-

Digitized by Google

дента Греви, торговавшій орденами. Несмотря на свою запятнанную репутацію, онъ все-таки неизмѣнно выбирался однимъ изъ округовъ и въ началѣ парламентской сессіи аккуратно посѣщалъ засѣданія, не взирая на то, что коллеги его всегда старались его избѣжать. Онъ спокойно садился на свое мѣсто, доставалъ бинокль и разсматривалъ залу засѣданія, точно театральную сцену. Очевидно, зрѣлище это уже надоѣло ему и онъ больше не хочетъ выставлять своей кандидатуры.

Вниманіе французскаго общества теперь исключительно поглощено приготовленіями къ выборамъ и это кладетъ отпечатокъ на все теченіе общественной жизни; поэтому, и печать удѣляетъ теперь мало вниманія другимъ явленіямъ. Между тѣмъ, недавно происходило собраніе новой университетской ассоціаціи «общества Кондорсе». Въ статутахъ этого Общества говорится, что оно ставитъ себѣ цѣлью «защиту и укрѣпленіе въ области средняго образованія свѣтскаго, демократическаго и республиканскаго духа». Однако, въ своихъ собраніяхъ члены этого общества гораздо менѣе занимались вопросами образованія, нежели политическими вопросами, составляющими теперь злобу дня. Между прочимъ, это общество возбудило очень важный вопросъ объ участіи профессоровъ въ общественной жизни и свободѣ слова и дѣйствій, которою они должны пользоваться наравнѣ съ прочими гражданами. Вопросъ былъ поднятъ по поводу дисциплинарнаго взысканія, которому подвергся одинъ изъ профессоровъ за высказанные имъ взгляды въ печати. Общество, послѣ довольно бурныхъ преній, вотировало резолюцію, требующую для всѣхъ членовъ ученой коллегіи и для всего педагогическаго персонала права свободно участвовать въ общественной жизни и высказывать свои взгляды печатно и устно, не рискуя подвергнуться за это преслѣдованію.

Въ Парижѣ, подъ названіемъ лиги противъ смертности дѣтей образовалось новое общество, поставившее себѣ цѣлью бороться всѣми зависящими отъ него средствами отъ ужасающей смертности, которая свирѣпствуетъ среди дѣтей въ первые годы ихъ жизни. Грозный призракъ убыли французскаго населенія въ особенности началъ безпокоить французское общество послѣ результатовъ послѣдней переписи. Французскіе государственные дѣятели, повидимому, серьезно встревожены и изыскиваютъ разныя средства бороться съ этимъ зломъ. Новый союзъ естественно долженъ придти къ нимъ на помощь и хотя онъ не имѣетъ въ виду повысить цифру рожденій, но можетъ, конечно, принести огромную пользу, понизивъ смертность дѣтей. Организаціонный комитетъ лиги состоитъ изъ выдающихся врачей, сенаторовъ и др. На первомъ публичномъ собраніи предсѣдательствовалъ Вальдекъ-Руссо, и трое врачей прочли рефераты, изобразивъ мрачными красками положеніе дѣтей въ бѣднѣйшихъ классахъ населенія и въ особенности незаконныхъ дѣтей. Около 150.000 дѣтей погибаетъ ежегодно въ нѣжнѣйшемъ возрастѣ и вотъ имъ-то и надо сохранить жизнь.

Французская печать привѣтствовала восторженно образованіе новой лиги, на сторонѣ которой, конечно, находятся всѣ симпатіи общества; но нѣкоторыя изъ газетъ справедливо указываютъ на необходимость поддержанія дѣятельности лиги изданіемъ соотвѣтствующихъ соціальныхъ законовъ, такъ какъ

Digitized by Google

безъ этого врядъ ли могутъ быть достигнуты сколько-нибудь значительные результаты.

Издатель сочиненій Золя, Фаскелль, въ отвѣтъ на слухи, что вмѣшательство Золя въ дѣло Дрейфуса отразилось невыгоднымъ образомъ на распространеніи его произведеній, выпустилъ книгу, которая опровергаетъ это посредствомъ цифровыхъ данныхъ. Книга эта служитъ, кромѣ того, руководствомъ при чтеніи романовъ Золя, такъ какъ заключаетъ въ себѣ на 500 страницахъ библіографическій указатель именъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, встрѣчающихся въ 20-ти томахъ его сочиненій, съ обозначеніемъ всѣхъ подробностей, происхожденія и біографіи этихъ лицъ. На заглавной страницѣ этого объемистаго труда помѣщены цифры, указывающія, какого распространенія достигли различные романы Золя. Изъ этой таблицы видно, что только «Paris»—романъ, вышедшій въ самый разгаръ смутъ въ 1898 г., нѣсколько пострадалъ отъ этого, такъ какъ теперь поступила въ продажу 88-я тысяча этого изданія; «Lourdes» же дошелъ до 154-й тысячи, «Rome»—до 106-й тысячи, «Fécondité», написанный Золя въ изгнаніи и появившійся въ 1899 г.,—до 94-й тысячи. Послѣдній романъ Золя «Travail» нѣсколько отсталъ и теперь поступила въ продажу 77-я тысяча. Всего хуже расходится его политическая сатира «Son Excellence Eugène Rougon» (32 тысячи) и первый романъ его знаменитой серіи «La fortune des Rougon».

Новыя экспедиціи въ Гренландію. Копенгагенскія газеты говорятъ, что интересъ къ Гренландіи сильно возросъ въ Даніи со времени экспедиціи Амдрупа и, вслѣдствіе этого, теперь организуются еще двѣ новыя датскія экспедиціи въ эту страну. Въ маѣ д-ръ философіи Энгелль и лейтенантъ Шерингъ отправляются въ научную экскурсію въ Гренландію. Путевая программа этой экспедиціи еще не вполнѣ установлена, но уже рѣшено, что экспедиція отправится на суднѣ гренландскаго торговаго общества въ Якобсгафенъ. Д-ръ Энгелль предполагаетъ, кромѣ геологическихъ изслѣдованій, произвести еще цѣлый рядъ научныхъ наблюденій надъ образованіемъ глетчеровъ въ Гренландіи до поздней осени.

Но еще большій интересъ въ датскомъ обществѣ возбуждаетъ вторая экспедиція, которая также отправляется въ этомъ году и носитъ названіе «литературной экспедиціи» въ Гренландію, такъ какъ она организуется датскимъ писателемъ Эриксеномъ. Экспедиція эта—чисто частное предпріятіе; цѣль ея—изслѣдованіе соціальныхъ и экономическихъ условій Гренландіи. Эриксена, стоящаго во главѣ этой экспедиціи, будутъ сопровождать: одинъ гренландецъ, который будетъ служить переводчикомъ, и молодой художникъ графъ Гарольдъ Мольтке, много разъ уже совершавшій путешествія въ арктическія страны для изученія сѣвернаго сіянія. Эриксенъ намѣренъ обратить особенное вниманіе на умственную жизнь обитателей Гренландіи и свои изслѣдованія направить преимущественно въ эту сторону. Экспедиція разсчитана на полтора года. Въ іюнѣ она оставляетъ Данію и точно также отправится сначала въ Якобсгафенъ, который будетъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ дальнѣйшихъ экскурсій

Digitized by Google

внутрь страны. Въ теченіе зимней ночи, которая продолжается отъ шести до семи недѣль въ этихъ широтахъ, изслѣдователи намѣрены посвятить свои занятія изученію обыденной жизни гренландцевъ, затѣмъ они предполагаютъ, съ помощью собакъ, запряженныхъ въ сани, пробраться дальше, до Упернавика и къ бухтѣ Мельвилля, еще не вполнѣ изслѣдованной. Тамъ существуютъ еще племена эскимосовъ, оставшіяся вдали отъ всякаго европейскаго вліянія; ихъ-то Эриксенъ и намѣренъ сдѣлать главнымъ предметомъ своихъ наблюденій. Такихъ первобытныхъ эскимосовъ осталось уже не болѣе нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Экспедиція, между прочимъ, намѣрена запастись автомобилемъ и испробовать его въ полярной области. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произведетъ на эскимосовъ этотъ современный способъ передвиженія.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Американскія библіотеки и читальни для дѣтей.—Аргентинская газета.—Роль соціальной гигіены въ XX вѣкѣ.—Отсталость Соединенныхъ Штатовъ въ научномъ отношеніи и ея причины.

Американскій журналъ «Outlook» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о дѣятельности американскихъ безплатныхъ библіотекъ, которыя существуютъ почти въ каждомъ американскомъ городѣ. Очень многія изъ этихъ библіотекъ имѣютъ цѣлью не столько снабжать книгами взрослыхъ, но развить вкусъ и любовь къ чтенію у дѣтей. Съ этою цѣлью при многихъ библіотекахъ открыты читальни для дѣтей и спеціально назначенные библіотекари руководятъ ихъ чтеніемъ. Дѣтскія читальни вездѣ очень тщательно обставлены, убраны картинами, бюстами, цвѣтами, чучелами животныхъ и т. д. Все сдѣлано для того, чтобы эти учрежденія нравились дѣтямъ и они охотно шли туда. Особенно хорошо устроена дѣтская читальня въ Питтсбургѣ, которую въ 1900 году посѣтило 200.000 дѣтей. Въ этой читальнѣ книги уставлены на удобныхъ низкихъ полкахъ, такъ что дѣти могутъ ихъ легко достать, просмотрѣть на низкихъ столикахъ. Всѣ переплеты свѣтлые. Въ читальнѣ имѣются книги для дѣтей всѣхъ возрастовъ, начиная отъ иллюстрированныхъ собраній сказокъ для маленькихъ дѣтей. Въ читальнѣ ежедневно выставляется таблица, на которой, кромѣ дня, числа и мѣсяца, нарисована еще картина, сопровождаемая пересченіемъ и стихами, имѣющими какое-нибудь отношеніе къ этому дню и мѣсяцу. Когда случается годовщина какого-нибудь знаменитаго человѣка, мужчины или женщины, то въ читальнѣ выставляется его или ея портретъ. Дѣти заходятъ въ читальню по дорогѣ въ школу и узнаютъ такимъ образомъ, чья память чествуется въ этотъ день, о чемъ и сообщаютъ своему учителю. Такимъ образомъ, работа школы дополняется библіотекой. Въ читальнѣ выставляются также снимки съ лучшихъ произведеній разныхъ художниковъ для ознакомленія съ ними дѣтей. Каталоги также спеціально составлены съ цѣлью заинтересовать дѣтей. На первой страницѣ находится слѣдующая надпись: «Не хотите ли вы

Digitized by Google

прочесть о героях древних времен, или объ отважных мореках и смѣлых строителях, о прелестных принцессах и дѣвушках, обладающих чуднымъ голосомъ? Если да, то ниже вы найдете списокъ такихъ книгъ». Все это дѣлается съ цѣлью заинтересовать дѣтей и пріохотить ихъ къ чтенію. Съ этою же цѣлью въ библіотекѣ устроенъ карнизъ, который устанавливается рисунками разнаго рода, раскрашенными и другими, которыя относятся къ содержанію книгъ, стоящихъ на полкѣ возлѣ этого карниза, и картины такъ заинтересовываютъ дѣтей, что обыкновенно эти полки бываютъ пусты, и книги постоянно находятся въ чтеніи.

Въ Питтсбургѣ устраивается въ дѣтской читальнѣ два раза въ недѣлю собранія для слушанія разсказовъ о греческихъ героях или совмѣстнаго чтенія Теннисона «Idylls of the King». Эти собранія имѣютъ большой успѣхъ и каждый разъ послѣ нихъ библіотека едва можетъ удовлетворить всѣ поступающія требованія на книги историческаго содержанія. Послѣ собраній, посвященныхъ Шекспиру, сочиненія Шекспира требовались въ такомъ количествѣ, что библіотека даже не въ состояніи была удовлетворить всѣ эти требованія. Послѣ окончанія каждаго такого засѣданія, посвященнаго какому-нибудь герою или писателю, въ читальнѣ выставляли портретъ этого героя или писателя. Вообще въ тѣ дни, когда бывали собранія, въ библіотеку поступало больше требованій отъ дѣтей, нежели отъ взрослыхъ.

Въ Мильвоке, надъ входомъ въ дѣтскую читальню помѣщается слѣдующая надпись: «Охрана библіотеки поручается мальчикамъ и дѣвочкамъ Мильвоке» И дѣти показали себя достойными этого довѣрія. Пропажа или порча книгъ въ этой библіотекѣ представляетъ крайне рѣдкое явленіе, и дѣти, беря книги на домъ, обращаются съ ними очень бережно. Сообщая цифровыя данныя, авторъ статьи особенно напираетъ на то, какъ сильно развивается любовь къ чтенію среди юныхъ американскихъ гражданъ, благодаря такой системѣ устройства спеціальныхъ дѣтскихъ библіотекъ съ читальнями.

Въ Буэносъ-Айресѣ съ 1869 г. издается газета «La Pressa» (Пресса), редакторъ которой Е. Пацъ поставилъ себѣ цѣлью сдѣлать редакцію своей газеты соціальнымъ, интеллектуальнымъ и политическимъ центромъ своей общины. Газета распространяется въ количествѣ 100.000 экземпляровъ и пользуется большою популярностью въ Аргентинской республикѣ. Населеніе Буэносъ-Айреса гордится этою газетой и каждому иностранцу, попадающему въ столицу Аргентины, непремѣнно указываютъ на дворецъ, гдѣ помѣщается редакція и всѣ учрежденія, связанныя съ газетой, какъ на главную достопримѣчательность города. «Review of Reviews» говоритъ, что это зданіе, дѣйствительно, заслуживаетъ того, чтобы на него было обращено вниманіе. Колоссальная бронзовая символическая фигура, изображающая Прессу, украшаетъ его. Фигура держитъ въ рукѣ фонарь, который освѣщается вечеромъ разноцвѣтнымъ огнемъ и посредствомъ этого освѣщенія жители Буэносъ-Айреса узнаютъ животрепещущія новости. Въ настоящее время, когда интересъ сосредоточенъ на бурской войнѣ, свѣтъ фонаря обозначаетъ побѣду или пораженіе англичанъ; если показывается

Digitized by Google

желтый свѣтъ, то значитъ побѣдили англичане, зеленый—побѣда на сторонѣ буровъ и т. д. Дворъ редакціи покрытъ стекляною крышей и служитъ для собраній во время народныхъ волненій и вообще когда общество особенно интересуется какимъ-нибудь политическимъ вопросомъ или событіемъ. На этомъ дворѣ свободно размѣщаются 2.500 человѣкъ, къ которымъ редакторъ или кто-нибудь изъ сотрудниковъ обращается съ рѣчью, стоя на балконѣ второго этажа, когда представляется нужнымъ оказать вліяніе на общественное мнѣніе. Кромѣ того, при редакціи устроена консультація медицинская и юридическая, гдѣ каждый неимущій житель города можетъ получить безплатно медицинскій или юридическій совѣтъ. Въ амбулаторіи ежедневно бываютъ болѣе ста больныхъ, которыхъ принимаетъ одинъ главный врачъ и пять ассистентовъ; въ юридической консультаціи также бываетъ много народа и вообще оба эти учрежденія приносятъ огромную пользу бѣднѣйшимъ классамъ населенія. Рядомъ съ консультаціей помѣщается родъ торговаго музея, въ которомъ устроена постоянная выставка всѣхъ американскихъ продуктовъ и издѣлій. Въ связи съ музеемъ находится химическая лабораторія, куда можетъ обратиться каждый гражданинъ Аргентинской республики для анализа почвы или продуктовъ и это также дѣлается даромъ. Собственно редакція помѣщается во второмъ этажѣ и тамъ же находится огромная зала, представляющая родъ форума, доступъ въ который открытъ для всѣхъ гражданъ; тамъ они могутъ собираться для обсужденія своихъ дѣлъ. Сюда же примыкаетъ библіотека спеціальныхъ книгъ, техническихъ, юридическихъ, медицинскихъ и др. Библіотека открыта отъ 1 до 6 и отъ 8 до 10-ти вечера. При библіотекѣ учреждены классы испанскаго языка. Въ третьемъ этажѣ устроены комнаты для какихъ-нибудь выдающихся посѣтителей аргентинской столицы, писателей, ученыхъ и т. д. и тамъ же устроена зала, гдѣ редакція организуетъ литературные вечера, концерты и публичныя лекціи. При редакціи устроенъ ресторанъ, въ которомъ служащіе въ редакціи и типографіи получаютъ обѣдъ и завтракъ по удешевленной цѣнѣ, и въ часъ дня они получаютъ чай или кофе даромъ. По словамъ издателя, доходъ съ газеты покрываетъ всѣ расходы на эти учрежденія. Что же касается врачей и юристовъ, то они не берутъ гонорара и добровольно отдаютъ свой трудъ на пользу общества. Редакція, дѣйствительно стала центромъ всей соціальной жизни въ Аргентинѣ. Все стекается туда, кто ищетъ совѣта, помощи, наставленія, кто приходитъ для обсужденія какого-нибудь злободневнаго вопроса, полученія политическихъ свѣдѣній и разъясненій или просто чтобы послушать рѣчи другихъ—однимъ словомъ, ни одинъ важный вопросъ въ жизни общества и государства не рѣшается безъ прямого или косвеннаго участія этой газеты.

Д-ръ Генрихъ Мертенсъ говоритъ въ «Neue Deutsche Rundschau» о роли соціальной гигіены въ борьбѣ съ эпидемическими болѣзнями, которыя онъ называетъ «соціальными болѣзнями». Пробужденіе соціальнаго сознанія, съ одной стороны, и развитіе медицинскаго изслѣдованія—съ другой, привели къ тому, что теперь уже цѣлый рядъ такихъ болѣзней считается «соціальными болѣзнями», которыя прежде не обращали на себя вниманіе государства и причи-

Digitized by Google

слялись къ «индивидуальнымъ болѣзнямъ». Государство не находило нужнымъ вмѣшиваться въ борьбу съ этими болѣзнями, предоставляя это отдѣльнымъ индивидамъ и только при появленіи эпидемій холеры или чумы на помощь призывалась соціальная гигіена. Въ настоящее время кругъ дѣятельности этой послѣдней значительно расширился, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ къ разряду соціальныхъ болѣзней причисляются и всѣ промышленныя болѣзни, являющіяся непосредственнымъ результатомъ занятія извѣстными ремеслами и фабричнаго труда. Особенно важную роль играютъ въ данномъ случаѣ промышленныя отравленія: свинцовое, фосфорное, отравленіе сѣрой и хромовой кислотой и вдыханіе металлической и древесной пыли. Тифъ и туберкулёзъ занимаютъ теперь первое мѣсто въ ряду соціальныхъ болѣзней, съ которыми ведетъ борьбу соціальная гигіена. Сюда же причисляется въ настоящее время болотная лихорадка, которая въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Италіи имѣетъ характеръ соціальной болѣзни и во многихъ колоніяхъ является смертельнымъ врагомъ европейцевъ. Послѣ знаменитаго открытія Лаверана, а затѣмъ Росса, Грасси и Коха, роль соціальной гигіены въ борьбѣ съ этою болѣзнью значительно расширилась, такъ какъ было установлено, что переносчиками заразы служитъ извѣстный родъ москитовъ (Anopheles). Слѣдовательно, для успѣшной борьбы съ распространеніемъ этой болѣзни нужно, прежде всего, уничтоженіе источниковъ заразы, т.-е. такихъ мѣстъ, гдѣ развиваются москиты, а это уже прямое дѣло соціальной гигіены. Въ послѣднее время, съ открытіемъ паразитарной природы рака и эта болѣзнь зачисляется въ разрядъ тѣхъ, съ которыми ведетъ борьбу соціальная гигіена, раздвигающая постепенно рамки своей дѣйствительности. Забота о сохраненіи здоровья соціальнаго организма и предупрежденіе его заболѣваній составляетъ теперь главную задачу соціальной гигіены XX вѣка, постепенно отодвигающей медицину на второй планъ.

Одинъ изъ американскихъ писателей, Карлъ Снайдеръ, напечаталъ въ «North American Review» статью объ отсталости Америки въ научномъ отношеніи. Безъ сомнѣнія, въ Соединенныхъ Штатахъ были великіе ученые, есть они и теперь, но число ихъ ограничено. А между тѣмъ, университетовъ и перворазрядныхъ коллегій въ Соединенныхъ Штатахъ больше, нежели во Франціи и Германіи, на образованіе расходуются гораздо бо́льшія суммы и число студентовъ и вообще учащихся гораздо больше. Что же за причина отсталости? Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что въ Америкѣ есть ученые, но нѣтъ научнаго движенія. Соединенные Штаты стремятся, главнымъ образомъ, къ промышленному завоеванію міра, а о научныхъ побѣдахъ заботятся очень мало. Напр., въ Америкѣ нѣтъ учрежденія, подобнаго институту Пастёра, нѣтъ центра, гдѣ бы сосредоточивалась интеллектуальная и научная работа страны и вообще университетская система Соединенныхъ Штатовъ не можетъ сравняться, напр., съ германскою университетскою системой, гдѣ профессора пользуются такою независимостью и имѣютъ столько свободнаго времени для своихъ научныхъ работъ.

На эту статью въ томъ же журналѣ возражаетъ другой американскій писатель, Ньюкомбъ. Онъ говоритъ, что ни въ ученыхъ, ни въ научномъ движе-

Digitized by Google

ніи нѣтъ недостатка въ Соединенныхъ Штатахъ, но бѣда въ томъ, что американское общество не интересуется научными работами, потому что онѣ ему неизвѣстны. Между тѣмъ какъ въ Англіи имена Фарадея, Макса Мюллера и др. рѣшительно всѣмъ извѣстны, въ Америкѣ имена ученыхъ, не уступающихъ только что названнымъ, извѣстны лишь немногимъ избраннымъ. Американцы извлекаютъ выгоду изъ изобрѣтеній и научныхъ трудовъ своихъ ученыхъ, но они никогда не чествуютъ ихъ такимъ образомъ, какъ чествовали англичане лорда Кельвина, нѣмцы—Гельмгольца, французы—Пастёра, Бертело и др. Кромѣ того, въ Европѣ всѣ правительства оказываютъ поддержку ученымъ обществамъ, въ Америкѣ же правительство ничего для нихъ не дѣлаетъ и печальнымъ примѣромъ такого пренебрежительнаго отношенія можетъ служить американская академія наукъ. Въ Европѣ ученые принимаютъ участіе въ государственныхъ дѣлахъ, засѣдаютъ въ парламентахъ и т. д.—въ Соединенныхъ Штатахъ среди членовъ конгресса не встрѣчается ни одного ученаго, и только два писателя, пользующіеся извѣстностью, засѣдали на скамьяхъ конгресса за все время. Вообще, по мнѣнію автора, главная бѣда заключается въ томъ, что въ Америкѣ ученые не пользуются такою популярностью, какою пользуются ученые во Франціи, Германіи и Англіи и помочь этому горю можно только, учредивъ въ Вашингтонѣ такой научный центръ, который бы пролилъ лучи свѣта во всѣ отдаленные уголки великой сѣверо-американской республики и заставилъ бы американское общество интересоваться учеными трудами и занятіями.

Фабричныя инспектрисы въ Германіи.

(Письмо изъ Гейдельберга).

Въ послѣднее время вопросъ о введеніи института фабричныхъ инспектрисъ все настойчивѣе выдвигается на очередь во всѣхъ промышленныхъ странахъ. Подъ вліяніемъ несомнѣнной потребности, а также и удачнаго опыта Англіи, отдѣльныя государства Германіи пытаются въ томъ или иномъ видѣ провести у себя эту реформу, значеніе которой заключается въ томъ, чтобы приблизить къ работницамъ представителей фабричнаго надзора, поставить въ непосредственное общеніе съ ними лицо, внушающее имъ больше довѣрія и могущее ближе входить въ разсмотрѣніе какъ общихъ условій ихъ труда, такъ и отдѣльныхъ случаевъ недовольства, жалобъ и т. п. Такимъ лицомъ совершенно естественно должна быть именно женщина—фабричная инспектриса. Недостатка въ лицахъ, желающихъ работать на этомъ поприщѣ, конечно, и въ Германіи не встрѣчается *).

Любопытно сравнить двѣ попытки введенія женскаго труда въ область фабричнаго надзора въ двухъ государствахъ Германіи: великомъ герцогствѣ Баденъ

*) Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Берлинѣ устроены были даже особые курсы для подготовленія фабричныхъ инспектрисъ.

Digitized by Google

и въ королевствѣ Саксоніи. Эти попытки носятъ совершенно различный характеръ какъ по тѣмъ правамъ и обязанностямъ, которыя предоставлены въ нихъ женщинамъ, такъ и по требованіямъ, которыя предъявляются къ лицамъ, желающимъ нести эти обязанности; въ связи съ этимъ и служебное положеніе фабричныхъ инспектрисъ въ Саксоніи и Баденѣ далеко не одинаково. Въ великомъ герцогствѣ Баденѣ (по пространству равномъ средней русской губерніи) вся фабричная инспекція сосредоточена въ главномъ городѣ — Карлсруэ, откуда всѣ чины инспекціи совершаютъ свои разъѣзды; въ Саксоніи же, по пространству приблизительно въ два раза меньшей, но по густотѣ населенія и по развитію промышленности значительно опередившей Баденъ, фабричная инспекція распредѣлена на нѣсколько округовъ, каждый въ завѣдываніи особаго инспектора и его помощника. При каждыхъ пяти округахъ учреждена особая должность для женщины-помощницы фабричнаго инспектора, или, какъ онѣ тамъ называются, повѣренной (Vertrauensperson). Отъ кандидатокъ на эти должности не требуется никакой особой подготовки—ни научной, ни практической, но зато этимъ «повѣреннымъ» не присвоено никакихъ служебныхъ правъ; онѣ не имѣютъ даже права посѣщать фабрики и мастерскія, въ которыхъ примѣняется женскій трудъ, и такимъ образомъ лишены единственной возможности непосредственнаго наблюденія надъ положеніемъ работницъ въ производствѣ. Единственная, предоставленная имъ форма дѣятельности,—принимать въ опредѣленные часы всѣхъ работницъ, пожелавшихъ обратиться къ нимъ за совѣтомъ или за справками. Результатомъ такого взаимнаго незнакомства является постоянная пустота пріемныхъ этихъ «повѣренныхъ». Лишь одна изъ «повѣренныхъ» (въ Дрезденѣ) выхлопотала себѣ оффиціальное право посѣщенія фабрикъ и мастерскихъ, и это сейчасъ же отразилось не только на увеличеніи числа посѣщеній ея пріемной,—74 работницы въ теченіе одного года,—но и на болѣе правильномъ разслѣдованіи и болѣе вѣрной постановкѣ жалобъ. Конечно, нѣкоторыя изъ этихъ «повѣренныхъ»—помощницъ фабричнаго инспектора—обладаютъ чѣмъ-то въ родѣ профессіональной, а можетъ быть, и кое-какой научной подготовкой, такъ какъ при извѣстномъ интересѣ къ дѣлу могутъ знакомиться съ положеніемъ работницъ, принимая участіе во всевозможныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ обществахъ, но врядъ ли такая случайная и несистематическая подготовка можетъ быть признана удовлетворительной, особенно если она къ тому же необязательна. Да и самое положеніе этихъ «повѣренныхъ» является какимъ-то необязательнымъ и безправнымъ, и потому учрежденіе подобной должности для женщинъ-инспектрисъ едва ли можетъ имѣть какое-нибудь значеніе.

Попытка введенія женскаго труда въ фабричную инспекцію великаго герцогства Баденскаго носитъ гораздо болѣе серьезный характеръ и потому оказалась несравненно болѣе удачной. Мѣсто помощницы фабричнаго инспектора было предоставлено здѣсь особѣ, блестяще сдавшей экзаменъ на степень доктора государственныхъ наукъ (спеціальность — политическая экономія) при гейдельбергскомъ университетѣ. Ея права и обязанности обозначены вполнѣ точно, и служебное положеніе ея ничѣмъ не отличается отъ положенія всякаго начинаю-

Digitized by Google

щаго чиновника, могущаго впослѣдствіи занять мѣсто фабричнаго инспектора. Кругъ обязанностей помощницы фабричнаго инспектора былъ опредѣленъ такимъ образомъ: сначала вѣдѣнію ея было предоставлено лишь опредѣленіе внутренняго распорядка фабрикъ съ женскимъ трудомъ, надзоръ за исполненіемъ закона о продолжительности рабочаго времени для работницъ и разсмотрѣніе жалобъ и недоразумѣній, ихъ касающихся. Посѣщенія или ревизіи фабрикъ она могла предпринимать всякій разъ по соглашенію со своими коллегами; обо всѣхъ замѣченныхъ незначительныхъ правонарушеніяхъ должна была сообщать непосредственно низшимъ чинамъ администраціи даннаго округа, если же требованія ея носили болѣе серьезный и рѣшительный характеръ, то она должна была обращаться къ посредничеству фабричнаго инспектора. Этотъ послѣдній пунктъ сохранилъ свою силу и до настоящаго времени, въ остальномъ же компетенція помощницы фабричнаго инспектора теперь значительно расширена. Теперь ей предоставлены въ самостоятельное завѣдываніе всѣ тѣ отрасли промышленности великаго герцогства Баденскаго, въ которыхъ примѣняется одинъ женскій трудъ— главнымъ образомъ, фабрики табачныя и готоваго платья. Такимъ образомъ, въ настоящее время она должна самостоятельно ревизовать всѣ 700 табачныхъ фабрикъ страны, пользуясь лишь при желаніи помощью особаго техника, который сопровождаетъ, въ случаѣ надобности также и другихъ чиновъ фабричной инспекціи Бадена. Помощница фабричнаго инспектора должна утверждать планы устройства новыхъ табачныхъ фабрикъ и вести всю отчетность и переписку, касающіяся отраслей чисто женскаго труда. Наконецъ, ей не возбраняется ревизовать также и тѣ промышленныя заведенія, гдѣ женскій трудъ примѣняется наряду съ мужскимъ, но лишь по соглашенію съ фабричнымъ инспекторомъ даннаго района. Такимъ образомъ, помощница фабричнаго инспектора въ Баденѣ, вооруженная теоретической подготовкой, знаніемъ всѣхъ относящихся къ профессіи законовъ, снабженная авторитетомъ власти, вступаетъ въ непосредственныя сношенія какъ съ предпринимателями, такъ и съ работницами, и на основаніи близкаго знакомства съ дѣломъ можетъ стоять на высотѣ задачъ, возлагаемыхъ на нее труднымъ и отвѣтственнымъ постомъ.

Такой успѣхъ объясняется въ значительной мѣрѣ, конечно, личными качествами первой женщины, занявшей этотъ постъ въ Баденѣ. Fräulein von-Рихтгофенъ, докторъ юридическихъ наукъ гейдельбергскаго университета, блестяще оправдала всѣ возлагавшіяся на нее надежды. Со стороны баденской фабричной инспекціи ея дѣятельность вызвала восторженный отзывъ. По словамъ этого оффиціальнаго отзыва, г-жа фонъ-Рихтгофенъ превосходно справляется со всѣми задачами ея профессіи. Число произведенныхъ ею ревизій достигло за нѣсколько мѣсяцевъ 557. Во всѣхъ проявленіяхъ ея дѣятельности она обнаружила столько же пониманія, сколько энергіи и тактичности, и своимъ разумнымъ вмѣшательствомъ оказывала существенную помощь мужчинамъ — чинамъ фабричной инспекціи. Г-жа фонъ-Рихтгофенъ съумѣла завоевать особое расположеніе и довѣріе фабричныхъ работницъ, о чемъ свидѣтельствуетъ не только великогерцогская фабричная инспекція, но и вся баденская рабочая пресса. М. Б.

Digitized by Google

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

О психикѣ насѣкомыхъ.

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Мозгъ и органы чувствъ. Для того, чтобы судить о высотѣ психической организаціи центральной нервной системы, нужно сначала разсмотрѣть всѣ нервные центры, служащіе для низшихъ отправленій и, прежде всего, завѣдующіе иннерваціей мускуловъ и органовъ чувствъ. Количество всѣхъ этихъ нервовъ не зависитъ отъ сложности умственной работы; но отъ соотвѣтствующаго числа мышечныхъ волоконъ, отъ воспринимающихъ поверхностей органовъ чувствъ, отъ рефлекторныхъ аппаратовъ, а также и отъ величины животнаго.

Мозгъ муравьевъ является хорошимъ примѣромъ того, что для сложныхъ мозговыхъ комбинацій необходимо, чтобы нервный центръ, завѣдующій ими, являлся бы болѣе развитымъ, чѣмъ центры, завѣдующіе мышцами и органами чувствъ. Колонія муравьевъ обыкновенно состоитъ изъ 3-хъ родовъ индивидуумовъ: царицы (самой большой), работницы (самой маленькой) и самца, который немного больше работницы. Сложные инстинкты и рѣзко раздѣляемыя умственныя способности (память, умъ и др.) выражены рѣзче всего у работницы и затѣмъ у царицы. Самецъ невѣроятно глупъ, не различаетъ друзей отъ враговъ и не можетъ даже отыскать дорогу въ муравейникъ. Но у него хорошо развиты глаза и щупальцы, т.-е. два органа, находящіеся въ зависимости отъ надглоточнаго узла и благодаря которымъ онъ можетъ на лету схватывать царицу. Надглоточный узелъ непосредственно не завѣдуетъ ни однимъ изъ мускуловъ.

Эти факты облегчаютъ сравненіе органовъ умственной жизни, т.-е. мозга (corpora pedunculata) у трехъ родовъ индивидуумовъ. У работницы мозгъ очень великъ, у царицы меньше, у самца же едва развитъ, но у него очень развиты зрительныя и обонятельныя доли. Кромѣ того, у работницы мозговая корка чрезвычайно богата клѣточками.

Теперь въ модѣ уменьшать значеніе строенія мозга для психологіи и физіологіи нервовъ. Но мода не должна оказывать давленія на научныя изслѣдованія, какъ не должно заставлять анатомію говорить болѣе того, чѣмъ она можетъ сказать.

Поврежденіе мозга у муравьевъ даетъ тѣ же результаты, что и у голубей.

Достовѣрно, что насѣкомыя обладаютъ 4-мя чувствами: зрѣніемъ, обоня-

Digitized by Google

ніемъ, вкусомъ и осязаніемъ; существованіе слуха—сомнительно. Можетъ быть, слухъ есть не что иное, какъ измѣненное осязаніе, приспособленное для воспринятія небольшихъ колебаній. Но шестое чувство не встрѣчается въ этомъ классѣ животныхъ.

Кожно-свѣтовое чувство, измѣненное для свѣтовыхъ воспріятій, принадлежитъ къ одной изъ разновидностей осязанія. Оно встрѣчается у многихъ насѣкомыхъ. У водяныхъ насѣкомыхъ обоняніе и вкусъ, вѣроятно, сливаются (Nagel), такъ какъ оба эти чувства служатъ для распознаванія химическихъ веществъ, растворенныхъ въ водѣ.

Сѣтчатыя глаза служатъ для обозрѣванія движеній; при полетѣ такой глазъ ясно различаетъ большія пространства, но воспринимаетъ предметы въ менѣе ясныхъ контурахъ, чѣмъ нашъ глазъ. Фасеточный глазъ даетъ только одно прямое изображеніе, ясность котораго увеличивается съ числомъ фасетокъ и выпуклостью глаза. Экснеру удалось сфотографировать изображеніе, получаемое въ глазу у Lampyris (свѣтящійся червячокъ). Неподвижность глаза мѣшаетъ, конечно, насѣкомому, находящемуся въ покоѣ, видѣть боковые предметы, вотъ почему тогда легко поймать насѣкомое. Во время полета, благодаря фасеточному глазу, насѣкомое ориентируется въ пространствѣ. Запахъ ихъ притягиваетъ, если они нюхаютъ только въ извѣстномъ направленіи. Если залѣпить фасеточные глаза, то у насѣкомаго исчезаетъ всякая способность ориентироваться въ воздушномъ пространствѣ. Извѣстнымъ перемѣщеніемъ пигмента глазъ насѣкомыхъ приспособляется къ дневному и ночному свѣту. Муравьи воспринимаютъ глазами ультра-фіолетовые лучи. Пчелы и шершни различаютъ цвѣта, но по всей вѣроятности, съ другими оттѣнками, чѣмъ мы; такъ, ихъ нельзя никоимъ образомъ обмануть искусственными цвѣтами, какъ бы хорошо они ни были сдѣланы; можетъ быть, это зависитъ отъ того, что ими воспринимаются, кромѣ того, ультра-фіолетовые лучи, не воспринимаемые нами.

Ocellen играютъ незначительную роль и служатъ, вѣроятно, для зрѣнія на близкихъ разстояніяхъ въ темномъ пространствѣ.

Органъ обонянія находится на щупальцахъ, преимущественно въ scape или же въ обонятельныхъ скопленіяхъ. Благодаря своему положенію на концахъ щупалецъ и своей подвижности, органы обонянія насѣкомыхъ обладаютъ 2-мя свойствами, невстрѣчающимися у позвоночныхъ и у человѣка: 1) способностью различать прямымъ прикосновеніемъ химическія свойства тѣлъ (обоняніе соприкосновенія); 2) способностью узнавать и различать, при помощи обонянія, пространство и форму предметовъ, а также и собственный слѣдъ.

Обоняніе многихъ насѣкомыхъ позволяетъ имъ узнавать точныя отношенія предметовъ въ пространствѣ и помогаетъ ориентироваться животному, движущемуся по землѣ.

Я назвалъ это качественное чувство, отличающееся отъ нашего обоянія своими особенными свойствами, *топохимическимъ обоняніемъ*. Съ уничтоженіемъ щупалецъ, у муравьевъ исчезаетъ способность отличать друзей отъ враговъ, а также способность ориентировки на землѣ; если же отрѣзать 3 лапки и одно щупальце, способности эти сохраняются. Топохимическое чувство поз-

Digitized by Google

волятъ муравью различать оба направленія въ слѣдѣ, оставляемомъ имъ. Ощущенія различныхъ запаховъ различны у различныхъ насѣкомыхъ. То, что пахнетъ для однихъ, не имѣетъ запаха для другихъ (и для насъ) и обратно. Органы вкуса находятся въ ротовыхъ частяхъ. Вкусовыя ощущенія насѣкомыхъ очень близки къ нашимъ.

Виль пріучилъ осъ находить медъ въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Однажды онъ положилъ туда хининъ. Осы тотчасъ замѣтили, повернули назадъ и больше не возвращались. То же самое случилось, когда Виль, вмѣсто меда, положилъ квасцы. Кстати сказать, это служитъ примѣромъ вкусовой памяти насѣкомыхъ и ихъ способности къ ассоціаціямъ.

Описывали различные органы слуха, но, по моему мнѣнію, слухъ есть не что иное, какъ воспріятіе осязаніемъ слабыхъ колебаній.

Осязаніе же у всѣхъ представлено волосками и щетинками.

Нѣкоторыя членистоногія, напр., науки, ориентируются въ пространствѣ, главнымъ образомъ, при помощи осязанія.

Только у насѣкомыхъ для ориентировки и распознаванія внѣшняго міра приспособляются различные органы чувствъ, смотря по тому, къ какому виду то или другое насѣкомое принадлежитъ. У однихъ недостаетъ глазъ, у другихъ очень слабое обоняніе, у третьихъ отсутствуетъ обоняніе соприкосновенія напр., у большинства двукрылыхъ.

Способность ориентировки нѣкоторыхъ летающихъ животныхъ, напр., птицъ, пчелъ и т. д. покоится, конечно, на органѣ зрѣнія и зрительныхъ ощущеніяхъ. Движенія въ воздухѣ усиливаютъ ее. Полукружные каналы служатъ для позвоночныхъ органомъ равновѣсія и воспринимаютъ ощущенія ускоренія движенія и вращенія, но они не даютъ возможности ориентироваться. Не существуетъ особенной способности ориентироваться, магнетической или какой-либо другой, независимо отъ извѣстныхъ намъ чувствъ.

Всѣ эти факты, о которыхъ мы только что говорили, составляютъ основаніе психологіи насѣкомыхъ. Изученіе общественныхъ насѣкомыхъ особенно благопріятно въ этомъ отношеніи, благодаря разнообразію ихъ взаимныхъ отношеній.

Если мы по отношенію къ нимъ будемъ употреблять терминологію, взятую изъ психологіи человѣка, то ее нужно понимать не антропоморфически, не только какъ аналогію.

Область познанія. Прежде всего, можно констатировать, что большинство насѣкомыхъ обладаетъ памятью, т.-е. впечатлѣнія, получаемыя отъ органовъ чувствъ, запечатлѣваются въ мозгу, чтобы позже снова можно было бы ими воспользоваться, причемъ память проявляется не только прямымъ раздраженіемъ органовъ чувствъ. Губеръ, Фабръ, Лэббокъ, Васманнъ, фонъ-Буттель и я, всѣ мы доказали невѣрность этого взгляда при помощи опытовъ. Вотъ наиболѣе яркій фактъ. Пчелы, осы и др. при полетѣ, несмотря на вѣтеръ и дождь (слѣдовательно, безъ всякаго содѣйствія со стороны обонянія), даже послѣ уничтоженія щупалецъ, находятъ дорогу къ какому-нибудь мѣсту, гдѣ онѣ находили раньше что-нибудь нравящееся имъ; это происходитъ и тогда, если даже

Digitized by Google

это мѣсто невидимо изъ ихъ улья, и даже послѣ многихъ дней и недѣль, протекшихъ со времени перваго знакомства ихъ съ этимъ мѣстомъ. Такимъ образомъ, очевидно, что они узнаютъ предметы по ихъ цвѣту, формѣ и въ особенности по положенію въ пространствѣ. Фонъ-Буттель показалъ, что эфирный или хлороформный наркозъ отнимаетъ память у пчелъ. Онѣ тогда принимаютъ враговъ за друзей и теряютъ память о мѣстности. Но вѣдь нельзя забывать то, о чемъ не помнилъ.

Топохимическое чувство даетъ тоже доказательство памяти у муравьевъ, пчелъ и пр. Муравей совершаетъ свой тяжелый путь въ 30 метровъ отъ разореннаго муравейника, находитъ новое мѣсто, подходящее для постройки новаго гнѣзда, возвращается (ориентируясь при помощи щупалецъ), находитъ товарища, котораго приноситъ на себѣ на новое мѣсто. Этотъ 2-й муравей приводитъ 3-го и т. д. Память о томъ, что гдѣ-то находится мѣсто, подходящее для новаго муравейника, должна сохраняться въ мозгу 1-го муравья, иначе онъ бы не возвратился въ сопровожденіи товарища.

Муравьи—рабы (Polyergus) отправляются на разграбленіе муравейниковъ, въ сопровожденіи однѣхъ только работницъ, которыя въ теченіи многихъ дней и недѣль обозрѣвали мѣстность съ цѣлью отыскать муравейникъ вида Formica fusca. Часто муравьи во время похода теряютъ дорогу; тогда они останавливаются, пока одинъ изъ нихъ не найдетъ прежнихъ слѣдовъ, благодаря топохимическому чувству, и не заставитъ остальныхъ, быстрыми ударами, идти впередъ. Личинки, найденныя въ муравейникѣ Formica fusca, вытаскиваются изъ глубины его и приносятся домой, нерѣдко за 40 и болѣе метровъ. Если изъ разореннаго муравейника взяты не всѣ личинки сразу, то муравьи возвращаются за ними въ тотъ же или на другой день. Какимъ же образомъ муравьи Polyergus знаютъ, остались ли еще личинки? Обоняніе не можетъ ихъ притягивать на такомъ далекомъ разстояніи, еще менѣе того зрѣніе или какое, нибудь другое чувство. Одна только память, т.-е. воспоминаніе о томъ, что въ муравейникѣ осталось много личинокъ, можетъ заставить муравьевъ вернуться. Мнѣ приходилось очень много разъ слѣдить за подобными походами муравьевъ.

Нѣкоторые муравьи узнаютъ своихъ друзей спустя нѣсколько мѣсяцевъ.

Муравьи и пчелы, какъ то показалъ фонъ-Буттель, различаютъ обоняніемъ разные оттѣнки запаха, напр., запахъ гнѣзда, запахъ своей колоніи и запахъ индивидуальный. У муравьевъ, кромѣ того, существуетъ запахъ вида, тогда какъ запахъ царицы у нихъ не играетъ такой роли, какъ у пчелъ. Изъ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ фактовъ слѣдуетъ, что у общественныхъ насѣкомыхъ изъ рода перепончатокрылыхъ въ мозгу сохраняются топохимическія и зрительныя картины, которыя затѣмъ перерабатываются въ представленія или во что нибудь аналогичное этому; представленія же, полученныя отъ различныхъ органовъ чувствъ (зрѣнія, обоняніе, вкуса), ассоціируются между собой и такимъ образомъ получается представленіе о пространствѣ. Губеръ, Васманъ и я, мы всѣ констатировали, что у этихъ животныхъ, благодаря частому повторенію какого-нибудь акта, вырабатывается точность и скорость въ исполненіи его. Другими словами, у нихъ образуются, и даже очень быстро,—*привычки*.

Digitized by Google

Но кто говоритъ о привычкахъ, тотъ говоритъ и объ автоматизмѣ и о ранѣе совершившемся приспособленіи мозга. Такъ по Буттелю старыя пчелы, никогда не вылетавшія изъ улья, не находятъ дороги, даже на разстояніи нѣсколькихъ метровъ, если только онѣ не видятъ улья, тогда какъ обыкновенно старыя пчелы знаютъ окрестности часто на 6 и 7 километровъ вокругъ ихъ улья.

Изъ подобныхъ наблюденій ученыхъ слѣдуетъ, что всѣ впечатлѣнія органовъ чувствъ, представленія, ассоціаціи, вниманіе, память, привычки подчиняются въ общемъ у общественныхъ насѣкомыхъ тѣмъ же законамъ, что и у позвоночныхъ, и у насъ. Наслѣдственный же автоматизмъ болѣе развитъ у насѣкомыхъ. Вышеупомянутыя способности проявляются у нихъ очень слабо внѣ видового инстинктивнаго автоматизма.

Насѣкомое чрезвычайно глупо и плохо приспособляется ко всему, что не относится къ инстинкту. Я обучилъ одного Dytiscus marginalis *) ѣсть на моемъ столѣ. Въ природѣ онъ ѣстъ, только находясь въ водѣ. Положенный же на столъ, онъ тотчасъ же дѣлалъ неловкое движеніе передними лапками, которое перевертывало его на спину, и въ такомъ положеніи ѣлъ, не умѣя избавиться отъ положенія, удобнаго для ѣды въ водѣ. Когда же я входилъ въ комнату, то этотъ Dytiscus выскакивалъ изъ воды, вмѣсто того, чтобы спрятаться въ глубинѣ ея, и кусалъ нѣжно концы моихъ пальцевъ, которые я ему протягивалъ. Также большіе алжирскіе муравьи акклиматизировались у меня въ Цюрихѣ и выучились на лѣто закрывать комками земли широкое отверстіе своего муравейника, спасаясь отъ преслѣдованій нашихъ муравьевъ вида Lasius niger. Въ Алжирѣ же муравейники всегда широко открыты. Многочисленные аналогичные примѣры показываютъ, что эти маленькія животныя умѣютъ пользоваться опытомъ, даже если при этомъ они немного и удаляются отъ прирожденнаго имъ инстинкта.

Что муравьи, пчелы и осы умѣютъ сообщаться другъ съ другомъ—фактъ, на который такъ часто указывали, что я считаю лишнимъ долго останавливаться на немъ. Наблюденіе хотя бы одного похода Polyergus съ остановкой арміи, отыскиваніемъ потерянная пути достаточно это доказываетъ. Но это, конечно, не языкъ въ смыслѣ человѣческомъ! Знакамъ не соотвѣтствуетъ ни одна абстрактная идея. Здѣсь идетъ рѣчь только о наслѣдственныхъ знакахъ инстинтивно автоматизированныхъ; то же самое относится и къ ихъ умственному развитію (знаки, дѣлаемые головою, щелканіе челюстями, заднею частью тѣла, склоненіе въ тактъ щупальцъ и пр.). Подражаніе здѣсь играетъ большую роль. Муравьи, пчелы и др. подражаютъ своимъ товарищамъ. Совершенно ошибочно (Васманнъ, фонъ-Буттель и я вполнѣ въ этомъ согласны) этому инстинктивному языку приписываютъ размышленіе и человѣческій умъ Губеръ и многіе др. Спрашивается, образуется ли въ мозгу муравьевъ общія представленіе, напр., представленіе о муравьѣ, врагѣ, муравейникѣ, личинкѣ. Это, конечно, довольно трудно доказать. Понятія и ассоціаціи могутъ, конечно, обра-

*) Одинъ изъ видовъ плавающихъ жуковъ.

Digitized by Google

зовываться въ очень простомъ, можетъ быть, видѣ, не доходя до такой сложности, какъ у насъ.

Примѣромъ можно иллюстрировать лучше, чѣмъ разсужденіями. Плато говоритъ, что если цвѣты георгины закрыть зелеными листьями, пчелы все таки къ нимъ возвращаются. Сначала онъ закрывалъ цвѣты не совсѣмъ, затѣмъ совершенно, не оставляя отверстія. Изъ этого онъ выводитъ, что пчелы притягиваются запахомъ цвѣтовъ, а не ихъ видомъ.

10-го сентября, въ $2^1/_4$ часа пополудни я поставилъ слѣдующій опытъ. Изъ 43 цвѣтовъ георгинъ, окрашенныхъ различно и очень часто посѣщаемыхъ пчелами, я закрылъ совершенно сначала 17, затѣмъ 28—виноградными листьями, которыми я обернулъ каждый цвѣтокъ, закалывая ихъ снизу (a). У 4-хъ (b) цвѣтовъ я закрылъ желтую центральную часть цвѣтка; у одного же, наоборотъ, закрытъ былъ весь вѣнчикъ, а центръ его оставался открытымъ (c). Пчелы перестали посѣщать цвѣты, совершенно закрытые листьями; цвѣтокъ же *c* продолжалъ посѣщаться ими такъ же, какъ совершенно открытые. До цвѣтовъ же *b* пчелы часто долетали, но тотчасъ же ихъ оставляли; только нѣкоторымъ удавалось пройти подъ листомъ до центральной части. Какъ только я открылъ одну красную георгину, пчелы быстро къ нему прилетѣли; цвѣтокъ плохо закрытый также сталъ посѣщаться пчелами. Какъ-то одной пчелѣ удалось проникнуть снизу или сбоку въ совершенно закрытый цвѣтокъ. Съ этихъ поръ эта пчела и, только она одна, прилетала къ каждому закрытому цвѣтку. Другія пчелы, очевидно, тоже искали внезапно исчезнувшіе цвѣты; около $^1/_2$ 6-го нѣкоторыя, въ свою очередь, открыли закрытыя георгины. Съ этого момента имъ стали подражать въ этомъ и остальныя пчелы и въ короткій промежутокъ времени всѣ закрытые цвѣты стали снова посѣщаться пчелами, уже безъ всякихъ предварительныхъ поисковъ. Въ послѣдующія посѣщенія пчелы прямо подлетали къ отверстію съ нижней стороны винограднаго листа. Если одна пчела находитъ что-нибудь, то другія не слѣдуютъ ея примѣру, но какъ только ихъ нѣсколько 4 или 5 по крайней мѣрѣ, то остальныя идутъ за ними. Плато, слѣдовательно, плохо поставилъ опытъ и сдѣлалъ невѣрное заключеніе. Пчелы видѣли его георгины, которыя не были закрыты со всѣхъ сторонъ. Когда же онъ затѣмъ закрылъ ихъ совершенно, но не снизу, а сверху, пчелы ужъ обратили вниманіе на его пріемы и, кромѣ того, съ боковъ имъ были еще видны цвѣты. Плато забылъ о существованіи вниманія и памяти у пчелъ.

13-го сентября я изъ желтыхъ головокъ Hieracium (ястребинка), которыя я воткнулъ въ цвѣты петуніи, грубо воспроизвелъ цвѣты георгины и расположилъ ихъ между цвѣтами этой послѣдней. Ни петунія, ни ястребенка не посѣщались пчелами. Когда же многія пчелы и шмели прилетали къ моимъ искуственнымъ георгинамъ такъ же, какъ и къ настоящимъ, то покидали ихъ, какъ только, вѣроятно, по запаху, узнавали о своей ошибкѣ. То же самое было и съ георгиной, у которой центральная часть цвѣтка была замѣнена соотвѣтственной частью ястребенки.

Я поставилъ и обратный опытъ, т.-е. помѣстилъ пахучую центральную часть корзинки георгины между бѣлыми и желтыми хризантемами, оставлен-

Digitized by Google

ными пчелами и которыя находились на краю грядки съ георгинами. Въ теченіе получаса всѣ пчелы летали въ нѣсколькихъ сантиметрахъ надъ изуродованной георгиной, не замѣчая ея; наконецъ къ ней прилетѣла одна пчела, за которой случайно послѣдовала другая; тогда ужъ и всѣ остальныя стали посѣщать ее.

Плато полагаетъ, что искусственныые цвѣты, какъ бы они хорошо по нашему мнѣнію, ни были сдѣланы, пчелами не признаются. Можетъ быть, пчелы отличаютъ хлорофильную окраску отъ искуственной, благодаря ультрафіолетовымъ лучамъ. 19-го сентября я сдѣлалъ изъ бумаги слѣдующіе цвѣты: α—красный цвѣтокъ, β—бѣлый; γ—голубой; δ—голубой съ желтой серединой, сдѣланной изъ опавшаго листа; ε—изъ куска розовой бумаги съ высушенной центральной частью корзинки георгины; ζ—изъ зеленаго листа георгины. Въ 9 часовъ утра я кладу въ каждый цвѣтокъ по капелькѣ меда. Въ теченіе $^1/_4$ часа пчелы летаютъ очень близко, совершенно не замѣчая меда въ моихъ цвѣтахъ; слѣдовательно, онѣ меда не обоняютъ, не слышатъ. Черезъ часъ я прихожу снова. Только въ δ нѣтъ больше меда.

Помѣщаю α очень близко отъ георгины, гдѣ находятся пчелы, но вниманіе ихъ такъ занято георгины, что я долженъ это повторить 4—5 разъ, пока мнѣ удалось положить каплю меда прямо на хоботъ одной пчелы. Тогда эта послѣдняя сейчасъ же начинаетъ сосать медъ изъ бумажнаго цвѣтка. Я дѣлаю помѣтку голубой краской на спинѣ этой пчелы; тотъ же самый опытъ я повторяю съ цвѣтками β и ε, причемъ пчелъ я помѣтилъ въ желтый и въ бѣлый цвѣтъ. Обѣ пчелы—голубая и желтая, много разъ прилетали къ цвѣткамъ α, δ, β, совершенно не обращая вниманія на георгины. Наконецъ, прилетѣла и бѣлая, ищетъ ε, но не находитъ его сразу и садится то на одну-то на другую георгину, но остается на каждой только одинъ моментъ, какъ будто бы неотвязное представленіе о медѣ не даетъ ей покоя. Затѣмъ она прилетѣла къ искусственнымъ цвѣтамъ, не ассоціируя еще представленіе о медѣ съ воспоминаніемъ о его вкусѣ. Наконецъ, она все-таки находитъ упавшую часть цвѣтка ε и высасываетъ изъ него медъ. Я считаю очень важнымъ тотъ фактъ, что пчелы сами нашли другіе искусственные цвѣты, вѣроятно, благодаря инстинктивнымъ выводамъ по аналогіи, какъ только ихъ вниманіе было обращено на медъ одного изъ нихъ и, несмотря на то, что цвѣты были далеко другъ отъ друга и окрашены различно. Только не былъ найденъ листъ ζ, вѣроятно потому, что онъ не отличается отъ прочей зеленой листвы.

Затѣмъ еще 3 пчелы прилетѣли къ бумажнымъ цвѣтамъ. На георгинахъ же оставалась масса пчелъ. Когда же на моихъ искуственныхъ цвѣтахъ собралось 6 пчелъ, то одна за другой и всѣ пчелы перелетѣли на эти цвѣты съ георгинъ, такъ что у меня ужъ не хватало красокъ, чтобы ихъ помѣчать. Когда я пришелъ въ $^1/_2$2-го, то на бумажныхъ цвѣтахъ былъ ужъ цѣлый улей. Только послѣ 4-хъ часовъ одна изъ этихъ пчелъ нашла ζ. Въ 1 ч. 55 м., наконецъ, весь медъ высосанъ, и пчелы возвращаются на георгины; тогда я замѣщаю α и β бѣлой и красной бумагой, не содержащей ни капли меда. Несмотря на это, куски бумаги посѣщаются пчелами, въ

Digitized by Google

мозгу которыхъ осталась память о вкусѣ меда. Здѣсь не можетъ быть рѣчи объ неизвѣстной силѣ или же о притягиваніи пчелъ запахомъ или окраской цвѣтовъ. Эти факты могутъ быть только объяснены памятью о пространствѣ, формѣ и цвѣтѣ, ассоціированныхъ съ воспоминаніями о вкусѣ. Наконецъ, я уношу всѣ бумажные цвѣты. Двѣ или три пчелы слѣдуютъ за мною, окружаютъ мою руку и стараются сѣсть на цвѣты. Картина пространства измѣнилась; слѣдовательно, цвѣтъ и форма предметовъ достаточны для пчелъ, чтобы ихъ узнавать. Опытъ этотъ показываетъ о существованіи у пчелъ:

1) Понятій о пространствѣ, формѣ и цвѣтѣ. Что все это возможно только при фасеточныхъ глазахъ, доказываютъ другіе опыты (покрываніемъ глазъ лакомъ, отрѣзываніемъ щупалецъ, ротовыхъ органовъ и пр.).

2) Памяти о медѣ и въ особенности зрительной и вкусовой памяти.

3) Способности ассоціировать воспоминанія вкусовыя съ зрительными.

4) Способности инстинктивно дѣлать выводы по аналогіи.

5) Плохого обонянія, почему онѣ и слышатъ запахъ только на очень близкомъ разстояніи.

6) Несовершенства и ограниченнаго круга ихъ вниманія.

7) Быстраго образованія привычекъ.

8) Подражанія другъ другу.

Конечно, всѣ эти выводы я дѣлаю не на основаніи только одного опыта, но они подтверждаются также громаднымъ числомъ опытовъ и другихъ наблюдателей. Леббокъ, кромѣ того, показалъ, что можно заставить пчелу предпочитать въ теченіе нѣкотораго времени одинъ какой-нибудь цвѣтъ и не обращать вниманіе на другія цвѣты. Только такимъ путемъ можно доказать способность ихъ различать цвѣта. Мои же пчелы, наоборотъ, привыкли къ предметамъ, окрашеннымъ въ различные цвѣта (георгины, бумажные цвѣты), почему онѣ и не замѣчали различій въ цвѣтѣ. Но заключить отсюда, что онѣ не различаютъ цвѣтовъ, было бы ошибочно. Другими опытами я вполнѣ убѣдился въ справедливости утвержденій Леббока.

27-го сентября, т.-е. черезъ 8 дней, съ цѣлью пріучить моихъ помѣченныхъ пчелъ къ опредѣленнымъ цвѣтамъ, я расположилъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ были раньше искусственные цвѣты, бумажные диски, раскрашенные въ различные цвѣта, начиная отъ бѣлаго до чернаго. На нѣкоторые изъ дисковъ положенъ былъ медъ. Вскорѣ цѣлый улей пчелъ покрылъ всѣ диски, не исключая и тѣхъ, на которыхъ меда не было, но ихъ, конечно, пчелы быстро оставляли. Такимъ образомъ, мнѣ опытъ совершенно не удался, такъ какъ я забылъ о памяти пчелъ. Вѣдь у пчелъ еще сохранилась память о различно окрашенныхъ бумажныхъ цвѣтахъ, содержащихъ медъ, а потому при видѣ цвѣтныхъ дисковъ сейчасъ же снова возникла ассоціація вкуса меда и бумажныхъ кружковъ.

Вмѣстѣ со способностью къ представленіямъ и ассоціаціямъ возникаетъ также индивидуальная опытность на основаніи простыхъ и инстинктивныхъ заключеній по аналогіи, безъ чего образованіе представленій и память невозможны. Шмели, гнѣздо которыхъ я помѣстилъ у себя на окнѣ, только вначалѣ

Digitized by Google

смѣшивали мое окно съ другими окнами. Фонъ-Буттель показалъ, что пчелы, пріученныя къ одной комнатѣ и къ одному окну, отыскивали комнаты и окна и въ другихъ домахъ. Писсо закрылъ входъ осинаго улья сѣткой, отверстія которой были въ 22 mm. Сначала осы были очень удивлены и дѣлали различныя попытки выйти, пока, наконецъ, не догадались и не пріучились вылетать изъ отверстій сѣтки. То-же самое наблюдается и у муравьевъ. Послѣ открытія добычи или пищи на какомъ-нибудь предметѣ или растеніи, муравьи отыскиваютъ и посѣщаютъ подобные имъ предметы.

Но есть насѣкомыя, которыя очень глупы, какъ, напр., самцы муравьевъ, двукрылыя, однодневки съ мозгомъ крайне неразвитымъ, которыя неспособны выучиться чему бы то ни было, неспособны синтезировать впечатлѣнія, получаемыя отъ органовъ чувствъ болѣе, чѣмъ нужно для простаго автоматизма, у которыхъ память едва развита. Картины, возникающія въ ихъ мозгу, отвѣчаютъ только непосредственнымъ раздраженіямъ органовъ чувствъ. Здѣсь-то лучше всего можно подмѣтить различія и эти факты выясняютъ тотъ *плюсъ*, которымъ владѣютъ болѣе умныя насѣкомыя.

О волѣ. Понятіе о волѣ, какъ только оно противополагается рефлексу, предполагаетъ, что необходимъ извѣстный промежутокъ времени между полученнымъ отъ органовъ чувствъ впечатлѣніемъ и вызваннымъ имъ движеніемъ, а также сложные мозговые процессы. При совершеніи въ извѣстной послѣдовательности простыхъ автоматическихъ движеній, существуетъ тоже промежуточное время, заполненное внутренними, динамическими процессами, совершающимися въ мозгу, какъ и при волевыхъ движеніяхъ. Слѣдовательно, это не простые рефлексы, они могутъ быть прерваны на нѣкоторое время и затѣмъ снова возобновлены. Но для ихъ реализаціи, главнымъ образомъ, необходима цѣлая цѣпь сложныхъ рефлексовъ, которые слѣдуютъ въ такой, а не другой послѣдовательности. Это есть именно то, что мы называемъ автоматизмомъ или инстинктомъ. Если говорить о волѣ въ узкомъ смыслѣ этого слова, то мы должны считаться съ индивидуальными рѣшеніями, которыя образуются, смотря по событіямъ, могутъ, слѣдовательно, измѣняться, также оставаться нѣкоторое время въ мозгу до приведенія ихъ въ исполненіе. Воля насѣкомыхъ не должна быть схожей съ сложной человѣческой волей, которая есть равнодѣйствующая чрезвычайно сложныхъ слагаемыхъ, долго комбинированныхъ и приготовляемыхъ. Муравьи владѣютъ положительной и отрицательной волей. Ихъ походы, упомянутые выше, говорятъ объ индивидуальныхъ планахъ работника, выполненныхъ съ большою тщательностью.

Впродолженіи многихъ часовъ муравей можетъ превозмогать цѣлый рядъ затрудненій, чтобы достичь цѣли, намѣченной имъ. Случается, что два муравья дѣлаютъ двѣ противоположныя работы. Поверхностному наблюдателю покажется это глупымъ. Но здѣсь-то и выступаетъ умъ ихъ; когда они замѣчаютъ это, то одинъ изъ нихъ перестаетъ, уходитъ или начинаетъ помогать другому.

Устройство муравейниковъ и дорогъ служитъ хорошими случаями для наблюденій, напр., у Formica rufa или же еще лучше F. pratensis. Но, чтобы со-

Digitized by Google

ставить себѣ ясное понятіе о ихъ дѣятельности, необходимо большое терпѣніе и время. Войны муравьевъ знакомятъ насъ съ цѣлесообразностью ихъ поступковъ, чрезвычайно послѣдовательныхъ, напр., названныя мною *холодными сраженіями*. Послѣ того, какъ обѣ партіи (двѣ колоніи) заключаютъ миръ, часто видишь, какъ нѣсколько муравьевъ преслѣдуютъ нѣкоторыхъ особей изъ другого лагеря. Иногда этихъ послѣднихъ они относятъ очень далеко. Если же изгнанникъ самъ приходитъ въ свой муравейникъ и врагъ его это замѣчаетъ, то онъ снова схватываетъ и относитъ еще дальше. Такъ, однажды преслѣдующій муравей принесъ свою жертву на край моего стола; затѣмъ сбросилъ его на полъ. Сдѣлалъ онъ это не случайно, такъ какъ два раза я подымалъ муравья и каждый разъ онъ его снова сбрасывалъ. Изъ всѣхъ индивидуумовъ враждебнаго лагеря, теперь сдружившихся, онъ выбралъ одного, на которомъ сконцентрировалъ свою антипатію, всѣми силами стараясь не допустить возврата его въ муравейникъ.

Нужно имѣть предвзятое мнѣніе, чтобы во всемъ этомъ не видѣть существованія индивидуальныхъ рѣшеній и приведенія ихъ въ исполненіе. Правда, что вещи эти происходятъ въ рамкахъ специфическаго инстинкта, и что различные періоды приведенія въ исполненіе какого-нибудь рѣшенія совершаются инстинктивно. Съ другой стороны, я совершенно отказываюсь мысли людей и абстрактныя идеи вкладывать въ волю муравьевъ. Тѣмъ не менѣе, мы должны признать, что у насъ, людей, постоянно проскальзываетъ въ исполненіи нашихъ рѣшеній рядъ автоматическихъ дѣйствій, какъ второстепенныхъ, такъ и наслѣдственныхъ. Въ то время, какъ я пишу эти строки, мои глаза работаютъ съ автоматизмомъ, отчасти наслѣдственнымъ, а моя рука съ автоматизмомъ вторичнымъ. Но, конечно, только человѣческій мозгъ способенъ привести въ движеніе всю мою сложную иннервацію и абстрактныя размышленія, которыя ее сопровождаютъ.

Муравей, который преслѣдуетъ вышеупомянутыя цѣли и комбинируетъ инстинкты въ этомъ направленіи, можетъ ассоціировать и думать о чемъ-нибудь конкретномъ только по-муравьиному. Инстинкты у муравья могутъ быть разъединены или соединены только для простыхъ цѣлей (мало отличныхъ другъ отъ друга), благодаря нѣкоторымъ приспособленіямъ или ряду индивидуальныхъ ассоціацій; у мыслящаго же человѣка автоматическія движенія, какъ наслѣдственныя, такъ и пріобрѣтенныя, являются только орудіями громадной умственной работы, царящей надъ всѣмъ. Скажу мимоходомъ, относительная независимость спинного мозга и мозговыхъ центровъ отъ мозга у низшихъ позвоночныхъ и млекопитающихъ, когда сравниваешь съ громадной зависимостью этихъ органовъ и ихъ отправленій отъ мозга у человѣка и отчасти у обезьянъ, объясняется тѣмъ же.

Во время удачи сила и тонкость воли муравьевъ замѣтно усиливаются, послѣ же повторныхъ неудачъ или же при внезапномъ нападеніи сильнаго врага, они падаютъ духомъ, иногда инстинкты наиболѣе сильные ихъ покидаютъ, они обращаются въ трусливое бѣгство или начинаютъ уничтожать и выбрасывать яйца, покидаютъ работу и т. д. Бываетъ, что колоніи выродившихся муравьевъ

Digitized by Google

хронически падаютъ духомъ, острые же случаи этого бываютъ послѣ потерянаго сраженія. Въ такомъ случаѣ можно видѣть, какъ нѣсколько большихъ и сильныхъ муравьевъ убѣгаютъ, не стараясь защищаться отъ одного маленькаго врага, который ихъ храбро преслѣдуетъ, тогда какъ получасомъ ранѣе этотъ маленькій муравей былъ бы убитъ нѣсколькими укусами убѣгающихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, интересно замѣтить, какъ побѣдитель замѣчаетъ и быстро пользуется этимъ замѣшательствомъ и потерей бодрости духа побѣжденныхъ. Муравьи, впавшіе въ уныніе обыкновенно черезъ нѣкоторое время послѣ бѣгства, собираются вмѣстѣ и тогда скоро овладѣваютъ прежней храбростью и волей. Но все же они слабо противостоятъ даже на другой день новой аттакѣ врага. Даже муравьиный мозгъ не можетъ забыть такъ скоро внезапнаго пораженія.

Въ битвахъ между двумя колоніями почти одной силы желаніе побѣдить усиливается до тѣхъ поръ, пока одна изъ нихъ не побѣждена окончательно. Подражаніе и для развитія воли также играетъ большую роль. У муравьевъ уныніе и другія состоянія духа заразительны.

О чувствахъ. Нѣкоторымъ покажется смѣшнымъ, что говоришь о чувствахъ у муравьевъ. Но если мы отдадимъ себѣ отчетъ, насколько наша жизнь чувствъ глубоко инстинктивна и наслѣдственна и, съ другой стороны, насколько ясны чувства нашихъ домашнихъ животныхъ, то мы должны признать чувства и въ психологіи животныхъ. Нѣкоторые примѣры этого мы находимъ въ части, гдѣ говорили о волѣ насѣкомыхъ. Бо́льшая часть чувствъ у этихъ послѣднихъ тѣсно связана съ инстинктами: ревность царицы пчелъ, которая убиваетъ своихъ соперницъ; страхъ этихъ соперницъ, находящихся еще въ ячейкахъ; ярость воиновъ-муравьевъ, пчелъ и осъ; уныніе ихъ; любовь, съ которою ухаживаютъ за личинками; жертва, которую приноситъ работница, умирая съ голоду, чтобы накормить царицу и т. д., и т. д. Но существуютъ также индивидуальныя чувства, которыя не зависятъ обязательно отъ инстинкта, какъ, напр., у муравьевъ—отыскиваніе опредѣленныхъ враговъ съ цѣлью преслѣдованія ихъ.

Съ другой стороны, можно наблюдать и дружескія услуги (кормленіе), оказываемыя въ исключительныхъ случаяхъ врагу, за которыми слѣдуетъ взаимная симпатія, даже между муравьями, принадлежащими къ различнымъ видамъ. Кромѣ того, чувства симпатіи, антипатіи и гнѣва усиливаются у муравьевъ отъ повторенія дѣйствій, имъ соотвѣтствующихъ, какъ это наблюдается у животныхъ и у человѣка.

Взаимныя психическія отношенія. Наблюденія надъ антагонизмомъ между различными чувствами и импульсами пчелъ и муравьевъ и манера, съ какой вниманіе обращается съ одного предмета на другой, очень интересны. Опытъ, какъ всегда, поучаетъ многому. Пчелы, собирающіяся на цвѣтахъ, не замѣчаютъ ничего вокругъ, даже другихъ цвѣтовъ. Но, если обратить ихъ вниманіе на медъ, котораго онѣ до тѣхъ поръ не замѣчали, то у нихъ нѣтъ больше глазъ ни для чего другого. Интенсивное чувство, напр. во время роенія пчелъ, заставляетъ ихъ забывать всякую вражду и даже царицу ихъ стараго улея, куда онѣ ужъ никогда больше не возвращаются. Но, если, напр.,

Digitized by Google

роеніе прерывается выводомъ царицы, то пчелы вспоминаютъ о своемъ старомъ ульѣ и летятъ въ ульи, окрашенные въ ту же краску, что и онъ. Часто два чувства борятся у пчелъ, не имѣющихъ царицы: ненависть къ постороннимъ пчеламъ и желаніе имѣть царицу. Если въ это время имъ принести царицу, то онѣ ее убиваютъ, такъ какъ первое чувство сначала преобладаетъ. Поэтому пчеловоды приносятъ царицу, заключенную въ сѣтку. Запахъ этой чужой царицы ихъ тогда безпокоитъ меньше, такъ какъ она болѣе удалена отъ нихъ и черезъ сѣтку они не могутъ ее убить. Кромѣ того, онѣ узнаютъ царицу по свойственному ей запаху; кормить же онѣ могутъ ее и черезъ сѣтку, съ помощью своего хобота. Появленіе царицы сейчасъ же успокоиваетъ весь улей. И тогда беретъ верхъ второе чувство; работницы быстро привыкаютъ къ чужому запаху и послѣ 3-хъ или 4-хъ дней безъ всякой опасности можно освободить царицу.

У муравьевъ можно наблюдать, какъ любовь къ лакомствамъ побѣждается чувствомъ долга. Если заставить враговъ, нарочно для этого принесенныхъ, напасть на колонію и въ то же время дать меду защитникамъ, которые выбѣгаютъ изъ муравейника, то сначала муравьи набрасываются на медъ, но это продолжается только моментъ, послѣ чего у всѣхъ безъ исключенія долгъ побѣждаетъ, и они бѣгутъ сражаться, большею частью до смерти.

Выводы: 1) Съ натуралистической точки зрѣнія, мы должны поддерживать гипотезу психофизіологическаго единства (монизмъ) въ противоположность дуализму, такъ какъ оно рѣдко согласуется съ факторами и спеціально съ законами сохраненія энергіи. Нашъ разумъ долженъ изучаться прямымъ путемъ—извнутри и косвеннымъ—извнѣ, при помощи *біологіи*, не упуская изъ вида развитія всѣхъ его способностей. Существуетъ, слѣдовательно, сравнительная психологія наряду съ субъективной. Здѣсь необходимо прибѣгать къ аналогіи, держась въ извѣстныхъ границахъ.

2) Органы чувствъ насѣкомыхъ—наши органы; только чувство слуха остается подъ сомнѣніемъ. Существованіе 6-го чувства до сихъ поръ не доказано; также отдѣльное чувство направленія и оріентировки, конечно, отсутствуетъ. Органы предверія соотвѣтствуютъ только чувству равновѣсія у насѣкомыхъ, которое не даетъ возможности оріентироваться во внѣшнемъ пространствѣ. Чувства зрѣнія и обонянія обладаютъ специфическою энергіею (зрѣніе ультрафіолетовыхъ лучей, способъ функціонированія фасеточныхъ глазъ, топохимическое щупальцевое осязаніе и обоняніе соприкосновенія).

3) Нервная дѣятельность осложняется у различныхъ группъ и видовъ животныхъ двумя способами: а) наслѣдственностью (подборомъ и т. д.) автоматизма и сложныхъ инстинктовъ b) возможностью, индивидуальнаго приспособленія умственной дѣятельности, связанной со способностью постепенно развивать автоматизмъ индивидуальный, вторичный (привычки). Второй способъ требуетъ гораздо большаго количества нервныхъ элементовъ. Благодаря наслѣдственнымъ расположеніямъ болѣе или менѣе опредѣленнаго вида (недоразвитые инстинкты), второй способъ переходитъ въ первый.

Digitized by Google

4) У общественныхъ насѣкомыхъ существуетъ прямое отношеніе между психическими способностями и величиной мозга.

5) У нихъ есть память, ассоціація картинъ, получаемыхъ отъ органовъ чувствъ, представленія, вниманіе, привычки, элементарная способность выводить заключенія изъ аналогій, утилизація индивидуальнаго опыта, также какъ примѣненіе или приспособленіе индивидуальнаго ума.

6) У нихъ существуютъ воля, конечно, очень простая, чувства радости и печали, а также связь и борьба этихъ различныхъ психическихъ силъ.

7) Во время дѣйствія насѣкомыхъ вниманіе ихъ очень поверхностно и концентрируется на первомъ попавшемся предметѣ, такъ что насѣкомое дѣлается слѣпымъ (невнимательнымъ) къ другимъ впечатлѣніямъ органовъ чувствъ

И теперь я твердо держусь положенія, выставленнаго мною въ 1877 г. въ первой вступительной лекціи въ мюнхенскомъ университетѣ въ качествѣ привать-доцента. «Всѣ свойства человѣческаго интеллекта могутъ быть выведены изъ свойствъ интеллекта высшихъ животныхъ». Къ этому прибавлю теперь, что всѣ свойства высшихъ животныхъ могутъ быть выведены изъ свойствъ интеллекта низшихъ животныхъ.

Другими словами, законъ эволюціи подтверждается такъ же точно въ области психической, какъ и въ другихъ областяхъ органической жизни. Несмотря на всю разницу животныхъ организмовъ и условій ихъ жизни, психическія отправленія нервныхъ элементовъ подчиняются нѣкоторымъ основнымъ законамъ даже тамъ, гдѣ разница такъ велика, что этого нельзя было бы ожидать.

Августъ Форель,
бывшій профессоръ психіатріи
цюрихскаго университета.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Инфракрасная часть солнечнаго спектра. — Успѣхи цвѣтной фотографіи. — Форма кристалловъ снѣга.—Низкая температура и развитіе организмовъ.—Соли натрія калія и кальція и сокращеніе сердца.—Леченіе осы пивными дрожжами.

Инфракрасная часть солнечнаго спектра. Недавно опубликованы результаты двадцатилѣтнихъ изслѣдованій извѣстнаго американскаго ученаго Ланглея надъ инфракрасной частью солнечнаго спектра. Работа эта была начата въ 1881 году. До этого года изслѣдованіе теплового лученспусканія солнца производилось при помощи электро-термической батареи Мелони, но длины волнъ инфракрасныхъ лучей не были точно опредѣлены. Какъ извѣстно, Ланглей построилъ для этой цѣли приборъ—болометръ, принципъ котораго основанъ на измѣненіяхъ проводимости проволокъ подъ вліяніемъ температуры. Этотъ приборъ обладаетъ необыкновенною чувствительностью. Вначалѣ изслѣдованія велись Ланглеемъ на горѣ Витней, на высотѣ 4.000 метровъ. Болометръ

Digitized by Google

отодвинулъ границы инфракрасной части солнечнаго спектра отъ 1,8 микрона до 5,3 микрона, а въ концѣ концовъ до 18 микроновъ *).

Ланглей установилъ, что энергія инфра-красной части солнечнаго спектра равняется $^3/_4$ всей его энергіи; раньше считали первую равной всего $^2/_3$ второй и даже меньше. Кромѣ того, Ланглеемъ детально установлены колебанія этой энергіи въ различные года, времена года и даже часы одного и того же дня. Эти различія зависятъ отъ того, что земная атмосфера, вслѣдствіе измѣненій, претерпѣваемыхъ ею въ различное время неодинаково поглощаетъ солнечные лучи.

Перенеся съ 1892 г. свою дѣятельность въ Вашингтонъ въ болѣе благопріятныя условія, Ланглей въ теченіи 8 лѣтъ непрерывныхъ занятій достигъ большихъ усовершенствованій въ своемъ приборѣ. Благодаря автоматическому и фотографическому записыванію отклоненій болометра, этотъ ученый могъ составить спектральную таблицу инфракрасной части солнечнаго спектра, начиная отъ 0,76 микрона до 5,3 микрона съ точно обозначенными темными линіями, аналогичными тѣмъ, которыя были извѣстны уже въ свѣтовой и ультрафіолетовой частяхъ спектра. Въ этой же работѣ сведены и результаты изслѣдованій Ланглея, касающіеся свѣторазсѣянія каменной соли, способовъ построенія наиболѣе чувствительныхъ гальванометровъ, точности балометрическихъ наблюденій и, наконецъ, изученія инфракрасныхъ лучей различныхъ земныхъ источниковъ.

Успѣхи цвѣтной фотографіи. Попытки получить сразу, непосредственно цвѣтной снимокъ до сихъ поръ оставались безуспѣшными **). Обыкновенно фотографируютъ объектъ съ помощью пластинокъ, чувствительныхъ исключительно или къ красному, или зеленому, или голубому цвѣту, и затѣмъ уже отпечатываютъ снимокъ съ этихъ трехъ негативовъ. Въ этомъ достигли уже такихъ блестящихъ результатовъ, что задача непрямой цвѣтной фотографіи считается до извѣстной степени почти разрѣшенной. Напротивъ того, въ непосредственной цвѣтной фотографіи существуютъ только опыты Липмана, который стремится передать окраску предметовъ при помощи интерференціонныхъ красокъ. Недавно *Нейгаузъ*, извѣстный своими работами по цвѣтной фотографіи, опубликовалъ опыты, которые даютъ надежду, что онъ недалекъ отъ полученія непосредственныхъ цвѣтныхъ снимковъ въ обыкновенной фотографической камерѣ. («Photographische Rundschau», XVI, Heft. 1902 1. S. 1—11.)

Исходной точкой его опытовъ служитъ тотъ фактъ, что на целлоидной бумагѣ (аристо б.) темнѣющей на свѣту, получаются цвѣтныя копіи съ прозрачныхъ картинъ. Краски здѣсь появляются вслѣдствіе обезцвѣчиванія, и Нейгаузъ поставилъ себѣ задачу придумать такое искусственное смѣшеніе красокъ, при которомъ требуемый цвѣтъ долженъ получаться вслѣдствіе выцвѣтанія всѣхъ остальныхъ. Въ своихъ опытахъ онъ добился того, что достаточно пяти минутъ солнечнаго освѣщенія, чтобъ получить цвѣтной снимокъ съ прозрачнаго цвѣтного

---

*) Микронъ—0,001 милиметра.

**) См. статью А. Гершуна. «Цвѣтная фотографія». «М. Б.» «Научный Обзоръ» Апрѣль 1901 г.

Digitized by Google

трасспаранта и затѣмъ зафиксировать его. Для снимковъ требуется 2—3 часа. Результатовъ этихъ Нейгаузъ достигъ только прошлою осенью, и потому не установилъ еще, какое время года является въ данномъ случаѣ самымъ подходящимъ.

При этихъ опытахъ онъ натолкнулся на слѣдующее явленіе. Эмульсія, окрашенная ціаниномъ, быстро выцвѣтаетъ подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей; онъ испробовалъ 30 анилиновыхъ красокъ въ желатиновой эмульсіи, налитой на матовое стекло. Препараты были чувствительны къ свѣту, но очень незначительно, особенно въ сравненіи съ ціанинжелатиновыми; прибавленіе амміака, формалина и органическихъ кислотъ; замѣна матоваго стекла бумагой, матеріей и т. п. не улучшала результатовъ; бумага во многихъ опытахъ прекрасно замѣняетъ стекло.

Если на стекло или на бумагу нанести слой смѣси различныхъ красокъ и выставить подъ цвѣтными стеклами на свѣтъ, то мы замѣтимъ, что развитіе зеленаго и голубого задерживаются, между тѣмъ какъ желтый и красный цвѣта прекрасно отпечатываются. Нейгаузъ пробовалъ прибавлять другія зеленыя и голубыя краски, чтобъ получить лучшіе результаты, и даже обратился къ хлорофиллу. Въ этомъ послѣднемъ онъ нашелъ очень важное подспорье, *сокращающее время экспозиціи*. Фильтровальная бумага три или четыре раза вымачивалась въ спиртовой вытяжкѣ хлорофилла и высушивалась послѣ каждаго раза. Затѣмъ ее опускали въ анилиновую ванну (немного эозину, уранину, мителиновой сини) и выставляли на свѣтъ; черезъ 2 или 3 часа отпечатываются краски.

Имѣя въ виду, что выцвѣтаніе нѣкоторыхъ красокъ зависитъ отъ окисленія, Нейгаузъ, вмѣсто желатина съ H_2O_2 (перекисью водорода), взялъ желатинъ съ H_2O (водою) и достигъ этимъ ускоренія экспозиціи до 5 минутъ. Такимъ образомъ опыты его достигли уже значительной законченности. Кромѣ того, здѣсь проявилось замѣчательное свойство выставленной на свѣтъ пластинки. Краски выцвѣтаютъ только на мѣстахъ, прикрытыхъ стекломъ или стеклянными пластинками, на непокрытыхъ онѣ сохраняются. Когда кислородъ, выдѣляющійся изъ перекиси водорода остается на поверхности, то быстро поѣдаетъ краски.

Если полученный снимокъ оставить нѣсколько дней на воздухѣ, то излишній кислородъ уйдетъ, и снимокъ зафиксируется. Чтобы закончить фиксированіе, снимокъ опускаютъ въ ванну изъ мѣдной соли.

Нейгаузъ подробно описалъ свои опыты, для того, чтобъ облегчить работу для всѣхъ другихъ изслѣдователей и скорѣе достигнуть возможности получать сразу, въ нѣсколько минутъ цвѣтные снимки.

Форма кристалловъ снѣга. Бентлей (Соедин. Штаты) посвятилъ 20 лѣтъ изученію снѣжныхъ кристалловъ; при этомъ онъ обращалъ особенное вниманіе на связь между ихъ формой и атмосферными условіями въ моментъ выпаденія снѣга. Въ «Monthly Weather Review» онъ даетъ резюме своихъ работъ, присоединяя къ нимъ большое число микрофотографическихъ воспроизведеній кристалловъ снѣга.

Изслѣдованіе производилось, начиная съ 1884 г.; было сдѣлано болѣе

Digitized by Google

800 фотографическихъ снимковъ; изъ нихъ нѣтъ и двухъ совершенно сходныхъ. Почти каждая большая зимняя буря давала новыя формы. Всѣ эти снимки снабжены соотвѣтственными метеорологическими примѣчаніями: отмѣчалась температура, характеръ и приблизительная толщина облаковъ, ихъ направленіе, скорость, а также направленіе и скорость вѣтровъ на земной поверхности. Зарегистрированы также и измѣненія формы кристалловъ въ различные моменты каждой снѣжной бури.

Эти наблюденія показываютъ, что степень влажности воздуха на земной поверхности не вліяетъ такъ сильно на форму и размѣры кристалловъ снѣга, какъ это предполагали раньше. Самыя красивыя и самыя совершенныя формы пластинчатыхъ кристалловъ снѣга наблюдаются чаще всего въ восточной и сѣверо-восточной частяхъ большихъ снѣговыхъ бурь; снѣгъ здѣсь состоитъ почти исключительно изъ этихъ формъ. Вѣроятно, есть какая-то общая законность въ распредѣленіи различныхъ формъ снѣжныхъ кристалловъ: палочекъ, пластинокъ и шариковъ и въ другихъ частяхъ снѣжныхъ бурь, оно мало колеблется въ различныхъ буряхъ, но авторъ считаетъ еще преждевременнымъ придти въ данномъ случаѣ къ какому-нибудь вполнѣ опредѣленному выводу.

Грозы мѣстнаго типа и тѣ, при которыхъ снѣгъ образуется изъ нижнихъ слоевъ облаковъ, даютъ обыкновенно пластинчатыя и вѣтвеобразныя формы снѣга, лишенныя твердаго ядра, или же различныя зернистыя формы. Кристаллы же снѣга, образованные большими бурями, обыкновенно имѣютъ болѣе разнообразную форму и болѣе сложное строеніе. Электрическое состояніе атмосферы, а, можетъ быть, и присутствіе болѣе или менѣе значительнаго количества нѣкоторыхъ газовъ или паровъ, являются главнымъ условіемъ образованія въ кристаллахъ снѣга болѣе твердыхъ ядеръ.

Низкая температура и развитіе организмовъ. Извѣстно, что жизненная энергія организмовъ сначала понижается съ паденіемъ температуры и затѣмъ исчезаетъ окончательно. Амебы уже при нѣсколькихъ градусахъ ниже 0° перестаютъ двигаться и принимаютъ характерную шарообразную форму—протоплазма ихъ *окоченѣваетъ*. Процессъ дѣленія морскихъ ежей и звѣздъ прекращается при 2—3° Ц.; дрожжевые грибки не оказываютъ вліянія на виноградный сокъ при температурѣ ниже 10° Ц.; бактеріи оказываются болѣе выносливыми и остаются жизнеспособными даже при 200° Ц.

Особенно интереснымъ является тотъ фактъ, что нѣкоторое охлажденіе яйца *необходимо* для *быстраго* и *здороваго* развитія. Каждому, кто выводилъ бабочекъ, извѣстно, что изъ тѣхъ куколокъ, которыя провели зиму въ теплой комнатѣ, выходятъ плохо развитые экземпляры; нѣкоторые виды инфузоріи пробуждаются къ новой жизни только послѣ того, какъ были подвергнуты замораживанію или высыханію; для развитія красивыхъ мшанокъ также необходимо предшествующее сильное охлажденіе яичекъ.

У нѣкоторыхъ растеній мерзлыя сѣмена всходятъ быстрѣе, чѣмъ нормальныя. *Штейеръ* утверждаетъ, что большинство видовъ прѣсноводныхъ раковъ отличаются на сѣверѣ большею величиною и разнообразіемъ формъ, чѣмъ раке-

Digitized by Google

образныя изъ болѣе теплаго климата съ продолжительнымъ лѣтомъ, гдѣ періодъ размноженія болѣе растянутъ, и животныя слабѣютъ и вырождаются.

Объ этомъ говоритъ и *Штиглингъ*: «Удивительно также, что тропическія прѣсноводныя формы, сходныя съ европейскими, вопреки ожиданію, оказываются не больше и роскошнѣе, а скорѣе мельче ихъ».

Конечно, въ такомъ охлажденномъ организмѣ жизненный процессъ не прекращается совершенно, но интенсивность его понижена до минимума, и многія вещества, которыя, при другихъ условіяхъ, были бы быстро израсходованы и уничтожены, теперь сохраняются. Когда же, подъ вліяніемъ повышенія температуры, жизнь снова пробуждается, то она находитъ болѣе богатый матеріалъ для проявленія своей дѣятельности, чѣмъ въ организмахъ, не подвергавшихся такимъ, повидимому, неблагопріятнымъ условіямъ.

Соли калія, натрія и кальція и сокращеніе сердца. *Говель* (въ Балтиморѣ), изучая вліяніе солей натрія и калія на сердечную сократимость у черепахи, пришелъ къ заключеніямъ, которыя подтверждаютъ и пополняютъ имѣющіяся уже данныя.

Прежде всего, при отсутствіи въ сердечной ткани легко разлагающихся соединеній кальція и натрія, невозможно произвольное сокращеніе мускула желудочка. Необходимо присутствіе этихъ двухъ веществъ вмѣстѣ: если одно изъ нихъ отсутствуетъ, сердце остается неподвижнымъ. Дѣйствіе ихъ различно: натрій производитъ діастолу, вслѣдствіе потери сократимости; кальцій, наоборотъ,—систолу, вслѣдствіе усиленія сократимости, которая можетъ перейти даже въ постоянное окоченѣніе. Калій—антогонистъ кальція, но только тогда, когда натрій находится приблизительно въ нормальномъ количествѣ. Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ всѣхъ трехъ веществъ вмѣстѣ, автоматическая сократимость продолжается гораздо дольше, чѣмъ при дѣйствіи только кальція и натрія.

Леченіе оспы пивными дрожжами. Благопріятное дѣйствіе пивныхъ дрожжей на леченіе чирьевъ навело г. *Пьетри* (изъ Ницы) на мысль прибѣгнуть къ тому же самому средству при оспѣ; онъ примѣнилъ его двумъ сорокалѣтнимъ мужчинамъ, которые не имѣли вторичныхъ послѣ дѣтства прививокъ и получили сплошную оспу. Паціенты не принимали ничего другого, кромѣ дрожжей свѣжаго пива, 5—6 чайныхъ ложекъ въ день; это произвело очень быстрое подсыханіе пустулъ, безъ нагноенія и лихорадки и устранило образованіе рубцовъ. Основываясь на этихъ фактахъ, Пьетри предполагаетъ, что дрожжи свѣжаго пива могли бы не только оказать большую услугу при леченіи уже образовавшейся оспы, но и быть еще прекраснымъ предупредительнымъ средствомъ, если къ нему прибѣгнуть вначалѣ заболѣванія.

В. А.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Апрѣль 1902 г.

Содержаніе:—Беллетристика.—Критика и исторія литературы.—Исторія всеобщая и русская.—Исторія культуры.—Естествознаніе.—Народное образованіе.—Новыя книги поступившія для отзыва.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Фонъ-Поленцъ. «Крестьянинъ».—*Танъ.* «Очерки и разсказы».

Крестьянинъ. Романъ фонъ-Поленца. Съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Изд. «Посредника». 1902 г. Ц. 1 р. 20 к. Романъ Поленца, напечатанный три года назадъ въ «Вѣстникѣ Европы», обратилъ на себя вниманіе Л. Н. Толстого, который снабдилъ его предисловіемъ. Въ немъ онъ пишетъ, что «романъ этотъ» не только «есть настоящее художественное произведеніе, но и прекрасное художественное произведеніе, соединяющее въ себѣ въ высокой степени всѣ три главныя условія настоящаго хорошаго произведенія искусства. Во-первыхъ,—говоритъ Толстой,—содержаніе его важно, касаясь жизни крестьянства, т.-е. большинства людей, стоящихъ въ основѣ всякаго общественнаго устройства и переживающихъ въ наше время не только въ Германіи, но и во всѣхъ европейскихъ странахъ, тяжелое измѣненіе своего вѣкового, древняго устройства. Во-вторыхъ, романъ этотъ написанъ съ большимъ мастерствомъ, прекраснымъ нѣмецкимъ языкомъ, особенно сильнымъ, когда авторъ заставляетъ говорить свои лица грубымъ, мужественнымъ рабочимъ платдейчъ. Въ-третьихъ, романъ этотъ весь проникнутъ любовью къ тѣмъ людямъ, которыхъ авторъ заставляетъ дѣйствовать».

«Крестьянинъ», это исторія постепеннаго упадка и разоренія нѣкогда зажиточнаго крестьянскаго хозяйства Траугота Бютнера, который изъ рода въ родъ былъ крестьяниномъ-пахаремъ, не зналъ иныхъ занятій, кромѣ земледѣлія, и во власть земли отдалъ «и тѣло, и душу». Отъ отца Трауготъ унаслѣдовалъ свое хозяйство уже обремененнымъ долгами, которые еще возросли, когда пришлось выдѣлить доли младшихъ братьевъ и сестеръ. Несмотря на всю приверженность землѣ, на всю страстную преданность хозяйству, Бютнеръ, послѣ тридцати лѣтъ самостоятельнаго хозяйничанія, видитъ, какъ всѣ усилія его безплодны, хозяйство запутывается все болѣе, пока не гибнетъ окончательно въ сѣтяхъ евреевъ-ростовщиковъ. Авторъ, умный и наблюдательный бытописатель, указываетъ и на тѣ глубокія причины, которыя приводятъ къ гибели крестьянское хозяйство: новыя условія рынка, зависимость его отъ причинъ мірового хозяйства и невозможность въ настоящее время вести старое, замкнутое въ себѣ хозяйство. Мелкіе землевладѣльцы осуждены на гибель подъ давленіемъ міровой конкуренціи и большихъ хозяйствъ, основанныхъ на началахъ широкаго производства, которое недоступно и непонятно Бютнеру, привыкшему къ мелкимъ домашнимъ оборотамъ, гдѣ все разсчитано на мѣстное потребле-

Digitized by Google

ніе и домашнія нужды. Старый и опытный хозяинъ, Трауготъ Бютнеръ знаетъ свою землю, страстно любитъ ее и ухаживаетъ за нею, какъ за любимымъ существомъ. Всѣ его мысли, его заботы, его взгляды на Бога и природу, на людей, семейныя и общественныя отношенія,—все исходитъ изъ его неразрывной связи съ землей, въ которую онъ вросъ корнями, столь же прочными, какъ дубы и клены его усадьбы. Эта связь его съ землею прекрасно освѣщена въ романѣ, напоминая лучшія страницы «Власти земли» Гл. Успенскаго. Постепенное разрушеніе бютнеровскаго хозяйства, гибель его безплодныхъ начинаній въ борьбѣ съ непонятными ему враждебными силами новаго хозяйственнаго строя, и вмѣстѣ съ этимъ паденіе всего, что было дорого, чѣмъ жилъ старый крестьянинъ—и составляетъ драматическое содержаніе романа.

Въ началѣ его мы видимъ старика Бютнера, еще крѣпкаго и мощнаго работника, какъ онъ, окруженный семействомъ, идетъ въ церковь, напоминая патріарха, въ кругу семьи приносящаго жертву. Его старшій сынъ, Карлъ, наслѣдующій землю и хозяйство, недалекій, весь отданный работѣ и семьѣ, подчиняющійся отцу, мало радуетъ старика, который ясно видитъ, что не такую опору надо имѣть ему въ наступившія трудныя времена. Зато онъ не нарадуется младшимъ, Густавомъ, унтеръ-офицеромъ, отбывающимъ повинность. Несмотря на то, что солдатская служба ему по душѣ и онъ на видномъ счету, Густавъ въ душѣ сохранилъ всѣ коренные инстинкты крестьянина. Не менѣе отца онъ любитъ землю и природу, но онъ гораздо развитѣе отца. Онъ уже кое-что видѣлъ, узналъ много новаго и въ сельскомъ хозяйствѣ, и ясно сознаетъ, что старые порядки отжили время, и отцовское хозяйство сильно отстало. Отецъ уговариваетъ его выйти въ отставку и взяться за землю. Густавъ колеблется и отказывается, хотя есть одна причина, влекущая его въ деревню,—любовная связь съ милой дѣвушкой Паулиной, отъ которой у него есть ребенокъ. Однако, онъ уѣзжаетъ, не рѣшивъ окончательно вопроса. Между тѣмъ, дѣла старика плохо поправляются. Надо платить проценты по закладнымъ родственникамъ, надо прикупить скота, а денегъ нѣтъ. Нѣсколько неурожайныхъ годовъ подорвали его платежныя силы, а міровая конкуренція сбиваетъ цѣны. Богатое солидное помѣщичье хозяйство предлагаетъ ему продать кусокъ лѣса, врѣзавшійся клиномъ въ лѣсъ помѣщика, но старикъ и слышать не хочетъ. Вся его страсть къ землѣ пробуждается и протестуетъ противъ продажи, и старикъ дѣлаетъ первый неосмотрительный заемъ у еврея-ростовщика. Старинное недовѣріе крестьянина къ господамъ, выношенное вѣками, не позволяетъ Бютнеру согласиться на сдѣлку съ помѣщикомъ, а грубое невѣжество въ денежныхъ дѣлахъ мѣшаетъ ему видѣть, въ какую петлю попалъ онъ, выдавъ первый вексель. Когда Густавъ, вернувшійся со службы, которую онъ, наконецъ, бросаетъ подъ вліяніемъ привязанности къ дому и невѣстѣ, онъ уже не можетъ предотвратить послѣдствій гибельнаго шага отца. Первый неоплаченный вексель влечетъ новый заемъ, новый неурожай, невозможность выждать подъема цѣнъ—и хозяйство Бютнера продается съ аукціона. Одновременно съ разрушеніемъ хозяйства идетъ и разрушеніе семьи. Карлъ начинаетъ пьянствовать, старшая дочь приноситъ незаконно прижитаго ребенка и уходитъ въ кормилицы къ тому же ростовщику въ городъ, гдѣ связывается съ «покровителемъ». Густавъ и младшая дочь ищутъ вмѣстѣ съ другой деревенской молодежью заработка на сторонѣ, старуха отъ плохого ухода умираетъ, и Трауготъ Бютнеръ, мощный нѣкогда и гордый своимъ хозяйствомъ крестьянинъ, превращается въ бобыля, котораго изъ милости терпятъ въ его же хозяйствѣ. Душа старика не выноситъ этихъ ударовъ, и въ заключительной главѣ мы снова видимъ его идущимъ въ церковь, но уже не для обычной жертвы Богу, а передъ смертью: рѣшивъ покончить съ собой, онъ въ послѣдній разъ хочетъ причаститься и испросить прощеніе у Бога за то преступленіе, которое онъ намѣренъ совершить. Для

Digitized by Google

него нѣтъ больше мѣста въ этомъ мірѣ, разъ порвана связь съ землей, которой онъ отдалъ свою душу и тѣло, и онъ кончаетъ съ собой.

Кромѣ этой центральной фигуры, превосходно выдержанной въ романѣ, прекрасно изображены и молодые деревенскіе типы, условія заработковъ на сторонѣ, типъ бродячаго рабочаго Гешке, который увлекаетъ Густава въ городъ, гдѣ знакомитъ его съ «красными», т.-е. такими же рабочими, но уже понимающими многое и давно утратившими связь съ землею. Хороши также и представители тѣхъ силъ, которыя стихійно разрушаютъ крестьянское хозяйство, мелкіе кулаки и капиталисты, обсѣвшіе крестьянина, какъ трактирщикъ Кашель и еврей Гарросовицъ, выжимающіе изъ него послѣдніе соки.

Единственнымъ, но зато весьма существеннымъ недостаткомъ романа является его растянутость и повторенія, излишнія подчеркиванія авторомъ того, что само собой вытекаетъ изъ положенія и дѣйствія лицъ. Авторъ слишкомъ увлекается своей темой и то и дѣло отвлекается размышленіями, что мѣстами превращаетъ романъ въ публицистическую статью или трактатъ по экономіи или соціологіи. Дѣйствіе романа, вслѣдствіе этого, сильно замедляется и онъ становится скучноватъ.

Но мнѣніе Л. Н. Толстого о важности и художественности этого романа, тѣмъ не менѣе, остается въ полной силѣ, и мы понимаемъ, что въ немъ такъ увлекло великаго писателя. Онъ увидѣлъ здѣсь отраженіе своихъ любимыхъ идей о трудѣ, о жизни въ связи съ землей и природой, о разрушительной силѣ современныхъ условій труда. Въ предисловіи Толстой высказываетъ нѣсколько глубоко-интересныхъ мыслей о критикѣ и современной литературѣ, въ которой онъ указываетъ на преобладаніе посредственности и отсутствіе выдающихся произведеній. Онъ объясняетъ это «перепроизводствомъ», вызваннымъ тѣмъ, что «книги, журналы, въ особенности газеты стали въ наше время большими денежными предпріятіями, для успѣха которыхъ нужно наибольшее число потребителей». Чтобы завоевать ихъ, печать и старается подѣлаться къ вкусамъ этого большинства, которое въ массѣ невѣжественно и неразвито. «Для этого большинства и издаются грубыя, безвкусныя и нехудожественныя произведенія, вытѣсняющія—истинно прекрасныя вещи или не дающія имъ распространенія. И потому, по мѣрѣ все большаго и большаго распространенія газетъ, журналовъ и книгъ, вообще книгопечатанія, все ниже и ниже спускается уровень достоинства печатаемаго, а все больше и больше погружается большая масса такъ называемой образованной публики въ самое безнадежное, довольное собой и потому неисправимое невѣжество». Далѣе, великій писатель поясняетъ свою мысль указаніемъ, какъ на его памяти произошло постепенное пониженіе по всѣмъ отраслямъ литературы. Такъ, «послѣ Пушкина и Лермонтова (Тютчевъ обыкновенно забывается), поэтическая слава переходитъ сначала къ весьма сомнительнымъ поэтамъ Майкову, Полонскому и Фету, потомъ къ совершенно лишенному поэтическаго дара Некрасову, къ искусственному и прозаическому стихотворцу Алексѣю Толстому, потомъ къ однообразному и слабому Надсону, потомъ къ совершенно бездарному Апухтину, а потомъ уже все мѣшается и являются стихотворцы, имъ же имя легіонъ, которые даже не знаютъ, что такое поэзія и что значитъ то, что они пишутъ, и зачѣмъ они пишутъ». То же замѣчается и въ романѣ. Возрожденія Толстой ожидаетъ отъ критики, если только это будетъ настоящая критика, которая должна «выдвигать и указывать людямъ все, что есть самаго лучшаго какъ въ прежнихъ, такъ и въ современныхъ писателяхъ», а не заниматься «высмѣиваніемъ» или писать «по поводу литературныхъ произведеній», высказывая свои экономическія или политическія мысли.

Нельзя, конечно, принять безъ очень и очень существенныхъ оговорокъ эти рѣшительные приговоры великаго писателя, скорѣе глубоко-интересные

Digitized by Google

для характеристики мысли самого Толстого, который неустанно работаетъ надъ собой, не останавливаясь и не успокаиваясь. Справедливо его указаніе на общее пониженіе *качества* литературныхъ произведеній одновременно съ количественнымъ ихъ ростомъ. Но едва ли повинна въ этомъ печать или спросъ на литературу. Точно также, какъ и литература, критика находится въ самой тѣсной связи съ общими условіями жизни, и едва ли ее можно выдѣлять, ожидая, что именно она-то и спасетъ насъ отъ дальнѣйшаго пониженія вкусовъ. Всегда было такъ, что критика шла послѣ расцвѣта литературы, и если оказывала извѣстное вліяніе, то лишь косвенное, и менѣе всего опредѣляла ходъ и развитіе литературы. Критика разъясняла и проводила въ сознаніе читателей то, что давали великія произведенія, изъ нихъ же почерпая свои правила и указанія. Роль критики всегда была и будетъ служебной, а не руководящей, и нерѣдко критика рѣзко расходится въ оцѣнкѣ произведеній съ мнѣніемъ читателей. Какъ на ближайшій примѣръ, можно указать на судьбу произведеній М. Горькаго, въ которымъ критика въ большинствѣ своихъ представителей отнеслась очень отрицательно, что не помѣшало этому писателю завоевать небывалую популярность. Дѣло, такимъ образомъ, не въ отсутствіи «настоящей критики», а, какъ намъ кажется, въ общемъ пониженіи тона жизни, но это вопросъ, далеко выходящій за предѣлы литературной критики.

Не будемъ приводить другихъ возраженій, которыя сами собой напрашиваются по поводу рѣзкихъ приговоровъ Толстого. Романъ Поленца—хорошее и цѣнное художественное произведеніе, которое, несомнѣнно, заслуживаетъ полнаго вниманія читателей, а предисловіе Толстого, какъ и все, что выходитъ изъ-подъ пера великаго патріарха русской литературы, возбуждаетъ важные вопросы, имѣющіе огромное общественное значеніе. *А. Б.*

Танъ. Очерки и разсказы. Томъ второй. Изд. магазина «Книжное дѣло». Москва. 1902 г. Ц. 1 р. Стр. 312. Среди современныхъ русскихъ писателей оригинальную и самобытную фигуру представляетъ г. Танъ, второй томъ разсказовъ котораго только что вышелъ. Далекій сѣверъ, такой далекій, что дальше и идти некуда, восточныя окраины Россіи, бытъ русской интеллигенціи, оторванной отъ родной среды и закинутой волею судебъ къ чукчамъ и эскимосамъ, Великій Океанъ, Японія, Манчжурія—такова необъятная по пространству область, захваченная этимъ безпокойнымъ, вдумчивымъ и наблюдательнымъ художникомъ. Вся самобытность этихъ мѣстъ и людей, населяющихъ ихъ, все, что такъ странно, такъ непохоже на наше обыденное существованіе,—оживаетъ и врѣзывается въ вашу память въ образахъ, создаваемыхъ этимъ оригинальнымъ талантомъ. Второй томъ по захватывающему интересу не только не уступаетъ прежде появившимся очеркамъ г. Тана, какъ, напр., его потрясающая драма «На Каменномъ мысу», но превосходитъ разнообразіемъ и глубиной содержанія. Авторъ самъ, какъ непосредственный художникъ, рѣдко-рѣдко появляется на сценѣ, лишь мѣстами, подавленный и потрясенный, позволяетъ онъ себѣ подчеркнуть личное отношеніе, отчего его очерки выигрываютъ въ выпуклости и опредѣленности. И тѣмъ не менѣе, вездѣ чувствуется тотъ нервный, безпокойный духъ, который закинулъ автора въ эти «гиблыя мѣста» и подчасъ исторгаетъ изъ его наболѣвшаго сердца настоящій вопль скорбнаго отчаянія: «Господи, приспособи меня! Найди какое-нибудь мѣсто въ этой сложной машинѣ, куда я могъ бы втиснуть свою строптивую волю, какъ винтъ въ гайку и истомить ее до конца въ будничной работѣ, чтобы не быть мнѣ больше зрителемъ чужихъ безумій и ошибокъ, и лучше самому сойти сума, и заблуждаться, и буйствовать вмѣстѣ съ другими, не смущая бѣгущаго вѣка проклятымъ вопросомъ: зачѣмъ?..» («Домой»).

Въ настоящій томъ вошло десять очерковъ, которые вполнѣ опредѣленно

Digitized by Google

разбиваются на двѣ группы. Въ первую вошли три разсказа изъ жизни интеллигенціи на далекой окраинѣ: «Рыбаки», «На каникулахъ» и «Возвращеніе». Самый большой и значительный по содержанію изъ нихъ—«На каникулахъ», напечатанный первоначально у насъ (іюнь, 1900 г.), почему не можемъ подробнѣе остановиться на немъ, какъ онъ того заслуживалъ бы. Всѣ три очерка проникнуты тяжелымъ настроеніемъ, какое охватываетъ человѣка подъ вліяніемъ безцѣльной жизни, въ которой уходятъ капля по каплѣ лучшія силы души и гаснетъ постепенно высокій пламень благородныхъ мечтаній. Остальные очерки представляютъ рядъ превосходныхъ впечатлѣній путешественника, которому пришлось проѣхать всѣ далекія побережья сѣвернаго угла Великаго Океана. Съ рѣдкимъ мастерствомъ и скрытымъ юморомъ, дѣйствующимъ тѣмъ сильнѣе, что онъ выливается изъ-подъ пера автора какъ бы помимо его воли, описаны отношенія культуры и полнаго отсутствія ея, столкновенія цивилизаціи и дикости, оригинальные типы обитателей и героевъ этихъ странъ. Не можемъ удержаться, чтобы, для характеристики манеры автора, не выписать образчика христіанской проповѣди, которую произноситъ среди своей паствы—чукчей и эскимосовъ — англійскій миссіонеръ, а передаетъ ее по-чукотски авторъ и молодой чукча Уванъ, разъясняющій смыслъ проповѣди, получающей въ его передачѣ слѣдующій оригинальный характеръ. «У бѣлыхъ людей тоже есть шаманы! — объяснялъ Уванъ толпѣ. — Эти шаманы большіе люди, друзья начальниковъ, всю жизнь только и дѣлаютъ, что шаманятъ, и отецъ бѣлыхъ людей (президентъ) посылаетъ имъ за это пищу и ткани. Богъ бѣлыхъ далъ имъ большую шаманскую книгу; эта книга даетъ счастье въ промыслѣ и защиту противъ болѣзни, и для нея бѣлые люди учатъ своихъ дѣтей читать. Богъ бѣлыхъ людей любитъ ихъ, какъ своихъ дѣтей; когда они ведутъ себя худо, пьютъ много рому, обманываютъ въ торговлѣ, слишкомъ много дерутся, Ему становится скучно и Онъ говоритъ свои мысли маленькимъ мальчикамъ, чтобы они выросли великими шаманами и, устрашая, учили сосѣдей... Богъ духъ вѣтромъ, плевался пламенемъ, скрадывалъ людей въ темнотѣ, какъ свою добычу. Однажды, когда бѣлые люди стали слишкомъ злобны (все время дрались и пили водку,—пояснилъ Уванъ),—Бога такъ забрало за сердце, что Онъ послалъ своего роднаго сына съ приказомъ, чтобы они перестали. Сынъ Божій сталъ воскрешать мертвыхъ и кормить голодныхъ, но большой злой начальникъ съ товарищами разсердился и велѣлъ его убить (все равно какъ капитанъ Кауперъ,—пояснилъ Уванъ, называя капитана китоловнаго судна, который прославился варварскимъ обращеніемъ съ туземцами лѣтъ тридцать тому назадъ). Но Сынъ умеръ не настояще и черезъ три дня ожилъ, поднялся на небо къ своему Отцу и сказалъ: «Смотри, что со мной сдѣлали злые начальники». — Молодые люди изъ одной лодки съ Божіимъ Сыномъ, вмѣстѣ съ нимъ ловившіе рыбу, остались на землѣ и стали ходить изъ поселка въ поселокъ, научая людей, чтобы они не обижали, не обманывали и не грабили одинъ другого... Но бѣлые люди ихъ никогда не слушали, — прибавилъ Уванъ, въ видѣ собственнаго комментарія» («На сѣверѣ дальнемъ»).

Съ такимъ же захватывающимъ интересомъ читаются остальные очерки, въ которыхъ описаны Камчатка и обитатели Чукотскаго Носа, Манчжурія и хорошо намъ понятные нравы «манчжурскихъ усмирителей». Текущій, такъ сказать злободневный интересъ послѣдняго очерка усиливается художественностью изображенія такихъ типовъ и сценокъ, что вчужѣ неловко дѣлается за нашу «культуру», которую мы собираемся тамъ насаждать. Вспоминаются приснопамятные господа ташкенцы, но, кажется, отдаленность Манчжуріи придаетъ этому безсмертному типу особую истинно-монгольскую красоту. Заканчивается книга прелестнымъ очеркомъ-легендой о томъ, кто первый пролилъ

Digitized by Google

на землѣ кровь, излагающей въ поэтической формѣ взгляды сѣверныхъ инородцевъ на взаимныя отношенія населяющихъ природу живыхъ существъ.

А. Б.

КРИТИКА И ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Н. Буличъ. «Очерки по исторіи русской литературы».—*В. Розановъ.* «Легенда о великомъ инквизиторѣ Ѳ. М. Достоевскаго».

Н. Н. Буличъ. Очерки по исторіи русской литературы и просвѣщенія съ начала XIX вѣка. Томъ I. Спб. 1902. Стр. 381. Ц. 2 руб. «Очерки» покойнаго профессора казанскаго университета Булича состоятъ изъ лекцій, прочитанныхъ имъ въ 1872—73 году. Сынъ Булича рѣшился издать эти старыя лекціи послѣ того, какъ онѣ были просмотрѣны А. Н. Пыпинымъ и В. И. Семевскимъ. «Очерки» составлены по очень широкой программѣ, о чемъ можно судить уже по тому факту, что сорокъ двѣ лекціи, вошедшія въ первый томъ, посвящены почти исключительно первой половинѣ царствованія императора Александра I, до Отечественной войны. Авторъ «Очерковъ» удѣляетъ много вниманія воспитанію и личности императора, характеристикѣ его приближенныхъ, заботамъ о народномъ просвѣщеніи, цензурѣ, журналистикѣ, спору о старомъ и новомъ слогѣ, запискѣ Карамзина «О древней и новой Россіи» и т. д. Собственно изящной литературѣ удѣлено очень немного мѣста, и даже далеко не всѣ писатели перваго десятилѣтія XIX вѣка нашли мѣсто въ книгѣ Булича. Это послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что покойный профессоръ въ своихъ лекціяхъ останавливался только на главныхъ теченіяхъ русской общественной мысли и на отраженіи ихъ въ печатной и рукописной литературѣ. Эти теченія разсматриваются въ связи съ личностями писателей и журналистовъ, вслѣдствіе чего біографическому элементу отведено въ «Очеркахъ» довольно много мѣста. Изъ отдѣльныхъ теченій особенно подробно разсмотрѣны консервативное, либеральное, патріотическое и мистическое. Изъ литературныхъ дѣятелей наибольшее вниманіе удѣлено Карамзину, Шишкову, графу Растопчину, Сергѣю Глинкѣ, Озерову, мистикамъ Лопухину и Лабзину.

Хотя въ русской литературѣ и существуютъ спеціальные труды, посвященные и общественному движенію, и исторіи народнаго образованія, и обозрѣнію русской журналистики въ первое десятилѣтіе XIX вѣка (напримѣръ, книга Пыпина, статьи Сухомлинова и г. Пятковскаго—сочиненія, которыми пользовался и авторъ «Очерковъ»), тѣмъ не менѣе и рядомъ съ подобными трудами книга Булича не теряетъ своего значенія и интереса для обширнаго круга читателей. Остается только пожалѣть, что лица, просматривавшія «Очерки» въ рукописи и подновлявшія библіографическія ссылки, не позаботились о томъ, чтобы снабдить книгу дополненіями, поправками и указаніями новѣйшей литературы о томъ или другомъ литературномъ дѣятелѣ. Безъ такихъ примѣчаній и дополненій книга Булича должна потерять нѣкоторую долю своего значенія и своей цѣнности. Лекціи, прочитанныя тридцать лѣтъ тому назадъ, для настоящаго времени не могли не устарѣть. И въ «Очеркахъ» дѣйствительно, встрѣчаются и фактическія ошибки, и невѣрныя или сомнительныя обобщенія, а также и противорѣчія. Все это было бы необходимо или, исправить или, по крайней мѣрѣ, отмѣтить.

С. Ашевскій.

В. В. Розановъ. «Легенда о великомъ инквизиторѣ» Ѳ. М. Достоевскаго. Опытъ критическаго комментарія съ присоединеніемъ двухъ этюдовъ о Гоголѣ. Изд. 2 е, Спб. 1902. Стр. 178. Ц. 1 р. По собственному признанію Достоевскаго, «Легенда о великомъ инквизиторѣ» составляетъ кульминаціонный

Digitized by Google

пунктъ его творчества, и тему этой легенды онъ вынесилъ въ своей душѣ въ теченіе всей жизни. Далѣе, изъ собственныхъ заявленій Достоевскаго извѣстно, что его всю жизнь мучилъ вопросъ о бытіи Бога и что въ «Братьяхъ Карамазовыхъ» (главы: «Бунтъ» и «Великій инквизиторъ») заключается «такой силы отрицаніе Бога», какое и «не снилось обыкновеннымъ» людямъ. Кто заинтересуется этими заявленіями великаго писателя, тотъ можетъ найти въ книжкѣ г. Розанова интересныя указанія и разъясненія. Авторъ книжки доказываетъ, что «Легенда о великомъ инквизиторѣ составляетъ «какъ бы душу» всего романа «Братья Карамазовы», что «въ ней схоронена завѣтная мысль писателя, безъ которой не былъ бы написанъ не только этотъ романъ, но и многія другія произведенія его; по крайней мѣрѣ, не было бы въ нихъ самыхъ лучшихъ и высокихъ мѣстъ». Для доказательства своей мысли, г. Розановъ перепечатываетъ десятки страницъ изъ разныхъ произведеній Достоевскаго, гдѣ являются въ зародышѣ основныя идеи легенды, и устанавливаетъ связь между такими произведеніями, какъ «Записки изъ подполья», «Преступленіе и наказаніе», «Идіотъ», «Бѣсы», отдѣльныя главы «Дневника писателя» и, наконецъ, «Братья Карамазовы».

Г. Розановъ по своему, конечно, разъясняетъ силу и характеръ пережитаго Достоевскимъ «отрицанія». «Три великіе мистическіе акта,—говоритъ г. Розановъ,—служатъ въ религіозномъ созерцаніи опорными точками, къ которымъ какъ бы прикрѣплены судьбы человѣка, на которыхъ онѣ висятъ, какъ на своихъ опорахъ. Это—актъ грѣхопаденія: онъ объясняетъ то, что есть; актъ искупленія: онъ укрѣпляетъ человѣка въ томъ, что есть; актъ вѣчнаго возмездія за добро и за зло, окончательнаго торжества правды: онъ влечетъ человѣка въ будущее... Именно эти три акта, три опорныхъ точки земныхъ судебъ человѣка, источникъ вѣдѣнія его о себѣ, источникъ силъ его — и колеблются съ помощью діалектики», вложенной Достоевскимъ въ уста Ивана Карамазова. Окончательный выводъ этой діалектики—«отсутствіе въ дѣйствительности религіи и абсолютная невозможность ея за отсутствіемъ внѣшняго для нея основанія мистическихъ актовъ грѣхопаденія, искупленія и вѣчнаго суда». «Нужно замѣтить, — продолжаетъ г. Розановъ, — что въ столь мощномъ видѣ (какъ у Достоевскаго) діалектика не направлялась противъ религіи. Обыкновенно исходила она изъ злого чувства къ ней и принадлежала немногимъ людямъ, отъ нея отпавшимъ. Здѣсь она исходитъ отъ человѣка, очевидно, преданнаго религіи болѣе, чемъ всему остальному въ природѣ. Можно сказать, что здѣсь возстаетъ на Бога божеское же въ человѣкѣ: именно, чувство въ немъ справедливости и сознаніе имъ своего достоинства. Это-то и сообщаетъ всей діалектикѣ опасный, нѣсколько сатанинскій характеръ... Построить опроверженіе этой діалектики, столь же глубокое и строгое, какъ она сама, безъ сомнѣнія, составитъ одну изъ труднѣйшихъ задачъ нашей философской и богословской литературы въ будущемъ» (стр. 63, 64, 68).

Не останавливаясь на разсужденіяхъ г. Розанова по поводу легенды, разсужденіяхъ, въ которыхъ можно находить интересъ и смыслъ только при извѣстномъ складѣ ума, отмѣтимъ два слѣдующихъ факта, имѣющихъ отношеніе къ Достоевскому и свидѣтельствующихъ, что комментаторъ легенды пошелъ гораздо дальше, чѣмъ ея авторъ. Достоевскій считалъ свою легенду направленной противъ католицизма, а г. Розановъ придаетъ ей не только антикатолическій, но и антихристіанскій характеръ. Онъ видитъ въ ней «діалектику христіанства въ его основной идеѣ», «мефистофельскую пѣснь, пропѣтую съ надзвѣздной высоты надъ нашей бѣдной землей» и способную смутить всѣхъ вѣрующихъ, къ какой бы формѣ христіанства они ни принадлежали, къ романской, къ германской или къ славянской. Далѣе, Достоевскій, упоминая о необычайной силѣ своего «отрицанія», говоритъ о немъ, какъ о фактѣ пережи-

Digitized by Google

томъ, и указываетъ даже, что *весь романъ* (курсивъ Достоевскаго) «Братья Карамазовы» служитъ «отвѣтомъ» инквизитору, комментаторъ же даетъ понять, что авторъ легенды и въ могилу сошелъ съ тѣми идеями, которыя были высказаны имъ отъ лица Ивана Карамазова (см. стр. 104).

Кромѣ этихъ комментаріевъ въ легендѣ великаго инквизитора и неудачныхъ попытокъ поколебать діалектику Ивана Карамазова, въ книжкѣ г. Розанова высказано нѣсколько мнѣній о Гоголѣ, Достоевскомъ и Толстомъ, мнѣній, въ большинствѣ случаевъ, парадоксальныхъ и противорѣчащихъ одно другому. Такъ, напримѣръ, на стр. 30-й г. Розановъ устанавливаетъ такую разницу между Толстымъ и Достоевскимъ: Толстой—«художникъ жизни въ ея завершившихся формахъ», Достоевскій—«аналитикъ *неустановившагося* въ человѣческомъ духѣ». А на стр. 38-й мы узнаемъ, что и г. Розановъ въ «Аннѣ Карениной» ощущаетъ «присутствіе чего-то встревоженнаго и ищущаго». Далѣе, вопреки мнѣнію, считающему Гоголя родоначальникомъ новѣйшей русской литературы, г. Розановъ думаетъ, что вся новѣйшая русская литература «явилась отрицаніемъ Гоголя, борьбой противъ него». И Тургеневъ, и Достоевскій, и Островскій, и Гончаровъ, и Левъ Толстой напоминаютъ Гоголя только пріемами, только внѣшней стороной своего творчества. «Но если посмотрѣть на дѣло съ внутренней стороны,—говоритъ г. Розановъ,—если сравнить по содержанію творчество Гоголя съ творчествомъ его мнимыхъ преемниковъ, нельзя не увидѣть между ними діаметральной противоположности». Гоголь былъ «геніальный живописецъ внѣшнихъ формъ», но за этими формами «нѣтъ никакой души», тогда какъ у послѣдующихъ русскихъ писателей мы повсюду видимъ человѣческую душу. Все это говорится на первыхъ страницахъ книжки г. Розанова. А на стр. 128-й мы читаемъ: «все, что не въ духѣ Гоголя, не имѣетъ силы; и, напротивъ, все, что согласуется съ нимъ, какъ бы ни было слабо само по себѣ, растетъ и укрѣпляется». Какъ же быть послѣ этого съ величайшими представителями новѣйшей русской литературы, съ Гончаровымъ, Тургеневымъ, Достоевскимъ, Львомъ Толстымъ и др.? «Отрицаютъ» они Гоголя или «согласуются» съ нимъ? Вѣдь, въ томъ, что ихъ дѣятельность «имѣетъ силу» не только въ Россіи, но и за границей, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія.

Особенно парадоксальны взгляды г. Розанова на литературную дѣятельность Гоголя. Сущность этихъ взглядовъ выражена въ слѣдующихъ словахъ: «Мертвымъ взглядомъ посмотрѣлъ Гоголь на жизнь и мертвыя души только увидалъ онъ въ ней. Вовсе не отразилъ дѣйствительность онъ въ своихъ произведеніяхъ, но только съ изумительнымъ мастерствомъ нарисовалъ рядъ карикатуръ на нее: отъ этого-то и запоминаются онѣ такъ, какъ не могутъ запомниться никакіе живые образы». «Мертвыя души» для г. Розанова—«геніальная и преступная клевета на человѣческую природу». Такой взглядъ на Гоголя г. Розановъ называетъ въ предисловіи «одинокимъ, непризнаннымъ». Въ утѣшеніе ему можно напомнить, что еще Булгаринъ и Сенковскій усмотрѣли въ «Ревизорѣ» и «Мертвыхъ душахъ» рядъ карикатуръ и клевету на Россію.

С. Ашевскій.

ИСТОРІЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

Ев. Трифильевъ. «Къ біографіи В. Н. Каразина».—*В. Н. Семевскій.* «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II». — *А. Быкова.* «Разсказы изъ исторіи Ирландіи.—*Э. Гриммъ.* «Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти».

Евгеній Трифильевъ. Къ біографіи Василія Назаровича Каразина. Попытка бѣгства за границу. Эпизодъ изъ исторіи царствованія императора

Digitized by Google

Павла. Харьковъ. 1901 г. Брошюра г. Трифильева, напечатанная раньше въ видѣ статьи въ «Запискахъ Имп. Харьковскаго университета», касается одного случая въ жизни Каразина, необыкновенно характернаго для его времени. Дворянинъ, землевладѣлецъ, одинъ изъ выдающихся по уму и образованію лицъ, будущій «маркизъ Поза» императора Александра I (по выраженію Герцена),—въ ночь съ 12-го на 13-ое августа 1798 г. пытался тайкомъ перейти Нѣманъ, попалъ въ руки двухъ рядовыхъ, ходившихъ обходомъ «для присмотра бѣглецовъ» и былъ ими арестованъ. Бѣжалъ же онъ безъ всякой за собою вины, только затѣмъ, чтобы укрыться отъ правленія императора Павла I, отъ его жестокости (по признанію самого бѣглеца въ письмѣ къ императору). Это—весьма типично для того времени, ибо извѣстно, что паника, наведенная первыми же годами новаго царствованія была ужасна.

Со времени зловѣщихъ, мстительныхъ похоронъ покойной государыни, вся Россія, особенно служащая, дворянская,—жила въ безпрерывномъ трепетѣ, въ страхѣ безпричинной и жестокой гибели,—и ежедневныя житейскія впечатлѣнія слишкомъ хорошо оправдывали этотъ страхъ и трепетъ.

У насъ очень мало психопатологовъ, которые бы пытались приступить во всеоружіи своихъ научныхъ методовъ къ рѣшенію трудныхъ историческихъ проблемъ, гдѣ играетъ важную роль та или иная загадочная индивидуальность: смѣхотворныхъ книжечекъ г. П. Ковалевскаго мы, конечно, въ разсчетъ не принимаемъ, по той простой причинѣ, что онѣ суть не наука, но желѣзнодорожное чтеніе. При такомъ положеніи вещей нѣкоторыя дѣйствія историческихъ лицъ до сихъ поръ не освѣщены съ надлежащею яркостью; однако мы, потомки, испытываемъ отъ этого, конечно, далеко не тотъ ущербъ, какъ современники, на своемъ хребтѣ выносившіе всѣ эти патологическіе эксперименты; для нихъ дѣло шло уже не о научномъ интересѣ, а о жизни и смерти...

То, что, можетъ быть, было бы ясно представителю медицинской науки, кажется совсѣмъ непонятнымъ и немотивированнымъ для историка: непонятно помилованіе бѣглеца въ то время, можно сказать, въ тѣ же дни, когда по вздорному доносу засѣкались кнутомъ казачьи офицеры, когда годами люди томились въ подземныхъ кельяхъ безъ объясненія опредѣленныхъ причинъ. Вотъ варіантъ письма арестованнаго Каразина къ императору (напечатанное впервые въ «Русской Старинѣ» за 1873 г.):

«Государь! Несчастный преступникъ осмѣливается къ тебѣ писать: преступникъ противъ твоихъ повелѣній, самодержецъ Россіи! не противу чести, совѣсти, религіи и отечественныхъ законовъ. Удостой внять прежде осужденія. Да озаритъ меня единый лучъ твоей прозорливости прежде, нежели сожжетъ молнія твоего гнѣва! Я хотѣлъ оставить мое отечество, великую страну твоей державы; покусился на сіе вопреки твоей, двукратно, т.-е. всенародно и частно на мое имя выраженной воли (кромѣ общаго запрещенія выѣзда за границу,—Каразину и на его личное до бѣгства подававшееся прошеніе о выѣздѣ было отказано, *Е. Т.*). Ночью, противу 3-го числа сего мѣсяца, при переправѣ у у Ковно черезъ Нѣманъ, я удержанъ объѣздомъ екатеринославскаго гренадерскаго полка. Въ короткое время достигнетъ о томъ оффиціальное донесеніе. Конечно, будутъ собраны обо мнѣ свѣдѣнія въ С.-Петербургѣ, гдѣ я короткое время пробылъ, и въ Слободско-Украинской губерніи, краѣ моего рожденія и помѣстья. Дерзаю здѣсь предварительно увѣрить, что они не послужатъ въ мое обвиненіе. Я не имѣлъ никакой нужды спасаться бѣгствомъ, оно будетъ загадкою для моихъ слѣдователей. Прими мое признаніе: я желалъ укрыться отъ твоего правленія, страшась его жестокости. Многіе примѣры, разнесенные молвою въ пространствѣ царства твоего,—молвою вѣроятно удесятеренные, грозили моему воображенію день и ночь. Я не зналъ за собою вины. Въ уединеніи сельской жизни не могъ я имѣть ни случаевъ, ниже поводовъ оскор-

Digitized by Google

бить тебя; но свободный образъ моихъ мыслей могъ быть уже преступленіемъ. Теперь въ волѣ твоей наказать меня — и оправдать страхъ мой, или простить — и заставить лить слезы раскаянія о томъ, что столь ложныя мысли имѣлъ о государѣ великомъ и милосердномъ». Другой варіантъ, которому г. Трифильевъ придаетъ больше вѣры, написанъ въ болѣе умоляющемъ тонѣ, но и тамъ читаемъ: «Наконецъ, хотя бы строгости суда твоего угодно было приписать мое бѣгство мрачной непріязни къ правленію твоему, человѣколюбивый монархъ! неужели милосердіемъ твоимъ не восхощешь ты примирить меня съ нимъ? Неужели допустишь, чтобы наказаніе жестокое оправдало въ душѣ моей непріязнь сію?» и т. д. Каразинъ, его беременная жена и прислужникъ были арестованы и отправлены въ Петербургъ. Г-пу Трифильеву почему-то «менѣе всего, кажется», что «можно приписывать причину бѣгства жестокости правленія Павла». Доказательствъ—никакихъ, кромѣ того, что г. Трефильеву кажется искреннимъ объясненіе бѣгства, даваемое Каразинымъ въ первомъ варіантѣ (о желаніи, просто, пожить въ чужихъ краяхъ и т. д.).

Дѣло Каразина совершенно неожиданно кончилось слѣдующей резолюціей: «Каразина Высочайше повелѣно опредѣлить въ штатцъ-службу. Докладывано 4-го октября 1798 года». Не малымъ комизмомъ дышетъ то обстоятельство, что Каразинъ изъ крѣпости вовсе въ «штатцъ-службу» не просился, а вѣроятно мечталъ только уйти отъ вѣчной тюрьмы или каторги, или солдатчины безъ выслуги; врядъ ли даже о простомъ освобожденіи съ высылкою въ имѣніе подъ надзоръ могъ онъ мечтать. Каразинъ воспользовался этою резолюціею для поступленія на государственную службу въ вѣдомство государственнаго казначея.

Въ послѣднихъ строчкахъ своей брошюры г. Трифильевъ считаетъ своимъ долгомъ констатировать въ Павлѣ Петровичѣ наличность двухъ качествъ: уваженія къ закону и великодушія. «Извѣстно, какъ строго относился Павелъ къ какому бы то ни было, даже незначительному нарушенію закона. *Это уваженіе у него было какъ бы врожденно*». Такимъ образомъ, г. Трифильевъ не только открываетъ въ Павлѣ уваженіе къ законности, но и тщится проникнуть въ эмбріологію этого его качества («врожденно»).—«И если онъ все-таки простилъ виновнаго, то это приписать нужно только великодушію Павла. *Основаніемъ же для проявленія великодушія безъ сомнѣнія послужили—съ одной стороны отсутствіе вины*, которая бы заставила Каразина бѣжать за границу, съ другой — глубокое раскаяніе бѣглеца, наконецъ, искренность и прямодушіе, обнаруженные Каразинымъ и въ прошеніи, и на допросѣ». Если г. Трифильевъ и останется одинокъ въ своемъ мнѣніи о Павлѣ (особенно, какъ о носителѣ врожденнаго чувства уваженія къ законности), — то пусть утѣшится: такова участь всѣхъ авторовъ слишкомъ ошеломляющихъ открытій, недоступныхъ невооруженному глазу обыкновенныхъ смертныхъ.

Е. Т.

В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины Второй. Спб. 1902. in 8-vo. XLVI+866. Ц. 5 руб. 19 февраля 1861 года—моментъ, который мы должны признать исходнымъ пунктомъ для всѣхъ возможныхъ въ нашемъ будущемъ реформъ; отъ него идетъ все, что есть культурнаго въ нашей дѣйствительности. То былъ актъ, которымъ завершилось раскрѣпощеніе русскихъ сословій, опутанныхъ крѣпкими сѣтями правовыхъ положеній Уложенія царя Алексѣя. Нынѣ съ большимъ успѣхомъ выдвигаютъ на первый планъ *экономическія причины* реформы 19 февраля, и никто не станетъ отрицать громадной роли этихъ причинъ въ половинѣ XIX вѣка, когда правительству пришлось съ ними считаться и уступить ихъ рѣшительному натиску. Но чѣмъ крупнѣе ихъ значеніе, тѣмъ сложнѣе, тѣмъ настоятельнѣе ихъ научное изученіе, которое только еще начинается и которое надлежитъ начи-

Digitized by Google

нать издалека. Юридическая свобода милліоновъ, русскаго крестьянства сжилась однако съ крѣпостною организаціей крестьянской общины, которая уже настоятельно требуетъ реформы, и не *экономическія ли причины* требуютъ прежде всего новаго 19 февраля, т. е. высвобожденія крестьянской личности изъ подъ опеки крѣпостной общины, изъ подъ дѣйствія розги, какъ позорнаго наслѣдія отходящей въ область преданій крѣпостной старины, на ряду съ иной организаціей всего крестьянскаго быта. Въ чемъ же прежде всего должна выразиться реорганизація крестьянскаго быта и чѣмъ она должна опредѣляться? Мы не отвѣчаемъ здѣсь на этотъ вопросъ, мы призваны только намекнуть на отвѣтъ, имѣя въ виду тотъ матеріалъ, который побуждаетъ насъ писать настоящія строки: подъемъ экономическаго благосостоянія крестьянства, подъемъ его образовательнаго уровня—вотъ первое къ чему надо стремиться, если имѣть въ виду прежде всего благоцѣлаго народа, цѣлой націи. Эта нація не можетъ далѣе жить, не можетъ далѣе развиваться, если остановится подготовка тѣхъ реформъ, которыя въ концѣ концовъ должны завершить зданіе начатое временемъ Александра Второго. Если припомнить, что *крестьянство* составляетъ подавляющую массу населенія, если поставить на видъ, что положеніемъ этого крестьянства черезчуръ многое опредѣляется въ нашей странѣ, то не трудно понять, какое широкое научное и практическое значеніе получаютъ поставленные сейчасъ вопросы, какъ много времени и усилій должна отдать имъ научная литература, какого серьезнаго вниманія заслуживаетъ всякая работа, которая появляется въ этой области.

Къ числу такихъ обращающихъ на себя всеобщее вниманіе работъ относится книга В. И. Семевскаго, заголовокъ которой приведенъ выше. В. И. Семевскій занимаетъ видное мѣсто въ нашей литературѣ по своей удивительной приверженности къ исторіи крестьянскаго вопроса въ Россіи. Если намъ не измѣняетъ память, первыя статьи В. И. Семевскаго по исторіи крѣпостного права въ Россіи появились въ «Отечественныхъ Запискахъ», «Вѣстникѣ Европы» и «Русской Старинѣ» 1877 и 1878 годовъ, а слѣдовательно, болѣе четверти вѣка занимается г. Семевскій одною и той же темой, и какой благодарной темой. Можно безъ преувеличенія сказать, что эта тема столько же сдѣлала для созданія имени автора въ литературѣ, сколько самъ онъ для ея разработки. И всего любопытнѣе, что г. Семевскій повелъ разработку своей темы въ такомъ направленіи, что статьи его печатались въ общихъ журналахъ, а книги всегда были достояніемъ большой публики. Магистерскою диссертаціей г. Семевскаго служилъ *первый* томъ (Спб. 1881) того самаго труда, *второй* томъ котораго только что появился и который мы привѣтствуемъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Во время двадцатилѣтняго промежутка между выходами въ свѣтъ перваго и второго томовъ «Крестьяне въ царствованіе императрицы Екатерины II» авторъ успѣлъ издать двухтомную докторскую диссертацію «Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка» (Спб. 1888) и двухтомную же книгу, хорошо всѣмъ памятную, «Рабочіе на сибирскихъ золотыхъ промыслахъ» (Спб. 1898). Авторъ обѣщаетъ переиздать въ текущемъ году первый томъ книги «Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II» и подготовляетъ *третій* томъ, въ которомъ предположилъ дать общую характеристику экономическаго и домашняго быта крестьянъ, ихъ самоуправленія и духовной жизни, насколько это возможно, а равно изобразить участіе крестьянъ въ Пугачевщинѣ.

Въ *первомъ* томѣ названнаго сочиненія г. Семевскій описалъ бытъ крестьянъ помѣщичьихъ и посессіонныхъ, т. е. составлявшихъ неотъемлемую принадлежность фабрикъ и заводовъ. Изучая крестьянскій бытъ времени Екатерины Второй, авторъ предлагаетъ цѣлый рядъ историческихъ справокъ, которыя идутъ вглубь нашей исторіи, а вся работа должна представить собою введеніе въ

Digitized by Google

исторію акта 19 февраля 1861 года. Авторъ согласно выставленному нами выше требованію, начинаетъ изученіе вопроса издалека. *Второй* томъ посвященъ описанію быта всѣхъ разрядовъ сельскаго населенія Великороссіи и Сибири (кромѣ, конечно, помѣщичьихъ и поссессіонныхъ крестьянъ и за исключеніемъ малорусскаго крестьянства, надъ исторіей котораго работаетъ В. А. Мякотинъ): то будутъ крестьяне дворцоваго вѣдомства, крестьяне церковныхъ вотчинъ, крестьяне государственные, ямщики, и наконецъ, обѣльные вотчинники и крестьяне.

Крестьянъ церковныхъ вотчинъ авторъ *не* считаетъ крѣпостными, а лишь прикрѣпленными къ землѣ; въ общемъ положеніе ихъ онъ признаетъ весьма тяжелымъ. Недовольство церковныхъ крестьянъ нерѣдко приводило къ волненіямъ (съ 50-хъ годовъ XVIII вѣка), которыя приходилось подавлять военною силою. Г. Семевскій описываетъ, какъ однажды въ крестьянъ стрѣляли даже изъ пушки и небольшихъ мортиръ и бросали въ нихъ ручныя гранаты; при усмиреніи подвергали заточенію цѣлыя сотни людей, значительная часть которыхъ иногда умирала въ тюрьмахъ. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, солдаты, поставленные на постой въ деревню, гдѣ было волненіе, грабили и распродавали имущество крестьянъ, подвергали насиліямъ ихъ женъ и дочерей; арестъ очень многихъ крестьянъ, продолжаетъ авторъ, вредно отзывался и на земледѣльческихъ работахъ и на аккуратности взноса податей. При Екатеринѣ II, которая очень скоро убѣдилась, что въ рукахъ духовенства не можетъ оставаться управленіе принадлежащими ему имѣніями, крестьяне синодальные, архіерейскіе, монастырскіе и церковные—всѣ переданы были въ вѣдѣніе вновь учрежденной коллегіи экономіи (по указу о секуляризаціи въ 1764 году).

Дворцовыхъ крестьянъ авторъ также считаетъ *не* крѣпостными, а лишь прикрѣпленными къ землѣ. Въ общемъ положеніе ихъ во второй половинѣ XVIII вѣка было довольно благопріятнымъ, что доказывается отчасти совершеннымъ почти отсутствіемъ среди нихъ волненій. Въ худшихъ условіяхъ среди крестьянъ дворцоваго вѣдомства жилъ разрядъ крестьянъ государевыхъ: среди крестьянъ этого послѣдняго типа чаще наблюдаются и волненія; во всякомъ случаѣ, пишетъ г. Семевскій, отсутствіе продажи людей безъ земли въ государевыхъ имѣніяхъ заставляетъ признать ихъ, подобно дворцовымъ, *не* крѣпостными, а прикрѣпленными къ землѣ. Въ дворцовыхъ волостяхъ Великороссіи, кромѣ Сѣвернаго края, существовало общинное землевладѣніе съ передѣлами земли; въ сѣверномъ краѣ этого не было еще въ половинѣ 60-хъ годовъ XVIII вѣка. Авторъ такъ формулируетъ свои наблюденія по этому поводу. Введеніе подушной подати при Петрѣ Первомъ сыграло значительную роль въ развитіи поземельной общины, такъ какъ требованіе равнаго платежа въ казну съ каждой души вызывало мысль о равномъ правѣ и на обезпеченіе землей. Вліяніе этого сознанія обнаружилось постепенно на Сѣверѣ Россіи, но до того какъ передѣлы пахотной земли были окончательно введены и въ этой мѣстности, здѣсь существовало сильное имущественное неравенство, и въ дворцовыхъ волостяхъ были такъ называемые, *деревенскіе владѣльцы* изъ посадскихъ, а также черносошныхъ и дворцовыхъ крестьянъ, такъ или иначе завладѣвшіе значительнымъ количествомъ земли, которая продолжала считаться дворцовою.

Среди крестьянъ государственныхъ авторъ прежде всего выдѣляетъ крестьянъ, приписанныхъ къ горнымъ заводамъ. Подробности, приводимыя авторомъ, прямо поражаютъ читателя: въ какихъ чудовищно возмутительныхъ формахъ выражалось существованіе многихъ слоевъ русскаго крестьянства. Этого истиннаго поильца и кормильца господствующей кучки русского населенія подвергали тому, что можно назвать пыткой существованія. Когда приписные, будучи выведены изъ терпѣнія «ужаснымъ положеніемъ, всевозможными злоупотребленіями и насиліями», волновались, то прежде всего заботились не объ устраненіи

Digitized by Google

законныхъ причинъ волненій, а о томъ, чтобы привести крестьянъ «въ должное рабское послушаніе и усмирить». Такое отношеніе къ крестьянамъ подготовляло пугачевщину, явленіе, которое еще предстоитъ изобразить русскому историку въ должномъ свѣтѣ, безъ окутавшей его лжи и лирическихъ изліяній оффиціальныхъ слагателей историческаго миража. Книга г. Семевскаго—ученая работа, чуждая какихъ бы то ни было лирическихъ пріемовъ, грѣшащая напротивъ, крайней сухостью тона, а между тѣмъ, она прямо волнуетъ читателя своимъ содержаніемъ.

Страницы, посвященныя крестьянамъ черносошнымъ, какъ кажется, возбуждаютъ въ книгѣ г. Семевскаго наибольшее количество вопросовъ и нѣкоторыхъ сомнѣній. Въ исторіи черносошныхъ крестьянъ центральное мѣсто занимаетъ вопросъ о томъ, какая существовала у нихъ форма землевладѣнія, подворная или общинная. Какъ въ этомъ вопросѣ, такъ и въ изображеніи передѣловъ земли у черносошныхъ авторъ стоитъ преимущественно на почвѣ *описанія*. Изслѣдовательская сторона въ собственномъ смыслѣ слова стоитъ у г. Семевскаго на второмъ планѣ.

Мы не будемъ, конечно, далѣе останавливаться на содержаніи многолѣтняго труда В. И. Семевскаго, ни тѣмъ болѣе предлагать какія либо критическія замѣчанія, излишнія для большой публики: наша исключительная цѣль обратить вниманіе послѣдней на содержательную книгу почтеннаго автора и указать, что въ ней описанъ обширный и цѣнный матеріалъ какъ для изученія крестьянскаго быта въ Россіи вообще, такъ и для исторически правильной постановки крестьянскаго вопроса во всей его совокупности. Приближаясь съ каждымъ годомъ къ новымъ актамъ, долженствующимъ продолжать развитіе факта освобожденія отъ крѣпостной зависимости 19 февраля 1861 года, надлежитъ позаботиться о научно-литературной подготовкѣ дѣла. Не далекъ день, когда минетъ полустолѣтіе со дня великой реформы. Встрѣтитъ ли этотъ день русское крестьянство, которымъ только мы всѣ живемъ и дышемъ, съ лучомъ надежды на высвобожденіе изъ подъ тяжкаго ига нищеты, невѣжества и всякаго произвола, ими вызываемаго, или нѣтъ,—не намъ судить.—Но литература наша къ великому дню 19-го февраля 1911 года должна приготовиться съ честью, и, въ ожиданіи благородную книгу г. Семевскаго, мы горячо призываемъ поклонниковъ научно-литературной работы не забывать, что времени до этого дня остается въ сущности очень мало и что новые факты, обнаружившіеся въ сорокъ первую годовщину 19-го февраля, показываютъ коренной поворотъ извѣстной доли общественныхъ интересовъ въ сторону поставленнаго вопроса. Онъ является, такимъ образомъ, очереднымъ и въ научномъ, и въ практическомъ отношеніяхъ.

В. Сторожевъ.

А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Ирландіи (Съ XII вѣка до нашихъ дней). Съ портретами Парнеля и О'Коннеля. Цѣна 80 коп. Спб. 1902 г. Популярная компиляція г-жи Быковой написана довольно легко и литературно и безъ особенно рѣзкихъ отступленій отъ фактической истины. Можно только пожалѣть, что авторъ иногда беретъ на себя излишній и неблагодарный трудъ налагать свои догадки и домыслы, безъ которыхъ читатель могъ бы обойтись, не испытывая ни малѣйшаго для себя ущерба. Напримѣръ, на 39 страницѣ читаемъ: «Республика не долго продержалась въ Англіи. Англичане нашли, что безъ короля имъ жилось ничуть не лучше, чѣмъ при королѣ, а, пожалуй, еще хуже; послѣ смерти Кромвеля они рѣшили призвать обратно Стюартовъ». Все здѣсь изображенное,—весьма легкомысленно, и зачѣмъ понадобилась вся эта экскурсія въ область чтенія въ англійскихъ сердцахъ XVII вѣка—неизвѣстно. Слова «англичане нашли» и т. д. когда рѣчь идетъ о времени обостреннаго дѣленія англійскаго народа на партіи, лишены всякаго значенія. Точно также неисторично и несогласно съ истиною объясненіе самовластнаго правленія Тю-

Digitized by Google

деровъ ихъ властолюбивыми наклонностями и тѣмъ, что «народъ англійскій готовъ былъ повиноваться королю, только бы онъ далъ странѣ желанный миръ». Дѣло съ Тюдорами, смѣемъ увѣрить г-жу Быкову, обстояло несравненно сложнѣе, и безъ внимательнаго анализа классовой структуры англійскаго общества XVI вѣка историку не понять никогда, какимъ классамъ была нужна сильная центральная власть и были ли эти классы достаточно могущественны, чтобы поставить на своемъ и сдѣлать правительство почти самодержавнымъ.

Въ пользу разбираемой книжки говоритъ то очевидное обстоятельство, что г-жа Быкова знаетъ исторію Ирландіи гораздо лучше, нежели исторію Англіи, а такъ какъ книжка посвящена Ирландіи, то читатель можетъ читать эту работу довольно безбоязненно. Изложеніе исторіи Парнеля и парнеллизма сходится близко съ нашей статьей о Парнелѣ, помѣщенной въ «Мірѣ Божьемъ» за 1899 годъ; глава объ О'Коннелѣ весьма обстоятельна; вообще XIX вѣкъ у г-жи Быковой изложенъ подробно, что повышаетъ общій интересъ книжки. Рѣшительную заслугу этой популярной работы мы видимъ въ томъ, что рядомъ съ національными и религіозными причинами ирландскихъ броженій она не забываетъ нигдѣ подчеркнуть причины чисто-экономическія, имѣвшія въ исторіи отношеній обоихъ острововъ такое громадное значеніе.

Если книжка потребуетъ 2-го изданія, мы посовѣтовали бы автору только выбросить свои догадки, введенныя для вящшей живости разсказа, и быть осмотрительнѣе въ нѣкоторыхъ своихъ объясненіяхъ. Такъ, мы надѣемся не встрѣтить въ слѣдующемъ изданіи перевода словъ «habeas corpus» словами «да будетъ личность каждаго человѣка неприкосновенной» (стр. 73) и т. п. Въ остальномъ изящныхъ дѣлать придется мало. Кромѣ живости слога, изложеніе скрашивается теплымъ сочувствіемъ автора къ угнетеннымъ и къ борцамъ за свою родину. *Евг. Тарле.*

Э. Гриммъ. Изслѣдованія по исторіи развитія римской императорской власти, т. I. (Спб. 1900) и II. (Спб. 1901 г.) Исторія римской имперіи переживаетъ въ настоящее время одинъ изъ самыхъ блестящихъ и интересныхъ періодовъ своей разработки. Огромная масса новаго документальнаго матеріала чуть ли не ежедневно расширяетъ и пополняетъ наши свѣдѣнія о жизни политической и общественной того конгломерата разнообразныхъ частей, который носитъ имя римской имперіи Мы все дальше и дальше проникаемъ въ тайники того, что, въ сущности говоря объединяло этотъ конгломератъ, чѣмъ онъ держался и какимъ путемъ сглаживалась та культурная, экономическая, правовая и государственно—политическая пестрота, которую являлъ весь тогдашній культурный и полукультурный міръ, далеко вышедшій за предѣлы бассейна Средиземнаго моря, граничившій съ одной стороны съ Атлантическимъ океаномъ и сѣверными морями, съ другой—съ океаномъ Индійскимъ и его морями.

Однимъ изъ наиболѣе важныхъ объединяющихъ факторовъ надо считать несомнѣнно единую центральную власть, выросшую въ Римѣ изъ того строя, который въ послѣднее время своего существованія показалъ свою явную несостоятельность разрѣшить тѣ огромнаго значенія задачи, которыя предъявлялъ къ нему соединенный греко-семитическій и италійско-кельтическій міръ.

Возникновеніе и развитіе этой новой власти—римскаго принципата представляютъ, поэтому, наиболѣе важный и трудный вопросъ, который поставленъ былъ въ области изученія римской исторіи. Вопросы соціальные, экономическіе, административные, и слѣдовательно, все, что сдѣлано было въ изслѣдованіи всѣхъ этихъ сторонъ римской жизни, тѣсно переплетаются съ этимъ основнымъ, если хотите, конституціоннымъ вопросомъ и только ихъ разрѣшеніе способно разрѣшить и вопросъ о сущности и развитіи императорской власти. Конституціонной исторіи римской имперіи нѣтъ; не рядъ конституціонныхъ

Digitized by Google

измѣненій, не рядъ законовъ расширялъ власть римскихъ самодержцевъ, обычай, практика, usus и узурпація были главными факторами этого развитія и слѣдить за извилинами этихъ факторовъ дѣлается главной и основной задачей историка развитія римской императорской власти.

Кромѣ нихъ однако немалую роль въ эволюціи принципата сыграло сознательное и безсознательное заимствованіе. Самодержавіе и его теорія не были новостью. Востокъ въ лицѣ монархій священнаго божественнаго характера и просвѣщеннаго самодержавія эллинистическаго далъ образцы самыхъ разнообразныхъ схемъ монархическаго строя и эти примѣры должны были вліять на возникавшую римскую имперію, наслѣдницу восточнаго абсолютизма.

Такова была сложная и трудная задача автора разбираемой работы. Укажу тотчасъ же, что связь монархіи римской и восточной имъ абсолютно не ощущается и вліяніе одной на другую онъ даже и не пытается отмѣтить, лишая этимъ себя важного и необходимаго устоя. Зависитъ это отъ того, что все новѣйшее направленіе въ наукѣ, руководимое этимъ принципомъ, прошло мимо нашего автора, абсолютно его не затронувъ. Зависитъ и отъ того, что авторъ со всей суммой источниковъ древней исторіи не знакомъ и впадаетъ въ ту же ошибку, что и многіе другіе поборники всемірно-историческаго метода: за quasi всемірно-историческимъ міровоззрѣніемъ они совершенно упускаютъ изъ виду необходимость, прежде всего всеантичной точки зрѣнія.

Отвлекаясь отъ востока, перейдемъ къ задачамъ автора на западѣ. Въ узкомъ смыслѣ слова предшественниковъ у г. Гримма было немного. Немного было людей въ наукѣ, которыя бы рѣшились взяться за разрѣшеніе этого кардинальнаго вопроса съ надеждой на успѣхъ этой затѣи. Одни только почти историки и систематики, поставившіе себѣ задачей изложеніе всего римскаго государственнаго права считали себя обязанными давать посильное его разрѣшеніе, явно сознавая всю тяжесть задачи.

Нашъ авторъ въ своемъ методѣ изслѣдованія примыкаетъ къ историкамъ, считая этотъ методъ единственно правильнымъ и усиленно настаивая на немъ въ противоположность антикварамъ и систематикамъ, послѣднимъ въ лицѣ главнымъ образомъ Моммзена въ его системѣ римскаго государственнаго права. Новаго здѣсь г. Гриммъ ничего не говоритъ. Попытку историческаго разрѣшенія вопроса далъ до него, и почти такую же неудовлетворительную, Herzog, теоретически требовалъ историческаго метода E. Meyer, практически далъ исторію одной эпохи Kromayer, нѣсколько apeçus можно найти у Asbach'a, и, конечно, не уничтожь пожаръ рукописи 4-го тома римской исторіи Моммзена, мы имѣли бы и исторію императорской власти руки того же мастера, который далъ намъ ея систему.

Нельзя дать системы римскаго государственнаго права и, конечно, императорской власти, которая одинаково подходила бы ко всѣмъ эпохамъ развитія римскаго государства, утверждаетъ авторъ, и въ этомъ, я думаю, всякій съ нимъ согласится. Но можно и должно было дать устои, основныя понятія этого права, можно и должно было показать тѣсную зависимость всѣхъ элементовъ римской конституціи между собою, можно и должно было выдвинуть цѣлостность и единство основныхъ идей римскаго государственнаго права и это-то именно и далъ намъ Моммзенъ, выдѣлившій однообразное и единое изъ разнообразнаго и установивъ опредѣленную и точную схему на мѣстѣ прежняго хаоса. За разрѣшеніе задачи во всемъ ея объемѣ Моммзенъ не брался, а нѣкоторую утрировку систематизаціи и нѣкоторыя историческія неточности, ясно при томъ сознанныя имъ и отмѣченныя, были жертвами, принесенными Моммзеномъ стройности и прозрачности всей конструкціи.

Весь первый томъ работы г. Гримма въ ея наиболѣе содержательной части по-

Digitized by Google

священъ разбору теоріи Моммзена въ той ея части гдѣ она касается принципата Августа. На матеріалѣ *всецѣло* собранномъ Моммзеномъ и его предшественниками, авторъ строитъ свое историческое изложеніе, полемизируя, главнымъ образомъ съ именемъ «діархія» —двоевластіе, даннымъ первымъ временамъ имперіи Моммзеномъ, Принимая терминъ діархія, равновластіе двоихъ, авторъ очень легко доказываетъ непригодность термина для цѣлаго ряда эпохъ; но во-первыхъ,двоевластіе не есть и не можетъ быть равновластіемъ, а во-вторыхъ, мелкія несоотвѣтствія не могутъ разрушить глубокой сущности, заключенной въ терминѣ. Терминъ указываетъ на то, что ни подъ одинъ изъ существующихъ государственно-правовыхъ терминовъ римскій принципатъ подвести нельзя и что тамъ, гдѣ вплоть до Діоклетіана сенатъ юридически полный господинъ въ цѣломъ рядѣ частей римскаго государства, нѣтъ единовластія, а есть несомнѣнная двойственность власти. Полемику съ Моммзеномъ авторъ продолжаетъ и тамъ, гдѣ разбираетъ отдѣльныя составныя части власти перваго принцепса; новымъ по сравненію съ Моммзеномъ является здѣсь только указаніе на общее верховенство, которое даровано было Августу и, въ силу неопредѣленности, способствовало широкому развитію фактическаго его вмѣшательства во всѣ стороны государственной жизни; но на эту же составную часть власти мы находимъ указанія и у другихъ изслѣдователей вопроса (напр., Pick и др.).

Тамъ, гдѣ авторъ могъ дать наибольшее количество новаго, онъ его сознательно не даетъ, такъ какъ для этого матеріаломъ, собраннымъ Моммзеномъ, ограничиться было нельзя. Совершенно правильно указываетъ авторъ на то, что для исторіи власти надо прослѣдить и за тѣмъ, что ей способствовало, и за тѣмъ, что ей препятствовало т.-е. за исторіей цезаризма и оппозиціи. Но его изслѣдованіе оппозиціонныхъ тенденцій въ обществѣ покоится все на тѣхъ же избитыхъ данныхъ, которыми оперируютъ уже столько времени послѣ книги Boissier. «L'opposition sous les Césars», а изслѣдованія цезаризма и его развитія въ области императорскаго культа, италійскихъ коллегій, муниципальной жизни и вовсе нѣтъ. Нѣтъ, слѣдовательно, даже попытки уловить благопріятное монархіи настроеніе общества и тѣ мѣры, которыя принимались для его созданія и поддержанія императорами, въ Римѣ, и въ Италіи, и въ провинціяхъ.

Не разбираются совершенно и оппозиціонныя теченія греческаго Востока приведшія въ концѣ концовъ къ пораженію націонализма въ Римъ въ лицѣ послѣдняго изъ Флавіевъ—Домиціана. Все это произошло отъ того, что авторъ сознательно не хотѣлъ воспользоваться матеріаломъ, который даютъ надписи и подобные оффиціальные и полуоффиціальные источники. По его взгляду, историки, данной эпохи и ея писатели исчерпываютъ все, что можно было бы дать. «Нѣтъ болѣе сомнительнаго источника,—говоритъ авторъ на стр. 109, 110 второго тома,—для изображенія умственнаго состоянія какого-либо общества, чѣмъ надписи: масса современныхъ аналогій изъ повседневной жизни любой изъ европейскихъ націй съ избыткомъ доказываетъ, какъ мало искренни и какъ формальны бываютъ подобнаго рода выраженія преданности и т. д.». Авторъ очевидно настолько мало знакомъ съ наукой о надписяхъ, что полагаетъ, будто въ древности надписи также исключительно украшали памятники болѣе или менѣе великихъ людей настоящаго и прошлаго, какъ и въ наше время. Онъ либо не знаетъ, либо нарочно забываетъ, что именно надписи, и почти исключительно онѣ, свидѣтельствуютъ намъ о религіозныхъ вѣрованіяхъ древности, объ общемъ культурномъ уровнѣ населенія тогдашняго міра, о развитіи культа имперіи т.-е. о постепенномъ примиреніи съ имперіей, о ростѣ воздѣйствія имперіи, на войско, Италію и провинціи и о многомъ другомъ, о чемъ не мѣшало бы знать г. Гримму.

Совершенно не сдѣлано попытки характеризовать и настроеніе одного изъ правящихъ классовъ—класса всадниковъ, носителей цезаризма въ администра-

Digitized by Google

ція и войскѣ. Римъ и сенаторское сословіе совершенно захватили вниманіе автора и не дали ему времени посчитаться съ Италіей и провинціями. Это тѣмъ болѣе досадно, что именно въ отношеніяхъ къ Италіи и провинціямъ императоровъ и надо искать причинъ того, а не иного развитія власти. Другой важнѣйшій факторъ—войско—также почти не принятъ во вниманіе и вопросъ объ его отношеніяхъ къ имперіи не обслѣдованъ.

Нечего и говорить, что и вся экономическая, административная и соціальная политика императоровъ—эти лучшіе показатели развитія власти, ни въ первомъ, ни во второмъ томѣ не подвергнуты тщательной и новой обработкѣ на основаніи новыхъ изслѣдованій и новаго матеріала. Всѣ детальныя и точныя изслѣдованія новѣйшаго времени, все тщательное изученіе жизни римской имперіи во всѣхъ ея проявленіяхъ не существуютъ для г. Гримма: финансовыя мѣры, мѣры административной политики (хотя бы отношеніе къ городамъ и городскому строю) упоминаются только вскользь и только на основаніи данныхъ писателей. Въ какой связи стоитъ это съ развитіемъ фактической мощи имперіи, совершенно не выяснено.

Словомъ, авторъ ограничился тѣмъ, что распредѣлилъ матеріалъ, собранный Моммзеномъ по хронологическимъ рубрикамъ отдѣльныхъ правленій, сдобрилъ все это длиннымъ и утомительнымъ пересказомъ мнѣній отдѣльныхъ писателей объ имперіи и характеристиками нѣкоторыхъ представителей римской аристократіи и это назвалъ исторіей развитія римской императорской власти.

Въ детальный разборъ книги здѣсь входить не мѣсто (см. Журналъ Мин. Нар. Пр. 1902, Апрѣль). И въ томъ, что приведено и упомянуто авторомъ, можно найти рядъ ошибокъ и неточностей, рядъ скороспѣлыхъ и непродуманныхъ сужденій объ отдѣльныхъ фактахъ, теоріяхъ и трудахъ другихъ авторовъ, которые къ тому же далеко не использованы авторомъ.

Подкупаетъ въ пользу автора только гладкій и ясный языкъ и легкость изложенія. Но изслѣдованія и детальной работы здѣсь искать нечего и кто хочетъ познакомиться съ дѣйствительно, критически провѣренной и продуманной исторіей императорской власти, долженъ искать ее въ другомъ мѣстѣ.

М. Ростовцевъ.

ИСТОРІЯ КУЛЬТУРЫ.

Н. Харузинъ. «Этнографія».—*А. Ермоловъ.* «Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и приметахъ».

Николай Харузинъ. Этнографія. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ московскомъ университетѣ. Изданіе посмертное, подъ редакціею Вѣры и Алексѣя Харузиныхъ. Выпускъ I: 1. Часть общая. 2. Матеріальная культура. Спб. 1901. Цѣна 2 р. (X + 343 стр. 8°). Изданіе лекцій покойнаго Н. Н. Харузина по этнографіи разсчитано на 4 выпуска: первый, уже вышедшій въ настоящее время, содержитъ общее введеніе и обзоръ матеріальной культуры; второй долженъ носить заголовокъ «Семья и родъ»; третій—«Собственность и первобытное государство» и четвертый—«вѣрованія». Уже изъ этой программы видно, насколько интересно и широко поставлена задача: этнографія должна быть изложена во всѣхъ своихъ частяхъ, и это изложеніе, судя по первому выпуску, должно быть достаточно подробно. Если матеріалъ и въ слѣдующихъ выпускахъ окажется обработаннымъ съ тою же подробностью, то все сочиненіе должно будетъ составить почтенный томъ объемомъ болѣе 1.000 страницъ. Не касаясь пока содержанія перваго выпуска, надо сказать нѣсколько словъ о самомъ изданіи.

Digitized by Google

Въ предисловіи редакторовъ (ст. IX) указывается на то, что лекціи Н. Н. Харузина «не были авторомъ приготовлены къ печати». Однако, «измѣненія, внесенныя по необходимости редакторами, ни въ чемъ, не коснулись существа изложенія и носятъ чисто редакціонный характеръ, отразившійся на внѣшней сторонѣ изложенія... Въ концѣ выпуска помѣщенъ перечень трудовъ, легшихъ въ основаніе его содержанія; редакторы имѣютъ въ виду приложить къ четвертому выпуску подробный библіографическій указатель главнѣйшихъ сочиненій, имѣющихъ прямое отношеніе къ этнографіи». Для удобства справокъ «редакторы признали необходимымъ снабдить изданіе систематическими указателями именъ и предметовъ», помѣщаемыми въ концѣ каждаго выпуска. Такимъ образомъ, редакторы отнеслись къ дѣлу весьма серьезно и за составленіе указателей къ такому обширному труду мы можемъ быть имъ только благодарны. Насколько можно заключить по тѣмъ справкамъ, которыя намъ приходилось наводить при первомъ ознакомленіи съ книгою, предметный указатель (27 стр. мелкаго шрифта) достаточно полонъ. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать относительно библіографическаго указателя, помѣщеннаго на стр. 307—310 подъ именемъ «указателя источниковъ». Прежде всего бросается въ глаза странное смѣшеніе дѣйствительныхъ *источниковъ* этнографіи съ научными изслѣдованіями, которыя обыкновенно относятъ къ *литературѣ* предмета. Поэтому здѣсь мы встрѣчаемъ рядомъ имена Геродота и Харузина, Страбона и Тейлора. Кромѣ того поражаетъ и самый порядокъ, въ которомъ расположены сочиненія: порядокъ хронологическій, казалось бы самый удобный; но хронологія устанавливается по году изданія книги, и потому получается нѣсколько странная послѣдовательность: сочиненія Харузина и Геродота стоятъ рядомъ, такъ какъ Геродотъ въ переводѣ Мищенка появился въ 1885 году. Такимъ образомъ вмѣсто системы получается полнѣйшій безпорядокъ, и, чтобы найти какого-нибудь автора, приходится каждый разъ пересмотрѣть весь списокъ отъ начала до конца. При такихъ условіяхъ простой алфавитный порядокъ представляетъ гораздо больше удобствъ. Кромѣ того, этотъ библіографическій указатель не отличается и полнотой: не указаны, напр.; такія упоминаемыя въ книгѣ источники, какъ Тацитъ, Марко-Поло и др.; не указаны также многіе изъ упоминаемыхъ въ сочиненіи изслѣдователей, какъ Rosny, Вестермаркъ и др.

Такъ какъ покойный авторъ не считалъ своего труда приготовленнымъ для печати, то несправедливо было бы ставить ему въ вину нѣкоторыя шероховатости въ изложеніи и неясности въ описаніи.

Особенно рѣзкій примѣръ такой неясности даетъ описаніе способа добыванія огня у ирокезовъ на стр. 131 и сл. Такіе примѣры ясно показываютъ, насколько необходимы въ подобнаго рода сочиненіяхъ иллюстраціи, безъ которыхъ текстъ теряетъ почти всякій смыслъ: онъ ясенъ только тому, кто видѣлъ описываемое, т.-е. тому, кто уже и безъ описанія знакомъ съ предметомъ. Нельзя не пожалѣть поэтому, что въ книжкѣ нѣтъ ни одной иллюстраціи, между тѣмъ какъ въ настоящее время техника этого дѣла настолько уже развилась, что иллюстраціи не могутъ считаться недоступною по дороговизнѣ роскошью. Отсутствіе иллюстрацій особенно чувствительно въ первомъ выпускѣ, который почти весь посвященъ матеріальной культурѣ: въ послѣдующихъ выпускахъ отсутствіе иллюстрацій не было бы, пожалуй, даже и замѣтно; но здѣсь въ рисункахъ чувствуется настоятельная потребность.

Всѣ эти замѣчанія касались исключительно внѣшности изданія, что же касается содержанія, то уже и редакторы совершенно справедливо отмѣчаютъ въ предисловіи (стр. IX), что «лекціи Н. Н. Харузина являются первымъ трудомъ на русскомъ языкѣ, приводящимъ въ систему изученіе этнографическихъ явленій». Этотъ трудъ отличается отъ подобныхъ трудовъ иностранныхъ уче-

Digitized by Google

ныхъ, по мнѣнію редакторовъ, тѣмъ, что въ немъ впервые находятъ мѣсто многочисленные факты изъ жизни русскаго племени и живущихъ въ Россіи инородцевъ. Дѣйствительно у иностранныхъ авторовъ рѣдко встрѣчается достаточное знакомство съ этнографіей Россіи. Въ этомъ отношеніи трудъ Н. Н. Харузина значительно дополняетъ труды западноевропейскихъ ученыхъ, хотя, конечно, нельзя сказать, что бы весь богатый этнографическій матеріалъ, собранный въ Россіи, былъ авторомъ использованъ. Да онъ, очевидно, и не имѣлъ этого въ виду. Этнографія до сихъ поръ такъ слабо разработана, что подобные общіе курсы поневолѣ должны сводиться къ самымъ общимъ характеристикамъ, иллюстрируемымъ фактами изъ жизни народовъ земного шара. Такимъ образомъ внесеніе фактовъ этнографіи Россіи сводится по преимуществу къ такимъ иллюстраціямъ, вставляемымъ въ обычныя рамки, уже выработанныя западноевропейской наукой.

Въ первомъ выпускѣ матеріалъ расположенъ слѣдующимъ образомъ. Первая общая часть (68 стр. 1) содержитъ краткое введеніе, «историческій обзоръ накопленія этнографическихъ матеріаловъ; исторію развитія этнографіи, какъ науки, ея задачи, методы и предѣлы; классификаціи человѣчества (sic) и этнографическихъ явленій». Вторая часть даетъ обзоръ матеріальной культуры сначала по археологическимъ даннымъ, а потомъ по даннымъ этнографіи. Этотъ послѣдній отдѣлъ распадается на 13 главъ, трактующихъ объ орудіяхъ дикарей, незнакомыхъ съ металлами, о добываніи огня, о растительной пищѣ, охотѣ и рыболовствѣ, о способахъ приготовленія пищи, о первобытной посудѣ, о прирученіи животныхъ, о земледѣліи, о жилищѣ, одеждѣ, о способахъ передвиженія, объ оружіи, обработкѣ металловъ, объ украшеніяхъ и искусствѣ. Противъ такого распредѣленія матеріала нельзя ничего возразить, кромѣ развѣ того, что, отдѣляя орудія отъ оружія, авторъ поневолѣ вынужденъ повторяться, такъ какъ у первобытнаго человѣка орудіе и оружіе почти *совпадаютъ*; поэтому, намъ кажется, было бы удобнѣе и то, и другое разсматривать вмѣстѣ въ одной главѣ.

Само собою разумѣется, что не всѣ главы этого сочиненія написаны одинаково: однѣ лучше, другія слабѣе. Особенно удачной показалась намъ глава о первобытномъ жилищѣ. Не останавливаясь далѣе на подробностяхъ изложенія спеціальной части, намъ хотѣлось, однако, сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу общихъ вопросовъ, затронутыхъ во вводныхъ главахъ этого выпуска. Прежде всего нужно замѣтить, что авторъ держался того, по нашему мнѣнію, ложнаго взгляда на соціологію, по которому она представляетъ изъ себя особую «обобщающую науку» (стр. 38), пользующуюся, какъ матеріаломъ, данными всѣхъ наукъ о человѣкѣ, «какъ членѣ группы» (стр. 26). Объ этомъ недоразумѣніи мы говорили подробно въ рецензіи на книгу Уорда «Очерки соціологіи» (см. «М. Б.», сентябрь, 1901), и потому не будемъ здѣсь снова повторять своихъ доводовъ. Намъ хотѣлось, однако, остановиться на другомъ, методологическомъ вопросѣ, который на нашъ взглядъ тоже неправильно поставленъ въ книгѣ Харузина,—это именно вопросъ объ историко-сравнительномъ методѣ. На стр. 29-й авторъ говоритъ; «Исходя изъ общаго положенія, что болѣе простыя и менѣе сложныя явленія должны предшествовать болѣе комплицированнымъ, и располагая явленія въ этомъ порядкѣ, изслѣдователь получаетъ послѣдовательную цѣпь формъ, изъ которыхъ каждая будетъ соотвѣтствовать опредѣленной, установленной ступени развитія». Это довольно распространенное «общее положеніе» заимствовано соціологіей изъ естествознанія и принимается изслѣдователями обыкновенно на вѣру. Увѣренность въ его приложимости къ явленіямъ общественной жизни и человѣческой культурѣ основывается вовсе не на опытѣ, а скорѣе наоборотъ, несмотря на то, что опытъ часто этого положенія не подтверждаетъ. Что это дѣйствительно такъ,

Digitized by Google

можно видѣть даже изъ словъ самого же Харузина. На стр. 67-й и сл. онъ возвращается къ этому вопросу и говоритъ: «Классификація, которая имѣетъ цѣлью установить преемственность явленій, исходитъ изъ основного положенія, что изъ двухъ явленій болѣе простое должно было предшествовать болѣе сложному. Это положеніе едва ли возможно оспаривать, такъ какъ оно оправдывается на всѣхъ явленіяхъ органической природы, будь то въ царствѣ животныхъ или растеній». Въ этихъ словахъ сказывается твердая увѣренность въ томъ, что это «основное положеніе» *должно* быть справедливымъ, такъ какъ оно доказано для естествознанія. Далѣе приводятся примѣры изъ исторіи матеріальной культуры, подтверждающіе это положеніе, и авторъ указываетъ на то, при какихъ условіяхъ мы можемъ прилагать это основное положеніе и къ фактамъ «такъ называемой духовной культуры». Для этого необходимо, во-1-хъ, «привлеченіе возможно большаго количества матеріала и критическаго къ нему отношенія и, во-2-хъ, подробное изученіе явленія извѣстной категоріи не изолированно, а взятаго въ связи съ окружающими его явленіями въ той же группѣ». И какъ примѣръ обманчивости перваго впечатлѣнія, авторъ приводитъ иллюстрацію изъ исторіи семьи. «Союзъ родителей и дѣтей, т.-е. семья, можетъ казаться формой самой простой, а слѣдовательно, и наиболѣе первобытной. Но... не трудно увидать, что она (семья) лишь небольшая часть болѣе обширныхъ союзовъ, начиная съ группы родственниковъ... и кончая наиболѣе обширнымъ союзомъ—государствомъ, въ составъ которыхъ входитъ семья» (стр. 68). Автору извѣстно, что семья, въ смыслѣ союза родителей и дѣтей, есть явленіе сравнительно новое, которому предшествуютъ родовыя организаціи, болѣе сложныя, чѣмъ позднѣйшая парная семья. Несмотря, однако, на это противорѣчіе «основному положенію», авторъ считаетъ необходимымъ его защищать. Сущность его аргументаціи сводится къ тому, что этотъ принципъ мы и не можемъ прилагать къ исторіи семьи, такъ какъ семья есть лишь одна изъ формъ «союзныхъ людей», а этотъ принципъ приложимъ лишь ко всѣмъ союзамъ въ цѣломъ. Если такъ, то защищаемое авторомъ «основное положеніе» въ приложеніи къ общественнымъ явленіямъ примѣнимо только къ «обществу» въ цѣломъ, и тогда мы возвращаемся къ исходному пункту возникновенія этого взгляда, къ органической теоріи общества, которая въ настоящее время не находитъ поддержки, по крайней мѣрѣ, сознательной, даже у соціологовъ уардовскаго толка. Мы должны, слѣдовательно, въ положеніи: «изъ двухъ *явленій* болѣе простое предшествуетъ болѣе сложному» замѣнить слово «явленіе» какимъ-либо другимъ, такъ какъ не можемъ же мы признать, что формы семьи не явленія. Если мы вмѣсто «явленій» вставимъ болѣе широкій терминъ, какъ этого требуетъ аргументація автора, то получимъ, напр., такое положеніе: «изъ двухъ общественныхъ организацій болѣе простая предшествуетъ болѣе сложной». Весьма возможно, что это положеніе и справедливо, но въ такой формулировкѣ оно теряетъ свой методологическій смыслъ, такъ какъ лишь только научный анализъ коснется общества въ цѣломъ и расчленитъ общественную организацію на ея составные элементы, основное положеніе наше уже не можетъ быть приложено къ этимъ элементамъ, такъ какъ мы опять можемъ принять первичное за вторичное и наоборотъ, подобно приведенному авторомъ примѣру изъ исторіи семьи.

Къ тому же выводу можно придти и другимъ путемъ. Въ исторіи человѣческой культуры мы встрѣчаемся нерѣдко съ такъ называемыми пережитками, т.-е. утратившими первоначальный свой смыслъ отрывочными остатками старины. Этотъ процессъ утраты стараго всегда идетъ параллельно съ созданіемъ новаго, и трудно сказать, чего больше въ культурѣ какого-либо народа въ данный моментъ, умирающаго ли, стараго или живого—новаго. Никто, я думаю, не станетъ сомнѣваться, что отживающее не можетъ слѣдовать закону перехода

Digitized by Google

отъ простого къ сложному, а потому ясно, что классификація явленій по степени сложности для опредѣленія ихъ хронологической послѣдовательности неприложима для доброй половины культурнаго достоянія человѣчества. Такимъ образомъ, и съ этой точки зрѣнія мы приходимъ къ тому же выводу, что наше «основное положеніе» въ методологическомъ отношеніи играетъ болѣе чѣмъ скромную роль. Это просто пережитокъ органической теоріи общества, сохраняющійся только по преданію во вводныхъ главахъ къ соціологическимъ сочиненіямъ.

Возражая противъ нѣкоторыхъ его воззрѣній, мы должны, во всякомъ случаѣ, признать, что эти воззрѣнія до сихъ поръ имѣютъ въ наукѣ своихъ защитниковъ, и потому они умѣстны и даже неизбѣжны въ книгѣ, представляющей изъ себя лекціи по этнографіи. Мы увѣрены поэтому, что трудъ покойнаго Н. Н. Харузина прочтутъ съ интересомъ всѣ занимающіеся этнографіей. Считаемъ долгомъ обратить вниманіе интересующихся на то, что все изданіе (4 выпуска) по подпискѣ будетъ стоить 5 руб., а въ отдѣльной продажѣ 7 руб., цѣна безусловно недорогая. *Д. Кудрявскій.*

А. Ермоловъ. Народная сельскохозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ. Т. I. Всенародный мѣсяцесловъ. Спб. 1901. 620 стр. Ц. 3 руб. Про крестьянина, пожалуй, съ большимъ правомъ, чѣмъ про поэта, можно сказать: «съ природой одною онъ жизнью дышалъ». И чѣмъ ниже культура данной страны, чѣмъ примитивнѣе орудія, которыми крестьянинъ обрабатываетъ землю, тѣмъ тѣснѣе и непосредственнѣе зависитъ все благополучіе крестьянина отъ капризовъ природы. Не даромъ нашъ русскій крестьянинъ говоритъ, что «не земля родитъ, а небо», «лѣто родитъ, а не поле», указывая этимъ, что какъ ни засѣвай и ниповздѣлывай землю, а неурожай или урожай все-таки будетъ цѣликомъ зависѣть отъ погоды, отъ того количества влаги, тепла и свѣта, которое пошлетъ на землю «небо». Неудивительно поэтому, что крестьянинъ испоконъ вѣка тревожно и пристально слѣдилъ за всѣми атмосферическими явленіями и безсознательно, чисто эмпирически подмѣчалъ ту несомнѣнную причинную зависимость, которая существуетъ между этими явленіями и урожайностью и неурожайностью года.

Вѣками накоплялись эти наблюденія, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, пополняясь, видоизмѣняясь, а отчасти и забываясь, и постепенно кристаллизуясь въ «народную сельскохозяйственную мудрость», въ пословицы, поговорки и примѣты, о которыхъ Пушкинъ писалъ:

Пастухъ и земледѣлъ, въ младенческія лѣты,
Взглянувъ на небеса, на западную тѣнь,
Умѣютъ ужъ предречь и вѣтръ, и ясный день,
И майскіе дожди, младыхъ полей отраду,
И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду.

Цеховые ученые обыкновенно относились свысока къ этой «народной сельскохозяйственной мудрости», въ лучшемъ случаѣ видя въ ней лишь этнографическій и миѳологическій матеріалъ, между тѣмъ какъ вѣковая наблюдательность сельскаго народа, такъ близко живущаго съ природою, не могла, хотя бы и въ наивной грубой формѣ, безсознательно выработать метереологическія теоріи, которыми предстоитъ еще широко воспользоваться ученымъ метеорологамъ.

Книга г. Ермолова, въ которой съ необычайной тщательностью и любовью, затративъ на это огромный трудъ, авторъ собралъ тысячи пословицъ и поговорокъ, относящихся къ предсказаніямъ погоды, показываетъ, какъ много глубокихъ и на практикѣ подтвердившихся истинъ высказано въ этихъ поговоркахъ.

И съ полнымъ основаніемъ обращается авторъ къ ученымъ метеорологамъ со слѣдующими словами:

«Не слѣдуетъ ни пренебрегать этимъ опытомъ, этими безхитростными наблюденіями, выразившимися въ цѣломъ рядѣ народныхъ примѣтъ, пословицъ,

Digitized by Google

поговорокъ, ни игнорировать этотъ запасъ элементарныхъ, но подчасъ вполнѣ вѣрныхъ проявленій народной мудрости, которыя послужили, можно сказать, колыбелью нашей настоящей науки. Не слѣдуетъ забывать, что даже первыми астрономами были вѣдь не ученые люди, а простые халдейскіе пастухи... Но, выразивъ пожеланіе о томъ, чтобы наука въ будущемъ пошла рука объ руку съ житейскою народною мудростью, я считаю своимъ долгомъ предоставить на пользу науки, съ одной стороны, и русскихъ сельскихъ хозяевъ и практиковъ—съ другой, весь тотъ богатый матеріалъ, который мнѣ самому за долгіе годы удалось накопить, въ видѣ обширнаго собранія народныхъ пословицъ, поговорокъ и примѣтъ, относящихся къ самымъ разнообразнымъ явленіямъ природы, къ погодѣ—по временамъ года, мѣсяцамъ и днямъ, къ свѣтиламъ небеснымъ, къ дождю и грому, къ теплу и холоду, къ урожаю, къ животнымъ, растеніямъ и т. п.».

Г. Ермолову удалось накопить поразительно обильный матеріалъ, что сдѣлать было тѣмъ труднѣе, что трудъ г. Ермолова является въ своей области первою систематическою работою.

Къ сожалѣнію только, авторъ ограничился хронологическимъ расположеніемъ собраннаго имъ матеріала по временамъ года, мѣсяцамъ и днямъ, отказавшись отъ теоретической и критической разработки его. «Вдохновившись одною изъ русскихъ же пословицъ, что «не то бѣда, коли въ хлѣбѣ лебеда, а вотъ бѣды, какъ ни хлѣба, ни лебеды», я сталъ наряду съ хлѣбомъ собирать въ свою кучу и эту лебеду въ надеждѣ, что не я, такъ другіе въ этой кучѣ впослѣдствіи разберутся и всему свое мѣсто найдутъ». Вслѣдствіе этого, книга г. Ермолова наполнена сырымъ тяжелымъ матеріаломъ, который подлежитъ дальнѣйшей критической разработкѣ. Это обстоятельство, не умаляя научной цѣнности труда г. Ермолова, дѣлаютъ его, однако, для чтенія профановъ слишкомъ тяжеловѣснымъ, загромождающимъ память и вниманіе массою совершенно не нужнаго, сырого матеріала.

Г. Ермоловымъ приводятся пословицы, кромѣ русскихъ, еще и нѣмец., фран., англійск. и т. д. И какъ поразительно иногда совпадаютъ эти пословицы, хотя заимствованіи здѣсь едва ли можетъ быть рѣчь. Вотъ, напр., примѣты на май: «Май холодный—годъ хлѣбородный» говорятъ русскіе крестьяне, «Se maggio va fresco, va ben la fava e anco il formento» (если холоденъ май, то хороши будутъ бобы и хлѣба), говорятъ итальянцы; «a cold May and a windy—makes a full barn and a findy» (холодный и вѣтрянный май даетъ полный и обильный урожай), говорятъ англичане; «kühler Mai bringt Korn, Stroh und Heu» (холодный май приноситъ хлѣбъ, солому и сѣно), говорятъ нѣмцы. И съ подобными совпаденіями метеорологическихъ примѣтъ у самыхъ различныхъ народовъ мы встрѣчаемся почти на каждой страницѣ интереснаго труда г. Ермолова.

П. Берлинъ

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

П. Крыловъ. «Флора Алтая и Томской губерніи».—*А. Роговинъ.* «Воздѣлываніе главнѣйшихъ кормовыхъ травъ».—*Ю. Головкина.* «На Памирахъ».—«Европа. Географическій сборникъ». — *А. Флеровъ.* «Флора Владимірской губ.». — *Юнгъ.* «Уроки астрономіи».

П. Крыловъ. Флора Алтая и Томской губерніи. Руководство къ опредѣленію растеній Западной Сибири. I. Ranunculaceae-Rhamneae. Томскъ. 1906. Всякому, кто начиналъ интересоваться растительностью, кто пытался собирать растенія и опредѣлять ихъ, извѣстны тѣ огромныя затрудненія, которыя встрѣ-

Digitized by Google

чаются здѣсь на каждомъ шагу, благодаря недостатку пособій и руководствъ. Въ этомъ отношеніи только Московская губернія и вообще Средняя Россія стоятъ въ исключительномъ положеніи, для той области есть хорошія пособія—книги Маевскаго и Кауфмана. Опредѣленіе растеній изъ другихъ частей Европейской Россіи представляетъ уже значительно большія затрудненія, такъ какъ книга Шмальгаузена менѣе пригодна для начинающихъ.

Опредѣленіе растеній Сибири было до сего времени совершенно недоступно для лицъ, не владѣющихъ латинскимъ языкомъ, не имѣющихъ возможности пользоваться массивной «Flora rossica» Ледебура.

Въ настоящее время мы имѣемъ передъ собой первый выпускъ «Флоры Алтая и Томской губ.», составляемой извѣстнымъ флористомъ, П. Н. Крыловымъ. Первый выпускъ содержитъ краткое предисловіе, подробный перечень литературы по флорѣ Сибири, таблицъ для опредѣленія всѣхъ семействъ и затѣмъ, таблицы для опредѣленія родовъ и видовъ, а также подробныя описанія и указанія мѣстонахожденія видовъ. Всего описывается 332 вида, принадлежащихъ къ первымъ 24 семействамъ сибирской флоры. Это приблизительно $^1/_5$ часть всей западно-сибирской флоры.

Въ общемъ, таблицы для опредѣленія составлены весьма тщательно, описанія видовъ достаточно подробны. Несомнѣнно, книга эта будетъ настольной у каждаго, кто только заинтересуется сибирской флорой. Но помимо этого, книга П. Н. Крылова имѣетъ и научное значеніе, какъ сводъ нашихъ свѣдѣній по флорѣ Западной Сибири; многія данныя здѣсь впервые опубликовываются, такъ какъ авторъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи много не изданныхъ, не обработанныхъ коллекцій.

Какихъ-либо серьезныхъ недосмотровъ въ книгѣ П. Н. Крылова, при внимательномъ изученіи ея, мы не замѣтили, и потому должны пожелать ей возможно широкаго распространенія среди русскихъ спеціалистовъ и любителей ботаники, а также выразить надежду въ ближайшемъ будущемъ видѣть и слѣдующіе выпуски этого полезнаго изданія. *Б. Федченко.*

А. М. Роговинъ. Воздѣлываніе главнѣйшихъ кормовыхъ травъ. Съ 44 рисунками въ текстѣ. Изданіе А. И. Осипова. 1901 г. Цѣна 1 рубль. Съ каждымъ годомъ воздѣлываніе кормовыхъ травъ становится все болѣе и болѣе насущной потребностью всякаго сельскаго хозяина, крупнаго и мелкаго, крестьянина и помѣщика. Естественныхъ луговъ не хватаетъ, да и тѣ, которые есть, требуютъ ухода и улучшеній; между тѣмъ, руководствъ или пособій, которыя могли бы помочь мало свѣдующему человѣку, крайне недостаточно. Въ особенности же чувствуется недостатокъ въ пособіяхъ недорогихъ и расчитанныхъ по содержанію и по изложенію, на хозяевъ мелкихъ и безъ большой общей подготовки.

Въ книгѣ г. Роговина, прежде всего, весьма наглядно указывается важность травосѣянія, къ которому все больше и больше начинаютъ прибѣгать не только отдѣльные хозяева, но и цѣлыя общины, чуть не сплошь цѣлые уѣзды. Затѣмъ авторъ обстоятельно описываетъ способы культуры и все относящееся къ посѣву и уборкѣ отдѣльныхъ видовъ кормовыхъ травъ—клевера краснаго, шведскаго, бѣлаго, люцерны, эспарцета, язвенника, вики, люпина, сераделлы и главнѣйшихъ злаковъ. Въ концѣ книги авторъ останавливается на уходѣ за лугами естественными и способахъ ихъ улучшенія.

Въ общемъ, книга составлена весьма тщательно и будетъ, несомнѣнно, полезна именно тѣмъ, кто наиболѣе нуждается въ руководствѣ и указаніяхъ—людямъ мало опытнымъ. Въ слѣдующемъ изданіи этой книгѣ, которое, полагаемъ, не замедлитъ появиться, возможно было бы сдѣлать нѣкоторыя сокращенія и такимъ образомъ удешевить книгу, а также улучшить рисунки.

Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторые недосмотры въ латинскихъ названіяхъ растенія

Digitized by Google

(стр. 54, 55, 71) и неловкую фразу на стр. 177: «къ уходу за лугомъ нужно отнести также и пастьбу скота». Между тѣмъ, какъ это видно и изъ книги Роговина, пастьба скота на лугахъ относится не къ *уходу* за лугомъ, а къ *порчѣ* луговъ. *Б. Федченко.*

Ю. Головнина. На Памирахъ. Записки русской путешественницы. Съ портретомъ, картой, 64 цинкографіями и двумя прибавленіями. Москва 1902 г. Цѣна 1 р. 50 к. Мы, русскіе, рѣдко путешествуемъ по Россіи—безъ крайней къ тому надобности или какихъ-нибудь спеціальныхъ цѣлей. Да и отъ этихъ рѣдкихъ сравнительно путешествій мало выходитъ толку для большой публики, такъ какъ въ результатѣ получаются извѣстные томы «Трудовъ» путешественника или ничего не получается. Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ надо привѣтствовать появленіе такихъ живо написанныхъ путевыхъ очерковъ, каковы книжка г-жи Головниной. Изо дня въ день, шагъ за шагомъ, вмѣстѣ съ небольшой экспедиціей, въ которой участвовали двѣ дамы, мы посѣтили Ташкентъ, Ферганy, Памиры и вернемся опять назадъ. Многочисленныя иллюстраціи прекрасно передаютъ характеръ посѣщенныхъ мѣстностей и знакомятъ съ нѣкоторыми деталями.

Экспедиція была обставлена съ внѣшней стороны довольно хорошо, такъ что особыхъ лишеній переносить участникамъ не приходилось; но нельзя не указать на то, что самое пребываніе на той большой высотѣ, какова высота Памировъ (около 3 верстъ надъ уровнемъ моря), крайне тяжела для непривычныхъ людей, да и во многихъ случаяхъ приходилось мириться съ весьма существенными неудобствами. Энергія обѣихъ путешественницъ заслуживаетъ полнѣйшаго уваженія.

Не ограничиваясь описаніемъ своихъ впечатлѣній изъ поѣздки на Памиры, г-жа Головнина описываетъ довольно подробно свое пребываніе въ Ташкентѣ и Ферганѣ и здѣсь касается различныхъ сторонъ туркестанской жизни, различныхъ наболѣвшихъ тамъ вопросовъ, и, между прочимъ, касается андижанскаго возстанія, которое случилось какъ разъ въ годъ ея путешествія, говоритъ и о нашихъ непростительныхъ ошибкахъ, какъ, напр., казнь одного изъ сыновей знаменитой «царицы Алая», по подозрѣнію въ участіи въ убійствѣ русскаго; впослѣдствіи, прибавляетъ г-жа Головнина, было почти доказано, что въ день убійства онъ былъ за 150 верстъ отъ мѣста преступленія...

Поменьше такихъ ошибокъ и побольше путешествій по Туркестану, которыя дали бы какъ научные результаты, такъ и чисто литературные путевые очерки! *Б. Федченко.*

Европа. Иллюстрированный географическій сборникъ, составленный преподавателями географіи, А. Круберомъ, С. Григорьевымъ, А. Барковымъ и С. Чефрановымъ. 760 стр. съ 95 фотоцинкогр. Москва. 1902. Цѣна 2 р. 75 к. Съ удовольствіемъ привѣтствуемъ третій томъ географической хрестоматіи, издаваемой гг. Григорьевымъ, Барковымъ, Круберомъ и Чефрановымъ. Появленіе этой книжки свидѣтельствуетъ прежде, всего, о неизсякающей энергіи у гг. составителей этихъ хрестоматій, а затѣмъ—и о томъ, что книги эти, очевидно, хорошо расходуются среди читающей и учащейся публики, которой до сихъ поръ ничего подобнаго на русскомъ языкѣ не предлагалось.

«Европа» заключаетъ въ себѣ 124 статьи или отрывка, знакомящихъ насъ съ природой и людьми всѣхъ странъ *Западной* Европы—отъ Норвегіи до Греціи. Европейская Россія не вошла сюда, такъ какъ составители этой книги подготовляютъ особый томъ, посвященный Россійской Имперіи.

«Европа» составлена по тому же плану, что и вышедшія раньше «Азія» и «Америка». Объемъ ея нѣсколько больше, чѣмъ тѣхъ двухъ книгъ, и это весьма пріятно, такъ какъ благодаря этому, составители могли съ достаточной подробностью развернуть картины Европейской природы и жизни.

Digitized by Google

Одно обстоятельство для насъ является не вполнѣ понятнымъ: составители подчеркиваютъ въ своемъ предисловіи то обстоятельство, что они пользовались, главнымъ образомъ, русскими источниками, «такъ какъ при описаніи Западной Европы особенно важна русская точка зрѣнія, тотъ сравнительный методъ, съ которымъ всякій русскій путешественникъ невольно подходитъ къ явленіямъ западно-европейской жизни». Намъ кажется, что это не совсѣмъ такъ, и во многихъ случаяхъ можно было бы дать интересныя и для русскаго читателя *переводныя* статьи по Европы. Впрочемъ, и сами составители даютъ нѣсколько переводныхъ статей.

Желаемъ «Европѣ» широкаго распространенія среди всѣхъ интересующихся разнообразной природой Западной Европѣ и жизнью ея обитателей.

Б. Федченко.

А. Ф. Флеровъ. Флора Владимірской губерніи. Москва. 1902 г. Цѣна съ пересылкой 3 р. 40 к. (складъ изданія: Москва, Бол. Молчановка, 43). 338 + 18 + 76 стр., съ 33-мя фотоцинкографіями и 4-мя картами. Предъ нами извѣстный томъ, ученая диссертація, представляющая результатъ изслѣдованій, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ производившихся во Владимірской губерніи А. Ф. Флеровымъ. Однако, интересъ, представляемый этой книгой, далеко не ограничивается тѣми новыми данными спеціальнаго характера, которыя въ ней содержатся во множествѣ и крайне цѣнны для спеціалистовъ по флорѣ Россіи. Помимо чисто научнаго значенія, книга А. Ф. Флерова представляетъ интересъ для гораздо болѣе широкаго круга читателей и вотъ съ этой-то точки зрѣнія мы и скажемъ здѣсь о ней нѣсколько словъ.

Книга А. Флерова, благодаря чрезвычайно подробному, ясному и строго обдуманному способу изложенія, сразу знакомитъ насъ со всѣмъ растительнымъ міромъ Владимірской губерніи; это не сухой списокъ, каталогъ растеній, а живое слово, описаніе всей губерніи въ ботаническомъ отношеніи, разчлененіе растительнаго покрова на тѣ *сообщества*, которыя можно тамъ отличить, описаніе взаимныхъ отношеній этихъ сообществъ, ихъ борьбы... Прибавимъ, что все это иллюстрировано въ изобиліи превосходными фотографіями.

Теперь всякій, кому по той или иной причинѣ придется заинтересоваться, научно или практически, флорой Владимірской губерніи, можетъ легко сдѣлать необходимую справку, пользуясь этой книгой. А флора губерніи этой чрезвычайно разнообразна, и есть мѣстности съ весьма оригинальной растительностью.

Ни для одной губерніи Россіи мы не имѣемъ еще до сихъ поръ подобной книги. Будемъ надѣяться, что примѣръ г. Флерова вызоветъ болѣе энергичную дѣятельность въ этомъ направленіи, какъ среди любителей природы, которые собираніемъ матеріала и наблюденіями на мѣстѣ могутъ принести громадную пользу дѣлу изученія Россіи, такъ и среди спеціалистовъ ботаниковъ.

Пожелаемъ, чтобы въ недалекомъ будущемъ каждая губернія имѣла свою «флору», подобную разсматриваемой. *Б. Федченко.*

Юнгъ. Уроки астрономіи. Краткій вступительный курсъ безъ математики. Переводъ съ послѣдняго американскаго изданія 1901 года П. Я. Морозова. Изд. О. Н. Поповой. 365 + XIII стр., 102 рис. Цѣна 1 руб. 50 коп. Переводъ книжки Юнга отвѣчаетъ давно назрѣвшей въ русской публикѣ потребности въ хорошемъ начальномъ руководствѣ по астрономіи. Если имѣющіяся у насъ налицо учебники космографіи даже при занятіяхъ въ школѣ съ помощью преподавателя являются обыкновенно и скучными, и трудными, то для самостоятельнаго изученія они, конечно, совершенно непригодны. Уроки астрономіи, наоборотъ, могутъ быть рекомендованы въ этомъ отношеніи. Въ сжатой, недовольно легкой формѣ, авторъ дастъ своимъ читателямъ массу интереснаго матеріала. Это не компиляторъ, а самъ мастеръ — извѣстный ученый и замѣчательный педагогъ, собравшій въ своей книжкѣ все существенное, характерное,

Digitized by Google

важное, такъ что она оказывается полезной даже для справокъ во многихъ случаяхъ. Авторъ любитъ небо и звѣзды, о которыхъ пишетъ, хочетъ, чтобы и читатель ихъ полюбилъ, по крайней мѣрѣ, чтобы отдалъ имъ непосредственное вниманіе. Съ первыхъ же страницъ онъ приглашаетъ его къ наблюденіямъ, правда первоначальнымъ, но, во всякомъ случаѣ, интереснымъ и важнымъ для оживленія дальнѣйшаго содержанія, трактующаго иногда о весьма мудреныхъ вещахъ. Въ концѣ книги, въ дополнительныхъ статьяхъ, даны указанія, какъ производятся и спеціальныя наблюденія, какіе инструменты употребляютъ астрономы, въ чемъ заключается существенное значеніе каждаго.

Особенно интересны у Юнга главы о физическомъ строеніи небесныхъ тѣлъ. Здѣсь мы найдемъ и самыя послѣднія новости въ надлежащемъ ихъ освѣщеніи. Книжка иллюстрирована весьма хорошими рисунками, издана она довольно изящно. Желаемъ ей успѣха, котораго она заслуживаетъ. *К. Покровскій.*

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

«Текущая школьная статистика Курской губерніи». — «Начальное народное образованіе въ Россіи».

Текущая школьная статистика курскаго губернскаго земства. Годъ пятый. 1900—1901 уч. г. Курскъ. Изданіе справочно-педагогическаго бюро курскаго губернскаго земства. 1901 г. Несмотря на цѣлый рядъ серьезныхъ препонъ и препятствій, вопросы народнаго образованія продолжаютъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ въ общей схемѣ всѣхъ земскихъ мѣропріятій. Интересъ къ нимъ въ средѣ земскихъ дѣятелей не только не ослабѣваетъ, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается и, повидимому, ждетъ только первыхъ «весеннихъ дней», чтобы проявиться въ самомъ широкомъ масштабѣ. Въ настоящее время серьезнымъ препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію земской дѣятельности въ области народнаго образованія является, между прочимъ, новый законъ о предѣльности земскихъ расходовъ, который допускаетъ увеличеніе земскихъ бюджетовъ всего лишь на 3% противъ предыдущаго года. Нѣкоторымъ земствамъ уже пришлось считаться съ этимъ ограниченіемъ и отказаться поневолѣ отъ увеличенія расходовъ на народное образованіе; но несмотря на всѣ тучи, которыя скопляются на земскомъ горизонтѣ, земства, повторяемъ, усиленно занимаются вопросомъ народнаго образованія, и надо надѣяться, найдутъ какой-нибудь выходъ изъ настоящаго, въ высшей степени тягостнаго и ненормальнаго для нихъ положенія. Жизнь съ каждымъ днемъ дѣлается все сложнѣе и сложнѣе, и потребность въ образованіи растетъ въ народной массѣ не по днямъ, а по часамъ. Все это хорошо сознаетъ наше земство и напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы помочь сельскому населенію въ его стремленіи къ свѣту. Много сдѣлано уже земствами въ этомъ отношеніи, но неизмѣримо больше еще осталось ему сдѣлать. Указанный въ началѣ нашей замѣтки отчетъ курскаго губерн. земства краснорѣчиво подтверждаетъ все вышеприведенное, и тотъ, кто внимательно просмотритъ этотъ прекрасно составленный статистическій трудъ, будетъ имѣть ясное представленіе, на примѣрѣ курскаго губернскаго земства, о современномъ положеніи земской школы, а также о томъ, что сдѣлано земствомъ въ области народнаго образованія и что ему остается еще сдѣлать. А остается сдѣлать, повторяемъ, еще очень многое. Такъ, напр., изъ отчета курской губернской управы видно, что 5.610 дѣтей остались въ 1900 году въ Курской губерніи за дверью земской школы. Но кромѣ этой пятитысячной толпы дѣтей, «стучащейся въ двери земской школы» и не могущей быть принятой въ нее, еще большее число дѣтей остается, по словамъ отчета,

Digitized by Google

безъ всякой возможности пріобрѣсти начальное образованіе «за отсутствіемъ въ селѣ школы или по матеріальнымъ обстоятельствамъ». По подсчету справочно-педагогическаго бюро курскаго земства, *половина всѣхъ дѣтей губерніи, нуждающихся въ обученіи, не попадаетъ въ свѣтскую школу.* Такимъ образомъ, для курскаго земства 700.000 р., которые оно тратитъ вмѣстѣ съ сельскими обществами на дѣло народнаго образованія, являются далеко еще не достаточной суммой и не могутъ удовлетворить вполнѣ существующую потребность въ школѣ. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать то затрудненіе въ средствахъ, какое встрѣтитъ курское земство при дальнѣйшемъ развитіи школьной сѣти, если не будетъ отмѣненъ вышеуказанный временный законъ. Въ отчетномъ 1900—1901 уч. году число школъ, содержимыхъ уѣзднымъ земствомъ Курской губерніи, возросло съ 685 до 710 и обучалось въ нихъ 42.280 мал. и 9.616 дѣв., а всего, стало быть, 52.896 чел. Кромѣ этихъ данныхъ, въ настоящемъ отчетѣ читатели найдутъ много интересныхъ свѣдѣній объ учащихъ въ земскихъ школахъ Курской губ., объ ихъ матеріальномъ и семейномъ положеніи, о народныхъ и школьныхъ библіотекахъ, вечернихъ занятіяхъ со взрослыми, школьныхъ праздникахъ и пр. Особая глава посвящена выясненію роли курскаго губернскаго земства въ дѣлѣ народнаго образованія за послѣднія 6 лѣтъ. Къ отчету приложены два доклада по вопросу о введеніи четырехлѣтняго курса обученія въ земскія школы. Особый интересъ представляетъ глава, въ которой разсматривается вопросъ о семейномъ положеніи и воспитаніи дѣтей учителей земскихъ школъ и которая даетъ достаточно матеріала для сужденія о тѣхъ причинахъ, какія заставляютъ учителя сельской школы при первой возможности мѣнять свою педагогическую дѣятельность на болѣе обезпеченную службу, напр., сидѣльца въ казенной винной лавкѣ. Въ концѣ отчета помѣщены цифровыя данныя о начальныхъ народныхъ училищахъ Курской губерніи. *Конст. Дикгофъ.*

Начальное народное образованіе въ Россіи. Подъ редакціей членовъ совѣта бывшаго с. петербургскаго комитета грамотности Г. Фальборка и В. Чарнолускаго. Томъ IV. Комбинаціонныя таблицы по губерніямъ. Спб. 1902 г. Изданіе Императорскаго вольнаго экономическаго общества. Цѣна 6 р. Въ свое время мы отмѣтили на страницахъ нашего журнала появленіе на свѣтъ первыхъ двухъ томовъ этого замѣчательнаго изслѣдованія и познакомили въ общихъ чертахъ съ его содержаніемъ. Въ настоящее время вышелъ IV томъ этого труда, такъ какъ печатаніе III тома, какъ видно изъ предисловія, еще не закончено, вслѣдствіе задержки въ доставленіи нѣкоторыхъ дополнительныхъ разъясненій и свѣдѣній. Въ первые два отдѣла IV тома входятъ комбинаціонныя таблицы по губерніямъ и районамъ, составленныя на основаніи данныхъ первыхъ двухъ томовъ. Въ третьемъ и четвертомъ отдѣлахъ IV тома заключаются комбинаціонныя таблицы по губерніямъ и районамъ со свѣдѣніями о низшихъ правильно организованныхъ училищахъ, въ связи съ пространствомъ и населеніемъ. Въ предисловіи къ настоящему IV тому гг. редакторы выясняютъ значеніе данныхъ объ учащихся, окончившихъ курсъ, и о годахъ открытія училищъ. При этомъ надо сказать, что относительно значенія данныхъ объ окончившихъ курсъ существуютъ два діаметрально-противоположные взгляда. Французскіе изслѣдователи школьнаго дѣла придаютъ даннымъ объ окончившихъ значеніе очень важное, американцы, наоборотъ, принимаютъ во вниманіе, главнымъ образомъ, число учащихся. Настоящее изслѣдованіе даетъ и тѣ, и другія данныя. Что же касается вообще данныхъ о годахъ открытія, то, кромѣ своего непосредственнаго значенія, они могутъ еще, по мнѣнію гг. Фальборка и Чарнолускаго, «играть роль суррогата для характеристики историческаго развитія школьнаго дѣла» и пренебрегать такими суррогатами не приходится, въ виду полнаго отсутствія у насъ «доброкачественной

Digitized by Google

ретроспективной статистики». Изслѣдованіе Императорскаго вольнаго экономическаго общества было произведено, какъ извѣстно, на 1 января 1894 года, т.-е. 8 лѣтъ тому назадъ. Естественно, поэтому, рождается вопросъ: не устарѣло ли настоящее изслѣдованіе и не потеряло ли оно свой raison d'être, т.-е. свое жизненное и практическое значеніе? На это мы находимъ слѣдующій отвѣтъ въ предисловіи: «Принимая во вниманіе естественный приростъ дѣтей школьнаго возраста и исходя изъ положенія школьнаго дѣла на 1 января 1894 года, мы получаемъ, что для того, чтобы дать мѣсто въ школахъ всему приросту дѣтей школьнаго возраста, къ 1 января 1902 года надо было открыть еще 40.660 новыхъ училищъ при полномъ числѣ дѣтей школьнаго возраста или 20.850 школъ при четырехгодичномъ учебномъ періодѣ. Въ первомъ случаѣ общее число низшихъ правильно организованныхъ училищъ на 1 января 1902 г. должно было достигнуть 84.896, во второмъ—62.282. Только въ такомъ случаѣ, за бортомъ народной школы оставалось бы на 1 января 1902 года такое же число дѣтей школьнаго возраста, какъ восемь лѣтъ тому назадъ, на 1 января 1894 г.». Посмотримъ теперь, что оказывается на самомъ дѣлѣ. Точныхъ данныхъ о школьномъ дѣлѣ на 1 января 1902 г. не имѣется, но можно опасаться, что картина 1894 года, представленная настоящимъ изслѣдованіемъ, будетъ *«скорѣе оптимистической, чѣмъ пессимистической»*. «Въ самомъ дѣлѣ,—читаемъ мы далѣе въ томъ же предисловіи,—разсматривая данныя о годахъ открытія училищъ, мы видимъ, что ни одно десятилѣтіе не давало болѣе 1.700 ежегодно открывавшихся училищъ; превысили эту норму только 1884 г. (1.806 училищъ), 1885 г. (2.184 училища) и 1886 г. (1.951 училище), но на нихъ, безъ сомнѣнія, отразился законъ о церковно-приходскихъ школахъ. За 1893 годъ было открыто только 1.602 училища. Между тѣмъ, для того, чтобы сохранить въ школьномъ дѣлѣ status quo и обучать весь приростъ числа дѣтей школьнаго возраста, у насъ необходимо было бы открывать ежегодно отъ 5082 (при школьномъ возрастѣ 7—14 лѣтъ) до 2.606 (при четырехгодичномъ учебномъ періодѣ) новыхъ училищъ». Такимъ образомъ, въ среднемъ, полученныя изслѣдованіемъ данныя, безусловно, сохраняютъ значеніе и для характеристики современнаго положенія дѣла. Обратимся теперь къ нѣкоторымъ даннымъ IV тома. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе таблица распредѣленія уѣздовъ (селеній) и городовъ по количеству ежегодно открывавшихся въ нихъ низшихъ правильно организованныхъ училищъ въ періоды 1856—1893, 1856—1880 и 1881—1893 гг. Въ періоды 1856—1893 гг. ежегодно открывалось училищъ 907,7. Въ эту цифру входятъ всѣ низшія училища всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ, а также и частныя училища III разряда. Изъ нихъ общественныхъ одноклассныхъ училищъ было открыто 515,6 и одноклассныхъ училищъ вѣдомства св. синода 290,6.

Только что разсмотрѣнный періодъ распадается на двѣ эпохи: эпоху императора Александра II (1856—1880 гг.) и эпоху императора Александра III (1881—1893 гг.). Въ первую эпоху было открыто низшихъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ—704,8; общественныхъ одноклассныхъ училищъ—564,0 и одноклассныхъ училищъ вѣдомства св. Синода—61,9. Во вторую разсматриваемую нами эпоху картина рѣзко мѣняется: цифра общественныхъ одноклассныхъ училищъ падаетъ до 422,5, страшно поднимается цыфра одноклассныхъ училищъ вѣдомства св. Синода, которая съ 61,9 доходитъ до 730,4 и сильно увеличивается также число частныхъ училищъ, что объясняется, конечно, попытками общества найти какой-нибудь выходъ. Интересной является таблица, которая показываетъ распредѣленіе уѣздовъ (селеній) и городовъ по количеству низшихъ правильно организованныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ и разрядовъ и частныхъ училищъ III-го разряда, открытыхъ въ 1893 году. Всего было открыто училищъ въ селеніяхъ 1.182 и въ городахъ 320. При этомъ

Digitized by Google

этомъ одно училище было открыто въ 164 сел. и 139 гор.; два училища въ 101 сел. и 30 городахъ; три училища въ 87 сел. и 10 городахъ; отъ 5—10 училищъ въ 32 сел. и 2 городахъ и болѣе 10 училищъ въ 4 селеніяхъ и 3 городахъ. Слѣдующая интересная таблица даетъ свѣдѣнія о распредѣленіи уѣздовъ (селеній) по числу квадратныхъ верстъ и селеній, приходящихся на одно низшее правильно организованное училище. Въ среднемъ на одно училище приходится 500,1 кв. верстъ. До 25-ти кв. верстъ приходится на 19-ть училищъ, отъ 25-ти до 50-ти верстъ на 170 учил.; отъ 50-ти до 70-ти на 141 учил.; отъ 75-ти до 100 на 80 училищъ. 100 кв. верстъ имѣютъ своимъ райономъ 400 училищъ! Болѣе 100 кв. вер.—123 училища, болѣе 300 кв. вер.—22, болѣе 500 кв. вер.—26 и болѣе 1.000 кв. верстъ 102 училища! Невольно вспоминается при этомъ знаменитый докладъ А. Н. Страннолюбскаго о «Пятнѣ невѣжества». Этотъ докладъ всплыветъ также въ памяти всякаго, кто просмотритъ хотя бы таблицу распредѣленія уѣздовъ и городовъ по числу дѣтей школьнаго возраста (7—14 лѣтъ), *остающихся безъ обученія*. Мы не будемъ здѣсь приводить цыфры по уѣздамъ, а прямо возьмемъ общее число дѣтей школьнаго возраста, остающихся безъ обученія. Таковыхъ въ уѣздахъ числится 15.720.828 и въ городахъ 2.070.244! Итакъ, мы, какъ видитъ читатель, имѣемъ 17.791.066 дѣтей остающихся безъ школьнаго обученія. Эта грандіозная цифра стоитъ передъ нами какъ ужасный призракъ и до нѣкоторой степени можетъ служить объясненіемъ того печальнаго экономическаго положенія, въ какомъ находится наше крестьянство. Мы не думаемъ, конечно, что экономическое положеніе народа зависитъ исключительно отъ степени его развитія и образованія. Здѣсь, конечно, оказываютъ вліяніе и многіе другіе факторы, но народное образованіе все же является среди нихъ однимъ изъ главныхъ. Единственный выходъ изъ современнаго печальнаго положенія—это всеобщій крестовый походъ противъ невѣжества и самое широкое участіе русскаго общества и, главнымъ образомъ, земства въ дѣлѣ устройства и веденія народной школы. Безъ помощи живыхъ общественныхъ силъ эти семнадцать милліоновъ дѣтей такъ и останутся за дверями школы и «пятно народнаго невѣжества» будетъ все болѣе и болѣе увеличиваться, содѣйствуя при томъ не только моральному и физическому вырожденію народа, но, какъ мы уже указали выше, и его экономическому разоренію.

Замѣчательное изслѣдованіе гг. Фальборка и Чарнолускаго открыло намъ ужасную истину, рядомъ съ которой всѣ современныя мѣропріятія въ области народнаго образованія покажутся простой «гомеопатіей». *17 милліоновъ дѣтей*, повторяемъ, *остаются за дверями школы*, и это должны помнить всѣ, для кого дѣйствительно дорого культурное развитіе нашей родины.

Конст. Диксонъ.

Digitized by Google

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го февраля по 15-ое марта 1902 г.).

Д. Ротгаузъ. Пѣсни любви и печали. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

Е. Н. Опочининъ. Изъ давнихъ лѣтъ. Разсказы. Изд. ред. «Дѣтск. Чтенія». Мск. 1902 г. Ц. 20 к.

Генри-Джорджъ. Запутавшійся философъ. Перев. съ англ. Николаева. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

С. И. Ростовцевъ. Для начинающихъ. Пособіе къ опредѣл. цвѣтковъ. растеній. Мск. 1902 г. Ц. 5 к.

В. Д. Кузьминъ-Караваевъ. Проектъ земск. управленія въ 13-ти неземск. губерніяхъ. Спб. 1902 г.

М. М. Шуцкій. Свѣдѣнія изъ русск. законовъ. Для народн. чтенія. Изд. К. И. Тихомирова. Мск. 1902 г. Ц. 50 к.

Бріё. Порченные. Пьеса. Перев. Ф. Корша. Мск. 1902 г. Ц. 50 к.

Докт. мед. В. Луицъ. Пища и болѣзни желудка. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.

Б. Магалифъ. Систем. сборникъ геометрич. задачъ на вычисленіе. Изд. кн. магаз. Думнова. Мск. 1902 г. Ц. 40 к.

М. А. Дериовъ. Устройство ушъ Дидона. Изд. 2-ое. Спб. 1902 г. Ц. 35 к.

Е. Н. Опочининъ. Въ деревнѣ и на охотѣ. Мск. 1902 г. Изд. ред. «Дѣтск. Чтенія». Ц. 15 к.

Гоголевскій сборникъ. Изд. то же. Ц. 60 к.

Указатель статей и замѣтокъ по вопрос. город. жизни помѣщ. въ «Извѣстіяхъ московск. город. думы». Мск. 1902 г.

Стан. Пшибышевскій. На распутьи. Перев. Эрве. Спб. 1902 г. Ц. 80 к.

Д-ръ мед. М. Ю. Лахтинъ. Краткій біограф. словарь знамен. врачей всѣхъ временъ. Изд. «Медицинск. журн.». Спб. 1902 г. Ц. 75 к.

Д-ръ П. И. Кедровъ. Условія труда и жизни лицъ низш. медицинск. персонала въ Россіи. Изд. то же. Ц. 50 к.

В. Г. Виленцъ. Задачи и дѣятельн. бюро содѣйств. труду въ Германіи. Мск. 1902 г. Ц. 10 к.

Постановленія Мелитопольск. уѣздн. земск. собранія XXXVI очередн. сессіи. Мелитополь. 1901 г.

Г. К. Штемберъ. Коммерч. образов. въ Швейцаріи. Спб. 1901 г.

Н. П. Коробчевскій. Около правосудія. Спб. 1902 г. Ц. 2 руб.

С. А. Монржецкій. Вредныя животныя и растенія въ Таврич. губ. Симферополь. 1901 г. Ц. 60 к.

П. Мижуевъ. Лондонскія школы и начальн. въ Англіи. Спб. 1902 г. Изд. ред. журн. «Образованіе». Ц. 40 к.

К. Д. Покровскій. Успѣхи астрономіи въ XIX стол. Изд. то же. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 20 к.

М. Кроль. Роль желѣзн. дорогъ и водныхъ путей сообщенія. Спб. 1902 г. Ц. 70 к.

Сборникъ матеріал. по вопросу объ Астрах. желѣзн. дорогѣ. Астрахань. 1899 г. Ц. 5 руб.

И. М. Ивановъ. Русскіе кустари. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.

С. Старосивильскій. К. Д. Ушинскій, его жизнь и дѣятельность. Варшава. 1902 г.

А. Веселовскій. Байронъ. Біограф. очеркъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 75 к.

Вояжскій. Два очерка объ Успенскомъ и Достоевскомъ. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб. 20 коп.

Докт. филос. А. Редэ. Гауптманъ и Нитцше. Перев. съ нѣм. Мск. 1902 г. Ц. 40 к.

А. П. Воротниковъ. Анна Ярославна, королева Франціи. Изд. кн. склада Ефимова. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

Д-ръ Е. М. Брусиловскій. Историч. очеркъ разв. бальнеологіи и гидрологіи. Одесса. 1901 г.

Евг. Соловьевъ. Очерки по исторіи русск. литерат. XIX вѣка. Спб. Изд. Карабасникова. 1902 г. Ц. 2 р.

Гр. А. А. Бобринской. Секта Исманиты. Мск. 1902 г.

С. Щербаковъ. Курсъ космографіи для средн. учебн. заведеній. Н.-Новгородъ. 1902 г.

Д-ра Генр. Шурца. Краткое народовѣдѣніе. Перев. Д. Коробчевскаго. Изд. ред. «Дѣтское Чтеніе». Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Digitized by Google

Н. И. Карѣевъ. Политическ. исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Изд. об-ва «Брокгаузъ-Ефронъ». Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

П. Н. Ардашевъ. Абсолютная монархія на Западѣ. Изд. то же. Ц. 1 р.

И. М. Аничковой. Изъ деревни. Спб. 1902 г. Ц. 70 к.

П. Таннери. Первые шаги древне-греческой науки. Перев. съ предисл. проф. А. И. Введенскаго. Спб. 1902 г. Ц. 2 р.

И. Головинъ (К. Орловскій). Полное собр. сочиненій. Спб. 1902 г. Ц. 2 р. 50 к.

Ежегодникъ русскихъ сельско хоз. опытн. учрежденій. Вып. I. Спб. 1901 г.

Е. С. Федоровъ. Курсъ кристаллографіи. Спб. Изд. К. Л. Риккера. 1901 г. Ц. 2 р. 50 к.

Скиталецъ. Разсказы и пѣсни. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Л. Андреевъ. Разсказы. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

Софоклъ. Эдипъ-царь. Эдипъ въ колоннѣ. Антигона. Перев. Д. Мережковскаго. Спб. 1902 г. Ц. по 40 к.

Эсхилъ. Скованный Прометей. Перев. Д. Мережковскаго. Спб. 1902 г. Ц. 40 к.

Эврипидъ. Медея. Ипполитъ. Перев. Д. Мережковскаго. Спб. 1902 г. Ц. по 40 к.

Е. Булгакова. Изъ жизни средневѣкового ремесленника. Изд. С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1902 г. Ц. 50 коп.

Ѳ. Тищенко. Разсказы. Мск. 1902 г. Ц. 1 руб.

Поль Адамъ. Византія. Спб. 1902 г. Ц. 1 руб.

Габр. Д'Аннунціо. Сонъ осенняго вечера. Трагическая поэма. Мск. 1902 г. Цѣна 50 коп.

Чехъ. Разсказы и очерки. Т. III. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ф. П. Купчинскій. Собраніе сочиненій въ 2-хъ част. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

И. Я. Гурляндъ. Приказъ великаго государя тайныхъ дѣлъ. Ярославль. 1902 г. Ц. 3 руб.

Проф. А. Е. Щербакъ. Клинич. лекціи по нервнымъ и душевнымъ болѣзнямъ. Варшава. 1901 г.

А. Рождественскій. Левъ Толстой въ критической оцѣнкѣ Мережковскаго. Казань. 1902 г. Ц. 20 к.

Его же. Жизнь и поэзія Никитина. Казань. 1902 г. Ц. 35 к.

Н. Софистъ. Проектъ мѣръ болѣе точнаго опредѣленія степени убѣжденности соврем. писателей. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. II, вып. XIV. Изд. Юргенсона. Мск. Ц. 40 к.

Г. Риманъ. Музыкальн. словарь. Вып. IV. Изд. Юргенсона.

Маркъ Басанинъ. Записки эмигранта въ Южн. Америкѣ. Изд. Суворина. 1902 г. Ц. 1 руб.

А. П. Щегерскій. Использицина и крестьянск. заработки. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Н. В. Гоголь. Похожденія Чичикова. Ревизоръ. Вечера на хуторѣ близъ Диканьки. Женитьба. Тарасъ Бульба. Миргородъ. Повѣсти. Изд. Суворина. «Дешевая библіотека».

Н. Пружанскій. Разсказы. Т. I. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 50 к.

Труды съѣзда дѣятелей агрономич. помощи мѣстн. хозяйству. Мск. 1901 г.

І. О. Петерсенъ. Наша пища. Какъ надо питаться, чтобы быть здоровымъ. Изд. Посредника. Мск. 1901 г. Ц. 90 к.

Проф. Ю. Вагнеръ. Разсказы о томъ какъ устроены и какъ живутъ растенія. Изд. то же. Ц. 18 к.

Сборникъ статей въ помощь самообразов. по матем., физикѣ, химіи и астрономіи. Вып. IV. Мск. 1901 г. Ц. 1 р. 20 к.

Шиллеръ. Два Пикколомини. Смерть Валленштейна и другъ. Перев. П. А. Каленова. Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 75 к.

П. А. Каленовъ. Будда. Поэма Мск. 1902 г. Ц. 1 р. 60 к.

Сост. И. Михайлова. Краткая грамматика. Русск. яз. въ конспектахъ. Ирбитъ. 1901 г. Ц. 1 р.

Н. В. Гоголь. Полное собр. сочиненій съ иллюстрац. въ 8-хъ том. Изд. Сытина. Ц. 3 р. 58 к.

Данте-Алигіери. Божеств. комедія. Адъ. Т. I. Перев. Дм. Мина. Изд. А. С. Суворина. 1902 г. Цѣна 8-хъ томовъ 7 руб. 50 коп.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Les arts et les métiers chez les animaux*» *par M. Coupin* (*Nony et C°*). (*Искусства и ремесла у животныхъ*). Авторъ этой интересной книги не избѣжалъ общей участи всѣхъ любителей животныхъ; онъ также идеализируетъ ихъ. Даже самые знаменитые натуралисты грѣшили этимъ. Авторъ, конечно, слѣдуетъ по ихъ стопамъ, утверждая, что большинство нашихъ искусствъ и ремеселъ встрѣчаются среди животныхъ. Тѣмъ не менѣе онъ все-таки собралъ въ своей книгѣ очень многочисленныя доказательства ума животныхъ. Его классификація ремеслъ у животныхъ очень оригинальна и приводимые имъ образчики дѣятельности животныхъ въ высшей степени любопытны.

(Journal des Débats).

«*Les Entrailles de la terre*» *par M. E. Courtier* (*Nony et C°*). (*Нѣдра земли*). Авторъ заставляетъ читателя спускаться съ нимъ въ копи и каменоломни, на дно рѣкъ и въ подземелья и наблюдать гигантскую работу, производимую подъ дномъ океана и въ глубинахъ земли. Это—геологія, доступная вниманію самаго широкаго круга читателей, начинающаго все болѣе и болѣе интересоваться чудесами современной науки. Книга знакомитъ читателя съ прогрессомъ геологіи и представляетъ одно изъ лучшихъ популярныхъ изложеній этой науки.

(Revue des Revues).

«*Les Évasions célèbres*» (*Hachette et C°*). (*Знаменитые побѣги*). Исторія знаменитыхъ побѣговъ разсказывается въ этой книгѣ на основаніи мемуаровъ, корреспонденціи и повѣствованій историковъ. Книга читается съ захватывающимъ интересомъ, хотя и представляетъ строго научное историческое изслѣдованіе, опирающееся на документы и факты.

(Journal des Débats).

«*Studies in Political and Social Ethics*» *by David G. Ritchie* (*Swan Sonnenschein*) (*Очерки политической и соціальной этики*). Въ книгѣ заключается восемь очерковъ, въ которыхъ авторъ развиваетъ свой высокій идеалъ государства, въ основу котораго заложены принципы политической и соціальной этики.

(Daily News).

«*A History of Political Theories, ancient and Mediaval*» *by M. A. Dunning. Prof. of History* (*Macmillan and C°*). *Исторія политическихъ теорій, древнихъ и средневѣковыхъ*). Авторъ начинаетъ съ развитія политическихъ теорій въ Греціи и оттуда переходитъ въ Римъ, гдѣ изучаетъ конституціонное развитіе, затѣмъ онъ описываетъ развитіе средневѣковыхъ учрежденій и вліяніе на нихъ христіанской доктрины и власти духовенства. Читатель можетъ прослѣдить всю исторію развитія политическихъ идей, начиная съ возникновенія папства, составлявшаго громадную силу и до его паденія.

(Daily News).

«*Aerztliche Ethic*». *Die Pflichten des Arztes in allen Beziehungen seines Thätigkeit von D-r Albert Moll. Stuttgart* (*Ferdinand Guks*). (*Врачебная этика*). Авторъ разсматриваетъ всесторонними образомъ въ высшей степени трудный вопросъ врачебной этики и изслѣдуетъ положеніе врача въ разныхъ затруднительныхъ случаяхъ. Книга эта интересна не только для врачей, для которыхъ она можетъ служить до нѣкоторой степени руководствомъ, но и для юристовъ.

(Frankfurt. Zeit).

«*Souveraines et grandes dames. Madame Récamier*» *Avec documents nouveaux et inédits pour Joseph Turquan* (*1. Tallandier*). *3 fr. 50* (*Монархини и свѣтскія дамы; г-жа Рекамье*). Исторія г-жи Рекамье тѣсно связана съ исторіей многихъ ея выдающихся современниковъ и поэтому представляетъ двойной интересъ, тѣмъ болѣе, что въ ней отражается замѣчательная эпоха французской исторіи. Авторъ воспользовался для своей книги многими еще не изданными документами.

(Journal des Débats).

«*La Magie moderne ou l'hypnotisme de nos jours*» *par H. Dorangeon* (*P. Téqui*) *3 fr. 50.* (*Современная магія и гипнотизмъ нашихъ дней*). Это переводъ итальянскаго

Digitized by Google

сочиненія, авторъ собралъ огромный матеріалъ фактовъ, при помощи которыхъ онъ устанавливаетъ различіе между истиннымъ и ложнымъ гипнотизмомъ и указываетъ, въ какой мѣрѣ гипнотизмъ допускается католическою церковью.

(Journal des Débats).

«*Die karikatur der europäischer Völker vom Alterthum bis zur Neuzeit*» *von Eduard Fuchs. Mit 500 Illustrationen und 60 Beilagen hervorragender und seltener Kunstblätter in schwarz und Farbendruck. Berlin.* (*Hoffmann und C°*). (*Карикатура у европейскихъ народовъ съ древнихъ временъ до настоящаго времени*). Это изданіе выходитъ серіями и отличается необыкновенною тщательностью обработки огромнаго матеріала, такъ какъ издателю пришлось просмотрѣть около 68.000 карикатурныхъ листковъ и выбранный матеріалъ снабдить соотвѣтствующими комментаріями и текстомъ. Эта исторія карикатуры можетъ служить путеводителемъ въ исторіи культуры европейскихъ народовъ, такъ какъ въ карикатурѣ отражалась эволюція общественной жизни и общественныя теченія, изданіе доведено до мартовскихъ событій 1848 г. Въ слѣдующихъ выпускахъ авторъ предполагаетъ разработать послѣдующее развитіе карикатуры въ 1898 году и въ 1866 г. и 1870 г. г. и отраженіе въ ней различныхъ общественныхъ и политическихъ событій и теченій.

(Frankfurt. Zeit.).

«*Die moderne Agrarfrage*» *von D-r Alfred Nossig. Berlin 1902.* (*Akademisches Verlag für Sociale wissenschaften*). (*Современный аграрный вопросъ*). Несмотря на свое названіе, книга разсматриваетъ только одну сторону проблемы современнаго аграрнаго вопроса, а именно: положеніе и надежды крестьянскаго сельскаго хозяйства. Авторъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи большой матеріалъ и пользуется имъ очень искусно. Большимъ достоинствомъ книги являются ясность мысли и прекрасный слогъ автора.

(Frankfurt Zeit.).

«*Psychologie du Rire*» *par D.-r L. Dugas. Paris* (*Félix Alcan*) *2 fr. 50.* (*Психологія смѣха*). Очень интересная книга, авторъ которой излагаетъ теорію смѣха, его психологическое значеніе и внѣшнія проявленія.

(Journal des Débats).

«*Das Weib und der Intellectualismus*» *von Oda Olberg* (*Verlag von John Edelheim*). *Berlin.* (*Женщина и интеллектуализмъ*). Книга эта написана не только въ защиту женщинъ, но и для того чтобы доказать необходимость удовлетворенія ея справедливыхъ требованій. Между прочимъ, авторъ, пользуясь аргументами противниковъ женской эмансипаціи, постоянно выдвигающихъ на первый планъ материнство, какъ истинное призваніе женщины, доказываетъ, какое важное значеніе имѣетъ образованность и умственное развитіе матери для ея потомства.

(Berliner Tageblatt).

«*A Rhide in Morocco*» *by Frances Macnab* (*Arnold*). (*Поѣздка въ Марокко*). Миссъ Макнабъ совершила путешествіе по Марокко одна, безъ всякаго европейскаго спутника и этотъ фактъ уже самъ по себѣ замѣчателенъ, такъ какъ не имѣетъ прецедента. Каждый, кто знаетъ эту страну, долженъ удивляться смѣлости путешественницы. Но миссъ Макнабъ не пришлось раскаиваться въ своемъ поступкѣ и вездѣ она встрѣчала гостепріимство у самыхъ ортодоксальныхъ мусульманъ. Она очень интересно описываетъ свое путешествіе и страну съ ея жителями. Между прочимъ, она посвящаетъ главу миссіонерской дѣятельности въ Марокко и доказываетъ полную несостоятельность миссіонерской проповѣди среди мусульманъ Марокко, отличающихся, какъ извѣстно, большимъ фанатизмомъ и приверженностью къ исламу.

(Athaeneum).

«*La Pensée antique, de Moïse à Marc Aurèle, par Joseph Fabre* (*Felix Alcan*). (*Древнее мышленіе, отъ Моисея до Марка, Аврелія*). Авторъ предпринялъ трудную задачу — прослѣдить эволюціи человѣческой мысли, отъ Моисея до Канра и Толстого. Первый томъ серіи, которую онъ собирается издать, останавливается на доктринѣ Марка Аврелія. Изслѣдовавъ древнія доктрины востока и египтянъ, авторъ переходитъ къ этическимъ элементамъ, заключающимся въ ученіи древнихъ евреевъ, въ доктринахъ персовъ и индусовъ, въ браманизмѣ, буддизмѣ, ученіи Лаотя и другихъ китайскихъ мудрецовъ, затѣмъ авторъ изучаетъ политическій и греческій геній во всѣхъ его видоприношеніяхъ, какія представляютъ главныя греческія школы. Проанализировавъ римскій міръ въ его главныхъ представителяхъ, авторъ останавливается на Маркѣ Аврелія и на агоніи язычества.

(Journal des Débats).

«*Les jeux des animaux*» *par K. Gros* (*Félix Alcan*). (*Игры животныхъ*). Книга эта представляетъ цѣнный кладъ въ психологіи животнаго міра. Авторъ преимущественно изучаетъ инстинкты животныхъ и видитъ въ играхъ молодыхъ животныхъ безсознательное проявленіе инстинктовъ или инстинктовъ, которые упражняются для послѣдующей серьезной функціи. Въ цѣломъ рядѣ главъ авторъ изучаетъ разнаго рода игры животныхъ и опредѣляетъ ихъ значеніе.

(Revue des Revues).

«*L'Evolution de la vie*» *par le D-r Loloy* (*Schleicher frères*). (*Эволюція жизни*). Это популярный трудъ, дающій возмож-

Digitized by Google

ность читателямъ, мало знакомымъ съ успѣхами біологическихъ наукъ, составить себѣ понятіе о современномъ состояніи этихъ наукъ и современной эволюціонитской философіи. Авторъ старается примирить смѣлость научныхъ выводовъ съ религіозными воззрѣніями вѣрующихъ.

(Journal des Débats).

«*Philosophia Militans*». *Gegen klerikalismus und Naturalismus von Friedrich Paulsen. Fünf Abhandlungen. Berlin* (*Verlag von Reuther und Reichardt*). (*Воинствующая философія*). Авторъ принадлежитъ къ числу немногихъ академическихъ представителей философіи, которыя принимаютъ очень живое участіе въ злобахъ дня и въ современной борьбѣ различныхъ теченій. Одна изъ главъ его книги, озаглавленная «Фихте и борьба за свободу философскаго мышленія», носитъ болѣе историческій характеръ, чѣмъ остальныя, но и она все-таки имѣетъ современное значеніе. Другія главы авторъ посвящаетъ жгучимъ вопросамъ, относящимся къ области умственнаго и духовнаго развитія человѣчества.

(Berliner Tageblatt).

«*Ein Volk von Genies*» *von L. v. Kunowski.* (*Verlag Eugen Diederichs*). (*Leipsig*). (*Народъ геніевъ*). Авторъ этой любопытной книги рисуетъ будущее. Нѣмецкій народъ, какъ самый молодой, призванъ взять на себя руководящую роль. Но новое культурное человѣчество не будетъ ни романскимъ, ни германскимъ, ни семитическимъ. Царство его охватитъ слѣдующія страны: Скандинавію, Голландію, Швейцарію, Австрію, романскія и средиземноморскія страны. Это новое человѣчество и будетъ народомъ геніевъ.

(Berliner Tageblatt).

«*Hunger und Liebe in der Frauenfrage*» *von Anna Bernau* (*Bruns Verlag*). *Freie Worte. Sammlung moderner Flugschriften* (*Голодъ и любовь въ женскомъ вопросѣ*). Въ этой книгѣ авторъ противопоставляетъ двѣ великія проблемы человѣчества: вопросъ о насущномъ хлѣбѣ и о любви. Обыкновенно экономическая сторона женскаго вопроса игнорируется большинствомъ авторовъ, писавшихъ о немъ. Противники женскаго вопроса очень много распространяются о томъ, что женщины, выступающія въ качествѣ конкурентовъ мужчины въ области практической дѣятельности, теряютъ свою женственность, становятся сухими, безсердечными и плохими семьянинками, забывая, что главный стимулъ, заставляющій женщину стремиться къ расширенію круга своей дѣятельности—это забота объ обезпеченіи семьи.

(Berliner Tageblatt).

«*Les problèmes du vingtième siècle*» *par M. G. de Molinari, rédacteur en chef du «Journal des Economistes»* (*Librairie Guillaumin*) *3 fr. 50.* (*Проблемы XX вѣка*). Авторъ резюмируетъ въ этомъ трудѣ современное положеніе нѣкоторыхъ важнѣйшихъ вопросовъ: религіозной проблемы, нравственной, экономической, политической и проблемы прогресса и упадка. Въ предшествующихъ своихъ сочиненіяхъ авторъ изложилъ уже свои взгляды на организацію будущаго общества на войну и религію и проблемы народонаселенія. Въ новомъ своемъ трудѣ авторъ отыскиваетъ рѣшеніе всѣхъ этихъ важныхъ вопросовъ, которое можетъ быть найдено человѣчествомъ, когда въ области знанія, свободы и нравственности оно достигнетъ извѣстной высоты.

(Journal des Débats).

«*Storia e Fisiologia dell' arte del ridere*» *Fullo Massarani Milan* (*Ulrico Hoepli*). *1902.* (*Исторія и физіологія искусства смѣяться*). Авторъ поставилъ себѣ задачей написать исторію смѣха съ самыхъ древнихъ временъ до нашихъ дней. Въ третьемъ, только что вышедшемъ, томѣ онъ говоритъ о современной юмористической литературѣ и изучаетъ смѣхъ въ литературѣ, въ театрѣ, романѣ, въ поэзіи и въ политическомъ памфлетѣ.

(Journal des Débats).

«*L'Empire du Milieu*» *par Elisée et Onisime Reclus* (*Hachette et C°*). (*Срединная имперія*). Оба ученые съ рѣдкимъ безпристрастіемъ изслѣдуютъ въ своемъ интересномъ трудѣ всѣ достоинства и недостатки древней китайской цивилизаціи и китайскаго народа, который такъ мало въ сущности извѣстенъ и такъ несправедливо презирается многими. Кромѣ того, оба автора подробно изучаютъ различныя расы, населяющія Китай, климатъ страны, условія почвы и богатство ея ресурсовъ. Книга написана такъ живо и интересно и снабжена такимъ множествомъ иллюстрацій, что представляетъ занимательное чтеніе, не взирая даже на свой строго научный характеръ.

(Revue des Revues).

За издательницу М. К. Куприна-Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Digitized by Google

ВОЛШЕБНЫЕ ФОНАРИ

ДЛЯ ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ КАРТИНЪ НА БУМАГѢ.

Изобрѣтеніе полков. МАЛИНОВСКАГО. Спеціальная мастерская С. К. АКИМОВОЙ. Москва, Плющиха, соб. д. Освѣщеніе керосиновое, а также переносными лампами

НАИСИЛЬНѢЙШАГО СВѢТА АЦЕТИЛЕНОВАГО ГАЗА,

годными для всѣхъ системъ фонарей. Цѣны дешевыя. Полный каталогъ фонарей, лампъ, книгъ, картинъ, съ отзывами заказчиковъ и печати, за 20 к. марк.

ДИПЛОМЪ за всероссійскую выставку 1896 г.

Новыя изданія редакціи журнала „Образованіе".

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ Н. В. ГОГОЛЯ

для юношества.

подъ редакціею А. Острогорскаго.

Изданіе состоитъ изъ 2 томовъ, въ 880 стр. большого формата, напечатанныхъ крупнымъ четкимъ шрифтомъ и на хорошей бѣлой бумагѣ. Къ изданію приложенъ портретъ Гоголя и біографич. очеркъ П. О. Морозова.

«Сорочинская ярмарка». — «Майская ночь или утопленница». — «Ночь передъ рождествомъ»,—«Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка.»—Заколдованное мѣсто»,—«Старосвѣтскіе помѣщики»,—«Тарасъ Бульба».—«Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ».—«Шинель».—«Ревизоръ».—«Женитьба».—«Мертвыя души» ч. I и отрывки изъ II ч.

Цѣна за 2 тома 1 руб., въ двухъ перепл. 1 руб. 75 коп. и 2 руб.; за пересылку 50 коп.

Успѣхи астрономіи въ XIX столѣтіи.—Общедоступные очерки К. Покровскаго, съ 94 рис. ц. 1 р. 20 к., стр. in 8.

Начальныя школы г. Лондона и народн. образов. въ Англіи, П. Мижуева. Ц. 40 к.

Съ требованіями обращаться въ редакцію (СПБ., Моховая, 33).

Въ книжномъ магазинѣ „Практической Медицины" СПБ. Нижегородская. 15.

Поступило въ продажу.

Н. В. Фармаковскій.

ВРАЧИ и ОБЩЕСТВО

Мысли врача по поводу

„ЗАПИСОКЪ ВРАЧА" ВЕРЕСАЕВА.

НОВАЯ КНИГА.

ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

А. ЯБЛОНОВСКАГО

Цѣна 1 рубль.

Складъ изданія у В. И. Раппъ. Харьковъ, Харинскій пер., д. № 8.

Digitized by Google

не высокаго мнѣнія обо мнѣ, какъ о человѣкѣ. Вы ей нравитесь, пользуйтесь этимъ. Миссъ Де Во можетъ составить вамъ хорошее положеніе въ обществѣ.

— Я думаю, вы, мистеръ Огденъ, имѣете хорошее положеніе въ обществѣ?

— Порядочное.

— И совѣтуете мнѣ тратить время, чтобы добиться того же?

— Ну! я бы не далъ за него мѣднаго гроша, но я уже имѣю его. Плохо, когда стремишься, но не можешь занять извѣстное положеніе въ обществѣ.

— Я совершенно согласенъ съ вами,— серьезно замѣтилъ Питеръ.

Лиспенардъ отъ души смѣлся, потягивая шампанское.

— Хотѣлъ бы *я*, — сказалъ онъ,— чтобы люди, тратящіе свою жизнь на пустяки, могли бы слышать васъ теперь. Вѣдь вы не изъ тѣхъ, которые пишутъ слово «Общество» съ большой буквы?

— Врядъ ли,—отвѣтилъ Питеръ,— я предпочитаю, чтобы мое имя писали крупными буквами.

— Ну еще бы,—сказалъ Лиспенардъ, а про себя подумалъ: «каковъ молодецъ? пробуетъ острить. Кузина Аннеке ни за что этому не повѣритъ».

Онъ былъ правъ, миссъ Де-Во не повѣрила ему, когда онъ передалъ ей свой разговоръ съ Питеромъ. Лиспенардъ нисколько не обидѣлся, а только добродушно разсмѣялся.

— Вашъ Стерлингъ — славный малый,—сказалъ онъ.—Мы съ нимъ отлично провели время у Ле-Гранъ, разошлись только въ часъ ночи, такъ увлеклись его гравюрами. Просто наслажденіе встрѣтить человѣка, который умѣетъ спокойно сидѣть и слушать, и курить, не имѣя скучающаго вида. Онъ понравился и Ле-Гранъ. Мы съ нимъ дополняемъ другъ друга.

— Я очень рада, что вы сошлись. Мнѣ хочется ввести его въ общество.

— Кузина, знакомъ ли вамъ анекдотъ о д-рѣ Браунѣ?

— Нѣтъ, а въ чемъ тамъ дѣло?

— Одна вдова объявляетъ сыну, что выходитъ замужъ за д-ра Брауна. «Подождите, мамаша, — говоритъ сынъ.— Знаетъ ли объ этомъ докторъ Браунъ?»

— Что вы хотите этимъ сказать?

Лиспенардъ опять засмѣялся.

— Знаетъ ли Стерлингъ о вашихъ намѣреніяхъ? Я совѣтую вамъ спросить его мнѣніе, прежде чѣмъ вы что-нибудь предпримете. Имъ не такъ-то легко командовать.

— Конечно, ему будетъ пріятно познакомиться съ порядочными людьми.

— Спросите его.

— Но зачѣмъ?

— А затѣмъ, что вашъ Стерлингъ ни въ грошъ не ставитъ то общество, куда вы, во что бы то ни стало, хотите его ввести.

— Вы сами не знаете, о чемъ говорите.

Лиспенардъ былъ правъ. Питеръ очень пріятно провелъ время у миссъ Де Во и у Ле-Гранъ, но оба раза, вернувшись домой, онъ долго сидѣлъ въ своей темной конторѣ и долго думалъ о томъ, что ему говорила миссъ Де-Во про... но только не про общество.

Глава XXVIII.

Дѣла.

Питеръ сдѣлалъ визитъ миссъ Де-Во, но не засталъ ее дома, и вскорѣ получилъ отъ нея очень любезное письмо съ выраженіемъ сожалѣнія, что ей не удалось его повидать, и съ приглашеніемъ позавтракать у нея на другой день и ѣхать вмѣстѣ съ ней въ концертъ. «Если вы не любите музыки, то приходите хоть только къ завтраку», кончала она.

Питеръ отвѣтилъ, что онъ крайне сожалѣетъ, что долженъ ѣхать по дѣлу въ Альбани именно въ этотъ день и лишенъ, такимъ образомъ, возможности принять ея любезное приглашеніе.

— Это очень досадно, — говорила миссъ Де-Во Дороти. — Сезонъ скоро кончается, и если онъ не зайдетъ на-дняхъ, мнѣ не удастся ни съ кѣмъ познакомить его.

У Питера, дѣйствительно, совершенно неожиданно оказалось дѣло въ Альбани. Онъ получилъ черезъ Костелля словесное

Digitized by Google

приглашеніе губернатора Кэтлина пріѣхать къ нему.

— Кэтлинъ хочетъ поговорить объ учрежденіи комиссіи для надзора надъ съѣстными припасами и жилищами. Билль объ этомъ пройдетъ не сегодня-завтра черезъ сенатъ и будетъ въ рукахъ Кэтлина. .

— Надѣюсь, онъ назначитъ полезныхъ лицъ? — съ волненіемъ спросилъ Питеръ,

— Вѣроятно,—отвѣчалъ Костелль,— тихонько улыбаясь. — Но я не вѣрю, чтобы они могли много сдѣлать. Комиссіи обыкновенно назначаются для того, чтобы провалить какое-нибудь законодательство.

Питеръ поѣхалъ въ Альбани и повидался съ Кэтлиномъ. Къ великому его удивленію, губернаторъ спросилъ его совѣта, относительно опубликованія билля и состава комиссій. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ понялъ, что эта просьба помощи и поддержки была обычной формальностью и серьезнаго значенія не имѣла.

— М-ръ Шлергеръ сказалъ мнѣ, что хотя онъ предложилъ оба эти билля, но вырабатывали ихъ вы. Вы думаете. мнѣ слѣдуетъ подписать ихъ?

— Да, конечно.

— М-ръ Костелль сказалъ мнѣ спросить вашего совѣта. Такъ вы совѣтуете?

— Да.

Рѣшительный тонъ Питера, казалось, подѣйствовалъ на губернатора успокоительно. Онъ потянулъ къ себѣ двѣ бумаги.

— Вы мнѣ безусловно совѣтуете?

— Безусловно.

Губернаторъ обмакнулъ перо въ чернильницу, но все еще колебался.

— Поправки исказили ихъ?

— По моему нѣтъ.

— Но все-таки они подверглись измѣненіямъ?

— Въ нѣкоторой степени, но къ лучшему.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Да.

Но губернаторъ все колебался. Наконецъ, онъ сталъ вырисовывать большое «Г». Первый шагъ былъ сдѣланъ, и теперь онъ быстро докончилъ подпись.

Надъ второй бумагой онъ тоже задумался и нервно вертѣлъ ее въ рукахъ. Потомъ со вздохомъ быстро подписалъ.

— Готово

Онъ оттолкнулъ бумаги отъ себя, точно боялся ихъ.

«Хотѣлъ бы я знать», подумалъ Питеръ, «доволенъ ли онъ своимъ положеніемъ».

— Много было хлопотъ съ назначеніемъ комиссій,—сказалъ губернаторъ.

— Я думаю,—отвѣтилъ Питеръ.

— Даже и теперь я не пришелъ къ окончательному рѣшенію. Всѣ лидеры желаютъ назначенія разныхъ лицъ.

— Но окончательное рѣшеніе вѣдь зависитъ отъ васъ.

— Въ этомъ-то и горе. Если бы только они пришли къ какому-нибудь соглашенію,—вздохнулъ губернаторъ.

— Вы бы сами выбрали. Вѣдь все равно, отвѣчать будете вы за плохія назначенія.

— Я это прекрасно знаю. Но просмотрите списки и скажите мнѣ, годятся ли эти?

Питеръ взялъ листочки бумаги и прочиталъ ихъ.

— Мнѣ крайне лестно видѣть здѣсь мое имя,—сказалъ онъ.—Я не воображалъ, что вы подумаете обо мнѣ.

— Этого желалъ Костелль,—быстро отвѣтилъ губернаторъ, какъ бы желая сложить съ себя отвѣтственность.

— Я слишкомъ мало знаю всѣхъ остальныхъ, чтобы имѣть право высказывать свое мнѣніе. Лично я желалъ бы видѣть въ каждой комиссіи ученыхъ спеціалистовъ.

— Ученыхъ спеціалистовъ! Но они не занимаются политикой.

— Нѣтъ. Да развѣ это политика?

— Я надѣюсь, что вы одобрите эти списки.

— Я ничего не имѣю противъ нихъ, мнѣ кажется, они составлены хорошо. А такъ какъ новыя положенія даютъ намъ право прибѣгать къ эксперту, намъ можно будетъ этимъ путемъ привлечь ученыхъ спеціалистовъ.

Digitized by Google

Питеръ сдѣлалъ все возможное, чтобы подбодрить Кетлина; результатомъ его стараній, а можетъ быть, еще чьего-нибудь вліянія, было сообщеніе въ газетахъ, что обѣ комиссіи назначены.

Однако, составъ ихъ все-таки подвергся измѣненіямъ.

Комиссія для надзора за съѣстными припасами состояла изъ Грина, одного крупнаго оптоваго торговца колоніальными товарами и одного изъ членовъ санитарнаго управленія; Питера исключили. Въ составъ комиссіи о жилищахъ вошли: Питеръ, одинъ крупный нью-іоркскій домовладѣлецъ, состоявшій также членомъ законодательнаго собранія, профессіональный агитаторъ между рабочими, извѣстный политическій дѣятель изъ числа лучшихъ и богатый подрядчикъ.

Питеръ, подробно изучившій отчеты британской королевской комиссіи о томъ же вопросѣ, ходилъ хмурый, думая, что ему врядъ ли удастся съ такими неподходящими сотрудниками добиться того, чего не могли достигнуть опытные общественные дѣятели въ Англіи.

Газеты встрѣтили очень враждебно новыя назначенія.

«Эти назначенія разрушили малѣйшій шансъ на успѣхъ», было ихъ общее мнѣніе, и Питеръ опасался, что онѣ правы.

Костель только расхохотался, когда Питеръ заговорилъ съ нимъ о комиссіяхъ.

— Если вы хотите, чтобы Кетлинъ сдѣлалъ что-нибудь какъ слѣдуетъ, вы должны стоять надъ нимъ, пока это не будетъ сдѣлано. Я хотѣлъ назначить васъ въ обѣ комиссіи, чтобы вы сами могли видѣть, насколько онѣ безполезны, и не нападали бы на насъ, что мы плохо исполняемъ свой долгъ. Гринъ обѣщалъ назначить васъ секретаремъ въ комиссію по вопросу о пищевыхъ продуктахъ. По крайней мѣрѣ, вы будете получать жалованье.

Засѣданія квартирной комиссіи скоро начались, и Питеръ имѣлъ возможность познакомиться ближе съ ея разнородными членами. Крупный домовладѣлецъ былъ большой баринъ, мечтавшій о политической славѣ, но черезчуръ дилетантъ, чтобы имѣть какой-нибудь вѣсъ. Питеръ былъ предубѣжденъ противъ него, еще не будучи знакомъ съ нимъ, потому что хорошо зналъ, чѣмъ было достигнуто его избраніе въ законодательное собраніе и даже цифру чека, а въ глазахъ Питера подкупъ избирателей былъ поступкомъ, не внушающимъ уваженія.

То, что онъ слыхалъ раньше о рабочемъ агитаторѣ, тоже не нравилось ему, такъ какъ всѣ его рѣчи и теоріи били на дешевую популярность. Политическаго дѣятеля онъ уже встрѣчалъ и оцѣнилъ; подрядчика не зналъ вовсе.

Комиссія начала свои труды тѣмъ, что избрала политическаго дѣятеля предсѣдателемъ. При выборѣ секретаря никакъ не могли придти къ соглашенію, потому что у каждаго члена, кромѣ Питера, оказался собственный кандидатъ на эту должность. Къ удивленію Питера, м-ръ Пелль, домовладѣлецъ, предложилъ Рея Ривингтона.

— Мнѣ казалось, что онъ готовится быть адвокатомъ?—замѣтилъ Питеръ.

— Да,—сказалъ Пелль,—но ему легко будетъ освобождаться въ тѣ дни, когда у насъ будутъ засѣданія. А пять долларовъ за каждый разъ будутъ не лишнимъ добавленіемъ къ его бюджету. Вы знаете его?

— Мы были вмѣстѣ въ университетѣ. Я думалъ, что онъ богатъ.

— Нѣтъ, онъ изъ очень хорошей семьи, но Ривингтоны бѣднѣютъ съ каждымъ годомъ. Они стараются жить по своимъ традиціямъ, но традиціями нельзя платать поставщикамъ. Я надѣюсь, вы поможете ему, онъ очень порядочный человѣкъ.

— Я подамъ голосъ за него,—сказалъ Питеръ, изумленный тѣмъ, что ему приходится поддерживать того, кто, во время пребыванія въ Гарвардѣ, казался, послѣ Уаттса, самымъ богатымъ изъ всей «шайки».

Такъ какъ Ривингтонъ былъ единственный кандидатъ, имѣвшій за себя два голоса, то его и избрали.

Одинъ изъ членовъ комиссіи предло-

Digitized by Google

жилъ отложить засѣданія до тѣхъ поръ, пока секретарь не освоится со своими обязанностями, но Питеръ возсталъ противъ этого.

— Я думаю,—сказалъ онъ,—намъ слѣдуетъ тотчасъ же приступить къ выработкѣ программы.

Его поддержалъ рабочій агитаторъ.

Планъ Питера былъ прочтенъ вслухъ.

— Я не стою за утвержденіе его, но желалъ бы, чтобъ онъ послужилъ основаніемъ,—замѣтилъ Питеръ.

Никто изъ членовъ ничего не понялъ, такъ какъ они не были знакомы съ вопросами, кромѣ предсѣдателя, который сказалъ:

— Мнѣ кажется, планъ м-ра Стерлинга строго обдуманъ и выполненъ превосходно. Намъ остается только принять его.

Наконецъ, все было улажено, и слѣдующее засѣданіе назначено.

Питеръ сошелъ съ лѣстницы съ м-ромъ Пеллемъ, который предложилъ подвезти его, и по дорогѣ они говорили о задачахъ комиссіи.

На другой день къ Питеру пришелъ Ривингтонъ. Онъ очень благодарилъ Питера, вспоминалъ университетскіе дни и просилъ направлять его. Питеръ сдѣлалъ ему необходимыя указанія, написалъ форму повѣстокъ, которыя слѣдовало разсылать членамъ, и познакомилъ съ ходомъ засѣданій.

— Я увѣренъ, что буду страшно путать,—сказалъ Рей.—У меня такой отвратительный почеркъ, что я самъ часто не разбираю, что я написалъ. Какъ же я буду писать протоколы и вести журналъ?

— Я всегда дѣлаю замѣтки для себя и могу давать ихъ тебѣ, если ты хочешь.

— Спасибо, Питеръ, ты остался такимъ же, какъ и былъ.

Комиссія начала свою работу въ назначенный день и стала аккуратно засѣдать по три раза въ недѣлю.

Питеръ не старался выскакивать впередъ, но онъ лучше всѣхъ былъ знакомъ съ вопросомъ и всегда могъ сообщить необходимыя свѣдѣнія. Онъ также умѣлъ предлагать настоящіе вопросы призываемымъ свидѣтелямъ, наконецъ, онъ одинъ присутствовалъ аккуратно на всѣхъ засѣданіяхъ и всегда могъ сказать, о чемъ говорили въ прошлый разъ. Предсѣдатель былъ главнымъ его помощникомъ.

Пелль былъ очень полезенъ, но онъ рѣдко посѣщалъ засѣданія, а съ іюня и вовсе не сталъ являться.

— Я ѣду на дачу,—заявилъ онъ,— и исчезъ до поздней осени.

Подрядчикъ не принималъ никакого участія въ занятіяхъ, хотя посѣщалъ ихъ усердно, и оживлялся только тогда, когда дѣло касалось построекъ.

Агитаторъ оказался славнымъ малымъ. Правда, у него совсѣмъ не было памяти, и онъ страшно надоѣдалъ всѣмъ, заставляя по десяти разъ перечитывать протоколы предыдущихъ засѣданій, но онъ относился къ дѣлу добросовѣстно и сдѣлался полезенъ съ той минуты, какъ понялъ, что члены комиссіи должны работать, а не говорить рѣчи.

Питеръ много разъ возвращался домой вмѣстѣ съ нимъ, и они проводили вечера въ квартирѣ Питера, обсуждая свои дѣла.

Во время разслѣдованій Питеру пришлось имѣть дѣло съ самыми разнообразными людьми: съ домовладѣльцами, страховыми агентами, оцѣнщиками, инженерами, архитекторами, подрядчиками, каменьщиками, кровельщиками, докторами и т. п. Часто ему случалось заходить къ нимъ послѣ того, какъ они давали свои показанія въ комиссіи, и онъ нашелъ, что они охотнѣе сообщали съ глазу на глазъ много такого, о чемъ умалчивали во время допроса.

Питеръ былъ назначенъ секретаремъ въ комиссію по вопросу о съѣстныхъ припасахъ и отдавалъ ей много времени.

Онъ съ радостью видѣлъ, что пользуется значительнымъ вліяніемъ, и что Гринъ не только поступаетъ по его указаніямъ, но и самъ спрашиваетъ его совѣта.

Никакихъ отчетовъ не нужно было представлять до слѣдующаго законодательнаго собранія, т.-е. до января мѣсяца, и объ комиссіи собрали подавляющее количество фактовъ. Бѣдняга Рей приходилъ въ отчаяніе отъ массы «мусора»,

Digitized by Google

какъ онъ говорилъ, которую приходилось приводить въ порядокъ.

Время Питера было раздѣлено между обѣими его обязанностями. Онъ былъ особенно занятъ, когда собираніе свѣдѣній кончилось, и началось составленіе отчетовъ. Записки Рея оказались никуда негодными, поэтому Питеръ старательно проредактировалъ свои и далъ ему. Составленіе отчетовъ было поручено Питеру; онъ уже выработалъ проектъ общаго законодательства о училищахъ для рабочаго населенія. И отчетъ, и проектъ подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ, не настолько незначительнымъ, что смыслъ ихъ не пострадалъ. Питеръ составилъ также отчеты и комиссіи о снабженіи города съѣстными припасами, хотя его долженъ былъ писать Гринъ. Къ этому отчету также былъ присоединенъ проектъ законодательства, который былъ предложенъ на обсужденіе санитарному управленію и удостоился одобренія.

Въ ноябрѣ Питеръ отвезъ оба отчета въ Альбани и имѣлъ по поводу ихъ продолжительный разговоръ съ Кэтлиномъ. Губернаторъ предпочиталъ бы, чтобъ не было никакихъ отчетовъ, но разъ они были написаны—ему ничего не оставалось, какъ представить ихъ въ законодательное собраніе.

Губернаторъ не особенно обнадежилъ Питера относительно успѣха его биллей. Но Костелль сказалъ ему, что «ихъ можно будетъ отвоевать. Страшно только, что начнутъ исправлять ихъ, пока не испортятъ».

— Что-жъ,—отвѣтилъ Питеръ,—будемъ надѣяться. Будь что будетъ! Я сдѣлалъ все, что могъ, и что отъ меня зависѣло.

Глава XXIX.

Между дѣломъ.

Нельзя сказать, что бы все время Питера было занято, несмотря на упорную девятимѣсячную работу въ двухъ комиссіяхъ. Если человѣкъ спитъ семь часовъ въ сутки и употребляетъ только два часа на ѣду, у него времени остается достаточно, и даже у такого медлителя, какъ Питеръ, были свободные часы, которые онъ могъ отдавать обществу, «салонамъ» или чему угодно.

Его свѣтскіе выѣзды ограничились вечеромъ у миссъ Де-Во передъ ея отъѣздомъ изъ города, визитами къ Лиспенарду и Ле-Гранъ и семейнымъ обѣдомъ у Ривингтоновъ, которые платили ему этой любезностью за помощь, оказанную Рею.

Въ «салонахъ» Питеру пришлось много поработать въ виду приближающейся предварительной подачи голосовъ, и онъ провелъ не одинъ вечеръ на улицахъ своего участка, обсуждая на порогѣ домовъ достоинства различныхъ кандидатовъ.

По этой же причинѣ ему часто пришлось видѣться съ Костелломъ, Гриномъ, Галлагеромъ, Шлергеромъ и другими болѣе или менѣе выдающимися политическими дѣятелями города.

Онъ самъ сталъ значительной величиной въ своемъ участкѣ, и многіе отдѣльные кружки добивались его поддержки. Когда состоялась предварительная подача голосовъ, хотя волненій было много, въ результатахъ ея нельзя было и сомнѣваться, такъ какъ Галлагеръ, Питеръ, Деннисъ и Бленкеръ пришли къ соглашенію относительно программы и кандидатовъ.

Была сдѣлана попытка «провалить» Шлергера, но Питеръ воспротивился и настоялъ на своемъ, чѣмъ заслужилъ искреннюю благодарность честнаго, молчаливаго нѣмца. Что гораздо важнѣе, ему удалось поставить на своемъ, не возбуждая непріязни.

— Стерлингъ разумный человѣкъ,— говорилъ Галлагеръ Костеллю, не подозрѣвая, насколько Питеръ близокъ съ знаменитымъ лидеромъ. — Онъ не старается во что бы то ни стало проводить свои собственные планы. Никогда у насъ не было такъ мало сплетенъ и недовольствъ, какъ этой весной. Моріерти и Бленкеръ клянутся его именемъ. Это очень странно, они всегда, до сихъ поръ, принадлежали къ противнымъ партіямъ.

Когда стало теплѣе, Питеръ опять началъ посѣщать свой «треугольникъ», но

Digitized by Google

не такъ аккуратно, какъ прежде. Однако, не было недѣли, когда бы онъ не проводилъ тамъ двухъ-трехъ вечеровъ. Единодушный восторгъ, возбуждаемый его появленіемъ, могъ уже вознаградить его за потерянное время, не говоря объ удовольствіи, которое онъ испытывалъ въ обществѣ малышей. Ничего не случилось такого, что могло бы возвысить Питера въ ихъ глазахъ, но они отлично понимали по своему, что онъ пріобрѣлъ особенное значеніе.

У нихъ были быстрые глазенки и острый слухъ, и они знали все, что говорилось и думалось въ участкѣ.

— Удирай, Тимъ, фараонъ идетъ!— кричалъ одинъ малышъ другому, игравшему въ мячикъ посреди улицы.

— Важное кушанье! Удирай самъ,— важно отвѣчалъ Тимъ.—Какъ же онъ посмѣетъ тронуть меня, когда самъ м-ръ Питеръ здѣсь.

Изъ этихъ словъ можно видѣть, какимъ значеніемъ пользовался Питеръ въ глазахъ мелюзги. Онъ уже не былъ «пріятелемъ съ городовымъ», этотъ предметъ ужаса ребятишекъ самъ трепеталъ передъ нимъ.

Питеръ окончательно покорилъ сердца дѣтей тѣмъ, что сдѣлалъ для нихъ среди лѣта. Бленкерсъ просилъ его принять участіе въ томъ событіи, о которомъ объявляли расклеенныя по всѣмъ заборамъ афиши:

ВПЕРЕДЪ НА БЕРЕГЪ МОРЯ!

Шестой ежегодный праздникъ жареныхъ устрицъ ассоціаціи Патрика Н. Бленкерса.

Питеръ справился, въ чемъ дѣло, и узналъ, что устраивалась прогулка на баржѣ на песчаную отмель недалеко отъ города (билеты по 50 центовъ), съ музыкой, купаньемъ, танцами, жареными устрицами безплатно, и продажей пива въ неограниченномъ количествѣ для любителей этого благороднаго напитка.

— Пиво за все заплатитъ,— объяснялъ Бленкерсъ.—Я не даю имъ водки, потому что эти черти не умѣютъ, какъ слѣдуетъ, пить ее.

Замѣтивъ выраженіе лица Питера, онъ окончательно засмѣялся:

— Я забылъ,— извинился онъ.— Чортъ меня...—тутъ онъ поперхнулся.— Право я нечаянно выругался! Самъ не замѣтилъ, извините.

— Я съ удовольствіемъ прокачусь,— сказалъ Питеръ.

— Расчудесно!—отвѣтилъ Бленкерсъ, потомъ робко прибавилъ:—А у меня къ вамъ еще просьба: обыкновенно кто-нибудь изъ ребятъ говоритъ рѣчь. Не взяли ли бы вы этого на себя, разъ вы ѣдете съ нами?

— Объ чемъ же обыкновенно говорятъ?

— Да кто объ чемъ хочетъ.

— Хорошо, я съ удовольствіемъ скажу рѣчь, если ничего, что рѣчь будетъ немножко серьезная.

— Сдѣлайте одолженіе. Объ чемъ бы вы ни говорили, васъ всегда станутъ слушать.

Черезъ два дня Питеръ опять зашелъ въ лавку Бленкерса.

— Послушайте, — сказалъ онъ хозяину.—Нельзя ли было бы нанять еще одну баржу и забрать всѣхъ ребятишекъ? Я заплачу вамъ за нее, а также за лишнюю провизію, если дѣти не помѣшаютъ.

— Чортъ меня возьми, если они будутъ мѣшать! — заоралъ Бленкерсъ.— Ни копѣйки вы не заплатите, а ребята все-таки поѣдутъ, это такъ же вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Бленкерсъ!

И дѣти поѣхали, причемъ Бленкерсъ не дѣлалъ тайны изъ того, что инициатива прогулки принадлежала Питеру. Поэтому, каждый ребенокъ, почти обезумѣвшій отъ восторга, хорошо сознавалъ, что видѣлъ море, песокъ и паруса и до-сыта наѣлся разныхъ вкусныхъ вещей только благодаря Питеру.

Прогулка доставила Питеру много удовольствія. Въ числѣ участниковъ онъ встрѣтилъ многихъ членовъ своей партіи, даже такихъ значительныхъ, какъ Галлагеръ и Кеннеди, и старался быть любезенъ съ ними, поддерживая интересный разговоръ.

Питеръ купался вмѣстѣ съ другими мужчинами и мальчиками, и хотя между ними было не мало хорошихъ пловцовъ, ему, выросшему въ деревнѣ на берегу

Digitized by Google

большой рѣки, удалось поразить ихъ своимъ искусствомъ плаванія и перещеголять даже «портовыхъ крысъ».

Затѣмъ послѣдовало угощеніе знаменитыми жареными устрицами, послѣ котораго Питеръ минутъ двадцать говорилъ по вопросу о жилищахъ для рабочихъ. Слушатели ожидали совсѣмъ другой рѣчи и были слегка разочарованы, но Питеру удалось сгладить неблагопріятное впечатлѣніе небольшимъ благодарственнымъ спичемъ, обращеннымъ къ Бленкерсу, гдѣ онъ выказалъ такъ много здороваго юмора и чисто мѣстныхъ остротъ, что публика пришла въ неистовый восторгъ.

Бленкерсъ былъ такъ доволенъ, что попросилъ Питера записать то, что онъ говорилъ, и посѣтители «салона» Бленкерса и до сихъ поръ еще могутъ любоваться рѣчью, написанной четкимъ почеркомъ Питера, висящей подъ стекломъ въ нарядной рамкѣ на самомъ видномъ мѣстѣ.

Впродолженіи этого лѣта Питеръ началъ также понемножку писать. Ему пришлось повидать нѣкоторыхъ журналистовъ, знакомыхъ ему раньше по дѣлу о молокѣ, чтобы попросить ихъ написать въ газетахъ по вопросу о съѣстныхъ припасахъ и жилищахъ. Его ходатайство увѣнчалось успѣхомъ, и они не только согласились сами написать, но помогли ему помѣстить нѣсколько его собственныхъ замѣтокъ по этому вопросу, а въ двухъ газетахъ ему даже поручили написать передовыя статьи по этому вопросу, за которыя заплатили пятнадцать долларовъ. Вообще, всѣ газеты обѣщали ему поддержку, когда его отчеты пойдутъ въ законодательное собраніе.

Въ августѣ мѣсяцѣ Питеръ, какъ обыкновенно, уѣхалъ къ матери.

Предъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ доктору Плему и съ нимъ вмѣстѣ обошелъ рабочій кварталъ. Посѣщеніе это имѣло результатомъ то, что Питеръ увезъ троихъ ребятишекъ, блѣдныхъ и худенькихъ звѣрьковъ, которыхъ собственные родители не узнали, когда они вернулись черезъ двѣ недѣли домой, такъ они пополнѣли и загорѣли.

Каникулы Питера не ограничились этими двумя недѣлями. Онъ прожилъ еще четыре дня у Костеллей, наслаждаясь длинными прогулками въ экипажѣ съ быстро бѣгущими лошадьми и помогая миссисъ Костелль возиться въ цвѣтникѣ.

Зимою онъ успѣлъ прочитать нѣсколько книгъ объ уходѣ за цвѣтами, а теперь дѣлился съ нею своими теоретическими познаніями и пробовалъ прилагать ихъ на практикѣ.

Справедливость требуетъ замѣтить, что онъ не меньше наслаждался, когда цѣлыми часами лежалъ на травѣ или лѣниво сидѣлъ на верандѣ, покуривая отличныя гаванскія сигары Костелля.

Два раза по субботамъ м-ръ Больманъ заѣзжалъ за Питеромъ и увозилъ его на воскресенье къ себѣ на дачу.

Вся семья была искренно привязана къ Питеру и не стыдилась показывать это. Самъ Больманъ разъ сказалъ ему:

— Я трачу до трехъ тысячъ долларовъ въ годъ на дѣловыя бумаги. Теперь моими дѣлами завѣдуетъ старикъ Деммеръ, но когда онъ откажется, я все передамъ вамъ.

Когда Питеръ пріѣхалъ въ слѣдующій разъ, миссисъ Больманъ въ разговорѣ сказала ему.

— Я сколько разъ говорила мужу, что со всѣми его дѣлами ему непремѣнно нуженъ зять-юристъ.

Питеръ подозрѣвалъ, не было ли между этими двумя разговорами какого-нибудь отношенія. Обѣ барышни нравились ему. Это были хорошенькія, серьезныя дѣвушки. Онъ зналъ, что Больманъ милліонеръ и съ каждымъ годомъ богатѣетъ, но...

Впродолженіи лѣта у Питера опять была судебная практика. Однажды къ нему зашелъ мелочной лавочникъ изъ рабочаго квартала, у котораго пошли нелады съ домохозяиномъ. Питеръ выслушалъ его и сказалъ.

— Собственно состава преступленія тутъ нѣтъ, но если вы предоставите мнѣ поступить такъ, какъ я найду нужнымъ, я постараюсь помочь вамъ.

Лавочникъ согласился, и Питеръ отправился къ домовладѣльцу, розниц-

Digitized by Google

ному табачному торговцу, гдѣ-то на самомъ краю города.

— Я не считаю, чтобы мой довѣритель имѣлъ законные поводы для жалобы,—сказалъ Питеръ домохозяину,— но онъ увѣренъ въ противномъ, да и случай исключительный. Подобный ремонтъ не былъ предусмотрѣнъ при заключеніи контракта.

Хозяинъ сперва долго упрямился, но, наконецъ, сказалъ:

— Вотъ что, я дамъ на ремонтъ сто долларовъ, если вы заставите Поддса, одного изъ моихъ квартирантовъ, заплатить за квартиру, или, если онъ не заплатитъ, выселите его такъ, чтобы мнѣ это не стоило ни гроша.

Питеръ согласился и пошелъ къ неисправному плательщику. Онъ нашелъ, что самъ Поддсъ боленъ ревматизмомъ и совершенно неспособенъ къ труду. Жена его выбилась изъ силъ надъ работой, и даже всѣ дѣти работали, какъ могли, добывая гроши. Они задолжали доктору и тому же мелочному лавочнику.

Питеръ вернулся къ домовладѣльцу и разсказалъ, въ чемъ дѣло.

— Да, сказалъ тотъ, — я понимаю ихъ положеніе, но, м-ръ Стерлингъ, мой домъ заложенъ, и мнѣ нужно въ сентябрѣ проценты. Я ждалъ четыре мѣсяца и, право, больше ждать не могу.

Питеръ взялъ тридцать два доллара изъ своего «запаснаго фонда» и послалъ домовладѣльцу. «Я задержалъ восемь долларовъ за взысканіе», написалъ онъ ему.

Потомъ онъ позвалъ своего клієнта лавочника и сказалъ ему объ уступкѣ домовладѣльца.

— Сколько я вамъ долженъ,—спросилъ лавочникъ.

— Поддсы сказали мнѣ, что должны вамъ 16 долларовъ?

— Да, но я ихъ вѣрно не получу.

— Мнѣ слѣдуетъ 25 долларовъ. уничтожьте счетъ Поддса и дайте мнѣ разницу.

Лавочникъ былъ въ восторгѣ, такъ какъ не разсчитывалъ получить денегъ съ Поддсовъ, и съ готовностью уплатилъ 9 долларовъ.

Питеръ опять зашелъ къ Поддсамъ и отдалъ эти деньги женѣ.

— Если ваши дѣла поправятся, то отдадите ихъ когда-нибудь, — сказалъ онъ ей.—Не можете отдать—и не надо. Я загляну къ вамъ недѣли черезъ двѣ, посмотрю, какъ вы справились.

Когда это сложное дѣло было кончено, Питеръ написалъ матери: «Еще нѣсколько такихъ дѣлъ, и я обанкручусь. Мой запасный капиталъ таетъ быстрѣе, чѣмъ бы мнѣ хотѣлось, хотя его исчезновеніе равносильно облегченію чьихъ-нибудь заботъ. Я бы хотѣлъ сказать миссъ Де-Во, какъ много добра сдѣлали ея деньги, но боюсь, она не пойметъ, зачѣмъ я это говорю. У меня осталось только 176 долларовъ. Однако, большинство истраченныхъ денегъ роздано въ долгъ и, можетъ быть, вернется. Какъ бы тамъ ни было, я буду получать около 600 долларовъ жалованья за мое секретарство въ комиссіи о снабженіи съѣстными припасами, и половина его пойдетъ въ запасный капиталъ».

Глава XXX.

Комедія.

Когда начался сезонъ, миссъ Де-Во принялась серьезно вводить Питера въ свѣтъ. Она дважды приглашала его обѣдать, дважды брала въ свою ложу въ оперу, и оказывала ему очень много вниманія. Питеръ съ благодарностью принималъ ея любезности, даже сшилъ себѣ новый фракъ у портного, котораго ему рекомендовалъ Лиспенардъ. Онъ получилъ нѣсколько приглашеній отъ знакомыхъ миссъ Де-Во, вѣроятно, по ея просьбѣ, и сдѣлалъ имъ визиты. Но прошло три мѣсяца, и миссъ Де-Во съ недоумѣніемъ покачала головой.

— Онъ совершенный джентльменъ и всѣмъ нравится. Но все-таки иногда... нѣтъ, я ничего не понимаю.

— А дѣло ясно, — хохоталъ Лиспенардъ.—Нельзя сдѣлать шелковаго кошелька изъ свинаго уха.

— Лиспенардъ,—разсердилась миссъ

Digitized by Google

Де-во.—Развѣ можно сравнивать Стерлинга...

— Конечно, нѣтъ, — сказалъ Лиспенардъ. — Я вовсе не хочу умалять достоинства Питера. Напротивъ, въ томъ-то и дѣло, что онъ слишкомъ хорошій человѣкъ, чтобы обратится въ свѣтскаго маркиза или дамскаго угодника.

— Пожалуй, вы правы. Я не думаю, чтобы это доставляло ему удовольствіе.

— Да, — замѣтилъ Лиспенардъ. — «Браунъ не согласенъ». Мнѣ кажется, онъ искренно привязанъ къ вамъ и продѣлываетъ всѣ эти церемоніи, чтобы угодить вамъ.

— Вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете?

Лиспенардъ засмѣялся при видѣ серьезности, съ какой этотъ вопросъ былъ ему предложенъ.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—я шучу. Питеръ ходитъ къ вамъ потому, что его привлекаютъ ваши свѣтскіе друзья.

Неизвѣстно. повліялъ ли этотъ разговоръ на миссъ Де Во, или она измѣнила свое мнѣніе, но только приглашенія на званые обѣды и въ оперу вдругъ прекратились и замѣнились обѣдами въ тѣсномъ кругу, посѣщеніями галлерей и вечерними концертами. Иногда къ миссъ Де-Во и Питеру присоединялся Лиспенардъ или одна изъ барышень Ордень, но чаще они были одни. Не проходило недѣли безъ того, чтобы Питеръ не имѣлъ случая видѣться съ миссъ Де-Во.

Однажды, въ февралѣ, Питеръ получилъ отъ миссъ Де-Во приглашеніе зайти, «чтобы переговорить о дѣлѣ». Питеръ въ тотъ же вечеръ отправился къ ней.

Она горячо благодарила, что онъ такъ скоро исполнилъ ея просьбу, и Питеръ замѣтилъ, что она чѣмъ-то очень взволнована, и только присутствіе двухъ другихъ гостей заставляло ее сдерживаться. Наконецъ, гости ушли, и они остались вдвоемъ.

— Пойдемте въ библіотеку,—сказала миссъ Де-Во и, обращаясь къ лакею, прибавила:—Морденъ, я больше не принимаю.

Они не успѣли сѣсть, какъ она начала:

— М-ръ Стерлингъ, я вчера была у Манфредовъ.—Ея голосъ дрожалъ, несмотря на всѣ ея усилія не волноваться. Питеръ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее.—Тамъ былъ мистеръ Лафэмъ, директоръ банка.

Питеръ ничего не понималъ.

— Онъ разсказалъ мнѣ про одного молодого адвоката, у котораго были очень скромныя средства, а между тѣмъ, онъ отложилъ пятьсотъ долларовъ, свои первые заработанные деньги, чтобы помогать...—голосъ миссъ Де-Во оборвался, она прислонилась къ камину и закрыла лицо руками.

— Какъ странно, что вы это узнали,—сказалъ Питеръ.

— Онъ не назвалъ имени, но я сейчасъ догадалась.

— Я не хотѣлъ говорить объ этомъ, потому что... А впрочемъ, мнѣ всегда хотѣлось разсказать вамъ, какъ много добра удалось сдѣлать на эти деньги. Не присядете ли вы?

Питеръ подвинулъ кресло, и миссъ Де-Во сѣла.

— Что вы обо мнѣ подумаете! Вы должны считать меня страшно ребячливой,—говорила она, вытирая глаза.

— Плакать, конечно, не объ чемъ.

И Питеръ началъ разсказывать, сколько склянокъ съ лекарствами, сколько швейныхъ машинъ ему удалось купить, сколько просроченныхъ квартирныхъ денегъ онъ заплатилъ изъ своего «капитала».

— Видите ли,—говорилъ онъ,—эти бѣдняки слишкомъ самолюбивы, чтобы обращаться къ общественной благотворительности или къ богатымъ людямъ. Но они обсуждаютъ свои затрудненія въ «салонахъ» и на порогахъ дойковъ, а я слышу и могу самъ убѣдиться, дѣйствительно ли они нуждаются въ помощи. Они охотно принимаютъ ее отъ меня, потому что я—свой человѣкъ.

Миссъ Де-Во была слишкомъ взволнована, чтобы поддерживать разговоръ. Жизнь ея такъ сложилась что ей рѣдко приходилось о чемъ-нибудь плакать, и ей никогда не случалось плакать по пустякамъ.

Когда Питеръ поднялся, чтобы уходить, она сказала ему:

— Мнѣ бы хотѣлось серьезно поговорить съ вами, чтобы посмотрѣть, не

Digitized by Google

могу ли я вамъ помочь. Пожалуйста, заходите поскорѣй. Стоило васъ звать сегодня, чтобы вы только смотрѣли, какъ я плачу, какъ маленькая! Но я была несправедлива къ вамъ по поводу этихъ семи долларовъ, а теперь мнѣ такъ совѣстно...

Голосъ ея опять задрожалъ, но она пересилила свое волненіе:

— До свиданья.

Когда Питеръ ушелъ, миссъ Де-Во, всласть наплакавшись,—выраженіе чисто женское, котораго мужчины никогда не поймутъ,—пошла въ свою уборную и вымыла глаза. Потомъ она усѣлась у камина въ библіотекѣ и долго сидѣла задумавшись.

Наконецъ, она встала и, уходя въ свою комнату, громко сказала:

— Да, онъ женится на Дороти, если я могу это устроить.

Поэтому, Дороти сдѣлалась непремѣнной участницей обѣдовъ и посѣщеній выставокъ и концертовъ. Питеръ былъ опять приглашенъ въ оперу, но въ ложѣ, кромѣ него, миссъ Де-Во и Дороти, въ эти дни никого больше не бывало. Миссъ Де-Во представила Питера миссисъ Огденъ и расхваливала его обоимъ родителямъ. Она даже открыто изложила имъ свои проекты.

М-ръ Огденъ сказалъ:

— Всѣ, кто только его знаютъ, хорошо отзываются о немъ. Пелль очень хвалилъ его прошлымъ лѣтомъ въ Ньюпортѣ. Говорилъ, что это восходящее свѣтило на политическомъ небѣ.

— Онъ выглядитъ очень положительнымъ человѣкомъ,—замѣтила мамаша.—Только, кажется, онъ очень мало зарабатываетъ.

— Ахъ, не думайте о деньгахъ,—перебила ее миссъ Де-Во.—Лишь бы человѣкъ былъ хорошій, такой, котораго стоитъ любить.

— А все-таки деньги—вещь необходимая,—замѣтилъ папаша.

— Конечно, но вы оба знаете, что я хочу сдѣлать для Дороти и Минны. Не будемъ думать о деньгахъ. Лишь бы онъ и Дороти полюбили другъ друга.

Питеръ и Дороти нравились другъ другу. Дороти была очень хороша собой и обладала всѣми качествами, дѣлающими дѣвушку привлекательной въ глазахъ мужчины. Питеру она не могла не нравиться.

Что же касается Дороти, она была женщиной въ полномъ смыслѣ слова. Она любила поболтать и пошутить съ свѣтскими молодыми людьми въ обществѣ, кокетничала и танцовала съ ними съ упоеніемъ, но замужество съ однимъ изъ нихъ она не считала привлекательнымъ.

Современная женщина хочетъ, чтобы человѣкъ, котораго она полюбитъ, обладалъ сильнымъ характеромъ и умѣлъ говорить правду.

Поэтому-то Питеръ и нравился Дороти, и она восхищалась въ немъ многими чертами, которыхъ она не потерпѣла бы въ другомъ человѣкѣ. Правда, она часто подсмѣивалась надъ нимъ, но въ ея насмѣшкахъ не было ничего обиднаго, въ нихъ скорѣе высказывалось ободреніе и восхищеніе.

Когда настала весна, сердце миссъ Де-Во исполнилось надеждъ.

— Мнѣ кажется, дѣло идетъ на ладъ. М-ръ Стерлингъ обѣщалъ мнѣ погостить у меня недѣльку въ Ньюпортѣ. Пришлите ко мнѣ и Дороти на это время,—говорила она миссисъ Огденъ.

Лиспенардъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ, по обыкновенію расхохотался.

— Что, новая игрушка уже надоѣла?

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Развѣ вы не хотите женить его, чтобы избавиться отъ него?

— Конечно, нѣтъ. Мы будемъ видѣться попрежнему.

— Говорите за себя, маменька. Знаетъ ли объ этомъ д-ръ Браунъ?

Миссъ Де-Во сердито покраснѣла и сократила свой визитъ.

— Что за шутъ это Лиспенардъ!—невольно сказала она лакею, подсаживавшему ее въ экипажъ.

— Что прикажете, барышня?—спросилъ онъ, и глубокое изумленіе изобразилось на его лицѣ.

— Домой, Велингтонъ,—сердито отвѣтила ему миссъ Де-Во.

Питеръ заѣхалъ въ Ньюпортъ въ августѣ, возвращаясь отъ матери. Миссъ

Digitized by Google

Де-Во искусно намекнула ему, что будетъ Дороти, а Дороти дѣйствительно уже была тамъ. Но Питеръ очень мало видѣлъ ее наединѣ. Конечно, онъ могъ бы видѣть ее больше, если бы захотѣлъ, но Питеръ не умѣлъ, да и не хотѣлъ ловить часы и минуты, чтобы наединѣ бесѣдовать съ барышнями. Его пребываніе въ домѣ миссъ Де-Во доставило ему меньше удовольствія, чѣмъ онъ ожидалъ. Ему казалось, что недѣля, проведенная въ обществѣ миссъ Де-Во, Дороти и Лиспенарда, безъ другихъ гостей, будетъ однимъ безпрерывнымъ удовольствіемъ. Но онъ чувствовалъ, что что-то случилось съ его друзьями. И не онъ одинъ это чувствовалъ. Дороти, вернувшись домой, говорила матери:

— Не понимаю, что произошло съ кузиной Аннеке. Всю весну она была такъ мила со мной, какъ никогда, а не успѣла я пріѣхать въ Ньюпортъ,—она стала такъ холодна, хотя я ничѣмъ не могла ее обидѣть. Черезъ два дня я спросила ее, что съ ней, но она отвѣтила, что ничего, и разсердилась на меня. А я увѣрена, что есть что-то, такъ какъ она не стала меня удерживать, когда я сказала, что уѣду отъ нея раньше, чѣмъ предполагала.

— Можетъ быть, она была огорчена чѣмъ-нибудь, и это невольно вліяло на ея обращеніе съ тобой—отвѣтила ей мать.

— Но она не сердилась, кромѣ того дня, когда я спросила ее, что съ ней, а просто была рѣзка.

— Что, м-ръ Стерлингъ былъ?

— Да, и еще куча народу. Только мнѣ кажется, никто особенно не веселился, развѣ кузенъ Лиспенардъ. Но онъ пренесносный! Онъ все чему-то радовался, дѣлалъ замѣчанія, которыхъ никто не понималъ, а самъ все подсмѣивался. Я ему сказала разъ, что онъ невѣжливъ, а онъ мнѣ отвѣтилъ, что, когда люди играютъ комедію, надо умѣть во время смѣяться. Это было очень нелюбезно по отношенію къ м-ру Стерлингу, его ужъ никакъ нельзя обвинить въ томъ, что онъ играетъ комедію, онъ всегда говоритъ правду.

— Лиспенардъ вѣчно старается быть остроумнымъ.

— О, да. Представьте себѣ, что онъ сказалъ мнѣ на прощанье!

— Что же?

— Онъ пожалъ мнѣ руку и со смѣхомъ сказалъ: «злодѣй удаляется, будетъ комедія, а не трагедія». Что бы это значило?

Лиспенардъ остался, чтобы посмотрѣть «комедію», и казалось забавлялся ею, если судить по довольному выраженію его лица, когда ему случалось предаваться размышленіямъ.

Питера уговорили остаться подольше, и онъ согласился продолжить свое пребываніе на три дня.

Эти три дня прошли пріятнѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе, хотя Дороти уѣхала, а Дороти нравилась Питеру.

Онъ гораздо больше времени проводилъ съ миссъ Де-Во, и миссъ Де-Во была въ лучшемъ настроеніи.

Они дѣлали длинныя прогулки пѣшкомъ и въ экипажѣ, и цѣлые часы проводили въ разговорахъ.

Однажды миссъ Де-Во заговорила о Дороти:

— Это такая милая, прелестная дѣвушка. Мы всѣ надѣемся, что она выйдетъ замужъ за Лиспенарда.

— Вы одобряете бракъ между родными?

Миссъ Де-Во пристально смотрѣла на Питера, дѣлая свое замѣчаніе. Питеръ отвѣчалъ совершенно спокойно. Казалось, этотъ вопросъ интересовалъ его только съ научной точки зрѣнія. Миссъ Де-Во отвѣтила:

— Собственно говоря — нѣтъ, но лучше такіе браки, чѣмъ неизвѣстность. Очень трудно для дѣвушки въ положеніи Дороти выйти замужъ такъ, какъ хотѣлось бы.

— Почему?—спросилъ Питеръ, который не понималъ, что молодая, богатая и хорошенькая дѣвушка не могла найти себѣ подходящаго мужа.

— Это трудно объяснить, но... я разскажу вамъ свою собственную исторію, и вы, можетъ быть, тогда поймете. Такъ какъ вы никогда не задаете вопросовъ, я должна сама начать. Впрочемъ, можетъ быть, вы не спрашиваете потому,

Digitized by Google

что это васъ не интересуетъ?—и миссъ Де-Во засмѣялась.

— Я буду слушать васъ съ удовольствіемъ.

Что бы Питеръ ни говорилъ, его собесѣдникамъ въ голову не приходило спросить его «въ самомъ дѣлѣ?» или «вы это серьезно говорите?» Поэтому, и миссъ Де-Во повѣрила ему на слово.

— И мой отецъ, и моя мать были очень богаты, прежде чѣмъ поженились, а когда недвижимая собственность въ Нью-Іоркѣ возросла въ цѣнѣ, то они еще болѣе разбогатѣли. Оба они принадлежали къ самымъ старинымъ фамиліямъ. Я была ихъ единственнымъ ребенкомъ — Лиспенардъ говоритъ, что старинныя фамиліи такъ гордятся своимъ происхожденіемъ, что не рѣшаются обзаводиться большой семьей изъ боязни, что бы ихъ имя не стало заурядным. Родители сосредоточили на мнѣ всѣ свои мысли, все свое обожаніе. Я не была избалована, но за мной смотрѣли и ухаживали такъ, точно я была самой большой драгоцѣнностью на свѣтѣ. Когда я выросла и стала выѣзжать, мои родители и на полчаса не спускали меня съ глазъ. Я видѣла много людей, но исключительно нашего круга. Всѣ другіе люди были не достойны знакомства со мною. Мой отецъ ни съ кѣмъ не имѣлъ дѣлъ, никакой свѣжій элементъ не проникалъ въ нашъ домъ. Только старинныя фамиліи, и такъ изъ году въ годъ! Съ той минуты, какъ я вступила въ свѣтъ, за мной начали ухаживать. У меня было много претендентовъ, но меня воспитали въ страхѣ передъ охотниками за приданымъ, и я не довѣряла чистотѣ намѣреній большинства изъ нихъ. Другіе казались мнѣ ниже меня по рожденію, а я привыкла гордиться своимъ именемъ. Тѣ же, которые казались равными мнѣ по рожденію, часто были ниже меня по уму и никуда не годились въ нравственномъ отношеніи. Можетъ быть, я и полюбила бы кого-нибудь, еслибъ меня не такъ оберегали. Я была всегда окружена, и стоило мнѣ заговорить съ кѣмъ-нибудь, показавшимся мнѣ симпатичнымъ, что бы всѣ остальные нарушили нашъ tête-à tête. Только очень немногіе изъ молодыхъ людей, съ которыми мнѣ приходилось встрѣчаться, имѣли доступъ къ намъ въ домъ. Остальныхъ не считали достойными этой чести. Если бы серьезный, честный, дѣльный человѣкъ замѣтилъ и полюбилъ меня, ему не было бы случая сказать мнѣ это. Тѣхъ немногихъ, которыхъ я могла полюбить, или пугали мои деньги, или отталкивала моя популярность и исключительное положеніе въ свѣтѣ. Они не пробовали приближаться ко мнѣ. Я тогда еще ничего не понимала. Я гордилась моимъ успѣхомъ и не видѣла, какъ онъ мнѣ вредитъ. Я была вполнѣ счастлива дома и не стремилась выйти замужъ, особенно за одного изъ тѣхъ кавалеровъ, что окружали меня. Такъ я прожила шесть лѣтъ. Смерть моей матери прервала мои выѣзды. Когда я вернулась въ свѣтъ, я встрѣтила совершенно новыхъ людей. Мои прежніе знакомые переженились или разъѣхались. Свѣтъ пересталъ занимать меня. Я уѣхала съ отцомъ въ Европу и путешествовала три года. Едва мы вернулись домой, какъ онъ умеръ. Я вернулась въ общество, когда мнѣ уже было тридцать два года и стала той «незамужней тетушкой», какой вы меня знаете. Теперь вы понимаете, почему такой дѣвушкѣ, какъ Дороти, трудно хорошо выйти замужъ?

— Да, если человѣкъ не влюбился. Но разъ онъ дѣйствительно полюбитъ дѣвушку, его не испугаютъ ни богатство, ни положеніе ея.

— Такіе люди рѣдки, или, можетъ быть, я не привлекала ихъ. Я не такъ хорошо знала людей, какъ знаю ихъ теперь. Теперь я совсѣмъ другого мнѣнія о многихъ людяхъ, которые казались мнѣ прежде смѣшными и скучными. Женщина выходитъ замужъ не только для того, чтобы ее увеселяли.

— Я думаю,—замѣтилъ Питеръ,— женятся по любви и взаимной симпатіи.

— Да, и разъ она есть, все остальное не имѣетъ значенія. Мнѣ теперь тридцать семь лѣтъ; но если бы я нашла настоящаго человѣка, который полю-

Digitized by Google

былъ бы меня такъ, какъ я хочу быть любимой, я бы полюбила его всей душой. Я считала бы счастьемъ не только дать ему общественное положеніе и богатство, но сдѣлать моими каждое его желаніе, каждую его надежду.

Это было сказано самымъ спокойнымъ естественнымъ тономъ, какъ все, что они говорили. Миссъ Де-Во говорила безъ видимаго волненія, но когда она начала свою послѣднюю фразу, она перестала смотрѣть на Питера и отвернулась къ окну, такъ что ему былъ виденъ только ея профиль.

Поэтому она не замѣтила, какъ онъ внезапно поблѣднѣлъ, и выраженіе сильнаго страданія появилось на его лицѣ.

Она не видѣла, какъ это выраженіе исчезло, и лицо стало суровымъ и рѣшительнымъ, хотя глаза остались трустными.

Миссъ Де-Во нарушила молчаніе, начавъ:

— Вы не находите... но Питеръ прервалъ ее.

— Это очень печальная для меня исторія, потому что я тоже однажды молилъ любви и участія...

Миссъ Де-Во быстро оглянулась на него. Она замѣтила его страдальческое выраженіе, но не поняла его.

— Что вы хотите сказать? — спросила она.

— Я любилъ дѣвушку, которая не любила меня,—тихо отвѣтилъ Питеръ.

— Вы и до сихъ поръ ее любите?

— Я не имѣю права любить ее.

— Она замужемъ?

— Да.

— Разскажите мнѣ все.

— Нѣтъ, лучше не надо.

Миссъ Де-Во сидѣла нѣсколько минутъ молча, потомъ встала.

— Дорогой другъ,—сказала она, положивъ руку на плечо Питера,—мы съ вами ничего не выиграли въ жизненной лотереѣ. И вашъ жребій тяжелѣе, чѣмъ мой. Очень,—миссъ Де-Во на мгновеніе замолчала,—очень тяжело любить, когда васъ не любятъ.

И вотъ какъ кончилась «комедія» Лиспенарда.

Глава XXXI.

Столкновеніе.

Лиспенардъ вмѣстѣ съ Питеромъ вернулся въ городъ и въ поѣздѣ такъ объяснялъ ему причину своего отъѣзда.

— Видите ли, я иногда наѣзжаю лѣтомъ въ городъ, чтобы сдѣлать пребываніе въ деревнѣ выносимымъ, и затѣмъ возвращаюсь въ деревню, чтобы городъ казался привлекательнымъ. Черезъ недѣлю я вернусь въ Ньюпортъ. А вы когда вернетесь?

— Мои каникулы кончились.

— Знаю, но я думалъ, что моя кузина опять пожелаетъ васъ видѣть.

— Она мнѣ этого не говорила.

— Вотъ какъ! Значитъ, она только этого не сказала вамъ во время вашихъ бесѣдъ?

Питеръ ничего не отвѣтилъ, хотя Лиспенардъ имѣлъ вопросительный видъ.

— Можетъ быть, она такъ много болтала, что не догадалась попросить васъ?

Опять Питеръ промолчалъ.

— Вы увѣрены, что она не намекнула вамъ на возможность снова наслаждаться ея обществомъ?

Лиспенардъ улыбался.

— Огденъ, — спокойно сказалъ Питеръ,—вы ведете себя низко и отлично сознаете это.

Краска бросилась въ лицо Лиспенарда, и онъ всталъ со словами:

— Такъ ли я васъ понялъ?

Его манера и тонъ были сдержанны, но въ то же время вызывающи.

— Если вы мнѣ скажите, что я не такъ понялъ васъ, я извинюсь. Если вы находите мои слова оскорбительными, я возьму ихъ назадъ. Я сказалъ это не съ тѣмъ, чтобы оскорбить васъ, но чтобы показать вамъ, какое впечатлѣніе произвели на меня ваши вопросы.

— Когда человѣкъ называетъ другого низкимъ, онъ не долженъ надѣяться избѣжать послѣдствій своихъ словъ. Здѣсь не мѣсто для объясненій. Можете прислать мнѣ извиненіе, когда мы пріѣдемъ въ Нью-Іоркъ...

Питеръ перебилъ его.

— Я извинюсь только тогда, когда

Digitized by Google

вы мнѣ скажите, что я былъ неправъ, предполагая въ вашихъ вопросахъ дурное намѣреніе.

Диспенардъ не обратилъ вниманія на его слова.

— Иначе,—докончилъ онъ,—я буду считать наши отношенія прерванными,— и онъ ушелъ.

Питеръ въ тотъ же вечеръ написалъ Диспенарду длинное письмо. Онъ не извинялся, но кончилъ письмо слѣдующими словами:

«Между нами не должно быть недоразумѣній, намъ лучше остаться друзьями. Сегодняшнее столкновеніе, надѣюсь, не испортитъ нашихъ отношеній. Одинъ изъ насъ виноватъ и долженъ извиниться. Или вы предлагали мнѣ вопросы, которыхъ не имѣли права предлагать, или я не такъ понялъ васъ. Я написалъ вамъ мой взглядъ на то, что случилось—у васъ, конечно, свой взглядъ. Предоставляю дѣло на вашу совѣсть. Обдумайте его, и если вы все-таки найдете, что я неправъ, и сообщите мнѣ это, я готовъ извиниться».

Питеръ не получилъ отвѣта, а встрѣтивъ черезъ нѣсколько дней Огдена, услышалъ отъ него, что Диспенардъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, уѣхалъ охотиться на западъ.

— Онъ сказалъ, чтобы мы не ждали его, пока онъ самъ не вернется, и казался очень не въ духѣ.

Въ сентябрѣ Питеръ получилъ письмо отъ миссъ Де-Во, только нѣсколько строкъ, гдѣ она сообщала, что рѣшила провести зиму заграницей и на другой же день уѣзжаетъ.

«Я не успѣю повидать моихъ друзей,—писала она,—но мнѣ не хотѣлось уѣхать, не простившись съ ними, вотъ почему я пишу вамъ».

«Комедія» была совершенно окончена. Мы не должны думать, что разыгравшаяся комедія и ея прологъ, тянувшійся почти всю предыдущую зиму, отвлекли Питера отъ занятій.

Несмотря на всѣ старанія миссъ Де-Во, у него оставалось еще достаточно времени, чтобы провести нѣсколько дней въ Альбани, когда его отчетъ о дѣятельности комиссіи обсуждался законодательнымъ собраніемъ. Питеръ встрѣтилъ сильное противодѣйствіе обоимъ своимъ биллямъ и долженъ былъ вынести жестокую борьбу.

Газеты были на его сторонѣ; Костель помогалъ ему, но, несмотря на такую могущественную поддержку, его билли сначала были сильно искажены поправками и, наконецъ просто отложены.

Въ этой борьбѣ главнымъ помощникомъ Питера явился Пелль, и Питеръ началъ думать, что можно подкупать избирателей и все же быть не совсѣмъ дурнымъ человѣкомъ.

Не менѣе дѣятельнымъ, чѣмъ Пелль, оказался прежній врагъ Питера, бывшій мѣстный атторней, а теперь сенаторъ, съумѣвшій постоянствомъ и сочувственнымъ отношеніемъ къ биллямъ завоевать дружбу и уваженіе Питера.

Главнымъ противникомъ Питера былъ, конечно, Магиръ.

Не смотря на полное пораженіе, Питеръ рѣшилъ не складывать оружія. Работая надъ своими биллями, онъ познакомился съ дѣйствительнымъ настроеніемъ правительства, а сидя подолгу въ Альбани безъ всякаго дѣла и невольно вглядываясь въ то, что вокругъ него происходило, онъ выучился распознавать тѣ истинныя силы, которыя скрывались за подкупленнымъ большинствомъ и руководили сопротивленіемъ.

Питеръ повидался съ вождями оппозиціи и откровенно объяснился съ ними. Онъ сказалъ, что будетъ возобновлять борьбу съ каждой новой сессіей законодательнаго собранія до тѣхъ поръ, пока его билли не будутъ приняты, но что онъ готовъ сдѣлать нѣкоторыя поправки, если только онѣ будутъ справедливы. Онъ очень ясно доказалъ имъ, что имъ придется ежегодно тратить много денегъ, если они хотятъ, чтобъ его билли не вошли въ собраніе законовъ.

Нѣкоторые смѣялись надъ нимъ, другіе сердились. Только немногіе выслушавъ его, высказывали ему серьезныя возраженія, которыя Питеръ старался опровергнуть.

Наступило время очередныхъ выборовъ, и Питеръ сталъ проводить свое дѣло иными путями. Трое изъ город-

Digitized by Google

ихъ членовъ законодательнаго собранія и одинъ сенаторъ подали голоса противъ билля. Питеръ отправился въ ихъ избирательные участки и въ «салонахъ» и другихъ мѣстахъ сталъ говорить противъ нихъ. Сначала общественное мнѣніе быстро обернулось противъ Питера, но кровь его разгоралась вмѣстѣ съ борьбою, и ни свистки, ни тухлыя яйца, ни другія попытки оскорбить его не могли уже остановить его. Лидерамъ партій было предложено усмирить его, но Костелль отказался отъ вмѣшательства.

— Онъ все равно не перестанетъ,— говорилъ Костелль Гринну,—и пользы мы не принесемъ. Пусть сами дерутся до конца.

Это рѣшеніе показывало, что м-ръ Костелль хорошо зналъ свое дѣло.

Питеръ вызвалъ своихъ противниковъ на открытые дебаты, и когда они отказались, онъ сталъ нанимать залы, гдѣ цѣлые вечера обсуждалъ этотъ вопросъ. Онъ говорилъ крайне доказательно, съ еще большей силой, чѣмъ въ своемъ знаменитомъ «дѣлѣ».

Послѣ первой же попытки онъ увидѣлъ, что слушатели у него всегда будутъ. Слухъ дошелъ до его собственнаго участка, что онъ «началъ войну», и многіе изъ его друзей побѣжали его слушать. Скоро объ этомъ узналъ весь городъ, и публика стала ломиться на его митинги. Многіе не могли попасть за неимѣніемъ мѣста, и именно это обстоятельство привлекало новыя толпы. Наконецъ, нѣсколько заинтересованныхъ лицъ, во главѣ съ Пеллемъ, наняли громадный залъ «Союза Купера», и здѣсь Питеръ сказалъ, дѣйствительно, выдающуюся рѣчь передъ аудиторіей въ три тысячи слишкомъ человѣкъ. Газеты тоже пришли ему на помощь и мужественно поддерживали его. Съ ихъ помощью выяснилось, что борьба ведется только противъ горсти людей, заботящихся о своихъ интересахъ больше, чѣмъ объ интересахъ страны.

Встрѣчаясь съ редакторами многихъ газетъ, Питеръ дѣлился съ ними свѣдѣніями, полученными имъ во время дѣятельности комиссій, а также собственными наблюденіями, сдѣланными имъ въ Альбани. Они платили ему за это похвалами на страницахъ своихъ газетъ и выдвинули его впередъ, какъ иниціатора движенія.

Миссисъ Стерлингъ пришла къ заключенію, что заговоръ противъ возвышенія ея сына пересталъ существовать.

Результаты борьбы оказались благотворнѣе, чѣмъ самъ Питеръ могъ ожидать. Одинъ изъ членовъ законодательнаго собранія сдался и заявилъ, что больше не будетъ противиться принятію биллей. Второй былъ окончательно разбитъ.

Сенатора его собственные избиратели заставили отказаться отъ оппозиціи. Въ послѣднее время вопросъ обсуждался такъ открыто, дѣйствія собранія такъ порицались, и столько кричали о безсовѣстномъ подкупѣ, что провинціальные члены законодательнаго собранія не смѣли продолжать оппозиціи. Поэтому, билли, предложенные Шлергеромъ тотчасъ же послѣ открытія новой сессіи, были приняты послѣ перваго чтенія единогласно, никто не посмѣлъ сдѣлать ни малѣйшаго возраженія.

При помощи Костелля Питеру удалось побудить Кэтлина тотчасъ же подписать ихъ, и его долгая борьба кончилась блестящей побѣдой.

«Шестой» просто съ ума сошелъ отъ восторга. Зависѣло ли это отъ того, что жители шестого участка принадлежали къ тому классу, котораго новый законъ касался ближе всего, или причина лежала въ ихъ симпатіи къ Питеру, только при извѣстіи, что билль подписанъ, всю ночь пускали фейерверки и предавались шумному веселью.

Когда Питеръ вернулся въ городъ, однажды вечеромъ его пригласили въ самую большую залу квартала, и тамъ, послѣ факельной процессіи, продефилировавшей передъ нимъ, поднесли ему благодарственный адресъ.

Блекмеръ предсѣдательствовалъ на торжествѣ и произнесъ длинную рѣчь, исполненную глубокаго чувства и грамматическихъ ошибокъ, не принятую всѣми присутствующими оглушительными криками «ура».

Digitized by Google

Затѣмъ судья Галлагеръ прочелъ прекрасно составленный, краснорѣчивый адресъ. Деннисъ нарушилъ программу торжества; не будучи въ силахъ сдерживать своего энтузіазма, онъ вскочилъ и разразился горячей, хотя довольно нескладной импровизаціей, объясняя собравшимся, какъ много Питеръ сдѣлалъ для него лично, и хотя слушатели давно знали то, о чемъ онъ имъ говорилъ, однако, награждали его дружными аплодисментами.

— Это было неумѣстно, — сказалъ Деннису Бленкерсъ, когда онъ кончилъ свою рѣчь.

— Врешь! — закричалъ тотъ, опять вскакивая на ноги. — Всегда умѣстно хвалить мистера Сгерлинга!

И толпа снова зааплодировала ему.

Глава XXXII.

Конецъ конфликта.

Во время послѣдней кампаніи Питеръ подвергся два или три раза нападеніямъ, и Деннисъ, который всегда сопровождалъ его, взялся «дополнить его образованіе».

— У васъ лишнихъ тридцать фунтовъ жиру, сударь, и вы не умѣете работать кулаками,— заявилъ онъ ему.

Питеръ, по его совѣту, купилъ гимнастическія гири и рукавицы для бокса и, подъ руководствомъ Денниса, принялся изучать искусство самозащиты. Онъ былъ крайне удивленъ, когда мѣсяца черезъ два увидѣлъ, что спустилъ весь лишній жиръ, пріобрѣлъ быстроту и ловкость движенія и прекрасный аппетитъ и можетъ гораздо больше, чѣмъ прежде, работать и физически, и умственно, безъ малѣйшаго утомленія. Деннисъ же убѣдилъ Питера записаться въ тотъ полкъ милиціи, который пользовался особымъ расположеніемъ 6-го участка, и гдѣ онъ самъ былъ сержантомъ.

Полкъ очень тепло встрѣтилъ Питера, такъ какъ Деннисъ, который былъ весьма популяренъ, давно трубилъ о его славѣ; исключительная физическая сила и дружеское обращеніе Питера скоро привлекли къ нему всѣ сердца. Огденъ Огденъ смѣялся надъ Питеромъ, что онъ выбралъ самый «плебейскій» полкъ, и предлагалъ перевести его въ седьмой, но Питеръ отвѣтилъ, что ему и тутъ хорошо. Питера мало видѣли въ свѣтѣ этой зимой. Онъ добросовѣстно сдѣлалъ визиты всѣмъ знакомымъ, но постоянныя поѣздки въ Альбани, упражненія съ Деннисомъ и вечернія ученія въ полку часто мѣшали ему воспользоваться полученными приглашеніями. Кромѣ того, у него было очень много новыхъ знакомыхъ, поэтому онъ могъ меньше времени отдавать старымъ. Число этихъ послѣднихъ, положимъ, убавилось съ отъѣздомъ миссъ Де-Во и Лисперанда, за то время его было гораздо больше занято.

Юридическая практика Питера расширялась.

Подрядчикъ, сидѣвшій съ нимъ вмѣстѣ въ коммиссіи, первый поручилъ ему крупное дѣло. Затѣмъ, санитарное управленіе пригласило его въ качествѣ спеціальнаго повѣреннаго при возбужденіи судебныхъ преслѣдованій на основаніи новаго закона о жилищахъ. Газеты говорили, что онъ обязанъ своимъ назначеніемъ своему основательному знакомству съ этимъ вопросомъ, но Питеръ хорошо зналъ, что назначеніе его—дѣло рукъ Грина, только что избраннаго въ члены санитарнаго управленія. Наконецъ, и избиратели его начали поручать ему веденіе своихъ дѣлъ, и хотя денегъ эти послѣднія приносили мало, но число ихъ скоро достигло солидной цифры. О возрастаніи успѣха Питера можетъ свидѣтельствовать предложеніе Деммера соединиться съ нимъ.

— Мистеръ Больманъ хочетъ передать вамъ часть своихъ дѣлъ,— сказалъ Деммеръ,— и намъ удобнѣе образовать товарищество, чѣмъ дѣлить между собою дѣла.

Питеръ зналъ, что Деммеръ имѣетъ много, выгодныхъ дѣлъ извѣстнаго сорта, а потому отказался.

— Я рѣшилъ никогда не вести дѣла, правота котораго не очевидна для меня.

— Адвокатъ обязанъ вести всякія дѣла, также какъ докторъ обязанъ лечить всякихъ пацієнтовъ.

Digitized by Google

— Адвокаты только говорятъ это, а думаютъ иначе.

— Что-жъ, каждый можетъ имѣть свои убѣжденія. Мы будемъ сообща вести только тѣ дѣла, которыя вы захотите. Остальными я могу самъ заняться.

— Я вамъ очень благодаренъ за предложеніе,—отвѣтилъ Питеръ,—но я не думаю, чтобы это было возможно; разъ мы образуемъ товарищество, дѣйствія его будутъ приписываться намъ обоимъ.

Несмотря на то, что комбинація не удалась, Больманъ поручилъ Питеру веденіе нѣкоторыхъ дѣлъ, и Деммеръ въ этихъ случаяхъ помогалъ ему.

Вотъ почему, хотя кругъ знакомства Питера расширился, его все рѣже и рѣже видѣли въ обществѣ, и даже друзья его, видя, какъ сильно онъ занятъ, перестали особенно приглашать его и довольствовались тѣмъ, когда онъ самъ неожиданно заходилъ къ нимъ.

Въ серединѣ зимы Питеръ былъ неожиданно обрадованъ письмомъ Лиспенарда, присланномъ изъ Японіи.

«Тихоокеанскій вѣтеръ развѣялъ мое дурное настроеніе,—писалъ онъ;—я вижу, что былъ не правъ, и оплакиваю мой первородный грѣхъ и то, что произошло черезъ него. Вы были совершенно правы, и мы остаемся друзьями попрежнему».

Питеръ сейчасъ же отвѣтилъ ему, и у нихъ завязалась правильная переписка. Онъ послалъ также миссъ Де-Во поздравленіе съ праздниками и получилъ отъ нея изъ Ниццы длинное письмо, въ которомъ она сообщала ему о Уаттсѣ и Эллен.

«Эллен теперь поправилась совершенно, но, проведя шесть лѣтъ въ Европѣ, они совершенно сжились съ европейской жизнью и врядъ ли вернутся. Я говорила имъ про наше знакомство, и они вспоминали васъ съ большимъ участіемъ».

Питеръ отвѣтилъ ей и попросилъ передать «привѣтъ м-ру и миссисъ Д'Аллуа, если вамъ придется опять встрѣтить ихъ». Съ этихъ поръ онъ изрѣдка переписывался съ миссДе-Во; она описывала ему свои странствія по Италіи, Греціи и Египту, а онъ сообщалъ ей о своихъ дѣлахъ и посылалъ отчеты о состояніи «запаснаго фонда», въ который миссъ Де-Во обѣщала ежегодно вносить тысячу долларовъ.

Когда доходы Питера увеличились, онъ сталъ позволять себѣ кое-какое баловство. По рекомендаціи м-ра Пелля, онъ былъ выбранъ въ члены сначала одного, а затѣмъ двухъ нью-іоркскихъ клубовъ, и его обѣды, поэтому, стали болѣе роскошны. Чтобы доставить себѣ необходимый моціонъ, онъ просилъ Костелля поискать ему верховую лошадь, но Костелль подарилъ ему одну изъ своихъ собственныхъ. Питеръ теперь одѣвался у хорошаго портного, что могло сильно повредить ему въ глазахъ «ребятъ», но, однако, не повредило. Онъ попрежнему не отказывался выкурить трубку въ «салонахъ» или на порогѣ дома своихъ избирателей, но справедливость заставляетъ насъ сознаться, что на его столѣ появился ящикъ съ настоящими гаванискими сигарами. Юридическая практика Питера все расширялась. По мѣрѣ того, какъ росла его политическая слава, его стали приглашать третейскимъ судьей въ особенно запутанныхъ вопросахъ. Одно крупное мѣстное учрежденіе, имѣвшее массу дѣлъ по взысканіямъ, предложило ему быть его постояннымъ повѣреннымъ съ годовымъ содержаніемъ.

Потомъ тотъ банкъ, гдѣ Питеръ былъ вкладчикомъ, поручилъ ему веденіе своихъ дѣлъ.

— Его имя привлекаетъ къ намъ кліентовъ, говорилъ м-ръ Лафэмъ своимъ товарищамъ акціонерамъ, — да и самъ онъ скоро будетъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ вкладчиковъ.

Питеръ скоро замѣтилъ, что ему одному не справиться съ дѣлами, и взялъ компаньона. Мысль эту подалъ ему Огденъ, окончившій свои занятія въ конторѣ адвоката и собиравшійся самостоятельно заняться адвокатурой.

— У меня масса друзей,—сказалъ онъ, — и они обѣщали поручать мнѣ веденіе своихъ дѣлъ. Не знаю, много ли ихъ будетъ, но мнѣ бы хотѣлось попробовать свои силы подъ вашимъ руководствомъ. Конечно, ваша практика

Digitized by Google

куда обширнѣй моей, но мы какъ-нибудь поладимъ.

Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, дощечка на дверяхъ Питера перемѣнилась. Теперь на ней красовались два имени: «Стерлингъ и Огденъ», и товарищество стало процвѣтать, появился даже мальчикъ разсыльный, одинъ изъ пріятелей Питера изъ «треугольника».

Друзья у Огдена были все дѣльцы, и трудъ компаньоновъ оплачивался хорошо. Дѣла все прибывали, понадобился еще помощникъ, и по просьбѣ Огдена, былъ приглашенъ Рей Ривингтонъ.

— Его занятія идутъ туго, хотя онъ увѣряетъ, что трудится изо всѣхъ силъ,— говорилъ Огденъ. Врядъ ли онъ когда-нибудь будетъ хорошимъ юристомъ, у него не юридическій умъ. Но онъ будетъ привлекать кліентовъ, потому что очень популяренъ въ нашемъ кругу, и съумѣетъ разговаривать съ ними и бѣгать по порученіямъ. Онъ такъ умѣетъ угодить всѣмъ. А кромѣ того, долженъ сказать вамъ, я еще по другой причинѣ хлопочу за него. Онъ и Дороти рѣшили повѣнчаться, когда онъ будетъ въ состояніи жениться. Но это, конечно, между нами.

— Я съ удовольствіемъ возьму его, особенно послѣ того, что вы сказали мнѣ, хотя онъ и самъ по себѣ мнѣ симпатиченъ,—отвѣтилъ Питеръ.

На дощечкѣ появилось третье имя: «Стерлингъ, Огденъ и Ривингтонъ», и къ прежнему помѣщенію прибавили еще двѣ комнаты; прежняя комната Питера поступила въ распоряженіе маленькаго разсыльнаго, который цѣлый день свистѣлъ и пѣлъ уличныя пѣсни и не занимался изученіемъ статей. Да и Питеру теперь некогда было этимъ заниматься; онъ велъ войну съ двумя сильными противниками: свѣтомъ и самимъ собой, и побѣдилъ обоихъ.

Глава XXXIII.

Послѣ многихъ лѣтъ.

Такъ прошло цѣлыхъ десять лѣтъ. Питеръ снова сидѣлъ у конторки съ письмомъ въ рукахъ и по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, на лицѣ его появилось удивленное выраженіе. Вотъ что гласило письмо:

«22-го марта.

«Дорогой старый товарищъ.

«Я по обыкновенію попалъ въ бѣду и взываю къ тебѣ: выручи меня, какъ ты уже много разъ выручалъ. Ради Бога, приходи, какъ можно скорѣе, каждая минута дорога. Ты видишь, я убѣжденъ, что взываю не даромъ. «Неизмѣненъ какъ пирамиды», должно было бы быть твоимъ девизомъ.

«Эллень и наша малютка будутъ въ восторгѣ увидѣть тебя, также какъ преданный тебѣ Уаттсъ».

Питеръ открылъ ящикъ стола и спряталъ письмо; потомъ справился съ календаремъ, подошелъ къ двери, открылъ ее и сказалъ:

— Я ухожу. Если придетъ м-ръ Мурти, его приметъ м-ръ Огденъ.

Питеръ вышелъ на улицу, сѣлъ на извозчика и велѣлъ везти себя въ Грамерси-Паркъ.

Когда Питеръ позвонилъ, лакей, открывшій ему дверь, колебался, принять ли его.—М-ръ Д'Аллуа дома, сэръ, но онъ отдыхаетъ, и намъ не приказано тревожить его.

— Передайте мою карточку. Онъ меня приметъ.

Лакей провелъ Питера въ гостинную и исчезъ. Питеръ услыхалъ какіе то переговоры въ пол-голоса, затѣмъ портьеры быстро раздвинулись и на порогѣ, протягивая гостю обѣ руки, появилась Эллень.

— Какъ это мило съ вашей стороны! И какъ неожиданно!

Питеръ пожалъ ея руку, но ничего не сказалъ. Они сѣли, и миссисъ Д'Аллуа продолжала:

— Уаттсъ спитъ, и я не велѣла его безпокоить. Я хочу сама поговорить съ вами. У васъ есть время?

— Да.

— Чудесно. Вы не должны церемониться съ нами. Вѣдь вы можете остаться у насъ обѣдать?

— Я бы очень хотѣлъ, но я уже приглашенъ.

— Ну такъ въ другой разъ. Какъ

Digitized by Google

мило, что вы зашли къ намъ! Я посылала къ вамъ Уаттса, но онъ такой лѣнтяй! Но теперь вы сами розыскали насъ. Только отчего вы не спросили насъ обоихъ?

— Я пришелъ по дѣлу,—сказалъ Питеръ.

Миссисъ Д'Аллуа разсмѣялась.

— Уаттсъ наименѣе всего пригоденъ къ дѣламъ, но я увѣрена, что онъ сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобы помочь вамъ. Онъ очень любитъ васъ.

Изъ этихъ словъ Питеръ заключилъ, что миссисъ Д'Аллуа не знаетъ о «бѣдѣ», и съ осторожностью юриста не сталъ ее разубѣждать, что пришелъ не по своимъ дѣламъ.

— Какъ вы измѣнились!—продолжала миссисъ Д'Аллуа.—Если бы я не прочла вашего имени на карточкѣ, я ни за что не узнала бы васъ.

Питеръ только что подумалъ тоже самое относительно миссисъ Д'Аллуа. Долгая болѣзнь или протекшіе годы такъ повліяли на нее? Все въ ней измѣнилось, кромѣ глазъ. Щеки поте,яли округлость и румянецъ, волосы замѣтно порѣдѣли; года и заботы наложили печать на ея лицо, съ котораго исчезло кроткое выраженіе, составлявшее главную ею прелесть. Стройность фигуры поддерживалась очевидно только искусствомъ портнихи. Питеръ недоумѣвалъ Неужели эта женщина могла причинить ему столько страданій? Неужели изъ-за нея онъ остался холостякомъ до тридцати восьми лѣтъ? Какъ многіе люди, онъ убѣдился, что любилъ только свой идеалъ, созданіе своей собственной фантазіи, и ради мечты столько разъ отталкивалъ свое счастье. А теперь онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ предметомъ своихъ мечтаній и чувствовалъ, какъ блекли краски его идеала. Съ той достопамятной недѣли, проведенной у Пирсовъ, Питеру пришлось встрѣчаться съ многими очаровательными женщинами и дѣвушками, и взглядъ его на женщину былъ уже не тотъ, что прежде. Питеръ не былъ такъ неловокъ, чтобы сказать миссисъ Д'Аллуа, что и она измѣнилась. Съ годами онъ пріобрѣлъ свѣтскій тактъ, хотя не потерялъ своей правдивости.

Поэтому онъ ограничился тѣмъ, что сказалъ:

— Вы находите?

— Несомнѣнно. Вы стали стройнѣе, хотя расширились въ плечахъ, и ваше лицо такъ... такъ перемѣнилось.

Все это было совершенно справедливо. Не смотря на высокій ростъ и ширину въ плечахъ, Питеръ не отяжелѣлъ. А лицо его дѣйствительно измѣнилось. Когда юношеская округлость щекъ исчезла, глаза и лобъ стали болѣе замѣтны, а они у Питера были очень хороши. Нижняя челюсть была по прежнему немного тяжела, но прежнее угрюмое и скучающее выраженіе замѣнилось добрымъ и энергичнымъ. Лицо его нельзя было назвать прекраснымъ, т. к. красота обусловливается правильностью чертъ, но оно было строго и выразительно, носило отпечатокъ мысли и чувства.

— Знаете ли вы,—засмѣялась миссисъ Д'Аллуа,—что вы очень похорошѣли, а я думала, что это невозможно.

— Давно ли вы пріѣхали?

— Мѣсяцъ тому назадъ. Мы теперь живемъ у отца, пока не приведутъ въ порядокъ нашъ домъ на 55-ой улицѣ. Онъ стоялъ пустой со смерти миссисъ Д'Аллуа. Но не будемъ говорить о домахъ. Разскажите лучше о себѣ.

— Нечего разсказывать. Я занимаюсь адвокатурой и имѣю нѣкоторый успѣхъ.

— Но я видѣла ваше имя въ газетахъ. И въ Европѣ мы встрѣчали многихъ людей, говорившихъ, что вы стали знаменитостью.

— Я много занимался политикой. Самъ не знаю—прославился ли я или обезславился. Это зависитъ оттого, какую газету... я въ данный моментъ читаю.

— Да, я читала на пароходѣ одну газету... Миссисъ Д'Аллуа остановилась, вспомнивъ, что эта газета обвиняла Питера во всѣхъ преступленіяхъ, какія только возможно взвести на человѣка. Она поторопилась прибавить:— Я знаю, что это все ложь. Но ея тонъ скорѣе

Digitized by Google

былъ вопросительный, чѣмъ убѣжденный.

По правдѣ сказать, миссисъ Д'Аллуа была вовсе не увѣрена въ безукоризненности Питера; въ Америкѣ каждое обвиненіе, брошенное въ лицо политическому дѣятелю, отличается особенною жизненностью и упорствомъ.

Она слышала, что Питеръ открыто поддерживаетъ кабаки, и что въ Нью-Іоркѣ политическій успѣхъ всегда зиждется на потворствѣ порокамъ толпы.

— Вамъ не тяжело заниматься политикой? спросила она, чтобы испытать, какъ глубоко онъ погрязъ въ бездну порока.

— До сихъ поръ—нѣтъ.

— Но эта политика должна быть очень непріятна для джентельмена? У простого народа такія грязныя руки!

— Не грязныя руки отравляютъ въ Америкѣ политику, а грязныя совѣсти.

— Развѣ вся политика такъ безнравственна и подкупна?

— Политику дѣлаютъ люди.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Я думаю, ваша жизнь не могла васъ познакомить со всѣмъ этимъ. Разскажите лучше, что дали вамъ эти долгіе года?

— Полнѣйшее счастье! О м-ръ Стерлингъ! Могу я васъ звать просто Питеръ? Благодарю васъ, Питеръ, у меня лучшій благороднѣйшій мужъ на свѣтѣ! Онъ—сама доброта и снисходительность! Лицо миссисъ Д'Аллуа сіяло счастьемъ и нѣжностью.

— А ваши дѣти?

— У насъ только одна дочка. Прелестнѣйшее дитя, какое только можно себѣ представить.

— Фи, фи, мой цвѣточекъ,—закричалъ, входя, Уаттсъ.—Не надо такъ говорить про себя, даже если все это святая истина. Предоставь мнѣ хвастаться. Питеръ, старина, какъ погуливаешь? Я бы извинился, что заставилъ тебя ждать, но не за что, разъ Эллень меня замѣнила. Не Буало-ли какъ-то сказалъ: лучшее въ человѣкѣ—это его жена?

Миссисъ Д'Аллуа сіяла.

— Не вѣрьте ему, Питеръ,—сказала она.—Онъ гораздо лучше меня.

Уаттсъ разсмѣялся.

— Извини, старина. Это случается въ лучшихъ семьяхъ, когда женишься на ангелѣ.

— Видите,—замѣтила миссисъ Д'Аллуа,—какъ онъ меня балуетъ.

— А она отъ этого хорошѣетъ, правда, Питеръ?—сказалъ Уаттсъ.—Ну не прелесть-ли она! Даже лучше, чѣмъ была прежде!

Миссисъ Д'Аллуа покраснѣла отъ удовольствія, однако, замѣтила:

— Полно, Уаттсъ, голубчикъ, неужели ты думаешь, что я повѣрю такой явной лести. Теперь поцѣлуй меня — Питеръ не осудитъ, и я васъ оставлю. Я чувствую, что вы горите желаніемъ поговорить о прежнихъ дняхъ. Прощайте, Питеръ, т.-е. до свиданія, вы должны почаще приходить. Уаттсъ, сговорись съ Питеромъ, когда онъ можетъ обѣдать у насъ.

Миссисъ Д'Аллуа вышла. Сердце Питера продолжало биться ровно и спокойно.

Глава XXXIV.

Спасеніе Уаттса.

По уходѣ жены Уаттсъ снова протянулъ руку.

— Еще разъ здравствуй, старый другище. Какъ я радъ тебя видѣть! Снова чувствую себя студентомъ! Пойдемъ въ мою берлогу, тамъ намъ никто не помѣшаетъ.

Они прошли черезъ двѣ комнаты и усѣлись въ кабинетѣ Уаттса.

— Ну, закуривай сигару. Удобно ли тебѣ?

— Да!

— Maintenant, я думаю, ты желаешь знать, зачѣмъ я тебя такъ стремительно выписалъ?

— Да.

— По правдѣ сказать, я попалъ въ ужасную передрягу. Я былъ въ такомъ отчаяніи вчера, что готовъ былъ пустить себѣ пулю въ лобъ. Мнѣ такъ стало скверно на душѣ, что я вчера

Digitized by Google

вечеромъ пошелъ въ клубъ, чтобы немножко развлечься. Первое, что я тамъ услышалъ, было твое имя. «Выигралъ крупный процессъ. Лучшій нью-іоркскій адвокатъ». Я подумалъ: это внушеніе свыше, Питеръ всегда меня выручалъ, еще въ школѣ. Дай напишу ему. Сейчасъ же написалъ и весь вечеръ игралъ на биліардѣ, такъ былъ увѣренъ, что ты, какъ прежде, сейчасъ же прибѣжишь меня спасать.

— Скажи же, въ чемъ дѣло?

— Чертовская штука, даже и не разскажешь.

— Денежныя затрудненія?..

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебилъ Уаттсъ.— Вовсе нѣтъ. По совѣсти, у меня больше денегъ, чѣмъ бы нужно было, и всегда такъ будетъ. Если бы только это!

— Я охотно помогу, но какъ?

— Поможешь, поможешь,—радостно закричалъ Уаттсъ. — Ты все тотъ же милый, старый другъ! Вотъ въ чемъ дѣло. Подвинься поближе. Ну, я начинаю. Я не обижусь, если ты придешь въ негодованіе. Ругай, сколько хочешь!

— Я слушаю.

— Ну-съ, короче сказать, я такъ запутался съ одной бабенкой, что теперь самъ чортъ меня не развяжетъ. А ты вытащишь меня изъ этой ямы, голубчикъ, не правда ли?

— Нѣтъ!

— Не говори этого, Питеръ. Ты долженъ помочь мнѣ. На тебя вся моя надежда.

— Я терпѣть не могу мѣшаться въ такія дѣла,—сказалъ Питеръ совершенно спокойно.—И не желалъ бы даже ничего знать.

И онъ всталъ.

— Не бросай меня! — закричалъ Уаттсъ, вскочивъ съ мѣста и положивъ руку на плечо Питера, желая удержать его.—Ради Бога! Она грозитъ мнѣ скандаломъ. Подумай, какой позоръ! Господи, Питеръ, подумай...

— Пусти меня!

— Но, Питеръ, подумай...

— Надо было раньше думать, теперь поздно, Уаттсъ. Я не хочу путаться въ это дѣло.

— Но, старина, я голову теряю. Это убьетъ Эллену!

Питеръ успѣлъ вырваться изъ рукъ Уаттса и сдѣлалъ шагъ къ двери. При имени Эллены онъ остановился.

— Она не знаетъ?

— И не подозрѣваетъ даже. Нужны очень вѣскія доказательства, чтобы заставить ее повѣрить этому. Она обожаетъ меня. О, Питеръ, спаси ее! Спаси Леонору, если не хочешь спасти меня!

— Развѣ ихъ можно спасти?

— Это-то я и хочу знать отъ тебя. Сядь пожалуста. Я все тебѣ разскажу.

Питеръ еще колебался, но все-таки сѣлъ.

— Это началось въ Парижѣ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ. Такія исторіи всегда начинаются въ Парижѣ. Тамъ воздухъ особенный. Она...

— Стой! Я самъ буду тебя спрашивать. Мнѣ вовсе не интересно слушать твои исторіи.

Питеръ старался говорить спокойно и ни голосомъ, ни лицомъ не выдать того, что онъ чувствовалъ.

— Она грозитъ тебѣ скандаломъ? Какимъ?

— Да вотъ! Черезъ три года она мнѣ надоѣла, и я хотѣлъ съ этимъ покончить. А она преслѣдовала меня 10 лѣтъ, такъ что я, наконецъ, съ отчаянія, вернулся въ Америку, чтобы удрать отъ нея.

— А она послѣдовала за тобой?

— Да! Она гонялась за мной по всей Европѣ и превратила мою жизнь въ адъ, а теперь пріѣхала сюда.

— Если это чисто денежный вопросъ, я не понимаю, чего тебѣ отъ меня надо?

— Она говоритъ, что ищетъ не денегъ, а мести. Она взбѣсилась, что я уѣхалъ, не сказавъ ей, у ней всегда былъ скверный характеръ, ну, а теперь, самъ знаешь, разозлившаяся женщина способна на все.

— Она грозитъ все разсказать твоей женѣ?

— Нѣтъ. Она говоритъ, что подастъ на меня въ судъ.

— На какомъ основаніи?

— Вотъ это-то самое скверное. Видишь ли, старина, у нея ребенокъ, и

Digitized by Google

она хочетъ требовать на его воспитаніе. Господи! Да на тѣ деньги, что я передавалъ ей, можно десять ребятъ воспитать. Это просто злоба!

— Уаттсъ, Уаттсъ!—сказалъ Питеръ грустнымъ голосомъ.

— Дрянь дѣло, правда? Не будь ребенка, я бы могъ...

Питеръ перебилъ его:

— Есть у нея доказательства, что ребенокъ твой?

— Есть, чортъ ее возьми! Письма ей писалъ, какъ дуракъ, пока былъ увлеченъ. Талейранъ былъ правъ, когда сказалъ, что только дураки и женщины пишутъ письма.

— Но какъ ты могъ?..

— Самъ себя сто разъ объ этомъ спрашивалъ. О, я довольно раскаиваюсь. Клятву далъ пера въ руки не брать. Jamais!

— Я не о письмахъ говорю, а объ обѣщаніи.

— Объ обѣщаніи?

— О твоемъ брачномъ обѣщаніи.

— Ахъ, да! понимаю. Только видишь ли, дружище, прежде чѣмъ обѣщать вѣчно любить одну женщину, надо было бы знать всѣхъ остальныхъ.

— Значитъ, четверть часа тому назадъ ты игралъ комедію?

— Да нѣтъ же! Честное слово, Питеръ, я очень люблю мою маленькую женушку. Право, люблю. Ты знаешь, Доде говоритъ, что можно любить двухъ женщинъ заразъ.

— Если такъ, то гдѣ же честь?

Питеръ старался подавить свое волненіе, которое мѣшало ему дѣлать допросъ.

— Ахъ, самъ знаю! Сколько разъ я себѣ твердилъ это! Вотъ смотри.—Уаттсъ вытащилъ изъ кармана револьверъ.—Вотъ видишь, до какого отчаянія я дошелъ. Я уже два дня держу его въ карманѣ, и если случится худшее — бацъ. Voila tout.

Питеръ всталъ и заговорилъ дрожащимъ отъ негодованія голосомъ.

— Ты хочешь убѣжать отъ послѣдствій твоего грѣха и оставить его вмѣстѣ съ безчестіемъ въ наслѣдство женѣ и дочери! Спрячь свой револьверъ, Уаттсъ д'Аллуа. Если я долженъ тебя выручить, пусть я выручу человѣка, а не труса. Что тебѣ нужно отъ меня?

— Да я и самъ не знаю. Что мнѣ дѣлать?

— Ты предлагалъ ей денегъ?

— Да, я сказалъ ей...

— Подробности мнѣ не нужны,—перебилъ Питеръ.— Такую сумму, которая вполнѣ обезпечивала ее?

— Да, но она и слышать не хочетъ о деньгахъ. Она жаждетъ мести.

— Дай мнѣ ея адресъ и фамилію.

— Селестина...

Раздался стукъ въ дверь.

— Что нужно? — спросилъ Уаттсъ.

Дверь открылась и вошелъ лакей.

— Извините, сэръ, васъ желаетъ видѣть какая-то француженка. Она не говоритъ своей фамиліи, но увѣряетъ, что вы ее знаете.

— Скажите, что я не могу ее принять. Я занятъ.

— Она мнѣ велѣла сказать, что зайдетъ къ барынѣ, если вы заняты.

— Боже мой!—въ ужасѣ произнесъ Уаттсъ.

— Попросите эту даму сюда,—сказалъ Питеръ спокойно, но такимъ тономъ, что лакей исчезъ, не ожидая подтвержденія отъ Уаттса.

Наступило томительное молчаніе. Послышался шелестъ платья, и въ комнату вошла дама. Питеръ, который стоялъ въ сторонѣ, сдѣлалъ лакею знакъ удалиться, и самъ заперъ дверь на ключъ.

Дама дошла до середины комнаты.

— Такъ, monsieur д'Аллуа,—заговорила она по-французски, тихо, но очень ясно выговаривая слова.—вы признали, что будетъ благоразумнѣе не приказывать вашему лакею выгнать меня, какъ вы сдѣлали въ Парижѣ, когда надѣялись, что бѣгство въ Америку позволитъ вамъ дѣлать все, что угодно. Но вамъ не удалось убѣжать отъ меня. И вотъ я здѣсь.

Уаттсъ сѣлъ въ кресло и закурилъ папиросу.

— Послушайте, Селестина,—сказалъ онъ тоже по-французски,—я ничего другого отъ васъ не ожидалъ.

Селестина сердито забила носкомъ по ковру.

Digitized by Google

— Не старайтесь прикидываться, будто вы знали, что я поѣду за вами. Вы думали, что можете бросить меня, какъ старую туфлю.

Уаттсъ пускалъ колечками дымъ.

— Кажется, это замѣчаніе Рикардо, если я не ошибаюсь, что отъ женщины всегда можно ожидать неожиданнаго.

— Mon Dieu!—закричала Селестина.— Если бы я могла убить васъ... если бы...

Питеръ прервалъ ее, подвинувъ ей стулъ и сказавъ по-французски:

— Потрудитесь присѣсть.

Селестина въ изумленіи повернулась, такъ какъ, въ своемъ возбужденіи, не замѣтила его присутствія. Она молча посмотрѣла на него и сѣла.

— Вотъ такъ,—сказалъ Уаттсъ.— Успокойтесь. Волноваться нечего.

— Нечего! — опять закричала Селестина, вскакивая со стула.—Ваше имя будетъ во всѣхъ газетахъ! Вы...

Питеръ снова прервалъ ее.

— Могу я васъ просить выслушать меня?

Онъ говорилъ вѣжливо и даже почтительно. Селестина опять посмотрѣла на него и быстро спросила:

— Зачѣмъ мнѣ васъ слушать? Какое мнѣ до васъ дѣло? Я васъ даже не знаю. Я твердо рѣшилась. Я говорю вамъ...

Она снова приходила въ бѣшенство, и Питеръ перебилъ ее:

— Простите меня. Мы съ вами другъ другу чужіе. Если бы я просилъ чего-нибудь для себя, я бы готовъ былъ получить отказъ, но я прошу васъ во имя человѣчности, и вы не имѣете права отказать мнѣ. Только выслушайте меня. Я не требую этого, а прошу, какъ объ одолженіи.

Селестина опять сѣла.

— Я слушаю,—сказала она.

Она повернулась спиной къ Уаттсу и смотрѣла прямо въ лицо Питера, который стоялъ у письменнаго стола.

Питеръ помолчалъ съ минуту, потомъ сказалъ:

— Послѣ того, что я сейчасъ видѣлъ, я знаю, что вы хотите отомстить мистеру д'Аллуа.

— Да.

— Теперь позвольте мнѣ указать вамъ, какъ вамъ это лучше всего сдѣлать. Вотъ уже два дня какъ мистеръ д'Аллуа носитъ въ карманѣ револьверъ, и если вы его опозорите, онъ застрѣлится.

— Туда ему и дорога!

— А гдѣ же ваша месть? Вѣдь онъ уйдетъ отъ васъ, и только на вашей совѣсти будетъ смерть человѣка.

— Плакать объ немъ не буду!

— Это еще не все. Мстя ему, вы поступаете самымъ жестокимъ образомъ. У него есть жена, которая вѣритъ ему и любитъ его; ея любовь и вѣра будутъ разбиты. Его дочь молоденькая дѣвушка, почти дитя, у которой вся жизнь впереди—должна будетъ презирать своего отца и стыдиться своего имени. Вы не боитесь наказать слабыхъ и невинныхъ за грѣхи виновнаго?

Питеръ говорилъ страшно серьезно. Въ голосѣ его звучали слезы, и оба его слушателя поднялись со своихъ мѣстъ подъ впечатлѣніемъ не столько его словъ, сколько того голоса, которымъ эти слова были сказаны. Онъ былъ настолько взволнованъ, и они такъ внимательно слушали его, что не замѣтили, какъ дверь изъ столовой открылась, и на порогѣ появилась миссисъ Д'Аллуа.

— Вы правы, правы, — закричала француженка, когда Питеръ кончилъ,— но что же мнѣ дѣлать съ ребенкомъ? Развѣ мы не страдаемъ? Развѣ вы не должны помочь намъ? Развѣ мы не достойны участія и покровительства?

— Все это такъ,—сказалъ Питеръ.— Но вы желаете мстить. Требуйте помощи, справедливости, и я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобы помочь вамъ.

— Уаттсъ, — вскричала миссисъ Д'Аллуа, бросаясь впередъ.—О какомъ ребенкѣ вы говорите? Чей ребенокъ? Что это за женщина?

Уаттсъ вскочилъ, какъ громомъ пораженный. Даже Селестина отступила, услышавъ ужасный голосъ и увидя лицо миссисъ Д'Аллуа.

Грустное, усталое выраженіе появилось въ глазахъ Питера.

Всѣ молчали.

— Да отвѣчайте же мнѣ!—закричала миссисъ Д'Аллуа.

Digitized by Google

— Дорогая моя, не волнуйся. Все благополучно.

Уаттсъ говорилъ это, но лицо его выражало совершенно противоположное.

— Отвѣчай мнѣ, говорю тебѣ! Кто эта женщина? Говори же!

— Все въ порядкѣ, право, ничего нѣтъ. Право, Питеръ скажетъ тебѣ, что все въ порядкѣ.

— Питеръ,—молила миссисъ Д'Аллуа. О чьемъ ребенкѣ вы говорили?

Питеръ продолжалъ стоять у стола. Лицо его было грустное и усталое, когда онъ сказалъ.

— Вотъ его мать, миссисъ Д'Аллуа.

— Да. Дальше?

Питеръ поднялъ глаза и посмотрѣлъ въ лицо Эллены.

Потомъ онъ тихо продолжалъ:

— А Уаттсъ подтвердитъ вамъ, что я его отецъ.

Глава XXXV.

Новое спасеніе.

Тяжелое молчаніе, наступившее послѣ словъ Питера, было прервано миссисъ Д'Аллуа, которая обняла Уаттса съ радостнымъ крикомъ.

— О мой дорогой, прости, прости мнѣ мое подозрѣніе!

Питеръ обратился къ Селестинѣ.

— Сударыня, — сказалъ онъ, — мы здѣсь лишніе.

Онъ открылъ дверь въ гостиную, пропустилъ ее впередъ и вышелъ вслѣдъ за нею. Черезъ минуту они оба уже были на улицѣ.

— Если вы позволите, я провожу васъ до дому,—сказалъ Питеръ.

— Пожалуйста,—отвѣтила Селестина, и больше не было произнесено ни слова, пока они не дошли до отеля, гдѣ остановилась Селестина.

У подъѣзда Питеръ спросилъ ее:

—Можете ли вы принять меня на нѣсколько минутъ?

— Да, войдите въ мою гостиную.

Не успѣли они войти въ номеръ, какъ Питеръ сказалъ:

— Сударыня, вы видѣли эту сцену. Пощадите жену и дочь. Онъ не стоитъ вашего гнѣва.

— О Боже!—съ волненіемъ воскликнула Селестина,—неужели вы считаете меня до того низкой, что я могла бы уничтожить значеніе вашей жертвы? Вашей высокой, драматической благородной жертвы. Нѣтъ, нѣтъ, Селестина Лакуръ не способна на это. Она скорѣе снесетъ жестокость, бѣдность, униженіе, чѣмъ рѣшится на такой подлый, измѣнническій поступокъ!

Питеръ не раздѣлялъ восторга романической француженки передъ «драматичностью» своей жертвы, но онъ былъ слишкомъ хорошій юристъ, чтобы не воспользоваться ея уступкой, на какомъ бы основаніи она ее ни дѣлала. Онъ быстро протянулъ ей руку.

— Сударыня,—сказалъ онъ ей,—примите мою глубокую благодарность и выраженіе восхищенія передъ вашимъ великодушіемъ.

Селестина горячо пожала ему руку.

— Не подлежитъ сомнѣнію,—продолжалъ Питеръ,—м-ръ Д'Аллуа обязанъ выдать вамъ хорошее обезпеченіе.

— Пожалуйста, отвѣтила Селестина, не говорите мнѣ о немъ. Предоставляю вамъ сдѣлать все, что вы сами найдете нужнымъ.

— А вы тогда вернетесь во Францію?

— Да, да, если вы этого желаете?

Селестина кокетливо посмотрѣла на него. Но въ эту минуту дверь въ сосѣднюю комнату съ шумомъ распахнулась, и въ гостиную ворвался мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, въ сопровожденіи чернаго пуделя

— Маленькій негодяй!—закричала на него Селестина.—Какъ ты смѣешь входить, не постучавшись? Убирайся вонъ, скорѣе!

— Извините, сударыня, — сказалъ мальчикъ,—я не зналъ, что вы уже вернулись.

— Этотъ тотъ самый ребенокъ?—спросилъ Питеръ.

— Да,—отвѣтила Селестина.

— Онъ знаетъ?

— Онъ ничего не знаетъ. Я даже не говорю ему, что онъ мой сынъ.

— Значитъ, вы не желаете его воспитывать, какъ мать?

Digitized by Google

Со вступленіемъ въ болѣе прохладную область улучшилось состояніе здоровья и самочувствіе у сочленовъ экспедиціи, болѣвшихъ приступами постоянно возвращавшейся маляріи. Въ теченіе ближайшихъ дней однако, быстрое охлажденіе воздуха, шедшее рука объ руку съ пониженіемъ температуры поверхности воды, сдѣлалось настолько чувствительнымъ, что почти всѣ перехворали простудою, впрочемъ легкою и скоро проходящею. 19-го ноября намъ впервые пришлось пустить въ ходъ также паровое отопленіе, чтобы сдѣлать возможнымъ пребываніе въ каютъ-компаніи и въ каютахъ.

Хорошая погода, однако, продолжалась недолго. 20-го ноября барометръ, стоявшій до сихъ поръ на 760 мм., упалъ на 738 мм. и почти одновременно задулъ вѣтеръ, перешедшій отъ нордъ-оста къ западному и южному и превратившійся въ сильную бурю. Сила вѣтра по скалѣ Бофора равнялась 10 и волны съ грохотомъ разбивались о стѣны судна, перекатывались по палубѣ и принудили насъ, наконецъ, перемѣнить курсъ и держаться противъ волны.

Быстрое паденіе барометра продолжалось и въ теченіе слѣдующихъ дней и приводило насъ въ недоумѣніе,—намъ приходилось переживать сильную бурю впервые и потому быстро спускающаяся внизъ кривая самопишущаго барометра производила на насъ даже нѣсколько удручающее впечатлѣніе. Притомъ небо нерѣдко затягивалось тучами и становилось чернымъ, при чемъ чернота эта составляла рѣзкій контрастъ съ бѣлыми гребнями гигантскихъ волнъ, которыя въ большинствѣ случаевъ по три, одна за другой, набѣгали на судно и раскатывались по палубѣ. При такой обстановкѣ мы впервые встрѣтили настоящаго антарктическаго пингвина, который съ сиплымъ крикомъ выскакивалъ какъ дельфинъ изъ воды, ударяя своими крыльями, превращенными въ плавники, и долгое время слѣдовалъ за судномъ. Буревыя птицы и между ними попавшійся здѣсь впервые пепельно-сѣрый альбатросъ (*Diomedea fuliginosa*) съ черноватой головой и бѣлыми краями вѣкъ носились подобно вампирамъ, несмотря ни на какую бурю, вокругъ нашего едва подвигающагося впередъ судна и чувствовали себя совершенно въ своей сферѣ.

Утромъ 21-го ноября солнце, прорвавшееся сквозь облака, освѣтило величественную картину: сильное сѣверное волненіе повстрѣчалось съ рядомъ волнъ, бѣгущихъ съ запада, и вся поверхность моря превратилась въ дико колышащуюся пелену, гдѣ чудный голубой цвѣтъ перемѣшивался съ бѣлою пѣной.

Такъ какъ намъ приходилось держаться противъ вѣтра по направленію къ западу, судно наше черезъ правильные промежутки времени подхватывалось волнами, идущими съ сѣвера и отбрасывалось въ сторону. Это влекло за собой невѣроятную качку, при которой сосуды въ нашихъ лабораторіяхъ выскакивали изъ своихъ гнѣздъ, полочки съ реактивами падали и реактивы проливались и многимъ изъ нашихъ спутниковъ приходилось, сидя на привинченномъ къ полу стулѣ, очутиться неожиданно на совершенно другомъ концѣ каютъ-компаніи. О снѣ нечего было и думать и за завтракомъ также не мало возникало затрудненій. Несмотря на то, что уже давно на столахъ были укрѣплены квадратныя штормовыя рамы,—тарелки, ножи, ложки, а иногда и прислуживавшіе намъ лакеи летали постоянно.

Барометръ 21-го ноября началъ снова подниматься съ такою же быстротою, какъ упалъ, и вскорѣ онъ достигъ необычайной подъ этими широтами высоты—770 мм. Одновременно западный и юго-западный

Digitized by Google

вѣтеръ, сопровождаемый дождемъ и градомъ, повернулъ на сѣверный. Наступило нѣсколько болѣе спокойныхъ дней, въ теченіе которыхъ намъ препятствовалъ подвигаться впередъ лишь все чаще и чаще ложившійся на море туманъ. Нерѣдко мы бывали принуждены останавливаться, если же, несмотря на туманъ, и рѣшались идти половиннымъ ходомъ впередъ, то черезъ правильные промежутки времени пускался въ ходъ свистокъ, въ ожиданіи, что раздастся эхо отъ незамѣтной впереди въ туманѣ ледяной горы.

24-го ноября мы оказались, наконецъ, на 54° южн. шир.—въ той области, въ которой на картахъ англійскаго адмиралтейства указаны три острова, обозначенные, какъ группа острововъ Бувэ. Рѣзкій, иногда доходящій до бури сѣверный вѣтеръ покрылъ нашу палубу слоемъ льда, а постоянные туманы затемняли кругозоръ, — однако, иногда все же прорывались лучи солнца и въ насъ не угасала надежда, что удастся найти какіе-либо указанія относительно этихъ острововъ. Тогда какъ въ теченіе послѣднихъ дней были найдены очень значительныя глубины между 4.000 и 5.000 метровъ (два раза даже болѣе 5.000 метровъ),—23-го ноября промѣръ далъ глубину 3.585 метровъ, а 24-го—лишь 2.268 метровъ. Такимъ образомъ было доказано существованіе подводнаго хребта, который, быть можетъ, служилъ основаніемъ для острововъ Бувэ, и оставалось лишь систематически обыскать всю мѣстность. Штурманскій офицеръ нашъ нанесъ на карту тѣ положенія, которыя были указаны для этихъ острововъ Бувэ Линдсеемъ и Норрисомъ, и, идя съ востока къ западу, мы начали наши поиски. 24-го ноября намъ не удалось достичь благопріятныхъ результатовъ, несмотря на то, что небо дважды прояснялось и на короткое время было совершенно безоблачно. Воздухъ былъ, тѣмъ не менѣе, туманенъ, а вода окрашена въ зеленоватый цвѣтъ микроскопическими водорослями, которыя образовывали на поверхности положительно кашу. Когда небо затягивалось однообразнымъ сѣрымъ покровомъ облаковъ, поверхность моря получала тотъ черноватый оттѣнокъ, который часто упоминается въ описаніяхъ экспедиціи «Чэленжера». Вечеромъ солнце снова прорвалось и затѣмъ опять зашло за сплошную стѣну облаковъ, которыя мы первоначально приняли за отдаленные острова.

25-го ноября утромъ мы измѣрили глубину между предполагавшимися положеніями острововъ и нашли 3.458 метровъ. Надежда найти въ этихъ мѣстностяхъ острова разрушалась этимъ обстоятельствомъ, но, съ другой стороны, огромное количество птицъ и въ особенности добытая нами пара капскихъ голубей съ пятномъ, указывающимъ на насиживаніе, заставляли предполагать близость земли. Временами шелъ снѣгъ, затѣмъ небо опять прояснялось и мы снова могли продолжать наши поиски острововъ, подвигаясь къ западу. Если предположить, что прежніе мореплаватели должны были опредѣлить широту съ достаточною точностью, то, съ другой стороны, вполнѣ можно допустить ихъ ошибку въ опредѣленіи долготы, такъ какъ въ тѣ времена примѣнявшіеся для этого способы были еще крайне несовершенны.

Около полудня 24-го ноября мы увидѣли первую крупную ледяную гору. Блистая въ яркихъ лучахъ солнца, она производила величественное впечатлѣніе и не только своимъ полнымъ ненарушимымъ спокойствіемъ среди моря, обдающаго ее отъ основанія до вершины брызгами разбивающихся волнъ, но и тѣмъ обстоятельствомъ, что пѣна волнъ, казавшаяся на морѣ снѣжно-бѣлою, на ослѣпительно блестящей поверхности ледяной горы производила впечатлѣніе сѣровато-желтой. Кромѣ

Digitized by Google

того, казалось, что вся гора окутана какой-то голубоватой дымкой, а трещины и пещеры ея—кобальтово-синяго цвѣта.

Послѣ полудня небо снова затянулось облаками и горизонтъ затемнился. Послѣ тревожныхъ и безсонныхъ ночей нашъ капитанъ не могъ хладнокровно говорить о ненадежности опредѣленій прежнихъ мореплавателей. Въ тотъ день мы оба съ нимъ рѣшили, что будемъ продолжать поиски за этими какъ бы заколдованными островами въ западномъ направленіи лишь до захода солнца,—но вотъ въ 3 ч. 20 мин. въ каютъ-компанію вбѣжалъ нашъ старшій офицеръ и словами: «островъ Бувэ лежитъ передъ нами!» привелъ все судно въ волненіе. Всѣ бросились на мостикъ и, дѣйствительно, увидали расплывающіеся контуры обрывистаго одинокаго острова, всего лишь въ семи морскихъ миляхъ впереди судна. Крутые и высокіе обрывы съ сѣверной стороны, огромные спускающіеся къ морской поверхности глетчеры, обширное фирновое поле, постепенно понижающееся къ югу и оканчивающееся ледяной стѣной у моря, гребни возвышенностей, закутанные въ облакахъ—таково было наше первое впечатлѣніе при видѣ этого острова, оставшагося непосѣщеннымъ въ теченіе 75-ти лѣтъ и тщетно отыскивавшагося тремя экспедиціями.

Если принять во вниманіе трудности, какими сопровождалось нахожденіе ихъ—почти непрестанные бурные вѣтры, волненіе, часто спускавшійся на море туманъ, заставлявшій опасаться столкновенія съ ледяной горою или рифами, то должно признать, что въ доказательствѣ существованія острова Бувэ лежитъ большая заслуга со стороны нашего капитана и офицеровъ «Вальдивіи», которые цѣлыми ночами не сходили съ мостика.

Въ виду острова и будучи прикрыты имъ отъ нордъ-веста, мы воспользовались случаемъ произвести океанографическія и біологическія работы. Такъ какъ дно круто спускается къ большимъ глубинамъ и уже на разстояніи 3, 4 морскихъ миль имѣются глубины 400—600 метровъ, мы получили возможность произвести 5 драгировокъ, при помощи которыхъ добыли необыкновенно богатую фауну. Насъ,

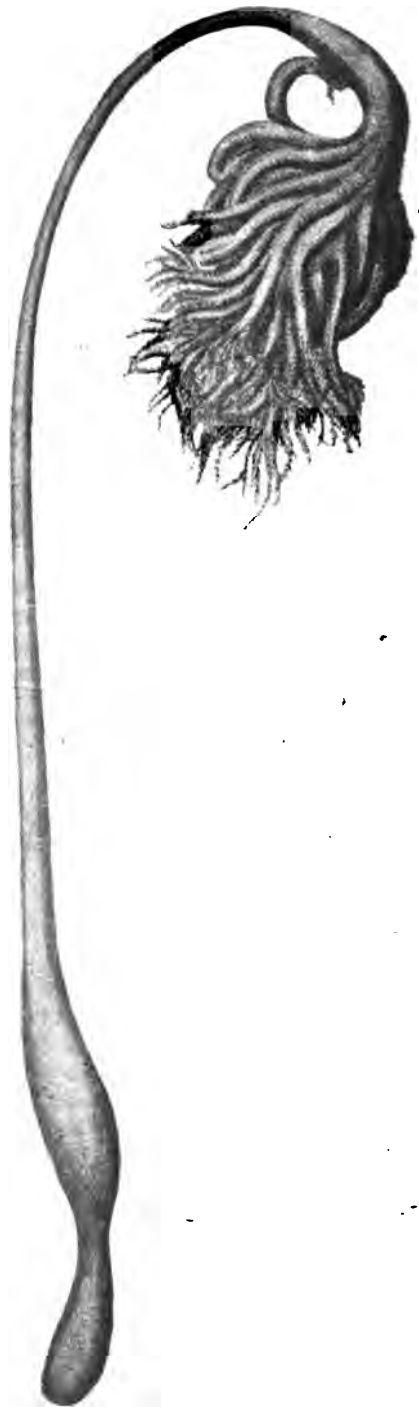


Рис. 32. Колонія полиповъ *Umbellula* съ глубины 457 метр.

Digitized by Google

положительно, поразили своею красотою актиніи, окрашенныя отчасти въ кроваво-красный цвѣтъ, и тѣ изящнѣйшіе представители морскихъ перьевъ, которые относятся къ роду *Umbellula* и были первоначально открыты въ арктическихъ моряхъ—здѣсь мы встрѣтили чрезвычайно близкія къ нимъ формы. Къ нимъ присоединялись кустообразные гидроиды, голотуріи, кольчатые черви, мшанки, цѣлый рядъ морскихъ звѣздъ и и офіуръ, моллюски съ нѣжными раковинками и раки изъ рода *Arcturus*, опять таки напоминающіе арктическія формы и чрезвычайно курьезные по своему строенію. Полипы нерѣдко превосходно окрашены, изображенная здѣсь *Umbellula* (рис. 32), напримѣръ, обладаетъ стеблемъ ярко оранжеваго цвѣта, на которомъ красиво выдѣляются крупные полипы нѣжной фіолетовой окраски.

Что касается до общаго характера глубоководной фауны у острова Бувэ, то она въ дѣйствительности является соединительнымъ звеномъ между областью Кергуэльскихъ острововъ и фауною Магелланова пролива. На ряду съ извѣстными формами, однако, появляется такое огромное количество новыхъ видовъ, что кажется, будто мы имѣемъ передъ собой особую подъобласть со спеціально ей свойственными характерными формами.

Вполнѣ естественно, что слѣдующій день 26-го ноября мы употребили на то, чтобы обойти островъ и, путемъ засѣчекъ выдающихся его пунктовъ, опредѣлить его общую форму. Моментальные фотографическіе снимки, полученіе которыхъ, къ сожалѣнію, затрудняло сильное волненіе и мало прозрачный воздухъ, дополняютъ данныя, добытыя засѣчками. Прошу позволенія, на основаніи этой съемки, дать краткое описаніе этого острова.

Центръ острова Бувэ лежитъ подъ 54°26,4′ юж. шир. и 3°24,2′ вост. долг., ширина острова по направленію съ запада на востокъ 5,1, съ сѣвера на югъ—4,3 морскихъ мили. По размѣрамъ своимъ островъ этотъ равняется, слѣдовательно, приблизительно посѣщенному нами позднѣе острову Новому Амстердаму въ южномъ Индійскомъ океанѣ. Соотвѣтствіе въ данномъ случаѣ увеличивается тѣмъ, что островъ Бувэ, какъ это ясно указываетъ еще Норрисъ, вулканическаго характера. Мы не видѣли, правда, вулканическихъ породъ, но уже при первыхъ драгировкахъ замѣтили, что находимся на сѣромъ вулканическомъ грунтѣ, который нерѣдко сильно рвалъ наши сѣти. Камни, попадавшіеся въ драгу, состояли изъ полуразложившагося туфа и мелкозернистаго базальта. Мы тщательно собирали всѣ обломки и будущее изслѣдованіе покажетъ подробнѣе, что они изъ себя представляютъ. На вулканическую природу острова указываетъ уже прежде всего и его своеобразная форма, съ которой намъ удалось познакомиться всего лишь одинъ разъ — 26-го ноября въ 5 часовъ утра, — когда островъ освободился отъ облаковъ тумана. Одинъ изъ моментальныхъ снимковъ позволяетъ видѣть широкій и острозазубренный край кратера, отъ котораго съ юга на востокъ съ постепеннымъ наклономъ спускаются обрывы къ морю. На сѣверо-восточномъ мысу замѣтенъ крутой обрывъ, который является, впрочемъ, типичнымъ и для всего сѣвернаго и западнаго берега и наиболѣе крутъ съ сѣверо-западной стороны. Въ благодарномъ воспоминаніи о томъ интересѣ, съ какимъ Его Величество относился къ экспедиціи, мы назвали вулканическій конусъ съ широкимъ кратеромъ, который господствуетъ надъ островомъ, — «Пикомъ Императора Вильгельма». Вышина края кратера значительнѣе всего на сѣверной сторонѣ и достигаетъ 935 метровъ надъ уровнемъ моря.

Digitized by Google

Въ 5 мѣстахъ, именно на сѣверѣ, сѣверо-востокѣ, югѣ, юго-западѣ и сѣверо-западѣ, на островѣ имѣются небольшіе выступы. Сѣверный мысъ оканчивается огромными воротами изъ скалъ, мы его назвали—«Мысомъ Вальдивіи». Тщетно искали мы какой-нибудь глубоко врѣзающейся бухты, которая могла бы дать хорошо защищенное мѣсто якорной стоянки,—всѣ поиски были напрасны.

Если принять во вниманіе незначительную величину острова, расположеннаго на той же широтѣ, какъ Южная Георгія, то бросается въ глаза необыкновенно сильное развитіе глетчернаго покрова. Объясненіемъ можетъ служить лишь то обстоятельство, что антарктическій океанъ выдвигаетъ въ этомъ направленіи съ юга какъ бы особо холодный языкъ, что сказывается также и въ удивительно низкихъ температурахъ моря и въ положеніи границы плавучихъ льдовъ, сильно продвинутой на сѣверъ на этой долготѣ. Весь островъ покрытъ сплошнымъ глетчернымъ полемъ, которое спускается на пологой южной и восточной сторонѣ до самаго моря и затѣмъ обрывается отвѣсной ледяной стѣною. Раковистые изломы по краямъ указываютъ на то, что отъ этого ледянаго покрова отрываются небольшія ледяныя горы. Тамъ, гдѣ берегъ падаетъ круто, ледяная стѣна поднимается вверхъ и продвигается впередъ до тѣхъ поръ, покуда держатся еще ледяныя массы. На сѣверной сторонѣ роскошный, изрѣзанный голубыми продольными трещинами глетчеръ круто спускается съ высоты въ море. Мы назвали его «глетчеромъ Посадовскаго». На южной сторонѣ острова, тамъ гдѣ она переходитъ въ круто поднимающуюся западную сторону, къ уровню моря спускаются два короткихъ глетчера, изъ которыхъ одинъ довольно широкъ. Повидимому, только на этомъ краю являлась возможность пристать къ острову, но вслѣдствіе все еще продолжавшагося волненія и спускавшагося по временамъ тумана, это было невыполнимо. По всему остальному протяженію берегъ обрывистъ или же возвышается сплошная ледяная вертикальная стѣна и пристать совершенно невозможно.

Мы нигдѣ не видали текущей воды, которая, несомнѣнно, была бы замѣтна въ виду крутого паденія берега,—при такомъ наклонѣ должны были бы образовываться каскады. Лишь въ одномъ мѣстѣ на круто обрывающемся къ морю западномъ берегу я замѣтилъ серебристо-блестящую полоску, которая оказалась, когда мы подошли ближе, превратившимся въ ледъ почти вертикально падающимъ ледниковымъ потокомъ. Отсутствіе текущей воды указываетъ, повидимому, на то, что на островѣ Бувэ снѣговая линія находится на уровнѣ моря. Врядъ ли существуетъ гдѣ-нибудь еще на земномъ шарѣ второй такой островъ, который бы, находясь подъ столь низкой широтою обладалъ бы подобными неблагопріятными климатическими условіями!

Судя по нашимъ промѣрамъ, можно думать, что вулканическій конусъ спускается въ море довольно круто. Тѣмъ не менѣе передъ островомъ находится нѣсколько подводныхъ утесовъ, изъ которыхъ одинъ, располагающійся передъ южнымъ мысомъ, выдается и имѣетъ клиновидную форму, другіе скрыты подъ водою и замѣтны лишь по прибою у юго-восточнаго конца острова.

Въ противоположность сообщеніямъ Бувэ и Линдсея, которые говорятъ о существованіи деревьевъ, должно замѣтить, что при помощи подзорной трубы мы не могли открыть никакихъ слѣдовъ растительности, даже на разстояніи всего лишь двухъ морскихъ миль. Животная жизнь, которая обыкновенно вблизи антарктическихъ острововъ

Digitized by Google

развита столь сильно, оказывается здѣсь также въ соотвѣтствіи съ существованіемъ глетчернаго покрова почти отсутствующей. Больше всего мы встрѣчали здѣсь капскихъ голубей, тогда какъ всѣ другія антарктическія птицы попадались въ самомъ незначительномъ количествѣ. Должно отмѣтить, что бѣлоснѣжный буревѣстникъ (Pagodroma nivea), котораго еще Россъ совершенно справедливо назвалъ «наиболѣе надежнымъ доказательствомъ присутствія льда», впервые появился вблизи нашего судна здѣсь, у острова Бувэ.

Чтобы оцѣнить своеобразность антарктической области и полное перемѣщеніе всѣхъ климатическихъ условій, стоитъ только сравнить ихъ съ тѣми, которые мы встрѣчаемъ въ сѣверномъ полушаріи. На одинаковой широтѣ съ островомъ Бувэ, но на сѣверъ отъ экватора располагаются острова Гельголандъ и Рюгенъ. Представьте себѣ теперь, что Рюгенъ покрытъ вѣчнымъ снѣгомъ, что съ поверхности его спускаются къ морю глетчеры и даже позднимъ лѣтомъ онъ нерѣдко окруженъ еще плавучими льдами; представьте себѣ, что поверхностная температура лѣтомъ ниже 0° и что ледяныя горы затрудняютъ судоходство вблизи Англіи! Судно, которое бы при такихъ условіяхъ достигло до Лофотскихъ острововъ, пробиваясь между льдами, было бы занесено уже на лѣтописи исторіи, а если бы оно дошло до Шпицбергена, куда въ настоящее время предпринимаются увеселительныя прогулки путешественниковъ, то такое путешествіе считалось бы уже однимъ изъ величайшихъ научныхъ предпріятій, такъ какъ до этой широты въ южномъ полушаріи не достигъ и Джемсъ Россъ!

Норрисъ сообщаетъ, что въ 45 миляхъ отъ «острова Ливерпуль», который, по всей вѣроятности, тожественъ съ островомъ Бувэ, находится другой островъ на NNO. Онъ назвалъ его «островомъ Томпсона» и высадился на него на лодкѣ. Команда его охотилась тамъ на тюленей и пингвиновъ и вслѣдствіе бурнаго времени могла попасть обратно на судно лишь черезъ 7 дней.

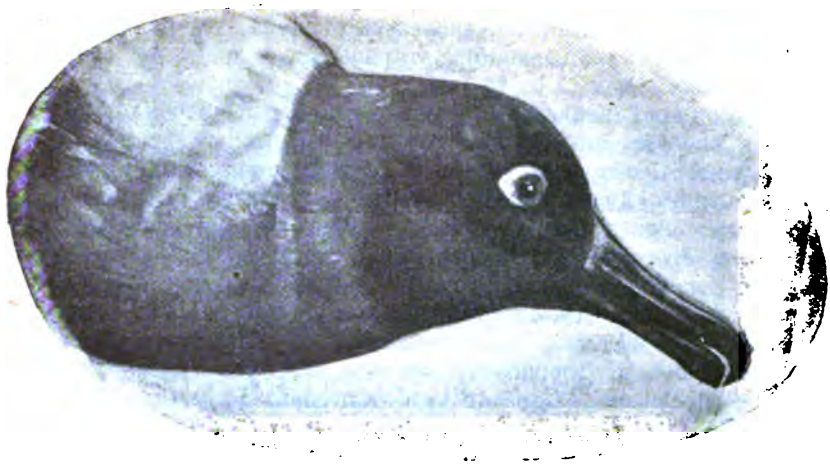
Въ виду того, что слѣдующій день 27-го ноября, какъ воскресенье и день отдыха, мы предполагали использовать инымъ способомъ, было рѣшено приняться за отысканіе этого второго острова въ указанномъ Норрисомъ направленіи. Ночью при сильной снѣжной вьюгѣ мы отошли отъ острова Бувэ и къ 6 часамъ утра были на томъ мѣстѣ, гдѣ можно было предполагать присутствіе острова Томпсона. Воздухъ былъ туманный и такъ какъ промѣры указывали на относительно небольшую глубину—1.849 метровъ, то было признано за лучшее крейсеровать въ этой области и ожидать, когда туманъ разсѣется. Это дѣйствительно случилось, и на нѣкоторое время открылся кругозоръ, по крайней мѣрѣ, на 10 морскихъ миль въ окружности. Земли, однако, не было никакихъ признаковъ и промѣры въ восточномъ направленіи показали глубину въ 2.321 метръ,—въ виду этого мы измѣнили курсъ сперва на западъ, а затѣмъ, когда поднялся бурный сѣверо-западный вѣтеръ, пошли опять по направленію къ острову Бувэ. Къ сильной качкѣ присоединился вечеромъ туманъ, ничего не стало видно и мы принуждены были всю ночь продержаться почти на одномъ мѣстѣ, работая машиной противъ сильной волны съ норд-веста. Буря повернула на западъ и мягкіе снѣговые хлопья неслись почти горизонтально по воздуху обѣпляя насъ, такъ что снасти судна покрылись льдомъ. Около 10 часовъ утра прояснило, намъ удалось сдѣлать астрономическія наблюденія, и мы вернулись затѣмъ къ острову Бувэ, который находился всего лишь въ трехъ миляхъ. Снѣжная метель чередова-

Digitized by Google

лась временами съ полнымъ прояснѣніемъ неба, мы занялись драгировкой и вечеромъ 28-го ноября отправились дальше по направленію къ юго-востоку.

Во время драгировки мы подошли къ острову почти на двѣ морскія мили и, тѣмъ не менѣе, не видали его, такъ какъ онъ былъ затянутъ густымъ непроницаемымъ покровомъ тумана: теперь мы поняли, какъ могъ Джемсъ Россъ пройти мимо этого острова, судя по приводимымъ имъ указаніямъ, всего лишь въ 4 миляхъ отъ него и не замѣтить его. Въ виду такого нашего опыта нельзя безусловно отрицать, что существуетъ еще и второй островъ,—мы не были, однако, въ состояніи найти его. Подробное разсмотрѣніе вопроса, является ли найденый нами островъ тожественнымъ съ островами, указанными Бувэ, Линдсеемъ и Норрисомъ, завлекло бы насъ слишкомъ далеко. По всей вѣроятности, «Cape de la Circoncision» Бувэ, островъ Линдсея и видѣнный Норрисомъ «островъ Ливерпуль» тожественны съ островомъ, найденнымъ нами. Бувэ и Линдсей нашли его окруженнымъ льдами, но вполнѣ согласно сообщаютъ, что на SSO и O онъ низменный и плоскій. Линдсей нашелъ, что земля на западѣ обрывиста и высока, тогда какъ Норрисъ сообщаетъ то же самое относительно сѣвернаго берега и снова подтверждаетъ, что южная сторона плоская. На основаніи такого согласія этихъ показаній съ тѣмъ, что мы нашли въ дѣйствительности, должно думать, что это одинъ и тотъ же островъ, за которымъ мы, въ честь открывшаго его, и оставляемъ названіе «остр[illegible]ова Бувэ».

Digitized by Google



Сѣрый альбатросъ (*Diomedea fuliginosa*).

ГЛАВА IX.

Въ антарктическомъ морѣ. — Промѣры. — Температура воды. — Ледяныя горы. — Планктонъ. — Составъ грунта дна.

Вторая часть нашего пути въ антарктической области дала очень цѣнные результаты. Зависѣло ли это отъ избраннаго направленія пути, или судьба особенно благопріятствовала экспедиціи,—фактъ тотъ, что экспедиція работала безпрепятственно въ теченіе трехъ недѣль, пользуясь погодой для антарктическихъ странъ совершенно исключительно благопріятной, и, въ концѣ концовъ, имѣла возможность пересѣчь 64° шир. на суднѣ, которое совсѣмъ не было приспособлено къ встрѣчѣ съ антарктическими льдами.

Ясно, что въ этой части пути успѣхъ зависѣлъ также въ значительной степени отъ осторожности капитана и офицеровъ «Вальдивіи». Разстилавшійся часто туманъ, поднимавшіяся снѣжныя мятели и постоянно попадавшіяся на пути многочисленныя ледяныя горы и цѣлыя поля плавучаго льда принуждали насъ нерѣдко измѣнять курсъ или заставляли пробиваться черезъ льды. Путемъ осторожнаго соображенія данныхъ условій и принимая во вниманіе прежнія данныя о распредѣленіи льдовъ, намъ удалось, однако, безъ малѣйшей аваріи проникнуть гораздо далѣе на югъ, чѣмъ это было предположено въ началѣ пути.

Много содѣйствовало намъ то обстоятельство, что мы вышли изъ Капштата еще въ ноябрѣ, слѣдовательно, гораздо ранѣе всѣхъ предыдущихъ экспедицій, и попали въ южныя широты во время періода наиболѣе долгихъ дней. По ту сторону 60° шир. даже въ полночь, несмотря на затянутое небо, бывало такъ свѣтло, что можно было свободно читать.

Покинувъ островъ Бувэ 28-го ноября, мы встрѣчали затѣмъ въ теченіе трехъ недѣль вѣтеръ не болѣе 7—8 балловъ по скалѣ Бофора. Между 55° и 60° юж. шир. направленіе вѣтра было непостоянно,—господствовали слабые вѣтры, переходящіе къ югу или къ сѣверу,

Digitized by Google

силою въ 1—3 балла; лишь по ту сторону 60° начало сказываться постоянное восточное направленіе вѣтра, которое становилось преобладающимъ по мѣрѣ того, какъ «Вальдивія» подвигалась на югъ. Въ связи съ этимъ находилось то обстоятельство, что во время всего пути вдоль границы льдовъ мы не встрѣчали никакихъ признаковъ постоянныхъ сильныхъ теченій. Насъ очень мало сносило, и работа наша облегчалась тѣмъ, что тросъ вертикальныхъ пелагическихъ сѣтей и проволка лота держались вертикально.

Тѣхъ сильныхъ колебаній въ атмосферномъ давленіи, какіе характерны для области западныхъ вѣтровъ и сопровождаются быстрымъ измѣненіемъ направленія вѣтра, мы совершенно не наблюдали. Небо было, однако, постоянно затянуто однообразнымъ сѣрымъ покровомъ облаковъ, который лишь изрѣдка прорывался лучами солнца на короткое время. Океаническій климатъ сказывался въ томъ, что температура колебалась лишь въ незначительныхъ границахъ. Наступило сопровождавшееся снѣжными мятелями антарктическое лѣто, и мы наслаждались имъ при температурѣ, которая лишь рѣдко доходила до 0°, но и никогда не спускалась ниже —2,5°.

Уже 30-го ноября въ 2 часа дня мы послѣ совершенно спокойнаго пути достигли на 56° 45′ юж. шир. границы плавучаго льда. Какъ обыкновенно при приближеніи ко льду, здѣсь сперва показались мелкія льдинки или обломки льда, которыя нерѣдко сбивались вѣтромъ въ длинныя полосы. За ними послѣдовали болѣе значительныя и широкія, направленныя перпендикулярно къ вѣтру поля плавучаго льда, которыя становились все чаще и чаще и, очевидно, переходили уже въ компактный ледъ. Поля эти состояли отчасти изъ сильно разбитыхъ льдинъ, между которыми иногда попадались болѣе крупные куски льда небесно-голубого цвѣта. Наибольшія льдины имѣли 2—3 метра въ поперечникѣ, и намъ приходилось ихъ тщательно избѣгать, такъ какъ чрезвычайно хрупкій ледъ могъ легко попортить пароходный винтъ. Между полями льда, то вытянутыми въ длину, то кольцеобразными и имѣющими видъ атолловъ, море было часто спокойно, какъ озеро. Мы нерѣдко пользовались этимъ обстоятельствомъ и производили наши работы посреди льдовъ. Иногда во время работъ, продолжавшихся цѣлый день, судно наше, стоявшее на мѣстѣ, окружалось со всѣхъ сторонъ задвигающимся льдомъ, и мы бывали принуждены пробиваться черезъ него, чтобы попасть въ открытую воду. Къ этому принудило насъ однажды и то обстоятельство, что ледъ вытянулся, въ видѣ длинныхъ языковъ, какъ разъ на нашемъ пути. Величественное, но и не особенно для насъ пріятное зрѣлище было, когда напа «Вальдивія», совершенно не приспособленная къ плаванію въ антарктическихъ льдахъ, на всѣхъ парахъ разбѣгалась противъ ледяного поля, затѣмъ работа винта прекращалась передъ самымъ льдомъ, и судно по инерціи пробивало себѣ дорогу посреди трескающихся льдинъ. Мы имѣли, правда, всегда осторожность, выбирать наиболѣе узкія мѣста ледяныхъ полей для подобныхъ попытокъ,—послѣднія могли бы окончиться довольно непріятно, если бы сила инерціи судна оказалась недостаточною для того, чтобы пробиться между льдинами и намъ пришлось бы пустить въ ходъ нашу машину посреди льда. Значительнымъ подспорьемъ для успокоенія нервовъ былъ «ледоколъ», сочиненный нашимъ геніальнымъ поваромъ и состоявшій изъ двухъ бутылокъ портвейна и одной бутылки коньяка,—если положеніе было особенно критическимъ, то въ составъ пунша входили двѣ бутылки коньяка и одна бутылка портвейна.

Digitized by Google

Уже въ первую же ночь, съ 30 го ноября на 1-е декабря, мы были принуждены, послѣ многочисленныхъ перемѣнъ курса, неоднократно пересѣкать ледяныя поля и при непривѣтливомъ трескѣ льдинъ и поскрипываніи стѣнъ нашего судна обитатели «Вальдивіи» лишь съ большимъ трудомъ могли заснуть.

1-го декабря намъ снова удалось попасть въ чистую воду, и мы рѣшили придерживаться юго-восточнаго направленія до тѣхъ поръ, пока поля плавучаго льда не принудятъ насъ измѣнить его. Намъ удалось удерживать это направленіе въ теченіе двухъ съ половиною недѣль и такимъ образомъ мы были въ состояніи пройти около 50° долготы вдоль границы льда. Этотъ путь, совершенный при относительно столь благопріятныхъ условіяхъ, позволилъ намъ произвести тщательное изслѣдованіе грунта дна, физико-химическихъ свойствъ морской воды и пелагической фауны, которую мы нашли широко развитою, какъ на поверхности, такъ и на большихъ глубинахъ. Было бы слишкомъ скучно описывать въ хронологическомъ порядкѣ наши работы день за днемъ, и потому я предпочитаю изложить результаты ихъ въ одномъ общемъ очеркѣ.

Наиболѣе важнымъ результатомъ этой части пути является то, что мы доказали существованіе значительной глубины антарктическаго моря. Изъ 17 промѣровъ между областью острова Бувэ и землею Эндерби, не менѣе 11 даютъ глубину между 5.000 и 6.000 метровъ, 5 промѣровъ—4000—5000 метровъ и лишь одинъ, вблизи острова Бувэ, указываетъ глубину въ 3080 метровъ. На основаніи этой серіи промѣровъ—первой, которая была произведена съ такой непрерывностью въ антарктической области—существовавшія до сихъ поръ представленія о рельефѣ глубинъ антарктическаго океана должны претерпѣть значительныя измѣненія. До работъ «Вальдивіи» имѣлось лишь 15 глубоководныхъ промѣровъ на югъ отъ 50°, намъ же удалось произвести южнѣе 50 параллели 29 промѣровъ и доказать, что въ противоположность къ господствующему представленію объ антарктическомъ морѣ, какъ относительно мелководномъ бассейнѣ, тамъ, совершенно неожиданно, существуютъ значительныя глубины. По теоретическимъ соображеніямъ, прежде приписывалась морямъ вблизи полюсовъ земного шара незначительная глубина, въ настоящее же время это представленіе опровергается, съ одной стороны, промѣрами Нансена въ полярныхъ моряхъ, съ другой—работами «Вальдивіи» въ антарктическихъ водахъ. Правда, наши промѣры были произведены подъ относительно небольшими широтами, сравнительно съ произведенными сѣверными полярными экспедиціями, но онѣ зато подходятъ близко къ краю антарктическаго континента и простираются на протяженіе 50 градусовъ долготы. Ясно, что, въ виду такихъ неожиданныхъ результатовъ, океанографическимъ изслѣдованіямъ въ антарктическомъ морѣ было отведено почетное мѣсто. Ежедневные промѣры держали насъ послѣ отплытія изъ Капштата болѣе мѣсяца въ постоянномъ напряженіи, и курсъ нашъ вдоль края плавучихъ льдовъ мы избрали, именно руководствуясь ими.

Перейду теперь къ даннымъ о температурныхъ условіяхъ антарктическаго моря. Во всѣхъ болѣе теплыхъ моряхъ температура морской воды постепенно уменьшается отъ морской поверхности къ глубинамъ—уменьшеніе это не равномѣрно, но нерѣдко образуетъ болѣе или менѣе рѣзкіе скачки, которые въ различныхъ моряхъ на различныхъ глубинахъ наблюдаются обыкновенно между 50—200 метровъ глубины. Если

Digitized by Google

не принимать во вниманіе этихъ скачковъ, постепенное пониженіе температуры позволяетъ примѣнять для измѣренія ея максимальные и минимальные термометры, такъ какъ можно съ увѣренностью разсчитывать, что температура, указываемая минимальнымъ термометромъ, соотвѣтствуетъ наибольшей глубинѣ, достигнутой этимъ инструментомъ. Въ томъ предположеніи, что законъ этотъ является общимъ для всѣхъ морей, экспедиція «Чэлленжера» пользовалась исключительно максимальными и минимальными термометрами. Лишь позднѣе наблюденія надъ своеобразными условіями арктическихъ и антарктическихъ водъ повели къ примѣненію переворачивающагося термометра Негретти и Замбра. Однимъ изъ наиболѣе удивительныхъ океанографическихъ открытій экспедиціи «Чэлленжера» является доказательство, что въ антарктической области, вблизи границы льдовъ, поверхностная температура ниже, чѣмъ температура глубокихъ слоевъ. Океанографы экспедиціи «Чэлленжера» не могли, однако, получить болѣе точныхъ данныхъ относительно температурныхъ условій на глубинахъ, такъ какъ минимальные термометры проходя при поднятіи, по болѣе холоднымъ слоямъ, охлаждались и указывали болѣе низкую температуру, чѣмъ была на глубинѣ въ дѣйствительности. Нами примѣнялся въ антарктической области почти исключительно переворачивающійся термометръ и потому явилась возможность дать правильную картину распредѣленія теплыхъ и холодныхъ слоевъ въ вертикальномъ направленіи. Наблюденія показываютъ, что въ общемъ, до глубины въ 150 метровъ, верхніе слои воды обладаютъ температурою ниже 0° и лишь затѣмъ располагаются слои съ болѣе высокой температурой. Между 300 и 400 метровъ мы находили слои воды съ самой высокой температурой $+1{,}7^0$; начиная съ этой глубины, температура медленно понижается и лишь на относительно очень большихъ глубинахъ въ 3.000 — 4.000 метровъ спускается опять ниже 0°. Обыкновенно придонная температура на 5.000 метрахъ была въ антарктическомъ океанѣ около $-0{,}5^0$.

Интересенъ тотъ фактъ, что охлажденіе, сказывающееся въ области острова Буве уже на поверхности моря чрезвычайно низкими температурами въ $-1{,}5°$, наблюдается тамъ и въ болѣе глубокихъ слояхъ. Одна изъ температурныхъ серій, полученныхъ нами 2-го декабря вблизи области Буве, на глубинѣ 150—1.500 метровъ, указываетъ во всѣхъ слояхъ температуру, которая на одинъ градусъ и болѣе ниже наблюдавшейся нами позднѣе на самомъ южномъ достигнутомъ нами пунктѣ—вблизи границы плавучаго льда у земли Эндерби. Здѣсь, повидимому, болѣе сильное прогрѣваніе поверхностныхъ и глубокихъ слоевъ обусловливается теченіемъ, проходящимъ чрезъ Кергуэльскіе острова на югъ. Интересно, что минимумъ температуры находится не на поверхности, а на глубинѣ 50—80 метровъ. Повидимому, разность между температурами поверхности и 100 метровъ глубины является болѣе значительной нѣсколько далѣе на востокъ, гдѣ производились наблюденія «Чэлленжера». Съ другой стороны, надо указать на то, что наблюденія Нансена отмѣчаютъ въ высшей степени замѣчательное соотвѣтствіе температурныхъ разрѣзовъ въ арктическихъ и въ антарктическихъ водахъ. Само собою разумѣется, что замѣчательное охлажденіе поверхностныхъ слоевъ воды обусловливается процессомъ таянія ледяныхъ горъ и плавучаго льда. Вода, происходящая отъ таянія льда, имѣетъ меньшій удѣльный вѣсъ и, благодаря этому, она и удерживается въ верхнихъ слояхъ, несмотря на то, что холоднѣе ниже лежащихъ слоевъ. Для иллюстраціи можетъ служить слѣдующій

Digitized by Google

примѣръ: у земли Эндерби мы нашли на поверхности содержаніе соли равнымъ 33,7 на 1.000, тогда какъ на 150 метрахъ было 34, а на 1.500—34,6 на 1.000. Параллельно съ увеличеніемъ соли съ глубиною происходитъ, по наблюденіямъ нашего химика, увеличеніе содержанія поглощенной углекислоты и, съ другой стороны, понижается количество поглощеннаго кислорода; на глубинѣ 1.500 метровъ имѣется лишь половина количества кислорода, заключающагося въ водѣ поверхностныхъ слоевъ. Впрочемъ, увеличеніе количества углекислоты, идущее параллельно съ уменьшеніемъ кислорода, не настолько значительно, чтобы повліять неблагопріятно на присутствіе органической жизни.

Присутствіе въ антарктическихъ водахъ слоя относительно теплой воды толщиною болѣе чѣмъ въ 2.000 метровъ является обстоятельствомъ высокой важности какъ въ океанографическомъ, такъ и въ біологическомъ отношеніи. Антарктическая вода глубокихъ слоевъ доходитъ путемъ медленной циркуляціи до экватора, а въ Индійскомъ океанѣ даже переходитъ значительно за него. Если сильное нагрѣваніе поверхностныхъ слоевъ въ умѣренныхъ и тропическихъ областяхъ моря и вліяетъ нѣсколько на глубокіе слои, то все же вліяніе это не достаточно сильно, чтобы вызывать значительныя разницы въ температурѣ. На глубинѣ 2.000 метровъ вода въ серединѣ Индійскаго океана непосредственно на экваторѣ лишь на 2° теплѣе, чѣмъ вблизи антарктическаго континента. Незначительностью этой разницы объясняются удивительные результаты нашихъ лововъ вертикальными и замыкающимися сѣтями: тѣ же самые пелагическіе организмы, которые свойственны глубокимъ водамъ тропиковъ, были отчасти найдены нами въ антарктическомъ морѣ. На поверхности замѣчается необыкновенно сильно сказывающееся различіе, тогда какъ на глубинѣ замѣчательное соотвѣтствіе!

Чтобы оцѣнить теперь правильнѣе происхожденіе холодныхъ поверхностныхъ слоевъ сравнительно небольшого удѣльнаго вѣса, будетъ не лишнимъ познакомиться со строеніемъ и процессомъ постепеннаго разложенія ледяныхъ горъ въ антарктическихъ водахъ.

На островѣ Буве граница вѣчнаго снѣга и ледниковъ совпадаетъ съ уровнемъ моря. Мы не можемъ указать ни одного другого острова, у котораго подъ столь низкой широтою наблюдалось бы такое значительное развитіе ледниковаго покрова. Въ этомъ ярко выражается вліяніе того холоднаго языка, который въ области острова Буве вдается здѣсь по направленію къ сѣверу. Прежніе мореплаватели не могли подойти къ острову, потому что онъ былъ совершенно окруженъ плавучимъ льдомъ,—намъ удалось найти его свободнымъ отъ льда, мы могли подойти ближе и опредѣлить, что на юго-восточномъ берегу его находится изломъ слабо наклоненнаго глетчера высотою въ 57—133 метра. Этотъ край его представляется вертикально опускающейся въ море ледяной стѣною, на которой вулканическія породы выдаются лишь тамъ, гдѣ берегъ совершенно отвѣсенъ. По обрывамъ ледяная стѣна поднимается на такую вышину, на какую ея поверхность находитъ себѣ опору въ почвѣ; на немногочисленныхъ впадинахъ долинъ массы льда вдвигаются съ вышины въ формѣ прорѣзанныхъ щелями глетчеровъ.

Эта ледяная стѣна, которою оканчивается слабо наклоненный глетчеръ, доходящій до края кратера, представляетъ изъ себя въ маломъ масштабѣ прототипъ тѣхъ гигантскихъ стѣнъ, которыя были найдены путешественниками по южно-полярнымъ странамъ на огромномъ протя-

Digitized by Google

женіи по краю антарктическаго континента. Общеизвѣстна огромная ледяная стѣна, найденная Россомъ въ южной части земли Викторіи. Онъ опредѣлялъ ея вышину въ 60 — 70 метровъ и могъ прослѣдить ее на большомъ протяженіи на востокъ отъ Маунтъ-Терроръ. Она образуетъ край того гигантскаго антарктическаго глетчера, который простирается по слабо наклоненному берегу и вдается далеко въ море. Промѣры Росса показали, что массы континентальнаго льда, выдвинутыя нерѣдко на нѣсколько морскихъ миль отъ края материка, не лежатъ уже болѣе на твердомъ грунтѣ, а вслѣдствіе своего незначительнаго удѣльнаго вѣса плаваютъ на водѣ. Вычисленіе показываетъ, что они приблизительно на $^6/_7$ своей вышины погружены въ воду и лишь $^1/_7$ выдается надъ поверхностью моря. Если бы, слѣдовательно, представить себѣ, что выдающіеся въ видѣ языковъ глетчеры земли Викторіи были бы обломлены на самомъ берегу, то вышина ихъ должна была бы достигать тамъ огромныхъ размѣровъ — 400—500 метровъ.

Различіе въ удѣльномъ вѣсѣ морской воды и континентальнаго льда обусловливаетъ, что лежащій приблизительно въ горизонтальной плоскости краевой выступъ глетчера образуетъ очень плоскій уголъ съ тѣми массами льда, которыя позади прилежатъ на слегка пологомъ материкѣ. Благодаря этому, происходятъ натяженія, которыя въ концѣ концовъ, вызываютъ разрывъ. Край глетчера отдѣляется и обращается въ плавучую столообразную ледяную гору. Происходитъ ли такой изломъ глетчера исключительно благодаря тому, что ледъ поднимается водою, или здѣсь играютъ роль еще какія-либо другія силы — это должно быть разрѣшено будущими изслѣдованіями. Россъ предполагалъ, что температурная разница между охлажденной верхней поверхностью выдающагося языка плавающаго глетчера и его болѣе нагрѣтой нижней поверхностью могутъ содѣйствовать отдѣленію ледяныхъ горъ и это предположеніе нельзя оставить безъ вниманія. Наши упомянутыя выше опредѣленія температуръ показываютъ, что на глубинѣ 300—400 метровъ имѣется температурный максимумъ въ $+ 1{,}7°$. Языки глетчера погружены до этой глубины и обмываются, слѣдовательно, водою, которая на 3° теплѣе воды поверхности. Имѣетъ ли такая разность, дѣйствительно, вліяніе на изломъ глетчера — предоставляю рѣшить физикамъ и океанографамъ.

Ледяныя горы распространяются постепенно изъ своего первоначальнаго очага образованія по очень обширному району антарктическихъ и субъантарктическихъ водъ и при случаѣ могутъ даже препятствовать судоходному сообщенію съ Австраліей. Такъ, съ 1894 до 1897 гг. замѣчалось сильное накопленіе льдовъ, начиная отъ мыса Горнъ и простираясь почти до мыса Доброй Надежды, а затѣмъ, заходя далѣе на востокъ, эти льды сильно мѣшали мореплавателямъ, направляющимся въ Австралію. Передъ нашимъ отправленіемъ на югъ мы не имѣли никакой возможности составить себѣ представленіе о томъ, каковы условія распространенія льдовъ въ антарктическомъ морѣ. Въ виду того, что намъ удалось достичь острова Бувэ, надо думать, что главнѣйшія массы льда продвинулись въ восточномъ направленіи и подверглись разложенію въ болѣе теплыхъ областяхъ моря. Лишь за 53° широты встрѣтили мы первыя ледяныя горы и позднѣе наблюдали ихъ все въ большемъ и большемъ количествѣ, по мѣрѣ того, какъ приближались къ границѣ льдовъ. Наши судовые офицера, стоявшіе на вахтѣ, вели перечень всѣмъ замѣчаемымъ на пути ледянымъ горамъ, и въ общей сложности было ихъ за все время отмѣчено 180,

Digitized by Google

за исключеніемъ того, можно сказать, безчисленнаго количества ледяныхъ горъ, которое было отмѣчено на самой южной достигнутой нами точкѣ 16-го и 17-го декабря.

Поражало быстрое исчезновеніе ледяныхъ горъ во время нашего пути отъ южной точки до Кергуэльскихъ острововъ. Послѣднюю ледяную гору мы увидали 19-го декабря, приблизительно на пересѣченіи 61° юж. шир. съ 61° вост. долг. Направляющееся отъ Кергуэльскихъ острововъ теплое теченіе, вѣроятно, отбиваетъ ледяныя горы къ югу и обусловливаетъ необыкновенное массовое скопленіе ихъ вблизи самаго мѣста ихъ происхожденія. Сходныя наблюденія были сдѣланы и экспедиціей «Чэлленжера», которая въ февралѣ 1874 года увидала первыя ледяныя горы, перейдя 60° южн. шир.

Что касается до формы антарктическихъ ледяныхъ горъ, то всѣмъ наблюдателямъ бросалось въ глаза, что вблизи своего мѣста возникновенія онѣ являются въ видѣ столообразныхъ гигантовъ довольно однообразнаго строенія (рис. 33). Состоятъ онѣ изъ глетчернаго льда

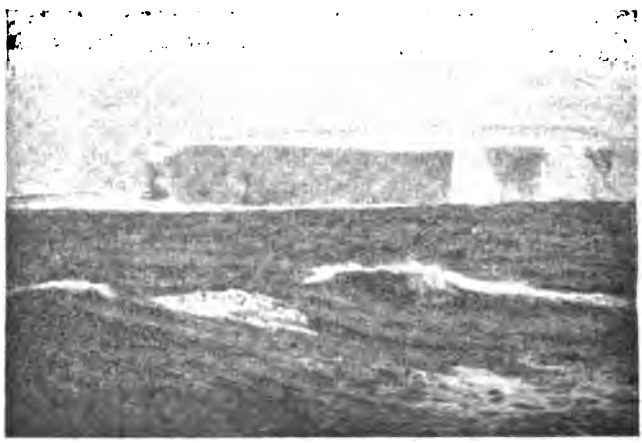


Рис. 33. Столообразная гора, замѣченная 19 декабря 1898 г.

и вычисленіе показываетъ, что изъ воды выдается лишь приблизительно $^1/_7$, тогда какъ не менѣе $^6/_7$ скрыто подъ водою. Мы пытались опредѣлить высоту горъ возможно точнѣе, причемъ разстояніе судна до горы опредѣляли путемъ наблюденія скорости звука, такъ какъ отъ горы отражается очень явственное эхо. Съ судна производился выстрѣлъ, затѣмъ опредѣлялся точно промежутокъ времени между звукомъ выстрѣла и эхомъ при помощи секундомѣра и въ то же время секстаномъ измѣрялась вышина горы. Очень простое вычисленіе давало затѣмъ вышину горы, и оказалось, что нѣкоторыя изъ видѣнныхъ нами ледяныхъ горъ достигали значительной вышины — до 60 метровъ; большинство, однако, было ниже и въ среднемъ имѣло около 30 метровъ въ вышину. Длина измѣренныхъ нами ледяныхъ горъ колебалась въ еще болѣе широкихъ предѣлахъ, чѣмъ вышина. Одна изъ наиболѣе длинныхъ горъ была встрѣчена нами 14-го декабря и имѣла 54 метра вышины при длинѣ 575 метровъ. Въ ночь съ 17-го на 18-е декабря мы видѣли огромнѣйшія горы, настоящіе ледяные острова, около земли Эндерби. Когда мы тогда выбрались изъ плавучаго льда,

Digitized by Google

мы оказались недалеко отъ ледяной горы, которую я первоначально принялъ за ледяную стѣну, выдвинутую впереди континента, позднѣе оказалось, однако, что это былъ ледяной островъ, длину котораго наши моряки опредѣляли въ 4—5 морскихъ миль. Такіе гигантскіе острова должны возникать на огромнѣйшихъ глетчерахъ, по которымъ массы снѣговъ съ постепенно опускающагося съ берегу материка приносятся къ морю. Ледяные острова такой огромной величины могутъ сохраняться цѣлыми лишь въ относительно хорошо защищенныхъ частяхъ

Рис. 34. Столообразная ледяная гора съ ясною полосатостью, замѣченная 4 декабря 1898 г.

моря. Между тѣмъ, нѣкоторые географы предполагаютъ, что земля Эндерби представляетъ изъ себя островъ, отдѣленный отъ антарктическаго материка,—если это такъ, то островъ этотъ долженъ быть, во всякомъ случаѣ, очень большимъ. Мнѣ же, на основаніи знакомства съ такими гигантскими ледяными горами, кажется болѣе вѣроятнымъ, что земля Эндерби является лишь выдающейся частью обширнаго антарктическаго материка.

Всѣ прежніе наблюдатели согласно указываютъ на характерную полосатость столообразныхъ ледяныхъ горъ, причемъ полосы въ большинствѣ случаевъ параллельны верхней площади. Полосатость эта обу-

Digitized by Google

словливается правильнымъ чередованіемъ голубыхъ и бѣлыхъ слоевъ глетчернаго льда, что и мы могли вполнѣ ясно замѣтить во многихъ случаяхъ (рис. 34). Разрушительная дѣятельность волнъ и снѣжныхъ бурь является затѣмъ причиною того, что ледяныя горы, далеко унесенныя отъ мѣста своего происхожденія, нерѣдко имѣютъ лишь крайне неясную слоистость или совершенно не обладаютъ ею. Часто на боковыхъ сторонахъ своихъ онѣ оказываются какъ бы обсахаренными нанесеннымъ снѣгомъ, и полосатость намѣчается тогда лишь на свѣжихъ поверхностяхъ излома Совершенно необыкновенной ясности наблюдалась полосатость на ледяной горѣ, которую мы встрѣтили 1-го декабря вблизи острова Бувэ: у нея чередовались слои кобальтово-синяго глетчернаго льда толщиною въ нѣсколько метровъ съ тонкими прослойками бѣлоснѣжнаго цвѣта.

Чтобы понять причину различной окраски отдѣльныхъ слоевъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе на структурѣ льда. Прежде общепринятымъ былъ взглядъ, что глетчерный ледъ отличается отъ льда, образуемаго замерзаніемъ воды, зернистой структурой,—именно, что онъ состоитъ изъ отдѣльныхъ зернышекъ, которыя первоначально произошли, вѣроятно, изъ снѣжныхъ кристалловъ. Новѣйшія изслѣдованія Эмдена доказали, однако, что эта зернистая структура свойственна всѣмъ видамъ льда, но выступаетъ явственно лишь тамъ, гдѣ ледяная масса подвергается на свободѣ дѣйствію умѣренно нагрѣтаго воздуха. Отдѣльныя зернышки имѣютъ чрезвычайно различные размѣры—наблюдаются всѣ переходы отъ величины съ булавочную головку и до орѣха. Мелкія зернышки увеличиваются тѣмъ, что вода, происходящая отъ таянія, просачивается въ болѣе глубокіе слои льда и, замерзая, отлагается на нихъ. При сильномъ давленіи, существующемъ въ глубокихъ слояхъ глетчера, зернышки спрессовываются, дѣлаются многогранными и превращаются въ кристаллы, которые по оптическимъ свойствамъ одноосны.

Изъ примѣсей, которыя обусловливаютъ окраску льда, важны прежде всего, по изслѣдованіямъ Дригальскаго, включенія воздуха,—они встрѣчаются не только между зернами, но нерѣдко и внутри зеренъ. Чѣмъ богаче зерна льда такими воздушными пузырьками, нерѣдко замѣтными лишь подъ микроскопомъ, тѣмъ бѣлѣе кажется вся ледяная масса. Если поверхность льда протачивается солнечными лучами, многочисленные воздушные каналы проникаютъ между зернышками и внутрь ихъ, и тогда ледъ положительно слѣпитъ своимъ бѣлымъ цвѣтомъ. Съ другой стороны зерно льда кажется совершенно голубымъ, когда воздухъ вытѣсненъ замерзшей водою,—чѣмъ менѣе воздушныхъ пузырьковъ во льду, тѣмъ интенсивнѣе его голубая окраска. Ясно, что на цвѣтъ льда вліяютъ также и другія примѣси, напримѣръ пыль и песокъ. Прежніе путешественники сообщаютъ о ледяныхъ горахъ въ антарктической области, которыя были покрыты мелкими обломками камня и казались грязно-коричневыми. Намъ такихъ ледяныхъ горъ не встрѣчалось, если не считать двухъ плавучихъ льдинъ, которыя были замѣчены на самой южной достигнутой нами точкѣ недалеко отъ земли Эндерби. Эти льдины были отчасти шоколаднаго цвѣта и, спустивъ лодку, мы добыли отъ нихъ куски льда, изслѣдованіе которыхъ показало, что цвѣтъ этотъ обусловливался примѣсью зернышекъ песка и кварца, расположенныхъ правильными параллельными слоями.

Что касается до происхожденія этихъ правильно чередующихся

Digitized by Google

слоевъ глетчернаго льда, то надо полагать, что это явленіе обусловливается, съ одной стороны, давленіемъ на ниже лежащіе слои покоящихся на нихъ массъ, съ другой—медленнымъ поступательнымъ движеніемъ глетчера. Какъ было доказано еще экспедиціей «Чэлленжера», болѣе глубокіе слои ледяной горы образованы преимущественно голубымъ льдомъ, между которымъ лежатъ слои бѣлаго льда значительно меньшей толщины. Наоборотъ, по направленію къ верхней поверхности горы увеличивается толщина бѣлыхъ слоевъ. Той же экспедиціей былъ произведенъ очень оригинальный опытъ, показывающій, что кобальтово-синій ледъ значительно болѣе хрупокъ, чѣмъ бѣлый: въ ледяную гору былъ произведенъ выстрѣлъ изъ пушки,—оказалось, что ядро, попавъ въ нижніе голубые слои горы около поверхности моря, откалывало отъ льда большіе куски, тогда какъ при попаданіи въ верхніе бѣлые слои—оно безпрепятственно проникало внутрь ледяной массы.

Вблизи поверхности воды болѣе мягкіе бѣлые слои растворяются сильнѣе, чѣмъ хрупкій голубой ледъ,—это особенно ясно было замѣтно на ледяной горѣ, которую мы встрѣтили въ туманѣ 4-го декабря.

Едва ледяная гора возникла, какъ она начинаетъ уже, подъ вліяніемъ различныхъ внѣшнихъ воздѣйствій, преобразовываться,—гигантскія массы льда эти, вѣсомъ во много милліоновъ тоннъ, подвергаются вліянію теплоты воздуха и воды и механическому воздѣйствію волненія. Какъ долго можетъ такой антарктическій колоссъ противостоять внѣшнимъ пагубнымъ для него вліяніямъ, трудно сказать за отсутствіемъ въ этомъ направленіи наблюденій, заслуживающихъ довѣрія. Какой бы періодъ времени онъ, однако, ни сохранялся, все же участь его предрѣшена еще при самомъ его рожденіи,—рано или поздно онъ долженъ растаять и подвергнется гибели тѣмъ скорѣе, чѣмъ ранѣе принесутъ его вѣтры и теченія въ болѣе теплыя области.

Важнѣйшую роль играетъ въ данномъ случаѣ механическая работа воды. Антарктическое море постоянно неспокойно настолько, что даже при кажущейся гладкой морской поверхности едва удается близко подойти на лодкѣ къ ледяной горѣ и высадиться на нее,—медленно, но непрерывно работаетъ прибой по бокамъ горы, если же вѣтеръ разыграется, то волны начинаютъ точить гору со всѣхъ сторонъ. Въ бурю мореплавателю представляется величественное зрѣлище: гигантскія волны обрушиваются на ледяного великана, стоящаго совершенно спокойно и непоколебимо,—ударяясь объ него, онѣ разбиваются въ мелкія брызги, бѣгутъ широкой полосой прибоя вдоль ледяной стѣны и обдаютъ ее бѣлою пѣной. Такое зрѣлище представилось намъ, когда мы отошли отъ земли Эндерби и при сильнѣйшемъ штормѣ съ востока повстрѣчали послѣднія на нашемъ пути ледяныя горы. Когда на нихъ набѣгали волны и начинали свою разрушительную работу, казалось, вдали была слышна сильнѣйшая канонада.

Прежде всего механическое дѣйствіе воды выражается въ томъ, что образуется на уровнѣ моря вокругъ всей горы выемка, какъ бы перехватъ. Пока ледяная гора находится еще въ холодной водѣ, температура поверхности которой ниже 0°, таяніе льда еще не можетъ происходить, но, благодаря механическому воздѣйствію, образовавшійся перехватъ углубляется все глубже и глубже и обусловливаетъ постепенное обламываніе ледяныхъ массъ, находящихся надъ нимъ. Навѣтренная сторона ледяной горы разрушается быстрѣе, чѣмъ противоположная,—потому происходитъ нѣкоторое перемѣщеніе центра тяжести и образовав-

Digitized by Google

шійся перехватъ становится виднѣе. Волны, поднимающіяся по краямъ горы, полируютъ ея стороны и дѣлаютъ ихъ совершенно гладкими. Даль-

Рис. 35. Ледяная гора съ восточной стороны (на выступѣ колонія пингвиновъ).

Digitized by Google

нѣйшее разложеніе облегчается тѣмъ, что возникаютъ небольшія продольныя трещины надъ поверхностью воды и образуютъ новыя мѣста, подвергающіяся разрушительному дѣйствію волнъ; трещины эти расширяются и превращаются, наконецъ, въ глубоко врѣзывающіяся пещеры, которыя иногда поддерживаются какъ бы готическими арками. Если вытянутая въ длину ледяная гора въ теченіе цѣлыхъ недѣль подвергается дѣйствію волнъ лишь съ одной своей широкой стороны, то можетъ случиться, что противоположная подвѣтренная сторона представляетъ изъ себя гладкую ледяную стѣну, тогда какъ навѣтренная уже сильно изрѣзана пещерами. Такую ледяную гору мы наблюдали 4-го декабря (рис. 35). На восточной сторонѣ своей она казалась состоящей изъ трехъ большихъ ледяныхъ горъ, тогда какъ на западной была совершенно гладкая. Если пещеры глубоко врѣ-

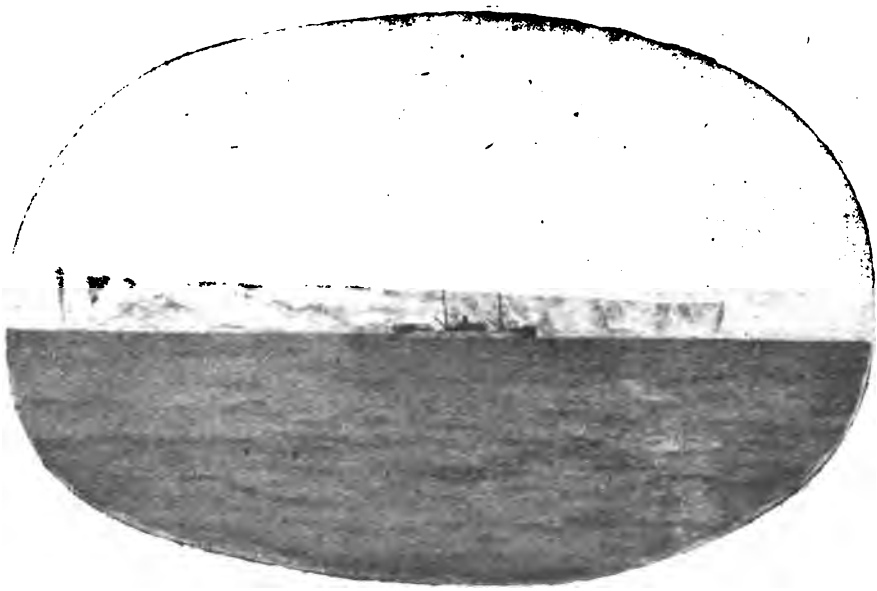


Рис. 36. «Вальдивія» передъ ледяной горой, 7 декабря 1898 г.

заются и отъ нихъ отходятъ трещины, простирающіяся до верхняго плато горы, то нерѣдко раздѣляемыя этими трещинами массы льда расходятся, нагибаются въ сторону и налегаютъ на сосѣднія. Въ такомъ случаѣ полосатость на сторонахъ горы образуетъ зигзаги. При дальнѣйшемъ разрушеніи ледяныя массы эти иногда обрываются и образуютъ тараны, которыми волны начинаютъ въ сильнѣйшей степени разрушать еще сохранившуюся часть ледяной стѣны. Такимъ способомъ нерѣдко уничтожается вся навѣтренная сторона ледяной горы—гора превращается въ открытый съ одной стороны амфитеатръ, образуемый сохранившеюся ледяною стѣной навѣтренной стороны. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое произвела на насъ одна изъ наиболѣе крупныхъ встрѣченныхъ нами горъ, попавшаяся на нашемъ пути 7-го декабря и замѣченная еще съ разстоянія 20 морскихъ миль (рис. 36). Приблизившись, мы спустили тогда лодку, чтобы снять ее вмѣстѣ съ нашимъ судномъ. Съ западной стороны, которая ранѣе открылась передъ нами, гора казалась столообразной, но когда мы, обходя ее,

Digitized by Google

подошли къ восточной сторонѣ, у каждаго вырвался невольный крикъ изумленія при видѣ величественнаго зрѣлища, открывшагося передъ нами. Гора производила впечатлѣніе гигантскаго амфитеатра, на стѣнахъ котораго голубой цвѣтъ перемѣшивался живописнѣйшимъ образомъ съ бѣлымъ,—арена, несомнѣнно, была грандіознѣйшей изъ всѣхъ когда-либо видѣнныхъ нами.

Ясно, что у такихъ ледяныхъ горъ, разрушенныхъ съ одной стороны, перемѣщается центръ тяжести. Онѣ наклоняются нѣсколько въ ту сторону, гдѣ сохранилась ледяная стѣна, а разрушенная часть поднимается все выше и выше изъ воды. Такія горы намъ попадались довольно часто. Онѣ состоятъ какъ бы изъ двухъ этажей (рис. 37)—изъ низкой площади съ очень неправильной поверхностью и изъ круто поднимающейся стѣны. Въ отчетахъ экспедиціи «Чэлленжера» также находится большое количество изображеній ледяныхъ горъ такой формы.

Рис. 37. Двуэтажная ледяная гора.

Наконецъ, можетъ случиться, что либо такая сохранившаяся стѣна, либо прямо вся гора разбивается глубоко врѣзывающимися и все болѣе и болѣе расширяющимися трещинами на многочисленные отдѣлы. Круто поднимающіяся вершины, которыя сидятъ въ такомъ случаѣ нерѣдко на массивѣ, совершенно покрытомъ водою, живо напоминаютъ фантастическія формы доломитовъ.

Ограничиваясь въ данномъ случаѣ изложеніемъ наблюденій лишь въ антарктической области, гдѣ температура поверхности воды ниже 0°, упомянемъ только вкратцѣ, что въ болѣе низкихъ широтахъ къ механическимъ воздѣйствіямъ воды присоединяется также таяніе подъ вліяніемъ теплоты воды. Въ высокихъ широтахъ вліяніе это не сказывается вовсе, однако въ лѣтніе мѣсяцы повышенная температура воздуха все же является и здѣсь до нѣкоторой степени дѣйствующей неблагопріятно на цѣлостность ледяныхъ массъ.

Когда температура поднимается выше 0° или когда она, наоборотъ, спускается нѣсколько ниже точки замерзанія, какъ это часто

Digitized by Google

происходитъ въ посѣщенной нами области, поверхностные слои ледяной горы оттаиваютъ или замерзаютъ. Вода, происходящая отъ таянія, просачивается въ щели и, расширяясь, при замерзаніи раскалываетъ ледъ, что влечетъ за собою сильное разрушеніе поверхности. Когда мы обходили упомянутую выше большую ледяную гору, отъ боковъ ея отдѣлялись огромные куски льда и съ грохотомъ, подобнымъ грохоту лавины, низвергающейся съ горъ, летѣли въ море. Точно такъ же находятъ обыкновенно навѣтренную сторону ледяной горы, окруженною многочисленными льдинами,—онѣ примѣшиваются къ плавучему льду, но легко отличимы отъ синевато-зеленаго морского льда по своему кобальтово-синему цвѣту. По твердости своей они являются особенно опасными для мореплавателя и съ давнихъ поръ ихъ стараются избѣжать всѣ путешествующіе въ южно-полярныхъ моряхъ. Что въ лѣтніе мѣсяцы и подъ высокими широтами происходитъ постоянное оттаиваніе и послѣдующее затѣмъ замерзаніе, объ этомъ свидѣтельствуютъ свѣшивающіяся нерѣдко съ краевъ ледяныхъ горъ огромныя ледяныя сосульки.

Такое же дѣйствіе, какъ нагрѣтый воздухъ, производятъ и солнечные лучи. Въ тѣхъ областяхъ, которыя были посѣщены нами, вліяніе ихъ сказывается относительно мало, такъ какъ небо постоянно затянуто,—въ южныхъ же широтахъ, гдѣ небо чаще проясняется, они вліяютъ значительнѣе. Россъ замѣтилъ на выступахъ гигантской ледяной стѣны земли Викторіи огромныя ледяныя сосульки, происхожденіе которыхъ при господствующихъ тамъ низкихъ лѣтнихъ температурахъ обусловливается, несомнѣнно, вліяніемъ солнечныхъ лучей.

Принимая во вниманіе огромную величину антарктическихъ ледяныхъ горъ, является вполнѣ понятнымъ, что образующаяся отъ таянія льда прѣсная вода собирается во многочисленныхъ впадинахъ и, наконецъ, соединяется въ ручейки, которые каскадами сбѣгаютъ въ море съ края верхняго плато горы. На ледяной горѣ, встрѣченной нами 7-го декабря, мы замѣтили множество водяныхъ потоковъ на низкой части плато, сбѣгавшихъ въ море, несмотря на то, что температура воздуха тогда была —1°. На слѣдующій же день температура около полудня была +0,4, такъ что вполнѣ понятно, какимъ образомъ при такихъ постоянныхъ колебаніяхъ температуры около 0° на ледяной горѣ образуется непрерывно текущій водяной потокъ.

Вода отъ таянія льда обусловливаетъ небольшое повышеніе поверхностной температуры воды моря вокругъ ледяной горы; она повышалась, какъ мы наблюдали, какъ въ тотъ же день, такъ и на слѣдующій, съ —0,6° до 0°.

Врядъ ли стоитъ указывать на то, какія опасности угрожаютъ мореплавателямъ со стороны ледяныхъ горъ. Подходить къ нимъ на сколько-нибудь близкое разстояніе положительно не рекомендуется,—нерѣдко достаточно уже, напримѣръ, выстрѣла, чтобы вызвать паденіе огромныхъ обломковъ льда, отдѣлившихся вслѣдствіе нарушенія того состоянія равновѣсія, въ которомъ они находились. Кромѣ того, въ этихъ областяхъ часто съ поразительной быстротою набѣгаетъ туманъ и укутываетъ все непроницаемой завѣсой,—мы бывали иногда принуждены останавливаться въ туманѣ, если передъ тѣмъ вдали наблюдались ледяныя горы. Если даже горизонтъ и былъ отъ нихъ свободенъ и затѣмъ набѣгалъ туманъ, то мы все-таки шли не полнымъ ходомъ и подавали постоянные свистки, чтобы вызвать эхо отъ ледяныхъ горъ, которыя могли попасться навстрѣчу. Одно обстоятельство, впро-

Digitized by Google

чемъ, открываетъ присутствіе ледяной горы даже и при густомъ туманѣ,—именно, въ непосредственной близости горы происходитъ, какъ это намъ неоднократно приходилось наблюдать, нѣкоторое прояснѣніе, обусловленное, очевидно, тѣмъ, что холодъ, испускаемый горою, вызываетъ замерзаніе и осѣданіе водяныхъ частицъ окружающаго воздуха.

Всѣ упомянутыя здѣсь вліянія воды и воздуха сказываются лишь на той части горы, которая выставляется надъ поверхностью моря. По нашимъ изслѣдованіямъ, однако, гораздо болѣе значительныя разрушенія происходятъ отъ того, что ледяная гора низомъ своимъ погружена въ слои воды, которые, по сравненію съ поверхностными слоями бываютъ теплѣе на 3°. Мы указывали уже выше, что на глубинѣ 300—400 метровъ, т.-е. на той глубинѣ, до которой хватаетъ самая выступающая часть ледяной горы, господствуетъ температура +1, 7°. Ясно, что здѣсь происходитъ постоянное и сильное таяніе льда, причемъ получающаяся вода, какъ обладающая болѣе легкимъ удѣльнымъ вѣсомъ, поднимается на поверхность и распредѣляется здѣсь по всей антарктической области относительно тонкимъ слоемъ. Это вліяніе теплой воды сказывается незамѣтно, но, несомнѣнно, по эффекту превосходитъ всѣ разрушенія, обусловливаемыя надъ поверхностью ударами волнъ и теплотою воздуха. При таяніи льда значительное количество теплоты отнимается отъ окружающихъ глубокихъ слоевъ воды и переходитъ въ скрытое состояніе.

Когда ледяная гора, подтаивая снизу и дѣлаясь постепенно легче, попадаетъ въ болѣе теплыя области, гдѣ процессъ таянія начинается и въ поверхностныхъ слояхъ, то можетъ случиться, что центръ тяжести ея совершенно перемѣщается, и гора переворачивается вверхъ основаніемъ. Мы не встрѣчали, впрочемъ, такого явленія ни разу въ той холодной области, въ которой работали.

Можно замѣтить, что на далекомъ разстояніи отъ мѣста своего происхожденія ледяныя горы встрѣчаются обыкновенно сильно разложившимися. Первыя ледяныя горы, замѣченныя нами по ту сторону 53° южн. шир. указывали на то, что онѣ, несомнѣнно, совершили уже далекое путешествіе. При всѣхъ подобныхъ заключеніяхъ необходима, однако, большая осторожность,—такъ, напримѣръ, еще 3 го и 4-го декабря, когда мы были въ области острова Бувэ, намъ попадались столообразныя ледяныя горы, которыя совершенно походили на горы встрѣченныя нами на самой южной достигнутой нами точкѣ. Ледяная гора, попавшаяся 3-го декабря подъ 56° 0′ южн. шир. и 16° 18′ вост. долг., была не только совершенно цѣльной, но и имѣла 59 метровъ въ вышину, такъ что являлась наиболѣе высокой изъ всѣхъ, измѣренныхъ нами.

Все предыдущее изложеніе не можетъ дать никакого понятія о томъ поразительномъ великолѣпіи, которое представляютъ антарктическіе ледяные колоссы. Ни одинъ художникъ не въ состояніи передать тѣхъ замѣчательныхъ полутоновъ голубого и синяго цвѣта, которые поражаютъ зрителя, смотрящаго на ледяную гору вблизи. Какъ бы легкая дымка окутываетъ всю ледяную массу, то тамъ, то здѣсь слѣпятъ бѣлоснѣжныя поверхности, тогда какъ трещины, гроты и ступени амфитеатровъ выдѣляются своимъ темнымъ кобальтово-синимъ цвѣтомъ. Вода, окружающая ледяную гору, принимаетъ цвѣтъ мѣднаго купороса и рѣзко выдѣляется на морѣ, которое изъ за затянутаго неба кажется постоянно сѣрымъ. Причудливыя формы разлагающихся ледяныхъ горъ даютъ вволю разыграться фантазіи,—въ нихъ видишь то укрѣпленія съ

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google